ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Наука и Жизнь,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУКИ, ИСКУССТВА и ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

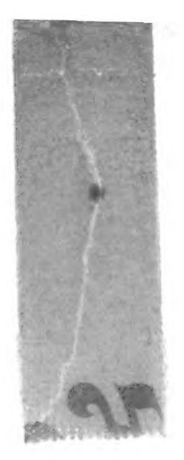
Ф. С. ГРУЗДЕВА.

Томъ III.

(Сентябрь—Декабрь).

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1904.



Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 18 Декабря 1904 г.

Содержаніе III тома

(Сентябрь—Декабрь).

Отд. I. Научно-популярный.

Отд. II. Очерки, разсказы, повѣсти и пр.

Отд. III. Стихотворенія.

Отд. IV.

Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Отд. VIII.

Отд. IX.

(Окончаніе).

VIII.

Олэ-Люпрюнъ настаиваетъ на необходимости добродѣтели и нравственнаго закона, не вѣря въ естественныя добрыя склонности людей.

Онъ говоритъ: „Тотъ, кто видитъ въ человѣческой нравственности лишь выраженіе естественныхъ наклонностей, ровно ничего въ ней не понимаетъ. Для того, чтобы поступать нравственно, еще не достаточно слѣдовать своимъ наклонностямъ и, такъ сказать, открывать шлюзы своей природы. Напротивъ, необходимо сдерживать себя и ограничивать. Даже въ томъ случаѣ, когда нравственный поступокъ соотвѣтствуетъ природной наклонности, все таки не въ этомъ соотвѣтствіи заключается его нравственное достоинство". Дальше развиваются доказательства этого положенія. Я остановился на г. Олэ-Ляпрюнѣ вовсе не затѣмъ, чтобы съ нимъ полемизировать. Еще меньше я хочу нанизывать на свой текстъ выписки изъ разныхъ книгъ, трактующихъ о морали. Эти книги напечатаны и каждый интересующійся можетъ, конечно, самъ ихъ прочесть и съ пользою надъ ними поразмыслить.

Я хотѣлъ бы только указать на образецъ современныхъ этическихъ размышленій. Непремѣнно имъ нужно изъ нравственности создать какого то фетиша и обставить человѣчество различными пугалами, окутанными въ туманы возвышенныхъ словъ. Иные, впрочемъ, ученые составители „этики" мужественнѣе относятся къ своему предмету. Такъ, Гефдингъ прямо заявляетъ: „не человѣкъ для этики, а этика для человѣка". Если человѣкъ поступаетъ хорошо, то и слава Богу, почему бы онъ такъ не поступилъ, по природ-

ной ли склонности или изъ уваженія къ нравственному закону или еще по какой либо иной причинѣ.

Нельзя требовать отъ людей, чтобы мотивировка ихъ поступковъ была тождественна. Мы можемъ желать лишь такого поведенія, отъ котораго ни самъ дѣйствующій человѣкъ, ни другіе люди не терпѣли бы безсмысленнаго вреда. Все, чего можно желать, это—чтобы человѣкъ, развивая свой умъ, не забывалъ просвѣтлять свое чувство, просвѣтлять свою совѣсть и укрѣплять свою волю. Я не столько надѣюсь на формулы нравственности, сколько на общее, всестороннее воспитаніе и образованіе человѣка. Пути для подобнаго воспитанія, конечно, очень разнообразны. Религіозное благочестіе, прививаемое любой изъ религій, навѣрно займетъ среди этихъ путей не послѣднее мѣсто.

IX.

Книга, конечно, вещь хорошая: она приноситъ намъ знаніе чужихъ размышленій, возбуждаетъ хорошія настроенія и проч. Но все таки каждую книгу не мѣшаетъ сопоставить съ окружающей насъ жизнью, съ нашимъ собственнымъ самочувствіемъ и наблюденіемъ. Книгъ слишкомъ много. Какъ ни почтенна сама по себѣ любознательность, но надо, чтобы между читаемой нами книгой и нашей жизнью было бы извѣстное взаимодѣйствіе, чтобы эта книга была необходима намъ хоть до извѣстной степени. И все таки она не можетъ замѣнить для насъ собственнаго нашего размышленія, крѣпости личнаго опыта.

Всякія теоріи холодно скользятъ по поверхности сознанія современнаго человѣка. Надо нѣчто, задѣвающее его жизненные интересы. Надо, чтобы „хорошее поведеніе" сдѣлалось жизненнымъ интересомъ самого человѣка, его стремленіемъ, чтобы боязнь дурныхъ поступковъ была бы въ немъ также сильна, какъ боязнь заболѣть физическимъ недугомъ. А какъ это сдѣлать? Ищите путей, воспитывайте себя и другихъ. А если человѣкъ не хочетъ себя воспитывать? Если ему больше по нраву подъ шумокъ удовлетворить всѣ свои страсти? Ну, чтожъ мы съ нимъ будемъ дѣлать? Посадимъ его въ тюрьму. Вѣдь, вотъ Рибо въ своей психологіи приводитъ примѣры, какъ собственная нечувствительность къ боли нѣкоторыхъ преступниковъ объясняла ихъ жестокость къ другимъ, и также признаніе одного сына, который, потерявъ вслѣдствіе болѣзни яркость зрительныхъ ощущеній, сталъ менѣе нѣженъ къ своей матери, не будучи въ состояніи ясно представить себѣ ее.

Глупость есть также природный недостатокъ. Однако, она похвальнымъ качествомъ не считается. Точно также и негодяйство, и подлость, хотя бы они были и слѣдствіемъ природныхъ недостатковъ, отъ этого не станутъ менѣе предосудительными. Есть даже люди, которымъ мучить другихъ доставляетъ наслажденіе. Быть можетъ, это пережитки прежнихъ типовъ человѣческой эволюціи, своего рода атавизмъ, а можетъ быть даже извѣстная доля жестокости является неминуемымъ спутникомъ крѣпкаго организма. Тѣмъ не менѣе человѣчество упорно борется съ жестокостью, и лишь въ послѣднее время Нитцше возвысилъ за нее свой голосъ, говоря, что люди стали чувствительно милосердны вслѣдствіе собственной душевной слабости. Примѣръ Рибо даетъ нѣкоторую опору подобному воззрѣнію.

И такъ, человѣческой природѣ вполнѣ довѣриться мы не можемъ. Благоразумно ли въ такомъ случаѣ отказываться отъ такого могучаго средства укрощенія человѣческой природы, какъ откровенная религія, стращающая за каждое отступленіе отъ нравственныхъ правилъ—муками ада? И люди все таки грѣшатъ

и дѣлаютъ преступленія, даже вѣрящіе въ адъ, а потомъ каются. И, наконецъ, мы никому не мѣшаемъ итти тѣмъ путемъ, въ который онъ вѣритъ. Принудить себя къ вѣрѣ человѣкъ не всегда можетъ. Я ищу для поведенія основаній, согласныхъ съ принципами той вѣры, которая, чуждаясь фанатизма и предразсудковъ, считаетъ человѣка и человѣчество интуитивною частью всего бытія міра міровъ или природы въ ея цѣломъ. Можетъ быть слово „принципъ" тутъ даже не совсѣмъ вѣрно. Подъ принципомъ мы подразумѣваемъ все таки нѣчто такое, что можетъ быть добровольно нами принято, а также и оставлено. А тутъ идетъ рѣчь о роковыхъ послѣдствіяхъ современнаго развитія человѣчества. Считаю не безъинтереснымъ нѣсколько остановиться по этому поводу на обвинительной рѣчи, произнесенной надъ нашей современностью г. Астафьевымъ въ его книгѣ „О духѣ времени".

X.

Жизнь на самомъ дѣлѣ труднѣе самыхъ пламенныхъ филиппикъ противъ нея. Всѣ эти толки объ извращенности человѣческой природы—недомысліе. А развѣ идеалы правды, добра и прекраснаго выставила не та же человѣческая природа?

Есть люди и люди и, наконецъ, разныя душевныя настроенія даже однихъ и тѣхъ же людей.

Г. Астафьевъ съ пламеннымъ негодованіемъ пророка и почти въ стилѣ библейскихъ пророковъ описываетъ „грѣхи міра сего", находя ихъ особое множество въ настоящее время и объясняя ихъ растущимъ атеизмомъ.

Первый грѣхъ это „извращеніе нравственнаго чувства". „Если жизнь человѣка кончится со смертью тѣла, если удѣлъ человѣка есть лишь его настоящая земная жизнь, *если жизнь эта чисто физическая* (курсивъ мой), то цѣлью ея, очевидно, должно быть пріобрѣтеніе возможно большаго количества земныхъ благъ, физическихъ наслажденій. Когда у человѣка отняли небо, онъ требуетъ себѣ землю. При такихъ условіяхъ, когда мѣриломъ добра и зла стала физическая потребность вмѣсто духовной идеи, понятіе о морали, о томъ, что слѣдуетъ почитать нравственнымъ или безнравственнымъ, должны были бы естественно измѣниться. Добромъ стало то, что мнѣ выгодно, полезно, удобно, пріятно, что доставляетъ мнѣ чувственное наслажденіе (почему же только чувственное? Столько же и идейное и эстетическое, даже этическое. Все дѣло въ степени и высотѣ всякаго развитія человѣка); а все тому противоположное есть зло, есть безнравственно".

Попытка построенія утилитарной морали находитъ свою критику не только въ восклицательныхъ знакахъ.

Такъ, напр., Гюйо замѣчаетъ:

„Основнымъ недостаткомъ утилитарной школы слѣдуетъ считать то, что въ человѣческой дѣятельности она видѣла лишь стремленіе къ удовольствію, а въ самомъ удовольствіи наименѣе существенную форму его.

Есть два рода удовольствія: одинъ соотвѣтствуетъ особому и временному виду активности, таково удовольствіе отъ ѣды или питанія; другой связанъ съ самой сущностью активности, таково удовольствіе вслѣдствіе проявленія жизненности, воли, мысли.

Первый родъ удовольствія чисто чувственный; второй, болѣе независимый отъ внѣшнихъ объектовъ, вполнѣ совпадаетъ съ сознательностью самой жизни.

Утилитаристы видѣли исключительно первый родъ удовольствія.

Но люди не всегда совершаютъ поступки, ради *опредѣленнаго удовольствія,* внѣшняго самому поступку; дѣйствуютъ также ради удо-

вольствія быть активнымъ, живутъ, чтобы жить, мыслятъ, чтобы мыслить *). Другими словами, Гюйо указываетъ на несомнѣнную потребность человѣческой природы развиваться во всю мощь имѣющихся въ ней силъ, которыя въ равной мѣрѣ обнимаютъ область духовныхъ явленій, а не только чисто физическихъ. Меня поправятъ и скажутъ „душевныхъ". Нѣтъ, потому что они касаются столь же запросовъ нашей собственной души въ ея интимныхъ проявленіяхъ, сколько и запросовъ той же души иного порядка, опредѣляющихъ наше отношеніе къ міру, къ другимъ людямъ, къ явленіямъ прекраснаго, добраго, справедливаго и проч., т. е. ко всей той области, которую мы обозначаемъ словомъ „духовный".

Вторымъ грѣхомъ нашего времени г. Астафьевъ считаетъ *погоню за наживой*. Приведу въ подтвержденіе этой погони недавно сообщенный въ газетахъ фактъ, какъ одинъ бывшій слѣдователь и адвокатъ, издатель распространеннаго календаря, человѣкъ вполнѣ интеллигентный, выкралъ, со взломомъ, цѣнности изъ несгораемаго сундука въ квартирѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, поручившихъ ее его попеченію, и для того, чтобы скрыть слѣды, задумалъ поджечь домъ посредствомъ особой адской машины. Это почище приводимой г. Астафьевымъ фальсификаціи.

Третій грѣхъ: *порнографія*.

Да только ли порнографія?

А извѣстный процессъ берлинскаго банкира, любившаго удовлетворять свою страсть подростками?! Въ любой психопатологіи найдется масса фактовъ извращеннаго полового чувства. Но тутъ идетъ рѣчь о явной душевной болѣзни, которая столь же можетъ появиться у человѣка религіознаго, какъ и у атеиста.

Четвертый: *Реабилитація страсти и психопатизмъ*. „Оправданіе преступленія, совершеннаго подъ вліяніемъ „аффекта", какъ принято теперь говорить, опять есть порожденіе того же матеріалистическаго воззрѣнія на человѣка, поучаетъ г. Астафьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ весь матеріаленъ, если онъ дѣйствуетъ лишь подъ вліяніемъ „рефлексовъ" и совершаетъ такимъ образомъ то или другое дѣяніе лишь по необходимости, подъ вліяніемъ „аффекта", которому противиться не можетъ, потому, что выше матеріи у него ничего нѣтъ, то какъ же ставить ему въ вину совершенное имъ преступное дѣяніе?! Эта теорія, развиваемая краснорѣчивыми адвокатами, торжествовала у насъ на судѣ въ цѣломъ рядѣ уголовныхъ процессовъ".

И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ душевной болѣзнью.

Изъ этого признанія не слѣдуетъ, конечно, чтобы общество не должно было съ нею бороться. Если религія можетъ помочь, прививайте религію. Но, помимо нея, надо укрѣплять и тѣло и душу человѣка, укрѣплять его всего.

5) *Самоубійства и умопомѣшательства*. „И по какимъ пустымъ иногда мотивамъ, замѣчаетъ г. Астафьевъ, лишаютъ себя жизни. Жена богатаго миланскаго фабриканта Т-чи заказала себѣ бальное платье, которое должно было быть сдѣлано изъ однѣхъ лентъ, сшитыхъ такимъ образомъ, чтобы они напоминали собой броню рака. Когда костюмъ наполовину уже былъ готовъ, портниха заявила, что на поясъ не хватаетъ аршина этихъ лентъ, и просила позволенія для этого употребить другую матерію. Но заказчица сама отправилась по магазинамъ отыскивать недостающаго аршина лентъ, и не найдя, съ досады утопила себя. Бросаясь въ воду, она завязала себѣ глаза образчикомъ той самой матеріи, котораго не хватило для ея своеобразнаго костюма". Но вѣдь надо доказать, г. Астафьевъ,

---

*) Гюйо, „Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности".

что она не была религіозна. Напротивъ, насколько извѣстно, всѣ итальянки очень религіозны. Весь вопросъ въ характерѣ подобной религіозности, въ томъ, что и религія самая пламенная не мѣшаетъ проявляться человѣческимъ страстямъ во всѣ эпохи и въ наше время примѣровъ не мало. Здѣсь вѣрнѣе, какъ это дѣлаетъ Достоевскій и подчеркиваетъ г. Розановъ (въ разборѣ легенды о великомъ инквизиторѣ) упирать на ирраціональность человѣческой природы, проще—на непредвидимую нелѣпость многихъ проявленій человѣческихъ страстей.

Къ грѣхамъ нашего времени относитъ г. Астафьевъ (6) и *эмансипацію женщинъ*, затѣмъ (7) *непочтительность къ старшимъ*, наконецъ (8) *соціализмъ*. „Нравственнымъ дѣйствіемъ почитается не доброе, а полезное. Все позволено для достиженія цѣли ихъ партіи. (А для религіозной секты іезуитовъ“?).

„Партизановъ соціализма одушевляетъ картина постепеннаго прогресса, цивилизаціи въ будущемъ, стремленіе улучшить свое матеріальное благосостояніе, вѣра въ возвышенную экономическую и политическую миссію четвертаго сословія и сознаніе призванія къ международному братству всѣхъ народовъ,—идея, осуществимая лишь въ жизни будущаго вѣка, среди существъ безгрѣшныхъ“. А потому, надо думать, по мнѣнію г. Астафьева задаваться подобной идеей здѣсь на землѣ—кощунственно.

9) *Анархизмъ*. По этому поводу г. Астафьевъ приводитъ слова Жюля Симона, сказанныя въ концѣ 1893 г. послѣ покушенія въ Барцелонѣ: „Если бы правительства были мудры, то они заключили бы между собою миръ, чтобы общими силами бороться съ анархизмомъ. А ежели бы они были еще мудрѣе, то призвали бы *Божію помощь*, безъ которой нѣтъ моральныхъ завоеваній“.

10) *Оппортунизмъ*. Это уже область правительственныхъ грѣховъ, по мнѣнію г. Астафьева, хотя оппортунистомъ можетъ считаться всякій примѣняющійся къ обстоятельствамъ человѣкъ. „Есть правительственный матеріализмъ,—говоритъ г. Астафьевъ, это такъ называемый „оппортунизмъ“ (отъ латинскаго слова opportunitas—удобный моментъ, чтобы пріобрѣсти себѣ выгоду). Оппортунизмъ есть такая правительственная политика, которая не задается никакими возвышенными цѣлями, напр., честь отечества, благо слѣдующихъ поколѣній, но ищетъ лишь того, что матеріально выгоднѣе въ данный моментъ“.

11) *Безсознательные продукты матеріализма*. Мода, старающаяся вызвать чувственность, кощунственныя кражи и проч.

Послѣдній аккордъ „вырожденіе“. На эту послѣднюю тему мы имѣемъ болѣе крупное и талантливо-остроумное сочиненіе Макса Нордау, который просто констатируетъ факты, куда валитъ и наше Толстовство, и Вагнеризмъ, и проч.

Нисходящими ступенями къ безбожію въ XIX столѣтіи г. Астафьевъ считаетъ: 1) раціонализмъ (вольтеріанство), 2) сентиментализмъ и романтизмъ, 3) позитивизмъ или реализмъ, 4) матеріализмъ, 5) атеизмъ (открытое безбожіе). „Къ подобнымъ же проявленіямъ матеріалистическаго духа времени, — продолжаетъ г. Астафьевъ,—слѣдуетъ отнести употребленіе въ пищу или, какъ лѣкарство, крови животныхъ, вопреки запрещенію Божію:—„все движущееся, что живетъ, будетъ вамъ въ пищу.., только плоти съ *душею ея*, съ кровью ея, не ѣшьте“.

На этомъ великолѣпномъ изреченіи мы и покинемъ почтеннаго профессора всемірной исторіи филологическаго института.

XI.

Гораздо сжатѣе и цѣльнѣе обвиненіе, брошенное нашему времени В. В. Розановымъ. „Мы всѣ грустные

свидѣтели возстанія всего земного, тяготѣющаго долу въ человѣкѣ, противъ всего небеснаго въ немъ, что устремляется вверхъ. Нужда, гнетущее горе, боль несогрѣтыхъ членовъ и голоднаго желудка заглушитъ искру божественнаго въ человѣческой душѣ, и онъ отвернется отъ всего святого и преклонится, какъ передъ новою святыней, передъ грубымъ и даже низкимъ, но кормящимъ и согрѣвающимъ. Онъ осмѣетъ, какъ ненужныхъ людей, своихъ прежнихъ праведниковъ и преклонится передъ новыми правед никами, станетъ составлять изъ нихъ новые календари святыхъ и чтить день ихъ рожденія, какъ „благодѣтелей человѣчества". Уже Ог. Контъ на мѣсто христіанства, которое онъ считалъ отжившею религіей, пытался изобрѣсти нѣкоторое подобіе новаго религіознаго культа съ празднествами и чествованіемъ памяти великихъ людей, и культъ служенія человѣчеству все сильнѣе и сильнѣе распространяется въ наше время, по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ служеніе Богу. Человѣчество обоготворяетъ себя, оно прислушивается теперь только къ своимъ страданіямъ и утомленными глазами ищетъ кругомъ, кто бы утолилъ ихъ, утишилъ или, по крайней мѣрѣ, заглушилъ. Робкое и дрожащее, оно готово кинуться за всякимъ, кто что нибудь для него сдѣлаетъ, готово благоговѣйно преклониться передъ тѣмъ, кто удачною машиною облегчитъ его трудъ, новымъ составомъ удобритъ его поля, хотя бы путемъ вѣчной отравы заглушитъ его временную боль. И смятенное, страдающее—оно точно утратило смыслъ цѣлаго, какъ будто не видитъ, за подробностями жизни своей, главнаго и чудовищнаго зла, со всѣхъ сторонъ на нее надвигающагося: что чѣмъ болѣе пытается человѣкъ побороть свое страданіе, тѣмъ сильнѣе оно возрастаетъ и всеобъемлюще становится, и люди уже гибнутъ не единицами, не тысячами, но милліонами и народами, все быстрѣе, и все неудержимѣе, забывъ Бога и проклиная себя".

Я бы назвалъ подобныя проповѣди простымъ ханжествомъ, еслибы въ нихъ не слышалась боль любви къ человѣчеству. Но, къ сожалѣнію, отъ подобной растерявшейся передъ многообразіемъ современныхъ событій любви—врядъ ли человѣчеству станетъ легче.

„Знаніе кормящее, но уже не просвѣщающее человѣка, великій промѣнъ духовныхъ даровъ на вещественные дары, чистой совѣсти на сытое брюхо"..

„Съ заботою объ „единомъ хлѣбѣ" закроются алтари, исчезнетъ великая устрояющая сила, и люди вновь примутся за возведеніе зданія на пескѣ, за построеніе своими силами и своею мудростью Вавилонской башни своей жизни".

Право, такъ и хочется воскликнуть: чего же хотятъ эти кликуши? Кто же, какъ не само человѣчество строило до сихъ поръ свою жизнь? Не всегда, правда, сознательно, потому что вообще до сего времени сознаніе не разливалось въ ширь, а въ лучшемъ случаѣ, какъ въ древнихъ цивилизаціяхъ, такъ еще и теперь, было сосредоточено въ разнаго рода кастахъ—жрецовъ, ученыхъ и проч.

Тотъ же великій инквизиторъ легенды Достоевскаго настаиваетъ на необходимости держать толпу въ повиновеніи посредствомъ лжи, чудесъ, тайны и авторитета. Не идти же человѣчеству за подобными инквизиторами!

Молитесь у вашихъ алтарей такъ, какъ подсказываетъ ваше сердце, о томъ, чего вы хотите, но не забывайте, что безъ труда—жизни строить нельзя. Почему вамъ не нравится наука, кормящая и чѣмъ она мѣшаетъ наукѣ просвѣщающей? Обѣ науки одинаково необходимы для жизни. Человѣкъ хочетъ прежде всего быть сытымъ. И это вполнѣ законное желаніе. Если и есть въ

жизни человѣка особые моменты, когда онъ можетъ изъ-за душевнаго голода позабыть голодъ физическій, то нельзя все же возводить этихъ моментовъ въ принципъ всей жизни. Не думать о своемъ брюхѣ это значитъ или умереть отъ голода, или заставить о немъ думать другихъ.

Всѣ толки объ особомъ упадкѣ нравственности въ наше время мнѣ кажутся своего рода исторической аберраціей; просто легко позабыты историческіе факты, которые при томъ и не собирались съ такой тщательностью, какъ факты нашей современной жизни.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ газетахъ находятъ себѣ мѣсто лишь выдающіеся и по большей части отрицательные факты, что также не можетъ не искажать перспективы современной дѣйствительности. Не говоря уже о выводѣ Бокля о крайней медленности нравственнаго прогресса, мы можемъ сами убѣдиться, какъ одни и тѣ же заповѣди нравственности иначе понимаются и иначе вліяютъ въ разное время. Во всякомъ случаѣ пониманіе ихъ утончается. Если же поведеніе и отстаетъ отъ нашего пониманія, то это показываетъ лишь слабую сторону нашего развитія и воспитанія, на которую и слѣдуетъ обратить вниманіе.

XII.

Гораздо цѣннѣе указаніе Достоевскаго, подчеркиваемое В. В. Розановымъ, на ирраціональность человѣческой природы, мѣшающую выводамъ какихъ бы то ни было формулъ поведенія на раціональныхъ началахъ.

„... Человѣкъ несетъ въ себѣ, въ скрытомъ состояніи, сложный міръ задатковъ, ростковъ, еще не обнаруженныхъ, и обнаруженіе ихъ составитъ его будущую исторію столь же непреодолимо, какъ уже теперь дѣйствительно присутствіе этихъ задатковъ въ немъ". (Явный детерминизмъ, отрицающій при томъ всякую свободу воли. Все такъ непреодолимо вытекаетъ изъ первоначальныхъ задатковъ. Какъ думаетъ объ этомъ В. В. Розановъ?).

„Поэтому предопредѣленіе нашимъ разумомъ исторіи и вѣнца ея всегда останется только наборомъ словъ, не имѣщихъ значенія".

„Между этими задатками, насколько они обнаружились уже въ совершившейся исторіи, есть столько непостижимо страннаго, что нельзя найти никакой разумной формулы для удовлетворенія человѣческой природы".

„Счастье не составитъ ли принципа для построенія этой формулы? А развѣ человѣкъ не стремится иногда къ страданію? Развѣ есть наслажденія, за которыя Гамлетъ отдалъ бы муки своего сознанія?"

Порядокъ и планомѣрность не составятъ ли общихъ чертъ всякаго окончательнаго устраненія человѣческихъ отношеній"?

„А развѣ мы не столь же любимъ иногда хаосъ, разрушеніе, безпорядокъ, какъ любимъ, вообще, правильность и созиданіе? Развѣ можно найти человѣка, который дѣлалъ бы въ теченіе всей своей жизни только хорошее и должное"? „И развѣ не испытываетъ онъ, долго ограничивая себя этимъ—страннаго утомленія и не переходитъ, хоть на короткое время, къ хаосу и безпорядочности поступковъ?"

„Наконецъ, не исчезнетъ ли для человѣка всякое счастье, когда для него исчезнетъ ощущеніе новизны, все неожиданное, все прихотливо измѣнчивое, согласуя съ чѣмъ теперь свой жизненный путь, онъ испытываетъ много огорченій, но и сколько радостей? Однообразіе для всѣхъ не противорѣчитъ ли коренному началу человѣческой природы—индивидуальности, а предопредѣленность всего предстоящаго —

его свободной волѣ, жаждѣ выбрать то или иное по своему, иногда вопреки внѣшнему, хотя и разумному, опредѣленію? А безъ свободы и безъ личности будетъ ли счастливъ человѣкъ? Безъ всего этого, при вѣковомъ отсутствіи новизны, не проснутся ли съ неудержимою жаждою въ человѣкѣ его инстинкты, которые разобьютъ твердость всякой формулы: не захочетъ ли онъ страданія, разрушенія, крови, всего, но не того же, къ чему на вѣчность обрекла его формула, подобно тому, какъ слишкомъ долго заключенный въ свѣтлой и теплой комнатѣ изрѣжетъ руки о стекла и выйдетъ неодѣтый на холодъ, лишь-бы только не оставаться еще среди прежняго? Развѣ не это ощущеніе душевнаго утомленія кидало Сенеку въ интриги и преступленія, и развѣ не заставляло оно Клеопатру втыкать золотыя булавки въ груди черныхъ невольницъ, жадно смотря имъ въ въ лицо, на эти дрожащія и улыбающіяся губы, въ эти испуганные глаза? Наконецъ, неподвижное обладаніе достигнутымъ идеаломъ удовлетворитъ ли человѣка, для котораго желать, стремиться, достигать — составляетъ непреодолимую потребность? И развѣ разсудочность исчерпываетъ, вообще, человѣческую природу?"

„А, очевидно, она одна можетъ быть придана окончательной формулѣ самимъ ея творцомъ, разумомъ".

„Человѣкъ, въ цѣльности своей природы, есть существо ирраціональное; поэтому какъ полное его объясненіе недоступно для разума, такъ недостижимо для него его удовлетвореніе. Какъ бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроетъ всей дѣйствительности, будетъ отвѣчать мнимому человѣку, а не дѣйствительному".

Въ человѣкѣ скрытъ *актъ творчества*, и онъ-то именно привлекъ въ него жизнь, наградилъ его страданіями и радостями, ни понять, ни передѣлать которыхъ не дано разуму *).

Вотъ гдѣ зарыта собака. Актъ творчества скрытъ въ самомъ человѣкѣ, всѣ формулы годятся для мнимаго человѣка, а не живого. Вся ирраціональность человѣческой природы изображена съ возможной полнотой. Но врядъ ли можно сказать, что разобраться въ этой ирраціональности не по силамъ разуму. Въ этой области работаютъ двѣ науки— Психологія и Психіатрія или Психопатологія. Здоровыя и болѣзненныя движенія человѣческой души изучены съ достаточной подробностью. Первый выводъ, что нравственное чувство является потребностью душевно здороваго человѣка. Это чувство не покрываетъ всѣхъ остальныхъ чувствъ, но оно несомнѣнно существуетъ, входя съ ними въ разнаго рода конфликты и сочетанія. Что чувство это требуетъ и воспитанія, и просвѣщенія въ своихъ идейныхъ проявленіяхъ, съ особой убѣдительностью показываетъ, между прочимъ, Гефдингъ, въ своей психологіи: „Безпристрастное познаніе расчищаетъ путь самой широкой симпатіи, хотя оно и не можетъ произвести ее. Наконецъ, развитіе познанія получаетъ значеніе также для формы и средства удовлетворенія симпатіи".

Но я боюсь, уйдя въ ученые выводы, снова потерять изъ виду живого человѣка съ его пестрымъ самочувствіемъ, а также наше особое время. Вокругъ насъ такъ много интеллигентныхъ негодяевъ, и сами мы такъ часто совершаемъ вольныя и невольныя негодяйства, что останавливаешься въ недоумѣніи, при чемъ же тутъ интеллигентность, когда человѣкъ отъ этого не дѣлается нравственнѣе. Быть можетъ, онъ дѣлается снисходительнѣе къ слабостямъ другихъ? Какъ и къ своимъ собственнымъ! Рука руку моетъ.

---

*) В. В. Розановъ. „Легенда о великомъ инквизиторѣ".

Одинъ молодой человѣкъ, тщетно барахтающійся въ жизни, гонясь, даже не всегда за наслажденіями, а просто за какою то показной внѣшностью, запутался до того, что сталъ, какъ онъ самъ выразился, балансировать на границѣ уголовной и гражданской отвѣтственности. Почему же такъ случилось? Воспитаніе виновато. Домострой нуженъ. Слабъ человѣкъ, а соблазны жизни велики. Пока онъ раскуситъ, что только по виду эти соблазны легко достижимы, глядь, ужъ обстоятельства сложились для него самымъ неблагопріятнымъ образомъ, выбили почву изъ-подъ ногъ, и онъ оказался балансиромъ на сомнительномъ канатѣ.

Въ подобномъ положеніи я встрѣчалъ не только интеллигентовъ-атеистовъ, но и глубоко вѣрующихъ, даже суевѣрныхъ. Да и сами атеисты въ тяжелую минуту не выдерживали своего атеизма и готовы были молиться. Молились, даже согласно повѣрію, святому Спиридону, такъ какъ общій недугъ нашего времени это дѣйствительно полное несоотвѣтствіе между трудовыми заработками большинства и ихъ желаньями. Возвышеннымъ моралистамъ можетъ показаться низменнымъ анализъ, приводящій къ такимъ простымъ причинамъ, какъ дороговизна жизни, и при томъ не только возможность, но иногда даже необходимость тянуться выше своихъ трудовыхъ заработковъ. Конечно, я говорю про большинство средней интеллигенціи, а не про идейныхъ аскетовъ или напротивъ крезовъ—идейныхъ или безыдейныхъ, все равно, такъ какъ интеллигенція есть всякая.

XIII.

Такъ вотъ опять съ ученыхъ высотъ мы попали въ грязь нашей подлинной жизни. Какъ-то неловко въ этомъ партерѣ принимать гордыя позы и изображать на своей физіономіи величественное безпристрастіе.

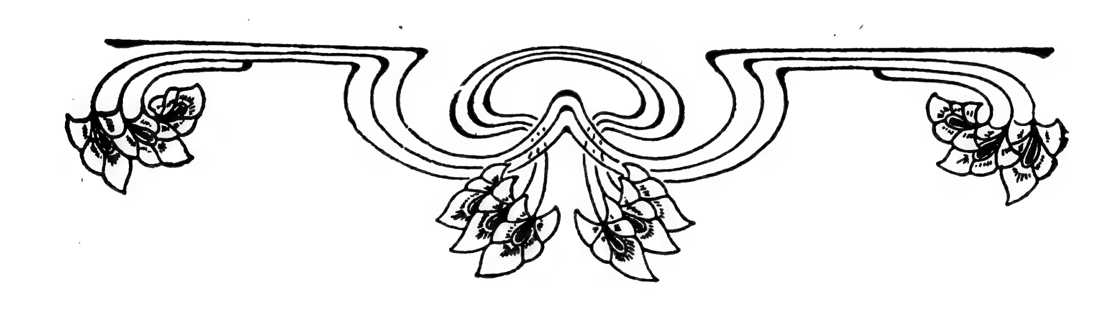
Гдѣ тутъ уберечься отъ летающихъ комковъ грязи? Какъ же быть? Путешествовать безъ всякаго нравственнаго багажа? Безъ правилъ, безъ принциповъ, безъ совѣсти и безъ идей? Напротивъ. Запасайтесь багажемъ и багажемъ возможно отборнымъ, въ этомъ задача вашего образованія и воспитанія. Старайтесь только не растерять его въ жизни и помнить, что для того, чтобы не поскользнуться, шлепая по жизненной грязи, полезнѣе смотрѣть себѣ подъ ноги, чѣмъ въ небо общихъ формулъ. Читайте, читайте. Читайте все, чтобы понимать все. Просвѣщайте свое чувство. Молитесь искренно, если вы вѣрите. Жизнь вещь очень трудная, въ особенности въ наше время. И, къ сожалѣнію, самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ возвышенныхъ идей не достаточно, чтобы благополучно, ни разу не поскользнувшись, пройти свой жизненный путь. Да и можетъ ли быть цѣлью жизни—все время только о томъ и думать, какъ бы не поскользнуться? Надо жить. Не всегда возможно подолгу обдумывать свои жизненные ходы. Разумъ, чувство, совѣсть, воля должны быстро реагировать на запросы жизни, на подвернувшійся фактъ, опредѣляя тотъ или иной вашъ поступокъ. И если бы даже другіе и назвали васъ негодяемъ, это не бѣда, если вы искренно себя такимъ не сознаете и не чувствуете. А если у васъ появится подобное самочувствіе и самосознаніе, то, пока ваша жизнь не кончилась, не потеряна и возможность не повторять того, что претитъ вашей совѣсти. Конечно, я вѣрю въ человѣческую природу. Вѣрю въ то, что развивающійся цѣльно (и умомъ, и чувствомъ) человѣкъ необходимо становится добрѣе, снисходительнѣе, человѣчнѣе.

Гуманность — вотъ единственный болѣе или менѣе опредѣленный принципъ для поведенія интеллигентнаго человѣка. Но гуманность настоящая,

а не лицемѣрная. А что такое настоящая гуманность?

Я вообще уклоняюсь отъ всякихъ діалектическихъ споровъ и очень острыхъ анализовъ. Я не собираюсь создавать правилъ поведенія. Я хочу лишь подѣлиться съ другими своей искренной и глубокой вѣрой, что человѣкъ, желающій дать себѣ отчетъ въ своей жизни и сознательно жить, сумѣетъ найти поступки, которые и ему самому дадутъ внутреннее душевное удовлетвореніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ признаны людьми гуманными и размышляющими—поступками человѣчными, не позорящими въ немъ имени человѣка, которыхъ каждый интеллигентный человѣкъ не побоится повторить безъ упрековъ совѣсти и безъ раскаянія.

Б. Добрышинъ.

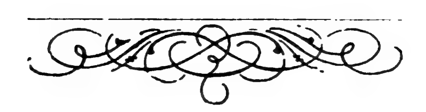


* * *

День умиралъ. Прощальный взглядъ
Міръ озарялъ сіяньемъ ласки.
Какой сверкающій закатъ!
Какая грусть, какія краски!

Въ огняхъ зари мечта моя
Искала отраженій рая...
Хотѣлъ бы такъ угаснуть я,
Въ лучахъ страданія сверкая...

И. Мордвиновъ.



Володя.

РАЗСКАЗЪ.

П. Кореневскаго.

Жили они вдали отъ шуму городского. Мимо ихъ крошечнаго оконца не проѣзжали экипажи, не проходили модные франты: не глядѣлись въ него ни кресты, ни затѣйливыя шляпки... Этого оконца никто не видалъ: оно выходило въ самую глубину двора, и высокая стѣна огромнаго сарая, прижавшись вплотную, грозно защищала его отъ людскихъ взоровъ. Одинъ лишь солнечный лучъ украдкой спускался иногда съ высокихъ крышъ и на минутку заглядывалъ въ пыльное стеклышко да въ ясныя ночи на видимомъ клочкѣ неба слабо мерцала одинокая звѣздочка... Не слышно было шуму городского; лишь по ночамъ откуда-то издалека доносились надоѣдливые звуки трещотки ночного сторожа, бѣшеный лай собакъ и крики о помощи случайныхъ прохожихъ, а днемъ, отъ утренней зари до глубокой полуночи, за тонкой досчатой перегородкой слышались однообразные удары молотка и монотонная пѣсня сапожника Кирилки. Иногда за этой перегородкой раздавался отчаянный женскій вопль и визгливый дѣтскій плачъ—и послѣ этого на нѣсколько дней и молотокъ, и скучныя пѣсни Кирилки замолкали...

Ихъ было двое—крошечная морщинистая старушка, страдавшая одышкой, и ея больной сынъ Володя, отставной почтовый чиновникъ тридцати лѣтъ. Мрачная стѣна сарая скрывала отъ людей ихъ скромное жилище—темный и сырой чуланчикъ, гдѣ пропойца-сапожникъ со своей беременной женою и голодными дѣтьми радушно пріютили ихъ. За окошкомъ, на саженномъ клочкѣ землицы, новые жильцы заботливо вскопали грядки—и въ минуты отдыха другъ передъ другомъ глядѣли въ окошко на свою крошечную „полосу“, на которой, не смотря на отсутствіе тепла и свѣта, торчало нѣсколько стебельковъ луку, головка маку и два куста крапивы...

Въ ихъ убогомъ чуланѣ стоялъ маленькій столикъ, двѣ скамеечки и огромный сундукъ, прикрытый какимъ-то грязнымъ тряпьемъ; на этомъ тряпьѣ спалъ ночью и отлеживался днемъ Володя. На стѣнкѣ, въ темномъ уголочкѣ, висѣла икона Спасителя въ бумажной рамѣ, а подъ нею—фотографическая карточка Володи, гравюра, вырванная изъ какого-то журнала, скрипка съ самодѣльнымъ смычкомъ и старая негодная гитара...

Мать Володи, несмотря на свой преклонный возрастъ, была очень подвижна и суетлива. Ни одной минутки не могла посидѣть она спокойно: присядетъ и опять вскочитъ что-то дѣлать, о чемъ-то хлопотать; никогда она не ходила, а всегда бѣгала мелкой рысцей, хлопотливо озираясь по сторонамъ. Такую же суетливость характера проявляла она и во снѣ,—ей некогда было спать:

свернувшись колачикомъ на полу у порога, она вздрагивала при всякомъ звукѣ, доносящемся извнѣ, пробуждалась отъ малѣйшаго шороху. Когда же въ маленькое окошечко проникалъ первый лучъ разсвѣта, она торопливо вскакивала, протирала свои маленькіе, вѣчно слезящіеся глазки, спѣшно одѣвалась и убѣгала изъ дому. Черезъ часъ или два она возвращалась съ охапкой хворосту и горстью земляничныхъ корней изъ ближайшаго лѣсу; изъ этихъ корней она варила „чай" своему больному сыну. Володя вставалъ, медленно одѣвался и принимался за свой скромный завтракъ, а мать торопливо убѣгала по дѣламъ. Дѣла у нея было много: въ одномъ домѣ она должна была помыть посуду, въ другомъ—подмести полы, вынести помои, въ третьемъ—наносить воды, поставить и подать самоваръ... Лишь поздно вечеромъ возвращалась она домой, опять поила сына чаемъ,—и темный чуланчикъ мирно засыпалъ до другого утра... Иногда она приносила кусочка два сахару, объѣдки булки, хлѣба, мяса, какіе-нибудь обѣденные остатки, полученные ею отъ своихъ хозяевъ... Въ такихъ случаяхъ эта бѣдная семья торжественно садилась за столъ и дружно поѣдала свой случайный ужинъ...

Володя, вслѣдствіе своей тяжелой и непріятной болѣзни, рѣдко выходилъ изъ дому. Болѣзнь не позволяла ему также ни читать, ни думать, много: отъ такихъ занятій у него, особенно въ послѣднее время, начинала болѣть голова, а часто случались и сильные припадки головокруженія. Единственнымъ его развлеченіемъ были скрипка и гитара,—возьметъ въ руки скрипочку, разложитъ ноты и играетъ по цѣлымъ часамъ. Иногда навѣщалъ его Кирилка, много говорилъ съ нимъ, много спорилъ, но всегда относился къ нему съ участіемъ. Приходили къ нему и другіе посѣтители, большею частью дѣти подростки. Онъ охотно принималъ всѣхъ, любилъ поговорить съ Кирилкой, пошутить съ молодежью; но въ общемъ избѣгалъ людей, такъ какъ видѣлъ, что всѣ, кромѣ сапожника, относятся къ нему насмѣшливо, брезгливо, боятся его заразной болѣзни—и приходятъ къ нему не по дружбѣ, а изъ любопытства, отъ нечего дѣлать. Иногда, съ гитарой въ рукахъ, самъ онъ выходилъ на дворъ, садился у порога на солнышкѣ и игралъ что-нибудь. Собиралась толпа ребятишекъ,—одни слушали его музыку, другіе вышучивали его уродливую фигуру... „Безносый! Володька безносый!"—доносилось иногда до его слуха. Тогда онъ стыдливо уходилъ домой и долго прятался потомъ отъ людей. Такъ жилъ отставной почтовый чиновникъ Володя со своей матерью.

Наступила Пасха. Весь день въ храмахъ звонили въ колокола; по дворамъ и закоулкамъ играли шарманки,—по улицамъ взадъ и впередъ сновали извозчики, проходили и проѣзжали нарядные визитеры. И богатыя семьи, и бѣдняки, всѣ подтянулись, чтобы достойно встрѣтить этотъ торжественный праздникъ. И знакомый намъ чуланчикъ немного принарядился: полъ былъ выметенъ чисто и посыпанъ желтымъ песочкомъ; постель Володи вынесена, и сундукъ прикрытъ газетой; надъ крошечнымъ окошкомъ изъ той же газеты была приклеена занавѣсочка съ затѣйливыми вырѣзными узорами; видно было, что хлопотливая хозяйка приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы придать своему жилищу наиболѣе приличный видъ.

Старушка успѣла уже побывать въ церкви, поздравить кой-кого съ праздникомъ и собрать праздничную лепту: на маленькомъ столикѣ, прикрытомъ чистою скатертью и увѣшанномъ брусничникомъ, лежало нѣсколько крашеныхъ яичекъ, куски булки, торта, колбасы, нѣсколько

ломтиковъ ветчины, голова поросенка, кто-то подарилъ даже маленькую бутылочку краснаго вина... Старушка, съ сіяющимъ лицомъ, нѣсколько разъ подходила къ столу, поправляла его, отходила вновь и издали любовалась такой небывалой роскошью, опять подходила переставить что-нибудь... Наконецъ, она засуетилась и торопливо вышла изъ дому.

Володя, одѣтый въ старый почтовый мундиръ, сохранившійся у него со времени службы, не казался особенно веселымъ. Онъ часто кашлялъ, охалъ и вздыхалъ. Проходя задумчиво по комнатѣ, онъ случайно заглянулъ въ осколокъ зеркала, прибитый къ стѣнкѣ, и сталъ внимательно себя разсматривать... Глаза—одни глаза не измѣнились: они все такіе же свѣтлые, выразительные. А все остальное... Володя махнулъ рукой и болѣзненно улыбнулся. Лицо безкровное, болѣзненное; углы рта опустились и заросли какой жесткой щетиной; отъ роскошныхъ кудрей, украшавшихъ когда то его красивую голову, остались лишь клочки жиденькихъ прядей, грязныхъ и безцвѣтныхъ... А носъ... Его совсѣмъ нѣтъ,—какое то отвратительное отверстіе зіяетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были ноздри... Нѣтъ носа—его съѣла неосторожная любовь; та же любовь скорчила его ноги, согнула въ дугу его станъ, такъ что почтовый мундиръ, нѣкогда украшавшій его стройную фигуру, теперь лежалъ на немъ широкимъ мѣшкомъ... Еще такъ недавно онъ въ томъ же мундирѣ являлся въ общество, красивый, жизнерадостный, ухаживалъ за барышнями, высматривая себѣ невѣсту... Его охотно принимали. Тогда онъ служилъ, стремился къ свѣту, къ положенію... И мать его была имъ счастлива... А теперь онъ одинъ—больной, отвратительный, заразный... И прошлаго вернуть невозможно... И какъ все это случилось?.. Съ большимъ напряженіемъ мысли сталъ онъ припоминать и обдумывать подробности этого рокового момента... Это было минутное увлеченіе, какой то бѣшенный порывъ, гадкій и безнравственный... Потомъ пошло все это... Въ періодѣ развитія своей болѣзни онъ обращался къ своему начальству съ просьбой о помощи, о поддержкѣ. Начальство брезгливо отъ него отвернулось. Потомъ онъ потерялъ мѣсто и остался безъ всякихъ средствъ, онъ обнищалъ... И такъ восемь лѣтъ, восемь ужъ лѣтъ страшная болѣзнь разрушаетъ его тѣло, угнетаетъ духъ... И нѣтъ никакого спасенія, не предвидится конца этимъ мученіямъ!.. И какой конецъ? Задавая себѣ этотъ вопросъ, Володя вдругъ испугался чего-то. Онъ вспомнилъ, что у него въ послѣднее время начало болѣть горло и голосъ ослабѣлъ,—и почему-то это ощущеніе болѣзни горла всегда связывалось у него съ представленіемъ о какомъ-то неизбѣжномъ концѣ... Онъ отошелъ отъ зеркала и сталъ взволнованно ходить по комнатѣ, стараясь отогнать отъ себя мысли, эти грозныя мысли о неизбѣжномъ концѣ... Въ окошечко глядѣлъ солнечный лучъ. Гдѣ-то звонили въ колокола; за тонкой досчатой перегородкой плакали дѣти Кирилки...

Володя осмотрѣлся кругомъ и нервно захохоталъ.

— До чего дошелъ!—зашипѣлъ онъ злобно, раздражительно.—На постоѣ у голоднаго сапожника!.. А это?—продолжалъ онъ, глядя на пасхальный столъ.—По крохамъ мать собрала.. Нищій! негодяй!—закричалъ онъ вдругъ и самъ испугался своего слабаго голоса...

— Кормилецъ ты мой!.. ха... ха... ха!..—Ему почему то припомнилось теперь, что мать по прежнему называетъ его кормильцемъ. „Кормилецъ"!.. Онъ вспомнилъ, какъ она пришла однажды домой съ подбитымъ глазомъ... Лицо ея было блѣдно. Грудь тяжело дышала, какъ будто тысячи колесъ отъ какой-то

сложной машины съ шумомъ соскочили тамъ со своихъ осей,—царапали другъ друга, визжали, стремясь вырваться наружу... „Я хотѣла тебѣ, Володя, два кусочка сахару“... жаловалась она, плакала—и полтора мѣсяца боролась потомъ со смертью; болѣзнь эта окончательно сломила ея силы и довела ее до нищенства...

— И воръ, паразитъ!—опять закричалъ Володя и отъ боли схватился рукой за горло... Боль стала усиливаться. Онъ окончательно испугался и, шагая возбужденно по мягкому земляному полу, сталъ съ отчаяніемъ звать свою мать...

— Нѣтъ ея!—прошепталъ онъ въ заключеніе.—И гдѣ она? Куда она могла уйти?.. Ага...—Онъ остановился и, прикрывъ лобъ ладонью, сталъ припоминать что-то...

— Будешь ли ты, Володя, любить свою маму, будешь ли беречь ее, когда она состарится? — говорила ему мать часто... И ласкала его, гордилась имъ и съ любовью заглядывала въ его невинные глазки...

Онъ подбѣжалъ къ столу и замахнулся на него кулакомъ...

„Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью...“—нѣжно пѣвала она когда-то надъ его кроваткой...

Рѣзкимъ движеніемъ руки схватилъ онъ со стола бутылку съ виномъ и залпомъ осушилъ ее...

Вошелъ въ комнату сапожникъ.

— Христосъ воскресе!—воскликнулъ онъ, вынимая изъ кармана своего выцвѣтшаго пиджака бутылку водки.—Слышалъ, братъ, какъ ты тутъ бесѣдуешь, и захотѣлъ самъ душу отвести. Что это, никакъ ты въ актеры собираешься, что орешь такъ громко?—продолжалъ Кирилка, поправляя свой ярко-красный праздничный галстукъ.—Это дѣло хорошее! Только, братъ, фигурой ты что-то не вышелъ и насчетъ носа вотъ подгулялъ маленько... ха... ха... ха!.. Ну, не сердись, Володя! Это я такъ себѣ—съ тоски! Иди же—похристосуемся!

Володя сконфузился.

— Нѣтъ... это я такъ... загрустишь вотъ иногда... Смиренія во мнѣ очень мало...—отвѣчалъ онъ съ замѣшательствомъ.

— А я зналъ, что вы ко мнѣ придете сегодня!—продолжалъ онъ, немного оправившись и принимая спокойный видъ.—Воистину воскресъ! Да... А я тутъ одинъ себѣ—вспоминаю свои старые грѣхи...

— Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ! Брось ты эти разговоры, Володя,—надоѣло мнѣ все это!

— Нѣтъ, постой, постой, не мѣшай!—замѣтилъ Володя раздражительно.—Согрѣшилъ я и тяжко согрѣшилъ—и нѣтъ душѣ моей покоя!.. Вознегодуешь иногда, загрустишь... Смиренія во мнѣ мало—вотъ что! А Онъ не любитъ строптивыхъ... Знаешь ли ты Его?.. а?.. Онъ къ намъ очень близко... Я не зналъ Его тогда, когда любовался блестящими пуговицами своего мундира, когда съ бѣшенной страстью упивался женскими ласками, съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на людей и окружающую меня природу... Теперь же, находясь въ уединеніи, я узналъ то, чего не могъ понять, будучи здоровымъ... Ты, должно быть, не нашелъ еще Его!.. Его не знаетъ кабакъ и ресторанъ, Его не знаетъ модный цилиндръ съ жирнымъ затылкомъ и толстымъ животомъ... Его нѣтъ въ пышныхъ чертогахъ, въ лавочкѣ купца, въ кабинетѣ министра, врача и судьи; Его нѣтъ въ сердцахъ тѣхъ, что носятъ „овечью шкуру“, Его... Онъ не любитъ широкихъ путей: узкій и тернистый путь приводитъ къ познанію Бога... Онъ къ намъ очень близко... Ищи!..

— Брось ты, Володя, эти наставленія! Мутишь ты мою душу такими разговорами!.. Я голоденъ съ моей семьей—и простору мнѣ никакого,.. А тутъ еще Его искать... Я хочу хлѣба да свободы—и побольше, чтобы душа моя отдохнула!..

— Ты хочешь свободы! Такъ неужели-жъ такъ трудно найти ее?.. Въ длинныя ясныя ночи, пробудив-

шись отъ сна, я часто подкрадываюсь къ своему окошку и наблюдаю за звѣздочкой, мерцающей на небѣ,—сижу и смотрю на нее... И мнѣ такъ сладко тогда въ своемъ одиночествѣ и на душѣ такъ свободно и просторно!.. И она видитъ меня—эта звѣздочка... А я сижу и думаю... и хочется мнѣ туда къ ней.. И чувствую я тогда, какъ кто-то незамѣтно ко мнѣ подходитъ... Съ благоговѣйнымъ трепетомъ ощущаю я присутствіе этой непонятной силы... и такъ мнѣ хорошо, пріятно... И заплачешь себѣ втихомолку, заплачешь оттого, что міръ этотъ такъ великъ и хорошъ!.. Одно вотъ нехорошо—смиренія во мнѣ еще очень мало,—много злобы и желчи въ душѣ, оттого и страдаю часто...

— Блаженный ты человѣкъ, Володя! — отвѣтилъ Кирилка.—Я не могу такъ... У меня какъ что, такъ и-и-и! Передушилъ бы всѣхъ!.. А впрочемъ—вѣдь ты это ерунду говоришь!.. Это болѣзнь, бредъ больной головы... Не сердись, Володя!.. Да!.. Это бредъ сумашедшаго!.. Отъ нужды и тяжелаго горя человѣкъ теряетъ точку—и начинаетъ это, извини, воздухъ портить,—тутъ и и смиреніе, и звѣздочки зовутъ, и подходитъ кто-то... Такъ и моя жена... Эхъ!.. А ну васъ всѣхъ къ чорту!.. А самое лучшее—это выпить! Все пройдетъ! Наливай!.. Ты, впрочемъ не можешь... Гдѣ-же мать? На промыселъ вышла? Эхъ, вы, нищіе, смиренные! — закричалъ онъ вдругъ, сильно хлопнувъ кулакомъ по столу.

Лицо Володи исказилось вдругъ отъ сильной злобы. Онъ подбѣжалъ къ Кирилкѣ и, ухвативъ его за плечо, яростно зашипѣлъ:

— Какъ смѣешь ты говорить такъ? Вонъ! Убирайся вонъ изъ моей квартиры!

Кирилка съ удивленіемъ взглянулъ на него...

— Что это съ тобой, Володя?—спросилъ онъ—и губы его задрожали...

Володя прослезился.

— Прости меня, дорогой! — плакалъ онъ и, судорожно схвативъ руку Кирилки, сталъ ее цѣловать.— Прости меня! Это я такъ... не воздержался... Смиренія вишь... Матушки мнѣ жаль—вотъ что!.. Она на про-о-мыселъ вышла!—закричалъ онъ сдавленнымъ голосомъ и, вырвавъ изъ рукъ сапожника бутылку, хлебнулъ изъ нея...

Съ непривычки Володя сильно захмелѣлъ.

— Бей меня, негодяя, бей!—закричалъ онъ вдругъ, ударяясь лбомъ о край стола.—Я нищій!.. Я прохвостъ!.. я... я... отвратительный отбросъ!.. Матушка, мама, дорогая! гдѣ ты? Зачѣмъ ты меня родила?.. Мамочка дорогая!.. Господи!.. Пресвятая Богородица — спаси насъ!.. Богородица... спаси... спаси...

Начинало темнѣть. Мрачная стѣна сарая грозно надвигалась на окошко и, наконецъ, совсѣмъ закрыла его... Изъ дверей потянуло сыростью и гнилостными испареніями...

— Ты говоришь „ерунда",—продолжалъ Володя, дрожащими руками зажигая свѣчку и ставя ее на столъ, между кусками пасхальнаго хлѣба.— Нѣтъ, не ерунда!—началъ онъ медленно, съ чувствомъ и сильно жестикулируя. Глаза его были блестящи. Лицо блѣдно. На лбу выступили капли холоднаго поту. Отверстіе въ носу зіяло въ полумракѣ темной точкой... Согнутый станъ... кривыя ноги... Онъ былъ отвратительно страшенъ въ этомъ уродливомъ видѣ...

— Я отвратителенъ—это правда!.. Я... паршивая овца, которую надо вонъ изъ стада... Меня называютъ безносымъ и сторонятся, какъ чумы... ха... ха... ха!.. И я прячусь отъ людей... я стыжусь ихъ... Да... А Онъ есть!.. Я вижу Его въ солнечныхъ лучахъ, въ блескѣ мерцающей звѣзды, въ пламени огненномъ... Не всякій Его узнаетъ—это трудно... Но я нашелъ Его!.. И Онъ меня ищетъ... Этотъ солнечный лучъ, украдкой пробирающійся въ мою тѣсную лачужку,—

онъ меня ищетъ!.. А это пламя свѣчи.. посмотрите какъ оно порхаетъ... вотъ... вотъ!.. Оно хочетъ улетѣть... да... и меня оно зоветъ... И улетимъ!.. О, огонь священный!.. Я улечу, я непремѣнно улечу вмѣстѣ съ тобою!..

Володя въ изнеможенiи опустился на скамейку и на минуту закрылъ глаза... „Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью",—запѣлъ онъ было потомъ, но поперхнулся и сильно закашлялся.

— Мама, дорогая мамочка! Она все промышляетъ!.. Давай водки!—закричалъ онъ вдругъ, вскакивая и хватая со стола пустую бутылку.—Нѣтъ?! Ну, все равно!..

Онъ подбѣжалъ стѣнкѣ, снялъ съ гвоздя скрипку и сталъ играть... Онъ игралъ что-то безсвязное, неопредѣленное; пальцы его нервно прыгали по струнамъ, смычокъ выполнялъ небывалые штрихи, ноги рѣзко, возбужденно выбивали темпъ...

— Вотъ! вотъ! молодецъ!—закричалъ Кирилка, поднимаясь со скамейки и принимаясь плясать.—Зажаривай, чертъ возьми! сильнѣе! крѣпче!.. Вали „камаринскую!" И-и-и!! разлюли малина!..

Володя еще энергичнѣе приналегъ на скрипку, притаптывалъ ногой и ожесточено ударялъ смычкомъ... Ветхая скрипка дребезжала и издавала рѣзкiе, трескучiе звуки...

— И-и-и-хъ!—взвизгивалъ Кирилка, съ удивительнымъ искусствомъ выплясывая камаринскую...

Вдругъ Володя швырнулъ скрипку на скамейку и—блѣдный, возбужденный—выступилъ впередъ...

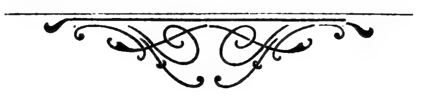
— Давай плясать вмѣстѣ!—заявилъ онъ глухимъ голосомъ... И при свѣтѣ мерцающей свѣчи они выполняли свою бѣшенную пляску: приближались другъ къ другу, брались за руки и плясали вмѣстѣ, опять расходились и прыгали бѣшено, ожесточенно... Володя сильно хрипѣлъ и задыхался; его согнувшiйся станъ и кривыя ноги съ трудомъ сохраняли равновѣсiе; онъ нѣсколько разъ падалъ, но поднимался вновь и продолжалъ плясать, учащая темпъ и возбуждаясь все болѣе и болѣе... Наконецъ, въ изнеможенiи онъ опустился на сундукъ и захрипѣлъ сильнѣе прежняго...

Ночью, при свѣтѣ догорающей свѣчи, мать Володи прикладывала ему воду къ головѣ, къ шеѣ, давала ему пить, цѣловала, тормошила на всѣ лады, просила успокоиться и прекратить стоны—и обливала его лицо своими слезами... А онъ хрипѣлъ все сильнѣе и сильнѣе, судорожно подергивалъ ногами, вытягивалъ шею, раскрывалъ ротъ, хваталъ губами воздухъ,—старался вдохнуть его побольше... Глаза его съ мольбою смотрѣли на мать: онъ хотѣлъ что-то говорить, просилъ о чемъ-то...

Когда же утромъ старушка, запыхавшись, вернулась домой съ обычной охапкой хворосту и земляничными корнями, Володя былъ уже мертвъ и застылъ въ своей страшной позѣ...

Въ тотъ же день Кирилка сдѣлалъ своей женѣ бурную сцену—и въ продолженiе цѣлой недѣли не раздавались потомъ удары его молотка, не слышно было его монотонной пѣсни, и самъ онъ не приходилъ домой... Мрачная стѣна сарая грозно защищала крошечное окошко отъ людскихъ взоровъ,—и лишь солнечный лучъ, пробираясь сюда украдкой, по прежнему искалъ кого-то въ темной комнатѣ, а ночью одинокая звѣздочка дрожала на клочкѣ неба...

П. Кореневскiй.



Корректорша.

(ОЧЕРКЪ).

А. Н. Ульянова.

Въ небольшой комнаткѣ, отдѣленной отъ типографіи тонкой досчатой перегородкой, нагнувшись надъ простымъ, запятнаннымъ чернилами столомъ, сидитъ молодая симпатичная дѣвушка и правитъ корректуру.

Передъ нею лежатъ клочки бумажекъ, исписанные неразборчивымъ почеркомъ, и гранки только что оттиснутаго набора.

Въ комнаткѣ пахнетъ типографской краской и копотью отъ керосиноваго двигателя скоропечатной машины.

Глаза дѣвушки быстро перебѣгаютъ съ исписанныхъ бумажекъ на полоски отпечатаннаго текста, а перо чиркаетъ по печатнымъ буквамъ и словамъ и выставляетъ на поляхъ гранокъ корректурные значки: палочки, крючки и змѣйки.

— Елизавета Ивановна, вотъ еще!—говоритъ вошедшій въ корректорскую комнату типографскій мальчикъ и подаетъ цѣлый пукъ гранокъ и клочковъ рукописи.

— Давай, милый!—говоритъ Елизавета Ивановна, откидывая назадъ свои вьющіеся русые волосы, и ея добрые сѣрые глаза останавливаются съ лаской на мальчикѣ.

Она любитъ этого вѣчно измазаннаго типографской краской мальчугана.

Любитъ она и другихъ типографскихъ мальчишекъ, но этого особенно. Быть можетъ потому, что въ ихъ судьбѣ есть общее: Ванюшка круглый сирота, Елизавета Ивановна—тоже.

Восемь лѣтъ служитъ она въ типографіи провинціальной газеты „Вѣстникъ“ и еще въ началѣ службы потеряла самое дорогое для себя существо, свою мать. Утрата эта была страшнымъ ударомъ для молодой дѣвушки особенно потому, что послѣ смерти матери у нея никого изъ близкихъ людей не осталось.

Когда Елизавета Ивановна опомнилась отъ придавившаго ее горя, то весь запасъ таившейся въ душѣ нѣжности и любви она перенесла на окружающую ее среду тружениковъ.

Очень скоро полюбили ее всѣ въ типографіи, начиная отъ Ванюшки и кончая чрезвычайно грубымъ и вѣчно пьянымъ наборщикомъ Ѳедоровымъ.

Обыкновенно Ѳедоровъ, не стѣсняясь, пускалъ площадныя ругательства на всю типографію, и когда

работа у него не спорилась. Ругалъ онъ авторовъ за неразборчивый почеркъ, ругалъ хозяина типографіи за плохой, сбитый шрифтъ, ругалъ мальчишекъ за то, что шрифтъ плохо промытъ и разобранъ.

Его терпѣли, потому что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ наборщиковъ и, когда нужно было составить цѣнное объявленіе, умѣлъ со вкусомъ подобрать и шрифтъ, и украшенія для рамки.

Когда поступила Елизавета Ивановна, — первое время продолжалось тоже самое и даже, пожалуй, стало хуже.

— Ѳедоровъ, что ты за скотина такая!—увѣщевалъ его кто нибудь изъ товарищей: вѣдь въ корректорскую все слышно, а тамъ барышня...

— Убирайся, ты!.. рычалъ на него Ѳедоровъ и пускалъ словечко позабористѣе прежняго.

Онъ какъ будто наслаждался тѣмъ, что можетъ смутить барышню небарскими словами, и изощрялся въ сочиненіи новыхъ выраженій; а иногда даже запѣвалъ самую нецензурную пѣсню, не отступая передъ опасностью штрафа, такъ какъ пѣть въ типографіи строго воспрещалось.

Однако, это продолжалось не долго.

Однажды Ѳедоровъ пришелъ въ корректорскую съ клочкомъ рукописи, прося Елизавету Ивановну прочесть непонятное ему слово.

Она прочла.

Когда Ѳедоровъ повернулся, чтобы уходить, Елизавета Ивановна остановила его и, виновато заглядывая своими прекрасными глазами въ его мрачные пьяные глаза, сказала:

— Я васъ вотъ о чемъ хотѣла попросить, Ѳедоровъ... Если только вамъ не трудно исполнить... Когда я здѣсь, не говорите такихъ не хорошихъ словъ, мнѣ больно... Больно и за себя, и за васъ. Мнѣ все кажется, что вы хотите меня обидѣть. А за что же?

Ѳедоровъ еще мрачнѣе взглянулъ на корректоршу, повернулся и вышелъ.

Съ этихъ поръ никто не слыхалъ отъ Ѳедорова ни одного браннаго слова, когда онъ зналъ, что барышня въ корректорской. Если ужъ очень обозлится—стиснетъ свои лошадиные зубы и шипитъ.

Вскорѣ Ѳедоровъ сталъ питать къ Елизаветѣ Ивановнѣ безграничную преданность, доходившую до обожанія. При одномъ видѣ этой удивительной дѣвушки онъ весь расцвѣталъ, хотя совсѣмъ не умѣлъ улыбаться. А когда она разговаривала съ нимъ, то достаточно было взглянуть на его фигуру, чтобы понять, что происходитъ въ душѣ этого мрачнаго и лохматаго гиганта. Въ эту минуту для барышни онъ былъ готовъ на все.

Окончательное покореніе Ѳедорова произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Пришелъ какъ-то онъ въ корректорскую съ рукописью, положилъ ее на столъ, а самъ отвернулся. Однако, Елизавета Ивановна успѣла замѣтить его искаженное лицо и сразу поняла, въ чемъ дѣло: Ѳедоровъ страдалъ жестокимъ похмельемъ.

— Вы больны, Ѳедоровъ?—спросила она.—Нечего прятаться, вѣдь я вижу. Вамъ нужно полѣчиться... Можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ? Такъ возьмите у меня, при получкѣ отдадите.

И дѣвушка совала ему полтинникъ.

Ѳедоровъ угрюмо молчалъ и не бралъ денегъ.

— Зачѣмъ стѣсняться? — продолжала Елизавета Ивановна,—вѣдь мы съ вами товарищи по работѣ. Мнѣ все равно этихъ денегъ сейчасъ не нужно, а вамъ работать съ больной головой очень тяжело.

Ѳедоровъ повернулся къ ней, схватилъ своими громадными ручищами маленькую ручку дѣвушки вмѣстѣ съ полтинникомъ, нагнулся и поцѣловалъ.

— Ай! Да что вы дѣлаете? Вѣдь мы же товарищи!—воскликнула, вся зардѣвшись, Елизавета Ивановна. Но Ѳедорова въ корректорской уже не было.

Вечеромъ, сидя въ трактирѣ вмѣстѣ съ другими наборщиками, пьяный Ѳедоровъ давалъ волю накопившимся чувствамъ.

— Мы, говоритъ, съ вами товарищи! а?.. Каково? Товарищи! Да я ногтя ея не стою, а не то что! Какой я ей товарищъ?.. Ангелъ, а не барышня!—разсуждалъ Ѳедоровъ. Потомъ, сдвинувъ брови и стукнувъ кулачищемъ по столу, заоралъ,—пусть кто-нибудь хоть слово пикнетъ противъ нея! Рр-аздавлю!

Тутъ онъ выпустилъ на волю весь запасъ любимыхъ словесъ, задержанный во время работы присутствіемъ барышни.

Но напрасно горячился Ѳедоровъ. Противъ его кумира не только никто не возставалъ, а, напротивъ, всѣ наперерывъ курили ему ѳиміамъ.

Помимо той ласки, которая какъ будто лучилась изъ всего существа Елизаветы Ивановны и ощущалась каждымъ человѣкомъ, сталкивавшимся съ нею,—она всегда дѣлала для другихъ все, что только могла. У нея нерѣдко занимали по мелочамъ деньги на нужды и на похмелье, совѣтовались съ нею о семейныхъ дѣлахъ и просили заступничества передъ хозяиномъ. Она такъ обаятельно дѣйствовала на всѣхъ, что никто никогда передъ нею не лгалъ.

Впрочемъ, напрасно было-бы и лгать, потому что Елизавета Ивановна какъ-то сразу, какимъ то чутьемъ узнавала, зачѣмъ человѣкъ къ ней пришелъ.

— Вы что, Любинъ? Вѣрно деньжонокъ нужно?—спрашиваетъ, бывало, пришедшаго и заглядываетъ ласковыми глазами прямо въ душу.

— Деньжонокъ, Елизавета Ивановна, мальчикъ у меня захворалъ, на лѣкарство нѣтъ, а въ конторѣ не даютъ.

— Вижу, вижу, что горе. У меня то денегъ нѣтъ, да я сейчасъ достану. Рубля три довольно вамъ?.. Ну, хорошо, сейчасъ!—и бѣжитъ наверхъ, въ редакцію.

Бывало такъ, что и въ редакціи ни у одного изъ сотрудниковъ такой суммы не окажется, а въ конторѣ касса пуста, что не рѣдко бываетъ въ провинціальномъ газетномъ мірѣ. Тогда Елизавета Ивановна надѣваетъ шляпку и летитъ домой, занять у своей квартирной хозяйки. Такъ или иначе, а ужъ достанетъ нужную сумму.

Придетъ къ ней человѣкъ съ похмелья—только взглянетъ на него и сейчасъ видитъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, Ивановъ, Ивановъ, вы опять пили!—грустно качаетъ она головой.—Вѣдь у васъ жена, дѣти... Да и самому-то какъ тяжело потомъ...

Иванову вполнѣ ясно становится, что барышня страдаетъ за него въ настоящую минуту гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ самъ.

— Елизавета Ивановна! Да вѣдь вы знаете, какая у насъ работа и какая наша жизнь? Какъ тутъ не выпить! — пытается оправдываться Ивановъ.

— Знаю, знаю! Я васъ и не виню,—говоритъ дѣвушка, — мнѣ только жаль васъ, вотъ что! Жаль и больно, что помочь ничѣмъ не могу... Что-же теперь дѣлать-то? Полѣчиться нужно?...

— Да ужъ будьте добры, Елизавета Ивановна, разломило всего, работать не могу... Въ получку...

— Да объ этомъ что говорить! Знаю, что отдадите, — перебиваетъ она,—сколько же вамъ? У меня есть рубль, да мнѣ немножко самой нужно мелочи... Раздѣлимъ пополамъ, что-ли? Полтинника вамъ будетъ?

— Вполнѣ достаточно.

— Ну, вотъ берите... Только вотъ что, Ивановъ, пожалѣйте вы вашу жену и дѣтей... да и себя тоже... Вы меня простите, что я такъ говорю, отъ души это, любя васъ...

Простите!—Она жметъ его заскорузлую черную руку своей тоненькой блѣдной ручкой и виновато глядитъ на него.

— Что вы, барышня!..

Ивановъ уходитъ отъ нея растроганный, съ навернувшимися на глаза слезами.

Обращались къ ней за помощью и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ.

Распьянствуется какой-нибудь наборщикъ, прогонитъ его издатель, къ кому обратиться? Послѣднее прибѣжище—Елизавета Ивановна.

— Помогите, милая барышня, вѣдь семья!

— Рада бы я помочь! Да вы знаете нашего издателя? Онъ не любитъ, когда вмѣшиваются въ его распоряженія. Да и метранпажъ противъ васъ. Очень ужъ вы много дней-то пропустили! — задумчиво говоритъ Елизавета Ивановна.

— Больше этого не будетъ, барышня: зарокъ далъ, передъ иконой клялся. А съ метранпажемъ я ужъ говорилъ. Онъ не противъ меня, только самъ къ Сергѣю Ильичу не хочетъ соваться... На васъ одна надежда, помогите!

— Хорошо, — рѣшительно говоритъ Елизавета Ивановна,—попытаюсь!

Наборщикъ уходитъ успокоенный: дѣло его въ вѣрныхъ рукахъ.

На верху въ редакціи, такъ же, какъ и внизу, всѣ питали къ Елизаветѣ Ивановнѣ уваженіе и любовь, хотя тамъ было больше уваженія, чѣмъ любви.

Даже издателя, человѣка сухого и хлопотавшаго только о наживѣ, сумѣла покорить эта чудная дѣвушка. Только въ рѣдкихъ случаяхъ не уступалъ онъ ея настоятельнымъ просьбамъ за кого-нибудь изъ нуждающихся, страждующихъ и обремененныхъ.

Правда, прежде чѣмъ уступить, издатель обыкновенно наговоритъ ей кучу непріятныхъ вещей, разсчитывая такимъ способомъ отдѣлаться отъ нея. Однако, этотъ пріемъ никогда на нее не дѣйствовалъ. Когда Елизавета Ивановна проситъ за другого,—а за себя она никогда и не просила,—она тверда, какъ скала: всѣ заряды издателя, начиненные непріятностями, отскакиваютъ отъ нея, не оставляя никакого впечатлѣнія.

— Вотъ видите-ли, Елизавета Ивановна, говоритъ, бывало, съ кислой миной издатель,—я долженъ вамъ сказать, что вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Ваше дѣло корректура, а типографія—это дѣло мое и метранпажа.

Елизавета Ивановна ловко обходитъ первую половину направленной на нее батареи и сразу отражаетъ вторую.

— Сергѣй Ильичъ!—горячо возражаетъ она,—да вѣдь метранпажъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Санинъ опять работалъ. Я это знаю.

— Вы все знаете! Вамъ до всего дѣло!—горячится издатель.—Но позвольте-съ! Хозяинъ-то здѣсь я, а не вы! Я лучше долженъ и могу знать, что у меня дѣлается. Вы вѣдь не замѣните меня, когда я заболѣю, или куда-нибудь уѣду, а во всѣ мои дѣла вмѣшиваетесь.

— Отчего не замѣнить?—скромно возражаетъ Елизавета Ивановна.—Если прикажете,—замѣню. Съ типографскимъ дѣломъ за время моей службы я ознакомилась...

— Воображаю!—иронически замѣчаетъ издатель.—Воображаю, какъ пойдетъ это типографское дѣло въ вашихъ рукахъ! Дымъ подымется коромысломъ. Всѣхъ пьяницъ по головкамъ будете гладить, а лѣнтяямъ, для поощренія, прибавите жалованья... Однако, шутки въ сторону, я всетаки просьбу вашу исполнить не могу и Санина не приму, потому что это неисправимый пьяница.

— Сергѣй Ильичъ! Да онъ зарокъ далъ, передъ образомъ клялся и, говорятъ, у доктора былъ, стрихниномъ хочетъ лѣчиться...

— Ну, вотъ вылѣчится, тогда и приму.

— А ѣсть-то что же онъ будетъ? У него семья...

— Да мнѣ то какое дѣло?—раздражается издатель.—Я долженъ вамъ сказать, Елизавета Ивановна, что вы страшно утомляете меня своими просьбами и разстраиваете мнѣ нервы вмѣшательствомъ не въ свое дѣло. Ужъ извините за откровенность. Я человѣкъ нервный и волненія дѣйствуютъ на меня вредно, а вы меня постоянно волнуете... И потомъ, я давно потерялъ вѣру въ вашу способность различать людей. Сколько человѣкъ изъ вашихъ протежэ не оправдали довѣрія? Степановъ, Семеновъ, Суховъ... да мало-ли!.. Однако, вотъ что, милая барышня, мнѣ сейчасъ некогда и потому до свиданья! Вы отняли у меня цѣлыхъ полчаса времени, а оно—деньги... Вы меня грабите... До свиданья!—Издатель встаетъ и протягиваетъ руку.

Но Елизавету Ивановну не такъ-то легко выпроводить. Она продолжаетъ сидѣть.

— Сергѣй Ильичъ, одно слово! Санинъ пойдетъ на меньшее жалованье, если обѣщаютъ ему прибавку за усердную работу...

— Ахъ, какая вы!—пожимаетъ плечами Сергѣй Ильичъ и, подумавъ минуту говоритъ,—хорошо, пусть приходитъ... Пять рублей сбавки, а тамъ увидимъ.

— Вотъ спасибо, Сергѣй Ильичъ, я знала, что вы добрый и согласитесь принять Санина, только потому и рѣшилась васъ безпокоить!—говоритъ сіяющая Елизавета Ивановна.

Издатель задѣтъ за живое нехитрой лестью корректорши и смѣется добродушнымъ смѣхомъ.

— Лукавая вы дѣвица!—говоритъ онъ.

Елизавета Ивановна спѣшитъ въ типографію обрадовать Санина, а издатель выходитъ въ редакцію и говоритъ, пожимая плечами:—Что я буду дѣлать съ Елизаветой Ивановной? Опять заставила меня принять въ типографію безпробуднаго пьяницу. Она положительно вредная женщина: покровительствуетъ пьяницамъ и лѣнтяямъ.

— А зачѣмъ же вы исполняете ея просьбу?!—пытливо спросилъ одинъ изъ сотрудниковъ.

— Попробовали бы вы ей отказать! Она не выпуститъ изъ кабинета, пока не вырветъ изъ глотки согласія. Просто удивительная барышня. На нее ничто не дѣйствуетъ. Ужъ сколько я ей сегодня непріятностей наговорилъ: авось, думаю, разсердится и отстанетъ. Какое тамъ! Какъ въ стѣну горохъ. Даже еще настойчивѣе становится.

— Это потому, что она не за себя проситъ!—замѣтилъ редакторъ.

— И какое то въ ней есть обаяніе,—дѣлая неопредѣленный жестъ рукою продолжалъ издатель. — Ея взгляда я равнодушно выносить не могу: онъ такъ и заползаетъ въ душу... невольно ей подчиняешься... Не желалъ бы я имѣть такую жену.

— Почему же?—спросилъ кто то изъ сотрудниковъ.

— Переродила бы она меня!—серьезно отвѣчалъ издатель.—А я не желаю быть перерожденнымъ. Я и такъ хорошъ самъ для себя.

— Да она ни за кого замужъ и не выйдетъ!—убѣжденно сказалъ редакторъ.

— Почему?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Такія не выходятъ. Она—святая. Къ ней мужчинѣ трудно подойти съ его плотской любовью. Прежде такія дѣвушки уходили въ монастырь и тамъ доживали до старости, любя одного Бога. А теперь онѣ остаются въ міру, любятъ всѣхъ, страдаютъ за всѣхъ и быстро сгораютъ въ яркомъ пламени своего чуткаго, любвеобильнаго сердца. Жизнь ихъ — самосожженіе, только не во вкусѣ протопопа Аввакума, а совсѣмъ въ другомъ родѣ. Сгоритъ скоро и Елизавета Ивановна!—пророчески закончилъ редакторъ.

И она, дѣйствительно, быстро сгорѣла.

Выросла она въ бѣдной семьѣ и силы были надорваны съ дѣтства недостаткомъ питанія, воздуха, свѣта. Потомъ тяжелый трудъ корректорши въ самыхъ скверныхъ условіяхъ и постоянныя волненія за другихъ окончательно подготовили хорошую почву для чахотки.

Елизавета Ивановна свернулась въ теченіе одной зимы, и къ веснѣ ея уже не стало.

Трудно представить, какъ велико было горе ея типографской семьи.

Горе началось еще за мѣсяцъ до ея смерти,—когда всѣмъ стало ясно, что ей не встать съ постели, и все наростало и наростало.

Каждый изъ наборщиковъ, прежде чѣмъ взяться за работу, спрашивалъ: „какъ Елизавета Ивановна"?

— Плоха! — печально сообщалъ метранпажъ, ежедневно заходившій на квартиру барышни справляться о ея здоровьѣ.

— Плоха... плоха!..—печальнымъ шепотомъ передавали наборщики другъ другу.

На наборщика Ѳедорова безнадежное положеніе обожаемой дѣвушки подѣйствовало такъ сильно, что онъ совсѣмъ пересталъ пить.

— Все равно, не зальешь этого горя, хоть море водки выпей!—съ какой-то злобой говорилъ онъ, когда ему предлагали выпить для облегченія.

За время болѣзни корректорши вся типографія перебывала у нея въ гостяхъ, и каждому она успѣла сказать ласковое слово съ той же милой улыбкой и проникновеннымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, къ которымъ такъ привыкли ея друзья.

— Поправлюсь, погодите! Приду въ типографію и пиръ горою зададимъ!—шептала больная,—голосъ у нея давно пропалъ.

Она хорошо сознавала, что конецъ уже близокъ, и желала только утѣшить своихъ опечаленныхъ гостей.

Насталъ день, когда на вопросъ: „ну, что, какъ Елизавета Ивановна"? метранпажъ мрачно отвѣтилъ: приказала долго жить...

Точно черное покрывало спустилось надъ типографіей. Въ теченіе цѣлаго дня почти не слышно было разговоровъ. Когда окончили работу, метранпажъ сказалъ: братцы, вѣдь надо на вѣнокъ собрать?

Эта мысль была въ мозгу у каждаго.

Подписной листъ быстро покрылся именами и цифрами. Присоединилась, разумѣется, и редакція съ издателемъ во главѣ.

Издатель, подписывая десять рублей, шутливо добавилъ: Охъ! и по смерти-то она меня безпокоитъ.

Метранпажъ не воспринялъ этой хозяйской шутки и угрюмо посмотрѣлъ въ сторону.

— Когда будутъ хоронить?—уже строго и дѣловымъ тономъ спросилъ издатель.

— Послѣ завтра!—отвѣчалъ метранпажъ и старался не встрѣчаться глазами съ хозяиномъ.

Тотъ тяжелымъ взглядомъ окинулъ метранпажа и сказалъ:

— Вотъ что... м-мъ... передай тамъ въ типографіи: похороны и поминки на мой счетъ, слышишь? Я распоряжусь самъ, чтобы все было прилично...

— На счетъ надписи на лентахъ, Сергѣй Ильичъ...—началъ было метранпажъ.

— Ну, разумѣется, напечатаемъ въ нашей типографіи... Она здѣсь работала... Шрифты деревянные въ порядкѣ?

— Шрифты въ порядкѣ... Что на лентѣ-то напечатать?

— Ну, ужъ это не мое дѣло. Съ этимъ ты къ редактору обратись. До свиданья!

Метранпажъ отправился къ редактору.

— Сергѣй Ильичъ къ вамъ послали на счетъ надписи на лентахъ вѣнка...

— Что же? Я, право, не знаю... Тутъ

никакой надписи не придумаешь!— задумчиво сказалъ редакторъ.— Для такого человѣка, какимъ была Елизавета Ивановна, трудно придумать надпись на погребальный вѣнокъ... Господа!— крикнулъ онъ въ дверь редакціоннаго зала, обращаясь къ сотрудникамъ,—господа! Вотъ вопросъ о надписи на вѣнокъ для Елизаветы Ивановны... Какъ вы думаете, какую надпись соорудить?

Сотрудники собрались въ кабинетъ редактора и стали обсуждать этотъ важный и трудный вопросъ.

Предложенія были самыя банальныя: „незабвенной"..., „дорогой"... „труженицѣ печати"... и т. п.

— Все это довольно... какъ сказать?... довольно пошло звучитъ,—съ досадой сказалъ редакторъ,—пошло, потому что истрепано, писано на тысячахъ вѣнковъ самыхъ ничтожныхъ личностей... Ужь лучше безъ всякой надписи!...

— Вотъ у насъ тутъ...—смущенно началъ метранпажъ, роясь въ карманахъ,—у насъ... Мы вмѣстѣ всѣ сочинили... по слову вставляли...

Онъ вынулъ испачканный въ типографской краскѣ и исписанный карандашемъ клочекъ бумаги.

Всѣ заинтересовались...

Метранпажъ прочелъ: „нашему ангелу хранителю, милой нашей сестрѣ. Никогда не забудемъ"!

Всѣ молчали. Каждый переваривалъ въ себѣ эти простыя и ясныя слова, вырвавшіяся изъ грудей тѣхъ, для кого Елизавета Ивановна была истиннымъ ангеломъ хранителемъ.

Можно ли было возражать противъ этой надписи? Да и имѣлъ-ли кто нибудь изъ присутствующихъ право на возраженіе?

Эта надпись и была отпечатана на лентахъ.

Ее хоронила вся типографія и вся редакція. Гробъ несли на рукахъ. Несли тѣ, кого она больше всего любила и за кого отдавала свою молодую душу.

Изъ „общества" не было никого, потому что съ „обществомъ" у нея не было никакихъ связей. У нея былъ свой міръ: обездоленные труженики, служители печатнаго станка и... отчасти редакція газеты. Они-то и проводили ее на вѣчный покой.

Издатель торжественно прошагалъ за гробомъ два квартала и томно заявилъ.

— Не могу больше, я боленъ и такъ разстроенъ... Долгъ отдалъ... Ну, что-жъ, всѣ помремъ... Миръ праху!.. Николай Ивановичъ,—обратился онъ къ редактору,—пожалуйста, замѣните меня, представительствуйте, такъ сказать... Я тамъ распорядился на счетъ поминокъ... Пожалуйста!—и онъ крѣпко пожалъ руку редактору, умильно заглядывая ему въ глаза.

Редакторъ не отвѣчалъ на ласки принципала и, выдернувъ свою старую руку изъ лицемѣрнаго рукопожатія, угрюмо буркнулъ: „хорошо, хорошо"!

Гробъ опустили и засыпали землей.

Провожавшіе не расходились, пока не выросъ холмикъ, ничтожный, жалкій холмикъ надъ чѣмъ—то большимъ и прекраснымъ, ушедшимъ изъ міра.

Никто не рѣшился нарушить покоя этой простой могилы своими рѣчами.

Вѣнокъ изъ иммортелей и фіалокъ, обвитый бѣлой лентой съ надписью, представлявшею истинную элегію разбитыхъ сердецъ, положенъ былъ въ головахъ.

На угрюмое приглашеніе редактора, исполнявшаго порученіе издателя,—„пойти и помянуть покойницу, чѣмъ Богъ послалъ"—никто не отвѣтилъ.

Всѣ расползлись съ кладбища въ разныя стороны.

На могилѣ остался вѣнокъ и громадная фигура наборщика Ѳедорова.

Онъ сидѣлъ въ ногахъ покойницы, сложивъ руки палецъ въ палецъ, и, стиснувъ лошадиные зубы, безслезно вылъ, какъ вѣрный песъ.

А. Ульяновъ.

Миражъ.

Этюдъ съ натуры.

А. ЭНКВИСТЪ.

День былъ томительно жаркій. Возвратясь съ длинной прогулки по полямъ, мы съ Алиной добрались до сада и сѣли на круглую скамейку, что кольцомъ обвиваетъ старую липу надъ прудомъ. Тутъ, въ тѣни этой старой липы, раскинувшей надъ нами свой зеленый шатеръ, было такъ хорошо и прохладно, весмотря на палящій зной. Я невольно залюбовалась причудливымъ рисункомъ тѣней и солнечныхъ бликовъ на желтомъ пескѣ дорожки у нашихъ ногъ.

— Посмотри, какъ жизненны, какъ ярки и прекрасны эти свѣтлые блики, этотъ тонкій рисунокъ тѣней, то набѣгающихъ, то сбѣгающихъ. Онѣ будто заигрываютъ съ этими свѣтлыми искрящимися пятнышками, которыя, какъ и тѣни, то набѣгаютъ, то сбѣгаютъ, сгоняя и смѣняя другъ друга!—проговорила Алина, задумчиво глядя въ даль и нервно шевеля кончикомъ своей лаковой туфельки, скромно виднѣвшейся изъ-подъ мягкихъ складокъ ея свѣтлаго лѣтняго платья.

Что касается меня, то сама Алина интересовала меня несравненно больше, чѣмъ эти тѣни и облики.

— Какъ это красиво, какъ весело, какъ похоже на счастье!—продолжала она.—А, вѣдь, въ сущности, это только минутный миражъ. Не пройдетъ и часа, какъ отъ всей этой веселой игры обликовъ не останется и слѣда; вмѣсто плавно колеблющейся сѣти тѣней, вмѣсто дрожащихъ, искрящихся пятнышекъ, останется сѣро-желтый песокъ дорожки и больше ничего!—Алина задумалась, и я замѣтила, что она подавила вздохъ. По красивому лицу ея пробѣжала неуловимая тѣнь вѣроятно, навѣянная на нее какимъ-нибудь воспоминаніемъ.

Алина всегда казалась мнѣ немного странной, загадочной, не понятной натурой, и это дѣлало ее особенно привлекательной и интересной для меня, да и для многихъ, знавшихъ ее.

Ни я, ни Алина не замѣтили, какъ появилась въ концѣ аллеи высокая мужская фигура въ бѣломъ кителѣ, и очнулись только тогда, когда Юрій Александровичъ, братъ Алины, подошелъ къ намъ и, присѣвъ на скамью рядомъ съ сестрой, сталъ жаловаться на жару.

— А у васъ здѣсь хорошо,— замѣтилъ онъ,—хитрыя женщины! Всегда онѣ умѣютъ найти уютный уголокъ и укрыться и отъ зноя, и отъ вѣтра, и отъ дождя, и отъ

стужи; мы, мужчины, въ этомъ отношеніи менѣе изобрѣтательны и не такъ находчивы!

— Быть можетъ потому, что вы всегда заняты болѣе серьезными задачами и пренебрегаете такими житейскими мелочами!—сказала я полу-насмѣшливо, полу-серьезно, какъ обыкновенно говорила съ Юріемъ Александровичемъ.

— Ахъ, Алиночка, помнишь ты моего товарища Боборыкина, Андрея Николаевича? — вдругъ обратился онъ къ сестрѣ, не удостоивъ меня отвѣтомъ, что съ нимъ, впрочемъ, часто бывало.

— Да, а что?—какъ-бы нехотя отозвалась Алина, не подымая головы и не прерывая своего занятія; наклонившись немного впередъ, она машинально чертила концомъ своего кружевного зонтика на пескѣ дорожки какой-то причудливый рисунокъ.

— Я сейчасъ узналъ,—продолжалъ ея братъ,—что Боборыкинъ вчера застрѣлился.

— Боборыкинъ, неужели?! — воскликнула Алина, вдругъ выпрямившись и глядя на брата широко раскрытыми глазами. Яркій румянецъ залилъ ея обыкновенно немного блѣдное лицо.—А я только-что думала о немъ!—какъ-бы про себя сказала она и затѣмъ снова принялась за свой рисунокъ, но на этотъ разъ, повидимому, совершенно безсознательно глядя куда-то впередъ.

— Что между вами произошло, Алина? — вдругъ спросилъ Юрій Александровичъ. Алина не отвѣчала.

— Что-то такое между ними было, Варвара Петровна,—продолжалъ Юрій, обращаясь ко мнѣ,—но что именно, не знаю! Боборыкинъ никогда ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, хотя мы были съ нимъ очень близки; впрочемъ, Андрей вообще былъ человѣкъ нѣсколько сдержанный и скрытный. Я помню только, что каждый разъ, когда разговоръ заходилъ объ Алинѣ, онъ какъ-то жадно къ нему прислушивался, но какъ скоро къ нему обращались съ вопросомъ или замѣчаніемъ, касавшимся ея, онъ тотчасъже старался замять разговоръ, а если это ему не удавалось, то видимо чувствовалъ себя какъ-то неловко, дѣлался раздражителенъ, начиналъ досадовать на все и на вся, ко всему и ко всѣмъ придирался, что, въ сущности, было вовсе не въ его характерѣ. Боборыкинъ вообще былъ человѣкъ спокойный, добродушный, милый, славный товарищъ, немного нерѣшительный, нѣсколько робкій, колеблющійся, но безусловно честный и хорошій человѣкъ. Не такъ-ли?—добавилъ Юрій, обращаясь къ сестрѣ.

— Я очень мало знала Андрея Николаевича,—отозвалась она,—но и я думаю, что онъ былъ хорошій и честный человѣкъ!

— Мнѣ почему-то всегда казалось, что онъ тебя любилъ!—продолжалъ Юрій Александровичъ.

— Тебѣ это казалось? Неужели? — воскликнула Алина, какъ бы чему-то обрадовавшись, но вслѣдъ за тѣмъ лицо ея приняло снова обычное грустное выраженіе; мнѣ показалось даже, что оно стало еще печальнѣе и еще блѣднѣе.

— Нѣтъ, Юра, ты ошибся: это былъ только миражъ!—сказала она.

— Какъ миражъ! — воскликнулъ Юрій Александровичъ.—Нѣтъ Алина, онъ дѣйствительно тебя любилъ, я не ошибаюсь!

— Нѣтъ, нѣтъ, мы оба ошибались тогда, а ты и теперь ошибаешься! Мнѣ это лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно!

— Но ты же любила его!—произнесъ почти утвердительно Заринъ (такъ звали Юрія Александровича).

— Да, я... я любила его!—тихо, но отчетливо выговорила Алина,—я дѣйствительно безумно любила его; мало того, нѣсколько дней или, вѣрнѣе, нѣсколько часовъ была счастлива до безумія, счастлива тѣмъ, что вѣрила въ его любовь!

При послѣднихъ словахъ лицо Алины ожило и какъ будто еще болѣе похорошѣло; глаза ея, глубокіе и большіе, свѣтились непривычнымъ огнемъ; вся она точно помолодѣла и преобразилась до неузнаваемости. Я смотрѣла на нее, невольно любуясь, такою я ее еще никогда не видала.

— Нѣсколько дней!.. Нѣсколько часовъ! Что это значитъ? Что между вами было?—спросила я.

— Мы оба думали, что любимъ, но ошиблись!—чуть слышно проговорила Алина, глядя въ даль на искрившуюся на солнцѣ гладкую, какъ зеркало, поверхность пруда. Казалось, она мысленно переживала еще разъ это минутное мимолетное счастье, этотъ лучезарный миражъ.

— Помнишь, когда я гостила у тебя въ Кисловодскѣ и познакомилась съ нимъ, мы иногда по вечерамъ гуляли долго по нашему саду или-же выходили на дорогу и шли безъ цѣли, куда глаза глядятъ, бесѣдуя о всемъ, что приходило въ голову, просилось на языкъ?! Почти всегда мы дробились на пары, причемъ часто случалось такъ, что онъ шелъ въ парѣ со мной. Забывая объ окружающихъ, мы вели длинныя задушевныя бесѣды и порою чувствовали нѣкоторую близость. Онъ нравился мнѣ, я нравилась ему, я это знаю. О любви мы тогда еще не помышляли; правда, у него раза два проявлялись порывы робкой нѣжности и ласки, но я каждый разъ парировала ихъ, парировала не потому, что не хотѣла его ласки, а изъ какой-то женской стыдливости или осторожности. Мы видались не часто, ты это знаешь. Онъ бывалъ у насъ только наѣздомъ. Порою, когда онъ долго не пріѣзжалъ, мнѣ становилось скучно, хотѣлось его видѣть, я начинала желать, чтобы онъ пріѣхалъ,—но вотъ и все! Вѣдь, это не любовь? Онъ пріѣзжалъ, я была рада, — но и только! Я отпускала его безъ особаго сожалѣнія, спокойно, почти равнодушно. Но помнишь, Юра, мнѣ пришла фантазія прокатиться въ Тифлисъ подъ предлогомъ какихъ-то покупокъ? Ты не могъ сопровождать меня, и онъ вызвался поѣхать со мной. Я согласилась. Мы пробыли три дня въ Тифлисѣ, три дня, всего только три дня, но въ эти три дня я прожила полъ-жизни, я узнала счастье! Въ приливѣ нѣжности и ласки онъ овладѣлъ мной. Я не хочу винить его, я хочу вѣрить, что и самъ онъ, подобно мнѣ, принялъ этотъ минутный порывъ за любовь.

Юрій Александровичъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Алина, неужели?! Неужели это было?! — воскликнулъ онъ, и яркая краска залила его красивое лицо,— Негодяй! какъ онъ осмѣлился, какъ могъ...—онъ не договорилъ, задыхаясь отъ волненія.

Алина успокоительно положила руку на его руку.—Вѣдь, онъ ужъ умеръ, Юрій! — напомнила она.— Все это давно прошло... вини не его, а меня, онъ не воспользовался хищнически моей беззащитностью, нѣтъ! Онъ желалъ, просилъ, молилъ, молилъ робко и нѣжно, я слабо сопротивлялась; тогда онъ сталъ настойчивѣе, и я почти поддалась, да, это было такъ. Свершилось. Я была счастлива, — а онъ былъ веселъ. Когда мы оставались вдвоемъ, онъ былъ ласковъ и нѣженъ, а во мнѣ, „могучей страсти валъ и росъ, и подымался“, ежеминутно грозя захлестнуть утлую ладью моей сдержанности и самообладанія. Съ каждымъ часомъ, съ каждой лаской его—жажда ласки и любви росла во мнѣ съ непостижимой силой. Я была готова, не отрывая устъ, застыть въ поцѣлуѣ и замереть въ блаженномъ забытьи любви.

Но я ждала любви взаимной. Мнѣ хотѣлось любить, да, но также хотѣлось и быть любимой! Не поклоненія, не культа искала я, а отклика на каждое движеніе души, на каж-

дый мой порывъ; я хотѣла видѣть въ немъ все то, что сама чувствовала, и тѣ три дня, мнѣ казалось, что все это въ немъ есть! Не знаю, что чувствовалъ, что думалъ онъ тогда; знаю только что онъ былъ удивительно веселъ, счастливъ и, кажется, любилъ меня. Да, теперь я говорю „*кажется*",—проговорила Алина, и по лицу ей скользнула горькая улыбка.—Но тогда это „кажется" было для меня дѣйствительностью, а дѣйствительность эта была моимъ счастьемъ. Я была счастлива сознаніемъ его любви, была счастлива тѣмъ, что могу не оставаться у него въ долгу, что могу отплатить ему тѣмъ-же; я была счастлива, полагая, что онъ мой, весь мой, точно такъ-же, какъ и я хотѣла быть вся его! Но прошли эти лучезарные дни свѣтлаго яснаго счастья, эти дни, которые я мысленно не разъ называла „зарею нашего счастья", „расцвѣтомъ нашей любви!" Что за горькая насмѣшка въ этихъ красивыхъ словахъ!—Мы дождались жаркаго знойнаго дня: не расцвѣлъ пышный цвѣтокъ разцвѣтавшей любви. Я вернулась въ Кисловодскъ. Дни потекли своимъ обычнымъ порядкомъ, и ты ничего не замѣтилъ во мнѣ тогда.

— Ничего! — лаконически отвѣчалъ Заринъ.

— Мы растались лишь на короткое время, всего на какихъ-нибудь нѣсколько дней, и я стала ожидать его, считая часы и минуты. И вотъ, наконецъ, дождалась. Онъ пріѣхалъ, какъ обѣщалъ, но пріѣхалъ не онъ, не тотъ, что былъ мой, а какой-то другой, совершенно чужой, не знакомый мнѣ человѣкъ. Онъ какъ будто боялся меня; смущался, растеривался и, видимо, чувствовалъ себя неловко въ моемъ присутствіи, старательно избѣгалъ остаться со мной наединѣ и тревожно озирался всякій разъ, когда мы случайно, хоть на минуту, оставались вдвоемъ. Я не узнавала его; не вѣрила своимъ глазамъ; все мое счастье, вся моя любовь, все, что грезилось мнѣ наяву и во снѣ,—все это сгинуло и пропало разомъ, какъ въ сказкѣ! Всю эту дивную поэму беззавѣтной любви стеръ какой-то жестокій кудесникъ однимъ взмахомъ своей костлявой мертвящей руки. Повязка упала съ моихъ глазъ,—и я вдругъ прозрѣла. Я поняла, что люблю только я. Все мнѣ стало ясно и просто. Я поняла, что заря того счастья была не заря, а минутная вспышка, что не только я, но и онъ ошибся въ себѣ, въ своемъ чувствѣ; онъ еще силился раздуть его въ себѣ пытался обмануть себя и меня, продлить этотъ миражъ счастья, но или не хотѣлъ, или не умѣлъ сдѣлать это такъ, чтобы я могла еще разъ обмануться и повѣрить въ возможность любви и счастья.

Алина замолчала; мы тоже не рѣшались нарушить молчаніе. Спустя нѣкоторое время она заговорила снова, но уже прежняго оживленія, прежняго волненія, того прежняго блеска глазъ, съ какимъ она говорила раньше, не стало; глаза ея какъ будто потухли, все лицо точно подернулось невидимой дымкой, затуманилось и потускнѣло.

— Съ фактами спорить нельзя; съ ними поневолѣ приходится мириться. Закрывать глаза на дѣйствительность и упорно баюкать себя любимою грезой я считаю малодушіемъ. Я люблю смотрѣть звѣрю прямо въ глаза. Люблю идти ему прямо на встрѣчу. Вотъ почему горе не сломило меня, я схватилась съ нимъ грудь съ грудью. „Нѣтъ," — сказала я; — не осилить тебѣ меня, горе-богатырь! Не придавить тебѣ меня своею желѣзной рукой! Сумѣю и я постоять за себя, сумѣю потягаться съ тобою!" Ну, и что-же, осилила я свое горе, не пошла ни топиться, ни вѣшаться. Ты, Юра, и тутъ, кажется, ничего не замѣтилъ?

Юрій Александровичъ молчалъ.

— А ты, Варюша? — обратилась она ко мнѣ. — Вѣдь, ты какъ разъ въ то время пріѣхала къ намъ?

— Мнѣ казалось, Алина, что ты тогда была нѣсколько странная, немного разстроенная!

— Да, нѣсколько странная и немного разстроенная! Ха! ха! Я желала-бы, чтобы ты или онъ могли заглянуть тогда въ мою душу. Ты женщина, Варюша, и можешь понять и почувствовать, что значитъ для женщины, когда она отдалась всей душой, отдала всю себя человѣку ни за что и вдругъ видитъ, что все это она приняла не за чистую взаимную любовь, — а за минутную блажь; когда она видитъ, что то, что для меня было священнымъ союзомъ сердецъ, единеніемъ двухъ душъ, для него было лишь пріятнымъ препровожденіемъ времени. И не забудь, что такъ поступаетъ хорошій, честный человѣкъ!

Что-же говорить послѣ того объ остальныхъ? Онъ никогда не рѣшился бы обмануть товарища даже въ пустякахъ, а по отношенію ко мнѣ не побоялся необдуманно, не провѣривъ себя предварительно, не вглядѣвшись въ характеръ той, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, не побоялся съ легкимъ сердцемъ поставить на карту, я не говорю уже счастье, но спокойствіе и душевный миръ той, которая отдалась ему всѣмъ существомъ. Ради удовлетворенія своего минутнаго желанія, онъ не задумываясь игралъ чувствомъ женщины, вызывалъ и возбуждалъ въ ней это чувство, не будучи въ состояніи отвѣтить ей такимъ-же искреннимъ и здоровымъ чувствомъ. А вѣдь онъ честный человѣкъ! Онъ не возьметъ десятка папиросъ, не заплативъ за нихъ; онъ не уйдетъ изъ ресторана, не заплативъ по счету! Въ тоже время этотъ человѣкъ не стѣсняясь беретъ у женщины ея любовь, ея привязанность, ея идеалъ счастья, и не задумываясь разбиваетъ и разбрасываетъ все это по вѣтру, ни разу не подумавъ, что онъ у нея въ долгу; что брать и не платить не честно! Чему-же учитъ васъ вашъ совершенный кодексъ этики? Боже, до какой степени безцеремонно обращаетесь вы со всѣми этими требованіями нравственности, чести и другихъ добродѣтелей, разъ только дѣла касается женщины и ея чувствъ! Васъ даже поражаетъ и удивляетъ, какъ нѣчто неслыханное, нѣчто уродливое, если женщина въ отвѣтъ на свои чувства осмѣливается требовать и отъ васъ такого-же чувства и такой-же привязанности. Вы—прирожденные крѣпостники, и несмотря на всю вашу культурность и гуманность, въ женщинѣ хотите видѣть всегда рабу или же, въ лучшемъ случаѣ, вещицу, которою располагаете по своему усмотрѣнію, которой пользуетесь, какъ и когда вамъ угодно, или откладываете въ сторону, когда она вамъ не нужна или мѣшаетъ. Но пора-же, наконецъ, научиться видѣть въ ней равное вамъ существо, научиться уважать въ ней личность и считаться съ ней, какъ равный съ равнымъ! Пора-же раскрыть глаза и взглянуть на дѣйствительность безпристрастнымъ взглядомъ; пора понять, что душа женщины такая-же человѣческая душа, — но только болѣе чуткая и болѣе живая, чѣмъ ваша, что всякое грубое прикосновеніе къ чувствительнымъ фибрамъ для нея вдвое болѣзненнѣй, чѣмъ вамъ... Пора понять, что то, что не честно по отношенію къ мужчинѣ, не честно и по отношенію къ женщинѣ!

Научитесь вы, глядя на женщину, прежде чѣмъ подойти къ ней съ намѣреніемъ пробудить въ ней чувство, — научитесь ставить себѣ вопросъ: „чѣмъ я отвѣчу ей на это чувство? Чѣмъ отплачу ей за него? Зачѣмъ мнѣ это чувство? Что я сдѣлаю съ нимъ“? Отвѣтьте себѣ честно на эти вопросы и тогда, только тогда вы поймете, вправѣ-ли вы, считая себя честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, подойти къ ней и будить ея чувства, вкрадываться въ ея душу,—вправѣ-ли затѣвать съ этой человѣческой душой недостойную игру, позабавиться ею

и затѣмъ спокойно отойти въ сторону!

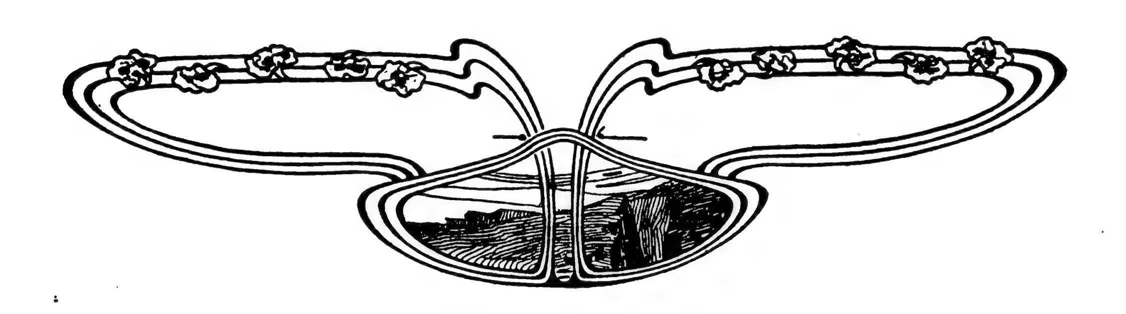
Алина смолкла. Юрій Александровичъ всталъ и нервно заходилъ по дорожкѣ, покусывая лѣвый усъ. Я сидѣла неподвижно, боясь поднять глаза, боясь взглянуть на Алину. Солнце ушло; бликовъ веселыхъ не стало, свѣтлый сумракъ разстилался кругомъ, окутывая все своею прозрачной дымкой. Надвигалась громадная черная туча, предвѣщавшая близкую грозу. По кустамъ пробѣжалъ свѣжій вѣтерокъ.

— Такъ онъ застрѣлился! — сказала Алина, вставъ со скамейки. — Хотѣла-бы я знать, что побудило его къ этому шагу!..

Она говорила своимъ обычнымъ, спокойнымъ голосомъ, и глаза ея смотрѣли, по обыкновенію, серьезно и задумчиво. Казалось, будто все, что мы сейчасъ слышали отъ нея, говорила вовсе не она. Подойдя къ брату, она взяла его подъ руку и, обернувшись ко мнѣ, сказала.

— Сейчасъ хлынетъ ливень! Видишь, какъ все кругомъ потемнѣло, надо уходить!..

А. Энквистъ.



Изъ дневника.

Наше время—время обновленья...
Разступился сумрачный туманъ
И зарей труда и просвѣтленья
Вспыхнулъ жизни бурный океанъ,
Прочь бѣгутъ томительныя тѣни
Скорбныхъ дней безсилія и зла.
Предъ нами твердыя ступени
Въ царство счастья, свѣта и тепла.
Намъ звенятъ волшебные призывы
Отточить заржавленную сталь

И идти на дремлющія нивы
Разогнать ихъ зимнюю печаль,
Взбороздить кормилицей-сохою
Грудь земли, разбросить сѣмена.
Пусть одѣнетъ зеленью густою
Наши нивы чудная весна.
Посмотри, какъ радостно въ лазури
Свѣтитъ солнце, душу веселя...
Милый другъ, повѣрь, затихли бури,
Снѣгъ сошелъ, оттаяли поля.
Милый другъ... Сотри былыя слезы,
Смѣло въ даль весеннюю гляди,
Сколько въ ней и бодрости, и грезы,
Сколько счастья, дѣла впереди...
Милый другъ. Прошли былые годы,
Душный мракъ разстался навсегда
Мы стоимъ предъ гранями свободы,
Намъ блеститъ счастливая звѣзда.
Вѣрь въ нее—и твердо, безъ сомнѣній
Начинай свой новый, свѣтлый трудъ.
Не страшись борьбы и столкновеній.
Дни побѣдъ лишь смѣлыхъ духомъ ждутъ.

С. Өедоренко.

Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ.

Рудольфа Штраца

(Продолженіе).

IV.

Майоръ брелъ по темнымъ улицамъ. Онъ былъ пріятно возбужденъ встрѣчей съ обѣими молодыми дѣвушками. Послѣ шума и табачнаго дыма она произвела на него впечатлѣніе чего-то свѣжаго и бодрящаго.

Вдругъ онъ остановился въ удивленіи;—передъ нимъ стоялъ профессоръ Аррасъ. Въ десять часовъ вечера, на углу плохо освѣщенной газовыми фонарями улицы...

— Что за исторія? Профессоръ, ты? Куда ты, скажи ради Бога? Въ собраніе?

— Да... Къ сожалѣнію, я опоздалъ!—сказалъ профессоръ. Но я обѣщалъ сыну.

— Сыну? Ну, у твоего сына теперь двоится въ глазахъ, и онъ тебя не замѣтитъ даже. Они съ вѣчнымъ кандидатомъ порядочно уже выпили. И за столомъ царитъ глубочайшее опьяненіе. Тамъ теперь нечего дѣлать!

Профессоръ стоялъ въ нерѣшительности. Онъ былъ еще подъ обаяніемъ долгой одинокой прогулки при лунномъ свѣтѣ по склону горы, покрытой цвѣтущими деревьями, по мосту черезъ Неккаръ, по узкимъ улицамъ стараго Гейдельберга, и чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому „Херускіи“, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ отвращеніе нервнаго человѣка къ большому незнакомому обществу, шуму, свѣту и дурному воздуху.

Слова майора вывели его изъ затрудненія.

— Хорошо, что я встрѣтился съ тобой! — сказалъ онъ обрадованно. —Это даетъ мнѣ нравственное право вернуться! До этого-же времени категорическій императивъ возмущался во мнѣ. Теперь-же совѣсть моя можетъ быть спокойна!

Оба медленно пошли по залитымъ луннымъ свѣтомъ улицамъ.

— Странный вечеръ провелъ я сегодня!—заговорилъ майоръ.—Сначала сидѣлъ за кружками пива съ молодыми студентами, потомъ говорилъ объ этомъ съ студентками... И послѣднее было гораздо пріятнѣе. Все у нихъ такъ мило, красиво, уютно... Близость женщины...знаешьли... Я всегда радъ, когда хоть нѣсколько минутъ вижу предъ собою молодость, веселье, хорошенькія личики! А эта маленькая студентка, Бауэрнфейндъ, хороша, какъ картинка, съ лицомъ, какъ у святой... въ этомъ надо отдать ей справедливость...

— Что собственно это значитъ— „какъ у святой?" Что мы называемъ красотой у женщинъ и дѣвушекъ? Веселое, безсмысленное личико... что-то дѣтское, спокойное... нетронутое жизнью? Наоборотъ, синій чулокъ представляется намъ съ длиннымъ носомъ, очками и папиросой! Нужно только радоваться, что теперь появляется новый типъ молодой дѣвушки, прекрасное лицо которой одухотворено умомъ, энергіей, знаніемъ и опытомъ, но которая осталась женственной, скромной, почти робкой... Однимъ словомъ, ты очень неправъ, если хвалишь только ея наружность. Она, кажется, необыкновенно одаренной и духовно. Я хотѣлъ-бы видѣть своихъ дочерей такими. Жена пригласила ее участвовать завтра въ нашемъ пикникѣ.

— И она должна будетъ выслушать первую твою лекцію?

— Я не выдамъ ей тайны науки!— сказалъ, смѣясь, профессоръ.—Это испугало-бы бѣдную дѣвушку. Тайны эти только для такихъ старыхъ младенцевъ, какъ ты.

— Ну, такъ въ чемъ-же тайна науки?

— Въ томъ, что ея совсѣмъ не существуетъ! — Онъ посмотрѣлъ на часы. — Пойдемъ немного скорѣе домой. Я послѣ болѣзни чувствую усталость. Во время этой болѣзни, когда я готовился обратиться въ Ничто, я пришелъ къ убѣжденію, что мы и теперь Ничто и ничего не знаемъ... Мы *никогда* не разрѣшимъ великой загадки, въ которой заключается все остальное. Можетъ быть, загадка эта носится вокругъ насъ, между нами, всюду, но мы не можемъ отгадать ея, какъ слѣпой, который бредетъ тутъ ощупью около домовъ, не можетъ видѣть замка, что стоитъ тамъ, наверху, въ лучахъ луны. Однако, это не значитъ, что замка нѣтъ.

— Но что же дѣлать?

— Обратись къ благочестію, мой добрый майоръ! Поѣзжай въ Римъ! Іезуиты не сомнѣваются ни въ чемъ! У нихъ во всемъ самыя точныя знанія.

— Благодарю покорно!—Майоръ провелъ рукой по глазамъ, какъ-бы желая стряхнуть съ себя тяжелое впечатлѣніе. — Знаешь ли, я радъ, что я такой заурядный человѣкъ!— откровенно признался онъ.—У меня голова кружится при одной мысли о вершинахъ познанія, гдѣ стоишь одиноко, чувствуя себя, какъ на воздушномъ шарѣ!.. И какъ это все пришло тебѣ въ голову, когда мы такъ пріятно начали говорить объ учащихся дѣвушкахъ...

Профессоръ улыбнулся. —Именно поэтому! Когда побываешь въ обществѣ дѣтей, то начинаешь невольно думать о себѣ. А онѣ вѣдь настоящія дѣти! Особенно моя новая протеже. Она еще дѣлаетъ такіе большіе серьезные глаза и вѣритъ во все на свѣтѣ, — даже въ меня!

— Послушай-ка! — сказалъ сѣдовласый студентъ, отпирая дверь. —

Эта фрейлейнъ Эрна Бауэрнфейндъ очень занимаетъ тебя! Ну, благодари Бога за такую ученицу!

— До завтра—въ долинѣ Неккара!

Профессоръ простился съ нимъ и пошелъ дальше по улицамъ, тишину которыхъ нарушали кое-гдѣ группы студентовъ на углахъ улицъ, пѣніе въ многочисленныхъ яркоосвѣщенныхъ трактирахъ и рѣзкіе голоса ночныхъ бродягъ, съ которыми полицейскіе вели продолжительные споры. На мосту прекратились и эти проявленія жизни города музъ. Облитый кроткимъ луннымъ свѣтомъ разстилался ландшафтъ,—рѣка, сверкающая серебромъ и тихо журчащая; возносящіяся въ голубоватомъ сіяніи крыши домовъ и колокольни; выше, на горѣ, дремлющее снѣжнобѣлое море цвѣтовъ, а надо всѣмъ этимъ, въ рамкѣ темныхъ горныхъ вершинъ, просвѣтленныя таинственнымъ небеснымъ свѣтомъ, грустно-величавыя развалины замка, полное чарующей вѣчной красоты, memento mori — среди жизни, расцвѣта и вѣянія весны.

Передъ статуей курфюрста Карла-Теодора на мосту профессоръ остановился. Ему показалось забавнымъ, что этотъ ужасный тиранъ восемнадцатаго столѣтія, безпутникъ и любитель женщинъ, такъ сострадательно и съ такимъ достоинствомъ смотритъ съ своего пьедестала на двадцатое столѣтіе, какъ-бы желая сказать: „Надрывайтесь въ работѣ, муравьи и пчелы новаго вѣка! Моя свѣтлость не работала никогда въ жизни и чувствовала себя превосходно! Работа не несчастье, она болѣзнь. Болѣзнь-же дѣлаетъ печальнымъ и недовольнымъ. Лѣнь сохраняетъ силу тѣла и духа. Бездѣйствіе—здоровье. Веселитесь вы, духовные владыки, и смѣйтесь надъ рабами!“

Рабы науки вѣдь трудятся и мучаются вѣчно, зная заранѣе, что въ концѣ концовъ всѣ они разными дорогами придутъ къ одной цѣли, къ одному вопросу, тому вопросу, который задалъ Пилатъ, умывая руки:

— Что есть истина?

Болѣе пятисотъ лѣтъ на берегахъ Неккара процвѣталъ древнѣйшій нѣмецкій университетъ. Болѣе пятисотъ лѣтъ вдоль рѣки и по высокой горной тропинкѣ прогуливались тутъ мыслители — жизнерадостные философы Возрожденія, пылкіе гуманисты, мрачные мечтатели временъ Реформаціи, ожесточенные и раздраженные борцы религіозныхъ войнъ, полныя достоинства фигуры въ длинныхъ парикахъ съ косичкой и въ треугольныхъ шляпахъ, потомъ, во времена упадка — духовные могильщики, іезуиты въ своихъ широкополыхъ шляпахъ, наконецъ, въ теченіе великаго девятнадцатаго столѣтія — новые представители завоевавшаго весь міръ нѣмецкаго духа— и каждый смотрѣлъ въ ночной тиши на сверкающее звѣздами небо или при солнечномъ сіяніи вперялъ свои взоры въ его бездонную лазурь и спрашивалъ себя: „Что есть истина?“

И никто не получилъ иного отвѣта, кромѣ звона колоколовъ, которые сзывали въ одномъ и томъ же городѣ, даже въ одинъ и тотъ-же храмъ — протестантовъ, лютеранъ и папистовъ, старо-католиковъ.

Не лучше-ли просто наслаждаться жизнью, какъ этотъ самодовольный свѣтлѣйшій князь? Пользоваться годами, днями, часами, которые никогда не вернутся, вмѣсто того, чтобы мучиться душой и тѣломъ у запертыхъ дверей нашей жизненной темницы и остановиться наконецъ въ изнеможеніи, съ пустыми руками и посѣдѣвшей головой?

Горькое чувство охватило профессора. Онъ облокотился о перила моста.

— Простите... — Около него стоялъ, опираясь на руку проводника Гинкеле, карликъ съ неподвижными блестящими зелеными глазами на красномъ лицѣ, державшійся на ногахъ несовсѣмъ твердо и съ любо-

пытствомъ смотрѣвшій на него.—Вы, кажется, намѣрены броситься въ воду? Попробуйте! Вы все-таки будете жить, хотя васъ и не будетъ на лицо. Или вы, можетъ быть, воображаете, что существуете теперь? Кто вы такой?

— Еслибъ вы мнѣ это открыли, я былъ-бы вамъ очень обязанъ! — сказалъ профессоръ, бросивъ взглядъ на фигуру Галлюса.

— Optime! Вы не существуете! — рѣшительно заявилъ карликъ.—Не заблуждайтесь относительно этого. Вы только обманчивое Ничто, такъже какъ я, и замокъ тамъ на горѣ, и Гинкеле, проводникъ. Гинкеле, держите меня крѣпче! Все въ мірѣ кружится въ вихрѣ. А вы не существуете!

— И вы въ этомъ вполнѣ увѣрены?

— Да! — съ довольнымъ видомъ сказалъ Давидъ Галлюсъ. — Хотите доказательствъ? Пойдемте со мной! Тамъ въ „Виноградной Лозѣ“ сидятъ величайшіе мыслители — дворникъ и торговецъ собаками, извозчикъ и лакей, и пьютъ на мой счетъ аффенталерское красное вино. И если я войду и спрошу этихъ рыцарей духа: „Существуете-ли вы?“ они отвѣтятъ хоромъ: „А, да“! — и продолжаютъ пить. Замѣчательное зрѣлище! Пойдемте!

— Кто-же вы?—спросилъ профессоръ, смотря на карлика съ большимъ интересомъ, какъ на замѣчательное явленіе природы. Карликъ выпрямился.

— Я Давидъ Галлюсъ! — гордо сказалъ онъ. — Геній среди ословъ, оселъ среди геніевъ! Иначе я давно лежалъ-бы въ постели вмѣсто того, чтобы бродить по свѣту подобно кометѣ, прицѣпившись къ Гинкеле. Гинкеле, куда вы меня тащите?

Проводникъ приблизилъ свои усы къ уху карлика.—Это профессоръ!—прошепталъ онъ и, обратившись къ профессору Аррасу, продолжалъ вполголоса:—Бѣда съ нимъ! Когда ночь длинная, замучаетъ васъ...

Слово „профессоръ“ произвело однако свое обычное дѣйствіе. Оно не вызвало раздраженія въ Давидѣ Галлюсѣ. Онъ просто пересталъ замѣчать своего собесѣдника.

Профессоръ сталъ для него воздухомъ, существомъ безплотнымъ, не существующимъ, и онъ спокойно, какъ будто и не встрѣтился съ профессоромъ, продолжалъ свой путь къ „Виноградной Лозѣ“, опираясь на руку Гинкеле.

Аррасъ, покачивая головой, нѣсколько разъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Когда онъ по крутой тропинкѣ поднимался къ своей виллѣ, встрѣча съ блуждающимъ Галлюсонъ и съ Эрной Бауэрнфейндъ не выходила у него изъ головы.—Оселъ между геніями... думалъ онъ...—Эти слова можно примѣнить не къ одному Давиду Галлюсу!..

Тотъ между тѣмъ давно уже сидѣлъ въ „Виноградной Лозѣ“ разглагольствуя съ извозчиками и разносчиками о томъ, что они не существуютъ, что всѣ они — Ничто, отражающееся въ самомъ себѣ. Обманчивое Ничто. И когда запоютъ пѣтухи, этотъ обманъ, созданный воображеніемъ пьяныхъ ночныхъ бродягъ, исчезаетъ. Нирвана! Нирвана!—или-же ругалъ женщинъ.

— Завтра мы будемъ танцовать на церковномъ праздникѣ!

Собесѣдники, попивая вино на его счетъ, только поддакивали.

— Жена умретъ—немного пропадетъ,—говорилъ одинъ, вытирая капли краснаго вина на сѣдой бородѣ. —Конь издохнетъ—хозяинъ охнетъ.

— Женщина — источникъ всякаго зла!—продолжалъ Давидъ Галлюсъ.

— Есть ангелы съ козлиными ногами. Берегитесь ихъ, мужчины!... Вы увидите, до чего дойдете. Вамъ остригутъ шерсть, какъ баранамъ, косоглазые восточные люди, которые сохранили еще обычай сѣчь своихъ женъ вмѣсто того, что цѣловать у нихъ ручки! Однако, пойдемъ, Генкеле!

И не обращая никакого вниманія

на остальныхъ своихъ знакомцевъ, онъ вышелъ подъ руку съ Генкеле на свѣжій весенній воздухъ...

V.

Сквозь занавѣски проникалъ въ комнату яркій свѣтъ, вдали слышался колокольный звонъ, скоро долженъ былъ раздаться фабричный пронзительный гудокъ, который каждое утро будилъ Эрну; черезъ четверть часа послѣ него на дворѣ поднимались шумъ и суета и до самаго вечера, что бы ни дѣлалось, все сопровождалъ его сердитый, ворчливый голосъ: мы работаемъ, работаемъ! работаемъ! а ты, для кого мы работаемъ, ждешь для себя и для фабрики господина и повелителя!

Но сегодня не было слышно ни свистковъ, ни стука. Вмѣсто этого за окномъ раздавалась музыка оркестра, съ которымъ какой-то ферейнъ отправлялся на прогулку. Веселые звуки разбудили Эрну. Она лежала, не приходя въ себя отъ изумленія. Все у нея въ головѣ перепуталось. Откуда взялась музыка? И гдѣ она сама! Вдругъ она съ облегченіемъ вздохнула. Вѣдь все прошло! Тѣ утра, когда она просыпалась при звукахъ гудка тамъ, на Рейнѣ, и длинная цѣпь однообразныхъ дней— все она оставила позади себя! А теперь, въ окно кивали ей молодыя, сверкающія на солнцѣ и покрытыя бутонами вѣтки деревьевъ, синѣло небо, въ долинѣ Неккара звонили весело праздничные колокола и она, Эрна Бауэрнфейндъ была гейдельбергской студенткой! „Слава Богу"! Она потянулась съ радостнымъ чувствомъ, какое испытываешь лишь въ веселое весеннее утро...

Въ двери постучали. — Эрна! ты встала?

— Да—сейчасъ выйду. Чудесная погода. Жалко, что изъ-за депеши я должна оставаться дома. Вѣдь, ночью я получила телеграмму, что сегодня въ 10 ч. 35 м. здѣсь будетъ Генри.

Однако, Эрна рѣшилась защищаться изо всѣхъ силъ! Прежде всего (эта мысль пришла ей, когда она завивалась) необходимо поставить Джона Генри лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Съ имматрикуляціей дѣло кончится не скоро. Можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько недѣль. Но въ частной лабораторіи Галлюса она запишется сегодня же, а завтра начнетъ работать. Если пойти во время, то можно поразить Джона Генри ванъ Леннепа, когда онъ пріѣдетъ, извѣстіемъ, что она слушательница Давида Галлюса и впослѣдствіи намѣрена управлять фабрикой самостоятельно. Она засмѣялась тихимъ торжествующимъ смѣхомъ, смотрясь въ зеркало, передъ которымъ сидѣла въ длинномъ бѣломъ пеньюарѣ, заплетая свои шелковистые темные волосы, и не безъ удовольствія замѣтила, что сегодня лицо ея особенно свѣжо и красиво. Но сейчасъ же она сдѣлалась серьезной. Гримасничать и тщеславиться недостойно новой женщины, если даже природа одарила ее красотой. Эрна торопливо докончила свой туалетъ и вошла въ комнату Меты, чтобы поздороваться съ нею.

— Тебѣ, дѣйствительно, не везетъ! — сказала та, идя къ ней навстрѣчу съ письмомъ въ рукѣ. —Вотъ тебѣ приглашеніе! Отъ фрау фонъ-Аррасъ! Тебя приглашаютъ провести съ ними день въ Неккарской долинѣ... а тебѣ теперь нельзя!

— О!—Эрна съ разочарованнымъ и печальнымъ видали прочитала приглашеніе, написанное въ нѣсколькихъ вѣжливыхъ строкахъ. —Это, право, очень грустно! Я была бы такъ рада... Какъ добры они, что сейчасъ же подумали обо мнѣ... а я должна тутъ сидѣть и думать о непріятностяхъ и волненіяхъ, которыя мнѣ сегодня предстоятъ...

У нея вдругъ явилось сильнѣйшее желаніе летѣть, какъ птичка изъ клѣтки, туда, гдѣ синѣло небо, гдѣ было весело и празднично въ этотъ весенній день, гдѣ собралось пріятное общество. Собственно, Джонъ

Генри совсѣмъ не заслуживалъ того, чтобы она ждала его, стоя тутъ у окна и считая минуты. Но она знала, что труднѣе всего ему было простить за даромъ потраченное время. Онъ считалъ это признакомъ величайшаго неуваженія. Кромѣ того онъ телеграфировалъ... нѣтъ, она не могла обидѣть его такимъ образомъ... Она замѣтила также, что желаніе уйти изъ дому вызывалось не дѣтской радостью при мысли о пикникѣ, а страхомъ передъ Джономъ. Она боялась встрѣчи съ нимъ, и ей хотѣлось отложить ее какъ можно дальше. Это было малодушіе, слабость, трусость!

Нѣтъ! Надо остаться и встрѣтить его сообщеніемъ, что она принята въ лабораторію Галлюса. И тотчасъ же послѣ завтрака, хотя еще не было десяти часовъ, Эрна отправилась къ ученому, жившему неподалеку. Давидъ Галлюсъ жилъ не пышно. Всѣ доходы съ небольшого унаслѣдованнаго имъ состоянія, которое онъ проживалъ уже пятьдесятъ лѣтъ, шли на лабораторію. Для нея не было ничего достаточно дорогого. Въ хозяйствѣ же были вѣчные недостатки и безпорядокъ. Въ передней теперь, несмотря на воскресенье, царилъ полнѣйшій хаосъ. Стулья стояли всѣ въ кучѣ съ метлой, вѣникомъ, пыльными тряпками. Въ противоположномъ углу возилось нѣсколько маленькихъ дѣтей; двое или трое ихъ играли на полу въ сосѣдней комнатѣ, куда дверь была полуоткрыта; надъ ихъ головами, на протянутой веревкѣ, висѣло только что вымытое бѣлье, и его сырой, непріятный запахъ смѣшивался съ запахомъ кухни, проникавшимъ сюда съ другой половины дома.

Эрна нерѣшительно смотрѣла на маленькую, тщедушную женщину лѣтъ сорока, которая открыла ей дверь и при видѣ элегантной дамы начала инстиктивно оправлять грубый синій передникъ, покрытый большими мокрыми пятнами. Она была блѣдна и худа, и на лицѣ ея было робкое и печальное выраженіе человѣка, подавленнаго безчисленными заботами.

— Скажите, пожалуйста... можно видѣть г. Галлюса?—Худощавая женщина, бывшая въ молодости, вѣроятно, довольно красивой, отступила на шагъ назадъ.

— Какъ будто она боится меня, подумала Эрна.

— Да... что вамъ угодно? проговорила та какимъ-то неувѣреннымъ тономъ.

— Я уже сказала вамъ!—нетерпѣливо отвѣтила Эрна.—Я хочу видѣть г. Галлюса!

Женщина съ недовольнымъ видомъ одернула передникъ и сильнымъ шлепкомъ отправила въ сосѣднюю комнату одного изъ дѣтей, попавшагося ей подъ руку. Она, казалось, не понимала, въ чемъ дѣло.

— Съ моимъ мужемъ можно говорить только въ лабораторіи!—тихо сказала она наконецъ.—Если вы придете завтра послѣ обѣда...

Мужъ! Великій Боже! Эрна подавила вздохъ сожалѣнія къ зеленоглазому геніальному забултыгѣ; она живо вообразила его себѣ снова при лунномъ свѣтѣ подъ руку съ Гинкеле, повѣряющимъ свои затуманенныя виномъ мысли звѣздамъ на небѣ, а на землѣ—дворникамъ и торговцамъ собаками,—она сдержалась и любезно поспѣшила сказать.—Извините, но моего дѣла нельзя отложить. Я не могу ждать до завтра. Можетъ быть, г. Галлюсъ все-таки приметъ меня. Я студентка. Вотъ моя карточка.

Эта рѣчь повидимому еще болѣе смутила женщину.

— Я скажу ему! — пробормотала она въ замѣшательствѣ.

— Онъ еще не всталъ. Подождите минутку, если угодно...

— О, ничего!—сказала Эрна, смотря на хозяйку, которая особенной, пріобрѣтенной долгой привычкой, поспѣшной походкой,— какъ будто ей сразу нужно было попасть въ

три мѣста,—побѣжала по коридору и постучалась въ запертую дверь.

— Что тебѣ нужно, чортова судомойка? — послышался изъ-за двери громкій грубый голосъ.

— Тише, Давидъ! Тебя услышатъ. Тутъ кто-то желаетъ говорить съ тобой.—Съ этими словами она исчезла въ темной комнатѣ. Эрна пожала плечами и съ покорнымъ видомъ осталась въ передней, по которой сталъ распространяться запахъ пригорѣлаго молока.

Скоро жалкая фигура въ синемъ залитомъ водою фартукѣ вернулась въ переднюю.—Онъ сейчасъ придетъ. Еще одѣвается. Пожалуйста, пройдите сюда ... Она потянула въ себя воздухъ... Что-то пригорѣло въ кухнѣ! „Ахъ... батюшки! Молоко"! И она побѣжала еще быстрѣе прежняго. Издали послышалась ея визгливая брань, плачъ ребенка и жалобный голосъ служанки.

Оставшись одна въ пріемной, Эрна съ непріятнымъ чувствомъ смотрѣла на безвкусные, яркіе, съ цвѣточками обои, ситцевыя занавѣси, неуклюжую плюшевую мебель и къ ужасу своему открыла большую красную перину, вывѣшенную изъ окна. Настоящее ископаемое, эта фрау Галлюсъ! Человѣческая порода, которую Эрна считала уже давно вымершей: совершеннѣйшій видъ домашняго дракона, полнаго мелочнаго чувства долга, своей безпокойной, безцѣльной дѣятельностью отправляющаго себѣ и другимъ жизнь и обращающаго ее въ суетливые, полные вѣчнаго раздраженія будни; не подруга и спутница мужа, а его кухарка и горничная и въ то же время тиранъ его.

Между тѣмъ дверь въ сосѣднюю комнату отворилась. Вошелъ Давидъ Галлюсъ въ длинномъ шлафрокѣ, вышитыхъ туфляхъ и черной шапочкѣ на головѣ, съ гладко выбритымъ краснымъ лицомъ, похожій на почтеннаго, нѣсколько склоннаго къ удару пастора.

Его большіе зеленые глаза, непріятный блескъ которыхъ остался у Эрны въ памяти, были защищены отъ яркаго свѣта темными очками. Широкій ротъ, которому наканунѣ духи вина придали веселую улыбку, сегодня имѣлъ серьезное выраженіе. Передъ Эрной стоялъ кроткій старый ученый, скромный служитель науки, близорукій кабинетный изслѣдователь, смутившійся отъ появленія новаго лица.

— Что вамъ угодно?—тихо и вѣжливо спросилъ онъ.—Я Давидъ Галлюсъ!

— Я знаю васъ, г. Галлюсъ! Мы видѣлись вѣдь вчера вечеромъ. Я говорила съ вами изъ окна, по латыни!

Лицо старика приняло солидное и недовольное выраженіе. Онъ никогда не говорилъ о приключеніяхъ своего ночного двойника.—Что угодно?—повторилъ онъ, на этотъ разъ уже отрывистымъ и раздраженнымъ голосомъ.

Эрна, не получая приглашенія, сѣла, наконецъ, не дождавшись его.

— Я выдержала экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и хотѣла бы заняться химіей подъ вашимъ руководствомъ!

Карликъ стоялъ передъ ней, засунувъ правую руку въ карманъ грязнаго халата, а лѣвой медленно, осторожно снимая очки. Теперь Эрна снова видѣла его сверкающіе глаза, которые напомнили ей вчерашняго Перкео. Онъ посмотрѣлъ на нее долго и внимательно, глубоко вздохнулъ, но не произнесъ ни слова.

— Я хочу слушать лекціи въ университетѣ!—начала опять Эрна,—и въ то же время практическій курсъ въ вашей лабораторіи...

— Вы хотите учиться?—спросилъ Давидъ Галлюсъ.—На васъ вѣдь женское платье! Или вы мужчина?

— Нѣтъ, слава Богу!

— Но въ такомъ случаѣ какъ же можете вы учиться!?—Онъ въ раздумьи покачалъ головой.—Въ одно воскресное утро является молодая

дама ко мнѣ, поднимаетъ меня, старика, съ постели и требуетъ ключъ отъ моей лабораторіи... Это не годится! Вы замужемъ?

— Нѣтъ.

— Такъ выходите замужъ!

— Но это ужъ мое дѣло, г. Галлюсъ!

— Выходите замужъ!—повторилъ сердитый карликъ въ халатѣ.—Жена! Мать! Молодое поколѣніе! И вдругъ—учиться!—Онъ съ огорченнымъ видомъ покачалъ своей громадной головой съ большой лысиной цвѣта слоновой кости.

— Никогда не было женщинъ въ моей лабораторіи!

— Значитъ, я буду первой!

Онъ заговорилъ еще тише и ласковѣе.

— Ахъ, нѣтъ, милая барышня! Не нужно этого. Оставимъ лучше все постарому. Устарѣлъ ужъ я. Ну, да благословитъ васъ Богъ!

Опять Эрнѣ показалось, что она разговариваетъ со старенькимъ, нѣсколько отупѣвшимъ деревенскимъ пасторомъ. Она закусила губу.— Простите... но вы не отдѣлаетесь отъ меня такъ легко! Я чувствую въ себѣ призваніе...

Онъ съ кроткимъ видомъ махнулъ рукой.

— Ахъ, нѣтъ—все это самообманъ! Женщины не чувствуютъ призванія. Оно внушается имъ извнѣ. Это вина воспитанія. Дѣвушекъ нужно держать дома взаперти. Онѣ не должны быть среди постороннихъ мужчинъ, не должны заимствовать чужихъ мыслей, изъ книгъ и журналовъ! Пока дѣвушки будутъ учиться только читать и писать, дѣло станетъ лучше.

Студентка съ ужасомъ смотрѣла на него неподвижно раскрытыми глазами.

— Нехорошо, когда мужчины принимаются думать!—продолжалъ старикъ и улыбаясь поправилъ на головѣ шапочку.—Но когда за это берутся женщины—къ чему это, милая барышня? Выходите-ка замужъ! Скорѣе, скорѣе!

Эрна не могла уже больше сдерживаться.

— Мои мысли очень опредѣленны, г. Галлюсъ, но изъ вѣжливости я не выскажу того, что думаю въ эту минуту. Скажу только вотъ что: вашему идеалу женщины, прозябающей, какъ цвѣтокъ, и ломающей себѣ голову надъ вопросомъ—существую я или нѣтъ?—пришелъ конецъ. Духъ нашъ проснулся и жизнь для насъ—радость! И оттого, что мужчины этого не понимаютъ, наше настроеніе становится еще лучше.

— Я уже старъ!—просто сказалъ Галлюсъ, поглаживая лысину.—Меня ничто не волнуетъ. Кончайте, ради Бога скорѣе!

— Сейчасъ! Лучше всего уничтожьте всѣхъ женщинъ. Это радикальное средство противъ ихъ стремленія къ ученью. Хотѣла бы я посмотрѣть, какую звѣриную, дикую, огрубѣлую жизнь вели бы тогда мужчины...

Конечно, когда господствовала физическая, мускульная сила, мы были рабынями—мужчины въ этомъ отношеніи выше насъ, но теперь— вѣкъ нервовъ, вѣкъ утонченныхъ, но крѣпкихъ нервовъ! Въ этомъ отношеніи мы равны! И наша нервная сила еще не почата, потому что мы не жили той распущенной жизнью, какой жили мужчины въ теченіе многихъ столѣтій. Мы не проводимъ цѣлыя ночи, бродя въ пьяномъ видѣ по улицамъ.

При этомъ намекѣ на его второе „я", которое пробуждалось по ночамъ, Давидъ Галлюсъ сдѣлалъ кислую мину.—Довольно!—сухо сказалъ онъ.—Я не могу принять васъ въ свою лабораторію. Тамъ происходитъ то, чего вамъ никогда не понять! Лучше всего—выходите замужъ!

Эрна пожала плечами и обернулась, чтобы идти.

— Я могла бы сказать вамъ: есть вещи, которыхъ не понимаете *вы*,

г. Галлюсъ! Вы не понимаете, напр., современной женщины! Я говорю о дѣйствительно непонятой женщинѣ, а не о томъ глупомъ, скучающемъ пучкѣ нервовъ, который выдумали французы,—о разумномъ и нормальномъ человѣкѣ, который страдаетъ оттого, что, благодаря полу, его считаютъ не настоящимъ человѣкомъ, какъ негра за его черную кожу или какого-нибудь мужчину за его черезчуръ малый ростъ! И такой человѣкъ—я!

Старикъ подошелъ къ ней поближе и съ таинственнымъ видомъ слегка коснулся пальцемъ ея руки. Въ его зеленыхъ глазахъ появился отблескъ вчерашняго выраженія.—Вы говорите о непонятой женщинѣ, милостивая государыня?—Все это вздоръ! Женщина должна имѣть дѣтей,—тогда она будетъ понята. Но вы, женщины, создали кое-что худшее,—непонятаго мужчину! Для мужчинъ во всемъ мірѣ существуетъ лишь женщина и въ женщинѣ весь міръ! А гдѣ-же другъ мужчины—мужчина? Друзей больше нѣтъ! Есть только pater familias!, какъ я! У меня очень много дѣтей... къ тому же теперь большая стирка. Итакъ, барышня, вы говорите, что разговаривали съ кѣмъ-то подобнымъ мнѣ по-латыни, а я теперь окончилъ разговоръ съ вами по нѣмецки. Я сдѣлалъ для васъ исключеніе! Я никогда не разговариваю днемъ. Слова—враги наши. Они причиняютъ боль, но иногда дѣлаютъ и добро. Надѣюсь, что мои слова будутъ вамъ на пользу. Вамъ слѣдовало бы родиться мужчиной, но теперь ничего уже нельзя измѣнить!

— Едва-ли! — серьезно сказала Эрна.—Прощайте, г. Галлюсъ!

Послѣднія слова его многое уяснили ей въ этомъ маленькомъ чудакѣ, который тщетно искалъ съ фонаремъ друзей на базарѣ житейской суеты. Женщины не могли ничего дать ему, мужчины—не хотѣли. И многое въ немъ окаменѣло, много хорошаго пропало безъ пользы; не смотря на множество дѣтей и жену, онъ казался озлобленнымъ холостякомъ, котораго запуганное, жалкое созданіе, именуемое спутницей его жизни, гнало по вечерамъ на улицу, на ночныя пирушки рыцарей его круглаго стола. Однако, какъ Эрна знала это отъ Меты, въ минуту увлеченія онъ изъ чистой любви женился на хорошенькой мѣщаночкѣ, не имѣвшей никакихъ средствъ. Она для него была всѣмъ, пока, женившись, онъ не увидѣлъ, что единственная цѣль ея жизни—быть несчастной домоправительницей далекаго въ духовномъ отношеніи и равнодушнаго къ ней человѣка. Какое разочарованіе! И что за запахъ мокраго бѣлья, кислой капусты и пригорѣвшаго молока! Эрна содрогнулась при одномъ воспоминаніи о всемъ этомъ. Ей было почти жаль Давида Галлюса.

Подходя къ своей квартирѣ, Эрна глубоко задумалась.

Оказалось, что злѣйшіе враги женщины были изъ ихъ собственнаго лагеря, сами же женщины! То это печальное олицетвореніе хозяйственныхъ тревогъ, вѣчная кухарка, то — „дама“, предметъ роскоши, игрушка, забава мужчинъ въ часы скуки. Очевидно, обѣ эти категоріи не могли привести мужчину къ убѣжденію, что женщина призвана къ чему-то высшему, чѣмъ прозябаніе милаго, добраго, прекраснаго созданія, остающагося вѣчной Гретхенъ, неспособнаго понять духовныхъ интересовъ мужа,—и это даже при счастливой супружеской жизни. Отсюда — сострадательная улыбка, полунасмѣшливое, полудосадливое презрѣніе, съ которымъ женщинъ, просящихъ знанія, отстраняютъ, какъ дѣтей, чтобы они не мѣшали мужчинамъ; отсюда — оскорбительныя наставленія, которыя ей пришлось выслушать отъ Галлюса.

Злость кипѣла въ Эрнѣ. Она такъ разсердилась, что готова была смѣяться! Этотъ Галлюсъ,—отвратитель-

ная жаба. Руина нѣмецкаго филистерства!

Въ это время поднявшись съ ближайшей скамейки, съ ней раскланялся какой-то господинъ. Эрна испугалась. Это не могъ быть Джонъ Генри, но она все-таки бросила на него робкій взглядъ. Гдѣ она видѣла это молодое, бритое, какъ у актера, лицо съ выпуклыми глазами и большимъ ртомъ? Да! Вчера, когда Мета предложила этому люксембургскому франту, monseur Дидерихсу, оставить ее комнату. Это былъ онъ и, повидимому, поджидалъ ее, Эрну Бауэрнфейндъ. Мета предостерегала вѣдь ее противъ этого господина и, кажется, не напрасно. Эрна пошла быстрѣе. У нея явилось непріятное чувство увѣренности, что молодой roué слѣдуетъ за нею по пятамъ...

Однако, незнакомецъ, имѣлъ еще дерзость заговорить съ нею и шелъ рядомъ съ нею, какъ бы желая заградить ей доступъ въ ея собственную квартиру. Эрна не слышала, что онъ ей говорилъ. Все въ ней кипѣло, но она сдерживалась. Только бы дѣло обошлось безъ скандала! Не смотря на Дидерихса, Эрна ловко проскользнула мимо него и, покраснѣвъ отъ гнѣва и, забывъ въ своей поспѣшности постучать въ дверь, вошла въ комнату Меты, боясь, что если она откроетъ дверь въ свою, то незнакомецъ можетъ послѣдовать за нею.

У Меты она, по крайней мѣрѣ, была не одна; къ своему удовольствію, она увидѣла, что у Меты былъ гость. Рядомъ съ филологичкой сидѣлъ высокій, узкій въ плечахъ господинъ, съ взъерошенной бѣлокурой бородой, свѣтлыми растрепанными волосами и большими дѣтскими голубыми глазами. При появленіи Эрны онъ всталъ—она замѣтила при этомъ, что онъ держался, некрасиво нагнувшись впередъ,—нервнымъ движеніемъ провелъ рукой по бородѣ, и на лицѣ его выразилось смущеніе. Мета представила ихъ другъ другу:—Докторъ Баптистъ Бониферъ... фрейлейнъ Бауэрнфейндъ—будущая студентка,—и, обратившися къ Эрнѣ, прибавила измѣнившимся тономъ.—Знаешь... защитникъ женскихъ правъ!

— О!—сказала Эрна. Больше она ничего не нашлась сказать. Имя Бонифера она услышала въ первый разъ лишь наканунѣ, но теперь, усаживаясь, она посмотрѣла на него съ теплымъ, доброжелательнымъ чувствомъ, почти съ благодарностью. Защитникъ женскихъ правъ! Это былъ первый, котораго она видѣла въ своей жизни. Профессоръ фонъ Аррасъ? Ну, да, онъ благожелательно смотрѣлъ на женщинъ, какъ и на все,—кромѣ глупости и невѣжества,—на что онъ ни взиралъ съ своей возвышенной точки зрѣнія, съ той высоты, куда вознесла его наука; но отъ такого терпимаго отношенія далеко было до борьбы за права женщинъ, которую велъ Бониферъ, чудо среди мужчинъ. Это былъ, вѣроятно, очень добрый человѣкъ! Это видно по его кроткимъ голубымъ глазамъ. Они были подернуты влагой, и въ нихъ свѣтилась мечтательность.

Между тѣмъ Мета и ея гость возобновили прерванный разговоръ.

— Это—Нора!—говорилъ докторъ Бониферъ мягкимъ низкимъ голосомъ.—Нора, милый другъ! Ибсеновская Нора, перенесенная въ нѣмецкую жизнь. Настоящая Нора!

— Настоящая гусыня!—возразила Мета съ такой несвойственной ей рѣзкостью, что Эрна испуганно вздрогнула. Гость всталъ и молча поспѣшно сталъ отыскивать свою шляпу. Мета посмотрѣла на него.

— Ваша шляпа лежитъ тамъ, на окнѣ! Но вы слишкомъ впечатлительны. И всегда такъ! Вы должны лучше справляться съ своей нервностью! Оставьте по крайней мѣрѣ въ покоѣ свою прекрасную бороду. Это ужасно—какъ вы ее постоянно треплете и терзаете!

Высокій узкоплечій докторъ, дер-

жа шляпу въ рукѣ, съ взволнованнымъ видомъ подошелъ къ Метѣ.

— Вы знаете, что Дина Шпильфогель—мой другъ...

— Да кто вамъ не другъ?—презрительно сказала Мета.—Въ кого вы не влюбляетесь съ перваго же взгляда? Простите, что я высказала это въ присутствіи этой студентки... но это правда!

Эрна поспѣшила встать, чтобы идти въ свою комнату, но Бониферъ остановилъ ее.

—Остановитесь, пожалуйста, фрейлейнъ! Я ухожу. Прогуляюсь до замка...

— И въ концѣ концовъ, благодаря замѣчательному стеченію обстоятельствъ, встрѣтитесь тамъ съ Диной Шпильфогель!—сказала Мета съ совершенно несвойственной ей злой насмѣшкой.

— И позволю себѣ, на обратномъ пути, когда вы немного успокоитесь, еще разъ поговорить съ вами. Мы должны выяснить все относительно Дины Шпильфогель. А въ будни у васъ, вѣдь, нѣтъ времени для этого. Итакъ, до свиданія!

Онъ съ нервной поспѣшностью оставилъ комнату.

Эрна тихонько и весело разсмѣялась, потомъ схватила подругу за руку у кисти, наморщила лобъ, какъ докторъ у постели больного, и начала считать пульсъ.

— Ужасно! — сказала она, оставивъ руку Меты.

— Ужасно. Будетъ буря! Буря! Притворщица ты, фарисейка! Да, краснѣй, краснѣй! Я вижу тебя насквозь! Дѣлаешь видъ, будто сердце—самый ненужный мускулъ, а между тѣмъ этотъ кусокъ льда пылаетъ яркимъ пламенемъ у тебя! Ну, не сердись! Поцѣлуй меня! Ты такъ мила, когда снимешь свое пэнсне и хорошенько покраснѣешь! Скажи, кто этотъ докторъ Бониферъ?

— Ты слышала, вѣдь!—сухо сказала Мета, стараясь скрыть свое смущеніе.—Защитникъ правъ женщины!

— И больше ничего? — немного насмѣшливо спросила Эрна.

— Думаю, что и этого достаточно. Вообще, очень приличный и добрый человѣкъ!

— Знаешь ли?—мечтательно сказала Эрна, заложивъ руки за голову и покачиваясь въ качалкѣ. — Я думаю, что мужчинѣ нужно быть сильнымъ, а не добрымъ. Доброта свойственна намъ, женщинамъ!

Мета Виггерсъ между тѣмъ окончательно овладѣла собой.

— Разумѣется, силой онъ не отличается! — сказала она какимъ-то особеннымъ, дѣловымъ тономъ.

— Скорѣе наоборотъ! Онъ никогда не жилъ одинъ, а это много значитъ. Много лѣтъ жилъ онъ съ матерью, потомъ съ сестрой, пока она не вышла замужъ и онъ не поссорился съ ея мужемъ. Теперь въ немъ все больше и больше укрѣпляется намѣреніе поселиться здѣсь—онъ достаточно независимъ и богатъ, чтобы быть приватъ-доцентомъ — у отца его обширные виноградники въ Пфальцѣ,—и ищетъ все новыхъ и новыхъ знакомствъ, потому что нуждается вѣчно въ опорѣ. Съ мужчинами онъ, впрочемъ, мало поддерживаетъ знакомства. Онъ не куритъ, не пьетъ, не играетъ въ карты и когда начнетъ говорить о своемъ идеалѣ—этической культурѣ, мужчины никогда не слушаютъ его. Дамы въ этомъ отношеніи гораздо терпѣливѣе. И о каждой, которая молча и съ чувствомъ смотритъ на него, думаетъ онъ, что она его понимаетъ, и влюбляется въ нее, какъ въ женщину будущаго. Просто изъ чувства долга. Вѣдь это же смѣшно!

Эрна еще сильнѣе закачалась въ своемъ креслѣ.

— Но кто эта Дина Шпильфогель, къ которой ты такъ ревнуешь его?

— Гусыня!—презрительно повторила Мета.—И я ревную? И не думаю! Слишкомъ много чести для нея и для г. Бонифера!

— Нѣтъ, ты, дѣйствительно, не

ревнуешь!—согласилась Эрна, покачиваясь въ креслѣ.

— Ну, это уже не новость!—сказала Паула Фрей, входя въ комнату.—Эту великую тайну я могла бы открыть вамъ давно, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ! Это тянется уже больше года! Но позвольте пожелать вамъ добраго утра! Можно присѣсть на минуту?

— Да, если ты не начнешь сейчасъ же говорить о вѣчномъ кандидатѣ!—Мета бросила укоризненный взглядъ на рѣшительную маленькую особу съ кудрявой мальчишеской головкой.—Да у нея, ей Богу, опять въ рукѣ ошейникъ для „Немо!“ Право, это безуміе!

— Сегодня передъ обѣдомъ онъ навѣрное зайдетъ!—сказала Паула, какъ бы извиняясь.

— Кто? „Немо?“

— Нѣтъ, кандидатъ Виндмюллеръ. Каждый разъ, когда вечеромъ онъ бываетъ на пирушкѣ, а утромъ у него болитъ голова, онъ приходитъ ко мнѣ, чтобы я побранила его. Онъ говоритъ, что это дѣйствуетъ на него, какъ холодный душъ. Но еслибъ онъ только могъ удержаться!

Виггерсъ покачала головой.

— Лучше пошла бы ты погулять въ такую прекрасную погоду. Ты и такъ поблѣднѣла, маленькая зубодергательница!

— Да... но ты сама сидишь же дома!

Мета нѣсколько смутилась.

— Я жду Бонифера. Онъ зайдетъ еще. Онъ ужасно впечатлителенъ. Онъ ужасно разсердился на меня. Особенно за то... Правда—я въ раздраженіи назвала Дину Шпильфогель гусыней.

— И справедливо!—сказала Паула и обѣ замолчали. Эрна посмотрѣла на часы. Было двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Скорый поѣздъ приближался уже къ Гейдельбергу. Въ одномъ изъ отдѣленій перваго класса—Эрна живо представляла себѣ знакомую картину—сидѣлъ Джонъ Генри-ванъ-Леннепъ, задумчиво просматривая пачку дѣловыхъ писемъ, разложенныхъ на колѣняхъ, и, лишь подъѣзжая къ вокзалу, пробуждался отъ своихъ дѣловыхъ мечтаній, привычнымъ движеніемъ проводилъ рукою по лбу, чтобы припомнить, въ какой части свѣта онъ находится, и что ему нужно дѣлать. Да, вспомнилъ! Вернуть убѣжавшую невѣсту! Хорошо! Это нетрудная задача!

А что же бывшая невѣста? Вотъ она сидитъ тутъ, какъ агнецъ, ожидая своего господина и повелителя. А подруги ея? Онѣ тоже сидѣли, полныя тихаго ожиданія. Настоящій трилистникъ покорныхъ рабынь, придорожные цвѣты, ожидающіе, чтобы путникъ сорвалъ ихъ и засунулъ за шляпу.

Эрна вдругъ вскочила съ качалки, полная возмущенія.

— Невѣроятно!—сказала она, и голосъ ея задрожалъ отъ гнѣва; она съ укоромъ посмотрѣла на подругъ.—Это невѣроятно съ нашей стороны! Отвратительно въ высшей степени! Отсталыя, слабыя, жалкія созданія! Въ это прекрасное весеннее воскресенье мы молча сидимъ здѣсь, и каждая изъ насъ съ сердечнымъ трепетомъ ждетъ мужчину. Придетъ онъ или нѣтъ? Когда и какъ? И будетъ ли повелитель въ хорошемъ настроеніи или нѣтъ? Ну, знаете ли, дѣти мои, для этого не нужно быть зубнымъ врачемъ, кандидатомъ филологіи или студенткой! На это способна самая глупая женщина!

— Ты въ сущности права!—печально прошептала Паула Фрей. Эрна принесла между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты шляпу и зонтикъ. Она была внѣ себя отъ досады и огорченія.

— Три свободныя женщины! Да посмотрите-ка на себя въ зеркало! Посмотрите, какія бываютъ свободныя женщины. Почитаемъ-ка лучше Шамиссо или поваренную книгу. Лучше всего поваренную книгу! О, стыдитесь!

— Эрна!—кротко сказала Мета.—

Ты опять вышла изъ себя. А, право, ничего нѣтъ стыднаго въ томъ, чтобы умѣть сготовить обѣдъ. И ты сама умѣешь готовить!

Хорошенькая студентка засмѣялась и стала завязывать концы вуалетки поверхъ соломенной шляпы.

— Я вышла изъ себя и направляюсь теперь въ долину Неккара! Приму участіе въ пикникѣ! Могу еще придти во время. Что мнѣ тутъ сидѣть? Я никого не приглашала къ себѣ. Кто приходитъ непрошеннымъ, тотъ долженъ ждать. Пожалуйста, скажите ему это, когда онъ придетъ. И передайте ему отъ меня привѣтъ! Не хочу портить себѣ этого чуднаго дня! Предоставляю это вамъ, несчастнымъ! Вѣдь, вы влюблены!

— Какъ будто ты сама не влюблена!—сказала Мета, надѣвая пэнсне, чтобы посмотрѣть на улицу.—Ты какъ будто имѣешь право презирать другихъ, а сама отъ страха обращаешься въ бѣгство...

— Ты жестоко ошибаешься!—Презрительно пожавъ плечами, Эрна открыла дверь.—Я не влюблена... ни на столько... и еще менѣе вѣрно, что я обращаюсь въ бѣгство. Я просто дѣлаю то, что мнѣ нравится. Для этого я и пріѣхала сюда и нашла себѣ союзника въ профессорѣ Аррасѣ. Такой человѣкъ, какъ Аррасъ, всемірно извѣстный ученый, удостоиваетъ меня приглашенія провести съ нимъ день. И это послѣ того, какъ онъ только что увидѣлъ меня! Я, право, могу гордиться этимъ! Разскажи объ этомъ, пожалуйста, Джону Генри! Онъ тогда увидитъ, можетъ быть, что я не такъ безпомощна и слаба духомъ, какъ онъ думаетъ. Скажи ему, что въ этотъ прекрасный день мнѣ предоставлялся выборъ сразиться съ нимъ или провести время въ поучительной и ободряющей бесѣдѣ съ человѣкомъ, на котораго я смотрю съ величайшимъ уваженіемъ, какъ на своего учителя, и что, какъ это ни смѣшно, я предпочла послѣднее. Вечеромъ я опять буду здѣсь. Прощайте!

Когда она ушла, обѣ дѣвушки нѣкоторое время молчали. Наконецъ дантистка встала, собираясь идти къ себѣ.

— Она совершенно права!—сказала она такимъ подавленнымъ голосомъ, что Мета Виггерсъ съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.—Не слѣдуетъ позволять себѣ этого! Дѣйствительно, становишься совсѣмъ глупой! Не привязана же я! Пусть поступаетъ, какъ хочетъ. Онъ увидитъ, къ чему это приведетъ. Скажи ему это! А теперь я ухожу——гулять въ этотъ чудный день.

И Паула Фрей съ побѣдоноснымъ видомъ покинула комнату, высоко поднявъ свою кудрявую голову. И поступила очеь хорошо, потому что вѣчный кандидатъ въ этотъ день не пришелъ совсѣмъ, ибо страдалъ отъ нечеловѣческой головной боли. Стоная лежалъ онъ въ своей прохладной комнатѣ, а передъ нимъ, съ живымъ упрекомъ въ мрачномъ взорѣ, сидѣлъ его бульдогъ „Немо". Ему, позѣвывая, изливалъ кандидатъ свое сердце. Онъ описывалъ ему себя, какъ печальную игру природы, ошибку въ мірозданіи, какъ опустившагося погибшаго истребителя пива. Кто раздавилъ бы его мокрой тряпкой, тотъ сдѣлалъ бы доброе дѣло. Такого человѣка, однако не нашлось, и длиннобородый кандидатъ Виндмюллеръ заснулъ снова, а старый сердитый Немо сталъ охранять его тяжелый сонъ; на дворѣ же щебетали птички и солнце обливало залотыми лучами старый Гейдельбергъ. Все ликовало и звало насладиться обновленной природой. У Меты, когда она оставалась одна, защемило сердце. Какъ заноза, остались въ немъ слова Эрны о свободныхъ женщинахъ.

И мало-по-малу и въ ней поднялась горечь возмущенія, и она отозвалась на воинственный кличъ Эрны: „свобода отъ порабощенія мужчинѣ!" Неторопливо, какъ это

было свойственно ей, отыскала она шляпу, перчатки и зонтикъ и, несмотря на внѣшній спокойный видъ, съ мрачнымъ мстительнымъ чувствомъ покинула квартиру.

Такъ завершилось женское возстаніе. Опустѣвшая квартира погрузилась въ безмолвіе, какъ заколдованный замокъ или лежащій напротивъ притихшій на сегодня домъ „Херускіи“.

А черезъ полчаса у дверей квартиры напрасно стучались два господина—у одной двери полный нетерпѣнія и удивленія докторъ Бониферъ, у другой—иностранецъ, спокойнаго вида, средняго роста лѣтъ 35-ти, который своимъ загорѣлымъ лицомъ, длинными усами, спокойной самоувѣренностью походилъ на военнаго, переодѣтаго въ штатское платье. Онъ разговаривалъ съ госпожей Швеммельманъ, хозяйкой квартиры.

— И такъ, нѣтъ дома!—сказалъ онъ, задумчиво постукивая палкой о концы своихъ сапоговъ.—Могъ ли я думать! Но скажите, пожалуйста, сударыня, здѣсь живутъ еще и другія учащіяся женщины?

— Со вчерашняго дня у меня ихъ трое!—сказала г-жа Швеммельманъ съ довольнымъ видомъ и добродушной улыбкой.

Иностранецъ зажегъ попиросу.

— А чѣмъ занимаются дамы, съ которыми теперь живетъ фрейлейнъ Бауэрнфейндъ? Курятъ онѣ? Катаются на велосипедѣ? Есть у нихъ въ комнатахъ скелеты? Носятъ онѣ мужскіе панталоны? Должны вамъ за квартиру? Приставъ часто приходитъ къ нимъ?

— Ахъ, Боже мой!—сказала толстая хозяйка, совершенно сбитая съ толку этими вопросами.—О всемъ этомъ, сударь, вамъ бы спросить тамъ, у „Херусковъ!“ Тамъ они порядочно кричатъ, и курятъ, и пьютъ пиво! А мои барышни... ахъ ты, Боже мой! Говорю вамъ, еслибы всѣ были такъ трудолюбивы и спокойны, какъ онѣ...

— А что же они дѣлаютъ?

Докторъ Бониферъ, прислушивавшійся къ разговору, подошелъ ближе. Фрау же Швеммельманъ сказала самымъ простодушнымъ тономъ: Я рада, что эти барышни у меня живутъ!

— А прежде было не такъ?

— Ахъ! Прежде у меня жили господа студенты. Ахъ, ты, Боже мой!.. Наказаніе съ этими господами! Полночи просидишь, бывало, въ страхѣ, пока они не придутъ домой... боишься, какъ бы не было дуэли... а тутъ эти собаки... да, пока у нихъ денегъ нѣтъ, такъ и тетушка Швеммельманъ у нихъ въ чести, чтобы занять у нея... Наконецъ, вышла новая мода, чтобъ и барышни учились. И онѣ не то, что студенты—учатся дѣйствительно. Что жъ! Я уже старая женщина! Меня ничѣмъ не удивишь.

— Вы совершенно правы, фрау Швеммельманъ!—весело сказалъ господинъ.—Я одного съ вами мнѣнія. Я рѣдко чему-нибудь удивляюсь. Вотъ моя карточка. Я остановился тамъ, наверху, въ отелѣ.

Если фрейлейнъ Бауэрнфейндъ вернется домой, то, пожалуйста, дайте мнѣ знать: я все время послѣ обѣда буду заниматься у себя съ секретаремъ.

— Въ воскресенье-то?

— Не правда ли—какъ это печально!—Господинъ повернулся, чтобы уйти.—Да! Еще одинъ вопросъ: здѣсь живетъ г-жа Виггерсъ? Подруга фрейлейнъ Бауэрнфейндъ? Чѣмъ она занимается? Медициной? Рѣжетъ лягушекъ или дошла уже до людей?

Фрау Швеммельманъ засмѣялась.

—Лягушекъ! Она даетъ уроки—господамъ, которые не знаютъ по-нѣмецки. Каждый день приходятъ шестеро—и негры, и китайцы, и всѣ болтаютъ на какомъ-то языкѣ, котораго ни одна христіанская душа не пойметъ...

— Шестеро сразу! Да, порядочно! Честь имѣю кланяться, госпожа Швеммельманъ!—Онъ поклонился и

хотѣлъ идти. Но его сосѣдъ, стоявшій у другой двери, загородилъ ему дорогу.

— Извините!—быстро и безпокойно заговорилъ онъ.—Меня зовутъ Бониферъ... Докторъ философіи...

— Ванъ Леннепъ!—лаконически отвѣтилъ тотъ, остановившись.

— Я хотѣлъ попросить васъ... Вы говорили о фрейлейнъ Виггерсъ... Я въ дружескихъ отношеніяхъ съ этой дамой... и...

Джонъ Генри вѣжливо поклонился.

— Мнѣ было бы жаль, еслибъ я подалъ поводъ къ какому-нибудь недоразумѣнію. Я хочу только сказать... повидимому, вы вообще далеки отъ женскаго движенія...

— Что касается женщинъ вообще, то мнѣ ихъ движенія безразличны! сказалъ Ванъ Леннепъ, собираясь уходить.—А вамъ—нѣтъ?

— Нѣтъ. Я защитникъ женскихъ правъ. И мнѣ хотѣлось бы, такъ какъ рѣчь зашла объ этихъ барышняхъ,—я всѣхъ знаю,—попросить васъ, хотя я и незнакомъ съ вами, не дѣлать о нихъ поспѣшныхъ заключеній.

Ванъ Леннепъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого высокаго нервнаго человѣка, который былъ выше его на цѣлую голову.

— Какое значеніе имѣетъ мое сужденіе?—скромно сказалъ онъ.—Я простой купецъ изъ Шанхая. Въ юности я съ упорствомъ и не безъ успѣха противился изученію латинскаго и греческаго языковъ и никогда не замѣчалъ, чтобы этотъ недостатокъ въ моемъ образованіи вредилъ мнѣ. Поэтому, по возвращеніи на родину, я былъ очень удивленъ стремленіемъ молодыхъ дѣвушекъ къ латыни и греческому языку...

— Вы относитесь ко всему этому иронически?

Бониферъ съ своимъ спутникомъ прошелъ по улицѣ.

— Большинство относится такъ, потому что *не хочетъ* заняться этимъ вопросомъ. Иначе всѣ сознали бы, какая тяжкая несправедливость къ женщинамъ...

— Да. Онѣ, дѣйствительно, заслуживаютъ сострадаиія!—любезно согласился Ванъ Леннепъ, но лицо его ничего не выразило.

— И вмѣсто того, чтобы радоваться,—горячо заговорилъ опять Бониферъ,—что происходитъ въ этомъ дѣлѣ поворотъ, вмѣсто того, чтобы помогать женщинамъ встать на ноги и самостоятельно бороться за существованіе...

Купецъ изъ Шанхая остановился вдругъ подъ вліяніемъ внезапно пришедшей ему мысли.—Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе!—сказалъ онъ тихо и настойчиво.—Вы сами докторъ философіи... Можетъ ли сдѣлаться докторомъ и дѣвушка? Серьезно? Не возбуждая насмѣшекъ?

Бониферъ пожалъ своими узкими плечами и провелъ рукой по спутанной бородѣ.—Есть люди, которые насмѣхаются надо всѣмъ; если человѣкъ, если дѣвушка получитъ докторскій дипломъ—тоже.

— Благодарю. А имѣя такой дипломъ, сколько можетъ дѣвушка заработать въ годъ?

Бониферъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Дипломъ доктора философіи не даетъ ничего; лишь въ исключительныхъ случаяхъ благодаря ему получаютъ какое-нибудь назначеніе. Это только почетное званіе.

— Но чѣмъ же должна жить барышня докторъ философіи?

—На собственныя средства. Нашъ университетъ существуетъ не для того, чтобы давать кусокъ хлѣба.

— А если у нея нѣтъ средствъ?

— Тогда она должна найти себѣ какое-нибудь мѣсто.

— А стипендій или чего-нибудь подобнаго нѣтъ? Хотя на время ученія?

— Ничего. Студентки должны жить на собственныя средства. Иначе онѣ—за рѣдкими исключеніями въ

родѣ фрейлейнъ Виггерсъ,—не выживутъ здѣсь и одного семестра.

— И молодая дама, желающая учиться, должна считаться съ этимъ?

— Конечно.

Джонъ Генри ванъ-Леннепъ пожалъ Бониферу руку.

— Благодарю васъ. Вы доставили мнѣ большое удовольствіе своими разъясненіями. Если бы я могъ оказать вамъ подобную услугу... Свѣдѣнія о положеніи всемірнаго рынка? Можетъ быть, спекулируете? Акціи имѣете? Курсы? А желѣзнодорожныя акціи? Ничего? Только вѣрныя дѣла? Первыя закладныя и государственный заемъ? Отъ 3½ до 4 процентовъ?— Да, разумѣется!

Бониферъ былъ совсѣмъ озадаченъ.

— Значитъ, я ни въ чемъ не могу помочь вамъ!—сказалъ купецъ тономъ сожалѣнія, почти состраданія.

— Такими вѣрными дѣлами я не занимаюсь.—Прощайте!

Они разстались.

VI.

Влажный темнозеленый мохъ одѣвалъ подножіе полуразрушеннаго замка на лѣсистомъ склонѣ, высоко надъ изгибомъ Неккара; сухіе кусты ежевики; почти обратившіяся въ землю каменныя плиты поросли перепутанными кустами крапивы и папоротника; въ разсѣлинахъ полуразрушенныхъ стѣнъ, по которымъ съ трудомъ можно было составить представленіе о бывшемъ здѣсь нѣкогда разбойничьемъ гнѣздѣ, вился плющъ, обрамлявшій пустыя окна и покрывавшій развалины башенъ. И камни, и молчаніе лѣса,—все говорило безмолвно: „все это было когда-то...

Все это было когда-то... люди здѣсь жили, любили, смѣялись, умирали. Но все это было много столѣтій назадъ. Потомъ опять появился здѣсь лѣсъ, опустошенный нѣкогда вокругъ замка. Потихоньку, неслышно, незамѣтно прокрался онъ черезъ обвалившіяся ворота, и теперь его молодая, свѣжая зелень сверкала тамъ, гдѣ нѣкогда владѣльцы замка, зѣвая, пили вино и играли въ кости, гдѣ жены ихъ пряли ленъ, гдѣ въ стойлахъ ржали лошади, гдѣ капелланъ читалъ мессу. Теперь тутъ были уже большія деревья. Властителями стояли они тутъ, среди сѣрыхъ развалинъ созданій рукъ человѣческихъ, которыя торчали еще у ихъ подножія, и надъ прахомъ прошлаго изъ весеннихъ почекъ на еще голыхъ вѣткахъ уже пробивалась надъ солнечными лучами новая жизнь.

Эрна задумчиво наклонилась надъ однимъ обломкомъ, лежавшимъ среди молодой зелени.

— Итакъ, въ 1651 году умеръ послѣдній изъ владѣльцевъ Штайнаха? Жаль! У меня всегда была слабость къ этимъ рыцарямъ—разбойникамъ. Подумать только: подъ тобой—долина, надъ тобой—тучи да нѣсколько парящихъ въ небѣ соколовъ, въ рукѣ—мечъ... полная свобода и независимость отъ людей... это былъ бы мой идеалъ, еслибъ я была мужчиной. Впрочемъ, какъ благовоспитанная студентка двадцатаго столѣтія, я не должна бы никому признаваться въ этомъ— и меньше всего вамъ, господинъ профессоръ!

— Почему же! Я самъ происхожу отъ такихъ рыцарей—разбойниковъ.

Эрна съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Этотъ простой человѣкъ, ушедшій въ себя отъ внѣшняго міра, погруженный, даже когда разговаривалъ съ другими, въ свой собственный міръ идей, человѣкъ, который въ жизни являлся какой-то тѣнью,—отпрыскъ рыцарей—разбойниковъ. Это не вязалось въ головѣ Эрны.

— Во Франконіи есть еще остатки моихъ родовыхъ замковъ!—продолжалъ профессоръ, садясь около нея.— Во время крестьянскихъ войнъ замки были сожжены, и бароны Аррасъ фонъ-Турандтъ разсѣялись по всему

свѣту. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ спекулянтъ предложилъ мнѣ купить развалины замка Турандтъ. Къ великому отчаянію моего сына, я съ благодарностью принялъ это предложеніе, и теперь тамъ лѣнтяя гостинница, стоятъ бочки съ пивомъ, а на башнѣ развѣвается голубой съ бѣлымъ флагъ!

— И это не оскорбляетъ васъ?

— Какъ это можетъ оскорблять меня? Теперь вѣдь принято по воскресеньямъ послѣ обѣда пить кофе въ полуразрушенныхъ замкахъ.— Онъ засмѣялся.—Въ молодости, въ противоположность товарищамъ, я не испытывалъ никогда преклоненія передъ знатнымъ именемъ или благороднымъ происхожденіемъ. Но мой сынъ имѣетъ ко всему этому сильное пристрастіе, какъ и подобаетъ его 18-ти годамъ. Если вы спросите его, то онъ можетъ вамъ перечесть по пальцамъ всѣхъ нашихъ предковъ вплоть до легендарнаго рыцаря Эйнгарда, который утонулъ вмѣстѣ съ Барбароссой въ Святой Землѣ; этимъ онъ очень импонируетъ своимъ товарищамъ изъ „Херускіи". Мнѣ, какъ я сказалъ, было это чуждо. Но теперь, когда подходитъ старость, особенно же въ этомъ году, послѣ выздоровленія, я чувствую какую-то тоску по рыцарству. Настроеніе— Геца фонъ-Берлихингена. Не хочется ни писать, ни читать, ни учить, ни думать, а сидѣть безъ дѣла на самой высокой башнѣ... вокругъ шумящія вершины буковыхъ деревьевъ, въ голубой вышинѣ, какъ черная точка, парящій соколъ,—птица, изображенная въ нашемъ гербѣ,—въ долинѣ церковь, гдѣ, примирившись съ Богомъ и людьми, нужно ждать въ каменномъ саркофагѣ радостнаго воскресенія изъ мертвыхъ. Вотъ жизнь! Я никогда не жилъ. Вѣчно лишь думалъ, сомнѣвался и снова принимался думать. А теперь вотъ, въ пятьдесятъ лѣтъ, сижу на обломкахъ минувшаго и сержусь, что помолодѣлъ слишкомъ поздно...

— А со мной произошло обратное!—сказала Эрна.—Сегодня я кажусь себѣ очень старой и почтенной, господинъ профессоръ!

Его взглядъ остановился на ея смѣющемся, слегка порозовѣвшемъ отъ вѣтра лицѣ.

— Знаете, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ, вы кажетесь свѣтлымъ олицетвореніемъ науки... Молодая, веселая, съ открытымъ взглядомъ и радостнымъ настроеніемъ... Настоящій гейдельбергскій студентъ...

Эрна утвердительно кивнула головой.

— Ахъ, я такъ хорошо чувствую себя въ Гейдельбергѣ—совсѣмъ не такъ, какъ на Рейнѣ! Я вѣдь собственно не съ Рейна, лишь хвалюсь этимъ! Тамъ, гдѣ стоитъ мой домъ, Рейнъ течетъ уже въ низкихъ берегахъ; вмѣсто виноградниковъ— фабричныя трубы; воздухъ—тяжелый, сѣрый; всѣ говорятъ лишь о биржевомъ курсѣ; на улицахъ покрытые сажей рабочіе смотрятъ такъ угрюмо! Здѣсь все гораздо красивѣе. Никогда мнѣ не было такъ весело, какъ сегодня.

Потомъ они молча сидѣли на солнцѣ. Вокругъ все было тихо. Лишь изъ долины доносился праздничный звонъ колоколовъ. Эрна боролась съ созрѣвшимъ въ ней рѣшеніемъ.

— Господинъ профессоръ! Со вчерашняго дня у меня на сердцѣ просьба къ вамъ. Я должна сдѣлать визитъ вашей супругѣ... Можно мнѣ принести росписаніе лекцій въ слѣдующемъ семестрѣ и просмотрѣть съ вами... обсудить, какіе курсы я должна посѣщать?

— Приходите, когда хотите! Завтра... послѣ завтра... Вы всегда будете желанной гостьей!

— А я не помѣшаю вамъ?

— Для васъ я всегда дома! Когда вы выработаете планъ занятій, я самъ переговорю съ доцентами.

— О, еслибъ вы это сдѣлали!— Эрна съ благодарностью посмотрѣла на него.—Ваше имя, господинъ профессоръ...

— Да... его достаточно для этого...— сухо сказалъ онъ.—А вы учитесь хорошенько и оправдайте мою рекомендацію!

Она съ серьезнымъ и простодушнымъ видомъ кивнула головой.

— Конечно! Отъ всего сердца благодарю васъ! Вы очень добры ко мнѣ... Я еще ничѣмъ не заслужила такого отношенія. Теперь есть у меня здѣсь—я не смѣю сказать другъ—но человѣкъ, который серьезно и честно относится къ моимъ планамъ. Я знаю, что я еще молода и глупа. Мнѣ нужны чьи-нибудь совѣты. Я вѣдь такъ одинока въ жизни!

— Вы?—удивленно спросилъ онъ.

— Конечно!—сказала Эрна.—Моя мать умерла давно, братьевъ и сестеръ у меня не было. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, я совершенно одна среди чужихъ людей. Женщины—особенно незамужнія и въ моемъ возрастѣ—что онѣ для меня? Вѣчные разговоры о хозяйствѣ и работахъ, вѣчные поцѣлуи! И за всѣмъ этимъ—ничего! Или нѣтъ—очень много—мужчина! Будущій мужъ! Самое важное въ жизни! А мужчины—съ молодыми и рѣчи не можетъ быть о дружбѣ. Если и попытаться, то конецъ одинъ – предложеніе выйти замужъ. Отъ болѣе пожилыхъ—даже такихъ, какъ мой отецъ и его кружокъ—одинъ отвѣтъ: „Учись стряпать, дитя мое, и выбери себѣ мужа“! И все это несчастное недоразумѣніе, что не можетъ быть ничего средняго между синимъ чулкомъ и кухаркой и судомойкой. Я чувствовала себя такой одинокой, что прилетѣла сюда. Но я не хочу жаловаться. Мнѣ весело. И я вѣрю, что будетъ лучше!

Она почувствовала на себѣ его взглядъ и подумала: онъ, конечно, не вѣритъ, хотя все это правда или почти правда—за исключеніемъ того, что касается Джона Генри ванъ-Леннепа. Ему, вѣроятно, показалось невѣроятнымъ: такая дѣвушка, какъ она—и одинока! Въ духовномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ! А въ сердечномъ?

Но профессоръ не выразилъ никакихъ сомнѣній.

— Итакъ, будемъ добрыми друзьями!—сказалъ онъ, пожимая ей руку, и она отъ всего сердца отвѣтила на это пожатіе.

— Правда, друзьями?

— Конечно!

— Это слишкомъ большая честь для меня! Жалкая ученица и такой знаменитый человѣкъ!

— Это ужъ мое дѣло, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ!—сказалъ онъ равнодушнымъ тономъ.

Она ничего не отвѣтила, но стала, когда они пошли дальше, напѣвать, смотря на распускающіеся буки и голубое небо.

— Простите...—сказала она съ улыбкой.—На меня что-то нашло... я чувствую себя такъ хорошо, какъ та птичка на вѣткѣ... у нея нѣтъ никакихъ заботъ... и у меня сегодня тоже. Я настоящая полевая лилія и не думаю, что можетъ со мной случиться.

Быстрыми и эластическими шагами, слегка приподнявъ платье, она пошла по лѣсной тропинкѣ. Профессоръ шелъ рядомъ.

— Значитъ, на вашемъ горизонтѣ теперь ни одного облачка?

Она вдругъ сдѣлалась серьезной.

— Есть! Оно тамъ, надъ Гейдельбергомъ, и сегодня вечеромъ, когда я вернусь домой, разразится гроза — съ громомъ и молніей. Не спрашивайте меня больше объ этомъ. Это семейныя неурядицы. И ихъ нужно устранить!

— Я думалъ, что вы вполнѣ независимы!

— Независима!—сказала она рѣзкимъ и упрямымъ тономъ.—Я сирота, совершеннолѣтняя, имѣю значительное состояніе. Никто на свѣтѣ не можетъ распоряжаться мною. Сегодня, впрочемъ, будетъ сдѣлана послѣдняя попытка!

Она подумала, что теперь дѣлалъ цѣлый день безъ нея Джонъ Генри

ванъ Леннепъ. Отъ нетерпѣнія, вѣроятно, выходилъ изъ себя. Она знала его характеръ. Воскресенье безъ занятій въ маленькомъ чужомъ городкѣ! Не могъ же онъ ходить съ толпой туристовъ или забавляться чѣмъ-нибудь въ саду среди горожанъ! Прелести ландшафта и прогулки для него не имѣли никакой цѣны. Вѣроятно, по усвоенной имъ американской привычкѣ, онъ долгіе часы неподвижно просидѣлъ у входа въ отель, устремивъ глаза въ землю и загадочно улыбаясь. Такіе часы самоуглубленія были обыкновенно очень опасны для его дѣловыхъ противниковъ. Тогда составлялъ онъ боевые планы дальнѣйшей опустошительной борьбы своего треста съ отдѣльными фабрикантами и кончалъ обыкновенно тѣмъ, что разсылалъ во всѣ концы свѣта по телеграфу наборъ странныхъ словъ, понятныхъ только его единомышленникамъ. Эрна знала, что еще недавно онъ вызвалъ паденіе одной фирмы лаконической депешей: „алмазы, гіацинты, колибри".

Но довольно! Она закинула назадъ свою головку. Не нужно теперь думать о Джонѣ Генри. Она пошла скорѣе. И нога въ ногу, какъ два добрыхъ товарища, спустились они по дорогѣ къ рѣкѣ.

У Эрны заговорила совѣсть, когда, подойдя къ берегу Неккара, она увидѣла, что все общество ждетъ ихъ. Ей показалось, что у нѣкоторыхъ дамъ было какое то странное выраженіе лица, и она поспѣшила подойти къ г-жѣ Аррасъ и завязать съ нею разговоръ. Но это оказалось не легко. Въ теченіе дня Эрна напрасно пыталась нѣсколько разъ заговорить съ нею и каждый разъ въ ней оставалось непріятное чувство: да, вѣдь, это—переодѣтый мужчина!

Нельзя сказать, чтобы эта женщина, которая могла бы быть ея матерью, была съ нею неласкова; она даже улыбнулась нѣсколько разъ, когда молодая студентка съ жаромъ заговорила объ общей женской обязанности самозащиты и обмѣнялась съ ея мужемъ молчаливымъ взглядомъ. Но Эрна чувствовала, что поддержки, на которую она надѣялась, у доктора Адріаны фонъ-Аррасъ она не найдетъ. Она спокойно и неуклонно отдалялась отъ внѣшняго міра и, повидимому, далека была отъ міра чувствъ, свойственныхъ женщинамъ. Да, все, что она говорила о женщинахъ, носило легкій оттѣнокъ состраданія и насмѣшки. Съ обѣими ея дочерьми Эрна тоже не могла разговориться. Старшая, жена лейтенанта Отти, съ розовымъ, какъ у куколки, и безъ единой мысли личикомъ, начала разговоръ перечисленіемъ полковъ и офицеровъ.

— У васъ вѣдь стоитъ второй батальонъ 211-го полка?

— Да,—вѣжливо отвѣтила Эрна.— Это преимущество принадлежитъ намъ.

— Тамъ нѣтъ господина фонъ Целова, который прежде служилъ въ гвардіи?

— Совершенно вѣрно—онъ тамъ!— Эрна вздохнула. Этотъ господинъ фонъ Целовъ, легкомысленный мотылекъ, имѣлъ смѣлость, однажды во время котильона, просить ея руки.

— А каковы другіе офицеры?

— О, всѣ они танцуютъ очень хорошо!

Наступила пауза. Жена лейтенанта попробовала еще оживить разговоръ.

— Мы теперь стоимъ въ Страсбургѣ, но надѣемся на поступленіе въ военную академію. Въ Берлинѣ такъ пріятно жить!

Эрна наклоненіемъ головы согласилась съ пріятностью жить въ Берлинѣ и замолчала. Съ этой живой справочной книжкой для военныхъ у нея не было ничего общаго, такъ-же какъ и съ младшей ея сестрой Марго.

Та, повидимому, тоже мечтала о пестрыхъ эполетахъ и о томъ вре-

мени, когда, вырвавшись изъ отцовскаго дома, попадетъ въ водоворотъ гарнизонной жизни.

Между тѣмъ стали садиться въ лодки. Эрна медленно отошла въ сторону. Она не хотѣла оставаться вмѣстѣ съ консуломъ, который все время не сводилъ съ нея глазъ... она знала, что это значитъ, но оставалась совершенно равнодушной къ завоеванію этого стараго холостяка. Ея спутникъ, добрый старый майоръ, тоже сердилъ ее. Онъ уже въ третій разъ сегодня назвалъ ее „милостивый сотоварищъ“ такимъ тономъ, который ей очень не понравился. Наконецъ она откровенно сказала ему:—Это, господинъ майоръ, contradictio in adjecto. Я для васъ или „милостивая государыня“ — въ салонѣ или товарищъ—въ аудиторіи. Смѣшивать то и другое не годится. Выбирайте что-нибудь одно. Я предпочитаю аудиторію.

— А не непріятно это—находиться вмѣстѣ съ столькими молодыми людьми?—спросилъ консулъ, кашлянувъ и многозначительно прищуривъ глаза.

Эрна посмотрѣла на него черезъ плечо.

— Я, господинъ консулъ, и прежде часто находилась вмѣстѣ съ молодыми людьми — сидѣла рядомъ съ ними въ концертахъ, театрахъ, на балахъ и обѣдахъ—и всѣ удивились-бы даже, еслибъ я не позволила этимъ постороннимъ мужчинамъ брать меня за руки, обнимать за талію и кружиться со мной по залѣ. Различіе еще въ томъ, что въ аудиторію я прихожу не декольтированной!

— А вы не полагаете, что ваше появленіе вызоветъ въ аудиторіи возбужденіе?

Эрнѣ было непріятно чувствовать на себѣ взгляды стараго донъ-Жуана.

— Знаете-ли, господинъ консулъ, — сказала она, — гейдельбергскій университетъ существуетъ болѣе пятисотъ лѣтъ. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ неурядицъ и войнъ. Неужели горсть молодыхъ дѣвушекъ въ состояніи потрясти это гордое зданіе? Неужели это сдѣлаетъ присутствіе въ немъ нѣсколькихъ скромныхъ молодыхъ женщинъ? Я не такого высокаго мнѣнія о себѣ и о своихъ сестрахъ! Съ другой стороны, я самаго высокаго мнѣнія о преподавателяхъ и учащихся въ Ruperta Carola. Впрочемъ, о всемъ этомъ лучше спросить тѣхъ молодыхъ людей!

Чтобы избавиться отъ консула, она проскользнула по лодкѣ, уже отошедшей отъ берега и медленно подвигавшейся впередъ по гладкой, какъ зеркало, поверхности рѣки, къ ея носу и сѣла рядомъ съ stud. jur. et com. Отто Гельмутомъ и его двумя товарищами, которые, съ сдвинутыми на затылокъ пестрыми шапочками, обсуждали вполголоса какую-то дуэль со всѣми ея замѣчательными подробностями. Молодые люди, смущенные и повидимому польщенные ея вниманіемъ, замолчали и улыбнулись ей. Эрна тоже улыбнулась. Она чувствовала свое превосходство двадцатидвухлѣтней женщины надъ юношами 18 — 19 лѣтъ. Это было чувство если не матери, то по крайней мѣрѣ тетушки и—полнѣйшая увѣренность въ себѣ.

— Мнѣ хотѣлось-бы кое-что спросить у васъ!—весело сказала она.— Только не пугайтесь. Представьте себѣ, что вслѣдствіе необычайнаго стеченія обстоятельствъ, пари или по какому-нибудь другому случаю— вы въ аудиторіи. Все-же это возможно, не правда-ли?

Отто Гельмутъ фонъ-Аррасъ придалъ своему хорошенькому юношескому личику многозначительное выраженіе.

— Я уже три раза былъ тамъ. Въ самомъ началѣ. Надо-же посмотрѣть на профессоровъ, которыхъ будешь слушать!

— Я тоже былъ нѣсколько разъ! —сказалъ его сосѣдъ, стройный молодой человѣкъ съ меланхолическимъ

взглядомъ и темнымъ пушкомъ на верхней губѣ.

Третій молчалъ съ многозначительной миной. У него были острыя старообразныя черты лица; вмѣсто пестрой шапочки на головѣ у него надъ большими оттопыренными ушами, была легкая сѣрая дорожная шапочка, подъ которой повязка изъ салициловой ваты скрывала полученные имъ при фехтованіи шрамы. Отъ него шелъ сильный запахъ іодоформа, свидѣтельствовавшій о его принятіи въ корпорацію, что для другихъ было еще далекой, туманной, но пріятной картиной.

— Итакъ, когда вы сидите въ аудиторіи, — продолжала Эрна, — входитъ вдругъ и садится около васъ молодая дама,—помѣшаетъ она вамъ?

Отто Гельмутъ бросилъ на нее удивленный взглядъ.

— О, да! — простодушно сказалъ онъ потомъ.

Этотъ неожиданный отвѣтъ нѣсколько смутилъ студентку.

— Нѣтъ, я хотѣла сказать... будете-ли вы мѣшать дамѣ, которая спокойно сидитъ и пишетъ?

Студентъ живо запротестовалъ.— О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!

И товарищъ его тотчасъ-же прибавилъ: — Мы — джентельмены и знаемъ, какъ обходиться съ дамами!

Въ душѣ, однако, они испытывали смущеніе и безпокойство. Это было что-то новое! Передъ ними сидѣла дѣвушка, которая относилась къ ученью совершенно серьезно и считала посѣщеніе лекцій обязательнымъ. Такое явленіе въ сущности очень импонировало имъ, но по своей странности совершенно не подходило къ тому мірку, какимъ они представляли себѣ свой университетъ.

Мірокъ этотъ они знали очень хорошо: вотъ цвѣтъ и краса его — студентъ, принадлежащій къ корпораціи, ограниченный извнѣ стѣнами величаваго помѣщенія S. C, внутренно — соревнованіемъ корпорацій съ ихъ многочисленными подраздѣленіями и развѣтвленіями; вотъ предметъ глубокой ненависти студентовъ-корпорантовъ, добивающійся цвѣтного значка академикъ, съ которымъ, несмотря на вѣковую непріязнь, настоящій студентъ не обмѣнялся ни однимъ ударомъ клинка; вотъ благочестивые противники дуэлей, которые не могутъ видѣть крови, но при различныхъ торжествахъ парадируютъ съ оружіемъ въ рукахъ — смѣшные, достойные состраданія люди; — вотъ огромная масса студенчества, не принадлежащаго къ корпораціямъ, на которыхъ смотрятъ съ презрительнымъ равнодушіемъ; вотъ, наконецъ, многочисленные иностранцы, о которыхъ вообще много не думалъ никто и къ которымъ относились съ холодной вѣжливостью, когда они случайно появлялись на пирушкахъ — все, однимъ словомъ, въ этомъ міркѣ было твердо установлено разъ навсегда—вражда и дружба, братство и защита чести, раздробленіе на сотни отдѣльныхъ частей, разъединенныхъ вѣковой враждой и застывшихъ въ древнихъ формахъ; все представляло здѣсь уменьшенную копію нѣмецкихъ среднихъ вѣковъ, въ глубинѣ которыхъ терялось основаніе университета. Для женщины здѣсь не было мѣста. Появленіе ея и мѣсто для нея не были предусмотрѣны. Всѣмъ извѣстно было, какъ слѣдуетъ относиться къ собрату по корпораціи, какъ — къ „дикимъ“, какъ къ учащимся японцамъ. А къ дамѣ, къ которой не примѣнимъ ни одинъ изъ принциповъ студенческой жизни?

Изъ этого затруднительнаго положенія вывелъ обѣихъ студентовъ третій, въ сѣрой шапочкѣ. Какъ сынъ и наслѣдникъ одного изъ крупныхъ дворянъ восточныхъ провинцій, онъ обладалъ манерами юнкеровъ и небрежно картавилъ въ разговорѣ, что въ южной Германіи особенно бросалось въ глаза.

— Итакъ вы серьезно хотите учить-

ся?—спросилъ онъ, разсѣянно улыбаясь, какъ бы думая о какой-то остроумной шуткѣ, о которой ему разсказывали.

— Если вы ничего не имѣете противъ этого, графъ, – сказала Эрна. —Кромѣ этого мнѣ ничто не мѣшаетъ!

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего сказать! — сухо возразилъ молодой графъ.—Но скажите: вѣдь прежде дамы не учились?

— Нѣтъ, потому что имъ не позволяли.

— И это должно же имѣть какія-нибудь основанія!. Если что нибудь было запрещено въ теченіе пятисотъ лѣтъ, то долженъ же быть смыслъ въ такомъ запрещеніи!

— О, да! Вы хорошій фехтовальщикъ, графъ?

Польщенный студентъ улыбнулся.

— Порядочный, фрейлейнъ, порядочный!

— Ну, видите ли... а моя рука слаба. А я не могла бы дѣйствовать рапирой. И вотъ единственная причина запрещенія въ теченіе пяти вѣковъ! Слабѣйшую половину рода человѣческаго держали вдалекѣ отъ науки! Но время господства силы прошло! Настало наше время! И теперь мужчину, который не умѣетъ драться, вы можете еще подавить вашимъ презрѣніемъ, но женщину — нѣтъ!

Худое интеллигентное лицо молодого графа приняло озабоченное выраженіе.

— И вы думаете, что учащихся женщинъ будетъ все больше и больше?

— Конечно, графъ!

— Въ концѣ концовъ сотни!

— Въ Берлинѣ и теперь уже ихъ сотни!

Студентъ посмотрѣлъ испуганно на товарищей.

— Но вѣдь это было бы ужасно...

— Обратитесь къ полиціи!—посовѣтовала ему Эрна.

— Можетъ быть, еще есть время издать запрещеніе!—Это... это непостижимо! Это невозможно! Вѣдь, это настоящій переворотъ... Вѣдь, если всюду здѣсь будутъ кишѣть женщины, то что же станется съ духомъ студенчества?.. Я, право, думаю, что вы шутите, фрейлейнъ!

— Нѣтъ!—сказала Эрна. Она замѣтила, что въ лодкѣ всѣ притихли и прислушиваются къ ихъ разговору. — Я буду говорить съ вами совершенно серьезно. Вы правы, видя въ студенческихъ корпораціяхъ идеалъ всѣхъ мужскихъ доблестей—храбрости, дружбы, строгой дисциплины, любви къ отечеству. Но есть ли это идеалъ только студенческихъ добродѣтелей? Какъ вы, думаетъ каждый офицеръ, каждый настоящій нѣмецъ. Задачи высшей школы не въ томъ, чтобы проливать кровь или неумѣренно пить пиво! Въ васъ, господа херуски, живетъ еще духъ среднихъ вѣковъ, а передъ вами, въ лицѣ моемъ, дитя двадцатаго столѣтія. Не довѣряйтесь мнѣ. Я злѣйшій врагъ, чѣмъ самый сильный вашъ противникъ въ фехтованіи изъ враждебной вамъ корпораціи!

Маленькій графъ разсердился.— Въ фехтованіи, фрейлейнъ, дамы не понимаютъ ничего. То, на что вы нападаете, вся романтика нѣмецкой студенческой жизни...

— Романтику можно понимать различно!—сказала Эрна.—Я нахожу гораздо болѣе романтичнымъ, когда молодая дѣвушка посѣщаетъ университетъ, чѣмъ когда двое юношей, которые ничего другъ другу не сдѣлали, принимаются съ средневѣковыми церемоніями раскраивать себѣ носы...

— Это, однако, требуетъ мужества! —сухо возразилъ графъ.

— Я думаю, что гораздо болѣе требуется мужества отъ дѣвушки, желающей сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, чѣмъ отъ студента, парирующаго ударъ. Впрочемъ, не безпокойтесь: ваша поэзія будетъ процвѣтать, и я откровенно сознаюсь, что, какъ женщина, я не могу имѣть никакого понятія и сужденія относительно пролитія крови и поглощенія пива. Но наряду съ этимъ или,

лучше сказать, надо всѣмъ этимъ процвѣтетъ въ нѣмецкихъ университетахъ новая поэзія—поэзія духовной работы женщинъ! И посмотримъ, кто побѣдитъ во мнѣніи свѣта!

Ея молодой противникъ плотнѣе надвинулъ свою шапочку на уши, чтобы предохранить горящіе еще шрамы отъ свѣжаго воздуха. Онъ не могъ найти возраженій, и рѣзко, сухо, увѣренно сказалъ:

— Однимъ словомъ, дамамъ не мѣсто въ университетѣ!

При этомъ онъ искривилъ въ злую усмѣшку свое худощавое лицо, на которомъ пробивался первый пушокъ бородки. Вотъ это ловко! Товарищи должны видѣть, что онъ, лучшій фехтовальщикъ въ корпораціи, не позволилъ одержать надъ собою верхъ женщинѣ! Къ его удивленію Эрна осталась совершенно спокойной. Казалось, что, говоря съ нимъ, она обращается, поверхъ его покрытой іодоформомъ и ватой головы, къ кому-то другому.

— Итакъ, въ университетѣ мѣсто не намъ, а вамъ!—сказала она. —Я научу васъ кое-чему лучшему, графъ. Не волнуйтесь и выслушайте меня.

Въ теченіе пятисотъ лѣтъ поколѣніе за поколѣніями старались возвести это гордое зданіе, Ruperta Carola, сдѣлать изъ него сокровищницу науки, какихъ не много на свѣтѣ. Двери этой сокровищницы открыты передъ вами, аудиторіи приготовлены для васъ, на кафедрахъ сидятъ, поджидая васъ, знаменитѣйшіе ученые, но вы и не думаете приходить. Для васъ завтраки съ возліяніями или игра клинками имѣютъ гораздо большее значеніе. Теперь дальше: вы происходите изъ благороднаго дома. Нужны были столѣтія, чтобы доставить вамъ свободу, богатство, образованіе, все, что нужно для занятій наукой. Повѣрьте мнѣ: какъ дочь фабриканта, я знаю это хорошо; мой отецъ часто разсказывалъ мнѣ, какое стремленіе къ образованію замѣчается въ низшихъ слояхъ народа. Есть мужчины и женщины, которые алчутъ и жаждутъ знанія, но судьба обрекла ихъ на монотонную фабричную работу. Двери высшей школы для нихъ закрыты. Онѣ широко раскрыты предъ вами, однимъ счастливцемъ изъ сотенъ несчастныхъ, которому многіе горячо завидуютъ. А вы что дѣлаете? Вы проводите время въ кофейныхъ за игрою въ скатъ. Наконецъ, вотъ что: вы—мужчина, представитель своего рода и гордость семьи! Когда я родилась, то всѣ говорили: „Жалко, что это дѣвочка“! Не только въ теченіе столѣтій или полтысячи лѣтъ, но вѣчно вы были повелителями, а мы, женщины, довольствовались мѣстечкомъ, которое вы удѣляли намъ въ своей духовной жизни! Посмотрите теперь въ аудиторію — тамъ стоятъ ряды пустыхъ скамеекъ, на которыхъ должны сидѣть *вы*! Робко, на кончикахъ пальцевъ входимъ мы сюда, чтобы присѣсть на свободную скамейку и немножко поучиться чему—нибудь, пока вы занимаетесь дуэлями и пирушками, и слышимъ вдругъ: „вонъ“! Пусть лучше слова премудрости раздаются здѣсь для однѣхъ стѣнъ, чѣмъ услышать ихъ женщины! И вотъ вы не только не работаете сами, но еще и другимъ мѣшаете исполнять то, что составляетъ *ваши* обязанности! О, я знаю, что вы скажете мнѣ, графъ! Вы скажете, что вы молоды и что надо пользоваться жизнью! Но еслибъ я была мужчиной, то воспользовалась бы своей молодостью иначе, чѣмъ вы!

Глаза ея засверкали. Она продолжала съ жаромъ—Я широко раскрыла бы свое сердце, чтобы въ него вошло все, что есть свѣтлаго, прекраснаго и радостнаго въ Божьемъ мірѣ и здѣсь, въ долинѣ Неккара. И я широко раскрыла бы свой умъ, чтобы въ него устремился весь свѣтъ науки старой, почтенной Ruperta Carola и чтобы онъ пробудилъ во мнѣ все, что есть во мнѣ хорошаго; и я широко раскрыла бы руки и протянула

бы ихъ товарищамъ, чтобы имѣть въ жизни какъ можно больше друзей вмѣсто того, чтобы враждебно относиться къ молодымъ людямъ, которые могутъ дать вамъ удовлетвореніе на дуэли, и презрительно—къ тѣмъ, которые не могутъ этого сдѣлать. Вотъ что называю я молодостью, вотъ что значитъ, по-моему, пользоваться свободою и юностью такъ, чтобы во всю послѣдующую жизнь она представлялась вамъ чуднымъ сномъ. И позвольте сказать вамъ, графъ, что торжественныя слова — „Женщинѣ нѣтъ мѣста въ университетѣ"!—приводятъ меня только въ веселое настроеніе. Женщинѣ есть тамъ мѣсто, она вошла уже въ университетъ и, повѣрьте мнѣ, останется тамъ!

Эрна откинулась назадъ. Она говорила горячо. Позади себя она слышала глухой говоръ остального общества, которое слѣдило за ея словами; передъ нею сидѣли студенты, задумчиво играя тросточками съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило:—„Она завлекла насъ въ неизвѣстную намъ область. И на душѣ какъ-то непріятно. Помолчимъ лучше"! Эрна почувствовала, что на плечо ея легла чья-то рука, и обернулась. Позади нея стоялъ профессоръ фонъ Аррасъ. Онъ кивнулъ ей, какъ доброму товарищу. —Я опять наговорила слишкомъ много, сказала Эрна нѣсколько смутившись. Она замѣтила, что всѣ взоры были устремлены на нее...—У меня все еще что на умѣ, то и на языкѣ. И я высказываю все, что у меня на душѣ. Надо отвыкать отъ этого. Теперь я буду молчать и смотрѣть на окрестности. Но прежде дайте мнѣ ваши руки, господа „Херуски!" Примиримся и будемъ опять въ хорошихъ отношеніяхъ! Желаю вамъ успѣха въ вашихъ дуэляхъ и пирушкахъ!

Я не такъ зла, какъ кажусь!

Они пожали другъ другу руки.

— Желаю и вамъ успѣха въ вашихъ занятіяхъ, фрейлейнъ!—сказалъ маленькій графъ. Онъ, какъ самый умный изъ троихъ, нѣсколько задумался надъ словами Эрны.

А лодка плыла все дальше и дальше по Неккару, между высокихъ лѣсистыхъ горъ, на склонахъ которыхъ, какъ орлиныя гнѣзда, лѣпились разбойничьи замки, мимо цвѣтущихъ деревень и старыхъ стѣнъ укрѣпленій, мимо виноградниковъ и красивыхъ дачъ. Слѣва, въ изгибахъ рѣки, все величавѣе и величавѣе выростали сверкающія на солнцѣ красноватыя каменныя громады. Башни и дворцы, высокія крыши и стѣны замковъ горѣли подъ лучами заходящаго солнца, охваченные его пламенемъ и сами испускающіе пламя, останки погибшей грозной красоты, господствующіе надъ мирнымъ городкомъ, изъ котораго меланхолически подымались къ вечернему небу колокольни; за нимъ въ сумракѣ виднѣлась благословенная рейнская долина. Лодка понеслась быстрѣе. Волны съ громкимъ плескомъ ударялись о нее. Она была на срединѣ рѣки, тамъ, откуда старый Гейдельбергъ кажется красивѣе и привлекательнѣе всего.

Здѣсь, по старинному обычаю, проѣзжающіе въ лодкахъ пѣли сложенную Шеффелемъ пѣснь Неккару. Теперь студенты затянули ее, но голоса ихъ звучали неувѣренно и рѣзко и они оглядывались, какъ бы ища помощи.

Эрна не могла удержаться. Она встала и, обратившись къ замку, съ увлажненными глазами, какъ передъ какимъ-то чудомъ, распростерла руки.

И тихое нестройное пѣніе студентовъ покрылось ея звонкимъ, хорошо обработаннымъ сопрано:

О Гейдельбергъ нашъ славный,
Нашъ старый Гейдельбергъ!
На Рейнѣ есть ли равный
По красотѣ тебѣ!

Она стояла, какъ свѣтлое олицетвореніе жизнерадостности, какъ и вчера, въ сіяніи послѣднихъ лучей, когда золотистый свѣтъ нѣжно окутывалъ ее подъ деревьями цвѣту-

щаго сада. Только теперь, въ этомъ сказочномъ свѣтѣ, она стояла, выпрямившись своимъ молодымъ и стройнымъ тѣломъ во весь ростъ, закинувъ назадъ хорошенькую головку,—она казалась въ какомъ-то сладкомъ забытьи отъ того, что видѣла передъ собой и что пѣла.

При слѣдующей строфѣ произошла остановка, потому что не всѣ хорошо знали текстъ. Но Эрна, не оборачиваясь воскликнула:—Я знаю это наизусть! и благодаря ей пѣсню пропѣли до конца, который особенно подходилъ по настроенію къ ней и сегодняшнему дню:

Я не поддамся горю.
Я съ скукой распрощусь—
Тотчасъ коня пришпорю
И къ Неккару помчусь!

— И къ Неккару помчусь!—повторила она припѣвъ такъ звонко, что гуляющіе на берегу остановились, прислушиваясь. Она опустила руки и, улыбающаяся и нѣсколько смущенная, съ покраснѣвшими щеками и блестящими глазами, посмотрѣла вокругъ себя. И вдругъ глаза ея встрѣтились съ взглядомъ, который испугалъ ее.—Господи, что это профессоръ фонъ Аррасъ такъ смотритъ на меня?—подумала она и поспѣшила сѣсть.—И, вѣроятно, онъ смотрѣлъ на меня все время, пока я пѣла! Можетъ быть, я пѣла слишкомъ громко? Можетъ быть, это неприлично? Нѣтъ! Такое невинное объясненіе не могло удовлетворить ее.

Она тяжело вздохнула, опустивши глаза и стараясь подавить мысль, которая невольно пробудилась въ ней,—безумную, невѣроятную мысль.

Наконецъ, ей удалось это.—Ахъ, это не больше, какъ случайность!—думала она, когда лодка проходила подъ мостомъ.—Простая случайность! Такіе ученые имѣютъ привычку пристально смотрѣть на человѣка, а сами въ это время думаютъ о древнихъ ассирійцахъ или человѣкоподобныхъ обезьянахъ на Явѣ. Что объ этомъ думать? И опять ею овладѣла непринужденная веселость. Она подняла голову и увидѣла странное зрѣлище. Совсѣмъ близко отъ нея по тихому здѣсь теченію плыла коричневая лодка, надъ высокими бортами которой виднѣлись лишь головы находящихся въ ней;—они сидѣли, повидимому, на самомъ днѣ лодки, рука объ руку, и предоставили челну плыть, куда ему вздумается. Эрнѣ прежде всего бросилась въ глаза апостольская голова съ взъерошенными бѣлокурыми волосами и нервнымъ лицомъ—она сейчасъ же узнала доктора Бонифера; рядомъ съ нимъ бѣлокурая, какъ у тиціановскихъ мадоннъ головка съ дѣтской прической á la Боттичели, необыкновенно хорошенькое, печальное личико съ большими глазами.

По всѣмъ признакамъ это была та прерафаэлитка, Дина Шпильфогель, которую съ такимъ горькимъ и ревнивымъ чувствомъ описывала ей Мета Виггерсъ.

Бониферъ и его дама курили сигаретки и молча задумчиво смотрѣли вдаль. Міръ, повидимому, пересталъ существовать для нихъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока обѣ лодки не столкнулись.

— Да оттолкнитесь же вы, тамъ! сердито закричалъ имъ лодочникъ. Не умѣете грести, такъ сидѣли бы дома!

Докторъ Бониферъ осторожно всталъ, сѣлъ на скамью и поклонился Эрнѣ. У него былъ озабоченный и возбужденный видъ.—Скажите, ради Бога, началъ онъ,—фрейлейнъ Виггерсъ не больна?

— Нѣтъ. Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что когда я сегодня еще разъ зашелъ къ ней, ея не оказалось дома... Не оказалось дома!

— И вы думаете, что если въ воскресенье человѣкъ не сидитъ дома, то это признакъ болѣзни? Эрна разразсмѣялась въ лицо высокому блондину. Она внутренно торжествовала, что сѣмя возмущенія, которое она посѣяла среди подругъ, уже взо-

шло. — Я считаю это противоположнымъ признакомъ.

Бониферъ отвѣтилъ не сразу.—

— Ну, да... съ логической стороны... вообще же... я, между прочимъ, встрѣтимся тамъ съ господиномъ, который настойчиво распрашивалъ о васъ... господинъ ванъ Леннепъ...

Эрна вздрогнула.—Ахъ, да!—равнодушнымъ тономъ сказалъ она.—Я совсѣмъ забыла! Это мой двоюродный братъ, который хотѣлъ навѣстить меня мимоѣздомъ. Купецъ съ Рейна!

— Совершенно вѣрно! Онъ говорилъ съ большимъ знаніемъ дѣла о курсахъ и акціяхъ. Но его взгляды на женское движеніе...

— Ахъ, лучше бы онъ не говорилъ объ этомъ!—Сильнымъ движеніемъ Эрна разъединила лодки. Но прежде чѣмъ это удалось ей, изъ чужой лодки поднялась дама съ прической á la Боттичели и съ дѣтски-довѣрчивымъ видомъ протянула ей руку.

— Я—Дина Шпильфогель!—сказала она мягкимъ и любезнымъ тономъ.—А вы, какъ я поняла изъ разговора, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ? Не правда ли? Бониферъ много говорилъ мнѣ о васъ. Мы должны познакомиться. Мы всѣ должны соединиться для борьбы. Одна—за всѣхъ, всѣ за одну. Вы придете ко мнѣ? Да?

И она взяла новую сигаретку въ свой ротикъ Мадонны и улыбнулась съ кроткимъ и страдальческимъ видомъ. Лодка медленно отошла въ сторону.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтила слегка озадаченная Эрна. Собственно, если Дина желала знакомства, то должна была бы первая сдѣлать ей визитъ. Но, можетъ быть, ей не хотѣлось этого изъ-за Меты Виггерсъ.

Эрна рѣшила во всякомъ случаѣ посѣтить ее, когда представится возможность. Этотъ меланхолическій ангелъ, который снова скрылся въ лодкѣ съ своимъ нервнымъ бѣлокурымъ покровителемъ, интересовалъ ее. Это была новая, можетъ быть, безполезная, но пестрая разновидность, легкомысленная колибри, которая такому серьезному человѣку, какъ кандидатъ филологіи Мета Виггерсъ, конечно должна была казаться воплощеннымъ безуміемъ.

Лодка пристала къ берегу. Всѣ вышли. Эрна, набравшись смѣлости, подошла къ профессору. Ей хотѣлось устранить всѣ сомнѣнія.

— Мнѣ предстоитъ трудное дѣло, господинъ профессоръ! — откровенно сказала она, протягивая ему на прощанье руку.—Споръ съ родственниками—быть или не быть мнѣ въ Гейдельбергѣ! И мнѣ хотѣлось прежде спросить васъ: дѣйствительно ли я могу разсчитывать на вашу дружбу?

Профессоръ казался теперь совершенно спокойнымъ.

— Да, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ, можете!

— Значитъ, я могу, когда мнѣ нужно будетъ, съ полнымъ довѣріемъ обратиться къ вамъ за совѣтомъ и помощью?

— Когда угодно!

Эрна вздохнула съ облегченіемъ; теперь ей стало стыдно той мысли, которая пришла ей подъ мостомъ. Нѣтъ, ничего подобнаго не было!

— Отъ всей души благодарю васъ, г. профессоръ!—сказала она.—И за сегодняшній чудный день тоже! Теперь же нужно домой! Меня, вѣроятно, уже ждутъ!

Она простилась со всѣмъ обществомъ и опять, когда фрау фонъ Аррасъ подала ей руку и выразила желаніе скоро увидѣться съ ней снова, Эрна внутренно содрогнулась. Она боялась этой женщины. Все въ ней было такъ ясно, холодно, разумно и безжизненно—и отъ какой это особенности происходило, трудно было опредѣлить. По костюму, манерамъ, разговору—она была настоящая дама, при этомъ отличная хозяйка и прекрасная мать

и далеко не походила на синій чулокъ. И несмотря на это она производила расхолаживающее впечатлѣніе не только на мужчинъ, но и на женщинъ. Отто Гельмутъ приподнялъ свою шапочку и предложилъ Эрнѣ проводить ее домой. И ее снова развеселила мысль, что среди бѣлаго дня она, человѣкъ уже взрослый, должна искать защиты у этого полуребенка!—Не безпокойтесь, никто меня не похититъ!—сказала она ему и, еще разъ поклонившись всѣмъ, направилась въ ближайшую улицу. Но, пройдя на другой конецъ ея, она испугалась и пожелала, чтобы около нея оказался провожатый: на улицѣ опять стоялъ люксембуржецъ съ своимъ худымъ актерскимъ лицомъ и преувеличенно элегантнымъ костюмомъ; онъ ждалъ ее! Это несомнѣнно! Въ его глазахъ—она лишь лакомая добыча, одинокая молодая женщина, которую можно оскорблять какъ угодно! Онъ пошелъ ей навстрѣчу и съ униженно-ласкательной улыбкой приподнялъ шляпу. Повидимому, онъ хотѣлъ снова попытаться заговорить съ нею. Гнѣвъ закипѣлъ въ Эрнѣ, и пальцы начали зудѣть отъ желанія дать ему пощечину. Но благоразуміе побѣдило: она повернулась и пошла, какъ только могла, скоро къ тому мѣсту, гдѣ остановилась лодка. Теперь, конечно, онъ оставитъ ее!—Общество почти уже разошлось съ берега. Лишь три студента стояли еще тамъ въ тяжеломъ раздумьи, какъ имъ провести воскресный вечеръ, и при появленіи Эрны сдѣлали удивленныя лица. Отто Гельмутъ подбѣжалъ къ ней.

— Вы что нибудь потеряли, фрейлейнъ?

— Нѣтъ,—сказала Эрна, полусмѣясь, полусердито.—Ничего, кромѣ терпѣнія. Тутъ есть какой-то невыносимый господинъ, который преслѣдуетъ меня по пятамъ... я пройду теперь въ этотъ переулокъ—онъ тогда потеряетъ мой слѣдъ. Прощайте!

Она поспѣшно завернула за уголъ.

Въ то время, какъ молодой студентъ рѣшился ради безопасности Эрны слѣдовать за ней на нѣкоторомъ разстояніи, появился опять и люксембуржецъ, осмотрѣлся, какъ бы ища что-то и, благодаря инстинкту и опытности своей въ такихъ дѣлахъ, тотчасъ же принялъ вѣрное направленіе. На углу оба столкнулись. Они были врагами съ того времени, когда корпорація „Херускіи“ отказала въ гостепріимствѣ этому подозрительному господину. Но сегодня онъ объ этомъ не думалъ—ему предстояло болѣе важное дѣло.—Pardon,—пробормоталъ онъ и хотѣлъ идти дальше. Студентъ загородилъ ему дорогу.—Пожалуйста, остановитесь на минуту!—сказалъ онъ, вѣжливо поклонившись.

— Извините... мнѣ некогда!—Дидерихсъ хотѣлъ опять завернуть за уголъ, но Отто Гельмутъ опять сталъ передъ нимъ.

— Потерпите одну минуту, господинъ Дидериксъ!

— Вы не позволяете мнѣ пройти, баронъ?

— Позволю себѣ задержать васъ на одну--двѣ минуты.

— А почему, смѣю спросить?—Въ виду приближающагося столкновенія молодые люди становились все вѣжливѣе и вѣжливѣе,

— Потому, что я не хочу, чтобы вы оскорбляли молодую даму, которая бываетъ въ домѣ моихъ родителей!

На минуту Дидериксъ почувствовалъ себя смущеннымъ, но, когда онъ увидѣлъ насмѣшливое и злорадное выраженіе лицъ двухъ другихъ студентовъ и замѣтилъ, что преслѣдованію его помѣшали, старая злоба на „Херускію“ поднялась въ немъ опять.

— Вы не имѣете права приказывать мнѣ, баронъ. Уйдите съ дороги!

— И не подумаю, г. Дидериксъ!

— Тогда я силой проложу себѣ дорогу!

— Лучше не пробуйте!—хладно-

кровно посовѣтовалъ ему студентъ. Но тотъ, пробормотавъ какое-то французское бранное слово, уже схватилъ его за плечо и старался столкнуть съ тротуара на мостовую.

Онъ не разсчиталъ силы противника. Въ лицо ему попалъ такой ударъ кулакомъ, что все запрыгало у него передъ глазами и, отшатнувшись, онъ почти безъ сознанія долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ. Наконецъ, глаза его снова оживились; злыя искорки засверкали въ нихъ.

— Я дамъ вамъ знать о себѣ!— тихо сказалъ онъ.

— Пожалуйста!

— Отто не поклонившись медленно пошелъ съ товарищами. Только теперь онъ сообразилъ, что произошло. Предстояла дуэль на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ—на пистолетахъ, конечно; относительно этого нечего было терять словъ...

— Вмѣсто того, чтобы, какъ онъ думалъ, предаться завтра рыцарской забавѣ—скрестить съ кѣмъ нибудь клинки въ старинномъ веселомъ залѣ Гиршгассе, ему предстояло серьезное дѣло чести—на жизнь или смерть, гдѣ-нибудь въ уголкѣ лѣса, на солнечномъ восходѣ.

Эта мысль настроила его торжественно. Онъ, разумѣется, не испытывалъ ни малѣйшаго чувства страха, сознавалъ лишь, что въ его молодую жизнь вошло что-то важное, значительное. Тоже думали и оба его товарища. Молча и съ серьезнымъ выраженіемъ на гладкихъ, полудѣтскихъ еще лицахъ они спѣшили сообщить важное извѣстіе покрытому шрамами главѣ своей корпораціи.

Эрна ничего этого не замѣтила. На довольно большомъ разстояніи отъ угла она рѣшилась, наконецъ, остановиться у мясной лавки, въ окнахъ которой отражалась улица. Слава Богу! Назойливая тѣнь исчезла! Дальше она пошла уже медленнѣе, и походка ея становилась все болѣе и болѣе нерѣшительной. Еслибъ не было этого разговора съ бывшимъ женихомъ! Или, еслибъ знать, по крайней мѣрѣ, что онъ задумалъ! Онъ—опасный противникъ! У него всегда въ запасѣ какое-нибудь оружіе—хотя бы вѣжливость. Когда хотѣлъ, онъ могъ обернуть человѣка около пальца. Но съ ней ему не посчастливится. Она старалась вооружиться хладнокровіемъ и сдѣлать видъ, что случилось самое обычное и необходимое дѣло, которое такой умный человѣкъ, какъ онъ, долженъ, конечно признать. Принять такой тонъ—самое лучшее по отношенію къ нему. Надо держать себя сдержанно, дѣловито—подобно ему самому.

И все-таки... все-таки. На душѣ у нея было не весело. Она сердито дала на себя окрикъ, подняла голову и поспѣшно пошла впередъ.

Ахъ, будь, что будетъ. Она посмотрѣла передъ собой и вдругъ ей показалось, что впереди идетъ человѣкъ, необыкновенно похожій на него. Похожій до смѣшного! Она сказала себѣ, что это его двойникъ, но уже навѣрно знала, что это онъ самъ. У нея явилась увѣренность—да, это онъ!

Подходилъ рѣшительный моментъ. Эрна удивилась себѣ, какъ спокойно чувствовала она себя, и неожиданно начала думать о разныхъ мелочахъ. Ей пришло въ голову: ахъ, еслибъ онъ пересталъ носить эти ужасные сѣро-зеленые англійскіе галстухи!

Въ Германіи ихъ не носятъ. Но ему, конечно, это безразлично. И говорить объ этомъ ему—напрасно!

Она глубоко перевела дыханіе, придала спокойное выраженіе лицу и остановилась, чтобы подождать его. И въ страхѣ у нея все еще сохранялась безумная надежда—нѣтъ, это не онъ!—а въ то же время она думала, что еще шаговъ за пятьдесятъ его можно узнать по нервной и въ то же время увѣренной англо-саксонской походкѣ.

Пер. *М. Кондратьевой.*

(До слѣд. №-ра).

Л. Андреевъ.

Писатели-индивидуалисты.

III.

Л. АНДРЕЕВЪ.

„Но скажите, братья мои: если у человѣка нѣтъ еще цѣли, не значитъ ли это, что доселе еще нѣтъ самого человѣчества“.

(Ницше)

„Человѣкъ—канатъ, протянутый между животнымъ и сверхчеловѣкомъ и висящій надъ бездною.

(Онъ-же).

Въ 1901 г. появилось 1-е изданіе 1-го тома произведеній Л. Андреева. Быстро и довольно ярко зажглась литературная звѣзда новаго писателя индивидуалиста. Самое посвященіе этого сборника А. М. Пѣшкову (Горькому) показываетъ, кого признавалъ Андреевъ своимъ учителемъ и къ какому направленію сознательно примкнулъ.

Иидивидуализмъ въ своемъ широкомъ развѣтвленіи—вотъ общая исходная точка двухъ субъективно слишкомъ различныхъ писателей. Въ то время, какъ М. Горькій яркими красками спокойно рисуетъ сильное, гордое собою „я“, торжествуя побѣду этого недавняго узника, и еще осторожно заглядываетъ въ рытвины его будущаго, гдѣ уже

мерещится грозный призракъ одиночества,—Л. Андреевъ останавливается на этомъ послѣднемъ моментѣ и, проникая въ глубины внутренней обособленности и разъединенности личности отъ общаго, — съ ужасомъ проводитъ роковую черту, намѣченную въ ней. Отсюда и недоумѣніе одного изъ критиковъ произведеній Л. Андреева, кн. Урусова,*) спрашивающаго, почему для проповѣди индивидуализма авторъ избралъ столь безсильныхъ или безумныхъ людей. Между тѣмъ Л. Андреевъ и не думаетъ проповѣдывать индивидуализмъ, какъ желанное явленіе въ своихъ произведеніяхъ, порою, бьющихъ на эфектъ, гдѣ такъ часто слышится крикъ боли, вырывающійся изъ настрадавшейся души: Л. Андреевъ является яркимъ выразителемъ кризиса и болѣзненности индивидуализма въ данный моментъ его развитія.

Въ этомъ Л. Андреевъ является истиннымъ послѣдователемъ М. Горькаго: въ своихъ произведеніяхъ онъ развиваетъ то, что у М. Горькаго осталось еще невыясненнымъ, едва намѣченнымъ.

Этому могли способствовать и различныя условія жизни писателей, въ которыхъ впервые складывалось ихъ творчество. Та среда, въ которой нѣкогда жилъ М. Горькій и изобразителемъ которой онъ явился, только-что начинаетъ страдать той болѣзнью, какой давно ужъ болѣетъ интеллигенція.

Разобщенность, разъединенность, эти симптомы кризиса индивидуализма конечно, больше, сильнѣе и раньше всего должны были сказаться на небольшой горсти, которая давно уже отдѣлилась отъ толпы и въ результатѣ, не сдерживаемая и не связанная ею, разбрелась въ разныя стороны другъ отъ друга, разбилась на маленькія кучки, соединенныя между собою чисто механической связью (вродѣ игры въ карты въ „Большомъ шлемѣ"), тотчасъ же распадающіяся на мелкія единицы при нарушеніи ея.

Чувство общности въ его сознательности и силѣ, какъ высшая стадія самопознанія личности, въ интеллигенціи еще не проснулось.

Между тѣмъ индивидуализмъ достигъ своей крайней степени, личность коснулась уже той границы, гдѣ требуются объединенныя силы массы, и перешагнуть которую она одна не въ состояніи. Въ страхѣ она стоитъ передъ нею, мятется изъ стороны въ сторону и ни откуда не видитъ выхода. А масса робкими и тихими шагами подвигается впередъ, только что начиная съ пробужденія личности.

Получается два конца и трудно ихъ связать—такая бездна ихъ раздѣляетъ.

Л. Андреевъ занимается, по преимуществу, психологіей класса, поднявшагося надъ народомъ, больного и изломаннаго, съ напряженными нервами: вотъ почему, родной и близкій интеллигенціи, онъ возбудилъ къ себѣ ея горячее участіе, вызвалъ и не менѣе горячую критику, когда уже были задѣты слишкомъ больныя раны ея. Въ общей нервозности своихъ произведеній, въ стремленіи къ изображенію психопато-логическихъ явленій Л. Андреевъ является младшимъ преемникомъ Достоевскаго, дополняя это и той жесткостью таланта, которая съ особенной силой проявляется въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ („Стѣна", „Бездна", „Въ туманѣ").

Глубокая-же внутренняя связь ихъ, какъ увидимъ дальше, заключается въ вопросѣ „все-ли позволено", тѣсно перепутываемомъ въ произведеніяхъ г. Андреева съ ницшеанской философіей.

Въ результатѣ получается непонятное и непонимающее самого себя „я", сильное и гордое извнѣ, но такое жалкое и безсильное въ своемъ одиночествѣ, въ своей оторван-

*) „Безсильные люди въ произведеніяхъ Л. Андреева".

ности, что ведетъ въ свою очередь, къ „моральной растерянности“, „моральному броженію“.

Наиболѣе сильныхъ выразителей ихъ мы видимъ въ произведеніяхъ Л. Андреева въ лицѣ Керженцева и Сергѣя Петровича. Г. Невѣдомскій, указывающій въ „Мірѣ Божьемъ *) на то, что у г. Андреева нѣтъ будто бы экскурсій въ область морали, намъ кажется, совершенно неправъ: именно въ эту-то область и направляется творческій анализъ Андреева. Анализъ и творчевство, казалось-бы, несовмѣстимыя слова, но въ отысканіи матеріала для анализа заключается и творчество.

Правда, въ своихъ произведеніяхъ Л. Андреевъ не проповѣдуетъ, но это не является необходимымъ для „экскурсій въ область морали“; здѣсь такъ-же, какъ и въ наукѣ, какъ и въ искусствѣ, нужны свои изслѣдователи и иллюстраторы. Въ роли второго и выступаетъ г. Андреевъ. Внутренній мірокъ, изображаемый имъ по преимуществу, не можетъ не касаться моральныхъ запросовъ.

Наиболѣе характерной чертой творчества г. Андреева является импрессіонизмъ. (При томъ надо замѣтить, что современное художество какъ то особенно наклонно къ подобнаго рода творчеству: импрессіонизмъ проскальзываетъ и у М. Горькаго, и у г. Скитальца, въ погоню за нимъ ушли и наши декаденты). „Теперь“— говоритъ, напр., г. Андреевъ въ „Набатѣ“,— „звуки были ясны и точны и летѣли съ безумной быстротой, какъ рой раскаленныхъ камней. Они не кружились въ воздухѣ, какъ голуби тихаго вечерняго звона, они не расплывались въ нихъ ласкающей волной торжественнаго благовѣста,—они летѣли прямо, какъ грозные глашатаи бѣдствія, у которыхъ нѣтъ времени оглянуться назадъ, и глаза расширены отъ ужаса. Бамъ! Бамъ! Бамъ! Летѣли они съ неудержимой стремительностью, и сильные обгоняли слабыхъ, и всѣ вмѣстѣ впивались въ землю и пронизывали небо“.

*) 1903 г. Кн. Іюнь.

Эти штрихи импрессіонизма у г. Андреева порою обладаютъ такою широтою захвата, что предъ нами, благодаря имъ, въ немногихъ словахъ предстаетъ цѣльная картина, связанная одной, выпукло выступающей на ея фонѣ, идеей. Такъ, въ разсказѣ „*Большой шлемъ*“, гдѣ изображаются оторванные отъ жизни, разобщенные съ нею люди, писатель однимъ взмахомъ пера, переходя отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію, раскрываетъ самую сердцевину своей идеи.

„Такъ играли они лѣто и зиму, весну и осень“—говоритъ Андреевъ... Дряхлый міръ покойно несъ тяжелое ярмо безконечнаго существованія и то краснѣлъ отъ крови, то обливался слезами, оглашая свой путь въ пространствѣ стонами больныхъ, голодныхъ и обиженныхъ. Слабые отголоски этой тревожной и чуждой жизни приносилъ съ собою Николай Дмитріевичъ“(3).

Здѣсь такая трудно передаваемая полнота впечатлѣнія въ немногихъ строкахъ.

Или что можетъ быть сильнѣе и выразительнѣй передачи тяготившаго о. Игнатія молчанія дочери на ея могилѣ („*Молчаніе*“) посредствомъ такого-же пріема: „Молчаніе душитъ его; оно ледяными волнами перекатывается черезъ его голову и шевелитъ волосы; оно разбивается о его грудь, стонущую подъ ударами“(43).

Импрессіонизмомъ опредѣляются всѣ произведенія Л. Андреева со стороны пріемовъ творчества.

Другой, не менѣе характерной, но касающейся уже внутренней стороны чертой творчества Л. Андреева является отмѣченная г. Невѣдомскимъ „способность терзать нервы себѣ и читателю“.

Недаромъ покойный Н. К. Михайловскій говорилъ, что въ основѣ

всѣхъ произведеній привѣтствуемаго имъ молодого писателя лежитъ „страхъ жизни и смерти".—Мы прибавили-бы—жестокость и безмыслица жизни и смерти, такой, по крайней мѣрѣ, какой она является передъ нами.

Въ реальномъ изображеніи безсмыслицы, жестокости ихъ и упрекаютъ Андреева нѣкоторые его критики. Это вѣдь то больное, что глубоко таится на днѣ нашей души, и что мы прячемъ отъ самихъ себя, сознавая свое безсиліе справиться съ нимъ, осмыслить его.

Впервые коснулся этихъ глубинъ тонкій анатомъ души Достоевскій, отъ зоркаго взгляда котораго трудно было что-либо уберечь въ душѣ: у него была слишкомъ умѣлая рука, и хотя мы корчились отъ боли, но съ любопытствомъ всматривались въ это выворачиванье на изнанку безсмыслицы и жестокости нашей жизни, потому что всетаки въ концѣ концовъ насъ ждало врачеваніе: отдыхъ на свѣтломъ и чистомъ лицѣ Алеши, старца Зосимы, Сони Мармеладовой на каторгѣ и вообще всей той все захватывающей любви къ людямъ, которая широкой струей вливалась въ произведенія Достоевскаго, накладывая на все свой мягкій отпечатокъ, смягчая рѣзкіе контуры жестокости и страданій.

Л. Андреевъ коснулся этихъ же ранъ, но неумѣлой рукой, непривычной еще къ анатомированію, и у насъ вырвался крикъ боли; мы со страхомъ отступили назадъ, требуя только освѣщенія „идеала добра", правды и торжества надъ зломъ"*) Творчество г. Андреева не настолько широко, чтобы заполнить жестокіе пробѣлы жизни. Онъ открываетъ ее намъ такъ, какъ она есть, съ ея безсмысленной и стихійной силой, съ людской разобщенностью, полнымъ душевнымъ одиночествомъ и вытекающимъ отсюда безсиліемъ человѣка.

Ставъ какъ-бы по ту сторону жизни, оставаясь вполнѣ объективнымъ, г. Андреевъ избралъ ее самое по себѣ центромъ, тогда какъ у Достоевскаго этимъ центромъ являлось его собственное, наболѣвшее и жаждавшее хотя бы минутнаго спокойствія, сердце. Онъ въ страхѣ стоитъ передъ бездной, раскрывающейся въ все болѣе и болѣе осложняющейся жизни, и не рѣшается протянуть руку по ту сторону ея.

Нѣтъ еще у Л. Андреева и той силы психическаго анализа, которой прощается многое; вотъ почему нѣкоторыя мѣста его произведеній, производятъ такое болѣзненное впечатлѣніе.

Черта, родняшая Андреева съ великимъ психологомъ, заключается еще и въ томъ, что у него, какъ говоритъ г. Невѣдомскій, „все на подборъ типы уродливыхъ, оторванныхъ отъ жизни, больныхъ и озлобленныхъ людей, которые трактуются не въ связи съ окружающей ихъ средой и породившими ихъ условіями, а такъ, сами по себѣ, да въ качествѣ таковыхъ, повидимому и занимаютъ автора".

Притомъ у Андреева, какъ импрессіониста, это особенно рѣзко отмѣчается. Въ этомъ же сказывается и индивидуализмъ, царящій въ его произведеніяхъ.

Л. Андреевъ исключительно занятъ проблемой личности, выясненіемъ „я", независимо отъ условій жизни, на фонѣ духовной обособленности ея отъ общаго. Яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ авторъ въ своихъ произведеніяхъ „мыслящихъ одиночекъ," которые всѣми признаются, какъ центръ его творчества. Мы видимъ ихъ въ *Керженцевѣ**) въ *Сергѣѣ Петровичѣ,***) въ *Сашкѣ,****) въ *Вѣрочкѣ,*****) въ лю-

*) Письмо С. А. Толстой въ „Новомъ Времени".

*) „Мысль",
**) „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ".
***) „Ангелочекъ".
****) „Молчаніе".

дяхъ *Въ подвалѣ* и др. То озлобленные и гордые, то жалкіе и безсильные, стоятъ они передъ нами и рвутся изъ замыкающаго ихъ круга тоски одиночества, рвутся къ той общей жизни, отъ которой ограждаетъ ихъ стѣна крайне развившагося индивидуализма. Ихъ „я" переросло самого себя и давно порвало внутреннюю связь съ путами общественной жизни, которыя все-же продолжаютъ опутывать ихъ извнѣ, и они дѣлаются отъ этого еще болѣе жалкими и ничтожными.

Особенно рельефно намѣтилъ это авторъ, какъ мы уже говорили, въ „*Большомъ шлемѣ*". Четыре человѣка, совершенно чуждые другъ другу, собираются по вечерамъ, въ назначенные дни, чтобы убить время. Ихъ соединяетъ только одно это желаніе, одинъ общій интересъ въ картахъ, и они со страхомъ отмахиваются отъ всего того, что можетъ сблизить ихъ другъ съ другомъ и съ самой жизнью.

Только Николай Дмитріевичъ вносилъ порою „безпокойство" своими сообщеніями изъ чуждаго міра, но Яковъ Ивановичъ тотчасъ-же прерывалъ его и усаживалъ за карты, которыя стѣной ограждали ихъ отъ вторженія въ личный замкнутый мірокъ. Когда умираетъ одинъ изъ нихъ, Николай Дмитріевичъ, никто даже не знаетъ адреса его квартиры.

Правдива-ли, реальна эта картина сама по себѣ,— это другой вопросъ, но самыя отношенія полной обособленности, при которой міръ другого, хотя-бы и близкаго намъ почему-либо человѣка, для насъ чуждъ и непонятенъ,—схвачена какъ нельзя болѣе вѣрно. Наше „я" поглотило все вниманіе, и мы боимся удѣлить его, хотя бы на время, другому. Въ результатѣ мы не знаемъ самихъ себя, потому что, изощрившись въ наблюденіи „я", какъ чего-то обособленнаго, самодовлѣющаго, мы совершенно игнорируемъ одну сторону его существованія, кажущуюся намъ внѣшней, но которая властно вторгается въ нашъ внутренній міръ и производитъ въ немъ путаницу: —это связь единичнаго „я" съ великимъ цѣлымъ, отношеніе къ окружающимъ насъ частямъ его. При сосредоточиваніи вниманія на единичномъ „я", она остается совершенно неосмысленной, и, когда мы обращаемся къ ней по необходимости, дверь оказывается запертой.

„И самое страшное, что я испыталъ, это было сознаніе, что я не знаю себя и никогда не зналъ", —говоритъ докторъ Керженцевъ въ разсказѣ „*Мысль*".*) „Пока мое „я", —продолжаетъ онъ,— „находилось въ моей ярко освѣщенной головѣ, гдѣ все движется и живетъ въ закономѣрномъ порядкѣ, я понималъ и зналъ себя, размышлялъ о своемъ характерѣ и планахъ и былъ, какъ думалъ, господинъ. Теперь-же я увидѣлъ, что я не господинъ, а рабъ жалкій и безсильный" (149); теперь, т. е. тогда, когда онъ узналъ, что въ „домѣ", въ которомъ онъ жилъ, живутъ и другія, какія-то загадочныя существа, „быть можетъ люди, быть можетъ, что другое, и домъ принадлежитъ имъ. Вы хотите узнать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса. И въ тоже время вы знаете, что именно тамъ, за этой молчаливой дверью, рѣшается ваша судьба" (149).

Трагедія подобнаго одиночества великаго „я" ярче всего обрисовывается въ словахъ того-же Керженцева: „Великое и грозное одиночество, когда и сзади, и впереди, и кругомъ зіяющая пустота; ужасная пустота, когда я, тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, который такъ дорогъ и есть единственный, когда я такъ малъ, ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ потухнуть. Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь

*) „Міръ Божій 1903 г.

ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я,—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустынѣ вселенной и въ самомъ себѣ, не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моею мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые они" (157). Нечего и говорить, что въ этихъ словахъ сумасшедшій докторъ Керженцевъ является выразителемъ душевнаго міра всѣхъ одиночекъ вообще; только въ немъ болѣзнь одиночества доходитъ до крайней степени и, переходя въ нравственную раздвоенность, доводитъ до сумасшествія.

Родственный по духу Керженцеву типъ мы видимъ и въ другомъ произведеніи Л. Андреева—„*Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ*", гдѣ въ меньшемъ масштабѣ такая-же крайняя напряженность одиночества, такой-же крайній индивидуализмъ, обрывающій самъ себя. Здѣсь авторъ прямо подходитъ къ идеѣ Ницше съ его сверхчеловѣкомъ.

Это ученіе индивидуализма, взобравшагося на верхушки и оттуда созерцающаго бездну, у насъ нашло теперь особенно сочувственный откликъ. Характерно при томъ, что насъ не такъ занимаетъ идея будущаго соціальнаго строя, которую тутъ же рисуетъ Ницше, сколько его „я", его сверхчеловѣкъ, самъ по себѣ, независимо отъ той формы общественности, въ которой у Ницше только и признается его законность.

Съ этой же стороны воспринимается ученіе Ницше и Сергѣемъ Петровичемъ у Андреева. Выхвативъ то, что лично ему нужно, что родственно его душѣ, онъ заботится объ отношеніи выхваченнаго къ цѣльной философской системѣ и его обоснованіи въ ней. Подобное построеніе своего міровоззрѣнія вообще характерно для мыслящихъ одиночекъ; они берутъ отъ жизни и отъ знанія только то, что уясняетъ ихъ нравственный міръ, и отбрасываютъ все, что лично его не касается. Разрывъ же съ общественностью дѣлаетъ то, что, представляя собою сѣренькихъ, заурядныхъ людей извнѣ, въ общемъ теченіи жизни, одиночки доводятъ до тонкости, широко разрабатываютъ свой собственный внутренній мірокъ и въ результатѣ не могутъ найти ему мѣста въ общей жизни. Привычки общественности, по словамъ автора, вынесенныя Сергѣемъ Петровичемъ еще изъ гимназіи, были какими-то жалкими отрепьями на его единичномъ „я", не имѣющемъ съ ними никакой внутренней связи. Товарищи не знали, да и не могли знать, что творится въ душѣ этого зауряднаго человѣка, для котораго у нихъ существовала только опредѣленная рубрика „ограниченный". (Разобщенность въ средѣ студенчества проходитъ здѣсь краснойнитью). Признавая многогранность своей души, мы упорно не хотимъ признавать этого за другой.

Что такое Сергѣй Петровичъ?

Дѣйствительно-ли онъ ограниченный человѣкъ?—вотъ вопросъ, который предстаетъ предъ всѣми любящими рубрики по прочтеніи этого разсказа Л. Андреева. Если ограниченность Сергѣя Петровича была только въ опредѣленіи товарищей, – то какъ они могли такъ ошибаться? Если-же она была въ дѣйствительности, то какимъ образомъ ограниченный умъ могъ подняться до такой высоты самовозсозданія, какимъ являлось сильное и могучее „я", съ которымъ слилась его тупость и ограниченность? При этомъ упускается изъ виду, что не могъ-же Сергѣй Петровичъ подняться до осмысливанія этого „я" въ общей жизни, ни до осмысливанія самой по себѣ общей жизни. Онъ видѣлъ въ себѣ только „нѣмой матеріалъ для счастья другихъ", и его „я" не могло не возмущаться этимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дошелъ ни до отрицанія,

ни до вѣры во что-бы то ни было. „Онъ, „по словамъ автора," не былъ ни настолько смѣлъ, чтобы отрицать Бога, ни настолько силенъ, чтобы вѣрить въ Него" (75). „Я" Сергѣя Петровича терялось въ хаосѣ другихъ „я". („И чѣмъ больше узнавалъ онъ людей, тѣмъ меньше становился самъ"). Онъ пытается избѣжать этого, потопить свое „я" въ другомъ, сильномъ, какъ казалось ему, гордомъ „я" своего товарища Новикова, но попытка не удалась: Новиковъ такъ же оказывается чуждъ ему, какъ и всѣ другіе,—и не въ силахъ совладать съ навалившеюся на него тяжестью, онъ прерываетъ нить жизни.—Это не порывъ отчаянія, когда и сильный умомъ человѣкъ бросается въ бездну,—это философія жизни, обрывающаяся, не доходя до опредѣленнаго рѣшенія.

Быть можетъ, въ данную минуту Сергѣй Петровичъ переживалъ тотъ нравственный переворотъ, который рано или поздно переживаетъ каждый юноша, даже самый заурядный. Но это обострилось въ немъ той нравственной раздвоенностью, которую такъ тонко уловилъ авторъ. Ее можно положить въ основу всей этой маленькой трагедіи маленькой души.

„Мозгъ Сергѣя Петровича стоялъ на той грани," говоритъ г. Андреевъ, „которая отдѣляетъ глупость отъ ума, и откуда одинаково хорошо видно въ обѣ стороны". Въ способности смотрѣть въ ту и другую сторону одновременно и лежитъ трагизмъ этой въ сущности не сильной умомъ и сердцемъ натуры. Возможно, конечно, что подобная способность развилась въ немъ подъ вліяніемъ Новикова, помогшаго ему взобраться теоретически нѣсколько выше силъ своего „я", а разъ ставъ на эту опасную черту, Сергѣй Петровичъ шелъ по ней все дальше и дальше. Міръ внутренній и внѣшній у него все болѣе и болѣе разъединялся: „сравнительная характеристика углеводородовъ жирнаго ряда и углеводородовъ ароматическаго ряда никакъ*) не уживалась съ исключительнымъ и непосредственнымъ интересомъ къ своему „я". Не уживалась съ нимъ и властная жажда жизни, такъ прекрасно охарактеризованная Л. Андреевымъ;—это двѣ враждебныя силы, изъ которыхъ одна чисто-стихійная, другая разумная, дрожащая передъ стихійностью и, несмотря на страхъ, стремящаяся побѣдить ее. Для того, чтобы слить ихъ въ одно великое и мощное, не хватило силъ Сергѣя Петровича; онъ не смогъ связать два разошедшіеся конца ихъ и палъ жертвой напряженной попытки. Нельзя не замѣтить при этомъ, что какъ Керженцевъ, такъ и Сергѣй Петровичъ особенно близко подходятъ къ типамъ Достоевскаго: они оба, только съ разныхъ сторонъ, заняты вопросомъ „все-ли позволено", оба пытаются „переступить" каждый по своему.

Этотъ вопросъ, занимающій все вообще человѣчество, для одиночекъ особенно страшенъ: для нихъ, вѣдь, какъ говоритъ докторъ Керженцевъ, преступленіе можетъ быть разсматриваемо только, какъ „преступленіе передъ самимъ собою",—а какъ узнать, въ чемъ будетъ это преступленіе, и будетъ-ли данный поступокъ преступленіемъ или нѣтъ, когда, по его же словамъ, „я не знаю себя и никогда не зналъ"? Здѣсь такъ легко ошибиться! И мы видимъ, какъ ошибается Керженцевъ, надѣющійся на крѣпость своей нервной системы, (мы сказали-бы—на закаменѣлость своего ужаснаго эгоизма), убивая Алексѣя, (характерно, что онъ вспоминаетъ при этомъ о Раскольниковѣ), — онъ не выдерживаетъ и сходитъ съума; какъ ошибается и Сергѣй Петровичъ, убивая себя и думая, что этимъ докажетъ силу своего гордаго „я", быть можетъ лелѣя тайную мысль на при-

*) Диссертація Сергѣя Петровича.

знаніе его силы и со стороны другихъ—(недаромъ же онъ наканунѣ отравленія писалъ къ Новикову). Его „я“ только показало этимъ свое безсиліе справиться съ жизнью, а со стороны вообще плохо понимавшихъ его товарищей—повело лишь къ признанію полнаго ничтожества его: они сдѣлали отсюда только выводъ, что Сергѣй Петровичъ нуждался въ постоянной дружеской, любящей поддержкѣ; — худшаго вывода для Сергѣя Петровича съ точки зрѣнія ницшеанства не могло быть: знай объ этомъ выводѣ заранѣе Сергѣй Петровичъ, онъ, навѣрное, не покончилъ-бы съ собой.

Въ болѣе обыденной оболочкѣ тоска и страданіе одинокихъ „я“, ищущихъ другъ друга, предстаетъ предъ нами въ разсказѣ „*Молчаніе*“. Здѣсь одиночество изображается въ томъ узкомъ кругу, въ которомъ оно не должно бы, казалось, существовать, въ кругу семьи. Отецъ и мать Вѣрочки (героини) не могутъ понять, что творится съ ихъ дочерью, угасающей день ото дня и давящей ихъ своимъ таинственнымъ и страшнымъ молчаніемъ. Не понявшіе дочь въ ея первыхъ и, быть можетъ, самыхъ завѣтныхъ порывахъ, оттолкнувшіе ее этимъ отъ себя, они напрасно стараются теперь войти въ ея внутренній мірокъ. Но много пережито уже ею послѣ перваго духовнаго разрыва съ ними, свидѣтельствуя, что и прежде-то тѣсной связи не было, а въ пережитомъ однимъ—всегда есть тѣ неуловимыя ощущенія, которыя не передаются словами, прикосновеніе къ которымъ чужихъ, непривычныхъ къ этому рукъ, грубо, а потому и больно. Недаромъ Вѣра не отвѣчаетъ имъ на просьбу объ откровенности.

Всего страшнѣе здѣсь то, что одинъ звукъ, одинъ сердечный порывъ могъ бы разорвать грозную таинственность, нависшую вокругъ и придавившую людей, но онъ обрывается именно тогда, когда вотъ-вотъ, кажется, зазвучитъ напряженная струна, и вырвется облегчающій крикъ родной души.

Прекрасно передаетъ это впечатлѣніе г. Андреевъ: „Долгимъ, холоднымъ, какъ могила, и загадочнымъ, какъ смерть, было молчаніе дочери. Словно самому себѣ было мучительно это молчаніе и страстно хотѣлось перейти въ слово, но что-то сильное и тупое, какъ машина, держало его неподвижнымъ и вытягивало, какъ проволоку. И гдѣ-то на далекомъ концѣ проволока начинала колебаться и звенѣть тихо, робко и жалобно. О. Игнатій съ радостью и страхомъ ловилъ этотъ зарождающійся звукъ и, опершись руками о ручки креселъ, вытянувъ голову впередъ, ждалъ, когда звукъ подойдетъ къ нему. Но звукъ обрывался и умолкалъ“ (37).

Одиночка, оторванный отъ жизни, замкнувшійся въ себя, изображенъ и въ героѣ разсказа „*У окна*“, гдѣ благодаря обыденности героевъ краски еще реальнѣй. Андрей Николаевичъ (герой этого разсказа), маленькій чиновникъ, по словамъ автора, отсиживался отъ жизни въ своей комнаткѣ,—„стѣны и потолокъ, до котораго легко достать рукой, обнимали его и защищали отъ жизни и людей“. Но была потайная калитка, откуда врывались къ нему непріятели; безопасный отъ вторженія людей, онъ, по словамъ автора, „до сихъ поръ ничего не могъ подѣлать съ мыслями“ (135).

Это общая черта одиночекъ, заставляющая ихъ метаться изъ стороны въ сторону: мысль, вѣдь, измѣняетъ и Керженцеву, выбрасывая его на арену жизни; измѣняетъ она и Сергѣю Петровичу, бросая его своей жертвой, словно на крыльяхъ вѣтра; какъ въ разсказѣ „*У окна*“, приноситъ она съ собой жалобный стонъ, чужой, страдающей и ропчущей души (155), стучащей въ одинокую келью и требующей отклика“. Предъ этимъ стономъ и жалобой падаетъ индивидуализмъ,

предъ нимъ сильное и могучее „я“ впервые становится безсильнымъ и жалкимъ, какъ и передъ неосмысленной стихiйностью жизни. И жадно стремится на встрѣчу имъ изъ своей клѣтки душа одиночки.

Исканiе путей слiянiя и гармонiи, свидѣтельствующихъ сами по себѣ о томъ, что въ данный моментъ индивидуализмъ достигъ своей крайней точки и далѣе ему идти некуда, отмѣчается Л. Андреевымъ въ цѣломъ рядѣ его разсказовъ, причемъ уловленъ и первый отправный пунктъ къ тому.

Мы уже говорили о томъ, какъ одинокiй человѣкъ ищетъ возможности потопить свое „я“ въ чемъ-то болѣе широкомъ и могучемъ. Такимъ въ жизни извнѣ является природа съ своей стихiйной силой и красотой, невольно привлекающей человѣка и захватывающей его. Изломанное, изстрадавшееся „я“ стремится къ природѣ еще и потому, что только въ ней можетъ найти потерянную устойчивость. И взгляните, какъ любятъ природу, какъ стремятся къ ней всѣ одиночки Андреева, начиная съ того же Сергѣя Петровича, любящаго копаться въ землѣ. („Онъ любилъ живую природу нѣжною и даже страстною, но глубоко скрытою любовью, о которой подозрѣвалъ одинъ Новиковъ“—говоритъ о немъ авторъ), и кончая болѣе рельефнымъ въ этомъ именно отношенiи Алексѣемъ Степановичемъ въ разсказѣ „*На рѣкѣ*“.

Оторванный отъ своей среды, нелюбимый всѣми за свою замкнутость, а потому и озлобленный человѣкъ, подъ влiянiемъ солнечнаго весенняго дня и растрачиваемой имъ притомъ на хорошее дѣло, накопившейся душевной энергiи, которая давила его: („Крѣпкое тѣло и здоровые мышцы,—говоритъ авторъ,—требовали труда и движенiя, а онъ лежалъ, какъ колода, и чѣмъ больше лежалъ, тѣмъ противнѣй становился самому себѣ“—101)—испытываетъ то состоянiе блаженства, какое бываетъ при самоудовлетворенiи и сознанiи себя дѣятельной частицей цѣлаго.

„До сихъ поръ онъ не зналъ, что любитъ людей и солнце, и не понималъ, почему они такъ измѣнились въ его глазахъ, и почему хочется ему и смѣяться, и плакать, глядя въ испуганное лицо дѣвочки или подставляя зажмуренные глаза солнечному лучу, желтому и теплому“ и т. д. (108).

Это состоянiе, при прежнемъ полномъ бездѣйствiи и душевномъ одиночествѣ, вполнѣ понятно и естественно, и напрасно г. Невѣдомскiй старается обвинить въ данномъ случаѣ Андреева въ сентиментализмѣ: къ этому, кажется Андреевъ менѣе всего склоненъ. Природа, дѣйствуя на наше физическое самочувствiе, поднимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самочувствiе душевное. Это служитъ причиной, по которой нравственно неуравновѣшенные люди стремятся къ слiянiю съ природой, какъ и дѣти, ищущiе въ ней безсознательно силъ и опоры. Ея стихiйность какъ бы противопоставляется стихiйности жизни съ ея тайной, скрывающейся за видимой безсмысленностью. Вниманiе на этой тайнѣ останавливаютъ почти всѣ герои Андреева. При этомъ натуралистическiе прiемы, употребляемые часто авторомъ, снимаютъ съ нея мистическiй покровъ, отчего она выходитъ еще грознѣе, оказываясь во власти, зависящей отъ насъ, но невѣдомой нами силы. При мистицизмѣ, вѣдь, съ насъ снимается всякая отвѣтственность,—и намъ становится легче и свободнѣе дышать. Вотъ почему къ мистицизму направляются люди въ перiодъ наименьшей нравственной устойчивости и силы. Наше массонство, мистицизмъ 80-хъ годовъ—все это живое подтвержденiе такого положенiя. Мистицизмъ — это полное безвѣрiе въ свои силы, приниженiе личности до minimum'а.

Естественно, что писатель-индивидуалистъ, какимъ является Л. Ан-

древъ, указывающій болѣзнь личности и тѣмъ, наравнѣ съ другими подобными работниками, прокладывающій путь къ ея высшему самопознанію,—не признаетъ этой принижающей личность силы и подходитъ къ рѣшенію вопроса съ другой, совершенно противоположной, стороны.

Страшная таинственная сила, предъ которой такъ часто бываетъ безсильно гордое, свободное „я“, по Л. Андрееву, создается собственнымъ воображеніемъ этого „я“; падая предъ ней, оно падаетъ предъ собственной силой, выхваченной имъ изнутри себя и поставленной извнѣ.

Такъ, игроки въ „*Большомъ шлемѣ*“ создаютъ эту силу собственнымъ воображеніемъ въ безпрерывномъ наплывѣ хорошихъ картъ; для Вали это „злые, ужасные люди—чудовища“, которые окружаютъ его подъ вліяніемъ прочитаннаго и являются проявленіями „одной загадочной и безумно злой силы, желающей погубить человѣка“; для Андрея Николаевича въ разсказѣ „*У окна*“ она заключается въ его собственныхъ мысляхъ, не могущихъ обнять смыслъ жизни, а потому и страшныхъ.

Страхъ передъ жизнью, проскальзывающій въ разсказахъ Л. Андреева, тоже не мистическій страхъ: Андрей Николаевичъ боится въ ней топота давящихъ все на своемъ пути и писка тѣхъ, которыхъ давятъ; Сергѣй Петровичъ боится ея силы, превращающей человѣка въ простой матеріалъ для своего потребленія; Хижняковъ—своего безсилія передъ ней („бороться за жизнь безъ надежды на побѣду“).

То, что можно было бы принять здѣсь за мистицизмъ, ни болѣе—ни менѣе, какъ сила реальнаго изображенія, удерживающаяся на той границѣ, до которой доходитъ и сама жизнь. Способность удерживаться на ней свидѣтельствуетъ о силѣ таланта, владѣющаго собой. Притомъ надо замѣтить, что „страхъ жизни“ въ произведеніяхъ Л. Андреева совмѣщается съ любовью къ жизни и вовсе не носитъ того безотраднаго характера, который почему-то находитъ въ немъ кн. Урусовъ. Объ этомъ живо свидѣтельствуетъ хотя бы весь цѣликомъ разсказъ „*Жилибыли*“, гдѣ жажда жизни и любовь къ ней одинаково сильна и у добродушнаго о. дьякона, приговаривающаго за каждымъ словомъ „за милую душу“, и у озлобленнаго болѣзнью купца Кошевѣрова.

Что касается символистическихъ разсказовъ Л. Андреева, какъ „*Стѣна*“, „*Набатъ*“, „*Смѣхъ*“, „*Ложь*“, то они представляютъ собою философскую идею, облеченную въ реальный образъ. Это та же идея одиночества и разобщенность, та же страстная попытка вырваться изъ ихъ узкой клѣтки на свободу, на широкій просторъ общей жизни. Какъ прокаженные, отброшенные отъ общей жизни, кружатся одиночки въ дикой пляскѣ самолюбованія и самоуничтоженія. Грозная стѣна непониманія, воздвигнутая между ними и общей жизнью, подавляетъ ихъ. Камни отъ нея летятъ и давятъ прокаженныхъ, которые ничего не видятъ вокругъ, кромѣ однихъ спинъ, и къ ихъ зову — „убейте насъ“—или, иными словами, сказали бы мы, убейте единичное „я“ и дайте матеріалъ для полной здоровой жизни,—„они были неподвижны и глухи“, какъ вторая стѣна.

„И это,—прибавляетъ авторъ,—было такъ страшно, когда не видишь лицъ людей, а однѣ ихъ спины, неподвижныя и глухія“ (16).

Дорогою цѣною достается это самоотрицаніе самодовлѣющаго „я“: вѣдь, прежде чѣмъ дойти до этого крика, прокаженный говоритъ: „мы устали, намъ было больно, и жизнь тяготила насъ. „И въ результатѣ всего этого ужаса самоанализа—самоѣденія „глаза всѣхъ“,—говоритъ авторъ, „обратились къ стѣнѣ, и огнистые лучи струили они изъ

себя. Они вѣрили и ждали, что сейчасъ падетъ она и откроетъ новый міръ, и въ ослѣпленіи вѣры уже видѣли, какъ колеблются камни, какъ съ основанія до вершины дрожитъ каменная змѣя, упитанная кровью и человѣческими мозгами. „Быть можетъ, то слезы дрожали въ нашихъ глазахъ, а мы думали, что сама стѣна, и еще пронзительнѣй сталъ нашъ вой. Гнѣвъ и ликованіе близкой побѣды зазвучали въ немъ" (68). И передъ падающимъ, казалось, врагомъ раздаются грозные крики, требующіе отвѣтственности за минувшую жестокость, за тѣхъ сыновей, дочерей и братьевъ, которые пали въ борьбѣ съ нею, которыхъ сломила она. Но стѣна молчала. Съ злобнымъ крикомъ бросаются на нее прокаженные и разбиваются о нее. „Но умирая каждую секунду,—говоритъ прокаженный,—мы были безсмертны, какъ боги". „И снова взревѣлъ мощный потокъ человѣческихъ тѣлъ и всей своей силой ударилъ о стѣну. И снова отхлынулъ, и такъ много, много разъ, пока не наступила усталость, и мертвый сонъ, и тишина. Но въ душѣ прокаженнаго всетаки рождается надежда, что если на трупахъ людей останется только одинъ, онъ увидитъ новый міръ".

Трудно было воплотить идею въ болѣе выпуклую форму. Прибѣгая для этого къ слишкомъ рѣзкимъ натуралистическимъ штрихамъ, Л. Андреевъ грѣшитъ, конечно, противъ эстетики. Но здѣсь, вѣдь, передъ нами не писатель-художникъ, а писатель-мыслитель. Возражая противъ подобнаго пріема творчества, мы не можемъ, однако, не признавать за нимъ силы, хотя бы и бьющей по нервамъ, но которую Андреевъ, очевидно, считаетъ необходимой при современномъ равнодушіи общества къ жизненнымъ проблемамъ.

Въ этомъ сказывается перо молодого писателя, торопящагося вынести на арену самое святое своей души и сдѣлать его такимъ же святымъ и для другихъ. Это не проповѣдь, какъ говоритъ г. Невѣдомскій, а крикъ наболѣвшей души.

Ту же идею разобщенности, непониманія людей другъ другомъ и вытекающаго отсюда трагизма — мы видимъ въ разсказахъ „*Смѣхъ*", „*Ложь*". И въ первомъ, и во второмъ приводится трагедія человѣческой души, потерявшей самое дорогое пониманіе со стороны любящей ее.

Вообще каждый разсказъ Андреева представляетъ собою маленькую трагедію маленькихъ, затерянныхъ среди общей жизни людей. Въ „*Стѣнѣ*" это облекается въ чисто символическій образъ, и потому она является какъ бы философскимъ итогомъ среди другихъ разсказовъ съ той же идеей, но съ болѣе реальной оболочкой.

Тонкаго чутья писателя - художника, щадящаго въ насъ эстетическое чувство, какъ нѣчто хрупкое, Л. Андреевъ не признаетъ ни здѣсь, ни въ разсказахъ „*Въ туманѣ*" и „*Безднѣ*", гдѣ „жестокій талантъ" сказывается со всей силой. При чтеніи ихъ невольно вспоминаются родственныя имъ же мѣста въ соч. Достоевскаго: ихъ можно найти напр. въ „*Братьяхъ Карамазовыхъ*", въ „*Бѣсахъ*", но это теряется въ общей мягкости тоновъ и не производитъ такого сильно непріятнаго впечатлѣнія, какъ упомянутые разсказы Л. Андреева.

Оно дало возможность критикѣ упрекать г. Андреева въ грубомъ натурализмѣ, вызвало цѣлый рядъ горячихъ отповѣдей со стороны людей, склонныхъ къ благородной чувствительности и почему либо считающихъ себя на стражѣ моральныхъ интересовъ общества.

Съ такой точки зрѣнія, наприм., взглянула на дѣло жена нашего великаго писателя С. А. Толстая, выступившая съ своимъ письмомъ по этому поводу въ „Новомъ Времени". Графиня призываетъ къ охранѣ

юношества отъ подобныхъ разсказовъ. Въ этомъ сходится съ ней и г. Буренинъ.

Но намъ кажется, что если и можно обвинять въ данномъ случаѣ Л. Андреева въ грубомъ натурализмѣ, въ потерѣ чувства мѣры художественнаго изображенія, то во всякомъ случаѣ нельзя говорить категорически о вредномъ воздѣйствіи этихъ его разсказовъ на юношество. Оно слишкомъ чутко, молодая душа пылко рвется только къ хорошему и съ такою же горячностью громитъ и отворачивается отъ всего дурного. Жизнь со своими проблемами захватываетъ ихъ цѣликомъ и не даетъ имъ возможности разобраться во многомъ, благодаря своему разнообразію и сложности, причемъ къ услугамъ тотчасъ же является общепризнанная мораль съ своими прорѣхами, дающая возможность незамѣтно падать „въ бездну". Послѣднее страшнѣе всего. Занявшись изслѣдованіемъ внутренняго міpка человѣка, писатель-психологъ съ ужасомъ столкнулся съ этими прорѣхами, заполняющимися всякой гнилью, и съ горячностью молодого, благороднаго порыва выдвинулъ ихъ къ яркому свѣту, чтобы прервать это непростительное равнодушіе къ такимъ вопросамъ и не давать злу окутывать насъ со всѣхъ сторонъ туманомъ.

Съ этой точки зрѣнія можно примириться даже съ грубо-реалистическими чертами, обращающими автора отъ роли писателя-художника къ роли писателя-борца, — (такимъ въ сущности является г. Андреевъ въ большей или меньшей степени во всемъ своемъ творчествѣ, отказавшись разъ навсегда отъ завидной перспективы ласкать нервы читателей пріятными картинами).

И по силѣ этой борьбы, по яркости красокъ, налагаемыхъ ею на художественные образы, сохраняя при этомъ психологическую тонкость,— мы не можемъ не отмѣтить въ г. Андреевѣ одного изъ наиболѣе видныхъ силъ нашей современной молодой литературы. Если вѣрить поговоркѣ, что „издали виднѣе", то полнаго вниманія заслуживаетъ отзывъ о Л. Андреевѣ издателей его разсказовъ въ французскомъ переводѣ. „Л. Андреевъ, говорится въ предисловіи къ переводу,—извѣстенъ и популяренъ въ Россіи, какъ Достоевскій, Толстой, Тургеневъ и Горькій. Онъ можетъ даже превзойти славу Горькаго, потому что у него и природный талантъ, и прекрасный литературный стиль".— Быть можетъ, эта оцѣнка нѣсколько и преувеличена, но „дыма безъ огня не бываетъ", и въ ней есть во всякомъ случаѣ большая доля правды.

За это говоритъ и самое сочетаніе разныхъ тоновъ въ его творчествѣ, которымъ можетъ владѣть только сильный собою талантъ: натурализмъ соединяется въ немъ съ символизмомъ, реализмъ—съ идеализмомъ.

О первомъ мы уже говорили; что касается второго, то наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ *„Ангелочекъ"*. Въ данномъ случаѣ мы признаемъ правоту г. Невѣдомскаго: дѣтскіе типы не удаются г. Андрееву. Міръ дѣтской души слишкомъ хрупокъ и нѣженъ для его рѣзкихъ, порывистыхъ штриховъ. Вотъ почему у него всѣ дѣти представляютъ типъ, существующій, правда, и въ дѣйствительности, но довольно рѣдкій,—дѣтей-стариковъ. Только въ *„Петькѣ на дачѣ"* въ изображеніе дѣтской души входитъ тотъ поэтическій, мягкій элементъ, который всегда присутствуетъ въ самыхъ заброшенныхъ и озлобленныхъ дѣтяхъ. Валя же и Саша мало имѣютъ общаго съ дѣтскимъ міромъ: у перваго отсутствуютъ непосредственные дѣтскіе порывы, (чувство любви къ родной матери просыпается у него только подъ вліяніемъ сознательности*), у

---

*) „Временами Сашкѣ хотѣлось перестать дѣлать то, что называется "жизнью",—и да-

второго мы встрѣчаемъ безнадежную философію пессимизма, которая въ такомъ возрастѣ прямо анормальна; здѣсь опять-таки авторъ выбираетъ не типъ для художественнаго изображенія, а образъ для идеи.

Страшнѣе всего заброшенныя и одинокія дѣти, на которыхъ лежитъ самое дорогое для человѣчества— его будущее. Одиночество ихъ, слабыхъ, особенно ужасно. Трагедія этихъ маленькихъ душъ, только что раскрывающихся для жизни, страшнѣе трагедіи души взрослаго человѣка, который взялъ отъ жизни часть своего, у котораго и впереди-то осталось меньше. А между тѣмъ эти трагедіи часты, и жаль, что г. Андреевъ облекъ не въ типичные, реальные образы жизнь дѣтей-одиночекъ*). Идея не потеряла бы отъ этого своей силы.

Возвращаясь къ идеализму г. Андреева въ разсказахъ *„Ангелочекъ“* и *„Въ подвалѣ“*, мы видимъ, какъ сказалось оно въ умѣніи уловить то прекрасное и чистое, что вспыхиваетъ порою въ душѣ человѣка божественнымъ огнемъ, въ вѣрѣ въ это прекрасное. Тонко отмѣтилъ авторъ процессъ его возникновенія и въ озлобленной дѣтской душѣ. Приглашенный на елку въ богатый, но чуждый ему домъ, вырвавшись изъ ужасной домашней обстановки, гдѣ спившійся съ круга отецъ догоралъ въ чахоткѣ, а мать пьянствовала и осыпала попреками и бранью его и отца, — „Сашка сѣлъ въ углу, безсознательно тамъ доламывалъ въ карманѣ послѣднія папиросы, (которыя онъ стащилъ для отца), и думалъ, что у него есть отецъ, мать, свой домъ, а выходитъ такъ, какъ будто ничего этого нѣтъ и ему некуда идти. Онъ пытался представить себѣ перочинный ножичекъ, который онъ недавно вымѣнялъ и очень любилъ, но ножичекъ сталъ очень плохой, съ тоненькимъ, сточеннымъ лезвіемъ и только съ половинкой желтой костяжки. Завтра онъ сломаетъ ножичекъ, и тогда у него ничего уже не останется“. Но вдругъ глаза его остановились на ангелочкѣ, лицо котораго „не блистало радостью, не туманилось печалью, но лежала на немъ печать иного чувства“. „Сашка не сознавалъ, какая тайная сила влекла его къ ангелочку,—говоритъ авторъ,—но чувствовалъ, что онъ всегда зналъ его и всегда любилъ больше, чѣмъ перочинный ножичекъ, больше, чѣмъ отца, и больше, чѣмъ все остальное“ (21)..

Это чувство любви ко всему прекрасному и чистому, впервые сознательно ощущаемое дѣтской душой, само по себѣ какъ-то поднимаетъ ее выше и даетъ ей минуту блаженства.

„Казалось, что когда нѣжныя крылышки ангелочка прикоснутся ко впалой груди Сашки, случится что-то такое радостное, такое свѣтлое, какого никогда еще не происходило на печальной, грѣшной и страдающей землѣ“ (24).

Мы не можемъ при этомъ согласиться съ г. Невѣдомскимъ, требующимъ, чтобы подобный ангелочекъ былъ созданіемъ Фидія. Дѣло не въ томъ. Едва ли Сашка могъ бы отличить созданіе Фидія отъ созданія мастера Гостиннаго Двора. Чувство прекраснаго, хотя и сильно въ дѣтяхъ, но все же требуетъ воспитанія, а его не было у Саши. Прелесть его ангелочка могла быть создана его воображеніемъ, извѣстнымъ образомъ настроеннымъ въ данную минуту. Онъ отличаетъ его среди массы другихъ, быть можетъ, не менѣе изящныхъ игрушекъ, потому, что хорошій и свѣтлый его образъ пробуждаетъ въ мальчикѣ тотъ душевный порывъ, который

лѣе высказывается мысль, что если бы онъ зналъ способы, какими люди перестаютъ жить, то вѣрно прибѣгъ бы къ одному изъ нихъ.

*) Дѣтскій типъ, выведенный въ новомъ разсказѣ г. Андреева — *„Жизнь Василія Ѳивейскаго“*, въ лицѣ дѣвочки Насти, *такъ же безжизненъ*.

давно рвался наружу изъ-подъ давящей грязи окружающей жизни, даетъ форму его выраженію.

Родственное этому чувство пробуждаетъ ангелочекъ и въ отцѣ Саши, измятомъ жизнью и выброшенномъ ею за бортъ. Для него онъ впиталъ въ себя „все добро, сіяющее надъ міромъ", „все глубокое горе и надежду тоскующей о Богѣ души". Одинаковое по своей основѣ это чувство, которое олицетворялъ въ себѣ ангелочекъ, соединяло и отживающаго уже отца, и начинающаго жить сына. „Отецъ и сынъ не видѣли другъ друга,—говоритъ авторъ,—по разному тосковали, плакали и радовались ихъ больныя сердца, но было что-то въ ихъ чувствѣ, что сливало воедино сердца и уничтожало бездонную пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ человѣка и дѣлаетъ его такимъ одинокимъ, несчастнымъ и слабымъ" (27). Здѣсь мы видимъ, что вѣра въ прекрасное и чистое, коренящаяся на днѣ души самихъ одинокихъ, заброшенныхъ жизнью людей, является началомъ гармоніи, и стоитъ только слегка дотронуться до этой струны, чтобы она зазвучала.

Такой же свѣтлый идеализмъ мы встрѣчаемъ и въ разсказѣ „*Въ подвалѣ*", гдѣ также является своего рода ангелочекъ, пробуждающій въ душахъ забитыхъ жизнью, жалкихъ, сознающихъ свое ничтожество людей тотъ свѣтлый порывъ, который поднимаетъ ихъ на высшую ступень человѣчества и роднитъ съ общей жизнью. Такимъ ангелочкомъ является, занесенный сюда случайно, ребенокъ. Подъ вліяніемъ его появленія, „онъ (т. е. Хижняковъ) жалѣлъ себя, сжавшагося въ комокъ, и ему чудилось, что онъ жалѣетъ всѣхъ людей и всю человѣческую жизнь, и въ этомъ чувствѣ была таинственная и глубокая радость" (60—61).

Но нотки идеализма, проскользнувшія въ этихъ двухъ разсказахъ, не мѣшаютъ автору оставаться глубоко правдивымъ. Одной же, всеобъединяющей чертой въ творчествѣ г. Андреева служитъ изображенная имъ съ точной силой болѣзнь индивидуализма, извѣрившагося, наконецъ, въ самодовлѣющемъ „я" и ищущаго какого-либо устоя въ общей жизни. Это подтверждаетъ и новый его разсказъ, въ недавно появившемся сборникѣ (изданномъ товарищ. „*Знаніе*")—„*Жизнь Василія Өивейскаго*",—гдѣ талантъ писателя-психолога проявился съ еще большей силой.

„О. Василій (герой разсказа) былъ такъ видимо обособленъ, какъ если бы онъ былъ не человѣкомъ, а только движущейся оболочкой его" (25).—Одиночество здѣсь взято въ своей крайней степени. О. Василій, преслѣдуемый постоянно неудачами въ своей семейной жизни (любимый сынъ утонулъ, жена запиваетъ съ горя, другой сынъ родится идіотомъ, затѣмъ отъ неосторожности попадьи сгораетъ домъ, и въ немъ погибаетъ она, тогда какъ идіотъ спасенъ) — стремится потопить свое „я" въ вѣрѣ, въ подвигѣ. Но это ему не удается, да и не удивительно: „я" можно потопить только въ другихъ однородныхъ ему „я", только находясь въ гармоніи съ ними, ему легче нести тяжесть личнаго горя и страданія, а между тѣмъ Василій Өивейскій лишь на 40-мъ году понялъ, что „кромѣ него есть на землѣ другіе люди — подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,— своя судьба" (27).

Понялъ онъ это подъ вліяніемъ той ужасной безсмыслицы, которая поразила его, когда онъ началъ разбираться въ своемъ внутреннемъ обособленномъ міркѣ. Но чувствуя себя при этомъ „какъ одинокое дерево въ полѣ, вокругъ котораго внезапно выросъ бы безграничный и густой лѣсъ", онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ, что и „плотнѣе сдѣлался мракъ ночи".

Въ чужихъ страданіяхъ онъ искалъ объясненія своимъ и путался въ

безконечномъ лабиринтѣ, не будучи въ состояніи слиться съ ними, осмыслить ихъ въ привычной ему обособленности.

Всѣ переходы душевнаго состоянія о. Василія уловлены съ замѣчательной тонкостью. Особенно же удается автору по силѣ изображенія и производимаго ею впечатлѣнія послѣдняя картинка изъ жизни Василія Ѳивейскаго, гдѣ онъ требуетъ чуда надъ трупомъ убитаго обваломъ работника Семена. Крикъ отчаянія, вырывающійся послѣ того, какъ онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ,—это опять-таки крикъ „я“, извѣрившагося въ себѣ, въ разумности своей жертвы и вмѣстѣ съ нею — теряющаго послѣднюю нить, связующую его съ общей жизнью, которою оно, давно отдѣленное отъ другихъ я, нашло не безъ нѣкотораго труда. Его гордое „я“ требуетъ чуда, не столько для того, чтобы дать опору въ вѣрѣ собравшейся въ церкви толпѣ, съ ея страданіями и горемъ (имѣя это въ виду, онъ не могъ бы рѣшиться на такой опытъ), сколько для самоутвержденія своего „я“, которое о. Василій, самъ того не сознавая, всегда любилъ больше всего на свѣтѣ. Ему казалось, что цѣлый міръ сосредоточивается вокругъ него, какъ центра, и что таинственная загадочная сила только и занята тѣмъ, чтобы посылать разныя бѣдствія и несчастья на голову Василія Ѳивейскаго и черезъ это призвать его на какой-то великій подвигъ.

Въ общемъ, въ этомъ произведеніи г. Андреевъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, освѣтилъ возможность для единичнаго „я“ путаться въ своемъ узкомъ кругу, не находя выхода.

Въ одномъ только разсказѣ, появившемся раньше, „*Иностранецъ*“, г. Андреевъ попытался было указать выходъ, но трудно отмѣтить въ ясно очерченныхъ образахъ то, что едва начинаетъ назрѣвать въ жизни: стремясь къ синтезу, г. Андрееву пришлось прибѣгнуть къ натяжкамъ, отчего пострадала и художественная сторона „Иностранца“, который въ этомъ отношеніи оказался слабѣе всѣхъ другихъ произведеній г. Андреева; что же касается внутренняго настроенія его, то для проведенія своей идеи авторъ грѣшитъ въ правдивости изображенія. Описанная въ „Иностранцѣ“ жизнь маленькой студенческой группы далеко не реальна. Занимаясь все время поддразниваньемъ другъ друга и дракой, эти студенты могли бы все-таки хотя изрѣдка обмолвиться чѣмъ-либо болѣе подходящимъ къ ихъ настоящимъ занятіямъ; но этого не можетъ позволить имъ г. Андреевъ, желая выдѣлить среди нихъ своего „иностранца“ съ его презрѣніемъ къ ихъ ничтожности и мелочности, полнымъ душевнымъ одиночествомъ и стремленіемъ уѣхать за границу (за что и получилъ онъ названіе „иностранца“ отъ товарищей), гдѣ онъ надѣялся найти болѣе разумную жизнь. Но предъ мыслью иностранца, привыкшей вращаться только въ узкомъ кругу жизни своей или своего круга, раскрывается вдругъ болѣе широкій міръ. Этому способствуетъ студентъ сербъ—Райко Вуйчичъ, горячо любящій свою родину и не видящій за ней ни своего, ни чужихъ „я“ въ ихъ обособленности. Когда, при насмѣшкѣ товарищей надъ этимъ чувствомъ, оно вспыхиваетъ со всей своей могучей силой и заставляетъ его глубоко страдать,—иностранецъ, бывшій при этомъ и слышавшій потомъ пѣсню родинѣ, которую пѣлъ затворившись въ своей комнатѣ оскорбленный Райко, почувствовалъ, какъ въ груди его подымается подобный же могучій потокъ и захватываетъ его. „Родина, прости меня, родина, прими меня“, пишетъ онъ, рыдая.

Это возвращеніе къ родинѣ „иностранца“ характерно, какъ намѣченное, но, можетъ быть, скрытое стремленіе въ нашей молодежи. Интеллигенція вообще оглядывается

теперь вокругъ себя, разбирается въ томъ, что сдѣлано, и, кто знаетъ, не поведетъ ли это ее назадъ, къ 70-мъ годамъ, гдѣ начатое дѣло было брошено на половинѣ. И это возвращеніе опять можетъ начаться съ покаянія, хотя уже и умудреннаго опытомъ. Художественная же литература всегда служитъ барометромъ назрѣвающихъ въ жизни теченій.

Съ этой стороны и заслуживаетъ вниманія „Иностранецъ“ г. Андреева. Но, конечно, талантъ автора говоритъ въ пользу того, что онъ не остановится на одномъ этомъ синтезѣ; его нервное, чуткое творчество уловитъ еще не одинъ симптомъ общественнаго движенія, какъ уловило оно и симптомы кризиса современнаго индивидуализма, которому писатель далъ въ своихъ произведеніяхъ такое яркое выраженіе. Этому помогло и касающееся внѣшней стороны творчества умѣнье свести къ одному всѣ детали и дать этимъ стройное, цѣльное, выигрывающее въ силѣ впечатлѣніе.

Талантливость г. Андреева сказывается и въ проведеніи идеи съ внѣшней стороны: одиночки его оказываются всегда опутаны тысячью нитей, связывающихъ ихъ съ окружающей природой, но которыхъ они не замѣчаютъ. Она властно выступаетъ передъ ними, впутывается въ ихъ нравственный міръ, связывая его такимъ образомъ и съ міромъ людей. Такъ, солнечный весенній день возбуждаетъ въ Алексѣѣ Степановичѣ чувство любви ко всему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ людямъ; такъ, арфа на крышѣ богатаго дома, играющая подъ напоромъ вѣтра, приноситъ Андрею Николаевичу вѣсть о страданіи чужой души.

Подводя итогъ творчеству Андреева, какъ оно успѣло проявиться, мы можемъ только пожелать писателю проложить и далѣе путь къ родственному ему по духу великому психологу (Достоевскому), быть его достойнымъ преемникомъ въ будущихъ, конечно, еще болѣе зрѣлыхъ работахъ.

Т. Ганжулевичъ.

Болеславъ Храбрый.

Историческая повѣсть *Людвига Стасяка.*

(Окончаніе).

V.

Любовь, какъ солнышко, которое своей живительной силой будитъ природу весной; она, какъ ураганъ, который невѣдомо откуда и зачѣмъ налетитъ и опрокинетъ все, что раньше казалось непоколебимымъ. Ни воля, ни разумъ не покорятъ этой стихійной силы. Человѣкъ способенъ тогда на самые чистые, прекрасные подвиги и въ то же время на безумныя преступленія. Никто не скажетъ, откуда берется это чувство и отчего въ груди горитъ оно, точно пламя, а душа рвется куда-то на просторъ, въ даль. Цвѣтокъ долженъ цвѣсти, а человѣкъ долженъ любить. Любовь не разсуждаетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергается человѣческая жизнь, не страшится самоубійства, не думаетъ о томъ, что со смертью тѣла можетъ умереть и эта могучая сила.

Послѣ отъѣзда Вальгира изъ Франконіи, Софья превратилась въ какую-то безжизненную, мраморную статую. Сердце ея, пылавшее прежде огнемъ любви, теперь обуяло отчаяніе и глубокая ненависть... Она возненавидѣла Вальгира, того, котораго раньше безумно любила. Съ надеждой найти успокоеніе, Софья вступила въ монастырь; но тамъ ей недолго пришлось пробыть, такъ какъ игуменья, видя ея безумства, сказала ей:

— Ступай въ свѣтъ, быть можетъ, тебя люди вылѣчатъ...

Въ далекія страны отправилась она. Войска императора двигаются на Польшу, а за ними идетъ оборванная, безумная дѣвушка. Боязнь передъ ея безуміемъ и жалость къ ея нищетѣ заставляли давать ей хлѣбъ...

Дошла она до границъ Силезіи и, собирая милостыню, стала разузнавать, куда идетъ дорога въ Вислицу...

Отдохнувъ ночью въ лѣсу, раннимъ утромъ она отправилась въ дорогу. Цѣлый день она шла не останавливаясь; вотъ уже наступилъ вечеръ. Вечерняя прохлада освѣжила землю, нагрѣтую полуденными лучами солнца, а въ ея жилахъ, точно вмѣсто крови, налитъ кипятокъ. Кровь эта кипитъ, и Софья ясно слышитъ, какъ силь-

но стучитъ въ вискахъ; все тѣло горитъ, какъ въ огнѣ, голова кружится... споткнулась на пень и упала. Пробуетъ встать, не можетъ; хочетъ поднять руку,—рука какъ камень.

Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда больная проснулась; собравъ силы, встала и отправилась на поиски за ягодами, чтобы утолить голодъ. Насытившись ежевикой и лѣсными орѣхами, которыми были усыпаны деревья, она двинулась дальше.

Страшный, безконечный походъ... Днемъ она идетъ, а ночью ее обезсиливаютъ приступы горячки. Послѣднія силы уходятъ, а она все спѣшитъ, не замѣчая ни своей слабости, ни опасности, которой подвергается ея жизнь, а видя передъ собой только цѣль этой долгой и мучительной ходьбы... Сила страсти ведетъ ее...

. . . .

У воротъ замка слышны человѣческіе возгласы и какой-то шумъ, точно стражникъ съ кѣмъ-то борется.

— Что тутъ случилось?—спросила Гелигунда, возвращавшаяся въ это время съ охоты.

— Какая-то съумасшедшая дѣвушка! У нея горячка, все тѣло какъ огонь горитъ.

Гелигунда близко наклонилась къ больной и, внимательно всмотрѣвшись въ лицо, воскликнула...

— Моя сестра!!!

Софья какъ снопъ повалилась къ ногамъ Вислицкой...

Прошелъ мѣсяцъ. Жизнь начала медленно возвращаться къ больной. Каждый день Гелигунда заглядывала къ сестрѣ, но та ее точно не видѣла. Но вотъ какъ-то разъ утромъ Вислицкая вошла въ комнату Софьи; та вдругъ, взглянувъ на нее съ улыбкой, протянула ей свои безсильныя руки... узнала ее.

— Я тебѣ обязана моей жизнью!..

Скоро силы и бодрость вернулись больной, и, пользуясь этимъ, Гелигунда принялась распрашивать ее.

— Что съ тобою, Софья, случилось?—говорила она.

— Не спрашивай, сестра, при одной мысли сердце кровью обливается. Послѣ смерти отца все княжество разграбили и опустошили; я сама едва ушла...

— Все это мнѣ извѣстно. Эти печальныя вѣсти и до насъ долетѣли.

— Но онъ отомститъ за меня!

— Кто?

— Онъ... Конрадъ.

— Ты любишь его?

Глаза Софьи затуманились слезами, но черезъ мгновеніе она снова зашептала:

— Онъ придетъ сюда... на поклонъ къ тебѣ.

— Не говори мнѣ о Вальгирѣ,— испуганно говорила въ другой разъ Софья Гелигундѣ и Виславу.—Изъ твоихъ словъ, сестра, я вижу, что онъ тебя не стоилъ и что ты справедливо покарала его!

— А хочешь видѣть муки этого чудовища?

— Нѣтъ, пощади меня, Гелигунда. Избавь отъ необходимости видѣть того, кого я ненавижу всей душой. Сегодня я хочу съ тобой поговорить о будущемъ счастьи!

. . . .

Темная декабрьская ночь непроглядной мглой окутала землю. Въ полночь Софья встала со своего ложа и торопливо стала куда-то собираться. Быстро бѣжала она по темнымъ комнатамъ, затѣмъ черезъ сѣни спустилась по лѣстницѣ внизъ и сошла въ сторожку, гдѣ находился тюремный сторожъ. Тихо ступая по каменному полу, она приблизилась къ двери сторожа, открыла ее, внимательнымъ взглядомъ окинула всю комнату и, завидѣвъ спокойно спящаго старика и, въ нерѣшительности задумалась... Еще есть время одуматься и вернуться назадъ, не запятнавъ себя человѣческой кровью. Но страсть непобѣдима. Какъ кошка подско-

чила она къ постели и, схвативъ лежавшій подлѣ топоръ, подняла его...

— Господи!!!

На томъ мѣстѣ, гдѣ была голова, теперь огромная кровавая рана, изъ которой свистя бьетъ струей алая кровь... Быстрымъ движеніемъ руки оттолкнувъ голову отъ тѣла, скорченнаго судорогами, она откинула тулупъ и, схвативъ ключи, какъ безумная бросилась къ желѣзнымъ дверямъ...

Зазвенѣли ключи, застучали засовы, и дверь со скрипомъ тяжело отворилась.

— Кто тамъ?—послышался изъ темноты голосъ.

— Я пришла тебя освободить.

— Что это? Я, кажется, съума схожу? Софья...

— Я...

— Ты сюда пришла...

— Чтобы освободить тебя и дать тебѣ въ руки мечъ мести.

— Ты?

— Я люблю тебя безумно! Для тебя я море слезъ выплакала, для тебя тысячи верстъ прошла, терпя нужду и подвергая опасности свою жизнь!

— Гелигунда знаетъ, что ты...

— Ложью усыпила ея бдительность и подозрѣнія.

— Что ты хочешь сдѣлать?

— Бѣжать съ тобой и потомъ повѣнчаться. Ты будешь свободенъ, если обѣщаешь мнѣ вѣрность.

— Ступай прочь. Я другой женщинѣ далъ обѣтъ, твоей негодной сестрѣ!

— Ты здѣсь заживо сгніешь! Слушай, Вальгиръ, я тебѣ несу свободу, счастье, мою любовь, я буду твоей вѣрной женой... Ты присягнулъ гадинѣ, которая тебя погубила.

— Не хочу покупать счастье цѣной вѣроломства!

— Вотъ топоръ. Отомсти ей за себя.

— О, еслибъ я могъ, но меня держитъ эта цѣпь!

— Я ее разорву, освобожу тебя. Для твоей свободы я совершила преступленіе. Только люби меня!

— Оставь мень!

Глухія рыданія вырвались изъ этой груди, гдѣ недавно еще теплилась надежда на счастье. Теперь всѣ эти мечты разбиты, вся жизнь погублена... И вдругъ гнѣвъ закипаетъ въ ея груди.

— Такъ пропадай же здѣсь!—съ этими словами Софья выбѣжала изъ темницы и бросилась было впередъ, но вдругъ новая мысль мелькнула у нея: „Вальгиръ долженъ отомстить“...

Какъ буря ворвалась она обратно въ подземелье, разомкнула цѣпи Вальгира, а сама въ изнеможеніи упала, какъ трупъ, на полъ...

Не спалось Гелигундѣ въ эту темную ночь; какое-то непонятное, ужасное предчувствіе тревожило ее. Въ страхѣ вскочила она съ постели, чувствуетъ, что что-то страшное происходитъ, но не знаетъ гдѣ.

Какая-то сила потянула ее въ комнату сестры, заглянула она и въ отчаяніи кликнула Вислава.

— Нѣтъ ея и одежды тоже нѣтъ.

— Гдѣ же она?

Ужасное подозрѣніе мелькнуло у обоихъ.

— Она...

Оба бѣгутъ въ комнату стражника и видятъ тамъ кровь и мертвое тѣло... Виславъ опрометью бросается въ подземелье къ Вальгиру и у входа натыкается на него.

— Вальгиръ!!!

Только это одно слово вырвалось изъ устъ пѣвца, и онъ замолкъ на вѣки... Гелигунду охватилъ ужасъ передъ местью; не помня себя, она бросилась по лѣстницѣ на башню замка, надѣясь тамъ укрыться... За нею бросился Вальгиръ.

Обезумѣвъ отъ ужаса, несчастная вскочила на подоконникъ, подалась всѣмъ тѣломъ впередъ и выбросилась, предпочтя такую смерть, чтобы только не подвергнуться мести обманутаго мужа.

VI.

Снова начинается война, снова ополчаются нѣмцы на славянъ. Римскій императоръ передъ войной возобновляетъ старые союзы, къ русскимъ князьямъ обращается съ просьбой помочь ему воевать съ Болеславомъ.

По смерти Владиміра на Руси поднялись междоусобія. Братъ шелъ на брата. Для несчастной дочери Болеслава княжеская корона была терновымъ вѣнцомъ.

Пока княгиня заботится о своемъ супругѣ, пока напоминаетъ ему данные обѣты, до тѣхъ поръ имъ руководитъ разумъ, но какъ отлучится куда нибудь безъ жены, такъ снова начинаетъ безумствовать. Святополкъ приказалъ убить брата своего Бориса. Убили, по его приказу, и Глѣба, а также Святослава, бѣжавщаго было въ Венгрію. Когда Святополкъ терялъ отъ пьянства разумъ, то своей жестокостью не уступалъ брату своему Ярославу.

Между тѣмъ Ярославъ собралъ огромное войско изъ новгородцевъ и пошелъ добывать кіевскій престолъ. Святополкъ тоже приготовилъ свои войска да еще призвалъ печенѣговъ на помощь и выступилъ противъ брата. На берегахъ Днѣпра другъ противъ друга расположились оба лагеря. Святополкъ и днемъ и ночью пируетъ, а идти на брата боится; та же боязнь царитъ въ душѣ Ярослава, привыкшаго больше держать въ рукахъ книгу, нежели мечъ.

Оба князя стали ждать, когда замерзнетъ Днѣпръ. Наконецъ, пришли морозы. и ледъ сталъ. Святополковы воины начали высмѣивать Ярослава и его дружину. Та не выдержала и стремительно бросилась на враговъ. Отчаянно защищались воины Святополка, но сила была на сторонѣ противниковъ, и они побѣжали. Бѣжалъ и Святополкъ.

Одержавъ побѣду надъ братомъ, Ярославъ понялъ, что его ожидаетъ месть Болеслава, который вступится если не за Святополка, то за свою дочь. Въ виду этого онъ съ радостію встрѣтилъ нѣмецкое посольство и принялъ предложеніе заключить съ императоромъ союзъ противъ Польши.

Страшная туча повисла надъ Болеславомъ; съ двухъ сторонъ идутъ на него вражьи силы. Но польскій король, увѣренный въ своихъ силахъ, спокойно ждетъ враговъ.

У воротъ тынецкаго монастыря передъ монахомъ стоитъ на колѣняхъ какой-то пришелецъ.

— Что тебѣ нужно?

— Хочу уйти отъ міра, укрыться въ этихъ стѣнахъ отъ жизни, которая для меня была несчастіемъ и проклятіемъ.

Монахи сжалились надъ несчастнымъ, видя его печаль и слезы. Блаженство освѣтило измученныя черты странника: наконецъ, его челнъ, разбитый бурей жизни, достигъ твердаго берега. Двѣ недѣли минуло послѣ постриженія, когда вернулся изъ продолжительнаго путешествія настоятель Здѣшко. Всю Европу исходилъ онъ, исполняя приказанія своего любимаго повелителя. Ему донесли о пришельцѣ. Онъ поспѣшилъ посѣтить его и съ изумленіемъ узналъ въ немъ славнаго Вальгира. Разспросилъ его Здѣшко о всемъ и въ отвѣтъ на просьбу о посвященіи въ монахи, приказалъ принять на себя обѣтъ биться до послѣдняго издыханія за родину.

Рыцарь безпрекословно повиновался.

1-го сентября 1015 года съ самаго утра началась битва, причинившая много горя императору, который уже приказалъ навести мостъ на рѣкѣ Черной, чтобы бѣжать.

Со всѣхъ сторонъ, какъ вороны, летятъ гонцы съ печальными извѣстіями. Генрихъ потерялъ мужество и предавался слезамъ и безграничному отчаянію, но за то его вожди были полны силы и надежды. Они

быстро выстроили полки и при звукахъ литавръ выступили на врага. Бодрость вождей придала храбрости солдатамъ, и они отважно ворвались въ середину польской арміи... Поляки дрогнули и разступились. За нѣмцами побѣда... но это былъ послѣдній лучъ заходящаго солнца, послѣ котораго наступаетъ темная и мрачная ночь...

Опять началась война и опять она была несчастна для нѣмцевъ. 15 сентября 1015 г., нѣмецкое войско, углубившееся въ Польшу, было на голову разбито Славянами. Вся Германія надѣла трауръ.

Правда много славныхъ рыцарей пало и со стороны поляковъ. Стоигнѣвъ, Вальгиръ и многіе другіе сложили головы на полѣ битвы. Тутъ только узнала о гибели Лестка королевна и, не вынесши этого несчастія, скрылась въ монастырѣ.

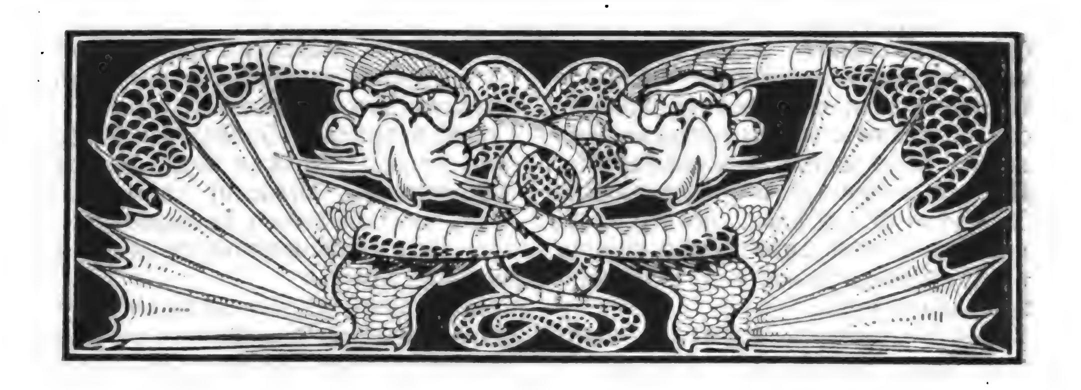
Между тѣмъ Болеславъ двинулся на Русь. Народъ русскій съ радостью встрѣтилъ его. Король шелъ не какъ грабитель, а какъ желанный и чтимый гость. Цѣль его похода былъ Кіевъ. Приближаясь къ нему, онъ издали увидѣлъ четыреста церковныхъ главъ и высокій дворецъ князя Владиміра. На встрѣчу королю вышелъ архіепископъ съ крестомъ въ рукѣ, чтобы благословить его пріѣздъ. У храма св. Софіи встрѣтило Болеслава все духовенство. Проѣзжая подъ Золотыми воротами, польскій король мечемъ сдѣлалъ знакъ въ память того, что Русь присоединяется къ славянской землѣ.

Болеславъ не захватилъ себѣ русской земли, не разграбилъ ее и не лишилъ своей вѣры. Онъ шелъ сюда только для того, чтобы всѣ земли Дуная до Гданска *), отъ Лабы до Днѣпра и отъ Балтійскаго до Чернаго моря соединить во единое славянское царство.

По окончаніи похода, Болеславъ перенесъ столицу изъ Познаня въ Краковъ, чтобы ему было одинаково близко до Дуная, до Днѣпра и до Лабы. Теперь ему оставалось сдѣлать послѣдній шагъ—украсить чело княжескою короною. Это совершилось весною 1025 года, когда архіепископъ Ипполитъ Урсинъ короновалъ на царство „отца хлоповъ“. Какъ вихрь разнеслась эта вѣсть и наполнила радостью сердце всего народа...

*) Данцигъ.

КОНЕЦЪ.



На „крышѣ міра“.

Послѣднія путешествія въ Тибетъ.

К. Г-тъ и В. Л-ра.

Вслѣдъ за другими странами Востока настала очередь и горнаго, замкнутаго Тибета открыть свои двери предпріимчивымъ „культурнымъ“ людямъ Запада. Тибетъ долго оставался „запечатанною страною“. Въ него, подъ страхомъ смерти, закрытъ былъ доступъ иностранцамъ. Если тибетское правительство, оберегая свою независимость, и играло какую либо роль въ политикѣ, то это была именно политика „закрытыхъ дверей“. Въ 1846 г. въ столицу Тибета пришли фанцузскіе миссіонеры, но были изгнаны. Вообще же европейцевъ, дерзнувшихъ проникнуть въ Лхассу, даже не трудились изгонять, а просто подсыпали имъ незамѣтнымъ образомъ яду.

И вотъ въ эту-то ревниво охраняемую отъ непрошенныхъ гостей таинственную Лхассу, кажущуюся намъ сказочнымъ городомъ какой то восточной поэмы, вошли гордыми побѣдителями алчные англичане. Бѣдную, никого не трогавшую, мирную страну пробудили отъ ея тысячелѣтней дремы выстрѣлы ружей, уже пролилась кровь гордаго народа, желавшаго только одного, чтобы его оставили въ покоѣ среди дикихъ и неприступныхъ горъ его родины. Больно было читать отчетъ о первомъ пораженіи, понесенномъ тибецами: они сражались, какъ львы; имѣя 7 — 8 ранъ, они шли еще въ бой. Но что значитъ такая храбрость, когда они вооружены ружьями старой системы; ихъ пало около 800 человѣкъ, тогда какъ у англичанъ совсѣмъ не было потерь людьми. Каковъ будетъ результатъ неравной борьбы плоховооруженныхъ полудикарей съ регулярнымъ войскомъ одной изъ европейскихъ державъ, угадать было не трудно. А пока тамъ, въ горныхъ ущельяхъ, разыгрывается финалъ драмы подъ заглавіемъ „Право сильнаго“, ознакомимъ нашихъ читателей съ горнымъ Тибетомъ, который восточные народы на своемъ образномъ языкѣ называютъ „Крышей Міра“, и съ его знаменитой столи- Лхассой.

I.

Полное прекращеніе доступа людямъ бѣлой расы въ Лхассу и прилегающія къ ней мѣстности послѣдовало не болѣе 60 лѣтъ тому назадъ. Въ прежнія времена Лхасса

тоже была трудно доступна, однако, неоднократно европейцамъ удавалось проникать въ городъ и даже оставаться въ немъ довольно продолжительное время.

Во всякомъ случаѣ, начиная приблизительно съ 1760 года, еще два раза удалось европейцамъ посѣтить Лхассу, о чемъ подробно разсказываетъ Д-ръ Георгъ Вегенеръ въ журналѣ „Globus", откуда и заимствовано нижеслѣдующее описаніе. Въ первый разъ это былъ англійскій врачъ Manning (1811 г.), который лѣчилъ на тибетско- индійской границѣ одного китайскаго генерала и былъ взятъ послѣднимъ въ индійскомъ платьѣ внутрь страны. Во второй разъ двумъ миссіонерамъ—лазаристамъ Гюку и Габе удалось вмѣстѣ съ монгольскимъ караваномъ пилигримовъ въ январѣ 1846 года достичь Лхассы, гдѣ они оставались до 15 марта.

Съ 1846 года ни одинъ бѣлый путешественникъ уже не проникалъ въ Лхассу.

Не смотря на все это, тибетцы не могли совершенно заградить доступъ европейской наукѣ. Только бѣлымъ людямъ запрещено пребываніе въ странѣ, наоборотъ, вѣрующіе пилигримы буддійскихъ племенъ Азіи всегда были здѣсь желанными гостями. И англичане сумѣли чрезвычайно искусно использовать это обстоятельство. Полковникъ Монгомери обучилъ элементарнымъ пріемамъ топографической съемки мѣстности одного бойкаго индуса и отправилъ его внутрь Тибета, гдѣ тотъ, переодѣтый то торговцемъ, то пилигримомъ, путешествовалъ по странѣ, выполняя свою тайную миссію. Этотъ индусъ Саратъ-Чандра, путешествовавшій въ 1882 г., а раньше его—Нэнъ-Сингъ, въ 1866 г. и 1873 г., и Кришна, въ 1879 г., и другіе индійскіе „pundits" *) не смотря на огромныя затрудненія изъѣздили и изслѣдовали запретную страну, проявивъ выдающееся мужество и настойчивость, и многіе болѣе или менѣе продолжительное время жили въ Лхассѣ.

Затѣмъ, также въ совершенно недавнее время инородцамъ буддійской религіи азіатскаго происхожденія, но европейскаго образованія, неоднократно удавалось такъ же счастливо, какъ индійскимъ пундитамъ, проникать изъ русскихъ предѣловъ въ Лхассу. Такъ, изъ русскихъ подданныхъ недавно дважды посѣтилъ Лхассу зайсанъ (дворянинъ) Овче-Нарзуновъ, калмыкъ, уроженецъ Ставропольской губ., бывшій въ Тибетѣ съ 1898 г. и 1900 г. Первый разъ онъ прибылъ въ Тибетъ чрезъ Монголію, такъ какъ съ юга, изъ Индіи, границу Тибета ревниво оберегаютъ англичане. Кромѣ замѣтокъ и коллекціи вещей, Нарзуновъ вынесъ съ собой изъ Тибета фотографическіе снимки Лхассы и ея священныхъ мѣстъ.

Наконецъ, послѣдній изъ путешественниковъ въ Тибетъ былъ японскій ученый Екай Кавагуши, ухитрившійся прожить въ Лхассѣ два года и два мѣсяца, шпіонъ. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что единственною цѣлью его путешествія было изученіе буддизма; мы вѣримъ ему. Во всякомъ случаѣ, помимо пользы для японскихъ ученыхъ, трудящихся надъ изученіемъ санскритскаго эзотерическаго писанія Магоямы, онъ принесъ пользу и географическимъ обществамъ, предоставивъ, напримѣръ, въ распоряженіе Британскаго Географическаго Общества карту Тибета, исправивъ неточности, вкравшіяся въ прежнія изданія картъ этой страны, и пр. Но какова бы ни была цѣль путешествія Екая Ковагуши, нельзя не удивляться той настойчивости, съ какою онъ добивался ея.

Изъ Японіи онъ выѣхалъ въ іюнѣ 1897 г. а возвратился лишь въ маѣ 1903 г., пробывъ такимъ образомъ въ отлучкѣ шесть лѣтъ. Полтора года онъ прожилъ въ Индіи, гдѣ

*) Pundit (пѐндитъ)—ученый браминъ.

поступилъ въ школу и изучалъ тибетскій языкъ. Чтобы усыпить вниманіе тибетцевъ, зорко слѣдящихъ за иностранцами, пытающимися проникнуть въ ихъ страну, онъ не поѣхалъ изъ Калькутты прямо въ Непалъ, а заходилъ въ разные буддійскіе монастыри, подъ видомъ китайца—студента, идущаго на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ. Потомъ, пробравшись по льдамъ и снѣгамъ Гималайскихъ горъ, онъ подолгу проживалъ въ деревняхъ, на границѣ Тибета, выжидая случая незамѣтно проскользнуть мимо разставленной всюду у дорогъ и горныхъ ущелій пограничной стражи. Наконецъ, это ему удалось. Горной тропинкой, доступной лишь три мѣсяца въ году, а въ остальное время занесенной снѣгами, онъ прошелъ наконецъ на тибетскую территорію. „Я добивался этого три года и восемь мѣсяцевъ", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ. Настойчивость изумительная, свойственная развѣ одному азіату!

II.

Кромѣ массы свѣдѣній, доставленныхъ этими путешественниками, мы располагаемъ также богатой китайской литературой о Лхассѣ.

Всѣ эти описанія даютъ намъ такую законченную картину „запретнаго города", что мы должны признать, что вполнѣ правъ знаменитый Свенъ Гединъ, когда онъ въ своей послѣдней книгѣ называетъ Лхассу *однимъ изъ наиболѣе изслѣдованныхъ городовъ внутренней Азіи*.

Городъ лежитъ на высотѣ 3630 метровъ надъ уровнемъ моря; если, несмотря на такую огромную высоту, здѣсь все-же оказалось возможнымъ образованіе такого значительнаго культурнаго центра, то причина этому лежитъ въ природѣ мѣстности. Она представляетъ обширную долину, открытую на юго-западъ, откуда безпрепятственно доносится южное тепло, со всѣхъ же другихъ сторонъ она окружена высокими горами, защищающими ее отъ ледяныхъ вихрей прилегающихъ возвышенныхъ горныхъ плато.

Тзонгкабе, реформаторъ (1360 — 1419) тибетскаго ламаизма, переселился сюда со своего мѣста рожденія и отсюда сталъ распространять свои ученія. Только благодаря энергичному развитію и распространенію идеи, что въ Далай-Ламѣ Лхассы непрерывно возрождается къ новой жизни народный святой ламаитской церкви Бодгизатва Авалохита, Лхасса могла сдѣлаться неограниченной властительницей Тибета и мало-по-малу самымъ знаменитымъ святымъ мѣстомъ для пилигримовъ всей средней и восточной Азіи. Высшаго своего развитія Лхасса достигаетъ въ серединѣ 17 столѣтія, когда Далай-Ламой Нагъ-вангъ-Лобъ-сангомъ былъ выстроенъ на королевскомъ холмѣ у Лхассы новый огромный храмъ дворецъ; мѣсто это было названо имъ по имени мистической индійской родины святого Авалохиты—Поталой и стало средоточіемъ всего вновь достигнутаго могущества.

Въ началѣ XVIII столѣтія Далай-Лама былъ принужденъ, вслѣдствіе народныхъ волненій, перенести свою резиденцію на время въ Кумбумъ. Оружіе китайскаго императора Кангъ хи помогло ему вернуться обратно въ Лхассу, но съ тѣхъ поръ тибетскій священный городъ оказался *въ вассальной зависимости отъ Поднебесной имперіи*; ежегодно стала отправляться дань въ видѣ подарковъ въ Пекинъ, китайскій „амбанъ" сталъ засѣдать въ Лхассѣ вмѣстѣ съ туземнымъ правительствомъ и направлять послѣднее во всѣхъ вопросахъ военнаго дѣла и внѣшней политики согласно желаніямъ пекинскаго двора.

Однако, такое отношеніе къ Китаю нисколько не уменьшило религіознаго почитанія Далай-Ламы и его резиденціи—Лхассы; китайскіе императоры, кажется, даже поощряли это

поклоненіе изъ политическихъ соображеній.

Какую роль играетъ этотъ городъ въ глазахъ буддистовъ Средней Азіи *), видно изъ необыкновенно живого описанія своего путешествія патеромъ Гюкомъ, совершеннаго имъ вмѣстѣ съ караваномъ монгольскихъ пилигримовъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ переживаемъ возбужденіе, которое одушевляло караванъ и дало ему силы совершить свое безконечно тяжелое путешествіе по нагорнымъ степямъ и проходамъ въ поднебесныхъ высяхъ сѣверо-восточнаго Тибета; мы видимъ, съ какимъ страстнымъ, растущимъ съ каждымъ днемъ напряженіемъ ждетъ каждый вѣрующій появленія священнаго города. Наконецъ, только невысокій, но крутой горный хребетъ отдѣляетъ путниковъ отъ духовной метрополіи буддійскаго міра. Уже отсюда, съ этой горы, начинается священная земля; кому посчастливилось добраться до ея вершины, тому уже отпущены всѣ его грѣхи. Пѣшкомъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ начинаютъ путники восхожденіе на гору, уже въ часъ ночи, чтобы къ вечеру слѣдующаго дня достигнуть Лхассы. Къ заходу солнца они дѣйствительно подходятъ къ священному городу, который утопаетъ въ послѣднихъ лучахъ солнца. „Эти столѣтнія деревья, окружающія городъ валомъ густой листвы,—восторженно пишетъ Гюкъ, — большіе бѣлые дома съ платформами и башенками, безчисленные храмы съ позолоченными кровлями, холмъ Будды (Потала), на которомъ возвышается дворецъ Далай-Ламы,—все это придаетъ Лхассѣ волшебный, величественный видъ“.

Совершенно такимъ-же образомъ, какъ описано выше, путешествуютъ сюда и еще съ большими трудностями караваны пилигриммовъ изъ Непала, изъ долины Тарима, Монголіи, Китая и Индіи и даже изъ Сибири и Европейской Россіи; всѣ сердца полны священнымъ трепетомъ, всѣ уже одушевлены тѣми трудностями и лишеніями пути, которыя они потерпѣли за вѣру, и всѣ въ страстномъ ожиданіи благодати, которую должно принести имъ благословеніе первосвященника. Нигдѣ нельзя лучше наблюдать могущество религіозной экзальтаціи, какъ на этихъ несчастныхъ, перебирающихся черезъ высокіе горные проходы Тянь-шанскихъ горъ, песчанныя моря Такла-Макана и, наконецъ, бороздящихъ впередъ и назадъ высокую горную страну къ сѣверо-западу отъ Лхассы, чтобы только поставить ногу на священную почву и склонить голову передъ Далай-Ламой.—Свенъ Гединъ въ своей послѣдней книгѣ разсказываетъ исторію одного ламы изъ Урги, который за какое то преступленіе былъ лишенъ права вступать на почву Лхассы. Чтобы заслужить прощеніе Далай-Ламы, этотъ грѣшникъ совершаетъ путь въ нѣсколько тысячъ километровъ отъ своего жилища до Лхассы въ молитвенномъ положеніи, т. е. онъ падаетъ на колѣни и на ладони, затѣмъ переставляетъ колѣни на слѣды, оставленные ладонями, и такъ далѣе.

Шесть лѣтъ нужно ему для этого ужаснаго путешествія, и когда ему остается лишь одинъ часъ до воротъ священнаго города,—ему приносятъ извѣстіе, что онъ долженъ, не получивъ прощенія, возвращаться назадъ. Онъ возвращается и повторяетъ свое путешествіе еще два раза!

Великолѣпный видъ Лхассы описываетъ одинъ изъ новѣйшихъ посѣтителей, браминъ Саратъ Чандра Дасъ, въ совершенно такихъ-же выраженіяхъ, какъ и Гюкъ. Онъ прибылъ изъ Индіи вдоль рѣки Ки-чу и пишетъ: „Передъ нами лежалъ

*) На землѣ насчитывается, по Лассену, 340 милліоновъ буддистовъ противъ 337 милліон. христіанъ. — Далай-Лама имѣетъ для первыхъ такое же значеніе, какое имѣлъ для христіанскаго міра папа въ средніе вѣка.

весь городъ, раскинувшійся въ концѣ аллеи вѣтвистыхъ деревьевъ; послѣдніе лучи заходящаго солнца падали на позолоченныя крыши храмовъ. Это была грандіозная картина, подобной которой я никогда не видѣлъ. Налѣво отъ насъ возвышалась Потала со своими величественными зданіями съ позолоченными кровлями, передъ нами, окруженный зелеными полями, лежалъ городъ съ бѣлыми башнеподобными зданіями и китайскими домами съ крышами, покрытыми синей глазированной черепицей. Длинныя гирлянды расписанныхъ и разрисованныхъ тканей перекидывались отъ дома къ дому и развѣвались вѣтромъ".

Кромѣ тайно снятаго браминомъ Кришной во время годичнаго пребыванія (при помощи четокъ въ качествѣ мѣрки) плана, опубликованнаго въ очень маленькихъ размѣрахъ, недавно (Мартъ 1904) Ваддельемъ опубликованъ въ Geographical Journal другой планъ, составленный на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ опроса болѣе, чѣмъ ста туземныхъ посѣтителей Лхассы.

Согласно плану и описаніямъ городъ лежитъ немного къ сѣверу отъ береговъ Ки-чу. Наибольшая длина его около трехъ, а поперечникъ около полутора километра. Внутри этого овала лежитъ главная масса домовъ, концентрирующихся около храма Іовокханга, древняго собора Тибета, который можно назвать соборомъ Св. Петра ламаизма, какъ Поталу—его Ватиканомъ. Этотъ колоссальнѣйшій храмъ Тибета считается вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшимъ въ странѣ. Теперешній свой видъ онъ сохраняетъ съ 17 столѣтія. Главное строеніе высотою въ три этажа и покрыто будто-бы массивными золотыми плитами. Внѣшнія стѣны расписаны примитивной живописью. Входный залъ съ шестью колоннами, богато разукрашенный живописью, скульптурой и золотомъ, ведетъ внутрь храма. Дверь, выложенная бронзой и желѣзнымъ рельефомъ, ведетъ сначала въ галлерею, крышей которой служитъ крыша перваго этажа. Вторая дверь съ колоссальными статуями по бокамъ ведетъ затѣмъ въ большой базиликоподобный залъ съ колоннами, который освѣщается сверху черезъ отверстія, затянутыя прозрачной промасленной тканью; боковыхъ оконъ нѣтъ. Наконецъ, въ глубинѣ открывается выложенная драгоцѣнностями лѣстница, ведущая въ святая святыхъ, въ задней стѣнѣ котораго находится ниша съ знаменитымъ изображеніемъ Сакіа-Муни. Передъ нимъ стоитъ богато разукрашенный тронъ Далай-Ламы и другихъ главныхъ жрецовъ. Священная статуя Будды гигантскихъ размѣровъ богато вызолочена и украшена короной изъ золота и драгоцѣнныхъ камней.

Весь храмъ окруженъ валомъ, и ни единая женщина не смѣетъ оставаться въ теченіе ночи внутри его. Вокругъ него идетъ поясная дорога въ четыре метра шириною, называемая „внутреннимъ ходомъ"; по нему совершаютъ свои шествія вокругъ святилища процессіи пилигримовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это главная торговая улица города, окруженная лавками и кишащая уличными продавцами.

Сюда примыкаетъ главная масса города съ тѣсными улицами: вокругъ этой массы домовъ идетъ вторая поясная улица въ 40 метровъ шириной, „средній ходъ", внѣ котораго разбросаны лишь отдѣльные дома и караванъ-сараи. Послѣдніе окружены „внѣшнимъ ходомъ", который въ видѣ большого овала охватываетъ все, что составляетъ собственно городъ Лхассу, включая Поталу. Казармы китайскаго гарнизона лежатъ внѣ этого овала — дипломатическая мѣра, путемъ которой соблюдается декорумъ, согласно которому на почвѣ священнаго города не должно быть чужеземныхъ войскъ. По этой внѣшней дорогѣ совершаютъ процессіи пилигримовъ свои шествія въ формѣ непрерывныхъ молитвен-

ныхъ актовъ, какъ это было описано выше, т. е. на каждомъ шагу падая ницъ. Такимъ образомъ они продѣлываютъ весь путь, который обычнымъ способомъ можно совершить въ три часа, въ теченіе четырехъ дней. Особенно сокрушенные грѣшники при каждомъ паденіи ницъ оставляютъ на дорогѣ монету или драгоцѣнный камень.

Число обитателей Лхассы опредѣляется весьма различно: извѣстныя намъ цифры колеблются между 10.000 и 100.000. Эти колебанія происходятъ отъ того, что одни наблюдатели включаютъ въ общее число и монаховъ изъ окрестныхъ монастырей, другіе нѣтъ; кромѣ того не осѣдлая масса населенія, повидимому, подвержена сильнымъ колебаніямъ, вслѣдствіе притока новыхъ богомольцевъ и ухода прежнихъ. Заслуживающій довѣрія Нэнъ Сингъ круглымъ счетомъ даетъ число 30.000, включая сюда 18.000 монаховъ.

Нѣкоторые наблюдатели называютъ городъ чистымъ и привлекательнымъ; только предмѣстья бѣдны и грязны; дома велики и въ теченіе цѣлаго года свѣже выбѣливаются и всегда имѣютъ видъ вновь выстроенныхъ. Особый кварталъ состоитъ изъ домовъ, стѣны которыхъ сдѣланы изъ роговъ крупнаго и мелкаго скота, сцементированныхъ известью; при побѣлкѣ стѣнъ этимъ рогамъ оставляютъ естественный цвѣтъ, отчего дома пріобрѣтаютъ весьма причудливый видъ. По словамъ другихъ наблюдателей улицы, по крайней мѣрѣ боковыя, невѣроятно завалены всякой грязью, при которой даже китайскіе города пришлось-бы назвать образцомъ чистоты. Вѣроятнѣе, что послѣднія данныя ближе къ истинѣ, потому что, хотя тибетскій народъ и отличается веселымъ нравомъ, гостепріимствомъ и разными другими добродѣтелями, но только не чистоплотностью.

Въ одномъ, однако, всѣ наблюдатели вполнѣ сходятся, а именно, что несмотря на необычайную святость мѣста, въ городѣ царитъ чрезвычайно бойкая торговая жизнь. Все толкается, кричитъ и жестикулируетъ, продаетъ и покупаетъ и старается по возможности больше выгоды извлечь изъ прибывающихъ чужестранцевъ. Ежегодно въ декабрѣ происходитъ большая ярмарка, на которую стекаются торговцы изъ Китая, Сиккима, Непала, Ладака, Кашмира, Монголіи и разныхъ другихъ мѣстъ. Пестрая смѣсь одеждъ, лицъ и языковъ: и туркестанецъ магометанинъ, и браминъ-индусъ свободно вращаются среди народовъ средней и восточной Азіи. Сами туземные жители Лхассы изготовляютъ шерстяныя ткани, излюбленныя деревянныя чашки тибетцевъ для ѣды и прежде всего въ огромныхъ количествахъ предметы культа, необходимые жрецамъ и богомольцамъ. Но когда день склоняется къ вечеру и еще только силуэтъ священной горы Поталы вырисовывается на синемъ небѣ,— тогда прекращается всякая работа; жители собираются на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ, на улицахъ, на открытыхъ площадяхъ и падаютъ ницъ на землю, творя свои молитвы. Одинъ только смутный гулъ общей молитвы города раздается надъ Поталой.

Эта послѣдняя, въ извѣстномъ родѣ—опять святая святыхъ Лхассы и, вмѣстѣ съ Каабой Мекки несомнѣнно наиболѣе чтимое мѣсто въ Азіи— лежитъ въ западной части города. Потала — изолированный, приблизительно въ 100 метровъ высоты, крутой холмъ, поднимающійся среди плоской равнины, какъ островъ среди моря. На его вершинѣ расположены всѣ монастыри, дворцы и храмы, гдѣ живетъ Далай Лама со своимъ дворцомъ и постройка которыхъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ тибетскаго буддизма. Всѣ наблюдатели вполнѣ единодушно утверждаютъ, что эти строенія имѣютъ, правда, нѣсколько причуд-

ливый, но все же величественный видъ, вполнѣ соотвѣтствующій значенію этихъ мѣстъ. Среднее зданіе имѣетъ пять китайскихъ покрытыхъ золотомъ крышъ.

Внутренность Поталы подробно описана учеными браминами (pundits) и въ книгѣ Вей-тсангъ-ту-тши. Много тысячъ ламъ находятъ тамъ себѣ жилище. Во внутреннемъ дворѣ средняго зданія находится колоссальная позолоченная и украшенная драгоцѣнными камнями статуя въ 22 метра высоты,—повидимому, какого-то святого, но не Будды; статуя поднимается надъ нѣсколькими этажами, и пилигримы по окружной галлереѣ внутри двора обходятъ сначала ноги статуи, затѣмъ вокругъ туловища и потомъ только вокругъ ея головы. Подобно Ватикану, дворецъ Далай Ламы имѣетъ 10.000 комнатъ, которыя наполнены безчисленнымъ количествомъ драгоцѣнностей и сокровищъ искусства; тамъ находятся великолѣпныя залы, стѣны которыхъ расписаны историческими картинами и т. д. Всѣ эти восторженныя описанія, конечно, нужно принимать съ извѣстной критикой.—Саратъ-Чандра Дасъ, напримѣръ, говоритъ, что сточная система устроена такъ несовершенно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворца можно задохнуться отъ скверныхъ запаховъ. Не смотря на все это, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія исторіи культуры, этнографіи и географіи — здѣсь дѣйствительно должны быть сосредоточены неоцѣнимыя сокровища литературнаго, художественнаго и промышленнаго характера; они должны имѣть огромную цѣну для изученія Азіи нынѣшняго времени и прошедшихъ вѣковъ. Нужно надѣяться, что эта сокровищница, гдѣ непрерывно въ теченіе вѣковъ скоплялись дары вѣрующихъ буддистовъ, будетъ пощажена отъ разрушенія и военныхъ нашествій.

Въ заключеніе еще немного словъ о той замѣчательной личности, которая пользуется такимъ безграничнымъ почитаніемъ,—о Далай Ламѣ. Замѣчательно, что всѣ наблюдатели, видѣвшіе его въ лицо, описываютъ его какъ ребенка. Послѣ тѣлесной смерти Далай-Ламы душа Padmapanis переселяется въ новорожденнаго ребенка, который узнается по особымъ чудеснымъ примѣтамъ и переносится во дворецъ. Пока онъ не достигъ совершеннолѣтія, естественно, вся власть находится въ рукахъ его воспитателей и совѣтниковъ, которые, хотя находятся въ вопросахъ иностранной политики въ послушаніи у Китая,—во внутреннемъ управленіи Тибета совершенно полновластны. Понятно отсюда, что несчастному ребенку рѣдко удается достичь совершеннолѣтія.

Весьма интересное описаніе одной аудіенціи, происходившей въ 1811 году, даетъ намъ Manning.

Онъ увидѣлъ вочеловѣчившагося бога въ большомъ пріемномъ залѣ, посреди придворнаго штата, въ видѣ мальчика около 7 лѣтъ и наблюдалъ во время короткой бесѣды, которая велась черезъ переводчика и состояла изъ нѣсколькихъ фразъ придворнаго этикета, это интересное явленіе: первосвященника въ видѣ ребенка. Послѣдній имѣлъ простыя и непринужденныя манеры,—разсказываетъ онъ,—хорошо воспитаннаго принца. Его лицо было прямо поэтично и трогательно красиво. Все его существо отличалось подвижностью и доброжелательностью, съ губъ не сходила привѣтливая улыбка, онъ даже охотно и непринужденно смѣялся, но всегда благопристойно.

Около новаго года Далай Лама цѣлый мѣсяцъ долженъ провести въ уединеніи, подвергаясь религіознымъ упражненіямъ духа и плоти. Когда Manning увидѣлъ его еще разъ послѣ этого испытанія,—онъ имѣлъ блѣдный и больной видъ, какъ будто послѣ истязаній.

Замѣчательно, что съ этимъ старымъ описаніемъ вполнѣ совпадаетъ

новое изображеніе аудіенціи, которое даетъ весьма заслуженный браминъ Саратъ Чандра Дасъ. Его аудіенція происходила въ 1882 году. Святой въ это время былъ мальчикомъ восьми лѣтъ и производилъ такое же впечатлѣніе красоты и благородства.

Этотъ Далай Лама, по согласнымъ сообщеніямъ послѣднихъ посѣтителей, то же лицо, которое и сейчасъ возсѣдаетъ на священномъ тронѣ въ Лхассѣ. Значитъ, на этотъ разъ онъ не былъ устраненъ до совершеннолѣтія, и теперь ему должно быть около 32 лѣтъ.

III.

Заканчивая этотъ очеркъ, приведемъ выдержки изъ послѣдняго путешествія по Тибету, японца Кавагуши.

Трудно и утомительно было путешествіе въ предѣлахъ Тибета, черезъ горную провинцію Хортошо. Два раза переправлялся Кавагуши черезъ Брамапутру. Но перейдемъ къ разсказу самого Кавагуши, словъ котораго будемъ придерживаться и дальше въ описаніи Лхассы, столицы Тибета.

„Во время всѣхъ этихъ утомительныхъ переходовъ,—пишетъ онъ,—мнѣ приходилось таскать весь свой багажъ на спинѣ, вслѣдствіе чего путешествіе было для меня пыткой. Карабкаясь по обрывамъ и горнымъ тропинкамъ, я страшно изранилъ себѣ ноги. Рѣки приходилось переходить въ бродъ, и меня не разъ уносило холоднымъ, какъ ледъ, теченіемъ. Разъ я чуть не замерзъ, выбившись изъ силъ и заснувъ въ горахъ, между тѣмъ какъ ночью выпалъ глубокій снѣгъ. Два раза на меня нападали разбойники, но убѣдившись, что у меня нѣтъ ничего, кромѣ книгъ и предметовъ первой необходимости въ путешествіи, оставили въ покоѣ. Три дня мнѣ пришлось голодать и, не будучи въ состояніи ходить, я сѣлъ у дороги и ждалъ смерти. По счастью, мимо проѣзжалъ всадникъ, котораго я позвалъ. Онъ далъ мнѣ сыру, сахару, чаю, и я ожилъ. Кромѣ голода и холода, была еще одна напасть: снѣгъ ослѣплялъ меня своимъ блескомъ, и у меня заболѣли глаза. Однажды на меня напала стая дикихъ тибетскихъ собакъ, и одна изъ нихъ жестоко укусила меня. Нѣсколько разъ я проваливался въ трясины“.

Часть пути онъ совершилъ, примкнувъ къ каравану тибетскихъ ламъ, торгующихъ реликвіями. Они прибыли въ Ларушъ—рынокъ мѣновой торговли кочующихъ племенъ сѣвернаго и центральнаго Тибета. Тибетцы продаютъ шерсть, шкуры, хвосты яковъ (тибетскихъ быковъ), соль, овецъ, козъ въ обмѣнъ на пшено, рисъ, чай, сахаръ, сушеные персики, виноградъ, шерстяныя одежды, набивные ситцы, кораллы, изумрудъ, бирюзу. Тибетскіе законы строго запрещаютъ продавать яковъ иностранцамъ. Племена тибетскихъ кочевниковъ, въ поискахъ за пастбищами для своего скота, постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто. Яки переносятъ весь ихъ домашній скарбъ и шатры изъ грубой сѣрой шерстяной ткани. Съ апрѣля по октябрь стада овецъ, козъ, лошадей, яковъ пасутся на лугахъ, въ остальное время года питаются сухой травой и корнями. Когда зима очень суровая и выпадаетъ глубокій снѣгъ, скотъ часто падаетъ отъ голода.

Перейдемъ, однако, къ болѣе интересной части путешествія Кавагуши, его пребыванію въ Лхассѣ, аудіенціи у Далай-Ламы и т. п.

„Отъ Даржилинга до Лхассы 2.400 миль пути. Въ Лхассу я прибылъ 21-го марта 1900 г.,—разсказываетъ авторъ.—Меня приняли здѣсь въ университетъ и храмъ Сера (Sera),—говоритъ японскій изслѣдователь. Черезъ мѣсяцъ я выдержалъ установленный экзаменъ и получилъ разрѣшеніе слушать лекціи по богословію. Въ университетѣ меня знали подъ именемъ Sera i Amchi, или

докторъ Сера. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось нѣсколько разъ и довольно успѣшно сыграть роль медика. Эта неожиданная слава открыла мнѣ двери нѣсколькихъ аристократическихъ домовъ Лхассы. Такъ, я познакомился и съ бывшимъ министромъ финансовъ Шамба Шо-Санъ, который всегда былъ очень благосклоненъ ко мнѣ. Знакомство мое съ эксъ-министромъ перешло въ дружбу, и я переѣхалъ даже жить въ его домъ. Это избавило меня отъ необходимости разыгрывать роль практикующаго врача съ огромной практикой, которая лишила бы меня возможности спокойно заниматься научными трудами, тѣмъ болѣе, что библіотеки при многихъ храмахъ открыли мнѣ свои двери".

Интересно разсказываетъ японецъ о своей аудіенціи у Далай-Ламы.

„13 сентября 1900 г., — говоритъ онъ,—состоялась моя первая аудіенція у Далай-Ламы. Придворный лейбъ-медикъ предложилъ мнѣ быть его ассистентомъ и отвезъ меня во дворецъ Тсо-Потала. Молва объ успѣшномъ леченіи мною нѣсколькихъ высокопоставленныхъ особъ дошла до Далай-Ламы, и онъ пожелалъ видѣть новаго доктора. Огромныя зданія дворца выстроены на холмѣ въ сѣверо-западной части столицы. Съ верхней террасы дворца открывается видъ на обширную равнину, окруженную горами. Тамъ и сямъ выдѣляются желтыя крыши храмовъ. Меня провели по многочисленнымъ заламъ съ расписанными въ китайскомъ стилѣ потолками и стѣнами. Когда я предсталъ передъ Далай-Ламой Тибета, я трижды палъ ницъ передъ его Величествомъ. Во время аудіенціи я стоялъ, а передъ тѣмъ, какъ уйти, снова преклонился передъ нимъ, и онъ благословилъ меня, положивъ мнѣ руку на голову.

Далай-Лама еще молодой двадцати восьмилѣтній человѣкъ, съ тонкими чертами умнаго лица. Онъ сидѣлъ въ креслѣ. На головѣ у него была желтая татарская шапочка, одежда его была сдѣлана изъ желтыхъ шелковой и шерстяной тканей. Въ рукахъ онъ держалъ четки изъ ягодъ дерева *бо*. Сколько разъ я ни видѣлъ Далай-Ламу, онъ всегда носилъ эти простыя четки, какія обыкновенно носятъ священники, а между тѣмъ среди несмѣтныхъ сокровищъ его найдется не мало золотыхъ съ драгоцѣнными камнями четокъ. Слуги подали чай въ маленькихъ серебряныхъ чашечкахъ причудливой формы, но я пилъ чай изъ собственной деревянной чашки, которую по тибетскому обычаю всегда носилъ съ собою. „Лечи моихъ жрецовъ" нѣсколько разъ повторилъ мнѣ Далай-Лама, но мы бесѣдовали съ нимъ и о многомъ другомъ.

Кромѣ несомнѣннаго мужества, Его Величество обладаетъ и другими похвальными качествами. Такъ, онъ хорошо изучилъ буддизмъ. Не лишенъ онъ и умѣнья вести политическія дѣла. На престолъ его избрали не по традиціонной системѣ баллотировки. Еще ребенкомъ его привезли въ Лхассу вмѣстѣ съ двумя другими мальчиками; на всѣхъ ихъ смотрѣли, какъ на воплощеніе Далай-Ламы. Впослѣдствіи Лама-Регентъ и министры рѣшили, что два другія мальчика—воплощеніе діавола, а только нынѣ царствующій папа—настоящее воплощеніе Далай-Ламы. Они убѣдили въ этомъ и китайскаго намѣстника (амбана) Тибета и возвели мальчика на престолъ безъ баллотировки трехъ кандидатовъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, Далай-Лама принялъ бразды правленія въ свои руки и стремится преобразовать условія гражданской службы, назначая людей на почетныя или отвѣтственныя мѣста по заслугамъ, а не по проискамъ и интригамъ фаворитовъ. Онъ старается искоренить взяточничество и фаворитизмъ, существовавшіе при прежнемъ дворѣ.

До сихъ поръ рѣдкіе Далай Ламы правили лично: обыкновенно про-

дажные министры отравляли почти всѣхъ ихъ, лишь только они достигали совершеннолѣтія, а на ихъ мѣсто избирали новое воплощеніе. Далай Лама вошелъ въ сношенія съ Россіей и обмѣнялся подарками съ русскимъ царемъ. Посломъ русскаго царя былъ бурятъ, монгольскій лама Агуанъ Дорджіевъ, такъ какъ людямъ его племени искони былъ дозволенъ въѣздъ въ Лхассу. Далай Лама принялъ пословъ въ 1900 г. Въ 1902 г. изъ Россіи привезли дары, которые были доставлены въ Лхассу на 300 верблюдахъ. Въ числѣ подарковъ были ружья новаго образца американской системы, и тибетцы восхищались этимъ оружіемъ. Изъ другихъ подарковъ назовемъ одежды греческаго епископа изъ золотой, шитой жемчугомъ и драгоцѣнными камнями парчи. Далай Лама думаетъ, что религія русскихъ не отличается отъ тибетской, и считаетъ русскихъ за буддистовъ, какъ буряты-монголы, а русскаго царя—за великаго Боддисатву, обладающаго таинственной силой. Присланное облаченіе очень нравится ему, и онъ иногда одѣваетъ его.

Перейдемъ къ описанію Лхассы и ея достопримѣчательностей, со словъ Кавагуши.

Въ центрѣ города Лхассы находится большой храмъ Сакія Муни Будды. Это трехъэтажное зданіе, въ китайскомъ стилѣ, въ полмили окружностью, съ четырьмя золочеными башенками надъ главной крышей. Въ храмѣ стоитъ золоченое изваяніе Сакія Муни Будды, привезенное въ Лхассу въ 643 г. по Р. Х. принцессой Ванъ Шенгъ изъ династіи Тангъ, вышедшею замужъ за тибетскаго короля Сонгтсанъ Гампо. Это былъ даръ Индіи китайскому императорскому двору. На головѣ божества—золотая, украшенная камнями корона. Идолъ находится подъ обширнымъ балдахиномъ и передъ нимъ всегда поддерживается огонь—жгутъ топленое масло; книги, одежды и все вокругъ пропитано этимъ масломъ. Во время богослуженія ламы, подъ громкій акомпаниментъ гонговъ, звонковъ и цимбаловъ, читаютъ и поютъ хоромъ писаніе.

Къ зданію храма примыкаютъ дворцовыя постройки: Лабланъ Шенбо, или сокровищница, пріемный залъ Далай Ламы, дворцовыя кухни, кладовыя, гдѣ хранятся несмѣтныя количества золота и драгоцѣнныхъ камней.

Окружающая храмъ широкая улица носитъ названіе Балкоръ и представляетъ наиболѣе оживленный кварталъ города съ многочисленными лавочками. Здѣсь же торгуютъ уличные разносчики китайцы, жители Кашмира, Кама, Непаля. Тибетцы—прирожденные купцы. Особенно странно видѣть, какъ торгуютъ разными товарами, высоко засучивъ рукава своего священническаго одѣянія, буддійскіе ламы.

Дома Лхассы одноэтажные или двухъэтажные, каменные или кирпичные, съ плоскою крышею, сложенною изъ гравія, скрѣпленнаго цементомъ. Посреди крыши большая глиняная труба. Надъ крышею богатыхъ домовъ устроена еще вторая крыша, какъ бы бесѣдка. Въ домахъ зажиточныхъ гражданъ стѣны богато украшены, а въ окнахъ вставлена бумага, или роговая пластинка, пропускающая свѣтъ. Полъ всегда земляной. Вмѣсто стульевъ—на полу подушки; китайскіе столики и стулья тоже въ большомъ ходу у зажиточныхъ людей. На стѣнѣ почти всегда можно увидѣть миніатюрную раку Будды.

Улицъ Лхассы никогда не метутъ, а потому онѣ нестерпимо грязны. Нѣчто въ родѣ подобія чистки происходитъ въ январѣ и мартѣ по тибетскому календарю. Въ домахъ нѣтъ никакого благоустройства, и потому помои, отбросы и всякая грязь выбрасываются прямо на улицу. Только на Балкорѣ относительно чисто.

Нѣсколько болѣе прилична также

улица или бульваръ Ринчкоръ, окаймляющій городъ. Это дорога буддійскихъ пилигриммовъ.

Разъ мнѣ довелось,—говоритъ Кавагуши,—услышать молитву одного изъ этихъ кающихся грѣшниковъ: „О! Калимбо Тіа, Шакіа Муни Будда, всѣ Будды и святые трехъ міровъ и десяти частей!—восклицаетъ онъ. Каюсь, я убилъ много путешественниковъ, часто грабилъ, похищалъ чужихъ женъ, ссорился, дрался, много и другихъ грѣховъ и преступленій тяготятъ меня. Каюсь во всемъ, ничего не скрываю и думаю, что ты простишь мнѣ мои прегрѣшенія. Заодно каюсь ужъ и за тѣ убійства, грабежи, прелюбодѣянія, ссоры, которые совершу въ будущемъ".

Всѣ стремленія тибетскаго правительства направлены къ охранѣ и защитѣ буддизма отъ внѣшнихъ вліяній; отсюда и политика закрытыхъ дверей. Мало-по-малу эта политика стала для тибетцевъ жизненнымъ принципомъ. Со времени изгнанія въ 1846 г. французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габе, въ Лхассѣ перебывало нѣсколько европейцевъ. Судя по описанію, это были переодѣтые христіане (католики). Но ихъ не потрудились даже изгонять, а просто устранили ихъ, угостивъ лакомымъ блюдомъ, въ которое не забыли прибавить яду. Хозяинъ Кавагуши Шамба Шо много лѣтъ былъ губернаторомъ Лхассы раньше, чѣмъ его назначили министромъ финансовъ. Онъ разсказывалъ ему, что два раза ему случалось удалять иностранцевъ, которые хотѣли проникнуть въ Лхассу. Разъ два иностранца и иностранка были уже всего въ разстояніи одного дня пути отъ Лхассы. Ихъ ужасно трудно было уговорить вернуться. Они были очень добры и благородны, но я не могъ сказать имъ „прошу пожаловать", разсказывалъ Шамба Шо. Хотя этимъ путешественникамъ дали съѣстныхъ припасовъ изъ Лхассы, ихъ не отравили *).

Теперь—нѣсколько словъ о религіи Тибета.

Господствующей религіей въ Тибетѣ признается Бонъ, или буддизмъ старой и новой школы. За исключеніемъ жертвоприношеній, Бонъ очень похожъ на эзотерическій буддизмъ. Старая школа допускаетъ для своихъ священниковъ бракъ, употребленіе спиртныхъ напитковъ, мяса, пляску и пѣніе и учитъ, что все это необходимо для достиженія душевнаго эзотерическаго равновѣсія. Нѣкоторые изъ священниковъ сектъ Зокенба, Куръюкба, Сакіава и Зубка (Zokchenba, Kurjukba, Sakyawa, Zubka), принадлежащихъ къ старой школѣ, строго соблюдаютъ заповѣди о противленіи искушеніямъ и многіе годы посвящаютъ наукѣ. Учащіеся жрецы должны заниматься 20 лѣтъ, чтобы получить степень жезе (учителя) и столько-же лѣтъ примѣнять догматы эзотерическаго ученія на практикѣ, чтобы удостоиться степени бодисатвы (bodhisatwa). Одинъ изъ такихъ святыхъ мужей — Теримпо Че изъ ордена Ламы Гимпа. Два святыхъ мужа въ Лхассѣ и Шигазѣ славятся въ Тибетѣ своей мистической силой. Есть еще категорія жрецовъ, которые самымъ главнымъ считаютъ соблюденіе обрядовъ и чтеніе писанія. Уличные жрецы (Tony Sapu) молятся о ниспосланіи счастья и заклинаютъ злыхъ духовъ. Табто или Сошибозу (Tabto и Soshibozu) составляютъ одну треть духовенства Тибета. Они всю жизнь занимаются упражненіями въ метаніи камней, прыжкахъ, жонглированіи, пѣніи дикихъ пѣсенъ. Они

---

*) По всей вѣроятности, эти иностранцы были англичанинъ Сентъ Джордсъ Литтльдэль (St. George Littledale) и его жена, которые въ 1895 г. не дошли всего 45 миль до Лхассы — ближе этого разстоянія съ 1846 г. не удавалось проникнуть ни одному европейцу. Долго переговаривались они съ администраціей, но ничего не добились и удалились. Отчетъ Литтльдэля былъ напечатанъ въ Протоколахъ Лондонскаго Географическаго Общества въ 1896 г.

не отличаются ученостью, а умѣютъ только читать писаніе.

На шесть милліоновъ жителей Тибета приходится 431.242 жреца новой школы буддизма и среди нихъ около 1000 перевоплощенныхъ ламъ, которымъ дается особое образованіе. Они, дѣйствительно, учены, умѣютъ держать себя и вполнѣ заслуживаютъ то уваженіе, съ которымъ къ нимъ относится населеніе.

На государственной службѣ состоятъ 65 жрецовъ и столько-же гражданскихъ чиновниковъ. Изъ жрецовъ выбирается 4 секретаря, а изъ чиновниковъ 4 министра для завѣдыванія финансами, военнымъ дѣломъ, государственнымъ имуществомъ, духовенствомъ. У каждаго министра есть помощникъ.

Оффиціально населеніе Лхассы исчислено въ 100.000 чел., но на самомъ дѣлѣ оно едва-ли превышаетъ 70.000 чел. Не такъ много и священниковъ, какъ значится по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Въ храмѣ Брабунѣ 7.700 жрецовъ, и ихъ учениковъ, въ храмѣ Сера — 5.500, въ храмѣ Годенъ—3.300. Это число жрецовъ, полагающееся по штатамъ, но на самомъ дѣлѣ число это колеблется. Больше всего въ Лхассѣ тибетцевъ, но есть и уроженцы Камса, Непаля, Кашемира, китайцы. Тибетцы и Камцы говорятъ на одномъ нарѣчіи, но отличаются другъ отъ друга по внѣшности, тѣлосложенію и общимъ чертамъ характера. Тибетцы крайне неопрятны и потому здѣсь даже китайцы считаются народомъ чистоплотнымъ.

Въ настоящее время въ Тибетѣ преобладаетъ одномужіе, но въ высшемъ классѣ еще существуетъ многомужіе. Въ низшемъ классѣ населенія въ ходу простое сожительство, безъ всякаго освященія религіозными обрядами. Выборомъ жениха или невѣсты распоряжаются родители. Женщинѣ въ домѣ принадлежитъ преобладающая роль.

Жители Лхассы отличаются вѣжливостью и обходительностью, но за то очень мстительны и долго таятъ въ себѣ злобу, пока не представится случай отомстить. И женщины, и мужчины одѣваются очень пестро и охотно носятъ золотыя съ бирюзою серьги. Женщины носятъ въ волосахъ коралловыя, жемчужныя и янтарныя украшенія, ожерелья, браслеты, кольца и проч. Состоящіе на государственной службѣ чиновники одѣваютъ обыкновенно шерстяныя или шелковыя коричневыя, а въ торжественныхъ случаяхъ — желтаго цвѣта одежды. Коричневый цвѣтъ вообще излюбленный въ среднемъ кругѣ; народъ носитъ платье изъ сѣрой грубой шерстяной ткани. Нѣкоторые тибетцы носятъ сапоги по китайскому образцу, но большинство ходитъ въ сапогахъ мѣстнаго производства изъ овечьей шерсти.

Своихъ покойниковъ тибетцы обыкновенно оставляютъ на съѣденіе орламъ и собакамъ, иногда ихъ бросаютъ въ воду, рѣже—сжигаютъ. Бренные останки умершихъ отъ оспы зарываютъ въ землю. Оспенная эпидемія 1900 г. произвела страшное опустошеніе; въ одномъ центральномъ Тибетѣ умерло болѣе 6.000 чел.; но несмотря на этотъ бичъ, населеніе быстро ростетъ. Многомужіе нѣсколько останавливаетъ приростъ населенія, и тибетское правительство сокрушается о распространеніи этого обычая. Какъ это ни странно, но въ странѣ, гдѣ допускается поліандрія, законъ запрещаетъ браки между двоюродными и караетъ за нихъ, какъ за преступленіе.

Что касается промышленности, то добывающая, особенно земледѣліе, находится въ Тибетѣ еще въ младенчествѣ. Земли, годной для обработки, много, но жатва обыкновенно скудная. Поля не удобряются и урожай самъ-пять считается уже хорошимъ.

Торговля идетъ нѣсколько лучше. Въ Тибетѣ торговлей занимаются

рѣшительно всѣ: правительственные сановники, крестьяне, даже ламы. Нѣкоторые купцы ведутъ внѣшнюю торговлю съ Индіей и Китаемъ.

Въ промышленности тибетцы очень отстали. Лучше другихъ процвѣтаютъ портняжное, кузнечное и ювелирное дѣло.

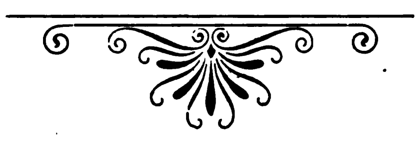
Городское населеніе употребляетъ въ пищу много мяса. Больше всего ѣдятъ мясо яковъ, затѣмъ баранину и козлятину. Деревенское населеніе разводитъ скотъ главнымъ образомъ на продажу, само-же питается растительной пищей, рыбой и свининой. И богатые, и бѣдные охотно ѣдятъ горячую пшенную кашу и чай съ солью и масломъ (?). Тибетцы выгоняютъ спиртъ, но ихъ главный напитокъ — пиво домашняго приготовленія. На спиртные напитки нѣтъ ни акциза, ни налоговъ.

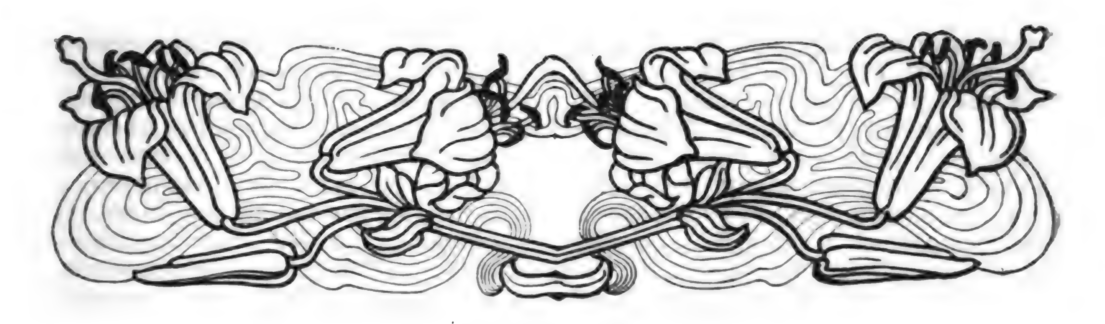
Содержатели закусочныхъ и чайныхъ лавочекъ въ Тибетѣ почти всегда китайцы, они-же ведутъ спеціальную торговлю макаронами. Тибетцы довольно гостепріимны. „Въ Даржилингѣ мнѣ,—говоритъ Кавагуши пришлось бывать въ гостяхъ у одного тибетца. Кромѣ меня, были также приглашены японскій философъ д-ръ Іенріо Инуйе и китайскій ученый и реформаторъ Кангъ-Ю-Вей. Хозяинъ выразилъ намъ свое уваженіе... высунувъ языкъ во всю длину"! Въ долгіе зимніе вечера тибетцы часто коротаютъ время въ обществѣ гостей, при тускломъ свѣтѣ масляной лампы. Спички привозятъ изъ Японіи.

Между тѣмъ Кавагуши увѣдомили, что тибетское правительство узнало, что онъ японецъ и нарушилъ законъ о недопущеніи въ Тибетъ иностранцевъ. Ему оставалось только поспѣшно бѣжать изъ Лхассы, что онъ и сдѣлалъ 29-го мая 1902 г., пробывъ въ запретномъ городѣ два года и два мѣсяца. Еще раньше онъ успѣлъ выслать изъ Тибета свой багажъ, главную цѣнность котораго составляла коллекція тибетскихъ книгъ и рукописей.

Послѣ его бѣгства тибетское правительство заключило въ тюрьму всѣхъ, кто былъ съ нимъ въ сношеніяхъ. Факультетъ Серы, на которомъ находился японецъ, закрыли. Министра, оказавшаго ему гостепріимство въ своемъ домѣ, привлекли къ суду. Только послѣ многократныхъ ходатайствъ китайскихъ сановниковъ Далай-Лама освободилъ нѣкоторыхъ заключенныхъ.

Изъ всего изложеннаго видно, какъ ревниво оберегали тибетцы свою страну отъ вторженія иностранцевъ; но теперь они должны будутъ волей неволей открыть двери своей страны, врата своей священной столицы носителямъ западной культуры. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и въ старыхъ дворцахъ тибетскихъ царей, въ дикихъ монастыряхъ горнаго Тибета, въ его храмахъ появится другой неутомимый путешественникъ въ клѣтчатой парѣ, съ краснымъ Бедекеромъ въ рукахъ, съ билетомъ „Кука" въ карманѣ. Умерла полная поэзіи, дикая Индія, умретъ и дикій горный Тибетъ...





Дѣйствіе радія на живую матерію.

Если физическія свойства радія экстраординарны, то его біологическія свойства самыя обыкновенныя. Подобно многимъ физическимъ агентамъ, радій своими лучами умерщвляетъ, сжигаетъ, парализуетъ. Множество организмовъ, подвергнутыхъ лучеиспусканію радія, быстро умираетъ, напр., инфузоріи, змѣи, ракообразныя, насѣкомыя, головастики, даже молодыя млекопитающія.

По наблюденіямъ миссъ E. Cr. Willcok, актиносферій, подверженный лучеиспусканію 10 милиграммовъ радія на разстояніи 3 метровъ, не выпускаетъ своихъ отростковъ и умираетъ по истеченіи двухъ часовъ. Если навести на змѣю пучекъ катодныхъ лучей, то змѣя начинаетъ отодвигаться и удаляться, а третье наведеніе для нея бываетъ уже роковымъ.

G. Bohn произвелъ многочисленные опыты надъ разными морскими животными, особенно надъ ракообразными и насѣкомыми. Дафны, помѣщенныя въ тонкое ложе воды, ограниченное окружностію 2 сантим. въ діаметрѣ, вблизи трубки съ радіемъ, умираютъ черезъ 12—24 часа. Далѣе, аннелиды побережныхъ скалъ, очень чувствительныя къ силѣ освѣщенія, умираютъ быстро, тогда какъ другія животныя тѣхъ же размѣровъ, но живущія въ пескѣ, сопротивляются цѣлый день.

Муравьи также поражались смертью отъ лучей радія уже черезъ три часа.

Вообще радій убиваетъ клѣтки многоклѣтчатаго организма, какъ убиваетъ и изолированныя клѣтки простѣйшихъ организмовъ. Клѣтки эпителіальныя особенно чувствительны по отношеніи къ нему; отсюда происходитъ измѣненіе покрововъ кожи, ожоги.

Эти ожоги особенно стали извѣстны послѣ сообщенія Беккереля и Кюри. Они вспоминаютъ, что Валькофъ и Гизель уже наблюдали ожоги, которые оставались довольно долго послѣ дѣйствія радія. Кюри повторилъ надъ самимъ собою опытъ Гизеля, заставляя дѣйствовать черезъ тонкій листъ гуттаперчи, въ продолженіи десяти часовъ, хлористое соединеніе радіактивнаго барія, въ 5000 разъ болѣе сильнаго, чѣмъ ураній.

Отъ дѣйствія лучей,—говоритъ онъ,—кожа дѣлается красной, какъ бы отъ ожога, но не болѣзненной. Спустя нѣсколько дней краснота, не распространяясь, становится интенсивнѣе; на 20 день образуются струпья и рана, требующія перевязки; на 42 день по краямъ раны начинаетъ образовываться верхняя кожица, распространяющаяся къ центру; но и на 52 день, послѣ дѣйствія лучей, остается еще въ состояніи раны не-

значительная поверхность, которая принимаетъ сѣроватый видъ, указывающій на омертвѣніе тканей".

3 и 4 апрѣля Беккерель помѣщалъ нѣсколько разъ въ карманѣ своего жилета трубку съ радіоктивной солью, очень активной, въ 800,000 разъ превосходящей активностію ураній. 13 апрѣля появилась краснота; 24 апрѣля рана начала гноиться и зарубцевала только 24 мая. Беккерель и Кюри оба замѣчали, что на рукахъ ихъ отъ держанія трубки съ радіемъ начинала шелушиться кожа, а конечности пальцевъ иногда становились жесткими и болѣзненными.

Опытъ Кюри повторенъ былъ Danysz'омъ надъ нѣкоторыми животными и Бономъ надъ самимъ собою. Danysz разрушалъ верхнюю кожицу кроликовъ и морскихъ свинокъ, примѣняя радій въ теченіе 24 — 48 часовъ; соединительная ткань и мускулатура были пощажены. У кролика дѣйствіе радія вызывало ростъ волосъ, тогда какъ у морской свинки сопровождалось ихъ выпаденіемъ.

Бонъ вызывалъ на самомъ себѣ черезъ примѣненіе радія ожоги, которые повторялись періодически черезъ каждые два мѣсяца. 25 апрѣля, послѣ примѣненія 15 милиграммовъ радія, онъ замѣтилъ тотчасъ краснoту, обязанную болѣзни сосудодвигательнаго сосуда. Къ концу мая появились разстройства болѣе глубокія: вздутіе верхней кожицы, отслойка; въ концѣ іюня тѣ же явленія; въ концѣ октября тѣ же самыя явленія, но болѣе интенсивныя: образовалась рана и получился ожогъ.

Далѣе, Danysz доказалъ, что радій *„парализуетъ"* бактеріи, гусеницъ и млекопитающихъ. Впрочемъ, слово парализація съ полнымъ правомъ можетъ быть употреблено въ точномъ смыслѣ только въ отношеніи млекопитающихъ, къ которымъ и будутъ относиться нижеприводимые опыты.

Опытамъ были подвергнуты мыши, морскія свинки и препарированные кролики. Примѣняя трубку въ 3 сантим., заключавшую одинъ сантиграммъ очень активной соли, въ области позвоночника и части черепа мышей, въ теченіе одного мѣсяца, Danysz достигъ, спустя 3 часа, вялости и лихорадочнаго состоянія, а черезъ 7—8 часовъ конвульсій и столбняка; черезъ 12—18 часовъ наступала смерть; послѣдняя замедлялась съ увеличеніемъ возраста экспериментируемаго животнаго; у трепанированнаго кролика, подверженнаго дѣйствію радія въ продолженіи 8 часовъ, появлялся лѣвый полупараличъ, но только на 3 день.

Въ новыхъ опытахъ Danysz заключалъ мышей въ малыя клѣтки, на потолкѣ которыхъ была подвѣшена трубка съ радіемъ: мыши получили воспаленія покрововъ и параличъ. Къ аналогичнымъ результатамъ пришелъ и Лондонъ.

Наблюдая физіологическое дѣйствіе лучей радія, Бонъ настаиваетъ на томъ фактѣ, что радій производитъ у позвоночныхъ растройства кровеносныхъ сосудовъ, что и обусловливаетъ параличи. Это подтверждается тѣмъ, что ему не удалось достичь параличей у низшихъ позвоночныхъ животныхъ, у которыхъ нервная система болѣе независима отъ кровообращенія, и никогда не наблюдалъ у этихъ животныхъ явныхъ измѣненій нервной ткани. Неизвѣстно, дѣйствуетъ ли радій на нервы прямо или косвенно.

Бонъ отмѣтилъ, что по крайней мѣрѣ у червей и суставчатыхъ радій производитъ анестезію периферическихъ нервъ. Будучи подвержены дѣйствію лучей радія, эти животныя становятся менѣе чувствительными къ возбужденіямъ механическимъ и къ свѣту. Darier пришелъ одновременно къ тому же заключенію относительно человѣка на самомъ себѣ.

Дѣйствіе на глазъ особенно интересно и дало мѣсто нѣкоторымъ любопытнымъ наблюденіямъ. Вотъ какъ Кюри резюмируетъ изслѣдованія Гезеля, Гумштедта и Нагеля.

Соль радія, положенная въ непро-

зрачную коробку изъ картона или металла, дѣйствуетъ, однако, на глазъ и даетъ ощущеніе свѣта. Для того, чтобы достигнуть этого результата, можно помѣстить коробку, содержащую радій, передъ закрытымъ глазомъ или у виска.

Недавно Лондонъ, въ С.-Петербургѣ, констатировалъ, что слѣпые особенно чувствительны къ лучамъ Беккереля и могутъ составить себѣ видимое представленіе очертаній предметовъ, которыя отбрасываютъ тѣни на экранъ, посредствомъ лучей Беккереля. Докторъ Жавель утилизировалъ это свойства для діагноза слѣпоты: пока сѣтчатая оболочка не поражена, радій вызываетъ, даже черезъ лобную кость, ощущеніе свѣта.

Радій дѣйствуетъ на организмъ, не только вызывая разстройства кровообращенія и нервныя, но и дѣйствуя на матерію живую, на пигменты (окрашивающія вещества) и на ферменты (агенты пищеваренія). Уже слабое лучеиспусканіе радія вызываетъ на кожѣ человѣка медленное и легкое окрашиваніе, а если примѣненіе радіевыхъ лучей было болѣе продолжительное, то пигментъ естественный или патологическій кожи можетъ быть разрушенъ. Бонъ изгладилъ на самомъ себѣ чисто пигментные слѣды. Утверждаютъ, что кожа негровъ бѣлѣетъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ; Даничу приходилось наблюдать тоже самое, когда онъ подвергалъ сѣрыхъ или черныхъ мышей дѣйствію радія: волосы ихъ падали, замѣняясь потомъ бѣлыми.

Радій дѣйствуетъ на пигментъ самъ по себѣ. Уже прошло довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ Гезель достигъ быстраго пожелтѣнія листьевъ подъ вліяніемъ радія. Если хлорофилъ преобразовывается подъ этимъ вліяніемъ, то, очевидно, должно быть тоже самое и съ гемоглобиномъ, ибо извѣстно, со времени работы Некки, замѣчательное сродство между веществомъ, окрашивающимъ листья, и веществомъ, окрашивающимъ кровь.

Недавно Y. Henri и A. Mayer установили преобразованіе гемоглобина въ метемоглобинъ подъ вліяніемъ лучей α и β. Они помѣстили склянку, содержащую очень активную соль радія, въ растворъ гемоглобина; спустя нѣсколько часовъ растворъ сдѣлался черным и,—новая черта,—растворъ метемоглобина появился на спектроскопѣ.

Радій точно также оказываетъ очень замѣтное дѣйствіе на ферменты. Заставляя дѣйствовать лучи радія на растворы ферментовъ въ продолженіе очень долгаго времени, Y. Henri и A. Mayer достигали того, что активность ферментовъ постепенно уменьшалась до полнаго уничтоженія. Дѣйствіе этихъ радіацій кажется тихимъ, слабымъ и продолжительнымъ.

Любопытны опыты Бона съ личинками амфибій.

Бонъ подвергалъ лучамъ радія личинки лягушки и жабы. Нормально изъ яйца ихъ выходитъ инертный эмбріонъ, зародышъ, который пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе быстро кисти дыхательныхъ жабръ съ каждой стороны шеи, а черезъ нѣкоторое время, — восемь дней для лягушки,—претерпѣваетъ новое измѣненіе и превращается въ головастика.

38 зародышей лягушекъ, въ возрастѣ отъ одного до восьми дней, были подвергнуты лучамъ Беккереля. 9 изъ нихъ оказались почти тотчасъ же мертвыми. У одного ростъ остановился, но въ извѣстный день, когда должна была произойти метаморфоза, голова сдѣлалась анормальной, тогда какъ головные покровы оказались сплющенными. Спустя нѣсколько дней головастикъ становился чудовищемъ съ перехватомъ на уровнѣ шеи и обыкновенно съ внѣшними жабрами. Изъ этого слѣдуетъ, до какой степени радій можетъ остановить ростъ тканей.

Бонъ точно также произвелъ многочисленные опыты надъ развитіемъ яицъ морского ежа. Они подтверждаютъ предыдущіе.

Съ своей стороны Дафинъ пришелъ къ аналогичнымъ заключеніямъ, изслѣдуя развитіе низшихъ грибовъ.

Другіе опыты относятся къ сѣменамъ. Мату констатировалъ, что сѣмена отъ дѣйствія радія теряютъ свою прозябательную силу, а Диксонъ,—что дѣйствіе радія на нихъ ничтожно. Это доказываетъ, какъ говоритъ миссъ Е. Вилькокъ, что вопросъ здѣсь сводится къ количеству дѣйствія.

При такомъ сильномъ физіологическомъ дѣйствіи, радій, безъ сомнѣнія, скоро займетъ весьма важное мѣсто въ медицинѣ. Прежде всего, въ болѣзняхъ нервныхъ, онъ замѣнитъ внушеніе и цѣлебныя воды.

Даріеръ констатировалъ цѣлебное дѣйствіе лучей радія при невральгіи глазного нерва, при воспаленіи радужной оболочки и въ другихъ болѣзненныхъ состояніяхъ (подагрѣ, ногтоѣдѣ и т. п.). Радій можетъ излѣчить даже эпилепсію.

Далѣе, радій дѣйствуетъ на родимыя пятна, волчанку, ракъ. Бонъ изгладилъ пигментное родимое пятно. Д-ръ Гольцендорфъ доказалъ, что радій заставляетъ исчезнуть накожные кровоподтеки или опухоли, приводя въ норму увеличенные сосуды.

Съ волчанкой д-ръ Дапло достигъ утѣшительныхъ результатовъ. Мѣшечки изъ целлюлоида или каучука, содержащіе смѣсь радіактивныхъ солей, прикладывались къ больному мѣсту въ теченіе 24—48 часовъ въ среднемъ; спустя нѣсколько дней кожа поражается и образуется сжеіе; зарубцеваніе приводитъ къ излѣченію; въ три или въ пять недѣль достигаютъ излѣченія болѣзни, которая продолжалась болѣе года.

Замѣчательное дѣйствіе радія на ткани привело къ мысли испробовать примѣненіе этого тѣла къ излѣченію рака. Вотъ, по Экснеру, нѣкоторые результаты, достигнутые въ лѣчебницѣ проф. Гуттенбауера. Радій былъ испробованъ при ракѣ полости рта толщиною съ орѣхъ, изъязвившемъ поверхность рта. Черезъ пять недѣль изъязвленіе совершенно зарубцевалось, и слизистая оболочка сдѣлалась здоровой.

Въ двухъ другихъ случаяхъ рака многіе узлы накожные были излѣчены одни за другими радіемъ, и уже черезъ 15 дней можно было замѣтить значительное уменьшеніе объема язвы. Послѣ 4-хъ и 6-ти недѣль узлы отъ 2 до 6 миллиметровъ совершенно исчезли.

Продуктъ, употребляемый для лѣченія, былъ бромистый радій, наиболѣе сильный изъ тѣхъ, которые можно найти въ торговлѣ; а продолжительность примѣненія колебалась отъ 10 до 20 минутъ.

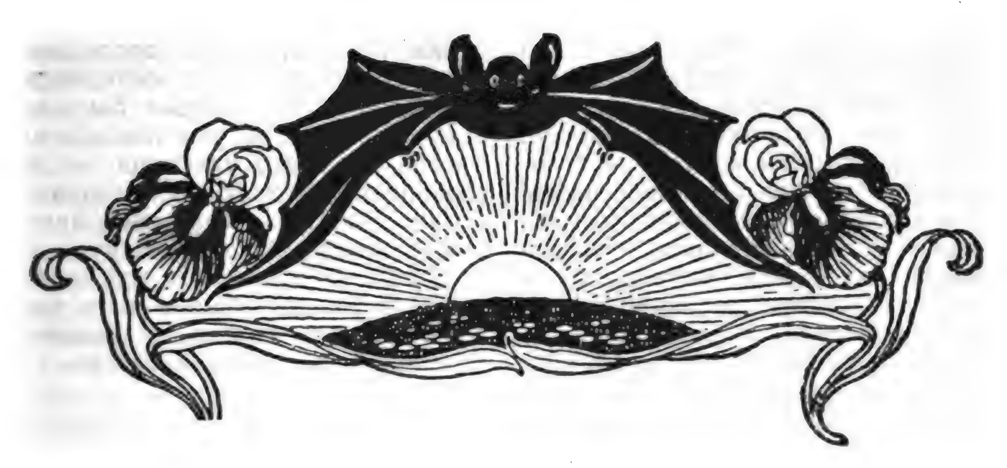
Далѣе, такъ какъ радій дѣйствуетъ на бактеріи, то онъ долженъ дѣйствовать и на болѣзни инфекціонныя, на легочный туберкулезъ. Затрудненіе состоитъ, однако, въ способѣ разрушенія бактерій, безъ нанесенія вреда тканямъ организма.

Ф. Содди предложилъ давать вдыхать больнымъ, пораженнымъ легочнымъ туберкулезомъ, истеченіе металла слабо радіоктивнаго торіума.

Американецъ д-ръ Траси предложилъ употреблять при тифозной лихорадкѣ, желудочно - кишечномъ воспаленіи, малярiи и проч. соленую воду, подверженную дѣйствію радія.

Однако, остережемся пока дѣлать какіе либо выводы, такъ какъ біологическія свойства радія еще не достаточно изучены.

М. Вруцевичъ.



Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

III.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

I.

Мысль о вредѣ и ненужности тѣлеснаго наказанія не нова для русскаго общества. Объ этомъ упоминалось еще въ знаменитомъ „Наказѣ“ Екатерины II. Но мысль эта была чужда еще сознанію. Подъ впечатлѣніемъ минуты, подъ давленіемъ „чувствительнаго сердца“ она проскальзывала порою, но только для того, чтобы сейчасъ же испариться, не оставивъ и слѣда на дѣйствительности. И мы видимъ, что въ царствованіе автора „Наказа“ тѣлесныя наказанія продолжали существованіе безпрепятственно, и не только не замѣчалось желанія сузить предѣлы ихъ владычества, но даже не было рѣчи и объ ихъ смягченіи. Напротивъ, исторія тѣлесныхъ наказаній при Екатеринѣ изобличаетъ, что въ ея царствованіе охотно прибѣгали даже къ такимъ квалифицированнымъ наказаніямъ, какъ колесованіе и четвертованіе. О господствѣ кнута и розги говорить не приходится: область примѣненія ихъ была не ограничена.

Царствованіе Александра I обнаруживаетъ болѣе сильное проникновеніе сознанія мыслью о ненужности тѣлеснаго наказанія. Начало этого царствованія, вообще носившее характеръ либерально-реформаторскій, однимъ изъ первыхъ шаговъ своихъ отмѣнило наиболѣе жестокіе виды тѣлеснаго наказанія (пытку, вырываніе ноздрей), отмѣнило вообще тѣлесныя наказанія для духовенства. Къ сожалѣнію, полоса гуманности продолжалась недолго и смѣнилась неожиданно совершенно противоположной тенденціей: явился Аракчеевъ со своей знаменитой „зеленой улицей“, со своими военными поселеніями, сразу возстановившими для русскаго народа всѣ ужасы татарской эпопеи.

Но для Россіи уже приближалась новая эра. Аракчеевщина только способствовала глубочайшему укорененію въ сознаніи мысли противъ тѣлесныхъ наказаній. То страданіе,

какимъ надѣлилъ Аракчеевъ и его политика русскій народъ, было искупительной жертвой, тѣмъ горниломъ, въ которомъ закаляются, „общечеловѣческіе идеалы“. И стоило только повѣять инымъ теченіямъ, стоило только разорваться тучамъ насилія и глумленія надъ человѣческой личностью, окутывавшимъ Россію въ первую половину прошлаго вѣка, какъ съ мощной силой, неудержимо сверкнулъ въ этомъ прорывѣ лучъ гуманности, лучъ справедливости, и сильнѣе заработала въ обществѣ мысль о необходимости борьбы противъ тѣлеснаго наказанія. И, какъ всегда бываетъ, „когда извѣстная мысль глубоко проникла въ общественное сознаніе, за инициативой къ ея исполненію дѣло не станетъ“.

Періодъ рѣшительной борьбы противъ тѣлеснаго наказанія наступилъ съ воцареніемъ Императора Александра II. Первымъ борцомъ выступилъ извѣстный предсѣдатель Редакціонной Комиссіи Я. И. Ростовцевъ, который уже въ 1858 году обратился къ Александру II съ такимъ письмомъ: „Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что во всякомъ случаѣ о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе; во-первыхъ, это было бы пятномъ настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи; во вторыхъ, есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесныя наказанія, къ счастью, вовсе не примѣняются. Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичокъ розгу любитъ. Точно ли это справедливо? Если же онъ и привыкъ, то не надобно ли отъ нея отучать? Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя Высочайшею властью, какъ и всякій законъ, должны дѣйствовать долгое время. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ—не будутъ смягчаться и нравы“.

Письмо Я. И. Ростовцева явилось отраженіемъ настроенія тогдашняго русскаго общества и если этому письму еще не суждено было начать великое дѣло уничтоженія для Россіи позорнаго наказанія, то, несомнѣнно, на долю Я. И. падаетъ великая заслуга обнаруженія предъ Царемъ завѣтнаго желанія русскаго общества, подготовленія той почвы, на которую дальнѣйшіе шаги борцовъ противъ тѣлеснаго наказанія падали, не какъ на каменистую.

II.

Активную борьбу открылъ спустя три года въ 1861 году — кн. Н. А. Орловъ. Въ запискѣ, поданной Государю и послужившей той причиной, которая поставила вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній на ближайшую очередь пересмотра, кн. Орловъ говорилъ между прочимъ: „тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ... Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями... Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить. Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію человѣческой личности“.

Доводы кн. Орлова имѣли на Императора Александра II свое воздѣйствіе. Записка перешла въ Комитетъ, составлявшій проектъ новаго военнаго устава о наказаніяхъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ полнымъ подтвержденіемъ нашего предположенія о глубокомъ пониманіи тогдашняго русскаго общества всего вреда тѣлесныхъ наказаній. В. К. Константинъ Николаевичъ такъ мотивировалъ необходимость отмѣны ихъ: „тѣлесныя наказанія составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нрав-

ственность и возбуждая населеніе противъ установленныхъ властей. Тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ, и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣйствующая у насъ система тѣлесныхъ наказаній. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ необходимо принять другую систему; это необходимо въ чувствахъ человѣчества, а именно, для предупрежденія *конечной порчи* нравственности и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ".

Комитетъ вполнѣ одобрилъ положенія записки кн. Орлова. Ссылаясь на то, что тѣлесныя наказанія „не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени, ни духу законодательства, ибо ожесточаютъ нравы, поражаютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и устраняютъ возможность исправленія",— Комитетъ полагалъ вовсе уничтожить тѣлесныя наказанія, тѣмъ болѣе, что и самъ народъ, видимо, чувствовалъ отвращеніе къ этой формѣ наказанія. По крайней мѣрѣ, даже при существованіи закона объ освобожденіи палачей отъ ссылки въ Сибирь (законъ 1833 г.), желающихъ занять должность палача не находилось, и закономъ 1836 г. должны были предписать обращать въ палачи преступниковъ, не взирая на ихъ несогласіе".

Дальнѣйшее движеніе вопроса только сильнѣе обнаруживало все несочувствіе общества къ тѣлесному наказанію. Даже шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ, и тотъ признавалъ возможною полную отмѣну розги. Лишь немного голосовъ пыталось защитить тѣлесное наказаніе. Имена этихъ „розголюбовъ" исторія сохранила. Ими были: государственный контролеръ Анисимовъ, полагавшій, что „всякое заявленіе по сему предмету намѣреній опасно и вредно"; московскій митрополитъ Филаретъ, доказывавшій, что христіанство не осуждаетъ тѣлеснаго наказанія, и гр. Панинъ — министръ юстиціи,—видѣвшій въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній „отмѣну всѣхъ уголовныхъ наказаній" и настаивавшій не только на сохраненіи дѣйствующихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—плетей, кнута, розги, шпицрутеновъ, —но и на возстановленіи отмѣненнаго въ 1858 г. бритья головы и распространеніи тѣлеснаго наказанія на женщинъ.

Такимъ образомъ общество опредѣленно стало противъ дальнѣйшаго примѣненія тѣлеснаго наказанія. И когда вопросъ вступилъ въ послѣднюю фазу—перешелъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта—за исключеніемъ гр. Панина никто не всталъ на защиту прежняго порядка, никто не обмолвился словомъ за розгу.

17 апрѣля 1863 г. тѣлесныя наказанія были отмѣнены. И, какъ справедливо замѣчаетъ Г. А. Джаншіевъ, указъ объ этомъ „составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго законодательства". Она была бы самой свѣтлой, если бы пожеланія русскаго общества были этимъ указомъ осуществлены во всей полнотѣ. Къ сожалѣнію, „пятно" слишкомъ глубоко въѣлось въ наше законодательство, и смыть его однимъ разомъ оказалось не подъ силу даже гуманнѣйшимъ дѣятелямъ эпохи освобожденія. Нужно было еще прожить 41 годъ, прежде чѣмъ отъ этого „пятна" не осталось никакого слѣда. Но и то, что сдѣлалъ указъ 1863 г. имѣло громадное значеніе для Россіи и ея жизни. „Силъ прибываетъ"... писалъ И. С. Аксаковъ. „Еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготы меньше... Удрученный бременемъ богатырь выпрямился". А сенаторъ Ровинскій выразился: „Россія, словно въ сказкѣ

какой, изъ битаго царства вдругъ небитымъ стало". И въ этихъ восторженныхъ восклицаніяхъ, такъ понятныхъ въ тѣ поры, когда еще не могли думать о томъ, что указъ 1863 г., собственно говоря, сдѣлаетъ очень мало для преобразованія Россіи изъ „битой" въ „небитую" — именно и проглядываетъ та „общественная правда", сознать которую русскому обществу пришлось только послѣ долгихъ столѣтій криваго царствованія кнута и розги. Но эти же восклицанія, какъ стало понятнымъ только позднѣйшимъ поколѣніямъ, обнаружили чрезмѣрное увлеченіе общества одержанной побѣдой. На самомъ дѣлѣ, указъ 1863 г. можетъ считаться только относительнымъ торжествомъ общечеловѣческаго идеала. Умерли шпицрутены, но было еще живо тѣлесное наказаніе, и долго еще суждено было висѣть ему надъ главной частью русскаго народа — крестьянствомъ, — угнетая его, парализуя его культурный ростъ, парализуя ту свободу, которую давало крестьянству святое 19 февраля.

III.

„По какой-то ироніи судьбы, — съ горечью замѣчаетъ Джаншіевъ, — великій освободительный актъ 19-го февраля, давшій толчокъ благотворному движенію противъ розги, остался внѣ его воздѣйствія, и пятно его въ видѣ розогъ осталось несмытымъ".

Какъ могло это случиться, почему розгѣ суждено было уцѣлѣть и продолжать свою губительную работу надъ русскимъ крестьяниномъ, — этотъ эпизодъ исторіи тѣлесныхъ наказаній, по справедливости, считается „страннымъ и не понятнымъ".

Казалось бы, что все складывалось для полнаго уничтоженія всѣхъ видовъ тѣлеснаго наказанія; казалось бы, что нѣтъ никакихъ основательныхъ данныхъ для исключенія освобожденнаго крестьянства изъ среды вліянія акта 17 апрѣля 1863 года. Правящія сферы были проникнуты гуманными желаніями, общество опредѣленно высказало свой взглядъ на тѣлесное наказаніе до розги включительно; самъ народъ, по компетентному удостовѣренію Комитета, желалъ отмѣны розги. Дворянскіе комитеты, за исключеніемъ не многихъ, признавали возможность уничтоженія розги. Почему же случилось не такъ, какъ того желала Россія, почему розгѣ была дана безславная привиллегія сохраниться еще на 41 годъ?

Этому вопросу посвящена Г. А. Джаншіевымъ отдѣльная статья въ его книгѣ „Эпоха великихъ реформъ". Съ обычной обстоятельностію и полнотой извѣстный историкъ освободительныхъ реформъ изучаетъ тѣ пружины, какія заставили законодательство той поры въ вопросѣ о розгѣ отступить отъ своихъ идеаловъ, сдѣлать уступку крѣпостникамъ и розголюбамъ въ духѣ гр. Панина.

Мы не будемъ поэтому подробно останавливаться на этомъ знаменательномъ эпизодѣ. Обратимъ вниманіе читателя только на тотъ моментъ въ обсужденіи вопроса о розгѣ, когда была рѣшена его судьба. Ко времени рѣшенія вопроса, — въ составѣ Редакціонной Комиссіи произошли нѣкоторыя перемѣны; существеннѣйшею была та, что на мѣсто гуманиста Я. И. Ростовцева, умершаго отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, — предсѣдательское кресло занялъ гр. Панинъ.

Появленіе у кормила такого завзятаго „розголюба" (см. выше) въ извѣстной степени предрѣшало вопросъ — будетъ-ли сохранена розга для крестьянства, или нѣтъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что судьба розги стояла въ ближайшей зависимости отъ голоса предсѣдателя. При баллотировкѣ голоса раздѣлились пополамъ: 11 членовъ стояло за розгу и 11-же противъ. Отъ гр. Панина зависѣлъ исходъ борьбы и,

какъ и нужно было ожидать, онъ высказался не въ пользу гуманныхъ идеаловъ общества.

Кромѣ Панина, въ средѣ подписавшихся за розгу были такіе просвѣщенные дѣятели, какъ Н. А. Милютинъ и Самаринъ. И общество было, дѣйствительно, поражено такимъ неожиданнымъ исходомъ борьбы. „Слѣпцы, слѣпцы! Что они выиграли"? — писалъ И. С. Аксаковъ. — „Предупрежденіе нѣсколькихъ частныхъ случаевъ неповиновенія; но эта выгода уничтожается тѣмъ нравственнымъ вредомъ, который наносится обществу, тѣмъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства, которое истекаетъ изъ возведенія въ почетное званіе розги, отъ разумнаго признанія и узаконенія побоевъ! Наконецъ, утрата вѣры общественной въ человѣка — развѣ это не страшный вредъ обществу"?

Впрочемъ, подача Н. А. Милютинымъ и Самаринымъ голоса „за сѣченіе" не есть единственная странность этого темнаго эпизода. Еще страннѣе то, что сохраненіе розги было мотивировано „нежеланіемъ колебать только что объявленное Положеніе 19 февраля". Такимъ образомъ великому освободительному акту пришлось быть опорой для антигуманнѣйшихъ стремленій крѣпостниковъ—сохранить въ крестьянской средѣ тѣлесное наказаніе, провозвѣстнику новой жизни—оградить ветхіе принципы отъ разрушающей силы времени. Удивительный парадоксъ, который былъ-бы смѣшонъ, если бы не былъ такъ грустенъ.

Послѣдствія сохраненія розги въ дѣйствительности оказались очень и очень грустными. Хроника послѣдняго сорокалѣтія существованія тѣлеснаго наказанія богата данными, показывающими, какъ правы были тѣ, кто говорилъ, что „оставленіе розогъ въ законѣ можетъ довести крестьянъ до отчаянія". Безчисленны случаи, когда крестьяне, приговоренные къ розгѣ, предпочитали умереть самоубійствомъ, чѣмъ подвергаться позорному наказанію. Еще чаще наблюдались случаи, какъ случайно нарушившій законъ крестьянинъ послѣ тѣлеснаго наказанія превращался въ неисправимаго преступника, отвѣчая на вопросы, что „теперь ему все равно... терять нечего". Были и такіе факты, когда приговоренный къ розгѣ совершалъ болѣе тяжкое преступленіе, предпочитая годы тюрьмы и каторгу нѣсколькимъ ударамъ „возлюбленной" розги. Но еще болѣе ужасно было то нравственное зло, какое вносило тѣлесное наказаніе въ крестьянскую среду, „убивая въ ней чувство чести и поддерживая неуваженіе къ своей и чужой личности". Полный упадокъ личности имѣлъ несомнѣнную причинную связь съ господствомъ розги. Сторонники розги утверждали, что тѣлесное наказаніе уже потому допустимо въ деревнѣ, что тамъ на розгу не обращаютъ большого вниманія. Придетъ де крестьянинъ, получитъ столько-то и уйдетъ, какъ встрепанный. А въ этой-то апатіи, равнодушіи къ розгѣ и коренилась summa iniuria. Глубоко вѣрны, приводимыя въ лекціяхъ проф. Таганцева, слова французскаго юриста Росси: „если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно прогонитъ сѣченаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива: *хуже тамъ*, гдѣ только что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости".

Именно къ послѣднему результату и вело русскій народъ то отношеніе къ розгѣ, какое проявляли къ ней законодательныя сферы до послѣдняго времени.

IV.

Высказываясь за сохраненіе розги, Комитетъ, между прочимъ, обмолвился слѣдующими знаменательными словами: „и по мѣрѣ распространенія образованія между крестьянами, они сами откажутся отъ позорнаго наказанія“. (Джанш. 256).

Статистическія данныя о примѣненіи тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ быту блестяще доказали предположеніе Комитета. По мѣрѣ культурнаго роста нашей деревни, по мѣрѣ проникновенія въ нее, совмѣстно съ просвѣщеніемъ, идей чести и человѣческаго достоинства, мы видимъ, что сфера распространенія тѣлеснаго наказанія постепенно суживается, постепенно приближается къ идеальному предѣлу — къ нулю. „Вятскій край“, приводя данныя по этому вопросу, констатировалъ, что, напр. въ 1895 г., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тѣлесное наказаніе вовсе не примѣнялось, въ другихъ очень рѣдко и лишь въ немногихъ составляло обычное явленіе. По всей губерніи за этотъ же годъ изъ 56476 человѣкъ, приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ, всего 523 были подвергнуты сѣченію, а въ 1896 г. (см. кн. Жбанкова и Яковенко „Тѣлесныя наказанія въ Россіи“) по 19 губерніямъ изъ 6257 приговоровъ къ тѣлесному наказанію были приведены въ исполненіе всего 2414.

Сами по себѣ эти цифры громадны. Но все же въ нихъ обнаруживается достаточно ясно прогрессирующее направленіе крестьянскаго міровоззрѣнія, обнаруживается растущее самосознаніе, заставляющее крестьянъ по возможности рѣже прибѣгать къ унизительному и позорному тѣлесному наказанію. И съ полнымъ правомъ замѣчалъ „Вят. край“ по поводу приведенныхъ цифръ: „сами крестьяне наши достаточно уже сознали весь стыдъ и позоръ тѣлесныхъ наказаній; поэтому съ достаточной вѣроятностью можно признать, что частое примѣненіе тѣлесныхъ наказаній зависитъ не отъ состава волостныхъ судовъ, а отъ постороннихъ, чисто внѣшнихъ вліяній на волостные суды“.

Къ несчастію, этихъ постороннихъ вліяній было слишкомъ много. Какъ передавалъ одинъ волостной писарь въ „Рус. Вѣд.“ — розги служатъ возмутительнымъ средствомъ въ рукахъ старшинъ, изъ міроѣдовъ, противъ крестьянъ, получившихъ нѣкоторое образованіе и мѣшавшихъ имъ обдѣлывать темныя дѣла. Благодаря тому, что наказаніе розгами лишало крестьянина права на занятіе общественныхъ должностей, къ этому наказанію стали прибѣгать въ цѣляхъ устраненія опаснаго кандидата.

V.

Вполнѣ естественно, что неудача, постигшая борцовъ за уничтоженіе розги въ 1861 — 2 г.г. не могла совершенно парализовать стремленій общества. Напротивъ, изучая русскую жизнь послѣднихъ десятилѣтій, мы видимъ, что параллельно съ усиливающимся вліяніемъ розги шло усиленіе общественнаго возмущенія противъ этого наказанія, отливавшееся первоначально въ форму отдѣльныхъ статей и сочиненій, посвященныхъ выясненію необходимости отмѣны розги, а затѣмъ принявшее и болѣе активный характеръ. Исторія этой борьбы очень интересна и поучительна. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не даетъ намъ возможности остановиться на ней болѣе или менѣе подробно.

„Прошло сорокъ лѣтъ, а это позорное и позорящее наказаніе еще существуетъ,—читаемъ мы въ трудѣ г. Евреинова—„Крест. вопр.“,—продолжая унижать чувство собственнаго достоинства крестьянъ и служа самымъ обиднымъ выраженіемъ ихъ неравноправности.

Тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра для крестьянъ, на-

столько претитъ общественному сознанію въ Россіи, что за отмѣну его высказывались всѣ общественныя учрежденія, имѣвшія возможность сказать свое по этому предмету мнѣніе; вольно-экономическое общество, санитарные совѣты, вся періодическая печать, за исключеніемъ двухъ-трехъ мало распространенныхъ ретроградныхъ газетъ, и едва-ли не всѣ земства. Въ одномъ 1896 году 48 губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній предъявили ходатайства объ отмѣнѣ наказанія розгами для крестьянъ".

Всѣ эти ходатайства, однако, отклонялись, какъ затрагивающія общегосударственный вопросъ, обсуждать каковые земскимъ собраніямъ не полагается. Но, независимо отъ исхода такихъ ходатайствъ, знаменательно то единодушіе, съ какимъ земскіе люди встали на борьбу съ этимъ наказаніемъ, поражающимъ,— какъ дальше продолжаетъ г. Евреиновъ, — „не однихъ подвергаемыхъ ему лицъ: стыдъ его чувствуетъ множество русскихъ людей, — всѣ тѣ, которыхъ существованіе у насъ этого позорнаго наказанія оскорбляетъ въ ихъ національномъ достоинствѣ".

И если мы обратимся къ трудамъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности, то увидимъ, что сознаніе этого *стыда* красной нитью проходитъ чрезъ всѣ работы комитетовъ. Останавливаясь на вопросѣ о спеціально-крестьянскихъ наказаніяхъ, комитеты такъ характеризуютъ „жестокое и развращающее наказаніе розгой" *): „тѣлесное наказаніе является прямымъ отрицаніемъ права на честь, на человѣческое достоинство крестьянина", говоритъ Курганскій у. к. Примѣняемое только къ крестьянамъ и преступникамъ, тѣлесное наказаніе является въ настоящее время какимъ-то „непонятнымъ анахронизмомъ" (суджан. у. к.). Для того, чтобы поднять личность крестьянина, говоритъ Рязанскій у. к.,—необходимо освободить его отъ возможности нести такія наказанія, которыя для другихъ сословій, какъ явно позорныя, не установлены. При недостаточной самостоятельности волостныхъ судовъ (Кирилловскій у. к.) и нерѣдко неразвитости судей, тѣлесное наказаніе является ужаснымъ средствомъ для уничтоженія въ лучшихъ лицахъ крестьянскаго сословія человѣческаго достоинства и самостоятельности, безъ которыхъ одинаково немыслимы, какъ разумная и плодотворная хозяйственная дѣятельность, такъ равно развитіе въ населеніи твердыхъ нравственныхъ и культурныхъ началъ.

Сама жизнь отмѣнила это „отжившее свой вѣкъ" (елецкій к.) наказаніе, которое на лицъ другихъ сословій можетъ быть наложено лишь по потерѣ ими гражданскихъ правъ (нижег. к.), этотъ „случайный пережитокъ отмѣненнаго крѣпостного права, сильно принижающій достоинство человѣка, надъ которымъ совершается это позорящее насиліе" (ялт. к.), имѣющее вредное и растлѣвающее вліяніе (тюм. к.), „самое больное мѣсто современныхъ условій кр. жизни", тѣмъ „ужасное, что позоръ наказаній падаетъ на всю семью наказаннаго" и т. под.

И комитеты однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ поднятію матеріальнаго и культурнаго уровня нашей деревни считали безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, которая, возвысивъ личность крестьянина, неминуемо отразится на интенсивности и производительности крестьянскаго труда.

Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ извлеченій изъ работъ какъ комитетовъ, такъ и другихъ, преслѣдовавшихъ общую цѣль—избавить личность крестьянина отъ тяготѣющаго надъ нимъ тѣлеснаго наказанія. Скажемъ только, что если въ 60-хъ годахъ необходимость от-

*) Цитируемъ по сборнику „Нужды деревни" и книгѣ г. Толмачева — Крест. вопросъ.

мѣны его сознавалась лучшею частью нашего общества, то къ началу XX вѣка эта мысль стала въ глазахъ подавляющаго большинства непреложной истиной, не требующей доказательства аксіомой. Встрѣчались, конечно, и на зарѣ новаго столѣтія отдѣльные голоса, видѣвшіе въ существованіи розги залогъ крестьянскаго благополучія. Но эти уродливые голоса, однимъ изъ представителей которыхъ является издатель „Гражданина“, уже не оказывали на ходъ борьбы такого вліянія, какое имѣлъ когда-то „розголюбъ“ гр. Панинъ.

VI.

И вотъ свершилось желанное и нужное. Манифестъ 11 августа 1904 года явится одной изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ исторіи настоящаго царствованія. И если отмѣну жестокихъ наказаній въ 1863 году привѣтствовали горячо и благородно, то на сколько глубже теперь общественная благородность, когда „по манію Царя“ разрушены послѣдніе опорные столбы гнуснаго памятника жестокой старины, когда съ русскаго народа окончательно смыто столь позорное для него пятно тѣлеснаго наказанія.

Манифестомъ 11 августа отмѣнены всѣ доселѣ уцѣлѣвшіе въ нашемъ законодательствѣ случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія.

Да не подумаетъ читатель, что эти случаи были рѣдки и исключительны. Чтобы яснѣе представить всю важность свершившейся реформы, мы, въ заключеніе нашего очерка, приведемъ нѣкоторые случаи примѣненія розги въ крестьянскомъ быту. Это будетъ, на нашъ взглядъ, не лишней иллюстраціей къ вышеуказаннымъ цифровымъ даннымъ.

Волостные судьи были неограничены въ правѣ наложенія тѣлеснаго наказанія. Сознавая невозможность установить всѣ тѣ проступки, за которыми слѣдовала бы розга, законодатель предоставилъ рѣшеніе вопроса всецѣло суду и наблюдающему за нимъ органу—земскому начальнику. Но все же мы находимъ въ законѣ указанія на тѣ проступки, какіе съ точки зрѣнія законодателя являлись достаточными для примѣненія позорнаго наказанія, и вотъ каковы эти проступки: непочтеніе къ родителямъ, оскорбленіе должностныхъ лицъ, нанесеніе обиды женщинѣ или родственнику, нарушеніе общественной тишины, мотовство и пьянство, нарушеніе условій найма. Въ „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“ включены такія статьи: „за драку, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, зачинщиковъ наказывать розгой“; „такимъ же образомъ наказывается тотъ, кто безъ злого умысла, или для шутки, для испуга, будетъ гнать на другого лошадь, или быка, или иное опасное животное;“ „всѣхъ тѣхъ, кто будетъ играть на деньги въ и другія игры... наказывать тѣлесно;“ дальше: „кто безъ надлежащаго разрѣшенія начальства самовольно переселится въ другія мѣста, того подвергать тѣлесному наказанію“; „тѣлесному же наказанію подвергать тѣхъ, кто, переселясь съ дозволенія начальника, возвратится самовольно въ прежнія селенія“. И т. д.

„Какой просторъ!“— можно сказать словами И. Е. Рѣпина.

И только росту крестьянскаго сознанія, росту въ немъ чувства человѣческаго достоинства можемъ мы приписать сравнительную немногочисленность присужденій къ тѣлесному наказанію за послѣднее время.

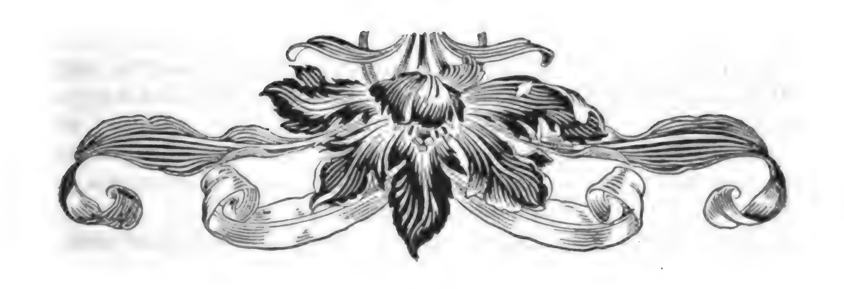
Еще важнѣе то значеніе, которое заключается въ неминуемомъ отнынѣ переустройствѣ всего крестьянскаго правопорядка на началахъ, діаметрально противоположныхъ лежащимъ въ дѣйствующемъ крестьянскомъ законодательствѣ. Отмѣна розги пробиваетъ брешь въ той стѣнѣ крестьянской обособленности,

которая окружаетъ нашу деревню, и сохранить которую предполагалось и въ будущемъ. (См. „Общ. жизнь“ въ іюльской книжкѣ нашего журнала). Съ уравненіемъ крестьянства въ правахъ личности съ другими сословіями, становится естественнымъ ждать и уравненія его въ гражданскихъ правахъ. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, кажутся анахронизмомъ прочія условія крестьянской жизни, его неравноправность съ другими сословіями въ области правъ гражданскихъ, судебныхъ.

По общему правилу, человѣкъ, достигшій гражданскаго совершеннолѣтія, получаетъ всѣ права гражданина. Манифестъ 11 августа является именно признаніемъ за крестьяниномъ его совершеннолѣтія. И мы не видимъ уже причины, почему для него должно дѣлать исключеніе и отказывать ему въ такихъ элементарнѣйшихъ правахъ гражданина, какъ равенство передъ судомъ и закономъ, какими издавна уже пользуются всѣ остальные классы нашего общества, не знавшіе даже и тѣни тѣхъ страданій, какими наша деревня прокладывала себѣ путь въ „общечеловѣческой правдѣ“.

Только такая реорганизація крестьянской жизни и дастъ возможность осуществиться благому пожеланію законодателя, выраженному въ Манифестѣ 11 февраля: „да послужитъ сіе (т. е. отмѣна тѣлесныхъ наказаній) къ вящщему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ, уваженія къ законнымъ правамъ каждаго“...

С. Плевако.



I.

Задачи современной живописи.

С. Гузикова.

Въ послѣднее время въ публикѣ часто раздаются однѣ и тѣ же жалобы: „рѣшительно не на что смотрѣть на картинныхъ выставкахъ; нѣтъ картинъ, а все—какіе то этюдики, наброски, безъ содержанія, безъ мысли. Художники выродились, пишутъ, Богъ знаетъ что: зеленое небо... голубую траву... заборы... крыши... задворки... Словомъ, искусство упало"!—Такъ говорятъ въ публикѣ, и слѣдствіемъ такихъ разговоровъ является весьма замѣтное охлажденіе къ живописи; потребность къ ея произведеніямъ не увеличивается, а уменьшается, что, разумѣется, не можетъ не вызвать глубокаго сожалѣнія. Словомъ, и художники, и художество переживаютъ трудный моментъ.

Отказавшись отъ старыхъ направленій въ живописи и не создавши еще пока ничего достаточно сильнаго и новаго, художники безсильны завладѣть симпатіями публики, которая и сейчасъ въ огромномъ большинствѣ продолжаетъ жить все еще прежними понятіями и вкусами, привитыми ей такъ прочно школой художниковъ—реалистовъ, извѣстныхъ больше подъ названіемъ „передвижниковъ".

Современные художники, обогнавъ и значительно опередивъ большую публику, этимъ же самымъ создали громадную пропасть, отдѣляющую ихъ отъ зрителей и критиковъ, и можетъ быть, еще долго придется ждать того момента, когда закроется эта пропасть непониманія, когда публика будетъ на высотѣ истинно эстетическаго разумѣнія живописи. Но уже теперь начинаютъ раздаваться голоса сомнѣнія: нужна ли вообще эта живопись? Гдѣ ея очевидная польза? И художники слабые, обезсиленные тяжелой борьбой за существованіе, за свой raison d' être, утомленные вѣчными и жадными поисками новыхъ истинъ въ искусствѣ, трусливо озираясь, невольно начинаютъ проникаться этимъ же

гибельнымъ сомнѣнiемъ, въ атмосферѣ котораго имъ приходится жить, воспитываться и развиваться. У многихъ изъ нихъ, быть можетъ, невольно уже подкрадывается жалкая мысль,—не ошибка ли, не безполезный ли и въ самомъ дѣлѣ весь этотъ трудъ, и не напрасно ли затрачены силы и жизнь.

Публика, дающая толчекъ подобнымъ мыслямъ художнику, дѣлаетъ большое преступленiе.

За исключенiемъ очень ограниченной группы людей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ живописью и ея истинными задачами,—небольшого числа людей (счастливыхъ, надо добавить), способныхъ наслаждатся самыми тонкими, почти не уловимыми для не посвященнаго глаза прелестями живописи,—въ большинствѣ наша публика, — можно смѣло сказать,—не понимаетъ живописи въ чистомъ ея видѣ, вѣрнѣе,—не чувствуетъ ея. И особенно винить ее въ этомъ нельзя: не могла же она сама въ себѣ развить и нужное пониманiе, и достаточно воспитанный, изощренный вкусъ... Съ самаго начала пробужденiя русскаго искусства, когда и живопись начала прiобрѣтать права гражданства, ставъ достоянiемъ болѣе или менѣе общаго пользованiя, публикѣ преподносили не искусство образовъ, не силу внутреннаго озаренiя, чѣмъ должна быть сильна всякая картина, а какой-то суррогатъ, оправдывающiй свое существованiе исключительно только случайными, педагогическими или публицистическими цѣлями.

Самымъ большимъ тормазомъ, наиболѣе трудно расчищаемымъ засорѣнiемъ явилась у насъ, на бѣду искусству, въ этомъ отношенiи проповѣдь „передвижниковъ". Несомнѣнно, они сыграли крупную роль въ исторiи русской живописи; но надо, наконецъ, согласиться, — роль эта была весьма печальна и для общихъ судебъ всякаго творчества, и для той же несчастной публики, отдаливъ ее на долгiе годы отъ лучшаго, отъ единственно истиннаго пониманiя настоящаго искусства, его завѣтовъ и его задачъ.

„Вѣдь, художникъ есть критикъ общественныхъ явленiй"! — восклицалъ Крамской въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Рѣпинымъ.

Одной этой фразой вполнѣ ясно опредѣляется основное направленiе и дѣятельность „передвижниковъ". Художникъ—всего только скромный чиновникъ на службѣ у всесильной публицистики, онъ не больше, какъ рядовой публицистъ въ краскахъ.

Какимъ это было глубокимъ заблужденiемъ нашихъ шестидесятниковъ, теперь намъ стало вполнѣ ясно, и распространяться объ этомъ нѣтъ надобности. Но нельзя не обратить вниманiя на тотъ глубокiй, не исцѣлимый вредъ, какимъ отозвалось это заблужденiе на развитiи вкуса и серьезно вдумчиваго пониманiя живописи у стадно довѣрчивой публики.

Весьма мѣтко говоритъ по поводу этого г. Яремичъ въ одной изъ своихъ статей. „Вредъ, причиняемый столь распространеннымъ вандализмомъ и грубымъ невѣжествомъ публики,—ничто въ сравненiи съ той порчей, какую внесли въ искусство мыслители моралисты, чуждые пониманiя техническихъ прiемовъ пластики; они съ индиферентизмомъ, столь свойственнымъ людямъ, совершенно не понимающимъ, отбросили вопросы техники, замѣнивъ ихъ рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ соображенiй, переносящихъ центръ тяжести со спецiально художественной почвы въ область научныхъ абстракцiй, ничего общаго не имѣющихъ съ искусствомъ".

Годами въ длинной вереницѣ рамъ преподносили публикѣ публицистическiя картины, начиная съ бурлаковъ *), оборванныхъ, съ прилипшими лохмотьями къ потному тѣлу, съ неизмѣнно—унылой дубинушкой тянувшихъ баржу на Волгѣ, и про-

*) „Бурлаки на Волгѣ".—Рѣпина.

должая десятками ногъ отдыхающихъ арестантовъ на этапѣ, *) или подвигомъ городового Тяпкина **).

Стараясь изобразительно доказать ту великую, хотя и довольно извѣстную истину, что не хорошо напиваться пьянымъ, ссориться, не уживаться мирно въ семьѣ, или стараясь рѣшать различные „проклятые" вопросы, навѣянные печатью, популяризовать подхваченныя злободневныя идеи текущей минуты, или иллюстрируя нравоучительные анекдоты,—эти художники ни на одну минуту не поднимались ни на одинъ вершокъ выше обыденной жизни съ ея узкимъ утилитаризмомъ, мелкой ублюдочностью, выписывали въ заученныхъ пріемахъ знакомую старую натуралистическую жизнь внѣшнихъ фактовъ, безъ души, безъ предчувствія, безъ ревнивыхъ исканій новыхъ формъ духа. И всѣ эти, тусклыя, не глубокія, какъ газетная передовица, писанія раздувались тотчасъ же досужей критикой и превозносились на высоту чуть не великаго національнаго искусства. Публика слушала своихъ вѣщателей, вѣщатели вполнѣ угождали грубымъ и не затѣйливымъ вкусамъ публики,—и все обстояло благополучно.

Не художникъ велъ за собой толпу, раскрывая передъ ней новые широкіе горизонты жизни, внося ей въ душу новые аккорды живыхъ ощущеній и настроеній, а выходило, какъ будто толпа пригласила къ себѣ художника и заставила изображать окружающую ея жизнь, которую она около себя видѣла ежедневно и которую единственно могла понимать. Пошлость торжествовала,—и съ этихъ поръ въ общее сознаніе вошло аксіомой одно не колебимое убѣжденіе: все, не похожее на насъ, на нашу обыденщину и обывательски—интересную жизнь, должно быть признано безсодержательнымъ, безсмысленнымъ и. слѣдовательно, безцѣльнымъ. Какъ деспотически сильно и неизлѣчимо прочно установились у насъ требованія отъ картины какой нибудь опредѣленной, ясной, сухой и не широкой мысли, доказываютъ тѣ нелѣпые толки и догадки, какіе вызвала картина Рѣпина—„Какой просторъ". Каждый во что бы то не стало хотѣлъ усмотрѣть въ ней какой нибудь назидательно поучающій смыслъ, намекъ на какое-то общественное движеніе, въ ней видѣли подчеркнутымъ одно изъ явленій жизни нашей современной молодежи,— и Богъ знаетъ, чего только еще не приписывали ей! Дошло до того, что самому автору пришлось заявить, что я, молъ, ровно ничего не хотѣлъ выразить картиной и ни какихъ вопросовъ поднимать вовсе не намѣревался...

Въ смѣлой и самобытно прекрасной картинѣ Малявина „Три бабы" на послѣдней „Выставкѣ 36-ти" нѣкоторые ухитрились усмотрѣть тоже глубокую историческую мысль,— будто три бабы воплощаютъ собою три какихъ-то важнѣйшихъ эпохи русскаго народа, и что въ картинѣ преобладаютъ тоже три національныхъ краски,—красная, бѣлая, и синяя,— и поэтому, конечно, это произведеніе—дѣйствительно большой силы, большой смѣлости и большой любви къ искусству. Но попробуйте въ глазахъ тѣхъ, кто тенденціозно истолковалъ „Трехъ бабъ", дискредитировать этотъ ихъ смыслъ, искусственно привитый ей, и картина, пожалуй, должна потерять всякую цѣнность. Какъ будто блестящій колоритъ самъ по себѣ и поразительная артистическая техника письма—не есть уже смыслъ и задача искусства! Какъ будто красками ничего больше нельзя создать, какъ только три простенькихъ флачныхъ національныхъ цвѣта! Позволительно, право, думать, что въ данномъ случаѣ художникъ куда больше и хотѣлъ выразить, и вы-

*) Картина Иванова—„Отдыхъ арестантовъ".

**) Картина Свѣрчкова.—„Подвигъ городового С.-Петербургской полиціи Тяпкина 8-го ноября 1868 г." (останавливаетъ тройку лошадей).

разилъ красками, чѣмъ только то крохотное, что ему приписали.

„Мастера мысли“ смотрѣли на краски почти исключительно только, какъ на средство окрашивать на своихъ картинахъ изображаемые предметы, ну, чтобы сдѣлать ихъ болѣе похожими на правду.

Между тѣмъ краски существуютъ сами по себѣ и имѣютъ совершенно самостоятельное значенiе и самодовлѣющую философiю, свои права на существованiе: онѣ сами уже—громадная область творчества. Владѣть ими—такое же великое искусство, какъ владѣть звуками музыки, словомъ, голосомъ. Есть звуки красокъ, и ими художникъ можетъ создавать такiя же чудныя мелодiи, такiя же пробуждающiе душу аккорды, какъ музыкой, поднимать сердца и владѣть человѣческой душой,—вызывать въ душѣ глубочайшiя, неуловимыя движенiя или дарить ей отдыхъ, покой, тихую радость неслышныхъ наслажденiй. Этой-то силой красокъ и стараются вооружиться молодые современные художники.

Если у насъ въ этомъ отношенiи сдѣлано еще не много, то на Западѣ достигли изумительныхъ, внушительныхъ, гипнотизирующихъ результатовъ. Достаточно хотя бы указать на Д. Уйстлера, который прямо разыгрывалъ симфонiи красками, создавалъ цѣлыя музыкальныя пьесы, беря для своихъ картинъ всего на всего какихъ-нибудь два—три опредѣленныхъ, основныхъ тона, но за то выдерживая ихъ въ поразительно строгихъ отношенiяхъ. Съ наслажденiемъ отдыхаютъ глаза на его картинахъ, а онѣ даже не носятъ у него и названiя,—а просто „розовое съ сѣрымъ“ „серебристое съ зеленымъ“ или „бѣлое съ лиловымъ, и проч...

Каждая картина усыновлена именемъ создавшихъ ее красокъ, и это справедливо, ибо краски — вершители картинъ, а духъ ихъ—гармонiя.

Краски имѣютъ свою собственную, не понятную, можетъ быть, для насъ жизнь, какъ сама природа, которая, создавая въ нашей душѣ разнообразныя настроенiя, сильна больше всего, несомнѣнно, все-таки богатствомъ своихъ красокъ. Въ игрѣ красокъ и тоновъ есть нѣчто мистическое, какъ зарожденiе новыхъ душъ и новыхъ существъ, какъ воспоминанiе о давно прожитыхъ жизняхъ, какъ намеки на вѣчность и ея тайны.

Въ каждомъ колебанiи ихъ сочетающихся полутоновъ схоронены не передаваемыя на словахъ откровенiя, скрыты чудеса, какъ переходъ отъ жизни къ сну, отъ грезъ ночныхъ къ мятежнымъ проблескамъ дня. Что-то молитвенно святое скрыто въ голубой игрѣ мягкихъ розовыхъ утреннихъ тоновъ грустнаго невыспавшагося неба. О какихъ-то печальныхъ радостяхъ тихо шепчетъ вдругъ внятнымъ шопотомъ удивленно наивное соединенiе двухъ цвѣтовъ. Въ краскахъ есть черныя ночи трагедiи, сѣрый холодный мракъ заблужденiй, пунцовый макъ жадныхъ радостей и горящее золото послѣдняго закатнаго „прощай“.

Большинство художниковъ и теперь еще не придаетъ достаточно важнаго значенiя общему колориту въ картинѣ, а между тѣмъ еще Д. Рёскинъ, говоря о значенiи колорита въ картинѣ, дѣлаетъ интересное сопоставленiе: „Что предпочелъ бы каждый изъ насъ,—спрашиваетъ англiйскiй эстетикъ,—слушая исполненiе пѣвцомъ какой либо музыкальной пьесы,—чтобы пѣвецъ отчетливо и внятно произносилъ каждое отдѣльное слово, но при этомъ отчаянно вралъ бы въ музыкѣ, или, наоборотъ,—пусть не каждое слово будетъ слышно, пусть слова теряются въ звукахъ музыки настолько даже, что станетъ не возможно уловить содержанiе исполняемой пьесы, но пусть будетъ исполненiе безукоризненнымъ? Разумѣется, каждый предпочтетъ послѣднее. Такъ же говоритъ онъ и въ картинахъ: „краски—это музыка, а рису-

нокъ—это слова". (Въ данномъ случаѣ Рёскинъ имѣлъ въ виду только рисунокъ, не касаясь содержанія картины). Тѣмъ не менѣе, когда въ картинахъ намъ даютъ только слова, только одну оголенную мысль, то будь эти слова и мысли очень умны, очень правдивы, поучительны и полезны, предъ нами все же только однѣ сухія слова, а не искусство, ни тѣмъ болѣе живопись.

Что мы видимъ, когда любуемся картинами, напр., Рериха? Нѣтъ ни одного яснаго слова, никакого почти содержанія, а между тѣмъ художникъ даетъ намъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ десятки такъ называемыхъ историческихъ, а въ сущности бутафорскихъ картинъ съ сотнями нагроможденныхъ фигуръ.— Рерихъ умѣетъ одному ему понятной силой переносить насъ въ отдаленную эпоху старой Руси; и все однимъ только внутреннимъ настроеніемъ, не прибѣгая ни къ какимъ наглядным показателямъ, ни къ какимъ аксесуарамъ. Лишенныя почти всякаго внѣшняго содержанія, картины его уносятъ наше воображеніе и нашу душу за тысячу лѣтъ назадъ.

Возьмемъ его картину „Гонецъ". Какъ будто ничего нѣтъ. Два обыкновенныхъ мужичка на обыкновенной лодочкѣ перебираются черезъ рѣку. Вдали деревушка,—и больше ничего! И въ то же время, безъ всякаго суфлерскаго подсказа, безъ всякой подталкивающей, наводящей мысли, душа переносится за нѣсколько столѣтій назадъ, въ сѣдую старину, и начинаетъ жить въ страшно отдаленной, когда-то существовавшей жизни, дышать ея воздухомъ, думать ея думами, чувствовать ея угасшими давно сердцами. Рерихъ несравненно сильнѣй переноситъ насъ въ глубь уже давно ушедшихъ, потонувшихъ во времени вѣковъ, чѣмъ, напр., Аполинарій Васнецовъ съ тщательно изученными и выписанными внѣшними мелочами старой Москвы.

Даже у Виктора Васнецова уже нѣтъ той силы передачи „безъ вещественныхъ доказательствъ" опредѣленной эпохи; ему уже приходится прибѣгать къ бутафорскимъ подробностямъ, такъ что если убрать съ картины разбросанныя принадлежности и костюмы той эпохи, переодѣть фигуры, то будетъ уже трудно почувствовать, что это именно полумифическій богатырь, сказочный рыцарь (беру его картину „Рыцарь на распутьи"), а не просто переряженный воинъ.

Такъ, однимъ только незримо проникновеннымъ духомъ творчества художникъ можетъ нами владѣть, переносить по своему желанію въ отдаленное пространство прошедшихъ и будущихъ временъ, развертывать передъ нами жизнь во всей ея ширинѣ и захватывать насъ ея загадочными тайнами, движеніями ея угаснувшаго духа, унося изъ узкихъ рамокъ нашего „сегодня" и нашего „завтра" на ту страшную высоту, съ которой обезцѣнивается реальная жизнь, текущая въ узкихъ и пологихъ берегахъ тоскливой ежедневности.

Но особенно громадной силой владѣютъ въ этомъ отношеніи „символисты", родня насъ съ безднами мистическихъ откровеній и круговоротомъ человѣческихъ страстей, какъ, напр., это дѣлаетъ Францъ Штукъ.

Своими въ дѣйствительности несуществующими, временами отвратительными даже, причудливо и изощренно фантастическими существами, онъ вводитъ наше познаніе въ глубоко зарытые источники всей человѣческой жизни, со всѣми ея настороженными пороками и притаившимися страстями. Если Штукъ изображаетъ какую-либо страсть, ужасъ, сладострастіе, или страхъ смерти, воплощая все это въ нечеловѣческихъ фигурахъ,—онъ даетъ не реально изолированнаго человѣка, одержимаго силой той или другой изъ этихъ страстей, беретъ не

одинъ данный незначительный объэктъ этой громадной силы, пассивный въ ея цѣпкихъ рукахъ,—Штукъ вводитъ насъ какъ бы въ жилище страшнаго идола, заставляетъ цѣлыми часами жить общимъ съ нимъ сосуществованіемъ, дышать его отравленнымъ воздухомъ, мучиться муками его горячаго похмѣлья, вмѣстѣ съ нимъ пьянѣть и падать, терзаться безсиліемъ всевожделѣющихъ хотѣній его... Это какой-то обожествляющій и горячій антропоморфизмъ! Всѣ эти не—и сверхъ—человѣческія страсти, какъ ужасныя видѣнія, какъ отдѣльныя существа, живутъ самостоятельной жизнью гдѣ-то за гранью нашего кругозора... Вотъ война въ видѣ отвратительнаго чернаго чудовища, двигаясь по свѣту, жадно упивается кровью; вотъ мстительныя фуріи съ злымъ хохотомъ мчатся въ пространствѣ, гоняясь за испуганнымъ, обезумѣвшимъ отъ страха человѣкомъ; тамъ противные, вонючіе, козлоногіе фавны съ сладострастными сиренами, гоняясь и ловя другъ друга въ бѣшеной игрѣ, разливаютъ по всему міру запахъ одурманивающей похотливости. И мы начинаемъ чувствовать размѣръ и предѣлы жизни глубже и шире... Есть въ мірѣ надземныя, таящіеся, тихо прячущіеся, неслышныя, но грозныя силы. И всего этого не могли заставить насъ почувствовать цѣлыя сотни картинъ реалистическаго содержанія.

Не поучая, не указывая, что это вотъ хорошо, а это — плохо, это вотъ не слѣдуетъ дѣлать, а это нужно, истинное искусство, этотъ языкъ символики, тѣмъ не менѣе не даетъ душѣ ни засохнуть, ни очерствѣть, вызывая ее всегда на работу, не давая никогда ей засыпать; искусство — тревожный нервъ души, ея двигатель.

„Искусство является воспроизведеніемъ жизни души во всѣхъ ея проявленіяхъ, независимо отъ того, хороши ли они или дурны, безобразны или красивы“, — говоритъ С. Пшибышевскій въ своей статьѣ „Въ путяхъ души“.

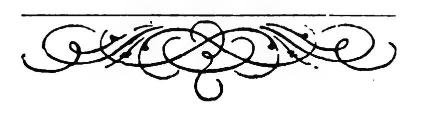
„Художникъ возсоздаетъ жизнь души; ему *нѣтъ никакого дѣла ни до общественныхъ правъ, ни до этическихъ*; онъ не знаетъ случайныхъ разграниченій именъ, формулъ, ни одного изъ этихъ корытъ, рукавовъ и руслъ, въ какія общество втолкнуло огромный потокъ души и тѣмъ ослабило его“.

„Искусство тенденціозное, искусство поучающее, искусство развлеченіе, искусство — патріотизмъ, искусство, имѣющее какую либо нравственную или же общественную цѣль, перестаетъ быть искусствомъ и становится „biblia pauperum“ для людей, не умѣющихъ думать или слишкомъ мало образованныхъ, чтобы быть въ состояніи прочесть соотвѣтствующія руководства,—и для такихъ нужны учителя, а не искусство“.

Дѣйствовать на общество дидактически или морально, будить въ немъ патріотизмъ или же общественные инстинкты съ помощью искусства *значитъ принижать послѣднее,* сталкивать съ высоты абсолюта до жалкой случайности жизни, и художникъ, дѣлающій это, недостоинъ имени художника. Сводить искусство съ его пьедестала, таскать его по всѣмъ рынкамъ и улицамъ— это святотатство“.

Можно, поэтому, и намъ радоваться, что и наша живопись стала обходить лужу, оставшуюся послѣ дождя реалистической непогоды.

С. Гузиковъ.



II.

Объ индивидуализмѣ вообще и индивидуализмѣ въ искусствѣ въ частности.

(По поводу статьи г. Гузикова и др.)

Помѣщая статью г. Гузикова *„о задачахъ современной живописи“*, мы хотѣли лишь дать возможность своимъ читателямъ познакомиться со взглядами новаго направленія, рѣзко проявляющагося у нѣкоторыхъ современныхъ художникахъ, хотѣли познакомить съ тѣми мотивами, какіе они приводятъ въ оправданіе своего raison d' être. Но мы не согласны и рѣшительно протестуемъ противъ высказанныхъ здѣсь взглядовъ: по нашему убѣжденію *„искусство—не только для искусства“*.

Проповѣдь новыхъ людей,—исканіе „новаго пути“, теперь раздается все громче и громче и въ живописи, и въ литературѣ. Съ легкой руки Ибсена, Ницше и Бёклина индивидулизмъ, доходящій до полнаго, беззастѣнчиваго „оправданія дерзости“, заявляетъ о себѣ рѣзкими, крикливыми нотами, звучащими какъ будто побѣдными аккордами въ наше сѣрое, сумеречное время.

Несомнѣнно, это — не случайное явленіе: литература и живопись являются только отраженіемъ господствующихъ настроеній въ обществѣ. — Дѣйствительно, что мы видимъ теперь? Старые боги свергнуты съ пьедесталовъ, идеалы общественности, на которыхъ, собственно говоря, и зиждется всякое человѣческое общество, попраны.

Наступаетъ царство мелкихъ душенокъ съ ихъ узкимъ себялюбіемъ, съ куринымъ кругозоромъ, замыкающимся въ своемъ „я“. „Я буду дерзокъ, я такъ хочу“,— вотъ лозунгъ этихъ *новыхъ* людей, провозглашенный ихъ пѣвцомъ (Бальмонтомъ).

Къ чему можетъ повести эта проповѣдь?

Заглянемъ въ исторію цивилизаціи, и она дастъ намъ откровенный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Мы увидимъ тогда *дерзкихъ* бароновъ — разбойниковъ, укрѣпившихся на своихъ орлиныхъ гнѣздахъ—замкахъ и оттуда предпринимавшихъ свои грабительскіе набѣги. Они руководствовались тѣмъ же принципомъ: „я буду дерзокъ, я такъ хочу“. Безчеловѣчные тираны, плававшіе въ крови своихъ подданныхъ, слѣдовали тому же милому девизу. Отчего же потомство заклеймило ихъ печатью проклятія, отчего они заслужили только одно презрѣніе и ненависть? Они, вѣдь, дѣйствовали, какъ истые индивидуалисты, которымъ „все позволено“?!

Нельзя забывать и того, что широкое развитіе современной культуры обязано не имъ, а тѣмъ, осмѣиваемымъ ими мелкимъ мѣщанамъ, съ *узкою моралью*, которые жили въ городахъ, которые развили духъ общественности и вынесли на своихъ плечахъ всю цивилизацію. *Мѣщанская* мораль и мѣщанскіе идеалы общественности только и спасли Европу отъ варварства и обскурантизма.

Отчего, съ точки зрѣнія нашихъ „дерзостныхъ“ индивидуалистовъ, намъ не восторгаться и Нерономъ, и Калигулой? Вѣдь, они были настоящіе художники въ душѣ, не связанные при томъ никакою моралью?

Отчего всѣ чудовищныя преступленія возмущаютъ насъ?—Вѣдь, съ точки зрѣнія индивидуализма, *презирающаго всѣ основы современной этики* и отвергающаго старые идеалы альтруизма, всѣ эти негодяи, растлители, воры, извращенные поклонники эстетики—только смѣлые люди, рѣзко порвавшіе связь съ узкими (для нихъ) законами общежитія. „Искусство для искусства“, „искусство для душевнаго наслажденія“! Вотъ они и наслаждаются! А что они именно *наслаждаются*, того отрицать никто не можетъ: и Неронъ, и Маркизъ де-Садъ, и Иванъ Грозный, видимо, находили наслажденіе въ мукахъ своихъ жертвъ. Кровь и грязь волновали у нихъ *невѣдомыя намъ*,—какъ любятъ выражаться г.г. индивидуалисты, *непонятныя толпѣ съ ея узкою моралью* струны сердца!!

И мы будемъ восторгаться этимъ?!

Съ точки зрѣнія индивидуализма, это, очевидно, не только можно, но и должно: „я буду дерзокъ, я такъ хочу“...

„Искусство свободно“... Но, вѣдь, стоя на этой почвѣ, всякій психопатъ объявитъ себя смѣлымъ художникомъ, и его нужно не отправлять въ сумасшедшій домъ, а дать ему разгуливать на свободѣ: „грабь, молъ, рѣжь, насилуй, удовлетворяй свои самые чудовищные инстинкты. Никто не смѣетъ ограничить тебя: ты великъ въ своей дерзости. Не для тебя писана прописная мораль“.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, предѣлъ „оправданію этой дерзости“, какъ не въ тѣхъ же законахъ общественности? Что будетъ съ современнымъ обществомъ, со всей нашей тысячелѣтней культурой, плодомъ долгихъ, мучительныхъ исканій самоотверженныхъ тружениковъ науки?

Г.г. индивидуалистамъ хорошо „оправдывать свою дерзость“: не они создавали цивилизацію, не они ложились на плахи, подъ топоръ палача, за проповѣдь свободы и истины, не они шли на костры, жертвуя во имя общаго блага.

Имъ все это досталось готовое! Они „дерзаютъ“ на полѣ, вспоенномъ кровью и потомъ несчастныхъ „общественниковъ“. А мы посмотрѣли бы, если бы ихъ, собравъ вмѣстѣ, переселить на необитаемый о-въ. Мы увѣрены, что они или перегрызлись бы между собою и „укокошили“ другъ друга или, если это—честные люди (хотя какъ чистый индивидуалистъ можетъ быть честнымъ, если онъ отрицаетъ мораль?) то, бросивъ свои убѣжденія, возвратились бы къ прежнимъ идеаламъ добра, истины и превратились бы въ „общественниковъ“...

Да, еще примѣръ. Почему мы смѣемся надъ Плюшкинымъ и восторгаемся д-ромъ Гаазомъ? Вѣдь, оба они только слѣдовали влеченію своего сердца, оба находили наслажденіе въ своей дѣятельности?...

Но Плюшкинъ—типъ безобидный, и его можно оставить разгуливать на свободѣ. Онъ мало кому вредитъ, кромѣ себя.

Это — тотъ же индивидуалистъ — эвдемонистъ, который говоритъ: „я такъ хочу“. Ну, и Богъ съ нимъ!

Но, вѣдь, поклонники Ницше хотятъ весь міръ перестроить по своему, хотятъ всѣхъ сдѣлать индивидуалистами. Хотѣли бы мы посмотрѣть, какъ бы оборонились они отъ своихъ учениковъ, которые открыто заявили бы имъ: „кошелекъ или жизнь“. Пожалуй, призвали бы на помощь того же осмѣиваемаго ими представителя „стараго порядка“, городового, и закричали „караулъ“?!

Говорятъ еще, что индивидуализмъ —синонимъ свободы духа, что онъ ратуетъ за побѣду духа надъ тѣ-

ломъ, за преобладаніе сверхчеловѣка—надъ просто человѣкомъ.

Но что такое свобода, понимаемая г.г. индивидуалистами, если они, по собственному ихъ убѣжденію, не признаютъ никакихъ законовъ?! Вѣдь, самое понятіе свободы только и мыслимо при сознаніи закона, опредѣляющаго ее, все равно, какъ добро мыслимо только при сопоставленіи его со зломъ. Это общее правило психологіи. Свобода же, понимаемая внѣ закона (а именно такъ, повидимому, и понимаютъ ее индивидуалисты, отрицающіе всѣ условныя правила и законы), такая свобода переходитъ въ полную распущенность. Не это ли и есть идеалъ индивидуалистовъ?

Нѣтъ, по нашему искреннему убѣжденію, индивидуализмъ, проповѣдываемый какъ общее явленіе, не выдерживаетъ самой слабой критики.

Однако, возвратимся къ искусству.

Индивидуалистическое направленіе въ искусствѣ отрицаетъ утилитаризмъ. Художники и писатели—индивидуалисты—чистые эвдемонисты. Но скажите, чѣмъ же эвдемонизмъ, какъ философская теорія, выше и чище утилитаризма?!

Конечно, никто не мѣшаетъ существовать живописи, какъ таковой, равно какъ музыки для музыки. Очень можетъ быть, въ игрѣ красокъ есть такое же „настроеніе“, какъ и въ игрѣ звуковъ. Но это вовсе не исключаетъ необходимости существованія и чисто утилитарной или дидактической живописи, какъ существуютъ чистыя науки и прикладныя. Пускай живопись чаруетъ насъ тонами, пускай доставляетъ намъ чисто эстетическое наслажденіе. Но не будемъ забывать, что это—наслажденіе сибаритовъ, а сибаритство опасно: кромѣ своего „я“ сибаритъ, вѣдь, не признаетъ ничего; онъ не трогается чужимъ страданіемъ и остается чуждъ общественнымъ идеаламъ.

Пускай такая живопись будетъ служить наслажденіемъ отдыха, какъ отдыхаемъ и наслаждаемся мы, послѣ трудовъ, музыкой. Не слѣдуетъ только возводить это въ принципъ, не слѣдуетъ говорить, что это высшая ступень живописи. Это—не высшая, а только современная ступень, вполнѣ соотвѣтствующая и вызванная къ жизни нашимъ сумеречнымъ временемъ, измельчаніемъ идеаловъ, забвеніемъ великаго прошлаго, всплываніемъ на поверхность мелкихъ, именно мѣщанскихъ самолюбій, которыя раньше прятались по угламъ, а теперь, благодаря своему мелкому оригинальничанью, гордо поднимаютъ голову.

Итакъ, всякое „искусство для искусства“ въ лучшемъ случаѣ ведетъ къ сибаритству сытыхъ, изнѣженныхъ, равнодушныхъ къ чужимъ страданіямъ, а въ худшемъ—даетъ нейрастениковъ и психопатовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно не терпимо въ здоровомъ обществѣ. И глубоко заблуждаются тѣ, кто думаетъ найти въ этомъ направленіи какой-то „новый путь“. Истина непреложна и едина и, какъ бы ни была стара, останется едина. Къ чему же искать новыхъ истинъ, новыхъ „оправданій“ жизни?! Этимъ могутъ заниматься только праздные, сытые или же больные, съ извращенными чувствами, съ изломанной душей. Здоровый же *человѣкъ*, въ широкомъ, благородномъ смыслѣ этого слова, всегда будетъ чуждаться этихъ себялюбивыхъ идеаловъ, пока онъ видитъ кругомъ себя столько несчастія, пока горе и страданіе существуютъ на землѣ. Облегчать эти страданія, а при немощи, хотя раздѣлять ихъ, что можетъ быть выше и чище этого идеала?

Нѣтъ, все индивидуалистическое міросозерцаніе—плодъ нашего больнаго вѣка, нашихъ сумеречныхъ дней и разсчитано на одно оригинальничанье. Кончатся сумерки, блеснетъ заря разсвѣта,—и всѣ эти мелкія, себялюбивыя „я“ опять скроются въ свои „индивидуальныя“

норы, а надъ человѣчествомъ опять засіяютъ, въ видѣ путеводныхъ звѣздъ, старые идеалы добра и правды, опять раздастся призывъ къ борьбѣ во имя общаго блага,— и индивидуализмъ, какъ порожденіе больного вѣка, совершенно стушуется.

Поднимемъ же старое, истрепанное въ бояхъ, но все еще славное, покрытое многими именами могучихъ борцовъ, дорогое намъ знамя съ девизомъ: „Впередъ! Во имя общаго блага"!

Редакція.

III.

Художникъ смерти.

(По поводу картинъ П. Вюрта).

Наше время, характеризующееся упадкомъ общественности и индивидуализаціей личности, порою доходящей, въ устахъ адептовъ этого направленія, до полной распущенности, при которой „все дозволено", отразилось и на живописи.

На смѣну художниковъ реалистовъ явились символисты, выше всего ставящіе свободный полетъ фантазіи, мечту; для нихъ живопись является просто выраженіемъ ихъ чувствъ, ихъ думъ, страстей, отзвукомъ ихъ, богатой всякаго рода впечатлѣніями, ощущеніями, думами, мечтами жизни, не рѣдко преисполненной мрачной фантазіи. Иногда въ ихъ произведеніяхъ отражается и облегчающій душу легкій юморъ или ѣдкій сарказмъ. Словомъ, ихъ картины изображаютъ все, что наполняетъ ихъ душу, что волнуетъ ихъ и чѣмъ они живутъ. Вопросы жизни и смерти, мечты и страстей,—все это находитъ себѣ воплощеніе въ аллегорическихъ образахъ, порою привлекательныхъ, порою безобразныхъ и страшныхъ, какъ само чувство, вызвавшее ихъ.

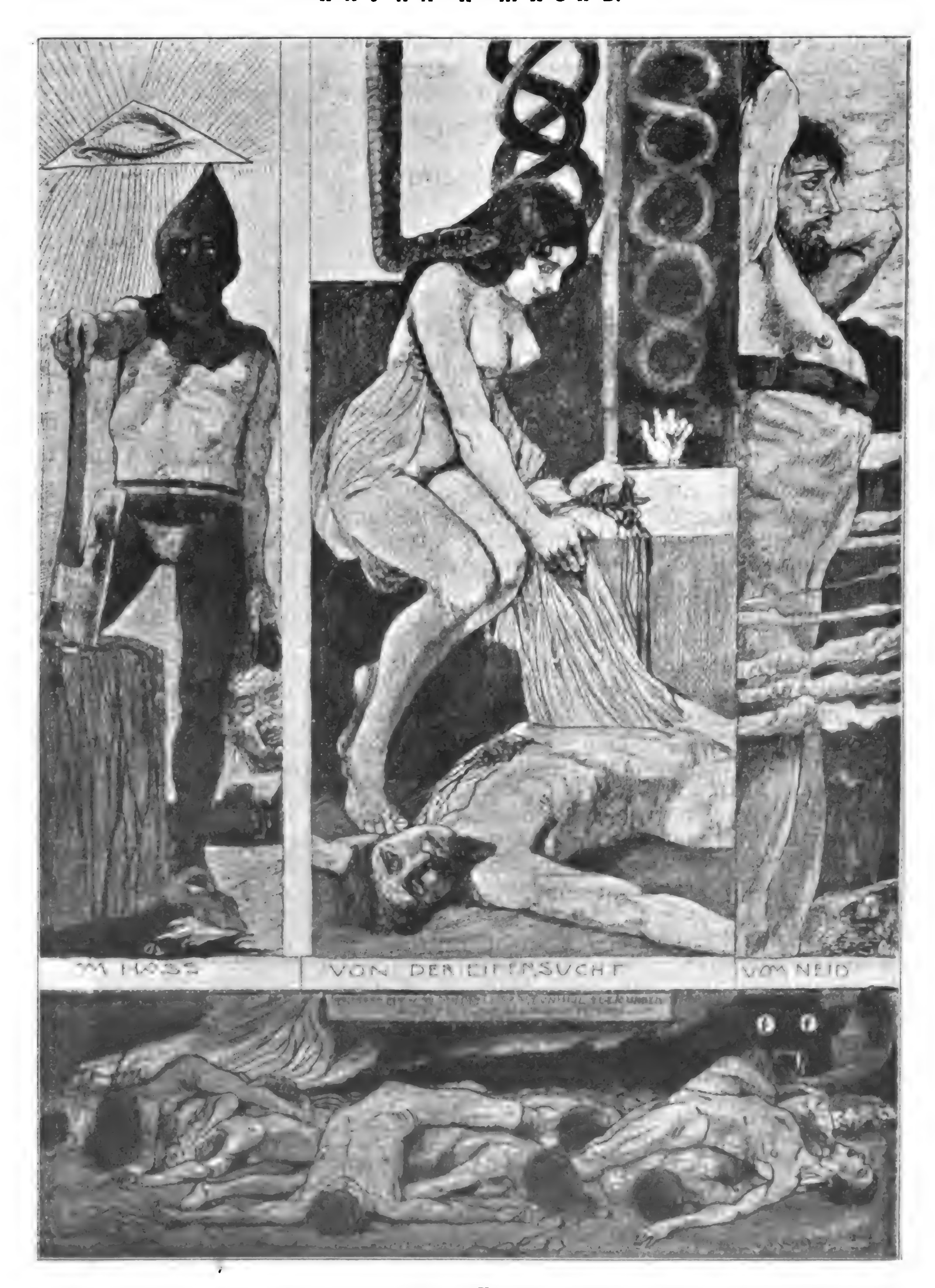
Къ числу такихъ „художниковъ смерти" нужно причислить Альфреда Ретель, Бёклина, Тома́, Клингера, Грейнера, Шнейдера, Кубина и многихъ другихъ, къ которымъ теперь присоединился и молодой Петръ Вюртъ.

Что этотъ молодой художникъ испыталъ на себѣ многостороннее вліяніе художниковъ того цикла, о которомъ мы только что говорили, это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы съ перваго взгляда на его картины убѣждаетесь, что въ немъ есть и много своеобразнаго, чисто индивидуальнаго, сильнаго стремленія перелить въ образы все, что тѣснится у него въ душѣ.

Его нарождающаяся слава досталась ему не легко: много пришлось ему бороться съ неблагопріятными условіями жизни, чтобы изъ обыкновеннаго литографа стать художникомъ-живописцемъ, выражать свои чувства и образы не только штрихами, но и красками.

П. Вюртъ лишенъ былъ возможности посѣщать Академію, и, быть можетъ, этимъ обусловливается полная непосредственность его свободнаго творчества, не знавшаго другихъ руководителей, кромѣ самой природы и прирожденнаго художественнаго чутья.

Съ очень ранняго возраста началъ Вюртъ осуществлять то, чему его учила мать-природа. Служа искусству, какъ творчеству своей фантазіи, а также правдивому, искреннему изображенію тѣхъ красотъ природы, которыя восхищали его на родинѣ,—въ



Картины П. Вюрта.

Отъ ненависти. Отъ ревности. Отъ зависти.

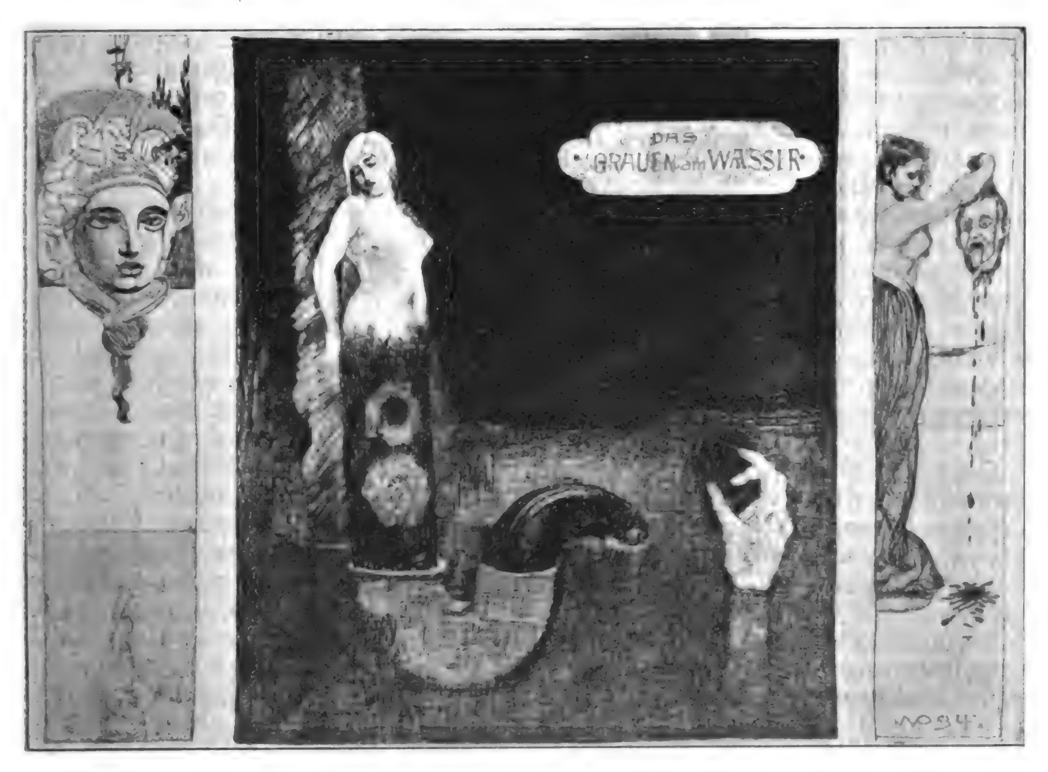
„Разнузданное ненавистью, ревностью и завистью, зло является въ мірѣ"...

Цатеръ-Франкенъ, 19-ти лѣтній юноша устроилъ въ Нюренбергѣ довольно большую выставку своихъ произведеній, картинъ, писанныхъ масляною краской, акварелей, темпера, тоновыхъ и blanc et noir, рисунковъ перомъ, углемъ и тушью, а также и литографій, такъ какъ это послѣднее искусство было его профессіональнымъ занятіемъ.

Послѣ того молодой художникъ, продолжающій по сіе время работать въ качествѣ литографа въ Вюрцбургѣ, выставлялъ свои картины и другія произведенія въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ на-Майнѣ и Гамбургѣ, и повсюду ихъ встрѣчали съ интересомъ

Выдающуюся роль въ творчествѣ Вюрта играетъ смерть; смерть—избавительница, смерть—мрачный, безпощадный fatum, смерть — мстительница. и т. д. Борьбу человѣческихъ страстей онъ воплотилъ въ битвѣ центавровъ, а также въ бурѣ и грозѣ.

Однако, наряду съ этими мрачными картинами, Вюртъ даетъ намъ чистѣйшую идиллію въ своихъ картинахъ „Грезы цвѣтовъ", „Пастухъ, играющій на флейтѣ", „Возвращеніе на родину" и т. п. Въ другихъ его вещахъ мы видимъ образы, навѣянные на него родными народными пѣснями, сказками и балладами, или же правдивыя картины родной природы.



Картина П. Вюрта.—Ужасъ у воды.

Несмотря на то, что Вюртъ предпочитаетъ работать въ тиши уединенія и врагъ всякой рекламы, онъ все-же пользуется широкимъ успѣхомъ, и вещи его находятъ себѣ многочисленныхъ покупателей.

Что придаетъ нѣкоторый интересъ его рисунку, такъ это тѣсное сочетаніе фантазіи, философіи и мистическаго настроенія въ мотивѣ и въ замыслѣ, съ реальностью изображенія, даже въ мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ хотя-бы его картина „Ужасъ у воды“. Въ теряющейся дали расплывается сонная поверхность мрачныхъ, дремлющихъ водъ глубокаго темнаго озера, изъ которыхъ, словно привидѣніе, выплываетъ мраморно-бѣлый обликъ соблазнительной женщины, подстерегающей своихъ жертвъ.

Всякаго, кто довѣрится этому манящему образу, кто не съумѣетъ побороть въ себѣ сладострастіе, ждетъ гибель въ темныхъ глубокихъ водахъ...

Возьмемъ другую картину Вюрта, изображающую собою три аллегорическихъ фигуры *Ненависти*, *Ревности* и *Зависти* и подъ ними жертвъ этихъ трехъ страстей.

Подъ видомъ сильнаго, безстрастнаго палача, слѣпо пресѣкающаго жизнь, безпощаднаго, безучастнаго, какъ самъ неумолимый рокъ, художникъ представляетъ намъ слѣпую *Ненависть*.

Безумная *Ревность* представляется ему въ образѣ женщины, которой даже смерть любимаго существа не даетъ удовлетворенія; нѣтъ, даже и мертвый онъ не въ состояніи усыпить ее; она вырвала сердце изъ его груди и впилась въ него испытующимъ, жаднымъ взглядомъ, разрываетъ его на части и копошится, роется въ немъ съ дикимъ, безумнымъ наслажденіемъ.

Картина П. Вюрта.—Безпощадность.

Безпощадную *Зависть* Вюртъ изобразилъ въ чертахъ страдальца Прометея, прикованнаго къ скалѣ, истерзаннаго коршунами за то, что онъ успѣлъ похитить для людей божественный огонь. Завистливые боги обрекли его на гибель, какъ обрекаетъ на нее зависть все, чему суждено было внести въ жизнь свѣтъ и отраду.

Безпощадность—въ представленіи художника—слѣпой рокъ, безпощадный судья и вершитель судебъ, съ смертоноснымъ орудіемъ въ рукѣ и сфинксомъ, женщиной-пантерой у ногъ. Этотъ сфинксъ — вѣчная загадка.

И жизнь, и этотъ безстрастный палачъ-рокъ подстерегаютъ на выступѣ скалы, нависшей надъ дорогой жизни, довѣрчивую, беззащитную дѣвушку, идущую своимъ обычнымъ путемъ, и вдругъ обрушиваются на нее: тяжелый топоръ падаетъ на ея голову, и безпощадный рокъ вырываетъ ее изъ среды близкихъ и дорогихъ... Остается только пожелать, чтобы мы получили возможность ознакомиться ближе съ своеобразными произведеніями Вюрта.

Во всякомъ случаѣ, въ произведеніяхъ Вюрта и другихъ символистовъ нельзя не видѣть полнаго индивидуализма и яркаго, порою болѣзненно настроеннаго мистицизма. И это — характерное знаменіе

времени. Въ нашъ вѣкъ—широкаго распространенія естественныхъ наукъ, когда разрѣшаются или, по крайней мѣрѣ, близки къ разрѣшенію самыя мудреныя загадки жизни, —мы вдругъ видимъ возвратъ къ среднимъ вѣкамъ, съ ихъ мистицизмомъ, вѣрою въ колдуновъ и пр. И этою страстію заражаются всѣ націи: и легкомысленные французы (обиліе ясновидящихъ, „черныя обѣдни“ и пр.), и практичные американцы (появленіе пророковъ — Иліи II и т. п.), даже разсчетливые, положительные нѣмцы, главные работники философской и естественно научной мысли.

Очевидно, въ современномъ обществѣ происходитъ какой-то переломъ, „переоцѣнка цѣнностей“, по выраженію экономистовъ; словомъ, идетъ какое-то броженіе.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того знаменательнаго факта, что выразители этого настроенія общества, всѣ эти Кубины, Клингены, Вюрты—люди, не получившіе систематическаго философски-естественнаго образованія; они поднялись со „дна“, вышли изъ толпы, подобно нашему М. Горькому и его послѣдователямъ. И этого не слѣдуетъ забывать.

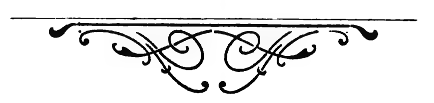
Какъ всѣ parvenus, выскочки, добившіеся извѣстности своимъ, оригинальнымъ путемъ, они полны самомнѣнія. Для нихъ авторитеты науки, при томъ „господской“ науки, ничего не значатъ. Славныя, великія для образованнаго человѣка имена „тружениковъ науки“ ничего не говорятъ ихъ сердцу. Они — индивидуалисты во всѣхъ отношеніяхъ, не признающіе никакихъ учителей, и умѣютъ лишь читать по „книгѣ жизни“, толкуя, конечно, ее по своему и не справляясь нисколько, куда можетъ завести ихъ оригинальничанье.

Они — типичные представители толпы. А толпа эта, подавленная вѣковымъ деспотизмомъ стѣснительныхъ нормъ, и *не понимая въ то же время истинныхъ законовъ духа*, вырвавшись теперь на свободу, не знаетъ, къ какой пристани ей пристать. „Господской“ наукѣ она не довѣряетъ, да и не знаетъ ее, въ то же время поднявшаяся гордость и самомнѣніе мѣшаютъ ей сознаться въ своемъ невѣжествѣ. И вотъ она, стараясь найти *свой* путь, мечется въ тоскливыхъ порывахъ то къ грубому матеріализму, соединенному съ полнымъ попраніемъ законовъ морали, то впадаетъ въ мрачный мистицизмъ. Но у нея нѣтъ критерія, нѣтъ твердой почвы, даваемой только образованіемъ, — и вотъ она, сама того не замѣчая, попадаетъ въ заколдованный кругъ, откуда уже нѣтъ прямого выхода, а возможны лишь порывистые скачки въ разныя стороны, что она и принуждена дѣлать.

Писатели и художники, типичные представители толпы, неминуемо должны поступать также. Вотъ почему мы теперь и видимъ такое всеобщее блужданіе мысли.

Это показываетъ, что, не смотря на широкое развитіе нашей культуры, она въ основныхъ, логичныхъ положеніяхъ истинной науки, еще не проникла въ толпу, а по прежнему остается удѣломъ избранныхъ. И пока мятущаяся изъ стороны въ сторону толпа не пристанетъ къ пристани истиннаго просвѣщенія, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться ея блужданіе, до тѣхъ поръ не исчезнетъ и мистическое искусство.

Ф. Сергѣевъ.



Изъ записной книжки провинціала.

II.

Обывательскія письма.

Смарагда Горностаева.

Съ ростомъ главнымъ образомъ провинціальной печати, въ нашей провинціи завелся особый типъ писателей, которые все, что только имъ ни придетъ въ голову или что не попадется на глаза, тотчасъ-же спѣшатъ повѣдать „почтеннѣйшей публикѣ черезъ посредство уважаемой газеты". Впрочемъ, эти „писатели" начинаютъ все болѣе и болѣе проявлять склонность обращаться съ своими писаніями не столько въ редакціи, сколько къ отдѣльнымъ авторамъ, преимущественно къ злободневнымъ фельетонистамъ. Не спорю, въ этихъ „письмахъ" попадается не мало дѣльнаго, заслуживающаго общественнаго вниманія, сообщаются иногда и факты, весьма характерные и назидательные. И какъ сама редакція, такъ и сотрудники, особенно провинціальныхъ газетъ, бываютъ иногда глубоко благодарны авторамъ за тѣ драгоцѣнныя крупинки, которыя попадаются въ ихъ письмахъ, какъ-бы нескладно и безграмотно они ни были написаны. Но не мало получается редакціями и такихъ писемъ, которыя представляютъ изъ себя сплошную обывательскую чушь.

Повздорилъ обыватель съ пріятелемъ за карточной игрой и на другой же день объ этомъ „вздорѣ" строчитъ уже или „письмо въ редакцію", или „памятку" на имя того или другого фельетониста. Настрочитъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ результатовъ своего творчества. Но проходитъ день, другой, недѣля, цѣлый мѣсяцъ, а на страницахъ „уважаемой газеты" объ его „вздорѣ" съ пріятелемъ глубокое молчаніе.

— О пустякахъ всякихъ пишутъ,— не безъ желчи благовѣствуетъ онъ,— а вотъ когда о дѣлѣ имъ сообщаютъ,—они молчокъ.

Что-же касается „мыслей", то онѣ, по своему внутреннему качеству, стоятъ иногда „фактовъ". Такъ, одинъ изъ подобныхъ „авторовъ"—обывателей нѣсколько лѣтъ тому назадъ повѣдалъ мнѣ, что онъ „по долгому и проникновенному размышленію, пришелъ къ безповоротному рѣшенію, что на свѣтѣ и въ людяхъ много зла"...

Вотъ ужъ, можно сказать, от-

крылъ Америку,—да еще „по долгому и проникновенному размышленію“!.. Стоило, подумаешь, ломать такъ долго обывательскую голову, чтобы обрѣсти истину, общеизвѣстную и старую, какъ міръ!

„И прозрѣвъ сіе, — повѣствуетъ далѣе авторъ „письма“,—я впалъ въ неизрѣченный ужасъ и такъ-ли горько плакалъ, что и жена, и мать, и сестры едва привели меня въ чувство спокойствія... Полно,—говорятъ, —дурень, и себя, и другихъ только безпокоишь!.. Ты,—говорятъ,— выпей крещенской водички, да, помоляся Богу, ложись отдыхать... Вотъ съ тебя эту самую дурь, какъ рукой и сниметъ“!..

Совѣтъ жены, матери и сестеръ далъ замѣчательные результаты. Авторъ „письма“ во первыхъ, убѣдился, что „хотя и говорится, что у бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ, а выходитъ-то, что бабій разумишко иной разъ въ прокъ идетъ... А все потому, что онѣ, бабы-то, даны намъ въ подруги на вѣки нерушимо“, а во вторыхъ, благодаря точному выполненію совѣта жены, матери и сестеръ, онъ... „прозрѣлъ“...

„И прозрѣлъ я тогда, отъ сна возставъ, — пишетъ обыватель, — и понялъ, что зло оставлять втунѣ никакъ нельзя, а должно съ нимъ бороться и непремѣнно побѣдить, какъ побѣдилъ Давидъ—царь Галіафа Филистимлянина. А что для сего надобѣ? А надобѣ для сего и прежде, и теперь, и навсегда, до скончанія вѣковъ, одинъ страхъ въ людяхъ“.

То-же, надо сознаться, мысль не новая, еще Іисусомъ, сыномъ Сираховымъ, провозглашенная и нашимъ отечественнымъ „Домостроемъ“ сугубо подтвержденная!

„А страхъ надобѣ насаждать въ людяхъ“,—далѣе поучаетъ авторъ „письма“,—скорпіями и бичами, а уже ежели, по слабости вѣка сего, такая суровость тяжка будетъ, то разрѣшаю довольствоваться лозою, сирѣчь розгами. Хороши березовыя, а еще лучше дубовыя. Упруже будутъ! Еще можно крапивушкой! (Какъ, подумаешь, нѣжно!) А всего хлеще стегать вербою, да ежели помочить въ соленой водѣ. Вонъ даже ребятишки, чистыя душенки, балуясь, кричатъ, что, молъ, верба хлестъ—бьетъ до слезъ, верба бѣла— бьетъ за дѣло“!

Не правда-ли замѣчательный специалистъ по части... „стеганія“,—специалистъ испытанный, а можетъ быть, въ свое время и на собственномъ своемъ естествѣ испытавшій въ „изрядномъ количествѣ“ всю прелесть и пользительность „вербы съ соленой водой“, „крапивушки“, березовой и дубовой каши... Не лишено интереса также и то, что этотъ „опытный специалистъ“, цитируя, если можно такъ въ даномъ случаѣ выразиться, „балующихся ребятишекъ“,—догадливо не договариваетъ, что верба вербѣ рознь и что хотя „верба бѣла и бьетъ за дѣло“, зато „верба красна“ все-же „бьетъ напрасно“...

„И затрепещетъ тогда зло во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ!— грозно вѣщаетъ далѣе авторъ „письма“.—Ибо драть нужно всѣхъ поголовно (слѣдовательно, замѣчу отъ себя,—и самаго „прорицателя—специалиста“?), отъ малаго до стараго, и богатаго, и бѣднаго, безъ послабленія даже для женскаго полу, особливо-же этихъ самыхъ расфуфыристыхъ, въ шляпкахъ, да въ тряпкахъ, въ турнюріяхъ и протчихъ финтифлюшкахъ, въ лифахъ, баскахъ, корсетахъ и съ зонтиками“...

Замѣчательно строгій господинъ— этотъ авторъ „письма“!

И такой-то или подобный ему бредъ, пришедшій въ голову обывателя, можетъ быть, съ похмѣлья, многіе изъ обращавшихся ко мнѣ авторовъ „писемъ“, называли „мнѣніями“ и „мыслями отъ здраваго разсудка“, подлежащими для „распубликованія“ и „доведенія до наивысшаго начальства“,—для чего-бы

думали?—„для обязательнаго руководства“!..

Но одновременно съ такимъ бѣлогорячечнымъ бредомъ, мнѣ нерѣдко приходилось получать письма весьма серьезнаго содержанія, свидѣтельствующія о большой вдумчивости ихъ авторовъ. Такъ, одинъ грамотный крестьянинъ прислалъ мнѣ обширнѣйшее письмо, весьма дѣльно критикующее мою статью объ искусствѣ для народа. Исправивъ лишь орфографическія ошибки, я хотѣлъ было это письмо, вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ на него, напечатать въ газетѣ. Однако, „по независящимъ обстоятельствамъ“, этого сдѣлать не удалось... Пришлось съ авторомъ письма вступить въ частную переписку не только по данному вопросу, но и по другимъ, не менѣе серьезнымъ. Другой корреспондентъ, тоже крестьянинъ, спрашивалъ меня: „можетъ-ли крестьянинъ или мѣщанинъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ, или интеллигентными людьми называются одни „господа“?

— Вотъ я и простецъ,—пишетъ этотъ корреспондентъ,—а все меня раздумье беретъ. Живутъ у насъ баринъ съ барыней, дѣтишки у нихъ и прочее.

Люди образованные, и образованные же люди къ нимъ ѣздятъ. Книжки они, —и баринъ и барыня,—чуть ни цѣлыми днями читаютъ. А книжекъ у нихъ страсть,—библіотека еще отъ покойныхъ родителей досталась! Однихъ этихъ газетъ и журналовъ даже на иностранныхъ языкахъ,—сколь получаютъ. Кажинный день кучеръ кучами привозитъ. Ужъ, кажись, чего-бы тутъ! Люди ученые! А вотъ подишь ты! Другъ съ другомъ ссорятся, даже при людяхъ такъ иной разъ обзываются, что индо мужикамъ слушать совѣстно!.. Дѣтишекъ безъ всякаго разума и по лицу, и по чему попало полощутъ. Съ прислугой и всякимъ простымъ народомъ по собачьи обращаются. Какже это такъ?!—удивляется корреспондентъ.—Вотъ вы про невѣжество наше плачетесь, а тутъ ужъ гдѣ невѣжеству быть, прямо сказать, ученость, интеллигенція!.. Пропишите, гдѣ ни на есть въ газетѣ, какъ это понять!“

Получая такія письма, свидѣтельствующія, что авторы ихъ серьезно заняты интересующимъ ихъ вопросомъ,—вопросомъ при этомъ весьма существеннаго характера, редакціи столичныхъ газетъ обыкновенно оставляютъ ихъ безъ отвѣта.

— Слѣдовало-бы отвѣтить и пояснить...

— Помилуйте, что-же тутъ отвѣчать!—пожимаетъ плечами редакторъ или секретарь столичной газеты.—Азбучными истинами?

— Но какія-же не азбучныя истины вы сообщаете своимъ читателямъ? Вѣдь, согласитесь, что, кромѣ фактическихъ данныхъ, вы не даете читателямъ ничего такого, чего не было-бы извѣстно серьезно-образованному человѣку,—да и серьезно-образованный человѣкъ въ газетахъ въ большинствѣ случаевъ не читаетъ даже, а только пробѣгаетъ телеграммы, хронику, корреспонденціи и иногда фельетоны, если они хорошо и остроумно написаны...

Слѣдовательно, все остальное въ вашей газетѣ пишется для обыкновеннаго, средняго читателя, въ массѣ полуобразованнаго и даже полуграмотнаго, въ томъ числѣ и такого, который спрашиваетъ васъ, почему иногда интеллигентные люди поступаютъ вовсе не по-интеллигентному. Сознайтесь, что вопросъ весьма важный въ глазахъ начинающаго критически относиться къ явленіямъ жизни простого человѣка! Не обязаны-ли вы дать ему отвѣтъ, разрѣшить его недоумѣніе, просвѣтить его?

— Газета—не школа!

— Ну, позвольте съ вами не согласиться! „Пока что“ роль *всей* русской печати, не исключая и столичной, главнымъ образомъ, просвѣтительная и обличительная... И что

бы тамъ не говорили всѣ эти наши декаденствующіе „новые люди“ съ „новыми взглядами“ и „новыми настроеніями“, стремящіеся водрузить побѣдное знамя крайняго индивидуализма надъ общественнымъ счастіемъ, русское печатное слово, за рѣдкими несчастными случаями, было народной школой, а не ареною для шансонеточно—блудливаго ристалища...

— Э, батенька, все это старо, старо!—отмахивается редакторъ или секретарь редакціи.

Старо, а между тѣмъ, въ самое новѣйшее время нѣкоторыя изъ петербургскихъ газетъ начинаютъ заводить у себя отдѣлъ читательскихъ писемъ!

Впрочемъ, эта затѣя носитъ специфически-петербургскій характеръ. Только въ провинціальной печати, живущей мѣстными интересами, близкой къ мѣстному краю, такія письма получаютъ настоящую оцѣнку. Вслѣдствіе этого я не только напечаталъ письмо „простеца“, но и далъ возможно-подробное поясненіе, что такое интеллигенція въ прямомъ, истинномъ смыслѣ этого слова, указавъ своему „совопроснику“, что дикіе поступки „барина и барыни“ не есть результатъ ихъ образованности и чтенія „книжекъ“, а совершенно постороннихъ обстоятельствъ.

„Осуждайте своихъ „барина съ барыней“,—заканчивалъ я свое поясненіе,—но не за книжки и не за ихъ интеллигентность, а за ихъ поступки, во имя тѣхъ-же „книжекъ“, во имя ихъ интеллигентности и образованія!“

Такимъ образомъ, исходя изъ воззрѣнія на дѣятельность литературнаго работника, какъ, по мѣрѣ силъ и возможности, руководящую, просвѣтительную и обличительную, я, понятно, подобно остальнымъ моимъ провинціальнымъ собратьямъ, никогда не игнорировалъ обывательскихъ писемъ, даже ругательныхъ. Въ послѣднихъ, не взирая на ихъ задирательный тонъ, слѣдуетъ прежде всего искать указаній. Какъ-бы скептически ни относился къ русской дѣйствительности и, тѣмъ болѣе, къ обывательскому міросозерцанію пишущій человѣкъ, онъ все-же не лишенъ возможности ошибаться, особенно-же, если, какъ „литераторъ-кочевникъ“, онъ является въ той или иной провинціальной палестинѣ не кореннымъ жителемъ, а заѣзжимъ человѣкомъ. Кочевничество-же провинціальныхъ литераторовъ въ послѣднее время—явленіе обычное.

Конечно, за исключеніемъ собственныхъ именъ, дѣйствующихъ лицъ и мѣстностей, а также нѣкоторыхъ едва уловимыхъ характерныхъ чертъ, свойственныхъ лишь данному городу или данному краю, всѣ грады и вѣси обширнаго отечества нашего въ культурномъ отношеніи мало отличаются другъ отъ друга. Вездѣ все та-же „Русь и Русью пахнетъ“... Вездѣ одни и тѣ тождественные до поразительнаго сходства скандалы, пьянство, картежъ, сплетня, тщеславіе, ловленіе рыбки въ мутной водѣ, самодурство однихъ, приниженность другихъ... Вездѣ одни и тѣ-же герои: Иваны Ивановичи, Иваны Никифоровичи, Ноздревы, капитаны Копейкины, Держиморды, Маріи Антоновны, Иваны Александровичи,—вся эта клика живущихъ еще гоголевскихъ типовъ, мнящая себя въ роли общественныхъ руководителей... Вездѣ, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, одно и то-же гнилое болото съ тлетворными міазмами и квакающими лягушками, одно кладбище съ живыми мертвецами, одна сплошная сѣрина, скучная, однообразная, разслабляющая умъ, развращающая душу и сердце и засасывающая все мало-мальски выдающееся изъ ряда обыденщины. Это, такъ сказать, съ внутренней стороны, съ внѣшней-же тишь да гладь, да Божья благодать, иначе выражаемая пресловутою фразою—„все обстоитъ благополучно“... И, дѣй-

ствительно, все обстоитъ благополучно, такъ-какъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, несмотря на всю свою нелѣпую и пошлую подкладку и обстановку, все-же въ своемъ родѣ благополучіе, по крайней мѣрѣ, для остальныхъ еще не поссорившихся между собою Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей... И такое благополучіе продолжается до тѣхъ поръ, пока вдругъ по какимъ-то невѣдомымъ всѣмъ этимъ благополучнымъ Иванамъ Никифоровичамъ и Иванамъ Ивановичамъ причинамъ не разразится въ гниломъ болотѣ или грандіознѣйшій скандалище, или какое-нибудь безпримѣрное хищеніе, или ужасающее по своимъ размѣрамъ криминальное происшествіе. И гнилое болото, доселѣ „пропадавшее въ неизвѣстности", становится предметомъ всеобщаго вниманія, объ немъ говорятъ, объ немъ пишутъ въ газетахъ. Но всему бываетъ конецъ,—скандалисты и герои хищенія или криминальнаго происшествія понесутъ мзду по дѣламъ своимъ, или, благодаря тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, унесутъ благополучно ноги, и шумъ замолкнетъ, гнилое болото опять отойдетъ изъ сферы общаго вниманія на отведенное ему судьбою мѣсто почти полной неизвѣстности, и вновь тишь да гладь, да Божья благодать, и вновь мирное житіе, нарушаемое лишь прежними, никому со стороны не интересными „мелочами жизни"...

Таковъ общій фонъ русской жизни, и, тѣмъ не менѣе, каждая палестина имѣетъ свои особенности, рѣшительно неуловимыя для заѣзжаго человѣка, для котораго даже недавнее прошлое того или другого города является лишь областью чужихъ наблюденій и впечатлѣній, воспринятыхъ имъ изъ разсказовъ или туземцевъ, или людей, болѣе его прожившихъ въ данномъ городѣ. Не какое-нибудь умышленное или легкомысленное отношеніе къ мѣстной жизни, къ мѣстнымъ интересамъ и вопросамъ, а много причинъ, заслуживающихъ оправданія,—причинъ, и первостепенныхъ, и второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ, среди которыхъ красной нитью проходитъ шаткость существованія газетнаго работника на провинціальной почвѣ,—являются факторами малаго знанія не только прошлаго, но даже и настоящаго для заѣзжаго литератора. А между тѣмъ, какъ человѣкъ, всецѣло посвятившій свою жизнь литературной работѣ, онъ долженъ, конечно, искать въ каждомъ мѣстѣ своего новаго жительства не только матеріала для наблюденій, но и поприща для общественнаго служенія перомъ по мѣрѣ возможности, силъ и способностей. А какъ выполнить эту крупную миссію? Задача очень трудная, и волей-неволей приходится прибѣгать къ разсказамъ и указаніямъ тѣхъ-же туземцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ далеко неблагосклонно относятся къ пишущему человѣку. Вотъ тутъ-то и становятся необычайно драгоцѣнными всѣ эти доморощенные „корреспонденты" и авторы „писемъ въ редакцію"; наиболѣе-же цѣнными изъ нихъ должны считаться „простецы", какъ особливо нуждающіеся въ защитѣ и покровительствѣ печати, хотя уже потому, что они по отношенію какъ къ мнимой интеллигенціи, такъ и къ другимъ доминирующимъ въ данномъ краѣ элементамъ играютъ страдательную роль. Имъ нѣтъ основанія вводить въ заблужденіе пишущаго человѣка, да, наконецъ, они и не настолько еще „культурны", чтобы додуматься до такихъ пріемовъ, если-бы даже и почувствовали потребность уязвить газету.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ игнорировать „писемъ" и отъ лицъ, завѣдомо враждебныхъ къ мѣстной печати. Они для пишущаго человѣка имѣютъ свое значеніе,—прежде всего, какъ критика его писаній.

А потому всѣ указанія, отъ кого-бы они ни исходили и въ какихъ выраженіяхъ ни заключались, для пишущаго человѣка являются иногда цѣнными,—само собою разумѣется, если въ этихъ указаніяхъ слышатся дѣйствительное знаніе даннаго дѣла или вопроса и не только одна брань, а хотя-бы одна сотая доля *настоящей критики*. Къ сожалѣнію, такихъ указаній бываетъ сравнительно мало, но и за это „мало" пишущему человѣку слѣдуетъ быть благодарнымъ своимъ читателямъ.

Но это „съ одной стороны", съ другой-же не слѣдуетъ игнорировать ни одного браньливаго обывательскаго письма уже потому, что такія письма являются превосходной характеристикой ихъ авторовъ. Мало того. Помимо обывательскаго „нутра", нѣкоторыя подобныя письма, можетъ-быть вопреки даже желаніямъ авторовъ, рисуютъ затаенныя, хотя иногда и плохо замаскированныя, ихъ желанія и вожделѣнія. Поэтому я никогда не стѣснялся приводить въ своихъ статьяхъ и фельетонахъ наиболѣе характерныя выборки изъ такихъ обывательскихъ „рукописаній", несмотря даже на оскорбительныя въ нихъ для меня выраженія.

Впрочемъ, ругательныхъ писемъ получается сравнительно немного. Большинство, напр., моихъ почтенныхъ корреспондентовъ сообщали мнѣ факты, просили обратить вниманіе на то или другое общественное явленіе, поднять тотъ или иной вопросъ. Эти корреспонденты,—часто совершенно мнѣ лично неизвѣстные, — были *лучшими моими друзьями* за все время моихъ литературныхъ мытарствъ въ русской провинціи. Среди мелочей обывательской жизни, язвительныхъ сплетенъ и дрязгъ такъ называемаго „общества", среди тяжелыхъ впечатлѣній, выносимыхъ отъ созерцанія провинціальной, въ большинствѣ случаевъ, вялой, мало-отзывчивой, мелочно-самолюбивой и эгоистичной интеллигенціи, они сочувствіемъ и содѣйствіемъ поддерживали во мнѣ уже въ значительной дозѣ поколебленную вѣру въ людей, энергію и жажду къ общественной работѣ...

И кто-же были эти корреспонденты? Среди нихъ почти не было такъ называемыхъ интеллигентовъ; по преимуществу это были „простецы"—грамотные крестьяне, мѣщане, рабочіе, мелкіе служащіе, приказчики, представители новой России, пробуждающейся и начинающей мыслить...

По мѣрѣ возможности я всегда пользовался указаніями и совѣтами обращавшихся ко мнѣ этихъ мало просвѣщенныхъ и простыхъ, но отзывчивыхъ и хорошихъ людей, и по мѣрѣ возможности всегда отмѣчалъ указываемыя ими мѣстныя общественныя явленія и поднималъ затрагиваемые ими вопросы. И они,—по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ,—судя по орѳографіи и изложенію ихъ писемъ, хотя, „въ семинаріи и не учились", но прекрасно понимали какъ эту „мѣру возможности", такъ и самый характеръ моихъ, напр., злободневныхъ фельетоновъ.

Одинъ такой „простецъ", въ пространномъ и весьма характерномъ письмѣ, высказывалъ мнѣ, что онъ хорошо понимаетъ, что нѣкоторые герои моихъ фельетоновъ не суть существующіе въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой губерніи, люди, а лишь общіе типы, существованіе которыхъ „авторъ чувствуетъ"...

„Зачѣмъ намъ знать, какую такую, примѣрно, Олену Ивановну вы описываете, какая фамилія и какой ея адресъ,—писалъ мнѣ этотъ корреспондентъ,—намъ важно, что такія Олены Ивановны существуютъ среди насъ, и важно знать, какой онѣ вредъ въ жизнь вносятъ. Оно, разумѣется, мы это и сами знаемъ, да часто забываемъ. А вотъ какъ напишутъ, да разъяснятъ намъ, ну

мы и призадумаемся. Глядишь, одна—другая, да и третья Олена-то Ивановна и сама призадумается! Вотъ то-же иные говорятъ, г. Смарагдъ, что вы пишете портреты съ другой планеты. А сталъ я читать ваши писанія да задумываться, и пришелъ къ такому убѣжденію, что это пустыя слова непонимающихъ людей. Портреты-то ваши все съ насъ, только съ кого—указать мы не всегда можемъ... Да и не надо... Будетъ и того".

Такъ цѣльно и замѣчательно вѣрно понялъ „простецъ" характеръ нѣкоторыхъ изъ моихъ фельетоновъ. И въ то-же время такъ называемые интеллигенты никакъ этого понять не могли и, подобно гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ, разъ сами-же себя высѣкли.

Въ одномъ изъ моихъ фельетоновъ была разсказана исторія французской „мамзели", слова не знающей по-русски и только что выписанной въ интеллигентное семейство въ качествѣ гувернантки. Г. Сорная Трава (кстати сказать, еще лѣтъ двадцать до того фигурировавшій въ моемъ очеркѣ въ одномъ изъ юмористическихъ журналовъ), глава этой семьи, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, юристъ, на что-то разсердившись на „мамзель", выгналъ ее позднею ночью изъ своего дома въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, не выдавъ ей ни разсчета, ни даже ея вещей. Несчастная дѣвушка встрѣтила чисто родственный пріемъ въ семействѣ совершенно незнакомыхъ ей людей. Между тѣмъ, не задолго до появленія этого очерка, отвѣчая на обвиненія одного автора „письма въ редакцію", что я пишу „портреты съ другой планеты", я предупреждалъ читателей, что нѣкоторые изъ героевъ моихъ фельетоновъ вымышленны, хотя они и существуютъ, въ массѣ, какъ представители тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ, волнующихъ и интересующихъ мѣстное общество въ данное время. Они,—писалъ я,—олицетворенныя типическія черты дѣйствительно живущихъ и дѣйствующихъ людей, сконцентрированныя, такъ сказать, въ одну совокупность. И вотъ, несмотря на это заявленіе, черезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія исторіи о „мамзели", появились сразу три претендента на титулъ „Сорной травы"!.. Всѣ они прислали мнѣ письма, судя по изложенію и полной грамотности которыхъ, можно было заключить, что они „въ семинаріи учились"...

Первый претендентъ писалъ: „вы, г. Смарагдъ Горностаевъ, обѣщали быть безпристрастнымъ, а между тѣмъ допускаете такую неправду. У меня дѣйствительно вышли недоразумѣнія съ мамзелью, но я все-же разошелся съ ней безъ всякаго скандала. Никакихъ вещей не задерживалъ и нигдѣ свидѣтелей не выставлялъ, а просто уплатилъ, что слѣдуетъ—и съ Богомъ! А если злые языки болтаютъ, такъ мало-ли они что болтаютъ,—на то они и злые языки!.. Позволяю разсчитывать на вашу любезность и надѣюсь, что вы сознаетесь въ своей ошибкѣ".

Другой „претендентъ" исписалъ цѣлыхъ четыре листа бумаги, переполнивъ ихъ сплошной бранью противъ „газетчиковъ", а изъ фактовъ указавъ лишь на то, что у него была не гувернантка и не француженка, а была бонна aus Riga и что онъ не выгонялъ, а просто отказалъ ей, отъ мѣста „безъ разсчета", потому, что она „вела себя дурно"... „А посему, милостивый государь,—грозно заключалъ свою филиппику этотъ „претендентъ", — я привлеку васъ къ законной отвѣтственности, чтобы вы зря не клеветали на порядочныхъ людей"!..

Третій „претендентъ" упрекалъ меня въ томъ, что я не исполняю своего печатнаго обѣщанія и не стою „на почвѣ безпристрастія, высшихъ прогрессивныхъ и общественныхъ принциповъ, самой щепетильной осмотрительности и глубо-

каго уваженія къ человѣческой личности". Интересно, что этотъ такъ „изящно и корректно" пишущій господинъ обратился съ письмомъ не ко мнѣ, а къ моему товарищу по газетѣ, не извѣстно, на основаніи какихъ данныхъ считая меня его двойникомъ. „Факты, съ которыми вы оперировали, приписывая мнѣ съ нежелательной прямолинейностію черты личности новѣйшей формаціи",—писалъ этотъ „претендентъ" на почетный титулъ „Сорной Травы",—не только не могутъ быть признаныточно установленными, но, повидимому, этихъ фактовъвъ дѣйствительности въ вашемъ распоряженіи совсѣмъ и не было. По сему несчастному инцинденту, вызвавшему съ моей стороны только защиту моихъ правъ отъ посторонняго нарушенія, мнѣ, благодаря недоразумѣніямъ, приходится защищаться вотъ уже въ четвертый разъ, а вы пишете о беззащитности моего „контрагента". Здѣсь „претендентъ" перечислилъ лица и учрежденія, передъ которыми онъ вынужденъ былъ защищаться. „Вы иронически именуете меня принципіальнымъ челевѣкомъ, слѣдовательно, за принципами признаете извѣстное значеніе, между тѣмъ сами поступаете противъ основного принципа—выслушивать и другую сторону"... „Вы сами должны сознаться,—продолжалъ „претендентъ",—что оставить вашу замѣтку безъ всякихъ послѣдствій я не могу, болѣе того, не имѣю права, такъ-какъ, кромѣ меня, косвенно затрагивается и моя семья, и что я тѣмъ или инымъ путемъ долженъ себя реабилитировать. Я увѣренъ, стрясись съ вами случай, подобный съ „мамзелью" (въ письмѣ была названа фамилія), вы поступили-бы по меньшей мѣрѣ точно такъ же, какъ поступилъ и я, если, впрочемъ, вы не обладаете высокимъ даромъ всепрощенія... Вы даже не знаете того, что я сдѣлалъ въ отношеніи „мамзели": судомъ потребовалъ возмѣщенія мнѣ убытковъ, вызванныхъ невыполненіемъ ею состоявшагося договора о воспитаніи дѣтей, а она мститъ мнѣ возбужденіемъ уголовныхъ противъ меня неосновательныхъ обвиненій. Вѣдь судъ гражданскій могъ рѣшить дѣло въ ея пользу, и тогда что-же получилось-бы, какъ не обыкновенный гражданскій споръ сторонъ, считающихъ каждая по своему себя правой. Такихъ дѣлъ масса, и никто не строитъ на основаніи ихъ обидныхъ для личности заключеній"... Въ концѣ концовъ столь компетентный въ юридическихъ вопросахъ „претендентъ" соглашается удовлетворить гражданскія требованія „мамзели" подъ условіемъ, если она заявитъ прокурору о снятіи съ него уголовнаго обвиненія!..

— На ворѣ шапка горитъ!—можно только сказать, прочитавъ всѣ эти письма.

Впрочемъ, по поводу все той-же исторіи о „мамзели" и „Сорной Травы", спустя нѣсколько времени получилось еще письмо, но авторомъ его была дама, которая писала: „положимъ, ее не выгнали такъ жестоко, но если хотите, поступили аналогично этой жестокости. Вѣдь таскать по судамъ женщину, иностранку, не умѣющую сказать по русски нѣсколькихъ фразъ, впутывать ее въ наши юридическія тонкости, наложить арестъ на ея вещи и тѣмъ не давать ей возможности выѣхать въ другой городъ, гдѣ она могла-бы найти себѣ мѣсто, развѣ это не жестоко, развѣ можетъ поступать такъ уважающій себя образованный человѣкъ"!..

Всѣ эти письма „интеллигентовъ" были подписаны полными фамиліями и даже съ указаніемъ адресовъ. Но вотъ, когда у меня произошло серьезное столкновеніе съ однимъ весьма солиднымъ учрежденіемъ, великіе принципы котораго я привыкъ чтить съ юныхъ дней моихъ, я сталъ получать анонимныя письма, посылаемыя мнѣ будто-бы отъ лица „всей мѣстной интелли-

генціи“ и за подписью „многіе, какъ одинъ“... Эти представители „интеллигенціи“ до того были преисполнены „благороднымъ негодованіемъ“ противъ „писаки небольше“ и „фельетониста дешеваго пошиба“, что поспѣшили даже раскрыть мой псевдонимъ г.г. почтовымъ чиновникамъ и почтальонамъ...

И этотъ „громъ не изъ тучи“ обрушился на мою голову изъ-за того лишь, что я рѣшился поднять свой голосъ въ защиту „маленькихъ людишекъ“, пострадавшихъ матерьяльно и нравственно по винѣ нѣкоего „финансиста“, „облагодѣтельствовавшаго“ прекрасное по своей идеѣ учрежденіе веденіемъ своеобразной „коммерціи“.

„Коммерція“ дѣйствительно давала учрежденію крупные куши. Это, можно сказать, была та миѳическая курица, которая несетъ золотыя яйца. Въ виду этого, „финансистъ“ считалъ своимъ правомъ самого себя награждать, помимо установленнаго жалованія. Такія „награды“ на деликатномъ языкѣ назывались „задолженностію“... Въ награжденіе самого себя „финансистъ“ дошелъ, однако, до такихъ геркулессовыхъ столбовъ, что даже преклонявшееся передъ его финансовымъ геніемъ учрежденіе смутилось и порекомендовало ему отъ дальнѣйшаго „самовознагражденія“ воздержаться. „Финансистъ“ сокрушенно вздохнулъ и сталъ по неволѣ воздерживаться, но, пораскинувъ мозгами, тотчасъ-же перекинулъ мостикъ черезъ образовавшуюся передъ нимъ пропасть. Онъ любилъ „жить“, а поэтому не мѣшалъ „жить“ и тѣмъ своимъ сотрудникамъ, которые въ свою очередь не только не мѣшали, но и посильно способствовали „жизни“ своего жизнерадостнаго патрона. Лишенный права „самовознаграждаться“, „финансистъ“ сталъ особливо поощрять „самовознагражденіе“ своихъ сотрудниковъ, но съ оговоркой:

— Самовознаграждайтесь, — сказалъ онъ своимъ личардамъ,—но и меня не забывайте! Прежде всего вы должны мнѣ давать въ долгъ, конечно, безъ отдачи!

Далѣе „оговорка“ имѣла уже, такъ сказать, спеціальное указаніе для каждаго отдѣльнаго личарды:

— Ты, Иванъ Петровичъ, станешь, на случай моего прибытія въ твои палестины, устраивать для меня пиръ на весь міръ... Ты, Петръ Ивановичъ, повиненъ содѣйствовать моимъ особливымъ долгамъ... Благо, что у тебя дядюшка—дисконтеръ!..

Личарды чесали затылки, но старались потрафлять патрону. Положимъ, для личардъ, этихъ покладистыхъ людей,—людей „золотой середины“,—ничего и не оставалось дѣлать. Быть преданнымъ „финансисту“ личардою—это значило не только не дрожать за свой кусокъ хлѣба, но и пользоваться, — за исключеніемъ львиной доли, идущей на „жизнь“ патрона, — нѣкоторой лептой отъ „самовознагражденія“. И обратно,—не быть преданнымъ „финансисту“ личардой—это значило не только остаться съ семьею безъ куска хлѣба, но и быть окончательно раззореннымъ и даже опозореннымъ по суду. И все это потому, что „коммерція“ велась „финансистомъ“ до того „геніально“, что всякій изъ его личардъ легко могъ быть безъ вины виноватымъ. Финансистъ допускалъ личардамъ открывать своимъ кліентамъ самый широкій кредитъ, и въ тоже время условія и размѣръ этого кредита ничѣмъ не обусловливались и не опредѣлялись.

— Жарьте! — говорилъ „финансистъ“ своимъ личардамъ. — При стотысячныхъ оборотахъ потеря въ нѣсколько тысячъ капля въ морѣ!..

Личарды „жарили“, и „финансистъ“, получая „договоренное“, благодушествовалъ, какъ котъ во время масляницы, „жилъ“, пировалъ, былъ „другомъ“ своихъ личардъ и тѣмъ болѣе ихъ супругъ... Учрежденіе, благоволившее къ „геніаль-

ному финансисту", „пока что" помалкивало, а потомъ, когда кредитъ за личардами сталъ числиться уже не „каплями", а цѣлыми ушатами, начало коситься, а потомъ и довольно внушительно ворчать. „Финансистъ" ощутилъ было нѣкоторую робость, а потомъ успокоился, такъ какъ его лисій хвостъ настолько приспособился заметать всякіе слѣды, что передъ этимъ искусствомъ съ недоумѣніемъ останавливались даже самые проницательные „слѣдоискатели".

— Онъ не уязвимъ! — не безъ трепета сознавали они.

А учрежденіе между тѣмъ уже не только ворчало, но и настойчиво требовало возмездія. И вотъ робкіе передъ „геніальнымъ финансистомъ", „слѣдоискатели" набросились на его беззащитныхъ и запутавшихся личардъ, побѣда надъ которыми, къ тому-же, была такъ легка! Учрежденіе обрадовалось, что нашлись, наконецъ, виновники, и строго-на-строго наказало съ ними не церемониться. Началась эпоха личардова плача и скрежета зубовъ...

— Отецъ-благодѣтель! Защити!..— возопилъ клиръ личардъ.

Но „финансистъ", довольный, что чаша сія „пока что" миновала его, поспѣшилъ изъ этого личардова гоненія извлечь свою „выгоду". Наиболѣе виновные, т. е. наиболѣе „задолженные" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе „нужные", благодаря его заступничеству, остались на мѣстахъ, хотя и съ сильнымъ ограниченіемъ правъ на „самовознагражденіе", а наименѣе виновные были изгнаны и подверглись судебному преслѣдованію.

Когда вся эта хищническая и скверная исторія была мною представлена на судъ читающей публики, въ редакцію прилетѣло первое анонимное письмо на мое имя, между прочимъ, съ слѣдующей ремаркой: „вы опредѣлились въ нашихъ глазахъ, марака пасквилей— не больше. Литература, съ ея высокимъ значеніемъ, такъ же далека отъ васъ, какъ и вы отъ ея истины. Честь для васъ, повидимому, пустой звукъ. Въ захолустьи, у извѣстнаго сорта публики, конечно, ваши пасквили имѣютъ успѣхъ, „но все пройдетъ, правда останется".

На анонимныя письма, обыкновенно, не отвѣчаютъ, но я, зная, откуда вѣетъ вѣтеръ, иначе говоря, предполагая, что „многіе, какъ одинъ"—тѣ самые немногіе изъ личардъ, прикрытыхъ „финансистомъ", вѣроятно, даже не безъ участія самого „финансиста", нашелъ нужнымъ отвѣтить на письмо печатно и просить таинственныхъ „многихъ какъ одинъ" указать мнѣ хотя-бы одну статью, въ которой заключался бы малѣйшій признакъ пасквиля.

Въ отвѣтъ на эту просьбу послѣдовалъ цѣлый букетъ анонимныхъ писемъ и съ угрозами, и безъ угрозъ, причемъ громкія слова пересыпались иногда „поминовеніемъ родителей", хотя авторы писемъ почти постоянно подчеркивали, что они, „честные, идейные работники на нивѣ общественной", поступаютъ такъ отъ лица „всей мѣстной интеллигенціи"!..

Когда-же исторія о „финансистѣ" и его вѣрныхъ личардахъ прогремѣла на всю губернію и попала въ столичную печать, въ окно моей квартиры влетѣлъ трехфунтовой булыжникъ и чуть не попалъ въ голову моей жены. Къ булыжнику была привязана записка съ надписью: „цѣпному псу отъ всей мѣстной интеллигенціи"...

Опять интеллигенція! Интеллигенція, пишущая анонимныя письма съ „поминовеніемъ родителей", интеллигенція, вооружающаяся булыжниками и швыряющая ими въ окна непріятнаго человѣка!..

О, въ теченіе многолѣтней публицистической дѣятельности я въ достаточной степени научился цѣнить обывательскій гнѣвъ,—онъ не высокой марки. Еще болѣе низшей марки „интеллигентный гнѣвъ"... Въ

большинствѣ случаевъ наша интеллигенція очень симпатична, но въ ея семьѣ не безъ урода,—даже много уродовъ, особенно „въ наше время, когда“ и пр., и пр.... И вотъ среди интеллигентовъ такого разбора зачастую можно встрѣтить лицъ, которыя на почвѣ „идейности“ стоятъ лишь „до поры—до времени“, но достаточно чтобы затронули темныя стороны ихъ дѣятельности,—стороны, бережно ими всегда прикрываемыя, чтобы всѣ ихъ „идеи“ оказались пуфомъ... Нѣтъ людей, болѣе эгоистичныхъ и злобныхъ, какъ эти „прикрываемые интеллигенты“! Самый сѣрый и дикій обыватель чище и благороднѣе ихъ...

„Еще одно послѣднее сказанье и лѣтопись окончена моя“ объ обывательскихъ письмахъ.

Боюсь Данайцевъ, даже дары приносящихъ...

Этой древне-классической фразой подкрѣпилъ свою мысль одинъ мой знакомый.

— Удивляюсь вамъ, — говорилъ онъ перелистывая кучу полученныхъ мною обывательскихъ писемъ, — какъ это вы можете довѣрять всѣмъ этимъ письмамъ... Вѣдь, вы каждый день рискуете попасть въ просакъ, пользуясь такимъ матерьяломъ для своихъ фельетоновъ.

— Разумѣется, можно попасть и въ просакъ,—согласился я,—но это все-же рѣдкое исключеніе, такъ-какъ большинство присылаемаго матерьяла мною провѣряется.

— Большинство!.. Слѣдовательно, есть меньшинство, которое вы не провѣряете?

— Въ сущности нѣтъ и такого меньшинства, а есть письма, на которыя я полагаюсь и которыя поэтому провѣряю сравнительно поверхностно, напр., письма, присланныя уже извѣстнымъ мнѣ лицомъ, письма при этомъ отличающіяся несомнѣнной искренностію и передающія фактъ, не затрагивающіе ничьей личности. Однимъ словомъ, когда чувствуется, что то или иное письмо писалъ человѣкъ порядочный.

— Но такъ или иначе вы все-же въ большей или меньшей степени довѣряетесь хотя-бы меньшинству своихъ корреспондентовъ?

— Да, довѣряюсь, ибо только мое къ нимъ довѣріе и вниманіе создаютъ хорошія взаимныя отношенія читателя къ писателю и обратно... Они чистосердечно излагаютъ мнѣ свои нужды, свои сокровенныя думы и я *обязанъ* прислушиваться къ нимъ!

— Ну, а если вамъ сообщатъ гнусную сплетню, — ту сплетню, которая, по вашимъ-же словамъ, свила такое крѣпкое, вѣковѣчное гнѣздо въ нашей провинціальной тинѣ?

— Это сразу видно по тону самаго письма.

— Ну, такъ вотъ полюбопытствуйте и скажите, какъ отнесетесь къ этому письму,—сказалъ мой знакомый, передавая мнѣ одно изъ прочитанныхъ имъ обывательскихъ писемъ, — можете-ли вы воспользоваться имъ?

Въ письмѣ сообщалось о похоронахъ нѣкоего купца Ивана П. Когда печальная процессія приближалась къ кладбищу, гробъ, который родственники несли на рукахъ, вдругъ развалился, и трупъ покойника выпалъ на мостовую. Авторъ съ глубокимъ возмущеніемъ говоритъ о безсовѣстномъ гробовщикѣ, всучившемъ гнилой гробъ, пользуясь растерянностью и хлопотами близкихъ покойника, и еще большее сочувствіе высказываетъ потрясенной такимъ печальнымъ происшествіемъ семьѣ, любившей покойника и при томъ весьма религіозной. Въ заключеніе онъ замѣчаетъ: „я увѣренъ, что вы не откажитесь воспользоваться этимъ матеріаломъ, за достовѣрность котораго я ручаюсь, тѣмъ болѣе, самъ лично присутствовалъ при этомъ возмутительномъ случаѣ“.

— Да, могу,—по прочтеніи письма сказалъ я. — Авторъ мнѣ хорошо

извѣстенъ. Онъ много сообщалъ мнѣ весьма интересныхъ фактовъ и никогда, даже въ самыхъ пустякахъ, не искажалъ сущности дѣла.

— Слѣдовательно, воспользуетесь?

— Обязательно.

— Убѣждены, что не налетите съ ковшемъ на брагу? Знаете, что-то ужъ больно необычайно...

— Да, необычайно! Но слѣдуетъ помнить, что сообщаетъ объ этомъ человѣкъ безусловно вѣрный.

Вскорѣ фельетонъ о случаѣ съ покойникомъ былъ напечатанъ, а черезъ два дня послѣ этого зашелъ ко мнѣ все тотъ-же скептикъ—знакомый и, потирая руки, провозгласилъ:

— Поздравляю!

— ?

— Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ могу сообщить, что констатированный вами съ такимъ негодованіемъ фактъ о вывалившемся изъ гроба покойникѣ очень картинный вымыселъ вашего... искренняго, задушевнаго и доброжелательнаго корреспондента. Ничего подобнаго не было-съ!... Хорошо доброжелательство!

— ?!

Въ это-же время ко мнѣ принесли изъ редакціи только-что присланное на имя редактора опроверженіе купца Ивана П., что онъ „никогда не умиралъ“ и что „все это подвохи враговъ, желающихъ подорвать его торговую репутацію“.

Пришлось приступить къ самымъ тщательнымъ разслѣдованіямъ этой смѣхотворной, но, въ сущности, возмутительной мистификаціи. Удалось, между прочимъ, выяснить, что никакого подобнаго факта о вывалившемся изъ гроба покойникѣ не было, что письмо подложно, но что, мало того, подложно и самое „опроверженіе“... Выходило, однимъ словомъ, чортъ знаетъ что! Лицо, подпись и фамилія котораго были подъ письмами, ничего подобнаго не писало, хотя письмо было написано почеркомъ близкимъ къ его почерку, но, по экспертизѣ учителя чистописанія, все-же было несомнѣнно поддѣльное...

— Да что мнѣ за дѣло до гробовъ и до покойниковъ!—съ комическимъ возмущеніемъ воскликнуло оно.

Что-же касается до „опровергателя“, то никакого „купца Ивана П.“ въ городѣ вовсе не обрѣталось, а найденъ былъ полиціей „крестьянинъ Иванъ П.“, который дѣйствительно „никогда не умиралъ“, но и никогда никакихъ „опроверженій“ не писалъ, потому-что неграмотенъ, да, кромѣ того, ни о гробахъ, ни о покойникахъ ничего и ни отъ кого тоже не слыхивалъ...

Кто-же эти ловкіе мистификаторы, и какая цѣль съ ихъ стороны запутать въ неловкое дѣло нѣсколько человѣкъ и ввести въ недоумѣніе газету и ея читателей?

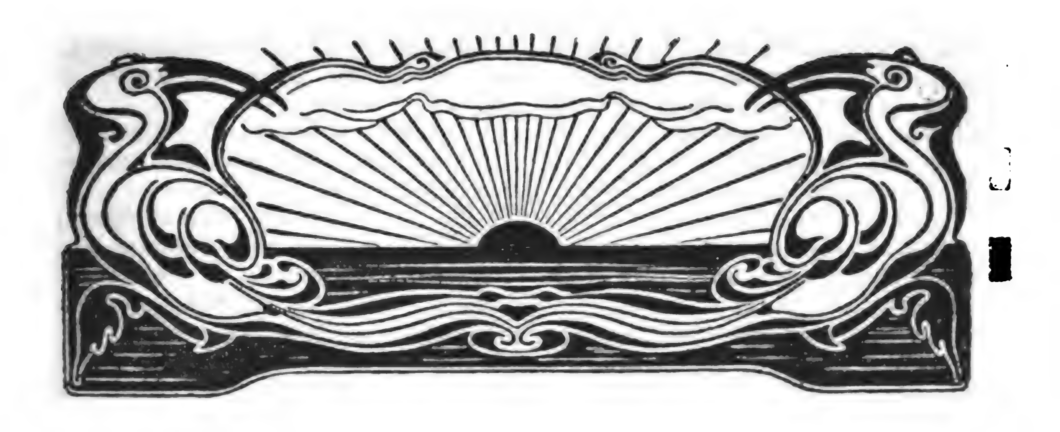
Господа „рядскіе“? Господа, писавшіе анонимныя письма вперемежку „высокихъ словъ“ съ „поминовеніемъ родителей“? Господа, пускавшіе въ окна булыжниками? Такъ это и осталось тайной вплоть до самаго отъѣзда моего изъ города, гдѣ всѣ эти „исторіи“ приключились...

Только уже черезъ годъ, когда я жилъ въ Бѣлокаменной, мною было получено письмо отъ моего знакомаго — скептика по отношенію къ обывательскимъ письмамъ.

„Въ нашемъ городѣ все еще помнятъ о васъ и жалѣютъ о вашемъ отъѣздѣ,—писалъ онъ между прочимъ,—говорю не объ интеллигенціи, а о „маленькихъ людяхъ“ и „простецахъ“. Впрочемъ, вспоминаютъ и „рядскіе“. „При Смарагдѣ любопытно было,—говорятъ,—нѣтъ-нѣтъ, да кого-нибудь изъ нашего брата съ пескомъ и проберетъ... И смѣхъ, и горе“! Что-же касается „интеллигенціи“, по крайней мѣрѣ, той ея части, которая способна на писаніе анонимныхъ писемъ и на бросаніе въ окна булыжникомъ, то

она находитъ „превосходно, что этого Смарагда изъ города выставили, теперь у насъ тишь да гладь, да Божья благодать“... „Финансистъ“ теперь все смирилъ и покорилъ подъ нози своя... „Облагодѣтельствованное“ имъ учрежденіе не нахвалится его „геніальной коммерческой сметкой“, а онъ и „помилованные“ имъ личарды „живутъ“ шире прежняго... Приходится ожидать краха прекраснаго по идеѣ учрежденія, къ великой радости воронъ со Страстнаго бульвара, „князя-гражданина“ и многихъ иныхъ, иже съ ними... Кстати, обнаруживаются нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о несомнѣнной связи между „финансистомъ“ и авторами анонимныхъ писемъ, и этихъ послѣднихъ съ „пращникомъ“, запалившимъ въ ваше окно камнемъ и даже авторомъ сообщенія о вывалившемся изъ гроба покойникѣ. Что-же касается „опровергателя“ „купца Ивана П.“, то онъ оказался никѣмъ инымъ, какъ кучеромъ „финансиста“. Уволенный за усиленное пьянство, онъ теперь шляется по кабакамъ и хвастается, что будто-бы „по его письму Смарагду изъ города выставили“... Цѣловальники, половые и кабацкіе завсегдатаи охотно ему вѣрятъ и даже при случаѣ подносятъ, оправдывая свою щедрость тѣмъ, что „хоша и стерва, а можетъ быть опаснымъ человѣкомъ... Чего ужъ, Смарагду... оно не то што-бы выставилъ... Это ужъ для большаго куражу!.. а на смѣхъ поднялъ—это точно“!..

Смарагдъ Горностаевъ.



Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

III. Завоеваніе Ливоніи.—Предшествующія событія.—Ливонія въ XVI вѣкѣ.—Московское завоеваніе и вмѣшательство Зап. Европы.

Борьба за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ явилась въ XVI вѣкѣ вопросомъ наслѣдія послѣ Ганзейцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣвала жизненные интересы Швеціи, Даніи, Москвы и Польши.

Историческія права давности на Ливонію, несомнѣнно, принадлежали Москвѣ, такъ какъ еще Несторъ въ своихъ лѣтописяхъ говоритъ о томъ, что Ливонія и Эстонія составляли нераздѣльную часть древняго русскаго государства: перечисляя народы, входившіе въ составъ населенія тѣхъ земель, которыми владѣли варяжскіе князья, онъ упоминаетъ Ливовъ и Чудь, заселявшихъ побережье Балтійскаго, или Варяжскаго моря. А основаніе Юрьева въ 1030 г. въ странѣ Чуди, при Ярославѣ Мудромъ, уже является несомнѣннымъ доказательствомъ права давности владѣнія этой землею русскими князьями. Правда, послѣ того эта область перешла въ руки нѣмцевъ, затѣмъ датчанъ, потомъ рыцарей меченосцевъ; въ 1483 году въ самомъ устьѣ Наровы русскіе построили свой Иванъ-городъ, т. е. русскую Нарву, на другомъ берегу рѣки, какъ разъ противъ Тевтонской Нарвы. Реформація нанесла рѣшительный ударъ рыцарству, проникая даже въ епископскіе дворцы. Въ 1554 г. преемникъ Плеттенберга, Фюрстенбергъ, вступилъ въ переговоры съ Москвой, но въ 1557 г. принужденъ былъ заключить союзъ съ Польшей противъ Москвы. Польша въ то время была болѣе опасна въ качествѣ врага, чѣмъ благонадежна въ качествѣ союзницы. Въ 1554 году король Густавъ I-й Швед-

скій вздумалъ было воспользоваться затрудненіемъ Ивана IV, занятаго своими дѣлами на востокѣ, но, очутившись одинъ противъ Москвы, вынужденъ былъ въ 1557 г. подписать перемиріе на 40 лѣтъ, и злополучная Ливонія снова осталась беззащитной и безпомощной, открытой для нападенія всѣхъ, кто точилъ на нее зубы.

Между Ливонскимъ городомъ Нейгаузеномъ и Псковомъ лежала нѣкогда пустынная мѣстность, въ которой утвердили свою власть Московскіе князья, послѣ долгихъ пререканій, и обязали жителей платить имъ ежегодную дань медомъ. Но, по мѣрѣ уничтоженія лѣсовъ, количество ульевъ значительно уменьшилось, и тогда эта дань переложена была на извѣстное денежное вознагражденіе, а затѣмъ совсѣмъ было прекратилась. Но въ 1553 г. Москва опять вспомнила о ней и заявила свои права на Дерптъ, бывшій Юрьевъ русскихъ. Въ 1554, вскорѣ послѣ взятія Астрахани, Иванъ сталъ заявлять претензіи за нарушеніе границъ, отбираніе православныхъ церквей лютеранскими фанатиками, а въ 1556 г., обезпечивъ себя и свои владѣнія на востокѣ, припомнилъ, что одинъ изъ его предшественниковъ послалъ Ливонцамъ кнутъ. Посолъ Ивана явился требовать, вмѣсто стародавнихъ десятковъ пудовъ меда, превратившихся впослѣдствіи въ нѣсколько десятковъ червонцевъ, по маркѣ подушной пени, что достигало суммы въ 50,000 червонцевъ.

Епископъ Дерптскій думалъ вывернуться обѣщаніемъ уплатить всю требуемую сумму и вмѣсто денегъ вручилъ послу объяснительное письмо Ивану. Но посолъ настаивалъ на полученіи денегъ, заявивъ, что иначе государь придетъ и самъ возьметъ, что ему приходится.

И дѣйствительно, царь явился. Желая оправдать лестное для него сравненіе съ Александромъ Невскимъ, Иванъ вздумалъ идти по слѣдамъ своего предшественника, но забылъ, что времена были уже не тѣ.

Вмѣстѣ съ Польшей, Швеціей и Даніей, вся Европа нашла нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло.

Въ 1557 году въ Москву прибыла новая депутація изъ Ливоніи, прося о новой отсрочкѣ, но Иванъ отказался принять пословъ, поручилъ Адашеву выпроводить ихъ изъ Россіи и тутъ же снарядилъ войска, а въ концѣ года армія, состоявшая главнымъ образомъ изъ татаръ, подъ начальствомъ бывшаго Казанскаго царя Шаха-Али, вступила въ предѣлы Ливоніи и разгромила ее. Такого жестокаго погрома трудно себѣ представить; впрочемъ, въ томъ вѣкѣ войны повсемѣстно отличались невѣроятною жестокостью, и бандиты герцога Альбы, вѣроятно, не уступали въ этомъ отношеніи татарамъ Шаха-Али. Это было не столько завоеваніе, сколько принужденіе посредствомъ терроризаціи населенія— уплатить требуемую дань.

Сопротивленіе со стороны Ливонцевъ было крайне слабое, но Иванъ, вѣроятно, еще не выработалъ опредѣленнаго плана дѣйствій, и въ январѣ 1558 года, забравъ громадную добычу, Шахъ-Али согласился подписать перемиріе. Въ Москву отправилось новое Ливонское посольство. Умилостивленный Иванъ на этотъ разъ уже готовъ былъ согласиться на весьма снисходительныя условія, въ виду крайняго раззоренія страны, какъ вдругъ неожиданная вѣсть о томъ, что Нарва отказывается отъ перемирія и бомбардируетъ Ивангородъ, разомъ измѣнила все дѣло. Въ апрѣлѣ 1558 г. городъ Нарва сдался, но крѣпость продолжала упорствовать и только 11-го мая была взята приступомъ, послѣ чего условія міра были предписаны уже совершенно иныя, чѣмъ предполагалось раньше.

Вся Ливонія должна была принять верховное владычество Москвы, наравнѣ съ Казанью и Астраханью,

и великій магистръ ордена Фюрстенбергъ, равно какъ и епископы Дерптскій и Рижскій, должны были прибыть въ Москву и признать себя ея вассалами, а Нарва и другіе города были прямо присоединены къ Московскому царству. Однако, Иванъ не разсчитывалъ, чтобы эти условія его были приняты безпрекословно, и теперь уже серьезно приступилъ къ завоеванію Ливоніи, которая къ тому же была почти не въ состояніи вести войну. Крѣпости и города сдавались одни за другими. Въ 1558 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ приступлено было къ осадѣ Дерпта, скорѣйшей сдачѣ котораго способствовали самъ епископъ и его приближенные, въ видахъ личныхъ выгодъ. Впрочемъ, капитуляція этого города являлась чѣмъ-то безпримѣрнымъ въ исторіи войнъ XVI-го столѣтія. Князь Петръ Шуйскій даровалъ полное прощеніе жителямъ, свободу религіи, сохраненіе прежней администраціи, судебную автономію и свободную торговлю со всѣми городами Россіи. Солдатамъ воспрещено было всякое насиліе въ Дерптѣ, въ Нарвѣ-же, взятой приступомъ, весь городъ былъ преданъ грабежу; говорятъ, что даже самыя могилы были разрыты. Однако, послѣ того и Нарвѣ были дарованы тѣ же привиллегіи, что и Дерпту.

Хотя Иванъ впослѣдствіи сократилъ эти привилегіи, все-же еще 20 другихъ городовъ изъявили ему свою покорность. Упорствовалъ одинъ Ревель.

Съ наступленіемъ зимы, Шуйскій ушелъ, а Кеттлеръ, магистръ Тевтонскаго ордена, воспользовавшись этимъ, собралъ 10,000 войска, подступилъ подъ самый Псковъ и спалилъ его слободы. Но въ маѣ 1560 г. царь Иванъ взялъ свое; 2-го августа подъ Феллиномъ Курбскій разбилъ на голову Ливонское дворянство и увелъ въ плѣнъ тѣхъ изъ нихъ, кто не палъ въ бою, вмѣстѣ съ бывшимъ магистромъ ордена Фюрстенбергомъ. Впрочемъ, послѣдній не только не потерпѣлъ отъ Московскаго государя, но былъ даже надѣленъ землею въ Ярославской губерніи, гдѣ онъ мирно окончилъ свои дни; остальные-же плѣнные, за небольшимъ исключеніемъ, были казнены.

Такимъ образомъ завоеваніе Ливоніи было почти дѣломъ законченнымъ; держалось еще нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Ливоніи, а въ Эстоніи Кеттлеръ съ горстью товарищей поперемѣнно обращался за помощью то къ императору Фердинанду I, то къ Даніи, то къ Швеціи, то, наконецъ, къ Польшѣ, но вездѣ надежды на помощь были весьма гадательны. Фердинандъ I былъ медлительный бюрократъ; онъ затѣялъ переписку съ царемъ Иваномъ, обмѣнивался взглядами съ Даніей, Швеціей и Польшей, но ни къ чему рѣшительному не приступалъ.

Въ январѣ 1559 г. посланный отъ Тевтонскаго ордена явился къ королю Сигизмунду-Августу, послѣднему изъ Ягеллоновъ. Король поставилъ условіемъ, что Польша будетъ защищать Ливонію, рискуя войною съ Москвой, но за это возьметъ себѣ Ригу, Динабургъ, Юкскюлль и Кокенгаузенъ.

Кеттлеръ не сразу согласился на эти условія, а раньше побывалъ въ Вѣнѣ и на Діеппѣ въ Аугсбургѣ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ снова вернуться въ Вильно. Договоръ былъ подписанъ, но Сигизмундъ-Августъ все-таки не спѣшилъ, тѣмъ болѣе, что польская шляхта неохотно соглашалась войти въ его планы. Ливонскіе послы въ Стокгольмѣ застали старика Густава Вазу умирающимъ и ожидали восшествія на престолъ сына его, Эрика XIV-го, который оказался болѣе склоннымъ помочь Ливонцамъ. И вотъ въ 1561 г. Ревель, не смотря на то, что въ немъ находился польскій гарнизонъ, призналъ себя подвластнымъ Швеціи; гарнизонъ принужденъ былъ капитулировать.

Тогда и Данія выступила на арену.

Пославъ въ 1558 г. пословъ въ Москву для заключенія мира, съ требованіемъ возвратить ей Эстонію, король Христіанъ III одновременно вступилъ въ переговоры съ епископомъ Мюнхаузеномъ. Но Христіанъ скончался, оставивъ престолъ старшему своему сыну Фридриху II, который, продолжая переговоры, начатые отцомъ,—въ 1560 г., высадилъ младшаго своего брата Магнуса въ Аренсбургѣ съ небольшимъ количествомъ войскъ; войска, найдя себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ изъ Ливонцевъ, готовились провозгласить Магнуса королемъ Ливоніи.

Польша, не находя возможнымъ допустить такое преобладаніе Даніи, отправила Виленскаго Палатина, Николая Радзивила Чернаго, подъ стѣны Риги, съ требованіемъ подчиненія всей Ливоніи Польскому владычеству, и Кеттлеръ, прослывшій предателемъ у своихъ соотечественниковъ, но явившійся въ сущности только несчастною жертвой обстоятельствъ, призналъ, наконецъ, испытавъ предварительно всѣ средства, въ 1562 г. короля Сигизмунда-Августа магистромъ Тевтонскаго ордена и наслѣдственнымъ герцогомъ Курляндскимъ, вручивъ Радзивилу свой магистерскій крестъ, плащъ и ключи Риги.

Злополучный Прибалтійскій край раздѣлялся теперь между поляками, шведами и датчанами, а Москва оспаривала его у нихъ у всѣхъ.

Среди всѣхъ этихъ разнородныхъ событій, потрясавшихъ самыя основы этой страны, ярко выдѣлялся несомнѣнный фактъ, что рыцарство отжило свой вѣкъ. Это было уже ясно изъ того, что Европа, колебавшаяся еще принять Москву въ семью Западно-Европейскихъ государствъ, теперь смѣло встала на ея сторону для того, чтобы разъ навсегда покончить съ Тевтонскимъ орденомъ и со всѣмъ рыцарскимъ прошлымъ Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи.

IV. Борьба за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ. — Швеція и Польша. — Коалиціи. — Магнусъ. — Кандидатура Ивана IV на Польскій престолъ. — Избраніе Баторія.

Съ самаго момента взятія Смоленска въ 1514 г., отнятаго Москвою у Польши, отношенія между этими двумя странами оставались натянутыми. Онѣ то сражались, то вели переговоры, во время которыхъ обѣ стороны предъявляли нескромныя требованія. Польша требовала себѣ обратно не только Смоленскъ, но еще Новгородъ и Псковъ, какъ города нѣкогда принадлежавшіе Великому княжеству Литовскому,— Москва же заявляла свои права не только на эти города, но еще и на Кіевъ, находившійся въ это время подъ властью Польши. Въ большинствѣ случаевъ эти переговоры ни къ чему не приводили, и все оставалось по старому.

Теперь-же это положеніе дѣлъ осложнилось еще видами на Ливонію и борьбой за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ. Но въ тотъ моментъ, когда король Сигизмундъ-Августъ вынудилъ Кеттлера согласиться на предписанныя имъ условія, царь Иванъ снарядилъ почетное посольство въ Варшаву съ примирительными предложеніями. Объяснялось это тѣмъ, что царь Иванъ овдовѣвъ вздумалъ сватать одну изъ сестеръ короля Польскаго, у котораго было двѣ незамужнихъ сестры. Выборъ пословъ палъ почему-то на младшую Екатерину; кромѣ физическихъ и иныхъ преимуществъ, королевна эта въ глазахъ Ивана являлась еще, какъ сестра бездѣтнаго короля, наслѣдницей его по Литвѣ, вслѣдствіе чего царь Московскій путемъ брака съ Екатериной пріобрѣталъ новое неоспоримое право на Великое Княжество Литовское.

Но Сигизмундъ-Августъ, очевидно, желалъ только выиграть время и потому не отвѣчалъ отказомъ царю, хотя, помимо разности религій и

видовъ на Литву, которые одни уже стояли помѣхой этому браку, грозя нарушить сліяніе двухъ сродныхъ славянскихъ племенъ (польскаго и литовскаго), надъ чѣмъ всю свою жизнь трудился послѣдній изъ Ягеллоновъ, помимо того, сестра его Екатерина была уже обѣщана въ жены Іоанну, герцогу Финляндіи.

Когда въ 1562 г. это обѣщаніе было выполнено, между Польшей и Москвой съ новою силой возгорѣлись враждебныя чувства. Царь Иванъ написалъ Сигизмунду оскорбительное письмо, а Сигизмундъ-Августъ натравилъ на него Крымскаго хана. Но, справившись съ Крымцами, Иванъ во главѣ многочисленнаго войска, ведя за собою гробъ, въ которомъ онъ клялся положить или тѣло брата королевны Екатерины, или свое собственное, двинулся на Плоцкъ и послѣ блистательной побѣды взялъ этотъ городъ, представлявшій собою важный торговый центръ, находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Ригой. Теперь Иванъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сталъ помышлять о возвращеніи Кіева, но въ слѣдующемъ году, подъ Оршей поляки, подъ предводительствомъ Николая Радзивила Рыжаго, на голову разбили русское войско, и воевода ихъ Петръ Ивановичъ Шуйскій погибъ въ бою.

Тогда царь Иванъ рѣшилъ соединиться со Швеціей. Король Эрикъ XIV, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поспѣшилъ отправить пословъ въ Москву и не смотря на неласковый пріемъ и вопреки совѣтамъ своего наставника и совѣтника де-Морней, рекомендовавшаго ему союзъ съ Польшей, продолжалъ льнуть къ Москвѣ. Наконецъ, послѣ того, какъ Рижскій епископъ Кристофъ помогъ ему овладѣть цѣлымъ рядомъ городовъ—Перновомъ, Вольмаромъ, Венденомъ и Кексгольмомъ, Иванъ вдругъ обнаружилъ къ нему особую благосклонность. и Эрикъ возрадовался, полагая, что надежды его увѣнчались успѣхомъ, что онъ и царь Московскій подѣлятъ всю Ливонію между собой. Но не таковъ былъ Иванъ: онъ требовалъ себѣ львиную долю, предоставляя Эрику только Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ, а сверхъ того совершенно неожиданно требовалъ еще, въ добавокъ къ Ливоніи, и принцессу Екатерину, супругу герцога Финляндскаго. Что изъ того, что она была замужемъ? Хотя самъ Иванъ также былъ уже женатъ, но это была его подданная, слѣдовательно, холопка. Впрочемъ, впослѣдствіи Иванъ оправдывался, что никогда не думалъ посягать на свободу женщины, руки которой онъ раньше домогался, и не думалъ нарушить священныхъ узъ брака ея или своихъ, а хотѣлъ имѣть ее только въ качествѣ политической заложницы, полагая, что герцогъ Іоаннъ умеръ. Все это были лишь отговорки, въ сущности, онъ беззастѣнчиво требовалъ выдачи Екатерины и упорно настаивалъ на этомъ, въ видахъ, несомнѣнно, не вполнѣ безупречныхъ,—хотя, конечно, при этомъ не столько сама женщина, сколько Литва, которую она могла принести ему въ приданое, играла въ его желаніяхъ главную роль.

Сначала Эрикъ XIV храбро заявилъ, что не согласенъ отказываться ни отъ правъ на свою невѣстку, ни отъ правъ на Ливонію, и уже готовъ былъ соединиться съ Польшей, но Польша и Данія были теперь въ союзѣ; къ нимъ еще присоединился Любекъ и весь Ганзейскій союзъ, а царь Иванъ заключилъ договоръ съ той-же Даніей, противъ Польши и Швеціи, признавъ права Даніи на Эстонію.

Оставшись совершенно одна, Швеція принуждена была принять почти всѣ условія Ивана. По договору, заключенному въ Дерптѣ, король Шведскій соглашался уступить Москвѣ почти всю Ливонію, съ прибавленіемъ секретнаго пункта относительно принцессы Екатерины.

Правда, точныхъ документовъ от-

носительно этого вопроса не сохранилось, но Иванъ послѣ того не переставалъ настаивать на исполненіи и этого пункта договора, тѣмъ болѣе что Эрикъ, узнавъ о проискахъ своего брата, желавшаго съ помощью Польши, объявить Финляндію независимою, поспѣшилъ предупредить его намѣренія и, захвативъ брата врасплохъ, засадилъ его вмѣстѣ съ женой въ замокъ Гринсгольмъ, такъ что могъ располагать Екатериной, какъ своей плѣнницей. Неизвѣстно, дѣйствительно-ли онъ былъ намѣренъ исполнить требованіе Ивана, или его уполномоченные превысили данныя имъ полномочія, достовѣрно только то, что Дерптскій договоръ никогда не былъ подтвержденъ въ Стокгольмѣ.

Все это привело лишь къ заключенію перемирія. Но вынужденный вести войну одновременно и съ Польшей и Даніей, Эрикъ волей неволей становился союзникомъ Москвы. Такимъ образомъ образовались двѣ коалиціи, между которыми Магнусъ, владѣнія котораго въ это время ограничивались островомъ Эзель и Даго да нѣсколькими укрѣпленными замками, до поры—до времени держался въ сторонѣ, выжидая момента, чтобы пристать къ той изъ сторонъ, гдѣ будетъ выгоднѣе.

Въ 1566 г. Магнусъ попробовалъ было сблизиться съ Польшей, прося руки второй сестры Сигизмунда-Августа, съ Ливоніей, въ качествѣ приданаго, но послѣдній изъ Ягеллоновъ не принялъ это въ серьезъ и рѣшилъ лично вести свои войска въ Ливонію, разсчитывая нанести ей рѣшительный ударъ. Однако, изъ этого ничего не вышло, такъ какъ онъ не могъ собрать и десятой доли того войска, на которое разсчитывалъ. Въ это время Иванъ, занятый своею внутренней политикой, своей нарождавшейся опричниной, также радъ былъ перемирію, хотя по прежнему упорно требовалъ себѣ Ревель и Ригу и велъ съ Литвою письменную полемику, которая никакъ не могла способствовать мирному соглашенію.

Между тѣмъ Курбскій, доблестно сражавшійся въ войскахъ Московскаго государя и стяжавшій блестящія побѣды, въ 1562 г. вдругъ далъ захватить себя врасплохъ подъ Ревелемъ, — что случилось не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ, подозрительныхъ сношеній его съ Польшей. Находясь въ полу-опалѣ, а потому еще болѣе склонный къ возмущенію противъ самовластныхъ наклонностей своего государя, гордый и надменный бояринъ вскорѣ явно объявилъ себя противникомъ Ивана и перешелъ границу. Въ Польшѣ изъ этого единичнаго факта вывели заключеніе, что опричнина создастъ еще не мало такихъ недовольныхъ, съ которыми легко и выгодно будетъ завязать сношенія; вслѣдъ за этимъ до Ивана дошли прокламаціи великаго гетмана Литвы и другихъ литовскихъ магнатовъ и даже самого короля, обращенныя къ нѣкоторымъ изъ его подданныхъ, съ приглашеніемъ ихъ къ возмущенію и переходу въ Литву. Однако, этотъ призывъ имѣлъ мало успѣха. Такъ, на предложеніе Сигизмунда-Августа князю Ивану Бѣльскому громадныхъ вотчинъ въ Литвѣ, Бѣльскій отвѣчалъ, что онъ вполнѣ хорошо надѣленъ своимъ государемъ и, назвавъ короля „*братомъ*", посовѣтовалъ ему самому уступить Литву его государю и тѣмъ самымъ укрѣпить за собою Польшу, ставъ вассаломъ Московскаго царя и подданнымъ „лучшаго изъ государей". Есть основанія полагать, что текстъ этого отвѣта, подобно тексту многихъ другихъ отвѣтовъ на заманчивыя предложенія Польши и Литвы, былъ продиктованъ Ивановъ.

Въ это время царь Иванъ, уладивъ нѣсколько свои внутреннія дѣла, снова приналегъ на Эрика, который на этотъ разъ рѣшился окончательно капитулировать, лишь бы только царь предоставилъ ему

свободу свести счеты съ Польшей, даже соглашался выдать ему Екатерину. Но такъ какъ никто изъ его совѣтниковъ не соглашался на это, то онъ поручилъ своему уполномоченному, отправлявшемуся для переговоровъ съ царемъ, по возможности отстоять этотъ пунктъ и только въ послѣдней крайности согласиться. Но царь Иванъ упорно стоялъ на исполненіи этого пункта договора и только подъ этимъ условіемъ соглашался оказать свое содѣйствіе Швеціи, примирить ее съ Даніей и употребить свое вліяніе, а если бы понадобилось, то и оружіе, на то, чтобы втянуть въ ихъ коалицію Ганзейскій союзъ. Въ случаѣ, же если бы принцесса почему-либо умерла и не могла быть выдана ему, какъ онъ того желалъ, весь договоръ терялъ свою силу.

Это постыдное условіе—требовать женщину, чужую жену, взамѣнъ своихъ услугъ, нимало не смущало Ивана; правда, онъ требовалъ въ ея лицѣ не только женщину, но и часть наслѣдія Ягеллоновъ — часть Польши; онъ упорно и непреклонно преслѣдовалъ свою мысль, что уже само по себѣ доказываетъ, что безумныя страсти, бушевавшія въ то время въ его душѣ и отражавшіяся на всей внутренней жизни его государства, не помутили его разума, какъ это предполагали многіе. Правда, онъ въ это время далъ полную волю всѣмъ своимъ худшимъ инстинктамъ, своимъ самымъ дикимъ страстямъ. Это было своего рода опьяненіе. Можно сказать, что опьяненный властью и безнаказанностью своего произвола, опьяненный кровью безчисленныхъ кровавыхъ зрѣлищъ, Иванъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находился почти безпрерывно въ такомъ опьяненіи, которому способствовала, въ виду своихъ личныхъ выгодъ опричнина, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даже и въ это время ни на минуту не упускалъ изъ вида своихъ политическихъ цѣлей и никогда не терялъ сознанія своей роли, своихъ интересовъ и своихъ обязанностей.

Въ маѣ 1567 г. въ Упсалу прибыло московское посольство съ требованіемъ исполненія всѣхъ пунктовъ послѣдняго договора, главнымъ образомъ передачи принцессы Екатерины. Одновременно съ этимъ Иванъ просилъ руки одной изъ сестеръ Эрика для своего старшаго сына, достигшаго теперь 18 лѣтняго возраста; дѣвушка эта славилась своей красотой, хотя ей было всего еще только 16 лѣтъ. Но и молодости, и красоты ея было мало Ивану; онъ еще требовалъ, чтобы она принесла въ приданое Ревель, чуть ли не единственный значительный городъ Ливоніи, который онъ по договору соглашался оставить Швеціи. Это было ужъ слишкомъ много! Послы Ивана застали въ Швеціи ту же опричнину, которая въ смыслѣ безчинствъ и звѣрствъ почти ни въ чемъ не уступала Московской.

Въ вѣчномъ конфликтѣ со Шведской аристократіей, которая не могла простить своему королю его происхожденія, „коронованный купецкій сынъ", какъ часто называлъ Иванъ Эрика, онъ возмущалъ всѣхъ своими дикими выходками и безумствами. А въ замкѣ Гринсгольмъ злополучный герцогъ Финляндскій ожидалъ со дня на день смерти; по настоянію любимца короля, герцогъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Эрикъ медлилъ утвержденіемъ приговора, хотя съ 1562 года кровь лилась рѣками. Чтобы угодить Ивану, король пытался разлучить супруговъ, но отважная дочь Ягеллоновъ рѣшительно заявляла, что ничто, кромѣ смерти, не разлучитъ ее съ мужемъ.

Не зная, что дѣлать, и видя кругомъ себя возмущеніе и ненависть дворянъ, опасаясь со дня на день открытаго мятежа, злополучный король уже мечталъ о бѣгствѣ въ Москву, наконецъ, рѣшился послѣдовать совѣту своего любимца, ко-

торый увѣрялъ, что смерть Іоанна разрѣшитъ всѣ затрудненія. Между тѣмъ московскіе послы все настойчивѣе заявляли свои требованія, и вдругъ разумъ короля помутился: онъ вообразилъ себя плѣнникомъ Іоанна и, возвративъ ему и его женѣ свободу, молилъ ихъ о пощадѣ. Это состояніе короля продолжалось до конца слѣдующаго года, а Шведскій государственный совѣтъ на отрѣзъ отказался удовлетворить пословъ Ивана относительно Екатерины, относительно же юной сестры Эрика король предложилъ замѣнить ее дочерью одной изъ своихъ многочисленныхъ любовницъ, что крайне разгнѣвало и оскорбило Ивана. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1568 г. супругъ Екатерины взошелъ на Шведскій престолъ и заключилъ въ тюрьму своего брата, чуть было не ставшаго его палачемъ, — въ конфликтѣ по поводу Ливоніи наступила новая эра, въ которой Магнусъ игралъ видную роль.

Какъ мужъ родной сестры короля Сигизмунда—Августа, новый король Швеціи являлся естественнымъ союзникомъ Польши и представителемъ католической реакціи противъ протестантизма; поэтому договоръ между Польшей и Даніей терялъ свой смыслъ, такъ какъ Швеція переходила на сторону Польши. Человѣкъ ловкій, прекрасный политикъ, превосходный стратегъ и тактикъ, Іоаннъ, новый король Шведскій, основалъ военное могущество Швеціи и почти добился мира съ Даніей и Любекомъ. Но въ это время Данія заключила союзъ съ Москвой, а король Сигизмундъ, только что заключившій трехлѣтнее перемиріе съ Иваномъ, лишенъ былъ возможности помочь Іоанну противъ Магнуса, дѣйствовавшаго въ Ливоніи въ качествѣ представителя Даніи.

Примиреніе Швеціи съ Даніей въ сущности оставляло Ивана одного противъ Шведовъ и Поляковъ, и хотя, повидимому, Данія вышла побѣдительницей на этотъ разъ, все же ключъ къ обладанію водами Балтійскаго моря находился въ Ливоніи, и съ помощью Магнуса, котораго царь Иванъ сумѣлъ обратить въ орудіе своихъ замысловъ, первенствующее положеніе оставалось за Москвой. Ни Шведы, ни Поляки не могли умалить его значенія и, не смотря на то, что принцесса Екатерина была уже теперь королевою Швеціи, Иванъ умышленно игнорировалъ этотъ фактъ и настойчиво требовалъ исполненія главнаго пункта договора 1567 г. Съ послами преемника Эрика въ Москвѣ обращались, какъ съ военно-плѣнными, даже грозили имъ батожьемъ. Между тѣмъ, не переставая бороться со внутренними крамолами и недовольствомъ, вызваннымъ его реформами, Иванъ былъ застигнутъ врасплохъ новымъ нашествіемъ ногайскихъ ордъ, за которыми стоялъ самъ Турецкій султанъ Селимъ II.

Начиная съ 1563 года и по 1570 г. царь Иванъ постоянно умѣлъ отдалять этотъ татарскій погромъ, которымъ ему грозила Польша, но въ 1570 г. не смотря на то, что царь чтобы ублаготворить султана, согласился разорить недавно воздвигнутую имъ крѣпость на берегу Терека, султанъ потребовалъ отъ Москвы возвращенія Астрахани и Казани, а со стороны Ивана—признанія себя вассаломъ султана. Конечно, такого рода претензіи повели къ полному разрыву политическихъ сношеній между Москвой и султаномъ, и въ маѣ 1571 г. татары, безпрепятственно переправившись черезъ Оку, явились подъ Москвой.

Иванъ бѣжалъ сперва въ Серпуховъ, затѣмъ въ Александровскую слободу и, наконецъ, въ Ростовъ.

Предоставленная на произволъ судьбы, Москва была почти вся

выжжена и разорена Татарами: по нѣкоторымъ, впрочемъ, не вполнѣ достовѣрнымъ источникамъ, свыше 800,000 человѣкъ Москвитянъ были уведены въ плѣнъ, Митрополитъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ заперся въ Кремлѣ; но, по обыкновенію, татары не рѣшились брать его приступомъ, а, разоривъ городъ, ушли.

Уходя Ханъ написалъ царю письмо, упрекая его въ трусости и безстыдствѣ, и требовалъ возврата Казани и Астрахани, отказываясь отъ денегъ и откупа. А Иванъ просилъ у Хана перемирія и предлагалъ ему Астрахань, но подъ условіемъ, что соправителемъ, наряду съ однимъ изъ сыновей Хана, будетъ назначенный царемъ бояринъ, по примѣру того, какъ это было въ Касимовѣ. Къ этому Иванъ присоединялъ еще деньги и даже соглашался на ежегодную дань Хану.

Начались переговоры, Ханъ не хотѣлъ ничего слышать и настаивалъ на своихъ требованіяхъ. Но такъ какъ переговоры все тянулись, то Ханъ въ счетъ ежегодной дани потребовалъ отъ Ивана 2000 рубл. Но Иванъ за это время сумѣлъ собрать свое войско и, подъ предлогомъ истощенія страны послѣ погрома, послалъ Хану яко-бы все, что онъ могъ собрать, т. е. 200 руб. Тогда Мехмедъ Гирей понялъ, что царь только оттягиваетъ время, и снова перешелъ со своими людьми Оку, но въ 50 верстахъ отъ Москвы былъ встрѣченъ русскими, подъ начальствомъ Михаила Воротынскаго, и принужденъ былъ уйти обратно. Тогда Иванъ разомъ перемѣнилъ тонъ и вмѣсто всякаго рода уступокъ, на которыя передъ тѣмъ соглашался, сталъ глумиться надъ претензіями Хана, безпощадно высмѣивая его.

Однако, все это не прошло безслѣдно для царя; отъ всего только что пережитаго онъ находился въ сильномъ раздраженіи и противъ своихъ бояръ, и противъ Шведскихъ пословъ короля Іоанна.

Но, возвратившись изъ Новгорода, гдѣ онъ присутствовалъ на страшнѣйшей бойнѣ, Иванъ на время какъ бы успокоился, согласился принять пословъ и сталъ распрашивать ихъ о дочери короля Іоанна, славившейся своей необычайной красотой. На этотъ разъ царь имѣлъ въ виду уже не сына, а себя самого. Перемѣнивъ нѣсколько женъ послѣ смерти царицы Анастасіи, по примѣру короля Генриха VIII или Синей Бороды, онъ до конца дней своихъ не переставалъ помышлять о такого рода наслажденіяхъ. Однако, наряду съ самыми дружескими предложеніями, царь велъ съ королемъ Іоанномъ крайне обидную и оскорбительную для того переписку, не переставая постоянно напоминать ему о низкомъ происхожденіи и отсутствіи всякихъ законныхъ правъ на престолъ. А когда Іоаннъ вздумалъ было отвѣтить ему въ подобномъ же родѣ, Иванъ написалъ, что такъ какъ его противникъ „принялъ песій языкъ, чтобы лаяться", то онъ, царь Иванъ, не считаетъ для себя приличнымъ продолжать съ нимъ переписку, если же онъ „больно охочъ до подобнаго ратоборства," то пусть изберетъ себѣ въ противники „такого же мужика, какъ онъ самъ."

Одновременно съ этимъ Иванъ заводилъ тайныя сношенія съ плѣннымъ королемъ Эрикомъ и переговоры съ Магнусомъ. Главными посредниками въ этомъ являлись двое ливонскихъ ренегатовъ, Таубе и Крузе. Взятые въ плѣнъ, они съумѣли подольститься къ царю и, казалось, всецѣло передались ему. Царь давно уже мечталъ посадить въ Ливонію своего ставленника; и эти господа указали на Магнуса, который былъ радъ служить, кому угодно, лишь бы не оставаться не у дѣлъ. Не трудно себѣ представить, какъ обрадовался этотъ авантюристъ, когда Таубе и Крузе пред-

ложили ему стать королемъ Ливоніи.

Въ 1570 г. Магнусъ лично явился въ Москву и получилъ изъ царскихъ рукъ невѣсту, двоюродную племянницу Ивана, за которой было дано въ приданое пять бочекъ золота. Ливоніи предоставлено было сохранить свою вѣру и свои порядки и учрежденія: мало того, царь даже обѣщалъ не вводить тамъ русскихъ властей и требовалъ только, чтобы самъ Магнусъ считался на службѣ въ войскѣ Московскаго царя.

Однако, неудачно попытавшись было во главѣ отряда наемныхъ войскъ отнять у Шведовъ Ревель, Магнусъ долженъ былъ отступить послѣ 8 мѣсячной осады, предавъ огню свой лагерь и распустивъ свое войско. Таубе и Крузе бѣжали въ Дерптъ, гдѣ, передавшись на сторону Поляковъ, сдѣлали съ ними попытку уничтожить предательски русскій гарнизонъ.

Послѣ цѣлаго ряда измѣнъ и предательствъ эти негодяи успѣли таки втереться въ милость у Баторія и насильственнымъ путемъ были введены въ Ливонскій Ландтагъ, не взирая на всеобщій протестъ Ливонцевъ, презиравшихъ ихъ, какъ измѣнниковъ и предателей.

Со смертью послѣдняго изъ Ягеллоновъ Польскій престолъ осиротѣлъ. Литва, присоединенная къ Польшѣ подъ вліяніемъ іезуитовъ, упорно склонялась на сторону Москвы, православной, какъ и большая часть населенія Литвы, и потому польско-литовскій посолъ Воронай, которому было поручено извѣстить Ивана о смерти Сигизмунда Августа, тутъ же сообщилъ царю и о томъ, что желательно было бы, чтобы Иванъ заявилъ о своихъ правахъ на этотъ престолъ для сына своего царевича Ѳеодора.

Правда, высшая аристократія, понимавшая, что при Ѳеодорѣ на дѣла Польши будетъ сильно вліять его энергичный, грозный отецъ, была противъ этого; она опасалась, что ея привилегіямъ будетъ тогда положенъ конецъ. Зато мелкая шляхта крѣпко стояла за Московскаго кандидата, относясь къ нему съ полнымъ энтузіазмомъ, хотя образъ дѣйствій и нравъ Ивана ей были хорошо извѣстны, а необузданное своеволіе опричнины горячо обсуждалось ею. Но въ этомъ отношеніи она цѣнила выше всего государственныя дарованія Ивана, объясняя его жестокость только желаніемъ смирить крамольниковъ. Въ представленіяхъ большинства поляковъ Иванъ являлся лишь энергичнымъ, дѣятельнымъ и предпріимчивымъ государемъ, какого давно ждала и желала Польша.

Таково было всеобщее мнѣніе шляхты, и надо признаться, что въ данномъ случаѣ она высказала большую широту взглядовъ и болѣе вѣрный политическій смыслъ, создавъ великій замыселъ Великаго Славянскаго Государства, Польско-Московско-Литовскаго, призваннаго исполнить великую миссію славянскихъ народовъ,—которая была бы не подъ силу ни Польшѣ, ни Москвѣ, взятымъ въ отдѣльности.

Но почему посолъ Польши и Литвы говорилъ не о самомъ Иванѣ, а о царевичѣ Ѳеодорѣ? — вотъ что интересовало Ивана. По этому случаю царь въ длинной витіеватой рѣчи высказалъ, что всякія опасенія Польши относительно жестокости его нрава не основательны, что онъ только грозенъ къ измѣнѣ и предательству, но умѣетъ цѣнить людей добрыхъ, умѣетъ и самъ быть добрымъ тамъ, гдѣ надо, что онъ сейчасъ готовъ сдѣлать Польшѣ различныя уступки, если она предоставитъ ему Ливонію. Посолъ уѣхалъ, очарованный Иваномъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ второй посолъ явился уже съ предложеніемъ Ивану по его личному усмотрѣнію оставить кандидатуру за собой или передать царевичу, но при этомъ требовалъ возстановленія

прежнихъ границъ Польши. Подобнаго рода требованіе озадачило Ивана, и онъ далъ понять, что, не онъ нуждается въ Польшѣ, а Польша нуждается въ такомъ Государѣ, какъ онъ, и что потому онъ не видитъ надобности мѣняться ролями и покупать корону, которую ему предлагаютъ. Затѣмъ онъ пояснилъ, что дѣйствительное объединеніе всѣхъ трехъ странъ возможно только подъ его скипетромъ, а что царевичъ Өеодоръ не можетъ осуществить вполнѣ этой идеи, ставъ королемъ Польши и Литвы, не будучи царемъ Москвы. Далѣе, соглашаясь сдѣлать Польшѣ извѣстныя уступки, Иванъ въ свою очередь требовалъ точно такихъ же уступокъ и отъ нея: отдавая ей Полоцкъ и Курляндію, онъ требовалъ для себя Кіева и Ливонію; кромѣ того, чтобы титулъ царя всей Россіи стоялъ впереди титуловъ короля Польскаго и Литовскаго. Въ заключеніе царь посовѣтовалъ Польшѣ избрать одного изъ сыновей Императора, заявляя, что, если только выборъ Польши не падетъ на принца французской крови, онъ, Иванъ, будетъ доволенъ, кого бы они ни выбрали.

Но шляхта упорно стояла за Ивана, не смотря ни на какія ухищренія посла Генриха Валуа и даже не смотря на нѣкоторое разочарованіе или, вѣрнѣе, обманчивыя надежды, что Иванъ приметъ католичество и будетъ короноваться по примѣру прежнихъ Польскихъ королей. Царь рѣшительно заявлялъ, что намѣренъ вѣнчаться на царство Митрополитомъ Московскимъ, намѣренъ оставить за собою право строить повсюду, гдѣ ему заблагоразсудится, русскія православныя церкви и, въ концѣ жизни, сложивъ съ себя царскій и королевскій санъ, удалиться въ монастырь.

Трудно сказать, слѣдовало-ли Ивану быть нѣсколько уступчивѣе, или же его надменное самолюбіе дѣлало ему больше чести, чѣмъ какія либо уступки. Какъ бы то ни было, но избраніе Генриха Валуа непріятно задѣло его.

Впрочемъ, Валуа удержался недолго, и тогда положеніе дѣлъ приняло прежній оборотъ. Шляхта продолжала стоять за Ивана или царевича Өеодора. Но Иванъ, какъ государь монархической страны, не вполнѣ понималъ своихъ избирателей. Вмѣсто того, чтобы послать своего представителя на сеймъ и усилить свою партію, онъ ожидалъ, когда Польша и Литва пришлютъ къ нему своихъ пословъ, которые поднесутъ ему на золотомъ блюдѣ корону и скажутъ: „прійди и царствуй надъ нами“.

Между тѣмъ сторонники противной партіи не дремали, а когда Султанъ двинулъ 120,000 татаръ, всѣ колебанія прекратились—и Стефанъ Баторій былъ избранъ 12-го декабря 1575 г.

Тогда царь принужденъ былъ убѣдиться, что Литва еще разъ ускользнула у него изъ-подъ рукъ, и что вопросъ о Ливоніи снова обострится, хотя и думалъ, что съ Баторіемъ ему не будетъ большихъ хлопотъ, такъ какъ новому королю было не мало дѣла у себя.

Этимъ обстоятельствомъ рѣшилъ воспользоваться Иванъ; желая развязать себѣ руки по отношенію къ Польшѣ, царь, на время прекративъ враждебныя дѣйствія въ Финляндіи, вдругъ двинулъ свои полки подъ Перновъ, важнѣйшій стратегическій пунктъ, избранный Сигизмундомъ Августомъ, какъ главный оплотъ его военныхъ силъ. Послѣ тяжелаго штурма, городъ этотъ былъ взятъ, вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ другихъ городовъ былъ отбитъ и отнятъ у поляковъ. Полагая, что онъ теперь покончилъ всѣ счеты съ Польшей въ Ливоніи, Иванъ обратилъ свое оружіе на Шведовъ. Но съ ними не такъ легко было управиться. Овладѣвъ въ нѣсколько недѣль 4 или 5-ю эстонскими городами, царь безпрепятственно завладѣлъ Гапсалемъ въ 1576 г., но когда,

въ слѣдующемъ году, его войска подъ начальствомъ Мстиславскаго и Шереметева подступили къ Ревелю, то не могли взять его, несмотря ни на какія усилія. Тогда царь рѣшилъ не настаивать на этомъ и вдругъ неожиданно обрушился на польскую Ливонію. За исключеніемъ Риги, вся эта страна въ нѣсколько дней очутилась въ рукахъ Московскаго завоевателя, который проявилъ здѣсь крайнюю жестокость, какъ будто желая выместить на этомъ несчастномъ населеніи свои неудачи подъ Ревелемъ и на избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ. Старику маршалу Гаспару Мюнстеру онъ приказалъ вырвать глаза и затѣмъ запороть до смерти; другихъ комендантовъ крѣпостей, не сдавшихся по первому требованію царя, приказывалъ четвертовать, сажать на колъ и рубить на части. Въ Атерадэнѣ по его приказанію были звѣрски изнасилованы 40 дѣвицъ. Этому раздраженію Ивана не мало способствовало глупое поведеніе его ставленника Магнуса, котораго онъ заподозрилъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Польшей. Дѣйствительно, увлекшись своимъ королевскимъ титуломъ, Магнусъ вздумалъ было стать дѣйствительнымъ королемъ и, не дожидаясь предписанія царя, на свой собственный страхъ занялъ Вольмаръ, Раннебургъ и еще нѣсколько городовъ, пытаясь играть роль самостоятельнаго короля. Но съ Иваномъ шутки были плохи. Захвативъ врасплохъ въ Кокенхаузенѣ всѣхъ приближенныхъ Магнуса, онъ въ одинъ часъ казнилъ пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ и потребовалъ, чтобы и самъ король немедленно явился къ нему, пригрозивъ, въ случаѣ неповиновенія, отправить его туда, откуда тотъ былъ взятъ. На другой же день несчастный король валялся въ ногахъ у Ивана. „Дуракъ! — крикнулъ на него царь,— развѣ ты забылъ, что ты нищій, котораго я принялъ въ свою семью, обулъ и одѣлъ? И ты вздумалъ идти противъ меня! Тягаться со мной“?!

Царь приказалъ запереть Магнуса въ темный чуланъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней держать его на соломѣ, затѣмъ потащилъ его за собою: взявъ по пути Венденъ, царь направился къ Дерпту, гдѣ Магнусъ ожидалъ своей казни, но вмѣсто того получилъ помилованіе.

Лишившись почти всего своего королевства и обязавшись уплатить царю 40,000 флориновъ золота, но не имѣя ни гроша за душой, Магнусъ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ сталъ добиваться заступничества Баторія.

Между тѣмъ Иванъ спохватился, что сдѣлалъ промахъ. Онъ полагалъ, что совершенно покончилъ съ Польшей, и обратилъ все свое вниманіе на Швецію, а между тѣмъ Баторій, съ которымъ вначалѣ ему легко было придти къ соглашенію, такъ какъ въ то время тотъ былъ сильно заинтересованъ мыслью получить Венгрію, которая въ глазахъ этого смѣлаго авантюриста стоила Ливоніи, —теперь, когда Иванъ завладѣлъ чуть-ли не всѣмъ, чѣмъ владѣли поляки въ Ливоніи, понялъ, что нужно ограничить успѣхи Москвы.

Но въ оправданіе Ивана нужно сказать, что ничто не позволяло ожидать со стороны Польши или Баторія тѣхъ ударовъ, которые обрушились теперь на царя и на Москву.

ЧАСТЬ III-я.

I. Конфликтъ противоположныхъ вѣяній и принциповъ. — Немилость Сильвестра и Адашева.—Бѣгство Курбскаго.

Уже отецъ Ивана основалъ въ Москвѣ особую слободу для иностранцевъ, и эта такъ называемая нѣмецкая слобода дольше другихъ сохраняла извѣстную автономію. Изъ нея пошли первыя вѣянія европейскаго духа, а затѣмъ войны Ивана изъ-за Ливоніи и постоянныя политическія осложненія, возникавшія изъ-за нея

только еще болѣе усилили эти новыя вѣянія, поставляя все новый и новый контингентъ населенія нѣмецкой слободы изъ военноплѣнныхъ или насильственныхъ эмигрантовъ-ливонцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось и обратное теченіе—Москвы въ Европу. Иванъ IV отправилъ въ Европу для обученія и наблюденія боярина Лыкова и другихъ. Видимо, Москва выходила уже изъ своего склепа на свѣтъ Божій, сбрасывала съ себя завѣсу, отдѣлявшую ее отъ остального міра. Теперь и Карлъ V, и папа Юлій III интересовались Москвой. Чтобы привлечь иностранцевъ въ Москву, Иванъ допускалъ для нихъ разныя льготы и наряду съ этимъ издалъ указъ, въ силу котораго воспрещалось продавать въ Германію или Польшу плѣнныхъ нѣмцевъ, а предписывалось направлять ихъ всѣхъ въ Москву, особенно тѣхъ, которые были искусны въ какомъ нибудь ремеслѣ.

Фейтъ Зенгэ говоритъ о замѣчательной подражательной способности русскихъ, быстро усвоивавшихъ себѣ всѣ элементы иностранной культуры: мануфактуру, искусство, торговлю. Послѣ взятія Нарвы, русскіе завязали торговыя сношенія съ Нидерландами и даже съ Франціей. Стоило только что нибудь показать русскимъ, какъ они тотчасъ-же съ поразительной легкостью повторяли то-же самое.

Видя въ печати важнѣйшее орудіе пропаганды умственнаго развитія, Иванъ IV поспѣшилъ выписать изъ-за границы искусныхъ типографщиковъ, и въ 1552 г. король датскій исполнилъ желаніе царя, приславъ ему двухъ типографщиковъ, а въ 1553-мъ въ Москвѣ были уже свои, русскіе типографы: Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевичъ, а нѣсколько позже знаменитый Василій Никифоровъ.

Съ легкой руки царя Ивана и его переписки съ Курбскимъ на Руси появилась свѣтская литература, захватившая не только область житейской мудрости и дидактическихъ наставленій и поученій, но и область романтической фантазіи.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними вліяніями, проникшими въ высшіе классы московскаго общества, въ нихъ проникъ и духъ независимости и свободы.

Старый, крамольный боярскій духъ еще болѣе усилился, когда московская аристократія познакомилась съ положеніемъ привиллегированныхъ классовъ въ Западной Европѣ.

А Иванъ, царствовавшій по Божію изволенію и выше себя не признававшій никого на землѣ, конечно, не терпѣлъ ни малѣйшаго проявленія боярскаго самовластія. Памятныя впечатлѣнія дѣтства еще болѣе усиливали въ немъ убѣжденіе, что на Руси необходимъ только неограниченный монархъ.

Желая развязаться со старыми традиціями, жившими еще въ извѣстной части боярства, Иванъ и рѣшилъ, постепенно отстраняя его отъ дѣлъ, выдвигать не родовитыхъ, но за то вполнѣ преданныхъ ему людей, готовыхъ идти за него въ огонь и въ воду. Отсюда и начало опричнины.

Вполнѣ понятно поэтому, да еще при его подозрительности, какъ раздражался онъ, когда выведенные имъ въ люди его избранники измѣняли ему.

А между тѣмъ такъ именно и поступили Сильвестръ и Адашевъ во время болѣзни царя въ 1553 г., отказавшись присягать малолѣтнему царевичу Дмитрію и явно ставъ на сторону двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича Старицкаго.

Понятно, выздоровѣвъ, Иванъ не могъ простить этого своимъ любимцамъ и охладѣлъ къ нимъ.

Участь ихъ была рѣшена.

Однако, до 1-го іюля 1560 г. Адашевъ, повидимому, принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ,

но затѣмъ его назначили воеводой перваго государева полка Ливонской арміи. Одновременно съ нимъ Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлозерскій монастырь, обычное убѣжище падшихъ величій. Потомъ оба были преданы суду, но и тутъ одинъ изъ нихъ отдѣлался ссылкой въ Соловки, а другой, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Фелинѣ, въ Ливоніи, былъ заключенъ въ тюрьму.

Намъ ничего не извѣстно о послѣднихъ годахъ жизни Сильвестра. Адашевъ же умеръ въ заключеніи спустя два года. Курбскій упоминаетъ о какой-то вдовѣ польскаго происхожденія, обвиненной въ преступныхъ сношеніяхъ съ Адашевомъ и казненной вмѣстѣ съ ея пятью сыновьями, а также о цѣломъ рядѣ родственниковъ эксъ-любимца, звѣрски казненныхъ Иваномъ. Насколько все это вѣрно, трудно рѣшить, хотя, безъ сомнѣнія, въ этотъ періодъ времени было пролито много крови. Но звѣрство было присуще нравамъ того вѣка не только въ Россіи, но и повсемѣстно; стоитъ только вспомнить дѣянія Генриха VII, Елизаветы, Филиппа II, Карла IX. А если при этомъ принять еще во вниманіе крайне необузданную и нервную натуру Ивана, то всѣ эти приписываемыя ему, какъ нѣчто чудовищное, — звѣрства становятся весьма понятными.

О большинствѣ звѣрствъ Ивана мы узнаемъ изъ переписки Курбскаго съ царемъ и изъ его-же исторіи Ивана Грознаго, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Курбскому не должно вполнѣ довѣрять, во 1-хъ, уже потому, что онъ былъ явный и открытый противникъ Ивана, во 2-хъ, онъ далеко не всегда вѣренъ правдѣ. Такъ, напр., всѣмъ намъ извѣстный возмутительный эпизодъ съ Василіемъ Шибановымъ оказывается миѳомъ: существуютъ доказательства, что этотъ Василій Шибановъ не переходилъ границы, не покидалъ царства Московскаго и не слѣдовалъ за своимъ господиномъ, княземъ Курбскимъ въ Литву, слѣдовательно, не могъ и быть его посломъ къ государю. Кромѣ того, теперь уже доказано, что вся эта переписка Ивана съ Курбскимъ происходила не въ видѣ интимной частной переписки двухъ лицъ, а въ видѣ открытыхъ подметныхъ писемъ, преданныхъ самой широкой гласности и, слѣдовательно, не имѣвшихъ надобности въ гонцахъ и посланныхъ.

Далѣе, Курбскій говоритъ о князѣ Воротынскомъ, будто бы дважды подвергшемся пыткамъ и допросу въ застѣнкѣ, поджаренномъ на медленномъ огнѣ, по словамъ Курбскаго, въ присутствіи царя, который самъ поправлялъ угли своимъ жезломъ и наслаждался муками несчастнаго. А между тѣмъ, изъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ дѣлу этого князя Воротынскаго, видно, что опальный князь пользовался весьма многими удобствами жизни во время своей опалы, такъ какъ онъ жалуется царю, что ему не доставляютъ ни рейнскихъ, ни фряжскихъ винъ, на которыя онъ, въ силу указа Государева, имѣетъ право; онъ требуетъ для себя и своей семьи, находящейся при немъ, а также для его 12 слугъ, всякаго рода припасовъ, какъ - то—свѣжей рыбы, изюму, черносливу, лимоновъ и т. д.

Изъ всего этого ясно, что тюрьма, гдѣ онъ содержался съ такимъ комфортомъ, была далеко не сурова къ нему, и что Иванъ въ сущности былъ крайне милостивъ къ своему заключенному.

Точно также во всѣхъ безусловно достовѣрныхъ источникахъ, какими можно, конечно, считать оффиціальные документы, относящіеся къ процессамъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Адашева и Сильвестра,—не говорится ни о пыткахъ, ни о казняхъ. Судебное слѣдствіе обыкновенно основывалось на попыткѣ бѣгства, будто-бы задуманнаго обвиняемымъ, и въ большинствѣ случа-

евъ кончалось обязательствомъ виновнаго подпиской не выѣзжать изъ предѣловъ Московскаго государства, съ представленіемъ залога и поручителей. Только при повторной попыткѣ бѣжать, дѣло оканчивалось ссылкой въ глубь страны или болѣе строгимъ административнымъ надзоромъ.

Самое переселеніе изъ государства Московскаго въ Литву и Польшу не можетъ быть приписываемо жестокости правленія Ивана, такъ какъ подобные переходы изъ владѣній одного государя во владѣнія другого искони были въ характерѣ русскаго народа.

Надо еще замѣтить, что и дворъ Ивана кишѣлъ выходцами изъ Литвы и Польши,—и Гедиминовичамъ у насъ не было счета. Черезъ жену Ольгерда, тверскую княжну, громадное число родовитыхъ польскихъ фамилій находилось въ болѣе или менѣе тѣсномъ родствѣ съ русскими княжескими родами, и впослѣдствіи тѣ и другіе дѣлились между двумя странами: одни служили Ивану, другіе Сигизмунду. Чарторыйскіе, Мстиславскіе, Одоевскіе, Бѣльскіе, Воротынскіе, Вишневецкіе и Шереметьевы могли съ одинаковымъ правомъ считаться и русскими, и польскими аристократами.

Этотъ безпрерывный переходъ изъ Москвы въ Литву и Польшу, а изъ Польши и Литвы въ Москву считался столь обычнымъ, что даже Грозный долгое время не рѣшался принять энергичныхъ мѣръ, чтобы положить этому конецъ.

Задержанный въ моментъ попытки бѣгства Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій вскорѣ послѣ того возобновилъ свою попытку, но вторично вымолилъ себѣ прощеніе, а въ 1564 г. бѣжалъ Иванъ Шереметьевъ и, по словамъ Курбскаго, бывъ задержанъ прежде, чѣмъ успѣлъ перейти границу, былъ подвергнутъ пыткѣ, закованъ въ кандалы, а братъ его Никита былъ задушенъ у него на глазахъ. Но исторія не упоминаетъ ни о какомъ Никитѣ, и никакихъ документовъ, подтверждающихъ слова Курбскаго, не существуетъ. Между тѣмъ изъ несомнѣнныхъ документовъ видно, что немного спустя тотъ-же Шереметьевъ находился при исполненіи всѣхъ своихъ прежнихъ должностей и лишь много позже былъ сосланъ въ Бѣлозерье, гдѣ, какъ это видно изъ документовъ, ему жилось вовсе не худо.

Почти тоже можно сказать и о самомъ Курбскомъ. Какъ близкій другъ и пріятель Сильвестра и Адашева, онъ, естественно, былъ замѣшанъ въ ихъ дѣлѣ, а послѣ своей неудачи подъ Невелемъ и еще болѣе неудачныхъ и подозрительныхъ переговоровъ со Швеціей, Курбскій, вѣроятно, не безъ основанія сталъ подумывать о бѣгствѣ. Въ 1564 г. онъ бѣжалъ къ королю польскому и былъ имъ хорошо принятъ, послѣ чего не задумался поднять оружіе на своихъ и стать въ ряды войскъ своего новаго государя.

Въ своемъ новомъ отечествѣ Курбскій прожилъ 19 лѣтъ, но не сумѣлъ пріобрѣсти ничьей любви и довѣрія.

Во время своего пребыванія въ Польшѣ, наряду съ перепиской съ Иваномъ, Курбскій написалъ еще исторію царствованія Ивана Грознаго, гдѣ всячески старался критиковать личное правленіе царя, превозносія высокія достоинства его ближайшихъ совѣтниковъ.

Въ Россіи Курбскій пріобрѣлъ личныхъ сторонниковъ и многихъ противниковъ. Во всякомъ случаѣ это былъ выдающійся представитель просвѣтительныхъ идей, проникшихъ въ высшіе слои русскаго общества XVI-го вѣка, далѣе, первый публицистъ своей страны и первый гражданинъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, увлекавшійся идеей прогресса, способный поднять голосъ противъ грубаго деспотизма и насилія.

Однако, историкъ онъ былъ плохой. Увлекшись личной ненавистью къ царю, онъ не могъ быть безпри-

страстнымъ и часто грѣшилъ противъ истины. Кромѣ того, и сама личная его жизнь противорѣчила его идеямъ и мечтамъ.

Получивъ богатые надѣлы въ Польшѣ, онъ выказалъ себя жестокимъ, безчеловѣчнымъ господиномъ, непріятнымъ, безпокойнымъ и несноснымъ сосѣдомъ и самымъ непокорнымъ и недовольнымъ подданнымъ. Постоянно возмущаясь и возставая противъ деспотизма, онъ самъ совершалъ и допускалъ у своихъ управляющихъ возмутительныя злоупотребленія властью, ничѣмъ не уступавшія тѣмъ, въ какихъ онъ упрекалъ Ивана.

Это былъ воплощенный типъ той категоріи людей, съ которыми всю свою жизнь воевалъ Иванъ; съ умомъ, открытымъ для пониманія извѣстныхъ основъ цивилизаціи, съ извѣстнымъ представленіемъ о свободѣ и правѣ личности, но, понимая то и другое въ узкомъ смыслѣ, примѣняя ихъ исключительно къ интересамъ своей касты и своихъ присныхъ.

Курбскій умеръ въ Ковелѣ въ 1583 году; семья же его, ставъ католическою въ Польшѣ, впослѣдствіи вернулась въ Москву, возвратившись къ вѣрѣ своихъ отцовъ, и, наконецъ, родъ Курбскихъ совершенно угасъ въ 1777 году.

Пер. *А. Энквистъ.*

(До слѣд. №-ра).

Сонъ провинціи.—Безлюдье.—Безплодные поиски людей въ Полтавѣ.—На родинѣ „нѣжинской настойки“.—Атакское благополучіе и взятки.—„Молчаніе есть признакъ благополучія“.—Неправильное толкованіе закона о праздникахъ.—Народная тьма.—Всепожирающія мыши въ Курскомъ земствѣ.—Проводническій вопросъ въ Крыму.—Ардатовскіе „обуздатели“.—Заправилы Забайкальской дороги въ качествѣ „капраловъ“.—Вражда въ Прилукахъ у еврейскихъ „отцовъ и дѣтей“.—Сельскія почты и сельскіе обитатели.—Волокита у Ферганскихъ переселенцевъ.—Покаянный вопль „Гражданина“ объ отсутствіи правды.—Формализмъ, заѣдающій жизнь.—Недостатокъ образованія.—Призывъ „Иверіи“ къ пожертвованіямъ со стороны издателей.—Взгляды новаго Министра Внутреннихъ дѣлъ.

На тускломъ фонѣ окружающей повседневной дѣйствительности, среди вялости, безпринципности и нравственнаго убожества однихъ, тьмы, косности и безразличія другихъ, проступаютъ, подобно игрѣ свѣта и тѣней, какіе то странные контуры, неясныя, расплывчатыя очертанія,—слабые образы, безъ собственной физіономіи, подобно стертой монетѣ похожіе другъ на друга.

Сѣрая жизнь, однотонная, однообразная, сѣрые люди, блуждающіе въ потьмахъ, ничего не ищущіе, никуда не идущіе. День да ночь—сутки прочь. И сутки смѣняются сутками, время неслышно совершаетъ свой полетъ, а жизнь словно замерла и не двигается съ мѣста, вертясь въ заколдованномъ кругѣ мелочей.

„Мелочи, мелочи, мелочи заполонили всю жизнь“! Онѣ, по образному выраженію русскаго сатирика, „какъ чесоточный зудень впиваются въ организмъ человѣка и точатъ и жгутъ его“. Жизнь словно говоритъ насмѣшливо: „падите крылья, вы не нужны—замри ты, духъ,—давно пора“...

И падаютъ крылья, и въ ужасѣ замираетъ духъ бездны предъ пошлостью, готовый не къ бою, а къ сдачѣ позорной, малодушной. Духъ замиренъ въ тоскѣ безсилья, все никнетъ долу, что не могло подняться надъ прахомъ земли,—и среди зловѣщей тишины общественнаго небытія носится ястребомъ-стервятникомъ крылатое слово: „все обстоитъ благополучно“, своего рода россійская колыбельная пѣсня. Если и не все обстоитъ дѣйствительно благополучно, то стремится къ тому, чтобы такъ именно обстояло, хотя бы на бумагѣ.

Картины настоящей идилліи развертываются на стогнахъ нашей провинціи, и въ чары ея кроткаго сна еще недавно всѣ такъ вѣрили и обольщались ими.

„Спи бѣдная, спи, потрудившаяся! Сонъ есть лучшій другъ человѣка... Спасительны его чары“...

О сонномъ царствѣ, именуемомъ россійскими палестинами, написаны сотни томовъ. Сонъ и безлюдье. Скорбная повѣсть объ отсутствіи дѣятелей при наличности людей повторяется, словно сказка о бѣломъ бычкѣ. Отовсюду идутъ жалобы на безлюдье. Варіаціи на одну и ту же тему: „оскудѣла людьми земля русская“. Такъ ли, однако? Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди. А по поводу безлюдья въ Полтавѣ, напр., корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ чертитъ слѣдующія наводящія на размышленіе строки.

„Провинціальное безлюдье съ особенной силой даетъ себя чувствовать, когда дѣло касается выборовъ на общественныя должности, а такъ какъ въ этомъ году здѣсь предстоятъ земскіе, городскіе и дворянскіе выборы, то вопросъ объ отсутствіи необходимаго для общественнаго руководительства элемента и является теперь у насъ самымъ жгучимъ, особенно въ городскихъ и земскихъ сферахъ. Городскому головѣ уже давно пора было бы уступить свое мѣсто новому, болѣе молодому человѣку, но въ средѣ горожанъ нѣтъ ему замѣстителя, а если и желаетъ кто-нибудь выдвинуть свою кандидатуру въ головы, то все это—люди совершенно несоотвѣтствующіе, стремящіеся лишь занять почетное мѣстечко. Городское дѣло настолько разрослось, что далеко не всякій съ нимъ справится; кромѣ того, необходима инициатива, убѣжденность. Не легче подыскать и членовъ управы: уже больше двухъ лѣтъ числится вакантной одна должность члена управы, между тѣмъ годовой окладъ доведенъ до 2 тыс. р. Да и изъ нынѣшнихъ членовъ управы не всѣ на своемъ мѣстѣ. Въ составѣ губернской земской управы также должны произойти перемѣны, но вполнѣ достойныхъ кандидатовъ очень мало, такъ что опять могутъ попасть люди, совершенно неподходящіе.

Особенно тяжело придется въ этомъ отношеніи полтавскому уѣздному собранію, которому надо избрать двухъ-трехъ членовъ управы. Теперь управа состоитъ изъ людей случайныхъ, совершенно, кромѣ предсѣдателя, непригодныхъ къ руководительству земскимъ дѣломъ. Даже купцы и тѣ поставлены въ затрудненіе. Имъ предстоитъ избрать купеческаго старосту на мѣсто скончавшагося, а кандидата въ своей средѣ, на котораго можно было бы положиться, они не находятъ“.

Итакъ, если принять завѣренія корреспондента, въ Полтавѣ по части людей обстоитъ совсѣмъ плохо. Губернскій центръ, городъ съ 50-тью тысячами жителей, а людей званныхъ и избранныхъ для общественной работы днемъ съ фонаремъ приходится искать.

Ту же тему разрабатываетъ „Кіевская Газета“, рисуя нравы интеллигенціи Нѣжина. Интеллигенція безъ ковычекъ, хотя и съ сильной заковыкой.

Нѣжинъ—отчизна рябиновыхъ настоекъ и сладкой пастилы. Нѣжинская интеллигенція промѣняла свое первородство на склянку рябиновой и, обратясь въ неунывающихъ россіянъ, забыла о томъ даже, что она интеллигенція. „Нѣжинъ,—повѣствуетъ „Кіевская Газета“, такъ мало вообще даетъ для умственной жизни интеллигенціи, что послѣдняя забываетъ даже, что она интеллигенція. Если вы поищете въ Нѣжинѣ чего-либо способствующаго поддержанію въ людахъ умственныхъ интересовъ, то найдете очень мало. Здѣсь нѣтъ мѣста литературнымъ чтеніямъ, публичнымъ лекціямъ и проч.; по части книгохранилищъ—скудость поразительная; есть здѣсь среднія учебныя заведенія, преподаватели которыхъ не выказываютъ ни малѣйшей охоты работать надъ чѣмъ либо постороннимъ дѣлу преподаванія извѣстнаго предмета дѣтямъ. Неудивительно же, если здѣсь одни убійственно картежничаютъ, а другіе подъ аккомпаниментъ „вистую“, „хожу“, „пасъ“, усердно пьютъ, дебоширятъ и сплетничаютъ.

И это, не забудьте, всего въ трехъ часахъ ѣзды отъ стольнаго града Кіева, а не въ какой-нибудь дырѣ, отрѣзанной отъ всего Божьяго міра.

Въ дырахъ, отрѣзанныхъ отъ Божьяго міра, происходитъ нѣчто прямо таки несуразное, хотя и мало мѣщающее „прогрессу“ съ точки зрѣнія россійскаго благополучія. Одинъ шагъ впередъ, два назадъ—иногда также вѣдь именуется прогрессомъ. Съ такимъ прогрессомъ мирятся даже наши охранители, консервирующіе жизнь быстробѣгущую, словно чудище, въ препаровочной банкѣ.

Но жизнь спѣшитъ и не соглашается замереть и остановиться, подобно машинѣ, лишенной пара. Только одно россійское бумажное благополучіе никуда не спѣшитъ и остается однимъ и тѣмъ же, словно обыва-

тель приросъ самъ къ мѣсту и замеръ въ окаменѣлости. Впрочемъ, благополучіе благополучію, конечно, рознь. Въ мѣстечкѣ, напр., Атаки, Бессарабской губерніи обвиняемые и тяжущіеся въ волостномъ судѣ считали, быть можетъ, верхомъ благополучія очень мало, въ сущности, благополучное обстоятельство, чтобы сельскіе судьи брали по старинѣ взятки. Обличеніе послѣдовало со стороны земскаго начальника, который собралъ сходъ и обратился къ нему со словами: „Я узналъ, что волостные судьи берутъ взятки. Не давайте никому ни копѣйки. Они должны рѣшать дѣла безвозмездно“.

Безспорно, земскій начальникъ внесъ въ тихую заводь атакскихъ сидѣльцевъ нѣкоторую бурю и подорвалъ довѣріе къ принципу атакскаго благополучія. Это очень не похвально съ его стороны, ибо по современному обиходу и философской морали „честно мыслящихъ“ общественный дѣятель долженъ заботиться не столько объ открытіи правды, сколько объ ея сокрытіи.

Предпочтеніе сокрытія открытію стало своего рода символомъ вѣры правовѣрныхъ моралистовъ, заботящихся прежде всего о фиговомъ листѣ для прикрытія грѣховной наготы.

Такимъ именно листомъ прикрылся Рославль, пожелавъ не столько быть, сколько слыть градомъ просвѣщеннымъ, вѣрящимъ, что словеса книжныя—суть рѣки, наполняющія землю.

Въ Рославлѣ двадцать тысячъ жителей и одна библіотека съ полками для книгъ и съ 75 подписчиками.

Рославльскій библіотечный подписчикъ своего рода подвижникъ. Читать ему страстно хочется, а читать нечего, хотя среди рославльскихъ просвѣтительныхъ учрежденій и существуетъ библіотека съ выдранными листами книгъ и затерянными томами. Библіотека существуетъ, а приглядитесь поближе и увидите только фиговый листъ на наготѣ обывательскаго неблагополучія. Иногда картины тьмы безразсвѣтной рѣзко бросаются въ глаза, и жизнь даетъ такія иллюстраціи, до которыхъ врядъ ли бы дошла самая пылкая фантазія. Иногда, при подобномъ лицезрѣніи, какъ при солнцѣ, гонящемъ мракъ, невольно рвутся проклятія, и фраза о благополучіи получаетъ свое дѣйствительное значеніе и надлежащую оцѣнку.

„Иллюзіи гибнутъ—факты остаются“,—но фактъ безъ критики, безъ освѣщенія еще нѣчто малое. Къ сожалѣнію, если жизнь не скупится на факты, то обывательскіе нравы предпочитаютъ молчаніе; уваженіе къ гласности не россійская черта. Подъ сугубымъ покровомъ тайны вершатся странныя вещи, всплывая на поверхность въ видѣ одинаково краткой, и одинаково не вразумительной формулы: молчаніе есть признакъ благополучія.

Въ мутныхъ потокахъ тайны, въ заводи благополучія щука ловитъ карасей, даются такія истолкованія фактамъ жизни и самими законами, что молчаніе уже является попустительствомъ. Такъ, благодѣтельный законъ о праздничной работѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Таврической губерніи истолкованъ въ такомъ обратномъ смыслѣ, что законъ, касающійся главнымъ образомъ праздничныхъ работъ на своемъ хозяйствѣ (работы, которыя кое-гдѣ по деревнямъ преслѣдовались односельчанами), косвеннымъ образомъ можетъ повлечь за собою принудительную для экономическихъ рабочихъ работу по 30-ти дней въ мѣсяцъ безъ празднованія воскресеній.

Неясность редакціи истолкована въ смыслѣ желательномъ для нанимателей, и недоразумѣнія на этой почвѣ уже происходили не разъ и были зарегистрованы на страницахъ провинціальныхъ органовъ печати, посильно служащей сокровищницей фактовъ жизни и борцомъ противъ тьмы.

О такомъ ужасающемъ фактѣ народной тьмы пишутъ „Русск. Сл.“ изъ с. Солонцы Симбирскаго уѣзда:

„Крестьянка Малкина долгое время страдала ревматизмомъ ногъ. Лѣкарства, какія давали доктора, ей не помогали. Тогда она рѣшилась обратиться къ славящемуся въ окрестности старцу. Тотъ обѣщалъ вылѣчить „живой рукой“ и прописалъ рецептъ—просидѣть два дня зарытой по поясъ въ навозъ.

Изстрадавшуюся женщину свезли въ сосѣдній оврагъ и тамъ закопали...

Послѣ первой же ночи больная начала жаловаться караулившей ее матери:

— На тѣлѣ у меня что-то шевелится...

— Ничего. Это хорошо. Это, знать, болѣзнь выходитъ изъ тебя...

Мать ушла.

Закопанная осталась одна. Испытывая

мучительную боль, она все же продолжала сидѣть въ навозѣ.

Наконецъ, кончился двухдневный срокъ, назначенный старцемъ.

Больную отрыли и съ ужасомъ увидѣли, что все тѣло несчастной покрыто струпьями. Огромные черви висятъ и копошатся въ выѣденныхъ ими сплошныхъ гноящихся ранахъ...

Черезъ недѣлю крестьянка скончалась"...

Но въ Солонцахъ не скончалась, не исчезла и разсѣялась эта тьма кромѣшная, толкающая людей на путь блужданій среди Божьяго міра, на путь, которому ни одинъ лучъ не свѣтитъ впереди...

Пока въ русской жизни возможны подобныя явленія, пока власть тьмы, ежедневно, ежеминутно давитъ и коверкаетъ жизни милліоновъ, говорить о благополучіи и успокаиваться въ немъ не приходится.

Правда, какая ни на есть правда лучше всякой лжи. Въ общественной жизни, среди общественной работы на кривдѣ не далеко уѣдешь, ибо правда единственный базисъ плодотворности такого работника. Ложь порождаетъ ложь, та въ свою очередь ведетъ легіоны лжи.

Такъ, въ одномъ изъ земствъ въ Курской губерніи случился совсѣмъ неожиданный пассажъ. Въ земскихъ учрежденіяхъ завелась особая порода мышей—все пожирающихъ тварей. Мыши просто брали безъ остатка и кули съ овсомъ, и ручки отъ перьевъ, и пр. канцелярскія принадлежности.

Предсѣдатель земской управы оказался человѣкъ остроумный и въ обхожденіи деликатный. Возмущенный разбоями мышей, онъ пригласилъ одного изъ лицъ, близко знающаго нравы подполья, и полюбопытствовалъ узнать:

— А изъ мышей ни одну не задержали?— обратился предсѣдатель къ стоявшему передъ нимъ руки по швамъ субъекту.

— Ихъ не видно было, а потому и не задержали.

— Гм! Въ такомъ случаѣ вотъ мои 50 рублей, а 50 рублей пусть заплатятъ за уничтоженный овесъ два члена управы. Смотрите... какъ бы эти мыши не съѣли и всѣхъ васъ!

А въ земской управѣ отъ мышей положительно нѣтъ житья. Придутъ чиновники и только хотятъ взяться за работу, какъ вдругъ, то ручекъ не хватаетъ, то безслѣдно исчезла бумага. Придутъ на вечернія занятія—лампъ мало, или какой нибудь еще казусъ.

Секретарь сейчасъ же зоветъ сторожа.

— Гдѣ ручки, бумага, лампы?.. А?..

— Да кто ихъ знаетъ... должно быть того... мыши съѣли.

— А почему ты не подаешь всѣмъ чаю?..

— Нѣтъ стакановъ... мыши побили...

— Ну, покажи хоть битые стаканы!..

— И склянки мыши поѣли.

Эти же мыши недавно проглотили цѣлую дюжину вѣнскихъ стульевъ, принадлежащихъ земской управѣ.

Въ настоящее время земство, говоритъ Курскій Листокъ, очень озабочено покупкою сибирскаго кота, который хотя-бы на половину сократилъ прожорливость необыкновенныхъ мышей.

Къ сожалѣнію, даже сибирскіе коты, привыкнувъ къ лѣни и ничего недѣланію, раздобрѣвъ за счетъ обывательскихъ кормовъ и общественнаго пирога, къ ловлѣ мышей бываютъ очень равнодушны, предпочитая болѣе лакомыя блюда, чѣмъ мышиное мясо.

Подобные баловни судьбы катаются какъ сыръ въ маслѣ и возбуждаютъ зависть не только среди среди кошачьяго царства, но и двуногихъ людей. Такіе „счастливцы" завелись въ Ялтѣ и даже въ крошечной Алуштѣ. И въ Ялтѣ, и въ Алуштѣ возбужденъ даже особый „проводническій" вопросъ. Въ Ялтѣ, „Крымскій Вѣстникъ" даже поднялъ чуть ли не всероссійскій шумъ однимъ обывательскимъ письмомъ, грозно требующимъ обузданія ялтинскихъ нравовъ путемъ репрессіи и регламентаціи мужской проституціи. По досужему мнѣнію досужаго обывателя, этимъ можно съ корнемъ вырвать зло и порѣшить вопросъ. Вопросъ, корни котораго коренятся въ глубокой тьмѣ невѣжества и сибаритства однихъ и желанія стать такими же сибаритами у другихъ.

Мерзость тьмы и косность, къ сожалѣнію,— не поддаются палочному обузданію, а тьма уступаетъ только свѣту.

Типы доморощенныхъ „обуздателей", выступающихъ открыто, у насъ и безъ того не рѣдкость. Въ Ардатовскомъ и другихъ уѣздахъ Нижегородской губерніи усердствуютъ не по разуму. Въ Нижегородской губерніи населенію запрещено кѣмъ то заниматься

всякими музыкальными и потѣшными дѣйствами.

— Сказано вамъ, такіе-сякіе, чтобы не собираться въ кучи.—Пошли всѣ прочь! Нынѣ японка воюетъ, а вы—пустоплясъ, да ишо православные—за пѣсни... Пшли, а то сичасъ протоколъ и въ кутузку! У меня это живо: р-разъ и въ кутузку!

Стражники россійской тишины и китайскаго покоя завелись и въ богоспасаемомъ Туапсе, гдѣ вдругъ оказалась подъ сомнѣніемъ въ благонамѣренности ростовская газета „Пріазовскій Край". Заподозривъ въ такомъ преступленіи почтенную ростовскую газету, приставъ гор. Туапсе воспретилъ розничную продажу „Пріазовскаго Края". Газета нашла это распоряженіе незаконнымъ и обжаловала его губернатору, который, конечно, немедленно отмѣнилъ незаконное распоряженіе пристава.

Послѣдній, однако, не успокоился и нашелъ нужнымъ привлечь къ отвѣтственности по ст. 1018 (продажа безъ разрѣшенія) лицо, завѣдующее продажей газеты.

Преступленіе по ст. 1018 разсудитъ судъ, которому единственно принадлежитъ право пресѣкать, карать и миловать. Въ Туапсе это право присвоиваютъ себѣ лица, воображающія себя силой, на основаніи лишь того, что „кто палку взялъ, тотъ и капралъ".

Такихъ „капраловъ" завелось въ послѣднее время множество. Одинъ изъ нихъ издаетъ цѣлые эдикты своимъ подчиненнымъ, карая и милуя всѣхъ невинныхъ за одного виновнаго. На Забайкальской дорогѣ объявленъ въ числѣ приказовъ начальника дороги слѣдующій, достойный отмѣтки и памяти:

„Господину начальнику телеграфа.

Препровождая при семъ вырѣзку изъ газеты „В. О." отъ 6 августа сего года за № 187, имѣю честь покорнѣйше просить представить ко взысканію всѣхъ агентовъ ввѣреннаго вамъ отдѣла, на обязанности и отвѣтственности которыхъ лежало храненіе переписки, доставленной редакціи.

Никакой чиновникъ не имѣетъ права безъ дозволенія начальства обнародовать дѣла и свѣдѣнія, ввѣренныя и извѣстныя ему по службѣ".

Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, какъ равно и съ тѣмъ, что круговой поруки въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ въ интересахъ справедливости и правды не можетъ требовать ни одинъ начальникъ. Дебютируя на почвѣ обузданія гласности, начальникъ Забайкальской дороги теперь долженъ сочинить новый эдиктъ и наложить новую кару гуртомъ на всѣхъ чиновъ за пропечатаніе его приказа, не предназначавшагося къ печати, ибо печатать такія вещи очень неудобно для самого желѣзнодорожнаго олимпійца, вышедшаго за рамки предоставленной ему власти.

„Пропечатателю приказа" гласность протестовала противъ безгласныхъ дѣйствій олимпійца въ своемъ муравейникѣ. Въ муравейникахъ творятся вообще дѣла келейныя, боящіяся свѣта и обсужденія. Такія дѣла творились въ Прилукахъ въ еврейской средѣ. Все было шито и крыто, хотя разладъ между отцами и дѣтьми чувствовался. Старина отстаивала свои права, новина свои. Старый укладъ жизни, старыя традиціи до заушенія включительно,—какъ могущественное средство воздѣйствія, практиковались во всю. Старина ополчалась на ношеніе молодежью палокъ и зонтиковъ, считая сіе ношеніе несовмѣстимымъ съ традиціями благороднаго еврейства, замкнутаго и обособленнаго. Во едину отъ субботъ произошло открытое столкновеніе. Одинъ изъ евреевъ стариковъ рѣшился обуздать распутную молодежь. При встрѣчѣ съ молодымъ евреемъ, гулявшимъ съ палкой въ рукахъ, онъ прибѣгъ къ физическому воздѣйствію безъ всякаго повода со стороны молодого человѣка. Собравшейся толпѣ старикъ объяснилъ, что онъ бьетъ своего единовѣрца за то, что тотъ ходитъ въ субботу съ палкой въ рукахъ, вопреки еврейскому закону. Что же вышло? Въ тотъ же вечеръ, когда гулянье было въ полномъ разгарѣ, молодые евреи, мужчины и женщины, всѣ безъ исключенія, вышли на прогулку съ палками и зонтиками въ рукахъ. А молодой еврей подалъ жалобу на приверженца старины городскому судьѣ за оскорбленіе дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ.

Фактъ, нельзя сказать, чтобы обыденный. Отстаиваніе права личности, борьба съ устарѣлыми традиціями на почвѣ закона, а не воззрѣній муравейника среди еврейства вообще не часты. Вообще у насъ организація силы тьмы и зла гораздо прочнѣе, чѣмъ сплоченность сѣятелей добра. Тамъ дружественность и натискъ, здѣсь—разрозненность.

Въ Болховѣ люди изъ черной сотни прекрасно обдѣлываютъ свои дѣлишки въ городской управѣ. Не управа, а цѣлый дружественный конклавъ. Посторонняго человѣка поразитъ на думскомъ засѣданіи прежде всего запахъ кожи, словно, пишетъ корреспондентъ „Орловскаго Вѣстника", это не думскій залъ, а кожевенный складъ. А дѣло очень просто объясняется: большинство гласныхъ—хозяева кожевенныхъ заводовъ.

По извѣстнымъ причинамъ, при выборѣ гласныхъ нѣкая „двигательная" сила старается завербовать и „продвинуть" въ гласные какъ можно больше хозяевъ кожевенныхъ заводовъ, что, конечно, вполнѣ и удается.

Разъ въ городской управѣ большинство гласныхъ родные „человѣчки", то немудрено, что нѣкоторые злободневные вопросы, бьющіе по карману компанію „человѣчковъ", какъ, напримѣръ, улучшеніе кожевеннаго производства, обложеніе кожъ извѣстной платой (за зараженіе рѣки) въ пользу города и проч., съ трескомъ проваливаются; людей-же, осмѣливающихся спорить и входить въ препирательства съ компаніей, всѣми правдами и неправдами стараются удалить...

Или еще примѣръ: бѣдному человѣку, застроившему сверхъ нормы одну четверть аршина городской земли, управа приказываетъ ломать возведенную постройку, а человѣку сильному, толстосуму, захватившему городской земли не одну сажень, уступаютъ землю безвозмездно, молчатъ...

А все потому, что толстосумъ свой „человѣчекъ"...

Фамусовское „какъ не порадѣть родному человѣку"—живуче и сильно.

Это милое правило проявляется и въ сельской почтѣ.

„Волынь" обращаетъ вниманіе новыхъ органовъ земскаго хозяйства на существующій порядокъ содержанія сельскихъ почтъ. Главное дѣло въ томъ, что сельскія почты, или правильнѣе волостныя, служа интересамъ всѣхъ лицъ, проживающихъ на территоріи района данной волости, въ то же время содержатся исключительно на средства лишь крестьянскихъ обществъ, для которыхъ сельская почта именно меньше всего оказываетъ услугъ. Такой вполнѣ несправедливый порядокъ вещей долженъ быть измѣненъ, и въ содержаніи сельскихъ почтъ должны принимать участіе лица всѣхъ сословій, проживающихъ въ районѣ волости, чего требуетъ простая справедливость. Одновременно съ введеніемъ болѣе общаго обложенія на содержаніе сельской почты, слѣдуетъ также принять мѣры и къ тому, чтобы почта эта болѣе удовлетворяла требованіямъ, предъявляемымъ къ ней. Теперь мы видимъ, что сельская почта занята лишь перевозкой чиновниковъ и жандармовъ; что же касается доставки населенію волости разнаго рода корреспонденцій, то это дѣлается лишь въ видѣ одолженія, и часто сельскій обыватель, проживающій въ десяти верстахъ отъ мѣста нахожденія почтовой конторы, получаетъ письмо или газету, направленныя по сельской почтѣ, чрезъ 10—15 дней отъ времени подачи.

Отъ такой же волокиты страдаютъ и русскіе переселенцы въ Ферганской области. Получаемъ нѣчто несуразное.

Русскіе переселенцы не ждутъ, когда окончится канцелярская волокита о свободныхъ земляхъ. Въ Андижанскій и Ошскій уѣзды идутъ, какъ ходоки, такъ и отдѣльныя семья, просятъ они у начальства земли, садятся самовольно, гдѣ только возможно; строятъ хаты, запахиваютъ богарныя земли и, въ крайности, прикупаютъ у киргизъ для усадьбы небольшіе клочки земель. Въ Ошскомъ уѣздѣ, въ ур. „Кара-тепе" за 3 послѣднихъ года изъ такихъ самовольцевъ образовался цѣлый поселокъ въ 50 дворовъ.

Сначала имъ разрѣшили построить временныя землянки 7—8 семействамъ, затѣмъ къ нимъ пришли еще 12, потомъ 20 и 10 семействъ. Вмѣсто землянокъ, переселенцы выстроили глинобитныя постройки, посѣяли небольшіе огороды, запахали богарныя земли и образовали самовольный поселокъ, названный въ шутку „Нахаловка". Поселокъ этотъ очень неудачный: воды нѣтъ, посѣвы сохнутъ, и богарныя поля плохи. Уѣздная администрація г. Оша предупреждала переселенцевъ не селиться въ „Кара-тепе", но мужики не послушались. Въ Андижанскомъ уѣздѣ такіе же самовольцы есть въ Узгентской и Кугартской волостяхъ. Кромѣ того, въ поселкахъ Благовѣщенскомъ и Спасскомъ живутъ около 120 семействъ, самовольно пришедшихъ сюда, безъ зова со стороны администраціи, въ ожиданіи образованія новаго поселка. Недавно эти „добровольцы" подали генералъ-губернатору но-

вую просьбу: надѣлить ихъ землею безъ издержекъ для казны, обѣщаясь сами, на свой счетъ, исправить главные арыки и построить помѣщенія. Переселенцы указываютъ опять ту же Кугартскую долину. Слухъ о томъ, что будто бы есть земли въ Андижанскомъ уѣздѣ, пошелъ уже далеко за предѣлы туркест. края, и вотъ въ теченіе нынѣшняго лѣта идутъ сюда новые ходоки: изъ Черниговской, Пензенской, Воронежской губерній и даже изъ Сибири. Недавно, болѣе 2-хъ десятковъ семействъ осаждали военнаго губернатора Ферганской области, находившагося въ ур. Хазретъ-Аюбѣ на водахъ, прося надѣлить ихъ земелькою. Очевидно, нужда заставляетъ ходить искать „новыхъ мѣстъ"! Положеніе пришедшихъ сюда,—констатируютъ Спб. Вѣдомости, безъ зова переселенцевъ — не завидное. Скитаться, искать земли, когда ея оффиціально нѣтъ,—дѣло не легкое. Кое кого устроили на работы въ г. Андижанѣ, а большинство пробивается кое-какъ, вблизи своихъ односельцевъ-переселенцевъ. Необходимо поскорѣй покончить съ вопросомъ переселенческимъ. Областная администрація нисколько не погрѣшила бы, основавши въ Кугартской долинѣ русскій поселокъ на 150 дворовъ, тѣмъ болѣе, что расходовъ на это потребуется не много. Колонизаціонное дѣло требуетъ здѣсь скорости, а не канцелярской волокиты!

Волокита вообще не покровительствуетъ живому дѣлу, убивая энергію и предпріимчивость въ людяхъ, заставляя ихъ съ ужасомъ думать о томъ, что „день грядущій имъ готовитъ"? При страхѣ за завтрашній день, при постоянномъ ожиданіи неизвѣстности этого дня никакая работа не спорится. И что же мудренаго, если при такихъ обстоятельствахъ приходится искать людей дѣятельныхъ днемъ съ фонаремъ, если постоянно слышатся жалобы объ искудѣніи людьми на землѣ русской, о неблагополучномъ благополучіи средняго обывателя!

Правды бояться нечего. Рѣзокъ, но благодѣтеленъ, какъ солнце, ея свѣтъ, убивающій зачатки болѣзнетворныхъ началъ, растлѣвающихъ русскую жизнь и вторгающихся въ безпечальную тишь обывательскаго существованія. Эта тѣнь только кажущаяся. И сколько бы жалкихъ словъ не было наговорено о снѣ провинціи, объ ея одряхленіи духовномъ, слова такъ и остаются словами. Жизнь идетъ и бѣжитъ. Провинція за послѣднюю четверть вѣка выросла и окрѣпла. Молодое вино бродитъ, но его не льютъ въ ветхіе мѣха. Она истосковалась, изстрадалась именно по отсутствію правды, довѣрія къ ея силамъ. Онѣ есть, онѣ будутъ, онѣ войдутъ на арену общественной работы, лишь только облегчатся условія для этой самой работы.

Людей нѣтъ... А кто же эти герои, идущіе по собственному почину на Дальній Востокъ, бросающіе семьи и дома, чтобы нести туда, гдѣ кипитъ бой, свои знанія, силы, энергію и недюжинныя дарованія? Кто они, эти вчера еще безвѣстные врачи, студенты, сестры милосердія—всѣ эти мирные дѣятели кровавой эпопеи?

Довольно малодушія и отчаянія, довольно слезъ и стоновъ и старыхъ пѣсенъ, когда даже въ „Гражданинѣ" князя Мещерскаго ясно выраженъ изголодовавшійся по правдѣ взглядъ русскаго публициста:

„Неужели и теперь, въ эту ужасную минуту неизмѣримыхъ потерь, легендарныхъ ужасовъ этой безчеловѣчной бойни, въ которой гибнутъ наши лучшія силы, мы не взглянемъ прямо и честно во всѣ тѣ язвы, которыя назрѣли подъ прикрытіемъ коварнаго „все обстоитъ благополучно" и точили наши устои, нашу церковь и всѣ силы нашего великаго прошлаго? Точили, точили и доточили до той черной страницы, которую мы вписываемъ геройскою кровью въ нашу отечественную исторію, создавая въ то же время новую первоклассную страну—Японію, восходящую на горизонтѣ въ какомъ-то ореолѣ, благодаря отчасти своей фанатичной храбрости и патріотизму, а также нашей халатности, вѣчной неподготовленности и многимъ, многимъ прозѣваннымъ прорѣхамъ! Неужели и теперь, несмотря на этотъ страшный урокъ, посланный Богомъ, мы не поймемъ, гдѣ кроется ядъ разложенія, который довелъ насъ до этой пропасти"?

Этотъ ядъ,—говоритъ публицистъ „Гражданина"—отсутствіе правды. Вотъ одна изъ маленькихъ, правда очень маленькихъ иллюстрацій такого положенія, когда въ ущербъ живой правдѣ дѣла приносится она въ жертву Молоху.

Золотовскій земскій врачъ обнаружилъ въ с. Ваулинѣ страдающаго *буйнымъ помѣшательствомъ* крестьянина Смолянинова. Такъ какъ онъ опасенъ для окружающихъ, то родственники посадили его на цѣпь. Отправить больного въ лечебницу

родственники не имѣли средствъ... Узнавъ о такомъ положеніи больного, камышинскій медицинскій совѣтъ постановилъ ходатайствовать передъ губернской управой о безплатномъ лѣченіи Смольянинова въ земской психіатрической лечебницѣ. По совѣту врача, родственники отправили больного въ Саратовъ и помѣстили тамъ въ лечебницу. Но вскорѣ губернская управа обратилась къ семьѣ больного съ требованіемъ объ уплатѣ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ или предлагала взять его обратно. Такъ какъ семья Смольянинова не могла заплатить управѣ требуемыхъ денегъ, то у нея описали для продажи съ торговъ имущество. Положеніе создалось такое: или полное разореніе семьи, или возвращеніе больного на цѣпь... Узнавши объ этомъ, камышинская управа и медицинскій совѣтъ вновь обратились къ губернской управѣ съ просьбой объ освобожденіи Смольяниновыхъ отъ платы за лѣченіе умалишеннаго, но губ. управа въ этомъ отказала, ссылаясь на то, что плата за лѣченіе можетъ быть слагаема только въ виду несомнѣнной несостоятельности лѣчащагося и его родственниковъ, чего въ данномъ случаѣ губ. управа не усматриваетъ, находя необходимымъ представленіе удостовѣренія о несостоятельности Смольяниновыхъ отъ полиціи или волостного старшины... Оказывается, для земскаго учрежденія мало удостовѣренія земской-же управы или земскаго врача; она предпочитаетъ удостовѣреніе волостного старшины или пристава. Но развѣ такое отношеніе можно назвать живымъ и правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу"?..

Правильнымъ, конечно, съ точки зрѣнія сути, а не формы.

Форма заѣдаетъ жизнь, обращая живыхъ людей въ какія то отвлеченныя цифры, а кипучую жизнь въ мертвенный департаментъ. Въ этомъ случаѣ крайне любопытенъ послѣдній китайскій приказъ, предписывающій соблюденіе подданнымъ Китая нейтралитета. Такимъ образомъ каждый китаецъ долженъ заниматься лишь своимъ дѣломъ: земледѣлецъ—землей, купецъ—торговлей и т. д. Ослушники этого приказа будутъ считаться мятежниками и строго наказываться.

По русски это звучитъ короче: „моя хата съ краю—ничего не знаю". Но строить хаты съ краю значитъ убивать проявленіе всякой общественности и то, что, какъ панацея, проповѣдуется въ Китаѣ, то служитъ ядомъ для Россіи. Японія побѣдила Китай силой своей культуры, своего развитого общественнаго сознанія, своимъ народнымъ учителемъ и просвѣщеніемъ массъ. Только извергнувъ китайщину, которой та была многимъ обязана, она достигла своей крѣпости. Крѣпость ея построена всецѣло на раскрѣпощеніи общества, на широкомъ образованіи народа. Въ нихъ залогъ будущаго, въ нихъ коренится здоровая будущая сила. Поэтому грустныя извѣстія о перополненіи школъ, о недостаткѣ мѣстъ о несоотвѣтствіи и скудости ихъ програмы такъ больно отзываются въ сердцѣ. Извѣстія о переполненіи школъ обычное зло русской жизни. Въ сельскихъ школахъ нѣтъ мѣста, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ переполнено все, относительно высшихъ и говорить не приходится. Половина званныхъ, оказывается, только въ положеніи избранныхъ. Въ особенности въ этомъ году это ярко бросается въ глаза въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ. Раньше въ институтъ принималось около 200 и болѣе человѣкъ. Малый пріемъ этого года по сравненію съ прошлыми годами объясняется тѣмъ, что министерствомъ народнаго просвѣщенія установлена норма для харьковскаго ветеринарнаго института въ 450 человѣкъ, въ настоящее же время въ институтѣ числится 408 студентовъ, такъ что оставалось всего 42 вакантныхъ мѣста. Институтъ ходатайствуетъ передъ министерствомъ о разрѣшеніи принять сверхъ нормы еще 50 человѣкъ.

А между тѣмъ, при появленіи эпизоотіи, какъ теперь въ Сибири, слышатся настойчивыя жалобы на отсутствіе ветеринаровъ, и населенію приходится пользоваться услугами коноваловъ и различныхъ знахарей.

Перепроизводство образованныхъ людей у насъ только наблюдается въ столицахъ. Въ провинціи о немъ нѣтъ и рѣчи, а въ медвѣжьихъ углахъ образованные люди въ качествѣ дѣятелей такъ же рѣдки, какъ тепло на сѣверѣ.

А мы ко всему подходимъ со столичной мѣркой и указываемъ перстами на обиліе кандидатовъ, стучащихся на казенные хлѣбы, ищущихъ, какъ земли обѣтованной, столицъ и двадцатаго числа за счетъ казны.

Для поднятія образованности среди тѣхъ

съ оригинальнымъ проектомъ выступаетъ въ тифлисской газетѣ „Иверія“ г. Джугели. Онъ обращается съ призывомъ къ прессѣ. Указывая на вредное вліяніе невѣжества на нашу народную жизнь и на необходимость просвѣщенія, г. Джугели предлагаетъ слѣдующее: всѣ періодическія изданія должны поднять подписную плату на 5 проц. Этотъ излишекъ долженъ составить пять милліоновъ рублей, каковыя деньги должны пойти на устройство новыхъ учебныхъ заведеній. На 5.000.000 рублей можно будетъ устроить одинъ университетъ, пятьдесятъ среднихъ школъ и нѣсколько десятковъ подготовительныхъ и учебныхъ заведеній. Г. Джугели проситъ всѣ газеты обратить вниманіе на его проектъ.

Проектъ очень хорошій по идеѣ, но врядъ-ли исполнимый. Русская пресса далеко не представляетъ единенія въ своихъ рядахъ и въ большинствѣ случаевъ „содержится“ предпринимателями антрепренерами, которымъ въ рѣшительной степени наплевать на все, кромѣ розницы и зарученія лишняго подписчика. Сами литературные работники, по причинамъ зависящимъ и независящимъ, стоятъ вдали отъ издательскаго дѣла, которое предоставлено въ руки юркихъ промышленниковъ. Если двѣ газеты не могутъ уживаться дружно въ одномъ городѣ, ведя постоянно далеко не принципіальныя распри, то съ дружной надбавкой 5% во имя просвѣтительныхъ цѣлей врядъ-ли издатели обнаружатъ трогательное единодушіе.

„Тьма безразсвѣтная, грусть безъисходная, скоро-ль вамъ будетъ конецъ“?

Задыхаясь отъ тьмы, отъ недостатка воздуха жить нельзя, невозможно жить, и не прозябать. Тьма засасываетъ; въ спертомъ воздухѣ не мѣсто цвѣтамъ... Но зерна, свѣжія, всхожія засѣяны въ цѣлину, и только бы солнце, больше солнца, теплыхъ вёдрянныхъ дней! А придутъ они,--и люди найдутся, сыщутся, будутъ. Они есть,--и всѣ эти жалобы на безлюдье, всѣ эти вопли—вопли и жалобы больного, а не здороваго времени. И за людьми за героями даже ходить на чужбину не придется. Только для людей и героевъ нужны просторъ, ширь иниціативы, сознаніе, что трудъ не пропадетъ даромъ, и возможность условій этого самаго труда. Этотъ трудъ долженъ быть „залогомъ блага общественнаго“, трудомъ ради него. Общество ждетъ работы, оно хочетъ вѣрить въ возможность лучшихъ дней для себя и ждетъ приложенія своихъ силъ для новой, широкой работы, работы съ сознаніемъ своей отвѣтственности и довѣрія.

По поводу назначенія генералъ-адъютанта князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ „Сѣверо-Западное Слово“ напоминаетъ рѣчь, съ которою князь обратился къ мѣстнымъ дворянамъ и должностнымъ лицамъ при вступленіи въ должность генералъ-губернатора 12 ноября 1902 года:

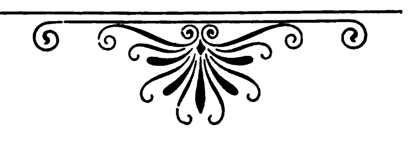
„Приступая сегодня къ исполненію Высочайше возложенныхъ на меня обязанностей, я обращаюсь къ вамъ, какъ къ своимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ.

„Ближайшая задача управленія по моему убѣжденію—есть благо населенія, ввѣреннаго нашему попеченію.

„Мѣстныя нужды разнообразны и сложны. Лишь неустанная, искренняя и самоотверженная работа, къ которой я васъ призываю, способна удовлетворить эти нужды. Трудясь на благо населенія, справедливо, строго законно относясь ко всѣмъ проявленіямъ его жизни, внимательно и благожелательно прислушиваясь къ истиннымъ потребностямъ Сѣверо-Западной Руси и твердо направляя разумную власть, мы дадимъ надежный залогъ къ успѣшному разрѣшенію русской государственной задачи.

„Да поможетъ намъ Господь Богъ достигнуть въ этомъ государственномъ дѣлѣ прочнаго успѣха“.

Вл. Новоселовъ.



Очерки японской литературы.

IV. *)

Дворецъ микадо былъ настоящей теплицей для японской поэзіи.

Вмѣстѣ съ паденіемъ силы и власти микадо и съ закрѣпленіемъ ихъ въ рукахъ сіогуната, наступаетъ періодъ упадка литературы и учености.

Сіогуны опираются уже на новую силу, выдвинутую кровавой борьбой за ихъ власть. Эта сила покоится на копьѣ и мечѣ. Знаніе военнаго дѣла, военное образованіе ставится во главу угла. Наступаетъ періодъ господства грубой силы и полный застой въ умственномъ развитіи страны.

Въ Кіото царствуетъ микадо, изъ Какамуры правитъ страной сіогунъ, но власть и того и другого номинальна. Всѣмъ распоряжаются сиккены—члены сіогуната, ближайшіе помощники сіогуна.

Струя буддизма, занесеннаго въ Японію изъ Индіи, ширится и крѣпнетъ. Монастыри усѣяли Японію; монахи, готовые ежечасно надѣть поверхъ скромнаго монашескаго одѣяніе бранные доспѣхи, наводняли страну.

Подъ бряцанье воинскихъ доспѣховъ, подъ пѣнье буддійскихъ бонзъ замираетъ прежняя поэзія—и литература періода упадка, по образному выраженію одного японскаго писателя, походитъ „на цвѣты сливы, испускающіе благоуханіе въ снѣгу и морозѣ“.

Въ Кіото, при дворѣ микадо, продолжается „производство танка“; однако, большинство лучшихъ произведеній этого періода относятся къ области исторіи и ясно отмѣчено вліяніемъ буддизма.

Исторія все еще понимается, какъ наборъ фактовъ и легендъ, безъ всякаго ихъ освѣщенія и критики. Въ такомъ родѣ исписываются цѣлые томы.

Имя Будды, обращеніе къ нему все чаще и чаще звучитъ въ литературѣ. Идеи буддизма пользуются широкой популяризаціей. Мысли объ этомъ мірѣ, какъ странѣ горя, какъ о дольнемъ мѣстѣ, незначительномъ, словно зерно проса, звучатъ все чаще и чаще. Мечты прозаиковъ и поэтовъ рисуютъ таинственный городъ, называемый „чистой страною совершеннаго счастья“.

„Будда, — говоритъ одинъ авторъ,—училъ человѣчество не допускать свои сердца быть порабощенными внѣшними предметами“. Какъ можетъ кто-нибудь тратить это драгоцѣнное время въ постоянномъ удовлетвореніи суетнымъ занятіямъ“?

Политическая исторія Японіи не могла не отразиться на благопріятномъ теченіи литературы и японской образованности.

Темные вѣка, наступившіе въ политической жизни страны, явились тѣми же темными вѣками и для образованнаго класса общества. Двоевластіе микадо и сіогуна смѣнилась цѣлымъ рядомъ междоусобій. Появляется разомъ два царствующихъ микадо,—южный и сѣверный дворы.

Одинъ—креатура сіогуновъ—жилъ въ золоченной клѣткѣ стараго Кіото, другому была устроена новая въ Іосино. Борьба за обла-

---

* № 8, Августъ.

даніе властью знатныхъ фамилій знаменуетъ этотъ долгій періодъ, тянувшійся впродолженіе почти трехсотъ лѣтъ и почти ничего не давшій прогрессу Японіи въ умственномъ отношеніи.

За двѣсти шестьдесятъ лѣтъ „темныхъ вѣковъ" литература обогатилась однимъ, двумя „quasi историческими сочиненіями, прелестнымъ томомъ эскизовъ и нѣсколькими сотнями коротенькихъ драматическихъ произведеній.

Одинъ изъ государственныхъ дѣятелей и японскихъ воякъ былъ на службѣ у южнаго двора. Въ своемъ сочиненіи („Исторія истиннаго преемства божественныхъ царей"), онъ хитро и дипломатично доказываетъ недоказуемое, что южные микадо—креатура сіогуновъ—суть законные повелители Японіи".

Начинаетъ писатель свои доказательства ab ovo, съ первичнаго хаоса, изъ котораго создались небо и Земля.

Происхожденіе микадо отъ богини солнца—дочери божественной четы сотворившей Японію — проведено, пишетъ Астонъ, съ должнымъ вниманіемъ черезъ ряды божествъ вплоть до перваго властителя Японіи, обожествленнаго властью микадо Дзиммутенно.

„Великая Ямато,—божественная страна! воспѣваетъ Японію придворный писатель. Это—только одна наша страна, основаніе которой положено божественнымъ предкомъ. Она единственная, потому что передана была богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ чужеземныхъ странахъ. Поэтому она и называется божественной страной".

Патріоты своего отечества, далѣе, преподносили мудрыя правила своимъ соотечественникамъ. Одно изъ такихъ любопытныхъ правилъ, благословенное самимъ небомъ—это „держаться колеи телѣжки, которая прошла, съ какимъ бы ни было это сопряжено неудобствомъ для нашего личнаго благополучія".

Тѣмъ не менѣе писатель отмѣчаетъ зло современной Японіи и говоритъ не обинуясь, что „синекуры и злоупотребленія въ дѣлѣ оффиціальныхъ повышеній суть шаги впередъ къ паденію государства и гибельны для стойкости императорской власти".

Другое сочиненіе „Тайхейки", что значитъ „Запись о великомъ мирѣ", болѣе интересно по стилю, чѣмъ по своему содержанію. Высокопарно-напыщенный слогъ автора полонъ метафоръ, трудно понимаемыхъ безъ комментарія. Здѣсь нѣтъ ни словечка въ простотѣ. Такъ, говоря о фамиліи принцевъ, авторъ именуетъ ихъ „бамбуковой рощей". Императорскій гаремъ на языкѣ автора именуется „перечнымъ дворцомъ", придворные — „облачными гостьми", лицо Микадо—наружностью дракона, карета императора—колесница феникса и т. д.

Тѣмъ не менѣе авторъ риторъ оставилъ своимъ сочиненіемъ прочные слѣды по всей и даже новѣйшей японской литературѣ. „Оно является основаніемъ для новѣйшаго литературнаго стиля болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое произведеніе, и его худыя или хорошія качества отразились вообще прямо, или косвенно, на произведеніяхъ множества его подражателей".

„Тайхейки" на долгое время остался однимъ изъ самыхъ популярныхъ произведеній. Изъ Кіото и Іедо появляется даже особый классъ профессіоналовъ, зарабатывающихъ себѣ пропитаніе чтеніемъ Тайхейки. Писатели подражаютъ ему; рядъ картинъ этого произведенія Астонъ называетъ, несмотря на ихъ риторику, „высоко поэтичными", конечно, съ японской точки зрѣнія.

V.

Среди безплодныхъ пустынь литературы темныхъ вѣковъ „однимъ изъ восхитительныхъ оазисовъ" является Цуре-дзуре-гуса нѣкоего Кенко-хоси. Это сборникъ очерковъ, набросковъ и анекдотовъ, своего рода прославленная въ искусствѣ японская миніатюра. Ученый авторъ, блестящій свѣтскій человѣкъ и буддійскій монахъ впослѣдствіи, зачерчивалъ всевозможные пустяки по мѣрѣ того, какъ они приходили ему на умъ. Эти „пустяки" создали громкую славу Кенко и ввели его неизвѣстное имя въ пантеонъ, „четырехъ небесныхъ царей" какъ назывались въ его эпоху главные, наиболѣе почитаемые японскіе поэты.

Короткія изреченія Кенко даютъ довольно яркій образъ человѣка двойственнаго по характеру. Проницательность таланта въ немъ соединяется съ внѣшней образованностью, поверхностной и неглубокой, приличность свѣтскаго человѣка—съ набожностью буддійскаго святоши. Онъ хорошо говорилъ о не-

прочности земной жизни, о безуміи честолюбія и денежной наживы, о необходимости отрѣшенія отъ вожделѣній порочнаго міра и о стремленіяхъ къ бытію вѣчному. Но... „старый грѣшникъ всегда сказывается въ немъ“.

Буддійскій святоша заявляетъ:

„Надо завидовать тому человѣку, умъ котораго устремленъ къ будущему и которому хорошо извѣстенъ путь Будды“.

Или: „Я люблю запереться въ горномъ храмѣ и заняться служеніемъ Буддѣ. Здѣсь нѣтъ скуки и чувствуешь, что сердце твое очищается отъ несчастія“.

„Въ этомъ мірѣ сильное пьянство виновно во многомъ. Оно истощаетъ наши средства и разрушаетъ наше здоровье. Оно было прозвано главнымъ изъ ста лекарствъ, но поистинѣ всѣ наши болѣзни проистекаютъ отъ сильнаго питья гораздо болѣе, чѣмъ отъ чего-нибудь другого. Оно можетъ помочь намъ позабыть наши несчастія, но съ другой стороны мы часто видимъ пьянаго человѣка рыдающимъ при воспоминаніи о своихъ прошедшихъ скорбяхъ.

„Что касается до будущаго міра, то сильное пьянство гибельно для пониманія и сжигаетъ корень добра въ насъ какъ огонь. Оно питаетъ зло и ведетъ насъ къ нарушенію заповѣдей въ аду. Будда объявилъ, что тотъ, кто заставляетъ человѣка пить вино, долженъ перероdиться сто разъ безъ рукъ“ (т. е. въ образѣ животнаго). А на ряду съ этимъ тотъ же авторъ пишетъ:

„Бываютъ времена, когда мы не можемъ обойтись безъ вина. Въ лунную ночь, въ снѣжное утро, или когда цвѣтутъ цвѣты и мы съ беззаботнымъ сердцемъ болтаемъ съ пріятелемъ,—наше удовольствіе увеличивается, если появится кубокъ съ виномъ“.

Конечно, не устами буддійскаго монаха, отрекшагося отъ міра, изрекалъ Кенко и слѣдующую мысль:

„Какъ бы ни былъ образованъ человѣкъ, но безъ свѣтскаго лоска онъ очень унылое существо. Такой человѣкъ напоминаетъ мнѣ цѣнную винную чарку, не имѣющую дна“.

Таковъ этотъ лучшій образчикъ японскаго творчества въ одну изъ самыхъ неблагопріятныхъ для послѣдняго эпохъ.

Другими характерными образцами этого же періода слѣдуетъ признать „*но*“, или лирическія драмы. Это былъ новый родъ для японскаго искусства, развившійся на почвѣ религіозной драмы, знакомой съ давнихъ временъ Японіи.

Въ XIV столѣтіи „*но*“ являлись своего рода мистеріями, разыгрываемыми въ синтоистскихъ храмахъ и имѣли цѣлью умилостивленіе божествъ.

Если производство „Танка“ было своего рода неотъемлемой принадлежностью двора Кіото, и поэты находились подъ покровительствомъ микадо, то меценатами *но* выступили сіогуны,—и драматурги находили такую же поддержку въ Іедо.

Сіогуны обратили *но* изъ религіозныхъ представленій въ государственныя церемоніи, при главномъ участіи, въ качествѣ исполнителей, военной молодежи.

Простой народъ не принимаетъ въ этомъ никакого участія. А между тѣмъ цѣлью *но*, ихъ главной идеею была поддержка благочестія и пробужденіе патріотическаго военнаго энтузіазма. Буддійскіе монахи были главнымъ образомъ авторами *но*, и вмѣстѣ съ ослабленіемъ буддизма и вторженіемъ струи конфуціанской философіи падаетъ и творчество драматурговъ.

Напрасно, однако, въ „но“ искать какого-либо дѣйствія, сложности замысла и интриги.

Планъ ихъ простъ: обыкновенно, словно по одному шаблону, на сценѣ появляется жрецъ. Называетъ свое имя и заявляетъ, что онъ отправляется въ путешествіе. Благополучно прибывъ къ какому-либу знаменитому мѣсту, жрецъ вступаетъ въ общеніе съ мѣстнымъ обществомъ, и послѣднее повѣствуетъ ему мѣстныя легенды. Въ заключеніе благочестивому жрецу неизвѣстное божество открываетъ свое имя.

Вотъ и все содержаніе большинства *но*, короткихъ пьесъ, сопровождаемыхъ исполненіемъ хора пѣвцовъ и музыки.

Игра словъ, „вертящіеся слова“, украшаютъ *но*, и имъ въ жертву японскій драматургъ приносилъ все, вплоть до искаженія здраваго смысла.

Ученый Митфордъ, разсматривая эту отрасль японской литературы, приходитъ къ заключенію, что нѣтъ ничего болѣе труднаго для правильной прочной передачи на другой языкъ, какъ хитросплетенная запутанность игры словъ, цитаты, историческіе, литературные и религіозные намеки, переполняющіе „*но*“.

Для болѣе близкаго знакомства приведемъ въ извлеченіи одну изъ такихъ драмъ—„Додзіодзи“.

На сценѣ жрецъ. Онъ заявляетъ публикѣ, что сейчасъ будутъ освящать для храма новый колоколъ. Прислужникамъ отдается распоряженіе позаботиться, чтобы на торжествѣ не присутствовала ни одна женщина.

Приближается дѣвушка танцовщица и предлагаетъ почтить праздникъ пляской. Прислужникъ, забывъ приказаніе жреца, даетъ разрѣшеніе. Дѣвушка схватываетъ колоколъ за кольцо, снимаетъ его и накрываетъ себя имъ. Жрецъ смущенъ. Онъ сзываетъ товарищей и разсказываетъ имъ слѣдующую легенду, запрещающую присутствіе женщинъ на подобныхъ церемоніяхъ:

„У одного человѣка была единственная дочь, которая вступила въ любовную связь съ однимъ ямабуси (отшельникомъ). Когда та стала настаивать, чтобы онъ женился на ней, ямабуси бѣжалъ и спрятался въ въ храмовомъ колоколѣ. Она преслѣдовала его и пришла къ рѣкѣ, черезъ которую не могла переправиться. Но огонь ея страсти былъ такъ великъ, что превратилъ ее въ змѣю, и въ такомъ видѣ ей не трудно было переплыть рѣку. Явившись въ храмъ, змѣя обвилась кольцомъ вокругъ колокола, который растаялъ въ пылу ея страсти, а ея невѣрный любовникъ погибъ тутъ же“.

Такова легенда. Окончивъ разсказъ, жрецъ съ товарищами принимаются „изъ всѣхъ силъ“ читать буддійскія молитвы и призыванія, силою которыхъ колоколъ подымается въ прежнее положеніе, а дѣвушка-танцовщица должна принять образъ змѣи. Окутанная пламенемъ, она погружается въ сосѣднюю рѣку и исчезаетъ.

Сцена пуста. Представленіе окончено.

Наряду съ этими лирическими драмами въ большомъ почетѣ были „кіогенъ“ или въ переводѣ „сумасшедшія слова“. Астонъ проводитъ между „но“ и „кіогенъ“ такую же аналогію, какъ между драмой и фарсомъ. Кіогенъ еще короче, чѣмъ *но*, и представляетъ очень не замысловатыя вещи, выхваченныя изъ жизненнаго, повседневнаго обихода. Обыкновенно кіогенъ давались на сценахъ, въ антрактахъ между болѣе серьезными пьесами. Содержаніе ихъ очень примитивно. Таковъ, напр., фарсъ объ одномъ дайміѣ, который посылаетъ своего слугу въ городъ, чтобы купить тамъ художественный талисманъ. Простофиля слуга попадается въ руки плута. Послѣдній вручаетъ слугѣ колотушку Дайкоку (богъ счастья). Каждый ударъ ея долженъ производить все то, что пожелаетъ ея обладатель. Съ этимъ сокровищемъ слуга является предъ очи своего господина. Дайміо приказываетъ достать лошадь. Слуга произноситъ заклинаніе и отвѣтствуетъ, что лошадь ждетъ господина. Дайміо дѣлаетъ видъ, что дѣйствительно видитъ предъ собою лошадь, вскакиваетъ на спину слугѣ и ѣдетъ на немъ вокругъ сцены при общемъ хохотѣ зрителей...

VI.

Вслѣдъ за темными вѣками японской литературы наступаетъ долгій, трехсотлѣтній періодъ возрожденія учености въ китайскомъ стилѣ. Онъ совпадаетъ съ началомъ крѣпкой организаціи власти сіогуна въ рукахъ знаменитаго японскаго преобразователя Іеяса изъ рода Токугавовъ.

Начало этого періода переноситъ насъ къ первымъ годамъ XVII столѣтія—конецъ ко второй половинѣ XIX столѣтія.

Слабое вліяніе Китая въ этотъ періодъ времени упрочивается надъ Японіей. Національная мысль, законы, искусство и наука утрачиваютъ прежнюю самостоятельность и принимаютъ сильную окраску китайщины. Съ этого времени Китай служитъ единственнымъ и сильнымъ примѣромъ для Японіи. Все, идущее изъ него, все отмѣченное его вліяніемъ, получаетъ въ Японіи право гражданства. Японія реставрируется на китайскій образецъ.

Новая столица сіогуновъ Іедо дѣлается центромъ умственной жизни страны. Въ Кіото въ золоченной клѣткѣ живетъ микадо, въ Іедо правитъ могущественный сіогунъ. Сюда стекаются лучшія силы японской литературы, представители науки. Литература достояніе для немногихъ высшихъ слоевъ выходитъ на болѣе широкую дорогу. Она уже пытается служить не для забавы, не для наслажденія верховъ, и спускается въ народу.

Книгопечатаніе (знакомое Японіи еще съ VIII-го столѣтія), благодаря покровительству Іеяса, дѣлаетъ огромные успѣхи. Съ одной стороны наблюдаются усилія популяризировать литературу, сдѣлать ее доступной пони-

манія народныхъ слоевъ, съ другой—естественное пониженіе вкуса и пониманія изящнаго.

Появляется огромное количество порнографическихъ издѣлій, разсчитанныхъ на угожденіе низменнымъ инстинктамъ толпы.

Полицейское государство, какимъ была Японія при Іеясѣ, накладываетъ на все свою бдительную опеку, но опека надъ мыслью никогда и нигдѣ не приводила къ какимъ либо осязательнымъ результатамъ.

Въ странѣ уже начиналось броженіе. Новыя начала искали безсознательно *своихъ*, новыхъ путей. Нація пробуждалась къ сознательной жизни.

Буддизмъ съ его проповѣдью отреченія отъ міра доживалъ послѣдніе дни. Онъ догоралъ въ Кіото, въ Іеддо все сильнѣе и сильнѣе вторгалась струя конфуціанства, и, какъ реакція послѣднему, намѣчался поворотъ къ старой религіи предковъ, древнему синто. Японскій языкъ былъ наканунѣ своей реформы. Масса словъ для выраженія новыхъ понятій заимствовались прямо съ китайскаго, и японскій словарь былъ загроможденъ потокомъ чуждыхъ реченій. Старый книжный языкъ уступаетъ мѣсто въ литературѣ разговорному, который развиваясь ушелъ отъ перваго такъ далеко, что получилось двѣ разныхъ грамматики...

Съ другой стороны, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Китая и его моралистовъ, ухудшается положеніе женщины.

Женщина закрѣпощается, исчезаетъ изъ общественной жизни, и основой ея добродѣтелей является вѣрность и покорность мужу. Опека мужа надъ женщиной, опека государства надъ обществомъ со стороны бакуфу (чиновниковъ сіогуната) старательно стирали признаки индивидуальности съ личности, все подгоняя подъ одинъ шаблонъ. Все по виду было хорошо: заводились школы, библіотеки, покровительствовали искусствамъ и наукамъ, не было только одного—жизни.

Въ литературѣ это замѣчается особенно ярко. Ученые и писатели занимаются разработкой сунской философіи. Это было новое слово для Японіи, привлекшее умы эпохи и отразившееся на всей литературѣ періода. „Японцы, говоритъ Астонъ, почти ничего не прибавили къ философіи Чжуси. Національный ихъ геній проявился въ самомъ ея практическомъ приложеніи и особенно выразился въ той относительной важности, которую они связали съ разными нравственными обязательствами, лежащими на человѣкѣ".

Въ этомъ именно и должны мы искать отвѣта на вопросъ, приходящій въ голову всѣмъ хоть сколько нибудь интересующимся японцами: „Въ какомъ именно отношеніи существуетъ разница между національнымъ японскимъ характеромъ и характеромъ европейскихъ націй"?

„Если пороки и добродѣтели въ общемъ одинаковы, какъ у нихъ, такъ и у насъ, то въ ихъ спискѣ моральныхъ прецедентовъ нѣкоторыя рѣзко бросающіяся въ глаза отличія". Въ числѣ послѣднихъ Астонъ отмѣчаетъ наиболѣе характерныя, какъ то: лояльность, не столько въ смыслѣ почтительной покорности подданныхъ къ своему повелителю микадо, сколько вѣрность дайміо по отношенію къ сіогуну и въ особенности преданность самураевъ своимъ вождямъ. „Сильное повиновеніе и неизмѣнная преданность своему феодальному господину была самой священной обязанностью самурая".

Японская исторія и литература полны примѣрами подобной добродѣтели чисто въ японскомъ духѣ. „Политическая система, поддержкой которой была эта добродѣтель, является дѣломъ прошлаго. Дайміо и сіогуны не существуютъ болѣе. Но тѣ, кто знаетъ Японію настоящаго времени, охотно признаютъ это же самое качество, проявляющееся въ духѣ національнаго патріотизма и въ ретивомъ исполненіи общественныхъ обязанностей, что почетнымъ образомъ отличаетъ потомковъ прежнихъ Самураевъ."

Слѣдующей добродѣтелью является сыновняя почтительность, одинаково цѣнимая въ Китаѣ и въ Японіи. Месть за безчестіе господина или родителей являлась одной изъ главныхъ обязанностей въ моральномъ кодексѣ японца. Жизнь не считалась самымъ безцѣннымъ благомъ. Буддизмъ съ его отреченіемъ отъ жизни подготовилъ для такого воззрѣнія почву.

Все это отразилось на литературѣ. Литература, покровительствуемая сіогунами, находила меценатовъ и среди дайміо, старавшихся подражать во всемъ верху. Сіогунъ окружалъ себя учеными и писателями,—дайміо въ провинціи тянулись за іедосскимъ дворомъ и тоже меценатствовали. Пятый сіогунъ изъ токусавовъ Цунаіоси былъ цѣлымъ

преданъ наукѣ. Онъ окружилъ себя цѣлымъ штатомъ ученыхъ и все свободное время отдавалъ наукѣ. При немъ Іедо принимаетъ характеръ настоящаго литературнаго центра страны.

VII.

Школы процвѣтаютъ. Канка-гуси (писатели, преданные принципамъ китайской науки) пользуются почетомъ. Страна быстро подвигается впередъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, въ предѣлахъ, ясно и точно указанныхъ государственной властью. Границы всего отмежеваны и указаны, даже знанію и литературѣ. Опека государства на всемъ, на всемъ слѣды Китая.

Многочисленныя сочиненія канкагуси сдѣлали свое дѣло. На протяженіи цѣлыхъ столѣтій они внесли зерна новыхъ идей въ литературу, и японскій языкъ своимъ развитіемъ многимъ обязанъ имъ. Они обогатили его путемъ усвоенія большаго количества словъ, заимствованныхъ изъ Китая, необходимыхъ для выраженія новыхъ идей и понятій.

Почти одновременно же шло развитіе новаго рода литературы, обращеннаго непосредственно къ самому народу.

Если кангакуси писали преимущественно для привеллигированнаго класса японской интеллигенціи, если простой народъ долго пребывалъ лишеннымъ всякой духовной пищи, влача жалкое существованіе, то въ XVII столѣтіи впервые появляются писатели для народа. Грамотность народа вызвала къ жизни литературу. Создается особый родъ литературы. Появляется японскій романъ, пьесы и особый видъ поэзіи, или хайкоай.

Наряду съ этимъ, какъ уже было отмѣчено, порнографія мутной струей вторглась въ литературу. Основатель новой школы японской народной литературы, если и не наслѣдовалъ титула великаго писателя въ глазахъ потомства, то оно знаетъ его, какъ великаго порнографа. Изъ всѣхъ его писаній не переводимыхъ на европейскіе языки и запрещенныхъ для изданія даже въ Японіи, является приличной только одна книга: собраніе ходячихъ разсказовъ объ его сотоварищахъ, слагателяхъ хайкоай. Но эта популяризаціи было не изъ удачныхъ... Вообще вымыслу, художественной фантазіи въ рамкахъ романа не везло въ Японіи въ XVII вѣкѣ.

Гораздо болѣе почетное мѣсто занимаютъ дѣтскія сказки, появившіяся въ это время и сметенныя съ лица земли волною европейской цивилизаціи.

Лучшія силы писателей сосредоточились въ народной драмѣ. Въ этомъ области появляется крупная фигура талантливаго писателя Цикамацу--Мондзае-люнъ. Японцы сравниваютъ его съ Шекспиромъ. Астонъ находитъ подобное сравненіе „дѣломъ празднымъ по существу". Японскій Шекспиръ, по мнѣнію Астона, показываетъ лишь одно, а именно, какое несовершенное мѣрило прилагается въ Японіи къ сужденію объ искусствѣ".

Въ области поэзіи, достигшей вмѣстѣ съ развитіемъ *танка* краткости и сжатости, появился новый родъ или хайкой. Хайкой состоитъ всего изъ трехъ строфъ (въ пять, семь и пять слоговъ), напр.:

О, старый прудъ!
Скачутъ лягушки въ него—
Всплески воды!

Однако, и въ этой условной области стиха появились свои артисты, какъ Мацу Басія и его ученики. Они очистили хайкой отъ вульгарности и сдѣлали новый родъ поэзіи соперникомъ стараго танка. Сочиненіе хайкой считалось легкимъ дѣломъ. Большая часть ихъ наполнена такими темными намеками, что они не поддаются пониманію непосвященнаго иностранца. Это своего рода „поэтическіе ребусы", нуждающіеся въ прозаической разгадкѣ и комментаріяхъ.

„Въ Міндера ворота
Я бъ хотѣлъ постучать,—
Луна этого дня".

Комментарій: „Какъ красивъ должно быть, пейзажъ у храма Міндера въ лунную ночь, подобную этой! Я хотѣлъ бы быть тамъ, чтобы посмотрѣть на него.

Полонъ такими же неясными намеками недосказанныхъ словъ и прозаическій хайбунъ, отличающійся отъ обыкновенной прозы, лишь сжатостью и краткостью.

Одновременно съ этимъ культивировалась кіока, или сумасшедшая поэзія—юмористическая и вульгарная варіація танка, гдѣ игра двухсмысленныхъ словъ приводитъ въ восторгъ истаго японца. Остановиться на этомъ литература, конечно, не могла. И уже въ XVIII столѣтіи намѣчается новая струя.

Изученіе китайскихъ наукъ достигло высшаго предѣла. Идти дальше въ этомъ на-

правленіи значило вѣчно жевать одну и ту же жвачку. Кангакуся пережили сами себя. Философія Чжу-Си нашла себѣ поклонниковъ и протестантовъ. Вагакуся (послѣдователи національныхъ ученій) вступили въ борьбу съ кангакуся. Завязался долгій споръ, цѣлая распря. Во всемъ опекавшее страну правительство поступило тогда по собственному рецепту: сіогунъ запретилъ всѣ какія бы то ни было философскія ученія, кромѣ ученія Чжуси и его послѣдователей".

И просто, и мило!

Но сіогунъ не спасъ этимъ отъ паденія мудрость кангакуся. Ихъ вліянію наступалъ конецъ. Японія начинала сознавать сквозь дрему, что какъ ни хорошъ Китай, но у страны должно быть нѣчто свое, національное.

XIX вѣкъ выдвигаетъ ряды писателей и талантовъ—красу и гордость японской литературы. Таковъ: Сонто Кіоденъ, Кіокутей Бакинъ, Дзипенся Икку, Сіопсун, Сайкаку и др.—Сонто Кіоденъ считается отцомъ художественнаго романа. Кіокутей Бакинъ и ученикъ Кіодена—столпы японской литературы. Онъ написалъ до 300 произведеній, при чемъ его знаменитая въ Японіи „Исторія восьми собакъ" является очень длинной исторіей въ стихахъ и занимаетъ... 106 томовъ.

Астонъ даетъ такую характеристику этому писателю. Первой отличительной чертой таланта Бакина является плодовитость и изобрѣтательность. „Количество и разнообразіе удивительныхъ событій, которыми переполнены его романы, пожалуй, имѣютъ мало себѣ подобнаго. Съ другой стороны, его недостатки такъ же ярки, какъ и замѣтны его достоинства. По отношенію къ массѣ событій, которыми онъ наполняетъ страницы своихъ романовъ, онъ столько же прибѣгаетъ къ своей памяти, сколько и изобрѣтательности и, что хуже всего, онъ постоянно переходитъ границы возможнаго въ такой мѣрѣ, которая испытываетъ терпѣніе самаго снисходительнаго читателя. Очень часто примѣняется deus ex machina въ образѣ духа, демона или сверхъестественно одареннаго человѣка. Его моральные идеалы принадлежатъ къ обыкновенному условному типу [то]го времени и страны, являясь продуктомъ [к]итайскихъ ученій, привитыхъ на японской почвѣ. Способность его очерчивать характеры крайне ограничена и очень напоминаетъ намъ портретную живопись Японіи. У него мало или даже совсѣмъ нѣтъ юмора, и его остроуміе, главнымъ образомъ, основывается на игрѣ словъ". „Пафосъ, который находятъ японцы въ его произведеніяхъ, не можетъ тронуть европейскихъ читателей, хотя они не остаются нечувствительными къ тому же самому въ произведеніяхъ другихъ японскихъ писателей".

Тѣмъ не менѣе сами японцы и ихъ историки литературы видятъ въ Бакинѣ писателя, имѣющаго много „сходственныхъ чертъ съ Шекспиромъ". „Имъ восхищаются, говорятъ они, не только женщины и дѣти, купцы и крестьяне. Даже образованныхъ людей его сочиненія часто доводятъ до слезъ или до смѣха и заставляютъ скрежетать зубами, или потрясать руками".

Съ именемъ безшабашнаго кутилы Дзантенся Икку соединяется представленіе, какъ автора Хнозаруките. („Палочка-лошадь").

Не совѣтуя людямъ съ цѣломудренными вкусами читать этотъ романъ, Астонъ отмѣчаетъ его яркость, образность, живое остроуміе бытовыхъ сценъ и потокъ всепроникающаго юмора.

Икку рветъ всѣ путы старины и рутины. Это настоящій реалистъ въ дурномъ и хорошемъ смыслѣ.

Такого же направленія держался Сюксуй въ своихъ романахъ изъ быта низшаго класса.

Этими писателями положено начало изученію человѣческаго сердца, его страстей и склонностей. Поворотъ отъ старины до историческаго романа къ реализму.

VIII.

Паденіе сіогуната, возстановленіе власти микадо, хартія вольностей и раскрѣпощеніе страны—все это сильно отозвалось на литературѣ. Въ ней наступаетъ весна и небывалое оживленіе. Задавленная бакуфу, скованная различными эдиктами и полицейской опекой, національная мысль, словно птица, выпущенная изъ клѣтки расправляетъ крылья, готовясь къ свободному полету.

Желанный часъ воли, наконецъ, наступилъ.

Потокъ новыхъ европейскихъ идей, понятій и невѣданныхъ новшествъ хлынулъ съ

запада въ замкнутую страну. Идетъ лихорадочная работа мысли. Переводы европейскихъ писателей широкой волной нахлынули въ литературу.

Политическая жизнь вызываетъ одно за другимъ періодическія изданія. Въ 1872 году выходитъ первая въ Японіи газета. Въ 1894 году объявлена свобода слова, и въ журнальномъ мірѣ закипѣло небывалое оживленіе. Страна справляла праздникъ свободы.

„Времена исполнились". Свободная отъ опеки японская литература хранитъ свѣжія зерна, готовыя пустить здоровые ростки. Но это дѣло будущаго, и для нихъ еще не настало времени писать исторію.

Новые писатели, питомцы запада — уже подвергли ѣдкому осужденію ходули старой школы. Они выдвинули особый родъ искусства—политическій романъ, пользующійся въ обществѣ, недавно призванномъ къ политической жизни, особымъ вниманіемъ. Таковъ напр., романъ Судо Нансуй „Дама новаго типа". Героиня его *молочница*. Для европейскаго читателя въ выборѣ такой героини нѣтъ ничего особеннаго; наоборотъ, для японца это звучитъ рѣзкимъ протестомъ новизны противъ плѣсени старины, когда молоко не употреблялось въ пищу въ Японіи и считалось, въ силу вѣковыхъ предразсудковъ, запретной пищей. Это романъ будущаго, съ героиней, читающей Спенсера, состоящей членомъ женскаго клуба и разсуждающей о правахъ женщины...

Въ области языка идетъ также громадная работа въ смыслѣ замѣны грамматическихъ правилъ книжнаго языка грамматикой разговорнаго, такъ рѣзко отличающихся другъ отъ другого.

Романы Одзаки Токутаро и Кода Наріюки считаются образцомъ новаго стиля. Одновременно съ этимъ идутъ работы по изученію прошлаго страны. Если еще въ сравнительно недавнее время критика не смѣла соотвѣтственно касаться милыхъ японской душѣ легендъ и фактовъ старины, то въ настоящее время дѣлаются серьезныя попытки отрѣшить факты прошлаго отъ вымысла. Наступаетъ время критики первыхъ и ихъ источниковъ. Образцы англійской поэзіи дали сильный толчокъ японскимъ поэтамъ. Появляются стихотворенія новой формы. Попытки рифмованнаго стиха, вопреки самымъ свойствамъ японскаго языка, не привели ни къ чему, но вліяніе европейскихъ образцовъ и ихъ переводовъ привлекли общественное вниманіе. Возникли оживленные споры между сторонниками новой и старой школъ. Побѣдили первые, и старые типы танка и хайкой стали отходить мало-помалу въ область преданія. Они еще живутъ, но на ряду съ ними появляются такія произведенія, форма и содержаніе которыхъ всего менѣе опираются на традиціи прошлой поэтики.

Для примѣра приведемъ одну изъ пьесъ сборника поэта Тояма „Цвѣты и осенніе листья":

„Въ тѣни сосенъ утеса крутого, скалистаго
Этотъ вечеръ опять бамбуковая флейта слышна.
То рыбакъ ли какой молодой, утѣшающій сердце свое
От скорбей міра, жгучихъ какъ соль, какъ водоросль моря?
Свѣтитъ ли мѣсяцъ, иль тьма налегла, ему мало заботы:
Изъ вечера въ вечеръ въ тѣнь сосенъ приходитъ онъ
И въ звукахъ бамбуковой флейты его
Переливы слышны, говорящіе намъ о страданіяхъ любви.
Дни прошли съ того, какъ царедворцы властителя этой страны
Здѣсь имѣли ночную пирушку, по брегу морскому блуждая.
Между тѣмъ какъ по небу плыла луна осени, держа
Свой кристально сіяющій путь,—
Когда флейта рыбачья впервые услышана была.
Дни прошли съ того, какъ властителя нашего дамы,
Привязавши свою для прогулокъ веселую лодку, веселилися здѣсь,
Музыку лютней златыхъ согласуя своихъ
Съ пѣсней бриза, шумящаго въ соснахъ утеса,—
Когда флейта рыбачья впервые услышана была.

Общій выводъ Астона таковъ, что японская литература находится въ полосѣ своего поступательнаго роста. XX вѣкъ долженъ принести для нея многое. Буддизмъ и китайскія моральныя и религіозныя идеи использованы въ конецъ. Старыя дрожжи перебродили, но христіанству предстоитъ еще положить свой отпечатокъ на литературу XX вѣка. „Предшествующая религіозная исторія націи приготовила Японію для принятія высшей формы религіи. Буддизмъ не мало послужилъ къ тому, чтобы воспитать идеалы святости, человѣколюбія и отрѣшенія отъ мірскихъ дѣлъ. Конфуціанство дало высокіе, хотя, быть можетъ, извращенные, нравственные идеалы и сравнительно раціо-

нальную систему философіи. Синтоизмъ училъ благоговѣнію предъ могуществомъ боговъ, сотворившихъ міръ и управляющихъ вселенной и людьми. Но ни одна изъ этихъ религій не въ силахъ была сама по себѣ удовлетворить запросамъ сердца, души и ума японской націи".

Христіанство, хотя и въ болѣе раціоналистической формѣ вѣры, чѣмъ та, которая преобладаетъ въ Европѣ, должно сдѣлать прочные успѣхи въ Японіи. Это дѣло будущаго, но и въ настоящее время начало новаго важнаго движенія пробудившейся къ умственной жизни страны уже ясно намѣчено.

Готова почва для будущихъ посѣвовъ и жатвы, о которыхъ будущему историку японской литературы предстоитъ сказать гораздо болѣе и обстоятельнѣе.

Новое зданіе строится, и начала конца созидательныхъ работъ еще не видно.

Ник. Н—въ.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Спб. 1904.

Живо написанный очеркъ г. Либровича переноситъ читателя къ одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ жизни Московскаго государства—къ эпохѣ „смутнаго времени", столь богатой всякаго рода загадками и противорѣчіями. Сверженіе съ престола Василія Шуйскаго и конецъ его царствованія служитъ началомъ одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ. Самъ по себѣ эпизодъ этотъ съ его внѣшней стороны очень незначителенъ; но онъ пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, если отнестись къ нему вдумчиво и изъ-за блѣдной центральной фигуры Василія Шуйскаго попытаться глубже заглянуть въ взаимоотношеніе двухъ родственныхъ и сосѣднихъ государствъ, въ ихъ дальнѣйшую судьбу, для которой этотъ самъ по себѣ незначительный эпизодъ сыгралъ роковую роль, явившись, такъ сказать, началомъ возвеличенія одной и паденія другой...

Царь Московскій Василій Шуйскій сверженъ и заточенъ въ монастырѣ. Нѣтъ на Руси царя Шуйскаго, но существуетъ инокъ Чудова монастыря. Но этому иноку, таящему и подъ монашеской одеждой гордые замыслы, суждено еще играть иную роль. Его ждетъ внѣшнее и внутреннее униженіе Быть можетъ, въ то самое время, когда гордые замыслы его, его надежды на возстановленіе утраченнаго „вѣнца и бармъ Мономаха" были возможны для приведенія въ исполненіе путемъ подкупа и золота, Шуйскаго по просьбѣ бояръ, присягнувшихъ Владиславу, везутъ сначала въ Смоленскъ, потомъ въ Варшаву. Развѣнчанный царь московскій является своего рода трофеемъ для „покорителей" Москвы. Онъ жалокъ, этотъ лысый старикашка съ рѣдкой бородкой, съ красными бѣгающими глазами, въ платьѣ, сшитомъ на королевскій счетъ, и ведетъ онъ себя совсѣмъ не по царски. Онъ чувствуетъ себя жалкимъ плѣнникомъ и униженно кланяется и униженно молитъ о пощадѣ. Въ характерѣ Шуйскаго всего менѣе было героическаго, прямого, открытаго. Такіе люди, чувствуя за собою силу и власть, могутъ быть деспотами, а чувствуя свое униженіе и безсиліе, становятся овцами, хотя бы и въ волчьей шкурѣ. Дряхлый и взявшій отъ жизни уже все, Шуйскій боится, однако, не позора, не униженій,— этихъ нравственныхъ пытокъ, томленій для гордаго духа, а только смерти. Униженный и оскорбленный, онъ хочетъ только жить, только влачить еще дни среди самой тяжелой обстановки. Болѣе года влачитъ онъ такіе дни въ Варшавѣ подъ „почетной и свободной стражей" и, наконецъ, его постигаетъ то, что постигаетъ всѣхъ людей и чего болѣе всего боялся Шуйскій—смерть.

Эпизодъ конченъ. Развѣнчанный боярами и русскимъ народомъ царь московскій, хотя и насильственно принявшій постриженіе монахъ—въ воображеніи тщеславныхъ правителей Рѣчи Посполитой остается „царемъ въ плѣну", даже тогда, когда кандидатуру на это самое царство выставилъ и (она была принята) королевичъ Владиславъ. Возвеличеніе Шуйскаго не принадлежащимъ ему саномъ, удовлетворяя честолюбивымъ мечтамъ Польши, было тѣмъ не менѣе униженіемъ Руси, отрицаніемъ правъ ея народа, отторгнувшаго Шуйскаго, насмѣшкой надъ нимъ, тѣмъ болѣе роковой для Польши, когда ея унія въ лицѣ избраннаго Владислава казалась близкимъ и уже осуществленнымъ дѣломъ. Рядъ такихъ

не тактичныхъ поступковъ со стороны Сигизмунда, какъ „плѣненіе Щуйскаго“, какъ величаніе его титуломъ Московскаго царя, униженіе въ немъ именно этого сана, привело къ послѣдствіямъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ. Дороги двухъ государствъ, сойдясь близко, круто разошлись.

Плѣненіе царя поляками, ихъ тріумфъ кратковременный и легкомысленный, сослужили большую службу Руси, чѣмъ Рѣчи Посполитой. Московскій походъ расшаталъ ея силы и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые пробудилъ самозпаніе русскаго народа, сплотилъ его на общую борьбу за общее дѣло родины.

Н. Н.

И. И. Полянскій. О трехъ царствахъ природы. 220 стр. Въ текстѣ 125 рисунковъ. Изданіе автора. Цѣна 80 коп.

Книга эта, какъ гласитъ предисловіе, имѣетъ въ виду *дать цѣльное представленіе о каждомъ изъ трехъ царствъ природы.*

Задача, согласитесь, нелегкая. И потому не удивительно что выполнена она авторомъ не вполнѣ, а лишь въ той мѣрѣ, въ какой этого можно было ждать отъ учебнаго руководства, предназначеннаго для воспитанниковъ второклассныхъ школъ. И въ этой мѣрѣ авторъ справился со своей задачей вполнѣ удовлетворительно. Книга г. Полянскаго, хотя и не даетъ никому обѣщаннаго авторомъ „цѣльнаго представленія о трехъ царствахъ природы“, но зато, соотвѣтствуя программѣ названныхъ выше училищъ, несомнѣнно, поможетъ ученикамъ закрѣпить въ себѣ пониманіе того, что можетъ и долженъ дать имъ въ школѣ умѣлый и опытный преподаватель. Но и этого одного, пожалуй, достаточно для разсматриваемой книги, такъ какъ въ этомъ именно и заключается главное назначеніе начальной учебной книги.

Въ каждой изъ трехъ частей своей книги, авторъ—по возможности остается вѣренъ своему, однажды выработанному плану, и, „минуя второстепенныя частности, останавливается на важнѣйшихъ предметахъ и явленіяхъ, описывая ихъ не только съ внѣшней стороны, но и со стороны ихъ внутренняго смысла, значенія и взаимной связи“. И въ этомъ отношеніи автору одинаково удались всѣ три части.—Что касается до языка разбираемой книги, то со взглядомъ на него автора нельзя согласиться. Осуждая установившійся, по его мнѣнію, обычай излагать учебный матеріалъ языкомъ лаконическимъ и сухимъ, г. Полянскій высказываетъ вполнѣ справедливую мысль, что „языкъ учебника, при простотѣ его, долженъ обладать возможно большею живостью, хотя бы это было сопряжено съ неизбѣжною растянутостью;“ и въ тоже время самому автору,—чего онъ, повидимому, не замѣчаетъ—не удалась, къ сожалѣнію, попытка избѣжать осуждаемой имъ сухости и внести въ изложеніе столь желательную въ учебникѣ живость.

Изъ сказаннаго ясно, что вполнѣ пригодная, какъ элементарное учебное руководство по естествознанію, книга г. Полянскаго не можетъ быть рекомендована кому либо въ качествѣ книги для чтенія и самообразованія.

Издана книга вполнѣ опрятно, и цѣна ея не высока.

Георгій Мимутъ.

С. А. Венгеровъ. Источники для словаря русскихъ писателей. Спб. 1903.

Книга г. Венгерова является фундаментомъ для другого капитальнаго труда: словаря русскихъ писателей. Этимъ вспомогательнымъ значеніемъ, однако, далеко не исчерпывается настоящая работа, отнявшая у составителя и его сотрудниковъ болѣе десяти лѣтъ времени.

„Источники для словаря русскихъ писателей“ имѣютъ кромѣ того и свое собственное значеніе. Это прежде всего цѣнный ключъ къ громадной сокровищницѣ русской мысли,—ключъ, дающій полную возможность ознакомиться со всѣмъ, что было написано даннымъ писателемъ и съ литературой о немъ.

На пространствѣ пяти, вѣроятно, такихъ же объемистыхъ, какъ первый томъ, книгъ, онъ долженъ охватить въ алфавитномъ по-

рядкѣ фамилій писателей, всю эту литературу, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Тотъ, кому приходилось, работая надъ какимъ либо вопросомъ литературы, самому производить черновую работу выбора матеріала, нерѣдко разбросаннаго по старымъ повременнымъ изданіямъ, матеріала, затерявшагося на пространствѣ многихъ лѣтъ, тотъ легко пойметъ и оцѣнитъ всю важность и настоятельную необходимость подобнаго своднаго труда для лицъ, прибѣгающихъ къ его помощи, и всю массу кропотливой, медленной и далеко не интересной въ своихъ частностяхъ работы, которую пришлось вынести составителю и его сотрудникамъ. Эту работу, ея пользу, оцѣнило и второе отдѣленіе Академіи Наукъ, пришедшее на помощь своими матеріальными средствами для осуществленія настоящаго изданія.

Для читателей, желающихъ систематически и подробно ознакомиться съ дѣятельностью какого либо писателя, съ литературой о немъ, способствующей уясненію значенія его произведеній, настоящій ключъ будетъ также несомнѣнно полезенъ, хотя пользованіе имъ будетъ сильно затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обширной литературѣ, напр., хотя бы о такомъ писателѣ какъ Гоголь, (одинъ перечень статей о немъ занимаетъ около печатнаго листа мелкаго шрифта), ключъ даетъ указаніе на матеріалы, въ достоинствѣ котораго читателю приходится самому разбираться. Поэтому не можемъ не высказать пожеланія, чтобы за окончаніемъ „источниковъ для словаря русскихъ писателей,“ составитель выпустилъ бы отдѣльнымъ изданіемъ спеціально для большой публики указатель литературы, т. е. наиболѣе важныхъ статей о болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ писателяхъ. Такой указатель несомнѣнно принесетъ пользу и даже настоятельно необходимъ, хотя, конечно, цѣли и задачи „источниковъ для словаря“ и послѣдняго, очевидно, совершенно различны.

Можно только отъ души пожелать, чтобы настоящее изданіе, на печатаніе одного перваго тома котораго потрачено нѣсколько лѣтъ, быстро бы двинулось впередъ, и лицамъ, близко заинтересованнымъ самымъ изданіемъ, поскорѣе бы получилась возможность имѣть полный ключъ къ русской литературѣ на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій.

Выходъ второго тома, однако, не смотря на обѣщаніе составителей и редактора, до сихъ поръ замедляется...

Николай Носковъ.

Географія.

Съверо-американскія пустыни. Фауна и флора пустынь сильно отличаются отъ растительнаго и животнаго міра богатыхъ водою мѣстностей (хотя не слѣдуетъ думать, что въ пустынѣ всегда скудно развивается жизнь). Своеобразныя климатическія условія пустынь оказываютъ также огромное вліяніе и на образъ жизни людей. Обитатели пустынь ведутъ жизнь номадовъ и занятіе жителей здѣсь всегда, если только возможно какое либо хозяйство—разведеніе скота. Рихардъ Доджъ, работающій при Колумбійскомъ Университетѣ въ Нью-Іоркѣ, сообщаетъ въ Извѣстіяхъ Американскаго Географическаго Общества свои наблюденія надъ вліяніемъ условій жизни въ пустынѣ на людей, причемъ онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду пустыни Сѣверной Америки. Большою частью ландшафты пустынь чрезвычайно монотонны. По виду и характеру поверхности Доджъ различаетъ три категоріи пустынь; къ первой категоріи относятся мѣстности скалистаго характера, изъ которыхъ вѣтеръ вымелъ весь рыхлый матеріалъ; затѣмъ идутъ песчаныя пустыни и, наконецъ, адобе-пустыни; адобе—рыхлое образованіе изъ тонкихъ обломковъ каменныхъ породъ, покрываетъ гораздо большую площадь американскихъ пустынь, чѣмъ песокъ. Рельефъ ландшафта сильно мѣняется; такъ, напр., въ Новой Мексикѣ и Аризонѣ поднимаются горныя цѣпи на 3000—5000 футовъ надъ общимъ уровнемъ мѣстности.

Кому въ первый разъ приходится проѣзжать черезъ пустыню, того охватываетъ впечатлѣніе величія и свободы; на душу любителя природы ландшафтъ пустыни вовсе не производитъ угнетающаго дѣйствія. Поразительная красота и гармонія красокъ трудно поддается описанію. Отсутствіе живого зеленаго цвѣта растительности скоро перестаетъ поражать. Красные, коричневые, желтые тона пустынь дѣйствуютъ успокаивающе и ласкаютъ глазъ; они такъ различны по своимъ оттѣнкамъ и интенсивности, что не перестаютъ привлекать вниманіе своимъ разнообразіемъ. Особенностью пустынь является прежде всего значительное колебаніе температуры на протяженіи однихъ сутокъ, которое въ пустынѣ „Deserts Lands“ въ Соединенныхъ Штатахъ достигаетъ 60° по Фаренгейту.

Для защиты отъ палящихъ лучей солнца необходимо носить платье изъ толстой ткани. Кто носитъ легкое платье, тотъ сильно страдаетъ и отъ солнечнаго зноя днемъ, и отъ низкой температуры ночью. Въ пустыняхъ, однако, нѣтъ недостатка въ укрытыхъ мѣстахъ, гдѣ въ тѣни могъ бы отдохнуть человѣкъ; и именно здѣсь контрастъ между температурой раскаленной зноемъ сол-

нечныхъ лучей почвы и прохладной почвы въ затѣненномъ мѣстѣ гораздо рѣзче обнаруживается, чѣмъ во влажныхъ мѣстностяхъ. Другая особенность пустынь, которая сначала едва ли обращаетъ на себя вниманіе—это полное отсутствіе всякаго запаха. Послѣ долгаго пребыванія въ пустынѣ эта вездѣсущность запаховъ во влажныхъ мѣстностяхъ непріятно дѣйствуетъ на наше обоняніе.

Неоднократно говорилось о необыкновенной остротѣ зрѣнія обитателей пустынь; она зависитъ прежде всего отъ ясности атмосферы пустынь, но Доджъ замѣчаетъ здѣсь, что жители пустынь развиваютъ свое зрѣніе путемъ долгаго упражненія и часто горькаго опыта и лишь послѣ этого они получаютъ способность правильно и точно наблюдать предметы, что почти не дается человѣку, не привыкшему къ оптическимъ условіямъ пустынь.

Путешествіе по пустыннымъ областямъ связано съ особенными трудностями; но туземцы умѣютъ удивительно точно оріентироваться по различнымъ признакамъ въ этихъ, повидимому, бездорожныхъ мѣстностяхъ и легко достигаютъ цѣли. Обитатели пустынныхъ областей Соединенныхъ Штатовъ—индѣйскія племена—такъ сроднились съ особенностями климата и почвы пустынь, что уже съ трудомъ переносятъ жизнь въ мѣстностяхъ, богатыхъ растительностью. Жилища въ пустыняхъ устраиваются преимущественно такъ, чтобы дать защиту отъ вѣтра и песка. Адобе американскихъ пустынь даетъ для этого прекрасный строительный матеріалъ, который по своей прочности и постоянству не оставляетъ желать ничего лучшаго. Во время дневного жара въ жилищахъ держится пріятная прохлада.

Характеръ обитателей сѣверо-американскихъ пустынь извѣстенъ всюду своими высокими качествами; хотя естественныя условія создаютъ грубый образъ жизни, люди тамъ отличаются драгоцѣнными качествами: мужествомъ и честностью.

Самый большой глетчеръ свѣта. Высочайшую альпійскую горную цѣпь земли представляютъ Гималаи, образующія границу между верхней Индіей и Тибетомъ. По высотѣ своихъ гребней и отдѣльныхъ вершинъ, по глубинѣ и дикости долинъ, по размѣрамъ своихъ фирновыхъ полей и глетчеровъ Гималаи превосходятъ всѣ другія горныя цѣпи земли; здѣсь встрѣчаются картины мощнаго величія, но по красотѣ они далеко стоятъ позади нашихъ европейскихъ альповъ. Высочайшія вершины находятся въ среднихъ Гималаяхъ и на границѣ Непала и въ западныхъ Гималаяхъ, на границѣ между Кашмиромъ и Тибетомъ. Здѣсь въ цѣпи Мустакъ поднимается Дапсангъ, достигающій 8619 метровъ и такимъ образомъ послѣ Гауризанкара въ Центральныхъ Гималаяхъ (8839 метр.) эта вершина вторая по высотѣ въ свѣтѣ. Въ этой же цѣпи Мустакъ находится также и длиннѣйшій изъ всѣхъ глетчеровъ: глетчеръ Бальторо. Этотъ потокъ массъ льда течетъ внизъ съ цѣпи Мустакъ и имѣетъ при поперечникѣ въ среднемъ въ 1½ километра—длину въ 50 километровъ. Множество малыхъ глетчеровъ справа и слѣва спускаются изъ ущелій и со склоновъ и сливаются съ нимъ, отчего на поверхности главнаго глетчера можно замѣтить длинныя полосы щебня и валуновъ, такъ называемыя срединныя (промежуточныя) морены. Окончаніе глетчера закрыто огромными массами щебня, валуновъ и обломковъ горныхъ породъ. Впрочемъ, это встрѣчается и у всѣхъ другихъ глетчеровъ Гималаевъ, почему они имѣютъ такой невзрачный видъ. Снѣжная бѣлизна альпійскихъ глетчеровъ или великолѣпный синій цвѣтъ льдовъ, который наблюдается въ концѣ лѣта у глетчера Розенлауи (Бернъ) или, у верхняго Гриндельвальдскаго и Ронскаго глетчера, здѣсь замѣчается рѣдко. Изъ огромныхъ воротъ, обра-

зованныхъ льдами глетчера, вырывается могучій потокъ глетчерной воды. Окружающіе горные склоны ужасающей крутизны. Горныя тропы идутъ на высотѣ не ниже 5000 метровъ, слѣдовательно, выше той границы, которой достигаетъ пикъ Манблана.

Астрономія.

Радій и кометные хвосты. Изслѣдованіе явленій радіоактивности въ послѣднее время привело ко множеству неожиданныхъ результатовъ. Не проходитъ и мѣсяца безъ того, чтобы не появилось какое либо поразительное открытіе изъ области радіоактивныхъ веществъ. Въ радіѣ мы, очевидно, натолкнулись на такой видъ матеріи, который безпощадно разоблачаетъ всѣ тайны, упорно скрывавшіеся другими видами матеріи. Это вещество, кажется, призвано потрясти теоретическія основы физики и химіи и въ корнѣ измѣнить наши воззрѣнія на сущность силъ мірозданія.

Открытія въ области радіоактивности готовы, повидимому, бросить неожиданный свѣтъ на загадочное явленіе кометныхъ хвостовъ. До сихъ поръ все еще остается нерѣшеннымъ вопросъ, какимъ образомъ возникаютъ кометные хвосты и изъ чего они состоятъ. Принимая во вниманіе законы мірового тяготѣнія мы должны заключить, что кометы должны быть очень легки. Они могутъ состоять лишь изъ весьма легкаго вещества. Въ противномъ случаѣ кометы могли бы вызывать страшныя пертурбаціи въ движеніи планетъ и неподвижныхъ звѣздъ, чего до сихъ поръ не наблюдалось. Наоборотъ, масса кометъ и ихъ притягательная сила такъ незначительна, что онѣ сами легко уклоняются отъ своего пути. Если вся комета обладаетъ незначительной массой, то хвостъ ея, повидимому, состоитъ изъ легчайшаго вещества. Это замѣтно по его нѣжному прозрачному виду, легкой подвижности и свойству раздѣляться на два или три пучка. Много загадокъ легко разрѣшается, если предположить, что ядро кометы состоитъ изъ радія или другого радіоактивнаго вещества, высылающаго лучи. Такое предположеніе и было сдѣлано Чарльзомъ Верномомъ Бойсомъ, прочитавшимъ подробный докладъ о своей гипотезѣ осенью прошлаго года на собраніи Британской Ассоціаціи. Какъ извѣстно, среди различныхъ видовъ лучей, высылаемыхъ радіемъ, существуютъ такъ называемые альфа-лучи матеріальной природы, состоящіе изъ гелія и способные въ короткій промежутокъ времени распространяться на огромное разстояніе. Эти лучи вполнѣ могутъ объяснить значительную длину кометныхъ хвостовъ; вслѣдствіе же своей скорости распространенія они обладаютъ такимъ количествомъ живой силы, которая дала-бы имъ возможность преодолѣть солнечное притяженіе, не испытывая искривленія. Въ дѣйствительности-же кометные хвосты часто имѣютъ кривую форму, но большей частью хвостъ *отклоняется въ противоположную сторону* отъ солнца.

Если предположить, что солнце обладаетъ даже незначительнымъ электрическимъ зарядомъ, тогда легко понять это отклоненіе и образованіе хвоста позади кометнаго ядра. —Но радіоактивныя вещества посылаютъ и другіе виды лучей, которые также отклоняются электричествомъ, и въ зависимости отъ различной скорости своего распространенія должны испытывать отклоненіе въ различной степени. Такимъ образомъ легко можно объяснить образованіе двухъ, трехъ и болѣе пучковъ кометнаго хвоста. Свѣченіе же хвоста при предположеніи его радіоактивной природы — понятно само собой. Спектральныя линіи кометнаго свѣта также получили-бы простое объясненіе и не пришлось-бы прибѣгать къ предположеніямъ процессовъ горѣнія или электрическихъ разрядовъ

на кометахъ. Радій обладаетъ способностью приводить въ свѣтовое колебаніе частички окружающихъ его газовъ; такимъ образомъ, если гипотеза подтвердится, у насъ окажется способъ узнавать путемъ спектральнаго анализа природу веществъ міровою пространства, черезъ которое пробѣгаетъ наша состоящая изъ радія комета.

Предположеніе Бойса вполнѣ опирается на теорію недавно умершаго русскаго ученаго Бредихина, считавшагося самымъ выдающимся изслѣдователемъ кометъ. Бредихинъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о физико-химической природѣ кометъ. Онъ разсматриваетъ прежде всего механическую сторону этого явленія.

Всѣ наблюденія и вычисленія приводятъ къ тому выводу, что изъ кометнаго ядра истекаютъ потоки весьма мелкихъ частицъ вѣсомой матеріи, чрезвычайно разрѣженной и распавшейся на атомы и молекулы. Эти частички выбрасываются кометнымъ ядромъ по направленію къ солнцу, но какой-то неизвѣстной по своей природѣ силой, исходящей отъ солнца, отбрасываются назадъ и образуютъ кометный хвостъ. Бредихинъ разсматриваетъ главнымъ образомъ путь и формы движенія такихъ отброшенныхъ частицъ. Всѣ различныя формы кометныхъ хвостовъ могутъ быть объяснены изъ различныхъ видовъ движенія частицъ. Эти частицы, обладая различной массой, должны были получить различную начальную скорость и должны испытывать разное отклоненіе подъ вліяніемъ отталкивательной силы солнца. Изъ этого различія въ формѣ путей частицъ можно теоретически вывести всѣ различные виды кометныхъ хвостовъ, что и сдѣлалъ въ дѣйствительности Бредихинъ, исходя изъ точныхъ вычисленій, собственныхъ наблюденій и опираясь лишь на законы механики. Но не только видъ кометныхъ хвостовъ, а и наблюдаемыя въ нихъ полосы, сгущенія, волнообразныя линіи и другія явленія поддаются объясненію при предположеніи, что хвосты кометъ состоятъ изъ подвижныхъ матеріальныхъ частицъ. Что кометные хвосты не есть просто свѣтовое явленіе, а дѣйствительно матеріальной природы—это доказываетъ спектральный анализъ, обнаружившій въ кометныхъ хвостахъ присутствіе различныхъ элементовъ и химическихъ соединеній.

Если теперь сопоставить эту механическую теорію Бредихина съ гипотезой Бойса, то мы сразу увидимъ ихъ полное согласіе. Эти частицы, движенія которыхъ такъ точно прослѣдилъ и вычислилъ русскій изслѣдователь, есть согласно Бойсу ни что иное какъ „эманація" радія, матеріальная природа которой стоитъ внѣ сомнѣнія. Между тѣмъ, лишь эта гипотеза можетъ объяснить, какимъ образомъ вообще возможны такіе огромные размѣры кометныхъ хвостовъ, потому что только радіоактивныя вещества способны высылать безчисленные легіоны частицъ, не истощаясь въ поддающееся наблюденію время.

Медицина и Гигіена.

Потребленіе мышьяка жителями горъ. Въ іюльской книжкѣ журнала „Нѣмецкій Альпійскій Вѣстникъ" дѣлается сообщеніе объ этомъ еще мало изученномъ обычаѣ. Цѣль потребленія мышьяка горными жителями приблизительно такая, какъ при потребленіи кока, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ опіума и гашиша. Обитатели горъ утверждаютъ, что пріемъ мышьяка значительно облегчаетъ восхожденіе на горы и веселитъ ихъ. Всѣ наблюденія показываютъ, что эта цѣль дѣйствительно вполнѣ достигается. Можно считать установленнымъ, что при неблагопріятныхъ условіяхъ человѣкъ погибаетъ отъ 0,1 грамма мышьяка: во всякомъ случаѣ большая доза уже безусловно

опасна. Однако, горные жители пріучаютъ себя къ пріему четырехъ и больше десятыхъ грамма мышьяка. Относительно способовъ пріема мышьяка и вообще самой привычкѣ трудно получить свѣдѣнія, такъ какъ потребители мышьяка держатъ употребленіе этого средства въ тайнѣ, отчасти изъ суевѣрныхъ соображеній, отчасти опасаясь судебнаго преслѣдованія, т. к. закономъ воспрещается храненіе мышьяка частными лицами. Извѣстно только, что при восхожденіи на горы жители или берутъ въ ротъ кусочекъ мышьяка и медленно сосутъ его какъ леденецъ, или уже въ видѣ порошка посыпаютъ хлѣбъ или сало и въ такомъ видѣ съѣдаютъ. Начинаютъ пріучать себя къ мышьяку обыкновенно съ ничтожныхъ количествъ, около сотой доли грамма, и пріемы возобновляютъ время отъ времени втеченіе нѣсколькихъ недѣль Уже при этомъ наблюдается значительное облегченіе при восходѣ на горы. Постепенно доза возрастаетъ. Удивительно наблюдать, какъ такіе потребители мышьяка съ тяжелымъ грузомъ легко восходятъ на крутизны, не испытывая ни малѣйшаго стѣсненія въ дыханіи. Приходилось наблюдать людей, достигшихъ глубокой и здоровой старости, которые при каждомъ восхожденіи принимали почти полъ грамма этого яда. Большею частью пріемы совершаются безъ соблюденія какихъ либо правильныхъ промежутковъ при началѣ каждаго путешествія по горамъ. Нѣкоторые же сообразуются при пріемахъ съ фазами луны и при ущербѣ луны сокращаютъ дозы до минимума или даже вовсе пріостанавливаютъ пріемы.—Замѣчаются ли вначалѣ слабые симптомы отравленія, неизвѣстно, т. к. употребленіе мышьяка тщательно скрывается отъ посторонняго глаза. Во всякомъ случаѣ разъ индивидуумъ пріучилъ себя къ яду и продолжаетъ пріемы не въ слишкомъ крупныхъ размѣрахъ—уже не наступаетъ никакихъ вредныхъ явленій, и люди при цвѣтущемъ внѣшнемъ видѣ пользуются дѣйствительно хорошимъ, продолжительнымъ здоровьемъ.

Потребленіе алкоголя и боевая готовность войскъ. Интересные опыты надъ физіологическимъ вліяніемъ алкоголя на успѣшность стрѣльбы солдатъ были продѣланы недавно въ шведской арміи. Въ книгѣ, опубликованной капитаномъ Beugé Boy („Alkoholis inverkau pa skjutförmogaus)“ собраны всѣ добытые результаты. Для систематизаціи результатовъ наблюденій врачами была выработана особая градуированная таблица, на которой между прочимъ наглядно должны были обнаружиться результаты такъ называемаго умѣреннаго потребленія алкоголя. Упражненія начались точной стрѣльбой батальона на дистанцію въ 300 метровъ, причемъ солдатамъ выдавалось опредѣленное количество алкоголя. Стрѣлки обнаружили при этомъ значительное пониженіе способности опредѣлять дистанцію (глазомѣръ). Сообразно съ этимъ доля попаданія оказалась на добрыхъ 60% ниже обычнаго уровня. Слѣдующая проба была произведена на *скорой* и *выдержанной* стрѣльбѣ взводовъ сначала при трезвомъ состояніи солдатъ, затѣмъ при „алкоголизованномъ“. Послѣ нѣкотораго времени, когда дѣйствіе алкоголя совершенно проходило, опыты повторялись. Затѣмъ опредѣленная доза (34 до 45 грам.) выдавалась солдатамъ наканунѣ дня стрѣльбы вечеромъ для того, чтобы опредѣлить вліяніе незначительнаго потребленія спирта, а также и при болѣе продолжительныхъ промежуткахъ времени между моментомъ принятія спирта и стрѣльбой. Въ обоихъ случаяхъ результатъ въ существенномъ оказался одинаковымъ: вліяніе алкоголя обнаруживалось въ томъ, что люди при опредѣленіи дистанцій выказывали неувѣренность и по отдачѣ приказанія стрѣлять приходили въ нервозное состояніе, затѣмъ переставали выдерживать промежутки и переходили къ безпорядочной стрѣльбѣ. Любопытно

то, что большая часть людей была того мнѣнія, что имъ удалось отличиться, и только „неповрежденное“ состояніе мишеней послѣ убѣждало ихъ въ безславномъ результатѣ. Резюмируя результаты опытовъ, шведскій авторъ приходитъ къ выводу, что при потребленіи алкоголя, какъ умѣренномъ, такъ и сильномъ, замѣчается *временное повышеніе подвижности войсковыхъ частей и активности ихъ*, такъ называемой воинской „отваги“. Съ другой стороны, происходитъ весьма значительное *пониженіе способности сужденія и сообразительности*. Такъ какъ при современныхъ войнахъ рукопашныя схватки въ значительной мѣрѣ отходятъ на второй планъ, уступая свое значеніе дальней стрѣльбѣ, то въ военномъ смыслѣ потребленіе алкоголя солдатами должно быть признано вредящимъ дѣлу и поэтому совершенно отброшено.

Палеонтологія.

Находка скелета ископаемаго кита въ Венгріи. Музей Королевскаго Венгерскаго Геологическаго Института, какъ сообщаетъ „Австрійскій Рыболовный Вѣстникъ“, обогатился единственной въ своемъ родѣ во всемъ свѣтѣ палеонтологической находкой: это полный скелетъ ископаемаго кита (Aulocetus) изъ той до-дилувіальной эпохи, остатки обитателей которой въ немногихъ отдѣльныхъ уцѣлѣвшихъ частяхъ можно найти въ музеяхъ Брюсселя и Болоньи. Скелетъ ископаемаго кита былъ найденъ въ Борболіи при копаніи ямы для обжигательной печи и принесенъ въ даръ Геологическому Институту. Скелетъ помѣщенъ въ кораблеподобномъ стеклянномъ ящикѣ и имѣетъ въ длину 7 метровъ при ширинѣ въ 1,6 метра. Въ геологическомъ отношеніи представляетъ интересъ то обстоятельство, что въ Борболіи, мѣстонахожденіи скелета, еще на три метра глубже внутри земли былъ найденъ скелетъ ископаемаго оленя, по строенію повидимому близкаго къ оленьимъ родамъ, водящимся въ Остъ-Индіи.

Техника.

Регистрирующій корабельный компасъ. Журналъ „Technische Rundschau“ сообщаетъ объ изобрѣтеніи французомъ Гейтомъ компаса, который каждую минуту автоматически отмѣчаетъ направленіе иглы. Такимъ образомъ при помощи этого прибора морякъ можетъ вполнѣ точно опредѣлить путь своего корабля за какой либо промежутокъ времени. Компасный кружокъ покоится на стальномъ остріѣ, которое другимъ своимъ концомъ упирается въ каплю ртути. Компасная карта, снабженная розою вѣтровъ, несетъ по наружному краю серебряную стрѣлку, соединенную посредствомъ тонкой проволоки съ источникомъ электричества. Металлическій футляръ компаса имѣетъ нѣсколько изолированныхъ другъ отъ друга отдѣловъ. Каждую минуту происходитъ замыканіе тока, который пробѣгаетъ черезъ ртутную каплю, стрѣлку и отдѣлъ футляра и на бумажной лентѣ, расположенной снаружи на соотвѣтственномъ мѣстѣ, искрой пробивается отверстіе, которое, такимъ образомъ отмѣчаетъ направленіе пути каждую минуту.

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Подписчику 28 лѣтъ.—Главное леченіе при вашей болѣзни заключается исключительно въ правильномъ образѣ жизни. Пища не должна быть обильна, кофе, крѣпкій чай и пряности совсѣмъ нельзя употреблять. Ужинать умѣренно. Мяса вообще ѣсть поменьше. Спать не много и не лежать въ постели безъ надобности. Постель не должна быть мягкой, а одѣяло—слишкомъ теплымъ. Ночью чаще мочиться (если сами не пробуждаетесь, пусть будятъ другіе). Кромѣ того, примѣнять тепловатыя ванны и обмыванія. Затѣмъ, избѣгать уединенія. Полезенъ также умѣренный мускульный трудъ и умственный (языки, математика). Соблазняющаго чтенія слѣдуетъ избѣгать. Соблюдая эти правила, при небольшой силѣ воли, можно скоро вылечиться отъ болѣзни. Бракъ при вашей болѣзни совсѣмъ не преступленіе, напротивъ, онъ часто „показуется", какъ говоритъ медицина, чтобы дать естественное удовлетвореніе половымъ потребностямъ. Во всякомъ случаѣ, помните, что отчаяваться нечего: сила воли и трудовой, умѣренный образъ жизни скоро вернутъ вамъ утраченныя силы.

Свящ. Торопову.—О шлюпкахъ обратитесь въ мастерскую Кепке (Спб., Вас. о-въ), сошлитесь на нашу рекомендацію. Вамъ вышлютъ каталогъ.

Г. Матюнину.—„Всеобщая Исторія" Дюрюи выйдетъ въ отдѣльную продажу въ декабрѣ. Цѣна будетъ рубля 2 р. 50—3 р. за всѣ 3 тома.

Г. Чижикову.—Изъ вашего вопроса не видно, на какихъ основаніяхъ вы хотите попасть въ университетъ, по экзамену зрѣлости или аттестату дух. семинаріи (1-го разр. съ экзаменомъ въ университетѣ—Юрьевскомъ, Томскомъ и Варш.). Если по аттестату зрѣлости, то вамъ нужно пріобрѣсти гимназическія руководства, принятыя въ той гимназіи, гдѣ вы думаете держать экзаменъ. Въ вольные слушатели университетовъ поступаютъ безъ экзамена (но нужно состоять на государственной службы). Будучи вольнымъ слушателемъ, можно переходить съ курса на курсъ, держа переходные экзамены. Но полныя права можно получить, только сдавъ экзаменъ зрѣлости,—и тогда, *по общему правилу*, вольнослушатель даже старшихъ курсовъ, сдавъ экзаменъ зрѣлости, долженъ опять начинать съ I курса. Только по особымъ ходатайствамъ ему могутъ зачесть пребываніе на младшихъ курсахъ.

Отвѣтъ г. Юркову. „Возможно ли отвести судебнаго слѣдователя отъ производства имъ слѣдствія на томъ основаніи, что слѣдователь съ обвиняемымъ находится, какъ хорошій знакомый въ прекрасныхъ отношеніяхъ".

„Безпристрастіе,—говоритъ П. В. Макалинскій въ своемъ „Практическомъ руководствѣ для суд. слѣд„. ч. II, стр. 57,—одно изъ самыхъ главныхъ условій правильнаго производства слѣдствія; оно должно выражаться не только въ равно внимательномъ отношеніи къ фактамъ, представляю-

щимся противъ и за подсудимаго, къ свидѣтелямъ и другимъ доказательствамъ обвиненія и оправданія, но и въ равномъ обращеніи, какъ съ обвиняемымъ, такъ и съ другими участвующими въ дѣлѣ лицами. Даже мало того, чтобы слѣдователь былъ безпристрастенъ, нужно еще, чтобы обвиняемый не имѣлъ никакихъ данныхъ заподозрить его въ пристрастіи; желательно, чтобы обвиняемый смотрѣлъ на слѣдователя съ полнымъ довѣріемъ".

Въ цѣляхъ осуществленія этого безпристрастія, подсудимому дано закономъ право отвода слѣдователя, но этимъ правомъ воспользоваться можно лишь въ томъ случаѣ, когда между слѣдователемъ и участвующими въ дѣлѣ лицами (въ томъ числѣ и съ обвиняемымъ) существуютъ отношенія, могущія поколебать его безпристрастность. Эти отношенія точно опредѣлены закономъ и перечислены именно въ 600 ст. уст. уг. суд. и заключаются въ слѣдующемъ:

1. Если слѣдователь, его жена и родственники, (въ прямой линіи безъ ограниченія степени, а въ боковыхъ линіяхъ родственники первыхъ четырехъ степеней и свойственники первыхъ трехъ степеней) являются лицами заинтересованными или участвующими въ дѣлѣ.

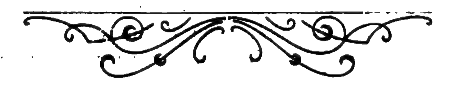
2. Если слѣдователь состоитъ опекуномъ одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или если кто нибудь изъ нихъ (судья или это лицо) управляетъ дѣлами другого.

3. Если слѣдователь или его жена состоятъ по закону ближайшими наслѣдниками одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или же имѣютъ съ кѣмъ либо изъ нихъ тяжбу.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, на основаніи 273 ст. у. у. с. слѣдователь можетъ быть отводимъ обвиняемымъ, какъ и частнымъ обвинителемъ или гражданскимъ истцомъ. Независимо отъ сего, слѣдователь, при наличности одной изъ вышеуказанныхъ причинъ, обязанъ (ст. 274) самъ себя устранить отъ производства слѣдствія и донести о томъ суду. Отводъ предъявляется самому слѣдователю, и Окружный Судъ или Прокуроръ не имѣютъ права принимать такіе отводы. Впрочемъ, по силѣ 275 ст. и предъявленіе отвода не останавливаетъ производства слѣдствія отводимымъ слѣдователемъ до рѣшенія Судомъ вопроса объ основательности отвода. Онъ обязанъ продолжать слѣдственныя дѣйствія, ибо основной принципъ слѣдствія тотъ, что оно должно быть производимо со всевозможною скоростью".

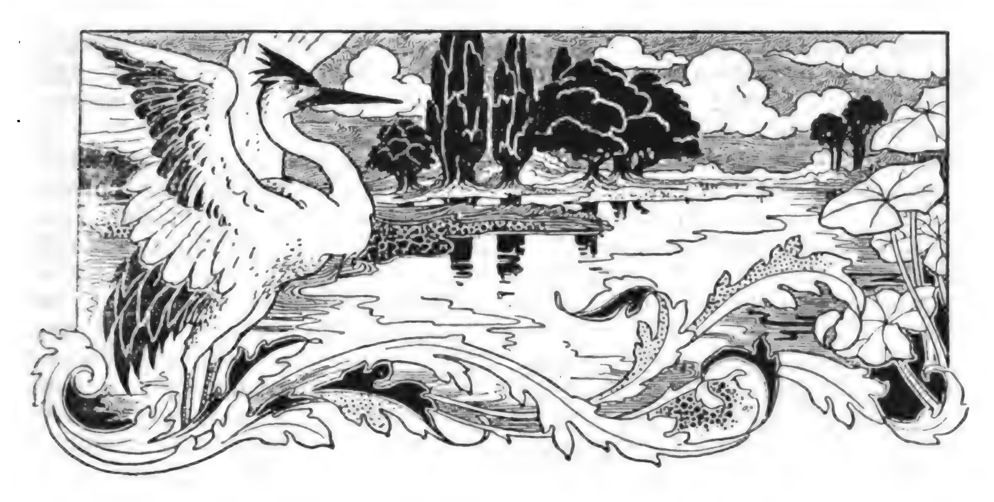
Хорошія отношенія между слѣдователемъ и обвиняемымъ, такимъ образомъ, не служатъ поводомъ къ отводу.

С. Л-о.



Редакторъ-издатель ***Ф. С. Груздевъ.***

Дозволено цензурою. Спб. 18 Сентября 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина Екатерин. кан., 71—6



О новомъ человѣкѣ.

Б. Фуссъ.

Въ прошломъ году вышло въ свѣтъ оригинальное сочиненіе Д-ра Хіальмара Кьеленсона (Hjialmar Kjölenson) на нѣмецкомъ языкѣ „О счастіи и новомъ человѣкѣ“. Оно даетъ необходимыя познанія, способствующія удовлетворенію естественнаго стремленія сердца къ счастію, причемъ Гёте выдвигается какъ представитель новаго человѣка, живущаго сердцемъ. Результатомъ чтенія каждой главы этого сочиненія является жизнерадостное настроеніе духа для полнаго удовлетворенія сердца. Таковъ отзывъ нѣмецкой печати объ этомъ сочиненіи.

Я остановлюсь на главѣ „О новомъ человѣкѣ“, которая даетъ намъ довольно полное представленіе о томъ, какъ авторъ понимаетъ счастіе и новаго человѣка, и буду говорить словами самого автора.

Онъ опредѣляетъ, что постоянное счастіе есть продолжающееся состояніе довольства *своимъ сердцемъ*, будь онъ движимо радостью или отягчено горемъ. Это довольство бываетъ тогда, когда мы живемъ въ полномъ согласіи съ нашимъ сердцемъ. Проходящими моментами счастія являются ощущенія радости, соединенныя съ удовлетвореніемъ потребностей души и тѣла. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всякое наслажденіе души есть въ тоже время и тѣлесное наслажденіе, и наоборотъ (Спенсеръ и другіе).

Самое важное въ жизни знать, что именно вполнѣ удовлетворяетъ душу, и этимъ пользоваться. Главнѣйшее правило житейской мудрости должно состоять въ томъ, чтобы постоянно внимательно прислушиваться къ *голосу нашего существа* и такимъ образомъ знать, что нашему *я* нужно и что ему не пригодно.

Второе правило жизни должно имѣть въ виду желать всегда только то, что соотвѣтствуетъ нашему существу, и внѣ этого не искать ничего. Надо преисполниться стремленіемъ быть самимъ по себѣ. Поэтому мы должны строго наблюдать, чтобы въ мысляхъ и дѣйствіяхъ не отдаляться отъ нашего *я*, чтобы мы такимъ образомъ не дробили свою жизнь предметами намъ чуждыми и даже намъ противными.

Къ сожалѣнію, въ насъ существуетъ наклонность постоянно удаляться отъ того, что ближе всего нашей душѣ. Въ этомъ виновата страсть души къ разнообразію. Всего труднѣе въ жизни находить себя въ самомъ себѣ, т. е. познать самого себя. Мы должны привыкнуть какъ можно чаще быть у себя дома, т. е. оставаться при едва внятныхъ движеніяхъ души. Наше сердце это нашъ рай, но мы постоянно даемъ выгонять себя изъ него. Въ сутолокѣ жизни почти всѣ теряютъ свою внутренную сущность. Никогда не слѣдуетъ заниматься многими дѣлами, а только тѣми, которыя прямо или косвенно служатъ желаніямъ сердца. Тутъ нуженъ опытъ: многое сперва кажется заманчивымъ, но впослѣдствіи имѣетъ противоположные результаты.

Третье правило состоитъ въ самообразованіи въ томъ смыслѣ, чтобы душа и тѣло функціонировали всегда въ единствѣ. Въ настоящее время въ образованномъ классѣ людей этому единству грозитъ односторонняя дѣятельность, т. е. дѣятельность преимущественно умственная. Чѣмъ дальше мы отдаляемся отъ сердца, тѣмъ пустыннѣе жизнь.

Наконецъ, четвертое правило требуетъ, чтобы отдаваться всѣмъ существомъ предмету, который разъ нами признанъ необходимымъ для насъ. Такая цѣлостность дѣйствія ведетъ къ тому, что даже незначительная работа доставляетъ намъ въ своемъ родѣ полное удовлетвореніе. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Гёте: „Я зналъ людей, которые были счастливы только потому, что они были всецѣлы; даже незначительный человѣкъ, если онъ всецѣлъ, можетъ быть счастливъ и въ своемъ родѣ совершененъ“.

Итакъ мы видимъ, что цѣль всѣхъ руководящихъ правилъ жизни — это земное благостояніе отдѣльной личности, индивида, — это жизнь для сердца вмѣсто существующей и теперь жизни для пріобрѣтенія богатства, высокаго положенія, славы или жизни для религіи, для человѣчества.

Индивидуалистъ тотъ, кто живетъ только для своего сердца согласно разуму, не для тщеславія. Цѣль жизни—быть счастливымъ здѣсь на землѣ. Это должно быть евангеліемъ будущаго въ области науки жизни. Индивидуализмъ — это господство собственнаго вкуса и воли при всякой дѣятельности, особенно при образѣ жизни. Индивидуализмъ —это евангеліе радости, любви къ жизни. Новый человѣкъ далекъ отъ господства страстей надъ его я. Такое господство разрушило-бы нашу свободу и достоинство и превратило бы душевную гармонію нашего я въ мученіе. Только слабый человѣкъ, учитъ Гёте, получаетъ свою судьбу, сильный же самъ создаетъ ее себѣ. Индивидуализмъ имѣетъ цѣлью свободу, достоинство и счастіе какъ отдѣльной личности, такъ и остальныхъ людей *).

Различіе между старымъ и новымъ человѣкомъ состоитъ главнымъ образомъ въ различіи воззрѣнія на достоинство вещей. Новый человѣкъ цѣнитъ все—славу, науку, искусство, богатство, чувства, знакомства, государство, религію,—въ той мѣрѣ, въ какой оно прямо или косвенно благотворно для души. Слѣдовательно, онъ цѣнитъ все съ точки зрѣнія питательности для сердца, потому что *высшее благо*—въ счастіи сердца.

Изложивъ такимъ образомъ взгляды автора на счастіе и новаго человѣка, я остановлюсь еще на послѣдней главѣ „Виды на будущее“. Тутъ приходится, къ сожалѣнію, ска-

*) Такой индивидуализмъ, именно основанный на любви къ жизни и, стало быть и къ ближнему, вполнѣ допустимъ и вполнѣ нравственень. Но, вѣдь, „люби ближняго своего, какъ самого себя“ и „поступай съ другими такъ, какъ ты бы желалъ, чтобы поступали съ тобой“, какъ давно намъ извѣстна эта истина! Въ чемъ же тутъ новое?!.. *Ред.*

зать, что авторъ, начавши въ сочиненіи своемъ за здравіе, кончилъ за упокой.

Въ этой послѣдней главѣ онъ убѣждаетъ, что цѣль *истинной* культуры должна состоять въ созданіи людей типа Гёте съ его мыслями и настроеніемъ, съ его цѣлью жизни. Словомъ, слѣдованіе Гёте должно быть новымъ культомъ, новымъ евангеліемъ интеллигенціи. Гёте долженъ постепенно сдѣлаться „тайнымъ царемъ“ *человѣчества*, т. е. онъ долженъ своей жизнью и своими сочиненіями сдѣлаться правителемъ нашего сердца, мышленія и дѣятельности. Для осуществленія этого авторъ требуетъ, чтобы школы стремились подготовить этотъ новый идеалъ бытія; чтобы въ каждой школѣ и частной квартирѣ было изображеніе Гёте на видномъ мѣстѣ; чтобы въ болѣе крупныхъ центрахъ были библіотеки съ сочиненіями Гёте и другихъ подходящихъ къ нему писателей; чтобы были странствующіе учителя (должно быть, апостолы) для распространенія воззрѣній Гёте на жизнь и, наконецъ, чтобы совершались ежегодныя обширныя паломничества въ Веймаръ (гдѣ жилъ Гёте).

Увлеченіе автора почти религіознымъ культомъ Гёте до того дико, что не заслуживаетъ возраженій. Положимъ, Гёте одинъ изъ величайшихъ писателей, но зачѣмъ же „ломать стулья“, зачѣмъ же создавать культъ Гёте? Авторъ приводитъ цитату изъ Грильпарцера, которая гласитъ: „Кто не поклонникъ Гёте, тому нѣтъ мѣста на нѣмецкой землѣ“. Если это сопоставить съ взглядомъ автора, что Гёте долженъ быть „тайнымъ царемъ“ не только нѣмецкой земли, но и всего человѣчества, и если, затѣмъ, принять во вниманіе, что едва ли все человѣчество, кромѣ развѣ нѣмцевъ, приметъ культъ Гёте,—то открывается грандіозная перспектива въ будущемъ: выселеніе человѣчества съ земного шара. На снисхожденіе автора разсчитывать нельзя: если нѣмцамъ, не поклоняющимся Гёте, нѣтъ мѣста на землѣ, то и остальное все человѣчество должна постигнуть такая же безпощадная участь за непризнаніе Гёте „тайнымъ царемъ“. Тутъ нѣтъ никакой утопіи, потому что если авторъ могъ додуматься до такого культа и нашелъ сочувствіе въ своемъ отечествѣ, то онъ можетъ додуматься и до способа выселенія невѣрующаго въ Гёте человѣчества на Луну или Марсъ хотя бы на аэростатахъ.

Въ изложенной выше главѣ „О новомъ человѣкѣ“ авторъ высказалъ много дѣльныхъ мыслей о счастіи. Нельзя не согласиться съ нимъ, что полное счастіе не мыслимо для человѣчества безъ жизни сердца въ обширномъ смыслѣ слова, но знаемъ мы это давно, потому что давно намъ завѣщано, „любить ближняго, какъ самого себя“, жаль только, что въ концѣ концовъ авторъ въ послѣдней главѣ „Виды на будущее“ окончательно низводитъ эту любовь исключительно до взаимныхъ отношеній мужчины и женщины. Эта любовь возводится авторомъ въ особый культъ. Онъ говоритъ, что при правильномъ примѣненіи благъ міра сего выясняется, что нѣтъ на землѣ ничего болѣе цѣннаго, какъ сердце, преисполненное любви и страсти. Этотъ взглядъ, говоритъ онъ, составляетъ кульминаціонный пунктъ *міровоззрѣнія*. Этотъ взглядъ, повторяетъ онъ, есть основное воззрѣніе новаго человѣка и главное его различіе отъ стараго человѣка. Словомъ, въ культѣ такой любви авторъ видитъ счастіе человѣчества, а въ Гёте — представителя этой любви. Нельзя не согласиться, что такой культъ очень пріятенъ и, очень возможно, придется по вкусу многимъ еще „новымъ“ людямъ. Не даромъ давно твердятъ, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ.

Борисъ Фуссъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Бѣлою чайкой надъ гладью лазурной
Легко и свободно мой парусъ летитъ,
Пѣснею воли, и нѣжной, и бурной,
Просторъ необъятный немолчно шумитъ.

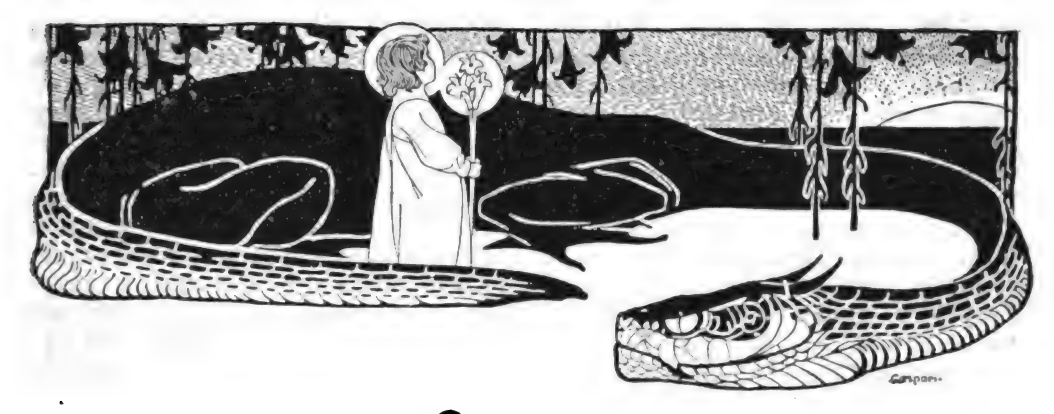
Въ звукахъ той пѣсни и синемъ сіяньи
Надъ сердцемъ нѣтъ власти юдоли земной:
Смутно въ далекомъ, неясномъ мерцаньи
Затеплился вѣчности лучъ предо мной.

Звуки той пѣсни то глухо стихаютъ,
Ихъ гулъ поглощаетъ просторъ голубой,
Тихій ихъ ропотъ надеждой ласкаетъ,
И дышетъ побѣды въ немъ сладкій покой.

То вдалекѣ просыпаются волны
Таинственной силы, враждебной и злой,
Крѣпнутъ, ростутъ и, величія полны,
Гремятъ непреклонной и мощной грозой.

Этой предвѣчной борьбы колебанья
Владѣютъ всесильно моею душой,
Моря я слышу глухія стенанья,
И парусъ несется въ дали голубой...

Борисъ Фуссъ.



Satis.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Г. Генкеля.

— Довольно, довольно... Не говори ты мнѣ, ради Бога, о широкой пользѣ, объ обществѣ, о ближнихъ, о беззавѣтномъ трудѣ и тому подобныхъ прекрасныхъ прописныхъ истинахъ, Михаилъ Александровичъ. Все это всѣмъ давно извѣстно и, какъ всякій труизмъ, всѣмъ давно наскучило.

— Да успокойся же, наконецъ, Сигизмундъ Павловичъ. Вѣдь это, право, ни на что не похоже. Вотъ уже два дня ты на себя не похожъ, вчужѣ глядѣть жалко. Успокойся, пожалѣй себя. Ну, скажи на милость, откуда у тебя такая хандра? И такъ внезапно! Что случилось?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Михаилъ Александровичъ, что ты съ своимъ вѣчнымъ оптимизмомъ и чисто ребяческою — прости — наивностью не хочешь понять меня. Ничего не случилось, никакой хандры у меня нѣтъ, но пойми, мнѣ тяжело, тяжело, тяжело...

— И это говоритъ врачъ,—добродушно разсмѣялся Михаилъ Александровичъ, жизнерадостный, плотный блондинъ съ смѣющимися голубыми глазами и пышною курчавою шевелюрою. Яркій румянецъ игралъ на его полныхъ щекахъ, а сквозь полуоткрытыя губы виднѣлись два ряда безукоризненно ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Отъ него вѣяло здоровьемъ.

— Ну, скажи на милость, какой ты врачъ! Тебѣ ли хандрить, тебѣ ли убиваться въ какой-то безотчетной тоскѣ по тебѣ самому невѣдомой причинѣ? —продолжалъ Михаилъ Александровичъ, закладывая ногу на ногу и удобнѣе усаживаясь въ мягкое кресло. — Чего тебѣ не хватаетъ? Все у тебя, кажется, есть. Ты молодъ, всего четыре года какъ великолѣпно окончилъ курсъ въ университетѣ, написалъ диссертацію, скоро будешь докторомъ медицины. Ты человѣкъ обезпеченный, здоровый, молодой... Жена у тебя, ну, да не мнѣ ее хвалить. Самъ знаешь, что я едва съ тобой, дружище, не разошелся на вѣки, когда узналъ, что Варвара Федоровна выходитъ за тебя. Теперь это, конечно, все прошло; но два года тому назадъ, въ день твоей свадьбы, я чуть пули въ лобъ себѣ не пустилъ. Чего же тебѣ еще надо?

— Послушай, Михаилъ, вѣдь это ни на что не похоже. Тебѣ бы только балагурить и смѣяться!—въ сердцахъ отвѣтилъ Сигизмундъ Павловичъ и нервно зашагалъ по кабинету.

Это былъ высокій брюнетъ лѣтъ 27—28; на видъ, впрочемъ, онъ казался старше. Причиною тому была немного сгорбившаяся, сутуловатая фигура и довольно рѣдкіе на вискахъ волосы, мѣстами уже начинавшіе серебриться. Неправильное, но симпатичное и чрезвычайно блѣдное лицо его, обрамленное черною бородкою, судорожно подергивалось. Въ большихъ темныхъ глазахъ сверкалъ лихорадочный блескъ. Когда онъ шагалъ по комнатѣ, вся фигура его порывисто вздрагивала. Казалось, онъ былъ сильно взволнованъ.

Подойдя вплотную и остановившись предъ самымъ кресломъ собесѣдника, онъ устремилъ на Михаила Александровича упорный взоръ и, какъ бы пронизывая товарища насквозь, заговорилъ скороговоркою:

— И за что только я люблю тебя? Вѣдь вотъ ты не можешь и не хочешь понять меня. Да, не хочешь и не хочешь. А еще называешься другомъ! Пойми—другомъ, а не пріятелемъ. Съ пріятелемъ я и говорить-бы не сталъ. А то ты... Вѣдь ты знаешь всю мою жизнь, вѣдь мы выросли и учились вмѣстѣ, и страдали и радовались вмѣстѣ. И ты, ты, умный человѣкъ, естественникъ и практикъ, ты понять меня не хочешь! Пойми же, наконецъ, что такъ продолжаться не можетъ; я не вынесу долѣе этой вѣчной пытки. Что дѣлать? Скажи, что дѣлать?—проговорилъ съ полнымъ отчаяніемъ Сигизмундъ Павловичъ. Лицо его въ эту минуту выражало нечеловѣческое страданіе.

Михаилъ Александровичъ только улыбнулся. Не спѣша скрутивъ папиросу и закуривъ ее, онъ удобнѣе улегся на своемъ креслѣ и процѣдилъ сквозь зубы.

— Тебѣ просто надо отдохнуть, разсѣяться. Самобичеванія ни къ чему не поведутъ. Вспомни, братъ, вѣдь не въ первый же разъ мнѣ приходится слышать отъ тебя такія рѣчи, быть свидѣтелемъ твоего отчаянія, твоей тоски. Но это, братъ, все гниль. Послушайся меня: возьми отпускъ, брось на мѣсяцъ книги и работу, забудь о своихъ паціентахъ, забудь обо всемъ въ мірѣ и поѣзжай себѣ съ Богомъ въ имѣніе къ женѣ. Отдохнешь, человѣкомъ будешь. А то разрюмился и раскисъ, какъ старая баба. Все это, братъ, нервы и нервы. Не мнѣ говорить это тебѣ, доктору. Ну, чего ты на меня такъ уставился? Да ты не слушаешь меня вовсе!

И дѣйствительно, Сигизмундъ Павловичъ въ эти минуты мыслью былъ далекъ отъ своего друга. Глядя на него, онъ, казалось, не замѣчалъ собесѣдника. Между бровей залегла глубокая складка, и глаза Сигизмунда Павловича подернулись мутною поволокою.

— Да ты меня вовсе не слушаешь,—повторилъ Михаилъ Александровичъ.—Знаешь что?— прибавилъ онъ чрезъ минуту. —Одѣвайся-ка и поѣдемъ куда-нибудь за городъ. Вечеръ прелестный, ночь будетъ дивная, лунная. Возьмемъ лодку, проѣдемъ по Волгѣ, а затѣмъ махнемъ въ „Аркадію" ужинать. Полно тебѣ затворникомъ-то сидѣть. Ну, братъ, живѣе поворачивайся, allons!

— Нѣтъ дружище, отъ этого уволь.

— Нѣтъ, не уволю и не отстану отъ тебя, пока ты не сдѣлаешь по моему. Если не послушаешься меня, то, даю тебѣ слово, сейчасъ же двинусь отсюда на вокзалъ и телеграммой вызову Варвару Федоровну. Это, наконецъ, ни на что не похоже.

— Этого ты не сдѣлаешь.

— А вотъ и сдѣлаю. Что тебѣ, 70 лѣтъ что-ли? Маршъ, одѣвайся. И чего это, прости Господи, жена-то твоя глядитъ? Какъ она оставила тебя здѣсь одного, на все лѣто, въ этомъ душномъ городѣ, одного безъ

присмотра, безъ ухода, даже безъ прислуги! Вотъ они и сказываются, твои кухмистерскіе обѣды! А еще докторъ, медикъ, чортъ бы тебя побралъ!

Михаилъ Александровичъ бросилъ недокуренную папиросу и поднялся.

— Жаль, что завтра приходится уѣзжать по дѣламъ въ Ярославль. А то бы я тебя растормошилъ, кисляй ты этакій! Я-бъ тряхнулъ стариной, и ты-бы забылъ всю свою хандру отъ сытаго бездѣльничанья.

— Вотъ что, любезный Михаилъ Александровичъ, я тебя попрошу оставить свои совершенно неумѣстныя шутки. Онѣ—не умны. Да и лучше всего будетъ, если ты меня оставишь теперь въ покоѣ. Тебѣ нужно укладываться, а не ѣздить по „Аркадіямъ“.

— Ну, это, братъ, дудки!

— Нѣтъ, не дудки, а дѣло. Мнѣ что-то очень нездоровится, и я лучше сейчасъ лягу. Вотъ приму брому и постараюсь уснуть.

— „Вольному воля!“ — замѣтилъ Михаилъ Александровичъ и взялся за шляпу.—А лучше послушался-бы меня. Брось ты всю эту чепуху и поѣдемъ. „Жизнь на радость намъ дана“.

— Какая ужъ тамъ радость! Нѣтъ, братъ, лучше убирайся-ка ты по добру, по здорову, а то я еще, пожалуй, и тебя заражу своимъ сплиномъ.

По всей вѣроятности, предположеніе Сигизмунда Павловича не на шутку встревожило его жизнерадостнаго пріятеля. Михаилъ Александровичъ взялъ съ друга слово, что тотъ безъ дальнихъ околичностей ляжетъ, и напѣвая „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, черезъ пять минутъ безпечно выпорхнулъ изъ квартиры доктора.

Замкнувъ за пріятелемъ двери, Сигизмундъ Павловичъ остался одинъ. Ночь быстро спускала на землю свои темные покровы. На западѣ едва догорала заря, и гулъ, доносившійся все время съ улицы, сталъ утихать. Луна уже успѣла взойти, и первые ея лучи робко проскользнули въ обширный, довольно богато обставленный кабинетъ доктора.

Сигизмундъ Павловичъ не закрылъ отвореннаго въ палисадникъ окна, взялъ кожаную подушку и прилегъ на диванѣ.

Въ вискахъ у него стучало, голова была горяча, онъ порою вздрагивалъ какъ бы въ ознобѣ. Въ груди что-то ныло. Мрачныя, неотвязныя мысли преслѣдовали Сигизмунда Павловича. Онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, чтобы отогнать ихъ, но это было безполезно.

— Довольно, довольно! — твердилъ ему внутренній голосъ.—Довольно этой никому не нужной, безцѣльной и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мучительной ломки! Довольно этихъ жгучихъ страданій.

Онъ закрылъ глаза, пытаясь думать о другомъ, до боли жадно ища забыться, уснуть. Но сонъ бѣжалъ отъ него. Стоило ему закрыть глаза, какъ передъ нимъ точно живая воскресала картина сегодняшней операціи: на операціонномъ столѣ лежала молодая прекрасная женщина, мать двухъ крохотныхъ малютокъ. Ее только что захлороформировали, и онъ, Сигизмундъ Павловичъ, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, и фельдшеромъ, уже хотѣлъ приступить къ роковому разрѣзу. Чрезъ комнату отъ операціонной находился отецъ больной, блѣдный, измученный старикъ, съ мольбою глядѣвшій на докторовъ и сидѣлокъ и нѣмымъ взоромъ, кажется, вопрошавшій ихъ, есть ли надежда на спасеніе его единственной радости въ жизни. Старикъ. повидимому, готовъ былъ отдать весь остатокъ дней своихъ за то, чтобы спасти дочь, сохранить ее для бѣдныхъ крошекъ-внучатъ, недавно лишившихся отца-кормильца.

Сигизмундъ Павловичъ зналъ все это, какъ зналъ и то, что операція не вернетъ больной здоровья, а

лишь на короткое время оттянетъ неизбѣжный роковой конецъ. Онъ случайно зналъ исторію этой женщины, зналъ всѣ детали ея семейной жизни, зналъ, что ея смерть прикончитъ отца, зналъ, что ждетъ ея крошекъ.

И онъ былъ безсиленъ что либо измѣнить во всемъ этомъ. Никогда безцѣльность всѣхъ этихъ неимовѣрныхъ страданій цѣлаго ряда существъ, ни чѣмъ неповинныхъ въ постигшемъ ихъ горѣ, не вставала передъ нимъ такъ ярко, какъ сегодня, никогда онъ въ такой мѣрѣ не сознавалъ всего ничтожества своей медицины, именуемой наукою, никогда онъ самъ такъ не волновался предъ операціею, какъ сегодня. Собравъ всѣ свои силы, онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее: операція прошла блестяще, но черезъ часъ послѣ нея больная умерла въ горячечномъ бреду, призывая къ себѣ дѣтей, старика отца и недавно умершаго мужа.

Сцена послѣдняго свиданія отца съ умиравшею дочерью заставляла доктора и сейчасъ еще содрогаться, при одномъ о ней вспоминаніи.

И сколько подобныхъ смертей видѣлъ онъ на своемъ вѣку, во время недолголѣтней своей практики, на столько однако въ общемъ блестящей, что онъ 28 лѣтній врачъ, успѣлъ уже стяжать себѣ громкую извѣстность! Сколько предсмертныхъ стоновъ, мучительныхъ агоній, лихорадочной борьбы за право жизни, это жалкое, сомнительное право, слышалъ и видѣлъ онъ! И сознавать при этомъ свою собственную слабость, свое полное безсиліе, свое полное невѣжество!

Сигизмундъ Александровичъ, видя, что тѣ-же неотвязчивыя думы попрежнему душатъ его и что ему все равно не уснуть, поднялся, принялъ брому и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Шаги его глухо отдавались въ пустой квартирѣ, гдѣ, кромѣ него, теперь не было никого. Зажегши затѣмъ лампу, докторъ взялъ книжку толстаго ежемѣсячника и началъ читать обозрѣніе послѣднихъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Онъ думалъ отвлечь свои мысли и заглушить въ себѣ неотвязчивую душевную боль, но образы умирающей больной и судорожно всхлипывавшаго у ея изголовья старика-отца неотступно стояли передъ нимъ, временами смѣняясь еще болѣе мрачными картинами переполненныхъ лазаретовъ съ корчившимися на койкахъ тяжело ранеными изувѣченными и умиравшими солдатами. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ стонутъ и мучаются въ предсмертной агоніи эти несчастные, сами не знающіе, за что имъ приходится такъ тяжко страдать, за что ихъ, сильныхъ, здоровыхъ, жизнерадостныхъ, мечтавшихъ вернуться по окончаніи службы къ своимъ семьямъ и вновь приняться за обычное дѣло, обрекли на страданія и безцѣльную, никому не нужную, мучительную смерть. Читая о геройскихъ подвигахъ самоотверженія солдатъ и матросовъ, Сигизмундъ Павловичъ подумалъ, какая культурная и нравственная сила безцѣльно гибнетъ въ лицѣ стольких богатырей! И никогда, никогда еще всѣ ужасы войны, этого подлаго пережитка глубокой старины, когда люди походили на звѣрей и не сознавали себя еще людьми, не рисовались ему еще съ такою поразительною, ужасающею рельефностью.

Машинально схвативъ карандашъ докторъ почти безсознательно отмѣтилъ на поляхъ книги слово „satis" *) и дважды подчеркнулъ его. Затѣмъ онъ поднялся изъ-за стола и вновь сталъ ходить по комнатамъ. Въ городѣ было теперь совсѣмъ тихо. Лишь изрѣдка съ окраинъ доносился глухой вой собаки или слышалось отдаленное громыханье запоздалой телѣги по булыжной мостовой.

---

*) по латыни „довольно".

Луна выплыла изъ-за быстро несшихся по небу тучъ, и матовый блескъ ея засеребрилъ кусты и деревья въ саду. Лучи ея заглядывали и въ рабочую комнату доктора, падая прямо на висѣвшій противъ окна большой портретъ суроваго не стараго еще человѣка, покойнаго отца Сигизмунда Павловича. Какъ-то невольно взоръ доктора скользнулъ по портрету. Сигизмундъ Павловичъ слабо улыбнулся: онъ нашелъ, чѣмъ отогнать тяжелыя, давившія его думы.

Ему вспомнились годы его ранняго дѣтства, когда были еще живы его родители. Онъ мысленно увидалъ себя въ обширномъ саду старинной усадьбы копающимся въ пескѣ крохотнымъ мальчуганомъ. Какъ онъ боялся и какъ въ то-же время любилъ этого вѣчно суроваго и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкосердечнаго человѣка съ длинною бородою и громкимъ басомъ! Какъ онъ любилъ, когда отецъ бралъ его на плечи и носилъ по саду своего милаго, славнаго мальчика! Вспомнилось доктору, какъ однажды отецъ велѣлъ привести на дворъ маленькую лошадочку и, усадивъ на нее сынишку, сталъ водить ее по двору! Какъ ему, маленькому пятилѣтнему всаднику, было весело и какъ озабоченно слѣдила за этою ѣздою его добрая, вѣчно больная, хилая мать, видимо, боясь какого-то несчастья!

Помнитъ онъ и долгіе зимніе вечера въ освѣщенной большой висячей лампой дѣтской, гдѣ было такъ много игрушекъ и гдѣ около маленькой кукольной кроватки постоянно возилась его добрая, теперь тоже уже давно умершая сестренка Анеля. Отъ воспоминаній о сестрѣ Сигизмундъ Павловичъ перешелъ къ мысли о смерти родителей, которые умерли вскорѣ за нею, одинъ за другимъ, почти непосредственно. Впрочемъ, онъ не присутствовалъ при смерти матери. Онъ тогда былъ уже въ гимназическомъ пансіонѣ, въ Харьковѣ. Какъ сейчасъ помнитъ онъ: за вечерними занятіями, когда сосѣдъ Пѣтуховъ (шалопай же онъ былъ!), по обыкновенію, игралъ на стальномъ перышкѣ и тѣмъ выводилъ изъ себя Петра Ивановича, нелюбимаго дежурнаго воспитателя, вдругъ въ классъ вошелъ инспекторъ и, призвавъ къ себѣ Сигизмунда Павловича съ какою-то таинственностью, шопотомъ сообщилъ ему, что мамѣ его очень плохо, что нужно ѣхать къ ней, сейчасъ-же, немедленно. Это было первымъ въ жизни самостоятельнымъ путешествіемъ Сигизмунда Павловича. Въ гимназію и домой на каникулы его обыкновенно отвозилъ отецъ.

Теперь мальчикъ долженъ былъ поѣхать одинъ. Какъ онъ боялся этого путешествія и какъ, чисто по̀ дѣтски, забывъ объ ожидающемъ его горѣ, наивно радовался онъ и своей самостоятельности, и внезапному прекращенію постылыхъ классныхъ занятій, и перспективѣ прокатиться! Суровая дѣйствительность, однако, скоро сказалась: мать онъ засталъ уже въ гробу, отца при смерти. Не сознавая всего ужаса постигшаго его горя, Сигизмундъ, по совѣту старой бабушки, жившей въ ихъ домѣ, сталъ усердно молиться о здравіи отца и въ древнемъ костелѣ за ежедневными мессами, и въ своей уютной комнаткѣ одинъ въ мезонинѣ. Однако, молитвы его были чисто-дѣтскими, порывистыми, полными глубокой вѣры и въ то-же время поверхностными: помолясь Богу за отца и за упокой души матери, мальчикъ безпечно бѣжалъ на прудъ, и тамъ черезъ десять минутъ уже раздавался его задорный, веселый смѣхъ среди толпы сверстниковъ, деревенскихъ мальчишекъ, пришедшихъ покататься на конькахъ и покидаться снѣжками съ молодымъ панычемъ.

Крутой переломъ свершился въ душѣ Сигизмунда какъ будто лишь въ моментъ смерти отца. Не смотря на продолжительную болѣзнь, кон-

чина отца поразила мальчика своею неожиданностью. Теперь только онъ понялъ всю горечь понесенной утраты, теперь только, впервые въ жизни, испыталъ успокоительное дѣйствіе горячей, все забывающей молитвы. Какъ онъ былъ тогда религіозенъ! Съ какимъ жаромъ, съ какою порывистою искренностью возносилъ онъ тогда мольбы къ престолу Всевышняго о дарованіи вѣчнаго покоя душамъ безвременно почившихъ родителей!

Куда дѣвалось теперь все это? Все, все попрано, разбито, поругано жизнью, этою суровою мучительницею, этою безжалостною мачихою, такъ много обѣщающею человѣку въ юности и такъ мало дающею ему въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Какъ искалѣчили Сигизмунда его товарищи, его учителя и наставники, наконецъ, тѣ добрые родственники его покойнаго отца, въ семьѣ которыхъ онъ сталъ теперь проводить свои каникулы! Издѣвательствомъ, грубыми насмѣшками, циничнымъ скептицизмомъ всѣ эти люди разбили въ немъ скоро все то, чѣмъ такъ прекрасна чистая юность. Быстро научили его лгать и лицемѣрить, показали ему, что въ дѣйствительной жизни успѣваютъ лишь ловкачи, умѣющіе обходить всякія жизненныя препятствія, а не преодолѣвать ихъ упорною настойчивостью и честнымъ трудомъ, объяснили ему невыгодность слушаться голоса совѣсти и раскрыли предъ нимъ всѣ тайники пошлаго внѣшняго успѣха. Въ гимназіи мальчикъ не учился, не набирался навыка къ труду, не вырабатывалъ характера, а только переходилъ изъ класса въ классъ, кое-какъ, съ наименьшею затратою силъ, лишь затѣмъ, чтобы приблизиться къ желанной мечтѣ, скорѣе сбросить школьныя узы и окунуться во всѣ прелести свободной, независимой студенческой жизни.

Что дала ему средняя школа? Какъ подготовила его къ университету? Никакъ. Ни нравственной устойчивости, ни положительныхъ знаній, ни любви къ усидчивому труду, ничего этого не дала она ему. По окончаніи курса Сигизмундъ Павловичъ, съ аттестатомъ зрѣлости въ карманѣ, умѣлъ лишь издѣваться и глумиться надъ разными вопросами, выработка которыхъ стоила человѣчеству неимовѣрныхъ нравственныхъ мученій и потоковъ пролитой крови, умѣлъ хвастаться своимъ индиферентизмомъ, умѣлъ критиковать всѣхъ и вся, умѣлъ требовать отъ жизни неимовѣрныхъ внѣшнихъ благъ, но ни разу не задумывался, не имѣетъ ли эта жизнь какія нибудь права на него, не несетъ ли онъ какихъ либо обязанностей передъ нею и обществомъ, среди котораго онъ жилъ и на пользу котораго ему впослѣдствіи придется работать. Никакихъ подобныхъ вопросовъ не возникало тогда въ душѣ семнадцатилѣтняго юноши, уже успѣвшаго вкусить отъ гибельныхъ плодовъ разнузданнаго большого города и думавшаго только о томъ, какъ бы съ наименьшею затратою силъ испытать какъ можно больше чисто-животнаго удовлетворенія своимъ низменнымъ инстинктамъ. Почти все свободное время уходило у него на пьянство и безшабашные кутежи такихъ же матеріально обезпеченныхъ, какъ и онъ, товарищей. Попойки и картежная игра смѣнялись спортомъ, причемъ у юноши не было никого, который указалъ бы ему необходимость соблюдать мѣру во всемъ. Затѣмъ начались университетскіе годы. Могъ ли помянуть ихъ добромъ Сигизмундъ Павловичъ?

Едва-ли.

Почему онъ избралъ именно медицинскій факультетъ, а не другой? Чувствовалъ ли онъ влеченіе къ той наукѣ, которая должна была потомъ, впродолженіи всей жизни, занимать, поглощать его?

На основаніи вышесказаннаго о томъ умственномъ и нравственномъ

багажѣ, какой вынесъ Сигизмундъ Павловичъ изъ стѣнъ гимназіи и съ какимъ явился въ университетъ, само собою понятно, что ни о какомъ серьезномъ отношеніи къ выбору юношею призванія и рѣчи быть не могло. Стыдно было ему впослѣдствіи признаваться самому себѣ, что въ дѣлѣ выбора факультета главную роль сыгралъ Михаилъ Александровичъ, товарищъ его по гимназіи и его давнишній другъ. Живая, подвижная и вмѣстѣ съ тѣмъ практическая натура послѣдняго жаждала живой дѣятельности, далекой отъ сухой, отвлеченной работы, къ которой всегда питалъ отвращеніе склонный къ лѣни Михаилъ Александровичъ. Ни юридическія и общественныя науки, ни тѣмъ менѣе отвлеченная математика или съ виду сухая филологія и философія не могли остановить на себѣ вниманіе молодого повѣсы.

Михаилъ Александровичъ записался на медицинскій факультетъ и чрезъ полгода бросилъ его, промѣнявъ на естественный, потому что, какъ говорилъ онъ пріятелю, крови и труповъ я, братъ, видѣть не могу. У Сигизмунда Павловича, записавшагося студентомъ медицинскаго факультета лишь въ угоду пріятелю и какъ бы по инерціи, этого отвращенія къ трупамъ и крови не ощущалось, и онъ остался медикомъ.

Въ сущности, это было счастьемъ для Сигизмунда Павловича: онъ сразу съ перваго же курса былъ занятъ и сильно занятъ, а это отвлекало его отъ того бездѣльничанья, къ которому онъ такъ привыкъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Но работа, занимая его время, мало занимала умъ юноши. Хорошее или, вѣрнѣе, сильное вліяніе на него оказали товарищи, большею частью студенты другихъ факультетовъ. Въ ихъ кружкахъ Сигизмундъ Павловичъ впервые услышалъ смѣлыя рѣчи о невозможности животнаго прозябанія, о необходимости самоусовершенствованія и пополненія своего образованія, чтобы принести посильную пользу обществу, о такихъ идеалахъ, которыя раньше ему и во снѣ не снились.

Это было на второмъ курсѣ, и къ тому времени въ отношеніяхъ его къ Михаилу Александровичу произошелъ переломъ, чуть-ли не полный разрывъ: пока тотъ кутилъ и картежничалъ, Сигизмундъ Павловичъ сталъ серьезно призадумываться надъ будущимъ, уходить въ себя и помышлять о необходимости пополнить какъ можно скорѣе тѣ вопіющіе недочеты въ образованіи, которые теперь чувствовались имъ на каждомъ шагу. Настала пора увлеченія книгами. Читалось все, что попадалось подъ руку или о чемъ упоминалось въ кружкѣ товарищей—студентовъ, читалось алчно, безъ системы, безъ разбору, читалось не столько, чтобы усвоить себѣ смыслъ прочитаннаго и проработать его, а лишь затѣмъ, чтобы не отставать отъ другихъ, считавшихся передовыми. Поглощалась масса книгъ и брошюръ по модному тогда экономическому матеріализму, по марксизму во всѣхъ его проявленіяхъ, читался Ницше, читался Владиміръ Соловьевъ рядомъ Мантегацца, Ломброзо, Суттнеръ и др. Ницше и особенно книжка М. Нордау „Вырожденіе“ произвели на Сигизмунда Павловича глубокое впечатлѣніе. Начинавшій тогда интересовать всѣхъ Горькій съ его своеобразнымъ міросозерцаніемъ также на время увлекъ юношу, что нашло въ себѣ, впрочемъ, лишь внѣшнее выраженіе въ синей косовороткѣ, высокихъ сапогахъ и длинныхъ волосахъ, которые сталъ носить тогда Сигизмундъ Павловичъ. Но все это, какъ мыльный пузырь на слабо колеблемой поверхности соннаго пруда, быстро лопалось и улетучивалось. Недавній, повидимому, столь мощный подъемъ духа быстро смѣнился полною апатіею,

изъ которой Сигизмунда Павловича не могли даже пробудить обострившіяся въ то время студенческія волненія. Онъ махнулъ на все рукою, видя или, вѣрнѣе, чувствуя свое полное безсиліе, отсутствіе рѣшимости стать на ту или другую сторону, и констатируя свое въ глубинѣ души полное безразличіе ко всѣмъ вопросамъ, такъ сильно волновавшимъ его товарищей. Сигизмунду Павловичу хотѣлось теперь лишь одного: скорѣе кончить курсъ, уйти изъ университета, порвать съ неудовлетворящимъ его настоящимъ, искать спасенія въ безвѣстномъ, но инстинктивно манившемъ его своею загадочностью будущемъ. Мысль объ этомъ будущемъ, о выходѣ въ люди, объ окончаніи курса теперь поглотила его всего. И онъ, во имя этого стремленія, работалъ съ лихорадочною поспѣшностью, порою доходившею до остервенѣнія, и, дѣйствительно, достигъ своей цѣли: Михаилъ Александровичъ все еще сидѣлъ на третьемъ курсѣ, никакъ не будучи въ состояніи зачесть послѣдняго семестра, а у Сигизмунда Павловича былъ уже дипломъ врача cum eximia laude въ карманѣ, онъ уже прикомандировался ординаторомъ въ какую-то больницу и уже сталъ составлять себѣ частную практику.

Въ это время онъ встрѣтилъ ту, которой вскорѣ затѣмъ было суждено стать его женою. Какъ это случилось, какъ это могло случиться? Сигизмундъ Павловичъ наврядъ-ли былъ-бы въ состояніи дать на этотъ вопросъ мало-мальски точный отвѣтъ. При одномъ воспоминаніи объ этомъ періодѣ жизни жгучая боль сжала его сердце. Зналъ-ли онъ свою жену, анализировалъ ли свои къ ней отношенія, старался ли понять и разгадать тѣ побужденія, которыя заставили ее, восемнадцатилѣтнюю красивую дѣвушку хорошей обезпеченной семьи выйти за человѣка, котораго она до того видѣла раза два-три у общихъ знакомыхъ и съ которымъ на вечерахъ протанцовала двѣ мазурки и три вальса?

Сигизмундъ Павловичъ, съ перваго же взгляда на эту дѣвушку, почувствовалъ къ ней какое-то неодолимое влеченіе, въ которомъ, какъ онъ теперь зналъ навѣрное, не было рѣшительно ничего, кромѣ чувственности. Имѣть успѣхъ не стоило ему никакого труда, потому что самой Варварѣ Федоровнѣ, этому современному продукту современныхъ жизненныхъ условій, въ сущности было все равно, за кого-бы ни выскочить замужъ, лишь бы поскорѣе выйти изъ подъ опеки скучнаго родительскаго дома. Ей сдѣлалъ первымъ предложеніе Сигизмундъ Павловичъ, и она вышла за него, какъ вышла-бы за всякаго другого, который бы не былъ уродомъ, имѣлъ-бы нѣкоторое положеніе или шансы на него и принадлежалъ-бы къ порядочной семьѣ.

Незадолго передъ свадьбой, состоявшейся черезъ мѣсяцъ послѣ помолвки, Сигизмундъ Павловичъ, до того увлекавшійся лишь красивою внѣшностью своей невѣсты и ея милымъ умѣньемъ слегка пококетничать, какъ то завелъ съ нею рѣчь о студенческихъ безпорядкахъ. Какъ это случилось, онъ самъ не понимаетъ; но въ тѣ минуты онъ, самъ стоя уже внѣ университета, внѣ волны, охватившей молодежь, увлекся идеями, волновавшими студенчество, и сталъ горячо и убѣжденно отстаивать интересы учащейся молодежи.

Варвара Федоровна слушала его разглагольствованія сперва довольно внимательно, но вдругъ, сдѣлавъ наивную гримаску и подернувъ плечиками, прощебетала:

— Я васъ рѣшительно не понимаю. Стоитъ волноваться изъ-за такихъ... пустяковъ. Пойдемте, я покажу вамъ свой новый альбомъ съ открытками. Это прелесть, что такое! Кузенъ Поль прислалъ его мнѣ сегодня. Все цвѣты и цвѣты. Не

правда-ли, какъ это мило съ его стороны, что онъ преподнесъ мнѣ именно такой букетъ. Онъ знаетъ, какъ я люблю цвѣты. Allons donc, mon cher. Но что съ вами?

Если-бы Сигизмунда Павловича тогда облили ушатомъ воды, онъ изумился бы менѣе, чѣмъ въ ту минуту, когда невѣста такъ грубо перебила его. Будто пелена спала съ его глазъ, и онъ поспѣшилъ отдѣлаться какою-то незначительною шуткою. Варвара Федоровна однако не унималась.

— Согласитесь, мой милый, что все, что вы тамъ говорите объ этихъ противныхъ студентахъ, очень скучно. И какой кому интересъ, чего кричитъ вся эта ватага! Вотъ взгляните на кузена Поля. У нихъ въ Пажескомъ корпусѣ ничего такого не бываетъ. А почему? Потому что это все джентльмены, потому что каждый изъ нихъ старается сдѣлаться камеръ-пажемъ и выйти затѣмъ въ гвардейскій полкъ. Mais cette societè des moujiks въ Университетѣ. Нѣтъ, это не то. Вѣдь туда принимаютъ всѣхъ? Нѣтъ, это все очень скучно.

Сигизмундъ Павловичъ въ тотъ вечеръ рано ушелъ отъ невѣсты. Придя домой, онъ долго бродилъ изъ угла въ уголъ въ полномъ недоумѣніи, что дѣлать дальше. Такой ограниченности и пошлости онъ никакъ не ожидалъ. Что это будетъ за жена, за мать, за женщина?

Въ ту ночь онъ не ложился вовсе и, кажется, впервые послѣ смерти отца почувствовалъ потребность серьезно разобраться въ своихъ взглядахъ на жизнь и ея запросы. Одно ему было ясно и очевидно до боли:

Варвара Федоровна не должна стать его женою, потому что она не только его загубитъ, но съ нимъ и самое себя. Но какъ выйти изъ этой дилеммы, какъ разрубить гордіевъ узелъ, пока еще не поздно?

Въ четыре часа утра на письменномъ столѣ Сигизмунда Павловича лежало два конверта. Въ одномъ, съ надписью „Полиціи" на клочкѣ бумаги стояло краткое и шаблонное „Въ смерти моей прошу не винить никого".

А въ другомъ, адресованномъ на имя Варвары Федоровны, лежало письмо въ сущности такого же содержанія, какое было на первой запискѣ, но только чрезвычайно пространное.

Однако, письмо это не было отослано Варварѣ Федоровнѣ, какъ не попалъ въ руки полиціи и пакетъ съ короткою просьбою не винить никого въ смерти Сигизмунда Павловича.

Ровно въ семь часовъ вечера слѣдующаго дня Сигизмундъ Павловичъ опять сидѣлъ въ гостиной родителей невѣсты и охотно восторгался альбомомъ открытокъ, подареннымъ Варварѣ Федоровнѣ ея безупречнымъ по части манеръ, солиднымъ по взглядамъ на жизнь и вылощенымъ кузеномъ Полемъ.

Чрезъ нѣсколько дней состоялась и свадьба, на которой тотъ же блестящій кузенъ Поль былъ главнымъ шаферомъ распорядителемъ.

Все это теперь вновь, какъ на яву, представлялось измученному Сигизмунду Павловичу. Онъ чувствовалъ страшную физическую усталость, все тѣло его ныло, и въ вискахъ стучало. На душѣ у него былъ сущій адъ. Съ какимъ-то бѣшеннымъ озлобленіемъ взглянулъ онъ на портретъ жены, стоявшій посрединѣ письменнаго стола, и рука его судорожно сжалась. Было мгновеніе, когда онъ хотѣлъ разорвать, растоптать ногами это ненавистное ему изображеніе.

— „Довольно, довольно!" неотступно преслѣдовала его одна неотвязчивая мысль, и тутъ же другой внутренній голосъ внятно шепталъ: „Не посмѣешь, не посмѣешь. Ты слабъ и ничтоженъ и не хватитъ у тебя силъ на это, какъ не хватило тогда, когда можно и нужно было сдѣлать". Съ глухимъ стономъ опустился докторъ на диванъ.

— Да, я слабъ, я ничтоженъ, я ничего не смогу покончить.

А нужно, нужно, нужно... Но правда ли, что я слабъ? Можетъ быть, я слишкомъ силенъ для того, чтобы покончить это позорное, гадкое существованіе.

Вѣдь самоубійство же слабость. Только трусъ бѣжитъ съ поля битвы. А я не трусъ, нѣтъ не трусъ, не трусъ".

Черезъ мгновеніе въ мозгу Сигизмунда Павловича блеснула мысль: „А что, если я и теперь хватаюсь за парадоксы, лишь бы замаскировать свою нерѣшимость, свою слабость? Вѣдь выгодно же увѣрять себя, что самоубійство—трусость и слабость. Нѣтъ, я слабъ и трусливъ, и потому всегда буду влачить это жалкое существованіе безъ цѣли, безъ надежды, безъ просвѣта. Да, это такъ; иначе и быть не можетъ: я дитя, вѣдь, восьмидесятыхъ годовъ. Что дали мнѣ мои родители, кромѣ слабости? Они, эти шестидесятники, ухлопали всю свою энергію на тотъ подъемъ, который характеризуетъ ихъ время. Они ничего, кромѣ нервнаго безсилія, дать мнѣ не могли и не дали, израсходовавъ въ свое время всѣ умственныя, нравственныя и даже физическія силы. Всякое дѣйствіе вызываетъ равное противодѣйствіе. И мы, люди 80-хъ годовъ, являемся яркимъ доказательствомъ непреложности этого закона природы. Мы, блѣдные, немощные люди переходнаго, слабаго времени и должны быть и не можемъ не быть безсильными. Да, это такъ, но это такъ жестоко, мучительно, такъ больно..."

И въ умѣ Сигизмунда Павловича длинною вереницею стали проноситься примѣры изъ жизни, изъ литературы, изъ науки, съ безпощадною жестокостью одинъ за другимъ лишь подтверждавшіе правильность его вывода.

— Мы тотъ неизбѣжный навозъ, который необходимъ для будущей, обильной богатой жатвы. Мы ничего сами не сможемъ сдѣлать, кромѣ фатальныхъ ошибокъ. Но эти ошибки спасутъ грядущія поколѣнія, и въ нихъ, въ этихъ нашихъ ошибкахъ, залогъ будущаго преуспѣянія. Мы безсознательно хотимъ чего-то, рвемся къ дѣятельности и только пасуемъ, всюду чувствуя свою немощь. Въ этомъ безсиліи наша сила и весь смыслъ нашего существованія. Однако, почему все это такъ мучительно больно? Гдѣ же тутъ справедливость, да и существуетъ ли она вообще? Справедливость, справедливость...

Сигизмундъ Павловичъ нервно засмѣялся.

Онъ всталъ съ дивана и снова подошелъ къ столу, гдѣ попрежнему лежала раскрытая книга журнала съ четкою помѣткою на поляхъ „Satis".

— Да, довольно, довольно, довольно,—тихо проговорилъ докторъ и подошелъ къ стѣнному шкафику съ разными хирургическими инструментами и лекарствами.

— „Довольно".

На слѣдующій день шторы докторскаго кабинета долго оставались опущенными. Въ квартирѣ царствовала безмолвная тишина, не прерываемая ничѣмъ, кромѣ назойливаго жужжанія нѣсколькихъ мухъ. На диванѣ неподвижно лежалъ Сигизмундъ Павловичъ, повидимому, мирно спавшій. Выраженіе безмятежнаго спокойствія было разлито во всей его фигурѣ. Казалось, его теперь ничего уже больше не тревожило, не волновало, и онъ сумѣлъ разрѣшить всѣ мучившіе его вопросы и сомнѣнія.

На полу валялся пузырекъ съ многозначительною надписью „кокаинъ".

Чтобы покончить со всѣмъ, его было вполнѣ довольно.

Г. Генкель.

Товарищъ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДУХОВНАГО БЫТА

А. Измайлова (Смоленскаго).

I.

Благочинный отложилъ въ сторону бумаги, плавно поднялъ обѣ руки къ головѣ, медлительно вытянулъ впередъ очки въ массивной серебряной оправѣ и, переведя на о. Михаила странные и почти смѣшные глаза, какіе бываютъ у тѣхъ, кто постоянно носитъ очки,—прежнимъ начальственно-серьезнымъ голосомъ произнесъ:

— Ну-съ, о. Михаилъ, съ отчетностью прикончимъ, и теперь два слова объ иной матеріи. Насчетъ намѣреній новаго владыки знакомиться, по мѣрѣ возможности, съ нашимъ краемъ—я уже вамъ имѣлъ честь... Въ самомъ дѣлѣ, доселѣ мы были какъ бы нѣкіе отщепенцы. Само собой, покойному преосвященному впору было лишь о своихъ ревматизмахъ думать, и, по правдѣ сказать, мы даже и запамятовать успѣли, какіе такіе бываютъ архіерейскіе объѣзды. Ну, разумѣется, нынѣшній и къ вамъ не укоснитъ. По секрету сказать, имѣю объ этомъ даже нѣкоторыя конфиденціальныя извѣщенія. Больше изъ-за этого я васъ и позволилъ себѣ побезпокоить, а письмоводство — что жъ,— и такъ не уйдетъ. Первое, что прошу васъ принять къ свѣдѣнію, это то, что преосвященный, сказываютъ, достаточно строгъ и требователенъ. И къ себѣ, и къ другимъ...

— Строгъ, ваше высокопреподобіе, дѣйствительно. И требователенъ, говорятъ. Но не думаю, чтобы былъ педантиченъ или придирчивъ.

Благочинный не безъ удивленія взглянулъ на о. Михаила, по его мнѣнію, совсѣмъ некстати перебившаго его рѣчь, и тономъ, въ которомъ уже болѣе звучало недоумѣніе, чѣмъ начальственность, спросилъ:

— Позвольте, однако! Вы говорите такъ, какъ будто его знаете. Между тѣмъ вѣдь вы въ иныхъ епархіяхъ не служили и, какъ говорите, ужъ двадцать четвертый годъ священствуете въ Соснякахъ?

— Я не служилъ съ нимъ, ваше высокопреподобіе, но дѣло въ томъ, что мы съ нимъ... мы съ нимъ товарищи.

О. Андрей схватилъ со стола очки, снова осѣдлалъ ими носъ и еще внимательнѣе уставясь на собесѣдника, совсѣмъ растерянно произнесъ:

— То есть, какъ товарищи?

— По семинаріи, ваше высокопреподобіе. Даже одного какъ разъ курса. Онъ воронежскаго училища, а я задонскаго, и оба сошлись въ воронежской семинаріи. Какъ же! На разныхъ партахъ сидѣли, но въ алфавитѣ стояли рядышкомъ. Михаилъ Смердынскій, а въ слѣдующей клѣткѣ

какъ разъ—Василій Смѣлковскій. Это его въ міру такъ звали. Разъ даже съ этими клѣтками курьезъ вышелъ, если позволите...

— Сдѣлайте одолженіе... Это чрезвычайно любопытно... Скажите, какой случай!.. А я и не предполагалъ.

— Передъ масленой, изволите видѣть, дѣло было, ваше высокопреподобіе. Надо вамъ сказать, что шелъ онъ все время, такъ сказать, въ первыхъ чинахъ и, само собою, въ концѣ концовъ былъ отъ насъ въ академію единственнымъ представленъ. Но былъ у насъ учитель, Ксенофонтъ Кафаровъ, который никакихъ этакихъ ни первыхъ, ни вторыхъ учениковъ не признавалъ. Подъ его руководствомъ, — или какъ мы выражались „лозоводствомъ“, — мы латынь изучали. Ну-те-съ, само собой, у насъ въ семинаріи обычай былъ учить урокъ лишь тогда, когда доподлинно знаешь, что тебя спросятъ. Рапортички такія велись, и все это точно, какъ въ аптекѣ толковые люди подсчитывали,—кого спросятъ сегодня, кому можно въ стуколку постучать на оловянныя пуговки. И Кафаровъ этого спасительнаго правила держался съ той разницей, что иногда, какъ онъ выражался, облаву учинялъ. Придетъ въ подпитіи и объявляетъ: „сегодня, говоритъ, искушая искушу народъ мой, — спасайся кто можетъ!“—и тутъ ужъ на зло тянетъ не въ очередь и расточаетъ нули надесно и налѣво. А бывало, передъ каждыми праздниками побѣждала его страсть пьянства, и мы его за этотъ винный его букетъ „Погребкомъ“ промежъ себя звали. Приходитъ такъ передъ самой масленой. „Василій Смѣлковскій!“ — вызываетъ да какъ хватитъ его по всей программѣ. Тотъ ему все преизрядно,—Погребка даже зло взяло. „А ну-ка, говоритъ, что ты на это скажешь?“ —и давай задавать ему загадки да фокусы латинскіе. „Ну-ка, говоритъ, что значитъ: „canis ut canis“. Будущій нашъ преосвященный и сдрефилъ. Запарился, что лошадь, ворочаетъ головой,—ничего не выходитъ. И то сказать: мальченка вѣдь. Въ первомъ, кажись, классѣ дѣло было. „Собака какъ собака“.—„А, говоритъ нашъ педагогъ,—рогъ сильныхъ изнеможе! Садись же на свою парту, а чтобы ты отнынѣ на всю жизнь запомнилъ, что это значитъ: „ты поешь, какъ собака“ — ставлю тебѣ колъ, ибо для Господа Бога на небѣ и для меня на землѣ нѣсть перваго и послѣдняго ученика, эллина и іудея,—мы двое абсолютно справедливы“. Да съ пылу-то, знаете, хлопъ единицу — аккуратъ въ мою графу,—благо она по сосѣдству.

II.

Благочинный беззвучно улыбнулся. Усмѣхнулся и о. Михаилъ, и улыбка такъ и не сходила съ его лица на протяженіи всего разсказа.

— Да-съ, именно въ мою клѣтку. Само собой и гувернеръ этотъ колъ мнѣ же выписалъ. Журналъ у насъ такой особый былъ, — „лѣнивый“,— по нему лѣнтяевъ и продерзателей отпуска лишали. А будущій владыка нашъ большой былъ охотникъ до посѣщенія родителей. На масленой у него, извольте видѣть, на кладбищенскомъ дворѣ горы были сдѣланы, и онъ ужъ, такъ сказать, услаждался невидимымъ, какъ бы видимымъ, желаемымъ и ожидаемымъ, какъ бы настоящимъ. Ну, а тутъ само собой за колъ задержатъ. Приходитъ на занятіи инспекторъ.

„—Смердынскій, выкликаетъ, — тебѣ единица по латыни. (Это мнѣ-то!). Облѣнился, говоритъ, окаянный. Бралъ бы примѣръ со Смѣлковскаго. Сиди четвертокъ и пятницу въ семинаріи.

А мое дѣло, извольте видѣть, такое, что я иногородній, и мнѣ все одно идти некуда. Задержанному сидѣть или незадержанному—все едино, а послѣ, само собой, дѣло выяснится. Я и молчу. И Смѣлковскій мой молчитъ, — сидитъ, какъ мышь притаившись, и глазъ не поднимаетъ.

И классъ промолчалъ. У насъ, ежели начальство провести — большое всегда и трогательное единомыслiе было. Такъ-то я его, однимъ словомъ, и спасъ. И въ городъ онъ сходилъ, и съ горъ покатался, и мнѣ курицу изъ дому привезъ вареную въ награду. А теперь—на, поди. Достань до него рукой!

— И что же вы, о. Михаилъ, и посейчасъ съ преосвященнымъ въ близкихъ отношенiяхъ?

— Какъ вамъ сказать? Въ свое время прiятели были. И полагаю, онъ ко мнѣ по прежнему благорасположенъ. Только съ той поры, какъ по окончанiи семинарiи разошлись, мы ужъ съ нимъ не встрѣчались. На первыхъ порахъ какъ-то обмѣнялись письмами, когда онъ въ Петербургъ въ академiю уѣхалъ, а я только что рясу одѣлъ. Писалъ, что дѣла много, уроки давалъ, лекцiи эти, сочиненiя... Какъ его въ архимандриты произвели, послалъ я ему свой привѣтъ, но ужъ не получилъ отклика. Полагаю такъ, что ему подлинно и безъ меня много дѣла стало. Однако, и теперь уповаю, какъ увидитъ онъ меня,—вспомянетъ (о. Михаилъ разсмѣялся, добродушно и весело, и пучки его бровей забавно взлетѣли и вздрогнули),— и про курицу свою вспомянетъ, и посему жду я его не со страхомъ, а съ усладою и счастливымъ себя почитаю...

— Вотъ оно какое дѣло, о. Михаилъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно прiятно, чрезвычайно... И лестно... Скоро же мнѣ теперь поздравлять васъ съ камилавкой... Что же, однако, мы тутъ сидимъ-то? Попрошу васъ чайку.

Нотки начальственности точно испарились въ голосѣ благочиннаго. Онъ даже очень старательно помѣшалъ о. Михаилу снять рясу, показывая видъ, что помогаетъ ему разоблачиться, такъ что тотъ, уклоняясь отъ чести, описалъ пируэтъ и пребольно ушибъ мизинецъ объ уголъ шкафа.

— Отмѣннаго рому мнѣ сынъ прислалъ изъ губернiи,—похвасталъ хозяинъ.—Вотъ мы его съ вами и разопьемъ.

— Очень благодарю, ваше...

— Да вотъ еще что кстати, дорогой. Оставимъ чины въ сторонѣ и титулы. Помните анекдотъ про преосвященнаго, кажется, Филарета. Въ Сергiевой лаврѣ дѣло было. Собрались отцы и iерархи и привѣтствуются. „Благословите, ваше высокопреподобiе... Какъ здоровье вашего высокопреподобiя? Когда изволили прiѣхать, ваше высокопреподобiе?..“ А владыка слушалъ-слушалъ, перекрестился на образъ да и говоритъ: „эхъ, всѣ-то здѣсь высокопреподобные, одинъ ты среди насъ, отче Сергiе, просто преподобный!..

О. Андрей засмѣялся своему анекдоту и, придерживая подъ локоть гостя, двинулся съ нимъ къ столовой, приговаривая:

— Да-съ, великiй былъ умница, великiй умница...

III.

Такъ какъ благочинный съ первыхъ же словъ объявилъ женѣ и семейнымъ—и не безъ шутливой торжественности,—что передъ ними сейчасъ ни больше, ни меньше, какъ товарищъ самого недавно назначеннаго преосвященнаго, то немудрено, что скромный о. Михаилъ оказался сразу на какомъ то, какъ бы жениховскомъ положенiи. Попадья Тиховидова, обычно производившая на Смердынскаго впечатлѣнiе очень выдержанной дамы, хорошо знающей цѣну и себѣ, и своему мужу,—на этотъ разъ положительно могла разстрогать всякаго на мѣстѣ о. Михаила своими заботами о томъ, какой чай онъ предпочитаетъ—покрѣпче или послабже, послаще или безъ сахару, съ лимономъ или со сливками, съ медомъ или съ варенiемъ, съ подстаканникомъ или на блюдцѣ и т. д. При учтивыхъ отказахъ гостя глаза матушки какъ-то уныло погасали, и о. Михаилъ могъ

справедливо заключить, что когда-то матушка была, должно быть, большая кокетка, и можетъ быть, именно эти горящіе глаза нѣкогда плѣнили сухенькаго и маленькаго благочиннаго. На минуту у Смердынскаго шевельнулась юмористическая мысль, что матушкѣ, вѣроятно, доставило бы много удовольствія, еслибы онъ налилъ въ стаканъ съ чаемъ сливокъ, положилъ въ него лимонъ, подлилъ рому, опустилъ туда же меду и варенья и выпилъ все это мѣсиво во славу Божію. „Простой цвѣточекъ дикій нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой",—вспомнилась ему ученная въ дѣтствѣ басенка.

Еще не начавъ пить чай, о. Михаилъ уже вспотѣлъ, выдержавъ такую осаду и отстранивъ предложенія взрослой дочери попадьи, наступавшей на него съ праваго фланга съ разными сушками, баранками, булочками и домашняго печенія огромной булкой. И онъ очень обрадовался, когда, наконецъ, заговорившій благочинный положилъ конецъ дружественной атакѣ.

— Наша епархія,—началъ о. Андрей — въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ отвыкла отъ владычнихъ посѣщеній. Послѣдніе лѣтъ восемь владыка— никуда ни шагу изъ своего ватикана. И, въ сущности, мы какъ-то перешли на старое положеніе. Въ старину, бывало, иной медвѣжій уголъ двадцать лѣтъ владыки не видитъ. Тесть мнѣ покойный разсказывалъ. Въ одно глухое село двадцать восемь лѣтъ никакое начальство не заглядывало. Ну, конечно, отъ митры и клобука весь причтъ отвыкъ. И вдругъ объявляютъ—ѣдетъ. Трусъ и смятеніе, и архіерей къ тому же, слышно, строгаго, стариннаго закала. Не въ гласѣ хлада тонка ѣздилъ, а въ духѣ бури и въ трепетѣ прещенія. Облачился священникъ и ждетъ,—не какъ человѣка, а яко ангела. На бѣду еще со старостой у бѣдняги контры были. Какъ владыка въ церковь, такъ староста ему—бухъ въ ноги съ бумагой. „Разсуди, владыко святый"!—На кого жалоба? — „На попа, ваше преосвященство"! Владыка, чтобы показать свое симъ огорченіе, даже и не остановился въ селѣ, а прослѣдовалъ дальше. Только прошло полъчаса,—нѣтъ какъ нѣтъ священника. Попадья ужь и того,—безпокоиться начала. Ужь не пошелъ ли къ старостѣ? Освѣдомилась,—нѣтъ, не пошелъ. Не заперли ли его въ церкви? Послали сторожа,—что же бы вы думали? Стоитъ бѣдняга въ полномъ облаченіи въ притворѣ, съ крестомъ, и въ столбнякѣ, точно ждетъ новаго владычняго прихода. Изволите видѣть, до чего человѣкъ разстроился!

— А не знаете ли вы, о. Михаилъ, какихъ-либо новаго владыки обычаевъ?—продолжалъ благочинный, когда гость только что выдержалъ новый натискъ хозяйскаго гостепріимства передъ вторымъ стаканомъ.—Строго говоря, это существенной важности вопросъ. Курьезный есть въ моей памяти случай...

Благочинный разсказалъ, какъ одинъ консисторскій чиновникъ подвелъ своего стараго товарища, противъ котораго имѣлъ зубъ, сообщеніемъ, что готовый посѣтить его архіерей ничего такъ не любитъ, какъ послѣ обѣда выкурить по старой академической привычкѣ хорошую папиросу. Въ простотѣ сердца батюшка послѣ подходца сдѣлалъ такое предложеніе владыкѣ и, оказалось, попалъ именно въ самое больное мѣсто высокаго гостя, не терпѣвшаго до идіосинкразіи даже запаху табаку. О. Андрей такъ оживленно разсказалъ про случай и такъ живо представилъ, какъ жестикулировалъ преосвященный, крича, чтобы табакъ бросили въ печку, что о. Михаилъ совершенно искренно разсмѣялся.

Чтобы предотвратить подобный инцидентъ, о. Михаилъ сталъ думать, но странно,—онъ ничѣмъ не могъ бы помочь о. Андрею. То, что

онъ вспоминалъ, характеризовало юношу,—теперь приходилось имѣть дѣло уже съ человѣкомъ, клонившимся къ закату, какъ клонился къ нему и самъ Смердынскій. Юноша любилъ винныя ягоды, былъ большимъ охотникомъ до беллетристики, былъ совсѣмъ плохъ въ пѣніи и смѣшилъ классъ, когда учитель, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ и учителя математики, заставлялъ его пѣть „по крюкамъ". Что̀ могло отъ этого остаться черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ—и двадцать лѣтъ послѣдовательнаго восхожденія по лѣстницѣ почета? Не предложить же ему въ самомъ дѣлѣ теперь винныхъ ягодъ или книжки „Нивы"?

Рѣчь гостя естественно свелась на простыя воспоминанія, безъ болѣе практическаго примѣненія. Небеса уже становились темными, и даль мутнѣла, и уже, зѣвнувъ, ушла попадья, а о. Михаилъ все разсказывалъ. Когда онъ сталъ прощаться, о. Андрей весьма настойчиво предложилъ ему заночевать у себя, пугая гостя дождемъ. Но Смердынскій чувствовалъ, что это „больше для проформы" и рѣшительно уклонился отъ незаслуженной чести.

— А съ исповѣдными вѣдомостями не спѣшите,—говорилъ благочинный уже на крыльцѣ,—это дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжитъ. Какъ нибудь ужо̀ представите...

IV.

О. Михаилъ плелся домой въ таратайкѣ и созерцалъ спину возницы, своего работника Охрема, потемнѣвшія скошенныя поляны, на которыхъ уже не было сѣна, но которыя еще пахнули душистымъ и здоровымъ запахомъ скошенной травы, темную ленту лѣса вдали и небо. И такъ какъ все это — и небо, и поляны, и спина Охрема были знакомы Смердынскому по тысячѣ переѣздовъ по этой дорогѣ, то и думы его были знакомыя и старыя думы, и шевелившіяся въ головѣ впечатлѣнія и сравненія были не новыя. По полянамъ въ право, разлегшимся по болотинамъ, колыхался бѣлесоватый молочный туманъ. Всегда онъ вызывалъ въ умѣ о. Михаила одно и тоже представленіе о церкви, когда въ ней только что кончилась служба, и всѣ разошлись, и по ней такими же едва колеблющимися клубами осѣдаетъ кадильный дымъ, и онъ, Михаилъ, остается одинъ въ алтарѣ со сторожемъ Антономъ, гасящимъ свѣчи. И теперь, какъ всегда, ему вспомнилась церковь и подумалось, что это ангелы до него здѣсь молились и накадили дымомъ своихъ золотыхъ кадильницъ, и вотъ онъ вспугнулъ ихъ легкимъ постукиваньемъ своей таратайки... Смердынскій устремилъ глаза въ небо, куда должны были скрыться ангелы, и почему-то вздохнулъ.

Расшевеленная рѣчами объ архіереѣ, мысль невольно возвращалась къ старой темѣ, и о. Михаилу хотѣлось думать о прошломъ, о молодости, о семинаріи, о старомъ товарищѣ, еще совсѣмъ безусымъ юнцомъ красовавшемся на сохранившейся у него фотографіи, снятой предъ окончаніемъ курса. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Нивѣ" о. Михаилу случайно попался портретъ преосвященнаго, тогда только что еще назначавшагося на викаріатство. Смердынскій вырѣзалъ его, вставилъ за стекло въ самодѣльную рамку изъ акаціи и повѣсилъ на стѣнѣ въ своемъ кабинетѣ.

Съ страннымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ тогда на это чужое, совсѣмъ незнакомое ему лицо. На одну минуту онъ даже подумалъ было,—ужь нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія, и не просто ли это іерархи-тезки. Но въ десяткѣ біографическихъ строкъ, приложенныхъ къ снимку, была названа мірская фамилія владыки, приведены знакомыя подробности, и сомнѣнія не могло быть. Просто измѣнился человѣкъ почти до неузнаваемости. Было совсѣмъ иное выра-

женіе лица, полнота, которой, казалось, никогда нельзя было ожидать отъ худощаваго и часто хворавшаго юноши Смѣлковскаго, и въ глазахъ было новое выраженіе строгости и какъ бы пытливости. До этой поры о. Михаилъ часто пытался представить себѣ своего далеко шагнувшаго товарища, и въ томъ образѣ, какой предносился ему по старой памяти, не было ничего общаго съ этимъ портретомъ. И всѣ, кого Смердынскій подводилъ къ рамкѣ съ изображеніемъ архіерея и кому потомъ указывалъ соотвѣтственную фигурку на семинарской группѣ,—въ самомъ дѣлѣ не узнавали въ этихъ двухъ лицахъ одно.

Смердынскій представлялъ стараго товарища по портрету и почти ловилъ себя на чувствѣ какъ бы нѣкотораго разочарованія. Зачѣмъ онъ такой? Не то, чтобы ему не доставало эффектности: онъ, правда, не долженъ быть высокъ ростомъ, но на портретѣ кажется достаточно величественнымъ, и клобукъ его краситъ. Только зачѣмъ погасло что-то милое, памятное по старому знакомству, что-то именно очень характерное для Васи Смѣлковскаго и теперь своимъ отсутствіемъ мутящее ясность образа?..

Все, что теперь воскрешала память, относилось къ тому первому товарищу, и ужь казалось страннымъ и неловкимъ въ приложеніи къ этому новому человѣку, съ выраженіемъ въ лицѣ строгости и какъ бы какой-то чиновной важности. Семинаристомъ Смѣлковскій былъ скроменъ, трудолюбивъ, держался нѣсколько особнякомъ. По вечерамъ, когда послѣдніе отзвуки вечерней молитвы уныло замирали въ большой рекреаціонной залѣ, и семинаристы поднимались наверхъ, въ спальни, онъ любилъ помечтать, глядя въ окно на огни города, подъ звуки перекликавшихся гдѣ то, далеко, локомотивовъ, и за это его, по бурсацкому обыкновенію всѣмъ давать прозвища, звали „астрономомъ“.

Въ послѣднихъ классахъ онъ както весь ушелъ въ книги, и семинаристы шутя слагали ему въ складчину акаѳистъ. Въ шестомъ классѣ ректоръ-архимандритъ выбралъ одного изъ нихъ пономаремъ, другого своимъ митроносцемъ при семинарской церкви, и о. Михаилъ вспомнимъ, какъ они оба, волнуясь и вѣчно боясь выговора отъ горячаго начальника, заправляли кадила, зажигали свѣчи, выносили аналои. Мысль развѣтвлялась въ стороны, какъ дерево, и попутно Смердынскій вспомнилъ семинарскаго дьякона-эконома, о. Геннадія и то, какъ его однажды ихъ товарищъ Лебедевъ напугалъ въ пономаркѣ, одѣвши ректорскій клобукъ, и какъ Геннадій потомъ разсмѣялся, увидя, что у этого монаха сюртукъ—вмѣсто рясы...

Еще думалъ о. Михаилъ о разности человѣческихъ жребіевъ, о своей жизни, о потерѣ жены четырнадцать лѣтъ назадъ, объ умершемъ ребенкѣ, котораго онъ не могъ забыть посейчасъ, объ однообразномъ существованіи въ селѣ, и о своемъ товарищѣ, который не зналъ ни утраты жены, ни потери сыновей и шелъ, послѣ того какъ они разошлись,—по иной дорогѣ, на горку, со ступеньки на ступеньку...

„Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“, подумалъ о. Михаилъ и заглядѣлся на яркую-яркую звѣздочку, задумчиво смотрѣвшую на него съ таинственной высоты.

V.

Несмотря на то, что о. Михаилъ такъ долго ждалъ дня пріѣзда „товарища“, что все у него было уже давно приготовлено къ встрѣчѣ, и село съ интересомъ ждало владыку,—въ ту минуту, когда караулившій на колокольнѣ Охремъ забилъ веселую тревогу, очевидно, увидя на полотнѣ полей черныя точки архіерейскаго поѣзда,—сердце Смердынскаго вздрогнуло и усиленно забилось.

Было воскресенье, и, такъ какъ именно въ этотъ день ждали высокаго гостя, то въ село съ утра стеклось множество селянъ даже изъ окрестныхъ деревень. За обѣдней церковь была полна, хотя и служилъ одинъ о. Михаилъ,—владыка еще съ вечера прислалъ извѣщеніе, что онъ прослушаетъ литургію въ двадцати верстахъ, на станціи.

О. Михаилъ явно волновался. Дрожалъ голосъ, и нервно вскинулись его брови. Это не было волненіе страха, но, можетъ быть, именно потому были особенно взвинчены нервы. Смердынскій готовился встрѣтить и привѣтствовать нѣчто большее простого начальника, и то, что вставало въ сердцѣ и въ памяти при мысли объ архіереѣ, заливало душу мягкимъ и радостнымъ чувствомъ. И онъ уже видѣлъ, какъ строгое и суровое лицо владыки раздвигается доброй улыбкой при воспоминаніи о пономарствѣ, о дьяконѣ Геннадіи, о canis ut canis...

Съ первымъ ударомъ колокола, о. Михаилъ уже стоялъ на паперти съ крестомъ и въ облаченіи. Урядникъ, вспотѣвшій и красный, спѣшно удалялъ какого-то пьянаго мужика, упрямо отстаивавшаго свое право благословиться у архіерея. Толпа разрядившихся бабъ и степенныхъ мужиковъ расплеснулась въ кладбищенской оградѣ. Когда колокола дошли до крайней степени выраженія своего невообразимаго довольства, къ церкви подъѣхала карета съ владыкой и благочиннымъ и слѣдомъ за нею дрожки съ исправникомъ.

О. Михаилъ внимательно смотрѣлъ на владыку, когда онъ, поддерживаемый благочиннымъ, выходилъ изъ кареты, жадно пытаясь уловить знакомыя черты. Но въ самомъ дѣлѣ, казалось, ничего не осталось въ этомъ человѣкѣ отъ юноши, какого зналъ Смердынскій. Преосвященный былъ невысокъ, плотенъ, сохранился куда лучше своего товарища и давалъ впечатлѣніе силы и важности. Густыя черныя брови, сходившіяся у переносицы, придавали лицу строгій и начальственный видъ. Волосы, еще безъ малѣйшаго признака сѣдины, длинными и прямыми, какъ бы склеившимися прядями падали съ плечъ на спину и высокую грудь.

Преосвященный поцѣловалъ крестъ, благословилъ священника и народъ, по обычаю облобызалъ о. Михаила и, получивъ отвѣтный поцѣлуй въ уста и руку, сильнымъ и крикливымъ голосомъ, который тоже не былъ голосомъ Васи Смѣлковскаго, произнесъ, направляясь въ алтарь:

— Молебенъ!

О. Михаилъ дрогнувшимъ голосомъ далъ возгласъ.

VI.

— Отецъ Смердынскій,—сказалъ архіерей, повторяя слова благочиннаго, только что отрекомендовавшаго ему сельскаго священника,—и, говорите, мой товарищъ? Много вѣдь ихъ у меня, товарищей-то. Гдѣ же всѣхъ упомнить? Но коли Михаилъ и воронежской семинаріи, то, дѣйствительно, должно быть, товарищъ. А? что?

Владыка не пожелалъ на минуту присаживаться въ карету и теперь шелъ въ сопровожденіи исправника, благочиннаго и о. Михаила къ поповскому дому. Онъ занесъ голову съ клобукомъ нѣсколько набокъ и всматривался въ лицо высокаго и рослаго Смердынскаго.

— Именно такъ, ваше преосвященство, Воронежской.

— Теперь вспоминаю, а то гдѣ же всѣхъ-то!... Вонъ оно когда довелось встрѣтиться! — Въ голосѣ владыки слышалось одно глубокое и непритворное удивленіе, точно въ самомъ дѣлѣ было что-то совсѣмъ невѣроятное въ этой встрѣчѣ. — А? Что? Какой кусокъ жизни отмѣрили! Какъ, отецъ, десятка два, небось, будетъ? А? Послѣ семинаріи-то?

— Двадцать три года, владыко.

— Двадцать три, да... И вотъ

ужъ оба близимся къ старости... Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній... Симпатичное сельцо, симпатичное... Видъ какой живописный. И давно здѣсь? А? Что?

— Съ самаго окончанія курса, ваше преосвященство.

— Вонъ оно какъ! Разстались, какъ перелетныя птицы, и вотъ слетѣлись почти черезъ четверть вѣка... А? Что? Тема для прочувствованной и помазанной проповѣди... А какъ, кстати, о. благочинный, строите сіе дѣло въ благочиніи?.. О поученіяхъ говорю... А? Что?

— По мѣрѣ возможности, сказываютъ, ваше преосвященство... Есть и весьма усердствующіе... Такіе, что каждый воскресный день... Вотъ взять хотя бы о. Михаила...

– Хвалю. И что же, есть обладающіе особымъ даромъ? А? Что?

— Какъ сказать, владыко... Вотъ въ селѣ Горѣлицахъ о. Ѳеофанъ Пилатъ. Пользуется, можно сказать, чрезвычайною любовью. Изъ сосѣднихъ даже селъ ходятъ послушать... Просилъ я его представить нѣкоторыя для ознакомленія и... и нѣтъ ли чего недолжнаго. Подлинно, очень изрядныя... Коротко и ясно и къ простецамъ весьма приспособлено... И животворно...

— Вонъ оно что! Утѣшительно. А между тѣмъ--Пилатъ, говорите? А? Что?

— Именно такъ, владыко, Ѳеофанъ Пилатъ.

— Странная фамилія, странная. При императорѣ Александрѣ Благословенномъ...

Владыка проглотилъ слюну, сдѣлалъ паузу и даже пріостановился, ткнувъ въ землю великолѣпную трость. За нимъ остановилась и вся процессія, а благочинный, не дослышавъ и думая, что архіерей что-то спросилъ, даже потянулся было къ нему ухомъ, съ вопросомъ: „чего изволите".

— При императорѣ Александрѣ Благословенномъ,—совсѣмъ громко повторилъ епископъ, снова двигаясь и двигая за собою всѣхъ своихъ спутниковъ,—былъ нѣкій священникъ, по фамиліи Чумичка. Извольте видѣть, — такъ-таки Чумичка. А? Что? Ну, вотъ чѣмъ щи наливаютъ... Раскольниковъ нѣтъ?

— Какъ, ваше...

— Раскольниковъ, спрашиваю,— въ приходѣ нѣтъ? По статистическимъ таблицамъ, кажется, не значится?..

— Такъ точно, владыко, нѣтъ. Къ великому счастію, все православные...

— Отрадно. Ну-съ, такъ вотъ и пришлось сему благоговѣйному іерею срѣтать государя, возвращающагося побѣдоносно изъ Парижа. Срѣтилъ и привѣтственное слово произнесъ. Понравилось оно государю. Краснорѣчиво, говоритъ, сказываешь и хотѣлъ-бы запомнить, какъ тебя зовутъ. — „Чумичка, говоритъ моя фамилія, ваше императорское величество". (Владыка перевелъ смѣющійся взглядъ съ благочиннаго на исправника, сложившихъ лица въ почтительную улыбку). — Какъ? — „Чумичка, ваше императорское величество"! — Преосвященный опять сталъ и застопорилъ общее движеніе.—То есть, какъ же такъ Чумичка?—„Такъ въ метрикѣ прописано, великій государь"!—Именуйся же, говоритъ ему императоръ, отнынѣ въ честь мою Александровымъ, а твоя фамилія сану твоему не приличествуетъ". Такъ и вышло. Чего же мы, однако, стали? Пойдемте... Впослѣдствіи сей іерей епископомъ былъ. Иннокентій Александровъ. Гм! Пилатъ. Странная фамилія... Отчего бы? Не изъ духовныхъ, видно? А? Что?

— Кажется, такъ, владыко,—не изъ духовныхъ. Изъ крестьянъ литовскихъ, помнится...

— Можно сказать, обидная фамилія,—замѣтилъ владыка, очевидно глубоко задѣтый нескладной фамиліей и успѣвшій совсѣмъ забыть про о. Михаила.—Наипаче для іерея...

Какъ бы нѣкая вѣчная укоризна. А? Что? Хуже была бы токмо одна—Каіафа.

Былъ у меня товарищъ по духовному училищу—Адонисовъ. Въ тѣ времена съ фамиліями обстояло просто. Не понравилась—и переименовали. Ректоромъ у насъ Елпидифоръ былъ, впослѣдствіи Сарапульскій... Неприличная, говоритъ, у тебя фамилія и блазнительная... Языческій блудный богъ. Именуйся, говоритъ, отнынѣ Животоносовымъ. А? Что? И самъ въ журналъ надъ вычеркнутою фамиліей написалъ новую. Любилъ старикъ таковыя исправленія. Бывало, какъ наѣдутъ бурсаки со всѣхъ уѣздовъ,—всѣхъ и прекрещиваетъ. Сія, говоритъ, несоотвѣтственна, сія неблагозвучна, сія вульгарна. Ты будь—Сатрапинскій, ты—Софокловъ, ты—Аароновъ, ты—Рипидинъ, ты—Алтаревъ, а ты—Псалтыревъ. Вотъ, говоритъ, теперь вы всѣ у меня законные.—(Архіерей высоко поднялъ первую бровь и вскинулъ глаза на слушателей, улыбаются ли они). А? Что? Вонъ оно какъ! Только забывчивъ былъ старикъ и, бывало, какъ какого новичка привезутъ,—ты, вопрошаетъ, сирота? — „Сирота!" — Такъ зовись же отнынѣ Сироткинымъ". И наставилъ такихъ Сироткиныхъ въ мою бытность человѣкъ пять на училище. Довольно чудно выходило. Пріѣдутъ отцы и въ дѣтяхъ своихъ не разберутся... Это кто-же такой? Съ такимъ носомъ?

Преосвященный спрашивалъ о человѣкѣ, въ длинномъ черномъ кафтанѣ, стремительно подбѣжавшемъ къ нему подъ благословеніе отъ воротъ священническаго дома и теперь стоявшемъ передъ нимъ въ согбенномъ положеніи.

— Нашъ староста, ваше преосвященство,—пояснилъ Смердынскій,—и это онъ вмѣстѣ со мною проситъ васъ, владыко, не погнушаться нашей трапезой.

— Зайду, отецъ, зайду... Небось, супруга соскучилась...

— Я вдовый, владыко,—сказалъ о. Михаилъ, и глаза его погасли.

— Вонъ оно какъ! Вдовый. Съ какого же времени?

— Уже четырнадцать лѣтъ, ваше...

— Давненько, давненько. Значитъ, живете, яко горлица пустынолюбная. Одиночествуете, какъ и мы, монахи...

Архіерей вздохнулъ, и трудно было угадать, о чемъ,—о горѣ ли о. Михаила или о своемъ монашескомъ жребіи.

VII.

Въ домѣ о. Михаила, усѣвшись на потертый диванъ и снявъ клобукъ,—рясы онъ не пожелалъ снять, не смотря на усиленныя просьбы хозяина,—преосвященный еще нѣкоторое время продолжалъ свою рѣчь о фамиліяхъ, о своемъ братѣ, калужскомъ протоіереѣ, у котораго, по ректорской прихоти, такъ навсегда и осталась другая фамилія, чѣмъ у остальныхъ братьевъ, потомъ перешелъ на раскольниковъ и штунду и разсказалъ о только что встрѣченномъ, въ одинъ изъ своихъ переѣздовъ, типѣ старообрядческаго начетчика, съ которымъ онъ имѣлъ бесѣду. О. Михаилъ слушалъ его, и ему было странно и непонятно, зачѣмъ онъ это говоритъ—старый товарищъ передъ старымъ товарищемъ. Неужели онъ боится, что вдругъ изсякнетъ разговоръ, и заранѣе заботливо предотвращаетъ минуту томительной неловкости?

Подавали уху и рыбу, владыка интересовался, кто ее ловитъ и какъ называется мѣстная рѣка, и спрашивалъ, кого ему благодарить за обѣдъ. Когда ему показали старосту, солидно стоявшаго въ углу, онъ какъ-то несерьезно, точно юмористически, закивалъ ему головой и уронилъ:

— Пусть онъ сядетъ.

Староста покашлялъ и, разумѣется, не сѣлъ, а высокій гость, казалось, въ ту же минуту забылъ о неинте-

ресномъ ему носатомъ человѣкѣ. Съ середины обѣда преосвященный сталъ обнаруживать торопливость, не разъ упомянулъ, что онъ, въ сущности, „только на одну минутку", что пора уже ѣхать, жаловался, что плохо спалъ эту ночь, и все освѣдомлялся, послана ли въ архіерейскій домъ телеграмма, чтобы его ждали черезъ день, потому что онъ уже раздумалъ ѣхать въ Рогачевы хутора. Хотя исправникъ самъ любезно вызвался распорядиться объ этомъ и потому не участвовалъ въ обѣдѣ, архіерей все таки послалъ своего келейника за справками. Еще жаловался онъ на то, что его завалили просьбами и жалобами, и что нельзя никуда заѣхать, чтобы не наткнуться все на новыхъ и новыхъ просителей.

— Въ Ящерицахъ старый—старый дьячокъ, — вдругъ засмѣялся онъ.—Лицо—вотъ этакій печоный яблокъ,—владыко сдѣлалъ гримасу, и по всему его лицу дѣйствительно побѣжали морщинки. — Жалоба... Разсуди, владыка святый... А въ чемъ дѣло? При дѣлежкѣ отсчитали ему рубль съ дырочкой. На селѣ никто не беретъ. Давай владыку за бока. И смѣхъ, и грѣхъ... А? Что? За границами сиди покойно епископъ и пиши диссертаціи о блаженномъ Августинѣ и подлинности чистилища, а русскій архіерей изволь о дырявомъ цѣлковомъ дѣло расхлебывать... Охъ, темнота, охъ, убожество!..

Благочинный слушалъ, поддакивалъ и изрѣдка вставлялъ реплики, каждый разъ оговаривая ихъ словами: „позволю себѣ замѣтить". О. Михаилъ сидѣлъ и ждалъ, когда же, наконецъ, владыка оглянется назадъ и вспомнитъ о старинѣ, о товариществѣ, о семинаріи. Но владыка вспоминалъ многое и только упорно не оглядывался туда, гдѣ лежало сердце Смердынскаго. Когда кончился обѣдъ, и, по желанію гостя, подали чай съ морошкой, благочинный откашлялся, попросилъ позволенія сказать „два слова" и началъ выражать архіерею благодарность за посѣщеніе и вниманіе къ сельскому духовенству. По тому, какъ о. Андрей теперь волновался и какими книжными выраженіями, не употребляемыми въ обыкновенномъ разговорѣ, пользовался, было видно, что онъ говорилъ обдуманное и приготовленное „слово", и о. Михаилу было теперь понятно, почему все время за обѣдомъ у него былъ такой тяжело-сосредоточенный видъ. Очевидно, онъ повторялъ въ умѣ свою рѣчь и боялся, какъ бы не разбѣжались подысканныя эффектныя слова. Когда въ рѣчи, въ очень осторожныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ вспотѣвшій благочинный упомянулъ по ходу мысли о сиротствѣ сельскихъ приходовъ при прежнемъ начальникѣ, архіерей улыбнулся во всю широту лица и спросилъ.

— Какъ, какъ поговорка-то?... Безъ ключа да безъ... Безъ чего еще-то? А? Что? Безъ ключа да безъ лѣстницы?...

Благочинный догадался, на что намекалъ архіерей. При его предшественникѣ въ духовномъ управленіи очень много значили консисторскій секретарь Ключевъ, соборный протоіерей Лѣсницкій и братъ личнаго епископскаго секретаря, и въ духовенствѣ сложилась поговорка: „безъ ключа да безъ лѣстницы да безъ секретарева братца до нашего владыки не добраться". О. Андрей улыбнулся и сконфуженно повторилъ пословицу.

— Злые языки, злые!—улыбнулся преосвященный.—Поживемъ — увидимъ, съ какою приговоркою меня передадутъ въ исторію...

VIII.

Благочинный, можетъ быть, ждалъ отъ владыки нѣсколькихъ отвѣтныхъ словъ, но преосвященный казался отяжелѣвшимъ и только благосклонно кинулъ оратору короткое спасибо. Наступило молчаніе, не-

ловкое для о. Андрея. О. Михаилъ увидѣлъ, что взоръ гостя блуждаетъ по стѣнамъ „храмины“, воспользовался моментомъ молчанія и обратилъ его вниманіе на семинарскую группу.

— А это, ваше преосвященство, изволите вспоминать иногда?

— А что это?—просто спросилъ епископъ.

— Нашъ семинарскій выпускъ, владыко.

— Вотъ что! Какъ же не вспоминать! Представьте, утерялъ,—должно быть, въ какомъ переѣздѣ. Вамъ что? Вы благую часть избрали. Осѣли на землю и покоитесь кійждо подъ своимъ виноградникомъ. А наше дѣло монашеское—кочевое (владыка вздохнулъ, хотя не только о. Михаилъ, а и благочинный не безъ охоты помѣнялись бы съ нимъ участью). Гоняютъ изъ Олонца въ Иркутскъ, изъ Иркутска — куда пожелаютъ. Утерялъ, отецъ, утерялъ.

— Вспоминаете иногда старину?

— Какъ же, какъ же, отецъ. „Помянухъ дни древнія и поучихся“. Прошлые годы все, бывало, во снѣ семинарія снилась. Не столь давно пригрезилось, будто мы съ покойнымъ ректоромъ въ храмовой праздникъ служимъ въ семинарской церкви. Оба будто въ омофорахъ, хоть въ то же время я себя явственно ученикомъ его чувствую. И будто я ему предоставляю приматствовать, а старикъ предобрый мнѣ въ отвѣтъ: „нѣтъ, говоритъ, я буду вторствовать“.—Какъ же такъ, возражаю, вы старѣйшій и моимъ ректоромъ были, а я первѣе васъ стану?.. И у васъ вонъ Анна первой степени, а у меня нѣтъ... Не по чину это“... Забавный сонъ...

— И меня, владыко, по семинаріи помните?

— Признаюсь, отецъ, неясно. Растаялъ образъ. Каковъ вы были, гдѣ же упомнить... Много вѣдь товарищей—то было... Вотъ помню, вы пономаремъ были, а я митроносцемъ...

— А какъ я за васъ въ семинаріи праздникъ отсидѣлъ, помните?

Вопросъ вырвался вольный, свободный, прекрасный, и прекрасно было лицо о. Михаила, помолодѣвшее, свѣтлое, оживленное воспоминаніями...

— Вотъ ужъ, право, запамятовалъ!—засмѣялся владыка.—Какъ же это было?

— А латиниста-то Кафарова неужто забыли? Какъ онъ мнѣ въ мою графу вашу отмѣтку. Передъ масленой случилось... Надо полагать, такъ, въ первомъ классѣ...

Преосвященный ничего не вспоминалъ, и каждое новое слово вырывалось у о. Михаила все съ большею нерѣшительностью и почти смущеніемъ. Благочинному могло показаться, что онъ просто сочиняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, о. Андрей сдѣлалъ совсѣмъ серьезное лицо и покосился на собрата.

— И курицы не помните, ваше преосвященство?

— Какой курицы?

— А какъ же? Вы мнѣ вареную курицу въ награду привести обѣщали за то, что я вашу отмѣтку на себя принялъ.

— Гм. Не помню.—(Преосвященный еще подумалъ).—Не помню. Кафаровъ, говорите? Ну, какъ же не помнить Кафарова? И единицу его хорошо помню. (Владыка засмѣялся). Вѣдь у меня на всемъ ученомъ вѣку всего двѣ единицы. Не смогъ ему перевести canis ut canis. Зато теперь на смертномъ одрѣ переведу. А вотъ этотъ случай съ вами забылъ. Совсѣмъ забылъ. Безповоротно забылъ. И чтоже, я вамъ дѣйствительно привезъ курицу?

— Вареную курицу, ваше...

— Не помню. И ходилъ домой, а вы сидѣли?—А?—что?... Не помню. Не помню.

И по лицу архіерея о. Михаилу было видно, что онъ дѣйствительно ничего не помнитъ и такъ ужъ ничего и не вспомнитъ, если-бы даже у него было напряженное желаніе вспомнить прошлое. Ушло оно и поросло паутиной, все равно что

умерло. Что-то обидное было въ этомъ, и о. Михаилу начинало казаться, что и благочинный смотритъ на него съ ироніей и пренебреженіемъ.

И когда, непосредственно за разговоромъ, владыка, кажется, въ четвертый разъ освѣдомился, послана ли его телеграмма,—о. Михаилъ понялъ, что больше неловко надоѣдать гостю распросами, и крѣпко сомкнулъ уста.

IX.

— Ну, прощайте, отецъ, говорилъ Смердынскому архіерей уже на крыльцѣ, благословляя его передъ отъѣздомъ. Отдохнуть въ кабинетикѣ о. Михаила онъ не пожелалъ, отговариваясь поспѣшностью и заявивъ, что попытается подремать въ каретѣ.—За хлѣбъ, за соль благодарствую. И тебѣ благодарствую,—онъ благословилъ старосту, ткнувшагося въ его руку сначала носомъ, потомъ губами.—Усердствуй. Богъ благословитъ. Колоколъ вотъ о. Михаилу сооруди. Жидковатъ звонъ-то. Звонъ житковатъ, говорю... На ухо туговатъ что-ли? Церковь изрядная, а колоколъ, что въ костелѣ...

О. Михаилъ смотрѣлъ на кланяющагося старосту, лицо котораго, сосредоточенное и напряженно серьезное, странно не соотвѣтствовало улыбающемуся лицу архіерея, на владыку, на исправника, опять явившагося въ минуту отъѣзда, на терпѣливо дожидавшуюся ихъ толпу,— и чувствовалъ себя какимъ-то стороннимъ, чужимъ, безучастнымъ зрителемъ сцены. Ни радостнаго волненія, ни просто волненія отъ присутствія здѣсь высокаго посторонняго человѣка ужъ не было въ его душѣ. Было одно нетерпѣливое желаніе поскорѣе остаться одному.

Преосвященный нагнулся и пролѣзъ въ карету. Слышавшій, что онъ хочетъ здѣсь подремать, о. Андрей не рѣшился напрашиваться и умѣстился въ бричку, рядомъ съ исправникомъ.

— Вотъ вы меня и подвезете!

Карета преосвященнаго тронулась, когда благочинный обернулся лицомъ къ о. Михаилу, съ которымъ уже простился, и уронилъ ему:

— Насчетъ исповѣдныхъ-то поспѣшите. Упускаете, отецъ, срокъ. Ужь полъ благочинія доставило. Какъ же такъ, достопочтеннѣйшій!..

„Дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжитъ",—вспомнилъ о. Михаилъ и не безъ горечи улыбнулся...

... Вечеромъ, какъ всегда, какъ подрядъ 14 лѣтъ, — было тихо въ квартирѣ Смердынскаго. Часы уныло отсчитывали секунды, скользившія въ вѣчность, въ кухнѣ однообразно капали капли воды изъ рукомойника въ гулкое ведро. и нужна была привычка, чтобы не сойти съ ума отъ этихъ мертвыхъ, пустыхъ звуковъ. Смердынскій ходилъ по комнатѣ, большой и неуклюжій, теперь съ подхваченными волосами и въ короткомъ засаленномъ подрясникѣ странно похожій на мужика, присаживался къ столу, прислонялся къ косяку дверей и такъ стоялъ долго, глядя въ письменный столъ и потрескивая волосами сѣдѣющей бороды, которыя онъ нервно крутилъ между пальцами.

— Чего ты испугался, владыко,—съ укоризной спрашивалъ онъ, останавливаясь передъ портретомъ стараго товарища,—того, что я буду просить у тебя перемѣщенія, великой и богатой милости, намозолю тебѣ глаза въ твоей пріемной? Не потому ли ты не подпустилъ меня къ твоей душѣ и далъ прикоснуться только къ краю ризы? Такъ видитъ Богъ, что ни въ какой я соборъ не пойду и ни на что своей деревни-пустыни не промѣняю... Вѣдь не хотѣлъ я тщеславно, чтобы ты взялъ меня подъ руку и ввелъ къ сильнымъ міра и сказалъ: „вотъ мой старый товарищъ"!... Ряски ты у меня не снялъ, преосвященный. Подрясничка

мнѣ не показалъ, а я думалъ,—душу покажешь. Одного ласковаго слова жаждалъ я отъ тебя, какъ олень въ пустынѣ,—и не дождался...

Чей-то другой голосъ оправдывалъ гостя и доказывалъ Смердынскому, что онъ несправедливъ и придирчивъ. Старый товарищъ вошелъ въ его домъ и раздѣлилъ его трапезу, и у него не вырвалось ни одного нелюбезнаго слова. Онъ былъ простъ и доступенъ и слишкомъ мало показалъ, что онъ начальникъ. Его память не сохранила того, что помнилъ о. Михаилъ, но кто отвѣтствененъ за свою память? У него столько иного, сложнаго дѣла, и вотъ ужъ онъ сейчасъ гдѣ-то далеко несетъ другимъ горе и радости...

Защитникъ говорилъ убѣдительно, но его слова не подкупали о. Михаила. Въ его душѣ все еще было одиноко и пустынно, и такъ же тихо, какъ за окномъ, выходившимъ на темные, далеко раскинувшіеся огороды. Казалось, ему стало бы легче, еслибы вдругъ далеко завылъ волкъ или закричали: „караулъ". Почти не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, о. Михаилъ потянулся черезъ столъ къ портрету товарища, снялъ со стѣны рамку, неторопливымъ движеніемъ вскрылъ изъ-подъ стекла рисунокъ и, оставивъ рамку на столѣ, спряталъ изображеніе далеко въ глубь ящика въ письменный столъ...

А. Измайловъ (Смоленскій).

Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ.

Рудольфа Штраца.

(Продолженіе).

VII.

Конечно... это былъ Джонъ Генри ванъ Леннепъ. Узнавши Эрну, онъ ускорилъ свои и безъ того поспѣшные шаги и направился къ ней. Она увидѣла его и съ досадой замѣтила, что сердце уже во второй разъ подсказываетъ ей, что это онъ: сначала оно пріостановилось совсѣмъ, потомъ вдругъ забилось изо всѣхъ силъ, какъ будто она увидѣла Богъ знаетъ какое сверхъестественное явленіе, а не самаго обыкновеннаго человѣка средняго роста, стройнаго сложенія, лѣтъ за тридцать, котораго по наружности—по его загорѣлому лицу, закрученнымъ усамъ и спокойной энергіи походки и манеръ съ перваго взгляда можно было принять за офицера въ штатскомъ платьѣ — какого-нибудь полковника изъ Майнца или Страсбурга, который, чтобы отдохнуть отъ жены и подчиненныхъ, вздумалъ проѣхаться по Неккару.

Для полковника, впрочемъ, онъ казался слишкомъ молодымъ. Лишь на совсѣмъ близкомъ разстояніи можно было замѣтить на его лицѣ сѣть тонкихъ морщинокъ и безпокойный блескъ глазъ — молчаливые свидѣтели безсонныхъ ночей, борьбы и успѣховъ; чувствовалось, что въ этомъ безпокойно-бѣгающемъ взглядѣ, быстрой, нервной рѣчи, торопливой нервной походкѣ—сказывается весь человѣкъ, человѣкъ нервный

по преимуществу, но не изъ нервноразслабленныхъ, а изъ тѣхъ гигантовъ труда и нервной силы, которые въ двадцатомъ столѣтіи завоевываютъ весь земной шаръ мирнымъ путемъ — всесвѣтной торговлей. — Такъ смотрѣла на него Эрна, сначала глазами отца, потомъ на основаніи собственныхъ наблюденій. Она не уменьшала его достоинствъ, какъ тѣ, которымъ была знакома лишь одна сторона его измѣнчивой натуры. Каждую минуту онъ представлялся новымъ человѣкомъ и съ кошачьей ловкостью и обдуманностью игралъ окружающими его людьми. Но, разрѣшивъ, какъ онъ говорилъ, трудную задачу, онъ становился опять джентльменомъ и въ то же время рыцаремъ хищникомъ...

Эрна была полна страха передъ нимъ и любопытства.

Онъ никогда ни съ кѣмъ не былъ грубымъ и рѣзкимъ, тѣмъ болѣе съ нею, но какія карты у этого холоднаго игрока въ борьбѣ съ бѣжавшей невѣстой?

Эрна вдругъ съ возмущеніемъ замѣтила, что онъ улыбается! Въ такую важную минуту! Улыбается едва замѣтной добродушной улыбкой, мелькавшей у него всегда въ углахъ рта и придававшей ему сходство съ плутоватымъ школьникомъ. Съ такимъ мальчишескимъ выраженіемъ лица, которое дѣлало его моложе лѣтъ на десять, онъ поклонился ей, приподнявъ шляпу и по товарищески пожалъ ей руку, какъ будто ничего не произошло.

— Ну, какъ поживаешь? — освѣдомился онъ. — Хорошо устроилась въ Гейдельбергѣ?

Эрна смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Всего она ждала — только не такого легкаго отношенія къ своему бѣгству.

— Откуда ты узналъ, что я здѣсь? —машинально спросила она, чтобы только сказать что-нибудь.

— Эрна, замѣть себѣ одно,—сказалъ Джонъ Генри, удерживая ея руку въ своей.—Скромность—очень симпатичный мнѣ недостатокъ, но, какъ и другіе пороки, его не слѣдуетъ доводить до крайности. Ты вообразила, что въ нашемъ фабричномъ гнѣздѣ никто не узнаетъ тебя на вокзалѣ? Какъ только я показался тамъ, начальникъ станціи, кассирша, цѣлый хоръ служащихъ закричалъ мнѣ навстрѣчу: фрейленъ Бауэрнфейндъ съ скорымъ кельнскимъ поѣздомъ уѣхала сегодня въ Гейдельбергъ!

— И ты стоялъ тамъ и позволилъ смѣяться надъ собой?

— *Надо мной* не смѣется никто!— сказалъ Джонъ Генри, разсѣянно сбивая палкой какую-то вѣточку съ дороги.—Этого не было и не будетъ. Повѣрь мнѣ въ этомъ! Я не могу служить предметомъ насмѣшекъ ни для другихъ людей, ни для рейнскихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Я просто сказалъ имъ, что произошло большое недоразумѣніе: ты не поняла моей депеши и поѣхала къ родственникамъ въ Гейдельбергъ, между тѣмъ какъ я телеграфировалъ, что выѣхалъ оттуда. Всѣ еще пожалѣли, что у меня такая склонная къ поспѣшности невѣста!

— Это похоже на тебя! — съ горечью сказала Эрна.

— Развѣ это не такъ? Неужели ты думаешь, что никто не замѣтитъ, какъ ты возьмешь билетъ на Гейдельбергъ, отправишь туда же свои вещи и сама въ купэ перваго класса уѣдешь въ Гейдельбергъ же? А сама еще сердишься всегда, когда въ тебѣ, по собственному твоему выраженію, — проглядываетъ женщина! — Посердись-ка теперь! Да уже поздно! Я здѣсь!

Эрна зло посмотрѣла на него.

— Ты лучше сдѣлалъ-бы, еслибъ остался тамъ и подождалъ моего письма. Теперь я опять должна разсказывать тебѣ все...

— Письма? — Ванъ Леннепъ задумался и пошелъ медленнѣе. Она

прижималась къ нему, какъ будто такъ и должно было быть. — Твоего письма? Да, Эрна... твое письмо очень мило. Немножко длинно, немножко сбивчиво... я написалъ-бы иначе. Но въ немъ — ты вся, и потому оно мило!

— Ты говоришь, какъ будто уже читалъ его! — презрительно сказала Эрна. — Самое раннее ты могъ получить его сегодня утромъ, а утромъ ты былъ уже здѣсь.

— Ну, тутъ есть немножко колдовства! Я прибѣгаю къ нему въ исключительныхъ случаяхъ, когда обыкновенныя средства не дѣйствуютъ. Письмо твое я получилъ. Ты пишешь, что лѣтъ черезъ десять я покажу его своей женѣ. Хорошо-же. Черезъ десять лѣтъ я покажу его — тебѣ!

Увидѣвъ ея смущенное лицо, онъ разсмѣялся, показавъ подъ темными усами два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

— Иди-ка сюда! — добродушно сказалъ онъ, взялъ ее, какъ ребенка, за руку и подвелъ къ одному изъ телеграфныхъ столбовъ. — Ну, ученая дѣвица, подумай-ка хорошенько надъ этимъ! Что это за штука съ фарфоровыми стаканчиками и проволокой?!

— Но, Боже мой, не велѣлъ же ты телеграфировать себѣ все содержаніе письма?

— Конечно, да! У меня въ отелѣ лежитъ теперь кипа телеграммъ вышиною съ мой цилиндръ, всѣ подъ №№ и всѣ проникнутыя твоимъ духомъ. Ты, Эрна, стала важной особой. Твои мнѣнія, какъ слова самыхъ высокопоставленныхъ особъ, извѣстны всей Германіи.

— Но это тебѣ стоило, вѣроятно, нѣсколько сотенъ марокъ?

— О вы, филистеры! — сказалъ съ удареніемъ Джонъ Генри. — Вѣчно говорите вы лишь о деньгахъ! И всегда тѣ, которые сами ничего не зарабатываютъ. Другіе же объ этомъ молчатъ. Слышала-ли ты, чтобы я когда-нибудь говорилъ о деньгахъ? Впрочемъ, успокойся! Когда я плылъ внизъ по Рейну и думалъ о тебѣ, то просматривалъ свои бумаги; меня при видѣ всѣхъ этихъ разрушенныхъ старинныхъ замковъ охватила тоска, и я придумалъ превосходную спекуляцію на нью-іоркской биржѣ. Въ виду утеса Лорелей я послалъ по кабелю депешу, а на проходившемъ мимо пароходѣ множество толстыхъ мужчинъ въ праздничномъ, какъ видно, настроеніи пѣли хоромъ: „Богъ вѣсть отчего такъ нежданно печаль мою душу щемитъ!“ и мнѣ казалось, что это тѣ акціонеры, которымъ я хочу повредить!

Опять на его лицѣ появилось самодовольное мальчишеское выраженіе.

— Повѣрь мнѣ, Эрна, въ этомъ, какъ и въ старинныхъ замкахъ, заключается своего рода поэзія. Направлять свою волю во всѣ страны, по дну Атлантическаго океана, до Америки, гдѣ слова мои какъ молнія разразятся среди общаго собранія акціонеровъ — развѣ въ этомъ нѣтъ величія, красоты? Это такъ же романтично, какъ ваши старые рыцарскіе подвиги. Рыцари сидѣли въ засадѣ на малыхъ водныхъ путяхъ, на Рейнѣ и потомъ выскакивали изъ-за кустовъ съ поднятой саблей (у насъ это называется телефонировать); мы же — я и мнѣ подобные, — сторожимъ на великихъ водныхъ путяхъ, на моряхъ и проливахъ и не даемъ спуску глупцамъ. Они встрѣчаются съ нами и погибаютъ; въ этомъ и состоитъ вся мораль. Сильнѣйшій побѣждаетъ. Только рыцари были сильны своими мускулами, — какъ теперь у насъ работники мясниковъ. Мы же, современные купцы, сильны нервами. Это нѣчто гораздо болѣе утонченное! Шагъ впередъ въ культурѣ! Но ты этой тайны не разбалтывай! Другимъ мужчинамъ этого не нужно разсказывать, и тебѣ я открылъ все это потому, что знаю, что ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю тебя очень хорошо! — подавленнымъ тономъ сказала Эрна. — Почему ты считаешь меня такой глупой? Ты дѣйствительно думаешь, что кромѣ тебя нѣтъ ни одного умнаго человѣка на свѣтѣ?

Опять высокомѣрная улыбка мелькнула у него на губахъ, и онъ перемѣнилъ разговоръ.

— Такъ вотъ онъ, Гейдельбергъ! —сказалъ онъ, смотря черезъ рѣку и городъ на замокъ. — Очень красиво! Но, знаешь ли, когда я попадаю въ одинъ изъ вашихъ ульевъ— маленькій университетскій или военный городъ, какое у меня чувство? Я всегда думаю: окна настежъ, двери тоже. Слишкомъ тутъ много плѣсени! Впустите свѣжаго воздуха. Свѣжаго морского воздуха! Нуженъ холодный соленый юго-западный вѣтеръ съ Атлантическаго океана или Желтаго моря, отъ котораго въ ушахъ свиститъ и щеки краснѣютъ. Джентльмены! Императоръ правъ, говоря, что наше будущее—на морѣ! Мы должны пуститься въ синее море и заработать много денегъ, но очень-очень много, милая Эрна! У меня теперь денегъ мѣшки, а будетъ еще больше!

Студентка покачала головой.

— Это импонируетъ мнѣ совсѣмъ не такъ, какъ ты думаешь! Было-бы очень печально, еслибъ всѣ думали такъ, какъ ты. Тогда на свѣтѣ не существовало-бы поэзіи. И ты совсѣмъ не понимаешь старины!

— Нисколько! — равнодушно сказалъ Джонъ Генри.—И слава Богу! Что мнѣ дѣлать съ этой сантиментальностью, благодаря которой у пожилыхъ уже, благоразумныхъ мужчинъ показываются слезы на глазахъ, когда они услышатъ „О Гейдельбергъ нашъ славный“! Пусть наслаждаются. Я имъ не завидую. Я немного учился, ни слова не знаю по-латыни или по-гречески, какъ ты, ученая дѣвица, а все-таки я настоящій мужчина.

Посмотри теперь на этихъ студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, которые ѣдутъ по двое въ экипажѣ, хотя мѣста хватило-бы для четырехъ и хотя въ такую прекрасную погоду лучше пройтись пѣшкомъ, какъ мы съ тобой... Въ томъ возрастѣ, когда эти молодые люди ничего не дѣлаютъ, проживая отцовское достояніе, я работалъ въ Шанхаѣ въ конторѣ по десяти часовъ ежедневно, а съ открытіемъ почтоваго отдѣленія — по восемнадцати часовъ, работалъ въ потѣ лица! Буквально! Въ жару капли пота падали всегда на копировальный прессъ. Потомъ эти молодые люди являются къ намъ, купцамъ, и благодаря немногимъ юридическимъ знаніямъ, которыя они успѣли пріобрѣсти въ университетѣ въ промежуткахъ между дуэлями и кутежами, дѣлаютъ намъ, какъ консулы и чиновники, жизнь гораздо болѣе непріятной, чѣмъ она могла бы быть. Прости, что говорю это тебѣ, будущей студенткѣ...

— Но ты, какъ и во всемъ, слишкомъ одностороненъ и рѣзокъ!

Спутникъ ея добродушно усмѣхнулся.

— Можетъ быть, и рѣзокъ. За угодника меня никто не считалъ изъ моихъ враговъ. Впрочемъ, что я и всегда говорю, не самъ себя я создалъ и отвѣтственность за свои поступки слагаю съ себя! Радуйтесь, что есть еще такіе люди, какъ я — нѣмецкіе піонеры въ дальнихъ краяхъ! Мы не имѣемъ ничего общаго съ старопрусской мелочностью или старобаварскимъ благодушіемъ. Мы — новое поколѣніе нѣмцевъ, настоящихъ и притомъ ловкихъ нѣмцевъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ мелко все кажется въ любезномъ отечествѣ, когда взглянешь на него издали, съ великаго моря!

Они молча пошли рядомъ черезъ мостъ за рѣку. У ногъ ихъ сверкалъ голубой Неккаръ, а надъ нимъ уходилъ въ лазурное вечернее небо обвитый плющемъ и облитый краснымъ свѣтомъ замокъ. Налѣво, на другомъ берегу рѣки бѣлѣла и

благоухала покрытая бѣлыми цвѣтущими деревьями гора.

Эрна наконецъ остановилась съ рѣшительнымъ видомъ. Она не могла дольше выносить этихъ приготовленій къ рѣшительному сраженію.

— Ты хочешь запугать меня? — спросила она.—Тѣмъ, что разсказываешь объ университетахъ?

— И не думаю,—просто и почти смиренно сказалъ Джонъ Генри. — Въ своемъ письмѣ ты рѣшительно запретила мнѣ всякія „притязанія“ на твою личность. Отлично. Я повинуюсь. И даже очень охотно. Ты знаешь, вѣдь, я человѣкъ простой. Неучъ изъ-за океана. Но я смиренъ, какъ дитя. Кто это понимаетъ, тотъ можетъ сдѣлать со мною, что угодно. А ты понимаешь, Эрна. Ты выше меня!

Она искоса недовѣрчиво посмотрѣла на него. Когда онъ говорилъ иронически, то становился серьезнымъ.

Это была обычная форма, въ которую выливался кипѣвшій въ немъ невидимо гнѣвъ. Но, слава Богу — маска наконецъ спала съ него!

— Итакъ, я повинуюсь тебѣ! — снова заговорилъ ванъ Леннепъ. — Я не говорю о существенномъ — о твоемъ путешествіи сюда; я говорю о міровой политикѣ, подводномъ телеграфѣ, о твоемъ женихѣ — словомъ, о вещахъ простыхъ, которыя почти не интересуютъ такую умную дѣвушку, какъ ты.

Эрна ничего не отвѣтила ему. Она испытывала страхъ, не зная, съ какой стороны ожидать нападенія.

Ясно было, что онъ приготовилъ что-то неожиданное, страшное, но что?—вотъ вопросъ. Эрна замѣтила, что лицо его приняло холодно-дѣловое выраженіе, какъ будто онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола.

— Что ты намѣрена изучать здѣсь въ первомъ семестрѣ?—неожиданно и измѣнившимся тономъ спросилъ онъ.

Такъ онъ согласился, чтобы она занялась наукой!

Эрна была такъ озадачена, что ничего не могла сказать. Онъ продолжалъ: — Я совѣтовалъ бы тебѣ начать съ пополненія общаго образованія, какъ ты пишешь въ своемъ письмѣ. Займись исторіей искусства, культуры и т. п. Химію пока оставь. По крайней мѣрѣ до третьяго семестра! Почему — я скажу тебѣ при случаѣ!

Изумленіе Эрны мало-по-малу переходило въ страхъ, гнѣвъ, стыдъ. Онъ готовъ такъ легко отказаться отъ нея? Это невозможно! Если *это* его месть, то онъ достигъ цѣли. Болѣе глубокаго оскорбленія нельзя было нанести ей. Но это было такъ не похоже на него! Слишкомъ мелочно! Надежда снова пробудилась въ ней.

— Такъ... ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы я училась? — неувѣренно спросила она.

— Что-же мнѣ дѣлать? — меланхолически спросилъ Джонъ-Генри.— Конечно, я былъ противъ. Но когда кто-нибудь сумѣетъ поставить на своемъ, то этимъ онъ убѣждаетъ меня! Это знакъ, что онъ на вѣрной дорогѣ. Это проявленіе природы. Я тоже поставилъ на своемъ, когда отецъ хотѣлъ отправить меня въ учительскую семинарію. Подумай, Эрна! я—школьный учитель! Шестнадцати лѣтъ я поступилъ въ Гамбургѣ на корабль и пустился по свѣту. И изъ меня вышло кое-что; выйдетъ и изъ тебя!

— Видишь-ли, большинство людей — лишь говорятъ! — прибавилъ онъ, не дождавшись ея отвѣта. — Немногіе рѣшаются дѣйствовать. А ты рѣшилась! И ты права! Кромѣ того, ты—совершеннолѣтняя. Никто не можетъ удерживать тебя!

Эрна призвала на помощь все свое мужество, чтобы казаться спокойной.—Меня только удивляетъ... какъ легко ты отнесся ко всему этому!

— Во всякомъ случаѣ, къ женскимъ занятіямъ наукой я не отношусь трагически, милая Эрна! Скорѣе это забавляетъ меня!

— Я говорю о томъ... но... о томъ, что было между нами!

Теперь пришла очередь удивиться ванъ Леннену.

— Было?... Видишь ты, Эрна, мы подходимъ теперь къ грубой логической ошибкѣ, которую ты допустила въ своемъ письмѣ. Отвѣть мнѣ: не находишь ли ты, что, выйдя замужъ, женщина становится болѣе свободной, болѣе зрѣлой и, слѣдовательно, болѣе способной къ ученью, чѣмъ дѣвушка?

— Разумѣется!— нерѣшительно сказала Эрна.

— А ты въ своемъ письмѣ различаешь двѣ вещи —или выйти замужъ или учиться! Нѣтъ, можно выйти замужъ и учиться при этомъ, если нельзя оставить науки. Учиться здѣсь, въ Гейдельбергѣ, какъ тебѣ этого хочется. Мы можемъ поселиться здѣсь. Мнѣ въ сущности безразлично, просижу я въ вагонѣ двумя часами болѣе или менѣе во время путешествія...

— И выйдя за тебя замужъ, я продолжала бы учиться?

— Я, конечно, не стану запирать тебя!—холодно сказалъ ванъ Леннепъ,— Напротивъ, я куплю тебѣ прекрасную кожаную папку, чтобы ты походила на настоящаго студента. Каждый наслаждается по своему. Я уважаю чужіе вкусы. Я самъ для этого слишкомъ самостоятельная личность.

— Именно!—Эрна остановилась и посмотрѣла ему въ лицо.

— Никто не можетъ жить съ тобою и не поддаваться твоему вліянію. Кто хоть три дня побудетъ въ твоемъ обществѣ, тотъ начинаетъ говорить, какъ ты, и становится похожимъ на тебя. Ты обезцвѣчиваешь всѣхъ! И быть твоей женой! Повѣрь: мнѣ тяжело было уйти отъ тебя, но я ясно сознавала—я *должна* сдѣлать это! Быть свободной для меня значитъ быть независимой отъ тебя, который меня не понимаетъ и не хочетъ понять! А ты — я этого не скрываю— имѣешь надо мною такую власть, какъ никто. Если я буду съ тобой, я подчинюсь тебѣ. У насъ, несчастныхъ, это уже въ крови. И наукѣ тогда конецъ! А вѣчныя твои насмѣшки!

— Это признакъ того, — съ непоколебимымъ спокойствіемъ сказалъ Джонъ Генри,—признакъ того, что твое счастье, какъ счастье всякой благоразумной женщины — въ семьѣ и мужѣ, который искренне любитъ ее, какъ я тебя! Мы должны попытать счастья. Повѣрь, что прежде я не воображалъ своей жены въ образѣ Гейдельбергскаго студента!

— А если я окажусь слабѣе тебя? Конечно, я слабѣе тебя! Если я сдѣлаюсь просто твоей куклой, игрушкой?

— Ты сдѣлаешься моей женой!— сказалъ медленно и такимъ глубокимъ, мягкимъ тономъ, какого она еще никогда не слышала у него. Онъ шелъ прямо изъ сердца. Она вздрогнула. Ей стало страшно. Теперь-то нужно быть сильной! Теперь должно наступить рѣшеніе.

— Вѣдь я люблю тебя!—прошепталъ онъ, опустивъ глаза и сбивая цвѣты на стѣнѣ. Люблю... Я не могу сказать этого, какъ слѣдуетъ... вообще... взрослый человѣкъ кажется такимъ глупымъ, когда говоритъ, подобныя слова, но что же дѣлать? Я въ жизни своей любилъ только двухъ женщинъ... сначала мать. Я не могъ проститься съ нею, когда уходилъ изъ отцовскаго дома... Только рано утромъ—день два занимался—стоялъ я передъ домомъ и смотрѣлъ на закрытыя окна. Съ тѣхъ поръ я ее никогда не видѣлъ. Давно уже все это было. Вторая— была ты, когда я вернулся на родину. Въ промежуткѣ— ничего; по крайней мѣрѣ ничего такого, что стоило-бы упоминанія. Я работалъ слишкомъ много. Я хотѣлъ еще разъ сказать тебѣ это... можетъ быть, ты еще передумаешь... мнѣ, право, нелегко... послѣ твоего письма...

Онъ отвелъ отъ нея сверкающіе безпокойнымъ блескомъ глаза, какъ бы стыдясь своей слабости и сердясь на себя за то, что коснулся вещей, о которыхъ мужчина, по его мнѣнію, не долженъ говорить. Онъ ждалъ отвѣта. Но Эрна молчала. Они медленно шли по улицѣ съ равнодушными лицами,— повидимому, такъ же спокойные, какъ и другіе прохожіе, которые разговаривали о погодѣ и прогулкахъ.

— Я убѣжденъ, — сказалъ онъ вдругъ измѣнившимся, рѣшительнымъ тономъ,—я знаю, что я тебѣ не безразличенъ. Ты сама съ этимъ согласна. Къ чему-же эта игра? Я прошу тебя отъ всего сердца, Эрна... будь моей женой и выкинь науку изъ головы. Этимъ ты сдѣлаешь дѣйствительно счастливымъ такого человѣка, какъ я; а это немало!

Послѣднія слова вернули Эрнѣ ея самоувѣренность. Она спокойно посмотрѣла на ванъ Леннепа.

— Я должна сдѣлать тебя счастливой! Но скажи: по твоему мнѣнію женщина не имѣетъ обязанностей по отношенію къ себѣ и права на счастье?

— Это одно и то же!

— Нѣтъ. Будь искрененъ, Джонъ Генри... какъ только можешь... ты можешь, если захочешь... Положи мысленно руку на сердце и отвѣть мнѣ по совѣсти: вотъ теперь, когда я иду тутъ, рядомъ съ тобою, считаешь ты меня въ душѣ такимъ человѣкомъ, какъ ты самъ, равноправнымъ, или смотришь на меня сверху внизъ, какъ на слабое, недоразвившееся существо, къ которому нельзя относиться серьезно? Отвѣть мнѣ!

— Конечно, есть разница между дѣвушкой и мужчиной!

— И дѣвушка или вообще женщина,—для тебя существо низшее? Будь откровененъ безпощадно. Нѣтъ ли въ твоей любви ко мнѣ незамѣтнаго почти презрѣнія? Нѣтъ ли въ твоей улыбкѣ снисходительности, состраданія?

— Не кажусь ли я тебѣ, когда ты смотришь на меня очами любви, какимъ-то мистическимъ, окутаннымъ облакомъ существомъ? И не будешь ли ты смотрѣть на меня, какъ на жену, сверху внизъ, вмѣсто того, чтобы, какъ друга, поставить меня наравнѣ съ собою?—Его лицо приняло недовольное выраженіе.

— Что это за вопросы? Я объ этомъ никогда не думалъ!

— Вотъ именно!— сказала Эрна. —Ты думалъ обо всемъ на свѣтѣ, не думалъ только о томъ, имѣетъ ли право женщина, *твоя* жена, быть человѣкомъ. Я уже долго думала объ этомъ и рѣшилась, во что бы то ни стало, быть самостоятельнымъ человѣкомъ и учиться!

— Скажи еще такъ же искренне: серьезно ли ты относишься къ моему ученью?

— Нѣтъ!—Его голосъ прозвучалъ упрямо.—Нѣтъ, если хочешь знать! Это лишь забава. И происходитъ все это отъ незнанія жизни. Ты ея не знаешь, а я знаю. Я знаю, что борьба за существованіе ужасна— между мужчинами. Васъ, женщинъ, щадятъ. Въ васъ наше успокоеніе, нашъ отдыхъ. Такъ и я смотрю на тебя, Эрна. Но горе вамъ, если вы вздумаете серьезно вмѣшаться въ нашу борьбу и отнять у насъ кусокъ хлѣба. Вы не подозрѣваете, какъ грубъ можетъ быть мужчина по отношенію къ вамъ, безпощадно грубъ! Вы все-таки слабѣйшія существа! Знаешь ли ты, чѣмъ кончится, если вы вызовете насъ на борьбу и прежнюю жизнь сдѣлаете для насъ невозможной? Вы не только не пойдете впередъ, вы обратитесь въ прежнихъ рабынь, а мы еще больше огрубѣемъ. Поэтому я хочу имѣть жену, которая не думала-бы о борьбѣ и шумѣ свѣта, у которой я могъ бы искать успокоенія... Вотъ теперь ты знаешь все, Эрна!

Она кивнула головой. — Благодарю. Ты говорилъ искренно.

Но ты самъ видишь: я не могу

учиться, сдѣлавшись твоей женой! Я не могу быть твоей женой, потому что ты меня не уважаешь—разсудкомъ, по крайней мѣрѣ, если не сердцемъ. Твоя любовь ко мнѣ, Джонъ Генри, лишь доброжелательный эгоизмъ. Я должна украшать свой умъ и тѣло, чтобы понравиться своему повелителю, когда онъ вечеромъ придетъ послѣ работы. Видишь ли, противъ этого возмущался мой собственный здоровый и справедливый эгоизмъ. Для этого я представляю слишкомъ много! Больше, чѣмъ ты предполагаешь! Я требую, чтобы человѣкъ, которому я отдаю все, зналъ меня! А ты меня не знаешь!

Его лицо омрачилось. Теперь, когда съ него исчезло напряженіе и живые глаза его полузакрылись, онъ казался постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

— А ты развѣ знаешь меня?—спросилъ онъ.— Нѣтъ, потому что для этого нужно знать жизнь, а жизнь не то, что представляютъ себѣ молодыя дѣвушки изъ хорошихъ семействъ. Я явился въ жизни побѣдителемъ, но за каждую побѣду нужно было платить. За каждую нужно было отдать частицу самого себя, своей молодости, надеждъ, здоровья, друзей; все идетъ къ чорту, и человѣкъ становится все болѣе и болѣе одинокимъ, какъ будто восходитъ на высокую гору, гдѣ нѣтъ ни души, но онъ продолжаетъ подниматься подъ конецъ просто по привычкѣ. И изъ-за чего, спрашивается? Скучно заботиться все только о себѣ. Хочется имѣть около себя что-то доброе, прекрасное, заботиться о немъ и лелѣять... Но надо, чтобы это было добровольно... Принуждать я не хочу...

Она быстро взглянула на него...

— Къ тому, чтобы сдѣлать меня своей женой?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Это было бы тебѣ трудно сдѣлать!

— Кто знаетъ?—медленно сказалъ онъ.—Но это обидѣло бы тебя. А я слишкомъ люблю тебя для этого. Не бойся же! Пойдемъ, сядемъ тамъ на скамейкѣ и посмотримъ на гуляющихъ. Это тихое и умиротворяющее удовольствіе для грустно настроенныхъ людей, какъ мы съ тобой сегодня.

Эрна чувствовала себя неспокойно, идя рядомъ съ нимъ.—Это что то новое: такой человѣкъ, какъ ты говоритъ какими-то загадками! Что это значитъ—ты могъ бы меня принудить?

— Ничего не значитъ! Я пошутилъ!

— Такъ не шутятъ!

— Нѣтъ, я жалѣю, что сказалъ это.

Ея недовѣріе еще усилилось. Она задумалась.

— Нѣтъ! — сказала она черезъ нѣкоторое время, поднявъ голову и съ облегченіемъ вздохнувъ.

— Я обдумала все еще разъ. Принудить меня—нѣтъ средства. Скажи: я независима...

— Вполнѣ!

— Здорова...

— Слава Богу!

— Довольно умна...

— Да!.. довольно—таки...

— И къ тому же богата...

— Да...—сказалъ онъ усмѣхаясь и играя ея краснымъ маленькимъ зонтикомъ. — Ты очень богата, Эрна...

— Вотъ видишь... Эрна спокойно посмотрѣла на него.—Какъ же ты можешь утверждать, что могъ бы обойтись со мной, какъ съ одалиской, которую силой запираютъ въ гаремъ? Смѣшно! Что ты хотѣлъ сказать?

— Онъ засмѣялся. — Ничего. Я хотѣлъ только сказать, что женщина *должна*...

— Теперь женщина ничего не должна! Она имѣетъ свою волю!

Онъ ничего на это не возразилъ.

— Женщина имѣетъ свою волю! торжествующе повторила она по-

слѣ небольшой паузы... Понимаешь ты это, Джонъ Генри?

— Прекрасно! — Онъ отклонился назадъ. - Женщина хочетъ! Или вѣрнѣе — не хочетъ! Оставимъ этотъ вопросъ.На время, по крайней мѣрѣ!

Они замолкли и стали смотрѣть передъ собою. Вокругъ нихъ была веселая суета воскреснаго дня: переполненные народомъ челны, быстрыя весельныя лодки на рѣкѣ, свѣтлыя платья и зонтики на склонѣ горы, экипажи и пѣшеходы на шоссе, горожане съ женами, дѣтьми и собаками, студенты съ огромными догами, англичане, множество велосипедистовъ, вдали, съ флагами и музыкой, возвращающійся съ прогулки какой-то ферейнъ, звуки скрипокъ и трубъ въ танцовальныхъ залахъ, женскіе голоса въ лѣсу, съ рѣки—хоръ студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ, которые плыли въ лодкѣ, за ними, какъ кегельные шары, выскакивающіе изъ воды, головы ныряющихъ бульдоговъ... и надо всѣмъ этимъ голубое небо, распускающійся лѣсъ и развалины замка, ожившія, казалось, подъ лучами заходящаго солнца и сверкающія собственнымъ красноватымъ свѣтомъ.

Джонъ Генри съ трудомъ подавилъ зѣвоту.

— Скучно у насъ въ Германіи! Думаю, что никогда не привыкну къ ней. Когда подышешь чистымъ воздухомъ... побываешь въ чужихъ странахъ, среди другихъ людей... Если я теперь закрою глаза, то мнѣ представляется, что я въ Шанхаѣ и что вокругъ меня кишатъ и жужжатъ желтые китайцы. Они носятъ такіе же длинныя косы и сами такіе же филистеры, какъ вы, женщины. Они съ презрѣніемъ смотрятъ на все, что не знаютъ — точь въ точь какъ молодая дама, что сидитъ теперь рядомъ со мною.—Мнѣ не по себѣ въ этихъ горахъ. Я люблю открытый горизонтъ, воду, вѣтеръ, пароходъ или курьерскій поѣздъ. А вы плачете отъ умиленія, когда видите въ музеѣ старинную желтую почтовую карету, и вспоминаете о покойной прабабушкѣ, ѣздившей въ такой каретѣ и вздыхаете: Да, были времена...

— А мнѣ здѣсь очень нравится! —упрямо сказала Эрна.

-- Мнѣ—нѣтъ! Кажется, что раскрылъ N. Fliegende Blätter: разсѣянные ученые, пьяные студенты, любители воскресной охоты, умные пудели, филистеры за пивомъ, бранящіеся супруги, дѣти,—вѣдь все это настоящія видѣнія прошлаго! Все это *было* когда-то! Теперь же нигдѣ не существуетъ. Сядьте на поѣздъ и поѣзжайте въ ближайшій портъ или на нижній Рейнъ, гдѣ наша родина, Эрна, и посмотрите, какъ по ночамъ все небо горитъ тамъ отъ искръ фабричныхъ печей, какъ днемъ дымится тамъ цѣлый лѣсъ трубъ... Завтра вечеромъ я уѣзжаю, Эрна...

-- Куда же?

— Сдѣлаю маленькое круговое путешествіе!—спокойно сказалъ ванъ-Леннепъ.—Ты знаешь, два года тому назадъ мы организовали большой трестъ; я—одинъ изъ директоровъ. И все, что не присоединяется къ намъ, мы потихоньку устраняемъ. Съ такими дружескими намѣреніями ѣду я теперь къ послѣднимъ тремъ фабрикантамъ, которые оказываютъ еще сопротивленіе нашему союзу. Повиноваться или гибнуть — иного выбора имъ нѣтъ. Теперь они у насъ въ карманѣ. Но повѣрь, этимъ, конечно, не заслужишь у людей любви!

— Съ такими же намѣреніями ты въ свое время и къ папѣ пріѣхалъ?

— Да,—отвѣтилъ Джонъ Генри быстро и какъ-то разсѣянно.—Но твой отецъ былъ разсудительный старикъ. Съ нимъ не было никакихъ затрудненій.

— Но вы спорили цѣлыми недѣлями, иногда по цѣлымъ ночамъ, и каждый разъ, когда ты уходилъ, папа становился такимъ утомленнымъ и блѣднымъ! Я хорошо помню это!

— Можетъ быть! — легко согласился онъ. — Твой папа былъ немножко упрямъ. Человѣкъ стараго закала. Въ концѣ концовъ онъ увидѣлъ, что я правъ. Я всегда правъ. Это одна изъ моихъ комическихъ особенностей. Однако, я долженъ тебѣ зонтикъ. Сломалъ, играя имъ!

Эрна, покачивая головой, взяла у него изъ рукъ хорошенькую вещицу.

— Какъ ты это сдѣлалъ?

— Это мое домашнее средство отъ нервности. Чтобы успокоиться, всегда ломаю что-нибудь по тихоньку!

Эрна подозрительно посмотрѣла на него.

— Ты сегодня такой странный! У меня не выходятъ изъ головы твои слова, что у тебя есть средство принудить меня...

— Стать моей женой? — Онъ всталъ. — Ты будешь, моей женой, Эрна! Это такъ же вѣрно, какъ то, что сейчасъ заходитъ солнце. Но это сдѣлается безъ всякаго принужденія. Надѣюсь такъ, по крайней мѣрѣ. Все зависитъ отъ тебя. А теперь вернемся въ городъ. Темнѣетъ.

Солнце зашло. Но каменная громада замка на горѣ стояла вся въ розовомъ сіяніи, какъ будто за долгій весеній день мертвыя каменныя плиты вобрали въ себя весь свѣтъ и темноту и теперь испускали ихъ обратно изъ своихъ покрытыхъ плющемъ поръ на долину и рѣку, какъ таинственный, печальный вечерній свѣтъ. Въ городѣ, стройныя колокольни котораго возносились надъ шумной рейнской долиной, звонили вечерніе колокола, а съ Неккара, съ невидимыхъ уже лодокъ, все еще доносились женскіе голоса и мужской хоръ.

— Ужасно!—раздраженно сказалъ ванъ Леннепъ.—Я сосчиталъ: въ теченіе часа, что мы ходили и сидѣли здѣсь, они семь разъ спросили, кто собственно насадилъ тутъ—прекрасный лѣсъ на высотѣ, — хотя проще всего было бы обратиться въ лѣсничество, и больше двѣнадцати разъ пропѣли — О Гейдельбергъ нашъ славный! Я совсѣмъ запуганъ и опечаленъ такой сантиментальностью. Здѣсь чувствуешь, что становишься опять добрымъ кроткимъ Михелемъ, которому за границей всякій смѣется въ лицо. Не въ моемъ это вкусѣ...

Эрна покачала головой.

— Бѣдный ты человѣкъ, мой милый ДжонъГенри, несмотря на свою ловкость и извѣстность въ торговомъ мірѣ. Вотъ, напр., здѣсь все вокругъ насъ благоухаетъ и бѣлѣетъ отъ цвѣтущихъ деревьевъ; мѣсяцъ выходитъ изъ-за горъ и льетъ свое сіянье, и все кажется сказочнымъ, а на рѣкѣ золотыя и серебряныя искры, когда онъ смотрится въ волнахъ; замокъ вдругъ потерялъ свою веселую темную окраску и призрачно возвышается тамъ въ голубоватомъ полусвѣтѣ; молчаливъ онъ, торжествененъ и печаленъ, такъ что сердце замираетъ... а ты этого ничего не видишь! Да, еслибъ это касалось биржевого курса!

— Да! — просто сказалъ Джонъ Генри. — Я оселъ! Меня всегда и принимаютъ за него!

Эрна тихонько улыбнулась.

— Знаешь ли... можно вѣдь быть умнымъ до глупости. Я, конечно, существо низшаго порядка и съ тобой равняться не могу, но я теперь наслаждаюсь жизнью... всѣми силами души. Боже мой, какъ хорошъ былъ сегодняшній день!.. Весенній воздухъ... горы и рѣка... вокругъ добрые, веселые люди — не такіе насмѣшливые, разочарованные путешественники, какъ ты, а люди, которые еще могутъ просто и сердечно радоваться чему нибудь; и радуешься вмѣстѣ съ ними... однимъ словомъ... да, это что-то таинственное... чувствуешь себя молодой, здоровой, красивой и знаешь, что весь міръ передъ тобой. Мнѣ хотѣлось бы раскрыть объятія и громко ликовать, еслибъ это не было непри-

лично для студентки. Я была такъ счастлива! Какъ птица, радующаяся, что выпорхнула изъ клѣтки! И, знаешь ли, она не дастъ поймать себя опять...

Ея спутникъ съ мрачнымъ лицомъ поискалъ у себя въ карманѣ карандашъ, сломалъ его, какъ будто нечаянно, между пальцами и бросилъ въ рѣку. Выраженіе лица оставалось однако неизмѣннымъ. Эрна уже знала теперь, что это значитъ.

— Отчего ты такъ возбужденъ? Можно же обо всемъ говорить спокойно!

— Многаго я не могу сказать тебѣ. Поэтому я такъ возбужденъ.

Опять тѣнь безпокойства проскользнула по лицу Эрны.

— Ты не скажешь мнѣ этого?

— Нѣтъ.

— Никогда?

— Не знаю!

— Кто же можетъ заставить тебя?

— Одна ты, Эрна!

Она испугалась.

— Но какъ же?

— Я постараюсь этого не выдать тебѣ!—сухо сказалъ онъ. Онъ опять былъ совершенно спокоенъ.—Наслаждайся жизнью по-своему! Кружись, какъ комарикъ на солнцѣ! Твой возрастъ имѣетъ право на счастье! А я съ помощью Божей буду ждать.

Она посмотрѣла на него съ веселымъ и почти нѣжнымъ выраженіемъ.

— Ахъ ты, бѣдный мой старикъ! Старикъ въ тридцать пять лѣтъ! Слушай, Джонъ Генри... будемъ друзьями... будь моимъ другомъ вмѣсто того, чтобы ждать меня и мучить себя и меня. Я не хочу быть тѣмъ, что ты себѣ воображаешь о мнѣ и чего отъ меня ждешь: холодной, корректной дамой, ведущей домъ на англійскій ладъ или ласковой кошечкой въ тѣ часы, когда ты усталый возвращаешься изъ конторы,—большимъ ребенкомъ, котораго можно осчастливить новой шляпкой или поѣздкой на воды. Нѣтъ, Джонъ Генри... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какого не производилъ ни одинъ мужчина. И я съ тобой такъ откровенна, какъ ни съ однимъ изъ мужчинъ. Но мое ultima ratio гласитъ: Нѣтъ! Я должна учиться!

Онъ остановился, и глаза его засверкали отъ подавленнаго гнѣва.

— Учиться! Хотѣлось бы мнѣ знать, кто внушаетъ вамъ, женщинамъ, подобныя глупости. Сами вы не могли бы додуматься до этого! А тѣхъ господъ слѣдовало бы хорошенько высѣчь. Мнѣ бы хотѣлось встрѣтить здѣсь когда-нибудь въ полночь такого защитника женскихъ правъ и спросить у него, для чего онъ отнялъ невѣсту у такого человѣка, какъ я, и зачѣмъ хочетъ сдѣлать ее синимъ чулкомъ. И еслибъ онъ не могъ дать мнѣ разумнаго отвѣта...

— Тебѣ не представится случая поколотить такого злодѣя,—равнодушно сказала Эрна,—потому что онъ не существуетъ. Все идетъ отъ насъ самихъ! Это просто знаменіе времени! Какъ тысячу лѣтъ тому назадъ древніе германцы проснулись вдругъ отъ своей спячки, протерли себѣ глаза и отправились въ Италію, такъ и теперь возникло среди насъ великое движеніе, и мы стремимся къ завоеванію себѣ царства! И я со всѣми! Я чувствую въ себѣ призваніе быть представительницей, бороться въ первыхъ рядахъ, первой взобраться на стѣну—уже по одному тому, что у меня есть преимущества передъ другими — богатство и полная независимость!

Спутникъ Эрны медленно вынулъ изъ кармана короткую англійскую трубочку, тщательно набилъ и зажегъ ее, дѣлая все такъ, какъ будто хотѣлъ выиграть время для рѣшенія, которое созрѣвало въ немъ.

— Итакъ... ты остаешься здѣсь и будешь учиться... Это твое послѣднее слово? — спросилъ онъ сквозь зубы.

— Мое послѣднее слово! Клянусь тебѣ. Такъ же вѣрно, какъ то, что

здѣсь течетъ Неккаръ, тамъ стоитъ мѣсяцъ и мы идемъ тутъ — я проучусь здѣсь шесть семестровъ и сдамъ докторскій экзаменъ на философскомъ факультетѣ. Да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь!

Ванъ Леннепъ пришелъ, казалось, къ какому-то рѣшенію. Какъ будто тяжесть свалилась съ него, какъ будто онъ побѣдилъ какое-то тяжелое искушеніе!

Онъ выпустилъ клубъ дыма на воздухъ и разсѣянно смотрѣлъ на него.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ! Пойдемъ! Завтра я уѣзжаю. Значитъ, мы больше не увидимся!

Эрна слегка вздохнула и опустила глаза. Она чувствовала себя неправой по отношенію къ нему, какъ это ни было глупо. Или нѣтъ! Ей скорѣе было жаль его! Вѣдь она любила его искренно, отъ всего сердца! Иначе онъ не огорчалъ бы ее такъ своимъ ироническимъ отношеніемъ ко всему, что было въ ней лучшаго и самаго возвышеннаго.

Кромѣ того... въ ней, не смотря ни на что, было польщено чувство женщины, сознаніе побѣды надъ мужчиной, который не могъ жить безъ нея,— повидимому, такой слабой и незначительной дѣвушки, и теперь въ смущеніи шелъ рядомъ съ нею.

Ей было дѣйствительно жаль его, но жалость эта выразилась въ упрямствѣ.

— Кромѣ философіи, — начала она,—я еще буду изучать химію. Ради фабрики. Я хочу сама управлять ею!

Онъ не возразилъ ничего.

— И тогда,—продолжала она,— вашъ убійственный союзъ не такъ легко побѣдитъ меня, какъ тѣхъ бѣдныхъ трехъ фабрикантовъ, къ которымъ ты явишься завтра съ шелковымъ шнуромъ. Я буду защищаться. Берегитесь только!

Джонъ Генри бросилъ долгій взглядъ на небо.

— Эрна... говори о чемъ угодно, только не о своей фабрикѣ!

— Почему? Я совершеннолѣтняя!

— Это безуміе — признавать совершеннолѣтними дѣвчонокъ!

Послѣднее выраженіе возмутило ее.

— Если *такъ*,—рѣзко сказала она, хорошо— поговоримъ объ этомъ серьезно. Я *должна* сдѣлать это прежде, чѣмъ ты уѣдешь. Я прошу тебя выяснить мнѣ, какъ велико все—все мое состояніе, чтобы могла располагать имъ.

— Зачѣмъ тебѣ это? Скажи сколько нужно, и я буду высылать тебѣ, какъ и прежде!

— Но этого мнѣ недостаточно! Я хочу имѣть дѣло не только съ тѣмъ, кто мнѣ передаетъ деньги, но съ самыми деньгами! Я хочу сама распоряжаться ими!

— Далась тебѣ эта фабрика!— сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ, какъ бы желая прекратить разговоръ.

Но Эрна заупрямилась.— Должна же быть прибыль! Я вѣдь очень богата! Эту прибыль я не хочу предоставлять вашему тресту!

— Ахъ, ничего ты не понимаешь въ этомъ, Эрна! Я прошу тебя самымъ серьезнымъ образомъ— оставимъ эту тему!

— И не подумаю. Ты въ своемъ высокомѣріи назвалъ меня дѣвчонкой. Хорошо же! Я буду вести себя, какъ дѣвчонка. Какъ студенткѣ, мнѣ очень мало денегъ. Какъ серьезная женщина, я не нуждаюсь въ безцѣльныхъ расходахъ на украшенія, туалеты, путешествія, экипажи, прислугу. Остатокъ я обязана отдать своимъ сестрамъ—трудящимся женщинамъ.

Я раздѣлю деньги на двѣ части. Одну получатъ работницы низшаго класса, думающія только объ утоленіи физическаго голода. Этимъ я облегчу участь женщинъ на моей фабрикѣ... можно учредить кассу... давать приданое... или устроить такъ, чтобы больныя могли прово-

дить нѣсколько недѣль на чистомъ воздухѣ для поправленія здоровья. Я сама буду наблюдать за этой кассой. Вѣдь это позоръ! Я здѣсь цѣлый день наслаждаюсь чуднымъ Божьимъ міромъ, а тамъ, на Рейнѣ, на закоптѣломъ дворѣ виднѣются длинные, длинные ряды блѣдныхъ лицъ, склоненныхъ надъ работой... онѣ работаютъ для меня... Другую половину денегъ я отдамъ женщинамъ, которыя страдаютъ отъ духовнаго голода—студенткамъ. Я честно подѣлюсь съ своими подругами, но такъ, чтобы и мнѣ осталось съ Метой Виггерсъ, маленькой дантисткой, и нѣкоторыми другими. У бѣдняжекъ едва хватаетъ на хлѣбъ, а онѣ такія славныя, мужественныя дѣвушки. Другія тоже. Не надо, чтобы онѣ знали, отъ кого это. Получатъ по почтѣ — и конецъ. Онѣ будутъ довольны,—и мнѣ тогда будетъ хорошо!

Эрна говорила съ увлеченіемъ. Глаза у нея заблестѣли, щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ. Никогда Джонъ Генри не видѣлъ ея такой хорошенькой, какъ въ эту минуту, когда нѣжныя черты ея лица были воодушевлены серьезнымъ желаніемъ добра и жаждой борьбы.

— Теперь я не могу дать тебѣ никакихъ объясненій!—сухо сказалъ ванъ Леннепъ послѣ минутнаго молчанія.—У меня нѣтъ съ собою книгъ!

— Но у тебя такая феноменальная память! Да вѣдь мнѣ и не нуженъ отчетъ до послѣдняго пфеннига, а только въ общихъ чертахъ!

Онъ молча боролся съ собою. —Да у меня и охоты никакой нѣтъ говорить съ тобою объ этомъ!—объяснилъ, наконецъ, онъ.

— Но ты долженъ! Я имѣю право требовать отъ тебя этого!

— Эрна! Голосъ его прозвучалъ отрывисто.—Не требуй этого. Предупреждаю тебя. Теперь не время!

— Когда же будетъ время?

— Когда ты будешь моей женой!

Она гнѣвно разсмѣялась, поблѣднѣвши отъ безотчетнаго страха. —Все одно и тоже! Какое отношеніе имѣетъ моя фабрика къ твоей женитьбѣ?

Онъ молча пожалъ плечами, покуривая трубочку, которую держалъ въ плотно стиснутыхъ зубахъ. Сердце Эрны билось. Въ ней было лишь одно томительное чувство—чувство боязливаго ожиданія. Она сознавала, что происходитъ что-то неизвѣстное ей, но касающееся ея, и изо всѣхъ силъ старалась подавить свою нервность и не дать ей прорваться наружу.

— Не мучь меня дальше!—отрывисто сказала она.

— Въ чемъ дѣло?

Онъ посмотрѣлъ на нее своимъ безпокойно-бѣгающимъ взглядомъ. Губы его сложились въ едва замѣтную насмѣшливую улыбку.

— Ты сомнѣваешься, хорошо ли я управляю твоимъ имуществомъ?

— Если ты не желаешь дать мнѣ отчета, то я невольно должна думать такъ!

Едва Эрна произнесла эти слова, какъ уже раскаялась въ нихъ. Она хотѣла сказать совсѣмъ не то и сама не знала, какъ вырвались у нея такія слова. Она невольно схватила Джона Генри за руку, чтобы смягчить взрывъ его негодованія. Но, къ ужасу ея, онъ остался совершенно спокойнымъ. Это былъ не добрый знакъ—признакъ безпощадной борьбы, дѣловой холодности! Нервы, сердечныя волненія и прочія мелочи долой и въ битву!

Теперь она такъ же уязвила его, какъ онъ ее, назвавши „дѣвчонкой“.

Никто не смѣлъ задѣвать его гордости купца—джентльмена.

По своему обыкновенію онъ началъ нападеніе не съ предполагаемой стороны.

— Итакъ, я завтра уѣзжаю!—небрежно сказалъ онъ.—Посѣщу трехъ фабрикантовъ, которыхъ тебѣ такъ жаль. Когда-то посѣтилъ я такъ твоего отца. Первое при такихъ посѣщеніяхъ:—Книги на столъ!

Жизнеспособны вы или нѣтъ?— Большей честью оказывается—нѣтъ! Невѣроятно много капиталистовъ, которыхъ только считаютъ такими! Они не могутъ жить, не могутъ умереть. Желанія тянутъ ихъ къ верху, долги—книзу. И это ныряніе надъ главной книгой, въ четырехъ стѣнахъ конторы, ужасно! Книгу никто не долженъ видѣть—вѣдь по внѣшнему виду все обстоитъ благополучно, блестяще, великолѣпно. Но характеры бываютъ различные: одинъ покоряется судьбѣ, другой честно борется съ нею, но есть еще третій видъ—возвышенные, по своему даже геніальные фантазёры, поэты среди купцовъ, какъ я назвалъ ихъ, когда мы говорили съ тобой о твоемъ отцѣ: они стараются вернуть потерянное какой-нибудь смѣлой игрой. Они закрываютъ глаза на дѣйствительность, чтобы не видѣть надвигающейся погибели, надѣются на счастливую случайность, а когда она не помогаетъ, когда все грозитъ разрушеніемъ, они берутся за револьверъ, который лежитъ у нихъ рядомъ съ главной торговой книгой.

Онъ замолчалъ на минуту. Съ поблѣднѣвшими лицами шли они по пустыннымъ улицамъ, сами не зная —куда.

— Съ такимъ человѣкомъ познакомился я на Рейнѣ,—снова заговорилъ ванъ Леннепъ.— Помочь ему уже нельзя было — по воззрѣніямъ нашего треста. Я долженъ былъ бы по своей обязанности преподнести ему, какъ ты это называешь, шелковый шнурокъ. Но я помогъ ему —какъ частное лицо. На собственныя средства я возстановилъ его фабрику. Повидимому, не измѣнилось ничего. Передъ глазами свѣта онъ оставался владѣльцемъ фабрики. Это было по моему желанію. Почему—я скажу тебѣ сейчасъ. Дѣло пошло опять и все казалось отлично. Одно только было нехорошо: твой отецъ не могъ перенести этого удара. Онъ потерялъ силы и умеръ, когда я былъ въ Китаѣ... умеръ и погребенъ съ честью. Я спасъ его отъ банкротства и... отъ кое-чего худшаго. Разумѣется, все это я сдѣлалъ ради тебя,—продолжалъ онъ. Тогда я былъ сильно влюбленъ въ тебя и отчаянно боролся за тебя и уже по нѣкоторымъ признакамъ замѣчалъ, что сдѣлалъ нѣкоторый успѣхъ, что побѣда, такъ сказать, уже носится въ воздухѣ. Ты еще упорно защищалась со всей энергіей, которую дала тебѣ природа, но упорство твое съ каждымъ днемъ ослабѣвало; шагъ за шагомъ я отвоевывалъ почву, и полная побѣда была вопросомъ нѣскольких недѣль. Тогда, во время моего увлеченія тобой, я узналъ, въ какомъ положеніи дѣла твоего отца. Онъ долго не хотѣлъ открыть мнѣ всю правду. Но разъ ночью онъ сказалъ рѣшительно: „я банкротъ"! и я отправился домой въ тяжеломъ раздумьи.

Еслибъ ты стала моей женой, то я могъ бы помочь своему будущему тестю. Это было ясно. Этого требовала моя честь. Имѣть ближайшимъ родственникомъ банкрота—этого я не потерпѣлъ бы! Вопросъ былъ въ томъ:— нужно ли тебѣ знать объ этомъ? Соблазнъ былъ великъ! Ты уже и безъ того благосклонно смотрѣла на меня. Теперь я явился бы тебѣ въ ореолѣ спасителя отъ бѣдности и всякаго другого несчастья—отецъ твой готовился сдѣлать послѣдній отчаянный шагъ. Я прочту тебѣ его письма того времени. Благодарность и чувство долга у такого человѣка, какъ ты, докончили бы мою побѣду. Да, я просто могъ бы сказать твоему отцу: — я открываю вамъ кредитъ и за это беру у васъ дочь! Такъ и могло случиться!

Но я не сказалъ этого. Ты думаешь, чтобы пощадить тебя? Отчасти поэтому! Я любилъ тебя и не хотѣлъ причинить тебѣ горя! Но я не принадлежу къ числу готовыхъ на самопожертвованіе романтиковъ.

Нѣтъ! Прежде всего я подумалъ о себѣ. У меня боевая натура. Я похищаю то, что мнѣ нужно. *Ты* была нужна мнѣ, и я хотѣлъ завоевать тебя, но не такими жалкими средствами, какъ благодарность и чувство долга, хотѣлъ я купить тебя въ послѣднюю минуту, когда побѣда и безъ того была уже близка. Это не согласовалось бы съ чувствомъ собственнаго достоинства. Ты не должна была быть мнѣ обязанной, ты должна была покориться мнѣ добровольно: я все сдѣлалъ, чтобы не допустить тебя до униженія и—промолчалъ. Молчалъ, пока ты не рѣшилась на эту безумную выходку—бѣгство въ Гейдельбергъ! И твой отказъ отъ меня! И еще высокомѣрную насмѣшку надо мной!

Ну, я человѣкъ не чувствительный. Но я джентльменъ, надѣюсь, Первой моей мыслью было:—Стой! Ты принадлежишь мнѣ! Такъ нельзя!—Потомъ я сказалъ самому себѣ: она ничего не знаетъ, какъ человѣкъ, котораго это совсѣмъ не касается, и не знаетъ, что дѣлаетъ. И я рѣшилъ молчать и попытаться снова покорить тебя, а если не удастся—молча удалиться и ждать болѣе благопріятнаго времени.

Но ты заставила меня сказать тебѣ все: для меня невыносимо, когда сомнѣваются въ моей честности!

Ты хотѣла правды! Ты знаешь ее теперь!

Сами того не замѣчая, они подошли къ квартирѣ Эрны и остановились. Ванъ Леннепъ постукивалъ тростью по мостовой и не поднималъ глазъ.

— Ты жалѣла работницъ на фабрикѣ, потому что онѣ бѣдны! Теперь, милая Эрна, ты такъ же бѣдна, какъ и онѣ. Кромѣ сундука съ твоими вещами, немногихъ украшеній и денегъ, что ты взяла съ собой, у тебя ничего нѣтъ на свѣтѣ; ты еще должна мнѣ—я говорю не о рентѣ, которую я аккуратно выплачивалъ тебѣ каждый мѣсяцъ, какъ доходъ съ фабрики,— я говорю о чести и добромъ имени твоего отца! Ты беззащитна и одинока. Единственный другъ твой — это я. Безъ меня ты пропадешь. А теперь будь мужественна и обдумай все хорошенько. Завтра мы поговоримъ объ этомъ еще.

— Спокойной ночи, Эрна!

VIII.

Отто Гельмутъ съ двумя студентами, свидѣтелями его столкновенія съ люксембуржцемъ, сидѣлъ въ комнаткѣ, бывшей пріютомъ студентовъ съ незапамятныхъ временъ и видавшей не одно поколѣніе студентовъ съ цвѣтными значками. Отто ждалъ уполномоченнаго корпораціи. Этотъ суровый человѣкъ, на груди котораго мирно красовались одна возлѣ другой пестрыя ленты трехъ корпорацій, принадлежавшихъ къ тремъ университетамъ, былъ его идеаломъ. Онъ импонировалъ Отто Гельмуту больше, чѣмъ кто-либо другой на свѣтѣ, больше даже, чѣмъ его отецъ. Съ почтеніемъ, къ которому примѣшивался нѣкоторый страхъ, смотрѣлъ онъ на изрытое шрамами, угрюмое лицо стараго бойца, который управлялъ судьбою „херусковъ“ подобно какому-нибудь мрачному вождю индѣйцевъ изъ дѣтскихъ разсказовъ объ Америкѣ.

За его именемъ красовался цѣлый рядъ простыхъ, двойныхъ и тройныхъ крестовъ, напоминавшихъ о его принадлежности къ различнымъ корпораціямъ въ качествѣ уполномоченнаго ихъ. Надъ ними стояли кружки, украшенные восклицательными знаками и загадочными письменами, которые переплетались подобно зарубцевавшимся слѣдамъ ранъ на его изсѣченномъ ударами клинковъ лицѣ; мѣстами шрамы такъ перепутывались, что, повидимому, уже не оставалось мѣста ни клинку противника, ни иглѣ врача. Часть

праваго уха отсутствовала, носъ тоже потерпѣлъ значительныя поврежденія, лѣвый уголъ рта, вслѣдствіе дурно залѣченной раны, поднимался кверху, такъ что казалось, будто онъ постоянно улыбается съ зловѣщимъ видомъ. И это были только послѣдствія самыхъ обыкновенныхъ мензуръ, которыхъ онъ насчитывалъ двадцать двѣ. Но Отто Гельмутъ, его лейбъ-фуксъ, часто присутствовавшій при умываніи сердитаго послѣ попойки бойца, видѣлъ, какъ не только подъ коротко остриженными волосами виднѣлись длинныя параллельныя полосы—слѣды обыкновенныхъ терцій и примъ, но и вся его могучая грудь была покрыта багровыми, толстыми, какъ веревка, рубцами, а на мускулистой правой рукѣ оставила рѣзкія, глубокія борозды сабля. Такихъ мензуръ насчитывалъ онъ цѣлую дюжину.

О нихъ свидѣтельствовали щель въ черепѣ и нѣсколько расширенный отъ удара зрачекъ лѣваго глаза. Кромѣ того, этотъ воинственный господинъ не разъ въ утренней тиши имѣлъ случай участвовать въ мензурахъ на пистолетахъ и однажды—къ удивленію и ужасу фуксовъ—убилъ противника выстрѣломъ въ лобъ. Самъ онъ никогда объ этомъ не говорилъ, но воспоминаніе объ этомъ происшествіи, случившемся въ другомъ университетѣ, жило среди студентовъ, благодаря разсказамъ очевидцевъ. Фуксы знали всѣ подробности—какъ, напр., противникъ во время выстрѣла поднялъ руки вверхъ и, повернувшись, безъ звука упалъ лицомъ на траву. Тогда теперешній уполномоченный корпораціи былъ сосланъ въ крѣпость, но черезъ годъ освобожденъ. О своемъ веселомъ житьѣ въ крѣпости онъ разсказывалъ охотно, какъ другіе разсказывали о веселыхъ лѣтнихъ поѣздкахъ на берега Балтійскаго моря. Жизнь тамъ была для него идилліей, зеленымъ оазисомъ среди безпокойныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей главы корпорацій, который не только поддерживалъ желѣзною рукой дисциплину въ „Херускіи", но имѣлъ большое вліяніе въ Конвентѣ всѣхъ корпорацій; къ его голосу прислушивались даже на годичномъ собраніи всѣхъ нѣмецкихъ корпорацій. Фуксамъ представлялся онъ какимъ-то древне-германскимъ богатыремъ, свидѣтелемъ ставшихъ почти легендарными дуэлей, споровъ, картелей, отмщенія за безчестье и т. п.; а также вымершихъ давно и распавшихся корпорацій.—Лѣтъ десять уже жилъ онъ такою жизнью.

Ему было уже подъ тридцать, и онъ серьезно подумывалъ удалиться на покой, т. е. изучить право и предложить свои услуги правительству. Но не легко было ему разстаться съ этимъ міромъ дуэлей и пирушекъ; въ немъ заключался для него весь свѣтъ, и кромѣ него онъ ничѣмъ не интересовался. Онъ въ сущности былъ человѣкъ добродушный, даже мягкосердечный, довольно неглупый и отзывчивый. Но когда вопросъ касался чести, онъ, какъ средневѣковой рыцарь въ желѣзную броню, облекался суровымъ и непоколебимымъ чувствомъ достоинства студенческой корпораціи.

Теперь онъ вошелъ въ комнату съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ: онъ только что вернулся отъ секундантовъ противника, съ которыми, велъ переговоры. Прежде всего онъ выслалъ товарищей Отто, которые почтительно встали при его приближеніи, потомъ обратился къ нему:

— Итакъ, все въ порядкѣ,—сказалъ онъ, пуская громадные клубы дыма, тономъ человѣка, которому удалось дѣло.—Все вѣдь ясно... оскорбленіе дѣйствіемъ... нѣтъ ничего, что не позволило бы Дидерихсу дать удовлетвореніе... Вы будете стрѣляться завтра утромъ...

Такая небывалая поспѣшность объяснялась просьбой самого Отто Гельмута. Столкновеніе съ люксембуржцемъ произошло на улицѣ, на глазахъ многихъ свидѣтелей. Утромъ о предстоящей дуэли говорилъ бы

весь городъ, хорошо знакомый съ обычаями студентовъ и правилами о дуэляхъ, о ней пронюхало бы университетское начальство, и родители тотчасъ же узнали бы о всемъ! А этого ему не хотѣлось. Отступать было нельзя, зачѣмъ же ненужныя сцены?

— Ради безопасности мы все это обдѣлаемъ въ Гессенѣ! — сказалъ уполномоченный.—У четырехъ замковъ. На дворѣ передняго изъ нихъ. Тамъ намъ никто не помѣшаетъ. Ты знаешь это мѣсто?

— Я еще сегодня былъ тамъ!— сказалъ студентъ, улыбаясь, и вспомнилъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ, на обломкѣ скалы, сидѣлъ его отецъ съ Эрной Бауэрнфейндъ, изъ-за которой произошла вся исторія.

— Отлично. Такъ завтра въ семь часовъ. Отсюда мы должны выѣхать въ пять. Чтобы это не бросилось въ глаза, экипажъ остановится на мосту. Дидерихсъ поѣдетъ по этому берегу. Разстояніе десять шаговъ. Сходиться и стрѣлять три раза. Жаль только, что ты не мастеръ стрѣлять. Но будь лишь смѣлѣе!

Ну, объ этомъ послѣ! Я буду ждать тебя. А теперь тебѣ нужно побыть одному. Потомъ ты проведешь вечеръ подъ моимъ наблюденіемъ. Полбутылки вина и четыре яйца всмятку тебѣ необходимы. Больше ничего. А утромъ выпьешь коньяку. Смотри, не подними на ноги весь домъ изъ-за кофе! Тогда всѣ сейчасъ замѣтятъ, въ чемъ дѣло!

— Что ты! Развѣ я ребенокъ!

— Почти!—сказалъ его суровый совѣтчикъ съ замѣтной дрожью въ голосѣ и крѣпко пожалъ ему руку. Итакъ, до свиданія! Не сиди слишкомъ долго. Длинныя письма не ведутъ ни къ чему. И въ большинствѣ случаевъ, послѣ счастливаго возвращенія домой, ихъ уничтожаютъ.

Онъ вышелъ. Отто Гельмутъ сѣлъ къ столу, приготовилъ бумагу и чернила и задумался. Его удивляло самого, что онъ такъ мало взволнованъ. Правда, сердце слегка билось, но не отъ страха. Это было скорѣе не особенно непріятное чувство напряженности и любопытства— что то будетъ утромъ! Какъ большинство молодыхъ людей, онъ слишкомъ мало зналъ жизнь и слишкомъ мало былъ привязанъ къ ней своей личностью, неопредѣленными планами и далекими цѣлями и заботами о другихъ, такъ что жизнь не имѣла для него особенной цѣны. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что, когда нужно, ее можно легко оставить. Теперь и явилась эта необходимость. Его тщеславіе было польщено всѣмъ случившимся. Вмѣсто того, чтобы подобно другимъ студентамъ участвовать въ простыхъ мензурахъ въ Гиршгассе, ставшихъ обычной исторіей, которая никому не импонировала, онъ выступалъ рыцаремъ оскорбленной въ его присутствіи дамы на борьбу съ своимъ противникомъ и врагомъ корпораціи. Меньше всего думалъ онъ объ Эрнѣ. Она для него была лишь внѣшнимъ предлогомъ. Онъ былъ еще слишкомъ юнъ душою, чтобы чувствовать интересъ къ свѣтской дамѣ, старшей его на нѣсколько лѣтъ, болѣе зрѣлой и стоявшей выше его. Онъ еще довольствовался поэзіей пирушекъ и дуэлей и болтовней съ какою-нибудь хорошенькой кельнершей. Но нужно было написать родителямъ, и передъ нимъ встала мысль: гдѣ буду я завтра въ это время? Онъ содрогнулся. Вѣдь онъ— единственный сынъ, и родителямъ было бы очень тяжело, еслибъ случилось несчастье. Но въ ушахъ его снова послышался суровый голосъ его покровителя:

„Покороче! Длинныя письма не ведутъ ни къ чему“! И эгоизмъ молодости, не привыкшей думать о другихъ, побѣдилъ. Онъ рѣшилъ написать письмо ночью.

Спать онъ будетъ не въ состояніи, и въ тиши и спокойствіи ночи ему придетъ въ голову то, что

нужно. Рано утромъ, уѣзжая, онъ отдастъ письмо слугѣ. И еще маленькую записочку, въ которой онъ завѣщалъ близкимъ лицамъ то немногое, что имѣлъ. Трость изъ слоновой кости съ выгравированнымъ гербомъ предназначалъ онъ, конечно, уполномоченному корпораціи, отъ котораго получилъ ее въ подарокъ, а булавку для галстуха—двумъ студентамъ, которые были особенно близки ему, другимъ—свои фотографическія карточки. Кольцо съ печатью, золотые часы и кошелекъ съ жалкимъ содержимымъ должны были отдать его родителямъ. Майору, который жилъ внизу подъ его комнатой и, какъ старый членъ корпораціи, дружески помогалъ ему словомъ и дѣломъ, а въ особенности деньгами, завѣщалъ онъ трубку.

Такъ покончилъ онъ со всѣмъ земнымъ, и въ тоже время дверь отворилась, и въ щель просунулась испещренная шрамами голова уполномоченнаго:

— Куда же ты дѣвался? — спросилъ онъ довольно рѣзко.—Пойдемъ! Я купилъ тебѣ хорошихъ сигаръ. Времени немного. Ровно въ десять ты долженъ быть въ постели. Ты, кажется, слишкомъ блѣденъ! Смотри, молодецъ, не раскисни!

Отто засмѣялся. Ему опять стало легко. Присутствіе старшаго товарища придало ему силы. Онъ взялъ его подъ руку и съ спокойнымъ видомъ сошелъ съ лѣстницы, какъ дѣлалъ это каждый вечеръ, когда они вмѣстѣ отправлялись куда-нибудь. Все, вѣроятно, окончится хорошо. Отто не могъ себѣ представить, чтобы его не было на свѣтѣ и чтобы были тѣ же дома, люди и солнце. Эта мысль показалась ему даже смѣшной.

Цѣлый вечеръ, до самой полночи, въ комнатѣ Отто царила мертвая тишина. Тѣмъ больше мѣшало майору, занимавшемуся при лампѣ, необычное хожденіе взадъ и впередъ надъ его головой. Оно выводило его изъ терпѣнія. Въ его время не принято было, чтобы молодой человѣкъ бѣгалъ, какъ тигръ въ клѣткѣ, отъ того только, что завтра въ Гиршгассе ему предстоитъ мензура. — Въ комнату кто-то вошелъ, но разсерженный майоръ замѣтилъ это лишь тогда, когда дверь снова тихо захлопнулась. Обернувшись онъ увидѣлъ высокую, худую фигуру юноши, съ всклокоченными волосами, небритымъ подбородкомъ, въ очкахъ, длиннополомъ сюртукѣ и слишкомъ короткихъ брюкахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись большіе деревенскіе сапоги. Нельзя сказать, чтобы это была идеальная фигура гейдельбергскаго студента, и майоръ, привыкшій къ аккуратности въ костюмѣ, неодобрительно поморщился при видѣ ея.

Извините,—смущенно заговорилъ вошедшій,—я, вѣроятно, слишкомъ тихо постучалъ. Господинъ майоръ, кажется, не слышалъ?

Майоръ всталъ.

— Ничего! Входите, господинъ Киндерфатеръ! Садитесь, пожалуйста!

Юноша сѣлъ.

— Какъ можно имѣть такую фамилію—Киндерфатеръ? И еще молодому теологу?—подумалъ майоръ, но вслухъ сказалъ добродушно.—Ну, какъ поживаете? Какъ идутъ занятія? Васъ-то можно спросить объ этомъ. Кромѣ меня вы одинъ изъ нашего дома знакомы съ внутренностью аудиторіи. Вы все еще хотите перемѣнить квартиру?

Длинный теологъ тихонько покачалъ головой и поправилъ очки, чтобы выбрать себѣ сигару изъ ящика.

— Я остаюсь здѣсь! Вѣдь я уже заплатилъ за семестръ впередъ!— онъ произнесъ эти слова торжественно и имѣлъ на то основаніе. Еще задолго до начала лекцій онъ рѣшилъ увеличить свои скудныя познанія въ теологіи въ веселомъ гейдельбергскомъ университетѣ — въ Тюбингенѣ ландшафтъ не подходилъ къ его созерцательному настроенію— и тотчасъ же по прибытіи обезпе-

чилъ за собою комнатку въ тихомъ и почтенномъ домѣ. Нѣкоторое время въ домѣ, дѣйствительно, было тихо. Но каково почувствовалъ онъ себя, когда черезъ двѣ недѣли всѣ комнаты наполнились возвратившимися послѣ каникулъ буршами и фуксами, принадлежавшими къ „Херускіи"! Въ окнахъ запестрѣли студенческія шапочки, на лѣстницѣ появились огромные доги, рычавшіе на него и хватавшіе его за пятки, когда онъ старался проскользнуть мимо; по ночамъ, нетвердыя на ногахъ фигуры отыскивали съ шумомъ дорогу въ свои комнаты и часто, ошибавшись этажемъ, стучали и бранились у его двери; появились жертвы мензуръ, съ головою, укутанною въ бѣлый тюрбанъ, покрытыя полосами марли съ сильнымъ запахомъ іодоформа; на глазахъ испуганнаго теолога ихъ поднимали по крутой лѣстницѣ, сзади шелъ врачъ и слуга— однимъ словомъ, онъ чувствовалъ себя въ положеніи мирнаго европейца, попавшаго въ вигвамъ краснокожихъ.

Прежде всего онъ твердо рѣшилъ, что какъ теолога, никому не удастся ни силой, ни его хитростью, заставить принять участіе въ дуэляхъ и подставить голову ударамъ чьего-нибудь клинка... Онъ думалъ, что этимъ обезпечилъ себѣ безопасность, хотя „херуски" и безъ того не думали затрагивать этого безобиднаго человѣка. Всѣ мало-по-малу привыкли къ высокому близорукому теологу, казавшемуся бѣлымъ ворономъ, залетѣвшимъ въ чужую шумную стаю; онъ платилъ квартирныя деньги впередъ, утромъ ходилъ на лекціи, а вечеромъ самъ приготовлялъ себѣ чай на спиртовой лампочкѣ.

Теперь сидѣлъ онъ на кончикѣ стула, курилъ сигару и тихонько вздыхалъ. Майору показалось, что онъ чѣмъ-то угнетенъ — можетъ быть, долгами, подумалъ онъ.

— Ну, что случилось?— спросилъ майоръ одобрительнымъ тономъ.

— Да... видите ли... — робко и взволнованно заговорилъ теологъ. —Мнѣ очень тяжело говорить... но я не *могу* молчать! Дѣло касается молодого барона фонъ Аррасъ. Вѣдь грѣшно же проливать кровь человѣческую! Этому надо помѣшать!

— Ну, въ Гиршгассе врядъ ли это удастся вамъ!—засмѣялся старикъ.

— Да... еслибъ только дѣло шло о Гиршгассе—хотя судъ признаетъ теперь и рапиру смертоноснымъ оружіемъ...

— Ну, тогда насъ всѣхъ давно уже не было-бы на свѣтѣ...—весело возразилъ сѣдой студентъ.—При всемъ уваженіи къ суду...

— Но дѣло идетъ о дуэли на пистолетахъ!

Юноша понизилъ голосъ до шопота, какъ бы испуганный самымъ словомъ „пистолетъ".

— Мы живемъ съ барономъ Аррасъ дверь противъ двери, и я по небходимости слышу каждое его слово, такъ что иногда прихожу въ отчаяніе, когда онъ учитъ своего пуделя, а я занимаюсь еврейскимъ языкомъ. И вотъ я слышалъ часть разговора. Говорили о разстояніи въ десять шаговъ... стрѣлять до трехъ разъ, сходясь... Теперь они уже не шутили...

Майоръ вскочилъ съ взволнованнымъ видомъ.

— Вотъ это такъ хорошо! На пистолетахъ! Но это безуміе. Вы ничего не слышали о времени и мѣстѣ?

— Нѣтъ. Они говорили очень тихо. И о причинѣ тоже ничего не говорили. Я подумалъ — и счелъ своей обязанностью разсказать все вамъ... еслибъ даже „Херуски" принудили меня оставить квартиру...

— Вы поступили хорошо! — Старикъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ.—Но что теперь дѣлать? Поговорить съ Отто? Но Богъ знаетъ, гдѣ онъ и когда вернется домой... обратиться къ уполномоченнымъ — они скажутъ, что имъ ничего не

извѣстно. Да я и не имѣю права вмѣшиваться. Это надо предоставить отцу! Завтра, какъ можно раньше, пойду къ профессору и скажу ему...

— А если они будутъ стрѣляться завтра?

— Это невѣроятно! Все произошло лишь сегодня. Иначе молодой человѣкъ не могъ бы быть цѣлый день такимъ веселымъ и оживленнымъ въ обществѣ!

Единственный человѣкъ, который можетъ вмѣшаться въ это дѣло — его отецъ! Его авторитета достаточно. Благодарю васъ, господинъ Киндерфатеръ!

* * *

На горѣ снѣжнобѣлый садъ вокругъ виллы Аррасъ исчезалъ въ вечернихъ сумеркахъ. Въ полуоткрытыя окна несся лишь слабый шорохъ его отъ легкаго ночного вѣтерка да сладкій запахъ цвѣтовъ.

Фрау фонъ Аррасъ, вернувшись съ прогулки, сидѣла у стола. Она читала корректуры вмѣсто мужа, который съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ ходилъ по комнатѣ, и губы его шевелились на гладко выбритомъ лицѣ. Около нея старшая дочь играла съ маленькимъ ребенкомъ, котораго она вынула изъ колыбели, потому что онъ началъ плакать. Она, подпрыгивая, носила по комнатѣ притихшаго малютку, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Если лицо г-жи фонъ Аррасъ было слишкомъ серьезно, то на лицѣ ея дочери не замѣтно было никакой мысли — видно было только материнское счастье, гордость и чувство наивнаго самодовольства: ребенокъ, мужъ— -чего больше желать на этомъ свѣтѣ?

Младшая дочь, Марго, сидѣла съ вышиваньемъ въ рукахъ. Она часто отрывалась отъ него и съ серьезнымъ, почти материнскимъ видомъ смотрѣла на ребенка. Кто могъ сказать, о чемъ она думала, если только думала о чемъ нибудь? Скорѣе въ ней была лишь смѣна неопредѣленныхъ ощущеній, почти безсознательныхъ надеждъ и мечтаній—мечтаній, наполняющихъ жизнь большинства дѣвушекъ и женщинъ.

Отецъ посмотрѣлъ на нихъ, и его поразило, какъ мало дочери походили на родителей— на него, какъ и на мать!

А какъ не похожи они съ женой другъ на друга!

Разница эта, повидимому, не бросалась въ глаза.

Могло ли быть что-нибудь благороднѣе этого духовнаго союза, въ которомъ жена была сотрудницей, помощницей мужа въ научныхъ трудахъ?

Въ умственномъ отношеніи она вполнѣ подходила къ нему. Но то, что онъ скрывалъ отъ свѣта—обширную безконечную область чувствъ — этого она не знала и не могла знать. У нея не было сочувствія тому неясному, таинственному и манящему, что кроется и звучитъ въ сокровенныхъ уголкахъ души и куда очень рѣдко забрасываетъ свои лучи разсудокъ, для котораго дважды два—всегда четыре.

Міръ богато одаренной души человѣческой слишкомъ обширенъ, чтобы съ средней высоты можно было разсмотрѣть все, что живетъ на его вершинахъ, что кроется въ его глубинахъ. Есть въ немъ такія области, гдѣ дважды два—пять. И области эти не самое худшее въ немъ. Тамъ свѣтитъ полный мѣсяцъ и благоухаютъ бѣлые цвѣты, тамъ цѣлый міръ маленькихъ гордыхъ демоновъ, которые насмѣхаются надъ всѣмъ, что есть на свѣтѣ скучнаго, безцвѣтнаго, яснаго, надъ педантической истиной и мудростью.

Что не существуетъ, но всегда было, что вѣчно мѣняетъ формы и краски, что близко, а убѣгаетъ, когда къ нему протянешь руку, что исчезаетъ, какъ сонъ въ лѣтнюю ночь, какъ отдаленное пѣніе, какъ вѣяніе вѣтерка съ блаженныхъ острововъ на морѣ —- вотъ въ чемъ истина—истина поэтовъ.

Поэтъ не можетъ быть мыслителемъ, но не въ одномъ великомъ мыслителѣ, не въ одномъ смѣломъ изслѣдователѣ и искателѣ истины скрывается поэтъ. Далеко впереди медлительнаго разсудка, навстрѣчу неизвѣстной цѣли, летитъ фантазія и указываетъ ему путь, какъ соколъ, побѣдоносно взмахивающій крыльями.

Бываютъ странные, торжественные часы свободнаго полета отъ всего надоѣвшаго, давно извѣстнаго, въ царство таинственнаго, туманнаго, въ царство предвидѣній и ужаса, гдѣ человѣкъ чувствуетъ свое единство съ безконечной Силой, которая проникаетъ все, но не открывается вполнѣ никому, обнаруживаясь въ жалкихъ обломкахъ, объединяющихъ людей подъ видомъ науки и разъединяющихъ ихъ подъ видомъ вѣрованій.

Философъ и поэтъ! Когда-то профессоръ показалъ женѣ свои юношескія стихотворенія. Кромѣ нея, онъ не показывалъ ихъ никому. Ея холодное одобреніе вызвало у него улыбку: ему казалось, что она разсѣкаетъ бабочку — разумѣется, не особенно рѣдкую и блестящую бабочку, но все же крылатое существо, которое вьется надъ мыслями, окруженное солнечнымъ сіяніемъ и которое среди весны напоминаетъ объ осени.

И вотъ пришла осень! Вотъ его внукъ. Въ зеркалѣ видитъ онъ свою почти совсѣмъ сѣдую голову. Тоскливая осень! Тоска не о томъ, чтобы быть понятымъ —вѣдь ни одинъ человѣкъ не можетъ вполнѣ понимать другого; человѣкъ не понимаетъ даже самого себя и въ теченіе всей жизни только мало-по-малу отыскиваетъ и познаетъ себя. Нѣтъ, это была тоска о томъ, чтобы не быть одному въ той области, которая выходитъ за границы разума, тоска о молодомъ товарищѣ, въ которомъ можно бы найти сочувствіе, который могъ бы смѣяться и радоваться лунному свѣту и цвѣтамъ, понимать поэзію и настроенія, а не сидѣть подобно самой Мудрости, въ раздумьи у рабочей лампы, ничего не находя въ самой наукѣ, ибо и науки-то нѣтъ...

Чувство одиночества все больше охватывало профессора, когда онъ ходилъ по комнатѣ, среди своихъ домашнихъ. Онъ посмотрѣлъ на дочерей:—Кто вы? И что вы знаете обо мнѣ?—подумалъ онъ.—Изъ книгъ узнали вы, что я знаменитъ; вы любите меня, не зная меня, и оставляете, ничего не теряя, слѣдуете за мужемъ и научаетесь забывать. И будутъ у меня внуки, можетъ быть даже правнуки—всѣ произойдутъ отъ меня и всѣ будутъ мнѣ чужды. Потомъ посмотрѣлъ онъ на жену. Она сидѣла, не поднимая глазъ, и съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ читала корректуры.

Онъ удивился, какой чуждой показалась ему спутница его жизни въ теченіе четверти вѣка. Она была его товарищемъ во внѣшней жизни, помощницей въ научныхъ трудахъ, но не другомъ его „я", даже не повѣренной его чувствъ. Болѣе похожая на мужчину, чѣмъ на женщину, она думала, но не чувствовала съ нимъ за одно. Она остановилась на томъ, съ чего другія женщины начинаютъ, на томъ, чего нельзя доказать и объяснить, но чему можно вѣрить и что можно инстинктивно чувствовать. Она отстала отъ него, какъ вѣрный другъ, который шелъ однимъ путемъ до тѣхъ поръ, пока позволяли силы. А силы ея были невелики.

Онѣ состояли только въ знаніи. Ничего своего у нея не было. Какъ большинству женщинъ, ей недоставало творческаго „я". Вѣрный другъ, которому, однако, не говорятъ всего, потому что онъ не пойметъ! Такихъ друзей можно найти въ жизни немало. Теперь, когда они состарились и дѣти выросли, бракъ ихъ былъ не больше, какъ дружба, спокойная, многолѣтняя привычка другъ къ другу. Но сегодня профессоръ

чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Поглядѣвъ вокругъ себя, онъ снова съ удивленіемъ задалъ себѣ вопросъ: „гдѣ же я? Кто же я, что долженъ искать сочувствія у чужихъ людей? Вѣдь тѣ, кто около меня, ничего общаго со мной не имѣютъ“! Взглядъ его снова остановился на Адріанѣ. Она не была старообразна, но прежде молодость нѣсколько смягчала характерныя особенности ея, суровость и серьезность. Теперь онѣ выступали рѣзче и дѣлали ее необыкновенно похожей на ея давно умершаго отца, чудака — профессора, который воспиталъ ее, свое единственное дитя, какъ мальчика, въ возвышенныхъ, но холодныхъ сферахъ академической учености; здѣсь въ теченіе трехъ поколѣній блистала на кафедрѣ ея фамилія, здѣсь выбрала она себѣ мужа и получила свой докторскій дипломъ. Всѣмъ своимъ существомъ она коренилась въ мірѣ нѣмецкихъ университетовъ; здравый и ясный разсудокъ, основательность и трудолюбіе, серьезное отношеніе къ далекой отъ жизни, узко-ограниченной наукѣ, которыми отличались ея отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, жили и въ ней, послѣднемъ, нѣсколько блѣдномъ и неспособномъ къ творчеству, отпрыскѣ стариннаго ученаго рода.

Адріана фонъ Аррасъ съ легкимъ вздохомъ облегченія отложила наконецъ корректуры въ сторону и подняла глаза.

— Все-таки очень экзальтированная особа! — сказала она неожиданно.

— Кто?

— Боже мой... ну, конечно, твоя новая питомица...фрейлейнъ-Бауэрнфейндъ!

— Она вѣдь еще такъ молода!

— Конечно! Но эти юношескія бурныя стремленія намъ не подходятъ! Не нужно никакихъ крайностей. Въ борьбѣ за независимость мы должны дѣйствовать медленно и методически. Такія горячія головы, какъ фрейлейнъ Бауэрнфейндъ, только приносятъ вредъ. Конечно, не ея вина, что она такъ красива и по своему даже очень мила. Но именно поэтому ей и слѣдовало бы быть болѣе сдержанной! Все, что она дѣлаетъ, у нея носитъ иной отпечатокъ, чѣмъ у другихъ. Въ ней замѣчается легкое кокетство,— разумѣется, совершенно невинное, безсознательное кокетство... но все же оно можетъ быть дурно истолковано...

— Никто и не подумаетъ объ этомъ, кто знаетъ молодую дѣвушку! Она — сама невинность. Я нахожу, что она держитъ себя просто и естественно!

— Все это не бросалось бы въ глаза, еслибъ дѣло шло о какой-нибудь другой дѣвушкѣ. Но студентка...

— Студентка тоже человѣкъ! — сказалъ профессоръ.—Пусть она будетъ такой, какая есть! Не будемъ раздражаться изъ-за ближняго нашего! Пусть смотритъ онъ за собою самъ! Человѣкъ молодой, здоровый, веселый и разумный самъ найдетъ дорогу въ жизни!

Адріана усомнилась.

— Разумный? Кажется, въ ней больше темперамента! Все въ ней пѣнится, какъ шампанское. Но посмотримъ, что подъ этой пѣной!

— По твоему, значитъ, отсутствіе темперамента особенное достоинство у женщины?

Она пожала плечами и стала медленно разрѣзать какую-то брошюру.

— Мнѣ кажется, вопросъ въ томъ, насколько слѣдуетъ сдерживать свой характеръ. Иногда эта пылкость неудобна. Я это знаю. Мнѣ тоже было когда-то 22 года...

Профессоръ ничего не сказалъ на это. Онъ вспомнилъ, что Адріана и въ 22 года была такою же, какъ теперь.

Его и прельстила тогда необыкновенная серьезность и зрѣлость сужденій молодой дѣвушки. Съ ней не надо было опасаться, что жена

не пойметъ его, возьметъ надъ нимъ верхъ или что онъ останется чуждымъ ей.

Такъ думалъ онъ тогда и даже возлагалъ особенную надежду на то, что благодаря одинаковому возрасту они лучше поймутъ другъ друга: ему еще не было тридцати лѣтъ, и онъ считалъ себя не старше ея.

Ему казалось, что съ тѣхъ поръ, сначала медленно и незамѣтно, а потомъ, послѣ поворота въ его жизни,—пятидесятой годовщины рожденія и предшествовавшей ей тяжелой болѣзни,—все замѣтнѣе становился онъ моложе душой, а на сердцѣ дѣлалось все легче и свободнѣе; и чѣмъ меньше считалъ онъ науку тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ напоминаніемъ о необходимомъ стремленіи впередъ, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ убѣжденіе, что никакого знанія не существуетъ...

Старшая дочь его снова завела разговоръ объ Эрнѣ.

— Надо написать мужу,—сказала она, беззаботно напѣвая и покачивая ребенка, — что я познакомилась съ настоящей, живой студенткой и что она ничѣмъ не отличается отъ другихъ дамъ! Вѣдь это же замѣчательно!

Марго, которая до сихъ поръ сидѣла въ углу съ мечтательнымъ и лѣнивымъ видомъ, оживилась вдругъ.

— Еслибъ я была мужчиной,—сказала она съ блестящими глазами, — я сейчасъ же женилась бы на ней. Влюбилась бы въ нее до безумія! Я нахожу ее божественной. Я только стѣснялась сказать ей это! Она страшно импонируетъ мнѣ. Мнѣ такъ хотѣлось бы написать ей! Но она только посмѣялась бы надо мной... Какъ ты думаешь, мама?

Адріана, не поднимая глазъ отъ брошюры, сухо сказала.—Я думаю, что сегодня довольно уже говорить о фрейлейнъ Бауэрнфейндъ,—и спокойно стала перелистывать, пробѣгая его, отчетъ фабричной инспектрисы о положеніи работницъ на саксонскихъ ткацкихъ фабрикахъ. Ей не приходила въ голову мысль, что можетъ явиться какая-нибудь опасность со стороны Эрны.

Вѣдь вмѣстѣ, рука объ руку, перешли они съ мужемъ во вторую половину жизни, сердце остыло, все вокругъ было въ порядкѣ, все разумно устроено для того, чтобы спокойно провести остатокъ жизни. Какъ же въ этотъ холодно-ясный и безстрастный міръ могла вторгнуться какая-нибудь неожиданность оттуда, гдѣ среди первыхъ цвѣтовъ въ лунномъ сіяніи вѣетъ весенній вѣтерокъ?

— Жалко, что скоро надо уѣзжать отсюда!—сказала она, всматриваясь въ голубоватыя сумерки.—Теперь только здѣсь будетъ хорошо. Но вѣдь больше одной—двухъ недѣль намъ нельзя оставаться здѣсь, если ты хочешь читать лекціи въ будущемъ семестрѣ...

— Да. Я долженъ!—коротко отвѣтилъ онъ.

— Я то же думаю. Отъѣздъ назначимъ мы ровно черезъ недѣлю. Тогда у меня будетъ довольно времени, чтобы привести все въ порядокъ и со всѣми проститься. Тебѣ удобно такъ?

— Разумѣется. Я совсѣмъ согласенъ!

Онъ еще нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и черезъ веранду вышелъ въ садъ, какъ дѣлалъ это часто.

Тамъ, среди озаренныхъ луннымъ свѣтомъ бѣлыхъ кустовъ, онъ остановился и посмотрѣлъ на залитый серебристымъ сіяніемъ городъ, гдѣ свѣтились многочисленные желтоватые и красноватые огоньки, и на голубыя блестящія волны Неккара.

Снизу доносился сюда глухой разнородный гулъ.

Онъ закрылъ глаза и подъ дыханіемъ теплаго ночного вѣтерка вообразилъ себя въ Италіи—въ дѣвственно-свѣжій весенній день, когда въ воздухѣ чувствуется еще зимняя

прохлада, деревья не покрылись еще листвой, а солнце уже посылаетъ свои жгучіе лучи на покрытую пестрыми цвѣтами траву, съ юга несется ласкающее дыханіе играющаго вѣтерка, и въ воздухѣ стоитъ предчувствіе теплыхъ, длинныхъ, свѣтлыхъ лѣтнихъ дней!

А тутъ черезъ недѣлю надо упаковывать чемоданы и ѣхать на сѣверъ! Возвращаться на родину!

Къ сѣренькой жизни долга и заботъ! Въ старыя мрачныя залы съ рядами молодыхъ лицъ, которыя кажутся вѣчно одними и тѣми же, хотя мѣняются каждое полугодіе и одинаково почтительно, разсѣянно, со скукой или боязливымъ напряженіемъ прислушиваются къ мудрости, изрекающей имъ что-то съ каѳедры, хотя и мудрости-то этой не существуетъ! Назадъ, въ рабочую комнату съ молчаливыми рядами книгъ и невидимымъ страшнымъ словомъ „Ignorabimus“! на столѣ ученаго! Возвратиться къ прошлому, ткавшему однообразное, неясное будущее! Домъ станетъ еще болѣе пустымъ! Сынъ уже покинулъ его. Одна изъ дочерей тоже. За ней скоро послѣдуетъ и другая. И все затихнетъ. Дѣтей больше не будетъ. Останется всегда ровная, холодная Адріана, и они будутъ стариться, и годы будутъ катиться все дальше и дальше, не принося ничего новаго—ни счастья, ни несчастья, пока не наступитъ вѣчная ночь...

Жить, страдать, любить... Что это за странная тоска, которая начала шевелиться въ немъ? Какъ будто давно-давно онъ владѣлъ чѣмъ-то, что у него отняли, и теперь требуетъ у судьбы свое сокровище назадъ? Что случилось со вчерашняго дня, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Эрну здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ?

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, борясь съ собою.

Вѣдь смѣшно! Человѣкъ его возраста—и эта молодая дѣвушка!

Разумѣется, онъ прошелъ бы мимо нея, не обративъ на нее вниманія, еслибъ она не встрѣтилась ему на поворотномъ пунктѣ его жизни—когда, выздоровѣвшій послѣ тяжелой болѣзни, онъ былъ оторванъ отъ безпокойной дѣятельности и погрузился въ мечтательную созерцательность, былъ вырванъ изъ обыденной жизни и пробудился среди бѣлыхъ цвѣтовъ и весны въ долинѣ Некарра; когда достигъ вершины жизни, съ которой долженъ былъ спускаться—и въ это время пришла она! Пришла, какъ сама юность.

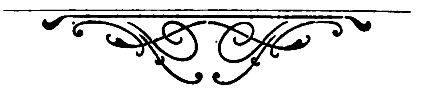
Юность, счастье, новая жизнь—въ ней все!

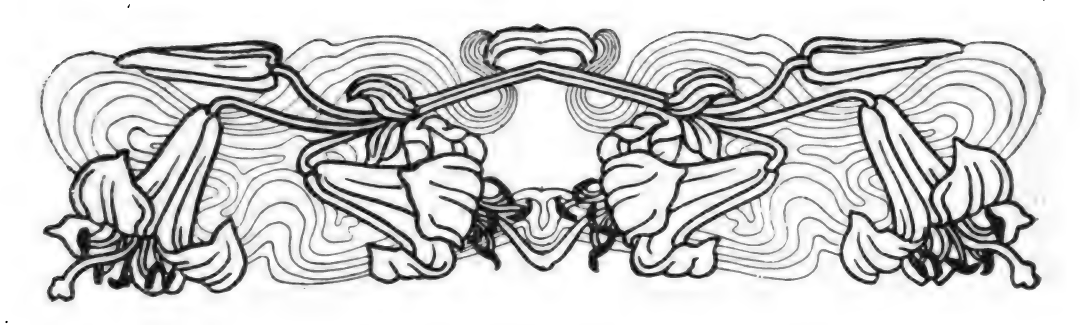
Но кто такъ чувствуетъ, тотъ влюбленъ! Профессоръ видѣлъ только одно—хорошенькое умное личико дѣвушки, съ завитками волосъ надъ бѣлымъ лбомъ, веселую улыбку, подъ которой скрывалась глубокая серьезность и твердая воля... онъ слышалъ звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ, какимъ она пѣла въ лодкѣ о „Старомъ Гейдельбергѣ“... Онъ сознавалъ, что рѣшительный моментъ наступилъ для него, когда она встала въ лодкѣ, выпрямившись во весь ростъ, окруженная золотымъ сіяніемъ, съ глазами, влажными отъ радости жить, быть молодой и видѣть вокругъ себя красоту.

Какъ во снѣ, ходилъ онъ по саду при лунномъ свѣтѣ, безсознательно ставилъ на мѣсто стулья, отгибалъ вѣтки, и его ни на минуту не покидала мысль:

— Невозможно, чтобы я уже черезъ недѣлю не видѣлъ ея!

(До слѣд. №-ра).





Фосфоресценція и температура.

(Къ вопросу объ N-лучахъ).

Н. Боровко.

Если взять фосфоресцирующій экранъ и помѣстить на немъ какой угодно непрозрачный предметъ, подвергнувъ экранъ освѣщенію (обыкновенная керосиновая лампа, даже спичка), то вынесши затѣмъ экранъ въ темное помѣщеніе, мы увидимъ на немъ темный отпечатокъ этого предмета. Отпечатокъ тѣмъ темнѣе (до извѣстной степени), чѣмъ сильнѣе или продолжительнѣе было освѣщеніе экрана съ помѣщеннымъ на немъ предметомъ.

Для полученія такого отпечатка нѣтъ надобности приводить предметъ въ соприкосновеніе съ экраномъ. Предметъ можетъ быть помѣщенъ на разстояніи, и отброшенная имъ тѣнь также запечатлѣвается на экранѣ.

Если экранъ съ такимъ отпечаткомъ подвергнуть освѣщенію, то послѣдній быстро исчезаетъ. Если же оставить экранъ въ темномъ помѣщеніи, то исчезновеніе отпечатка происходитъ довольно медленно: слабую тѣнь можно уловить еще часа два спустя.

Самый удобный способъ наблюдать потемнѣніе экрана состоитъ въ затемнѣніи одной части его. Для этого достаточно прикрыть эту часть книгой, доской, любымъ непрозрачнымъ предметомъ. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ. Экранъ можетъ быть закрытъ почти весь, но если хоть небольшая часть его продолжаетъ подвергаться освѣщенію, то потемнѣніе закрытой части происходитъ быстро, въ одну—двѣ минуты. Если же экранъ будетъ закрытъ весь, то въ тотъ же промежутокъ времени, который достаточенъ для потемнѣнія части его въ первомъ опытѣ, нельзя замѣтить ослабленія фосфоресценціи. Но черезъ 10—15 минутъ можно наблюдать замѣтное ослабленіе ея.

Если послѣ того, какъ получено потемнѣніе одной части экрана, напр. одной половины его, экранъ будетъ закрытъ весь и снова подвергнутъ освѣщенію, то минутъ черезъ десять, вынесши его въ темное помѣщеніе, можно наблюдать странное явленіе: часть, освѣщавшаяся и бывшая фосфоресцирующей, оказывается потемнѣвшей, а часть, бывшая потемнѣвшей, оказывается посвѣтлѣвшей, будто обѣ части помѣнялись своими мѣстами. Для легкаго воспроизведенія этого явленія нужно не доводить фосфоресценцію экрана до ея максимума. Оно свободно получается при средней силѣ свѣченія экрана и съ трудомъ наблюдается при очень сильномъ свѣченіи его.

Для объясненія этихъ съ перваго взгляда загадочныхъ явленій нужно

нѣсколько отклониться въ сторону и познакомиться съ рядомъ другихъ фактовъ. Для наблюденія ихъ необходимо также запастись фосфоресцирующимъ экраномъ. Отлично дѣйствующій экранъ можно получить съ помощью продажной „свѣтящейся краски" „Бальмэна". Изготовленіе экрана можетъ быть выполнено нѣсколькими способами; очень удобенъ по своей быстротѣ слѣдующій. Въ сѣрнистомъ эфирѣ растворяется гумми-дамаръ; въ растворъ всыпается „краска" Бальмэна (она продается въ видѣ мельчайшаго порошка) и распредѣляется болѣе или менѣе равномѣрно въ жидкости быстрымъ размѣшиваніемъ; смѣсь быстро выливается на кусокъ картона съ закраинами. Эфиръ быстро испаряется, закраины удаляются,—и экранъ готовъ.

Такой экранъ можетъ свѣтиться очень сильно, но для нашей цѣли нужно свѣченіе средней силы. Его можно получить, освѣщая нѣсколько минутъ экранъ свѣтомъ горѣлки Ауэра или нѣсколько дольше свѣтомъ 14-линейной керосиновой лампы. Если затѣмъ вынести экранъ въ темное помѣщеніе и приложить къ его спинкѣ руку, то на немъ выступятъ яркіе контуры пальцевъ. Фосфоресценція быстро и рѣзко усиливается подъ пальцами руки, несмотря на слой бумаги между ними и свѣтящеюся поверхностью экрана.

Для объясненія этого явленія сама собою является мысль о теплотѣ тѣла. Если взять золотую монету и, продержавъ ее подъ мышкой, сообщить ей температуру тѣла, то такая монета, помѣщенная на спинку экрана, даетъ свѣтлый отпечатокъ.

Если между рукой и спинкой экрана помѣстить дощечку отъ сигарнаго ящика, то на экранѣ, хотя и медленнѣе и не такъ совершенно, но получается отпечатокъ пальцевъ. Повидимому, слой дерева долженъ бы былъ служить изоляторомъ для такой невысокой температуры, какъ температура тѣла. Однако, нагрѣтая до нея монета при тѣхъ же условіяхъ также даетъ отпечатокъ.

Если приложить пальцы къ спинкѣ экрана, помѣстивъ подъ однимъ изъ нихъ монету, то она отпечатывается одновременно (или почти одновременно) съ пальцами. Это легко объясняется отличною теплопроводимостью золота. Если же ту же монету предварительно охладить, то отпечатокъ ея появляется замѣтно позднѣе отпечатковъ пальцевъ. Здѣсь зависимость явленія отъ теплоты вполнѣ очевидна.

Но чуткость фосфоресцирующаго экрана къ колебаніямъ температуры оказывается еще значительнѣе. Если монету нѣсколько разъ подрядъ заставить падать на полъ и затѣмъ быстро положить ее уже прямо на свѣтящійся слой экрана, то получится слабый, но въ темнотѣ вполнѣ уловимый свѣтлый кружокъ, соотвѣтствующій по размѣрамъ монетѣ. Повышеніе температуры монеты въ данномъ случаѣ должно быть ничтожно, и тѣмъ не менѣе фосфоресценція оказывается въ состояніи обнаружить ее. Но повышеніе свѣченія экрана подъ монетой едва-ли является прямымъ результатомъ повышенія температуры; вѣроятнѣе, что оно—результатъ разницы въ температурахъ части, занятой монетой, и остальной площади экрана.

Если монету значительно охладить (температура комнаты около $+14^0$R; монеты $+3^0$R), и затѣмъ быстро помѣстить ее на спинку экрана, то на свѣтящейся сторонѣ его ясно обнаруживается потемнѣвшій кружокъ. Нагрѣтая монета даетъ посвѣтлѣніе экрана; охлажденная вызываетъ потемнѣніе его.

Ознакомившись такимъ образомъ съ замѣчательною отзывчивостью фосфоресценціи на колебанія температуры, уже не трудно понять полученіе темныхъ отпечатковъ предметовъ на свѣтящемся экранѣ и странную перемѣну въ положеніи темной и свѣтлой частей того же экрана. Когда часть экрана закры-

вается непрозрачнымъ тѣломъ или полупрозрачнымъ, даже краснымъ стекломъ, то между закрытою частью и открытою устанавливается разница температуръ; освѣщенная часть продолжаетъ получать ту теплоту, которую несетъ съ собой свѣтъ; закрытая же лишается ея, и эта разница отзывается быстрымъ пониженіемъ свѣченія ея. Когда затѣмъ экранъ закрывается весь, то свѣтлая часть его лишается того тепла, какъ бы оно ни было невелико, которое сообщаетъ экрану источникъ свѣта, и она начинаетъ темнѣть. Для темной же части не происходитъ никакой перемѣны въ данномъ направленіи, и пока свѣтлая часть темнѣетъ, первоначальное потемнѣніе этой второй части нѣсколько ослабѣваетъ, т. е. фосфоресценція нѣсколько возстанавливается, и разница въ степени свѣченія обѣихъ частей вызываетъ впечатлѣніе значительнаго посвѣтлѣнія ея.

Теперь можно прибавить, что въ изготовленіи экрановъ для послѣдняго и предыдущихъ опытовъ должна быть нѣкоторая разница. Получая совершенно свободно явленія послѣдняго опыта съ однимъ экраномъ и приготовивъ два новыхъ для наблюденія появленія на нихъ отпечатковъ пальцевъ, я бился цѣлыми часами, не будучи въ состояніи воспроизвести съ ними первыя явленія. На одномъ экранѣ свободно наблюдался обмѣнъ свѣтлой и темной частей, на двухъ другихъ невозможно было замѣтить его. Условія опыта, повидимому, были совершенно одинаковы. И только послѣ того, какъ была выяснена замѣчательняя чуткость фосфоресценціи къ измѣненіямъ температуры, можно было уловить разницу въ условіяхъ опыта, т. е. причину неудачи съ двумя новыми экранами. Они были сдѣланы изъ тонкаго картона, тогда какъ первый былъ наклеенъ на довольно толстую доску отъ стѣнного календаря. Когда такой тонкій экранъ, на которомъ было получено потемнѣніе одной части его, закрывался весь, онъ всегда лежалъ вообще недалеко отъ лампы, и нагрѣтый ея лучами столъ передавалъ свою теплоту экрану; обѣ части его получали ее; разница въ температурѣ обѣихъ частей почти исчезала, и потемнѣніе свѣтлой части не происходило. Когда это было заподозрѣно, я сталъ подкладывать подъ экранъ книгу, и то же явленіе свободно стало воспроизводиться и на тонкомъ экранѣ. Это еще разъ подчеркиваетъ поразительную воспріимчивость фосфоресценціи къ перемѣнамъ температуры окружающей среды.

Н. Боровко.

Изъ исторіи японскаго флота.

Вильямъ Адамсъ — основатель японскаго флота.

В. Брусянина.

Между англійскимъ и японскимъ флотами, какъ оказывается, существуетъ неразрывная родственная связь. Это обстоятельство, повидимому, и является причиной, благодаря чему каждая удача японскаго флота, въ періодъ текущей войны, радуетъ Англичанъ, а пораженія — печалятъ, вселяя въ сыновъ туманнаго Альбіона ненависть къ Россіи.

Исторію возникновенія японскаго флота разсказываетъ въ своей любопытной книгѣ „Queer Things about Japon“ Дугласъ Следенъ, англійскій туристъ по Дальнему Востоку и авторъ нѣсколькихъ книгъ объ Японіи. Эта любопытная исторія можетъ послужить прекрасной канвой для историческаго романа или для пролога современной трагедіи, сотканной изъ кровавыхъ событій нашихъ дней на Дальнемъ Востокѣ. И въ этой трагедіи виднымъ и красиво отчеканеннымъ героемъ явится Вилльямъ Адамсъ, гражданинъ г. Джиллингама, въ графствѣ Кентъ, и японскій плѣнникъ конца XVI и начала XVII столѣтій. Увлеченія торговлей и страсть къ наживѣ побудили Адамса покинуть родину, а грозныя волны Тихаго океана, управлявшія судьбою, въ тѣ времена, еще неизвѣстной и незамѣтной Японіи, сыграли роль грознаго повелителя и въ судьбѣ англійскаго мореплавателя.

Это было въ 1598 г., когда Вилльямъ Адамсъ въ качествѣ старшаго лоцмана опредѣлился на одинъ изъ пяти пароходовъ датскаго торговаго флота и отправился въ восточные моря. Исторія умалчиваетъ объ эпизодахъ продолжительнаго плаванія корабля Вилльяма Адамса въ восточныхъ водахъ, ограничившись неяснымъ указаніемъ, что въ 1600 году Адамсъ вынужденъ былъ высадиться въ японскомъ портѣ Бунго, съ какого момента, собственно, и начинается исторія его печальной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересной жизни въ Японіи.

Въ Японіи того времени большимъ вліяніемъ пользовались іезуиты, сумѣвшіе обзавестись массою прозелитовъ своего ученія среди островитянъ. Ненавидя отъ всей души датчанъ и англичанъ, они старались употребить все свое вліяніе, чтобы судно Вилльяма Адамса было признано разбойничьимъ, и чтобы его отважный командиръ былъ ввер-женъ въ тюрьму. Если бы планы іезуитовъ удались, съ Адамсомъ было бы поступлено какъ съ разбойникомъ: его приговорили бы къ

распятію на крестѣ. Эта казнь, примѣняемая японцами въ XVI столѣтіи, соотвѣтствовала повѣшенію, посредствомъ котораго европейскія страны того времени расправлялись съ тягчайшими преступниками.

Судьбѣ было угодно сохранить жизнь Адамса и сдѣлать его однимъ изъ полезнѣйшихъ плѣнниковъ Японіи. Одинъ изъ могущественныхъ сіогуновъ Іеясъ, котораго Адамсъ почему то называлъ „императоромъ", не одобрилъ приговора іезуитовъ, находя, что англійскій мореплаватель не причинилъ Японіи никакого зла, появившись на ея негостепріимныхъ для европейцевъ берегахъ, вражда же іезуитовъ къ датчанамъ и англичанамъ, въ глазахъ разсудительнаго сіогуна, не могла служить достаточнымъ обвиненіемъ Вилльяма Адамса.

Отклонивъ предложеніе іезуитовъ казнить перваго англичанина, вступившаго на Японскій берегъ, Іеясъ помѣстилъ плѣнника въ лучшую по обстановкѣ тюрьму, а чрезъ нѣсколько времени и совсѣмъ даровалъ ему свободу; но эта свобода для Адамса была относительной цѣнностью, такъ какъ могущественный сіогунъ приблизилъ къ себѣ иностранца не изъ побужденій къ сближенію съ европейцемъ, а въ цѣляхъ эксплоатаціи Адамса, начиненнаго европейскимъ знаніемъ того времени.

Вскорѣ Вилльямъ Адамсъ сдѣлался однимъ изъ близкихъ людей Іеяса; подъ его же руководствомъ предпріимчивый сіогунъ приступилъ къ кораблестроенію, при помощи же его завязалъ и сношенія съ иностранцами, главнымъ образомъ, конечно, съ Англіей.

Въ продолженіе десяти лѣтъ Вилльямъ Адамсъ занимался кораблестроеніемъ, а душа его стремилась къ далекой родинѣ, гдѣ у Адамса осталась семья. Руководя работами и, какъ Петръ Великій въ Россіи, выполняя на японской верфи всѣ работы, начиная съ работы плотника и кончая обязанностями корабельнаго инженера. Вилльямъ Адамсъ положилъ основаніе японскаго флота; но эта работа, какъ и работа каждаго плѣнника или раба, не воодушевляла его, потому что онъ любилъ свою родину и, тоскуя по свободѣ, можетъ быть, проклиналъ свою судьбу, заставившую его положить начало могуществу чуждой ему страны.

Объ этомъ періодѣ своего пребыванія въ Японіи, о своихъ настроеніяхъ и объ условіяхъ кораблестроенія разсказываетъ самъ Вилльямъ Адамсъ въ своемъ письмѣ къ англійскимъ купцамъ, остановившимся по своимъ дѣламъ на ос. Явѣ. При вѣсти о такомъ близкомъ пребываніи соотечественниковъ, въ душѣ Вилльяма Адамса съ новой силой вспыхнула любовь къ родинѣ, и онъ переслалъ англійскимъ купцамъ письмо такого содержанія.

„Услыша, благодаря случайному обстоятельству, что на островѣ Явѣ живутъ англійскіе купцы, хотя и неизвѣстные мнѣ по имени, я осмѣливаюсь написать имъ эти нѣсколько строкъ и прошу уважаемую компанію простить смѣлость, съ которой ей пишетъ незнакомый человѣкъ... Но меня побуждаетъ писать чувство любви, связывающее меня съ моей страной и согражданами. Ваша милость, получивъ это письмо, узнаетъ изъ него, что я родомъ изъ графства Кентъ и родился въ городѣ Джиллингамѣ, лежащемъ въ разстояніи двухъ англійскихъ миль отъ Рочестера и въ одной милѣ отъ Чатама. Двѣнадцати лѣтъ я былъ привезенъ въ Ляимхаузъ, недалеко отъ Лондона, и два года былъ ученикомъ у мастера Николая Диггинса. Потомъ я служилъ мастеромъ лоцманомъ на корабляхъ ея величества. Послѣ этого одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ я служилъ въ уважаемой компаніи Бербарійскихъ купцовъ, пока Голландія не завязала торговыхъ отношеній съ Индіей, и

я, рѣшивъ воспользоваться тѣми маленькими знаніями, которыя Богъ далъ мнѣ,—въ 1598 г. поступилъ главнымъ лоцманомъ на датскій флотъ, состоявшій изъ пяти кораблей".

Далѣе Дугласъ Следенъ на основаніи того же письма Адамса разсказываетъ, что вступивъ въ портъ Бунчо, вся команда датскихъ кораблей вступила на службу къ Іеясу, который капитану, лоцманамъ и простымъ матросамъ платилъ одинаковое жалованье — одиннадцать или двѣнадцать дукатовъ въ годъ, прибавляя къ тому ежедневную порцію рису, по два фунта на каждаго, какъ будто это были обыкновенные японскіе работники, и только спустя четыре или пять лѣтъ условія жизни Адамса измѣнились. Наконецъ, Іеясъ предложилъ Адамсу построить корабль для потребностей Японіи.

„Я отвѣтилъ,—пишетъ Виллььямъ Адамсъ въ томъ же письмѣ къ англійскимъ купцамъ, — что я не плотникъ и вдобавокъ не имѣю нужныхъ къ тому знаній.—„Ну, что же, попробуйте,—возразилъ Іеясъ,— если онъ будетъ недостаточно хорошъ—не великая бѣда".—Такъ, по его желанію я выстроилъ ему судно вмѣстимостью около восьмидесяти тоннъ, которое во всѣхъ отношеніяхъ походило на наши суда. Когда онъ пришелъ посмотрѣть на выстроенное мною судно, оно очень понравилось ему, и послѣ этого его благосклонность ко мнѣ усилилась. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ и время отъ времени дѣлалъ мнѣ подарки, а впослѣдствіи назначилъ мнѣ пенсію въ семьдесятъ дукатовъ въ годъ, съ прибавкою двухъ фунтовъ рису на каждый день".

Не смотря на всѣ улыбки судьбы въ видѣ такихъ милостей со стороны Іеяса, Вилльямъ Адамсъ все же заскучалъ по родинѣ и послѣ десятилѣтней томительной неволи выразилъ своему новому повелителю желаніе побывать на родинѣ. Іеясъ на отрѣзъ отказался исполнить это желаніе Адамса. Вельможный и честолюбивый сіогунъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы единственный на всемъ Востокѣ человѣкъ, умѣющій строить корабли, выскользнулъ у него изъ рукъ, по милости такихъ сентиментальныхъ соображеній, какъ свиданіе съ женою и дѣтьми.

Чтобы отвлечь вниманіе Адамса отъ родины, Іеясъ назначилъ его повелителемъ Хеми, съ сотней подвластныхъ ему вассаловъ. Начавъ новую жизнь повелителя, Адамсъ женился на японкѣ, предполагая найти утѣшеніе въ новой привязанности и въ новой семьѣ, но до конца жизни остался подневольнымъ плѣнникомъ, тоскующимъ о своей родинѣ и о своихъ близкихъ.

За этотъ періодъ жизни Вилльямъ Адамсъ совершилъ два далекихъ путешествія по порученію Іеяса и построилъ ему второе судно вмѣстимостью въ 120 тоннъ.

Въ книгѣ Дугласа Следенъ имѣется еще описаніе эпизода, относящягося къ жизни Адамса. Въ 1609 г. на берегъ Японіи былъ выброшенъ бурею большой корабль вмѣстимостью около 1000 тоннъ. Потерпѣвшему крушеніе губернатору Маниллы Іеясъ одолжилъ новое судно, построенное Вилльямомъ Адамсъ, на которомъ губернаторъ и уѣхалъ на родину. Черезъ годъ послѣ этого признательный губернаторъ прислалъ Іеясу новое судно, а корабль, построенный Вилльямомъ Адамсъ, остался въ Испаніи и хранился въ Филиппинахъ.

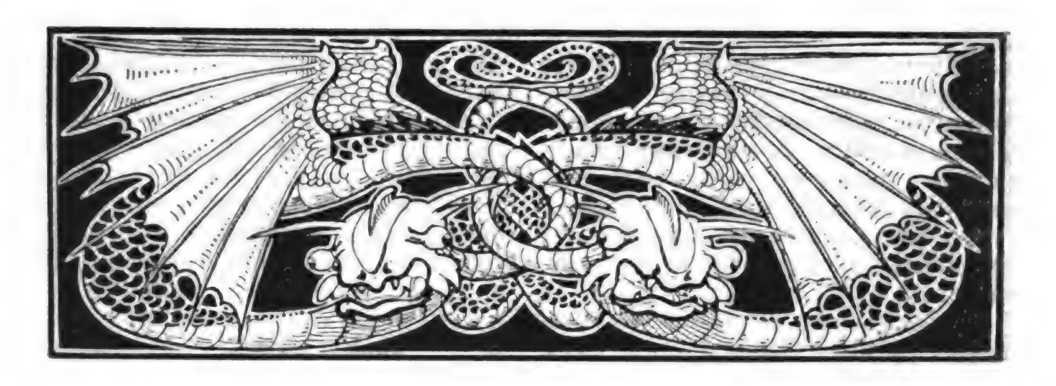
Свою статью Дугласъ Следенъ заканчиваетъ такими лирическими строками:

„Мѣсто для могилы Вилльяма Адамсъ выбрано очень удачно. Онъ схороненъ въ своемъ владѣніи на на вершинѣ зеленаго холма, съ котораго открывается видъ на все то, чѣмъ жилъ Адамсъ и что его больше всего интересовало. Внизу, направо, въ лабиринтѣ острововъ и

проливовъ лежитъ Іокосука, арсеналъ Японіи. Въ этомъ мѣстѣ Билльямъ Адамсъ строилъ свои суда, и здѣсь же находится главная квартира японскаго флота, обоготворённымъ основателемъ котораго считается Билльямъ Адамсъ. Смотря по направленію къ юго-востоку, вы можете любоваться почти до самаго устья заливомъ Токіо, съ дымящимся вулканомъ на одномъ изъ его береговъ. Бѣдный Билльямъ, страдающій тоскою по родинѣ, вѣроятно, не разъ устремлялъ тоскливые, полные ожиданія взоры въ эту даль. Глядя вверхъ по заливу, вы видите большой городъ, а передъ нимъ, на зеркальной поверхности залива, въ дымкѣ обрисовывается цѣлый флотъ торговыхъ пароходовъ, и надъ многими изъ нихъ развѣвается столь дорогой сердцу Билльяма красный флагъ Англіи".

Японское населеніе, исповѣдывающее шинтоисскую религію, обоготворило основателя японскаго флота,—и его могила, гдѣ онъ погребенъ вмѣстѣ съ своей женою японкой, извѣстна каждому кули въ Хеми и въ Іокосука. Могила Адамса носитъ названіе „Инглишъ-Анджинъ-Хака" (могила англійскаго штурмана). На этой могилѣ туристы всегда могутъ видѣть живые цвѣты, принесенные почитателями покойнаго. Въ Токіо ежегодно совершается въ честь Билльяма Адамсъ празднество въ улицѣ Анджинъ (улица штурмана), названной такъ въ память того же Адамса, который жилъ здѣсь въ дни своей скорби по далекой родинѣ.

Вас. Брусянинъ.



Новый газъ „Экрадіо“.

Н. Адамовича.

Со времени открытія Беккерелемъ радіоактивныхъ свойствъ солей урана, т. е. способности ихъ испускать особые лучи (названные беккерелевскими) и затѣмъ—супругами Кюри новаго химическаго элемента радія, а также цѣлаго ряда другихъ радіоактивныхъ веществъ, всеобщее вниманіе было сосредоточено главнымъ образомъ на радіи, какъ на представителѣ радіоактивности, наиболѣе характерномъ и обнаруживающемъ въ высокой степени тѣ разнообразныя новыя явленія, которыя стали предметомъ изслѣдованій самыхъ выдающихся современныхъ ученыхъ и въ настоящее время привели къ открытію новаго газа, названнаго по предложенію англійскаго химика Вильяма Рамзая „эксрадіо“.

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, элементарность радія была установлена самими супругами Кюри, опредѣлившими какъ его атомный вѣсъ (225), такъ и другія свойства этого вещества.

Явленіе испусканія радіемъ лучей α, β и γ, внесло много новаго въ теорію іонизаціи *), дало основныя положенія для электронной гипотезы о строеніи вещества и дополнило существовавшія ранѣе представленія о лучахъ Рентгена (Paschen. Physikalische Zeitschrift. 1904. № 18, стр. 563).

Физіологическія дѣйствія радія на животныя ткани дали начало новому способу излѣченія рака и другимъ практическимъ примѣненіямъ въ области біологіи, доказавъ способность радія задерживать ростъ бактерій и даже убивать ихъ.

Самопроизвольное выдѣленіе радіемъ тепла,—явленіе, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ физико-химическихъ наукахъ, указало на существованіе какого-то неизвѣстнаго источника энергіи, о сущности котораго, а равно и его размѣрахъ до сихъ поръ еще не удалось составить яснаго представленія.

---

*) Іонизація газа, происходящая, напримѣръ, подъ вліяніемъ лучей радія, состоитъ въ расщепленіи его атомовъ на части, заряженныя электричествомъ противоположныхъ знаковъ и называемыя іонами и электронами. Первые заряжены положительно и являются носителями матеріи, а вторые - отрицательно и признаются носителями электричества. Подобное же явленіе распада матеріальныхъ атомовъ происходитъ въ круксовыхъ трубкахъ. Образующіеся въ этомъ случаѣ электроны даютъ начало катодному потоку и лучамъ Рёнтгена, а положительные іоны образуютъ закатодные лучи Гольдштейна (Canalstrahlens les rayon—canaux).

По измѣреніямъ, произведеннымъ супругами Кюри, а также Рудзерфордомъ, количество тепла, выдѣляемое однимъ кубическимъ сантиметромъ радія, въ три съ половиною милліона разъ больше того количества тепла, которое развивается взрывомъ такого же объема гремучаго газа.

Наконецъ, способность радія сообщать другимъ тѣламъ такъ называемую наведенную активность раскрыла совершенно новый законъ, состоящій въ томъ, что радіоактивность, повидимому, есть общее свойство вещества, и затѣмъ привела къ изученію свойствъ новаго газа „эксрадіо (Comptes Rendus des sèances de l'Acadèmie des sciences. Томъ 138. № 23, стр. 1388. William Ramsay).

Методъ для изслѣдованія наведенной радіоактивности и опредѣленія закона, по которому она измѣняется съ теченіемъ времени, основанъ на томъ, что радіоактивныя вещества разряжаютъ наэлектризованныя тѣла, т. е. дѣлаютъ воздухъ проводникомъ электричества, котораго самые ничтожные заряды могутъ быть измѣряемы съ большою степенью точности. Поэтому, начиная съ супруговъ Кюри, наиболѣе удобными приборами для обнаруженія радіоактивности и опредѣленія ея величины служатъ чувствительные электрометры. (Вполнѣ удовлетворительнымъ электрометромъ для измѣреній не высокой точности можетъ служить электроскопъ въ томъ видѣ, какой ему данъ г. Кольбе, преподавателемъ Анненской школы въ С.-Петербургѣ). Степень радіоактивности по этому способу опредѣляется скоростью, съ которою электроскопъ подъ дѣйствіемъ радіоактивнаго вещества теряетъ свой зарядъ. Предположимъ, что данное радіоактивное вещество, при опредѣленномъ разстояніи отъ электроскопа, заставляетъ опадать листочки его на одно дѣленіе шкалы въ теченіе одной минуты. Если бы другое радіоактивное вещество произвело такое же дѣйствіе въ одну секунду, то радіоактивность послѣдняго была бы въ 60 разъ больше радіоактивности перваго. Подобныя измѣренія производятся вообще съ большими предосторожностями, требующими идеальной изоляціи электрометра и возможно большей сухости воздуха. Активность легче всего пріобрѣтается какимъ-либо тѣломъ, которое само по себѣ неактивно, въ томъ случаѣ, если его помѣстить вмѣстѣ съ сосудомъ, содержащимъ растворъ соли радія въ замкнутое пространство независимо того, будетъ-ли этотъ сосудъ открытъ или совершенно запаянъ.

Отсюда слѣдуетъ, что тѣла активируются не только непосредственно лучами, испускаемыми радіоактивнымъ тѣломъ, но и чѣмъ-то еще другимъ, выдѣляющимся изъ него, проникающимъ черезъ стѣнки сосуда и распространяющимся въ пространствѣ. При этомъ многія тѣла, какъ мѣдь, алюминій, бумага, воскъ,—въ скоромъ времени принимаютъ предѣльную активность, которая при дальнѣйшемъ воздѣйствіи радіоактивнаго вещества не повышается. Это напоминаетъ отчасти испареніе жидкости. Подобно тому, какъ упругость паровъ жидкости въ ограниченномъ пространствѣ не возрастаетъ послѣ насыщенія этого пространства, такъ и названныя тѣла не активируются выше извѣстнаго предѣла. Между этими явленіями есть существенная разница. Явленія, происходящія въ пространствѣ, насыщенномъ парами, зависятъ отъ упругости. Наведеніе же радіоактивности зависитъ только отъ объема активнаго раствора.

Когда возникъ вопросъ о томъ, представляютъ - ли вышеназванные химическіе элементы единственныя радіоактивныя вещества, то получилось самое неожиданное рѣшеніе. Оказалось, что радіоактивность присуща всѣмъ тѣламъ природы, но только въ различной степени. До

сихъ поръ не нашлось вещества, которое бы нельзя было сдѣлать радіоактивнымъ.

Надъ этимъ вопросомъ особенно много поработали нѣмецкіе ученые Эльстеръ (Elster) и Гейтель (Geitel), которые обнаружили радіоактивность въ почвѣ, въ разныхъ сортахъ глины, въ почвенныхъ водахъ, воздухѣ и, наконецъ, нефти; т. е. повидимому, все, что добывается изъ земли, можетъ легко пріобрѣтать радіоактивныя свойства. Другими двумя нѣмецкими учеными, Гимстедтомъ (Himstedt) и Траубенбергомъ (Traubenberg), была установлена радіоактивность ключевой воды, при изслѣдованіи которой ими былъ произведенъ рядъ интересныхъ опытовъ, подтвержденныхъ многими учеными и въ томъ числѣ С.-Петербургскимъ профессоромъ Пелемъ, доказавшимъ несомнѣнную радіоактивность почвы, воды и почвеннаго воздуха въ Царскомъ Селѣ. Гимстедтъ, пропуская воздухъ черезъ радіоактивную воду, сообщалъ ему активныя свойства, повышавшіяся при повтореніи пропусканій. При соприкосновеніи такого радіоактивнаго воздуха съ неактивными жидкостями (особенно керосиномъ) послѣднія становились радіоактивными.

Вода и воздухъ, взятые изъ почвы, своею радіоактивностью обязаны активнымъ веществамъ, содержащимся въ нѣдрахъ земли. Атмосферный воздухъ, приходя въ соприкосновеніе съ водой и воздухомъ, выдѣляющимся изъ почвы, самъ становится радіоактивнымъ, что и было обнаружено слѣдующимъ опытомъ (Эльстера и Гейтеля). Натянувъ на открытомъ воздухѣ (въ саду) металлическую проволоку длиною около 10 саженъ, въ теченіе трехъ часовъ они поддерживали ее сильно заряженной отрицательнымъ электричествомъ, и затѣмъ, подвергнувъ изслѣдованію, обнаружили въ ней такую же степень радіоактивности, какою обладаетъ урановая смола съ поверхностью въ нѣсколько квадратныхъ сантиметровъ. Важное значеніе этого факта состоитъ въ томъ, что онъ указываетъ на возможность полученія радіоактивной энергіи изъ доступнаго для всѣхъ и неисчерпаемаго источника.

Изъ дальнѣйшихъ опытовъ разныхъ изслѣдователей вскорѣ убѣдились, что радіоактивность передается отъ одного тѣла къ другому особаго рода истеченіями, названными *эманаціями*. Явленіе эманаціи состоитъ въ отщепленіи отъ радіоактивнаго вещества какого-то сильно летучаго выдѣленія. Оно походитъ на испареніе металловъ при обыкновенной температурѣ, вслѣдствіе котораго мы чувствуемъ, напримѣръ, запахъ мѣди. Это явленіе отличается отъ лучеиспусканія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова тѣмъ, что эманація распространяется не только прямолинейно, какъ лучи, а проникаетъ въ пространство какъ бы посредствомъ диффузіи, свойственной обыкновеннымъ газамъ. Матеріальный характеръ эманаціи первоначально былъ доказанъ итальянскимъ ученымъ Селла (Sella), который сообщалъ радіоактивность воздуху, подвергая его въ замкнутомъ сосудѣ дѣйствію эманаціи торія. Когда воздухъ былъ профильтрованъ черезъ вату, то онъ потерялъ свою радіоактивность, а вата ее пріобрѣла. При сжиганіи ваты получалась радіоактивная зола.

Изученіе эманаціи было произведено во всей полнотѣ Рамзаемъ, примѣнившимъ къ этому загадочному газу общіе методы изслѣдованія.

Дѣйствія эманаціи сходны съ тѣми, которыя производятся солями радія. Такъ, если заключить смѣсь эманаціи съ кислородомъ въ стеклянную трубку, то стекло по истеченіи нѣсколькихъ часовъ получаетъ буроватую окраску, затѣмъ фіолетовую и, наконецъ, совсѣмъ темнѣетъ; при этомъ степень пустоты понижается. Далѣе, если многократно пропускать струю радіоактивнаго

воздуха черезъ мѣдную трубку, свернутую въ спираль и сильно охлаждаемую посредствомъ погруженія въ жидкій воздухъ (его температура близка къ—190° Цельзія), то онъ теряетъ свою радіоактивность, причемъ нѣкоторая часть его, главнымъ образомъ кислородъ, отъ соприкосновенія съ холодными стѣнками змѣевика превращается въ жидкость. Если теперь измѣрить степень радіоактивности ожиженнаго газа, то сравнительно съ радіоактивностью первоначально взятаго воздуха, она будетъ въ двѣнадцать тысячъ разъ болѣе, такъ какъ здѣсь получается сгущенная и задержанная жидкимъ кислородомъ эманація. Температура, при которой эманація сгущается, въ среднемъ равняется—150°Ц.

При этомъ удалось установить, что поглощеніе эманаціи жидкимъ кислородомъ слѣдуетъ тому же закону (Дальтона), который относится къ поглощенію жидкостями обыкновенныхъ газовъ. Рамзай доказалъ, что эманація обладаетъ и другими свойствами дѣйствительнаго газа. Такъ, она подчиняется закону Бойля-Маріотта (произведеніе изъ объема одной и той же массы газа на давленіе, подъ которымъ она находится, при неизмѣнной температурѣ есть величина постоянная). Для этого изслѣдованія Рамзай растворилъ въ дистиллированной водѣ семьдесятъ миллиграммовъ бромистаго радія и сосудики, содержавшіе этотъ растворъ, соединилъ съ ртутнымъ насосомъ. Подъ дѣйствіемъ бромистаго радія происходило медленное разложеніе воды на кислородъ и водородъ, и каждую недѣлю посредствомъ выкачиванія получали отъ 8 до 10 кубическихъ сантиметровъ гремучаго газа съ примѣсью нѣкотораго количества эманаціи.

Для измѣренія объема этой смѣси ее вводили въ эвдіометръ довольно сложнаго устройства, который предварительно былъ промытъ чистымъ кислородомъ и высушенъ посредствомъ электрическихъ искръ. Наполнивъ эвдіометръ смѣсью гремучаго газа съ эманаціей и уединивъ его отъ насоса, производили взрывъ газа, чѣмъ освобождали отъ него эманаціи. Затѣмъ одно изъ отвѣтвленій эвдіометра погружали въ сосудъ съ жидкимъ воздухомъ; вслѣдствіе сильнаго охлажденія эманація сгущалась и при этомъ давала такое свѣченіе, что въ темнотѣ можно было видѣть непосредственно ея теченіе въ трубкахъ насоса и даже различать положеніе стрѣлокъ на карманныхъ часахъ. Далѣе приборъ нагрѣвали, эманаціи опять превращались въ газообразное вещество, которое переводили въ калибрированную капилярную трубку, гдѣ опредѣляли его объемъ при разныхъ давленіяхъ и тѣмъ повѣряли примѣнимость къ нему закона Бойля Маріотта.

Относительно химической природы этого газа Рамзай пришелъ къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ аргонной или нулевой группѣ въ періодической системѣ проф. Д. И. Менделѣева и отличается такою же химическою инертностью, какъ и всѣ элементы этой группы. Повидимому, это одноатомный газъ, и поэтому его атомный вѣсъ равенъ удвоенной плотности. Послѣдняя въ точности не извѣстна, но предварительныя измѣренія даютъ величину, близкую къ 80, а вѣсъ атома—около 160. Имѣя въ виду, что атомный вѣсъ радія равенъ 225, можно заключить, что каждый атомъ его не можетъ производить болѣе одного атома эманаціи. Для выясненія отношенія, существующаго между нѣкоторой массой радія и количествомъ эманаціи, имъ производимой. надо знать объемъ, занимаемый этой массой. Объемъ одного грамма радія равенъ десятой доли литра (сто тысячъ кубическихъ миллиметровъ). Исходя изъ этого Рамзай нашелъ, что каждый граммъ радія

въ одну секунду выдѣляетъ три милліонныхъ доли кубическаго миллиметра эманаціи.

Поэтому если каждый атомъ радія даетъ только одинъ атомъ эманаціи, то количество радія, подвергающееся разложенію въ теченіе одной секунды, равняется тремъ, подѣленнымъ на единицу съ одинадцатью нулями, а въ годъ —нѣсколько менѣе тысячной доли своего вѣса. Слѣдовательно, энергія одного атома радія едва ли можетъ быть исчерпана въ періодъ менѣе одного тысячелѣтія (по Рамзаю 1150 лѣтъ).

Спектральныя изслѣдованія эманаціи, произведенныя съ цѣлью измѣренія длины волны, дали слѣдующія величины, характеризирующія ее: 469 и 635 (въ тысячныхъ доляхъ микрона, или милліонныхъ доляхъ миллиметра), причемъ спектръ этотъ при извѣстныхъ условіяхъ становится подобнымъ спектру гелія, т. е. одно вещество какъ бы превращается въ другое (Physikal Zeitschrift. 1903. стр. 651). Это открытіе было сдѣлано Рамзаемъ въ сотрудничествѣ съ Содди и произвело въ ученомъ мірѣ большую сенсацію.

При дальнѣйшихъ работахъ Рамзая и Содди имъ удалось выдѣлить непосредственно изъ солей радія микроскопическій пузырекъ гелія, но онъ съ теченіемъ времени былъ поглощенъ поверхностью того стекляннаго сосуда, въ которомъ находились изслѣдуемыя соли. Обративъ сосудъ въ порошокъ и подвергнувъ послѣдній нагрѣванію разными манипуляціями, они получили изъ него гелій.

Таковы результаты изслѣдованій Рамзая, который и предложилъ въ своемъ докладѣ Парижской Академіи Наукъ назвать изученный имъ новый газъ „Эксрадіо“ (Comptes Rendus. Томъ 138. № 23, стр. 1392).

Появленіе въ спектрѣ газа „эксрадіо“ спектральныхъ линій гелія наблюдалось не только Рамзаемъ, а также крупнѣйшимъ авторитетомъ по спектральному анализу Гэггинсомъ, предсѣдателемъ Королевскаго Общества въ Лондонѣ, а позже Деландромъ (Deslandres) и Индриксономъ (ассистентомъ при Физическомъ Институтѣ С.Петербургскаго Университета). (Physik. Zeitschrift. 1904, стр. 214).

„Когда,напримѣръ,--говоритъРамзай,—изъ раствора ляписа (азотнокислаго серебра) выдѣляется серебро, то можно утверждать, что данное сложное вещество содержитъ въ себѣ этотъ металлъ“. Рамзай ставитъ вопросъ, можно ли подобное заключеніе сдѣлать относительно эманаціи радія, т. е. что газъ „эксрадіо“ содержитъ въ качествѣ своей составной части гелій, и отвѣчаетъ на него отрицательно. —„Въ первомъ случаѣ, говоритъ онъ, когда серебро растворяется въ азотной кислотѣ, получается ляписъ, во-второмъ-же случаѣ подобное явленіе мѣста не имѣетъ, т. е. попытка получить твердый радій изъ газа „эксрадіо“, или „эксрадіо“—изъ гелія останется безрезультатною. Правда, можно возразить, что мы не обладаемъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для составленія газа „эксрадіо“, или иначе, что, можетъ быть, для полученія „эксрадіо“ изъ гелія надо къ послѣднему добавить нѣчто, чѣмъ мы не располагаемъ. Дѣйствительно, есть одинъ элементъ о которомъ не надо забывать въ подобномъ разсужденіи. Это—энергія“.

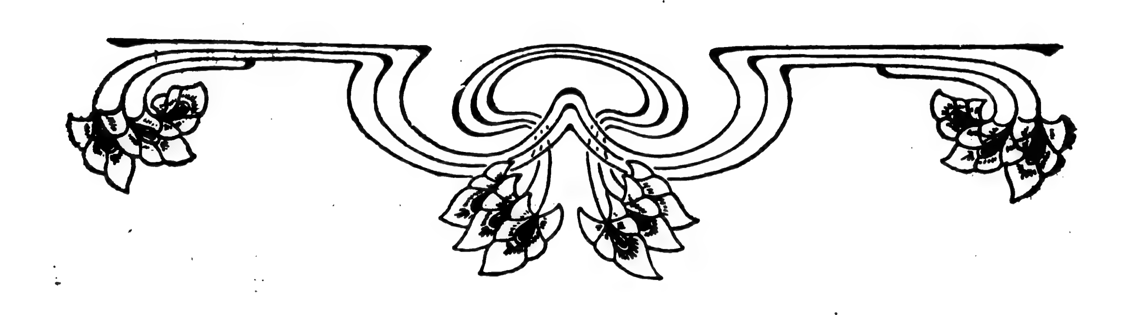
„Чтобы получить соединеніе веществъ, составляющихъ газъ „эксрадіо“, нужно возмѣстить то огромное количество энергіи, которое „эксрадіо“ затратилъ для образованія гелія. Кромѣ того, нужно также обладать средствами восполнить тѣ электроны, которые при этомъ разложеніи разсѣялись въ пространствѣ“.

„Аналогіи, заимствованныя изъ обыкновенной химіи, ничего не

даютъ намъ для уясненія даннаго случая, потому что мы не можемъ управлять самопроизвольными явленіями, обнаруживаемыми радіемъ и продуктами его распада".

„Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отступать передъ попытками заставить электроны, выдѣляемые эманаціей радія, проникать въ другія тѣла и соединяться съ ними. Опыты, сдѣланные нами въ этомъ направленіи, пока не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Я не рѣшаюсь утверждать, что мнѣ удастся достигнуть рѣшительнаго успѣха въ этихъ изслѣдованіяхъ, отличающихся вообще чрезвычайной сложностью, однако, уже можно намѣтить тотъ путь, по которому надо слѣдовать, чтобы освѣтить область этихъ загадочныхъ явленій".

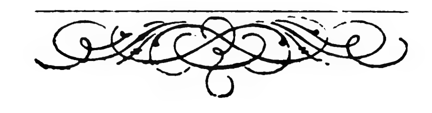
Н. Адамовичъ.

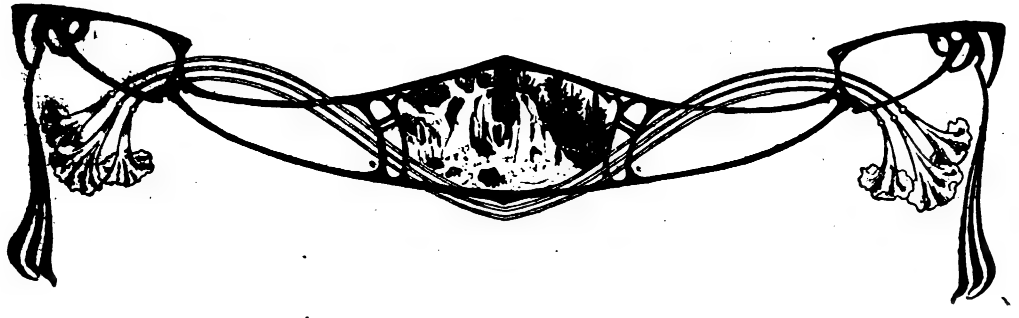


* * *

Успокойся, моя дорогая,
И не лей ты мучительныхъ слезъ.
Вновь вернется весна золотая
Въ блескѣ яркихъ сіяющихъ грезъ.
Минетъ первое дѣтское горе...
Миръ душевный воротится вновь.
И заблещутъ въ заплаканномъ взорѣ
Снова счастье, и жизнь, и любовь!

Ив. Сынковскій.





Школьный учитель.

(Типы и нравы Сахалина).

Л. Уварова.

I.

Когда тюремное начальство убѣдилось, наконецъ, въ неспособности ссыльно-каторжнаго Михаила Зуева къ занятію писарской должности въ корсаковскомъ окружномъ полицейскомъ управленіи, то его назначили... школьнымъ учителемъ въ селеніе Соловьевку.

Да и куда было дѣвать иначе такого стараго Ирода?

Руки его теперь постоянно тряслись, словно онъ только что перенесъ тяжкую болѣзнь. Вѣчно хмѣльная голова его, и безъ того уже не работавшая отъ старости, совершенно отказывалась ему служить. Глаза его, хотя и были вооружены чудовищными по размѣру очками, видѣли все-же очень плохо. Ноги его на ходу подкашивались и дрожали. И, наконецъ, въ добавленіе ко всему, онъ сталъ тугъ на оба уха.

Прошло то время, когда на Зуевѣ держалось все полицейское управленіе, когда онъ буквально ворочалъ всѣми его дѣлами, когда въ немъ заискивала не только всецѣло зависѣвшая отъ него шпанка *), но когда нуждалось въ немъ, не могло безъ него обойтись даже и само начальство.

А теперь?...

Теперь Зуевъ только съ горечью думалъ про себя:

-- Что было, то былью поросло!...

— Эхъ, -- вспоминалъ онъ свое прошлое,—не житье было—малина!... Какъ я пилъ, какъ я ѣлъ!... А мархилевки *)-то, мархилевки сколько бывало у меня завсегда!... хошь купайся въ ей!... Пей—не хочу!...

Съ сожалѣніемъ оставлялъ онъ мѣсто писаря; не хотѣлось ему уходить изъ полицейскаго управленія. Въ его душѣ еще жила надежда на то, что его оставятъ, если онъ перестанетъ пить.

— Возьму себя въ руки!—рѣшалъ онъ,—недѣлю ни росинки маковой не нюхну даже!... Авось, удержусь тогда снова здѣсь, и пойдетъ опять у меня все по старому...

Но у него не хватало силъ отказаться отъ водки; онъ уже былъ отравленъ алкоголемъ и, если проснувшись, съ самаго утра не выпивалъ стаканчика, то всего его колотило, какъ въ лихорадкѣ.

— Воздержусь!—думалъ онъ.

---

*) Шпана, шпанка—презрительное названіе каторги—отбросы человѣчества.

*) Мархиль, или мархилевка—спиртъ.

А рука его въ то-же самое время машинально тянулась къ завѣтной бутылкѣ изъ темнаго стекла, и губы жадно глотали живительную влагу...

— Это послѣдній разъ! — торжественно давалъ онъ себѣ клятву.

Но проходило нѣсколько минутъ, онъ снова прикладывался къ той-же самой бутылкѣ, и уже сердясь на свою слабохарактерность, повторялъ съ еще большимъ чувствомъ:

— Баста!... Теперь ужъ *совсѣмъ въ послѣдній разъ*!...

И чѣмъ больше старался онъ „воздержаться“, тѣмъ сильнѣе его тянуло къ водкѣ.

Передъ самымъ отходомъ на службу онъ опять выпивалъ.

— Самую чуть-чуточку!—мысленно обманывалъ онъ самъ себя, стараясь въ то-же время глотнуть какъ можно больше.

И въ результатѣ — приходилъ на занятія снова пьяненькимъ.

Начальство уже извѣрилось въ его обѣщанія и махнуло на него рукой.

— Алкоголикъ! — рѣшили чиновники,—надо отъ него отдѣлаться...

Будь на мѣстѣ Зуева кто нибудь другой, то, конечно, съ этимъ „другимъ“ здѣсь бы не стали стѣсняться, но Зуева, во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ, щадили.

Долго терпѣли его въ полиціи, не желая выгонять его вонъ, какъ собаку, и не зная въ то-же время, куда его дѣвать.

Наконецъ, одному изъ корсаковскихъ администраторовъ пришла въ голову блестящая мысль; онъ торжественно обнародовалъ свой проектъ въ кругу сослуживцевъ и, при общемъ одобреніи, мысль его была съ благодарностью принята.

— Parol d'honeur, вамъ бы быть дипломатомъ!—восторженно воскликнулъ славившійся своей образованностью начальникъ тюрьмы (изъ фельдшеровъ).

— Лопни мои глаза, вы избавили мою канцелярію отъ страшнаго ига, которое отзывалось на полиціи еще тяжелѣе, чѣмъ на Россіи, въ свое время, иго татарское!—съ чувствомъ произнесъ, крѣпко пожимая въ знакъ благодарности руку новоиспеченнаго дипломата, извѣстный ораторъ Мокрохвостовъ, образованный не менѣе начальника тюрьмы.

— Не выпить-ли намъ, господа, по этой причинѣ?—подалъ голосъ старый сахалинскій служащій, не имѣющій чина, но обладающій необыкновеннымъ красно-фіолетовымъ носомъ, смотритель поселеній Трезвинскій.

— О, безусловно, безусловно!... Причина вполнѣ уважительная!— радостно воскликнулъ хлѣбосольный хозяинъ и, захлопавъ въ ладоши, чтобы вызвать свою дражайшую половину, далъ ей инструкцію къ скорѣйшему приготовленію „мокренькаго“.

Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія бонвивановъ, ораторовъ и дипломатовъ сидѣла за столомъ, съ аппетитомъ выпивая и чавкая. Языки у всѣхъ развязались, и не было конца ихъ умнымъ рѣчамъ.

Такимъ образомъ рѣшилась судьба ссыльно-каторжнаго Михаила Зуева.

Узнавъ на слѣдующій день о своемъ новомъ назначеніи, пьяный старикъ глубоко огорчился; онъ увидѣлъ въ этомъ несправедливое отношеніе къ себѣ начальства и, крѣпко сжавъ невѣрную руку въ кулакъ, невѣдомо кому погрозилъ.

— Хорошо-же, покажу я вамъ!— пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ,— добро-бы, если-бы я что нибудь укралъ, или выкинулъ-бы еще тамъ какую нибудь пакость, ну, тогда и назначай ужъ въ школу... А то вдругъ ни съ того, ни съ сего, на тебѣ!... Спасибо, молъ, тебѣ, дуракъ старый, за службу за твою, ты намъ больше не надобенъ, иди-ка, дескать, вмѣстѣ съ остальными мошенниками въ учителя, въ школьные... Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день.

Онъ былъ оскорбленъ, обиженъ, а писаря вокругъ него хохотали.

Не утѣшился пьяный старикъ даже и тогда, когда всесильный чи-

новникъ Мокрохвостовъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ торжественнымъ тономъ теплое слово, въ которомъ слышалось искреннее чувство стараго сахалинскаго служаки.

Ораторъ сказалъ слѣдующее:

— Спасибо тебѣ, Зуевъ, за твою долголѣтнюю службу въ полиціи!... Ты принесъ много пользы своей неустанной работой всѣмъ намъ... скажу даже больше: ревностно исполняя свои обязанности, ты дѣлалъ святое дѣло—ты помогалъ... ты облегчалъ участь многихъ изъ „отверженныхъ міра сего“!... Еще разъ великое спасибо тебѣ за самоотверженную энергію, съ которой ты работалъ долгіе годы ради блага и пользы бывшихъ людей!... Жаль, душевно жаль, что твоя неодолимая страсть къ вину вынуждаетъ насъ категорически сказать тебѣ „прости“! Если бы не твой порокъ, то (клянусь тебѣ честью Мокрохвостовыхъ) я бы никогда не разстался съ тобой!... Но, впрочемъ, довольно объ этомъ!... Къ чему мы будемъ говорить въ минуты горестной разлуки о такихъ вещахъ!... Такъ какъ ты признанъ, благодаря твоей слабости къ вину, неспособнымъ къ занятію писарской должности, то отнынѣ тебя назначаетъ начальство на должность школьнаго учителя въ селеніи Соловьевкѣ. Я убѣжденъ, что ты оправдаешь оказанное тебѣ довѣріе и что твоя энергія... твоя плодотворная дѣятельность не замедлитъ сказаться въ скоромъ времени на новомъ для тебя педагогическомъ поприщѣ въ успѣхѣ твоихъ учениковъ. Я увѣренъ, Зуевъ, что ты сумѣешь строго держать дѣтей и въ то-же время вызовешь къ себѣ горячую любовь ихъ сердечекъ.

Въ этомъ твоя задача!... Это твоя святая обязанность!... Не плошай, Зуевъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ и твоя побѣда!... Нѣкогда Наполеонъ, воодушевляя передъ сраженіемъ свои войска, сказалъ, обращаясь къ солдатамъ...

Тутъ, припоминая слова Наполеона, Мокрохвостовъ на секунду запнулся, а Зуевъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, громко икнулъ.

— Пять вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ! — провозгласилъ въ это время ораторъ, входя въ ражъ и сопровождая свою рѣчь красивымъ жестомъ.

— „Пять вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ“, сказалъ Наполеонъ,—повторилъ Мокрохвостовъ, подымая руку кверху.

— Эфто, который Наполеонъ... Бунапартъ!...—проговорилъ и Зуевъ, снова громко икая.

Но Мокрохвостовъ, не слушая его, продолжалъ дальше:

— Такъ сказалъ Наполеонъ, ведя своихъ солдатъ въ бой... а я скажу тебѣ еще больше... еще лучше!...

Тутъ глаза Мокрохвостова загорѣлись вдохновеннымъ огнемъ, и плавнымъ движеніемъ руки описавъ передъ собой дугу, онъ торжественно закончилъ такъ:

— Весь міръ смотритъ на сахалинскаго школьнаго учителя!... И такъ, старикъ, ты долженъ побѣдить!...

Мокрохвостовъ хотѣлъ еще прибавить: „вивъ ля Франсъ“, но упустилъ для этого удобный моментъ, а послѣ длинной паузы сдѣлать это находилъ уже неудобнымъ.

II.

Съ этихъ поръ прошло уже больше года.

Зуевъ вскорѣ забылъ свое прежнее горе и примирился съ положеніемъ школьнаго учителя; сначала еще оно, правда, ему и не нравилось, но постепенно онъ вошелъ въ курсъ дѣла и, наконецъ, убѣдился въ томъ, что новая его должность не лишена своихъ выгодъ и прелести.

Всѣхъ своихъ учениковъ онъ обложилъ безпощадной контрибуціей; такъ или иначе изо-всѣхъ нихъ онъ умѣлъ извлекать себѣ пользу: тѣ, которые хотѣли избавиться отъ его

пинковъ, зуботычинъ, тасканья за уши и вихры, а также отъ розогъ и ударовъ классной линейкой —несли ему дань въ видѣ разбавленной мархилевки, яицъ, сметаны, масла и даже мѣдныхъ грошей; тѣ-же изъ дѣтей, которыя не могли закупить его строгости, доставляли ему удовольствіе косвеннымъ образомъ, давая возможность проявлять надъ собой учительскую (въ своемъ родѣ начальническую!) власть.

Зуевъ часто вспоминалъ теперь многознаменательныя слова Мокрохвостова, наивно полагая, что въ настоящемъ его положеніи именно и заключается его побѣда.

— А и впрямь правду напророчилъ мнѣ, курицынъ сынъ!—блаженно улыбаясь, думалъ онъ каждый разъ, когда принималъ отъ своихъ питомцевъ взятки.

— Вотъ и побѣдилъ старикъ Зуевъ!—радовался онъ въ душѣ.

Неизвѣстно, любили или нѣтъ его ученики и ученицы, но о томъ, что онъ держáлъ ихъ строго, и что они всѣ боялись его, свидѣтельствовалъ общій видъ класса во время занятій и гробовая тишина, стоявшая въ немъ въ эти часы.

— А ну-тка, Катька, трижды два много-ль будетъ?—Задавалъ онъ вопросъ самой нелюбимой изъ своихъ ученицъ въ минуту гнѣва.

Худенькая бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти вставала при этомъ со своего мѣста и, устремляя на него просящій о пощадѣ взглядъ своихъ добрыхъ синеватыхъ глазъ, отвѣчала ему дрожащимъ голоскомъ:

— Шесть, Михайла Иванычъ!...

— Тэкъ-съ!—бормоталъ, обыкновенно пьяный, учитель,—теперь, мать моя, ты объясни мнѣ, почему шесть, а не семь!...

Но дѣвочка не могла объяснить ему этого, такъ какъ не только никто изъ учениковъ, но и самъ Михайла Иванычъ не зналъ такой премудрости.

Она безпомощно стояла передъ нимъ и молчала, а онъ уже протягивалъ руку къ линейкѣ и говорилъ ей строгимъ внушительнымъ голосомъ:

— Не плошай, Катька!... Пять вѣковъ смотрятъ на тебя съ высоты этихъ пирамидъ!... А нѣтъ, такъ искалѣчу, каналья!...

Но и это не помогало, дѣвочка не могла дать ему объясненія и растерянно повторяла только по прежнему.

— Шесть, Михайло Иванычъ, а не семь!... Потому что... такъ выходитъ шесть, если по пальцамъ, Михайла Иванычъ...

— Вотъ, вотъ!... По пальцамъ!... Такъ я-жъ тебѣ и покажу по пальцамъ!...

И вслѣдъ за этимъ онъ больно билъ ее по рукамъ линейкой.

Сорвавъ на ней первую злобу, онъ принимался за другихъ своихъ учениковъ, отъ которыхъ тоже не получалъ никогда никакихъ подарковъ и которыхъ называлъ поэтому козлами.

Катьку онъ называлъ тоже козломъ, потому что и отъ нея, „какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока“ ему не было.

Ея онъ не любилъ больше всѣхъ, главнымъ образомъ потому, что ему постоянно казалось, что она и можетъ принести ему что нибудь въ подарокъ, но не хочетъ, просто изъ упрямства.

Эта мысль сильно сердила его, но онъ все-же сомнѣвался въ своемъ заключеніи и потому не особенно тиранилъ дѣвочку.

Самое страшное наказаніе его для учениковъ заключалось въ оставленіи послѣ уроковъ въ школѣ.

Этому наказанію подвергались пока очень немногіе и рѣдко, но испытавшіе его съ ужасомъ вспоминали о немъ.

Здѣсь старый каторжникъ мучилъ дѣтей долго и жестоко, вымѣщая на нихъ всѣ свои жизненныя неудачи и злобу.

До сихъ поръ судьба хранила Катюшку отъ этого наказанія, но од-

нажды на бѣдную дѣвочку обрушилось великое горе...

А русская пословица говоритъ: „пришла бѣда—отворяй ворота“!

И справедливость этой пословицы лишній разъ подтвердилась на бѣдной Катюшкѣ.

III.

Былъ сѣренькій дождливый денекъ. Далеко вокругъ все небо заволокло тучами. Свинцовый туманъ окуталъ землю. Съ крышъ текло; на дорогѣ стояли лужи. А небо все плакало и плакало и, казалось, не будетъ конца его слезамъ.

Холодный порывистый вѣтеръ проносился надъ селеніемъ, дергая ставни избушекъ и обдавая стекла оконъ цѣлыми потоками дождя.

Уныло шумѣли верхушками полуобнаженныя деревья тайги. Вдали глухо рокотало море. Въ печныхъ трубахъ избушекъ раздавались тоскливыя и злыя пѣсни Вѣдьмы—Осени...

Михайло Иванычъ Зуевъ сегодня былъ особенно не въ духѣ. На него видимо вліяла дурная погода, и все его сердило и раздражало. Когда же въ классъ вошла Катюшка, то онъ даже измѣнился въ лицѣ: дѣвочка была въ нарядномъ голубомъ платьицѣ съ кружевами, въ новенькихъ чулочкахъ и туфелькахъ.

Первымъ дѣломъ онъ взглянулъ ей въ руки, но въ нихъ ничего не было, и страшная злоба охватила учителя.

— Ну, хорошо же!.. Будетъ тебѣ сегодня!—прошипѣлъ онъ себѣ подъ носъ.

— Знать не хочетъ принести мнѣ подарка,—рѣшилъ онъ,—выряжаться можетъ, а благодарности за науку учителю нѣтъ!.. Ладно же, проучу я тебя, падаль несчастная!..

И весь урокъ придирался онъ къ ней.

Подъ конецъ занятій онъ больно ударилъ ее линейкой по рукамъ, а когда дѣвочка заплакала, то онъ внѣ себя отъ бѣшенства затопалъ на нее ногами и закричалъ:

— А!.. Ты еще ревѣть?.. Что-же это такое? До тебя и дотронуться нельзя?.. А?.. Ну, хорошо-же!.. Въ уголъ, гадина!.. На колѣни!..

Онъ такъ толкнулъ ее въ спину, что дѣвочка упала, а потомъ обратился ко всѣмъ остальнымъ своимъ питомцамъ и сказалъ имъ:

— Можете идти по домамъ всѣ, кромѣ нея!..

Вслѣдъ за этимъ онъ вышелъ изъ класса въ сосѣднюю комнату, служившую ему квартирой, и жадно приложился къ своей завѣтной бутылкѣ.

Школьники зашумѣли и заговорили, собирая свои тетрадки и книжки.

— Бѣдная Катюшка!—пожалѣлъ кто-то изъ дѣтей наказанную дѣвочку.

— Катюшка бѣдная?.. Ха!..—воскликнулъ въ отвѣтъ на это краснощекій рыжій мальчуганъ.

— А вы не знаете ничего про нее?.. То-то и оно... Ну, такъ я вамъ разскажу сейчасъ все на улицѣ!.. Катька дрянь, нечего ея жалѣть... Такъ ей и надо!..

И, проходя мимо нея, онъ брезгливо плюнулъ въ ее сторону, и протянулъ:

— У-у-у! поганка!.. гадина эдакая!.. Я все про тебя знаю!..

Катька ничего ему не отвѣтила. Краска стыда залила ея лицо; она обхватила голову обѣими руками и, припавъ локтями къ стѣнѣ, снова горько заплакала.

Вскорѣ всѣ изъ класса вышли, и она осталась въ немъ одна.

На дворѣ по прежнему шелъ дождь; по прежнему завывалъ въ трубѣ и колотилъ въ ставни вѣтеръ...

Прошло нѣсколько минутъ, а Катька стояла все въ томъ-же самомъ положеніи, не двигаясь; она уже больше не плакала и вся словно одеревѣнѣла.

Время для нея тянулось томительно долго. Она ожидала чего-то

ужаснаго, и дѣтское ея сердечко сжималось и замирало отъ страха.

Ей вспоминались разсказы о чудовищныхъ звѣрствахъ Зуева, и по тѣлу ея пробѣгала дрожь.

— Господи, Господи! — думала она,—что-же я за несчастная: и дома бьютъ, и здѣсь бьютъ!.. Всѣ меня бьютъ, кто хочетъ!.. и *онъ* тоже бьетъ...

Она съ содроганіемъ вспомнила объ „этомъ противномъ, мерзкомъ“ Микитѣ Степанычѣ, который вчера далъ двадцать пять рублей ея отцу и за это взялъ ее къ себѣ...

— Боже мой, какъ онъ меня билъ за то, что я—дура, что я ничего, ничего не понимаю!.. Но вѣдь онъ мнѣ ничего не говорилъ, что-же я могла понять?—недоумѣвала до сихъ поръ Катюшка.

— А потомъ онъ вдругъ...

Ей неожиданно вспомнилось, то что произошло *потомъ*. Но до сихъ поръ ей было только противно и стыдно вспоминать *объ этомъ*, теперь же, послѣ презрѣнія, выказаннаго ей рыжимъ мальчишкой, ей какъ-то внезапно, сразу сталъ понятенъ и ясенъ весь ужасъ ея положенія. Ей пришла на память знаменитая Сонька „Монашки“ *) и она невольно сравнила себя съ нею.

Умъ ея лихорадочно сталъ работать; въ дѣтскую головку вихремъ ворвались не дѣтскія, грязныя мысли.

И вдругъ, она не выдержала... Всею тяжестью упала бѣдняжка на полъ, схватилась обѣими рученками за волосы и дико, безумно вытаращивъ глаза, истерически захохотала и заплакала одновременно.

Невѣрной походкой, съ бутылкой въ рукахъ въ классную комнату вбѣжалъ Зуевъ. Ничего подобнаго не видавшій во всю свою жизнь, онъ изумленно глядѣлъ на нее и разводилъ въ недоумѣніи руками.

*) „Монашка“ — знаменитая сахалинская прелестница. Сонька ея десятилѣтняя дочь, слѣдующая примѣру родительницы.

А Катька все еще хохотала и плакала.

Не смотря на весь свой хмѣль, Зуевъ все же понялъ, что съ дѣвочкой происходитъ что-то необыкновенное, и потому шатаясь подошелъ къ ней и, приподнявъ ее съ пола, посадилъ ее въ уголъ, прислонивъ спиной къ стѣнѣ.

Катька перестала плакать и молча смотрѣла ему въ глаза, видимо, не понимая, что съ нею дѣлается; Зуевъ же наклонился къ ней съ вопрòсомъ въ лицѣ и ждалъ отъ нея объясненія.

Но то, что произошло вслѣдъ за этимъ, уже совершенно поразило его своей неожиданностью.

Катька горячо припала къ его рукѣ и, обливая ее слезами, судорожно стала ее цѣловать.

— Да что съ тобой, Катюшка?— изумленно спросилъ ее взволнованнымъ голосомъ Зуевъ.

— Дяденька!.. милый дяденька!.. убей ты меня!—стономъ вырвалось у нея.

Ему стало страшно жаль ея. Никогда никого въ жизни не жалѣлъ онъ такъ, какъ сейчасъ жалѣлъ эту дѣвочку. Онъ понялъ, почувствовалъ своихъ черствымъ сердцемъ, что на душѣ у этого слабаго, маленькаго созданьица таится великое горе, и всѣми силами своими захотѣлъ теперь придти ей на помощь.

— Да что съ тобой, Катюшка?.. сказывай мнѣ правду!—гладя ее по головѣ, прошепталъ онъ ей снова, прижимая ея щеку къ своей груди.

Катька долго еще рыдала, но, наконецъ, успокоилась и заговорила.

— Тятькѣ и мамкѣ нечего было ѣсть... такъ начала она свой разсказъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ всхлипываній голосомъ.

На дворѣ шелъ дождь... Стуча ставнями и завывая въ печной трубѣ, вѣтеръ по временамъ заглушалъ ея слова.

Но Зуевъ узналъ отъ нея всю ея правду и, когда она замолчала, тя-

желая горячая слеза упала изъ его глазъ на ея русую головку, и еще крѣпче онъ прижалъ ее къ своей груди.

Всѣми силами души ему хотѣлось теперь утѣшить ее, сдѣлать ей что нибудь хорошее... доброе, но онъ не зналъ, *что* сдѣлать.

И вдругъ блестящая мысль пришла ему въ голову—онъ рѣшилъ отдать ей то, что было для него дороже жизни. Дрожащей рукой онъ приложилъ къ ея губамъ горлышко бутылки съ остатками мархилевки и сказалъ:

— Пей, Катюшка!

Дѣвочка машинально повиновалась, но, сдѣлавъ два большихъ глотка, вдругъ поперхнулась, и широко вытаращивъ глаза, судорожно закашлялась.

— Ничего, ничего, пей, Катюшка!—уговаривалъ ее Зуевъ,—опосля хорошо будетъ, какъ хмѣль въ голову вдаритъ!..

Но Катюшка наотрѣзъ отказалась.

Во рту у нея было горько; изъ подъ языка била слюна, а въ горлѣ такъ и жгло все.

Она вспомнила теперь, что эту самую мархилевку постоянно пьетъ ея „тятька", и невольно удивилась ему и его вкусу.

— Фу, гадость какая!—подумала она,—и къ чему пьетъ онъ такую горечь?.. И морщится, да пьетъ!.. Вотъ, поди-жъ ты!.. И всѣ, вѣдь, вотъ такъ!..

— Хлѣбца бы съ солью!—какъ-то странно протянула она, уже заплетающимся языкомъ:

— Тятька мой завсегда хлѣбомъ закусываетъ!..

— Да ты бизо-всякой закуски привыкай, Катька, потому какъ тогда мархиль шибче заговоритъ, а чѣмъ крѣпче захмѣлѣешь, тѣмъ слаще будетъ тебѣ, дурашка! — убѣждалъ ее Зуевъ.—Вотъ, глядикось на меня, какъ я пью!

Онъ приложился къ бутылкѣ и, съ жадностью проглотивъ однимъ духомъ все, что въ ней было, прибавилъ.

— Вотъ какъ пить надоть!.. Это вотъ по нашинскому!..

Но Катюшка уже не слышала его. Ее охватило какое-то новое до сихъ поръ незнакомое ей чувство. Голова ея кружилась, глаза видѣли все въ такомъ видѣ, какъ будто она одѣла себѣ на носъ очки дяди Сильвестрова—старосты Соловьевки,—все двоилось, троилось и какъ-то расплывалось и смѣшивалось между собою.

Вотъ красный носъ Михайла Иваныча превратился въ два носа и нѣжно обхватилъ бутылку темнаго стекла, вотъ Михайло Иванычъ прислонился спиной къ партѣ и утонулъ въ ней, словно въ пуховой подушкѣ.. вотъ, онъ весь исчезъ, остались отъ него только однѣ громадныя ноги...

И вдругъ Катюшкѣ показалось, что вся комната точно дернулась куда-то внезапно, и потомъ быстро, но безшумно и плавно понеслась куда-то въ пространство.

— Куда это?.. Куда мы?—проговорила она.

Но въ это время полъ круто сталъ заворачивать вверхъ, потолокъ загородило стѣною,—и пошла потѣха!

— Точно на каруселяхъ!—подумала Катюшка.

На мгновеніе ей стало все необыкновенно смѣшно, но потомъ вдругъ сдѣлалось нехорошо. Въ глазахъ ея потемнѣло, къ горлу что-то подступило и, наконецъ, ей стало все кругомъ безразлично, все равно...

Она покачнулась и, упавъ на полъ, заснула, какъ мертвая.

IV.

Сѣмя упало на плодородную почву...

Испытавъ одинъ разъ чувство опьяненія, Катюшка захотѣла его возобновить и при первомъ же удобномъ случаѣ „стянула" изъ чулана тятькину бутылку.

И хотя ее били, но она не чувствовала боли и опять „каталась на карусели“.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Катюшка не переставала пить.

Отецъ ея, собственно говоря, ничего и не имѣлъ противъ этого, но его сердило постоянно то, что она *жретъ его мархилевку*; когда-же дѣвочка приходила въ пьяномъ видѣ домой отъ кого нибудь изъ гостей, то онъ только смѣялся; если-же это случалось съ нею послѣ *побывки* у Микиты Степаныча, то онъ даже хвалилъ ее, потому что Микита Степанычъ продолжалъ благосклонно относиться къ нему.

Большинство сахалинскихъ внѣбрачныхъ семей, происшедшихъ отъ свободнаго сожительства ради домообзаводства, не имѣя къ своему существованію нравственныхъ устоевъ, представляютъ изъ себя, за очень рѣдкими исключеніями, нѣчто ужасное, разлагающееся, тлетворное... Всѣ члены подобныхъ семей —эгоисты, доходящіе до глубокаго цинизма въ стремленіи къ личнымъ выгодамъ и удобствамъ.

Одной изъ такихъ семей была и та, къ которой принадлежала Катюшка. Ея отецъ и мать смотрѣли на ребенка исключительно какъ на средство къ наживѣ; до здоровья-же ея, до воспитанія и до всего остальнаго имъ какъ будто и дѣла не было. Въ школу Катюшка ходила только потому, что „такой приказъ вышелъ отъ начальствія“, переданный ея родителямъ старостой Соловьевки для безотговорочнаго исполненія.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полупьяной жизни, съ непрестанными *ласками* Микиты Степаныча, организмъ бѣдной дѣвочки, наконецъ, совершенно расшатался, и она стала быстро худѣть и чахнуть, но никто на это не обращалъ никакого вниманія.

Нѣсколько разъ съ Катюшкой происходили обмороки, но насчетъ болѣзни ея съ докторомъ не совѣтывались—„не съ руки было въ портъ ѣхать, а до него девять верстъ—пѣшкомъ не дойдешь, надо лошадь запрягать“!

Подумали родные Кятюшки, да и махнули рукой:

— А ну ее къ шуту, сама по себѣ выздоровѣетъ!—рѣшили они.

Когда съ Катюшкой случался опять припадокъ, то ее или окачивали, по совѣту мѣстнаго коновала, водой, или-же просто оставляли въ покоѣ—давали отлежаться.

Между тѣмъ время шло. Кончилась осень, наступила и прошла многоснѣжная зима и, наконецъ, на землю слетѣла волшебная красавица весна.

Съ горъ побѣжали въ долины ручьи холодной воды отъ тающихъ снѣговъ.

Въ золотистыхъ лучахъ весенняго солнца, сверкая игривыми волнами, глухо, словно въ любовной истомѣ, рокотало холодное море, цѣлуя каменистые берега.

Съ плескомъ и съ шумомъ неслись къ берегу, обгоняя другъ друга, косматые бѣлые барашки и, разбиваясь о грудь земли, разсыпались въ прахъ и отпрядывали назадъ, оставляя на мелкой галькѣ прибрежной полосы морскія раковины, водоросли, пѣну и кусочки молочнаго янтаря.

Тайга зеленѣла.

Мощно подняла кверху и широко раскинула въ стороны свои вѣтви корявая старуха ель, стройная пихта, словно въ молитвенномъ экстазѣ, устремилась къ небесамъ въ своемъ бархатисто - изумрудномъ одѣяніи; бѣлая и желтая березы, покрытыя едва распустившимися желтовато - зелеными листиками и почками, выглядывая кой-гдѣ изъ за филиграннаго шатра темно-зеленой хвои, будто улыбались горячему солнцу, далекимъ голубымъ небесамъ и бѣгущимъ по нимъ розовато-бѣлымъ легкимъ барашкамъ облаковъ.

Въ воздухѣ пахло морской водой, смолистой хвоей, землей и чѣмъ-то еще прянымъ...

Птичье царство завело въ тайгѣ свои пѣсни.

Несмолкаемо кричала гдѣ-то въ въ чащѣ кукушка; чирикалъ на вѣткѣ, весь напыжившись, воробей; малиновка выводила свои серебристыя мелодичныя нотки; пѣлъ снигирь; слышался гдѣ-то хохотъ гагары, а съ далекаго озера доносился пронзительный крикъ бѣлыхъ лебедей...

Тепло въ воздухѣ, тихо; только изрѣдка шевелилъ верхушками тайги, лаская ее, легкій вѣтерокъ: налетитъ на нее, поцѣлуетъ и снова улетитъ куда-то далеко, далеко...

Словно праздникъ въ природѣ! Даже всегда угрюмое К—вское кладбище „у маяка“, и то какъ-то преобразилось все... Ярко зеленымъ ковромъ покрыла весна безвѣстныя могилы; горячее солнце вызолотило старые покосившіеся деревянные кресты, и даже плакучія ивы, надъ холмами могилъ, въ своей молодой листвѣ казались скорѣй улыбавшимися, чѣмъ плачущими...

Тихо на кладбищѣ...

Не доносится сюда шумъ изъ раскинувшагося внизу К—овска; не слышно здѣсь ни возгласовъ, ни пѣсенъ праздничной толпы, копошащейся внизу; только мѣрные удары стараго колокола съ колокольни—навѣса Анивской церкви нарушаютъ мистическую тишину могилъ, да глухой рокотъ безпредѣльнаго моря доноситъ сюда свою пѣсню безъ словъ...

И слышатся здѣсь въ этой пѣснѣ, среди общаго ликованія природы, и плачъ, и стоны наболѣвшей души, и муки невысказаннаго горя, и скорбь объ умершихъ, и жалобы на разбитое счастье, на погибшія надежды...

А звуки замирающаго колокола, словно желая примирить чью-то изстрадавшуюся душу съ небесами, говорятъ о вѣчномъ покоѣ могилъ, о блаженствѣ, о Богѣ, и просятъ и требуютъ они, чтобъ больная душа успокоилась, напоминая ей, что здѣсь предѣлъ человѣческимъ мукамъ, что здѣсь храмъ „вѣчнаго успокоенія“, что здѣсь всему, всему *конецъ*...

Тихо на кладбищѣ, никого не слышно кругомъ, словно всѣ забыли о дорогихъ могилахъ, только на одной изъ нихъ видна чья-то согбенная фигура.

Какой-то старикъ поникъ головой къ кресту свѣжей насыпи, обнялъ ее руками и застылъ такъ безъ движенія; только плечи его судорожно вздрагиваютъ...

На свѣжемъ дернѣ, кой-гдѣ поросшемъ пучками молодой изумрудной травки, лежитъ его арестантская шапка; рѣдкіе, длинные сѣдые волосы на его головѣ развѣялъ вѣтеръ и набросалъ ему на спину сухихъ прошлогоднихъ листьевъ.

Неутѣшно плачетъ старикъ, видно дорогъ былъ ему человѣкъ, похороненный въ этой могилкѣ.

— Господи!.. Господи, упокой ея душу!—шепчутъ губы старика.

И горячія крупныя слезы ползутъ изъ его глазъ по изборожденному морщинами лицу...

Онъ принесъ на могилку грубый вѣнокъ изъ полотняныхъ цвѣтовъ и въ вѣнкѣ этомъ виднѣется лента...

— Катѣ отъ учителя!—гласитъ на ней надпись.

Неутѣшно плачетъ старикъ надъ могилой, а внизу на пригоркѣ у кладбища съ нетерпѣніемъ давно ожидаетъ его дѣтвора.

— Что-й-то запропастился Михайло Иванычъ?—съ безпокойствомъ спрашиваютъ другъ у друга ребятишки.

— Не случилось-ли съ нимъ чего?..

— Пойдти, посмотрѣть, что-ли?—вызывается кто-то.

— Нѣтъ, не надо-ть, нельзя, дяденька просилъ никого не ходить туда, покеда онъ молится!—останавливаютъ его голоса.

И снова между ребятишками воцаряется молчаніе.

— А диво, да и только, какъ онъ

со смерти Катюшки смѣнился къ намъ!—подаетъ снова кто-то голосъ.

— И пить, вѣдь, совсѣмъ бросилъ! —прибавляютъ другіе.—Да, ребятки, прямо можно сказать, лучше отца къ намъ онъ сталъ!..

Ребятишки снова замолчали въ ожиданіи „дяденьки" Михайла Иваныча.

А тамъ, на верху, старикъ уже поднялся надъ могилкою и вѣшалъ свой убогій вѣнокъ на деревянный крестъ.

На глазахъ его еще не просохли слезы, а въ лицѣ уже свѣтилась добрая грустная улыбка.

Голубое небо смотрѣло сквозь вѣтви ивъ на могилы, и золотисто бѣлое облачко далеко, далеко вверху неподвижно застыло надъ кладбищемъ, словно любуясь рѣдкой картиной грѣшной земли...

П. С. Уваровъ.

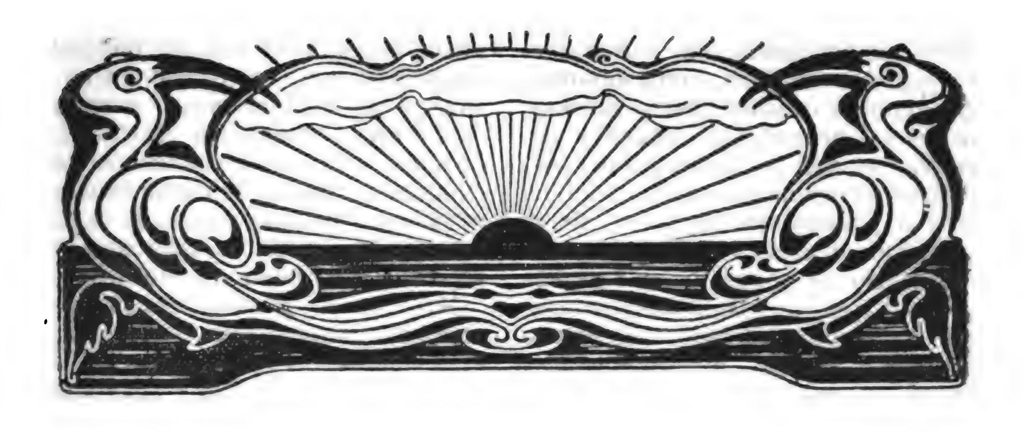
Въ изгнаніи.

Дождь барабанитъ уныло по крышѣ,
Въ комнатѣ тихо: завозятся мыши,
Рѣзко за печкой сверчокъ запищитъ,
Тускло свѣча догорая трещитъ;
Комната убрана бѣдно, тѣсна...
Ночь непроглядна сурова, темна!

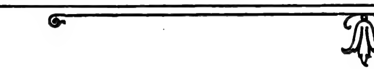
Мысли тѣснятся одна за другою,—
Прошлое встало опять предо мною:
Все, что разбито безжалостнымъ рокомъ,
Смыто могучимъ и сильнымъ потокомъ,
Все, что сулила мнѣ жизни весна...
Ночь непроглядна, сурова, темна!

Вижу я лица друзей оживленныя,
Рощи родныя, росой окропленныя;
Пѣсня знакомая—близко такъ слышится,
Вотъ оно—волнами поле колышется...
Прочь эти думы! Мнѣ страшно! Безъ сна—
Ночь непроглядна, сурова, темна!

З. Ю. Балина.



Происхожденіе современной Россіи.



Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

Часть III.

II. Опричнина. — Фикція и дѣйствительность. — Терроръ. — Царь Симеонъ. — Историческій процессъ опричнины.

Какъ живо и картинно писалъ Толстой въ своемъ знаменитомъ романѣ „Князь Серебряный": „Свѣжій человѣкъ, явившійся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія въ Москву, невольно поражался тѣмъ, что онъ видѣлъ: шайка отъявленныхъ разбойниковъ безчинствовала, грабила и жгла села,—насиловала женщинъ, рѣзала и убивала жителей,— и этихъ людей никто не смѣлъ назвать злодѣями. Это были вѣрные слуги царя, а ихъ безчинства и разбой—проявленіе новаго режима. Въ новой резиденціи государя пиры и пытки происходятъ бокъ объ бокъ;— вино и кровь льются на тѣ же царскіе ковры, и пьяная орава, переодѣтая монахами, послѣ безчинствъ и позора поетъ священные псалмы вмѣстѣ съ царемъ, переодѣтымъ настоятелемъ. Царскій дворецъ—это разбойничій вертепъ, царскій пиръ и царская забава — это жестокая расправа, стоны и вопли невинныхъ жертвъ". Такую картину рисуетъ намъ Толстой, и это отнюдь не плодъ фантазіи романиста; авторъ руководствовался историческими произведеніями отечественныхъ исторіографовъ, заимствовавъ у нихъ какъ самую картину, такъ и образы, и краски. Сообразно тому, что говорятъ Карамзинъ, Соловьевъ и Костомаровъ, а изъ болѣе современныхъ—Ключевскій и Михайловскій, опричнина представляла собою безпричинную сплошную кровавую оргію ради забавы государя, упивавшагося кровавыми зрѣлищами, пресыщеннаго яствами и винами и всякими другими наслажденіями. не зна-

ющаго ни раскаянія, ни сожалѣнія, ни стыда, ни страха, окружившаго себя шайкой отъявленныхъ разбойниковъ съ метлой при сѣдлѣ и собачьей головой въ видѣ знака отличія, объѣзжавшихъ селы и города; грабя и убивая, купаясь по локти въ крови и сгибаясь подъ тяжестью награбленнаго добра, возвращались они къ царю, одѣвали монашескую рясу и довершали свое безпутство издѣвательствомъ и глумленіемъ вмѣстѣ съ государемъ.

Другіе историки иначе взглянули на опричнину; освѣтили эту кровавую эпоху съ другой стороны: они задались цѣлью выяснить всѣ эти мрачные факты, остававшіеся необъяснимыми, доискаться ихъ истинныхъ причинъ. И вотъ подъ маской внѣшняго безумія и маніи кровопролитія они увидѣли обширные замыслы великихъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ реформъ, которыя царь не могъ бы осуществить иначе, какъ тѣмъ ужаснымъ путемъ, который онъ избралъ. И, хотя многое и сейчасъ еще остается неяснымъ, все же можно сказать съ увѣренностью, что историки старой школы заблуждались и не такъ понимали опричнину, какъ ее слѣдовало понимать: они принимали видимость за дѣйствительность, подробности и единичные факты за суть, часть за цѣлое!

Останавливаясь исключительно на кровавыхъ сценахъ, они умышленно или случайно упускали изъ вида все остальное, игнорируя и цѣли, и замыслы царя, къ которымъ онъ даже въ эту кровавую эпоху своего мнимаго безумія шелъ неуклонно и настойчиво.

На то дѣло, которое Иванъ задумалъ, ему нужно было много людей и много денегъ, а между тѣмъ люди эти цѣлыми вереницами уходили и бѣжали то въ Польшу, то въ Литву, заботясь болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ объ общихъ интересахъ народа. Также и деньги были не въ государствѣ, а въ рукахъ этихъ самыхъ людей, не подлежавшихъ никакому контролю, когда они сидѣли на воеводствахъ или засѣдали въ верховномъ совѣтѣ или правили судъ и лихоимствовали, и сколько хотѣли, содержали въ своихъ вотчинахъ цѣлый дворъ, на подобіе государева двора, и царя въ нихъ, подобно государю въ Москвѣ.

Что могъ дѣлать Иванъ одинъ противъ всѣхъ этихъ людей, представлявшихъ собою главную силу въ государствѣ, силу исконныхъ прерогативовъ, силу капитала и силу традицій?! Эту силу надо было сломить для того, чтобы построить новое государственное зданіе! Но Москва жила традиціями, и государь, который былъ воленъ въ животѣ и смерти надъ каждымъ человѣкомъ, не могъ коснуться или въ чемъ-либо измѣнить освященныхъ вѣками порядковъ, отъ которыхъ зависило и его личное положеніе. И князья, и бояре считали себя независимыми и полновластными владыками на своихъ земляхъ и видѣли въ мѣстничествѣ послѣдній оплотъ и прочную гарантію своихъ наслѣдственныхъ правъ и преимуществъ; на Русскую Землю всѣ они смотрѣли, какъ землю, которою они, эти Рюриковичи и Гедиминовичи, нѣкогда правили всякій порознь, теперь-же должны были править всѣ вмѣстѣ, считая себя во всемъ равными царю и никогда не забывая, что царь происходитъ отъ младшей линіи, а многіе изъ нихъ отъ старшей.

Что оставалось Ивану? Ничего болѣе, какъ идти на компромиссъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: тѣ люди, которыхъ онъ, какъ Сильвестра и Адашева, по его собственному выраженію, „вытащилъ изъ грязи“, преимущественно изъ класса „поповичей“, игравшихъ тогда, да и теперь еще играющихъ такую видную роль въ ряду русской интеллигенціи,—не могли тогда вполнѣ замѣнить ему тотъ денежный и нравственный капиталъ, какой представляла собою

эта враждебная ему аристократія, внѣ которой не было въ тогдашней Москвѣ никакого общества.

Надо было создать новое общество, новыя сословія, словомъ, новое государство, съ новыми порядками и новымъ строемъ, а для этого надо было уничтожить и старые порядки, и старый государственный строй, что было положительно невозможно до тѣхъ поръ, пока не перестали существовать Рюриковичи и Гедиминовичи, эти вѣчные сопротивники государей, эта нѣмая угроза его власти, эти непокорные, хотя и покоренные волею судебъ слуги государевы, не желавшіе служить ни ему, ни его государственнымъ планамъ, а только своимъ личнымъ выгодамъ и цѣлямъ.

И вотъ 3 декабря 1564 г. царь вдругъ покинулъ Москву съ извѣстнымъ числомъ бояръ, со всѣмъ своимъ дворомъ и слугами, и нѣкоторое время никто въ столицѣ не зналъ, куда и съ какой цѣлью удалился онъ. Сначала въ Москвѣ ничего не было слышно о немъ, но ровно черезъ мѣсяцъ въ Москву прибылъ царскій гонецъ съ письмомъ къ митрополиту. Въ письмѣ въ этомъ царь жаловался на своихъ слугъ, воеводъ и другихъ высшихъ сановниковъ, и объявлялъ всѣмъ имъ опалу и немилость, заявлялъ о своемъ рѣшеніи покинуть царство и поселиться, гдѣ Господь ему укажетъ. Что же это было, отреченіе? Но, наряду съ этимъ, царь выражалъ свою немилость, каралъ своею властью непокорныхъ бояръ и другихъ слугъ своихъ! Одновременно съ этимъ письмомъ царь обращался въ другомъ письмѣ къ торговымъ людямъ и ко всему народу московскому, заявляя, что на нихъ гнѣвъ его не простирается и что противъ нихъ царь никакой вражды не имѣетъ.

Все это поведеніе царя казалось непонятнымъ и безпримѣрнымъ въ исторіи московскаго государства, тѣмъ не менѣе Москва поняла, что царь прогнѣвался на высшихъ бояръ и духовенство и тѣмъ или инымъ путемъ не сегодня — завтра дастъ имъ почувствовать свой гнѣвъ и теперь уже задумалъ что нибудь не доброе, а теперь онъ только вводитъ людей въ обманъ. Конечно, рѣшено было поддаться этому обману и какъ бы повѣрить ему.

Бояре взволновались. Угнетаемый и потому ненавидѣвшій ихъ народъ сталъ сходиться на улицахъ и площадяхъ, шумѣть, умиляться передъ государевой кротостью, въ которую, впрочемъ, никто не вѣрилъ; торговые люди стали предлагать деньги и стали молить митрополита упросить государя переложить гнѣвъ на милость и вернуться въ свою столицу, а съ непокорными, прогнѣвавшими царя, поступить, какъ ему будетъ угодно. И цѣлая депутація отправилась въ Слободу Александровскую бить челомъ царю. Царь смиловался и поддался мольбамъ своихъ вѣрныхъ слугъ, но поставилъ извѣстныя условія.

Онъ рѣшилъ оставить подъ опалой своихъ супротивниковъ и измѣнниковъ, казнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, а имущество конфисковать въ пользу государственной казны, наконецъ, вернуться въ Москву не раньше, чѣмъ создастъ себѣ опричнину, т. е. извѣстный штатъ изъ особенно близкихъ ему людей,— вѣрныхъ слугъ государевыхъ, безпрекословныхъ исполнителей его воли. Этихъ людей царь избиралъ изъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ своего царства; и тѣхъ, кто имѣли наслѣдственныя вотчины и тѣхъ, которые ихъ не имѣли, онъ надѣлялъ землями на равныхъ правахъ и равныхъ условіяхъ, надѣлялъ только пожизненно, обязуя ихъ службой и переселяя всѣхъ въ окрестности Москвы, вырывая ихъ съ корней изъ родной страны и незамѣтно превращая наслѣдственныя земли въ дарованныя вотчины—въ надѣлы. Это является у Ивана выдержанной системой. И эти новые

люди, и эти новые надѣлы получили названіе опричнины. Въ то же время посольства, отправлявшіяся въ чужія страны, получали строжайшій наказъ говорить всѣмъ, что никакой опричнины не существуетъ, а царь просто окружилъ себя людьми, которые сумѣли стать ему угодны, и поселилъ ихъ на ближнихъ участкахъ земли. Постепенно районъ этихъ земель расширялся все болѣе и болѣе, и въ опричнину отходили земли, гдѣ всего крѣпче и упорнѣе держалось удѣльно-вотчинное начало, земли бывшихъ князей Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ и Черниговскихъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ князей сами просились въ опричники, другіе эмигрировали или получали большіе надѣлы въ другихъ земляхъ. Такимъ образомъ всѣ владѣльцы земли уравнивались, всякая собственность земельная переставала быть наслѣдственной и родовой, а становилась дарованной, подъ условіемъ службы и опредѣленной земельной подати, которая уплачивалась теперь не крестьяниномъ собственнику земли, — а владѣльцемъ земли въ государеву или государственную казну. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась и частная милиція, какую имѣли право содержать потомки удѣльныхъ князей, и благодаря которой эти непокорные вассалы во всякое время могли стать опасными для царя. Взамѣнъ этихъ милицій каждый обязался личною службою.

Такимъ образомъ московское царство вскорѣ раздѣлилось на двѣ категоріи земель и управленія, на опричнину и земщину. Однѣ земли, входившія въ область опричнины, имѣли новую организацію, другая же, земщина, сохраняла еще прежніе порядки, при чемъ всѣ центральныя земли и большая часть земель сѣверныхъ вошли въ опричнину, равно какъ и Поморье, и Замосковье. Прежніе порядки сохранились въ Перми, Вяткѣ и Рязани, отчасти въ Псковѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгорода, Смоленскѣ и Сѣверскѣ, а на югѣ—въ земляхъ, пограничныхъ съ Украйной.

Въ 1572 г. опричнина утратила свое первоначальное названіе и стала называться просто дворомъ. Въ это время она имѣла уже совершенно опредѣленную организацію, но, какъ это ясно видно изъ дошедшихъ до насъ документовъ, имѣя новую государственную организацію, она отнюдь не играла роли политической полиціи, какую ей старались приписать нѣкоторые историки. Въ 1570 году мы видимъ, что и земщина, и опричнина въ одинаковыхъ условіяхъ были призваны принять участіе въ лицѣ своихъ представителей, бояръ, съ той и съ другой стороны,—въ обсужденіи вопроса о Литовской границѣ, при чемъ не видно ни малѣйшаго недоброжелательства или враждебности другъ къ другу между представителями стараго и новаго порядка. Тѣмъ не менѣе эта опричнина сломила силу прежняго боярства и родовитыхъ князей, а люди, взятые изъ грязи, какъ выражался Иванъ, и выведенные имъ въ люди, служили, конечно, къ сильной демократической нивеллировкѣ высшаго класса.

— „Бояре отца моего и мои научились измѣнѣ, — писалъ Иванъ Васюшкѣ Грязному,—и мы рѣшили призвать васъ, низкихъ людишекъ, ожидая отъ васъ вѣрной службы и правды“. На это Васюшка Грязной отвѣчалъ царю: „Ты, какъ Богъ, дѣлаешь изъ человѣка малаго — человѣка великаго“.

Естественно, что подобная государственная революція не могла совершиться безъ потрясеній, кровопролитій и сильныхъ мѣръ. Нововведеніе задѣвало всѣхъ, оскорбляя интересы и чувства многихъ. Благодаря уничтоженію крестьянской автономіи—и тому, что, въ силу новыхъ порядковъ, крестьяне во всемъ ставились въ полную зависимость отъ новыхъ землевладѣльцевъ,

которые теперь являлись отвѣтственными за нихъ лицами передъ государемъ,—Иванъ сдѣлалъ шагъ на пути къ крѣпостничеству, самъ того не подозрѣвая этого. Конечно, это была ошибка, но въ дѣлѣ крупныхъ реформъ невозможно обойтись безъ ошибокъ, какъ невозможно обойтись и безъ нѣкоторой жестокости.

Таковъ общій законъ великихъ кризисовъ народной жизни. Но историкъ не вправѣ видѣть въ опричникѣ одну сплошную кровавую потѣху царя; онъ долженъ помнить, что все, что передовалось намъ объ ужасахъ этой эпохи, дошло до насъ черезъ Курбскихъ и другихъ явныхъ недоброжелателей, лично заинтересованныхъ и потому пристрастныхъ; что во всемъ, что намъ извѣстно, много преувеличенія, что ради краснаго словца преданіе не стѣснялось точностью своихъ повѣствованій, а люди въ родѣ Курбскаго не хотѣли видѣть въ дѣйствіяхъ Ивана ни его основной цѣли, ни истиннаго характера этой эпохи и дали потомству совершенно ложное и ни съ чѣмъ несообразное представленіе какъ о самой опричнинѣ, такъ и объ всей этой эпохѣ и самой личности царя.

Постараемся если не раскрыть всю истину, то по крайней мѣрѣ подойти къ ней какъ можно ближе.

Какъ мы уже говорили выше, Иванъ въ числѣ условій, поставленныхъ имъ московскому народу, пославшему къ нему депутацію въ Александровскую слободу, поставилъ условіемъ вывести измѣну на Руси и казнить нѣкоторыхъ измѣнниковъ. Не имѣя подъ рукою самого Курбскаго, онъ обрушилъ свой гнѣвъ на его единомышленниковъ и близкихъ ему людей. При этомъ многіе поплатились головами за вины, явныхъ доказательствъ которыхъ мы не имѣемъ;—многіе были сосланы въ опалу, а имущества ихъ отобраны въ казну.

Удовлетворивъ этимъ свою злобу, царь согласился, наконецъ вернуться въ Москву,—говоритъ одинъ хроникеръ, гдѣ, по его словамъ, Ивана едва могли признать: до того онъ измѣнился. Лицо его исказилось; волосы на головѣ всѣ вылѣзли.

Уже это одно изобличаетъ ложь: царь, какъ и всѣ его современники, имѣлъ привычку брить голову на голо, такъ что внезапное его облысѣніе, даже если бы это дѣйствительно съ нимъ случилось, не могло бы быть замѣчено, а затѣмъ, вскорѣ по своемъ возвращеніи въ столицу, Иванъ имѣлъ случай доказать всѣмъ, какъ прекрасное состояніе своего здоровья, такъ и то, что онъ находится въ полной силѣ и разумѣ.

Когда церковь въ лицѣ митрополита позволила себѣ вмѣшаться въ дѣла Ивана и выступить на защиту тѣхъ, на кого царь обрушилъ свой гнѣвъ, Иванъ разомъ положилъ конецъ этому вмѣшательству и поставилъ митрополитовъ московскихъ въ полную зависимость отъ своей воли. Сначала право вмѣшательства и заступничества признавалось за церковью. Митрополитъ Макарій, правда, ходатайствовалъ передъ царемъ за опальныхъ и впавшихъ въ немилость бояръ, и вельможъ, но дѣлалъ это осторожно, умѣючи; не подлежитъ сомнѣнію. что онъ ходатайствовалъ передъ царемъ за Воронцова и Сильвестра. Но преемникъ Макарія оставался безучастнымъ свидѣтелемъ всего, что происходило въ Москвѣ въ періодъ опричнины, и вскорѣ по болѣзни уступилъ свое мѣсто митрополиту Герману, также недолго удержавшемуся на митрополичьемъ престолѣ. Его мѣсто, по личному выбору царя, занялъ игуменъ Соловокъ Филиппъ, прославившійся своими высокими добродѣтелями и своими рѣдкими качествами, какъ администраторъ и настоятель монастыря. Царь знавалъ его еще въ дѣтствѣ и, говорятъ, высоко цѣнилъ его качества, его свѣтлый умъ и даже любилъ его.

Когда Филиппу предложено было

занять митрополичій престолъ, то онъ долго не хотѣлъ согласиться, ставя условіемъ уничтоженіе опричнины, но въ концѣ концовъ уступилъ настояніямъ царя, давъ письменное обѣщаніе не вмѣшиваться ни въ политику, ни въ частную жизнь Ивана. Но эта частная жизнь царя, разнузданная и распутная, съ каждымъ днемъ возбуждала все большее негодованіе и порицаніе со стороны всѣхъ, кто ее зналъ. Однако, при всемъ своемъ своеволіи и необузданности, царь признавалъ за Филиппомъ право вступаться за опальныхъ и впавшихъ въ немилость. „Твое дѣло не идти противъ воли царевой, а стараться смягчить его гнѣвъ", говорилъ онъ. Но Филиппъ не могъ не увѣщевать, не усовѣщивать и не осуждать преступныхъ и жестокихъ дѣяній Ивана, не порицать его разнузданной и распутной жизни,— и въ результатѣ царь, сознававшій въ душѣ его правоту, сталъ избѣгать встрѣчаться съ Филиппомъ. Но это было не такъ легко: царь и митрополитъ жили слишкомъ близко одинъ отъ другого и должны были постоянно видаться то въ церкви, то въ совѣтѣ. И вотъ однажды, 21 мая 1568 г. царь, войдя въ Успенскій соборъ со своими опричниками, переряженными монахами, подошелъ, согласно обычаю, подъ благословеніе митрополита. Но Филиппъ молчалъ и не давалъ царю благословенія. Царь трижды подходилъ къ нему и трижды просилъ его благословить. Но все напрасно. Тогда, на требованіе бояръ, упорно хранившій до тѣхъ поръ молчаніе митрополитъ въ присутствіи всего собравшаго народа принялся обличать царя;—въ длинной проникновенной рѣчи онъ развернулъ передъ изумленными и недомѣвающими присутствующими преступленія и злодѣянія Ивана, который теперь тщетно старался заставить его замолчать.

Филиппъ мужественно отвѣчалъ. „Мое молчаніе грѣхъ на душу налагаетъ"!

Напрасно Иванъ грозилъ отнять у него митрополичій престолъ, маститый старецъ отвѣчалъ, что онъ не искалъ его, не добивался этого сана ни происками, ни подкупами; онъ не хотѣлъ даже покидать своей кельи, гдѣ ему жилось спокойно.

Волей—неволей Иванъ на этотъ разъ сдержалъ себя и даже выказалъ раскаяніе и смиреніе, но спустя мѣсяцъ—другой встрѣча Ивана съ Филиппомъ повлекла за собою гибель послѣдняго. Филиппъ былъ непреклоненъ въ томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ, а царь былъ гордъ и не терпѣлъ, чтобы кто нибудь смѣлъ ему противиться,— и вотъ нечестивый соборъ, по приказанію царя, учредилъ судъ надъ митрополитомъ, обвиняя его въ небывалыхъ винахъ и, въ угоду царю, приговорилъ его къ лишенію сана и ссылкѣ на вѣчное время въ одинъ изъ тверскихъ монастырей. Здѣсь, спустя годъ, Иванъ, по пути въ Новгородъ, куда онъ шелъ чинить кровавую расправу, послалъ своего новаго любимца, Малюту Скуратова, просить благословенія бывшаго митрополита, но строгій старецъ и теперь отказалъ, даже подъ угрозой смерти, и былъ, какъ говорятъ, задушенъ тутъ-же Малютой.

Все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ рѣшимости не щадить никого, Царь не могъ терпѣть, чтобы кто нибудь становился между нимъ и тѣми людьми, которыхъ онъ считалъ нужнымъ убрать съ своей дороги. Онъ былъ готовъ нанести роковой ударъ своей семьѣ, начиная съ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича Старицкаго, котораго онъ заподозрилъ въ измѣнѣ еще 1563 г. всенародно упрекалъ его и принудилъ разстаться со всѣми ему близкими людьми и даже съ матерью его Ефросиньей, которая должна была уйти въ монастырь.

Спустя нѣсколько лѣтъ, т. е. въ 1569 г. Владиміръ предложилъ свои услуги королю Польскому, но его переписка была захвачена и доведена до

царя, послѣ чего несчастный князь исчезъ. По словамъ измѣнниковъ и негодяевъ Таубе и Крузе, онъ съ семьей былъ отравленъ тѣмъ же ядомъ, который Владиміръ будто бы приготовилъ, чтобъ извести царя. На сколько это вѣрно, осталось неизвѣстно, равно какъ и то, что царь н слаждался лично агоніей всей этой семьи, а дворовыхъ женщинъ и дѣвушекъ князя, раздѣвъ до гола, приказалъ гонять кнутами по улицамъ, а когда тѣ падали отъ изнеможенія, прикалывалъ и пристрѣливалъ ихъ. Между тѣмъ, какъ это видно изъ завѣщанія самого Ивана въ 1572 году, единственный сынъ Владиміра былъ еще живъ, такъ какъ царь упоминаетъ о немъ въ своемъ завѣщаніи.

Извѣстно, что терроръ постоянно усиливается, а кровавыя зрѣлища возбуждаютъ ненасытную жажду крови. Такъ и эти массовыя казни повлекли за собой еще большіе ужасы;—теперь уже не одна семья, а цѣлый городъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, и этотъ городъ былъ несчастный Новгородъ, нѣкогда вольный Новгородъ. На него теперь обрушился безпримѣрный гнѣвъ Ивана. По доносу бродяги Петра, по прозванію Волынца, царь средь зимы двинулся съ цѣлой ратью и множествомъ своихъ опричниковъ на Новгородъ и, уже начиная отъ Клина до самаго Новгорода, жегъ и грабилъ все на своемъ пути: города, села и монастыри, оставляя за собой безлюдную пустыню и груды развалинъ. 2-го января его передовая рать подступила къ стѣнамъ Новгорода; разоривъ пригороды и монастыри, и захвативъ около 500 монаховъ, опричники ворвались въ городъ и начали въ немъ хозяйничать.

Прежде всего они и здѣсь хватали монаховъ и священниковъ, дьяконовъ и всѣхъ отправили на правежъ. Одновременно съ этимъ эти царскіе сбиры выгоняли всѣхъ жителей изъ домовъ и, словно стадо овецъ и быковъ, сгоняли въ ограду, охраняемую часовыми. 6-го января прибылъ царь въ сопровожденіи 1500 стрѣльцовъ и приказалъ запороть на смерть всѣхъ монаховъ и духовенство, которые еще живы послѣ правежа. На другой день очередь была за высшимъ духовенствомъ.

Архіепископъ Пименъ встрѣтилъ было царя, какъ требовалъ обычай, съ крестомъ и причтомъ, но царь гнѣвно прогналъ его, приказавъ на утро, какъ всегда, служить обѣдню въ храмѣ Св. Софіи, а послѣ обѣдни согласился откушать у Пимена со своими опричниками. За столомъ царь казался веселъ, но вдругъ онъ подалъ знакъ, и начался грабежъ и безчинство. Съ Архіепископа сорвали одежды и бросили въ тюрьму со всѣми его слугами и прислужниками, послѣ чего терроръ достигъ такихъ размѣровъ, какихъ не видывала даже и Москва въ эти страшные дни: людей пытали, жгли, затѣмъ топили не десятками, а сотнями бросая съ моста въ Волховъ, связывая ихъ однихъ съ другими и навязывая дѣтей на шеи матерямъ, а опричники, разъѣзжая въ лодкахъ съ пѣснями и смѣхомъ, топили тѣхъ, кто не сразу шелъ ко дну.

Если вѣрить третьей Новгородской лѣтописи, то въ эти кровавые дни погибло до 60 тысячъ человѣкъ; опричники и жгли, и рѣзали безъ устали въ теченіе пяти недѣль, и рѣдкій день отъ руки ихъ погибало менѣе пяти или шести сотъ человѣкъ. Но цифры эти невѣроятны и, если судить о числѣ жертвъ по синодикамъ, особаго рода поминальнымъ спискамъ, которые составлялъ самъ царь и разсылалъ по монастырямъ, чтобы тамъ молились за упокой душъ его жертвъ, то число погибшихъ въ Новгородѣ людей не превышало 15000 душъ. Но и этими цифрами нельзя руководиться, такъ какъ въ эти синодики попадали имена только болѣе знатныхъ

и извѣстныхъ людей, простолюдины же не попадали въ эти списки.

Когда никого болѣе не оставалось казнить, стали рушить и громить дома, ряды и лавки, обращая все кругомъ въ развалины. Наконецъ, 13-го января Иванъ отступилъ отъ Новгорода, выселивъ послѣднихъ, оставшихся въ живыхъ Новгородцевъ на Волгу. Тогда Новгородъ вздохнулъ свободно, но его политической жизни, его торговлѣ и благосостоянію былъ нанесенъ окончательный ударъ, послѣ котораго онъ уже никогда не могъ подняться.

Конечно, то было страшная, дикая расправа, но если сравнить ее съ тѣмъ, что въ то же время творилось въ Западной Европѣ, то всѣ ужасы Новгорода не превышаютъ происходившихъ тамъ. Стоитъ только вспомнить осаду Льежа въ 1468 г. Карломъ Смѣлымъ, весь ужасъ избіенія цѣлаго народа. Это не была кровавая сѣча взятаго приступомъ города,—не было звѣрское торжество побѣдителей,—нѣтъ, это была безконечно длинная вереница казней ни въ чемъ неповинныхъ людей; сотнями ихъ кидали въ Мезу. Еще три мѣсяца спустя послѣ взятія города людей продолжали топить, женщинъ и монахинь насиловали публично и затѣмъ убивали, священниковъ и монаховъ душили и рѣзали у алтарей.

Эта картина, можно сказать, ничѣмъ не отличается отъ того, что дѣлалъ Иванъ въ Новгородѣ.

Изъ Новгорода Иванъ двинулся на Псковъ. Въ ожиданіи страшной участи, подобной той, какая постигла Новгородъ, во Псковѣ въ ту ночь, какъ Иванъ подступилъ къ городу, всю ночь гудѣли колокола, сзывая горожанъ къ молитвѣ за упокой своихъ душъ. Этотъ-ли печальный звонъ смутилъ царя, покорность-ли псковитянъ или онъ просто пресытился кровью, но только здѣсь, во Псковѣ, дѣло обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

Вскорѣ послѣ того Псковъ мужественно и отчаянно отстаивалъ себя противъ Поляковъ, а не будь въ его памяти страшнаго урока, быть можетъ, онъ, какъ и ходилъ слухъ, передался-бы Сигизмунду.

Вернувшись въ Москву, и устроивъ торжественный въѣздъ съ скоморохами и шутами, словно онъ возвратился изъ славнаго похода, Иванъ продолжалъ чинить судъ и расправу надъ участниками измѣнниковъ Новгородскихъ и Псковскихъ. 25 іюля 1570 г. назначена была казнь на красной площади. Но хотя москвичи всегда были любители кровавыхъ потѣхъ, на этотъ разъ на Красной Площади не было ни души, такъ что пришлось обнадеживать и успокаивать народъ, чтобы онъ вылѣзъ изъ своихъ клѣтей, погребовъ и чердаковъ и появился на площади. И вотъ царь заявилъ, что будетъ милостивъ и вмѣсто 300 осужденныхъ рѣшилъ казнить только 120, а 180 даруетъ жизнь. Правда, за то тѣ несчастные должны были расплатиться ужасными мученьями и за себя, и за помилованныхъ. Иванъ былъ настоящій виртуозъ въ дѣлѣ пытокъ, что, впрочемъ было присуще людямъ его времени, которые черпали вдохновеніе самыхъ ужасныхъ злодѣйствъ въ священныхъ книгахъ, на которыхъ всѣ они были воспитаны.

Гуаньино разсказываетъ о мученіяхъ дьяка Висковатаго, что этотъ несчастный былъ повѣшенъ за ноги и разрубленъ на части, какъ мясная туша.

О Фуниковѣ онъ говоритъ, что его обливали поперемѣнно то крутымъ кипяткомъ, то холодной водою, пока кожа не стала слѣзать съ него, какъ съ угря. Анастасій Вяземскій также погибъ отъ руки палачей, а царскій любимецъ Басмановъ, по приказанію царя, былъ убитъ, какъ говорятъ, будущимъ наслѣдникомъ престола, царевичемъ Феодоромъ.

Но хотя Гуаньино, какъ итальянецъ и католикъ, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ скандальныхъ хроникъ Польши, въ качествѣ историка не заслуживаетъ довѣрія, англичанинъ Хорслей въ своихъ запискахъ говоритъ то же, увѣряя, будто онъ былъ свидѣтелемъ мученій князя Бориса Телепнева, который былъ посаженъ на колъ, гдѣ мучился въ продолженіи 15 часовъ. Опять тотъ-же Хорслей увѣряетъ, что въ Новгородѣ было избито свыше 700,000 человѣкъ, цифра уже совершенно невѣроятная въ сравненіи съ цифрой общаго населенія Новгорода и всего его округа.

Вообще всѣмъ этимъ чужеземнымъ источникамъ не особенно слѣдуетъ довѣрять, но, за неимѣніемъ другихъ, приходится пользоваться ими, только съ осторожностью. Именно потому, что имъ слишкомъ довѣряли, многіе историки были введены въ заблужденіе и пришли, наконецъ, къ заключенію, что Иванъ превзошелъ своею жестокостью и Калигулу, и Нерона и страдалъ въ эту эпоху своего царствованія разстройствомъ умственныхъ способностей, граничащимъ съ бѣшенствомъ.

Между тѣмъ мы видимъ изъ завѣщанія, написаннаго Иваномъ 1572 г. что въ это время царь не только обладалъ всѣми своими умственными способностями, но проявлялъ свою обычную дальновидность и свѣтлый, ясный умъ. Это особенно видно изъ тѣхъ мудрыхъ совѣтовъ, которые царь преподаетъ своимъ сыновьямъ, и въ которыхъ виденъ въ каждомъ словѣ искусный, опытный политикъ и мудрый правитель. Но еще болѣе яркимъ доказательствомъ полной силы его умственныхъ способностей является то, что немедленно послѣ всѣхъ ужасовъ Новгородскихъ и затѣмъ Московскихъ казней Иванъ принимаетъ вызовъ, даже самъ вызывается вступить въ преніе съ Иваномъ Рокитой, членомъ Моравскаго братства.

Преніе царя съ Рокитой, прибывшимъ вмѣстѣ съ Польскимъ посольствомъ въ Москву, происходило въ Кремлѣ въ присутствіи большого собранія частію свѣтскихъ, частію духовныхъ лицъ, и при этомъ царь съ такой силой убѣжденія нападалъ на новое ученіе Лютера, какъ въ его основныхъ принципахъ, такъ и въ внѣшнихъ формахъ, выказалъ такую глубину пониманія и такія обширныя знанія, что привелъ въ изумленіе всѣхъ иностранцевъ. Когда говорилъ его оппонентъ, царь слушалъ его, не прерывая, и даже одобрялъ его краснорѣчіе, выразивъ желаніе имѣть его рѣчь въ письменномъ изложеніи и замѣтивъ, что будетъ возражать на нее также письменно. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, когда Рокита откланивался царю на прощальной аудіенціи, Иванъ вручилъ ему свой отвѣтъ въ богатомъ бархатномъ переплетѣ, и знаменитый миссіонеръ-проповѣдникъ, прочтя этотъ отвѣтъ, долженъ былъ убѣдиться, что всѣ его ухищренія пропали даромъ, и что ему не удалось переубѣдить Ивана.

Изъ всего вышеприведеннаго, казалось бы, видно, что Иванъ отнюдь не страдалъ умственнымъ разстройствомъ даже въ это страшное время русскаго террора. Но вотъ эпизодъ изъ той же эпохи опричнины, трудно поддающійся объясненію: на Руси, при жизни Грознаго, не то въ 1574, не то въ 1575 г. былъ поставленъ другой царь, Казанскій царевичъ, царь Касимова, Симеонъ Бекбулатовичъ, котораго Иванъ провозгласилъ царемъ всея Руси, поселилъ въ Кремлѣ и, сбросивъ съ себя свой санъ, отрекшись отъ всѣхъ почестей царскихъ, самъ воздавалъ Симеону царскія почести, какъ послѣдній изъ бояръ.

Уже и раньше было въ обычаѣ у Московскихъ царей надѣлять бывшихъ татарскихъ царьковъ землями и предоставлять имъ въ области этихъ земель титулъ царей. Этимъ Москва пріобрѣтала ихъ расположе-

ніе, а въ глазахъ Крымскихъ хановъ оказывала какъ бы особое уваженіе и почетъ магометанскому міру. Но въ Москвѣ не было мѣста для татарскихъ царей, и никто изъ нихъ не смѣлъ даже подумать объ этомъ, и вдругъ, въ силу необъяснимаго каприза, Иванъ уступаетъ свой санъ и титулъ Симеону Бекбулатовичу, зятю Мстиславскаго, дважды уличеннаго въ измѣнѣ. Зачѣмъ? Почему?... Множество документовъ подтверждаютъ этотъ фактъ: въ многихъ актахъ того времени мы видимъ, что Симеонъ титулуется царемъ всея Руси, и находимъ дошедшія до насъ прошенія, челобитныя Ивана къ этому ставленнику. Эта комедія продолжалась до 1576 г.

Надо-ли говорить, что за все это время Иванъ ни разу не помышлялъ серьезно предоставить этому царю что либо, кромѣ чисто внѣшняго почета?— Это ясно уже изъ того, что какъ разъ въ это время Иванъ заявлялъ о своихъ правахъ на Польскій престолъ, причемъ не было ни малѣйшаго упоминанія о Симеонѣ, а въ 1576 г., когда въ Москву прибыли послы императора, Иванъ дѣлалъ видъ, будто новаго царя вовсе не существовало. Вскорѣ послѣ того онъ отправилъ его въ Тверское княжество, только что раззоренное и разграбленное, въ которомъ уцѣлѣли всего только два города, Тверь да Торжокъ, гдѣ Симеонъ былъ радъ пользоваться хоть призракомъ автономіи, хотя всегда, обращаясь къ Ивану, писалъ: „Холопъ твой бьетъ тебѣ, государю, челомъ", и т. д. Послѣ того бывшій царь всея Руси участвовалъ въ походахъ на Ливонію и Польшу, но ничѣмъ не отличился и пережилъ Ивана лишь для того, чтобы испытать самую горькую участь.

Лишенный своего Тверского княжества Өеодоромъ, онъ былъ затѣмъ ослѣпленъ Борисомъ Годуновымъ, который видѣлъ въ немъ возможнаго соперника, и наконецъ, окончилъ свою жизнь, по словамъ однихъ,—въ Соловкахъ, по словамъ другихъ—въ Москвѣ, куда его возвратилъ изъ ссылки Михаилъ Өеодоровичъ.

Теперь невольно является вопросъ, къ чему была нужна эта комедія.

Англичанинъ Хорслей приписывалъ ей чисто финансовое значеніе: не будучи въ состояніи выйти съ честью изъ какого-то денежнаго затрудненія, Иванъ придумалъ эту комедію, какъ наиболѣе удовлетворительный исходъ, взваливъ отвѣтственность на царя Симеона. Флетчеръ объясняетъ этотъ странный эпизодъ въ царствованіи Ивана также финансовыми соображеніями, выдвигая на видъ всеобщую конфискацію монастырскихъ имуществъ, по приказанію царя Симеона. Флетчеръ подчеркиваетъ, что Иванъ, принявъ вновь въ свои руки бразды правленія, поспѣшилъ возвратить монастырямъ и церквамъ ихъ земли и имущества, удержавъ у себя извѣстную долю и, кромѣ того, заставивъ церкви и монастыри выдать ему весьма крупную сумму въ благодарность за оказанное имъ благодѣяніе возврата ихъ имущества.

Далѣе, говоритъ Флетчеръ, Иванъ будто бы желалъ побороть въ своихъ подданныхъ дурное мнѣніе относительно его правленія, давъ имъ на время еще худшее.

Однако, противъ подобнаго предположенія можно возразить, что правленіе царя Симеона было не хуже и не лучше, никакихъ сколько нибудь крупныхъ или серьезныхъ мѣръ или распоряженій отъ него никогда не исходило. Симеонъ сталъ во главѣ Земщины вмѣсто Мстиславскаго и Бѣльскаго и, вѣроятно, Иванъ, желая поставить этого безличнаго человѣка на ихъ мѣсто, наградилъ его своимъ саномъ. Кромѣ того, быть можетъ, Иванъ желалъ показать своимъ подданнымъ примѣръ смиренія, добровольно сбросивъ съ себя свой санъ, подобно царю Петру, который, поселясь въ

маленькомъ домикѣ, предоставилъ заботы и почест иправленія Меньшикову, котораго онъ перетащилъ во дворецъ, или когда, послѣ Полтавской битвы, царь, какъ простой полковникъ, рапортовалъ Ромодановскому, переряженному Цезаремъ, желая тѣмъ подать примѣръ повиновенія закону. А быть можетъ, этотъ великій и мудрый предшественникъ Великаго Петра хотѣлъ только испробовать власть абсолютизма, власть царской воли надъ народомъ, воспитанномъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подъ игомъ чужеземцевъ, узнать предѣлъ терпѣнія и покорности этого народа.

Но есть еще одна версія, которою стараются объяснить появленіе царя Симеона, именно: Иванъ сильно желалъ союза съ Елизаветой Англійской и готовъ былъ для этого даже лично отправиться къ берегамъ туманнаго Альбіона. И вотъ, въ качествѣ временного правителя, онъ посадилъ Симеона, зная, что съ этимъ человѣкомъ онъ не рискуетъ, вернувшись домой, найти свое мѣсто серьезно занятымъ. Этотъ царь не представлялъ собою рѣшительно ничего ни самъ по себѣ, ни для другихъ; никто не стоялъ за него, и онъ не умѣлъ постоять за себя. Это послѣднее предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что когда въ 1576 г. надежды Ивана на союзъ съ Англіей не оправдались, а послы императора Максимиліана прибыли въ Москву, царь, недолго думая, рѣшилъ прекратить комедію и отправилъ царя Симеона въ Тверь.

Съ удаленіемъ Симеона все пошло своимъ обычнымъ чередомъ, но послѣдніе восемь лѣтъ царствованія Ивана казни и пытки бывали лишь въ рѣдкой случайности. Пережила ли опричнина печальную комедію съ царемъ Симеономъ, неизвѣстно. Но терроръ уже безусловно отошелъ въ область преданія.

Что касается опричнины, то исторія и по сіе время еще не сказала о ней своего рѣшительнаго слова; поэтому намъ остается только привести здѣсь то, что о ней было сказано и что думали о ней люди, занимавшіеся изученіемъ этой эпохи.

Не опровергая взгляда Карамзина, Соловьевъ все же старается уловить извѣстный политическій смыслъ въ томъ, что въ глазахъ Карамзина было только рядомъ безсмысленныхъ жестокостей и безумія капризнаго деспота, русскаго «Нерона. Но такія нападки естественно вызвали реакцію со стороны другихъ историковъ, впавшихъ въ противоположную крайность: оправдывая даже Новгородскую рѣзню. Не придерживаясь ни того, ни другого мнѣнія, остановимся на свидѣтельствѣ польскихъ электоровъ, т. е. избирателей 1572 и 1575 года, столь охотно поддерживавшихъ кандидатуру Грознаго на сеймѣ.

Возьмемъ хотя бы исторію разгрома Нѣмецкой слободы въ Москвѣ, по однимъ источникамъ бывшаго въ 1578 г., по другимъ въ 1580, хотя возможно допустить, что обѣ эти цифры вѣрны, и что разгромлена была Нѣмецкая Слобода дважды. По словамъ Боша или Бошіуса, находившагося въ то время въ Москвѣ, толпа людей въ черномъ, съ царемъ во главѣ, вдругъ среди бѣла дня наполнила слободу. Въ одинъ моментъ дома были разграблены, а жители ихъ раздѣты до нога и выгнаны на морозъ, гдѣ они бѣгали по улицѣ, ища убѣжища. Ихъ преслѣдовали и стегали безъ жалости кнутами, хотя, говоритъ авторъ, приказано было разбивать и грабить дома, но людей не трогать.

Правда, и это уже возмутительно, тѣмъ не менѣе здѣсь нѣтъ и рѣчи ни о насилованіи женщинъ, ни объ убійствѣ младенцевъ, ни о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые такъ краснорѣчиво описываются предателями Таубэ и Крузе, ливонцемъ Хеннинчамъ и Седерборномъ.

Французскій историкъ Маржерэ ни о какихъ подобныхъ ужасахъ

не упоминаетъ; а Хорслей хотя и говоритъ, что нѣкоторыя женщины и дѣвушки, дѣйствительно, были изнасилованы опричниками на площади, а нѣкоторыя похищены ими, тѣмъ не менѣе ни о какихъ звѣрствахъ не упоминаетъ, а Маржерэ не высказываетъ даже никакого сочувствія къ пострадавшимъ, вслѣдствіе того, что они сами заслужили свою участь, развращая и спаивая спиртными напитками московскій народъ, и солдатъ. Жены-же и дочери ихъ, говоритъ онъ, держались такъ высокомѣрно и такъ роскошествовали, что послѣднюю изъ нихъ можно было принять за княжну, а богатство свое они почерпали изъ торговли спиртными напитками и, пользуясь исключительной монополіей, спаивали народъ, на что даже жаловался царю самъ Митрополитъ.

Конечно, опричнина была временемъ, полнымъ ужасовъ или, вѣрнѣе, всякіе ужасы и жестокости были неразлучны съ опричниной, но, по свидѣтельству одного изъ агентовъ Польскаго Короля, безъ этихъ страшныхъ мѣръ Иванъ не могъ бы удержаться на престолѣ. Когда Иванъ казнилъ, какъ говорятъ, своей рукою Ивана Шуйскаго, то имѣлъ у себя въ рукахъ подлинные документы, доказывавшіе, что Шуйскій и еще многіе его сообщники торжественно обѣщались выдать Ивана Королю Польскому, какъ только послѣдній вступитъ на Московскую территорію.

Правда, задѣтый за живое, постоянно подстерегаемый изъ за угла, вѣчно боровшійся противъ сторонниковъ старыхъ порядковъ и противниковъ абсолютизма, вѣчно обманываемый и окруженный измѣной и крамолой, Иванъ не всегда довольствовался тѣмъ, что воздавалъ въ той-же мѣрѣ; нѣтъ, онъ не рѣдко превышалъ эту мѣру, не рѣдко давалъ волю своему жестокому нраву, своей озлобленной натурѣ. Но таковъ, какъ онъ былъ, Иванъ не являлся единственнымъ въ своемъ родѣ феноменомъ или выродкомъ среди людей своей страны и своего вѣка. Еще за 30 лѣтъ до опричнины, Максимъ Грекъ говоритъ о страшныхъ казняхъ и пыткахъ напрасно заподозрѣнныхъ и ложно обвиненныхъ людей. Въ 20 другихъ странахъ въ томъ-же вѣкѣ были свои Иваны Грозные, мало или даже нисколько не уступавшіе ему ни въ жестокости, ни въ кровожадности. Стоитъ только вспомнить кровавую баню короля Эрика XIV съ его Малютой Скуратовымъ, его любимцемъ Перссономъ, когда въ 1520 году были казнены въ одинъ день въ Стокгольмѣ 194 епископа, сенатора и патриція; а во Франціи— Кардинала д'Эстъ, приказавшаго въ своемъ присутствіи вырвать глаза у своего родного брата, соперничавшаго съ нимъ въ любви; а въ Нидерландахъ менѣе вѣка тому назадъ, страшный разгромъ Льежа (Liége) или знаменитый пиръ, на которомъ мужьямъ предоставлено было узнавать своихъ женъ, приведенныхъ на пиръ совершенно нагими, но съ лицами, окутанными черными покрывалами; тѣхъ же изъ нихъ, которые ошибались, тутъ же сбрасывали внизъ съ каменной лѣстницы. А инквизиція? А страшныя ауто-да-фэ?! А Варѳоломеевская ночь?! А Генрихъ VIII англійскій?!

Иванъ черпалъ цивилизацію изъ Европейскихъ источниковъ; онъ учился у Европы. Таковъ былъ тотъ вѣкъ и тѣ люди, и если Иванъ IV составилъ себѣ репутацію изверга, то виною тому главнымъ образомъ Курбскій, пустившій о немъ дурную славу, человѣкъ, явно враждебный ему и отнюдь не представитель общественнаго мнѣнія своихъ соотечественниковъ, а представитель враждебнаго Ивану меньшинства. Въ глазахъ своего народа Иванъ не былъ ни чудовищемъ, ни извергомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ народная поэзія. Народъ не только терпѣлъ Ивана, но и любилъ его, восхищался имъ, прославлялъ его

въ своихъ пѣсняхъ. Изъ толпы приближенныхъ Ивана въ народной памяти удержались только двое: Никита Романовичъ Захарьинъ, братъ царицы Анастасіи, добрый геній, заступникъ страждущихъ и обиженныхъ, и Малюта-Скуратовъ, этотъ губитель бояръ и князей.

Въ этомъ еще разъ сказывается тотъ врожденный, сильный демократическій инстинктъ русскаго народа, который красною нитью проходитъ во всей его исторіи. Вотъ въ чемъ кроется разгадка опричнины, въ самомъ духѣ народномъ; поэтому-то Грозному такъ и легко было навязать ее однимъ и заставить остальныхъ принять ее и мириться съ нею. Всякій разъ, когда въ любой народной эпопеѣ выступаютъ на сцену бояринъ и простолюдинъ, на долю перваго неизмѣнно выпадаетъ невыгодная и даже скверная роль: это всегда или глупецъ или негодяй; таковъ взглядъ народа. Въ народѣ казни и пытки бояръ не возбуждали негодованія, онъ считалъ ихъ должнымъ, дѣломъ справедливости: царь каралъ и изводилъ крамолу и измѣну. И въ народѣ, и въ Иванѣ говорило въ данномъ случаѣ не одно только чувство ненависти и дикой мести: въ неустанной борьбѣ царя противъ бояръ царь отстаивалъ если не коренныя начала русской жизни: православіе, самодержавіе и народность, какъ увѣряли нѣкоторые, то во всякомъ случаѣ въ общихъ чертахъ неприкосновенность и единство общей родины—Руси.

Курбскій не былъ ни менѣе русскимъ, ни менѣе православнымъ, чѣмъ самъ Иванъ, или любой изъ его крестьянъ, но приверженность къ самодержавію въ то время далеко не составляла отличительной черты высшаго интеллигентнаго сословія государства, которое все еще помнило старые вѣчевые порядки и, охотно вступая въ сношенія съ Польшей и Литвой, становилось измѣнниками своего государя и своей родины. Они за одно съ иностранцами шли противъ своего царя и своего народа и вмѣстѣ съ врагами искали его гибели. Вѣчно возстававшая противъ Ивана и все снова и снова подавляемая имъ и тонущая въ крови крамола снова возрождалась и, какъ стоглавая гидра, поднимала свою голову. Противъ этой гидры неустанно и безпрерывно долженъ былъ бороться Иванъ. Эта тайная крамола во всякихъ видахъ составляетъ, такъ сказать, основной мотивъ всѣхъ народныхъ поэмъ, героемъ которыхъ является Грозный.

Странное и вмѣстѣ любопытное объясненіе происхожденія этой крамолы даетъ намъ народная фантазія въ одной изъ своихъ легендъ. Будучи царемъ надъ всѣми государями, Иванъ требуетъ, чтобъ всѣ они платили ему дань. И вотъ эти данники царевы отвѣчаютъ, что они пришлютъ ему всю причитающуюся съ нихъ дань и еще сверхъ того 12 боченковъ золота, если Иванъ разгадаетъ три загадки. Какъ всегда, бояре и знатные люди не могутъ въ этомъ помочь царю: его спасаетъ простой плотникъ, которому царь за это обѣщаетъ боченокъ золота. Но царю вздумалось примѣшать къ этому золоту песку, и тогда мужикъ, угадавшій это мошенничество, точно такъ же какъ онъ угадалъ разгадки, говоритъ царю: „ты будешь наказанъ, какъ ты того залуживаешь; ты ввелъ измѣну въ страну и самъ болѣе, чѣмъ кто либо, пострадаешь отъ нея“.

Для полноты впечатлѣнія приведемъ любопытный взглядъ на дѣятельность опричнины и на жестокость Грознаго. Англійскій путешественникъ Ченслоръ, присутствовавшій при цѣломъ рядѣ кровавыхъ казней, происходившихъ въ Москвѣ, выразился такъ: „Дай то Богъ, чтобы и нашихъ крамольниковъ можно было научить такимъ-же способомъ тому, какъ они должны относиться къ своему государю“.

Вотъ каковъ былъ въ то время взглядъ людей образованныхъ и просвѣщенныхъ даже въ Западной Европѣ, когда они являлись спокойными и безпристрастными судьями того, что тогда дѣлалось въ Москвѣ. Въ глазахъ этихъ не заинтересованныхъ иностранцевъ Иванъ IV не былъ ни извергомъ, ни чудовищемъ жестокости, какимъ его рисуетъ Курбскій, а съ его словъ—и многіе русскіе историки.

III. Англоманія Грознаго.— Иванъ и Елизавета.—Первые англичане въ Россіи. — Проекты союза.—Матримоніальные планы. —Марія Хастингсъ.—Соперничество Голландіи и разрывъ.

Какъ въ біографіи, такъ и въ исторіи царствованія Ивана IV-го сношенія его съ Англіей занимали видное мѣсто. Въ то время, какъ Иванъ черезъ Ливонію и Балтійское побережье старался прійти въ соприкосновеніе съ Западомъ, въ Европѣ съ своей стороны были не прочь во многихъ странахъ завязать болѣе близкія сношенія съ Москвой.

Какъ разъ въ это время Англія употребляла всѣ усилія, чтобы открыть новые рынки для своей торговли, и вотъ въ маѣ 1553 г. три большихъ судна вышли изъ Харвича яко-бы съ научною цѣлью. Хотя случай, безъ сомнѣнія, игралъ извѣстную роль въ приключеніяхъ этой экспедиціи, все же есть основаніе думать, что Ричардъ Ченслоръ приблизительно зналъ, гдѣ онъ пристанетъ, такъ какъ на его суднѣ оказался даже переводчикъ.

Мартенъ упоминаетъ о какихъ то документахъ, свидѣтельствующихъ объ еще болѣе раннихъ дипломатическихъ сношеніяхъ Ивана съ Эдуардомъ VI. Но, очевидно, эти сношенія не привели даже къ маломальски правдивому представленію о новой великой сѣверной державѣ, такъ какъ спустя 20 лѣтъ Герберштейнъ говорилъ о Московскомъ государствѣ, какъ о какомъ то легендарномъ, сказочномъ царствѣ, пресерьёзно говоритъ о колоссальномъ идолѣ, которому будто бы поклоняется русскій народъ, о какой-то „Золотой Бабѣ", передъ которой громадныя мѣдныя трубы, врытыя въ землю, денно и нощно трубятъ торжественные гимны; говоритъ о народѣ, имѣющемъ обычай умирать осенью, чтобы воскресать и оживать весной; о громадной рѣкѣ, гдѣ водится рыба съ головой, глазами, носомъ, ртомъ, руками и ногами человѣка, однако, не одаренная человѣческой рѣчью, только весьма пріятная на вкусъ...

На этотъ разъ англійскую экспедицію ожидали болѣе реальныя испытанія, чѣмъ встрѣчи съ подобными чудовищами. Сильная буря разсѣяла эскадру; судно, на которомъ находился Ченслоръ, потеряло изъ вида два остальные судна, и было занесено само въ какой-то неизвѣстный имъ заливъ. Отъ мѣстныхъ рыбаковъ англичане вскорѣ узнали, что они очутились въ предѣлахъ Московскаго царства. Объ ихъ прибытіи Холмогорскія власти поспѣшили увѣдомить царя, который милостиво пригласилъ моряковъ въ Москву. Ченслоръ, прибывъ въ столицу Московскаго государства, былъ принятъ Иваномъ въ особой аудіенціи и, прогостивъ 13 дней въ Москвѣ, вернулся въ Англію.

Слѣдующею зимою разнесся слухъ, что два иностранныхъ судна, нагруженныхъ товаромъ, съ мертвымъ экипажемъ, были найдены рыбаками у Бѣлаго Моря. Это были тѣ два англійскихъ судна, которыя во время бури отбились отъ экспедиціи Ченслора.

Вернувшись въ Англію, Ченслоръ не засталъ уже Эдуарда VI въ живыхъ, а королева Марія и Филиппъ, выслушавъ его отчетъ о пребываніи въ Московіи, снова отправили его туда для основанія тамъ прочной англійской торговой компаніи, для чего ему поручено было вы-

хлопотать у царя Московскаго всевозможныя льготы и привиллегіи.

Все это удалось Ченслору, какъ нельзя лучше, а сопровождавшіе его Ричардъ Грей и Джорджъ Киллингворсъ посвятили себя основательному изученію страны, нравовъ, потребностей и вкусовъ русскаго народа, чтобы сообщить своему правительству, какіе товары могутъ находить здѣсь лучшій сбытъ и какіе предметы удобны и желательны для экспорта. Прибыли этой первой англійской торговой компаніи въ первый-же годъ ея существованія были невѣроятно велики. Они продавали по 17 руб., равнявшимся по тогдашнему курсу 17 же фунтамъ серебра, кусокъ сукна, стоившій имъ, съ провозомъ и доставкой, ровно 6 фунтовъ.

Понятно, что такое благополучіе не могло не возбудить зависти другихъ странъ. Норвежскія и даже Голландскія суда, нагруженныя товарами, поспѣшили вступить въ конкурренцію съ англичанами, грозя ихъ монополіи. Тогда начались всевозможныя распри и недоразумѣнія, и Иванъ нашелъ нужнымъ въ свою очередь отправить въ Англію для переговоровъ своего уполномоченнаго, поручивъ ему выхлопотать для русскихъ купцовъ тѣ же привиллегіи и права, какими пользовались англичане въ Россіи. Присланный послѣ того изъ Англіи ловкій и пронырливый Дженкинсонъ ухитрился заставить Ивана дать англійской торговой компаніи грамоту, подтверждавшую ея торговую монополію на всемъ пространствѣ отъ Сѣверной Двины до береговъ рѣки Оби и свободный отъ пошлинъ провозъ товаровъ въ Бухару и Самаркандъ.

Иванъ не могъ, конечно, не дивиться силѣ, мощи и геніальности англичанъ, которыми такъ ловко умѣлъ поражать его Дженкинсонъ, а безпрерывная борьба и внѣ, и внутри государства, которую ему приходилось все время выдерживать, естественно, заставляла его болѣзненно ощущать свое одиночество. И вотъ въ его пылкомъ мозгу сразу родилась мысль, отъ которой онъ уже не хотѣлъ отказываться до самой своей смерти, вступить въ союзъ съ этой державой, которой флотъ, торговля и кредитъ начинали подавлять остальныя державы, и создать себѣ изъ этого союза оплотъ противъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Не смотря на свой уже не молодой возрастъ и свои пять—шесть женъ, частью умершихъ, частью живыхъ, не смотря на свои недуги, которые онъ любилъ преувеличивать, но которые тѣмъ не менѣе существовали, у Ивана явилась мысль встать въ ряды претендентовъ на руку королевы Елизаветы, которой суждено было судьбой возбуждать подобныя желанія, безъ сомнѣнія, съ политическими видами, почти во всѣхъ государяхъ Европейскихъ державъ. Впрочемъ, она отличалась особеннымъ искусствомъ благополучно избѣгать этихъ сѣтей, не оскорбляя и не раздражая никого явнымъ отказомъ.

На тайное порученіе Дженкинсона, возложенное на него Иваномъ, со стороны королевы Елизаветы долго не приходило никакого отвѣта, такъ что даже торговыя дѣла англійской компаніи въ Москвѣ начали страдать отъ этого. Тогда Елизавета, понявъ необходимость поправить дѣло, отправила въ Москву особо почетнаго посла Томаса Рандольфа. Изъ предписаній, полученныхъ послѣднимъ, мы узнаемъ о содержаніи секретнаго порученія Ивана; королева предписывала Рандольфу, обходя, на сколько возможно, вопросъ объ ея рукѣ, завѣрить царя въ ея благорасположеніи къ нему и готовности, въ случаѣ несчастія, оказать ему гостепріимство. Значитъ, Иванъ не только сватался за Елизавету, но еще просилъ у нее убѣжища въ случаѣ нужды. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ готовился пе-

реправиться въ Англію? Да, но онъ хотѣлъ искать тамъ себѣ пріютъ только подъ условіемъ полной взаимности, иначе говоря, онъ не хотѣлъ получать больше, чѣмъ самъ могъ предложить; противъ этого возмущалась его гордость. Поэтому онъ требовалъ, чтобы королева, у которой также были непокорные подданные и бунтовщики, а потому и рискъ опасности для своей личности, признала оффиціально Кремль мѣстомъ убѣжища, оффиціально предложеннаго ей. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе могло произвести подобнаго рода требованіе на гордую дочь Генриха VIII.

Рандольфъ прибылъ въ Москву въ октябрѣ и засталъ Грознаго въ самомъ неблагопріятномъ расположеніи духа; очевидно, продолжительное молчаніе Елизаветы сильно разгнѣвало Ивана, и потому вплоть до февраля 1569 г. посланный Елизаветы содержался въ Москвѣ на положеніи плѣннаго, что, впрочемъ, было въ то время далеко не рѣдкимъ и не исключительнымъ явленіемъ. Живя въ отведенномъ ему домѣ, онъ былъ обреченъ на полное одиночество и никакимъ образомъ не могъ исполнить возложенное на него порученіе.

Наконецъ, послѣ 4-хъ мѣсяцевъ терпѣливаго ожиданія, посолъ королевы Елизаветы удостоился аудіенціи, но безъ обычныхъ почестей и даже не получилъ приглашенія къ царскому столу послѣ аудіенціи, какъ это дѣлалось обыкновенно. Тѣмъ не менѣе это первое свиданіе посла съ Иваномъ нѣсколько умиротворило царя, и спустя нѣсколько дней посолъ былъ снова призванъ во дворецъ среди ночи. Тутъ произошло весьма продолжительное совѣщаніе, послѣ котораго царь на другой же день отбылъ въ слободу и вернулся въ Москву только спустя два мѣсяца. Всѣ отнятыя имъ у англійской компаніи привиллегіи были ей снова возвращены, къ нимъ прибавлены еще новыя льготы, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ нибудь обѣщаній Рандольфа, обнадеживших царя и польстившихъ его самолюбію.

Но отъ Ивана не такъ-то легко было отдѣлаться обѣщаніями, и отправленный имъ вскорѣ послѣ того въ Лондонъ посолъ потребовалъ осуществленія этихъ надеждъ и обѣщаній. Пробывъ на берегахъ Темзы цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, посолъ этотъ возвратился къ царю съ письмомъ отъ королевы, весьма туманно обѣщавшей Ивану свою помощь и содѣйствіе и увѣрявшей его, что она съ большимъ удовольствіемъ увидитъ его своимъ гостемъ, когда ему заблагоразсудится пріѣхать, что онъ будетъ принятъ съ подобающимъ его сану почетомъ, а содержаніе его и его двора она готова принять на свой счетъ.

Вмѣсто ожидаемаго союза, вмѣсто тѣснаго единенія посредствомъ брака, Елизавета изъявляла готовность оказать ему милость.

Это до того взбѣсило Ивана, что, утративъ, по обыкновенію, всякое чувство мѣры, онъ послалъ Елизаветѣ письмо въ родѣ тѣхъ, какими онъ награждалъ въ это самое время короля Шведскаго. Онъ писалъ ей, что не можетъ допустить мысли, чтобы она сама по себѣ осмѣлилась отнестись такъ пренебрежительно къ Государю, происходящему отъ Римскихъ царей; онъ полагалъ, что она была полная госпожа у себя въ государствѣ, а теперь онъ видитъ, что ею управляютъ мужчины, разные любимцы, и что она въ своей волѣ не вольна; между тѣмъ, кто правитъ ею, не государи и не короли, а простые мужики. „И сама ты,—заканчиваетъ Иванъ письмо,—какъ я вижу „подлая дѣвка“ и ведешь себя такъ, какъ она; я отказываюсь поддерживать дальнѣйшія сношенія съ тобой и твоей страной; знай, что Москва можетъ обойтись безъ англійскихъ мужиковъ“.

Конечно, эти обиды могли только

заставить Елизавету улыбнуться, но царь не удовольствовался одними словами и прежде даже, чѣмъ его письмо достигло королевы, въ Лондонъ дошли слухи, что разгнѣванный царь лишилъ англійскихъ коммерсантовъ всѣхъ ихъ привилегій и закрылъ англичанамъ провозъ товаровъ въ азіатскіе рынки, конфисковалъ товары и воспретилъ англичанамъ даже мелкую розничную торговлю въ своемъ государствѣ. Такимъ образомъ все, что было достигнуто Англіей на востокѣ, разомъ были уничтожено. Помочь горю могъ только Дженкинсонъ, и Елизавета поспѣшила отправить въ Москву новое посольство съ Робертомъ Бетсъ во главѣ и Дженкинсономъ въ качествѣ главнаго парламентера.

Однако, условія измѣнились. Пославъ гонцы въ Москву извѣстить государя о своемъ прибытіи, Дженкинсонъ съ прискорбіемъ узналъ, что вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда чумы повсюду были поставлены карантины, и гонецъ его былъ задержанъ, другого же гонца чуть было заживо не сожгли за то, что хотѣлъ прорваться сквозь карантинъ. Кромѣ того, Иванъ въ это время воевалъ съ Швеціей, и, по словамъ русскихъ властей, если Дженкинсонъ попытался бы увидѣться съ нимъ онъ рисковалъ бы разстаться съ жизнью, такъ какъ Иванъ, обвиняя его въ неуспѣхѣ возложеннаго на него порученія, объявилъ, что велитъ отсѣчь ему голову, если только тотъ появится въ предѣлахъ его владѣній.

Однако, не испугавшись даже такой угрозы, смѣлый англичанинъ добрался до Александровской слободы и, вѣроятно, успѣлъ уже къ этому времени оправдаться, такъ какъ былъ принятъ очень милостиво. Дженкинсонъ завѣрилъ Ивана, что дословно передалъ королевѣ то, что ему было поручено, и королева, благосклонно принявъ предложеніе царя, поручила Рандольфу вести объ этомъ переговоры, но послѣдній отрицалъ всякое такое порученіе. Вѣроятно, недоразумѣніе это произошло по волѣ переводчика,— добавилъ Дженкинсонъ и такимъ обобразомъ успокоилъ царя. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ досталъ письмо королевы.

Елизавета не только не отвѣчала на оскорбительныя слова Ивана, но высказывала, что подданные ея не даютъ ей никакого основанія опасаться за ея безопасность, а потому она не имѣетъ надобности искать для себя убѣжища ни въ одной изъ чужеземныхъ странъ, тѣмъ не менѣе она питаетъ къ царю самыя дружественныя чувства и, если только онъ согласится забыть свои справедливыя претензіи на ея подданныхъ и вернуть имъ свои милости и благорасположеніе, то она съ своей стороны готова дать ему самыя вѣскія доказательства своей дружбы и расположенія.

Видя, что Елизавета не отвѣчаетъ дерзостями на его дерзости, Иванъ смягчился и послѣ нѣкотораго размышленія вернулъ англійской торговой компаніи всѣ ея прежнія преимущества и на время отказался отъ всякаго рода тайныхъ соглашеній.

Но—увы!—эти милости были столь же кратковременны, какъ и пребываніе Дженкинсона въ Россіи. Въ іюлѣ 1572 г. этотъ ловкій дипломатъ покинулъ Москву, а въ слѣдующемъ году, подъ предлогомъ тайныхъ сношеній англійскихъ купцовъ съ королемъ польскимъ, Иванъ обложилъ ихъ товары довольно высокой пошлиной, заставилъ ихъ платить за право ввоза и вобще сталъ проявлять по отношенію къ нимъ строгости. Эти новыя враждебности мотивировались, конечно, тѣмъ, что Иванъ разубѣдился въ осуществимости своихъ матримоніальныхъ плановъ. Тогда Елизавета отправила къ нему другого посла, но царь заявилъ ему, что, если Елизавета не удовлетворитъ всѣхъ его требо-

ваній и желаній, то онъ предоставитъ монополію торговли въ своей странѣ Венеціанцамъ и Нѣмцамъ.

Какое рѣшеніе приняла послѣ этого ультиматума Елизавета, нельзя сказать съ увѣренностью, такъ какъ посолъ, привезшій ея отвѣтъ царю, былъ убитъ громомъ тотчасъ по прибытіи въ Холмогоры, а всѣ его бумаги сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ. Едва ли Елизавета согласилась на требованія Ивана: это было бы слишкомъ невѣроятнымъ,—но какъ бы то ни было, только въ продолженіе слѣдующихъ трехъ четырехъ лѣтъ всякія сношенія между Россіей и Англіей, казалось, были прерваны, и возобновить ихъ было не легко.

Впрочемъ, спустя нѣсколько времени царь рѣшилъ удовольствоваться въ качествѣ жены не самой Елизаветой, а одной изъ ея племяницъ, Маріей Хастингсъ, и отправилъ въ Лондонъ новаго посла, Федора Ивановича Писемскаго, которому поручено устроить это дѣло.

Правда, какъ разъ въ это время Иванъ взялъ себѣ шестую жену, дочь думнаго дворянина Марію Нагую, но это не имѣло значенія въ его глазахъ, такъ какъ Нагая была его подданная; даже въ глазахъ самихъ подданныхъ этотъ бракъ, повидимому, не имѣлъ серьезнаго значенія, такъ какъ самъ отецъ Маріи Нагой, Афанасій Нагой, находился въ составѣ той коммиссіи, которой было поручено распросить Робертса относительно качествъ и достоинствъ предлагаемой супруги. Однако, для того, чтобы Марія Хастингсъ могла стать законною супругой царя Московскаго, надо было, чтобы Англія заключила открытый союзъ съ Россіей и обязалась предоставить въ помощь царю свой флотъ и армію противъ Баторія.

Между тѣмъ Елизавета не спѣшила принять царскаго посла, а когда, наконецъ, ему была назначена аудіенція, то послѣднее, важнѣйшее условіе договора уже утратило отчасти свой смыслъ. Баторій принудилъ Ивана подписать миръ. Но Московскій посолъ умышленно игнорировалъ этотъ фактъ и упорно стоялъ на томъ, что разъ его государь въ письмѣ къ королевѣ назвалъ Баторія своимъ врагомъ, то значитъ, Баторій его врагъ, что бы ни говорили о примиреніи Папа и всѣ остальные. Но повидимому, Писемскій прибылъ въ Лондонъ, когда посланный Баторія уже успѣлъ заручиться симпатіями Елизаветы и склонить ее на сторону Польской политики. Однако, хитрая Елизавета не желала открыто ссориться съ Москвой, отъ которой зависѣли ея торговые интересы, и потому ловко водила за носъ Московскаго посла. Послѣ долгихъ проволочекъ она пришла, наконецъ, съ нимъ въ секретное совѣщаніе относительно Маріи Хастингсъ, при чемъ увѣряла, что дѣвушка, къ сожалѣнію, не хороша собой, а царь насколько ей извѣстно, любитъ красавицъ. Кромѣ того, она увѣряла, у нея только что была оспа, и потому съ нея теперь нельзя писать портрета, какъ желалъ царь. Тѣмъ не менѣе Елизавета стала обсуждать различныя подробности возможнаго брака. Но Писемскій далъ ей понять, что прежде, чѣмъ думать о бракѣ, надо было заключить союзъ, и представилъ королевѣ мемуаръ, въ которомъ были изложены требованія царя.

Прошло два мѣсяца прежде, чѣмъ онъ дождался отвѣта на этотъ мемуаръ и что же! Королева выражала согласіе заключить союзъ съ царемъ и помогать ему вооруженной силой, но подъ условіемъ, что онъ, съ своей стороны, предоставитъ Англіи полную монополію всей внѣшней торговли Россіи. Затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ данъ великолѣпный пиръ въ честь русскаго посла, во время котораго королева подняла кубокъ и пила за здоровье Ивана, послѣ чего Писемскому было объявлено, что Елизавета назна-

чила ему прощальную аудіенцію. Ввиду того, что онъ не былъ уполномоченъ принять предложенія Англіи, не лучше-ли было ему вернуться въ Москву и заручиться тамъ новыми полномочіями? Тогда Писемскій заговорилъ о бракѣ, онъ не могъ вернуться въ Москву, не рѣшивъ этого вопроса, и настоятельно требовалъ, чтобы ему дали увидѣть принцессу, и вотъ Елизавета рѣшила позабавить его и себя маленькой комедіей, такъ какъ этотъ предполагаемый бракъ былъ въ ея глазахъ не болѣе, какъ комедія.

Писемскому дали увидѣть Марію Хастингсъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, но не въ аудіенціи, а на прогулкѣ въ паркѣ Онъ пялилъ на нее глаза и выражалъ свое восхищеніе; по словамъ сопровождавшаго его Робертса, Писемскій, при видѣ нареченной невѣсты своего государя, пятясь задомъ, бѣжалъ, закрывая лицо руками, говоря, что долженъ удовольствоваться единственнымъ взглядомъ на этого „Ангела", которому было уже болѣе 30 лѣтъ.

На прощальной аудіенціи Писемскій снова потребовалъ рѣшительнаго отвѣта относительно брака Маріи Хастингсъ, но королева отвѣчала уклончиво, что отправляетъ вмѣстѣ съ нимъ своего уполномоченнаго, который передастъ лично царю ея отвѣтъ.

Къ этому времени портретъ Маріи Хастингсъ былъ готовъ, и послѣ торжественнаго смотра Англійскаго флота въ составѣ 24 судовъ, имѣвшихъ каждое отъ 70 до 90 орудій и не менѣе 1000 человѣкъ экипажа, Писемскій, въ сопровожденіи чрезвычайнаго посла Елизаветы Джерома Бевесъ, отбылъ изъ Англіи.

Бевесу было предписано говорить исключительно только о торговыхъ дѣлахъ, тщательно избѣгая касаться политики и матримоніальныхъ вопросовъ. Инструкціи, полученныя имъ отъ королевы, были также не изъ такихъ, которыя могли-бы расположить царя въ его пользу. Елизавета не требовала исключительной монополіи, но свой союзъ, который она ставила въ зависимость отъ этого условія sine quà non, еще обставляла довольно странной оговоркой, именно, она соглашалась встать на сторону Ивана противъ Баторія и другихъ враговъ царя, лишь послѣ того, какъ она истощитъ всѣ-средства къ ихъ примиренію съ нимъ. Иначе говоря, выходило такъ: „Ты желаешь моего содѣйствія, чтобы отплатить Баторію; пусть такъ, но я раньше предупрежду его о твоихъ намѣреніяхъ".

По словамъ Бовеса, царь согласился на всѣ эти условія и болѣе, чѣмъ когда либо, желалъ себѣ взять въ жены одну изъ Англійскихъ принцессъ; онъ интересовался протестантскою вѣрой и строго наказывалъ недоброжелателей Бовеса. Наконецъ, въ тотъ моментъ, когда царь долженъ былъ вручить ему свой вполнѣ удовлетворяющій желанія королевы отвѣтъ, смерть Ивана разомъ уничтожила всѣ блестящіе результаты его миссіи.

Русская же версія объ этомъ вопросѣ совершенно иная: такъ какъ Баторій, вопреки всякимъ правамъ, отнялъ у царя Полоцкъ и Ливонію, то королева должна была заставить его возвратить все царю; если же Баторій не согласился бы на то, то принудить его силой оружія, взамѣнъ чего царь обѣщалъ Англіи монополію нѣсколькихъ портовъ, тогда какъ другіе были предоставлены Французскимъ и Голландскимъ купцамъ. Французскій король только что прислалъ въ Колу нѣсколько судовъ и предлагалъ царю свою дружбу, приглашая его отправить пословъ въ Францію. Это значило: видите, мы не имѣемъ недостатка въ благорасположеніи къ намъ иностранныхъ державъ.

Затѣмъ снова зашла рѣчь о бракѣ съ Маріей Хастингсъ. Бо-

весъ утверждалъ, что она хворая и больная, кромѣ того,—что она самая отдаленная изъ племянницъ королевы, что въ Англіи, у королевы, есть еще 10 другихъ племянницъ лучше и моложе и т. д. и затѣмъ начиналъ вилять, говоря, что никакихъ полномочій относительно ихъ онъ не получилъ, и потому говорить о нихъ не смѣетъ.

Тогда разгнѣванный царь пригрозилъ ему, что прикажетъ выкинуть его изъ окна, на что смѣлый англичанинъ отвѣчалъ, что царь, конечно, воленъ это сдѣлать, но что королева, государыня его, сумѣетъ отомстить за обиду, нанесенную ея послу. Тогда царь поспѣшно отпустилъ Бовеса изъ своего присутствія, а по уходѣ его выразилъ одобреніе его поведенію и желаніе имѣть такихъ-же вѣрныхъ слугъ.

Немного спустя Бовесъ имѣлъ еще одну секретную аудіенцію, во время которой царь желалъ говорить съ нимъ исключительно о своихъ матримоніальныхъ планахъ, но Бовесъ все время уклонялся и, наконецъ, сталъ просить разрѣшенія царя отправить въ Англію гонца сухимъ путемъ, чтобы получить отъ королевы болѣе широкія полномочія, а на отказъ царя заявилъ, что въ такомъ случаѣ ему ничего болѣе не остается здѣсь дѣлать; онъ намѣренъ вернуться въ Англію, королева приказала ему вернуться сухимъ путемъ.

— Чтобы выдать меня моимъ врагамъ!—воскликнулъ взбѣшенный царь.—Я этого не потерплю! И такъ какъ ты явился сюда не для серьезныхъ переговоровъ, то можешь убираться сейчасъ же съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ!

Но три дня спустя царь снова потребовалъ его къ себѣ и на этотъ разъ высказалъ минимумъ своихъ требованій, т. е. наступательный союзъ противъ Баторія для отвоеванія у него Ливоніи. На это Бовесъ отвѣчалъ, что королева, будучи очень богобоязненна, противъ всякаго рода завоеваній.—„Да это вовсе не завоеваніе!—воскликнулъ царь.—Ливонія—исконное наше наслѣдіе!—„Да, такъ-ли“?—спросилъ Бовесъ.—„Мы не просимъ королеву быть судьей между нами и королемъ Польскимъ, а ждемъ ея согласія оказать намъ содѣйствіе“! —сказалъ царь и тутъ же назначилъ прощальную аудіенцію на 20 февраля.

Болѣзнь Грознаго заставила отсрочить эту аудіенцію, а 18-го марта Бовесъ узналъ о смерти Ивана и, какъ нѣкогда Рандольфъ, очутился плѣннымъ въ Москвѣ вплоть до мая, когда вступившій на престолъ сынъ Ивана Θеодоръ отослалъ его обратно къ королевѣ съ письмомъ, гдѣ не было и рѣчи ни о матримоніальныхъ проектахъ, ни о монополіи и привиллегіяхъ англійскихъ торговыхъ компаній.

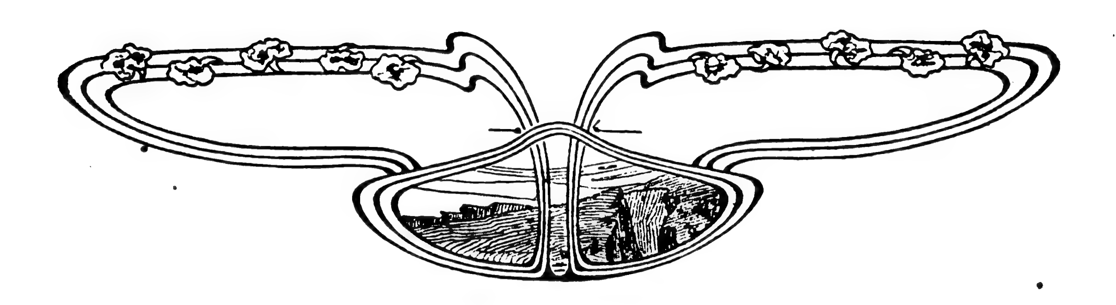
По словамъ Хорслея, недруги Бовеса покушались даже на его жизнь, —но это врядъ-ли была правда, такъ какъ въ то время полнымъ господиномъ въ Москвѣ былъ Борисъ Годуновъ, который, какъ намъ извѣстно, правда, тайно, послалъ Бовесу подарокъ съ увѣреніями въ своемъ благорасположеніи къ нему и къ Англіи. Не смотря на препирательства и переговоры Бовеса, въ это время на правомъ берегу Двины выросталъ городъ, обѣщавшій стать второю Нарвой, и строился Голландцами портъ, гдѣ одно время сосредоточивалась вся морская торговля страны, совершенно вырванная изъ рукъ Англійской монополіи. Городъ этотъ былъ Архангельскъ.

Въ 1838 г. Князь Велигорскій, во время пребыванія своего въ Италіи, случайно отыскалъ портретъ Ивана Грознаго, хорошо и тщательно исполненный масляными красками и вполнѣ хорошо сохранившійся, будто бы писанный въ 1570 г. и отправленный въ Лондонъ, гдѣ его

пріобрѣлъ русскій консулъ—въ Генуѣ, у одного изъ Лондонскихъ антикваровъ. Странно, однако, что ни въ одномъ изъ русскихъ или англійскихъ источниковъ мы не находимъ упоминанія о томъ, что какое-либо изображеніе Ивана было отправлено въ Англію; тѣмъ не менѣе это все же могло быть возможно.

Пер. *А. Энквистъ.*

(До слѣд. №-ра).



Изъ дневника.

Какъ хочется вѣрить, что день настаетъ,
И минула ночь роковая,
Что блещетъ огнями далекій восходъ,
Томительный мракъ разгоняя.

Какъ хочется думать, что тучи ушли,
И съ ними затихло ненастье,
Что солнце всплываетъ въ прозрачной дали,
Суля намъ надежды и счастье.

Мы долго и страстно мечтали о немъ,
Искали привѣтливой ласки,
Но счастье казалось намъ призрачнымъ сномъ,
Доступнымъ лишь въ грезахъ да сказкѣ.

И нынѣ, когда изъ лазурныхъ высотъ
Къ намъ льются горячія волны—
Намъ трудно повѣрить, что близокъ восходъ,—
Мы прежнимъ сомнѣніемъ полны.

Но если ты, солнце, не призракъ, не ложь,
Скорѣй подари насъ разсвѣтомъ,
Согрѣй насъ весеннимъ привѣтомъ,—
Ты жизнь намъ и счастье несешь...

Минувшее горе забывъ навсегда,
Съ торжественнымъ кликомъ—свободы,
Мы радостно станемъ подъ знамя труда
Во имя родного народа...

Сергѣй Ѳедоренко.

Существуютъ-ли каналы на Марсѣ?

Я. Недымова.

Около четверти вѣка тому назадъ итальянскій астрономъ Скіапарелли открылъ на поверхности нашего сосѣда Марса въ высшей степени замѣчательныя образованія, которыя онъ назвалъ „каналами“. Весьма благопріятныя условія наблюденія (Марсъ находился тогда въ такъ наз. великомъ противостояніи) позволили ему тщательно изучить эти образованія и составить ихъ подробную карту. Съ тѣхъ поръ „каналы“ неоднократно наблюдались и многими другими астрономами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Пикерингъ, Лоуэль сдѣлали ихъ предметомъ спеціальнаго изученія. Едва ли какой-нибудь другой астрономическій объектъ пользуется такой популярностью среди широкой публики, какъ упомянутые Марсовы „каналы“, и это объясняется прежде всего тѣмъ, конечно, что съ ними связанъ вопросъ такого высокаго интереса, какъ проблема обстановки сосѣдней съ нами планеты. Однако, въ самое послѣднее время неожиданно добыты были очень вѣскія данныя, кореннымъ образомъ измѣняющія господствовавшія до сихъ поръ представленія о природѣ этихъ загодочныхъ образованій и переносящія вопросъ на совершенно иную почву.

„Каналы“ — это тонкія, темныя прямыя линіи, прорѣзывающія Марсовы материки изъ конца въ конецъ по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Такъ какъ они соединяютъ между собой различные водные бассейны и поражаютъ необыкновенною правильностью своихъ очертаній, то первая мысль, возникающая при ихъ наблюденіи, та, что это—„каналы“. Болѣе близкое ознакомленіе съ ними показало, од-

Каналы на Марсѣ, по наблюденіямъ Скіапарелли.

нако, что эти „каналы“ Марса могутъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, лишь самое отдаленное сходство съ тѣми каналами, какіе мы знаемъ у себя на Землѣ. Дѣйствительно, вообразите себѣ каналы, тянущіеся на тысячи верстъ и достигающіе иногда 200—300 верстъ ширины!

Если можно называть сооруженія длиною съ Волгу и шириною съ Балтійское море каналами, то, разумѣется, лишь условно. Тѣмъ не менѣе, непонятная правильность ихъ очертаній какъ-то невольно навязываетъ мысль объ ихъ искусственномъ происхожденіи. Предложено было множество различныхъ теорій относительно сущности этихъ загадочныхъ образованій, и лишь немногія изъ нихъ разсматривали каналы, какъ продуктъ естественныхъ силъ природы. Большая же часть гипотезъ опиралась на цѣлесообразную дѣятельность разумныхъ живыхъ существъ, техническія знанія и средства которыхъ неизмѣримо выше всего того, что намъ приходится видѣть на Землѣ. Въ общемъ всѣ склонны были считать темныя линіи за настоящіе каналы, сооруженные обитателями Марса съ цѣлью урегулировать распредѣленіе воды на ихъ планетѣ.

Теорія эта находитъ себѣ опору въ нѣкоторыхъ особенностяхъ климатическихъ и топографическихъ условій Марса. Есть основаніе предполагать, что моря и океаны этой планеты очень мелки и скорѣе представляютъ собой какъ бы обширныя болотистыя равнины; по крайней мѣрѣ иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что до сихъ поръ не удавалось замѣтить въ океанахъ Марса отраженія солнечнаго диска. Съ другой стороны, неоднократно наблюдалось чрезвычайно быстрое уменьшеніе бѣлыхъ пятенъ у его полюсовъ, пятенъ, которыя, по всей вѣроятности, представляютъ собой скопленія снѣга (или твердой углекислоты). Столь быстрое таяніе большого количества льда и снѣга, при незначительной глубинѣ Марсовыхъ морей и океановъ, должно было вызывать грандіозныя наводненія, на что имѣются даже добытыя наблюденіемъ указанія. При подобныхъ условіяхъ, сооруженіе сѣти широкихъ каналовъ, соединяющихъ отдѣльные водные бассейны, является въ высшей степени цѣлесообразнымъ, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что жители Марса уже съ древнихъ временъ употребляли всѣ усилія къ тому, что обезопасить себя указаннымъ путемъ отъ частыхъ, опустошительныхъ весеннихъ наводненій.

Въ 1880-82-г.г. усмотрѣна была одна особенность Марсовыхъ „каналовъ", еще болѣе увеличившая ихъ загадочность, именно, замѣчено было, что въ опредѣленное время года (тогда, когда на Марсѣ весна) каналы удваиваются: параллельно каждому каналу на близкомъ отъ него разстояніи возникаетъ новый, сопровождающій его на всемъ протяженіи. Это обстоятельство, повидимому, прямо подтверждаетъ теорію искуственнаго происхожденія каналовъ: согласно теоріи, второй каналъ существуетъ круглый годъ, но русло его сохраняется сухимъ и открывается при помощи шлюзовъ лишь въ эпохи особеннаго обилія воды. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему весь каналъ возникаетъ сразу по всей длинѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что для объясненіяособенностей „каналовъ" предложены были и другія теоріи, также болѣе или менѣе остроумныя, но почти всѣ онѣ, какъ мы уже говорили, опираются на разумную дѣятельность обитателей сосѣдней планеты. Мы упомянемъ здѣсь лишь про гипотезу Вильгельма Мейера, авторъ „Мірозданія". Необыкновенная ширина „каналовъ" заставляетъ его отказаться отъ теоріи воднаго ихъ происхожденія и разсматривать эти образованія, какъ рядъ оазисовъ, широкой полосой расположенныхъ на пустынныхъ материкахъ Марса, вдоль сухопутныхъ путей сообщенія; подобную картину представляла-бы, вѣроятно, напр., Тихоокеанская желѣзная дорога при наблюденіи съ большаго разстоянія: рядъ оазисовъ, богатыхъ густой растительностью, выступаетъ на свѣтломъ

фонѣ степи или пустыни въ видѣ темной линіи, пересѣкающей материкъ.

Загадочность „каналовъ“ увеличивалась еще цѣлымъ рядомъ, повидимому, незначительныхъ фактовъ, внушавшихъ нѣкоторымъ астрономамъ сомнѣніе въ реальности этихъ образованій. Такъ, Скіапарелли еще въ 1888 г. замѣтилъ, что одинъ небольшой каналъ въ теченіе двухъ лѣтъ рѣзко измѣнилъ свое первоначальное положеніе, повернувшись на уголъ въ 60°; наблюденіе съ несомнѣнностью устанавливало этотъ фактъ, а между тѣмъ онъ не укладывался въ рамки ни одной серьезнойтеоріи. Особенно смущали астрономовъ нѣкоторыя явленія, связанныя съ удвоеніемъ каналовъ.

Такъ, оказалось, что при удвоеніи нерѣдко наблюдается легкое уклоненіе *обоихъ* каналовъ отъ прежняго направленія, фактъ необъяснимый, если представлять себѣ „каналы“ принадлежащими самой поверхности планеты. Далѣе, замѣчено было, что взаимное разстояніе нѣкоторыхъ двойныхъ каналовъ (выраженное въ градусахъ Марса) измѣняется съ удаленіемъ этой планеты отъ наблюдателя. Подозрительнымъ казалось, наконецъ, и то, что въ нѣкоторыя сильныя трубы вовсе не удалось замѣтить никакихъ каналовъ, въ то время какъ они очень ясно и въ большомъ количествѣ видны были въ трубы такой же или даже меньшей силы. Такъ, въ 26-ти-дюймовый Вашингтонскій рефракторъ и въ исполинскій телескопъ Ликской обсерваторіи не было усмотрѣно даже слѣдовъ каналовъ; съ другой стороны, такіе наблюдатели, какъ Лоуель и Пикерингъ вполнѣ подтвердили наблюденія Скіапарелли. Все это настраивало нѣкоторые умы очеь скептически, и раздавались голоса, утверждавшіе, что наиболѣе тонкіе каналы, такъ же какъ и нѣкоторые неясно наблюдаемые двойные, суть лишь оптическія иллюзіи.—Но все же подвергать сомнѣнію реальность всей сѣти каналовъ никто не рѣшался, кромѣ развѣ Грина: этотъ проницательный наблюдатель уже давно утверждалъ, что „каналы“ Марса представляютъ собой лишь воображаемую границу различно оттѣненныхъ областей и не имѣютъ никакого реальнаго существованія.

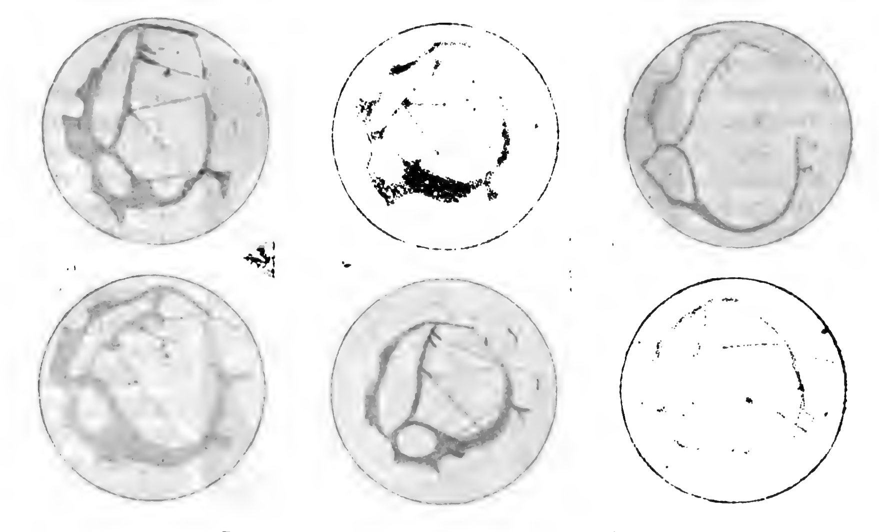
Карта Марса, предложенная для срисовыванія гринвичскимъ школьникамъ.

Такъ обстояло дѣло до самаго послѣдняго времени, когда два астронома Гринвичской обсерваторіи Эвансъ и Маундеръ доказали рядомъ систематическихъ опытовъ мнимую реальность тѣхъ „каналовъ“, надъ изученіемъ которыхъ неутомимо трудилось цѣлое поколѣніе искусныхъ наблюдателей.

Опыты Эванса и Маундера производились слѣдующимъ образомъ. Круглый дискъ отъ 3-хъ до 6-ти дюймовъ въ діаметрѣ предлагался въ классѣ, какъ объектъ для срисовыванія учениками. Дѣти въ возрастѣ 12-14 лѣтъ, числомъ 20, разсаживались на различныхъ разстояніяхъ отъ диска (17—38 фут). Каждому давали бумагу, на которой начерченъ былъ кругъ 3-хъ дюй-

мовъ въ діаметрѣ, и на этотъ кругъ предлагалось зарисовать всѣ детали, видимыя на дискѣ. На дискѣ же изображались различные участки поверхности Марса, скопированные съ астрономическихъ картъ, но такъ, что на немъ *вовсе не обозначались каналы*. Всѣ рисовавшіе мальчики никогда не наблюдали Марса въ телескопъ, незнакомы были съ его картами и оставались въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, что собственно изображалъ предлагавшійся имъ узоръ и для какой цѣли велись опыты. Дискъ хорошо освѣщался, и вообще условія работы были по возможности наилучшія. Старались не дѣлать никакихъ намековъ и не давать мальчикамъ никакихъ прямыхъ указаній на то, что требовалось зарисовать: имъ предлагали рисовать только то, что они ясно и отчетливо видятъ на дискѣ, при чемъ наблюдали, чтобы каждый рисовалъ самостоятельно, не заглядывая въ работы своихъ сосѣдей.

Въ результатѣ получилось нѣчто совершенно неожиданное: на всѣхъ рисункахъ, сверхъ обычныхъ деталей, оказалось по нѣскольку тонкихъ прямыхъ линій, соединявшихъ нарисованныя на дискѣ пятна, и главное—линіи эти были вполнѣ сходны съ тѣми, которыя обозначали „каналы“ на картахъ Скіапарелли. На рисункахъ различныхъ лицъ нерѣдко воспроизводились одни и тѣже „каналы“, такъ что можно было думать, что они срисовывали ихъ съ одной модели. При повтореніи опытовъ надъ тѣми же лицами число каналовъ на рисункахъ увеличивалось; нерѣдко оказывалось, что съ дальняго разстоянія начинали „видѣть“ такіе каналы, которыхъ не видали раньше съ болѣе близкаго. Слѣдуетъ прибавить, что во все время производства опытовъ (они длились почти цѣлый годъ) мальчикамъ не сообщалось ни слова о значеніи и результатахъ экспериментированія, такъ что предполагать съ ихъ стороны сознательный обманъ—немыслимо.



Рисунки школьниковъ съ карты Марса.

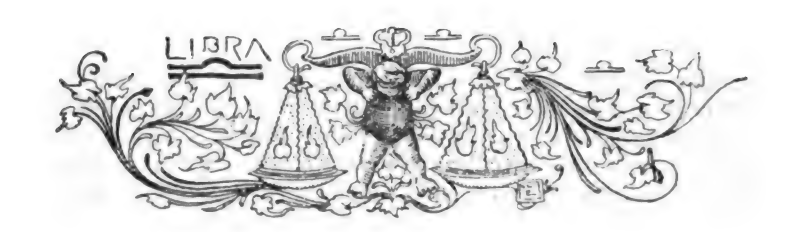
22,5 фут. 28,5 фут. 37,5 фут.
25,5 „ 25,5 „ 34,5 „

Имѣя на рукахъ множество рисунковъ, полученныхъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, Эвансъ и Маундеръ сочли себя вправѣ сдѣлать опредѣленный выводъ на ос-

нованіи этого матеріала. Выводъ ихъ таковъ: вполнѣ нормальные люди, обладающіе хорошимъ зрѣніемъ, вовсе не знакомые съ картами Марса, усмотрѣли очертанія, совершенно сходныя съ его „каналами" на такомъ объектѣ, гдѣ не было и слѣда ихъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ своеобразной оптической иллюзіей, обусловленной какими-нибудь специфическими особенностями наблюдаемыхъ контуровъ; мнимые каналы, безъ сомнѣнія, воображаемыя границы двухъ смежныхъ и неодинаково освѣщенныхъ областей или же продуктъ мысленнаго соединенія отдѣльныхъ точекъ, расположенныхъ на одной прямой.

— И такъ,—заключаютъ Эвансъ и Маундеръ — наблюдатели Марса срисовывали, разумѣется, то, что они дѣйствительно видѣли, но все же ихъ „каналы" имѣютъ не большую реальность, нежели тѣ, которыхъ „видѣли" гринвичскіе школьники". Было бы, конечно, черезчуръ поспѣшно признавать за этими опытами окончательное, рѣшающее значеніе; благоразуміе требуетъ повременить и выслушать по этому поводу мнѣніе тѣхъ наблюдателей Марса, которые неоднократно наблюдали „каналы" и вложили массу труда на изслѣдованіе этихъ загадочныхъ образованій.

Я. Недымовъ.



Островъ Сахалинъ.

(Географическій очеркъ).

У. П.

Въ настоящее время, когда весь міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями на Дальнемъ Востокѣ, всю читающую публику, ясное дѣло, стали интересовать обширныя владѣнія Россіи на далекой ея окраинѣ.

Между этими владѣніями уже съ давнихъ поръ привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только русскихъ, но и иностранцевъ пресловутый островъ Сахалинъ, о которомъ тѣмъ не менѣе въ нашей литературѣ сообщеній весьма немного. Это обстоятельство главнымъ образомъ и служитъ причиною того, что въ нашемъ обществѣ сложилось о невѣдомомъ ему „островѣ скорби и печали" не только смутное, но и самое превратное понятіе.

Какъ о сфинксѣ въ древней Греціи, у насъ сплошь и рядомъ ходятъ легендарные разсказы о жизни на Сахалинѣ, его климатѣ, флорѣ и фаунѣ. Многіе представляютъ себѣ этотъ островъ чуть-ли не затертымъ вѣчными льдами холоднаго моря, угрюмо глядящимъ своими скалистыми берегами, безъ малѣйшаго признака растительности даже и въ лѣтнее время года на каждое морское судно; многіе убѣждены въ томъ, что на Сахалинѣ царятъ постоянные дожди, туманы, вьюги и снѣжныя мятели; многіе думаютъ, что на этомъ островѣ бываетъ не болѣе 5-6 ясныхъ дней въ году, и поэтому никакая культура на немъ, вслѣдствіе его климатическимъ условіямъ, — совершенно невозможна.

Среди интеллигенціи Сахалинъ за его (якобы) убійственный климатъ называютъ „Чертовымъ островомъ", надѣляя его въ изобиліи всевозможными недостатками.

Между тѣмъ Сахалинъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собою одно изъ богатѣйшихъ мѣстъ Россійской Имперіи, какъ по своимъ минеральнымъ богатствамъ, такъ и по разнообразію флоры и фауны. Что-же касается до его климата, то въ этомъ отношеніи островъ долженъ быть раздѣленъ на три полосы—сѣверный Сахалинъ, среднiй и южный; первый съ климатомъ нашей сѣверной тундры, второй съ

климатомъ юга Бѣлаго моря, третій-же даже болѣе, чѣмъ съ умѣреннымъ климатомъ.

Если обратить вниманіе на географическое положеніе Сахалина, то мы увидимъ, что южная его оконечность—47° с. ш.—соотвѣтсвуетъ широтѣ Ростова на Дону, сѣверная же его оконечность—54° с. ш.—одинакова съ широтою Могилева. Изъ этихъ данныхъ, впрочемъ, нельзя еще выводить заключенія о средней годовой температурѣ этихъ мѣстъ, такъ какъ здѣсь приходится считаться еще со многими причинами, измѣняющими ее и, главнымъ образомъ,—понижающими.

Среди этихъ причинъ, какъ наиболѣе важныя, слѣдуетъ отмѣтить: вліяніе господствующихъ холодныхъ вѣтровъ и дѣйствіе морскихъ теченій. И то, и другое одинаково неблагопріятно для сахалинскаго климата.

Господствующими вѣтрами являются здѣсь зимой—сѣверный и западный, лѣтомъ же—южный и восточный; всѣ эти вѣтры холодные, такъ какъ они притекаютъ съ сѣверныхъ частей материка и съ Охотскаго моря, нерѣдко даже и среди лѣта покрытаго массами пловучаго льда. Впрочемъ, одинъ южный вѣтеръ, безъ дѣйствія восточнаго, температуру острова понижаетъ незначительно, а иногда не оказываетъ на нее и совсѣмъ никакого вліянія.

Морскихъ теченій у береговъ Сахалина считаютъ три. Холодныхъ теченій, начинающихся въ Охотскомъ морѣ,—два; одно изъ нихъ идетъ съ сѣверо-восточной части моря къ юго-западу и, раздѣляясь на два рукава сѣверной оконечностью острова, огибаетъ его берега: съ востока до мыса Терпѣнія и съ запада до исчезновенія въ водахъ сѣверной части, Японскаго моря, гдѣ оно сливается съ другимъ холоднымъ теченіемъ. Второе холодное теченіе идетъ съ сѣверо-запада Охотскаго моря на югъ западнымъ берегомъ острова и теряется въ сѣверной части Японскаго моря. Третье сахалинское теченіе теплое; оно называется „Тсусимскимъ" и представляетъ собою вѣтвь Японскаго теченія *Куро-сиво*; въ проливѣ Лаперуза оно также раздѣляется на два рукава, изъ которыхъ одинъ достигаетъ мыса Терпѣнія, другой же идетъ западнымъ берегомъ острова. Восточный рукавъ этого теплаго теченія оказываетъ на климатъ южнаго Сахалина вліяніе значительно меньшее, чѣмъ западный. Послѣднее обстоятельство дало поводъ къ возникновенію новой гипотезы, по которой у береговъ Сахалина существуетъ еще одно, третье холодное теченіе—идущее изъ Охотскаго моря черезъ Лаперузовъ проливъ въ Японское море и отраженное тутъ вслѣдствіе меньшей плотности воды (теченія) обратно—къ берегамъ Сахалина, вдоль которыхъ оно и направляется къ сѣверу, парализуя въ значительной мѣрѣ дѣйствіе теплаго теченія.

Итакъ, господствующіе вѣтры, морскія теченія и холодное Охотское море—вотъ три причины, создавшія неблагопріятныя климатическія условія острова; неблагопріятныя, впрочемъ, относительно.

Не смотря на значительное протяженіе Сахалина съ сѣвера на югъ (около 890 верстъ) разница въ климатѣ всѣхъ трехъ его частей не такъ рельефна, какъ слѣдовало бы того ожидать. Причина этого опять таки кроется въ томъ, что при столь значительной длинѣ своей, островъ имѣетъ въ то-же время въ ширину только отъ 25 до 200 вер. а благодаря столь узкой площади его, неблагопріятное вліяніе Охотскаго моря, ясное дѣло, легко отражается иногда даже на его западномъ берегу.

Если ко всему этому прибавить, еще, что всѣ горныя цѣпи Сахалина тянутся по его длинѣ, совершенно не прикрывая его долинъ отъ дѣйствія сѣвернаго и южнаго вѣ-

тровъ, то намъ станетъ ясно то беззащитное положеніе, въ которомъ находится этотъ пасынокъ природы—островъ Сахалинъ.

Дѣйствительно, высочайшей горной цѣпью Сахалина является *Западный* хребетъ, средняя высота котораго равна 3000 фут., а высочайшій изъ его пиковъ—*Ля-Мартиньеръ*—достигаетъ высоты почти 5000 фут.; предпослѣднее-же мѣсто по своей высотѣ занимаетъ здѣсь хребетъ *Восточный*, средняя высота котораго равна только 660 фут., и высшей точкой его служитъ вершина *Тіара*, имѣющая всего только около 2000 фут. Отсюда уже ясно видно, что горныя цѣпи острова расположены на немъ въ порядкѣ для его климата наименѣе выгодномъ; имѣй-же, наоборотъ, *Восточный* хребетъ высоту *Западнаго*—островъ былъ въ значительно большей мѣрѣ защищенъ отъ вліянія холоднаго Охотскаго моря.

Кромѣ этихъ двухъ хребтовъ, на Сахалинѣ существуютъ еще слѣдующее: *Сѣверный Центральный, Южный Центральный* и *Тонино Анивскій.* Первый, какъ показываетъ и самое названіе его, расположенъ въ сѣверной части острова; онъ тянется съ сѣвера на югъ, немного ближе къ западному берегу, и, начинаясь у мыса Елизаветы достигаетъ до 51° 21′ с. ш.; по причинѣ незначительной высоты своей (отъ 400 до 600 фут.) въ защитѣ острова отъ холодныхъ восточныхъ вѣтровъ онъ играетъ невидное значеніе; тѣмъ не менѣе на небольшой площади между мысами Маріи и Елизаветы вліяніе даже и этого невысокаго хребта выражено крайне рельефно; не смотря на то, что даже значительно южнѣе этихъ мысовъ на Сахалинѣ раскинута тундра съ ея лишаями и мхами,—здѣсь флора мало чѣмъ отличается отъ флоры средняго Сахалина.

Южный Центральный, или *Сусунайскій* хребетъ имѣетъ до 2500 ф. высоты и, начинаясь мысами Анивскаго залива *Соя* и *Чиписань*, онъ идетъ до мыса *Сусунай* на берегу Охотскаго моря. *Тонино-Анивскій* хребетъ имѣетъ въ среднемъ около 1500 фут; начинаясь у мыса *Анива*, онъ кончается мысомъ *Тонинскимъ* и служитъ какъ-бы границею анивскаго полуострова. Послѣдніе два хребта совершенно не защищаютъ долины, расположенной у залива Мордвинова и бухты Буссе отъ дѣйствія южныхъ вѣтровъ и, не смотря на то, что со всѣхъ остальныхъ трехъ сторонъ эта площадь защищена,—слѣдствіе дѣйствія одного только южнаго вѣтра, который направляется сюда съ южной части Охотскаго моря, — мѣстность эта почти ничѣмъ не отличается отъ тундръ сѣвернаго Сахалина, тогда какъ за Сусунайскимъ хребтомъ даже значительно сѣвернѣе *растетъ дикій виноградъ.*

Кончая на этомъ обзоръ условій, на которыхъ создался климатъ Сахалина, для большей законченности настоящаго труда, я приведу здѣсь данныя, добытыя семнадцатилѣтнимъ производствомъ метерологическихъ наблюденій въ трехъ различныхъ его округахъ — Александровскомъ, Рыковскомъ или Тымовскомъ и Корсаковскомъ. По этимъ даннымъ средняя температура (вездѣ по Цельсію) въ Александровскѣ выражается +0.2° при maximnm'ѣ въ среднемъ +25,2° и minimum'ѣ—35,4°; въ Рыковскѣ—1.1° при maximum'ѣ+34,8° и minimum'ѣ—48, и—въ Корсаковѣ +2.4° при maximim'ѣ+35,1° и minimum'ѣ—20.3°... Кромѣ того, по тѣмъ же наблюденіямъ, число дней съ осадками вообще (какъ-то: дождемъ, снѣгомъ, градомъ, крупой и туманомъ, включая сюда дни съ грозой и съ бурей, а также и дни съ сухимъ туманомъ *) выражается въ среднемъ, въ теченіе года, для Александровска 143, для Рыковска 172 и для Корсаковска 139.

*) „Сухой туманъ“ происходитъ здѣсь не рѣдко отъ облаковъ дыма при лѣсныхъ пожарахъ—„палахъ“.

Изъ приведенныхъ данныхъ становится уже вполнѣ ясно, что климатъ Сахалина далеко не „убійственный“, какъ это думаетъ большинство, и даже наоборотъ; что касается до Корсаковска, то въ общемъ его климатъ, близко подходя къ Петербургскому, значительнѣе здоровѣе послѣдняго, мягче и даже нѣсколько теплѣе.

Распространенность ложнаго понятія о климатѣ Сахалина, проникшаго въ наше общество, отчасти можно объяснить слѣдующими двумя причинами: во-первыхъ тѣмъ, что всѣхъ лицъ присужденныхъ къ ссылкѣ на Сахалинъ, передъ отправленіемъ туда *свидѣтельствуютъ*, для опредѣленія способности перенесенія ими морского путешествія; большинство-же, не зная цѣли подобныхъ освидѣтельствованій, приписываетъ, на основаніи факта ихъ существованія, отрицательныя качества сахалинскому климату, предполагая, что медицинское заключеніе въ данномъ случаѣ требуется для опредѣленія вопроса: *могутъ-ли данные субъекты перенести климатическія условія Сахалина?*

Это-разъ; а во-вторыхъ, тѣмъ-же заблужденіемъ общество обязано въ значительной мѣрѣ сахалинскому чиновничеству, которое, всячески раздувая въ его глазахъ „опасности и трудности“ своей службы на островѣ, возводитъ напраслины и на его климатъ—дескать: „намъ ради службы даже и здоровьемъ приходится поступаться!.. Вотъ какъ стараемся“!.. Дѣлается же это ими для того, чтобы въ глазахъ нашего правительства поднять престижь своей службы и лишній разъ подтвердить ему о необходимости оставленія навсегда существующихъ великихъ милостей и широкихъ льготъ для служащихъ на Сахалинѣ, а кромѣ того еще и съ тою цѣлью, чтобы отвадить всякую конкуренцію на право занятія должностей со стороны россійскаго чиновничества.

На самомъ же дѣлѣ сахалинскій климатъ, за исключеніемъ его крайняго сѣвера, и то не всего, (мѣстность между мысами Маріи и Елизаветы и еще нѣсколькихъ мѣстъ), находящихся въ крайне невыгодныхъ условіяхъ, далеко не вреденъ для здоровья и во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи благопріятнѣе климата Владивостока.

Разнообразіе климатическихъ условій острова породило и разнообразіе его флоры; такъ, напримѣръ: наряду съ лишаями и мхами крайней сѣверной части его, на югѣ въ во то-же время ростетъ въ довольно въ большомъ количествѣ *дикій виноградъ*. Вообще-же на Сахалинѣ можно видѣть представителей флоры и сѣверной Японіи, и Приморской области, и прибрежій Охотскаго моря, (на Камчаткѣ, на материкѣ Америки и на островахъ Японіи). Богаче всего растительное царство острова въ его юго-западной части, бѣднѣе же всего въ сѣверо-восточной. Среди его древесныхъ породъ краснолѣсье встрѣчается почти повсюду и состоитъ главнымъ образомъ изъ пихты и ели (сосны на Сахалинѣ нѣтъ ни одной); что же касается до чернолѣсья, то оно, по количеству разнообразныхъ экземпляровъ его составляющихъ, является на Сахалинѣ очень богатымъ; тутъ попадаются цѣлыя заросли столѣтнихъ тополей, дубовыя рощи, а также въ громадномъ количествѣ ива, вязъ, называемый здѣсь ильмой, ольха, ясень, боярка, черемуха, рябина, ракита, кленъ, береза обыкновенная и желтая береза (betula ermani). Опушка сахалинскихъ лѣсовъ—кустарникъ—по разнообразію своихъ породъ также очень богата; главное мѣсто, по количеству, среди кустарника занимаетъ малина, затѣмъ моховка, крыжовникъ, дикій виноградъ, шиповникъ (rosa rugosa) бузина, тальникъ, волоснецъ, жимолость, нѣсколько видовъ таволги, бересклетъ, (evonimus), грецкій орѣшникъ, актипидія, курильскій

бамбукъ (arundinaria kurilensis) и др.

Среди Сахалинскихъ травъ заслуживаютъ вниманія *ангелофилумъ* (angelophyllum ursinum). Это очень красивое однолѣтнее растеніе изъ семейства зонтичныхъ съ дудчатымъ стеблемъ, достигающее полусаженной высоты и около 2½ вершковъ въ діаметрѣ; кромѣ ангелофилумъ здѣсь масса различныхъ лилій, лопуховъ, достигающихъ гигантскихъ размѣровъ, какалій, фіолетовыхъ касатиковъ, сахалинской гречехи, чернобыльника, бѣлой черемицы, вероники, крапивы и борца.

Трава „борецъ“ (aconitum) благодаря своей распространенности чуть ли не по всему острову, являясь крайне ядовитой травой, приноситъ населенію острова много бѣдъ, такъ какъ ею отравляется очень часто скотъ. Помимо отравы скота, ссыльные отравляютъ также борцомъ и другъ друга.

При разнообразіи сахалинской флоры, фауна его является тою-же самой, что и на материкѣ Азіи; здѣсь масса медвѣдей, лисицъ, оленей, выдръ, соболей, а также въ большомъ количествѣ водятся здѣсь кабарга, зайцы, волки, лоси, бѣлки, пыжыки, выхухоль и другіе. Что касается до распредѣленія сахалинской флоры въ зависимости отъ широтъ, то въ этомъ отношеніи, не смотря на большое протяженіе острова съ сѣвера на югъ, виды ея одинаково рапространены во всѣхъ его частяхъ.

Здѣсь нельзя не отмѣтить слѣдующаго любопытнаго факта: на Сахалинѣ совершенно отсутствуютъ нѣкоторые изъ звѣрей, водящіеся на материкѣ южнѣе 52° с. ш., не смотря на то, что климатическія условія для ихъ жизни здѣсь были-бы гораздо благопріятнѣе. Этотъ странный съ перваго взгляд фактъ объясняется очень просто: дѣло въ томъ, что въ періодъ догеологическаго переворота, когда еще Сахалинъ не былъ островомъ, приблизительно около 52° 15′ с. ш. находился перешеекъ, соединяющій его съ материкомъ Азіи; по этому перешейку на Сахалинъ и перешли всѣ населяющія его животныя, кромѣ тѣхъ видовъ, которые на материкѣ Азіи до 52° 15′ с. ш. съ юга не подымались. Подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить то обстоятельство, что на Сахалинѣ встрѣчаются птицы, живущія на материкѣ только въ мѣстахъ, расположенныхъ значительно южнѣе.

Что касается до рыбы, то главнѣйшіе виды ея на Сахалинѣ слѣдующіе: сельдь, махня, чевица, налимъ, плотва, щука, форель, горбуша, кэта и кунжа; послѣдніе три вида относятся къ семейству лососевыхъ, причемъ горбуша и кэта близко подходятъ къ семгѣ.

Кромѣ того у береговъ Сахалина по Татарскому проливу въ громадномъ количествѣ водятся киты.

Большинство сахалинскихъ рѣкъ —горныя, а потому для жизни рыбъ онѣ неудобны; въ нихъ главнымъ образомъ преобладаютъ, по количеству, рыбы такъ называемыя „проходныя“, которыя заходятъ въ ихъ устья періодически—на время нереста, постоянныхъ-же (налимъ, плотва, щука,) сравнительно немного, и водятся онѣ исключительно почти въ нижнихъ теченіяхъ этихъ рѣкъ.

Въ одинъ Татарскій проливъ вдоль западнаго берега Сахалина впадаетъ болѣе 200 рѣкъ, но всѣ онѣ носятъ характеръ горныхъ ручьевъ и, за исключеніемъ 5 или 6, имѣютъ не болѣе 30 верстъ длины.

Главнѣйшія рѣки Сахалина—большая Тымь, Поронай, Некаро — въ средней части острова и Найбучи, Лютога и Сусуя — въ южной его части. Большая Тымь имѣетъ свыше 350 верстъ длины, Поронай—свыше 200 верстъ, Некаро—около 80 вер. Найбучи—около 150 верстъ, Лютога—около 200 верстъ и Сусуя—100 в.

Но и эти рѣки, не смотря на свои значительные размѣры, благо-

даря быстрымъ теченіямъ, порогамъ и водопадамъ, а также сильнымъ обмеленіямъ, для судоходства неудобны. Лучшей въ этомъ отношеніи является рѣка Поронай, она вполнѣ судоходна на протяженіи 100 верстъ отъ устья.

Среди сахалинскихъ озеръ слѣдуетъ отмѣтить, какъ самое большое,—озеро Тарайка; оно расположено близь устья рѣки Поронай и имѣетъ около 90 кв. верстъ; затѣмъ озеро Тунайчи близь залива Мордвинова—70 кв. верстъ, и изъ прѣсноводныхъ—озеро Ому-то.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ какъ есть сахалинскія озера безъ исключенія расположены очень характерно—близь морскихъ береговъ острова,—причемъ нѣкоторыя изъ нихъ соединены съ моремъ протоками.

Кончая на этомъ географическій обзоръ острова Сахалина, перейдемъ теперь къ обзору его естественныхъ богатствъ.

Минералогическія развѣдки и изслѣдованія, произведенныя въ различныхъ мѣстахъ Сахалина, привели лицъ, работавшихъ въ этомъ направленіи, къ заключенію о его громадныхъ богатствахъ.

Здѣсь найдены весьма значительные источники нефти и богатыя руды: мѣдная, желѣзная, цинковая и серебросвинцовая. Кромѣ того въ различныхъ мѣстахъ острова— находится около сорока мѣсторожденій каменнаго угля.

Такъ какъ до настоящаго времени на Сахалинѣ обращается вниманіе почти исключительно только на разработку каменнаго угля, то логическимъ послѣдствіемъ этого является то, что каменный уголь на островѣ среди его естественныхъ богатствъ занимаетъ первое мѣсто. Въ одномъ только Александровскомъ округѣ въ теченіе года на тюремныхъ рудникахъ добывается каменнаго угля среднимъ числомъ около 1.200,000 пудовъ.

Относительно же эксплоатаціи желѣзной, мѣдной, цинковой и серебросвинцовой рудъ, а также нефтяныхъ источниковъ, ни администраціей острова, ни частными лицами пока не предпринималось ничего; и приходится съ сожалѣніемъ сознавать, что, пожалуй, еще не одинъ десятокъ лѣтъ пройдетъ до тѣхъ поръ, пока не явится здѣсь какой нибудь энергичный человѣкъ, по иниціативѣ котораго приступятъ, наконецъ, къ разработкѣ этихъ несмѣтныхъ богатствъ острова, покоящихся въ настоящее время въ дѣвственномъ состояніи.

На второе мѣсто послѣ каменнаго угля слѣдуетъ поставить рыбопромышленность.

Одной селедки въ теченіе года добывается на Сахалинѣ больше *пяти милліоновъ пудовъ*!

Третье мѣсто среди естественныхъ богатствъ острова принадлежитъ лѣсопромышленности. Болѣе двухъ третей Сахалина покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ; приблизительно на островѣ слѣдуетъ считать подъ строевымъ лѣсомъ около *Четырехъ милліоновъ десятинъ* земли!

Но и лѣсныя богатства острова эксплоатируются всего только нѣсколько лѣтъ, да и при томъ еще очень слабо, а между тѣмъ города Приморской области чувствуютъ постоянно недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ. Особенно сказывается нужда въ лѣсѣ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ на Амурѣ. Если бы на Сахалинѣ явился предприниматель даже съ небольшимъ капиталомъ (тысячъ въ десять), то въ короткій срокъ онъ бы могъ здѣсь обогатиться: цѣна 12-ти аршинному лиственичному бревну, толщиною у тонкаго конца 6—7 вершковъ, съ доставкой его на пристань здѣсь колеблется отъ 60 до 80 копѣекъ, между тѣмъ какъ во Владивостокѣ и Николаевскѣ то-же самое бревно нельзя купить дешевле 4 руб. 50 коп.—5 руб., провозъ-же лѣсного матеріала до этихъ пунктовъ отъ поста Корсаковскаго обходится

приблизительно не дороже 40 коп. съ бревна.

Наконецъ на Сахалинѣ имѣется особый сортъ матеріала для столярныхъ работъ — такъ называемый „наплывъ", извѣстный у насъ въ Россіи подъ именемъ „корельской березы"; этотъ матеріалъ на Сахалинѣ цѣнится очень дешево, на материкѣ-же за него платятъ громадныя деньги, считая его за рѣдкость.

„Наплывъ" это собственно болѣзненные губкообразные наросты на деревьяхъ, достигающіе иногда гигантскихъ размѣровъ, вѣсомъ до десяти и болѣе пудовъ; онъ идетъ на фанеры и на разныя мелкія подѣлки. Натуральный цвѣтъ его бываетъ ярко-золотистый, сѣроватый и красный, но подъ вліяніемъ травленія царской водкой, азотной кислотой и другими составами, наплыву можно придать любой цвѣтъ, включительно до изумрудно зеленаго; поразительная-же красота слоя даетъ всѣмъ вещамъ, выдѣлываемымъ изъ наплыва, необыкновенно красивый видъ, благодаря безконечно-разнообразнымъ переливамъ его поверхности.

Послѣ лѣсныхъ богатствъ острова, слѣдуетъ богатство его пушнымъ звѣремъ. Медвѣдь, лиса, выдра, бѣлка и особенно соболь даютъ большой заработокъ населенію острова. Медвѣдей на Сахалинѣ такая масса, что лѣтомъ нерѣдко они заходятъ къ поселенцамъ даже прямо въ избы; размѣръ сахалинскаго медвѣдя иногда достигаетъ до 2 арш. 12 вершковъ (мѣра шкуры — отъ глазъ до корня хвоста); среди лисъ очень распространены обыкновенная желтая лиса, затѣмъ такъ называемая крестовка (съ черно-сѣдымъ хребтомъ), довольно часты черныя лисы, но чернобурыя такъ же рѣдки, какъ и „огневки"; послѣдній видъ лисы цѣнится очень дорого, дороже чернобурой. Сахалинскій соболь очень хорошъ и водится здѣсь въ громадномъ количествѣ. Весной, обыкновенно въ началѣ апрѣля, на Сахалинъ пріѣзжаютъ скупщики пушнины и пріобрѣтаютъ здѣсь громадныя ея партіи въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; среди этихъ скупщиковъ въ послѣдніе годы были не только наши сибиряки, но и иностранцы включительно даже до американцевъ и англичанъ.

Наконецъ, помимо всѣхъ перечисленныхъ богатствъ, островъ на восточномъ своемъ берегу изобилуетъ янтаремъ, выбрасываемымъ волнами Охотскаго моря; надо думать, что промыселъ янтаря могъ бы дать жителямъ тоже большой доходъ, но администрація острова не обращаетъ на эту статью дохода должнаго вниманія, а необразованные жители Сахалина и дикіе туземцы, не зная его цѣнности, не интересуются имъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ можно еще утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что *не интересоваться янтаремъ не такъ грѣшно, какъ не интересоваться жемчугомъ!* А на Сахалинѣ (увы!) и жемчугомъ не интересуются... Жемчугъ валяется у людей подъ ногами, но его не берутъ... И невольно приходитъ при этомъ въ голову, что природа здѣсь „мечетъ бисеръ"...

Рѣка Лютога въ корсаковскомъ округѣ изобилуетъ жемчугомъ!...

Да мало-ли, быть можетъ, на Сахалинѣ и еще другихъ богатствъ неизслѣдованныхъ и никому неизвѣстныхъ... Пока что, никто здѣсь не хочетъ приложить къ дѣлу рукъ, и всѣ сокровища острова пропадаютъ, какъ зарытые въ землю таланты. Кто знаетъ, сколько времени пройдетъ еще до тѣхъ поръ, когда наконецъ всѣ богатства Сахалина будутъ опредѣлены и когда они станутъ приносить человѣчеству пользу.

Будемъ надѣяться, впрочемъ, что это произойдетъ въ скоромъ времени, что и должно быть такъ, потому, что населеніе острова ростетъ съ каждымъ годомъ все быстрѣе и

быстрѣе, и въ концѣ концовъ тѣхъ источниковъ для жизни, которыми жители Сахалина довольствуются въ настоящее время, для нихъ станетъ уже недостаточно, они станутъ искать новыхъ средствъ къ существованію и волей-неволей возьмутся за изслѣдованіе и разработку его естественныхъ богатствъ.

Дѣйствительно, населеніе острова ростетъ очень быстро; еще въ 1899 году на немъ было всего около 38.000 человѣкъ, въ настоящее же время оно возросло до 55.000 слишкомъ.

Коренными жителями острова являются собственно инородцы — айно, гиляки, орочоны, тунгусы и якуты, русскіе-же составляютъ пришлый элементъ населенія.

Южный Сахалинъ принадлежитъ прежде Японіи, но по трактату, заключенному въ С.-Петербургѣ 25-го Апрѣля (7 Мая) 1875 года, онъ поступилъ во владѣніе Россіи, причемъ японскимъ подданнымъ наше правительство предоставило право, наравнѣ съ подданными нѣкоторыхъ европейскихъ націй, пребывать здѣсь для судоходства, торговли и рыбной ловли въ его портахъ и вдоль всѣхъ его береговъ.

Вслѣдствіе этого, до начала русско-японской войны, на Сахалинѣ кромѣ перечисленныхъ выше жителей были также и японцы. Впрочемъ, сравнительно ихъ было здѣсь немного; занимались они, главнымъ образомъ, рыбопромышленностью, а нѣкоторые изъ нихъ торговлей.

Инородцы Сахалина занимаются почти всѣ охотой, но у гиляковъ, напримѣръ, занимаетъ главное мѣсто рыболовство, а у орочонъ—оленеводство и звѣроловство.

Айно на Сахалинѣ около 1500 человѣкъ; они живутъ въ южной части острова большею частью у его береговъ, распространяясь по восточному берегу до мыса Терпѣнія, по западному же нѣсколько сѣвернѣе, приблизительно до 50° с. широты.

Гиляки, наоборотъ, живутъ въ сѣверной части Сахалина на западномъ берегу до 50° с. ш., а на восточномъ до мыса Терпѣнія. На островѣ ихъ приблизительно всего около 2000 человѣкъ.

Орочоны живутъ въ средней части Сахалина; по рѣкѣ Поронай и на восточномъ берегу отъ мыса Терпѣнія до 53° сѣверной широты; ихъ на Сахалинѣ немного—всего и мужчинъ, и женщинъ 800 человѣкъ.

Тунгусы живутъ въ сѣверной части острова; ихъ очень немного — около 150 человѣкъ.

Якуты остались на Сахалинѣ въ самомъ ничтожномъ количествѣ; врядъ-ли ихъ въ настоящее время больше 10 человѣкъ: они быстро вымираютъ на островѣ.

Благодаря необычайно низкой ступени развитія, на которой находятся почти всѣ инородцы острова, они сильно подвержены повальнымъ заболѣваніямъ, но все таки избѣгаютъ обращенія за медицинской помощью къ нашимъ врачамъ, и гибнутъ цѣлыми десятками и сотнями: особенно между ними свирѣпствуетъ оспа и сифилисъ. Кромѣ того, инородцы Сахалина находятся постоянно во враждѣ съ ссыльнымъ населеніемъ острова, такъ какъ ведутъ непрерывную охоту на бѣглыхъ каторжныхъ, бродящихъ здѣсь по тайгѣ. Администрація острова выдаетъ инородцамъ за голову бѣглаго каторжнаго денежную награду въ три рубля, ясное дѣло — дикари *стараются заработать*, бродяги-же каторжные, зная это, въ свою очередь стараются истреблять инородцевъ.

Кончая на этомъ географическій обзоръ Сахалина, скажемъ еще нѣсколько словъ относительно его административнаго раздѣленія, отмѣтимъ важнѣйшіе его стратегическіе пункты и укажемъ на то великое значеніе острова, которое принадлежитъ ему въ исторіи двухъ народовъ—Россіи и Японіи.

Сахалинъ дѣлится на три округа:

Александровскій, Тымовскій, или Рыковскій и Корсаковскій. Александровскій и Тымовскій округи занимаютъ середину Сахалина, а Корсаковскій округъ—южную его часть.

Постъ Александровскій, какъ мѣсто жительства военнаго губернатора острова Сахалина, является главнымъ административнымъ пунктомъ острова; онъ расположенъ на рѣкѣ Александровкѣ, при впаденіи ея въ Татарскій проливъ.

Селеніе Рыковское является административнымъ центромъ Рыковскаго округа; оно находится на правомъ берегу рѣки Большой Тыми, приблизительно верстахъ въ 65 отъ поста Александровскаго.

Постъ Корсаковскій расположенъ на берегу почти пересохшей рѣченки Акатувари при впаденіи ея въ бухту Лососей; отъ него до поста Александровскаго около 550 верстъ сухимъ путемъ и около 750 верстъ моремъ.

Три названные пункта являются собственно главными административными центрами острова, какъ бы „губернскими городами" трехъ его округовъ, второстепенными-же центрами являются здѣсь: постъ Дуэ въ Александровскомъ округѣ, гдѣ находится тюрьма, селеніе Дербинское и селеніе Онорское въ Тымовскомъ округѣ, тоже съ тюрьмами тѣхъ-же названій, и селеніе Владиміровка на Черной рѣчкѣ въ Корсаковскомъ округѣ — мѣстожительство смотрителя поселеній.

Крайне неудобныя для сообщенія дороги, сплошь и рядомъ пересѣкаемыя на протяженіи одной версты чуть-ли не до десяти разъ горными ручьями и стремительными потоками, а въ большинствѣ случаевъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ путей сообщенія, ставитъ Корсаковскій округъ въ исключительное положеніе, совершенной изолированности съ суши отъ поста Александровскаго; кромѣ того Корсаковскъ бываетъ отрѣзанъ отъ всего міра съ половины Ноября до половины Апрѣля—время, въ теченіе котораго прекращаются пароходные рейсы у береговъ Сахалина, и только въ послѣднее время впродолженіи этихъ пяти мѣсяцевъ изъ поста Александровскаго въ Корсаковскъ доставляется два раза почта на нартахъ, перевозимыхъ айнскими собаками; почта приходитъ и отправляется отсюда приблизительно въ Декабрѣ и въ Февралѣ. Остальное время года сообщеніе съ Корсаковскомъ производится предпочтительно моремъ, даже и между его болѣе или менѣе удаленными поселками. Впрочемъ, зимой своими путями сообщенія не можетъ похвастаться и Александровскій округъ; единственной дорогой на материкъ служитъ въ это время года замершій Татарскій проливъ между Николаевскомъ на Амурѣ и постомъ Александровскимъ на Сахалинѣ, и почтово-пассажирское сообщеніе производится здѣсь тоже нартами на айнскихъ собакахъ.

При разсмотрѣніи Сахалина въ отношеніи административнаго его раздѣленія, мы уже упомянули о крупномъ недостаткѣ острова въ смыслѣ его бездорожья.

Послѣднее обстоятельство имѣетъ громадное значеніе при соображеніяхъ чисто военнаго характера. Съ одной стороны, бездорожье Сахалина почти совершенно исключаетъ возможность передвиженія значительныхъ отрядовъ, въ особенности кавалеріи, артиллеріи и обозовъ; что касается до послѣднихъ двухъ родовъ оружія и обоза, то вѣрнѣе даже будетъ сказать, что для нихъ передвиженіе по сахалинскимъ дорогамъ прямо немыслимо.

Отсюда ясно слѣдуетъ выводъ, что *Сахалинъ для театра военныхъ дѣйствій представляетъ изъ себя мѣстность крайне неудобную*; и въ этомъ отношеніи онъ является одинаково невыгоднымъ какъ для обороны, такъ и для наступленія, впрочемъ, для обороны еще выгоднѣе, такъ какъ безчисленныя горы,

которыми онъ покрытъ, даютъ возможность обороняющемуся вести партизанскую войну мелкими отрядами.

Намъ необходимо только возможно лучше защитить пункты острова, удобные для высадки непрiятельскаго дессанта, и тогда можно быть спокойнымъ, что Сахалинъ будетъ невозможно взять.

Дѣйствительно, сама природа сдѣлала изъ этого острова нѣчто въ родѣ неприступной крѣпости, въ изобилiи надѣливъ всѣ его берега на громадномъ протяженiи скалистыми мысами, подводными рифами, банками и скалами и обидѣвъ мѣстами, удобными для якорной стоянки. Строго говоря, такихъ мѣстъ вдоль береговъ Сахалина совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ заливы и бухты, удобные для якорной стоянки въ тихую погоду, при малѣйшемъ волненiи на морѣ становятся для судовъ опасными, и послѣднiя немедленно оставляютъ ихъ, выходя въ открытое море, иначе имъ грозитъ опасность разбиться о скалы.

Среди заливовъ Сахалина назовемъ, какъ наиболѣе значительные слѣдующiе: *Невельскаго*—на западномъ берегу, заливъ *Анива* на южномъ берегу, заливъ *Терпѣнiя*— на восточномъ берегу и на томъ же берегу подъ 52 с. ш. Заливы *Набильскiй и Ныйскiй*.

Самымъ удобнымъ нихъ для якорной стоянки является заливъ *Невельскаго*, имѣющiй вдоль берега острова около 70 верстъ протяженiя; параллельно берегу этого залива здѣсь изъ моря подымается цѣпью каменная гряда, которая защищаетъ его бухты отъ бурь; среди бухтъ залива *Невельскаго* важнѣйшiя *Поро-Томари*, *Маука* и *Томоки*; бухты эти замерзаютъ только при самыхъ холодныхъ зимахъ.

Заливъ *Анива* имѣетъ съ сѣвера на югъ около 45 морскихъ миль длины, наибольшая же ширина его между мысами Крильонъ и Анива равняется 65 морск. милямъ; глубина залива наибольшая равна 58 саженямъ и наименьшая 4 саж. Въ сѣверо-восточной части заливъ Анива, вдаваясь въ островъ, образуетъ бухту *Буссе*, а въ сѣверо-западной—губу Лососей. Заливъ этотъ для якорной стоянки судовъ во время волненiя на морѣ опасенъ, кромѣ того, по причинѣ сильныхъ мелей у береговъ и подводныхъ камней онъ неудобенъ въ томъ отношенiи, что не даетъ возможности морскимъ судамъ подходить близко къ берегу; у поста Корсаковскаго, напримѣръ, суда останавливаются верстахъ въ трехъ—четырехъ отъ берега, сообщаясь съ пристанью при помощи катеровъ.

Заливъ *Терпѣнiя*— самый большой на Сахалинѣ; онъ углубляется въ островъ на 45 верстъ, ширина же его у входа имѣетъ 120 верстъ; Недостатки его тѣ же, что и залива Анива.

Заливъ *Набильскiй* имѣетъ съ моря узкiй входъ, благодаря цѣлой группѣ раскинутыхъ здѣсь острововъ; въ длину онъ имѣетъ 26 вер., въ ширину 16; онъ мелководенъ и имѣетъ множество банокъ; для судовъ опасенъ.

Заливъ *Ныйскiй* защищенъ съ моря узкой песчаной косой съ небольшими промежутками; съ сѣвера на югъ онъ имѣетъ около 33 верстъ, самая же большая ширина его равна 10 верстамъ; онъ мелководенъ и наполненъ подводными камнями и банками.

Такимъ образомъ мы видимъ,что даже и наиболѣе значительные заливы представляются для якорной стоянки неудобными; что же касается до береговъ Сахалина, омываемыхъ Охотскимъ моремъ и проливами Лаперуза и Татарскимъ, то благодаря ихъ гористости и изобилующимъ здѣсь подводнымъ камнямъ и мелямъ врядъ-ли они могутъ послужить Японiи, какъ дессантные пункты. Отсюда логически вытекаетъ выводъ, что для обезпеченiя Сахалина отъ поползновенiй Японiи

намъ необходимо возможно сильнѣе защитить только его важнѣйшие заливы.

Что касается до войскъ, то на Сахалинѣ до 1902-го года ихъ было немного — нѣсколько батальоновъ мѣстныхъ командъ, да нѣсколько батарей полевой артиллеріи, но въ настоящее время силы Сахалина, должно быть, значительно увеличены. Кромѣ регулярныхъ войскъ, теперь здѣсь образованы еще такъ называемыя вольныя дружины, составляемыя изъ лицъ, желающихъ защищать островъ отъ врага; и, конечно, въ составъ этихъ дружинъ не преминули войти всѣ отъ мала до велика, такъ какъ большинство жителей острова составляютъ ссыльные, *а они особенно глубоко любятъ свою родину, ибо человѣкъ, оторванный отъ земли, въ разлукѣ съ нею, научается горячо и искренно ее любить*. Кто хорошо знаетъ бытъ сахалинской каторги и элементы, ее составляющіе, тотъ навѣрно убѣжденъ въ томъ, что Сахалинъ сумѣетъ за себя постоять и докажетъ тѣмъ врагу Россіи, что даже среди людей, считающихся недостойными своей отчизны, живетъ великое чувство патріотизма и гордое сознаніе національности.

По извѣстіямъ изъ Токіо, сообщеннымъ въ Берлинъ, кажется, отъ 24 Сентября, *экспедиція японской арміи, мобилизованной для дѣйствій на Сахалинѣ, въ виду позняго времени года отложена до весны*.

Это болѣе чѣмъ странно и во всякомъ случаѣ подозрительно: японцы прекрасно знаютъ, что судоходство вдоль береговъ Сахалина, даже у крайняго его сѣвера, вполнѣ свободно можетъ производится до половины Ноября, и слѣдовательно, для ихъ операцій у береговъ Сахалина въ распоряженіи находилось не менѣе $1^1/_2$ мѣсяца. А потому можно предположить: или свѣдѣнія о мобилизаціи арміи для дѣйствій на Сахалинѣ—утка, или, если армія для этой экспедиціи дѣйствительно собрана, то извѣстіе объ отмѣнѣ ея до весны будущаго года вымышленно съ цѣлью усыпить бдительность защитниковъ острова.

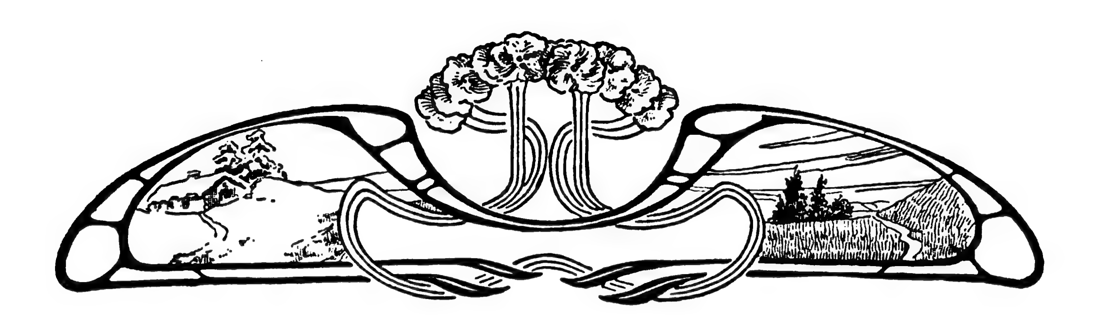
Кстати будетъ упомянуть здѣсь, что Японцы знаютъ островъ Сахалинъ не хуже любого изъ каторжныхъ бродягъ, ежегодно убѣгающихъ изъ ссыльно-каторжныхъ сахалинскихъ тюремъ на теплое время года въ тайгу...

Что касается до громаднаго значенія острова Сахалина для Россіи или для Японіи въ смыслѣ обладанія имъ, то значеніе это станетъ сразу ясно при одномъ взглядѣ на географическую карту Дальняго Востока. Изъ географическаго положенія острова видно, что онъ служитъ продолженіемъ группы японскихъ острововъ и прикрываетъ собою принадлежащую намъ громадную береговую полосу Азіи, омываемую Татарскимъ проливомъ и сѣверной частью Японскаго моря. Для насъ островъ Сахалинъ является какъ бы естественнымъ крайнимъ оплотомъ съ востока и ключемъ къ выходу въ Тихій океанъ; послѣднее положеніе станетъ еще понятнѣе, если мы вспомнимъ, что Сахалинъ необходимъ для нашего Тихоокеанскаго флота, какъ богатѣйшее мѣсторожденіе каменнаго угля. Но помимо всѣхъ этихъ соображеній, Сахалинъ, благодаря его колоссальному богатству рыбой, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе колонизируясь, станетъ наконецъ, приносить нашему государству громадный доходъ.

Японія, конечно, прекрасно понимаетъ значеніе Сахалина для государства, обладающаго имъ, и потому уже много лѣтъ косится на него, какъ на лакомое блюдо. Для Японіи Сахалинъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ даже еще важнѣе, чѣмъ для Россіи:— обладаніе этимъ островомъ необходимо японцамъ потому, что съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ объ урожаѣ въ ихъ государствѣ ихъ на-

сущнаго хлѣба — риса, такъ какъ рисовыя поля ихъ удобряются тукомъ, вырабатываемымъ исключительно изъ сахалинской селедки. А *не будетъ тука*, все равно, что *не будетъ риса*, и странѣ Восходящаго Солнца угрожаетъ въ этомъ случаѣ голодъ. Въ этомъ году урожай риса въ Японіи хорошъ, потому что она запаслась тукомъ задолго еще до войны, но что будетъ въ 1905 году — неизвѣстно.

У. П.



Осень.

Плачетъ небо. Земля въ безысходной тоскѣ
Тяжело всею грудью вздыхаетъ;
На широкую грудь своей милой—земли
Небо горькія слезы роняетъ.

Имъ разлука грозитъ. Уже слышитъ земля:
Воевода-морозъ подъѣзжаетъ,
Ужъ отъ топота ногъ его бѣлыхъ коней
Желтый листъ, трепеща, опадаетъ.

Скоро онъ прилетитъ, ихъ разлучникъ сѣдой,
И скуетъ землю крѣпкой рукою,
Ея влажную грудь отъ любящихъ лучей
Скроетъ снѣжной своей пеленою.

И напрасно лучи будетъ небо ей слать—
Охладитъ ихъ разлучникъ могучій...
Въ безысходной тоскѣ о погибшей любви
Небеса закрываются тучей.

О, глупцы, только людямъ разлука страшна—
Въ ихъ сердца она холодъ вселяетъ;
Но напрасно разлуки боится земля,
Небо слезы напрасно роняетъ.

Возвратится весна. Солнца яркимъ лучемъ
Небо сброситъ съ земли покрывало—
Воевода-морозъ соберетъ свою рать—
Видитъ—новое время настало.

Гдѣ ему, старику, да съ весной воевать!
И уйдетъ, затаивши проклятья...
Пробудится земля отъ глубокаго сна
И раскроетъ широко объятья.

А весна имъ ковромъ изъ цвѣтовъ полевыхъ
Снова ложе любви обовьетъ.
И въ нѣмой тишинѣ сладострастныхъ ночей
Соловей свою пѣсню споетъ.

З. Ю. Балина.

Лѣтопись современной литературы и жизни.

Л. З. Мовичъ.

Этюды о текущей литературѣ.

Вотъ жизнь, вотъ этотъ сфинксъ! Законъ ея мгновенье,
И нѣтъ среди людей такого мудреца.
Кто-бъ могъ сказать толпѣ — куда ея движенье,
Кто могъ-бы уловить черты ея лица.

(Надсонъ—„Жизнь“).

I.

Открывая нашу „Лѣтопись“, мы не ставимъ себѣ задачей „сказать толпѣ“, куда ея движенье“: къ опредѣленію этого медленно, шагъ за шагомъ идетъ наука; мы не льстимъ себя также надеждой „уловить черты ея лица“: это дано поэтамъ „Божіей милостью“: геніальной догадкой, дивной интуиціей они останавливаютъ на мигъ безконечное движеніе жизни, улавливаютъ и запечатлѣваютъ моментъ. Наша цѣль несравненно скромнѣе:

Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ...

(Пушкинъ, „Борисъ Годуновъ“).

Если можно считать спорнымъ парадоксомъ, что каждый изъ насъ „дѣлаетъ“ исторію,—неоспоримо, во всякомъ случаѣ, то, что каждый изъ насъ, живущихъ, является свидѣтелемъ ея. А въ какой мѣрѣ „Господь книжному искусству вразумилъ“, пусть судитъ читатель.

Литература — это выкристаллизовавшаяся жизнь; часто это фактъ, еще не рожденный, картина таинственнаго процесса, совершающагося далеко въ нѣдрахъ народныхъ. Лѣтописецъ долженъ собрать эти „хартіи“ литературы—вчерашняго дня, иногда уже покрытыя пылью,—текущаго дня, покрытыя часто пѣной и накипью злободневности,—и отряхнувъ какъ пыль, такъ и накипь, онъ долженъ „переписать правдивыя сказанья“ этихъ „хартій“, собрать ихъ разрозненные листки, найти и отвести каждому изъ нихъ свое мѣсто и объединить ихъ строго-правдиво, не нарушая закона исторической перспективы, одной руководящей идеей.

Тогда, и не льстя себя надеждой уловить черты лица жизни, онъ можетъ все-же надѣяться, что ему удастся, вчитавшись добросовѣстно и внимательно въ „хартіи“ современниковъ, дать картину современности постольку, поскольку она отражается въ текущей литературѣ.

II.

Разслоеніе толщи народной.

Мнѣ снится,—съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ недвижимъ;
Событія міра, картиной живой
Мѣняясь, идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ.
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной могучей рукой..
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой!
Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ.
Средь стоновъ проклятій, Te Deum гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви.
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой...
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой!
Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ ѳиміамъ,
И тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ идетъ по волнамъ.
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой!

Симборскій „Сонъ“.

Издали, съ большой высоты смотритъ старикъ Сатурнъ, „тысяча лѣтъ, какъ день единый“ проходятъ передъ нимъ, поколѣнія мѣняются, но для него „ничто не ново подъ солнцемъ“, „и прежде кровь лилась рѣкою, и прежде плакалъ человѣкъ“, и хохочетъ Сатурнъ... Онъ не годится для роли „лѣтописца“, такъ какъ онъ не видитъ деталей картины, не отмѣчаетъ оттѣнковъ борьбы и думаетъ, что все это неизмѣнно было, есть и будетъ ввѣкъ... Да, съ большой высоты все сливается, - и пашни, и луга, и города-чудовища, и исполинскія фабричныя трубы, и лабораторіи ученыхъ, и политые кровью „театры войны“...

Слышитъ старикъ Сатурнъ бесѣду Спартака съ Цезаремъ *)...

„Но ты, Спартакъ, который, съ дивнымъ постоянствомъ и знаніемъ великаго полководца, собралъ рабовъ въ стройное войско, распредѣлилъ ихъ въ легіоны, приготовился вести ихъ для отмщенія,—скажи мнѣ, что задумалъ ты въ умѣ своемъ, Спартакъ? На что ты надѣешься“? — „Я надѣюсь разрушить этотъ развращенный римскій міръ, а изъ развалинъ его вызвать независимость народовъ. Я надѣюсь ниспровергнуть позорные законы, которые желаютъ, чтобы одинъ человѣкъ былъ рабомъ другого человѣка и предписываютъ, чтобы изъ двухъ людей, рожденныхъ отъ женщины, одаренныхъ одинаковою силою и одинаковымъ умомъ, одинъ трудился надъ обработкою не своихъ полей для прокормленія другого, который коснѣетъ въ праздности и лѣни... Я надѣюсь увидѣть уничтоженіе на землѣ позора рабства и восхожденіе блестящаго солнца свободы. Я ищу свободы, жажду свободы, призываю свободу, свободу для отдѣльныхъ личностей, какъ и для народовъ, для великихъ и для мелкихъ, для могущественныхъ и для слабыхъ. А вмѣстѣ со свободой я призываю миръ, благоденствіе, справедливость и все то счастіе, которое безсмертные боги даровали человѣку здѣсь на землѣ“...—„Бѣдный мечтатель! и ты вѣришь въ возможность всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей?—бѣдный мечтатель!... я докажу тебѣ, что эта цѣль есть обманъ разгоряченнаго воображенія, призракъ, котораго никогда не догнать человѣчеству“...

Старикъ Сатурнъ слышитъ эту бесѣду, видитъ пророка Іеремію въ тюрьмѣ, мечтателя Джіордано Бруно на кострѣ, Кампанеллу въ цѣпяхъ и въ инквизиціонной тюрьмѣ, штыки, которыми разгоняютъ женщинъ и дѣтей, когда онѣ просятъ хлѣба— въ Сициліи, въ современной, „свободной“ Италіи... онъ слышитъ засѣданіе мирной конференціи въ Гаагѣ и взрывы лидитныхъ бомбъ, онъ видитъ и слышитъ все одновременно... и оттѣнки ускользаютъ... и хохочетъ, хохочетъ старикъ Сатурнъ.

Но лѣтописцу нельзя и невозможно стоять

*) „Спартакъ“. Романъ Джіованіоли. Переводъ съ итальянскаго. С.-Пб. Изд. О. Н. Поповой. 1899 г. ц. 1 р.

на такой высотѣ. Нѣсколько выше онъ необходимо долженъ стать, чтобы лучше видѣть, но не на такой страшной, безстрастной высотѣ, для которой не существуетъ подробностей, мелкихъ и крупныхъ оттѣнковъ. Онъ долженъ видѣть всѣ отдѣльные моменты борьбы, долженъ видѣть расположеніе войскъ, быть въ состояніи охватить отдѣльныя позиціи, особенно страстно отстаиваемыя сражающимися. И если ему все это видно, то онъ несомнѣнно найдетъ то новое, что есть въ старомъ, такъ какъ жизнь не повторяется, и въ каждый мигъ что нибудь отмираетъ, и нарождается новое—какъ будто и совсѣмъ похожее на умершее старое, но несущее съ собою еще одинъ, дальнѣйшій шагъ эволюціи,—вѣчнаго и единаго закона природы—*движенія*. Онъ увидитъ, что кровь льется рѣкою, какъ и прежде, увидитъ, что „мечтатели" идутъ на смерть, какъ и прежде, но въ то же время онъ отмѣтитъ нѣчто новое въ распредѣленіи силъ сражающихся, увидитъ нѣкоторые любопытные моменты борьбы, которыхъ раньше не было, долженъ будетъ обратить вниманіе на то, какія позиціи отстаиваются, куда перенесенъ центръ борьбы... И тогда онъ долженъ будетъ сказать: да, ничто не ново подъ солнцемъ—основной принципъ борьбы тотъ же, такъ же красна кровь, такъ же солоны слезы, но... въ характерѣ борьбы, въ оттѣнкахъ ея, въ главныхъ позиціяхъ, гдѣ идетъ отчаянный бой—есть что-то новое въ старомъ и, быть можетъ, неправъ Цезарь —выразитель Рима съ его философіей „человѣкъ—человѣку волкъ"—неправъ, говоря, что это „призракъ, котораго никогда не догнать человѣчеству",—быть можетъ, все-же правъ мечтатель Іудей—пророкъ Исаія.

Господь, Господь, не ты-ль вѣщалъ: Наста-(нутъ годы,
Въ сердцахъ людей зажгу Я новые лучи,—
Я миръ пошлю землѣ, и копья и мечи
Въ серпы и сошники перекуютъ народы;
Я миръ пошлю землѣ. Надъ логовищемъ львовъ,
Гнѣздилищемъ змѣи, норою скорпіона
Уляжется дитя, какъ у родного лона,
Вкушая благодать спокойныхъ свѣтлыхъ сновъ.
„Весною" Фругъ (Исаія, XI).

III.

Въ чемъ-же особенности борьбы нашихъ современниковъ? Гдѣ главные моменты ея?

Первая и главная особенность ея та, что мечты... скажемъ, хотя-бы Спартака—осуществлены: свобода, за которую онъ бился вмѣстѣ со многими, многими другими, пришла на землю; но онъ вѣрилъ, что съ нею вмѣстѣ придутъ и „миръ, благоденствіе, справедливость и все то счастье, которое безсмертные боги даровали человѣку здѣсь на землѣ". Въ этомъ ошибся онъ и много, много другихъ.

Ахъ, сколько, сколько пало ихъ
Въ бою за край родной!
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ,
Съ кипучею душой!
Ахъ, сколько, сколько сгибло ихъ
Подъ гнетомъ нищеты,
Кому дороже благъ земныхъ
Казались ихъ мечты...
(„Изъ венгерскихъ мотивовъ" Плещеевъ).

„Свобода" пришла, рабство въ культурномъ человѣчествѣ уничтожено, но и при свободѣ „изъ двухъ людей, рожденныхъ отъ женщины, одаренныхъ одинаковою силою и одинаковымъ умомъ, одинъ трудится надъ обработкою не своихъ полей для прокормленія другого, который коснѣетъ въ праздности и лѣни"...

Естественно, въ такомъ случаѣ, что принципъ борьбы тотъ же, что такъ же льется кровь... Намъ понятно, что старикъ Сатурнъ хохочетъ со своей высоты, но мы не можемъ не видѣть, что обрабатываетъ не свое поле, а чужое—не рабъ, а свободный человѣкъ,—что свободный человѣкъ свободной страны обрабатываетъ чужое поле за *плату*, которая есть—въ отвлеченіи—эквивалентъ труда. Распредѣленіе силъ сражающихся, главный центральный пунктъ борьбы—все измѣнилось. Кипитъ борьба, въ безуміи сраженія идутъ на приступъ брать „позиціи" совсѣмъ другіе,—не тѣ, что когда-то брали, и главныя силы сражающихся сосредоточены не тамъ, гдѣ когда-то были. Нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ чрезвычайной важности попали въ руки „мечтателей". Позавчерашняя утопія—уничтоженіе рабства, вчерашній парадоксъ—свобода всѣхъ гражданъ и равенство передъ закономъ—стали сегодня банальнымъ фактомъ, истиной, вошедшей въ плоть и кровь европейскихъ массъ народныхъ. И силы передвинулись къ слѣдующему укрѣпленному пункту. Безчисленны жертвы сражающихся, кипитъ борьба.

Прислушаемся къ „грозному шуму сѣчи", постараемся опредѣлить отдѣльные моменты

борьбы современниковъ, поищемъ, гдѣ главное укрѣпленіе, вокругъ котораго сгруппированы всѣ силы, какія знамена развѣваются, каковъ боевой кличъ, въ какую сторону направились „ищущіе“, идущіе впереди со всей свитой „идеологовъ“.

IV.

„Демонизмъ“, „декадентство“ и безчисленное множество другихъ изломовъ и вывиховъ интеллигентской мысли — съ одной стороны, научныя соціальныя системы, страстная борьба общественныхъ теченій и запросовъ духа — съ другой стороны,—все это отражается и преломляется въ литературѣ.

Душу современнаго интеллигента охватываетъ скептицизмъ, и ему начинаетъ иногда казаться, что все это однѣ „слова, слова“— и самое искусство, изображающее эти теченія и направленія интеллигентской мысли, и всякіе критическіе „этюды“, и анализы этого искусства, — что все это „интеллигентскія“ измышленія, „духа больного томленья“, такъ какъ жизнь въ первоначальной простотѣ и „святомъ“ терпѣніи троглодита незыблемо стоитъ тамъ... гдѣ-то на старыхъ „трехъ китахъ“.

Необъятная толща народная, какъ искра, вспыхиваетъ передъ глазами интеллигента, въ его скептическомъ воображеніи рисуется многомилліонная масса, живущая почти пещерной жизнью, и ему кажется, что муки духа его, интеллигента, его мечты и страстныя исканія, — все это бредъ больного воображенія, а въ дѣйствительности есть только мертвое безмолвіе оцѣпенѣвшей въ вѣковомъ снѣ и нищенски - жалкой, зоологической жизни — толщи народной. Но подлинная правда одинаково ускользаетъ отъ хохочущаго Сатурна, смотрящаго съ высоты, и отъ многихъ современныхъ интеллигентовъ съ „измочаленной“ душой и скептической усмѣшкой на губахъ.

Толща народная двинулась. Пласты ея все болѣе и болѣе разслояются, перемѣщаются, движутся, стремятся къ другой организаціи. *Это главная и отличительная черта современности.*

Человѣчество культурной Европы давно переживаетъ этотъ историческій моментъ, и мы видимъ, что тамъ толща народная не только разслояется, но пришла уже въ большое волнообразное движеніе, и плохо видитъ Сатурнъ со своей высоты, если онъ улавливаетъ только блескъ нарѣзного штуцера, слышитъ только грохотъ пушекъ Армстронга, а не видитъ ручейковъ отъ тающаго льда невѣжества, не слышитъ рокота движущихся пластовъ толщи народной.

„Вишневый садъ“ *) Любови Андреевны въ Европѣ давно вырубленъ, проданъ Лопахину, и тотъ настроилъ въ немъ много колоссальныхъ фабричныхъ трубъ, безвкусныхъ и грубыхъ казематовъ—фабрикъ. Тамъ Любовь Андреевна давно переѣхала въ городъ и давно тоже вошла въ слой „дачниковъ“, о которыхъ такъ любопытно наивно разсуждаетъ Лопахинъ. — „До сихъ поръ въ деревнѣ были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники... И можно сказать, дачникъ лѣтъ черезъ двадцать размножится до необычайности“... Его степенство Лопахинъ—тонкій соціологъ. Понимая широко этого дачника, который теперь только „чай пьетъ на балконѣ“, мы соглашаемся съ Лопахинымъ и предвидимъ тоже, что онъ „размножится до необычайности“, такъ какъ мы знаемъ и видимъ, что въ Европѣ онъ уже „размножился“. Этотъ „дачникъ“ — одна изъ безконечнаго множества пылинокъ, отрывающихся отъ слоевъ во время происходящаго разслоенія и передвиженія пластовъ толщи народной.

Такъ какъ въ Европѣ „вишневый садъ“, о которомъ даже „въ энциклопедическомъ словарѣ упоминается“, давно перешелъ къ его степенству Лопахину и внесенъ даже въ „энциклопедическіе словари“, какъ принадлежащій не дворянину Гаеву, а коммерціи совѣтнику Лопахину, то дальнѣйшее движеніе пластовъ народныхъ тамъ сильно и ярко, и, естественно, „дачникъ“ тамъ уже „размножился до необычайности“.

Какъ это произошло, гдѣ причина этого?

V.

Первая и главная причина, — это рѣзкое измѣненіе въ матеріальныхъ условіяхъ жизни населенія Европы, которое принесъ съ собою небывалый расцвѣтъ науки и методическое примѣненіе ея въ видѣ безконечнаго мно-

*) „Вишневый садъ“ А. П. Чехова.

жества изобрѣтеній, технических пріемовъ, — вся новая индустрія нашего времени, — и какъ логическій выводъ изъ этого — ярко-выраженное капиталистическое хозяйство со всѣми его особенностями и всѣми недостатками его. Изобрѣтенія въ области механики, физики и химіи, сдѣланныя за послѣднія три четверти вѣка, проникли во всю нашу современную жизнь, рѣзко раздѣливъ исторію человѣчества на двѣ части: до эпохи великихъ изобрѣтеній и послѣ нея.

Великія освободительныя движенія конца 18-го вѣка и первой половины 19-го, принесши въ міръ свободу и равенство для всѣхъ гражданъ, дали возможность при свободѣ конкуренціи, какъ главной базѣ современнаго общества, воспользоваться яркимъ развитіемъ техники и всѣми новыми изобрѣтеніями для созданія неслыханнаго ранѣе количества товаровъ и, благодаря новымъ путямъ сообщенія, для небывалаго распространенія ихъ. „Преобразованіе способовъ сообщенія непосредственно внесло переворотъ въ политическую жизнь Европы тремя путями: при помощи телеграфа, желѣзныхъ дорогъ и печати“ *). Сношенія между собою жителей Европы, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, безконечно умножились, и не только личныя, но и письменныя. „Въ 1890 г., согласно статистикѣ международнаго почтоваго вѣдомства, въ Европѣ было 90,000 почтовыхъ конторъ и десять милліардовъ отправленій“ **)... „Все населеніе было привлечено къ общественной жизни путемъ правильныхъ сношеній съ агентами правосудія, путемъ налоговъ, воинской повинности, администраціи... Новые пути сообщенія принесли пользу также и политическимъ партіямъ ***).

Благодаря изобрѣтенію паровой печатной машины, ручная работа сокращена и получена возможность въ очень короткое время и по очень дешевой цѣнѣ печатать огромное количество экземпляровъ. Книга, мысль перестала быть достояніемъ богатыхъ,—она „ушла въ народъ“ и ходитъ тамъ, какъ безконечное, фатальное бродильное начало, остановить которое не хватитъ силъ ни у одного смертнаго,—предѣлъ вліянія котораго ускользаетъ отъ взоровъ глубочайшаго мудреца. „Дешевая печать, несмотря на враждебное отношеніе къ ней правительствъ, въ концѣ концовъ прочно внѣдрилась въ общественной жизни всей Европы... Ежедневная газета, по своей несравнимой силѣ проникновенія, является въ современныхъ обществахъ орудіемъ гласности не только для торговли, но и для политики; она излагаетъ и распространяетъ различныя мнѣнія“ *). И какое-бы брезгливое чувство ни возбуждала у аристократовъ мысли газета—этотъ вульгарный крикъ улицы—все-же и они не могутъ не признать безконечно огромной роли дешевой газеты, какъ воспитателя, пріучающаго народъ интересоваться — пусть вначалѣ только изъ празднаго любопытства — внутренними и внѣшними дѣлами своей страны, жизнью всѣхъ окружающихъ. Дешевая газета несетъ съ собой, какъ бурный потокъ, свергающійся съ горъ, много грязи и разрушенія, но онъ-же напоитъ равнины, сдѣлаетъ ихъ плодородными.

Но дешевизна, достигнутая, благодаря новѣйшимъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ, имѣла мѣсто, конечно, не только въ области печатнаго дѣла. Машинное производство неслыханно сократило трудъ. „Если взять за мѣрило число рабочихъ, которое требовалось когда то для выдѣлки того количества товара, на какое теперь требуется одинъ рабочій, то вотъ нѣсколько данныхъ, обрисовывающихъ эту разницу.

Выдѣлка обуви .	. 5	(вмѣсто 1	теперь).	
„ шляпъ	. 6	„	„	„
Ткацкое дѣло .	. 30	„	„	„
Прядильное дѣло	. 1,100	„	„	„
Типографское дѣло .	1000	„	„	„ **).

Сообразно съ этимъ начали рости фабричныя производства, которыя, поглощая болѣе мелкія и слабыя, сконцентрировали богатства и новѣйшія орудія и производства въ однихъ рукахъ. Фабричные центры разростались, города увеличивались. „Соотношеніе городского населенія къ общему населенію возросло во Франціи съ 24 процентовъ въ (1846 г.) до 36 процентовъ (въ 1886 г.). Въ Англіи, первой странѣ, всту-

*) „Политическая исторія современной Европы“. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. Ш. Сеньобосъ.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

*) Тамъ-же.

**) Сеньобосъ.

пившей въ эту эволюцію, еще въ 1851 г. городское населеніе составляло 51 процентъ, а въ 1890 г. оно уже равнялось 79 процентамъ *). Въ началѣ XIX вѣка въ Европѣ насчитывали 21 городъ, которые имѣли болѣе ста тысячъ жителей. Общая сумма населенія всѣхъ этихъ городовъ равнялась 4.700.000 человѣкъ, что составляло тридцать пятую часть всего населенія Европы, а въ концѣ 19-го вѣка такихъ городовъ было 147, съ общей суммой ихъ населенія въ сорокъ милліоновъ человѣкъ слишкомъ, т. е. уже одна десятая часть всѣхъ жителей Европы **).

Города начинаютъ представлять собою чудовищныхъ, безумныхъ пауковъ, далеко протянувшихъ свои цѣпкія лапы и притягивающихъ къ себѣ силы и соки всей страны—ея людей, ея продукты, ея деньги.

Вся сила страны,—ея таланты, красота, трудъ, изобрѣтательность, геній, чистота—все захватываетея лапами чудовища, высасывается изъ толщи народной, переваривается въ этомъ грандіозномъ котлѣ, который называется новѣйшей индустріальной цивилизаціей—и выбрасывается затѣмъ большею частью обезсиленное, изломанное, больное тысячами болѣзней—туберкулезомъ, сифилисомъ, алкоголизмомъ и тяжкимъ недугомъ души, нейрастеніей. А на смѣну идутъ новыя полчища нетронутыхъ деревенскихъ силъ, поднимается новая цѣлина пласта изъ толщи народной и посылается опять и опять въ города—къ безумному пауку.

Еще Руссо въ 18-мъ вѣкѣ писалъ со страстью, какъ о злобѣ дня: „люди не для того созданы, чтобы быть втиснутыми въ муравейники, но для того, чтобы разселиться по землѣ, которую должны обрабатывать... Дыханіе человѣка смертельно для его ближнихъ... Города являются пропастью человѣческаго рода“ ***)... Когда Руссо это писалъ, было еще далеко до тѣхъ крайностей капиталистическаго хозяйства, до какихъ Европа дошла въ настоящее время; еще не произошелъ рѣзкій промышленный переворотъ, нашего времени, который характеризуется прежде всего *раздѣленіемъ промышленности и земледѣлія*, запустѣніемъ деревень и колоссальнымъ ростомъ городовъ. Тенденція современной жизни такова, будто все человѣчество стремится въ городъ,—по крайней мѣрѣ должно *пройти черезъ него*, и еще въ 1839 году французъ Ресguer писалъ: *) „Результаты цивилизаціи находятся пока только въ городахъ: въ городахъ вѣжливость, вкусъ, одушевленіе и жизнь... грандіозныя публичныя зданія, изящные, удобные и здоровые дома, замощенныя улицы! Въ деревняхъ бѣдность, невѣжество и грубыя, чисто чувственныя развлеченія, сырыя, темныя, скверныя или нездоровыя избы, варварскія непроходимыя дороги“!... Торговля и промышленность взяли для себя городъ, а земледѣліе загнали въ деревню, оставляя ее въ грязи, голодѣ и нищетѣ тѣлесной и духовной. Но городъ не можетъ обойтись безъ деревни, онъ умѣетъ только перерабатывать „сырье“—и онъ беретъ, беретъ „сырье“ изъ толщи народной, беретъ полными пригоршнями, беретъ все, что можетъ... „сырье“—продукты и люди—идутъ для переработки, для „выдѣлки“—въ городъ.

VI.

„Города нужны человѣчеству для того, чтобы столковаться“ **). Быть можетъ, для того, чтобы „столковаться“, туда уѣхала Любовь Андреевна Раневская послѣ продажи за долги „Вишневаго сада“, для этого же проданы всѣ вишневые сады „Чернозема“, въ запустѣніи и одиночествѣ оставлены всѣ помѣщичьи дома и усадьбы.

Въ Европѣ, какъ мы уже сказали, давно ушли въ городъ для того, чтобы „столковаться“, покинувъ не только большіе вишневые сады, о которыхъ „упоминается даже въ энциклопедическихъ словаряхъ“, но и маленькіе, совсѣмъ ничтожные садочки,—дворянство и крестьянство тамъ давно тронулось въ путь, толща народная быстро и сильно движется тамъ. Мы еще къ этому вернемся. Укажемъ, насколько тамъ сильно это движеніе, поищемъ главныя причины его. Теперь же, для иллюстраціи этого движенія у насъ, мы остановимся ближе на маленькой вещицѣ г-на Бунина „Черноземъ“.

*) Тамъ-же.

**) Э. Вандервельде. „Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ“.

***) J. J. Rousseau. Emile.

*) „Les intérêts du commerse“.

**) Ив. Бунинъ. „Черноземъ“. Сборникъ т-ва „Знаніе“ I.

Да, имъ—поэтамъ часто удается, если не уловить черты лица жизни, то, по крайней мѣрѣ, намѣтить общій абрисъ лица, уловить, если можно такъ выразиться, его музыку. Мягкая душа поэта глубоко прониклась грустью помѣщичьяго упадка, оскудѣнія, которое охватило все кругомъ,—поэзіей осени, желтѣющаго листа. Охватили-ли поэта личныя воспоминанія дѣтства, безсознательная тоска потомка помѣщиковъ, смотрящаго на развалины своей умершей славы, или это просто грусть чуткой души художника-пейзажиста, умѣющаго тонко читать пейзажъ и отзываться на печаль, разлитую кругомъ,—не все-ли намъ ровно? Важно то, что читатель вмѣстѣ съ поэтомъ ѣдетъ по этимъ полямъ „чернозема", которыя представляютъ собою „золотое дно", и видитъ эти разваливающіеся дома помѣщиковъ, заглохшіе фонтаны, вырубленные парки...

„Тишина—и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а запустѣніе"... Въ Княжомъ—въ имѣніи сестры „все идетъ по старому: неуклонное разрушеніе. Полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли... тесовыя крыши службъ дали кое-гдѣ зловѣщія трещины"... Дѣла совсѣмъ плохи, капитала нѣтъ, и хотя „земля-то сущее золотое дно", но нѣтъ выхода, и петля, въ лицѣ банка, грозитъ затянуться,—могутъ продать за долги „вишневый садъ".—„За то тишина то какая"! Да, „въ родѣ пересыхающаго пруда... издали—хоть картину пиши, а подойди—затхлостью понесетъ"...

Авторъ ѣдетъ къ себѣ въ Родники, и изъ Княжого его ямщикъ везетъ прямо черезъ кологривовскую усадьбу. „Теперь ѣдутъ прямо, по двору кологривовской усадьбы, раскинувшейся по сторонамъ лѣсного оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными разрушающимися службами"... и вы видите тѣнь старика Кологривова, засѣкавшаго мужиковъ до смерти, травившаго ихъ борзыми... Кологривовскій „вишневый садъ" тоже проданъ... „И продали то, говорятъ, за трынку... А земля тутъ прямо золотое дно, дюже хороша! Аршинъ чернозему. А лѣсъ то"!.. Въ Батуринѣ—слѣдующей помѣщичьей усадьбѣ—совсѣмъ плохо. „Молодые то уѣхали"—(должно быть въ городъ, для переработки, чтобы „столковаться" можно было когда-нибудь), а старуха „добилась до послѣдняго", домъ продаетъ... Авторъ ѣдетъ туда... „Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ парка остались только стѣны, отъ людской избы—раскрытый остовъ, безъ оконъ, и всюду, къ самымъ порогамъ подступили лопухи и глухая крапива"... Эта старуха, нищая лэди, встрѣчающая автора въ своемъ замкѣ; кабинетъ, превращенный въ кладовую; галка, поселившаяся въ большомъ, гулкомъ залѣ и вылетающая черезъ разбитое окно въ большой запущенный садъ; журчаніе кроткихъ горлинокъ, „вѣрныхъ друзей, погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ",—все полно грустной поэзіи кладбища,—все красиво, какъ яркая картина *исторической* живописи, какъ новая жизнь въ *первичныхъ* процессахъ своихъ, ибо изъ смерти новая жизнь нарождается...

Вся картина исторической жизни на лицо... „Всѣмъ—не медъ, не однимъ господамъ"... говоритъ ямщикъ Корней. „Однако же—говорю я—крупныхъ то господъ осталось три—четыре на уѣздъ, — значитъ, расходится земля по народу"?..—„По городскимъ купчишкамъ да лавочникамъ, по нимъ, а не по народу".—Авторъ ѣдетъ дальше и въ покинутомъ хуторѣ у русла рѣченки Ворглы останавливается, чтобы покормить лошадей, но удрученный тишиной запустѣнія, которая цѣлый день окружала его „въ этомъ печальномъ пути на родину", онъ не выдерживаетъ и рѣшаетъ „покормить дома". „Ай, соскучились?.. Это еще милость. Вы бы осенью или зимой заѣхали"!—И какъ вы только живете тутъ!—„Живемъ пока, а потомъ, что Богъ дастъ.—Все что-нибудь будетъ... Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ"... — „А какъ"? „Тамъ видно будетъ"!—неохотно отвѣчаетъ Корней.

VII.

Да, народная толща разслояется и у насъ... И много уже теперь людей, которые говорятъ и чувствуютъ, какъ Трофимовъ въ „Вишневомъ садѣ"... „О, это ужасно, садъ вашъ страшенъ... и, кажется, вишневыя деревья видятъ во снѣ то, что было сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ... Что говорить! мы отстали, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти, у насъ нѣтъ еще ровно ничего... мы только философствуемъ, жалуемся на тоску, или пьемъ водку"... „Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ „ты", съ мужи-

ками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ"...

Но дѣло не въ этой интеллигенціи, а въ самой толщѣ народной, которая несомнѣнно пришла въ движеніе и у насъ, хотя мы и „отстали лѣтъ на двѣсти". И у насъ явно, на нашихъ глазахъ происходитъ тотъ самый процессъ разслоенія, который происходилъ въ Европѣ и привелъ къ тому, что буржуазія, сосредоточенная въ городахъ, получила преимущественное вліяніе,—то самое, которое принадлежало нѣкогда землевладѣльческой аристократіи, жившей въ своихъ замкахъ. Третье сословіе—купецъ—давно вышло тамъ на историческую арену и заняло одно изъ первыхъ мѣстъ за столомъ жизни. Наука для него дѣлаетъ изобрѣтенія, искусство украшаетъ его жизнь и услаждаетъ его духъ, армія завоевываетъ для него новые рынки, правительства оберегаютъ его прерогативы...

Напрасно, однако, хохочетъ старикъ Сатурнъ съ своей высоты. Тѣже касты, какъ и прежде,—хотя-бы, какъ и въ Римѣ,—такъ же кричатъ „хлѣба и зрѣлищъ", но сама каста буржуазіи, по внутренней сущности своей, по отвлеченному понятію, которое оно заключаетъ—имѣетъ безконечно болѣе широкія рамки, чѣмъ касты патрицієвъ, феодаловъ. Талантливое, сильное, преуспѣвающее охотно включается въ эту касту, свобода личности и права ея нужны, необходимы ей, какъ существенныя условія ея существованія и — плохо видитъ Сатурнъ, если не замѣчаетъ, что изъ самой жизни этой касты зарождается что-то новое, еще болѣе широкое, еще сильнѣе охватывающее слои народные.

Мы въ прошлой главѣ остановились на красивомъ разсказѣ г. Бунина „Черноземъ", какъ на художественной иллюстраціи къ нашему тезису—распада помѣщичьихъ усадебъ, продажи за долги большихъ „вишневыхъ садовъ". Съ этой же точки зрѣнія любопытна „Деревенская драма" г. Н. Гарина *). Въ художественномъ отношеніи драма автору совсѣмъ не удалась: дѣйствіе вяло, нерѣшительно, краски мелодраматичны и непріятно-рѣзки грубые, искусственные эффекты. Но въ данномъ случаѣ насъ меньше интересуетъ художественная сторона произведенія: изъ самой наумѣренной яркости красокъ, изъ несдержанности мелодраматическихъ эффектовъ, мы еще болѣе вправѣ заключить о вѣрности выводовъ автора. А выводы его ясны и несомнѣнны. Старый укладъ деревенской жизни непоправимо подточенъ въ основахъ своихъ; индивидуализмъ, какъ теченіе, рѣзко расходящееся съ основами общиннаго быта, захватилъ все русло жизни деревни. „Индивидуалисты"—міроѣды, кулаки, дѣлающіе со сходомъ деревенскимъ все, что хотятъ—съ одной стороны и съ другой—„молодая" деревня, мечтающая уйти, чтобы зажить въ иномъ мѣстѣ свободной жизнью—все это на фонѣ общей продажности, грубости, пьянства и нищеты—подчеркиваетъ несомнѣнный выводъ автора, что деревня, *старая* деревня погибаетъ, распадается, почти погибла уже.

Старые владѣльцы „вишневыхъ садовъ" довольно жалки.

Гаевъ, возвращаясь съ торговъ, гдѣ былъ проданъ его, занесенный даже въ энциклопедическіе словари, вишневый садъ, плачетъ и... заботливо покупаетъ по дорогѣ изъ города анчоусы и керченскія сельди, Любовь Андреевна „горько плачетъ"; и вообще изо всей сцены разсказа о продажѣ „вишневаго сада" *) мы ясно видимъ, что они не постигаютъ трагизма своего положенія, что и уйдя въ городъ, они не сумѣютъ самъ слиться съ жизнью и уходятъ туда только... умирать. Молодымъ владѣльцамъ „вишневаго сада", въ лицѣ Ани—дочери Любови Андреевны—яснѣе положеніе, и эти, кажется, понимаютъ, что надо уйти въ городъ для того, чтобы „столковаться", что тогда будетъ насажденъ „новый садъ"... „Пойдемъ со мною, пойдемъ, милая, отсюда, пойдемъ!.. Мы насадимъ новый садъ роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама! Пойдемъ, милая! пойдемъ"!

Такова историческая картина, нарисованная рукой художника; такъ исчезаютъ *большіе* „вишневые сады". А какъ медленно, шагъ за шагомъ уходятъ „садочки", какъ уходитъ изъ деревни „вилланъ",—бывшій

*) Сборникъ Т-во „Знанія". I.

*) „Вишневый садъ", А. П. Чехова. III актъ.

„холопъ“ Гаевыхъ—теперешній „свободный“ человѣкъ-мужикъ,—о томъ намъ разсказываютъ безчисленные очерки переселенческаго движенія, о томъ-же разсказывалъ намъ еще Глѣбъ Успенскій, жалуясь, что „баба уходитъ на фабрику“; объ этомъ-же разсказываетъ намъ ростъ отечественной промышленности,—вся жизнь кругомъ разсказываетъ намъ о томъ, какъ пустѣетъ деревня.

Эти переселенія имѣютъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ весьма важное и очень характерное явленіе: уменьшеніе земледѣльческихъ рабочихъ во всѣхъ странахъ капиталистическаго земледѣлія. Въ Германіи отъ 1882 до 1895 года произошла убыль сельскихъ рабочихъ на 254.025 человѣкъ. Во Франціи за 30 лѣтъ (1862—1892) произошло исчезновеніе болѣе милліона человѣкъ сельскихъ рабочихъ. Въ Англіи убыль сельскихъ рабочихъ равняется почти 32% *).

Разслояется, движется толща народная. Деревня уходитъ въ городъ, чтобы „столковаться“.

VIII.

Ермолай Лопахинъ, „битый, малограмотный Ермолай, который зимой босикомъ бѣгалъ“, въ Европѣ давно уже купилъ имѣніе, гдѣ его „дѣдъ и отецъ были рабами, гдѣ ихъ не пускали даже въ кухню“. Тамъ его давно уже не бьютъ, онъ давно пересталъ „отрыгать рѣдькой“, тамъ онъ давно уже—„*все*“... Теперь будутъ продѣлывать то же самое, не обольщая себя химерами, не увлекаясь волшебными перспективами. Когда въ Европѣ продавали съ торговъ „вишневые сады“,—ужасъ охватилъ однихъ, безумный восторгъ мечты, претворяющейся въ жизнь, охватилъ другихъ...

Каждое истинно-художественное произведеніе *современной* жизни можно разсматривать, какъ *историческую* живопись. Уляжется пѣна и накипь дня, затихнетъ шумъ современности,—и „бытовая“ картина, нарисованная художникомъ, превращается въ *историческую* картину.

Ермолай Лопахинъ плохо знаетъ исторію. Любопытно видѣть, какъ онъ не можетъ освоиться со своимъ положеніемъ владѣльца „вишневаго сада“, какъ оно ему кажется волшебнымъ сномъ, какъ онъ самъ съ *иронiей* говоритъ: „идетъ новый помѣщикъ, владѣлецъ вишневаго сада“.—Между тѣмъ, это не шутка и не сновидѣніе, и не Варя „бросила ключи“, а сама богиня исторіи передала ему эти ключи отъ всего „хозяйства“... „Бросила ключи, хочетъ показать, что она ужъ не хозяйка здѣсь... *(звенитъ ключами)*. Ну, да все равно. *(Слышно, какъ настраивается оркестръ)*... Эй, музыканты, играйте, я желаю васъ слушать!..“

Неправда-ли, Ермолай Лопахинъ начинаетъ входить въ роль хозяина?.. Наши бытописатели-художники, готовящіе будущія историческія картины, ясно показываютъ намъ это. Вспомнимъ романы г. Боборыкина „Василій Теркинъ“, „Княгиня“, вспомнимъ старика Маякина изъ романа „Ѳома Гордѣевъ“ Горькаго—и передъ нами встанетъ яркая историческая картина. Его степенство Ермолай Лопахинъ еще робокъ, но онъ уже начинаетъ понимать, что онъ *хозяинъ* вишнёваго сада и... исторической арены... „Приходите всѣ смотрѣть, какъ Ермолай Лопахинъ хватитъ топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачъ, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь... Музыка, играй“!...

Старушка Исторія по внѣшнему повторяется. Та же манера аббата Сійэса, тѣ-же громкія рѣчи о „новой жизни“... Музыка будетъ играть теперь только въ честь новаго владѣльца, такъ какъ самый процессъ разслоенія толщи народной, который несетъ съ собою Ермолай Лопахинъ, самый процессъ превращенія „бѣлаго, прекраснаго“ вишневаго сада въ фабричныя казармы далеко не веселъ, бѣгство изъ деревень въ города сопровождается большими муками, и только его степенству, Ермолаю Лопахину, хочется музыки... Въ мукахъ рождается исторія.

Красиво и ярко иллюстрируетъ намъ это г. Гусевъ-Оренбургскій своимъ талантливымъ (хотя немного слишкомъ растянутымъ разсказомъ „Въ приходѣ“ *). Авторъ дастъ яркую картинку сегодняшняго дня. О. Викторинъ Голгофскій ѣдетъ по своему приходу собирать „на сѣмена“. Онъ знаетъ, что его приходъ страшно бѣденъ, что „всегда съ этой Курычанки шести пудовъ не вывезешь“, но мать-попадья, рачительная хозяйка, за-

*) „Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ“. Э. Вандервельде.

*) Сборникъ Т-ва „Знанія“, I.

ставила его поѣхать, и о. Викторинъ окунается сразу въ злобу дня деревни, въ ея жалкую, нищенскую жизнь, въ ея страстную, глухую борьбу съ идущимъ хозяиномъ Ермолаемъ Лопахинымъ, или, какъ онъ въ данномъ случаѣ называется, Флегонтомъ Кирилычемъ. Этотъ Флегонтъ Кирилычъ, бывшій лакей, держитъ всю деревню въ своихъ рукахъ, скупаетъ окружныя земли, и ходятъ слухи, что онъ покупаетъ и то помѣстье, („вишневый садъ“), которое арендуютъ Курычанскіе мужики... „Заглоталъ Флегонтъ Курычанку-то... какъ сомъ! Завладѣлъ нами! такіе слухи ходятъ... такіе слухи... страсть!“ и мирный о. Викторинъ, труся на своей лошадкѣ, сразу-же попадаетъ на драматическій эпизодъ изъ борьбы распадающейся деревни съ Лопахинымъ, Флегонтомъ Кирилычемъ.

Въ деревнѣ есть кузнецъ Зосима, „безпокойный“ человѣкъ, интересующійся мірскими дѣлами,—и будущій владѣлецъ „вишневаго сада“ Флегонтъ Кирилычъ заинтересованъ въ томъ, чтобы „убрать“ его изъ деревни. Онъ обвиняетъ его въ покражѣ лѣса и настаиваетъ на его арестѣ, какъ охранитель закона и основъ собственности... „Воровства допустить не могу... Хотя лѣсъ и не мой, но передъ его превосходительствомъ мы всѣ отвѣтчики... не могу-съ! Законъ—великое дѣло“!... Драматизмъ повышается, выраженія становятся рѣзче... Кузнецъ Зосима находитъ, что Флегонтъ Кирилычъ „крови мужичьей попилъ достаточно“, и тогда мирный о. Викторинъ вступается... „Зосима! Придержи языкъ!—Ну, можно-ли такъ отвѣчать почтеннымъ людямъ“?!... У кузнеца Зосима другой взглядъ на это... „Да чѣмъ онъ такимъ почтенный?—мошна у него толста, да домъ на полдеревни? И впря-мь... и впрямь онъ почтенный, коли и ты, отецъ, передъ нимъ шапку гнешь“!.. Кузнецъ правильно видитъ фактъ, но придаетъ ему чисто-временное и мѣстное значеніе, не охватываетъ исторической перспективы, не понимаетъ, что это не случайность, что и батюшка передъ Флегонтомъ „шапку гнетъ“, что староста повинуется Флегонту и „чепляетъ“ значокъ, чтобы „по формѣ“ арестовать кузнеца Зосиму, мѣшающаго Флегонту Кирилычу. „Кобылинъ! Чепляй!“ (значокъ)—и Зосима арестованъ.

Зосима становится въ прямую „оппозицію“, оказываетъ „сопротивленіе властямъ“ (Флегонтъ Кирилычъ хорошо знаетъ законы и все это попомнитъ Зосимѣ), а добродушный пастырь о. Викторинъ началъ хлестать свою лошадку, чтобы скорѣе уѣхать отъ мѣста происшествія. Онъ ходитъ потомъ по домамъ жалкой, обнищавшей деревушки и собираетъ по горсточкамъ „на сѣмена“, а когда подъѣзжаетъ къ хоромамъ Флегонта Кириловича, работникъ выноситъ ему громадную пудовку пшеницы, насыпанной съ верхомъ. „Пуда два будетъ—подумалъ батюшка“... да, „маленькіе подарки поддерживаютъ большую дружбу“...

Любопытна происшедшая затѣмъ бесѣда (о. Викторинъ закусываетъ и отдыхаетъ у Флегонта Кириловича) мирнаго пастыря съ будущимъ хозяиномъ „вишневаго сада“.—„По настоящему, ежели я собственникъ, и своей землѣ хозяинъ, могу я любую цѣну назначить... хочешь, плати, не хочешь, убирайся“, разсуждаетъ будущій владѣлецъ, и похоже на то, что мужики правы, ожидая съ ужасомъ этого времени...—„Флегошка, прямо сказать, слопаетъ насъ!“.. „Да онъ съ насъ цѣну-то, батюшка, какую хочетъ, слупитъ! Сживетъ насъ, прогонитъ насъ съ земли!“ И они просятъ батюшку „убѣдить сначала-то“ не продавать земли Флегонту... „Гибель пришла! не выдержимъ!“ Мирный пастырь отказывается отъ этой щекотливой миссіи, возвращаясь вечеромъ черезъ лѣсъ домой, сталкивается съ Зосимой, который убѣжалъ изъ „кутузки“, куда его засадили...

Зосима—это ферментъ разслояющейся деревни, ея бродильное начало. „Защити меня, отецъ... Не могу... мысли у меня... горитъ у меня вотъ здѣсь“!.. „Вотъ я... по совѣсти жилъ... А теперь вотъ... охота... поднять вотъ кулакъ да ударить, чтобы мокро стало и сердце спокоилось“!.. „Унтеръ у насъ прохожій ночевалъ, съ Кавказу, служилый человѣкъ... сказывалъ,—твердый тамъ народъ! Сурьезный! Чуть не по немъ,—изъ чинжалу палитъ! Не тронь! Эхъ, вотъ это такъ“!.. „Быдто есть такая земля... на тыщи верстъ стѣна... и быдто народу тамъ и тѣсно, и скушно, и быдто ходитъ онъ вокругъ стѣны... а за стѣну нельзя“!.. „Коснись нашей Курычанки... нѣшто мы не за стѣной живемъ?—Тѣсно и скушно! Флегонтъ всѣхъ въ полонъ забралъ... все чужое... лѣсъ-ли... земля-ли“...

Въ заключеніе бесѣды Зосима разсказалъ свой сонъ батюшкѣ, взволновавшій его безпомощную душу. Интересно, что батюшка ничего другого не нашелъ посовѣтовать, какъ покориться Флегонту... Зосима пошелъ къ лѣсу и скрылся во тьмѣ, а „о. Викторинъ перекрестился и погналъ лошадь"...

IX.

Мы должны это простить о. Викторину. Въ мукахъ рождается будущее, и часто люди болѣе мудрые и съ болѣе мужественной душой, чѣмъ у о. Викторина, въ ужасѣ останавливаются передъ этими родовыми болями... Процессъ разслоенія народной толщи чрезвычайно болѣзненъ и—мы сказали уже, что только Ермолай Лопахинъ можетъ праздновать покупку „вишневаго сада" и хотѣть музыки... Этотъ процессъ несетъ въ самомъ себѣ такіе болѣзненные, страшные нарывы, о которыхъ раньше не зналъ никакой о. Викторинъ и никакіе „школьные учители" государственныхъ и общественныхъ наукъ. Яркой иллюстраціей трагизма отношеній, коренящагося во внѣшнихъ условіяхъ современной намъ жизни, можетъ служить маленькій талантливый разсказъ г. А. Серафимовича „Въ пути" *). Эта маленькая вещица поражаетъ, какъ... яркій свѣтъ молніи въ темную ночь. Темно, ни зги не видать, а кажется, что идешь по ровному и привычному пути; но вотъ молнія на мигъ освѣтила все,—и видишь страшную пропасть подъ ногами...

Фабула до наивности проста. Горожанинъ,—надо думать, одинъ изъ тѣхъ „дачниковъ, которые пока пьютъ чай на балконѣ", выѣхалъ покататься на велосипедѣ за городъ. Невыносимый зной, сухой и жаркій встрѣчный вѣтеръ измучиваютъ его, не даютъ ему ѣхать, и онъ съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе встрѣчнаго мужика подвезти его вмѣстѣ съ его велосипедомъ. Бываютъ лошади, говоритъ авторъ, которымъ дорога какъ будто только на живодерню, а онѣ безъ устали работаютъ, ѣдятъ труху, пьютъ протухлую муть и такъ живутъ и работаютъ десятки лѣтъ. Этотъ мужикъ напоминалъ такую лошадь... „мужичонко, самый обыкновенный мужичонко изъ центральныхъ губерній"...

„Изъ дома-то давно"? спрашиваетъ „дачникъ", катавшійся на велосипедѣ, а теперь благополучно отдыхающій на телѣгѣ у мужичонки... „Третій годъ, теперь, не былъ дома, ужъ забыли и ждать... Наше дѣло какое, по работникамъ вѣкъ... Только што и пожилъ, какъ оженили, три годика"... „Лошади нѣтути, сѣмянъ нѣтути, вотъ и пошелъ по работникамъ, да двадцать лѣтъ и хожу"... „Дачнику" несмотря на его усталость, довольно умѣстно вспоминаются знакомыя строфы.

„И, какъ ему... тебѣ не пришлось
Наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ былъ бы хуже твой удѣлъ,
Когда бъ ты менѣе терпѣлъ"?

Онъ ихъ старается вѣрнѣе вспомнить, думаетъ свои „интеллигентскія" думы о скитальческой жизни этого человѣка. Онисимъ разговариваетъ съ лошадьми, съ вѣтромъ... Мирная дорога, о трагедіи, о пропасти нѣтъ и помину... Но вотъ яркая, рѣжущая небо молнія...

„Баринъ, а баринъ, сколько твоя машина стоитъ"?—„Двѣсти пятьдесятъ рублей"...—„Смѣешься"...—„Вѣрно, зачѣмъ же мнѣ обманывать"...—Лицо его темнѣетъ, онъ отворачивается, и мы долго ѣдемъ молча... „Двѣсти пятьдесятъ цалковыхъ! Да это я хозяиномъ бы сталъ"... „Дачникъ" чувствуетъ, что безпокойная, тревожная работа мысли идетъ у Онисима, и „неощутимая, невидимая нить иныхъ отношеній" протягивается между нимъ и Онисимомъ...—„Хозяиномъ говоришь?"..—„Какъ-же! Теперя клади: изба сто цалковыхъ".. точный расчетъ льется съ устъ жалкаго мужичонки, онъ становится краснорѣчивъ... „а то въ работникахъ... все нутро, сила вся тутъ... двадцать годовъ съ утра до ночи... не оглянешься и помирать надо... вся-то, вся жисть... хоша бы продохнуть... вздохнуть-бы"... Они ѣдутъ дальше, но пропасть уже передъ ними... „Што, баринъ, каждый день, небось, мясо жрешь"?—Послѣ этого вопроса, который въ зоологической формѣ опредѣлилъ разстояніе между этими „современниками",—пропасть была какъ будто ясно указана, и развитіе трагической коллизіи быстро идетъ впередъ, завершаясь дубовымъ коломъ съ одной стороны и револьверомъ „бульдогомъ", съ другой..

*) Сборникъ „Знанія" I.

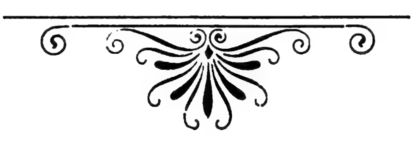
У „загнанной клячи“ пробудилась безпокойная, тревожная, ищущая мысль,—кляча привыкла работать и терпѣливо таскать тяжести, а не мыслить, и не сумѣла овладѣть мыслью, а, напротивъ, мысль овладѣла ею и поглотила ее... Въ мукахъ рождается исторія, въ мукахъ рождается ясная, организованная мысль. Отчетливое пониманіе себя, своего мѣста въ жизни, всѣхъ окружающихъ условій—все это не даромъ дается. То же неумѣніе владѣть собственной *пробудившейся* уже мыслью, ту же неуясненность и неорганизованность мысли, мы могли видѣть и у кузнеца Зосимы во всѣхъ его порывахъ и разсужденіяхъ.

Разслоеніе толщи народной, происходящій на нашихъ глазахъ историческій кризисъ—продажа „вишневаго сада“, новый владѣлецъ Ермолай Лопахинъ, громадные фабричные центры, бѣгство изъ деревень въ города,—все это пробудило мысль народную... И „хартіи“ литературы правдиво отражають это. Такъ, г. Бунинъ разсказываетъ намъ подслушанную имъ бесѣду мужиковъ въ вагонѣ. Вторая глава его разсказа „Черноземъ“, о которомъ мы выше говорили, называется „Сны“. Это красиво. И впрямь такъ. Первая глава „Чернозема“—„Золотое дно“,—которое находится уже въ періодѣ не оскудѣнія, а запустѣнія, а вторая глава—„сны“ Чернозема. Разсказывать ихъ подробно мы не будемъ. Рѣчь идетъ о какомъ-то старичкѣ-священникѣ изъ Епифани, которому снился вѣщій сонъ: и явился ему „сѣденькій, сѣденькій монашекъ и сказалъ ему тихимъ голосомъ: не пужайся, молъ, служитель Божій, а слушай меня и объяви народу, что молъ, означаетъ твоя видѣнія. А означаетъ она ба-альшія дѣла... Къ сожалѣнію, разсказчикъ понизилъ голосъ, и мы вмѣстѣ съ авторомъ не знаемъ продолженія „сна“. За то бурный и стремительный кузнецъ Зосима разсказываетъ о. Викторину весь свой сонъ. Будто онъ бѣжитъ и плачетъ, и скучно ему, и сердце его рвется... „И вотъ... народъ! И будто народъ идетъ... идетъ... вижу улицы и стѣны какія-то... и быдто сталъ я большой, выросъ... и все шагаю! и слышу, кричатъ: „Кузнецъ идетъ“!.. зовутъ меня, машутъ мнѣ!—„Сюда, сюда“! И вижу—площадь... и наковальня!—молотъ мнѣ въ руки даютъ: „Куй“! Глянулъ я... золотая подкова! Не повѣришь, батюшка? Какъ жаръ горитъ! И весело мнѣ стало... духъ занялся! Поднялъ я молотъ, ахнулъ, ударилъ“...

„О. Викторинъ помолчалъ.—Глупый сонъ! сказалъ онъ“...

О новомъ владѣльцѣ „вишневаго сада“, о новыхъ пластахъ народныхъ и о томъ, какъ человѣчество „столковывается“ въ городахъ—до другого раза.

Левъ Мовичъ.



I.

Знаменательныя событія послѣдняго времени. — Актъ Высочайшей милости и отмѣна розги. — Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ. — Всеобщія ожиданія. — Краеугольный камень обновленія Россіи.—Связь школы съ обществомъ.—Общественный подъемъ „низовъ“.—„Фондъ народнаго просвѣщенія“.—Начинанія министерства народнаго просвѣщенія по вопросу о всеобщемъ образованіи.— Европейское общественное мнѣніе объ „обновленіи“ Россіи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ во внутренней жизни нашего отечества произошелъ цѣлый рядъ знаменательныхъ событій, изъ которыхъ крупнѣйшимъ является рожденіе Наслѣдника престола, Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Это событіе ознаменовалось Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, отмѣнившимъ, между прочимъ, позорнѣйшій пережитокъ нашего времени— тѣлесныя наказанія для крестьянъ. Наконецъ, въ сентябрѣ-мѣсяцѣ были опубликованы временныя правила о переселеніи, хотя и имѣющія нѣкоторыя недочеты, легко могущія быть, впрочемъ, исправленными, уже вслѣдствіе своего *временнаго* характера, но тѣмъ не менѣе вносящіе извѣстный правопорядокъ въ столь великое государственное дѣло, какъ народныя переселенія.

Весьма крупнымъ событіемъ въ жизни Россіи должно считаться назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ князя Петра Димитріевича Святополкъ-Мирскаго, одного изъ выдающихся нашихъ администраторовъ, много послужившаго въ провинціи, а, слѣдовательно, при свойственной ему вдумчивости и наблюдательности, имѣвшаго возможность ознакомиться съ народною жизнью не по канцелярскимъ только матерьяламъ, но и по личнымъ наблюденіямъ. Пишущій эти строки, бывшій лѣтъ пять тому назадъ завѣдующимъ редакціей, или, какъ это принято называть полуофиціально, „секретаремъ редакціи“ маленькой газетки въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Екатеринославской губерніи, съ чувствомъ искренней благодарности вспоминаетъ о внимательномъ и благожелательномъ отношеніи къ мѣстной печати со стороны князя Петра Димитріевича, бывшаго въ то время екатеринославскимъ губернаторомъ. Такою-же точно, если не большею, благожелательностію пользовалась печать Сѣверо-западнаго края въ недавнюю бытность князя виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Впрочемъ, административный тактъ, просвѣщенный взглядъ на необходимость взаимнаго довѣрія между администраціей и общественными учрежденіями, гуманное отношеніе къ людямъ, терпимость къ чужимъ мнѣніямъ,—все это

такія качества, которыя привлекали къ князю П. Д. Святополкъ-Мирскому всеобщее уваженіе вездѣ, гдѣ-бы онъ ни служилъ. Произнесенныя новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ рѣчи, бесѣды его съ журналистами, наконецъ, его первыя симпатичныя распоряженія о разрѣшеніи вернуться въ Петербургъ высланнымъ изъ столицы литераторамъ Н. Ф. Анненскому и В. И. Чарнолусскому, а въ свои тверскія имѣнія высланнымъ изъ предѣловъ Тверской губерніи бывшему предсѣдателю тверской губернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизу и члену управы Н. К. Милюкову,—все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что князь Святополкъ-Мирскій и на новомъ своемъ высокомъ посту будетъ преслѣдовать тѣ-же задачи, какъ и прежде въ провинціи, тѣмъ болѣе, что онѣ, по существу, не расходятся съ основными положеніями Высочайшаго манифеста 26 февраля 1903 года. Заявленія князя о взаимномъ довѣріи правительства и общества, о необходимости общественной инициативы, большей самосостоятельности земскихъ, городскихъ и другихъ общественныхъ учрежденій, о благожелательномъ отношеніи къ печати и пр., вызвали не только въ образованномъ обществѣ, но, судя по нѣкоторымъ газетнымъ извѣстіямъ, и въ болѣе широкихъ слояхъ населенія—подъемъ духа и надежду на обновленіе русской общественной жизни. Земства и города спѣшатъ привѣтствовать новаго министра адресами и телеграммами Вся печать, не исключая даже пресловутаго „Гражданина“ князя Мещерскаго, заговорила о предстоящей „веснѣ“, и однѣ лишь „Московскія Вѣдомости“ продолжаютъ еще по прежнему юродствовать и прорицать,--впрочемъ, съ нѣсколько уже пониженнымъ жаромъ...

Что обновленіе общественной жизни и общественная самодѣятельность являются для Россіи краеугольнымъ камнемъ ея грядущаго благосостоянія и счастія,—ясно само собою. Вотъ что, напр., говоритъ по этому поводу „Юристъ“:

„Хранящій мучительное молчаніе народъ есть живой упрекъ тому порядку вещей, который боится публичности, гласнаго обсужденія дѣлъ. Наше общество, гдѣ только могло, заявляло о необходимости поворота. Дошло до того, что медицинскіе и техническіе съѣзды, созванные для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ, стали требовать прежде всего свободы слова, свободы совѣсти, неприкосновенности личности, этихъ элементарныхъ благъ культурной жизни, безъ которыхъ трудно себѣ представить современное государство. Возможно закрыть съѣздъ, но нельзя уничтожить тотъ источникъ, который создалъ извѣстныя потребности. Мы за послѣдніе десятки лѣтъ выросли умственно, и нельзя смотрѣть на насъ, какъ на дѣтей, нуждающихся въ опекѣ бюрократіи. Общество наше не можетъ обойтись безъ свободы. Она ему нужна, какъ воздухъ. О ней вездѣ и всегда оно должно заявлять до тѣхъ поръ, пока не добьется ея“.

Какъ-бы откликомъ на заявленія князя Святополкъ-Мирскаго является рѣчь министра народнаго просвѣщенія Г. Г. Глазова о ненормальности „средотѣнія“ между обществомъ и школою“.

„На необходимость устраненія стѣны между семьей и школой указывалось“,—замѣчаютъ по поводу этой рѣчи „Русскія Вѣдомости“,—и ранѣе, еще въ министерство ген.-адъют. Ванновскаго, и кое-гдѣ дѣлались попытки къ сближенію школы съ родителями, но въ общемъ средняя школа осталась при прежнемъ режимѣ, и лишь немногія училища стали давать большій доступъ новымъ педагогическимъ вѣяніямъ, въ зависимости отъ степени инициативы, проявляемой ихъ главными руководителями. Иного, впрочемъ, трудно было и ожидать, такъ какъ руководители и дѣятели школы—прежде всего чиновники, связанные рядомъ формальныхъ требованій и обязанностей, выполненіе которыхъ поставляется начальствомъ на первый планъ. Необходимо „пройти“, что положено по имѣющимся планамъ, а затѣмъ необходимо поддержаніе порядка въ школѣ и огражденіе ея отъ элементовъ, способныхъ нарушить этотъ порядокъ. Для заботъ о развитіи своихъ питомцевъ, внѣ предѣловъ формальныхъ требованій, школа не располагаетъ обыкновенно ни достаточнымъ временемъ, ни необходимыми силами“.

Какъ выше говорилось, жажда новой жизни начинаетъ проявляться и среди широкихъ слоевъ населенія,—среди рабочихъ и даже, казалось бы такого всегда инертнаго, крестьянства. Что провинція пробуждается, что пульсъ ея общественной жизни начинаетъ биться все сильнѣе и сильнѣе

въ нѣкоторыхъ случаяхъ далеко оставляя за собою въ данномъ отношеніи даже столицы, что самосознаніе простого народа, этихъ заброшенныхъ „низовъ“, все болѣе пробуждается,—объ этомъ мы уже неоднократно говорили.

Въ pendant къ этому рѣшаемся привести напечатанное въ „Руси“ стихотвореніе одного крестьянина все на тотъ-же отрадный мотивъ о народномъ возрожденіи:

Не въ примѣръ пѣвцамъ невольнымъ,--
Посреди полей и нивъ,
Прозвучи ты колокольнымъ
Звономъ, искренній призывъ!
Съ береговъ Льдяного моря
Къ черноморскимъ берегамъ
Пронесись ты, пѣсня горя,
Прозвучи роднымъ сынамъ.
Отъ Кремля и до Алтая,
До китайскихъ мертвыхъ странъ
Внемли, внемли, Русь родная,
Внемли призыву крестьянъ!
Люди-братья! Отзовитесь
На посильный вамъ призывъ,
Съ землепашцемъ подѣлитесь,
Ради хлѣба, ради нивъ...
Отзовитеся, дворяне!
Вы, чиновники! Купцы!
Именитые граждане!
Вы, за родину бойцы!
Насъ не голодъ,—тьма сгубила
Зельемъ пагубнымъ своимъ...
Въ просвѣщеньи —жизни сила!
Мы-жъ... безпомощно стоимъ...
Опустились наши руки:
Вѣкъ намъ трудный далъ запросъ.
Отзовись на эти звуки—
Сѣверянинъ, малороссъ,
И калмыкъ, и сынъ чухонца,
Полудикій самоѣдъ,—
Пусть взойдетъ надъ Русью солнце!—
Дай намъ солнечный разсвѣтъ!
Мой призывъ ко всѣмъ имущимъ
Свѣтлымъ Именемъ Христа:—
„Вотъ—гдѣ Богомъ Всемогущимъ
Ваша примется лепта!“

Мы хорошо знаемъ и глубоко вѣримъ, что стремленіе простого народа къ просвѣщенію въ наши дни настолько велико, что всякіе тормазы по пути этого движенія не остановятъ его, а внесутъ лишь ненужныя страданія.

Что критическая мысль начинаетъ пробуждаться въ простыхъ умахъ, уже вытекаетъ изъ того знаменательнаго факта, что, по почину простого купца, редакціей газеты „Русь“, а вслѣдъ за нею и „Биржевыми Вѣдомостями“, открытъ сборъ пожертвованій на такъ называемый „фондъ народнаго просвѣщенія“. Къ сожалѣнію, сама по себѣ симпатичная идея встрѣтила ироническія улыбки въ другихъ изданіяхъ, заподозрившихъ искренность „Руси“ и ея заправилъ. По этому поводу началась уже газетная полемика, открывшая много несимпатичнаго ..

Между тѣмъ народное образованіе—безусловно благое дѣло.

Само правительство въ настоящее время идетъ на встрѣчу желаніямъ общества и народа о возможно широкой и цѣлесообразной постановкѣ просвѣщенія народа, что хотя-бы видно уже изъ того, что министерство народнаго просвѣщенія потребовало черезъ инспекторовъ народныхъ училищъ отъ земскихъ уѣздныхъ управъ, *въ цѣляхъ осуществленія всеобщаго обученія*, свѣдѣнія и соображенія: о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія заведеній, служащихъ цѣлямъ начальнаго народнаго образованія, къ 1-му января 1904 года; основанныя на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ предположенія о числѣ училищъ, подлежащихъ открытію, въ видахъ достиженія общедоступности начальнаго образованія въ данномъ районѣ; соображенія о срокахъ. въ какіе предположенныя къ открытію училища могли бы быть дѣйствительно открыты, и о средствахъ, которыя потребовались бы для осуществленія предположеннаго всеобщаго обученія, расходовъ единовременныхъ и постоянныхъ съ примѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ по отдѣламъ источниковъ.

Рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и, въ связи съ ними, подъемъ общественнаго духа въ нашемъ отечествѣ, вызываетъ къ себѣ весьма крупный интересъ въ Западной Европѣ. Извѣстный берлинскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ г. I. приводитъ интересный отзывъ мюнхенскаго профессора Луйо Брентано о значеніи Россіи для культурнаго развитія Европы въ XX вѣкѣ. Знаменитый ученый, отрицая существованіе какой-либо особенной русской миссіи, какъ ее понимали наши славянофилы, приходитъ къ заключенію, что Россія можетъ быть или угрозой просвѣщенію, или вліятельнымъ факторомъ въ семьѣ европейскихъ народовъ, въ зависимости отъ того, какое направленіе приметъ русская внутренняя политика. „Стопятидесятимилліонный народъ, — говоритъ Брен-

тано,—народъ, создавшій при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ такую замѣчательную литературу, такихъ выдающихся работниковъ во многихъ областяхъ знанія, несомнѣнно, подниметъ и собственное значеніе и будетъ содѣйствовать благу и достоинству человѣка при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественной и государственной жизни".

Не безынтересенъ тотъ фактъ, отмѣчаемый г. І., что вопросомъ, которымъ задавались еще сравнительно недавно только немногіе представители европейской мысли, теперь интересуются уже широкіе слои общества. Напр., въ Берлинѣ, „въ печати, въферейнахъ и просто въ бесѣдахъ за кружкой пива много и съ оживленіемъ толкуютъ о наступившемъ или наступающемъ поворотѣ въ нашей внутренней политикѣ".

Рядомъ съ такимъ благожелательнымъ отношеніемъ наиболѣе благомыслящихъ и прогрессивныхъ элементовъ нѣмецкаго общества къ культурному пробужденію нашего отечества, прусскіе юнкеры, ультра-шовинисты и архитевтоны наиболѣе недовольны признаками новыхъ, гуманныхъ вѣяній въ Россіи. „Они,—говоритъ г. І.,—и не скрываютъ, что страна наша имъ была бы милѣе всего въ состояніи невѣжества, при полномъ господствѣ бюрократіи. Развитіе общественныхъ силъ, дружная работа совмѣстно съ ними центральной власти,—слышите вы въ этихъ кругахъ,—вызоветъ такой приливъ свѣжести, молодости и энергіи, что и въ политическомъ, и экономическомъ отношеніи Россія пріобрѣтетъ огромное значеніе въ Европѣ и отодвинетъ преобладающее вліяніе Германіи. И эти господа съ своей точки зрѣнія правы: они знаютъ, что реакціоннымъ элементамъ русскаго общества всегда въ сущности особенно милъ былъ прусскій капралъ"...

Однимъ словомъ,—замѣтимъ отъ себя,—„рыбакъ рыбака видитъ издалека", что и вполнѣ понятно, такъ-какъ реакція во всѣхъ странахъ безъ исключенія преслѣдуетъ однѣ и тѣ-же своекорыстныя цѣли, причемъ чѣмъ значительнѣе страна, въ которой господствуетъ реакція и чѣмъ болѣе въ ней средствъ для проведенія реакціонной политики, тѣмъ большую надежду на поддержку своихъ вожделѣній имѣютъ реакціонеры всѣхъ культовъ, государствъ и національностей.

Н. В.

II.

Матеріальная нужда народныхъ учителей въ Бессарабіи. — Ростовскіе думцы и милліонное наслѣдство.—Самарскій лендъ-лордъ на скамьѣ подсудимыхъ.—Тверскія недоразумѣнія по народному образованію. — Бѣгство кавказскихъ народныхъ учителей. — „По усмотрѣнію." — Врачебное оскудѣніе. — Помощь семьямъ призванныхъ на театръ военныхъ дѣйствій. — Непонятныя явленія въ области нашей средней и высшей школы — Недостатокъ учебныхъ заведеній. — Два приказа. — Памяти дѣятеля провинціальной печати.—25-лѣтіе со дня смерти историка С. М. Соловьева.

Страшное чудовище войны заслонило отъ насъ своей громадной и безобразной массой всѣ другія бѣды и горести, какъ будто бы ихъ и не бывало, а на самомъ дѣлѣ онѣ имѣются въ наличности и въ не маломъ числѣ. Недородъ на югѣ Россіи особенно даетъ себя знать въ Бессарабской губерніи, гдѣ являются даже опасенія, что придется оказывать помощь не только земледѣльцамъ, но и народнымъ учителямъ тѣхъ школъ, которыя содержатся на средства сельскихъ обществъ. Этотъ вопросъ для Бессарабіи пріобрѣтаетъ особенное значеніе потому, что въ этой области очень много школъ, содержаніе которыхъ лежитъ непосредственно на обязанности сельскихъ обществъ. Въ районѣ Аккерманскаго уѣзда, наиболѣе пострадавшаго отъ неурожая, по сообщенію „Одесскихъ Новостей", насчитывается 99 училищъ, учащіе которыхъ рискуютъ зимою остаться безъ жалованья и, слѣдовательно, обречены на полную голодовку. Въ неурожай 1899 г. такъ это и было. Въ виду этого Аккерманская земская управа возбудила ходатайство о назначеніи отъ казны субсидіи, въ размѣрѣ хотя бы 2-хъ т. руб., для выдачи пособій учащимъ въ пострадавшихъ мѣстностяхъ.

Неурожаи у насъ явленіе нерѣдкое, они сдѣлались даже хронической болѣзнью сельскаго хозяйства за послѣдніе 20—25 лѣтъ,

и ставить существованіе школы и учителя въ зависимость отъ этого явленія едва ли возможно. Если въ одномъ Аккерманскомъ уѣздѣ насчитывается 99 школъ, которымъ сельскія общества не въ состояніи отпускать въ этомъ году средствъ, то на пространствѣ всей площади, пострадавшей отъ неурожая, вѣроятно, ихъ можно насчитать нѣсколько сотенъ, изъ которыхъ многія, надо думать, и закроются за недостаткомъ средствъ, а учителя разбредутся, кто куда. Случилось это въ 1899 г., случится въ 1904 г., пройдетъ нѣсколько лѣтъ, —опять повторится тоже самое,—и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока школы, содержимыя обществами и не имѣющія основнаго фонда, не перейдутъ въ непосредственное завѣдываніе земства.

Много противорѣчій въ нашей жизни! Въ богатой и плодородной Бессарабіи народные учителя собираются голодать, а городская управа въ Ростовѣ на Дону проспала полумилліонное наслѣдство, оставленное городу покойнымъ докторомъ Ткачевымъ въ 1896 г. на нужды начальнаго образованія. Несомнѣнно, что городская управа въ Ростовѣ на Дону очень сыта: вѣдь съ голоду не заснешь. А пока она почивала, прямой наслѣдникъ покойнаго доктора, его сынъ, кол. асс. Ткачевъ, „утвердился въ правахъ наслѣдства по оплошности управы, *членомъ которой въ то время состоялъ и онъ самъ*". Нечего сказать, хороша оплошность! Врядъ ли такой оплошности было бы мѣсто, если-бы филантропъ докторъ завѣщалъ свои капиталы не на школы, а лично господамъ управцамъ. Вѣдь, коллежскій ассесоръ Ткачевъ не сплошалъ же, хотя и самъ былъ въ это время управцемъ. И невольно навертывается вопросъ: ужъ не опоилъ-ли г. Ткачевъ своихъ товарищей по управѣ какимъ нибудь волшебнымъ зельемъ, или не подсыпалъ-ли имъ въ управскій чай крѣпкаго соннаго порошка? Въ прошломъ году г. Ткачевъ предлагалъ думѣ взамѣнъ положеннаго въ карманъ полмилльончика пустопорожнее мѣсто цѣною въ 12—15 т. руб. Очевидно, сынъ не въ отца пошелъ, а говорятъ еще, что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Нѣтъ, тутъ далеко откатилось! Что же отвѣтила дума на предложеніе г. Ткачева? Дума большинствомъ трехъ голосовъ постановила помириться съ г. Ткачевымъ и принять его предложеніе. Такъ бы и было, если-бы не вмѣшалось въ это дѣло министерство народнаго просвѣщенія. Ростовскіе думцы въ своемъ стремленіи поскорѣе облобызаться съ Ткачевымъ-сыномъ совершенно забыли Ткачева-отца, а вмѣстѣ съ нимъ и народное образованіе, которое они готовы были продать за чечевичную похлебку. Вышло иначе и, по предложенію министерства, дѣло о завѣщаніи будетъ разсматриваться судебной палатой.

Капиталъ идетъ къ капиталу, таковъ экономическій законъ, и потому очень естественно, что коллежскій ассесоръ Ткачевъ желаетъ присоединить къ своему капиталу капиталъ доктора Ткачева, скопленный тѣмъ для исключительной и благородной цѣли— для народнаго образованія.

Однако, не всегда заключительный аккордъ всемогущаго капитала оканчивается торжественнымъ гимномъ. Для доказательства послѣднихъ словъ приведу текстуально корреспонденцію въ „Русскія Вѣдомости" изъ Самары.

„7-го сентября началось слушаніе дѣла о составленіи подложныхъ приговоровъ и поборахъ при сдачѣ башкирской земли милліонеру—землевладѣльцу И. И. Шахобалову. Земля сдавалась еще въ 1900 г. и по удивительно низкимъ цѣнамъ (1 р 13 к. за десятину). Вмѣстѣ съ Шахобаловымъ обвиняются бывшій земскій начальникъ Бабинцевъ и башкирскіе волостной старшина и сельскій староста. Дѣло очень характерное въ смыслѣ иллюстраціи практикующихся въ степи пріемовъ обиранія крестьянъ и башкирцевъ. Характерно и то, что башкирцы за послѣднее время настолько развились, что энергично запротестовали противъ безцеремоннаго расхищенія ихъ достоянія. Милліонера Шахобалова защищаетъ выдающійся самарскій повѣренный, бывшій земскій дѣятель, А. Н. Хардинъ, земскаго начальника Бабинцева—не менѣе извѣстный саратовскій адвокатъ Кальмановичъ, волостнаго старшину—пр. пов. Никоновъ, тоже изъ Саратова. Дѣло, къ сожалѣнію, слушаніемъ отложено за неявкой двухъ свидѣтелей. Оно обѣщаетъ быть очень интереснымъ".

„Оно (т. е. дѣло) обѣщаетъ быть очень интереснымъ", заканчиваетъ корреспондентъ. Еще бы! Ужъ если предварительное слѣдствіе, при всѣхъ существующихъ недостаткахъ этого процесса, привело такого, можно ска-

зать, поволжскаго кита, какъ И. И. Шахобаловъ, на скамью подсудимыхъ, то, нужно думать, онъ усѣлся на этомъ самомъ мѣстѣ основательно и прочно. Башкирскія и вообще самарскія степи знаютъ Шахобаловыхъ. Знаютъ отца, дѣда и прадѣда. Въ корреспонденціи говорится о сдачѣ башкирскихъ земель Шахобалову, Ивану Иванычу, въ аренду по 1 р. 13 коп. за десятину, а преданіе говоритъ о томъ, какъ предки господъ Шахобаловыхъ скупали *на вѣчныя времена и въ „крѣпость"* башкирскія земли по четвертаку за десятину...

Вотъ здѣсь ужъ смѣло можно сказать, что яблочко отъ яблоньки не откатилось, а тутъ же, у корней своихъ праотцевъ, и засѣялось.

Въ Бессарабской губерніи народные учителя голодаютъ отъ недорода, въ Ростовѣ на Дону управа отъ сытости просыпаетъ милліонное наслѣдство, а въ Самарѣ неутолимый аппетитъ привелъ купца Шахобалова, вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ Бабинцевымъ, на скамью подсудимыхъ.

Все это понятно и никакихъ объясненій не требуетъ, но вотъ что совершенно не понятно: почему голодаютъ народные учителя Тверской губерніи? Врядъ ли найдется такой Эдипъ, который разрѣшитъ эту загадку. Впрочемъ, если мы обратимся къ Эдипамъ, засѣдающимъ въ канцеляріяхъ, управленіяхъ, департаментахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ, то, быть можетъ, разгадка и обнаружится. Въ Тверской губерніи за послѣднее время не было ни глада, ни мора, ни труса, ни нашествія иноплеменныхъ, а между тѣмъ положеніе народныхъ учителей отчаянное. Въ этомъ можно убѣдиться изъ отчета тверскаго общества взаимопомощи учащихъ. Общество это погибаетъ отъ многихъ атмосферическихъ причинъ, а, кромѣ того, и отъ полнаго истощенія кассы, касса же истощается по мѣрѣ истощенія учительскихъ желудковъ, число которыхъ все увеличивается и увеличивается. Вотъ что пишутъ изъ Твери въ „Русскія Вѣдомости".

„14-го сентября здѣсь состоялось общее собраніе тверскаго общества взаимопомощи учащихъ. Изъ доклада правленія общества видно, что дѣятельность общества въ прошедшемъ году сильно сузилась: ни лекцій, ни спектаклей общество въ послѣднее время не устраивало; разныя коммиссіи, работавшія прежде довольно энергично, въ этомъ году не собирались вовсе; составъ правленія общества постоянно мѣнялся, и число членовъ общества сократилось. Дѣятельность общества направилась на выдачу ссудъ и пособій, которыхъ было выдано больше, чѣмъ позволяли обычныя средства общества. Всего пособій было выдано на сумму 2,028 р., изъ нихъ 1,226 р. выдано 27-ми лицамъ, случайно лишившимся заработка. Такой большой расходъ, какъ 1,226 р., произведенный на выдачу пособій 27-ми лицамъ, лишившимся заработковъ (14 лицъ Тверскаго у. и 13—Новоторжскаго у.), не могъ не обратить вниманія собравшихся. Было указано, что если и впредь будутъ производиться такія массовыя увольненія, какъ въ этомъ году, то общество вскорѣ должно будетъ истощить всѣ свои запасы, такъ какъ отказывать увольняемымъ совершенно немыслимо, зная ихъ нужду и трудность для нихъ найти занятія въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано пожеланіе, чтобы училищные совѣты увольняли учителей по окончаніи года—весной, а не осенью или среди лѣта, какъ это дѣлается теперь. За лѣтнее время увольняемый могъ бы найти какое-нибудь занятіе, и, такимъ образомъ, помощь общества потребовалась бы въ меньшихъ размѣрахъ. Другіе находили мѣру эту мало дѣйствительной и указывали на то, что въ земствѣ вообще становится очень трудно работать. Окончательной резолюціи по данному вопросу собраніе не могло принять, и вопросъ былъ оставленъ открытымъ до будущаго собранія".

Вопросъ остался открытымъ, а желудки то учителей все таки подвело!...

Народный учитель у насъ всегда бѣдствовалъ, всегда жилъ впроголодь, но въ послѣднее время особенно часто приходится наталкиваться на извѣстія объ этихъ бѣдствіяхъ. Чѣмъ это объясняется,—я не знаю,—вѣроятно, это въ полной и неразрывной связи съ общимъ упадкомъ русской жизни. Существовало когда-то мнѣніе, что на окраинахъ народному учителю живется лучше, и Бессарабія для многихъ представлялась вмѣстѣ съ Кавказомъ чѣмъ-то въ родѣ Аркадіи. Теперь, какъ видитъ читатель, Бессарабію приходится развѣнчать, а вмѣстѣ съ ней и Кавказъ. Вотъ что между прочимъ пишутъ въ „Русскую Газету" съ Кавказа.

„Учителя народныхъ школъ, содержимыхъ въ дирекціи на средства казны и земскихъ сборовъ, получаютъ жалованье во время. Единственной помѣхой въ этомъ смыслѣ является отдаленность нѣкоторыхъ школъ отъ почтовыхъ конторъ и отрѣзанность зимою, благодаря отсутствію путей сообщенія. Учащіе тогда ѣздятъ за 100 верстъ получать жалованье или сидятъ по нѣсколько мѣсяцевъ безъ него, ожидая возможности проѣзда. Гораздо хуже обставлены въ дѣлѣ удовлетворенія жалованіемъ учителя въ такъ называемыхъ общественныхъ школахъ, содержимыхъ на средства сельскихъ обществъ. Такіе учителя порою по году сидятъ безъ жалованія или вымаливаютъ его по мелочамъ у старшинъ, при чемъ дѣло не обходится безъ униженій. Постоянно нуждаясь, учителя общественныхъ школъ, естественно, принуждены должать, попадая въ лапы ростовщиковъ. А если учитель заболѣлъ,—его положеніе становится прямо таки безвыходнымъ. Вотъ почему на Кавказѣ больше, чѣмъ въ остальной Россіи, замѣчается массовое бѣгство учителей въ акцизъ, въ низшіе чины администраціи, на желѣзную дорогу, а дѣло народнаго образованія остается на мели. Прежній учитель ушелъ, новаго не отыскивается, и нерѣдко школы по нѣскольку мѣсяцевъ бываютъ закрыты“.

По закону воспрещать гдѣ бы то ни было розничную продажу нумеровъ какой бы то ни было газеты, хотя бы и „Орловскаго Вѣстника“, предоставлено только министру внутреннихъ дѣлъ, а между тѣмъ...

Очень часто „усмотрѣніе“ является простымъ непониманіемъ смысла закона и распоряженій высшаго правительства. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, напримѣръ, слѣдующаго факта, сообщаемаго газетою „Post“ изъ Риги.

„Нѣкоторыя волостныя правленія, къ которымъ жены призванныхъ въ дѣйствующую армію чиновъ запаса обращались за пособіями, отказывали просительницамъ, разъясняя, будто бы пособіе можетъ быть выдано имъ только при условіи признанія ихъ уѣзднымъ врачемъ неспособными къ труду. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя такія просительницы были уже отправляемы къ уѣзднымъ врачамъ на освидѣтельствованіе“.

Тоже самое можно сказать и относительно распоряженія лодзинскаго полиціймейстера, о которомъ сообщаетъ „Край“.

Въ Лодзи существуетъ второе ссудо-сберегательное товарищество, которое, обладая по уставу правомъ принимать пожертвованія и отчислять изъ прибылей извѣстныя суммы на цѣли общественной пользы, намѣревалось организовать помощь безработнымъ рабочимъ. Лодзинскій полиціймейстеръ, узнавъ объ этомъ, обратился къ товариществу съ отзывомъ, въ которомъ находитъ дѣйствія товарищества несогласными съ уставомъ въ виду того, что „въ понятіе о цѣляхъ общественной пользы ни въ коемъ случаѣ не можетъ входить оказываніе вспомоществованія лицамъ, не имѣющимъ заработка“. Вслѣдствіе этого товарищество было принуждено отказаться отъ своего намѣренія.

Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся съ совершенно своеобразнымъ толкованіемъ прямого смысла извѣстнаго параграфа устава товарищества. По мнѣнію лодзинскаго полиціймейстера, помощь безработнымъ никакого отношенія не имѣетъ къ цѣлямъ общественной пользы, а потому пусть эти безработные занимаются нищенствомъ и воровствомъ, деньги же, которыя Товарищество отчислило на помощь бѣднякамъ, должны лежать въ сундукѣ...

Странно только одно, почему товарищество отказалось отъ своего намѣренія. Вѣдь мнѣнія бываютъ ошибочны, ибо человѣку свойственно ошибаться, а лодзинскій полиціймейстеръ человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо. Можно бы было попросить у высшей инстанціи разъяснить полиціймейстеру его ошибку. Это важно въ особенности теперь, когда, благодаря войнѣ, въ Лодзинскомъ районѣ ощущается промышленный кризисъ, и множество рабочихъ остается безъ заработка. По сообщенію изъ Варшавы, однимъ только еврейскимъ обществомъ попеченія о бѣдныхъ зарегистрировано въ короткое время больше 5000 евреевъ, оставшихся безъ работы. Всякое стремленіе помочь этимъ жертвамъ промышленнаго кризиса заслуживаетъ глубокаго сочувствія и со стороны властей полнаго содѣйствія, хотя бы только въ видахъ охраненія порядка и спокойствія.

На ряду съ промышленнымъ кризисомъ война вызвала и врачебный кризисъ. Громадное число врачей, призванныхъ въ дѣйствующую армію, даетъ себя чувствовать всюду. Варшавскія газеты сообщаютъ, что

только въ теченіе нѣсколькихъ дней сентября изъ Царства Польскаго взято болѣе 50 врачей, въ томъ числѣ изъ Варшавы 30. Изъ Самарской губерніи призваны въ дѣйствующія войска земскіе врачи слѣдующихъ уѣздовъ: Самарскаго—3, Бугульминскаго и Бугурусланскаго—по 2, Ставропольскаго, Бузулукскаго и Новоузенскаго — по одному; кромѣ того, изъ послѣдняго уѣзда земствомъ отправлены два врача съ отрядами курскаго земства и Краснаго Креста. Изъ земскихъ врачей Харьковской губерніи ушли на войну 23; изъ нихъ 18 призваны въ армію, какъ состоявшіе въ запасѣ, а 5 отправились съ земскими отрядами. Фельдшеровъ призвано изъ всей губерніи болѣе 90.

Уменьшеніе медицинскаго персонала настолько велико, что газеты пестрятъ объявленіями отъ разныхъ земствъ и учрежденій, вызывающими желающихъ занять вакантныя мѣста. Врачебное оскудѣніе представляетъ особенную опасность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже появилась холера или ожидается ея появленіе. Въ силу этого саратовское земское собраніе въ засѣданіи 26 Августа постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ освобожденіи отъ призыва на военную службу медицинскаго персонала на то время, пока губернія будетъ находиться на положеніи угрожаемомъ по холерѣ.

Изъ разныхъ мѣстъ Россіи получаются свѣдѣнія о большой нуждѣ, испытываемой семьями ушедшихъ на войну запасныхъ. „Югу", напримѣръ, сообщаютъ изъ Херсона, что уѣздная земская управа „буквально осаждается просителями, нуждающимися въ продовольствіи, по случаю призыва ихъ кормильцевъ на военную службу. По приблизительному подсчету, въ одномъ только Херсонскомъ уѣздѣ числится около 6000 семействъ, которымъ необходимо выдавать продовольствіе. Считая въ среднемъ на семью по 4—5 р. въ мѣсяцъ, потребуется 300 т. р. На губернскомъ собраніи предполагается, по выясненіи общей суммы необходимаго продовольствія, возбудить ходатайство о правительственной субсидіи. Такое же ходатайство предположено и Харьковскимъ земствомъ, которымъ нужда въ субсидіи опредѣляется въ размѣрѣ до 1.650.000 р.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ, какъ, напримѣръ, въ уѣздномъ Уфимскомъ, на каждаго члена семьи выдается по 1 р. 20 коп.

Въ названномъ уѣздѣ пользуются пособіемъ 4585 семействъ. Настало время земскихъ собраній и, вѣроятно, ходатайства предъ правительствомъ о субсидіяхъ на выдачу пособій семьямъ запасныхъ посыплются, какъ изъ рога изобилія.

Оно и понятно, у земствъ не имѣется спеціальныхъ капиталовъ для такой цѣли, излишковъ же отъ оборотныхъ средствъ не остается, да и дѣло народнаго продовольствія вообще изъ рукъ земства взято.

Несомнѣнно, что мы наканунѣ реформъ въ области какъ средней, такъ и высшей школы, но пока что, тамъ творится что-то странное.

Изъ Харькова, напримѣръ, пишутъ въ „Русь" слѣдующее: „Въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ произошла къ нынѣшнему академическому году большая перемѣна въ преподавательскомъ персоналѣ. Частью были уволены, а частью подали въ отставку 22 преподавателя изъ профессоровъ и лекторовъ. Среди нихъ есть имена, пользующіяся заслуженной извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Нѣкоторые изъ этихъ бывшихъ преподавателей технологическаго института были тотчасъ же приглашены на соотвѣтствующія каѳедры въ другія высшія учебныя заведенія: такъ, проф. Красускій, уволенный изъ харьковскаго института, занялъ каѳедру въ варшавскомъ политехникумѣ. Иные, преимущественно спеціалисты технической химіи, получили мѣста на заводахъ; иные же, наконецъ, принуждены были совершенно измѣнить свою профессію и спеціальность, что, конечно, не легко было для нихъ. Между прочимъ, одинъ изъ профессоровъ математики получилъ мѣсто преподавателя въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, который поспѣшилъ воспользоваться институтскимъ разгромомъ и прислалъ приглашеніе на имѣвшуюся у него вакансію".

Очевидно, что въ Харьковѣ большой избытокъ въ преподавателяхъ и лекторахъ, если такъ легко разстаются даже съ „пользующимися заслуженной извѣстностью въ ученомъ мірѣ." Очевидно также, что въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества поразительный недостатокъ въ преподавателяхъ. Иначе какъ же можно себѣ представить, чтобы „уволеннаго" профессора съ руками рвали другія казенныя учебныя заведенія, каковыми являются и варшавскій

политехникумъ, и полтавскій кадетскій корпусъ.

Высказанное предположеніе подтверждается и извѣстіемъ изъ Томска. Въ этомъ крупномъ центрѣ Сибири имѣется два высшихъ учебныхъ заведенія, двѣ гимназіи, мужская и женскія, реальное училище, духовная семинарія и учительскій институтъ. Послѣднее учрежденіе для Сибири, страшно нуждающейся въ просвѣщеніи, въ высшей степени важно. Но вотъ въ началѣ текущаго учебнаго года объявлено, что учительскій институтъ закрывается на годъ за отсутствіемъ преподавателей!

Въ Харьковѣ преподавателей дѣвать некуда, а въ Томскѣ пустыня, хоть шаромъ покати, и одно изъ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ учебныхъ заведеній закрывается.

А вотъ въ Раненбургѣ все готово для открытія прогимназіи: имѣется разрѣшеніе, имѣются и преподаватели, дума выбрала попечительный совѣтъ и представила его членовъ на утвержденіе. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а утвержденія нѣтъ. „Въ виду этого городская дума въ засѣданіи 1-го сентября постановила просить попечителя округа объ ускореніи утвержденія. На посланную отъ города телеграмму попечитель отвѣтилъ, что утвержденіе до сего времени не состоялось потому, что отъ рязанскаго губернатора нѣтъ отвѣта относительно благонадежности избранныхъ лицъ и что въ іюлѣ же списокъ таковыхъ былъ отправленъ губернатору“.

Недостатокъ учебныхъ заведеній вообще и низшихъ въ особенности такъ великъ въ Россіи, что объ этомъ твердить нужно постоянно, не смотря на то, что всѣмъ извѣстно: „толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ“.

Развѣ это не поразительно, что въ такомъ громадномъ и исключительномъ по богатству городѣ, какимъ является Одесса, 1.364 дѣтей тщетно стучались въ городскія школы, а ихъ не пустили туда за недостаткомъ мѣста. Это въ Одессѣ-то не нашлось мѣста?! Что же тогда въ другихъ городахъ? Дѣйствительно, въ другихъ городахъ неважно. Вотъ что пишутъ изъ Ковно „Новому Времени“.

„Кончились пріемные экзамены во всѣ учебныя заведенія, переполнены всѣ классы, а сколько еще молодежи, желающей попасть въ эти „храмики“ науки, осталось за порогами школъ! Въ Ковнѣ два среднихъ учебныхъ заведенія для мальчиковъ — гимназія и коммерческое училище (пока еще съ четырьмя классами). Гимназія такъ переполнена, что надо еще удивляться, какъ въ такомъ убогомъ помѣщеніи размѣщается такъ много учащихся, и помѣщаются 15 классовъ. Есть классы, въ которыхъ почти 60 человѣкъ учениковъ. Не меньше переполнено и коммерческое училище“.

А вотъ и еще любопытный и, конечно, не единственный фактъ изъ той же области. Оказывается, что въ одной изъ богатыхъ поволжскихъ губерній, Ярославской, существуетъ только два общеобразовательныхъ среднихъ мужскихъ заведенія (гимназіи въ Ярославлѣ и Рыбинскѣ), и оба они крайне переполнены.

„Ярославль давно уже мечтаетъ о реальномъ училищѣ“,—говоритъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

„Въ прошломъ году, наконецъ, дума возбудила ходатайство объ открытіи реальнаго училища, ассигновавъ на пріобрѣтеніе помѣщенія 10 тыс. Ходатайство Думы было поддержано губернскимъ земствомъ, ассигновшимъ съ своей стороны 50 тыс. подъ условіемъ имѣть въ училищѣ 20 земскихъ стипендій и право выбирать отъ земства попечителя училища. Надо замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ такую же сумму и на тѣхъ же условіяхъ земство ассигновало на мужскую гимназію, и условія были приняты министерствомъ народнаго просвѣщенія. Бывшій министръ г. Зенгеръ обнадежилъ городъ, пообѣщавъ, что ходатайство города будетъ уважено. Казалось, все складывалось благопріятно, и обыватели надѣялись, что съ августа текущаго года реальное училище будетъ уже открыто въ составѣ первыхъ классовъ. Но, вопреки ожиданіямъ, отъ министерства народнаго росвѣщенія, въ августѣ пришелъ отвѣтъ и земству, и городу: земству министерство предлагаетъ сдѣлать ассигновку въ 50 тыс., не ставя никакихъ условій, а городу—взять на себя часть расходовъ и по содержанію училища. Губернское собраніе въ экстренномъ засѣданіи 27-го августа категорически отказалось измѣнить условія ассигновки. Дума также отклонила предложеніе министерства. Это предложеніе было

заслушано въ томъ же засѣданіи, въ которомъ былъ доложенъ и отказъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ ходатайствѣ города о позаимствованіи 4 тыс. руб. изъ спеціальныхъ капиталовъ на постановку въ Ярославлѣ памятника поэту Некрасову. Министерство внутреннихъ дѣлъ мотивируетъ отказъ тѣмъ, что городъ сильно обремененъ долгами. Этотъ-то мотивъ, со ссылкой на источникъ, и легъ въ основу отказа думы на предложеніе министерства народнаго просвѣщенія.

Что касается памятника Некрасову, то дѣйствительно, постановка его, пожалуй, и несвоевременна.

Недавно въ Саратовѣ, какъ сообщаетъ „Саратовскій Листокъ", командиромъ 225-го пѣхотнаго резервнаго полка преданъ былъ полковому суду рядовой того же полка 5-й роты Бирко Салитъ по обвиненію въ умышленномъ неисполненіи приказанія начальника.

Полковой судъ постановилъ отдать подсудимаго въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. Принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе подсудимаго, а также въ виду того, что означенный проступокъ былъ вызванъ унизительнымъ по отношенію къ Салиту обращеніемъ, командиръ полка, снисходя къ его просьбѣ о смягченіи наказанія, замѣнилъ, на основаніи 679-й ст. XXIV кн. С. в. п. 1869 года, изд. 3-е, опредѣленное ему судомъ наказаніе арестомъ на хлѣбѣ и водѣ на двѣ недѣли съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. По поводу этого дѣла командиромъ полка отданъ слѣдующій приказъ по полку: „Изъ рапорта предсѣдателя полковаго суда отъ 23-го іюля № 102 и приговора полковаго суда, состоявшагося 20-го сего іюля по дѣлу о рядовомъ 5-й роты Беркѣ Салитѣ, обвиняемомъ въ умышленномъ неисполненіи приказанія офицера, видно, что 24-го прошлаго іюня офицеръ нѣсколько разъ ударилъ тарелкой по лицу рядоваго Салита за то, что на приказаніе его, офицера, оставить одну тарелку, взятую Салитомъ съ обѣдомъ на кухнѣ офицерской столовой, Салитъ не только не исполнилъ тотчасъ же этого приказанія, но позволилъ себѣ еще сдѣлать неумѣстное возраженіе: „Обѣдъ простынетъ, и его надо покрыть". Такое унизительное обращеніе офицера съ нижнимъ чиномъ вызвало этого послѣдняго на совершеніе преступленія; побитый Салитъ, несмотря на неоднократныя приказанія офицера, не хотѣлъ взять и нести обѣдъ и ушелъ изъ кухни. Для поддержанія дисциплины законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшаетъ начальнику употребить противъ неповинующихся оружіе и даже убить ослушника (4-й и 5-й пункт. 227-й ст. XXII кн. С. в. п. 1869 г., изд. 3-е), но нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ, хотя бы и для возстановленія дисциплины, безусловно воспрещается и, на основаніи разъясненія, изложеннаго въ рѣшеніи главнаго военнаго суда 1885 г. № 185, никакъ не можетъ быть принято оправданіе унизительнаго обращенія съ подчиненнымъ. Офицера, на основаніи ст. 185-й XXII кн. С. в. п. 1869 г., изд., 3-е, за нанесеніе въ первый разъ побоевъ нижнему чину, арестовываю на семь сутокъ съ содержаніемъ при переднемъ лагерномъ караулѣ. Арестъ привести въ исполненіе 30-го сего іюля. Въ устраненіе впредь печальныхъ явленій рукопашной расправы съ нижними чинами, роняющей достоинство офицера и могущей быть причиной весьма и весьма серьезныхъ послѣдствій, въ особенности для нижняго чина,—предлагаю гг. офицерамъ возстановить въ своей памяти приказъ командующаго войсками 1902 года № 41, кромѣ того, хорошенько вникнуть въ суть ст. 185-й XXII кн., которую и привожу здѣсь цѣликомъ: „За нанесеніе нижнимъ чинамъ ударовъ и побоевъ виновные въ томъ офицеры подвергаются: содержанію на гауптвахтѣ съ одного до шести мѣсяцевъ или взысканію дисциплинарному, а въ случаѣ повторенія — исключенію изъ службы или отставленію отъ оной".

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками варшавскаго военнаго округа отъ 18-го сентября":—6-го сего мѣсяца нѣсколько рабочихъ напали на трехъ нижнихъ чиновъ 182-го пѣхотнаго резервнаго Гроховскаго полка вблизи караульнаго дома при Повонскомъ элеваторѣ. Начальникъ этого караула, унтеръ-офицеръ, извѣщенный о безпорядкѣ, выслалъ на мѣсто происшествія трехъ вооруженныхъ ружьями рядовыхъ при ефрейторѣ. Съ приближеніемъ команды уве-

личившаяся толпа рабочихъ стала бросать въ нее камнями, причемъ одному нижнему чину причинена незначительная рана. Команда затѣмъ стала отходить къ караульному помѣщенію, рабочіе же двинулись за нею, продолжая бросать камни. Тогда ефрейторъ приказалъ въ видѣ угрозы дать выстрѣлъ, послѣ чего рабочіе прекратили преслѣдованіе нижихъ чиновъ. Признавая, что полное самообладаніе и осмотрительность въ употребленіи оружія въ дѣло при уличныхъ безпорядкахъ должны всегда руководить начальникомъ воинской части, дабы избѣжать напраснаго кровопролитія, я нахожу, однако, что въ данномъ случаѣ, когда толпа осыпаетъ воинскую команду камнями, отступленіе отъ нападающихъ и выстрѣлы на воздухъ неумѣстны и недостойны вооруженныхъ воинскихъ чиновъ. Въ подобномъ случаѣ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ оружію, и надо имѣть рѣшимость это сдѣлать, чтобы не подать и мысли толпѣ, что она можетъ безнаказанно наносить оскорбленія и увѣчья воинской командѣ. Вообще излишняя боязнь отвѣтственности при употребленіи въ подобныхъ случаяхъ оружія, къ прискорбію, неоднократно замѣчается въ послѣднее время. Между тѣмъ, поощряя съ одной стороны нарушителей порядка, эта нерѣшительность можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать въ ихъ мнѣніи высокое значеніе воинскаго чина при исполненіи имъ служебнаго дѣла. Предлагаю ближайшимъ войсковымъ начальникамъ дать должное разъясненіе и внушить подчиненнымъ имъ чинамъ, въ какихъ случаяхъ употребленіе оружія, на точномъ основаніи приказа по округу сего года № 12-й и объявленной при немъ инструкціи, неизбѣжно, а потому и не можетъ вызвать отвѣтственности со стороны лица, вынужденнаго къ этой крайней мѣрѣ".

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько теплыхъ словъ о Михаилѣ Васильевичѣ Загоскинѣ, окончившемъ дни свои въ деревнѣ Грановщинѣ, подъ Иркутскомъ.

М. В. Загоскина можно назвать однимъ изъ старѣйшихъ газетныхъ работниковъ не только Сибири, но и всей Россіи. Онъ началъ свою литературную дѣятельность еще тогда, когда только что начала насаждаться у насъ многострадальная провинціальная пресса. Онъ былъ современникомъ искренняго (не кваснаго) сибирскаго патріота, поэта и романиста Өедорова (Омулевскаго), онъ работалъ вмѣстѣ съ самородкомъ-алмазомъ, казакомъ Черновымъ. Онъ, Вагинъ и Ядринцевъ положили, можно сказать, всю душу за свою холодную и хмурую родину. Сколько нужно было трудовъ, чтобы создать въ Сибири періодическую печать! Не мѣсто здѣсь говорить о всѣхъ терніяхъ, несравненно болѣе колючихъ, чѣмъ тѣ колючія проволоки, на которыя натыкаются и отъ которыхъ гибнутъ тысячи воюющихъ на Дальнемъ Востокѣ... Оставимъ это исторіи: время для оцѣнки такихъ провинціальныхъ борцовъ истинной культуры, истинной цивилизаціи еще не пришло. Передадимъ вкратцѣ некрологъ, помѣщенный въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ".

М. В. Загоскинъ былъ извѣстенъ сибирской публикѣ, главнымъ образомъ, какъ редакторъ одной изъ первыхъ и лучшихъ сибирскихъ газетъ—*Сибири*, издававшейся въ Иркутскѣ съ 1873 по 1887 годъ. Первые два года эта газета издавалась подъ редакціей Клиндера и особеннаго успѣха не имѣла, но съ 1875 г. она начинаетъ выходить подъ редакціей В. И. Вагина и М. В. Загоскина, стягивая къ себѣ всѣ лучшія литературныя силы Сибири того времени, и дѣлается однимъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ печати, отличавшимся выдержанностью направленія и большой стойкостью. *Сибирь* въ теченіе 12-ти лѣтъ пристально слѣдила, подъ руководствомъ М. В., за проявленіями мѣстной общественной жизни и неустанно изучала народныя нужды края. Ранѣе *Сибири*, М. В. редактировалъ нѣкоторое время издававшуюся въ Иркутскѣ газету *Амуръ*, участвовалъ въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, а впослѣдствіи—въ *Восточномъ Обозрѣніи*, замѣнившемъ собою покойную *Сибирь*, гдѣ имъ и былъ помѣщенъ рядъ очерковъ деревенской жизни. Перу М. В. принадлежитъ также обширный трудъ, напечатанный еще въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія — „О бытѣ поселянъ Иркутскаго уѣзда", гдѣ онъ касается различныхъ сторонъ народной жизни,—промысловъ, обычаевъ, нравовъ и проч. Въ 1891 г. имъ помѣщенъ въ „Памятной книжкѣ" Иркутской губерніи очеркъ: „Одна изъ Сибирскихъ общинъ", въ которомъ онъ даетъ обстоятельное описаніе общинныхъ поряд-

ковъ въ экономическомъ и правовомъ отношеніяхъ въ с. Грановщинѣ Иркутскаго уѣзда. Въ „Сборникѣ газеты *Сибири*, изданномъ въ 1876 г., напечатано начало его романа изъ семинарской жизни. Иркутянамъ М. В. Загоскинъ былъ извѣстенъ не только какъ литературный и газетный работникъ, но и какъ видный общественный дѣятель и на другихъ поприщахъ. Онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ принималъ между прочимъ живѣйшее участіе въ трудахъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, состоя его правителемъ дѣлъ и редактируя его изданія.“

Миръ праху и вѣчная память одному изъ лучшихъ работниковъ печати, одному изъ лучшихъ сыновъ нашей родины!

---

4 октября исполнилось 25-лѣтіе со дня смерти знаменитаго русскаго историка Сергѣя Михайловича Соловьева.

С. М. Соловьевъ—москвичъ по рожденію и воспитанію. Сынъ священника, законоучителя 1-й московской гимназіи, онъ родился 5-го мая 1820 года и воспитывался сначала въ этой гимназіи, потомъ на 1 отдѣленіи философскаго факультета московскаго университета, въ который и явился съ очень основательной подготовкой и былъ отличнымъ студентомъ; во всякомъ случаѣ на занятія и успѣхи его обратили вниманіе многіе профессора. Наиболѣе сильное вліяніе, однако, на юнаго Соловьева оказали лекціи знаменитаго въ то время Грановскаго, почему, можетъ быть, онъ и рѣшилъ посвятить себя изученію исторіи. Онъ однако занялся не всеобщей исторіей, а русской, такъ какъ въ эту сторону интересъ его былъ направленъ еще въ гимназіи, гдѣ онъ много разъ съ увлеченіемъ перечитывалъ „Исторію государства россійскаго“ Карамзина, и этотъ интересъ былъ поддержанъ еще лекціями Каченовскаго, который, хотя и занималъ тогда каѳедру уже не исторіи, а славянскихъ нарѣчій, но продолжалъ поддерживать среди своихъ слушателей духъ историческаго скептицизма. Русскую исторію читалъ въ то время извѣстный поклонникъ „московскаго духа“ и даже всякой чертовщины, профессоръ Погодинъ, но его преподаваніе не оказывало никакого вліянія на его хорошо подготовленнаго и даровитаго слушателя...

Вскорѣ по окончаніи курса въ университетѣ Соловьевъ уѣхалъ за границу въ качествѣ домашняго учителя. Это путешествіе было очень полезно для молодого ученаго: оно расширило его кругозоръ, ввело довольно близко въ европейскую жизнь, а въ то же время онъ имѣлъ возможность за границей слушать лекціи въ Германіи и во Франціи, заниматься въ библіотекахъ и музеяхъ. Осенью 1844 г. Соловьевъ вернулся въ Москву, сдалъ магистерскій экзаменъ, а затѣмъ защитилъ диссертацію на магистра—„Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ“. Послѣ этого онъ занялъ каѳедру русской исторіи въ московскомъ университетѣ и въ сентябрѣ 1845 г. началъ свои лекціи. Несмотря на усиленныя занятія въ университетѣ Соловьевъ быстро приготовилъ и въ 1847 г. защитилъ уже докторскую диссертацію—„Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“. Обѣ диссертаціи Соловьева, особенно вторая, были выдающимися научными явленіями для своего времени и доставили автору громкую извѣстность. Но еще большую славу пріобрѣлъ нашему историку начатый имъ тогда же крупнѣйшій его трудъ, пріобрѣвшій значеніе великаго національнаго произведенія. Мы говоримъ о соловьевской „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, первый томъ котораго вышелъ въ 1851 году, а послѣдній, 29-ый томъ, доведенный до 1774 года, появился уже послѣ смерти Соловьева.

„Двадцать пять лѣтъ прошло съ появленія послѣдняго тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, болѣе пятидесяти лѣтъ съ выхода ея перваго тома,—говорятъ „Русскія Вѣдомости“,—и этотъ капитальный трудъ сохраняетъ свое основное значеніе въ русской исторической наукѣ. Онъ не только даетъ послѣдовательный разсказъ о событіяхъ нашей исторіи съ древнѣйшихъ временъ,—онъ даетъ имъ объясненія, устанавливаетъ ихъ взаимную связь. Въ трудѣ Соловьева много фактическаго матеріала; въ немъ излагаются или приводятся въ подлинникѣ документы, иногда очень обширные. Къ такой системѣ изложенія Соловьева приводило тогдашнее состояніе исторической науки: извлекая изъ архивовъ документы, дотолѣ неизвѣстные, онъ не могъ не стремиться къ тому, чтобы возможно полно представить въ своей исторіи эти свои архивныя открытія, что тѣмъ было нужнѣе, что мно-

гіе документы, и очень важные, до сихъ поръ остаются неизданными, другіе и не привлекали до тѣхъ поръ изслѣдователя, третьи, наконецъ, долго не были доступны никому, кромѣ Соловьева, по причинѣ замкнутости нашихъ архивовъ. Эти условія дѣлаютъ то, что „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" и теперь еще во многихъ случаяхъ является порвоисточникомъ. Въ этомъ — огромная научная заслуга труда Соловьева, но это же обстоятельство не могло не загородить другихъ достоинствъ его „Исторіи". За нею установилась репутація неотдѣланности, собранія „сырыхъ" матеріаловъ, хотя, конечно, при выходѣ каждогодно по тому извѣстная спѣшность, неотдѣланность не могла и не сказываться на этомъ монументальномъ трудѣ. Какъ бы то ни было, указанная репутація „Исторіи съ древнѣйшихъ временъ" заслоняетъ нерѣдко ея основную черту: на-ряду съ сообщеніемъ фактическаго матеріала „Исторія" даетъ объясненіе событій, устанавливаетъ ихъ связь и значеніе. Это было основное стремленіе Соловьева, его основное требованіе отъ исторической науки, и онъ всегда имѣлъ его самъ въ виду въ своихъ работахъ вообще, онъ проводилъ его и въ своей „Исторіи". „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, а соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, а разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію, — вотъ обязанность историка въ настоящее время", — такъ объяснялъ Соловьевъ характеръ своей работы въ предисловіи къ первому тому „Исторіи" и выдержалъ этотъ характеръ. Его объясненія значенія важнѣйшихъ событій, взаимной ихъ связи нерѣдко являлись научнымъ откровеніемъ, и многія изъ этихъ объясненій остаются въ силѣ до сихъ поръ, а его оцѣнка петровской реформы, установившая полную связь между XVII и XVIII вѣками, является и нынѣ наиболѣе вѣрной, наиболѣе научной".

Одновременно съ серьезной научностію „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" имѣетъ еще и то высокое и крупное достоинство, что она сама по себѣ есть художественное произведеніе не только въ мастерскихъ общихъ характеристикахъ даннаго времени, но и въ замѣчательномъ психологическомъ анализѣ историческихъ дѣятелей. И, дѣйствительно, многія страницы „Исторіи" Соловьева поражаютъ художественнымъ мастерствомъ разсказа.

Доведя исторію Россіи до 1774 года, нашъ историкъ какъ-бы даетъ его продолженіе въ совершенно отдѣльныхъ монографіяхъ о царствованіяхъ императоровъ Александра I и Николая I. Кромѣ того, онъ находилъ время и для изданія учебниковъ по русской и новой исторіи, для изданія учебной лѣтописи и пр. Что касается профессорской дѣятельности, то Соловьевъ читалъ русскую исторію въ Московскомъ университитѣ съ 1845 года и почти до самой смерти. Многія поколѣнія студентовъ прошли черезъ его аудиторію, и изъ среды его учениковъ вышло не мало дѣятелей науки.

„Его лекціи производили сильное впечатлѣніе, — замѣчаетъ г. У. въ „Русскія Вѣд." — Послѣ его пробной лекціи Грановскій замѣтилъ: „Мы всѣ вступили на каѳедру учениками, а Соловьевъ вступилъ уже мастеромъ своей науки". Характеръ курсовъ Соловьева былъ обобщающій; онъ не закидывалъ слушателей фактами, а давалъ общую систему событій и старался о научномъ развитіи слушателей. Вліяніе Соловьева на аудиторію сохранялось до конца. Когда онъ уже старцемъ всходилъ на каѳедру и, закрывъ глаза, опершись обѣими руками на пюпитръ, начиналъ излагать лекцію, аудиторія напряженно прислушивалась къ его плавной рѣчи. Не менѣе лекцій Соловьева имѣли значенія его практическія занятія со студентами. Щепетильно строгій къ себѣ въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ никогда не манкировалъ своимъ профессорскимъ дѣломъ, не давая себѣ никакихъ льготъ, не жертвуя интересами преподаванія интересамъ своихъ занятій. Казалось бы, что при усиленныхъ работахъ и въ архивахъ, и дома Соловьеву должно бы быть особенно желательнымъ сколько возможно сократить свои занятія со студентами, но онъ никогда себѣ не позволялъ этого".

Будучи глубокимъ ученымъ, С. М. Соловьевъ не зарывался, однако, въ лѣтописи, писцовыя книги и въ хартіи отъ окружающей дѣйствительной жизни. „Живя въ мірѣ

прошлаго,—вспоминаетъ о немъ его ученикъ Бестужевъ-Рюминъ, — онъ умѣлъ скорбѣть о невзгодахъ настоящаго и радоваться его радостями. Никогда не забуду той глубокой скорби, съ которой онъ говорилъ о нашихъ неудачахъ въ Крымскую войну".

Въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ великій русскій историкъ всегда опредѣленно проводилъ идеи прогресса, которыя составляли его задушевныя убѣжденія. Подобно своему наставнику и затѣмъ сотоварищу по московскому университету Грановскому, онъ видѣлъ въ исторіи науку, по преимуществу воспитывающую гражданина. Въ изслѣдованіи о внѣшней политикѣ Александра I, строго осуждая систему извѣстнаго въ своемъ родѣ австрійскаго политическаго авантюриста Меттерниха, онъ говоритъ: „Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ,—оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально,— чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно, гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно... Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными; думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе не либеральныхъ мѣръ. Давить и душить — очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при охраненіи и развитіи жизни".

Въ заключеніе замѣтимъ, что Соловьевъ въ ряду русскихъ историковъ занимаетъ тоже первенствующее мѣсто, какъ Пушкинъ въ поэзіи, Гоголь въ прозѣ, Бѣлинскій въ критикѣ. Появившаяся за долго до него „Исторія государства Всероссійскаго" Н. М. Карамзина была весьма крупнымъ явленіемъ въ нашей исторической литературѣ, какъ первый шагъ въ данной отрасли, но въ сущности это все-же была не исторія, а многотомный вычурный памфлетъ московскаго самовластія въ духѣ русскаго сантиментализма первой четверти XIX вѣка, не смотря даже на то, что авторъ ея въ болѣе раннюю пору своей жизни былъ не чуждъ трезвымъ идеямъ энциклопедистовъ... Въ „Исторіи-же Россіи съ древнѣйшихъ временъ", не взирая на то, что въ ней, благодаря новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ, нѣкоторыя отдѣльныя мѣста являются устарѣлыми, мы видимъ не напыщенный панегирикъ отдѣльнымъ личностямъ, величественнымъ подъ перомъ „исторіографа" и теряющимъ привлекательныя краски при суровомъ научномъ анализѣ, а истинную, строго-научную исторію русскаго народа.

А. У.

III.

Курьезы современной жизни. — Бюрократизмъ. — Самарская японофобія и калужское японофильство.— Вахтеры и унтеры педагогіи.—Проводы Горькаго въ Гельсингфорсѣ. — Остроумная программа.

Долгое время писалось о ненужности и вредѣ розги. Теперь заговорили о чиновникѣ и вредѣ бюрократизма. Подняло эту тему, конечно, „Новое Время", а за нимъ подхватили и другія газеты.

Разговоръ подняли по поводу канцелярщины, которой стали приписывать главную вину нашихъ военныхъ неудачъ. Почему-то, однако, кажется, что одной канцелярщиной ихъ не объяснить, хотя фактъ остается

фактомъ; канцелярщина лежитъ тяжелымъ бременемъ на всей русской работѣ и является сильнѣйшимъ тормазомъ всей нашей государственной машины. И если надъ людьми двадцатаго числа смѣялись и продолжаютъ подсмѣиваться, а бюрократическое отношеніе къ дѣлу и канцелярщину осуждаютъ, то, право же, тутъ есть много правды.

Года два тому назадъ, помнится, также вотъ спорили на ту же тему, много писали въ газетахъ, возбудили даже полемику, но какъ то такъ странно вышло, что всѣ совѣты и средства рекомендовались совсѣмъ не съ той стороны, и никто не хотѣлъ заглянуть въ дѣло просто, сказать прямо и откровенно, въ чемъ тутъ дѣло.

Между тѣмъ какой энергіи, какого вниманія хотите вы отъ человѣка, пишущаго противоестественнымъ языкомъ казенную бумагу о возвращеніи излишне израсходованныхъ трехъ копѣекъ, или о доставленіи недоплаченныхъ двухъ гербовыхъ марокъ, хотя бы и 80 копѣечнаго достоинства?

Знаю я, напримѣръ, характернѣйшее, любопытнѣйшее дѣло М—скаго лазарета—возбужденноеизъ-за одной—буквально!—копѣйки!

Младшему врачу понадобилось написать тутъ же въ лазаретѣ одну бумагу какому-то своему, частному паціенту — свидѣтельство о болѣзни—и онъ взялъ для этого изъ аптеки—канцеляріи одинъ листъ писчей бумаги. Ну, что тутъ особеннаго, о чемъ говорить?

Но помѣшанный на экономіи старшій врачъ „не приказалъ", какъ узналось впослѣдствіи, брать что-либо изъ аптеки.

И вотъ пошла писать губернія!

Старшій врачъ пишетъ младшему серьезнѣйшій и обстоятельнѣшій „запросъ".

Младшій ему отвѣчаетъ почтительнѣйшимъ „донесеніемъ", въ формѣ „рапорта".

Снова старшій, ссылаясь на такой-то § приказа по лазарету и такой-то § закона, даетъ предписаніе о возвращеніи одного листа писчей бумаги.

Младшій покупаетъ одинъ листъ писчей бумаги и несетъ въ аптеку.

Оказывается, опять не то, и младшій получаетъ новое предписаніе съ „объявленіемъ выговора на бумагѣ", напоминающее ему, что листъ писчей бумаги, неззаконно имъ захваченный въ казенной аптекѣ, долженъ быть *препровожденъ*, т. е. пересланъ съ препроводительной бумагой.

Въ итогѣ — расходъ въ полдести, чтобъ въ законномъ порядкѣ получить назадъ одинъ, единственный листъ писчей бумаги!

Курьезъ, не правда-ли?

Помню и другой случай.

Въ городѣ В—рѣ начальникъ дистанціи Ч., мой хорошій знакомый, самъ затѣялъ переписку, на которую истратилъ около семи рублей, и все для того, чтобъ вернуть въ законномъ порядкѣ одну единственную 80—копѣечную марку.

— Скажите,—спрашиваютъ его,—къ чему она вамъ? Вѣдь на тѣ деньги, что Вы уже истратили, можно купить цѣлыхъ восемь восьмидесятикопѣечныхъ марокъ,—да еще и сдачи дадутъ...

— Изъ принципа, голубчикъ,—отвѣчаетъ,—, изъ принципа. Въ третьемъ году также вотъ они съ меня цѣлыхъ полгода тянули такую же марку. По закону, такъ по закону! A la guerre, mon cher, comme à la guerre.

Такъ вотъ она, какая оригинальная полемика бываетъ!

Но и это еще живая струя: всетаки волнуешься, борешься, что то изыскиваешь, по крайней мѣрѣ, взыскиваешь. Но каково, позвольте спросить, было всю эту переписку воспроизводить неучаствующему въ ней ни сердцемъ, ни принципомъ писарю? Между тѣмъ тоже самое отношеніе къ себѣ встрѣчаетъ у чиновника всякая казенная бумага.

Самосостоятельности, почина, независимости—нѣтъ; вѣры и довѣрія—тоже нѣтъ.

Поощреніе?

Но всѣ мы хорошо знаемъ, какое поощреніе бываетъ чиновнику... Вездѣ тамъ, гдѣ *личный*, индивидуальный интересъ къ дѣлу отсутствуетъ, гдѣ „плоды рукъ своихъ" отодвинуты отъ работника рядомъ перегородокъ, столовъ, канцелярій, и загорожены переписками, резолюціями и исходящими, вездѣ тамъ будутъ — безучастность и мертвость, холодъ и равнодушіе, зѣвота и сонная одурь.

Канцелярская машина въ томъ видѣ, какъ она у насъ въ большинствѣ, напоминаетъ тяжелый товарный поѣздъ, который двигается пять минутъ, а стоитъ на станціи по суткамъ. Согласитесь, только лѣнивый поѣдетъ съ нимъ.

Человѣкъ живъ, и живой работы требуетъ его живая душа: дѣло надо любить, тогда и дѣлу, и работнику хорошо, но нельзя любить мертвое.

Если уже такъ-таки нельзя обойтись безъ чиновника, то хоть освѣжите канцеляріи, провѣтрите управленія, дайте больше довѣрія низшимъ и маленькимъ, а, главное, главное—разочаруйтесь въ бумагѣ: смѣхъ сказать, вѣдь,—въ вѣкъ телеграфа и телефона все общеніе между канцеляріями и министерствами, управленіями и службами у насъ происходитъ черезъ...—прохожаго мужичка, курьеромъ именуемаго.

Быть можетъ, скажутъ: „А служебная тайна"?

— Конечно, есть такая .. Но — положа руку на сердце, вездѣ-ли она даже тамъ, гдѣ на конвертѣ такъ многозначительно гордо смотритъ на васъ „секретно"? Теперь вотъ на вѣдомости дѣламъ по послѣдовавшимъ Высочайшимъ вопросамъ и отмѣткамъ на всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ и градоначальниковъ Государю Императору благоугодно было начертать:

„Желаю видѣть большую быстроту въ сношеніяхъ вѣдомствъ вообще и, въ особенности, по исполненію Моихъ отмѣтокъ на губернаторскихъ отчетахъ".

И, конечно, дѣла пойдутъ быстрѣй и легче, но хотя отъ быстроты и будетъ выигрывать общее дѣло, тѣмъ не менѣе духъ бюрократизма изъ жизни не вывѣтрится, а духъ этотъ окрашиваетъ ее слишкомъ явственно и ярко.

Бюрократія заѣдаетъ все.

Казалось бы, за кого можно было бы безпокоиться,—только не за земство: его то ужъ не обюрократизируетъ форма. И вотъ, однако, приходится съ грустью читать о томъ, какъ Нижегородская губернская земская управа по агрономическому отдѣленію писала за нумеромъ въ лукояновскую уѣздную земскую управу 16-го іюля 1904 года:

„Губернская управа имѣетъ честь покорнѣйше проситъ лукояновскую управу произвести ревизію починковскаго сельско-хозяйственнаго склада и о результатѣ сообщить".

Подписали: членъ управы П. Званцевъ, агрономъ Поповъ.

Лукояновская управа отвѣчала губернской.

„Настоящее отношеніе, на основаніи 102 ст. положенія о земск. учрежд., лукояновская управа имѣетъ честь возвратить въ губернскую управу. Предсѣдатель Сгруговщиковъ, секретарь Пуговкинъ".

Она же еще:

„Возвращая отношеніе губернской управѣ, лукояновская управа покорнѣйше проситъ губернскую управу присылать отношенія за подписью г. предсѣдателя губернской управы. Предсѣдатель Струговщиковъ, секретарь Пуговкинъ".

Она же еще:

„Лукояновская управа имѣетъ честь увѣдомить губернскую, что, при требованіи справокъ и свѣдѣній губернской управой отъ уѣздной безъ соблюденія 102 ст. полож. о земск. учрежд., такія отношенія губернской управы будутъ оставаться безъ отвѣта. Предсѣдатель Струговщиковъ, секретарь Пуговкинъ".

Губернская управа лукояновской:

„Губернская управа имѣетъ честь увѣдомить лукояновскую управу, что закономъ не установлено непремѣнной обязанности предсѣдателя подписывать всѣ исходящія бумаги, и въ данномъ случаѣ подпись члена управы является вполнѣ достаточной, тѣмъ болѣе, что агрономическое отдѣленіе находится въ завѣдываніи члена управы г. Званцева".

Она же еще:

„Губернская управа имѣетъ честь сообщить, что бумаги, подписанныя членомъ управы П. Н. Званцевымъ, должны считаться оффиціальными и подлежатъ исполненію".

Лукояновская управа губернской:

„Лукояновская управа имѣетъ честь увѣдомить губернскую, что въ сношеніяхъ своихъ она руководствуется земскимъ положеніемъ, а не личными соображеніями и толкованіями губернской управы".

Это „увѣдомленіе" послѣдовало только на дняхъ.

Такимъ образомъ, почти два мѣсяца потребовалось на то, чтобы обмѣняться „взглядами".

Писались бумаги, отписывались и... ни на шагъ впередъ: къ ревизіи склада не пришли.

Любопытно, что и самая статья 102, на которую ссылается лукояновская управа, неправильно ею истолкована...

А. С. Суворинъ, перечисляя въ „Нов. Вр." причины нашихъ неудачъ, останавливается на заѣдающей насъ канцелярщинѣ, прокравшейся даже въ область такихъ экстренно совершаемыхъ дѣлъ, какъ военныя...

Возстаетъ противъ бюрократическихъ тенденцій и князь Мещерскій, готовый не только „ускорить ходъ бюрократической машины,

но и совсѣмъ уничтожить самую гидру бюрократизма".

Русская бюрократія—старое историческое зло всей нашей жизни, и что хуже всего—явленіе не родственное нашей жизни, искусственно къ ней привитое, точащее ея сердце и задерживающее ея ростъ.

Надо желать и надѣяться, что многое ей суждено утерять, и только вѣрой въ сокращеніе ея захватовъ еще можно жить дольше.

Такъ давно и такъ страстно ждетъ этого русское общество, русскіе дѣятели и вся наша печать, что удовлетвореніе этихъ давнишнихъ исконныхъ надеждъ и упованій явится только простымъ отвѣтомъ на всеобщее долготерпѣніе.

Читатели наши помнять, конечно, какъ испуганное воображеніе обывателя долгое время искало японскихъ шпіоновъ среди совершенно мирныхъ гражданъ, ошибалось, галлюцинировало и давало пищу голоднымъ языкамъ и темы провинціальнымъ корреспондентамъ. Шпіоновъ не оказывалось, а было такъ нужно, такъ страстно хотѣлось видѣть живого, настоящаго японца, потрогать его руками, услышать его голосъ, и если бы возможно, даже попробовать на вкусъ, что когда, наконецъ, такихъ живыхъ плѣнныхъ японцевъ привезли, глядѣть на нихъ высыпали толпы, на станціяхъ произошла давка, ихъ ощупывали мужчины, съ ними кокетничали дамы: тоска и бѣдность провинціальныхъ впечатлѣній, бѣдность и сѣрость жизни ухватились за маленькихъ японцевъ, какъ за исцѣленіе.

Особенно волновалась Самара.

Давно уже ея вокзалъ не видалъ такой картины оживленія, давно уже онъ не вмѣщалъ въ себя такой массы народа, какая явилась къ моменту прибытія въ Самару плѣнныхъ японцевъ.

Окна всѣхъ желѣзнодорожныхъ помѣщеній, проходы и даже крыши вокзала и привокзальныя постройки,—все это сплошь было покрыто моремъ головъ, все это гудѣло, жужжало...

Плѣнные японцы выглядывали изъ оконъ, лица ихъ выражали смущеніе.

— Выводятъ!... Выводятъ!..—громкимъ эхо пронеслось вдругъ въ толпѣ, и она разступилась.

Изъ вагона выходило около 50 человѣкъ плѣнныхъ солдатъ...

— Какіе маленькіе! Какіе маленькіе!—раздались удивленные голоса.

И дѣйствительно, большинство японскихъ солдатъ поражало своей низкорослостью. Среди нихъ было нѣсколько юношей, совсѣмъ еще мальчикомъ.

Едва только на площади показалась первая партія японцевъ, толпа разразилась громкими криками.

И въ этихъ крикахъ, и въ томъ напряженіи, съ которымъ десятки людей ожидали выхода японцевъ, было что-то зловѣщее.

Вслѣдъ за первыми криками, въ которыхъ нельзя было разобрать, что это, привѣтствіе ли, брань, или просто обывательская дикость, вслѣдъ за ними въ толпѣ пронесся свистъ.

Съ опущенными глазами, боязливо озираясь вокругъ, съ маленькими чашечками въ рукахъ, японскіе солдаты шли обѣдать.

Свистъ повторялся... Становилось жутко...

Таковъ губернскій патріотизмъ, который у насъ всегда отливается въ грубость, въ крикливость, въ уличную брань, въ хвастливый вызовъ, въ дикую картину ненужныхъ оскорбленій.

И, право же, какой безобразный попойкой ни встрѣтили бы японцевъ въ Москвѣ, но все таки гораздо лучше, чѣмъ такое патріотически-самарское безобразіе...

Тамъ спаивались московскіе саврасы безъ узды и спиваясь, спаивали японцевъ, и какъ бы ни было это некрасиво и невозвышенно, оскорбленія личности плѣнныхъ враговъ здѣсь отсутствовали, и въ этомъ огромное преимущество Москвы передъ Самарой.

Чрезвычайно длинно, скучно, очень патріотично, хотя и очень неумно толковали газеты и о встрѣчѣ японцевъ въ Калугѣ, гдѣ ихъ почти „чествовали" въ желѣзнодорожномъ клубѣ, послѣ чего клубъ этотъ закрыли.

Словомъ, какъ всегда, „или въ морду получи, или ручку пожалуйте".

Радовались газеты закрытію клуба и возмущались чествованіемъ японцевъ по соображеніямъ націоналистическаго характера, видя въ опаиваніи японцевъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ и было чествованіе, актъ непатріотическій, и при этомъ забывали, что калужане все это продѣлали просто отъ пошлой тоски, отъ сонной одури, отъ загнившей и засосавшей ихъ болотной жизни. Чѣмъ, спрашивается, въ самомъ дѣлѣ лучше должна быть Калуга, положимъ Тамбова, развле-

ченія котораго „Козл. Газ." описываетъ коротко, но ясно:

„До полусмерти избили инженера. Гдѣ чо едва не разнесли буфетъ. Довольно взрослые юнцы вышли изъ купаленъ и въ костюмахъ Адама демонстративно прошли по берегу, въ виду публики"...

Общественныхъ интересовъ въ жизни нѣтъ, силъ дѣвать некуда, и даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о серьезныхъ общественныхъ вопросахъ, видишь одно балаганство, то вольное, то невольное. Вотъ въ Нижнемъ-Новгородѣ открывали центральныя бани, и корреспондентъ отмѣчаетъ, какъ многія „общественныя силы и представители вѣдомствъ почтили своимъ присутствіемъ торжество. Члены управы присутствовали и пили:

— За процвѣтаніе бань!

Пили въ то время, когда у нихъ школы чуть-ли не валятся—въ школѣ Гацискаго грозятъ разрушеніемъ потолки, въ другой школѣ вода заливаетъ нижнее помѣщеніе; въ третьей развалились печи, такъ что учительница цѣлое лѣто лишена домашняго обѣда.

На другой день послѣ торжества „представители" говорили знакомымъ:

— Жаль, что вы не были на открытіи бань. Это—украшеніе города".

Еще бы не жаль, если присутствующіе „пили"! Еще бы не жаль, если открывались бани, такое понятное для всѣхъ и всѣмъ по душамъ, родственное и полезное учрежденіе!

Послѣ длиннаго запоя въ банѣ можно попариться, при угрызеніяхъ обывательской совѣсти въ банѣ же можно посѣчься, послѣ „пару" съ удовольствіемъ пьется холодный квасокъ, а когда выходишь изъ бани, встрѣчный пріятель тебѣ говоритъ: — съ легкимъ духомъ!—будто поздравляетъ.

И если-бъ мы заглянули въ „житіе" нижегородской городской управы, то, быть можетъ, въ числѣ другихъ записей нашли бы въ немъ и такія: на украшеніе гор. (бани)— 50000 руб., на торжество при открытіи „украшенія"—100000 р., на процвѣтаніе этого „украшенія"—25000 р., на школу Гацискаго — пятіалтынный, на другую школу—гривенникъ, на третью Богъ дастъ"!..

Это вполнѣ въ русскомъ духѣ.

Теперь о членахъ нижегородской городской управы, говоритъ „Сам. Газ.", никакъ нельзя сказать, что они лишены того національнаго запаха, который всюду носятъ съ собой наши соотечественники.

Торжественно пьютъ за „процвѣтаніе бань"!

И совершенно не заботятся о школахъ!

И что же удивительнаго, скажите, въ равнодушіи „муниципаловъ" къ школьному дѣлу, если сами педагоги не могутъ до сихъ поръ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что они и зачѣмъ они, смѣшивая свои задачи то съ обязанностями вахтера, то унтеръ-офицера, будто памятуя убѣжденное рѣшеніе Скалозуба—„фельдфебеля въ Вольтеры дать".

Вотъ преподаватели одной изъ петербургскихъ гимназій жалуются „на превышеніе власти" директоромъ этой гимназіи.

Оказывается, сей начальникъ считаетъ, что подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ должны находиться не только педагогическая дѣятельность его подчиненныхъ, но даже и удовлетвореніе нѣкоторыхъ необходимыхъ потребностей сихъ подчиненныхъ.

Изобрѣтательный директоръ надумалъ запирать на ключъ нѣкое необходимое для всякаго живого человѣка мѣсто, а ключъ повѣсилъ въ учительской у себя на виду. Теперь всѣ гг. преподаватели могутъ посѣтить сіе мѣсто не иначе, какъ съ вѣдома г. директора. Преподаватели конфузятся и посылаютъ за ключемъ сторожей, а тѣ, въ свою очередь, вполнѣ резонно заявляютъ, что въ кругъ ихъ обязанностей не входитъ сопровождать гг. преподавателей въ „мѣста не столь отдаленныя". Туго приходится бѣднымъ педагогамъ!

Въ совѣщаніи попечителей, замѣчаетъ „Русь", много говорилось о томъ, что директорамъ гимназій не хватаетъ времени на выполненіе всѣхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ г. директоръ, вѣроятно, не можетъ жаловаться на недостатокъ времени.

Неизвѣстно почему, и въ Житомірѣ 31 августа совершена прогулка воспитанницъ женской гимназіи... съ барабаннымъ боемъ. Впереди шли солдаты съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками.

Нога въ ногу, веселымъ, но церемоннымъ маршемъ выступали бравыя классныя дамы и темно-красныя ученицы.

Учителя съ тротуаровъ мило расклани-

ваются съ дамами и ученицами. Дальше толпами бѣжали мальчики. Полицейскій чинъ замыкалъ шествіе.

Прогулка закончилась съ такою же помпой, какъ и началась. Часовъ черезъ 7 также шла впереди военная музыка, трубя во всѣ завертки, также бѣжали мальчишки и спереди, и сзади, и съ боковъ, классныхъ дамъ издали привѣтствовали учителя и гимназисты, и лишь вмѣсто утомившагося полицейскаго надзирателя шествовалъ позади городовой.

Церемоніальнымъ маршемъ входили ученицы и дамы въ гимназію, а затѣмъ подъ звуки музыки расходились по домамъ...

Эпически возвышенный тонъ, какимъ описывается эта церемоніальная прогулка гимназистокъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ всей удивительной изобрѣтательности житомирскихъ педагоговъ. Но житомирской „педагогіи“ далеко, какъ до звѣзды небесной, до Солигаличской. Содержатель ученической квартиры, Вѣгаевъ кормилъ своихъ питомцевъ кониной и встрѣтилъ своего обличителя, въ лицѣ учителя духовнаго училища г. Воронова; дѣло дошло до суда, но, если помнятъ читатели, на судѣ обвиняемымъ былъ не г. Вѣгаевъ, кормившій кониной своихъ квартирантовъ, учениковъ духовнаго училища, а, какъ это ни странно, г. Вороновъ, учитель послѣдняго: онъ, видите-ли, нашелъ, что кормить дѣтей кониной—актъ въ нравственномъ отношеніи нечистоплотный, и былъ поэтому г. Вѣгаевымъ привлеченъ къ суду за оскорбленіе и клевету.

Судъ оправдалъ г. Воронова.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Общечеловѣческій смыслъ вывелъ бы изъ этой проблемы необходимость такъ или иначе реформировать „ученическія“ квартиры, а гнусно — обывательскій требуетъ устраненія „неуживчиваго“ человѣка.

И г. Вороновъ, вопреки своему желанію, переведенъ въ г. Каргополь, Олонецкой губ. Въ солигаличскомъ духовномъ училищѣ онъ съ увлеченіемъ преподавалъ ариѳметику и географію, въ каргопольскомъ будетъ учить дѣтей греческому языку.

Авось, образумится и сдѣлается человѣкомъ въ футлярѣ, который не выноситъ изъ избы сора и не суетъ своего носа туда, гдѣ его не спрашиваютъ.

Такъ много говорили и говорятъ о „сердечномъ попеченіи“, которое должно стать исцѣленіемъ школы, такъ проста и ясна эта мысль, такъ велико и отвѣтственно значеніе педагога для всей жизни, для будущаго, для всей исторіи, что только удивляться нужно, какъ туго проходитъ въ жизнь прекрасная идея, какъ грубы и невѣжественны педагоги, какъ не только въ провинціи, но и въ столицѣ не усвоено элементарное уваженіе къ личности, хотя бы даже и ученика.

Вотъ разсказъ о томъ, какъ преподаватель нѣмецкаго языка въ московскомъ училищѣ иностранныхъ корреспондентовъ Зивертъ замѣтилъ, что одинъ изъ его воспитанниковъ Моджиковскій позволяетъ себѣ „шалости“.

Зивертъ приказалъ Моджиковскому прекратить шалости... Ученикъ отвѣтилъ, что онъ не шалитъ.

— Вонъ изъ класса!—приказалъ Зивертъ.

Моджиковскій отказался выйти.

Разсвирѣпѣвшій Зивертъ, схвативъ Моджиковскаго, вышвырнулъ его изъ класса.

И вышвырнулъ такъ неудачно, что, по освидѣтельствованію врача, оказались на шеѣ Моджиковскаго ссадины и кровоподтеки.

Явилось „дѣло“ съ нѣкоторой прелюдіей.

Отецъ Моджиковскаго, при объясненіи по поводу „инцидента“ съ Зивертомъ, нанесъ послѣднему оскорбленіе дѣйствіемъ.

— Неудивительно, что васъ ненавидятъ ученики!—сказалъ Моджиковскій—отецъ.

И „дѣло“ изъ стѣнъ „просвѣщенія и науки“ перешло въ съѣздъ мировыхъ судей...

Педагогъ Зивертъ приговоренъ за самоуправство относительно ученика къ четырехдневному аресту

Что же ждать отъ всякихъ тетюшинскихъ и сызранскихъ сѣятелей просвѣщенія?

— Ты что это дѣлаешь? Да ты у насъ на волоскѣ висишь, да мы тебя гнать будемъ. Молчать... Челядь! Дрянь! Шалашъ некрытый! Вонъ отсюда! Сторожъ, выкинь его книжки за дверь!

Знаете, чья это реплика и на кого она направлена?

Это сызранскій педагогъ „допекаетъ“ своего ученика.

— Дрянь. Шалашъ некрытый!—мечетъ молніи передъ трепещущимъ ученикомъ школьный „Пугачевъ“, какъ назвалъ суроваго педагога сызранскій корреспондентъ „Прив. Края“—вонъ!

Въ школьныхъ стѣнахъ грозное „вонъ!“—раздается раскатами грома и наводитъ ужасъ на притихшихъ юнцевъ.

— Вонъ!—и мальчуганъ со слезами плетется домой.

— Что плачешь? Что рано пришелъ?—спрашиваетъ мальчугана мать въ тревогѣ, предчувствуя что то недоброе...

— Вы-ыгнали...—горько плачетъ тотъ...

— Выгнали?! Ахъ, ты...

Черезъ полчаса тащится она испуганная въ пріемную.

— Мальченко пришелъ у меня, плачетъ... Выгнали, говоритъ... Скажите, пожалуйста, за что?—плачетъ мать.

— Берите его, онъ у насъ курса не кончитъ, намъ такихъ не надо...

— Ваше благородіе!..

— Не надо такихъ, и вся недолга... Шелопаевъ мнѣ не надо...

— Ваше благородіе...—и бѣдная плачущая мать падаетъ на колѣни предъ неприступнымъ педагогомъ,—простите его... Ребячье дѣло... Проучите его хорошенько.

„Его благородіе“, школьный Пугачевъ, уже мягче, но сохраняя свое достоинство, начинаетъ давать совѣтъ плачущей матери:

— Вы учить его должны дома... Понимаете? Учить!..

Обрадованная мать обнаруживаетъ явное желаніе тутъ же отодрать своего сына за вихры, но Пугачевъ, какъ человѣкъ деликатный и не выносящій въ школьныхъ стѣнахъ шума, останавливаетъ ее:

— Здѣсь нельзя; дома хорошенько его проучите... Понимаете? Хорошенько, съ песочкомъ.

И это почти каждый день!—горько добавляетъ корреспондентъ.

Въ Баку при мастерскихъ восточнаго общества работалъ литейщикъ.

Приноситъ онъ какъ-то разъ съ собою на работу книжку—„Емельянъ Пиляй“, соч. Максима Горькаго. Товарищи заинтересовались.

— Прочитай намъ!

Закусивъ послѣ свистка на скорую руку, усѣлись вокругъ книжки, и чтеніе началось. Случайно проходитъ мимо мастеръ-подрядчикъ.

— Чего это вы тутъ?

— Да вотъ, книжку читаемъ...

— Баловство, чать, одно?

— Нѣтъ, занятная книжка.

— О?! Ну, ври дальше, и мы послушаемъ.

Чтецъ продолжаетъ, и какъ разъ попалъ на слова Емельяна Пиляя... „Господинъ грабитель и кровопійца, не угодно-ли вашему живоглотію содрать съ насъ оныя наши шкуры за 60 коп. въ сутки“...

Подрядчикъ такъ и застылъ, услышавъ прочитанное. Надо замѣтить, что цифра вышла удивительно подходящая. О-во платитъ подрядчику за литье чугуна—55 коп., а мѣди—2 р. 50 к. за пудъ. А онъ платитъ рабочимъ за чугунное литье—отъ 20 до 40 коп., за мѣдное—1 руб. пуд. Ошеломленъ подрядчикъ отъ неожиданной „дерзости“, да вдругъ какъ вскинется!

— Че-ево?! Какъ ты прочиталъ?..

— Да вотъ, такъ и напечатано: „господинъ грабитель и кровопійца“...

Не далъ кончить.

— Да ты какъ смѣешь носить сюда запрещенныя книжки? А? Да ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ?!

— Книжка-то не запрещенная...

— Знаемъ мы васъ! Ишь ты... грамотный! Чтобы не было здѣсь такихъ книжекъ!...

— Читать никому нельзя запретить...

— А ты... (слѣдуетъ крѣпкое слово) не забывайся. Велю тебя въ три шеи прогнать съ работы и баста. Можешь на работу больше не являться.

— Ишь, библіотеку тутъ развелъ... Черти неблагодарные. Даешь имъ работу, поддерживаешь, а они еще мораль на тебя пущаютъ.

И пришлось почитателю Максима Горькаго, забравъ „Емельяна Пиляя“, „удалиться въ пустыню“, а подрядчикъ еще долго продолжалъ ругать „неблагодарныхъ“.

Не понравился Горькій нашимъ компатріотамъ и въ Гельсингфорсѣ, гдѣ давали его пьесу въ здѣшнемъ финскомъ театрѣ.

Сами финляндцы, когда, по окончаніи спектакля, на вызовы писатель появился на сценѣ, буквально всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ мѣста и горячо привѣтствовали его бурной оваціей.

А на другой день русскій писатель уѣзжалъ изъ Гельсингфорса. Его провожала на вокзалѣ огромная толпа: тутъ были студенты, студентки, дамы, люди, одѣтые элегантно и

совсѣмъ просто. Пѣли что-то грустное, финляндскій гимнъ, потомъ пѣли дуэтъ два чудесныхъ мужскихъ голоса: кажется, это были студенты. Была непривычная глазу спокойная толпа, стройно пѣвшая въ честь русскаго писателя.

За то въ вагонѣ произошла безобразная сцена, участниками которой были уже, несомнѣнно, русскіе люди. Вломившись въ вагонъ, въ которомъ долженъ былъ ѣхать писатель, двое подвыпившихъ русскихъ требовали отъ бывшей въ вагонѣ публики, чтобы имъ „показали" писателя, и на всѣ просьбы и уговоры уйти изъ вагона и оставить всѣхъ въ покоѣ, они грубо требовали, чтобы имъ указали, гдѣ писатель, такъ какъ они „хотятъ посмотрѣть".

Подошелъ къ нимъ очень почтеннаго вида пожилой господинъ, извѣстный дѣятель и финляндскій литераторъ, и на ломаномъ русскомъ языкѣ сталъ что-то говорить. Кажется, онъ попросилъ говорить съ нимъ по-нѣмецки.

Тогда одинъ изъ русскихъ неожиданно неистово закричалъ на него:

— Говори по-русски, мерзавецъ, ты въ русской странѣ, я тебѣ въ морду дамъ!

Господъ этихъ, по счастью, увелъ изъ вагона на платформу подоспѣвшій къ концу этой безобразной сцены ихъ товарищъ, къ счастью, вполнѣ трезвый.

Тронулся поѣздъ...

Финляндская публика обнажила головы, кричали свое финское „ура", дамы махали платками, многіе бѣжали за вагономъ.

А русскій человѣкъ, тотъ самый, что кричалъ въ вагонѣ, стоя впереди, на виду у всѣхъ, позволилъ себѣ крикнуть при видѣ стоящаго у окна писателя:

— Это-то знаменитый писатель!

И издалъ при этомъ неприличный, циничный, непристойный звукъ, какого не позволилъ-бы себѣ дикарь.

Въ заключеніе остроумная програма предстоящаго съѣзда горнопромышленниковъ.

Первый день.

1. Члены совѣта съѣзда будутъ пить кофе.
2. Остальные члены съѣзда—чай.
3. Взаимныя рукопожатія и поздравленія.
4. Обѣдъ въ „Грандъ-отелѣ".
5. Вечеръ въ „Буффѣ".

Второй день.

1. Кофе и чай—по распредѣленію.
2. Докладъ г. Авдакова „О несчастьяхъ съ горнопромышленниками".
3. Плачъ и рыданіе.
4. 5 ходатайствъ.

Третій день.

1. Кофе и чай.
2. Докладъ г. Авдакова „О добромъ сердцѣ горнопромышленниковъ".
3. Плачъ и рыданіе.
4. 10 ходатайствъ.

Четвертый день.

1. Кофе и чай.
2. Докладъ г. Авдакова „Жертвы, приносимыя горнопромышленниками на алтарь отечества".
3. Плачъ и рыданія.
4. 15 ходатайствъ.

Пятый, шестой и седьмой день проходятъ по той же программѣ. Мѣняются только доклады. Но плачъ и рыданія остаются.

Наконецъ наступаетъ день восьмой:

1. Кофе и чай.
2. 94 ходатайства.
3. Рукопожатія.
4. Обѣдъ въ „Грандъ-отелѣ".
5. Вечеръ въ „Буффѣ".

Девятый и послѣдній день.

1. Кофе.
2. Обѣдъ.
3. Ужинъ.

Разъѣздъ.

П. П.

IV.

За рубежомъ.

I.

Не о „политикѣ“ палатъ или политическихъ „салоновъ“, не о политикѣ прессы, фабрикующей общественное мнѣніе, мы хотимъ говорить. Наши непритязательныя замѣтки будутъ говорить о жизни, должны стремиться отразить жизнь, — такую, какъ она идетъ тамъ, гдѣ люди все-же дышать вольнѣе,—въ три четверти груди.

Отношеніе Европы къ ужасу, происходящему на Дальнемъ Востокѣ, напоминаетъ намъ душевное состояніе мужиковъ, видящихъ страшный пожаръ въ сосѣдней деревнѣ. Ни матеріальное чувство общности интересовъ, ни нравственное чувство солидарности не развиты еще настолько, чтобы побудить ихъ пойти на помощь сосѣдней деревнѣ, но гдѣ-то глубоко въ душѣ лежитъ сострадавіе къ горящей деревнѣ Голодаевкѣ, укоры совѣсти, что не идутъ ей на помощь,— да и страшно, — какъ-бы, храни Господи, искра не залетѣла.—Жуть беретъ, всѣ истово крестятся, а зарево пожара все разгорается, и доносится вой бабъ и ревъ горящей скотины... Но вотъ выдвигаются собственные интересы минуты и заслоняютъ на короткое время зарево пожара... Ванька поссорился съ Дашуткой и вцѣпился ей въ вихры, бабы приняли участіе,—и пожаръ забытъ... на короткое время.

Германія усиленно германизируетъ Познань, Венгры мадьяризируютъ кроатовъ, Гереры „бунтуются“ въ нѣмецкой Африкѣ, Керберъ произнесъ рѣчь на конгрессѣ печати,—и зарево пожара на Дальнемъ Востокѣ на мигъ заслонено, но жуть остается, и то и дѣло слышенъ шопотъ: „храни Господь“...

Старая это исторія — нынѣшнее „бунтарство“ гереровъ. Еще послѣ Франко-Прусской войны разгорѣлись особенно ярко колонизаторскіе аппетиты европейскихъ державъ, и въ сентябрѣ 1876 г. былъ конгрессъ, созванный по мысли бельгійскаго короля Леопольда, на которомъ былъ рѣшенъ раздѣлъ чернаго материка, выработаны пути, которыми Европа будетъ „пріобщать къ цивилизаціи“ и просвѣщать религіей Христовой черныхъ туземцевъ ея, а въ 1884 г. долженъ былъ собраться въ Берлинѣ еще конгрессъ, чтобы выработать „международныя“ правила, такъ какъ державы уже чуть не перегрызлись. Но захватъ продолжался, и въ 1890 году дипломаты собрались, чтобы подѣлить материкъ. Его дѣлили по меридіанамъ, не сообразуясь съ народами, которые населяютъ его. Это будетъ современемъ любопытная страничка исторіи, гдѣ откровенная наглость промышленныхъ классовъ въ погонѣ за рынками будетъ соперничать въ варварствѣ съ разбойниками—завоевателями, вродѣ Пизарро и Кортеца. Германскія владѣнія въ Африкѣ составляютъ теперь около милліона квадратныхъ миль и въ четыре раза больше метрополіи. И начались „цивилизаторскіе“ подвиги ея „культуртрегеровъ“, насилія надъ имуществомъ и личностью черныхъ братьевъ и сестеръ „во Христѣ“, устройство гаремовъ и избіеніе палками беззащитныхъ женщинъ, — всему этому мы были еще недавно свидѣтелями, такъ-какъ объ этомъ громко заговорила сама-же нѣмецкая пресса.

Но маленькое племя гереровъ потеряло терпѣніе и теперь возстало. Это обошлось Германіи болѣе, чѣмъ въ 50 милліоновъ марокъ, и недавно одинъ изъ народныхъ представителей въ рейхстагѣ громилъ варварскую политику захватовъ, которой придерживается его правительство въ угоду торгово-промышленнаго класса, при чемъ предостерегалъ противъ подобной-же политики на Дальнемъ Востокѣ.

Въ общемъ можно сказать, что отношеніе Европы къ пожару на Дальнемъ Востокѣ прямо пропорціонально ея интересамъ тамъ. Мы говоримъ „Европы“,—но, хотя право говорить имѣетъ вся „Европа“—говоритъ за нее, однако, только „правящій классъ“, и рѣдко слышится мнѣніе самого народа. Мы думаемъ, что народъ, смотря на зарево пожара, прислушиваясь къ стону раненыхъ, которымъ не успѣваютъ подать помощь въ теченіе недѣли, крестится и говоритъ „хра-

ни Господь", а „правящіе классы", фабрикующіе и общественное мнѣніе, придерживаются различной политики. Такъ, — въ Англіи несомнѣнно сильны японофильскія симпатіи, во Франціи, напротивъ, руссофильскіе. Австро-Венгрія хорошо помнитъ, что кромѣ Дальняго Востока существуетъ и ближній, и воздерживается отъ выраженія симпатій, а правящая Германія нерѣшительно, но все-же склоняется на сторону руссофильства. А какъ чувствуютъ народы,— намъ доказываетъ выдержка изъ рѣчи того-же оратора,—о которомъ мы упомянули выше: ... „По моему мнѣнію, нѣмецкія симпатіи склоняются болѣе на сторону японцевъ, чѣмъ русскихъ. Конечно, мы сожалѣемъ о всѣхъ этихъ тяжелыхъ потеряхъ человѣческихъ жизней, но у насъ нѣтъ сочувствія къ Россіи".

II.

Такъ говорилъ народный представитель въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, стоящій на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ точка зрѣнія д-ра Петерса, развиваемая имъ въ послѣднемъ номерѣ нѣмецкаго журнала „Finanz-Chronik". Рѣчь идетъ все о той-же „желтой опасности", о которой такъ много говорятъ и изводятъ несчетное количество чернилъ и бумаги. Но въ разсужденіяхъ д-ра Петерса есть кое-что интересное, если и не новое. Онъ говоритъ о томъ, что эпоха, которую мы переживаемъ, есть поворотный пунктъ въ жизни человѣчества, что бѣлая раса считала себя господиномъ земли и полагала, что порабощеніе всѣхъ цвѣтныхъ расъ есть только вопросъ времени. Теперь-же, по мнѣнію д-ра Петерса, исторія даетъ урокъ бѣлой расѣ и показываетъ ей, что въ желтой она имѣетъ равносильнаго соперника и противника на землѣ. Онъ предсказываетъ, что многомилліонный, застывшій Китай, еще недавно пережившій періодъ ужасныхъ униженій, побѣжденный и раздавленный бѣлыми, но хранящій въ себѣ много живыхъ и жизнеспособныхъ корней, воспрянетъ духомъ отъ побѣдъ родственнаго ему, маленькаго — въ сравненіи съ нимъ — островного народца, и тогда выяснится совершенно новое положеніе въ мірѣ, такъ какъ Китай имѣетъ то, чего не хватаетъ Японіи: могучія народныя массы — почти полмилліарда человѣкъ—и обширныя пространства.

Мы думаемъ, что ораторъ, о которомъ говорили въ предыдущей главѣ, со всѣмъ этимъ согласился-бы, но дальше д-ръ Петерсъ такъ продолжаетъ. Онъ не думаетъ, что Европѣ грозитъ опасность вродѣ нашествія Атиллы и Чингисъ-Хана, но полагаетъ, что въ возрожденіи Китая кроется угроза міровому положенію Европы. „Если Китай послѣдуетъ по стопамъ Японіи, то скоро наступитъ конецъ европейской опекѣ на Крайнемъ Востокѣ". Да, это мы тоже думаемъ, но, принимая во вниманіе старую культуру Китая, полную мирныхъ, гуманныхъ и человѣчныхъ идей,—мы не видимъ ничего печальнаго въ томъ, что онъ проснется отъ своего многовѣкового сна и воскреснетъ къ новой, общечеловѣческой жизни. Мы думаемъ, что мрачная „угроза міровому положенію Европы" сведется къ тому, что Китай самъ научится выдѣлывать скверный ситецъ для своихъ сотенъ милліоновъ „плебса" и хорошіе ружья для защиты отъ „внѣшняго и внутренняго" врага,—и жалѣть о томъ, что „желтолицые" войдутъ въ общую семью человѣчества, какъ равноправные члены, а не только какъ „покупательная сила", какъ „рынокъ"—будутъ только купцы и фабриканты промышленныхъ странъ Европы и Америки. Что-же касается лозунга „Азія для азіатовъ", то мы находимъ, что это нисколько не хуже доктрины Монроэ—„Америка для американцевъ" и, пожалуй, лучше воинственнаго имперіализма англійскаго и зарождающагося имперіализма американскаго...

Гдѣ корни имперіализма, этого могучаго движенія современнаго культурнаго человѣчества? Проще всего пойти по указкѣ доктрины и сказать, что весь „имперіализмъ" есть реакціонное движеніе, инсценированное высшей буржуазіей и въ ея интересахъ. Соглашаясь съ этимъ, какъ съ объясненіемъ явленія,—мы не можемъ не отмѣтить громаднаго историческаго значенія этого явленія, — великую роль, которую, по нашему мнѣнію, призванъ сыграть имперіализмъ въ судьбахъ человѣчества. Исторія, дѣлавшая столько кровавыхъ опытовъ „всемірныхъ" монархій, въ погонѣ за иллюзіей общечеловѣческаго братства при посредствѣ Александровъ, Цезарей, Наполеоновъ,—дѣлаетъ, намъ кажется, еще одинъ „опытъ" на нашихъ глазахъ. Идея недурна: имперіализмъ англо-

американскій, германскій, латинскій, славянскій, а съ другой стороны — „панмонголизмъ“. И такъ катясь, разрозненныя крупинки человѣчества все увеличиваются, притягиваютъ къ себѣ другія, пока останется единое человѣчество и единъ Господь среди него.

Несомнѣнно, однако, что Чемберлэнъ, агитируя за протекціонистскіе тарифы и ведя глубоко безнравственную войну съ бурами, не имѣетъ и не имѣлъ цѣлью содѣйствовать косвенно исполненію пророчества Исаіи,— такъ же, какъ не имѣло этой цѣли и все благородное общество, собравшееся въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ въ Лондонѣ при погребеніи Генри Стэнли, человѣка такъ много сдѣлавшаго для идеи англійскаго имперіализма въ Африкѣ. Англія хоронитъ своихъ великихъ людей въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ и здѣсь-же ставитъ имъ статуи. И вотъ, наряду съ плитой, на которой надпись „здѣсь покоится все, что было смертнаго въ Исаакѣ Ньютонѣ“, будетъ лежать прахъ великаго „прокладывателя дорогъ“, какъ его называли негры,— Генри Стэнли, прошедшаго Черный материкъ съ хлыстомъ въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой. Кто не знаетъ его „репортерской“ книги: „Какъ я нашелъ Ливингстона“? По порученію хозяина-собственника американской газеты, онъ поѣхалъ искать Ливингстона, дерзко и смѣло искалъ его и—счастливый, какъ всякій авантюристъ, нашелъ его. Эта холодная встрѣча въ центральной Африкѣ двухъ англійскихъ джентльменовъ, въ виду голыхъ черныхъ братьевъ ихъ, къ которымъ одинъ пришелъ съ хлыстомъ и револьверомъ, а другой только съ библіей— полна яркости и выразительности, какъ два основныхъ теченія,изъ вѣка живущихъ въ бѣлой расѣ. Ливингстонъ умеръ въ центральной Африкѣ, а репортеръ Генри Стэнли умеръ баронетомъ, пэромъ Англіи и похороненъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, такъ какъ онъ хорошо служилъ своимъ хозяевамъ, завоевывалъ рынки для нихъ и дерзокъ былъ. Это дѣлалъ *онъ*, но попутно дѣлалось нѣчто само собой: само собой онъ, дерзкій репортеръ Генри Стэнли, не признававшій ничего, кромѣ силы, служилъ идеѣ будущаго мірового братства, такъ какъ онъ нашелъ новые пути черезъ центральную Африку, онъ совершилъ истинные подвиги человѣческаго ума и изобрѣтательности. Имя „прокладывателя дорогъ“—Генри Стэнли останется въ исторіи человѣчества. „Въ страшное, суровое время онъ жилъ“,—скажетъ далекій потомокъ,—и, быть можетъ, проститъ ему, что онъ съ такими ненужными жестокостями „прокладывалъ дороги“ на Черномъ материкѣ.

III.

„Хорошо будетъ жить лѣтъ черезъ двѣсти“, думаетъ капитанъ Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ“ Чехова; — и глубоко интересно жить теперь, думаемъ мы. Мы согласны съ д-ромъ Петерсомъ. Историческій переломъ чрезвычайной важности переживаетъ Европа, но не только потому, что „скоро наступитъ конецъ европейской опекѣ на крайнемъ Востокѣ“. Не въ грозѣ, не въ громѣ и не въ бурѣ Господь, а въ тихомъ, животворномъ огнѣ...

Въ тишинѣ готовятся великія событія, въ молчаніи зачинается исторія, и часто незначительный и малоинтересный фактъ открываетъ намъ завѣсу будущаго.

Вотъ министръ Керберъ обращается съ рѣчью къ журналистамъ, собравшимся въ Вѣну на конгрессъ печати. Онъ говорилъ старыя истины; говорилъ, что пресса есть только манометръ, указывающій степень напряженія того огромнаго котла, въ которомъ бурлитъ общественное мнѣніе; говорилъ, что, какъ нѣтъ человѣческихъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы закрыть кратеръ вулкана, такъ нѣтъ и такой силы, которая могла бы довести до полнаго молчанія прессу; говорилъ, что при усложнившейся жизни необходимъ всеохватывающій контроль, и это можетъ осуществить только печать, которая, благодаря своей организаціи, „все видитъ, все слышитъ, все знаетъ и пріобрѣла міровое господство, поколебать которое было бы тщетнымъ начинаніемъ“. Все это старыя истины, но шелестъ крыльевъ исторіи слышится въ томъ, что потомокъ Меттерниха крестится раньше, чѣмъ прогремѣлъ громъ, что мощь и необходимость прессы признается въ такихъ сферахъ, гдѣ— въ лучшемъ случаѣ—ее привыкли только терпѣть.

Тотъ же шелестъ крыльевъ мы слышимъ, читая письмо вице-президента общества международнаго арбитража къ лорду Лэн-

сдоуну относительно возможнаго вмѣшательства державъ въ русско-японскую войну.

Несомнѣнно, что не обществу мира потушить пожаръ на дальнемъ востокѣ,—но такъ-же несомнѣнно, что не смѣшно это заявленіе общества мира, что историческая необходимость говоритъ черезъ нихъ, что полное торжество ихъ—друзей мира—дѣло близкаго будущаго, завтрашняго дня, и не потому, что „міръ устанетъ отъ слезъ, захлебнется въ крови", а только потому, что идея общности интересовъ прошла уже большую часть пути, что мысль о разрѣшеніи международныхъ споровъ такъ-же, какъ и частныхъ лицъ, посредствомъ суда, прочно вошла уже въ сознаніе Европы. Мы далеки отъ иллюзіи о близкомъ разоруженіи человѣчества, о полномъ замиреніи его,—но мы глубоко убѣждены, что частичная побѣда друзей мира въ томъ или въ другомъ видѣ не такъ далека отъ насъ.

Мы слышимъ шелестъ крыльевъ исторіи и въ томъ, какъ Франція, гдѣ безраздѣльно царствуетъ буржуазія, сумѣла все-же въ критическую минуту нападенія на нее реакціонныхъ оппортюнистскихъ элементовъ, создать концентраціонное министерство борьбы съ „аристократомъ"—буржуа Вальдекомъ-Руссо во главѣ, соединивъ вмѣстѣ генерала Галифакса и соціалиста Мильерана, и перейти потомъ къ министерству Комба съ его энергичной и смѣлой борьбой съ конгрегаціями.

Намъ любопытно видѣть стремленія Папскаго престола—„управлять локомотивомъ", его „энциклики" о рабочемъ и соціальномъ вопросѣ, ясно подчеркивающія, что „какъ нѣтъ силъ человѣческихъ, достаточныхъ для того, чтобы закрыть кратеръ вулкана", такъ нѣтъ возможности и остановить разъ начавшееся историческое движеніе.

Любопытно видѣть мощь общественнаго мнѣнія и глубокое сознаніе своихъ законныхъ правъ, проявившіяся недавно въ Германіи. „Графъ Эрнстъ Липпе-Детмольдъ сообщаетъ императору о смерти своего родителя и принятіи регентства надъ липпскимъ княжествомъ. Глава-же союзной имперіи отвѣчаетъ, демонстративно выступая изъ рамокъ своихъ правъ и полномочій предсѣдателя союза независимыхъ и равноправныхъ германскихъ государей, возвѣщеніемъ, что не признаетъ его правъ на регентство... но это лежитъ внѣ власти и правъ германскаго императора. Подобнаго рода вопросы рѣшаются сеймомъ того или другого союзнаго государства" *)... Все общественное мнѣніе Германіи, безъ различія партій, нашло поступокъ императора неконституціоннымъ, и сеймъ призналъ императорскій протестъ лишеннымъ всякаго юридическаго значенія... „Больше того: министръ маленькаго союзнаго государства объявляетъ телеграмму главы германской имперіи незаконнымъ и произвольнымъ актомъ, и вся Германія раздѣляетъ и одобряетъ мнѣніе и образъ дѣйствій министерства **)...

Безконечно сложна текущая жизнь культурнаго человѣчества, но и изъ многихъ „отрицательныхъ" явленій мы видимъ подтвержденіе той же общей идеи идущаго и все приближающагося „замиренія" человѣчества.

Варварская эпоха человѣчества—войны всѣхъ со всѣми осталась далеко позади,—эпоха цивилизованнаго варварства, войны нѣкоторыхъ крупныхъ общественныхъ единицъ человѣчества съ другими подобными же—на нашихъ глазахъ доживаетъ свой вѣкъ. Мы не можемъ иначе понять германизацію Познани, мадьяризацію хорватовъ, борьбу чеховъ, поляковъ, кроатовъ, русиновъ—въ Австро-Венгріи и многое, многое другое, происходящее на нашихъ глазахъ въ данную историческую минуту. Недавно произошло объединеніе Италіи, Германіи... Мы присутствуемъ при дальнѣйшей эволюціи. Человѣчество организуется въ болѣе крупныя общественныя единицы—это происходитъ на нашихъ глазахъ, это мы вычитываемъ изъ телеграммъ о торжествѣ коронованія короля Сербіи и происходившемъ при этомъ единеніи южныхъ славянъ, это мы видимъ въ безконечномъ умноженіи всевозможныхъ конгрессовъ,—это чисто теоретически вытекаетъ изъ общности интересовъ, изъ безконечно усложнившихся условій жизни, изъ прямой связи, установившейся благодаря промышленно-капиталистическому строю жизни между самыми отдаленными группами человѣчества. Фермеръ далекаго запада Америки заинтересованъ въ томъ, уродилась-ли „пшеничка" у полтавскаго мужичка, болѣе того,—онъ прямо и непосредственно заинтересованъ

*) Кор. изъ Берлина. С.-Пб. Вѣд. стр. № 265.
**) Тамъ же.

въ томъ, чтобы минимумъ потребностей полтавскаго мужика повысился, чтобы тотъ нуждался такъ же, какъ и онъ самъ, въ своей газетѣ, въ рояли для дочерей своихъ, въ разумномъ отдыхѣ, такъ какъ тогда онъ будетъ дороже продавать свой трудъ и не будетъ „сбивать" цѣнъ на міровомъ рынкѣ. Онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы полтавскій мужикъ учился. Съ другой стороны, полтавскій мужикъ принужденъ силою вещей учиться грамотѣ, учиться техническимъ пріемамъ.

Хорошо будетъ жить лѣтъ черезъ двѣсти, и глубоко интересно жить теперь!

IV.

Мы сказали, что и въ отрицательныхъ явленіяхъ современной жизни культурнаго человѣчества мы слышимъ тотъ же шелестъ крыльевъ исторіи. Вотъ передъ нами корреспонденція изъ Вѣны. Дѣло идетъ о томъ, что Венгрія „обогатилась новыми дворянами и двумя-тремя баронами". Графъ Тисса, во время своего правленія, представилъ къ наградѣ дворянскимъ титуломъ двѣсти девяносто гражданъ. Теперь тамъ продано было баронство братьямъ Гутманамъ. По этому поводу возникъ большой скандалъ, который ярко подчеркиваетъ даже для людей, которые плохо видятъ, продажность и фальшь, царящія въ теперешнемъ обществѣ, и такой скандалъ даетъ лишній разъ урокъ массамъ, что только личное достоинство и истинныя заслуги имѣютъ цѣну, а не прерогативы, даваемыя рожденіемъ или крупнымъ капиталомъ.

А вотъ корреспонденція изъ Познани, разсказывающая намъ о новыхъ респрессаліяхъ прусскаго правительства,—о новомъ законѣ, воспрещающемъ учителямъ, подъ угрозой строгаго штрафа, говорить съ дѣтьми по-польски—насиліе и угнетеніе, несомнѣнное „отрицательное" явленіе современной жизни. Конечные-же выводы этого-же явленія совсѣмъ другіе. Гнетъ вызываетъ противодѣйствіе, разрозненныя частицы народнаго тѣла подъ давленіемъ врага соединяются для борьбы. Мы читаемъ: „Въ началѣ октября въ Познани соберется конгрессъ женщинъ всей Познанской провинціи для того, чтобы выработать программу воспитанія польскихъ дѣтей въ духѣ польской народности и изыскать способы и средства для защиты польскихъ дѣтей отъ полнаго онѣмеченія". „Это будетъ одинъ изъ наибольшихъ женскихъ митинговъ послѣдняго времени". Не этого хотѣло прусское правительство,—но этого хочетъ исторія и къ этому она приводитъ.

Темпъ же Исторіи значительно повысился въ послѣднее время и то, на что она когда то употребляла столѣтіе, она умудряется теперь сдѣлать иногда въ нѣсколько лѣтъ, и мы думаемъ, что итальянецъ собесѣдникъ Г-на Аббадоны *) былъ правъ, когда въ бесѣдѣ о стачкѣ и о рабочемъ движеніи въ Италіи, отвѣтилъ г. Аббадонѣ, упомянувшему о возможности ихъ кроваго подавленія, какъ въ 1897 году: „Какую старину вы вспомнили! Мало-ли что было возможно въ 1897 году, но теперь у насъ, слава Богу, идетъ къ концу уже 1904"...

И неудивительно, что темпъ повысился. Исторія ѣздитъ теперь по желѣзнымъ дорогамъ, пользуется телеграфомъ, телефономъ, скоропечатными машинами. Тридцать лѣтъ тому назадъ прозвучало бы сказкой увѣреніе, что германскій императоръ по поводу только что построенной желѣзной дороги изъ Цзиндао въ Цинанфу, поздравилъ по телеграфу губернатора Чонфу; тотъ отвѣтилъ и выразилъ надежду, что дружба между нѣмцами и китайцами будетъ постоянно возростать, что должно въ особенности выгодно отразиться на торговлѣ обѣихъ странъ. Мы прекрасно знаемъ истинную цѣну этой международной вѣжливости, но вѣжливость—это цементъ человѣческихъ отношеній, это признаніе извѣстнаго комплекса правъ за другой личностью, — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, совсѣмъ недалеко отъ насъ еще то время, когда даже германскій императоръ не зналъ, гдѣ находится Цзиндао и Цинанфу, и существуетъ-ли тамъ губернаторъ,—и ужъ во всякомъ случаѣ не нашелъ бы нужнымъ съ чѣмъ-либо поздравить его.

Мы знаемъ, что всесильный капиталъ и интересы его вызвали эту вѣжливость, мы знаемъ также, что эти же интересы капитала въ современной исторіи не разъ приводили къ обмѣну не телеграфными привѣтствіями, а пушечными. Да, для старухи Исторіи не важно, какимъ образомъ знакомство заключено,—она находитъ, что все хорошо, что

*) „Русь". № отъ 28-го сент.

хорошо кончается, а „кончить“ она—по всѣмъ даннымъ—хочетъ хорошо.

Исторія летаетъ теперь по телеграфной проволокѣ, исторія создается теперь по кабинетамъ ученыхъ, въ лабораторіяхъ изобрѣтателей. Въ монастырской кельѣ монаха Бертольда Шварца, въ кабинетѣ Христофора Колумба—она всегда жила; но человѣчество до сихъ поръ еще не переживало такой эпохи, чтобы такія „кельи“ и „кабинеты“ насчитывались десятками тысячъ по лицу земного шара, чтобы такъ интенсивно, лихорадочно работало человѣчество, чтобы плоды работы, едва появившись, стали достояніемъ всѣхъ. Наряду съ извѣстіемъ о кровавыхъ ужасахъ Дальняго Востока и о томъ, какъ тамъ дѣлаютъ исторію, телеграфъ 18-го Сентября принесъ вѣсть и о томъ, какъ инженеръ Паульсенъ въ своей мастерской „дѣлаетъ“ исторію. „Изобрѣтатель телеграфона Паульсенъ сдѣлалъ новое открытіе, дающее возможность такъ регулировать безпроволочное телеграфированіе, что перепріемъ депешъ посторонними лицами совершенно невозможенъ. Открытіе это даетъ далѣе возможность телефонировать безъ проволоки, управлять на разстояніи рулемъ и взрывать мины на небольшихъ разстояніяхъ при отсутствіи непосредственнаго сообщенія. Учреждена международная компанія для эксплоатаціи изобрѣтенія“.

И мы думаемъ, что изобрѣтатель Паульсенъ сдѣлалъ больше, чѣмъ... хотя бы имперіалистъ Сесиль Родсъ; что оба они ведутъ человѣчество—одинъ прямымъ путемъ, науки и добра, а другой окольнымъ—черезъ зло и насиліе—къ далекой мечтѣ, къ счастью и братству всѣхъ народовъ.

V.

Путь науки и литературы къ этой далекой мечтѣ несомнѣнно наиболѣе прямой. Это всего ярче видно и въ отношеніяхъ народовъ къ писателямъ чужой національности. Національная рознь, существующая между Франціей и Германіей, не мѣшала чествованію писателей враждебной національности; неожиданная смерть Золя огорчила нѣмцевъ такъ же, какъ и французовъ, а смерть Вирхова опечалила Францію не менѣе, чѣмъ Германію. Въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса, напечатанной въ журналѣ „Театръ и искусство“ разсказанъ пріемъ, который оказало Гельсингфорское общество Максиму Горькому, когда онъ пріѣхалъ туда. Накипь дня такъ велика, мы такъ привыкли слышать шовинистскіе корни и злобное ворчаніе, что мы прочли эту маленькую корреспонденцію съ особымъ удовольствіемъ и, словно музыка, звучала въ нашихъ ушахъ чуждая рѣчь, привѣтъ на чужомъ языкѣ: „Adieu! Huväaste! Eleköu! Gorky“!! которымъ провожала его толпа на вокзалѣ.

„Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“, говорили въ средніе вѣка,—это значитъ, что достаточно только вступить на путь раскаянія и очищенія „отъ скверны своея“, и тогда всякая дорога приведетъ „въ Римъ“. Исторія давно вступила на путь демократизаціи всего человѣчества, истиннаго прогресса его, и теперь всякое явленіе современной жизни, если оно только не пережитокъ, неуклонно ведетъ его къ совершенствованію.

Сурова и страшна изнанка современной блестящей жизни культурныхъ странъ; ея пролетаріатъ, промышленные кризисы, весь ужасъ фабричныхъ большихъ городовъ,—все это отрицательныя явленія современной жизни, но которыя должны дать въ будущемъ богатые положительные плоды. Много жертвъ принимаетъ фабричная, промышленная жизнь; беря это слово даже въ его *буквальномъ* смыслѣ, мы имѣемъ слѣдующія цифры промышленной „войны“: Германская статистика показала, что промышленныя и сельско-хозяйственныя предпріятія даютъ въ годъ 440.000 несчастныхъ случаевъ, легкихъ и тяжелыхъ, между тѣмъ какъ во время франко-прусской войны потери нѣмцевъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя составили 128.000 человѣкъ. Цифра эта убѣдительна и стоитъ многихъ томовъ писаній по соціальнымъ вопросамъ.

Вопросу фабричныхъ центровъ и жизни рабочихъ посвящена вышедшая недавно книга Аллана Кларка—„Фабричная жизнь въ Англіи“, принадлежащая перу рабочаго же, ставшаго потомъ учителемъ,—въ которой много интереснаго. Книга эта вышла въ странѣ, которая раньше всѣхъ вступила въ индустріализмъ—въ Англіи, и представляетъ собою крикъ ужаса и протеста противъ „великаго зла“—промышленнаго строя жизни Англіи. Авторъ разсказываетъ, какъ калѣчитъ, ломаетъ и уничтожаетъ фабричная

жизнь все, что соприкасается съ нею. Онъ показываетъ, какъ фабрики обезобразили, испортили и загрязнили всю природу кругомъ, говоритъ, что дѣти рабочихъ никогда не видѣли „веселыхъ полей, зеленой травы, красивыхъ деревьевъ"... „И я самъ лишь недавно убѣдился въ томъ, насколько омерзителенъ мануфактурный городъ. Съ рожденія до тридцати лѣтъ я прожилъ безвыѣздно въ Болтонѣ (фабричный городъ въ Ланкаширѣ), но потомъ мнѣ посчастливилось проѣхаться моремъ въ Фильдъ. Я гулялъ по полямъ, по песчаному берегу и въ первый разъ въ жизни имѣлъ возможность любоваться свѣжими цвѣтами, чистымъ небомъ и незапачканной зеленью... Я думалъ, что очутился въ какомъ-то новомъ мірѣ красоты, и чувствовалъ себя, какъ родившійся и выросшій въ тюрьмѣ человѣкъ, котораго внезапно вывели на волю"...

Разсматривая фабричную жизнь со всѣхъ сторонъ, онъ видитъ въ ней одинъ сплошной ужасъ; полное физическое, нравственное и интеллектуальное вырожденіе рабочихъ;—вотъ къ чему, по мнѣнію автора, ведетъ фабричная жизнь. Далѣе авторъ протестуетъ и противъ увѣренія, что „увеличеніе машинъ и быстроты ихъ хода требуетъ, будто бы, постояннаго возрастанія умственной силы рабочихъ". Кларкъ находитъ, что лихорадочная работа фабричныхъ, превращающая человѣка въ *раба* машины, изсушаетъ, наоборотъ, его мозгъ, дѣлаетъ его неспособнымъ къ продолжительной и правильной умственной дѣятельности. „Умъ ихъ (рабочихъ) ослабѣлъ такъ же, какъ ихъ тѣло, и требуетъ возбуждающихъ пустяковъ, подобно тому, какъ каждый глотокъ ихъ пищи долженъ быть приправленъ пикулями, уксусомъ или другимъ щекочущимъ языкъ средствомъ... Конечно, рабочіе читаютъ газеты; но чтеніе это возбуждаетъ мое негодованіе, такъ какъ преимущественно обращено вниманіе на убійства, разводы, войны и т. п."...

Мы находимъ книгу въ общемъ наивной: авторъ не охватываетъ всей широты соціальной проблемы и интересенъ онъ только тамъ, гдѣ дѣлится своими личными чувствами, воспоминаніями и наблюденіями. Выводы же его, по нашему мнѣнію, односторонни, его мечты объ исчезновеніи фабричнаго строя выливаются въ наивно-идиллическую форму. Авторъ желаетъ соединенія земледѣлія съ промышленностью, мечтаетъ о томъ, чтобы Ланкаширъ состоялъ изъ маленькихъ городовъ и деревень, чтобы каждый поселокъ имѣлъ „свой театръ, свои школы, книжные магазины, ванны,—все, что потребно для тѣла и души". Эта мечта не нова, и человѣчество, быть можетъ, не такъ далеко отъ нея; но путь, по которому нужно идти для полученія этихъ благъ, автору совершенно неясенъ, и книга интересна только, какъ мысли самоучки фабричнаго рабочаго о жизни его братьевъ—рабочихъ на фабрикѣ.

Нельзя было бы даже при желаніи придумать лучшей иллюстраціи, болѣе яркаго дополненія къ вышеназванной книгѣ, какъ вышедшая недавно въ Парижѣ книга романъ Камилля Моклэра—„La Ville—Lumiére". „Городъ—Свѣточъ", какъ называютъ его сами парижане и очарованные имъ иностранцы, въ изученіи и изображеніи Моклэра производитъ самое печальное впечатлѣніе. Авторъ показываетъ въ своемъ романѣ всю фальшивую изысканность и лживую неестественность такъ называемаго „паризіанизма", которымъ такъ гордятся и который всѣми силами культивируютъ французы. „Паризіанизмъ"—это послѣднее требованіе моды во всѣхъ сферахъ жизни, это—послѣдній „модернизмъ", это—извращенные, неестественные вкусы, это — холодная, скептическая усмѣшка, обливающая ядомъ какого то высшаго презрѣнія все, что лучшіе умы человѣчества когда-либо признавали свободою, моралью, честью, долгомъ. Золя даетъ въ своемъ „Парижѣ" широкую картину современнаго общества, сливая все общество со своимъ „Парижемъ",—Моклэръ же даетъ,—мы сказали бы, намѣренно—только небольшую часть его, самый верхній культурный налетъ изъ художниковъ, писателей и пр. И приводитъ насъ къ самымъ пессимистическимъ выводамъ, показывая намъ, какая жалкая фальшь и какое полное ничтожество кроется подъ красивымъ словомъ „паризіанизмъ", какое полное разложеніе представляютъ собою верхи буржуазіи.

Л. М.

Обзоръ журналовъ.

Прогулка по садамъ россійской словесности и нивамъ журналистики.—Періодъ ожиданій.—Старая пѣсня на новый ладъ.—Знакомые типы.—Бакинскіе нравы: хозяева и приказчикъ.—Особая культура.—Семья, государство и школа.—Свѣтильникъ подъ спудомъ.—Канцелярскіе нравы XVIII вѣка.—Открытіе „новой благодати".—Памяти Максимовича.—Русскій начальный учитель и его заграничные коллеги.—Параллели.

(„Вѣстникъ Европы" Октябрь.—„Образованіе" Сентябрь.—„Русскій Архивъ" Октябрь—„Кіевская Старина" Сентябрь.—„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" Октябрь.

Прогулка по садамъ Россійской словесности и журнальнымъ нивамъ, которую мы сейчасъ должны предпринять, не представляетъ вояжа особенно заманчиваго и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго. Виною ли этому осень глубокая, когда вообще сады стоятъ оголенными, и жалкими, сиротливыми выглядятъ нивы и поля, или другая причина болѣе деликатнаго свойства, но на садахъ россійской словесности и на журнальныхъ нивахъ лежитъ колоритъ сѣрый, колоритъ тусклаго, октябрьскаго дня. Объ изобиліи плодовъ творческой мысли и поэтическаго генія, о перепроизводствѣ талантовъ говорить не приходится. Таланты и геніи, подобно всему живому, любятъ тепло и солнце, ширь и ясное небо. Оранжерейная культура съ искусственнымъ тепломъ плодитъ и оранжерейные таланты. „Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней"—такова ихъ участь. И не оттого ли у насъ больше подающихъ и подававшихъ надежды, но, въ сущности, одинаково обманывающихъ всякія чаянія талантовъ?! Это—своего рода махровые цвѣты-однолѣтки. Гордое, не долгое цвѣтеніе и долгое, понурое увяданіе; пышные бутоны, никогда не распускающіеся—„живые пустоцвѣты, или поддѣльные цвѣты".

Жалобы на оскудѣніе, на измельчаніе талантовъ давно уже стали общимъ мѣстомъ нашей критики, и сама критика художественныхъ произведеній оскудѣла и измельчала. Если въ журналахъ добраго стараго времени она занимала подобающее ей почетное мѣсто, то теперь она сдѣлалась случайною гостьей, гастролершей журнальныхъ подмостковъ...

Мы начали въ осеннихъ мотивовъ, хотя газеты затрубили о веснѣ.

Весна, весна! Какъ нуженъ ея живительный приходъ и застоявшейся русской жизни, и прозябающимъ общественнымъ силамъ, и русской журналистикѣ! Зимній сонъ былъ такъ безконечно долгъ, осеннія бури, слякоть и холодъ недовѣрія и подозрѣнія создали ту атмосферу, въ которой еле-еле пробиваются и сочатся живые родники. Жизнь застоялось, и что же удивительнаго, если понуры и скудны сады россійской словесности, а журнальныя нивы не радуютъ глаза. Но не истощена еще почва. Пусть бы пришли солнечные, ведренные дни,—и настанетъ тотъ желанный, долгожданный мигъ

раскрѣпощенія русскихъ силъ, таящихъ въ себѣ и крѣпость, и вѣру. Чистые родники не изсякаютъ; жизнь замирая, не умираетъ вполнѣ; придавленная мысль ищетъ окольныхъ путей и рвется впередъ на просторъ, вѣря, что побѣда въ мірѣ—сильнымъ.

Но что же сильнѣе мысли и слова? Недаромъ же страстотерпецъ русской дѣйствительности и неутомимый поборникъ свободы слова, Иванъ Аксаковъ сравнилъ живое человѣческое слово съ „божьимъ мечомъ"... Но и добрый мечъ въ ножнахъ бездѣйствуетъ, и ржавѣетъ его благородная сталь...

Сентябрьскія книжки журналовъ еще хранятъ тоскливый, сѣрый видъ русскаго отчаявшагося интеллигента.

Въ октябрьскихъ уже пробивается юная струя, слышится иная нотка.

Почтенный, много видавшій и испытавшій на своемъ вѣку всякихъ вѣяній и поворотовъ, блужданій и натаскиваній русской общественной мысли и твердо стоявшій все время на своей собственной позиціи „Вѣстникъ Европы", вовсе не склонный къ оптимизму газетныхъ кликушъ и кликушествующихъ con amore повытчиковъ журнальнаго цеха,—журналъ, останавливаясь на переживаемомъ нами моментѣ, отмѣчаетъ періодъ ожиданій, наступившій для русскаго общества. Выдвигая на первый планъ „законность, какъ желанное благо и необходимое условіе развитія, онъ говоритъ: „законность требуетъ охраны существующихъ правъ отъ усмотрѣнія и произвола; справедливость требуетъ ихъ расширенія, соотвѣтственно степени развитія, достигнутой обществомъ и народомъ".

„Факты краснорѣчивѣе словъ". Ихъ мы „будемъ ждать", заявляетъ „Новый путь".

Крайне любопытно будущему историку русской журналистики сопоставить эти голоса трезвой печати съ голосами нашихъ газетныхъ пятакоборцевъ, претендующихъ на роль руководителей общественнаго мнѣнія. Несомнѣненъ только одинъ фактъ — фактъ тотъ, что наша ежедневная печать, гордо трубящая о побѣдѣ газеты надъ журналомъ, представляетъ поистинѣ печальное явленіе. Она опустилась (за исключеніемъ одной, много двухъ газетъ) до улицы и главнымъ принципомъ, своимъ наслѣдственнымъ девизомъ объявила: „держи носъ по вѣтру". Наоборотъ, „тяжеловѣсные ежемѣсячники" до сихъ поръ одни только и являются истинными выразителями общественнаго мнѣнія, спокойнаго, сдержаннаго, предпочитающаго словамъ факты, лирическимъ дифирамбамъ—простое, вѣское, но убѣдительное слово. Торжествующіе филистимляне съ одной стороны, — съ другой люди, по опыту знающіе, что одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, хотя эта весна такъ необходима, такъ настоятельно нужна. Но вѣрьте, она менѣе всего нужна торжествующимъ и праздноболтающимъ газетнымъ филистимлянамъ, ибо весною солнце свѣтитъ. А солнце не только свѣтитъ, но и убиваетъ зародыши болѣзнетворныхъ началъ—тѣхъ самыхъ началъ, которыхъ развелось столько въ нашей холопствующей и гаерствующей печати, прежде всего охраняющей собственные шкурные интересы и затѣмъ прежде всего гоняющейся за розницей и объявителями, сохраняющей характеръ монополіи и различныхъ привиллегій.

Вотъ почему: timeo Danaos et dona ferentes.

Беллетристика нашихъ журналовъ—своего рода Ахиллесова пята. Искусство не терпитъ суеты, и художественныя произведенія создаются, а не пишутся спеціально для книжекъ. Поэтому всегда мы будемъ имѣть дѣло съ массой произведеній, заполняющихъ журналы—продуктомъ чисто кустарно-ремесленнаго производства. Спросъ порождаетъ предложеніе.

Тяжело говорить, подробно останавливаться на этихъ недозрѣлыхъ плодахъ—потугахъ творческой мысли, рожденныхъ сегодня и которымъ суждено умереть завтра, вмѣстѣ съ выходомъ номера изъ типографіи.

Впрочемъ, кое что есть и въ нашихъ журналахъ,—въ ихъ хмурыхъ, октябрьскихъ и сентябрьскихъ книгахъ, и—достойно отмѣтки и памяти.

Въ *Вѣстникѣ Европы* начатъ печатаніемъ романъ г. Вал. Свѣтлова „Въ муравейникѣ". Г. Валеріанъ Свѣтловъ писатель уже искусившійся и богатый знаніемъ и опытомъ. Трафареткой для писанія романовъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ и пишетъ не безъ бойкости.

„Небольшая пріемная зала госпиталя была превращена на этотъ разъ въ аудиторію (очень характерно это: на этотъ разъ въ устахъ беллетриста, гоняющагося à la Бобо-

рыкинъ за новизною темъ, при сохраненіи старой манеры повѣствованія).

Въ пріемной залѣ засѣданіе, съ безконечными рефератами, такъ надоѣвшими врачамъ захолустнаго губернскаго центра, ибо врачъ, спустившись до обывательскихъ интересовъ и самъ ставши обывателемъ, принималъ мелкіе интересы ближе къ сердцу—научные дальше".

Военный врачъ Обрядовъ открываетъ засѣданіе.

На очереди вопросы медицинской этики. О ней риторствуетъ предсѣдатель. Генералъ-медикъ Обрядовъ пошлъ и банально скученъ. Наукой онъ не занимается и предпочитаетъ ее карабахскимъ лошадямъ; однако, „онъ любилъ бывать въ недавно сложившемся въ городѣ медицинскомъ обществѣ, объединившемъ всѣхъ губернскихъ врачей, и красоваться на эстрадѣ въ дни засѣданій. Ни о какихъ чисто медицинскихъ вопросахъ онъ не могъ читать рефератовъ, за полной отсталостью въ этихъ вопросахъ. Поэтому онъ избралъ для своихъ сообщеній безобидные вопросы врачебной этики, въ которой мнилъ себя очень остроумнымъ и сильнымъ.

Коллеги слегка подсмѣивались надъ этой его слабостью, но такъ какъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени милый, то къ нему „снисходили" и относились съ внѣшней почтительностью".

Типъ гаера науки, нельзя сказать, чтобы новый, впрочемъ, слегка намѣченъ, и въ романѣ ему, кажется, судя по первымъ главамъ, не отведено центральное мѣсто.

Проходитъ, словно калейдоскопъ, рядъ блеклыхъ, тусклыхъ фигуръ, блеклыхъ сами по себѣ, тусклыхъ по очертаніямъ, по мазку.

Врачъ городской психіатрической больницы Кабѣевъ поражаетъ смѣлостью не то цинизма, не то болѣзненной ненормальностью сужденій. Онъ не вѣритъ въ медицину. Изверился въ нее. Она для него не наука, догадка.

— Развѣ есть медицинская *наука*,— отвѣтилъ Кабѣевъ, и Левченко догадался, что онъ въ упоръ смотритъ на него невидимыми глазами. — Есть медицинская *догадка*! Но отъ догадки до науки, какъ отъ земли до неба. Да-съ! Не въ томъ дѣло! Десять работниковъ, работая въ день по восьми часовъ, выдѣлываютъ на кирпичномъ заводѣ семьсотъ восемьдесятъ два кирпича въ день. Сколько кирпичей сдѣлаетъ двѣсти работниковъ въ тридцать дней, работая въ день по семи часовъ? Сдѣлайте задачу—получится точное число, точный отвѣтъ. Ни больше, ни меньше; и какими бы способами вы задачу ни дѣлали, какъ бы вы ее ни переворачивали, отвѣтъ у всѣхъ народовъ міра будетъ одинъ. И другого быть не можетъ, хоть лобъ тресни"!...

Эпизодическихъ фигуръ въ романѣ много, нарисованы они обычною г. Свѣтлову кистью безъ полутѣней и оттѣнковъ, чисто ремесленной кистью. Бодрый, веселый, жизнерадостный пошлякъ врачъ Запольскій и безъ облика земскій врачъ Ливченко, двѣ женскія фигуры, одна „откровенная—не первой молодости, а вторая замаскированная. Пошлыя, банальныя рѣчи, пошленькій смѣшокъ и темы...

Словомъ гнилой, пошлый муравейникъ. Галлерея пошляковъ, растлѣнныхъ болотомъ. Напечатано пять длинныхъ главъ, но романъ еще начинается только. Главы напоминаютъ скорѣе рядъ очерковъ безъ всякаго единства.

Рядъ эпизодическихъ очерковъ, плохо связанныхъ между собою — таково впечатлѣніе отъ первыхъ главъ романа г. Свѣтлова. Докторъ психіатръ Кабѣевъ, тотъ самый, который вѣритъ въ медицину не какъ въ науку, а какъ догадку, ненавидитъ музыку, хотя и женился на консерваторкѣ. Жена принуждена была бросить музыку и замѣнить ее музыкой ласкающихъ ухо сумасшедшихъ рѣчей мужа. Она во всемъ покорная раба. Заслышавъ шаги мужа, возвращающагося во свояси, Кабѣева „испуганно встала и осторожно закрыла крышку инструмента" .

Дальше рисуется такая сцена:

Кабѣевъ вошелъ точно растерянный, и движенія его были странныя, точно некоординированныя. Въ послѣднее время жена его вообще замѣчала какое-то разстройство въ его походкѣ и жестахъ.

— Опьянялась? — спросилъ онъ, глухо зазвенѣвшимъ голосомъ, указывая на піанино.—Играла? И, конечно, Бетховена...

— Я была одна, — попробовала она оправдаться.—Я никому не мѣшала; я и то почти совсѣмъ отказалась отъ музыки, потому что ты ея не переносишь. Но когда я одна...

— Не въ томъ дѣло!—раздраженно ска-

залъ онъ. — Если человѣкъ хочетъ отравляться—мое правило не мѣшать ему. Я—другое дѣло. Если нужно отравиться—чѣмъ угодно, только не этимъ. Когда я слышу музыку, у меня нѣмѣетъ лѣвая рука, а на голову мнѣ точно надвигается шлемъ. И сердце падаетъ...

Онъ сѣлъ на диванъ, въ недоумѣніи посмотрѣлъ на шапку, которую держалъ въ рукахъ, и бросилъ ее на стулъ.

— Эти мерзавцы чуть меня не убили!—просто сказалъ онъ.

Анна Николаевна задрожала.

— Опять?—чуть слышно спросила она.

— Опять. Былъ въ собраніи идіотовъ. Да нѣтъ! — раздраженно крикнулъ онъ и уставился на нее стеклами своихъ синихъ очковъ, на которыхъ игралъ свѣтъ лампы, — не въ лечебницѣ, а въ госпиталѣ: одинъ идіотъ читалъ какую-то околесную объ этикѣ. Какъ будто есть какая-то этика на самомъ дѣлѣ! А другіе идіоты слушали, хлопая ушами. Они только по недоразумѣнію пока на свободѣ, а не въ моей лечебницѣ...

Анна Николаевна хотѣла перемѣнить разговоръ.

— Ты былъ въ собраніи? Кто читалъ? Навѣрное, Обрядовъ?

— Натурально...

— Такъ кто же могъ на тебя тамъ покуситься?

Ей сдѣлалось страшно и показалось, что онъ заговаривается, путаетъ событія".

Все это было послѣдствіемъ того, что нѣсколько лѣтъ одинъ изъ больныхъ ударилъ Кабѣева „острымъ краемъ тяжелаго кофейника"—теперь снова „одинъ изъ этихъ безнадежныхъ мерзавцевъ", т. е. паціентовъ Кабѣева, снова стукнулъ его по головѣ.

Психически разстроенный Кабѣевъ произноситъ цѣлыя реплики, жена сначала избѣгала, но потомъ, видя полную невмѣняемость мужа, на котораго даже не подѣйствовало ея увѣщеніе, что за такіе молъ рѣчи тебя лишатъ мѣста, Гаврюша, она, наконецъ, прозрѣла: мужъ надломился и усталъ.

Все это необыкновенно длинно, съ желаніемъ казаться проникновеннымъ и чуткимъ психологомъ.

Дальше семейная драма въ семьѣ Запольскихъ, ибо супруги говорили на разныхъ языкахъ, „и имъ было не понять другъ друга. И давно уже они говорятъ такъ. Отчужденіе началось давно между ними и съ годами все росло и росло. И по мѣрѣ того, какъ оно росло, расшатывалась ихъ семейная жизнь, и разстояніе между ними становилось шире и шире, а въ послѣдній годъ уже стало напоминать пропасть, ничѣмъ незаполнимую".

Здѣсь уже окончательно торжествуетъ шаблонъ. Онъ, т. е. Запольскій, пошлый малый, безъ воли, безъ устоевъ, она (его жена) — сохраняющая еще до сихъ поръ пылъ юности, кумиры молодости, которыхъ онъ давно сжегъ и замѣнилъ другими. Словомъ, старая пѣсенка о двухъ жизняхъ, которымъ „судьбой не дадено" слиться въ одну.

„Она—т. е. Запольская — начала терять уваженіе къ мужу, чувствовать какую-то брезгливость, и онъ сталъ ей чуть-чуть смѣшонъ".

Тѣмъ не менѣе, не смотря на все (у Запольскихъ дѣтей не было) они пребывали подъ одной кровлей, устраивая другъ другу сцены, послѣ которыхъ одинъ изъ супруговъ еще больше увлекался запахомъ кулисъ и опереточной примадонной, а другая проклинала тоску своего одиночества. Кое гдѣ мелькаютъ жизненныя сцены, намеки на наблюдательность, на творчество, но въ цѣломъ получается нѣчто безконечно длинное, нудное, ремесленное... Особенно такое впечатлѣніе даетъ эпизодическая, пришитая красными нитками послѣдняя глава о объѣздѣ нѣкіимъ Овиновымъ докторовъ и объ ихъ пріемахъ.

Въ статьѣ г. *Вл. Шенрока „Спорные вопросы"* неутомимый біографъ Гоголя вноситъ еще нѣсколько чертъ въ біографію великаго писателя земли русской. Г. Шенрокъ своими розысканіями о Гоголѣ создалъ великолѣпный памятникъ писателю и извѣстность себѣ. Для лицъ, изучающихъ Гоголя, статья г. Шенрока даетъ много цѣнныхъ указаній.

Очеркъ Дживилегова „Теодоръ Моммсенъ, какъ историкъ и политикъ, живо рисуетъ фигуру недавно скончавшагося нѣмецкаго ученаго и патріота, у котораго націонализмъ остался до конца его жизни „существеннѣйшею частью его міровоззрѣнія".

Причину этого г. Дживилеговъ видитъ въ тѣхъ политическихъ событіяхъ, которыя пе-

реживала Германія. Ея разгромъ вызвалъ вспышку національнаго чувства, — ея обновленіе, вмѣсто того, чтобы умиротворить общество, только еще болѣе разожгло страсти.

„Моммсенъ любилъ болѣе всего—могущественную, единую Германію и царство свободы въ этой Германіи. Все его политическое міровоззрѣніе покоилось на этихъ двухъ основахъ".

Съ легкой руки „Записокъ врача" Вересаева форма записокъ получила у насъ своего рода право гражданства.

Извѣстный публицистъ и общественный дѣятель, бывшій бакинскій городской голова, г. А. Новиковъ въ сентябрьской книгѣ *„Образованія"* началъ свои *„Записки городского головы"*. „Записки" посвящены сослуживцамъ (г-на Новикова) третьяго элемента.

Этотъ третій элементъ—русская интеллигенція, сотрудничество которой „въ два тяжелые года, проведенныхъ г. Новиковымъ въ Баку, было единственнымъ для него отраднымъ явленіемъ",

„Записки" живо рисуютъ своеобразный укладъ бакинской жизни, съ ея сутолокой, съ ея девизомъ: деньги вещь—все прочее гиль; съ ея духовно-нищими крезами и приспѣшниками общественнаго пирога подъ фирмой радѣтелей общаго блага.

Баку, по мѣткой характеристикѣ автора, это „Пенсильванія по числу машинъ и паровиковъ и по количеству электрической энергіи, передаваемой на десятки верстъ, Россія по укладамъ оффиціальной и общественной жизни, Персія по числу убійствъ, внѣшнему неустройству нѣкоторыхъ частей города и многимъ вкоренившимся обычаямъ.

Этому-то разноплеменному, разноязычному городу съ армянской и мусульманской партіями въ думѣ понадобился голова.

Была поставлена кандидатура г. Новикова. Поставили ее мусульмане и провели ее. Голова былъ избранъ и утвержденъ, но ставленникъ—пришлецъ въ Баку скоро оказался въ положеніи приказчика, которому хозяева гласные платятъ деньги. То, что нравилось одной партіи, то неизмѣнно не нравилось другой.

Бакинскіе нравы и культура особая. Баку хотя и числится въ Европѣ, но отъ него такъ и пахнетъ Азіей близкой.

Г. Новиковъ зачерчиваетъ рядъ сценъ въ думѣ, сценъ—одна другой возмутительнѣе и наглѣе.

„Разъ тотъ же гласный Гаджіевъ жестоко нападалъ на меня и, какъ всегда, отвлекся отъ предмета обсужденія. Я его остановилъ, разсказываетъ г. Новиковъ, разъ, два. Все не помогало. Нападки становились все сильнѣе, все грубѣе. Выведенный изъ терпѣнія я громко сказалъ:

— Прошу васъ замолчать!

„Какой шумъ поднялся и какъ вскочилъ г. Топчибышевъ (NB лидеръ мусульманской партіи).

— Это оскорбленіе гласнаго, всей думы! Это неприлично!

И когда я ему не далъ говорить, онъ удотлетворенно сѣлъ и замѣтилъ:

— Мнѣ и не надо больше. Я сказалъ!

Такъ понимаютъ бакинскіе гласные свое хозяйское достоинство.

Такъ изрекалъ главный воротила мѣстныхъ дѣлъ, гласный думы и редакторъ „Каспія", журналистъ и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Впрочемъ, насчетъ редакторскаго званія и высшаго образованія въ Баку это очень просто. Могъ же „Каспій" восхвалять султана и порицать македонское движеніе, могъ совѣтовать перенять, какъ примѣръ, достойный подражанія, у Турціи реальныя училища, могъ пѣть дифирамбы турецкой терпимости по отношенію къ армянамъ...

Не органъ, а училище какое-то...

„Культурные" гласные „съ дипломомъ", краса Баку, прекрасно давали понять свои хозяйскія отношенія къ головѣ—наемнику. Однажды въ одинъ изъ вечеровъ собиралось засѣданіе управы. Городская голова письмомъ приглашаетъ одного изъ гласныхъ пожаловать для переговоровъ. Отвѣтъ: некогда. Повторяется засѣданіе, и снова приглашеніе. Отвѣтъ тотъ же: некогда. Оказывается, гласный обиженъ. Еще бы!

— Вы, говоритъ, вдругъ меня зовете въ управу. Вѣдь, я не менѣе васъ (т. е. головы-наемника) занятой человѣкъ. Да, наконецъ, кто кому нуженъ былъ, я вамъ или вы мнѣ? Вѣдь, я вамъ, не правда ли?

Такъ управа могла ко мнѣ пріѣхать, а не меня вызвать.

— Какъ, вся управа?

— Ну, хоть не вся управа. Вы одни

могли пріѣхать или, наконецъ, прислать члена управы. Вѣдь такъ нельзя.

Дѣйствительно, нельзя, и это пришлось понять автору „Записокъ", пришлось убѣдиться на дѣлѣ, что онъ и его сотрудники были въ Баку „пришельцами безъ другого оружія, какъ вѣра въ дѣло свое, а тѣ на мѣстѣ давно пустили корень и только въ самомъ началѣ могли уступить моему натиску, пока не оглядѣлись и не возстали противъ общаго врага".

Беллетристическій отдѣлъ журнала слабъ. Повѣсть Гольдебаева, очерки Л. Тычино и разсказъ Давыдовой не выдѣляются изъ уровня сѣрой посредственности.

Обращаетъ вниманіе статья г. *В. П.* „*По поводу одной жизни*", жизни незамѣтнаго, но безспорно талантливаго человѣка, промѣнявшаго мечты о славѣ, объ обезпеченности, на скромную роль педагога, ибо онъ былъ убѣжденъ, что просвѣщеніе массы является важнѣйшей задачей общества.

Оригиналенъ и глубокъ взглядъ молодого педагога на школу, которую онъ разсматривалъ, какъ „отвѣтъ на извѣстную общественную потребность", и потому требовалъ отъ педагога, чтобы послѣдній прежде всего изучалъ соціальныя условія.

„Есть двѣ крайнихъ формы общественной эволюціи—*семья*, патріархальное загадочное соединеніе, и *государство*—союзъ гражданъ на основаніи правопорядка.

Школа занимаетъ промежуточное положеніе и соотвѣтственно этому должна быть организована". „Въ школѣ, по мнѣнію Z., не можетъ быть мѣста патріархальности: послѣдняя есть основа *семьи*, а ученики школы воспитываются для государственности. Поэтому въ нихъ нужно внѣдрять все то, что требуется для самосознающаго гражданина. Надобно, чтобы граждане цѣнили дружный, разумно раздѣленный трудъ; для этого необходимо ввести въ школу совмѣстную, товарищескую работу. Нужно, чтобы, сохраняя свою самостоятельность, гражданинъ умѣлъ также дѣйствовать въ соединеніи съ другими; для этого, развивая индивидуальность ученика, школа пусть строится на основахъ самоуправленія. Классъ—первичная общественная клѣтка—войдетъ, какъ часть, въ собирательное цѣлое, самоуправляющуюся школу; притомъ передъ лицомъ общеобязательнаго закона каждый ученикъ пусть сознаетъ свой долгъ и свою отвѣтственность. За дѣйствія, нарушающія этотъ законъ, онъ судимъ будетъ судомъ товарищей съ участіемъ „присяжныхъ"; для рѣшенія-же общешкольныхъ вопросовъ пусть созывается собраніе всей школы. Не игрою, а настоящимъ дѣломъ должны быть эти совѣщанія товарищей; лишь тогда, въ здоровой ихъ атмосферѣ, воспитаетъ школа истинныхъ гражданъ. Не бѣда, если въ школѣ, при такихъ условіяхъ, будетъ царствовать серьезность и сосредоточенность. Жизнь сама по себѣ очень серьезна, и слишкомъ много въ ней такого, надъ чѣмъ можно сосредоточиться".

Школа должна создать общую почву для насажденія спеціальныхъ знаній и навыковъ. Она должна дать гармоническое развитіе умственнымъ и нравственнымъ способностямъ ученика, т. е. во 1-хъ установить въ немъ сознательное отношеніе къ природѣ и къ общественной жизни и во 2-хъ развить въ немъ самодѣятельность.

Въ классѣ этотъ призванный педагогъ среди легіона чиновниковъ - формалистовъ умѣлъ соединить свободу, серьезность и теплоту и заставить учениковъ полюбить предметъ и привязаться душевно къ своему наставнику.

Онъ жилъ школой и въ школѣ, и завѣтнымъ его стремленіемъ было „сдѣлать школу дѣйствительнымъ отвѣтомъ на общественную потребность въ истинномъ просвѣщеніи; воспитать въ учащихся самостоятельную мысль, энергическую волю, самосознаніе и чувство гражданина; сообщить молодому поколѣнію опредѣленное отношеніе къ природѣ и къ соціальной средѣ; развить въ немъ творческія силы и способность радостно любоваться жизнью, которая такъ прекрасна".

Возможность существованія въ нашей школѣ такихъ преподавателей—фактъ утѣшительный, но жаль одного только. Жаль рано отгорѣвшей жизни и еще болѣе жаль, что эта жизнь и одухотворявшіе ея идеалы такъ и остались незамѣченными никѣмъ, кромѣ небольшого кружка учениковъ и друзей покойнаго.

Свѣтильникъ не держатъ подъ спудомъ, а ставятъ высоко, чтобы онъ давалъ свѣтъ далеко кругомъ. Времена, когда приходится свѣтильника таить подъ спудомъ, а кругомъ

все блуждаетъ во тьмѣ, равнодушно взирая на кромѣшную ночь, — радостны только для шакаловъ. И рыскаютъ они на свободѣ, подымая вой...

Въ „*Русскомъ архивѣ*“ помѣщены любопытныя воспоминанія Т. П. Калашникова, рисующія бытъ и нравы сибирскаго чиновничества XVIII вѣка.

Сынъ бѣднаго приказнаго „довольно знавшаго письмоводство и даръ превосходный въ чтеніи скоромъ, громкомъ и ясномъ противъ прочихъ имѣвшаго“, Калашниковъ на мѣдные гроши обучался грамотѣ и десяти лѣтъ вступилъ на службу копіистомъ въ Нерчинскую воеводскую канцелярію. Жалованье копіисту полагалось ровно 93 коп. въ треть. Отсюда онъ былъ переведенъ съ чиномъ канцеляриста въ Верхнеудинскую провинціальную канцелярію. Нравъ этихъ двухъ канцелярій и рисуютъ воспоминанія Калашникова.

Великой суммой показалось автору первое полученное жалованье.

„Мать моя начала уже помышлять, чтобъ кафтанчикъ мнѣ сдѣлать и въ самомъ дѣлѣ облекла меня въ китаишную вишневаго цвѣта пару; не нужно говорить о всемъ къ тому приборѣ: онъ былъ не слишкомъ пышенъ. Тогда у насъ не только пудрить волосы, но пуклей завивать не знали. Прочіе приказные тоже въ китайчатомъ платьѣ, рѣдко въ суконномъ и то развѣ корковомъ (?) ходили; о щегольствѣ и опрятности вовсе или весьма мало помышляли: больше любили простоту обхожденія и дѣла дѣлали едва-ли не лучше нынѣшнихъ щеголей“.

Простота приказныхъ нравовъ была полная. Секретари наказывали лозами канцелярскую мелкоту, драли за волосы, за ошибки въ бумагѣ, и прибѣгали къ прочимъ воздѣйствіямъ.

Воеводамъ и воеводскимъ товарищамъ жилось вольготно.

„Напоитъ Тунгуса или Братскаго виномъ, подаритъ его лоскутомъ сукна, банкой табаку или кирпичомъ чаю, а тотъ ему тотчасъ даритъ коня—двухъ, или корову, или что нибудь; стоило только для сбору сего надареннаго по юртамъ оставить вѣрнаго человѣка. Сей господинъ по выѣздѣ подарилъ мнѣ черную мерлушку, довольно великая щедрость! Но впрочемъ, онъ много мнѣ благодѣтельствовалъ. Я при немъ какъ-то же съ утра къ вечеру поставилъ ему копію съ трактата съ Турками въ 1774 году заключеннаго; правда, что не вставая съ мѣста и вороньимъ писалъ перомъ. А ему понадобилось угодить какому-то проѣзжему купцу; вотъ каково“!

Однимъ изъ вводныхъ эпизодовъ, занимающихъ, однако, добрую половину воспоминаній, является разсказъ о приключеніяхъ начальника заводовъ, не безизвѣстнаго Вас. Вас. Нарышкина.

Пріѣхалъ Нарышкинъ на заводы въ 1774 году и до 1776 года ничѣмъ себя не ознаменовалъ.

Весна 1776 года отразила въ немъ новое явленіе: онъ формально публиковалъ „открытіе новой благодати“.

Душевно больной Нарышкинъ потребовалъ, чтобъ всѣ признались во всѣхъ своихъ преступленіяхъ или грѣхахъ, началъ раздавать всѣмъ чины, далъ волю всѣмъ ссыльнымъ, забралъ всѣ изъ казны деньги; открывалъ ежедневно балы, бросалъ въ народъ деньги; ежедневно торжественные его столы болѣе были на улицахъ, ссыльные и чернь часто господствовали за ними, а самъ съ офицерами при столахъ прислуживали. Служеніе молебновъ, иллюминація и щиты, все это его занимало непрестанно. Пѣсня его главная (которую всѣ въ голосъ, лишь бы только онъ началъ) была „Батюшка богатъ“; всѣ, кто нибудь изъ чиновниковъ, всѣ ему подражали. Браки не были имъ забыты. Заводчику *Сибирякову*, къ дому котораго онъ шуточный имѣлъ приступъ холостыми патронами, должно было откупаться такою суммою денегъ, какою ему хотѣлось. Уже выѣхавъ онъ изъ заводовъ (всѣ, добрые и худые, всѣ составляли его свиту), является въ Нерчинскѣ“.

Пиры идутъ на всю Сибирь. Нарышкинъ со свитою переѣзжаетъ изъ города въ городъ и всюду „сыплетъ въ народъ деньги“. „Пушки и колокола везъ съ собою; всѣ съ товарами идущія по сей дорогѣ купеческія клади остановилъ и взялъ такъ, какъ ему принадлежащія, обѣщая хозяевамъ исправно расплатиться, надѣясь на то, что получитъ деньги отъ провинціи; но многіе чрезъ то разорилися. Здѣсь по побывѣ является къ нему Харинскихъ Братскихъ тайша Данбадугаръ *Иринцеевъ*, Иванъ Лукичъ *Новоселовъ* съ лучшими зайсанами и большою

изъ Братскихъ свитою. Онъ ослѣпилъ ихъ всѣхъ такъ, какъ и князя *Гантимурова*, подарками и чинами, а всего болѣе обѣщаніями; всѣ ему (стали) послушны, и онъ въ замыслахъ своихъ, чтобъ крестить иновѣрцевъ и сдѣлать изъ нихъ гусарское войско, много было успѣвать началъ, ибо Братскимъ доставилъ такую роскошь, какой они никогда бы не имѣли: вино бочками пили, сколько хотѣли; чаи—возами, сахаръ—головами; стоило только въ котелъ бросить голову или двѣ, да чаю; что угодно, сукна, китайки, дабы, холста и всего было довольно; думали, что и всегда такъ жить будутъ. Полкъ, который наперво онъ составлялъ, назывался *Красной Даурской гусарской*; ротмистрами тотчасъ сдѣлались его сержанты и Братскіе зайсаны; кромѣ Братскихъ, рядовыхъ почти не было; берггешворенов—безъ числа. Всего, что въ семъ сбродномъ происшествіи случилось, не легко описать такому, который не имѣетъ о томъ никакихъ на бумагѣ памятниковъ; они бы весьма завели далеко, и можно бы составить примѣчанія достойную въ здѣшнемъ краю исторію".

Наконецъ, съ толпою прихлебателей появляется Нарышкинъ въ Удинскѣ. Требуетъ денегъ отъ провинціальнаго правленія и приказываетъ воеводу и его товарища изловить и именемъ императора объявить бунтовщиками.

Но воевода съ товарищемъ приготовились.

Караулы удвоены, гарнизонъ стоитъ подъ ружьемъ, изъ Селенгинска потребована полевая артиллерія. Коляска съ Нарышкинымъ подъѣзжаетъ къ правленію. Канцелярскіе приказные такъ перетрусили, что одинъ изъ нихъ, секретарь Удачинъ, „едва ли не въ подворотникѣ изъ провинціальнаго двора вышелъ".

„Я, разсказываетъ Калашниковъ, съ прочими былъ тогда на перилахъ (sic), команда штатная едва было не измѣнила, начали смущаться, говоря, что не имѣютъ письменнаго приказа; и такъ, рѣшились было впустить, какъ вдругъ одинъ старый, уже беззубый солдатъ вскричалъ: „Не извольте, кто бъ вы ни были, стучать; не велѣно и неможно никого въ ночные часы пускать!" Итакъ онъ, не имѣя свиты болѣе 9 человѣкъ и опасаясь, можетъ статься, отошелъ къ гарнизонному фронту. Тотчасъ явился тутъ Иванъ Васильевичъ, товарищъ и прокуроръ, а комендантъ *Аппельгрейнъ*, хотя между тѣмъ и давно уже тутъ былъ, не смѣлъ показаться. Съ воеводою и начались у него разговоры, хотя и весьма спокойные, но убѣдительные; ибо воевода твердилъ ему, что онъ зналъ его въ Петербургѣ, и что онъ вовсе тогда не таковъ былъ, и что для него готова квартира. И такъ упросили его".

Нарышкинъ, наконецъ, сдался и отправился въ соборъ, тамъ отслужилъ молебенъ и занимался крещеніемъ инородцевъ, не подозрѣвая, что у дверей уже стерегутъ его выхода. Онъ отдался безъ сопротивленія. Его арестовали и отправили въ Петербургъ. Здѣсь душевно-больнаго Нарышкина лишили чиновъ и орденовъ и заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость...

Воспоминанія Калашникова оставались незаконченными, и къ нимъ приложенъ хронологическій конспектъ событій жизни автора, долженствующій, вѣроятно, служить канвой для дальнѣйшаго описанія. Тутъ занесены событія достойныя знанія и памяти въ видѣ различныхъ ремарокъ семейнаго свойства.

Въ заключеніе трудолюбивый авторъ приводитъ списокъ мѣстныхъ губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и вице-губернаторовъ, составленный Т. П. Калашниковымъ съ 1764 г. по 1823 г.

Этотъ списокъ пополняетъ другой, въ которомъ поименованы всѣ начальники, при которыхъ проходилъ по ступенькамъ чиновничьей лѣстницы авторъ.

Трудъ и почтеніе огромные..

Сентябрьская книга „Кіевской Старины" цѣликомъ посвящена памяти замѣчательнаго дѣятеля прошлаго вѣка, извѣстнаго ученаго, историка и поэта Украйны—Михаила Александровича Максимовича.

Журналъ „Кіевская Старина", —говорится въ редакціонной статьѣ,—съ благодарностью поминая славное имя Максимовича въ столѣтнюю годовщину его рожденія, посвящаетъ его памяти настоящую книжку" *). Статья профессора В. С. Иконникова о Кіевѣ и его двухвѣковой исторіи открываетъ книгу, такъ какъ исторія Кіева составляла одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ покойнаго историка. Автобіографія же Максимовича, напечатанная въ сокращеніи въ „Словарѣ профессоровъ

*) Максимовичъ род. 3 Сентября 1804 г.

Московскаго Университета" въ пятидесятыхъ годахъ съ значительными сокращеніями и теперь только появляющаяся въ полномъ видѣ, ярко и просто характеризуетъ этого замѣчательнаго ученаго человѣка. Рядъ писемъ самого Максимовича и статья о немъ г. И. Стешенки являются хорошимъ дополненіемъ къ автобіографіи.

Тяжела вообще въ Россіи судьба талантливыхъ людей, прокладывающихъ себѣ не торную дорогу. Тяжела въ частности была и судьба Максимовича. Жизнь шутила съ съ нимъ злыя шутки.

Еще на гимназической скамьѣ почувствовалъ юноша влеченіе къ естественнымъ наукамъ и „пристрастился" къ ботаникѣ, но пестунъ его юности, дядя „записалъ" племянника въ студенты словеснаго отдѣленія. Постигнувъ въ корнѣ глубокій смыслъ стиха Мерзлякова „вина трудолюбія—бѣдность", записавшись въ казеннокоштные студенты, Максимовичъ посвящалъ весь свой досугъ любимой наукѣ, досугъ — ботаническимъ экскурсіямъ въ окрестностяхъ Москвы, дѣло—лекціямъ словесности, піетики риторики. Однако, призваніе показало прямую дорогу, и словесникъ перешелъ на физико-математическое отдѣленіе. Оставленный при университетѣ для приготовленія къ магистерской степени, Максимовичъ, однако, промѣнялъ дипломъ на пріобрѣтеніе истинныхъ значій. Для усовершенствованія въ естественныхъ наукахъ юный кандидатъ записался въ число слушателей медицинскаго отдѣленія. Удостоенный послѣ долгаго наука званія магистра ботаники Максимовичъ одновременно почти пишетъ магистерскую диссертацію и печатаетъ свои малороссійскія пѣсни.

Но этого мало для занятія каѳедры. Судьба проситъ жертвъ искупительныхъ. Всемогущая протекція на Руси важнѣе таланта и учености.

Знаменитый профессоръ Фишеръ де-Вальдгеймъ пишетъ въ своей автобіографіи: Максимовичъ предлагалъ мнѣ быть адъюнктомъ зоологіи при немъ, чтобы каѳедра ботаники осталась за его сыномъ... Мнѣ бы слѣдовало принять это предложеніе. Зоологія у меня шла постоянной спутницею ботаники, и я скорѣе сталъ бы профессоромъ... но не профессоромъ ботаники. Послѣ обѣда у знаменитаго натуралиста, когда онъ мнѣ предложилъ это, я просилъ его сдѣлать все это мимо меня, не вызывая моего отреченія отъ науки, которой я посвятилъ себя, и выразилъ удивленіе мое, что сынъ не наслѣдуетъ ни славы, ни богатыхъ способовъ, стяжанныхъ отцомъ по зоологіи.

Дѣло это рѣшилось тѣмъ, что Двигубскій, ставшій ректоромъ послѣ Антонскаго, занялъ каѳедру ботаники,—съ тѣмъ будто бы, что черезъ два года, когда свершится его эмеритура, онъ передастъ ее мнѣ. Чего же и желать еще! Въ каталогѣ лекцій на 1827—1828 годъ объявлено было, что Иванъ Двигубскій и проч. по вторникамъ, четвергамъ, и субботамъ, въ 10 часу утра, будетъ читать ботанику по собственнымъ сочиненіямъ и утвержденному конспекту; вспомоществовать ему будетъ кандидатъ физ. мат. отд. Михаилъ Максимовичъ. (Это значило, что читать лекціи будетъ кандидатъ Максимовичъ, а получать жалованье по каѳедрѣ будетъ профессоръ и ректоръ Двигубскій). Въ концѣ того же каталога объявлено, что Ботаническимъ садомъ завѣдываетъ кандидатъ Максимовичъ, который въ лѣтнее время будетъ изъяснять свѣжія растенія; онъ же показываетъ и университетскій травникъ (т. е. гербарій)".

„Работая какъ украинскій волъ на подножномъ корму" въ протяженіи 4½ лѣтъ, Максимовичъ терпѣливо дожидалъ „свершенія эмеритуры" и своего профессорства, получая за все про все магистерское жалованье въ 400 рублей въ годъ...

Наконецъ, профессура получена. Но семейныя событія, смерть матери „которой любовь ко мнѣ, говоритъ Максимовичъ, была геніемъ хранителемъ и которую радовать собою было для меня первѣйшимъ счастіемъ" потянули молодого ученаго прочь изъ Москвы на родину. Въ Кіевѣ только что открывался университетъ. и туда ближе къ роднымъ мѣстамъ неодолимою силою потянуло Максимовича. Переводъ состоялся, но при условіяхъ обычныхъ развѣ только на Руси сороковыхъ годовъ, когда къ наукѣ и ученымъ относились свысока и съ дерзновеніемъ. Иначе трудно подыскать причину предложенія со стороны попечителя Кіевскаго округа ученому, заявившему себя свой трудами, промѣнять кафедру ботаника... на кафедру словесности.

Въ то блаженное время на науку и профессуру смотрѣли просто.

Приходилось готовиться и много работать

въ новой области, а тутъ еще послѣдовало назначеніе Максимовича ректоромъ.

„Я видѣлъ ясно,—говоритъ онъ,—что мнѣ надо было или оставить преподаваніе или сложить съ себя ректорство, которому конца не могъ выждать, ибо былъ ректоромъ не на срокъ избранный". „Университетъ былъ уже въ ходу, а въ наукѣ моей чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и надо было въ ней, почти на каждомъ шагу пролагать себѣ новые пути".

Эта двойственность надломливала силы, и въ „этотъ прекрасный вечеръ" онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ изъ должности ректора.

„Правильно занявшись кафедрой и наукой" Максимовичъ вдругъ почувствовалъ себя инвалидомъ. Въ тридцать четыре года онъ уже едва могъ передвигать ноги, лѣвый глазъ отказывался служить; читать приходилось уже не съ помощью очковъ, а въ увеличительное стекло. Болѣзнь ухудшилась, и отставка съ полной пенсіей вѣнчала оффиціальную карьеру ученаго. Переутомленіе отъ непосильной работы сказались явственно. Понадобилось цѣльныхъ два года растительной жизни „не читающаго и не пишущаго селянина". Но надломленный организмъ сказывался ясно. Усиленные труды вновь привели къ прежней болѣзни, но отказаться отъ работы онъ не могъ. Работа была его жизнію и, странно пробѣгая одинъ сухой перечень этихъ работъ, нельзя не удивиться, какая здоровая, бодрая душа была въ этомъ изможденномъ тѣлѣ! Изъ своей родной деревни, куда онъ удалился на покой, онъ работаетъ по двумъ близкимъ ему спеціальностямъ. Ботаникъ и словесникъ чередуются одинъ съ другимъ. Въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ ученаго былъ бодрый духъ...

Интересна и поучительна, не смотря на ея длинное заглавіе, статья г. Мижуева *„Матеріальное положеніе Народныхъ учителей и учительницъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ"*, помѣщенная въ октябрьской книгѣ *„Журнала Народнаго просвѣщенія*. Пользуясь данными приведенными въ монографіи Виктора Фриделя, составленной по порученію „Office d'informations et d'etudes" при министерствѣ народнаго просвѣщенія во Франціи, г. Мижуевъ развертываетъ широкую картину.

Въ Венгріи, Швеціи, Испаніи, Бельгіи и Голландіи не существуетъ кандидатства для учителей, — и послѣдніе замѣщаются сразу на штатныя вакансіи. Степень подготовки выражается не педагогической практикой, а силою одного диплома. Наоборотъ, въ Германіи и Австріи для всѣхъ начинающихъ учителей положенъ извѣстный искусъ, послѣ котораго учитель подвергается чисто практическому испытанію, дающему право на окончательное назначеніе. Оставляя въ сторонѣ кандидатовъ на учительскія должности, обратимся прямо къ положенію признанныхъ народныхъ учителей. Народный учитель, побѣдившій подъ Седаномъ Наполеона, занимаетъ въ Германіи почетное мѣсто.

Положенію его могъ бы позавидовать русскій народный учитель, которому врядъ ли и во снѣ снилось подобное благополучіе.

Согласно прусскому закону 1897 года жалованье народнаго учителя, получившаго окончательное назначеніе и посвящающаго все свое время школѣ, состоитъ изъ 1) штатнаго жалованья, 2) прибавокъ за выслугу лѣтъ (Alterszulagen) и 3) квартирныхъ денегъ или квартиры натурой.

Штатное жалованье учителя не можетъ быть менѣе 900 марокъ (около 450 руб.). Начиная съ восьмого года службы въ теченіе 27 слѣдующихъ лѣтъ окладъ учительскаго жалованья увеличивается черезъ каждые три года на извѣстную сумму. Такимъ образомъ начальный учитель, который былъ всегда хорошо аттестованъ за свою службу, достигаетъ максимальнаго жалованья не раньше, какъ на тридцать четвертомъ году службы; въ это время ему бываетъ обыкновенно не менѣе 54 лѣтъ.

Однако, окладъ жалованья, которое получаетъ учитель, фактически всегда превосходитъ положенный закономъ минимумъ.

Средній размѣръ учительскаго жалованья въ деревняхъ и селахъ колеблется отъ $2^1/_2$ тысячъ марокъ (директора и старшіе учителя) до 1,684 марокъ.

Тѣмъ не менѣе учителя нѣмецкихъ школъ, далеко не довольны своимъ положеніемъ и на своихъ періодическихъ собраніяхъ часто поднимаютъ вопросъ о необходимости разныхъ улучшеній въ матеріальномъ вознагражденіи и въ другихъ отношеніяхъ.

„Едва ли есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что желанія нѣмецкихъ учителей близки къ болѣе или менѣе полному осуществленію, особенно, если принять во вни-

маніе то обстоятельство, что во всей имперіи замѣчается въ послѣднее время большой недостатокъ въ лицахъ, желающихъ посвящать себя педагогическимъ занятіямъ въ начальныхъ школахъ и имѣющихъ необходимые для этого дипломы и аттестаты.

Въ Швеціи минимумъ учительскаго жалованья 900 кронъ (около 360 р.) при даровой квартирѣ и періодическихъ прибавкахъ по 100 кронъ за каждые 5 лѣтъ, но не болѣе трехъ за все время службы. Такимъ образомъ минимумъ учительскаго вознагражденія не превышаетъ 1200 кронъ.

Въ Финляндіи вознагражденіе колеблется отъ 800 марокъ до 1200 за двадцать лѣтъ службы, такъ какъ окладъ увеличивается на 10% за каждые пять лѣтъ, при чемъ четвертая прибавка взыскивается уже въ 20%.

Въ Венгріи начальные учителя имѣютъ окладъ жалованья отъ 800 до 1400 кронъ (отъ 330 до 600 руб.) въ годъ и даровую квартиру, состоявшую по крайней мѣрѣ изъ двухъ комнатъ и кухни. Окладъ жалованья увеличивается путемъ пятилѣтнихъ прибавокъ по 100 кронъ.

Въ Сербіи первоначальный окладъ жалованья народнаго учителя установленъ въ тысячу динаровъ (около 400 руб.). Черезъ каждыя 5 лѣтъ это жалованье увеличивается сначала (первыя три прибавки) на 300 и затѣмъ на 400 динаровъ (послѣднія три прибавки). Выслуживъ шесть прибавокъ, учитель достигаетъ максимальнаго оклада въ 3.100 динаровъ.

Кромѣ жалованья, начальные учителя Сербіи получаютъ квартирныя деньги, размѣръ которыхъ колеблется между 240 и 840 динарами въ зависимости отъ населенности мѣстности. Холостые учителя получаютъ квартирныя деньги въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ женатые.

Въ Даніи, Бельгіи и Италіи окладъ жалованья учителямъ нормируется самимъ закономъ. Для сельскихъ округовъ въ Даніи учительское жалованье не можетъ быть меньше 700 и больше 900 кронъ.

Въ *Бельгіи* для сельскихъ учителей существуетъ пять разрядовъ, въ зависимости отъ населенности общинъ, которымъ принадлежитъ школа. Въ зависимости отъ разряда и колебанія въ окладахъ отъ 1200 франковъ до 2400 въ годъ. Это, впрочемъ минимумъ жалованья учителей низшаго и высшаго разряда. Но послѣ каждыхъ четырехъ лѣтъ учительскій бюджетъ увеличивается на 100 франковъ, причемъ сумма увеличенія не можетъ превышать 600 франковъ въ каждомъ разрядѣ.

Не смотря на это, бельгійскіе учителя не считаютъ своего положенія блестящимъ, и на съѣздахъ вотируются вопросы объ улучшеніи ихъ положенія.

Въ Италіи школы раздѣлятся на городскія и сельскія, каждый разрядъ имѣетъ два разряда: высшій и низшій. Въ разрядахъ по три категоріи. Сообразно съ этимъ колеблется размѣръ жалованья учителей, получающихъ въ селахъ отъ 900 до 700 лиръ, при 10 % прибавкахъ каждые шесть лѣтъ.

Въ Австріи преобладаетъ система извѣстныхъ основныхъ окладовъ съ періодическими прибавками. Общую картину положенія Австрійскаго народнаго учителя дать трудно, такъ какъ въ дѣлѣ народнаго образованія австрійскія провинціи пользуются почти полною самостоятельностью, и потому общая картина сложится изъ мелкихъ подробностей чисто мѣстныхъ деталей.

То же приходится сказать относительно *Швейцаріи*, гдѣ дѣло народнаго образованія находится всецѣло въ вѣдѣніи кантональныхъ властей, и каждомъ кантонѣ существуютъ отдѣльные порядки, хотя въ общемъ для Швейцаріи можетъ быть установленъ одна система: опредѣленный основной окладъ съ періодическими прибавками. Цифры же основнаго вознагражденія и періодическихъ прибавокъ вотируются въ каждомъ кантонѣ. Такъ, напр., низшій окладъ учителя кантона Невшатель равняется 1400 франкамъ при періодической прибавкѣ за пятилѣтіе до 60 франковъ,—въ кантонѣ Ури минимумъ достигаетъ 40 франковъ. Въ Норвегіи, гдѣ народнымъ образованіемъ вѣдаютъ общины, оплата учительскаго труда не одинакова. Среднее жалованье 778 кронѣ (400 р. въ годъ).

Въ Голландіи правительство только устанавливаетъ минимумъ оплаты общинами учительскаго труда (400 гульденовъ или 340 р.) Повышеніе же содержанія всецѣло предоставлено вѣдѣнію общинѣ.

Въ Англіи иниціативѣ мѣстныхъ властей также предоставленъ просторъ въ назначеніи учительскаго жалованья.

Болѣе двухъ съ половиной тысячъ (20%) учителей англійскихъ народныхъ школъ получаютъ (по даннымъ 1901—1902 учебнаго года) отъ 500 до 1.000 рубл., около $5^1/_2$ тысячъ (42%) отъ 1.000 до 1.500 рубл., 2.694 (21%) отъ 1.500 до 2.000 рубл., 1.307 (10%) отъ 2.000 до 2.500, 567 отъ 2.500 до 3.000. 440 (3,5%) отъ 3.000 до 4.000, 27 отъ 4.000 до 5.000. и 6 получаютъ 5.000 руб. и болѣе, Изъ этихъ данныхъ видно, что огромное большинство (около $^3/_4$) главныхъ учителей получаютъ отъ 1.000 руб. до 2.500 руб., при чемъ около $^1/_5$ получаютъ менѣе 1.000 руб., и съ другой стороны болѣе одное десятой (11%) получаютъ свыше 2.500 руб.

Но еще лучше положеніе народныхъ учителей въ демократической Шотландіи. Большая половина учителей имѣетъ окладъ въ 1500 р. въ годъ; менѣе въ 750 р. получаютъ немногіе (изъ 2.330 учителей только 60); за то 75 учителей начальныхъ школъ имѣютъ заработокъ свыше 4000 р. въ годъ.

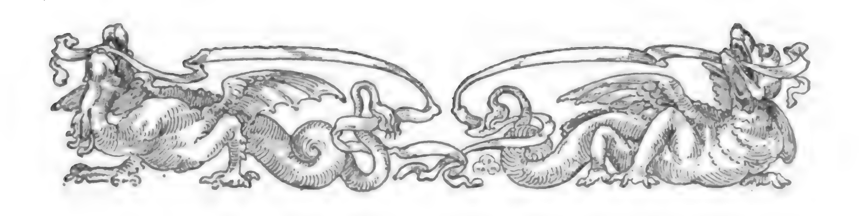
Въ Ирландіи картина рѣзко измѣняется; установленныя здѣсь четыре нормы окладовъ въ 560, 870, 1170 и 1300 р въ годъ съ прибавками за трехлѣтіе далеко не соотвѣтствуютъ нормамъ въ Англіи и Шотландіи...

Во всякомъ случаѣ даже угнетенному ирландскому народному учителю далеко до тѣхъ „нормъ", на которыхъ держится нашъ родной сѣятель знанія на ниву народную.

За россійскія цифры въ сопоставленіи съ приведенными ниже какъ то невольно дѣлается конфузно и совѣстно, ибо отстала та страна, въ которой школа и ея представители находятся въ полномъ загонѣ.

Помѣщенный въ той же книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Посвѣщенія очеркъ В. И. Шепрока „С. Т. Аксаковъ и его семья" нельзя обойти молчаніемъ, но мы считаемъ себя вправѣ возвратиться къ нему, когда новый трудъ неутомимаго біографа Гоголя, будетъ вполнѣ законченъ. По пятнадцати первымъ главамъ можно заключить только, что очеркъ г. Шепрока будетъ интересенъ, живъ и обстоятеленъ...

Н. Н—въ.



М. К. Первухинъ. У самаго берега синяго моря. Очерки и разсказы. Т. 1—1903 г., т. 2—1904 г. Ялта.

Два небольшихъ томика очерковъ и разсказовъ, принадлежащихъ перу извѣстнаго на югѣ журналиста М. К. Первухина, будутъ прочитаны съ удовольствіемъ, хотя и носятъ характеръ мѣстный, специфическій, описывая, преимущественно, ялтинскіе нравы, ялтинскіе типы... Но, благодаря тому, что Ялта не только провинціальный городокъ южнаго берега Крыма, а всероссійскій курортъ, „русская Ницца", какъ называли ее въ доброе старое время, разсказы М. К. Первухина могутъ быть интересными не только для мѣстнаго обывателя... Въ живой, художественной формѣ, порою, правда, грѣшащей въ сторону недодуманности, торопливости, М. К. Первухинъ рисуетъ намъ галлерею разнообразныхъ ялтинскихъ типовъ— отъ русскаго мужичка, „на край свѣта" пришедшаго въ поискахъ за заработкомъ, до львицъ и львовъ высшаго полета включительно... Самые разнообразные слои общества затрагиваютъ очерки г. Первухина, и въ общемъ получается достаточно цѣльная, колоритная картина жизни этого взлелѣяннаго судьбой уголка Россіи. Конечно, благодаря тому, что ялтинская жизнь проявляется главнымъ образомъ въ сезонные мѣсяцы, съ наплывомъ туристовъ,—изображеніе послѣднихъ занимаетъ большую часть обоихъ томовъ. Но г. Первухинъ даетъ представленіе и о жизни ялтинскихъ аборигеновъ, какими являются, напр., люди „съ процессикомъ", т. е. чахоточные, обреченные врачами доканчивать свои дни въ этой климатической станціи, татары, турки и т. под. То выписывая, то набрасывая—г. Первухинъ рисуетъ и этихъ людей, раскрываетъ передъ читателемъ условія ихъ жизни, ихъ интересы и стремленія. Страницы, посвященныя описанію этихъ людей, являются хорошимъ дополненіемъ къ типамъ Ялты—курорта.

Мы не станемъ разсказывать здѣсь содержанія разсказовъ М. К. Первухина. Отмѣтивъ наилучшіе изъ нихъ, какими, по нашему мнѣнію, являются въ первомъ томѣ „Ардальошка изъ Санъ-Франциско", а во второмъ—„Надъ моремъ", „Коко лишній" и „Послѣдняя страничка романа", мы остановимъ вниманіе читателя на одномъ очеркѣ, „Вмѣсто предисловія", помѣщенномъ во 2 сборникѣ и озаглавленномъ: „Умирали цвѣты". Это, впрочемъ, не столько очеркъ, сколько стихотвореніе въ прозѣ. Но оно характерно для произведеній г. Первухина и опредѣляетъ его отношеніе къ окружающему обществу.

Очеркъ рисуетъ намъ сценку на ялтинской набережной. „Къ черномазому и нахальному татарину", торгующему цвѣтами, подошли двѣ сѣверянки, типа мелкаго купечества". Увидавъ въ корзинѣ татарина огромные цвѣты магнеліи, онѣ пришли въ восторгъ предъ мясистыми лепестками, тяжелыми, рыхлыми, точно мучнистыми, и заинтересовались: годятся ли эти цвѣты для варенья и какъ слѣдуетъ ихъ приготовлять.

— То-то, купи,—отвѣчаютъ онѣ на предложеніе татарина.—А ты раньше скажи, черномазый, какъ варить. Сахару сколько класть? Фунтъ на фунтъ? Али больше? Водичкой нужно обшпаривать? Асеньки?

Попутно онѣ начинаютъ вспоминать эпизоды изъ прошлаго.... Эпизоды, конечно, имѣютъ непосредственную связь съ вареньемъ.

Разсказывается о томъ, какъ однажды одинъ изъ ихъ супруговъ, воротившись домой поздно ночью, съѣлъ съ пріятелемъ цѣлую банку варенья, а въ остатки набросалъ перчатку, сигару и пр.

Авторъ наблюдалъ эту сцену, и ему вспомнились стихи поэта:

— Умирали цвѣты на груди у тебя...

„Я взглянулъ, — заканчиваетъ онъ свой очеркъ,—на груду гордыхъ и прекрасныхъ магнолій, лежавшихъ въ корзинѣ грязнаго татарина подъ пожиравшими ихъ взглядами двухъ „покупательницъ“.

„И мнѣ казалось, что цвѣты дрожали, умирая подъ сверлящими взглядами людей, интересующихся тѣмъ, какъ можно изъ гордыхъ лепестковъ магнолій сварить варенье „съ ванилью“ „для духу“.

„Умирали, умирали медленно, умирали въ несказанныхъ мукахъ гордые, благоуханные цвѣты“...

Это чувство любви ко всему „гордому и прекрасному“, этотъ протестъ противъ людей, во всемъ видящихъ только удовлетвореніе своихъ низменныхъ потребностей, являются лейтъ мотивами очерковъ М. К. Первухина. Подъ оболочкой курортныхъ очерковъ г. Первухинъ, однако, скрываетъ теплое сочувствіе къ человѣчеству въ истинномъ смыслѣ этого слова и возмущеніе противъ человѣка-звѣря.

При этомъ истинныхъ людей онъ чутко находитъ даже тамъ, гдѣ обычный посѣтитель Ялты видитъ только „черномазыхъ“ и скверныхъ поддонковъ общества. Это несомнѣнная заслуга автора, придающая особый интересъ его разсказамъ.

Сергѣй Ѳедоренко.

Сочиненія Императрицы Екатерины II. Изданіе Академіи Наукъ, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Т. I—Спб. 1901—1903 г.

За послѣдніе годы въ издательской дѣятельности Академіи Наукъ замѣчается нѣкоторое оживленіе. Изданія сочиненій русскихъ писателей XVIII и начала XIX столѣтія, изданія тщательно провѣренныя и снабженныя необходимыми критическими и библіографическими комментаріями, давно уже нѣсколько лѣтъ какъ намѣчены Академіей и теперь, кажется, она приступаетъ къ выполненію задуманнаго плана, выпустивъ первый томъ сочиненій Пушкина подъ редакціей покойнаго Л. Н. Майкова, пять томовъ сочиненій Ломоносова и, наконецъ, пять томовъ сочиненій Императрицы Екатерины II, которой Россійская Академія обязана своимъ расцвѣтомъ и наибольшимъ оживленіемъ.

Для Академіи екатерининская эпоха была однимъ изъ лучшихъ временъ, поэтому изданіемъ сочиненій Екатерины II Академія какъ бы исполняетъ свой долгъ, который должна была бы по справедливости давно исполнить.

Для историка вообще, для историка литературы въ частности, сочиненія Екатерины II въ настоящемъ изданіи пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что весь третій томъ заполненъ совершенно не бывшими въ печати рукописями, до сихъ поръ мирно хранившимися въ различныхъ архивахъ и проливающими яркій свѣтъ на литературную физіономію автора, литературная дѣятельность котораго не можетъ не дополнять общаго характера этой замѣчательной въ русской исторіи личности. Какъ и подобаетъ академическому изданію, претендующему на полноту и точность, въ составъ его должны войти всѣ сочиненія Императрицы Екатерины II, причемъ самый текстъ ихъ возстановленъ по подлиннымъ рукописямъ и снабженъ необходимыми поясненіями.

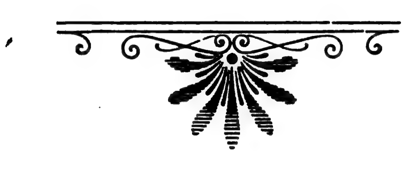
Отличительными чертами настоящаго изданія въ ряду подобныхъ же академическихъ изданій является, во-первыхъ, самая быстрота его печатанія, тогда какъ обыкновенно появленіе одного тома за другимъ сопровождали длинные промежутки времени въ нѣсколько лѣтъ (такъ издавался Державинъ, такова, повидимому судьба сочиненій Пушкина) и отсутствіе длинныхъ, утомительныхъ по своему многословію примѣчаній, нерѣдко совершенно безполезныхъ.

Конечно, настоящее изданіе и по своей цѣнѣ (по 2 р.—2 р. 50 к. за томъ), и по своему назначенію совершенно будетъ недоступно для массы публики, но для лицъ, занимающихся исторіей, интересующихся русской литературы, оно будетъ крайне полезно и займетъ видное мѣсто, наряду съ такими же образцовыми изданіями, какъ сочиненія

Державина, подъ редакціей Я. К. Грота, какъ сочиненія Батюшкова—Л. Н. Майкова, какъ, наконецъ, болѣе близкій намъ по духу и времени писатель, сочиненія котораго только въ послѣднее время увидѣли читатели въ полномъ и не искаженномъ видѣ (Гоголь, ред. Н. С. Тихонравова). Остальные русскіе писатели все еще ждутъ своего времени и, стыдно сказать, мы до сихъ поръ не имѣемъ порядочныхъ изданій сочиненій ни Карамзина, ни Н. Полевого, не говоря уже о болѣе близкихъ къ намъ по времени Жуковскаго, или Лермонтова и—когда только дождемся?

Если судить по обычной у насъ медленности, то, вѣроятно, не скоро. А вѣдь большинство изъ нихъ были не только членами Академіи, но одними изъ самыхъ достойныхъ ея членовъ, такъ что отнестись „благоговѣйно“ къ ихъ литературному наслѣдству—ея прямой долгъ. Чѣмъ онъ скорѣе будетъ выполненъ, тѣмъ будетъ большею честью для самой Академіи.

Н.



Техника.

Летательная машина во время С.-Американской гражданской войны. Въ то время, какъ примѣненію воздушныхъ шаровъ для военныхъ цѣлей уже со времени осады Парижа удѣляется большое вниманіе, опыты съ летательными машинами и до сихъ поръ находятся въ зародышевомъ состояніи. Особеннаго вниманія, поэтому, заслуживаетъ статья Е. В. Серелля въ американскомъ журналѣ „Science", гдѣ онъ сообщаетъ, что во время американской гражданской войны генералъ Мичель изготовилъ аппаратъ на подобіе волчка, который могъ при помощи вращенія бичевками воздушнаго винта (какъ у японскаго летучаго змѣя) подниматься на высоту около 100 футовъ и при этомъ также поднимать съ собою порядочную тяжесть. Изобрѣтатель надѣялся, увеличивъ размѣры винта, поднимать на высоту наблюдателя, а при помощи крыльевъ сдѣлать аппаратъ управляемымъ. Вслѣдствіе смерти Мичеля приборъ былъ оставленъ.

Во время осады Петерсбурга (Соединенные Штаты) Серелль пришелъ къ такой же мысли и пытался поднять на высоту наблюдателя при помощи аппарата, приводимаго въ дѣйствіе взрывчатыми веществами. Опыты производились въ широкомъ масштабѣ, винтъ имѣлъ въ поперечникѣ 32 фута и аппаратъ могъ поднимать сверхъ 300 килограммовъ; но гражданская война окончилась прежде, чѣмъ опыты успѣли привести къ практическому результату,—и модель аппарата вмѣстѣ съ описаніемъ была отправлена въ архивъ инженернаго департамента арміи въ Вашингтонъ. Интересно во всякомъ случаѣ, что опыты примѣненія летательныхъ машинъ для военныхъ цѣлей производились уже въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Медицина и гигіена.

Секретинъ.—Принятая нами пища при своемъ прохожденіи черезъ органы пищеваренія приходитъ въ соприкосновеніе съ продуктами выдѣленія цѣлаго ряда железъ, и эти выдѣленія растворяютъ одну или нѣсколько составныхъ частей пищи. Одна изъ наиболѣе важныхъ пищеварительныхъ железъ—это такъ называемая большая поджелудочная железа (панкреатическая), щелочной продуктъ выдѣленія которой вмѣстѣ съ желчью желчнаго пузыря нейтрализуетъ кислое содержимое желудка. При этомъ наблюдается весьма интересное явленіе: слишкомъ кислое содержимое желудка никогда не можетъ пройти въ начальную часть двѣнадцатиперстной

кишки, гдѣ какъ разъ находятся отверстія выводныхъ протоковъ названныхъ железъ, такъ какъ отверстіе желудка остается все время плотно закрытымъ, пока содержимое двѣнадцатиперстной кишки имѣетъ кислую реакцію; какъ только здѣсь появляется нейтральная или щелочная реакція,—отверстіе желудка снова открывается, и нѣкоторое количество содержимаго желудка проходитъ въ двѣнадцатиперстную кишку.

Сокъ панкреатической железы выдѣляется какъ разъ въ тотъ моментъ, когда кислое содержимое желудка поступаетъ въ двѣнадцатиперстную кишку; но еще больше: составъ этого сока измѣняется въ зависимости отъ рода пищи, и при мясномъ или углеводномъ питаніи въ немъ возрастаетъ содержаніе соотвѣтствующаго растворяющаго фермента.—До сихъ поръ вообще принималось, что оба эти явленія суть результаты *раздраженія соотвѣтственныхъ нервныхъ окончаній*, вслѣдствіе котораго рефлекторно приводились въ дѣйствіе различные механизмы самой панкреатической железы. Только когда оказалось, что введеніе кислоты въ дуоденумъ (двѣнадцатиперстную кишку), даже послѣ разрушенія всѣхъ нервныхъ связей между железой и пищеварительнымъ каналомъ, вызывало выдѣленіе сока, тогда изслѣдователи стали при опытахъ исходить изъ другихъ точекъ зрѣнія, что привело къ нижеописаннымъ результатамъ, опубликованнымъ въ послѣднее время Байлиссомъ и Штарлингомъ.

Такъ какъ при опытахъ дѣйствіе нервнаго аппарата было исключено, то приходилось предполагать, что здѣсь играетъ роль какой то *химическій механизмъ*. Такъ какъ кислоты, введенныя въ кровь, сами по себѣ не вызывали никакого дѣйствія на панкреатическую железу, то пришлось предположить, что желудочная кислота на пути къ кровеноснымъ сосудамъ какъ то измѣняется эпителіальными клѣтками кишки, или что *въ послѣднихъ образуется новое вещество*, которое, поступая въ кровь, вызываетъ выдѣленія панкреатической железы. *Такъ и оказалось въ дѣйствительности*. Послѣ растиранія слизистой оболочки кишки съ кислотой и вспрыскиванія этой смѣси въ кровь наступало обильное выдѣленіе панкреатической железы. Эта дѣятельная субстанція, названная изслѣдователями „секретиномъ", образуется такимъ образомъ при воздѣйствіи кислоты на какое то промежуточное вещество, которое, повидимому, содержится въ эпителіальныхъ клѣткахъ слизистой оболочки, но котораго до сихъ поръ нельзя было изолировать никакими способами.

О самомъ секретинѣ можно сказать, что *онъ не является веществомъ специфическимъ для индивидуума или для вида:* секретинъ отъ собаки дѣйствуетъ у лягушки или обезьяны. *Такимъ образомъ возникновеніе этого механизма слѣдуетъ искать въ эпоху, предшествовавшую появленію млекопитающихъ*. Секретинъ, далѣе, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на *выдѣленіе желчи*. При впрыскиваніи большихъ количествъ секретина слѣдовало бы ожидать постепеннаго истощенія выдѣлительной способности панкреатической железы; однако, микроскопическая картина клѣтокъ даже послѣ чрезмѣрно большого отдѣленія представляетъ типичную картину покоящейся поджелудочной железы. *Нормальное раздраженіе секретиномъ, поэтому, вызываетъ не только разрушеніе протоплазмы, но также возобновленіе ея*.

Зоологія.

Чудесная лошадь. Необыкновенно одаренный 8-лѣтній жеребецъ съ нѣкотораго времени вызываетъ удивленіе въ гиппологическихъ кругахъ Берлина, но пока объ этомъ, въ своемъ родѣ небываломъ, живот-

номъ мало проникаетъ свѣдѣній въ газеты, потому что владѣлецъ и учитель лошади ф. Остенъ мало придаетъ значенія возбужденію общаго любопытства: онъ стремится только, чтобы государственная комиссія спеціалистовъ подвергла испытанію его методъ и установила справедливость защищаемаго имъ положенія, что *мыслительную дѣятельность лошади путемъ воспитанія можно развить приблизительно такъ же, какъ, напр., мыслительныя способности глухонѣмого.*

Жеребецъ Гансъ – крупная вороная лошадь русскаго завода (Орловъ), втеченіе четырехъ лѣтъ находится въ „обученіи" у ф. Остена, который нынѣ уже 12 лѣтъ какъ занимается подобными вопросами.

И владѣлецъ лошади, и всѣ наблюдавшіе ее свѣдующіе люди рѣшительно отрицаютъ, чтобы всѣ ея интеллектуальныя проявленія можно было считать за результаты развитія памяти животнаго, дрессировки. Скорѣе, у нея *путемъ примѣненнаго метода* воспитанія *были пробуждены*: даръ соображенія, способность сужденія и размышленія приблизительно такъ же, какъ это происходитъ у дѣтей или глухонѣмыхъ.

Гансъ выступаетъ очень спокойно и степенно (кнутъ никогда не касался его), ходитъ вполнѣ на свободѣ безъ всякой уздечки и только, когда его ставятъ къ сторонѣ, на него надѣвается недоуздокъ. Словами „направо", „налѣво" ему указывается мѣсто, которое онъ долженъ занять въ тѣсномъ помѣщеніи передъ зрителями. Нѣмецкій языкъ и нѣмецкое письмо (готическое) онъ, повидимому, усвоилъ въ высокой степени, потому что отвѣчаетъ на поставленные ему вопросы (даже чужими) безъ промедленія и почти всегда съ абсолютной точностью. Вычислили, что на сто отвѣтовъ Гансъ дѣлаетъ около пяти ошибокъ, да и то незначительныхъ, напр., вмѣсто 31 насчитываетъ 30. Единственный способъ выраженія своихъ мыслей состоитъ для него въ отбиваніи опредѣленнаго числа ударовъ копытомъ. Каждый звукъ обозначается двумя цифрами, которыя онъ отбиваетъ копытомъ правой передней ноги. Для контроля зрителей на доскѣ расположены всѣ звуки азбуки въ нѣсколько строкъ. Пишутъ на запискѣ напримѣръ слово „Abbei" (аббатство, монастырь) и держатъ листокъ передъ Гансомъ; на вопросъ „въ которомъ ряду стоитъ первая буква?" —одинъ ударъ (въ первомъ ряду); на вопросъ, „которая буква по счету въ ряду"? опять одинъ ударъ (первая буква) и т. д. до конца, пока не разберетъ всѣхъ буквъ слова. Изъ всего невѣроятнаго, почти неистощимаго разнообразія задачъ, рѣшенныхъ Гансомъ, особенно поражаютъ отвѣты, указывающіе на его высоко развитой *слухъ*. Онъ можетъ проанализировать 2, 3 или 4 тона, произведенныхъ какимъ-либо инструментомъ сразу. Д-ръ Генрихъ Симонъ также наблюдавшій „умнаго Ганса", пишетъ въ Berliner Tageblatt": „Его тонкій слухъ, главное условіе его удивительной способности анализа звуковъ, еще чудеснѣе проявляется въ области музыки. Гансъ различаетъ *тона* также увѣренно, какъ и звуки рѣчи. Онъ обозначаетъ тона цифрами: С—единицей и слѣдующіе тона отъ Д до Н—числами 2, 3... 7 и такимъ способомъ съ безошибочной правильностью „называетъ" всякій тонъ сыгранной, веденной передъ нимъ с—dur-ной гаммы. Такимъ образомъ Гансъ обладаетъ такъ называемымъ абсолютнымъ слухомъ. Его умѣнье различать слѣдующіе одинъ за другимъ тона уже само собой понятно изъ вышесказаннаго, но способность проанализировать нѣсколько тоновъ, прозвучавшихъ вмѣстѣ, снова вызываетъ изумленіе. Прямо не вѣришь собственнымъ глазамъ и ушамъ, когда Гансъ не только аккорды, но даже диссонансы безошибочно разлагаетъ на составныя

части. Такъ, напр., для невѣроятной какофоніи f, g, a, h онъ безъ замедленія далъ цифры 4—5—6—7 и на вопросъ, хорошо ли это звучитъ, рѣшительно потрясъ отрицательно своей умной головой. Его чувство гармоніи и диссонанса вполнѣ отвѣчаетъ нашему, которое, конечно, основывается на привычкѣ, потому что далеко не является общимъ у всѣхъ народовъ. Такъ, напр., созвучіе c—e—g—h=1—3—5—7 онъ нашелъ отвратительнымъ и на вопросъ, какой тонъ долженъ быть удаленъ, чтобы получилась гармонія, послѣдовало семь ударовъ"!

Зрѣніе Ганса, которое будто бы у лошадей менѣе развито, чѣмъ другія чувства, тоже даетъ ему матеріалъ для мысли. Такъ, напр., передъ нимъ вывѣшивается рядъ геометрическихъ фигуръ, затѣмъ на доскѣ рисуется какая-либо изъ этихъ фигуръ въ маломъ масштабѣ, и Гансъ сразу отмѣчаетъ, которая въ ряду данная фигура. Извѣстно, что даже непривычный *человѣческій* глазъ часто не можетъ узнать предмета по его изображенію *). Кромѣ того извѣстно, что животныхъ никогда невозможно приманить, т. е. обмануть картиной. Гансъ же *узнаетъ людей по фотографіямъ* и даже по весьма несовершеннымъ. Передъ Гансомъ становятся въ рядъ нѣсколько человѣкъ. Затѣмъ ему показывается фотографическая карточка одного изъ нихъ (отпечатанная на абонементной книжкѣ городского электрическаго трамвая),—и немедленно Гансъ ударомъ копыта отсчитываетъ, какимъ въ ряду стоитъ данное лицо.

Но самое удивительное наступаетъ, когда Гансъ начинаетъ обнаруживать свое *чувство чиселъ и талантъ счета*.

*) Интересно вспомнить здѣсь разсказъ Дарвина (Путешествіе на кораблѣ „Бигль") о его наблюденіяхъ надъ жителями Огненной земли. Они не могли узнать рисунка корабля, человѣка и т. д. Подобное явленіе также часто поражаетъ насъ у арабовъ.

Послѣдніе у него такъ высоко развиты, что всякое объясненіе этихъ явленій развитіемъ памяти (мнемотехникой) приходится отбросить. Гансъ въ самомъ дѣлѣ научился счету. Онъ владѣетъ четырьмя арифметическими дѣйствіями и съ величайшей точностью производитъ сложеніе и вычитаніе. Онъ знаетъ, что для дополненія 4/6 до цѣлой единицы нужно прибавить еще 2/6 и т. д. Гансъ превращаетъ простыя дроби въ десятичныя съ такой быстротой, что часто не успѣваешь слѣдовать за нимъ! Его способность воспоминанія (память) повидимому необыкновенно развита. Онъ, напр., можетъ точно указать въ каждомъ мѣсяцѣ, на какія числа выпадаютъ воскресные дни. Не хватило бы мѣста, чтобы очертить всѣ замѣчательныя проявленія его интеллекта. Здѣсь для философовъ и физіологовъ такая проблема, которая, можетъ быть, еще никогда не возникала изъ наблюденій надъ міромъ животныхъ. Если всѣ эти чудесныя явленія наблюдались правильно, то придется, какъ полагаетъ д-ръ Симонъ, придти къ заключенію, что между интеллектомъ животнаго и человѣка лишь количественное, а не качественное различіе. Тогда и въ духовной области стирается рѣзкая граница между человѣкомъ и животнымъ,—и всѣ существа въ интеллектуальномъ отношеніи можно будутъ размѣстить въ одинъ мало по малу восходящій рядъ, какъ это уже сдѣлано было ученіемъ объ эволюціи по отношенію къ ихъ тѣлесной природѣ.

Географія.

Окаменѣлый лѣсъ въ цвѣтной пустынѣ въ Аризонѣ.

Среди удивительныхъ и причудливыхъ ландшафтовъ, которыми такъ богата Сѣверная Америка, общею извѣстностью пользуется одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ уголковъ земли „Grand Canon of Colorado", образованный могучимъ изгибомъ

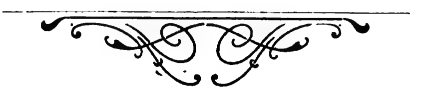
рѣки Колорадо. Недалеко отсюда лежитъ другая область, гдѣ передъ глазами посѣтителя развертывается не менѣе великолѣпная и рѣдкая картина игры природы.—Это—цвѣтная пустыня (Painted Desert) Аризоны съ ея окаменѣвшимъ лѣсомъ. Цвѣтная пустыня охватываетъ бассейнъ „маленькой Колорадо" лѣвосторонняго притока рѣки Колорадо. Пустыня съ полнымъ правомъ носитъ имя цвѣтной: песчаникъ, глинистый сланецъ и суглинокъ, образующіе почву, отличаются великолѣпною красной, синей, желтой, или зеленой окраской, такъ что вся область, въ особенности при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, представляетъ художественную картину. Здѣсь находится знаменитый *окаменѣлый лѣсъ*. Посѣтителю этой мѣстности первые слѣды ископаемыхъ деревьевъ открываются въ видѣ великолѣпно окрашенныхъ въ красный или желтый цвѣтъ кусковъ агата и халцедона, имѣющихъ типическую структуру древесной коры. Вскорѣ затѣмъ путешественникъ встрѣчаетъ части стволовъ деревьевъ, также превратившихся въ агатъ, яшму или халцедонъ. Подобные остатки разбросаны повсюду въ такомъ количествѣ, что вся мѣстность производитъ впечатлѣніе развалинъ античнаго храма.

Лишь очень немного стволовъ деревьевъ уцѣлѣло вполнѣ. Большею частью, почти исключительно, сохранились лишь куски стволовъ. Поверхности излома этихъ кусковъ обладаютъ удивительной красной, желтой или матово-синей окраской. Болѣе крупные стволы имѣютъ въ толщину около 1,3 метра и длину въ 3—4 метра, иногда—больше. Вѣтокъ или сучковъ не уцѣлѣло. Но безчисленные маленькіе куски, имѣющіе въ поперечникѣ отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до фута, повидимому, представляютъ остатки вѣтвей. Всѣ стволы лежатъ горизонтально.

Геологическій возрастъ песчаника и глинистаго сланца, въ которомъ первоначально былъ включенъ окаменѣвшій лѣсъ, еще не можетъ быть съ увѣренностью установленъ, такъ-какъ еще не рѣшено, слѣдуетъ ли въ этихъ породахъ видѣть юрскія или мѣловыя образованія. Какъ бы тамъ ни было, внѣ сомнѣнія, что первоначально стволы деревьевъ залегли въ этихъ породахъ въ неизломанномъ состояніи. Здѣсь начался процессъ ихъ окаменѣнія вслѣдствіе пропитыванія органической ткани растворившимся силикатомъ, источникомъ котораго послужилъ полевой шпатъ, представляющій тамъ цементирующій матеріалъ песчаника. Такъ стволы пролежали нѣкоторое время, пока въ третичную эпоху не началось общее поднятіе почвы, причемъ неизбѣжно было разламываніе стволовъ. Затѣмъ наступила работа эрозія (вымываніе).

Постепенно облегающая деревья порода вымывалась, пропитанные же кремнеземомъ стволы противостояли разрушенію, такъ-какъ кремнеземъ не растворимъ ни въ холодной водѣ, ни въ минеральныхъ кислотахъ. Только кое-гдѣ сохранились остатки породы съ включенными въ нее окаменѣлостями, и здѣсь еще теперь можно найти цѣлые стволы.

Наконецъ, что касается мѣста этихъ замѣчательныхъ окаменѣвшихъ гигантскихъ деревьевъ въ семьѣ растеній, то, какъ кажется, большую часть изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ близкимъ къ Араукаріямъ видамъ хвойныхъ. Многіе куски, кромѣ того, обнаруживаютъ нѣкоторое сходство по строенію съ виргинскимъ кедровникомъ (Juniperus Virginianus).



На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Заводскому подписчику.—Вамъ нужно обратиться въ мѣстную духовную консисторію съ просьбою о разводѣ и привести свидѣтелей невѣрности жены. Когда дадутъ разводъ, на васъ наложатъ эпитимію, по указанію духовнаго начальства, затѣмъ вы снова можете вступить въ бракъ, послѣ чего и усыновляйте дѣтей.

Подп. К. М—ла (учителю).—Носовыя болѣзни могутъ быть очень серьезны; тутъ обойтись безъ помощи свѣдущаго врача трудно. Можетъ быть, у васъ полипы въ носу, можетъ быть— такъ называемый зловонный насморкъ. Все это нужно тщательно изслѣдовать. Пока попробуйте промывать носъ, втягивая чрезъ носъ въ ротъ, круто соленую воду, раза 2—3 въ день (особенно по утру): это средство помогаетъ противъ насморка.—Что касается горла, то полощите его борнымъ растворомъ (1 чайную ложку борной кислоты на 1 стаканъ теплой воды), раза 3—4 въ день.

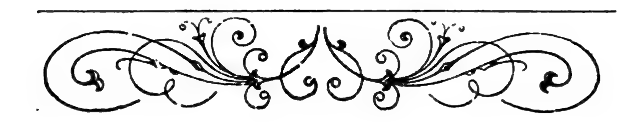
Г. Орлову.—Руководства по черченію были указаны въ первомъ отвѣтѣ к. V (за май). 2) Краски, карандаши и пр. можете достать въ любомъ магазинѣ писчихъ принадлежностей (въ Спб. спеціальный магазинъ Крихъ, на Невскомъ пр.). 3) Списокъ журналовъ и газетъ можете выписать изъ книжныхъ магазиновъ Вольфа или Риккера въ Спб. 4) Изъ газетъ дорогихъ указываемъ „Русскія Вѣд.“ въ Москвѣ, болѣе дешевыя (6 руб.) „Русское Слово“ въ Москвѣ и „Биржевыя Вѣдомости“ (4 р. 80 коп. съ приложеніями) въ Спб. 5) Ни Чехова, ни кого-либо другого давать въ приложеніи мы не можемъ: право на изданіе ихъ сочиненій принадлежитъ уже кому-либо.

Г. Р—ому.—Указываемъ и рекомендуемъ слѣдующія сочиненія по миѳологіи: Словарь *Rocher*—Mithologischer Lexicon, *Petiscus*, Олимпъ (изданіе Вольфа), *Любкеръ*, Словарь классическихъ древностей, Сборникъ *Пропилеи* (изданіе Каткова и Леонтьева), Chantepis de la Sossey—Иллюстрированная исторія религій (изданіе „Книжнаго Дѣла“ въ Москвѣ), проф. *Леманъ*, Исторія волшебства (то же изданіе), Ассирія, Вавилонъ *Рагозиной* (изд. Маркса), *Карелинъ*, Исторія Ассиріи и Вавилона. Выписать лучше чрезъ магазинъ Н. Киммеля (въ Ригѣ). Сошлитесь на нашу рекомендацію: фирма добросовѣстная и солидная.

Г. Ал. Ель—нову.—Конечно, вы имѣете полное юридическое основаніе требовать возвращенія денегъ, но имѣйте въ виду, безъ суда дѣло не обойдется. Подавайте къ мировому судьѣ г. С.-Петербурга 4 участка.—Что касается вашего и др. подписчиковъ желанія имѣть библіографическія указанія не только по астрономіи, но и по другимъ наукамъ, то оно уже приводится нами въ осуществленіе: въ портфелѣ редакціи имѣются статьи, что читать по естествознанію, по физикѣ, химіи и пр. Но, за недостаткомъ мѣста, ихъ пришлось отложить на слѣдую-

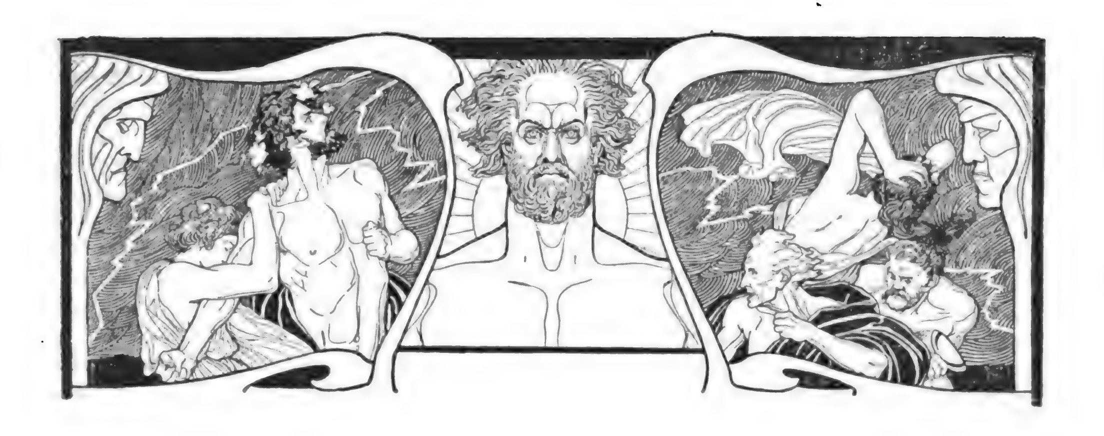
щій годъ. Во всякомъ случаѣ, редакція никоимъ образомъ не оставляетъ своей идеи— дать впослѣдствіи *полную программу домашнихъ чтеній для самообразованія*, примѣняясь къ разнымъ денежнымъ средствамъ читателей.

Г. Стефановичу.—Стеариновокислый свинецъ—свинцовая соль стеариновой кислоты; очень можетъ быть, что ее и трудно у васъ достать, такъ какъ ее рѣдко спрашиваютъ. Выпишите отъ Штоль и Шмидтъ въ С.-ПБ. Петроль можно замѣнить любымъ хорошимъ растительнымъ масломъ, напр., кедровымъ; винта замѣнять нельзя. Но мы думаемъ, что приготовленіе валиковъ домашними средствами--очень дорого; гораздо дешевле пріобрѣсти ихъ готовыми (напр., у Голицына, Троицкая ул., Спб., за 25—30 к.).



Редакторъ-издатель ***Ф. С. Груздевъ.***

Дозволено цензурою. Спб. 17 Октября 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71—6.



Моральная теорія Ницше.

Т. СОЖИНА.

Wie kann ich dein sein,
Bin ich doch nicht mein.
(„Какъ могу я быть твоимъ,
Если я самъ не свой"?)

Mahomet. Goethe.

Если каждый философъ характеризуется какъ общимъ гносеологическимъ міросозерцаніемъ, такъ и своимъ этическимъ направленіемъ, то Ницше является моралистомъ по существу. Его интересуетъ, главнымъ образомъ, нравственный обликъ человѣка. Но его мораль можетъ сдѣлаться понятнойлишь при разсмотрѣніи его взглядовъ на происхожденіе нравственности. Ницше—эволюціонистъ, но въ то время, какъ всякій эволюціонистъ съ полнымъ почтеніемъ относится къ той морали, которая въ данное время является господствующей, Ницше видитъ всю ея несостоятельность. Въ немъ эволюціонистъ возстаетъ противъ примѣненія утилитарнаго принципа въ морали. Ницше мститъ нравственности за ея низкое происхожденіе.

Съ точки зрѣнія эволюціониста, въ основѣ морали лежитъ утилитарный принципъ, но это же самое заставляетъ Ницше отрицательно относиться къ ней. Вѣроятно, онъ себя сравнивалъ съ утилитаристами, когда писалъ слѣдующій афоризмъ: „Теперь ощущенія въ моральныхъ вещахъ такъ перекрещиваются между собою, что одному человѣку доказываютъ мораль ея полезностью, а другому опровергаютъ мораль тоже ея полезностью" *). По его мнѣнію нравственныя чувства складываются изъ такихъ элементовъ, которые сами по себѣ не могли быть названы нравственными; они основываются на сохраненіи общины. Въ обществѣ нравственнымъ считалось всегда то, что сохраняетъ его, и, обратно, все, что подвергаетъ опасности его существованіе, — безнравственнымъ. Когда государство находилось на ранней ступени своего развитія, то такія

*) Утренняя заря.

качества, какъ состраданіе, справедливость не имѣли никакой нравственной оцѣнки; на нихъ смотрѣли, какъ на слабость воли, какъ на напрасную трату силъ. Тогда цѣнились другія черты, какъ полезныя для сохраненія общества отъ враговъ: отвага, лукавство, властолюбіе. При дальнѣйшемъ же развитіи, когда общество перестало нуждаться въ такихъ особенностяхъ, когда оно даже почуяло въ нихъ нѣкоторую опасность, эти качества стали клеймиться названіемъ, — „порочныхъ". Слишкомъ сильныя страсти, утилизировавшіяся раньше обществомъ съ большой пользой для себя, теперь уже возбуждаютъ опасенія. „Представляетъ-ли чье-нибудь чувство, чья-нибудь мысль, чей-нибудь аффектъ опасность для общества?—спрашиваетъ себя теперешняя мораль, порожденная чувствомъ страха" *). Скромность, добродушіе, повиновеніе, порядочность. общительность, только такія мелкія черты начинаютъ пользоваться теперь славой добродѣтелей. Эволюція морали есть эволюція стаднаго инстинкта, который извратился настолько, что сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: общество не смѣетъ уже наказывать своихъ преступниковъ. Стадный инстинктъ убилъ все смѣлое и великое: наказывать вѣдь страшно, и общество въ заботѣ о своей безопасности изощряетъ всю свою фантазію надъ изобрѣтеніем ънаручниковъ, намордниковъ, не причиняющихъ сильной боли, и надъ усовершенствованными тюрьмами, согласными съ послѣднимъ словомъ науки. Эта заботливость общества о своихъ преступникахъ, это желаніе укротить и сдѣлать ручными нѣкоторыхъ неподатливыхъ своихъ членовъ есть выраженіе стаднаго инстинкта, доведеннаго въ своемъ послѣдовательномъ развитіи до нелѣпости, до абсурда, до отрицанія самого себя.

*) По ту сторону добра и зла.

Если нравственность играетъ служебную роль человѣчества, если уже она низводится до простыхъ утилитарныхъ цѣлей, то какое же право она имѣетъ драпироваться въ тогу святости? Пусть нравственность нужна, *необходима для жизни общества*, зачѣмъ тогда ореолъ идеализма, окружающаго ее, повелительный тонъ ея рѣчи, не допускающій никакихъ возраженій? Если въ самой нравственности нѣтъ ничего идеальнаго, ничего святого, а идеализмъ и святость привиты самой жизнью только для укрѣпленія моральныхъ принциповъ, тогда вѣдь вся нравственность заключается только въ подчиненіи обычаямъ. Свободный человѣкъ безнравствененъ, потому что во всемъ онъ хочетъ зависѣть отъ самого себя, а не отъ традиціи. Трагедія свободнаго человѣка еще усиливается тѣмъ, что и онъ самъ себя считаетъ безнравственнымъ. „Невозможно вычислить,—говоритъ Ницше,—сколько вынесли въ теченіе всей исторіи эти рѣдкіе умы, которые считались порочными и опасными и которые сами себя считали такими. При власти такой нравственности все оригинальное считалось порочнымъ".

Есть еще одинъ главный мотивъ, заставляющій Ницше отрицательно относиться къ морали. Это его скептическое отношеніе къ моральнымъ сужденіямъ. По его мнѣнію, „есть два рода людей, отрицающихъ нравственность". Отрицать нравственность это, во-первыхъ, значитъ отрицать возможность того, чтобы нравственные мотивы, на которые ссылаются люди, дѣйствительно руководили ими въ ихъ дѣйствіяхъ — другими словами, это значитъ утверждать, что нравственность состоитъ въ словахъ и принадлежитъ къ самымъ грубымъ и тонкимъ обманамъ людей, и это касается, можетъ быть, именно людей, наиболѣе выдающихся добродѣтелями. Во-вторыхъ, отрицать нравственность — значитъ отрицать, что нрав-

ственныя сужденія основываются на истинахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается, что нравственныя сужденія были дѣйствительно мотивами дѣйствій, но что человѣка привели къ его нравственнымъ дѣйствіямъ ошибки, служащія основой всего нравственнаго сужденія" *).

Въ первомъ случаѣ отрицается существованіе нравственныхъ людей, во-второмъ—подвергается сомнѣнію вѣрность сужденій, всегда лежащихъ въ основѣ всякаго мотива.

Сначала, по мнѣнію Ницше, отдѣльные поступки называются добрыми или злыми, смотря по послѣдствіямъ этихъ поступковъ, затѣмъ эти качества приписываются самимъ поступкамъ, далѣе ихъ приписываютъ мотивамъ, а затѣмъ понятіе добра и зла переходитъ къ самой сущности человѣка. Наконецъ, приходятъ къ заключенію, что и самая сущность находится подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни. „Такимъ образомъ,—говоритъ Ницше,—пришли къ познанію того, что исторія всего нравственнаго цѣльнаго есть въ тоже самое время исторія нѣкотораго заблужденія по вопросу о волѣ".

Здѣсь Ницше сталкивается съ вопросомъ о свободной волѣ. Онъ не согласенъ съ Шопенгауеромъ, который изъ факта существованія недовольства поступкомъ выводитъ фактъ разумной свободы. Можетъ быть, само недовольство неразумно—возражаетъ Ницше,—такъ какъ оно исходитъ изъ ошибочнаго предположенія, будто поступокъ могъ и не быть совершенъ". Самъ Шопенгауеръ объясняетъ эту кажущуюся свободу тѣмъ, что причины нашихъ мотивовъ находятся внѣ нашего сознанія, во внѣшнемъ мірѣ. Субъекту поступающему кажется его дѣйствіе вполнѣ безпричиннымъ и слѣдовательно свободнымъ, такъ какъ какой-то экранъ отдѣляетъ сознаніе субъекта, въ которомъ находится желаніе дѣйствовать, отъ внѣшняго міра, который обусловливаетъ это желаніе. Но вѣдь для посторонняго изслѣдователя детерминизмъ воли, необходимая обусловленность того или другого поступка является вполнѣ яснымъ. Детерминизмъ Ницше не рискуетъ впадать въ фатализмъ. Онъ не исключаетъ человѣческой воли изъ цѣпи причинъ и допускаетъ, что даже иллюзія свободы воли (а не дѣйствительная свобода) можетъ въ ту или другую сторону направить человѣческую дѣятельность. Онъ только утверждаетъ, что всѣ наши нравственныя ученія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея отвѣтственности, исходятъ изъ факта кажущейся свободы, а не истинной, слѣдовательно, покоятся на невѣрномъ сужденіи.

Еще Сократъ училъ, что за правильнымъ познаніемъ долженъ слѣдовать правильный поступокъ. „Сократъ объявилъ, что истинная добродѣтель состоитъ въ знаніи, и что истинное знаніе уже само по себѣ и непремѣнно ведетъ къ правильнымъ поступкамъ. Такимъ образомъ знаніе о добрѣ было возведено въ самую добродѣтель, а размышленіе въ принципъ жизни *). Познаніе стало въ глазахъ людей обладаніемъ нравственностью". Единственный доводъ, который выставляли Сократъ и Платонъ въ защиту своего принципа, это то, что „было бы страшно, если бы человѣкъ, понимая, въ чемъ правильный образъ дѣйствія, не поступалъ бы такъ. Между тѣмъ противоположное оказывается голой дѣйствительностью; „страшной правдой" оказывается то, что знанія о поступкѣ совершенно недостаточны для его совершенія, „что до сихъ поръ еще не построенъ мостъ, связывающій воедино знаніе о поступкѣ съ самимъ поступкомъ". Великій ироникъ

*) Утренняя заря.

*) Виндельбандъ. Исторія древней философіи.

Сократъ, который всю свою жизнь посмѣивается надъ своими неуклюжими земляками, людьми инстинкта, убѣдился, что разумъ или знаніе такъ же мало можетъ разрѣшать нравственныя проблемы, какъ инстинктъ или вѣра". Этотъ разумъ, на который возлагали столько надеждъ, этотъ властитель душъ, чародѣй, который все неясное долженъ былъ сдѣлать яснымъ, загадочное понятнымъ, который пролилъ бы лучи свѣта въ самыя темныя отдаленныя области человѣческой души, оказывается простымъ орудіемъ для объясненія инстинктивныхъ поступковъ. Не воля подчиняется разуму, а разумъ является адвокатомъ воли. Вотъ почему Ницше иронически относится къ тому, что „въ Европѣ знаютъ то, чему обѣщала научить древняя знаменитая змѣя—знаютъ, что такое добро и зло".

Причина такого отношенія къ морали та, что рѣшить вопросъ о добрѣ и злѣ было бы слишкомъ опасное дѣло.

„Привычка, доброе имя, адъ не позволяли быть безпристрастнымъ; въ присутствіи морали нельзя мыслить, еще меньше можно говорить —здѣсь должно повиноваться. Критиковать мораль, брать мораль, какъ проблему—это признакъ безнравственности". Поэтому для Ницше всякое нравственное ученіе есть или „ученая форма вѣры въ господствующее ученіе" или „языкъ, которымъ выражаются аффекты".

Но у Ницше есть еще особенная черта -- психологическое развѣнчиваніе добродѣтелей. Ницше любитъ находить такіе несимпатичные элементы въ нашихъ добродѣтеляхъ, что въ глазахъ читателя теряется разница между порокомъ и добродѣтелью. Это, конечно, не безразличіе человѣка, постыдно равнодушнаго къ добру и злу; здѣсь разница между добромъ и зломъ исчезаетъ изъ сознанія по другой причинѣ. Наши добродѣтели слишкомъ ужъ мелки, слишкомъ ничтожны, слишкомъ ужъ обнаруживаютъ свое родство со зломъ. Наша честность корыстна, наша милостыня тщеславна, наша любовь разсчетлива. Въ основѣ нашихъ добрыхъ дѣлъ лежитъ желаніе отличиться и этимъ причинить нашему ближнему огорченіе, принизить его. Намъ хочется заставить его почувствовать горечь своей судьбы и, капая на его языкъ каплю нашего меду, прямо и злорадно смотрѣть ему въ глаза при этомъ мнимомъ благодѣяніи.

Вотъ человѣкъ скромный, но поищите, и вы, навѣрно, найдете людей, которымъ онъ старается этимъ самымъ причинить пытку... Вотъ стоитъ великій художникъ; наслажденіе, которое испытываетъ онъ, зная зависть побѣжденныхъ соперниковъ, даетъ энергію его силамъ и помогаетъ ему сдѣлаться великимъ. Непорочность монахини: какими глазами смотритъ она въ лицо другимъ женщинамъ?! Во всѣхъ этихъ трехъ примѣрахъ „мораль отличія въ послѣднемъ основаніи своемъ имѣетъ наслажденіе отъ утонченной жестокости" *).

Такихъ примѣровъ искуснаго разоблаченія добродѣтелей европейцевъ найдется не мало.

Итакъ, Ницше является имморалистомъ. Характеризуя всѣ системы морали, какъ основанныя на одномъ стадномъ инстинктѣ, онъ видитъ въ нихъ проявленіе слабости человѣческой личности.

Какъ индивидуалистъ, онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что общество нивеллируетъ личность, накладываетъ свое ярмо съ приложеніемъ печати „рабъ" на все оригинальное и живое. Его возмущаетъ, что „теперешній европеецъ считаетъ себя принадлежащимъ къ единственной дозволенной породѣ людей и превозноситъ тѣ качества, которыя помогли ему стать ручнымъ, миролюбивымъ и полезнымъ

*) Утренняя заря.

обществу, ставя высшими человѣческими добродѣтелями: духъ общественности, благоволеніе, уваженіе къ другимъ, прилежаніе, умѣренность, скромность, снисходительность, сострадание".

Борца за индивидуализмъ оскорбляетъ роль личности въ исторіи, роль винта въ колесѣ, роль функціи цѣлаго, роль средства цѣли.

Въ основу морали онъ хочетъ положить не чужое „ты", которое часто является замаскированнымъ низкопробнымъ „я", а возвышенное „я", которое утверждаетъ себя открыто, поднимаетъ человѣка вверхъ.

Усовершенствованіе человѣческаго типа—его цѣль, увеличеніе интенсивности жизни—его идеалъ.

Все, что способствуетъ этому, даже такія отрицательныя черты, какъ жестокость, страданіе, власть, для него является морально цѣннымъ.

Въ сущности, Ницше употребляетъ слова изъ лексикона обыденной рѣчи, поэтому онъ нерѣдко подавалъ поводъ судить о себѣ, какъ о защитникѣ насилія. Индивидуализмъ не имѣетъ своей терминологіи, и Ницше приходится перевести свои понятія съ своего языка на языкъ общепринятой морали.

Ницше стоитъ по ту сторону не только добра, но и зла. Современное зло было нѣкогда такимъ же стаднымъ инстинктомъ и считалось добромъ, а къ такой морали онъ относится отрицательно.

Ницше не даетъ права „ни одной мрази воображать себя сверхъчеловѣкомъ", потому что въ основѣ натуры такого человѣка лежитъ атавизмъ, т. е. возвращеніе къ той морали, которая нѣкогда была господствующей. Тѣмъ, что онъ лишаетъ порокъ его выгоды, онъ убиваетъ его ядъ. Ницше старается подчеркнуть свое различіе отъ тѣхъ господъ, которымъ бы очень пришлось по душѣ восхваленіе зла.

„Ты себя называешь свободнымъ? Я хочу слышать о твоихъ господствующихъ мнѣніяхъ, а не о томъ, что ты увернулся отъ ярма. Свободенъ отъ чего? Какое дѣло до этого Заратустрѣ? Твой взглядъ долженъ ясно говорить мнѣ: свободенъ для чего"?

Съ другой стороны, Ницше съ вдохновеніемъ пророка говоритъ о великой любви: его Заратустра падаетъ въ обморокъ отъ состраданія при видѣ самаго уродливаго человѣка.

Онъ признаетъ очень цѣннымъ состраданіе у того человѣка, который можетъ храбро защищать свои идеи, который можетъ смѣло осуществить свои планы; словомъ, у того, который сейчасъ же переходитъ къ дѣлу. „Но что за дѣло до состраданія тѣмъ людямъ, которые страдаютъ, или же тѣмъ, которые проповѣдуютъ состраданіе"?

Все это доказываетъ, насколько можно толковать Ницше буквально, какъ легко перевернуть всю его философію наизнанку и совершенно не понять его, воображая, что стрѣлы филистерской морали окончательно пронзили его.

Онъ ненавидѣлъ эти снотворныя добродѣтели, эти маленькія дѣла, эту любовь къ ближнему по столовой ложкѣ, эти пошлыя упражненія въ добросердечіи и соболѣзнованіи, эти милостыни обглоданной кости, оскорбляющія какъ дарящаго, такъ и получающаго, эту спокойную совѣсть для правильнаго пищеваренія и ненарушимаго сна.

Этотъ имморалистъ, который объявилъ войну всему тому, что традиція считала священнымъ, который направилъ свои удары молота противъ установившихся понятій добра и зла, только и заботится о новыхъ цѣнностяхъ.

Въ то время, когда Шопенгауеръ наигрывалъ на флейтѣ „laede neminem", Ницше мучился надъ своимъ пессимизмомъ, который зашелъ дальше Шопенгауеровскаго. Его утопическій сверхъ-человѣкъ есть крикъ измученной души пессимиста, который потерялъ вѣру, но хочетъ вѣрить.

Это настроеніе ясно выражено въ предисловіи къ „Утренней Зарѣ“.

Чтобы дискредитировать цѣнность современной европейской морали, Ницше предпринимаетъ экскурсію въ область генеалогіи морали. Онъ не согласенъ съ англійской школой, которая объясняетъ возникновеніе альтруистическихъ чувствъ традиціей. Сначала, по мнѣнію англійскихъ моралистовъ, неэгоистическія дѣйствія хвалили люди, которымъ эти дѣйствія были полезны, затѣмъ, въ силу привычки, эти дѣйствія стали называться хорошими, независимо отъ того, кому они были полезны.

Но такое толкованіе съ психологической точки зрѣнія невѣрно. Чѣмъ больше ощущалась полезность какого-нибудь поступка, тѣмъ яснѣе она должна была выступить въ сознаніи.

Когда Бентамъ открылъ гармонію интересовъ общества и личности, то этотъ наивный оптимизмъ казался подозрительнымъ уже его послѣдователямъ. Нравственность, лишенная опоры супранатуралистическаго начала, тѣмъ не менѣе должна была быть выведена научно на прочной почвѣ человѣческаго общежитія. Бентамовская система могла бы праздновать побѣду, если бы въ дѣйствительной жизни наблюдали гармонію интересовъ. На самомъ же дѣлѣ эта гармонія была фиктивной. Этого не могли скрыть преемники Бентама, которымъ, во что бы то ни стало, нужно было создать ее. Если нѣтъ дѣйствительной гармоніи, нужно создать фиктивную. Дѣло шло о спасеніи морали, общества и англійской промышленности. Нужно было перебросить мостъ черезъ зіяющую пропасть, а магическимъ мостомъ, конечно, послужитъ психологическая теорія ассоціаціи идей. Нужно было, чтобы человѣкъ какъ-нибудь забывалъ о дисгармоніи интересовъ, чтобы создалась благодѣтельная привычка. Теорія ассоціаціи идей послужила англійской психологіи для созданія какой-то иллюзіи солидарности, которая, вѣдь, не хуже дѣйствуетъ, чѣмъ настоящая, реальная солидарность. Ею впервые воспользовался Дж. Стюартъ Милль.

„Нѣтъ надобности, — говоритъ онъ,—для того, чтобъ я интересовался ближнимъ, чтобы его интересы въ дѣйствительности были безпрерывно связаны съ моими,—достаточно, если это случается очень часто. Интересы ближняго будутъ тогда вполнѣ естественно связываться съ моими въ моей мысли, и этого достаточно, даже, если наши интересы расходятся всѣ:—они будутъ соединяться внутри меня“.

Такимъ образомъ получается какая-то фиктивная совѣсть, „полусовѣсть“, которая вовлекаетъ человѣка въ невыгодную сдѣлку, заставляетъ его внѣшнимъ, механическимъ путемъ постоянно ассоціировать свое личное благо съ чужимъ.

Къ сожалѣнію, Дж. Стюартъ Милль не принялъ во вниманіе, что каналья-сознаніе растолкуетъ субъекту все коварство ассоціаціи идей.

Не на болѣе твердой почвѣ находится и другой англійскій мыслитель—психологъ Бенъ.

Онъ также придерживается спасительной теоріи ассоціаціи идей, но у него нравственное чувство ассоціируется со страхомъ наказанія.

„Въ силу такого дѣйствія смежной ассоціаціи страхъ наказанія соединяетъ извѣстное запрещенное дѣйствіе съ чувствомъ отвращенія, которое впослѣдствіи существуетъ само по себѣ, безотносительно къ наказанію“.

Позже отвращеніе къ тому или другому дѣйствію, соединяемому въ умѣ съ предстоящими страданіями и наказаніями, становится самостоятельнымъ безкорыстнымъ чувствомъ, а первоначальный мотивъ страха наказанія претворяется въ сознаніе отвѣтственности.

Происхожденіе нравственнаго чувства опредѣляетъ такимъ образомъ и дальнѣйшее его развитіе.

Человѣкъ не только боится внѣшней власти, но и начинаетъ подражать, онъ не только пассивно подчиняется авторитетамъ, но и *самостоятельно* начинаетъ отдавать себѣ приказаніе. Судъ внутренняго голоса является подражаніемъ суду внѣшнему. „Совѣсть“–формулируетъ Бенъ,—есть внутреннее подражаніе внѣ насъ установленному порядку“.

Такимъ образомъ во взглядахъ англійскихъ психологовъ мораль является только ловушкой для „безсознательныхъ“ душъ.

Забвеніе, ассоціація и подражаніе — вотъ тѣ средства, какія пускаетъ въ ходъ англійская психологія для торжества нравственнаго чувства.

Здѣсь, замѣчаетъ Ницше, есть и польза, и забвеніе, и привычка, и въ концѣ концовъ „ошибка“, будто бы на всемъ этомъ основывалась оцѣнка, которою высшій человѣкъ гордился до сихъ поръ, какъ преимуществомъ человѣка вообще *).

Гораздо логичнѣе теорія Спенсера, по которой понятіе о хорошемъ и дурномъ есть результатъ *незабвенныхъ опытовъ* цѣлыхъ поколѣній.

Но и эта теорія, устраняющая психологическое противорѣчіе, невѣрна съ исторической точки зрѣнія. Невѣрно, что понятіе „хорошій“ дали тѣ люди, которымъ оказано было добро: ему дали начало сами хорошіе. Нѣтъ необходимости примѣнять неэгоистическія дѣйствія къ первоначальному понятію „хорошій“. Позже только хорошее стало синонимомъ альтруизма. Поэтому Ницше устанавливаетъ историческое развитіе двухъ основныхъ типовъ морали, кореннымъ образомъ отличающихся другъ отъ друга—мораль господъ и мораль рабовъ.

Въ исторіи мы постоянно наталкиваемся на условія возникновенія этихъ двухъ скрижалей цѣнностей. Всякая побѣждающая раса развиваетъ въ себѣ отличительныя душевныя черты — смѣлость, рискъ, равнодушіе къ опасностямъ, страстное упоеніе побѣдой и жестокостью. Разгулъ страстей, радостное сознаніе власти и силы, ощущеніе бьющей ключомъ жизни,—все это превозносится, какъ „хорошее“. Но на ряду съ этой аристократической оцѣнкой должна развиваться другая — противоположная. Въ средѣ жреческихъ кастъ и покоренныхъ расъ рабская мораль находитъ весьма благопріятныя условія для своего развитія.

Жрецы должны были отличаться чистотой, которую съ самаго начала нужно было понимать въ буквальномъ смыслѣ. Опрятное содержаніе тѣла, воздержаніе отъ пищи, отвращеніе отъ крови, —таковы первоначальныя требованія физической гигіены, которая потомъ выростаетъ въ нравственный кодексъ. Запрещеніе мясной пищи, цѣломудріе, бѣгство въ пустыню, проповѣдь нирваны — основныя правила этого кодекса.

Болѣзненность и подавленіе инстинктовъ, безсиліе должны были развиться на почвѣ аскетизма.

Проповѣдь аскетизма должна была пользоваться больше всего успѣхомъ среди покоренныхъ расъ:—аскетизмъ ослабляетъ побѣдителей и придаетъ смыслъ существованію обездоленныхъ.

Самымъ яркимъ носителемъ аскетическаго культа явились евреи и какъ жреческій, и какъ покоренный народъ. Все творчество еврейскаго духа было направлено на созданіе моральныхъ цѣнностей, идущихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими аристократическими оцѣнками. Уже первый семитическій миѳъ о грѣхопаденіи заговорилъ языкомъ морали, осудившей прародительницу Еву за то, что она вкушала древо познанія.

Евреи совершили радикальную переоцѣнку цѣнностей. Господствующую формулу „хорошій“ и „дурной“

*) Генеалогія морали.

они замѣнили другой — „добрый“ и „злой“. „Хорошій“ и „дурной“, равно какъ „добрый“ и „злой“, вовсе не два равнозначущія понятія. Критеріемъ первой оцѣнки — морали господъ служатъ совершенно другія дѣйствія, различающіяся по существу отъ дѣйствій, лежащихъ въ основѣ морали рабовъ. Дѣятельность „господъ“ самопроизвольна,—рабовъ — реактивна. Господинъ активенъ, силенъ, въ дѣятельности онъ видитъ свое счастіе; „рабъ“ пассивенъ, безсиленъ, въ отреченіи отъ жизни, отъ подвиговъ онъ видитъ свое призваніе. Господинъ безразсуденъ, отваженъ въ опасности, смѣлъ въ борьбѣ съ врагомъ. Рабъ остороженъ, сообразителенъ. Разсудительность для „господина“ является утонченной роскошью, для „раба“ только средствомъ существованія.—„Господинъ“ щедръ отъ избытка силъ; „рабъ“ даритъ по долгу, вслѣдствіе самоотреченія и апатіи къ жизни. Господинъ даетъ положительное содержаніе жизни, „рабъ“ — отрицательное. Быть сильнымъ, храбрымъ, правдивымъ, дѣятельнымъ — такова положительная оцѣнка господина; быть добрымъ, кроткимъ, терпѣливымъ, сострадательнымъ — такова негативная оцѣнка раба.

Нелѣпо, слѣдовательно, на основаніи различія господъ и рабовъ приписывать Ницше реакціонные взгляды. Для него это моральныя категоріи, а не соціальныя. Рабы, по его мнѣнію, тѣ, которые подчиняются общинѣ, которые ставятъ свое личное благополучіе въ связи съ ея благополучіемъ; господа это тѣ, которые имѣютъ свой собственный независимый умъ, для которыхъ разсчеты общества никакого значенія не имѣютъ. Для общества господа являются вреднымъ элементомъ, для господъ общество — ярмомъ. Рабамъ господа приносятъ страшный вредъ, потому что они подрываютъ основы и, слѣдовательно, то, чѣмъ живетъ рабъ. Рабы желаютъ укротить господъ, употребляютъ свои мѣры воздѣйствія, а главнымъ образомъ рабскую мораль, которая все, что охраняетъ общину, провозглашаетъ святымъ, а все независимое—порочнымъ. Господинъ готовъ пострадать, уйти въ пустыню и даже умереть, лишь бы не подчиняться общественному игу, но его возмущаетъ та мораль, которая не только оправдывается, но и объявляется священной, — борьба противъ нравственности господъ.

Въ „рабахъ“ и „господахъ“ Ницше мы можемъ скорѣе видѣть героевъ „философскаго романа“, чѣмъ, дѣйствительно, реальныя общественныя группы. Поэтому насъ нисколько не поражаетъ тотъ фактъ, что въ число его господъ попадаетъ не кто иной, какъ Мирабо, не мало способствовавшій торжеству принциповъ „рабской морали“. Не противъ соціальныхъ „рабовъ“, какъ таковыхъ, выступаетъ Ницше, а противъ рабскаго духа, которымъ проникнуты различныя моральныя системы, въ томъ числѣ и кантовская этика.

Кантовская система нравственности основывается на категорическомъ императивѣ; повиновеніе, составляющее нервъ общественной жизни, является отличительной чертой рабской морали.

„Во мнѣ достойно то, что я могу повиноваться, и вы должны это мочь, какъ и я, — такія мысли внушаетъ Кантъ“.

„Открытіе категорическаго императива не есть нѣчто возвышающее,— пишетъ Ницше. — Понятно, что съ бо̀льшей охотой желаютъ имѣть безусловное приказаніе, безусловную заповѣдь, чѣмъ что-нибудь условное. Безусловное позволяетъ намъ освободить интеллектъ отъ труда и больше соотвѣтствуетъ нашей неподвижности“.

„Все это принадлежитъ къ области слѣпой, военной дисциплины, къ которой изстари привыкли люди: они думаютъ, что будетъ больше порядка и безопасности, когда будетъ абсолютная власть и абсолютное

подчиненіе. Поэтому людямъ захотѣлось, чтобы моральный императивъ былъ категорическимъ: они думаютъ, что въ такомъ видѣ онъ принесетъ наибольшую пользу". Кантъ былъ пессимистомъ. „Онъ вѣрилъ въ мораль не потому, что она была доказана природой и исторіей, но несмотря на то, что природа и исторія постоянно противорѣчили ей: credo, quia absurdum est".

Поэтому для того, чтобы сдѣлать свою мораль неопровержимой и недоступной нападкамъ разсудка, Кантъ изобрѣлъ міръ нуменовъ—логическое по ту сторону. Съ этой цѣлью была предпринята имъ его „критика чистаго разума". Кантъ самъ смотрѣлъ на свою задачу, какъ на средство „упрочить, уравнять почву для величественныхъ нравственныхъ зданій". Но вѣдь фундаментъ его этики—чистый разумъ—по мнѣнію Ницше, является не менѣе шаткимъ, чѣмъ сама нравственность.

„Не странно ли требовать, чтобы орудіе само оцѣнивало свою пригодность и свое качество, чтобы интеллектъ самъ познавалъ свою цѣну, свою границу, не отзывается ли это даже немного безсмыслицей"?

Ницше относится отрицательно къ утилитарной морали. Общее благо для него является contradictio in adjecto: что всѣмъ принадлежитъ, то не можетъ быть общепризнаннымъ благомъ, что восхищаетъ раба, то возбуждаетъ отвращеніе у господина, что сдѣлалось общимъ достояніемъ, то не можетъ быть идеаломъ человѣка, который постоянно стремится къ новымъ цѣнностямъ. Критеріемъ утилитарной морали служитъ счастье. Но Ницше не видитъ въ счастьѣ цѣли и призванія человѣка. Общее благополучіе для него является концомъ, а не началомъ, признакомъ вырожденія, идеаломъ маленькихъ людей, безсильныхъ, безвольныхъ, спокойно пасущихся на зеленомъ лугу. Стрѣлы его сатиры направлены на утилитариста, который съ аршиномъ въ одной рукѣ, съ вѣсами въ другой, приступаетъ къ разрѣшенію глубочайшихъ вопросовъ жизни. Въ его морали все возбуждаетъ отвращеніе Ницше:—и точныя ариѳметическія вычисленія, подводящія итогъ суммѣ счастья, и оцѣнки человѣческихъ дѣйствій съ точки зрѣнія пользы, и довольство, и благополучіе, какъ критерій цѣлей человѣческой жизни, и мелкогражданскія добродѣтели, вытравляющія порывы изъ души современнаго человѣка.

Состояніе современнаго общества это сплошная болѣзнь. Но если бы оно чувствовало свою боль, то, пожалуй, можно было бы надѣяться на излѣченіе. Боль является иногда спасительнымъ предупрежденіемъ. Европейцы, по мнѣнію Ницше, это больные, не чувствующіе никакой боли. Религія состраданія сыграла роль анэстезирующаго средства, узаконила все униженное, уродливое, смиренное. Благодаря ей, слабый человѣкъ могъ противоставить свою доброту и не чувствовать никакого гнета отъ своей слабости. Она есть продолженіе борьбы съ инстинктами, которую затѣялъ Сократъ и которая позднѣе перешла къ іудеямъ. Эта борьба продолжается до настоящаго времени. За рабскую мораль стоитъ вся современная философія съ Кантомъ во главѣ.

Если бы мы пожелали выдѣлить положительные элементы моральной теоріи Ницше, то намъ необходимо остановиться на антиметафизическомъ характерѣ объясненія моральныхъ явленій. Ницше осмѣливается брать мораль, какъ проблему. Мораль является такимъ же продуктомъ приспособленія человѣка къ жизни, какъ познаніе, какъ формы общежитія. Нѣтъ абсолютныхъ истинъ, нѣтъ и абсолютныхъ нормъ морали. Мораль можетъ служить показателемъ степени жизненной интенсивности.

Разсмотрѣніе существующихъ моральныхъ системъ служитъ свидѣ-

тельствомъ пониженія жизненной энергіи. Кантовская система морали свидѣтельствуетъ о раздвоеніи личности. Склонность и долгъ разрываютъ цѣльность человѣческой натуры.

Утилитаристы основываютъ мораль на счастьѣ, но замѣна стремленія къ опредѣленной цѣли стремленіемъ къ счастью указываетъ на неспособность человѣка къ подвигамъ, риску, напряженію воли. Слѣдовательно, и здѣсь выступаетъ начало вырожденія. Мораль для Ницше является не первичнымъ, а вторичнымъ факторомъ; она сама подчиняется біологическому началу. Только та скрижаль цѣнностей положительна, которая повышаетъ энергію личности, увеличиваетъ напряженность и силу ея жизни. Ницше мыслитъ мораль въ условіяхъ эмпирической дѣйствительности. Онъ снимаетъ съ нея ея мистическій покровъ. Человѣческій духъ создаетъ извѣстныя цѣнности, необходимыя для продолженія рода;—онъ выработалъ познавательныя и нравственныя понятія для того, чтобы успѣшно вести борьбу за существованіе. Истина и добро сами по себѣ не составляютъ абсолютной цѣнности, но человѣку выгодно и удобно въ интересахъ рода выдавать за абсолютное относительную истину и преходящее добро. Человѣкъ окрашиваетъ міръ въ ложный цвѣтъ незыблемыхъ цѣнностей. Для Ницше нѣтъ „объективныхъ“ формъ морали. Онъ не понимаетъ моральнаго чувства безъ мотива, вызвавшаго его, безъ условія, породившаго его.

Человѣкъ познаетъ, потому что инстинктъ власти побуждаетъ классифицировать, разлагать, комбинировать,—вносить порядокъ въ хаосъ ощущеній. Вѣра въ синтетическія сужденія à priori, въ противоположность субъекта и объекта, получили значеніе не вслѣдствіе истинности этой вѣры, а вслѣдствіе необходимости вѣры въ ихъ истинность. Точно также понятія, служащія основой нашихъ нравственныхъ сужденій, какъ свобода воли и необходимость, не истинны сами по себѣ.

Ученіе о свободѣ воли явилось, какъ результатъ стремленія человѣка возложить всю отвѣтственность на самого себя и со смѣлостью, превосходящею смѣлость Мюнгаузена, вытащить самого себя за волосы изъ болота ничтожества на свѣтъ Божій. Но и понятіе о несвободной волѣ является результатомъ злоупотребленія причиной и слѣдствіемъ, ихъ ошибочнаго овеществленія, потому что на причинную связь нужно смотрѣть только, какъ на условныя, фиктивныя понятія, какъ на знаки, необходимые для обозначенія, для пониманія.

На самомъ же дѣлѣ существуетъ сильная и слабая воля, которая въ головѣ мыслителя отражается въ видѣ свободной и несвободной воли; другими словами, ученіе моралистовъ о свободѣ и необходимости является только симптомами пониженія или подъема жизненной энергіи.

Отсюда ненависть Ницше ко всякому догматизму, проявляющемуся либо въ категорическомъ императивѣ, либо въ какомъ-нибудь иномъ метафизическомъ оправданіи добра.

Тѣмъ страннѣе должны показаться попытки нео-идеалистовъ сблизить индивидуализмъ и мораль долга, попытки—насильственно бросить Ницше въ объятія Канта.

Конечно, примиреніе не можетъ произойти безъ стиранія характерныхъ особенностей обоихъ философовъ. Нужно смягчить пуританскую суровость Канта и укротить необузданную „волю къ мощи“ Ницше. Отъ такого сочетанія, по мнѣнію идеалистовъ, произойдетъ трогательное сліяніе должнаго и желаемаго. „Кантъ, говоритъ г. Бердяевъ, держался еще того традиціоннаго воззрѣнія, что человѣческая природа грѣховна и испорчена, а потому пришелъ къ цѣлому ряду ложныхъ этическихъ положеній, въ корнѣ от-

рицающихъ діонисовское начало жизни". Съ другой стороны, Ницше „въ нѣкоторыхъ своихъ положительныхъ построеніяхъ, на которомъ лежитъ печать „имморальности" и жестокости, сбивается на натуралистическій эволюціонизмъ и гедонизмъ".

Тѣмъ не менѣе г. Бердяевъ убѣжденъ, что „проповѣдь сверхъ-человѣка есть проповѣдь „абсолютнаго долга", что „отрицатель должнаго" на каждомъ шагу измѣняетъ самому себѣ".

Г. Франкъ также приближается въ этомъ пунктѣ къ подобному толкованію. „Имморалистъ (Заратустра), пишетъ онъ, „проводитъ всю свою жизнь въ моральномъ поученіи людей". „Протестъ Ницше противъ моральнаго принужденія означаетъ лишь настаиваніе на необходимости и *моральномъ* (курс. нашъ) значеніи нравственно цѣльныхъ натуръ, для которыхъ „*должное*" есть вмѣстѣ съ тѣмъ и „*желаемое*".

Гг. Бердяевъ и Франкъ пытаются во что бы то ни стало устроить полюбовную сдѣлку между Ницше и Кантомъ. Но отъ такой полюбовной сдѣлки не поздоровилось бы ни Ницше, ни Канту. Мораль долга низводится, сказалъ бы Кенигсбергскій философъ, „до эмпиризма во всей наготѣ его мелочности", а Ницше, глядя на своего общипаннаго индивидуалиста, подгоняемаго плеткой категорическаго императива *), питающаго почтеніе къ человѣку, какъ „самоцѣли" и подкрѣпляющагося метафизическимъ идеализмомъ для различныхъ „высокихъ" цѣлей, улыбнулся бы и, пожалуй, бросилъ бы въ него „декадентомъ".

Говорить о *моральномъ* значеніи должнаго и желаемаго, какъ это дѣлаютъ г-да идеалисты, не приходится, потому что при совпаденіи индивидуальныхъ потребностей и моральныхъ побужденій исчезаетъ и мораль, и моральная оцѣнка. Сосуществованіе должнаго и желаемаго въ субъектѣ есть психологическая безсмыслица, такъ какъ страстное желаніе невозможно воспринимать, какъ должное.

Игнорированіе этого обстоятельства приводитъ къ игнорированію всей культурной проблемы, которую Ницше пытается рѣшить.

Попытки нашихъ идеалистовъ внести индивидуализмъ и антиэвдемонизмъ въ общественную жизнь, можетъ быть, примирили ихъ самихъ съ собой, но не индивидуалиста съ обществомъ. Представители нашего идейнаго общественнаго движенія должны знать, что элементы ученія Ницше совершенно непримѣнимы къ общественнымъ теченіямъ. Если бы нашимъ индивидуалистамъ удалось внести антиэвдемонизмъ въ общественную жизнь, они бы только ослабили то движеніе, защитниками котораго они являются. Въ общественной жизни гедонизмъ *) составляетъ нервъ всякаго движенія. Съ другой стороны, индивидуалистъ долженъ знать, что его интересы слишкомъ враждебны обществу; поэтому его посягательства всегда встрѣтятъ надлежащій отпоръ; онъ долженъ знать, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать общество, будетъ существовать и стадная мораль, что съ осуществленіемъ идеала сверхъ—человѣка оно должно распасться. Утопизмъ его идеала долженъ отрезвить наше общество. Вѣдь, не скакать же намъ, подобно Заратустрѣ, по вершинамъ горъ! Тѣ послѣдователи Ницше, которые хотятъ воплотить его ученіе въ жизнь, могутъ доказать справедливость вы-

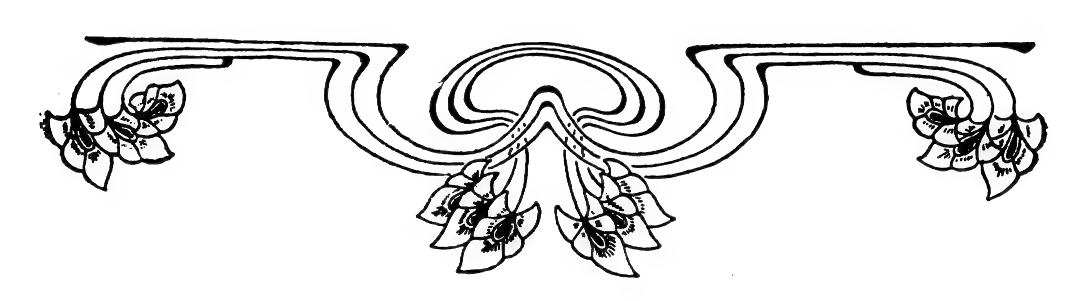
*) Категорическій императивъ у Канта— нравственный законъ, не зависимый отъ чего либо иного и требующій безусловнаго повиновенія.

*) Гедонизмъ (или идонизмъ) — ученіе, по которому цѣлью человѣка является удовольствіе. Эвдемонизмъ же ставится цѣлью жизни счастіе, при чемъ послѣднее можетъ разсматриваться различно: какъ пользованіе чувственными наслажденіями или, напротивъ, духовными.

шесказаннаго. Какъ далеки они отъ идеала своего учителя! Все больное, вырождающееся хватается за это ученіе, чтобы оправдать свою собственную непригодность! Ницшеанство, какъ общественное теченіе, есть симптомъ реакціи, симптомъ не силы, а слабости.

Значеніе Ницше не въ томъ, чтобъ сдѣлаться моднымъ ученіемъ различныхъ дегенератовъ, вульгаризирующихъ все чистое, извращающихъ все святое, — его значеніе гораздо глубже. Ницше, какъ настроеніе, возвышающее насъ надъ будничными интересами, какъ великое предупрежденіе, наконецъ, какъ прекрасное дезинфецирующее средство, можетъ ободрить и укрѣпить.

Т. Сожинъ.



Се женихъ грядетъ.

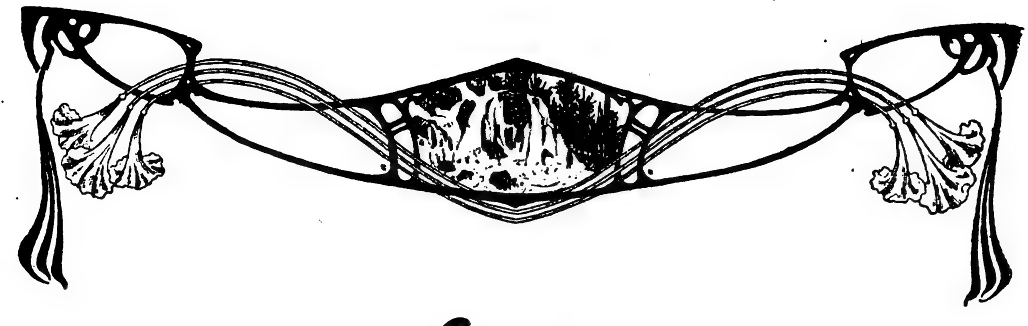
Еще темно кругомъ, а ночь тиха,
Но всѣмъ пора собраться вмѣстѣ. Гдѣ вы?
Готовы ль вы ко встрѣчѣ жениха,
Готовы ль вы, невѣсты—дѣвы?

Готовы ли цвѣты на свѣтлый пиръ?
Полны ли масломъ брачныя лампады?
Настроены ли струны звонкихъ лиръ?
Готовы ль брачные наряды?

Богатъ ли силъ живительныхъ запасъ?
Не отравлены ли истомой сонной?
Кристально ли ясны сердца у васъ?
Довольно-ли мирры благовонной?

Еще темно кругомъ, и ночь тиха,
Но скоро, скоро станутъ таять тѣни...
Готовы-ль? Выйдемъ встрѣтить жениха
За дверь, на входныя ступени...

И. Мордвиновъ.



Ложь.

(Посвящается Елиз. Григ. Первухиной).

Е. Азгарова.

I.

Учитель Энской классической гимназіи, Николай Львовичъ Вагинъ проснулся утромъ очень рано съ тяжелой, словно налитой свинцомъ головою и непріятнымъ ощущеніемъ щекочущей сухости во рту. Его разбудилъ глухой и настойчивый вой желѣзнодорожнаго гудка.

Вагинъ повернулся на бокъ и, слегка приподнявъ голову съ подушки, прислушался къ унылому журчанію хлеставшаго въ окна дождя, сливавшемуся вмѣстѣ со стономъ вѣтра и тупымъ, ноющимъ звукомъ гудка въ одну ужасную, дикую мелодію. Онъ прислушался, и все его существо какъ-то сразу сдавило и сжало чувство неутолимой, жгучей и безнадежной тоски, заставивъ его вздрогнуть и судорожно стиснуть въ рукахъ уголъ подушки.

Онъ открылъ глаза и въ неясной предразсвѣтной полутьмѣ различилъ слабыя очертанія своего письменнаго стола, черный прямоугольникъ портрета жены на фонѣ свѣтлыхъ обой и темную безформенную массу платья на стулѣ. Обстановка кабинета, въ которомъ онъ не привыкъ просыпаться, быстро прожгла его мозгъ воспоминаніемъ о грубой и безобразной сценѣ вчерашней ссоры съ женой. Онъ вспомнилъ рядъ безсмысленныхъ, жестокихъ попрековъ, которыми онъ поносилъ ее, рядъ укоровъ и обвиненій, несправедливыхъ и тяжкихъ, которые онъ бросилъ ей въ лицо, брань рѣзкую, почти циничную, и тотъ моментъ, когда онъ, не владѣя собой, швырнулъ въ нее стаканомъ,—и жгучее чувство недовольства собой и сожалѣнія проникло его.

Онъ, словно стараясь уйти отъ этого ужаснаго ощущенія какой-то сосущей боли въ сердцѣ, съ головой окутался въ одѣяло. Шерсть непріятно колола лицо, тяжело было дышать, и кровь горячей и шумной волной ударяла въ голову. А во тьмѣ закрытыхъ глазъ все рѣзче и рѣзче выступалъ передъ нимъ образъ его жены, уже не молодой, но красивой и прекрасно сохранившейся женщины. Изъ тьмы на него смотрѣлъ полный нескрываемаго презрѣнія и ненависти ея упорный, тяжелый взглядъ. Ясно и четко въ его воспаленномъ мозгу рисовалась вся вчерашняя сцена—вчера—только непріятная, сегодня—полная значенія, заставлявшая мысль упорно, съ какой-то болѣзненной настойчивостью работать въ томъ направленіи, куда данъ былъ толчекъ. Услужли-

вая работа памяти выталкивала передъ нимъ одну за другой мелкія подробности перебранки, вчера — ничтожныя, пустыя, сегодня — важныя, полныя смысла.

Ссора, въ сущности, началась изъ за пустяковъ. Послѣ безсонной ночи онъ вышелъ къ утреннему чаю хмурый, злой, съ накипѣвшимъ въ груди безпричиннымъ, болѣзненнымъ раздраженіемъ. Не глядя на жену и не поздоровавшись съ ней, онъ тяжело опустился на свое мѣсто. Нахмурившись, онъ небрежно взялъ протянутый ему Валеріей Константиновной стаканъ чаю и вдругъ замѣтилъ на ложечкѣ кусочекъ прилипшаго къ ней не то тѣста, не то пѣнки со сливокъ. Не говоря ни слова и также не глядя на жену, онъ швырнулъ ей эту ложечку. Она со звономъ упала на металлическій подносъ, заставивъ Валерію Константиновну вздрогнуть отъ неожиданности. Вагинъ видѣлъ, какъ скользнулъ по немъ испуганный, недоумѣвающій взглядъ жены, и отвѣтилъ ей:

— Вѣчная грязь... Прикажешь мнѣ кухней заняться? Придется въ концѣ концовъ... Полный просторъ будетъ для чтенія романовъ...

Валерія Константиновна что-то рѣзко ему отвѣтила. Началась обычная супружеская ссора. Въ домѣ Вагиныхъ онѣ часто повторялись въ послѣднее время. Жгучее раздраженіе, недовольство созданной вокругъ обстановкой, другъ другомъ, — накипѣвшее, наболѣвшее, подступавшее къ сердцу— вырывалось какъ-то сразу. Съ мелочей они невольно бросались къ самой сути, къ тому, что давило ихъ обоихъ, къ тому, что не давало имъ жить. Такъ было и теперь: они сразу пошли къ тому главному, что доминировало надъ всѣми ихъ душевными движеніями.

Во время обычныхъ домашнихъ ссоръ Вагинъ никогда не сдерживалъ себя. Онъ жгуче ненавидѣлъ въ эти моменты жену и не стѣснялся высказывать ей это. Съ ея стороны онъ видѣлъ такую же ненависть, смѣшанную съ презрѣніемъ, и это еще болѣе разжигало и возбуждало его.

Не стѣсняясь выраженіями, не боясь оскорбить ее, онъ кричалъ:

— Ты скажи мнѣ: можемъ мы при этихъ условіяхъ жить вмѣстѣ?! Прямо скажи!—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

— Ты не вносишь въ семью ничего, кромѣ слезъ, плача, истерикъ... не даешь мнѣ ни одного луча свѣта... Такъ не можетъ продолжаться дольше. Если я приношу матеріалъ для жизни, то твое дѣло строить нашу жизнь изъ него. Ты отказываешься отъ этого, повидимому. Ты не хочешь знать ничего, кромѣ катанья на чужихъ саночкахъ... на чужихъ горбахъ. Я къ тебѣ никакихъ особенныхъ требованій не предъявляю. Я добиваюсь только одного, на что я, кажется, имѣю права — покоя. Я хочу, чтобы, когда я прихожу со службы измученный и разбитый, мнѣ дома давали-бы отдыхать. Не изводили-бы меня... Я требую отъ тебя только того, чтобы ты хотя слегка бы занялась хозяйствомъ и не сидѣла бы пумой американской за столомъ. Я въ твою личную жизнь не вмѣшиваюсь. Принимай въ мое отсутствіе элегантныхъ молодыхъ людей, катайся съ ними, ужинай по ресторанамъ...

— Что ты сказалъ? — спросила его Валерія Константиновна, помертвѣвъ отъ негодованія и наступая на него.—Повтори, что сказалъ! Подлецъ ты! Ты лжешь, смѣешь лгать мнѣ въ лицо...

Голосъ ея осѣкся, задрожавъ отъ волненія. Она помолчала и потомъ, подавивъ въ себя приступы гнѣва, заговорила быстро, горячо и постепенно повышая голосъ:

— Оставимъ это. Ты указываешь мнѣ на мой долгъ... Я его не признаю въ томъ направленіи, которое ты указываешь. Понимаешь-ли: не признаю! И не хочу признавать. Я клялась быть твоимъ другомъ,

помощницей, но быть твоей экономкой, квартирной хозяйкой, кухаркой я не хочу и не буду. Только —экономкой, только — кухаркой... Скажи прямо: была ли я хотя одинъ моментъ твоимъ другомъ, сознавалъ ли ты хотя одинъ моментъ, что я такой же полноправный членъ семьи, какъ и ты... Ты сначала сдѣлалъ меня своей любовницей, создалъ вокругъ меня атмосферу гарема, нездоровую, приторно-сладкую, возбуждающую, противную. Ты шелъ къ моему тѣлу, а не ко мнѣ... Теперь тебѣ все это надоѣло, и ты хочешь устарѣвшую одалиску обратить въ прислужницу, въ кухарку.

Такъ, такъ... Это естественно, вполнѣ естественно. Но я на это не согласна! Понимаешь ли: не согласна! Когда ты взялъ меня, молодую, наивную, влюбленную, я не подозрѣвала, что ты за ничтожество... Я не понимала того, что прямо бросалось въ глаза, того, что я была твоей содержанкой, аппаратомъ для удовлетворенія твоихъ похотей... Я поняла это теперь... слишкомъ поздно! Что прикажешь мнѣ теперь дѣлать?! Я не могу быть твоей кухаркой...

— Зачѣмъ же ты со мной живешь? Чортъ возьми, зачѣмъ же ты на моемъ горбѣ свое благополучіе строишь? Зачѣмъ ты свое сало ростишь, вытягивая изъ меня соки?— закричалъ, уже не помня себя, Вагинъ.

— Зачѣмъ? О, это все крайне просто... очень просто! Вернемся къ началу нашей совмѣстной жизни. Ты взялъ меня изъ бѣдной семьи... Ты, вѣдь, зналъ, что-за мной, кромѣ нѣсколькихъ жалкихъ тысячъ, нѣтъ ничего. И тогда ты, рыцарь славный, какъ мило ты тогда говорилъ: все мое—твое. А я вѣрила. Слишкомъ наивна была! И вотъ, я сдѣлалась твоей... одалиской. Ты нѣжилъ меня, ты тщательно устранялъ отъ меня все то, что такъ или иначе могло повредить мою пластику, огрубить мои руки, мое лицо. Ты былъ крайне внимателенъ тогда, настолько, насколько хозяинъ можетъ быть внимателенъ къ вещи, за которую ему пришлось дорого заплатить.

И вотъ, тогда еще у меня мелькнула мысль: вѣдь, я—его одалиска! И, помнишь... помнишь, я тогда пыталась перемѣнить свое положеніе, стать твоимъ другомъ... Смѣшно теперь это! Я пыталась показать, себя человѣкомъ въ твоихъ глазахъ. а ты... ты платилъ обычные оброки виноторговцамъ и содержателямъ увеселительныхъ заведеній, ты приходилъ ко мнѣ только затѣмъ, чтобы обнимать меня, нѣжить свое тѣло. Впрочемъ, ты иной разъ удостаивалъ меня своей бесѣдой... Ты разсказывалъ мнѣ о томъ, хорошо или дурно улегся майонезъ въ твоемъ желудкѣ, ты могъ высказать мнѣ, какъ у тебя „трещитъ голова" послѣ усерднаго знакомства съ бутылкой коньяка или мараскина, ты дѣлился со мной своими опасеніями на счетъ того, что мошенникъ-староста не пришлетъ къ необходимому сроку денегъ... Иной разъ, въ приливѣ откровенности, ты разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ тебѣ нравятся ноги Анны Павловны!.. Ты ослабилъ мою волю, ты задержалъ мое умственное и нравственное развитіе, принизилъ меня, сдѣлалъ меня чѣмъ то вродѣ домашняго животнаго... И ты, подлецъ, смѣешь упрекать меня за то, въ чемъ ты самъ виноватъ?!.. А разговоры относительно горба на спинѣ можешь оставить... не для меня они. Ты думаешь, что я не знаю, какъ тебѣ ученики въ тетрадки кредитки вкладывали?.. Подлецъ ты...

У Вагина что-то больно всколыхнулось и заныло въ груди. Кровь горячей волной прилила къ головѣ, въ глазахъ заплясали темныя пятна. Не сознавая, что дѣлаетъ, онъ быстро схватилъ со стола стаканъ и съ силой швырнулъ имъ въ Валерію Константиновну. Она въ ужасѣ отшатнулась въ сторону за самоваръ, и стаканъ, съ размаху ударившись о стѣнку, со звономъ разлетѣлся вдребезги.

Николай Львовичъ съ шумомъ отбросилъ стулъ въ сторону, схватилъ на ходу въ передней свое пальто и шапку и вышелъ изъ дому.

День протянулся медленно, съ непріятнымъ ощущеніемъ какого-то сквернаго осадка въ душѣ, какой-то тупой, ноющей боли въ сердцѣ. Вагинъ не обѣдалъ дома и вернулся лишь поздней почью. Время провелъ съ веселой компаніей въ ресторанѣ. Онъ много пилъ, разсказывалъ анекдоты, слегка сальные и неумные, хохоталъ, а въ душѣ его подымался жгучій вопросъ: — Неужели она права? Неужели я создалъ это невозможное, глупое положеніе? Неужели—я виной тому, что у насъ нѣтъ семьи?

Вернулся онъ домой около двухъ часовъ ночи сильно навеселѣ. Дверь отворила горничная Маша. Онъ, стараясь говорить твердо и ясно, приказалъ ей:

— Постель приготовьте въ кабинетѣ!

Спалъ онъ плохо, мучительно ворочаясь съ боку на бокъ, и все время его жгла одна и та же мысль: —Неужели я виноватъ? Ну, да если даже такъ, — что теперь дѣлать? Жить, вѣдь, вмѣстѣ нельзя... Откупиться, дать отступного—она не возьметъ. Помириться, продолжать жить по старому... но, вѣдь, это ужасно. Лгать, лгать...

II.

Вагинъ приподнялся, сѣлъ на кровати и, сжавъ руками виски, снова сталъ думать.

— Она права, вѣдь. Моя жизнь съ ней... Вѣдь, это былъ сплошной гаремъ, гаремъ... Развѣ я хотя бы одинъ моментъ думалъ создать семью? — Семью въ истинномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Она права: она для меня была именно гаремной одалиской, которую я нѣжилъ и въ то же время считалъ чѣмъ угодно, только не человѣкомъ, мнѣ равнымъ, чувствующимъ, какъ я чувствую, мыслящимъ, живымъ... Да развѣ вотъ теперь, вотъ сейчасъ, когда я все это сознаю и понимаю, чувствую, развѣ теперь я могу сказать, что я перемѣнился?.. Все это всосанное, отъ него не избавиться такъ, какъ отъ стараго платья.

Вагинъ снова прислушался къ унылому, однотонному вою гудка, покрывавшему шумъ дождя и вѣтра, и подумалъ:

— Чего это они развылись?.. Тоску нагоняютъ только! А дождь то какой!.. Слякоть, должно быть, отчаянная!... Боже мой, до чего это все надоѣло. Опять напяливай суртукъ, тащись по этой мокрети въ гимназію, по одной и той же книжкѣ разсказывай все однимъ и тѣмъ же болванамъ никому ненужныя, давно набившія оскомину исторіи, сплетничай въ учительской... А дома? Молчаливый обѣдъ въ обществѣ Валеріи Константиновны, которую онъ никогда не удостаивалъ собесѣдованіемъ, томительный, разслабляющій сонъ послѣ обѣда, а вечеръ, долгій и скучный, уходившій на поправку ученическихъ сочиненій.

Ничего живого.

И онъ, только одинъ онъ виноватъ во всемъ этомъ. Онъ внесъ въ свой домъ какое-то ужасное, подавленное настроеніе скуки, тупого бездѣлья, гнетущее, давящее... Чего же онъ теперь хочетъ? Къ чему онъ теперь стремится? Чего онъ требуетъ отъ жены?

Вагинъ поднялся съ кровати, подошелъ къ окну и, пріоткрывъ ставень, заглянулъ во дворъ. Дождь пересталъ идти, но надъ грязной улицей ползалъ какой-то сѣрый промозглый туманъ. Голыя деревья стояли, какъ скелеты, и на ихъ вѣтвяхъ кое-гдѣ мотались желто-грязные листья. Извозчикъ, весь мокрый, ожесточенно стегая вожжами всклокоченную лошаденку, протрусилъ по улицѣ, увозя кого то плотно закутаннаго въ плащъ на поѣздъ.

— Уѣхать бы! — подумалъ Ни-

колай Львовичъ. — Уйти отъ этой всей атмосферы, одурманивающей, принижающей.

Въ сосѣдней столовой послышался звонъ чайной посуды и потомъ мягкій, сдержанный шепотъ, въ которомъ Вагинъ узналъ голосъ жены:

— Баринъ всталъ уже? Не знаете?

Николай Львовичъ притаился, ожидая, что она скажетъ еще что-нибудь. Но кромѣ плеска воды, въ которой Маша, повидимому, полоскала посуду, онъ ничего не услышалъ. Онъ сталъ медленно одѣваться. Чай ему горничная, по его распоряженію, подала въ кабинетъ и вмѣстѣ съ нимъ принесла записочку въ голубовато-сѣрой „секреткѣ“ отъ жены. Николай Львовичъ нервно оторвалъ края и сталъ читать. Жена писала:

— Послѣ того, что было высказано вчера, намъ оставаться вмѣстѣ нельзя. Я ухожу отъ Васъ. Это, мнѣ кажется, наиболѣе простое рѣшеніе возникшаго вопроса. О формальностяхъ спишемся. В.

Вагинъ прочелъ и не безъ нѣкоторой доли злорадства подумалъ:

— Какъ разъ... уйдешь! Ломаешься... Куда уйдешь? Безъ денегъ далеко не уѣдешь...

Онъ тотчасъ спохватился. Его же собственныя мысли покоробили его. Колеблясь, не зная еще, на что рѣшиться, но чувствуя, что надо все это какъ нибудь поправить, загладить, понимая, что порвать—невозможно и нечестно—онъ вышелъ изъ дому. Онъ шелъ, скользя по грязи, и упорно продолжалъ думать.

— Я ея не люблю и не уважаю. Супружеская тихая и ясная жизнь немыслима. Порвать ее нельзя... Что же дѣлать, что дѣлать?!

Въ гимназіи онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Онъ сидѣлъ на кафедрѣ злой и раздраженный, слушалъ монотонные отвѣты учениковъ, задавалъ вопросы, сердился, объяснялъ, и все время его неотступно преслѣдовали глаза Валеріи Константиновны.

— А, вѣдь, она права: только тогда будетъ разуменъ, священенъ и крѣпокъ бракъ, когда онъ будетъ свободенъ, когда онъ будетъ построенъ на взаимномъ довѣріи, взаимномъ уваженіи, взаимной любви, когда онъ будетъ совершенно свободнымъ дружескимъ союзомъ, когда онъ и жена будутъ друзьями, союзниками въ борьбѣ съ жизнью. Все это такъ. Но что же дѣлать сейчасъ, теперь?.. Разойтись съ ней вѣдь невозможно. Средствъ у нея никакихъ, я изнѣжилъ ее и не давалъ ей возможности работать... и вотъ, теперь... развѣ могу я теперь выбросить ее въ море житейское? Что дѣлать теперь, разъ создано положеніе глупое, неестественное, фальшивое... Сдаться на компромиссъ? Продолжать жить, какъ прежде, съ той же затаенной, глухой ненавистью другъ къ другу? продолжать лгать, какъ лгали другъ другу до сихъ поръ?

Однообразно и скучно тянулся монотонный гимназическій день. Въ учительской было душно и накурено... И вмѣстѣ съ дымомъ въ воздухѣ висѣла безпросвѣтная тоска, пошлость и скука. Преподаватель исторіи разсказывалъ едва-ли не впродолженіи всего дня о томъ, какъ его вчера принимала извѣстная всему учительскому персоналу Анна Петровна; батюшка звучно смѣялся и по своей неизмѣнной привычкѣ хлопалъ его по плечу и называлъ антихристомъ. Въ углахъ бесѣдовали о винтѣ, хохотали надъ тѣмъ, какъ у Ивана Павловича вчера „подвелась дама“, совѣтовались о принятіи репрессалій...

Кое-какъ покончивъ съ уроками, и не попрощавшись ни съ кѣмъ въ учительской, Вагинъ вышелъ на подъѣздъ, дождался, пока швейцаръ позвалъ ему извозчика и, усѣвшись, велѣлъ ему ѣхать домой. Съ тусклаго сѣраго неба сыпался на грязную мостовую, на скользкіе тротуары и крыши домовъ мелкій, назойливый дождикъ, несся вмѣстѣ съ

порывами вѣтра, вмѣстѣ съ промозглымъ туманомъ, спускавшимся съ неба. Вагинъ сидѣлъ, кутался въ воротникъ пальто и неподвижнымъ, остановившимся взглядомъ смотрѣлъ на мокрую, вздрагивающую холку вохлатой лошадки, на согнувшуюся спину извозчика, на большое неправильной формы сальное пятно на спинѣ его армяка и напряженно силился представить себѣ общій ходъ предстоявшаго объясненія съ женой. Онъ еще ничего не рѣшилъ, ничего не продумалъ.

III.

Подъѣхали къ дому. Онъ медленно поднялся на второй этажъ и позвонилъ у двери своей квартиры. Отворила ему шустрая маленькая Маша.

— Барыня дома?—спросилъ Николай Львовичъ, глядя на нее и брезгливо подернувъ губами. Узнавъ, что Валерія Константиновна у себя въ спальнѣ, онъ, сбросивъ пальто, такъ, какъ былъ, и въ форменномъ сюртукѣ, не переодѣваясь, прошелъ черезъ столовую и взялся за ручку ея двери. Она была заперта.

— Кто тамъ? — послышался изъ глубины слабый, словно надорванный голосъ Валеріи Константиновны.

— Это я... Я хотѣлъ переговорить съ... вами. Мнѣ нужно.

— Боже мой, ужели вы и теперь не можете оставить меня въ покоѣ?!

Вагинъ услышалъ мягкіе шаги Валеріи Константиновны, направлявшіеся къ двери, инстинктивно оправилъ на шеѣ галстухъ и вошелъ. Входя, онъ искоса оглядѣлъ комнату. По срединѣ столъ, чемоданъ, а вокругъ него въ безпорядкѣ были набросаны мелкія вещи жены. Со стѣны надъ туалетомъ были сняты всѣ фотографическія карточки, за исключеніемъ его портрета: онъ одиноко болтался на гвоздѣ.

Валерія Константиновна была въ корсетѣ, откуда некрасиво, складками выступало ея полное, слегка дряблое тѣло. Онъ поморщился. Валерія Константиновна обернулась къ нему и, глядя на него, холодно и спокойно спросила.

— Что вамъ нужно отъ меня?

Николай Львовичъ почувствовалъ, какъ кровь прилила ему въ голову и какъ внутри его всколыхнулась тупая жестокая ненависть къ ней. Но онъ сдержался.

— Прости меня!—заговорилъ Николай Львовичъ, неловко стараясь поймать и поднести къ губамъ ея руку.—Я погорячился. Но, вѣдь, ты такъ обидѣла меня... Такъ больно обидѣла. Ну, я согласенъ — я неправъ, но и ты... ты, вѣдь, тоже... Надо же ладить намъ съ тобой! Такъ нельзя... Ты меня оскорбила, я самъ вызвалъ это, и вотъ, я теперь первый же прихожу прощенія просить... Ну, прости же меня, моя дорогая женочка...

Николай Львовичъ ясно почувствовалъ, какъ противно фальшиво и неестественно прозвучала его послѣдняя фраза. Онъ поглядѣлъ въ ея лицо. Оно было холодно и неподвижно. Рука ея безъ движенія лежала въ его рукѣ.

— Ну, что-же ты молчишь? — съ неестественной улыбкой продолжалъ Вагинъ.—Ну, давай помиримся, старуха... моя милая старуха. Будемъ жить друзьями, вѣкъ коротать...

Онъ сдѣлалъ движеніе, пытаясь обнять ее.

Валерія Константиновна вскочила, какъ обожженая.

— Сдѣлалъ мерзость... Сдѣлалъ гадость... Теперь съ поцѣлуями лѣзешь! Знаю, что связана съ тобой. Никуда не уйду. Оставь меня только теперь. Уйди! Я не вынесу. Слышишь... тебѣ говорю!

Вагинъ понялъ, что если онъ теперь употребитъ насиліе—она размозжитъ ему голову, чѣмъ попало. Онъ отшатнулся съ той же неестественной улыбкой на поблѣднѣвшихъ, дрожащихъ губахъ.

Валерія Константиновна стояла передъ нимъ съ лихорадочно пы-

лающими щеками и вздымающейся грудью и почти кричала:

— Зачѣмъ ты издѣваешься надо мною? Самъ знаешь, что уйти мнѣ отъ тебя некуда... Самъ крылья обрѣзалъ... Отца и мать объѣдать пойду что ли?! Съ голоду пропадать... Нѣтъ мнѣ выхода... Некуда мнѣ идти... пока могла работать, надо уйти было... поздно теперь... Буду тутъ хлѣбъ твой ѣсть... съ попреками... Только не лѣзь ко мнѣ, не ломайся... Ненавижу тебя я... пойми это! Слышишь: ненавижу. Уйди отъ меня!

Николай Львовичъ со вспыхнувшимъ вновь затаеннымъ чувствомъ ненависти и злобы едва сдержался отъ того, чтобы не бросить ей въ лицо цѣлый рядъ новыхъ оскорбленій и, быстро повернувшись, вышелъ изъ спальни. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ, пристально вглядываясь въ тотъ кусочекъ хмураго плачущаго неба, что виднѣлся изъ его оконъ. Онъ заплакалъ бы отъ тоски, отъ скуки, отъ раздраженія: горечь ѣдкая и жгучая, какъ горечь полыни, наполняла всю его душу. Что-то неотвязчиво постылое, противно-тяжкое со всѣхъ сторонъ обступило его, какъ осенняя темная ночь. Онъ думалъ о суетѣ, ненужности, о пошлой, противной фальши всего человѣческаго.

— Боже мой, какъ все это ужасно, ужасно!.. И ни я, ни она, вѣдь, не виноваты, въ сущности...

— Жизнь все проклятая...фальшь... ложь... Вѣдь, мы не живемъ, а лжемъ. Всегда, вездѣ, всюду лжемъ... Вѣдь, наши семейныя отношенія — какая это ужасная, громадная, непоправимая ложь...

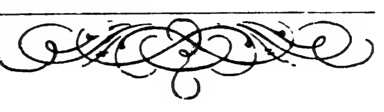
Пришла горничная звать обѣдать. Онъ хмурясь, дѣлая видъ, что весьма занятъ газетой, которую захватилъ со стола въ кабинетѣ, вышелъ въ столовую. Валерія Константиновна сидѣла въ изящной свѣтлой кофточкѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ и разливала супъ. Искоса поглядѣвъ на нее, онъ уловилъ на ея лицѣ до сихъ поръ еще невиданное имъ выраженіе забитости, тупой покорности, безсилія. Онъ замѣтилъ, какъ по ея напудреннымъ щекамъ одна за другой поползли свѣтлыя слезинки, какъ вздрагивали ея полныя губы. И его душу, и его существо наполнило какое-то ужасное, горькое чувство сожалѣнія, тоски, сосущей, давящей, гнетущей жалости.

Молча окончили обѣдать. Молча разошлись. Николай Львовичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и, опершись головой о холодное оконное стекло, сталъ смотрѣть на улицу. Каждый нервъ его вздрагивалъ, сердце тоскливо ныло, и мысли вихремъ неслись въ головѣ, словно безсвязные, отрывочные клочья разбросанныхъ вѣтромъ тучъ.

Онъ постоялъ у окна, потомъ быстро прошелъ въ переднюю, схватилъ съ вѣшалки пальто и вышелъ на улицу. Сырость холодной и мглистой ночи сразу охватила его. Онъ съ дрожью запахнулся въ пальто. Скользя перешелъ онъ улицу и пошелъ по тротуару. Накрапывалъ мелкій дождикъ, непріятно охлаждая пылающее лицо. Онъ шелъ и думалъ:

— Сами мы виноваты. Мы сами создали, вѣдь, эту непреодолимую стѣну лжи, обмана, притворства... Мы въ самомъ началѣ убили въ себѣ все, что могло создать изъ насъ добрыхъ жену и мужа. Все, начиная съ воспитанія и домашней обстановки, вытравляло изъ насъ инстинкты семейственности. А затѣмъ жизнь... Вѣдь, она лгать заставляетъ... Вѣдь, она лжи учитъ... Всюду у насъ въ жизни это проклятое фиглярство, и ложь, ложь безъ исхода, безъ конца, безъ выхода...

Е. Азгаровъ.



Орелъ.

(Изъ Самійленко. Переводъ съ малорусскаго).

Широкимъ размахомъ крылъ мощныхъ своихъ
Высоко вознёсся орелъ сизокрылый,
Все выше и выше, до тучъ золотыхъ,
И путь ему вольный онѣ не закрыли.
Воззвалъ изъ-за тучъ онъ: „Со мною ктó хочетъ?
Мы къ солнцу нашъ смѣлый полетъ устремимъ“!
И грома ударомъ тотъ окликъ грохочетъ,
Но тщетно онъ замеръ надъ міромъ пустымъ.
Тогда, одинокій, онъ выше поднялся,
И скрылся изъ вида отъ бренной земли,
Тамъ воздухомъ горнихъ онъ странъ упивался,
Съ нимъ солнца играли златые лучи.
Все выше онъ рвался—но рокъ измѣнилъ...
Оставили силы, нѣтъ крыльямъ опоры,
И тяжкую скорбь онъ въ душѣ затаилъ,
Спустился тогда на высокія горы.
И понялъ тогда онъ: на вѣки съ землею
Онъ, сынъ ея, связанъ всесильной судьбой,
Но къ небу стремился онъ жадной душою,
Прельщенный нетлѣнной его красотой.
И часто, подавленъ житейской невзгодой,
Съ тоской, съ отвращеньемъ на землю глядя,
Онъ тамъ, лучезарной обвѣянъ свободой,
Тамъ цѣпи земныя бросалъ онъ съ себя.
И вновь, утомленный, надъ темною кручей
Могучій полетъ свой орелъ вспоминалъ,
Про солнце и зори, про грозныя тучи
Онъ бѣднымъ созданьямъ земнымъ разсказалъ.

Борисъ Фуссъ.

Развлеченіе.

(КАРТИНКА).

И. Мордвинова.

Былъ знойный лѣтній день. Поля, луга, лѣсъ — все нарядно и ярко сверкало подъ горячими лучами солнца. Раскаленный воздухъ переливался струйками и дрожалъ. Ни рѣзкаго звука, ни малѣйшаго движенія; одни кузнечики безтолково стрекотали въ густой травѣ. Всѣ окна нашего волостного правленія были растворены настежь, но духота въ немъ царила нестерпимая.

Работать въ такую погоду невозможно. Какъ-то размякнешь весь, ослабѣешь, облѣнишься. Не хочется пошевелиться, не хочется думать. А на душѣ тоска, тоска... И даже лѣнь докопаться, о чемъ эта тоска... Злишься на все, завидуешь всему, что живетъ и дышетъ внѣ этихъ казенныхъ стѣнъ, которыя опротивѣли мнѣ до крайности своими облѣзлыми синими обоями, клочками объявленій, пятнами какой-то гадкой сырости въ углахъ. Ушелъ-бы куда нибудь въ лѣсъ, на травку, да боишься: вдругъ налетитъ скучающій уѣздный чинъ, вырвавшійся изъ соннаго города, чтобы развлечь себя распеканціями деревенскихъ подчиненныхъ. Уйти нельзя, работать —тоже. Скука, отупляющая, мертвящая скука! Чтобы на половину облегчить ея гнетъ, я изобрѣлъ занятіе, въ которомъ соединялось пріятное съ полезнымъ:—я сидѣлъ у окна и истреблялъ мухъ, наклеивая ихъ крыльями на длинныя полоски бумаги. Сынъ сторожа, Мишка, ловилъ полусонныхъ и, вѣроятно, скучающихъ насѣкомыхъ, а я прикрѣплялъ ихъ цѣлыми дюжинами на листочки, смоченные вишневымъ клеемъ. Нѣсколько такихъ полосокъ уже ползало на полу; мы лѣниво посмѣивались надъ тщетнымъ стараніемъ невольныхъ воловъ вырваться изъ-подъ бумажнаго ярма...

Нашему занятію помѣшалъ посѣтитель, молодой крестьянинъ, одѣтый довольно щеголевато, не по деревенски; онъ вошелъ въ комнату совершенно неожиданно. Съ этимъ крестьяниномъ я встрѣчался у нашего учителя и зналъ, что его звали Николаемъ Ивановымъ. Николай, мнѣ показалось, усмѣхнулся. Я покраснѣлъ и, выбросивъ листокъ съ мухами за окно, поднялся, чтобы поздороваться. Николай не торопясь положилъ шапку и связочку какихъ-то книгъ на скамейку, а потомъ подошелъ ко мнѣ.

— Здравствуйте!

— Мое вамъ! Садитесь.

— Благодарю-съ. Жарко.

— Очень.

Мы сѣли. Глупый Мишка совер-

шенно некстати преподнесъ мнѣ снова горсть мухъ.

— Иванъ Петровичъ! Вотъ еще. Будешь, что-ли, смазывать?

— Уберись ты!...

Я стыдился Николая.

— А что-жъ, не будешь? — удивился мой помощникъ.

— Сгинь!

Мишка отвернулся и медвѣжьимъ перевальцемъ побрелъ на улицу, обрывая на ходу крылья своимъ плѣнницамъ.

— Какъ поживаете? — обратился я, не зная, что сказать, къ Николаю.

— Ничего-съ.

— А это что за книжечки у васъ?

— Бралъ у учителя; несу назадъ. Въ Питеръ опять думаю ѣхать.

— Опять туда?

— Опять. Что-же-съ? Здѣсь жить нечего. А тамъ и заработокъ, и все-съ. Здѣсь и поговорить не съ кѣмъ. Разговору не понимаютъ.

Я обидѣлся на это замѣчаніе. —Какъ не понимаютъ? Развѣ же умныхъ людей въ деревнѣ нѣтъ?

Николай сталъ оправдываться. Его понять могутъ только учитель да я — мы читаемъ газеты и книги; больше никто не читаетъ. Мужики его любятъ послушать; слушаютъ, слушаютъ и въ концѣ концовъ ошпарятъ словцомъ: складно вретъ! Онъ хоть и мужикъ, а любитъ разсуждать объ умномъ; онъ потерся въ Питерѣ, бралъ у разныхъ господъ книги читать, да, наконецъ, и жизни посмотрѣлъ. Съ нами еще онъ поговоритъ. Онъ не считаетъ себя сильнограмотнымъ, но ему съ нами свободнѣй, а съ мужиками тѣсно; съ мужиками мысли въ клещахъ держать надо.

Я согласился съ нимъ, и нашъ разговоръ направился на книги.

— Что же вы брали у учителя?

— Читалъ графа Льва Толстого.

— Интересно?

— Очень даже. Весьма умственный господинъ. Что ни повѣсть, то въ самую точку. Вы читали?

— Немножко.

— Да-съ. Къ примѣру вотъ мужикъ сколь до земли жаденъ. Понимаете, какъ онъ, графъ-то, его отчистилъ — замѣчательно! Какъ этотъ Пахомъ самый бѣжитъ, бѣжитъ—все бы ему больше да больше; бѣжалъ, бѣжалъ, а все равно — сажень только и получилъ. Отъ глупости все это. И на что земля? Или вотъ насчетъ молитвы—какъ тамъ три-то старика... Или насчетъ купца Аксенова... Очень прекрасно! Только правды совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ...

— Правды нѣтъ? Вы ужъ очень черно смотрите.

— Нѣтъ, не черно. Богъ—и тотъ правду видитъ, да не скоро скажетъ, и въ книжкѣ такъ пропечатано,—а люди подавно ее не покажутъ. Такъ-то-съ!

— Положимъ...

— Вѣрно-съ. Истинное наслажденіе графа Толстого читать. Ну, и другіе есть, а все не такъ. Я тоже вотъ Монтекристо читалъ. Читаешь—душа замираетъ, даже ночи не спишь, очень хорошо, а мыслей хорошихъ нѣтъ; только все чего-то словно-бы боишься. Очень хорошо—и ничего нѣтъ. А тутъ и хорошо, и для ума есть...

Николай говорилъ несвязно, горячился, но я слушалъ его съ интересомъ. Онъ былъ некрасивъ — карявый, чернявый, низенькій; но при разговорѣ эти недостатки скрашивались, уплывали. И я почувствовалъ, что моя вялость начинаетъ проходить.

Наша бесѣда оборвалась, однако, на самомъ интересномъ мѣстѣ. Пришелъ заспанный и зѣвающій старшина Захаръ Ильичъ. Николай при видѣ начальства вскочилъ съ мѣста и, какъ побитая собака, робко попятился къ скамейкѣ. Мнѣ это бросилось въ глаза и не понравилось; зачѣмъ такъ? Захаръ Ильичъ человѣкъ добрый, не гордый, не звѣрь—не съѣстъ.

Старшина, отдуваясь, грузно опустился на стулъ и заговорилъ со мною.

— Отдыхалъ, Иванъ Петровичъ?

— Нѣтъ еще.

— Отдыхай, братъ, да опять надо за работу приняться, что-ли, а то, ей-Богу, скучища!.. А тебѣ что? — повернулся онъ, зѣвая во весь ротъ, къ Николаю.

Тотъ встрепенулся и поклонился.

— Я пришелъ, Захаръ Ильичъ, насчетъ паспорта.

— Паспорта? Куда-же хочешь — въ большую деревню, въ Питеръ?

— Такъ точно. Опять туда-же.

— Что-жъ ты, въ какихъ теперь тамъ состоишь?

— По дворницкой части.

— По дворницкой? Ничего, ничего. Жирная штука, если приспособиться. Деньгу копишь?

— Какія деньги, Захаръ Ильичъ...

Старшина засмѣялся и сталъ потирать руки, лукаво взглядывая на Николая; онъ, кажется, обрадовался случаю пошутить съ нимъ и хоть на минуту освободиться отъ нашего общаго недуга.

— Какія деньги?! Знаемъ-съ. Да. Бумажныя, надо полагать. А насчетъ паспорта я сейчасъ удовлетворю. Только тамъ за тобой, Николай, что-то есть, кажись. Кажись, приговоръ тамъ надо исполнить. Помнишь?

Николай какъ-то съежился; мнѣ показалось, что онъ поблѣднѣлъ и судорожно искривилъ лицо.

— Не припомню, Захаръ Ильичъ.

— Развѣ? Бываетъ, бываетъ, голубчикъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ? А мы напомнимъ. Иванъ Петровичъ! Возьми-кось, другъ, прошлогоднюю книгу волостного суда. Кажись, въ маѣ... Посмотри-ка тамъ, нѣтъ-ли чего про этого барина...

У Николая затряслись губы. Онъ, ступивъ шагъ впередъ, жалко и торопливо заговорилъ:

— Вспомнилъ, Захаръ Ильичъ... Это я вспомнилъ. Не смотрите ужъ въ книгу-то... Но вѣдь, Захаръ Ильичъ, судъ въ тѣ поры неправильно разсудилъ... Какъ-же-съ! И ежели разсудилъ, такъ вы завсегда это можете оставить... Захаръ Ильичъ!..

Я не понималъ Николая. Онъ со мною былъ такой веселый, возбужденный, такой смѣлый, а теперь трепеталъ, путался въ словахъ, захлебывался. Старшина смѣялся.

— Шутникъ ты, Николай! Вишь, я все могу, а? Въ губернаторы, что-ль, меня произвелъ? Али еще выше? Выходитъ по твоему, что я всемогущій... Противъ закону могу дѣйствовать... Иванъ Петровичъ— слышишь? Вотъ чудакъ-то, а еще питерецъ!

И мнѣ почему-то стало смѣшно. А Николай стоялъ передъ нами блѣдный, растерянный, безпомощный.

— Нѣтъ, душенька!—запѣлъ съ ехидной лаской старшина,—я ничего не могу. Понимаешь — ничего не могу! Ни капельки. Я только...—Захаръ Ильичъ торжественно возвысилъ голосъ,—я только исполнительный органъ... Исполнительный органъ! Понялъ?

— Понялъ!—прошепталъ убитымъ голосомъ понурившійся Николай.

— Какой это приговоръ?—спросилъ я старшину.

— Тамъ есть! — уклончиво отвѣтилъ тотъ и поднялся съ мѣста.

— Ну, другъ, давай деньги за паспортъ... Идти, вынести бланку-то... Ты, Иванъ Петровичъ, напиши ему.

Николай встрепенулся; страхъ его какъ будто-бы началъ разсѣиваться. Онъ отеръ потъ на лицѣ, отсчиталъ старшинѣ кучку мелочи изъ стараго кошелька и отошелъ къ скамейкѣ. Старшина пересчиталъ деньги, звонко встряхнулъ ихъ на ладони и снова засмѣялся.

— А все-же испугался, Николай? Очень испугался? Чего-жъ пугаться? Ничего, дѣло плевое. Пока Иванъ Петровичъ пишетъ, мы съ тобой и прикончимъ. Нельзя, братъ. Ты въ Питеръ уѣдешь, и не воротишься, а то вдругъ помрешь. А меня начальство распечетъ: почему непо-

рядокъ, почему не исполнено? По шапкѣ попадетъ. Нельзя, исполнить надо.

Николай какъ будто подпрыгнулъ и снова побѣлѣлъ; глаза его безпокойно замигали.

— Послушайте! Да какой-же это приговоръ? — спросилъ я его, пока старшина рылся въ архивной комнатѣ.

— Такой-съ... — началъ онъ, еле шевеля губами, — сродственницу я ихнюю оскорбилъ... знаете... Парамониху-то... за ихнее поведеніе нехорошимъ словомъ назвалъ... Вотъ и приговоръ весь...

— Вотъ что... Да ей такъ и надо.

— Такъ и надо. Такія она здѣсь мнѣ каверзы свела — оборони Богъ. Ну, я и не вытерпѣлъ. А мнѣ—вотъ приговоръ.

Старшина вышелъ изъ архива, побрякивая ключами, и подалъ мнѣ плакатъ. Николай торопливо и неловко поднялся со скамьи.

— Ну, Николаюшко, такъ пойдемъ.

— Захаръ Ильичъ!

— Я знаю, голучикъ, что я Захаръ Ильичъ. Надо законъ исполнять, Николай Ивановичъ!

— Отложите, Захаръ Ильичъ!

— Экой ты, братецъ! Нельзя, понимаешь? Понимаешь—нельзя. То есть никакѣйшимъ какомъ!

Тутъ случилось что-то странное. Изъ глазъ Николая брызнули слезы, и онъ мгновенно, словно кинутый какою-то невидимой силой, упалъ на полъ предъ старшиной, стукнувшись сразу и головой, и колѣнями. Старшина чуть-чуть усмѣхнулся и тотчасъ-же нахмурился.

— Полно, не дури... Я не Богъ. Нечего кланяться.

Онъ высунулся въ окно, около котораго на улицѣ дремали, сидя на заваленкѣ и изрѣдка мыча другъ другу что-то несвязное, сотскій и волостной сторожъ.

— Эй, ребята! Подьте сюда.

Николай всталъ, отряхнулъ пыль съ колѣнъ и сѣлъ на лавку, не то морщась, не то усмѣхаясь. Онъ забѣгалъ смотрѣть на меня. Я смутно предчувствовалъ приближеніе чего-то тяжелаго и тошнотворнаго.

Вошли сотскій и сторожъ. Старшина подмигнулъ имъ на Николая.

— Сведите-ка его въ арестную. А кашка есть?

Веселый, хотя и сонный, сотскій захохоталъ.

— Кашки надо? Будетъ. — Онъ толкнулъ сторожа въ бокъ, — вотъ, кумъ! Говоришь—тоска. Вотъ те и забава!

— Не утруждайтесь, братцы! — криво усмѣхнулся Николай.—Я самъ пойду. Покорнѣйшее спасибо вамъ, Захаръ Ильичъ!

—Не на чемъ, милый! У насъ не по питерски. Иванъ Петровичъ! Дайко-сь книгу-то, что я просилъ; надо по закону вычитать.

Я отыскалъ и подалъ книгу, и они, всѣ четверо, вышли изъ комнаты.

Я понялъ: Николая будутъ сѣчь. Я былъ очень юнымъ и недавнимъ писаремъ: случай сѣченія являлся предо мною впервые. Правда, я читалъ въ законѣ: не болѣе 25 ударовъ. Но это вѣдь было на бумагѣ; это относилось, казалось мнѣ, къ кому-то далекому отъ меня, можетъ быть даже къ кому-то не существующему. А тутъ—Николай. Сейчасъ мы говорили съ нимъ о Толстомъ, и сейчасъ эти „не болѣе 25 ударовъ“ будутъ полосовать его спину.

Я помню — былъ я еще совсѣмъ мальчишкой и въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни испробовалъ лозы. Всего три удара, даже не больныхъ, всего три жеста надъ моимъ платьемъ. Но каково мнѣ было? Не я ли кипѣлъ тогда цѣлую ночь напролетъ своимъ ребячьимъ сердцемъ, не я ли рѣшился тогда утопиться? А что-же большой, что-же Николай?

Паспортъ прямо таки не писался. Меня даже стало какъ будто тошнить.

Все кругомъ—и облѣзлыя стѣны, и бумаги, и горячій день—показа-

лось чѣмъ-то тусклымъ, сквернымъ, смраднымъ. Приливала свинцовая волна безпредметнаго безпокойства.

Почти безсознательно я вышелъ на крыльцо и взглянулъ на прилѣпившуюся къ двору правленія ветхую хатенку съ подслѣповатымъ окномъ, носившую званіе „холодной". До меня долетѣлъ какой-то звукъ. Стонъ это, что-ли? Я бросился назадъ...

Не знаю, какъ я докончилъ бумагу. Меня такъ душило, томило, что я пытался было пѣть, чтобы заглушить непривычное чувство.

Въ открытомъ окнѣ показалась сіяющая рожа Мишки. Онъ всунулся въ комнату и захлебывался отъ радости.

— Иди скорѣича, Иванъ Петровичъ! Николку порютъ... Послухай.

Это было совсѣмъ мерзко. Я зыкнулъ на Мишку, и тотъ убѣжалъ, все еще крича:

— Иди, послухай!

Прошло нѣсколько долгихъ, безпокойныхъ минутъ.

Николай не вошелъ, а влетѣлъ въ правленіе. Онъ побѣжалъ къ скамейкѣ и сѣлъ было, но тотчасъ-же снова вскочилъ, отвернулся къ окну и сталъ утираться... Онъ плакалъ... Мнѣ тоже захотѣлось плакать.

Пришелъ Захаръ Ильичъ. Онъ усмѣхался и, хитро метнувъ глазами въ сторону Николая, неторопясь подписалъ паспортъ.

— На, Николай, получи.

И Николай, не смѣя поднять на насъ взгляда, подошелъ къ столу и взялъ дрожащими руками бумагу. Захаръ Ильичъ съ прежнею лукавою усмѣшкою исподлобья поглядывалъ на него. Николай молча подобралъ свою шапку и книги и молча-же пошелъ къ дверямъ.

— Прощайте, пожалуйста. Впередъ милости просимъ къ нашему столу со своимъ пирогомъ! — хихикнулъ вслѣдъ за нимъ старшина.

Я не выдержалъ и, бросившись за Николаемъ, въ полутемныхъ сѣняхъ схватилъ его за плечо.

— Прощайте, Николай Ивановичъ!

Онъ вздрогнулъ и, словно задыхаясь, словно ловя воздухъ, всхлипнулъ.

— Прощайте, Иванъ Петровичъ! Не брезгуете?

Я пожалъ его сухую и горячую руку и еще разъ, шопотомъ, отъ охватившаго меня жгучаго, скорбнаго стыда, произнесъ:

— Простите.

Николай улыбнулся какою-то жалкою, точно чужою улыбкой и вышелъ за ворота. И мнѣ послышался его тихій, полузадушенный, какъ вздохъ больного, отвѣтъ:

— Ничего-съ...

И. Мордвиновъ.

I.

Дѣдушка Федулычъ, семидесятилѣтній старикъ, пережилъ почти всю свою семью. Одинъ за другимъ сошли въ могилу его старуха-жена, два сына и обѣ снохи; онъ же все живетъ и, дастъ Богъ, протянетъ еще добрый десятокъ лѣтъ. Не смотря на свои преклонные годы, Федулычъ — старикъ крѣпкій, бодрый, хотя и сѣдой, какъ лунь, съ открытымъ, чистымъ лицомъ, изборожденнымъ мелкими морщинками, и съ привѣтливымъ взглядомъ сѣрыхъ добрыхъ глазъ.

Отъ надѣла дѣдъ отказался, такъ какъ отъ всей его когда-то многочисленной семьи только и осталась что одна молоденькая внучка Даша, дочь его послѣдняго сына, внезапно умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ какой то чудной болѣзни. Теперь старикъ владѣетъ одной усадьбой, состоящей изъ покосившейся на бокъ старой-престарой избенки, двора съ разметавшейся во многихъ мѣстахъ соломенной крышей и изъ небольшого огорода, на которомъ у него стоитъ нѣсколько ульевъ со пчелами.

Федулычъ страстный охотникъ до пчелокъ. Пчеловодствомъ онъ занимается съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, хорошо знаетъ, какъ надо обращаться съ „божьей тварью", какъ ухаживать за нею, знаетъ заговоры и всякія секретныя „средствія", чтобы не смутилъ ихъ недобрый человѣкъ, чтобы пчелиный рой не улетѣлъ на чужую пасѣку. На деревнѣ бабы болтаютъ, что пчелы до того привыкли къ дѣдушкѣ Федулычу, до того любятъ старика, что не только никогда не жалятъ его, но даже когда завидятъ дѣда, то слетаются къ нему, садятся на плечи, на руки, на голову и какъ бы ласкаются къ своему заботливому хозяину...

Кромѣ пчелокъ, у дѣдушки Федулыча имѣется еще и другая живность: коровка Чернавка, съ десятокъ куръ и старый-престарый песъ Шарикъ, который давно уже прожилъ свой звучный теноръ и теперь, вмѣсто лая, издаетъ лишь какое-то надтреснутое хриплое шамканье, не страшное даже для робкихъ дѣдушкиныхъ куръ.

Выйдетъ дѣдушка Федулычъ вечеркомъ на улицу посидѣть на завалинкѣ, увидитъ его Шарикъ и несется со всѣхъ ногъ къ старику, вьюномъ вьется у его ногъ, какъ бы стараясь сбросить съ себя старческую немоготу и дряхлость. Погладитъ дѣдъ своего стараго вѣрнаго пса и ласково скажетъ:

— Старики мы стали съ тобой, Шарикъ!.. Пора бы ужъ давно нашимъ старымъ костямъ на покой...

Завиляетъ песъ пушистымъ хвостомъ и долго и умильно смотритъ прямо въ глаза своему старому хозяину.

Лѣтомъ старикъ почти цѣлые дни возится съ своими пчелами, а Даша занимается огородомъ, ходитъ съ молокомъ, яицами, овощами и медомъ въ губернскій городъ, отстоящій отъ ихъ деревушки всего въ верстахъ въ пятнадцати. Медъ Даша обыкновенно или разноситъ по знакомымъ купеческимъ домамъ, или поставляетъ въ лавки сразу по 10—15 фунтовъ.

Трудолюбивый дѣдушка Федулычъ и въ зимнее время не сидитъ безъ дѣла. Онъ чинитъ, а иногда даже берется шить сапоги и башмаки своимъ нетребовательнымъ однодеревенцамъ.

— Оно хоша и не больно казисто, да за то прочно... Его, дѣдову, сапогу износу нѣту!—отзываются про работу Федулыча мужики.—Основательный чеботарь! Да не токмо что по одному сапогу, а и по всѣмъ дѣламъ совѣстливый дѣдъ...

— Охъ, дѣвоньки, праведный старичекъ! Не только бы человѣка, никакую животную не обидитъ!—вторятъ имъ бабы.—Ужъ и какже не праведникъ, когда къ нему сами пчелки Божьи ластятся...

Хотя и не великъ годовой заработокъ дѣдушки и внучки, ну а все-таки живутъ исправно, не нуждаясь, находя даже возможность помочь и другимъ.

Нѣкоторыя изъ злоязычныхъ деревенскихъ кумушекъ, впрочемъ, увѣряютъ, что праведенъ-то онъ праведенъ дѣдъ, а все же живетъ не безъ ума и успѣлъ сколотить коечто про черный день. Но кумушекъ хотя и слушаютъ, а вѣрятъ имъ мало. Однако, кумушки болтали все же не безъ основанія. Дѣдушка еще сравнительно недавно ежегодно откладывалъ по нѣскольку рублей въ особый мѣшочекъ, который хранился у него въ подклѣти. Но скопидомничалъ такъ старикъ не для себя, не изъ какой-нибудь жадности къ деньгамъ, а копилъ для своей любимой внучки. Не боится онъ смерти и съ полной безропотностью готовъ встрѣтить ее, но болитъ его старое сердце за сиротскую дѣвичью долю Даши. И нерѣдко цѣлую ночь не смыкаетъ старикъ глазъ, ворочаясь на печи съ боку на бокъ. Мучаютъ его тяжелыя думы, не даютъ спать, давятъ душу тревогою.

— Оно, конечно, Даша—дѣвица скромная, работящая,—думаетъ дѣдушка,— а все же мнѣ легче въ гробъ ложиться, знаючи-вѣдаючи, что она за хорошаго человѣка пристроена. Ужъ какая доля дѣвичья, хоша бы и при исправномъ хозяйствѣ! Она, женская-то слабость, и въ работницахъ, и въ смиренницахъ есть. Молодая кровь, молодое сердце! Его на цѣпь не посадишь, къ тачкѣ не прикуешь.. А теперь какой мущинскій народъ! Примаслится, прильстится, вкружитъ дѣвкѣ голову,—тоже вѣдь у ней сердце-то не камень, на то и дано, чтобы ласки искать... А охальнику-то того только и надо! Сорветъ онъ красоту и честь дѣвичью, оберетъ до нитки, рубаш-

ки даже не оставитъ, а тамъ и „прощенія просимъ“... Ужъ ежели теперича мужья отъ женъ мыкаются, такъ хахалю-то что!.. Будетъ онъ потомъ въ товариществѣ по кабакамъ хвастаться, дѣвичью честь срамить... Ему бы што, а она хоть въ петлю лѣзь! Охъ, далъ бы Господи до кончины моей Дашу замужъ выдать!—вздыхаетъ старикъ.—А гдѣ теперь хорошаго жениха взять? Лодырей-то оно, конечно, много по деревнѣ шляется, такъ вѣдь лодырь-то, хотя и „по закону“, а чего добраго, не лучше хахаля будетъ... Чего тутъ!.. Хуже еще! Жена на него работай, а онъ, пьяница, въ кабакѣ сидитъ, а придетъ изъ кабака, жену будетъ бить, да охальничать... Ужъ видно такъ, что теперь по крестьянству хорошій женихъ выводится. Его теперь днемъ съ огнемъ ищи! Теперича еще, какъ же безъ приданаго-то?—размышляетъ дѣдушка. — Пускай, найдется и хорошій человѣкъ, а безприданицу-то жену его сродники заѣдятъ—заклюютъ. Оно хоша и исправное у насъ хозяйство, да что въ ёмъ! Для насъ двухъ-то Божьихъ сиротъ, стараго да малаго, ладно, а для хозяйственной семьи, да еще ежели дѣти пойдутъ... и... и... одинъ грѣхъ! Нѣтъ, надо Дашуткѣ приданое копить загодя, пока она еще не перестарокъ...—съ полнымъ убѣжденіемъ чуть не вслухъ думаетъ дѣдушка Федулычъ.—Господи Боже, Царь Небесный!—шепчетъ онъ.—Продли ты вѣку мнѣ, рабу твоему!.. Не для себя прошу!.. Пожилъ я на свѣтѣ бѣломъ, зналъ и радость, и горе, и благодарю Тебя, Создатель, что Ты взыскалъ меня!.. Да не будетъ мнѣ ни въ судъ, ни въ осужденіе молитва моя! Прошу я за внучку мою, за ея долю сиротскую!.. Одинъ я у ней... Кто ее пожалѣетъ, кто объ ней попечалится, кто позаботится!..

И не напрасны были мучительныя тревоги и горячія молитвы дѣдушки Федулыча.

Даша—дѣвушка красивая, невысокая, но полная, круглолицая, бѣлолицая, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ кроткими сѣрыми глазами и длинной, густой русой косой. На нее давно уже стали заглядываться не только деревенскіе парни, но и городскіе лавочники, приказчики и даже купеческіе сынки. Парни начинали съ ней заигрывать, лавочники и приказчики отпускали „коварные каплименты“, а купчики позволяли и большее... Но отъ этой кроткой, наивной и чистой дѣвушки, воспитанной умнымъ и добрымъ, горячо-любящимъ ея старикомъ-дѣдомъ, отскакивали безслѣдно всѣ эти „заигрыванія“, „коварные каплименты“ и купеческія пошлости, сдабриваемыя заманчивыми обѣщаніями. А впрочемъ, ей уже минулъ восемнадцатый годъ, а это такое время дѣвичьей жизни, когда молодое сердце начинаетъ бить тревогу, инстинктивно жаждать ласки, привѣта, любви...

II.

Григорій, сынъ бѣдной вдовы, живущей на самомъ краю деревни, въ убогой, разваливающейся избенкѣ, былъ 23-лѣтнимъ юношею. Въ его внѣшности ничего не было привлекательнаго съ точки зрѣнія деревенскихъ кокетокъ. Средняго роста, но плотный и мускулистый, съ большими руками и ногами, скуластый, курносый, съ неправильными чертами лица и съ рѣдкими вихрястыми черными волосами, онъ грубо былъ скроенъ матерью-природой. И тѣмъ не менѣе, въ этомъ неповоротливомъ и некрасивомъ парнѣ было что-то подкупающее. Его прекрасные, большіе, темные глаза говорили о правдивости, чистотѣ души и твердости характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ можно было подмѣтить нѣчто мыслящее, вдумчивое, съ оттѣнкомъ мечтательной и сосредоченной созерцательности. Онъ былъ не разговорчивъ, упорно отказывался отъ кабацкаго веселья товарищей, избѣгалъ вечеринокъ и по-

сѣдокъ, не участвовалъ въ „буяхъ", не заигрывалъ съ дѣвками, но всегда былъ отзывчивымъ и преданнымъ товарищемъ. И если среди деревенскихъ парней находилось нѣсколько зубоскаловъ, подсмѣивавшихся надъ бѣдностью и неказистой наружностью Григорія, то большинство любило и даже уважало его за открытый и прямой характеръ, за твердость въ словѣ, за готовность, по силѣ возможности, постоять въ бѣдѣ за всякаго, наконецъ, всѣ однодеревенцы, хотя и не безъ нѣкоторой ироніи, считали его умнымъ, грамотнымъ и даже „ученымъ" человѣкомъ.

— Гришка онъ, братъ, того... вѣрный человѣкъ!.. Не продастъ, не выдастъ... Не смотри, что онъ такой букой ходитъ!—хвалили Григорія его доброжелатели-парни.—Да и то сказать, ума палата и въ книжку читать гораздъ... Онъ, братъ все знаетъ, гдѣ какой народъ живетъ, какіе города на свѣтѣ есть, гдѣ какая звѣзда или планида свѣтитъ... Онъ, братъ... одно слово...

— Ученый! Ученый!—язвили зубоскалы.—То-то, что ученый... Съ матерью съ голоду чуть не помираютъ!

— Бѣдность, братъ, не порокъ!—возражали Григорьевы доброжелатели.—Цыплятъ-то, братъ, по осени считаютъ... Вотъ онъ теперича голъ, какъ соколъ, а тамъ, глядишь, тебѣ же передъ нимъ шапку ломать придется... То-то, братъ!.. Не плюй въ колодезь-то... Всяко бываетъ...

— Это передъ Гришкой-то шапку ломать!—кричали обозленные зубоскалы.—Кабы мы ему шапку не сломали, косоротому черту!.. У него, голтяпы, и рожа-то, словно на ней черти горохъ молотили...

Присутствовавшія при такихъ преніяхъ дѣвки тоже хихикали и радостно вторили зубоскаламъ:

— Точно что рожа... плюнуть противно!.. А давно бы, ребята, ему шапку наломать слѣдоваетъ... Зазнался больно, умникъ-то этотъ!..

И всетаки никто ему шапки не ломалъ... Смѣшливыя дѣвки, остривщія надъ нимъ, особенно въ большой компаніи, при встрѣчѣ съ Григоріемъ одинъ на одинъ, какъ-то робѣли и тихо проходили мимо, опустивъ голову. Враждебное чувство смѣшивалось въ нихъ съ какимъ-то страннымъ, затаеннымъ любопытствомъ. Имъ иногда хотѣлось, чтобы этотъ, всегда такой серьезный, некрасивый парень сказалъ-бы имъ хотя одно слово, — но скажи онъ это слово, онѣ только переконфузились-бы и не знали, что отвѣчать... Нерѣдко тѣ-же самые зубоскалы - парни, которые „подъ пьяную руку" пускали вслѣдъ Григорію „крѣпкія слова", обращались къ нему за совѣтами.

— Ужъ ты прости, братъ Гриша,—начиналъ обыкновенно свою рѣчь такой „озорникъ",—что иной разъ по пьяному дѣлу зря ума...

— Что зря ума, да еще по пьяному дѣлу, — спокойно перебивалъ его Григорій,—о томъ и говорить не стоитъ. Говори о дѣлѣ...

И Григорій давалъ дѣльный совѣтъ, писалъ письма и прошенія, а иной разъ начиналъ и лично хлопотать въ „волости", у земскаго начальника, въ земской управѣ. И нерѣдко толково начатое дѣло выгорало. Вслѣдствіе этого значеніе Григорія въ его деревнѣ все болѣе и болѣе возрастало. Даже „старики", которые все еще не могли забыть его бѣдности и того, что у него „на губахъ молоко не обсохло", случалось, внимательно слушали его. А въ результатѣ получалось то, что, напр., при возникшихъ между его деревней и сосѣднимъ помѣщикомъ земельныхъ недоразумѣніяхъ Григорію удалось предовратить весьма серьезную бѣду, нависшую было надъ головами его однодеревенцевъ. И вотъ ласкательное „Гриша" и да-же почтительное „Григорій Иванычъ" все болѣе и болѣе стало вытѣснять и, наконецъ, почти совсѣмъ вытѣснило презрительное „Гришка"...

Отношенія „начальства“ къ Григорію были тоже не лишены своего рода интереса. Въ земской управѣ встрѣчали его всегда привѣтливо и даже одинъ прекраснодушный земецъ громогласно заявлялъ:

— Это, господа, будущая культурная сила, вышедшая изъ самого народа! Привѣтствую, привѣтствую васъ, Григорій Иванычъ... Дай Богъ, чтобы наше земство удостоилось чести видѣть васъ въ числѣ своихъ гласныхъ отъ крестьянъ!.. Вѣдь не откажетесь, надѣюсь, Григорій Иванычъ?—не безъ пафоса вопрошалъ земецъ, пожимая руку Григорія.

— Отчего-же!.. Если представится возможность... — скромно отвѣчалъ Григорій.

Волостной старшина и волостной писарь, освѣдомленные о томъ вниманіи, которымъ пользовался Григорій въ земской управѣ, всегда, хотя и не безъ ироніи, выслушивали его и рѣдко рѣшались на каверзы... Земскій начальникъ, человѣкъ рѣшительныхъ взглядовъ и суроваго нрава, съ нѣкоторымъ не то недоумѣніемъ, не то даже подозрѣніемъ взиралъ на этого „образованнаго мужика“ и въ дѣловыхъ бесѣдахъ съ нимъ, сохраняя при этомъ нѣсколько пренебрежительный тонъ, постоянно мѣшалъ „ты“ съ „вы“... Мѣстный становой приставъ, въ сущности не видя „опасныхъ поступковъ“ со стороны Григорія, все-же время отъ времени внушалъ мѣстному уряднику:

— Ты, братъ, того... Присматривай и прислушивайся на всякій случай...

— Слушаю-съ,-ваше-родіе!— гаркалъ, вытянувшись, урядникъ и „присматривая и прислушиваясь“, никакихъ „поступковъ“ „пока что“ не замѣчалъ...

Письмоводитель „земскаго“, добродушный старичекъ съ краснымъ носомъ и вѣчно съ „мухою“, очень благоволилъ къ Григорію, хотя и не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что ему за охота „соваться не въ свое дѣло“.

— Дѣльно, братъ Гриша, очень дѣльно!—похваливалъ онъ Григорія, читая написанное имъ „прошеніе“.— А всетаки, братъ, извини... Я этого никакъ не понимаю! Говорятъ, что ты гроша мѣднаго не получаешь за эти хлопоты и слезницы?

— Денегъ никогда не беру, но если матушкѣ что принесутъ натурой, то не препятствую,— отвѣчалъ Григорій.—Да и то сказать,—продолжалъ онъ,—народъ у насъ бѣдный, самъ еле прокармливается. — Ну, а если общественное, мірское дѣло, такъ развѣ можно за него деньги брать? Вѣдь я такой-же крестьянинъ, какъ и всѣ наши деревенскіе... Какое-же я имѣю право искать вознагражденія за то, что обязанъ дѣлать, какъ членъ своего общества?

— Эхе, хе!—сокрушенно замѣчалъ письмоводитель, затягиваясь папиросой изъ дешевенькаго табаку.—То-то что общество!.. Только смотри, братъ, Гриша, какъ-бы тебѣ съ этимъ самымъ обществомъ въ бѣду не попасть!..

— Но я ничего дурнаго не дѣлалъ и всегда по закону...

— По закону? Это, братъ, хорошо, что по закону... А все-же подальше-то лучше... неровенъ часъ!.. Понимаешь?

— Да что тутъ понимать-то?

— А то, что всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Кто ты, кѣмъ ты уполномоченъ? Ты—частное лицо...

— Я въ своей деревнѣ не частное лицо!—горячо возражалъ Григорій. — Повторяю, я крестьянинъ и членъ своего общества... Я сижу на своемъ шесткѣ!..

— Брось, говорю!—урезонивалъ его письмоводитель. — Ну, какой крестьянинъ съ твоей головой, человѣкъ съ понятіемъ и начитанный! Все это блажь одна! Ступай въ городъ, поступи въ контору, а то выдержи экзаменъ на частнаго повѣреннаго... Хорошія деньги будешь зарабатывать, настоящимъ человѣкомъ будешь... А здѣсь ты что? Не рыба, не мясо!..

— Я буду тѣмъ, что я есть и чѣмъ я родился!—твердо отвѣчалъ Григорій. — Въ городѣ мнѣ нечего дѣлать, мое дѣло въ деревнѣ! Я родился крестьяниномъ и умру крестьяниномъ...

Григорій превосходно, съ наградой, окончилъ земскую школу. Но окончивъ курсъ, онъ не прерывалъ съ нею отношеній. Правда, онъ помогалъ старухѣ — матери по домашнему хозяйству, онъ пахалъ, сѣялъ, боронилъ, косилъ, — однимъ словомъ, исполнялъ всѣ крестьянскія работы, какъ и прочіе его однодеревенцы, но все свободное время, не смотря на усталость послѣ тяжелаго труда и если при томъ не приходилось давать совѣтовъ, писать прошеній и пр., онъ или посвящалъ чтенію, или ходилъ въ село, къ своему бывшему учителю, который всегда по пріятельски встрѣчалъ своего бывшаго ученика. Григорій перечиталъ всѣ книги, какъ находящіяся въ болѣе чѣмъ скромной школьной библіотекѣ, такъ и лично принадлежащія учителю. Мало того. За книгами онъ ходилъ къ другимъ учителямъ и даже въ городъ, гдѣ у него, при посредствѣ-же учителей, завелись интеллигентные „дружки", охотно бесѣдовавшіе съ этимъ талантливымъ юношею и снабжавшіе его книгами беллетристическаго и, главнымъ образомъ, научно-популярнаго содержанія.

Сохраняя связи съ своей бывшей школой, онъ, съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ, принималъ участіе, какъ лекторъ, въ устраиваемыхъ иногда въ школѣ публичныхъ чтеніяхъ съ туманными картинами. Наконецъ, въ зимнее время, когда отлучался въ городъ или заболѣвалъ учитель, онъ, къ недоумѣнію и даже нѣкоторому неудовольствію батюшки—законоучителя, но съ разрѣшенія все тогоже инспектора, занимался даже съ учениками.

Инспекторъ народныхъ училищъ, самъ образцовый педагогъ, другъ и поклонникъ земства, не столько начальникъ, сколько товарищъ народныхъ учителей, неоднократно вступалъ въ продолжительныя бесѣды съ Григоріемъ, рекомендуя ему выдержать экзаменъ на учителя и избрать педагогическое поприще.

— Отъ дѣла къ другому дѣлу, Михаилъ Васильевичъ, бѣгать не приходится,—возражалъ Григорій,—великое дѣло учительство, и за счастіе и честь долженъ бы я почесть быть учителемъ, но я крестьянинъ и долженъ крестьянствовать... Спасибо земству, школѣ, вамъ, доброму человѣку, моему учителю, тѣмъ людямъ, которые давали мнѣ хорошія и полезныя книжки... Глубокое спасибо! Просвятили меня, открыли мнѣ глаза, научили познавать самого себя и окружающую жизнь... И всетаки я долженъ оставаться крестьяниномъ — пахаремъ... Неужели-же, Михаилъ Васильевичъ, —воодушевленно восклицалъ Григорій,—грамотному и даже мало-мальски просвѣщенному человѣку постыдно быть крестьяниномъ и пахать родную землю! Да зачѣмъ-же, скажите, тогда и эти школы, и эти хорошія книжки? Не для того ли онѣ, чтобы сдѣлать крестьянина человѣкомъ не хуже другихъ, разсѣять его невѣжество, суевѣрія, внушить ему уваженіе къ самому себѣ, пробудить въ немъ самодѣятельность? Вотъ я теперь собственнымъ своимъ примѣромъ и хочу доказать, — уже болѣе спокойнымъ тономъ продолжалъ Григорій, — что школа, книжки и добрые люди просвѣтили меня не для того, чтобы я бросалъ великое дѣло моихъ отцовъ и дѣдовъ, а для того, чтобы внести въ него все, что дало мнѣ просвѣщеніе, улучшить, усовершенствовать его... Живя среди крестьянъ, моихъ однодеревенцевъ, работая такъ же, какъ они, я долженъ доказать, что вовсе не ихъ трудъ ставитъ ихъ какъ будто-бы ниже другихъ людей, а совершенно особыя условія.. . Я знаю, что мои однодеревенцы

иногда подсмѣиваются надъ моими „книжками", ворчитъ иногда и моя старуха — мать за мою склонность къ нимъ, а я чувствую, что мало-по-малу вокругъ меня все-же возникаетъ нѣчто новое, хорошее, здоровое... Смѣяться—смѣются, ворчать—ворчатъ, а въ случаѣ чего наиболѣе важнаго идутъ все-же ко мнѣ, совѣтуются со мною и вѣрятъ мнѣ,—вѣрятъ потому, что я и „ученый", и вмѣстѣ съ тѣмъ свой человѣкъ, такой же, какъ и они... А потому, я думаю такъ, что у учителя свое дѣло, у меня свое! Нѣтъ, Михаилъ Васильевичъ! — съ загорѣвшимися глазами говорилъ Григорій, до боли похрустывая корявыми пальцами своихъ большихъ некрасивыхъ рукъ. — Я долженъ остаться въ своемъ углу, среди своихъ и сѣять, и сѣять!.. Мелки, малы мои дѣла, но пока что, и то ладно, и то дѣло! Придетъ время, явится потребность въ большихъ дѣлахъ, — ну, такъ что-же? Съ Божьей помощью и по своему разумѣнію примемся и за большія дѣла! И постоимъ, постоимъ, Михаилъ Васильевичъ!.. Молодъ я, но вѣрьте въ мое крѣпкое мужицкое слово!...

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ инспекторъ горячую рѣчь Григорія. Его добродушное лицо все болѣе и болѣе принимало радостное выраженіе, а умные, добрые глаза затуманились. Наконецъ, онъ не выдержалъ. Изъ глазъ его выкатилось нѣсколько слезинокъ, и не смотря на свою полноту, онъ быстро поднялся съ своего стула, бросился къ Григорію и крѣпко его обнялъ.

— Оставайтесь крестьяниномъ и крестьянствуйте!—горячо заговорилъ этотъ благородный человѣкъ, крѣпко пожимая руки симпатичнаго юноши.—И благословитъ васъ Богъ! Наше интеллигентное „хожденіе въ народъ", идеалистическое и отвлеченное, было шалостію и забавою сравнительно съ вашей миссіей проснувшагося и жаждущаго дѣла крестьянина. Благодарю, благодарю васъ!—еще болѣе горячимъ тономъ продолжалъ этотъ искренній общественный дѣятель.—Вы освѣжили мою душу великой радостію и надеждою, благодаря вамъ, я убѣдился, что наше земство, наша народная школа, которой я отдалъ всю свою жизнь, существовали не напрасно и дѣлали свое дѣло!..

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало этого благороднаго дѣятеля на нивѣ народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ на своемъ посту. Объѣзжая народныя школы въ раіонѣ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія сыпного тифа и куда ему настойчиво совѣтовали не ѣздить, но куда онъ поѣхалъ, сознавая свой долгъ посѣтить учителей и учительницъ въ наиболѣе тяжелое для нихъ время, онъ заразился тифомъ. Сотни учителей и учительницъ со всѣхъ уѣздовъ, гдѣ онъ инспектировалъ, собрались въ городъ, чтобы проводить прахъ своего любимаго и достойнаго руководителя въ мѣсто послѣдняго упокоенія. Къ нимъ, какъ одинъ человѣкъ, присоединилась и вся городская интеллигенція. Былъ и Григорій, а съ нимъ не мало и мужичковъ, вспомнившихъ о „добромъ баринѣ", такъ ревниво заботившемся о просвѣщеніи ихъ ребятишекъ...

Когда при пѣніи „Вѣчной памяти" опускали въ могилу гробъ, Григорій невольно вспомнилъ свою послѣднюю бесѣду съ покойнымъ.

— „Нынѣ отпущаеши"... Ты сдѣлалъ, что могъ! — тихо прошепталъ онъ, утирая рукавомъ катящіяся изъ глазъ слезы.—Но я также твердо исполню свое мужицкое слово!.. И постою, и постою!...

Замѣнившее покойнаго лицо запѣло другія пѣсни и даже вступило въ борьбу съ земствомъ. Прежній учительскій персоналъ сталъ постепенно замѣняться новымъ, соотвѣт-

ствующимъ воззрѣніямъ своего руководителя. Мракъ нависъ надъ народною школою...

— Ну, такъ что-же?.. Пускай!— думалъ Григорій, созерцая эти перемѣны.—А я все таки постою!..

III.

На самой окраинѣ губернскаго города, въ подвальномъ помѣщеніи небольшого двухъ-этажнаго, каменнаго дома, занимаемаго простонароднымъ трактиромъ, въ квартирѣ легкового извощика Никиты Бульварова, вотъ уже третій день, какъ идетъ грязная, пьяная оргія. Тамъ пьянствуетъ въ компаніи Никиты, другихъ извозчиковъ, разной мастеровщины, прачекъ, судомоекъ и проститутокъ самаго низшаго разбора купецъ-милліонеръ и потомственный почетный гражданинъ Василій Марковичъ Рыбниковъ...

Василій Марковичъ чтитъ святость своего очага. Періодически запивая и зная свой „широкій характеръ", онъ стыдится показывать себя передъ своими домашними и многочисленными служащими въ образѣ грязной, циничной и сумасшедшей свиньи. Многіе изъ купечества находятъ—и до нѣкоторой степени не безъ основанія, что это со стороны „Васьки" это и „очень даже благородно"... Но дикіе дни запоя Василій Марковичъ проводитъ не въ „отдѣльныхъ кабинетахъ", не въ ресторанахъ, ни даже у своихъ многочисленныхъ прихлебателей, а въ самыхъ грязныхъ, низкопробныхъ притонахъ, предпочитая, впрочемъ, квартиры своихъ „дружковъ"—извозчиковъ, совершающихъ съ нимъ въ болѣе трезвенное время ночныя таинственныя путешествія по городу, по ярмаркѣ, а преимущественно по знаменитому въ своемъ родѣ „развеселому Кунавину-селу", имѣющему особливую притягательную силу для купеческихъ широкихъ натуръ...

На хозяйской двуспальной кровати, среди пуховыхъ подушекъ, не прикрытый даже одѣяломъ, въ самой откровенной позѣ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой, лежитъ именитый купецъ. „Борода его всклокочена и дешевкою подмочена". Дикіе, мутные глаза смотрятъ съ сизобагроваго широкаго, вспухшаго купеческаго „обличья" куда-то неопредѣленно, въ темный уголъ подвала. Въ головахъ сидитъ въ новомъ шерстяномъ платьѣ, съ золотой брошкой и съ тяжелымъ золотымъ браслетомъ на правой рукѣ полногрудая Аграфенушка, жена Никиты, и „ищется" гребешкомъ въ купеческихъ „волосьяхъ". Въ ногахъ помѣщается молодая красивая Никитина свояченица Аксеньюшка и щекочетъ купеческія пятки. Возлѣ кровати стоитъ огромный кухонный столъ, покрытый грязной и залитой всякими питіями красной скатертью и уставленный недопитыми четвертями съ водкой, лиссабонскимъ и „красненькимъ", стаканами и чайными чашками, тарелками и блюдечками, съ солеными огурцами, шинкованной капустой, клюквою, колбасой, паюсной и свѣжей икрой. Вокругъ стола,—во главѣ съ чернобородымъ хозяиномъ квартиры, Никитой Бульваровымъ, въ красной рубахѣ съ оборваннымъ рукавомъ и безъ пояса,—сидитъ и стоитъ группа то и дѣло пьющихъ и закусывающихъ, сильно пьяныхъ и „растерзанныхъ" мужиковъ и бабъ. Тутъ-же, ближе къ именитому купцу, сидитъ и гармонистъ изъ ближайшей пивной лавки, Мишка Кукишъ, отчаянно нажаривающій на гармоникѣ то „камаринскаго", то „барыню". Крикъ, шумъ, брань, изъясненія въ дружбѣ и любви, пересыпаемыя поминовеніемъ родителей, и среди всего этого безалабернаго гвалта визгливыя выкрикиванія лихо подбоченившейся прачки:

Заложу свои тазы,
Куплю милому часы...

А тамъ, по угламъ и вдоль стѣнъ, среди пустыхъ ведерныхъ и полу-

ведерныхъ бутылей, „мертвыя тѣла“ упившихся и спавшихъ „въ обнятку“ безъ различія общественныхъ положеній: любимый „забавникъ“ и прихлебатель Василія Марковича, отставной майоръ Чертовъ съ пропившимся портнымъ Ильюшкой Уховымъ, кутящая купеческая дочь и любительница сильныхъ ощущеній Авдотья Семеновна въ элегантномъ шелковомъ платьѣ, впрочемъ, сплошь измазанномъ и залитомъ, съ оборванной и босоногой кабацкой потаскушкой Танькой Бѣлорыбицей... Тутъ-же на бархатной кофточкѣ съ дорогими кружевами сидитъ и Пашка Сусалая, то спускающаяся до самыхъ низкопробныхъ притоновъ, то вновь, по милости Василія Марковича, разъѣзжающая на рысакахъ и живущая въ роскошной квартирѣ. Съ распущенными и спутавшимися волосами, въ одной, разорванной съ верху до низу, шелковой женской рубашкѣ, она старается подняться, но не можетъ и опять падаетъ на свою кофточку.

— Милые!.. Голубчики! — стонущимъ тономъ обращается она къ пирующимъ за столомъ. — Христа ради!.. Пожалуйста!.. Хоть одинъ стаканчикъ!.. Смерть моя!..

Но пирующіе ноль вниманія!..

— Сволочи! — разражается тогда, съ присовокупленіемъ истинно-русскихъ крылатыхъ словъ, Пашка Сусалая, и вдругъ съ пьяными слезами на глазахъ начинаетъ съ сильнымъ хрипомъ въ голосѣ вопить на весь подвалъ:

Влюбилась я въ тирррана,
Въ мошенникъ-падлица...
Зачѣмъ тирррамъ тирррранишь
И мучишь меня...

Грязно, сыро, душно,—всевозможные ароматы съ преобладаніемъ, впрочемъ, прокисло-алькогольнаго, носятся въ подвалѣ.

— Все это мнѣ, однако, надоѣло... Молчать! — вдругъ раздается среди пьянаго гвалта нѣсколько какъ-бы надтреснутый, но рѣзкій и повелительный голосъ Василія Марковича.

И его увѣсистый кулакъ обрушивается на столъ съ такой силой, что дребезжатъ бутыли, стаканы, чашки, тарелки.

Въ подвалѣ моментально устанавливается тишина, нарушаемая лишь воплемъ Пашки Сусалой:

Вазьми въ руки писталетикъ,
Прострѣли ты грудь маю...
Этимъ самыимъ манерромъ
Уничтожь ты жисть маю...

— Вышвырнуть ее вонъ! — реветъ Василій Марковичъ, и его кулакъ опять грохается о столъ.

— Молчи, стерва!.. Убью! — съ остервенѣніемъ бросается Никита на Пашку Сусалую и, ухвативъ ее за волоса, тащитъ изъ подвала.

— Каррраулъ!.. Рѣжутъ!..—раздирающимъ голосомъ вопитъ Пашка Сусалая.

Но Никита съ искаженнымъ звѣрскимъ лицомъ и воспаленными отъ продолжительнаго пьянства глазами волочитъ пьяную женщину по грязному, затоптанному и заплеванному полу, подбодряя своими сапожищами по холеному тѣлу ту самую женщину, которую еще нѣсколько дней тому назадъ, стоя въ передней ея шикарной квартиры, онъ почтительно называлъ „сударыней“ и у которой униженно-плутовато просилъ „на чаекъ“...

Въ то время, какъ Никита съ жестокими побоями водворяетъ Пашку Сусалую въ сарай, Василій Марковичъ, очевидно, начинавшій нѣсколько приходить въ себя, дикими глазами осматриваетъ окружающую его компанію.

— Ну, и много-же всякой сволочи вокругъ моего капиталу околачивается! — съ досадливо-презрительной улыбкой говоритъ онъ, а потомъ плаксиво-капризнымъ голосомъ стонетъ.—Грушка!.. Аксютка!.. Квасу, шлюхи!..

Сидящія съ нимъ на кровати женщины суетятся и бросаются исполнять приказаніе.

— Кушайте, батюшка Василій Марковичъ!.. Извольте, отецъ-благо-

дѣтель, головку приподнять а то, неровенъ часъ, замочиться, батюшка, изволите...

Когда Василій Марковичъ, тяжело дыша, „изволитъ кушать“ квасъ, въ дверяхъ появляется Никита.

— Никитка!.. Душно!.. Воздуху!..— задыхающимся голосомъ кричитъ Василій Марковичъ.

— Сами, батюшка Василій Марковичъ, изволите знать, что у насъ саду нѣтъ,—почтительно заявляетъ Никита,—на дворъ, можетъ, прикажите?

— А плевать!.. На дворъ, такъ на дворъ!..

— Перину прикажите вынести?

— Къ черту перину! — раздражается Василій Марковичъ,—и въ его осоловѣлыхъ глазахъ проглядываютъ злость и тоска.—Буду я себя безпокоить!.. Тащи, чертъ, на кровати!..

— Никакъ этого невозможно, ваше степенство, Василій Марковичъ,— не безъ опаски докладываетъ Никита,—кровать огромадная, а дверь узкая... не пролѣзетъ!..

— Я!.. Съ моимъ капиталомъ!.. Да, какъ ты смѣешь, собачій сынъ!— злится Василій Марковичъ, приподнимаясь съ постели.—Я съ моимъ капиталомъ скрозь замочную скважину пройду!.. Ломать косяки!.. За все плачу... и за труды, и за убытки.

— Ребята, ломай косяки, выворачивай кирпичи!—кричитъ Никита мужчинамъ. — Господинъ купецъ за все платитъ!..

Вооружившись топорами, косарями, вилами, принесенными съ конюшни, и другими сподручными въ данномъ отношеніи инструментами, вся почтенная компанія энергично принимается за „работу“,—и черезъ какихъ-нибудь полчаса вмѣсто двери образуется такое отверстіе, через которое не только можетъ пройти двуспальная кровать, но даже проѣхать цѣлая тройка съ тарантасомъ.

— Спасибо вамъ, молодцы! Почтили вы мою честь!—не безъ удовольствія говоритъ Василій Марковичъ, выпивая стаканъ водки и закусывая соленымъ огурцомъ.—Никитка, — добавляетъ онъ, — выдать имъ сто рублей за работу, да послать за ведромъ водки, для женскаго же сословія прихватить двѣ четверти лиссабонскаго, да сотню апельсиновъ!..

— Уррра! — радостно гаркаетъ компанія.—Именитому купцу Рыбикову много лѣтъ здравствовать!..

— Ну, а теперь, ребята, берись съ пѣснями за кровать и жарь на дворъ!—распоряжается Василій Марковичъ.—А вы, шлюхи... Грушка и Аксюшка!.. лѣзь ко мнѣ на кровать!.. Мишка, валяй, каналья, самую разухабистую!..

Запѣла, застонала гармоника въ игрецкихъ рукахъ Мишки Кукиша.

Какъ по ярмаркѣ купчикъ идетъ,
По Макарьевской голубчикъ идетъ,
Разудалая головушка!..—

грянулъ нестройный пьяный хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ,—и кровать вмѣстѣ съ именитымъ купцомъ, обнявшимъ двухъ сидящихъ рядомъ съ нимъ женщинъ, плыветъ изъ затхлаго подвала на „вольный воздухъ“, на грязный и занавоженный извозчичій дворъ...

Перенесенная на дворъ, по волѣ Василія Марковича, оргія съ появленіемъ водки и лиссабонскаго, принимаетъ грандіозные размѣры. Нѣкоторые изъ упившихся, но нѣсколько пришедшихъ въ себя, выползаютъ какъ тараканы, изъ подвала на вольный воздухъ“ и предъявляютъ желаніе опохмѣлиться. Первый появляется майоръ Чертовъ и, подойдя къ Василію Марковичу, приплясывая, запѣваетъ:

Ты, хозяинъ нашъ,
Ты, кудрявый нашъ,
Ты кудрями потряси,
Намъ по рюмкѣ поднеси...

— Ну, и дура ты голова—майоръ! останавливаетъ его именитый купецъ.—Вашего бы благородія устами да медъ пить! Точно, были у насъ кудри въ дни туманной юно-

сти, да вотъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ замѣсто нихъ, пьянаго и распутнаго дѣла ради, на головизнѣ нашей паркетъ установился...

— Что-жъ, Васенька, — фамильярно—подобострастно оправдывается майоръ,—изъ пѣсни слова не выкинешь...

— Прикажите, ваше степенство,— спрашиваетъ Никита,—его высокоблагородію водки поднести?

— Стой!—говоритъ Василій Марковичъ.—Пущай его высокоблагородіе насъ опрежде позабавитъ и въ потѣ лица своего заработаетъ напитокъ сей. Ломоть хлѣба!

Никита поспѣшно подаетъ хлѣбъ. Василій Марковичъ бросаетъ его на середину двора.

— Майоръ, пиль!..

Майоръ встаетъ на четвереньки и направляется къ брошенному куску хлѣба. Вотъ ужъ онъ подошелъ къ нему и собирается взять ртомъ безъ помощи рукъ.

— Тубо!—вдругъ раздается команда Василія Марковича.

Майоръ останавливается, уткнувшись носомъ въ хлѣбъ и, подражая псу, начинаетъ выть и лаять.

— Майоръ, пиль!—кричитъ именитый купецъ.—Майоръ, вене иси!

Майоръ ртомъ поднимаетъ кусокъ хлѣба и по прежнему на четверенькахъ направляется къ кровати, на которой возлежитъ Василій Марковичъ. Взявъ хлѣбъ изо-рта майора, Василій Марковичъ опять командуетъ:

— Майоръ, кушъ подъ кровать!..

Майоръ лѣзетъ подъ кровать. Выпивъ стаканъ водки, Василій Марковичъ кричитъ:

— Майоръ, вене иси!..

Майоръ вылѣзаетъ изъ подъ кровати и поднимаетъ кверху носъ. Василій Марковичъ даетъ щелчокъ по этому носу, и майору разрѣшается изъ четвероногаго вновь обратиться въ двуногаго...

— Никитка!—приказываетъ Василій Марковичъ.—Майору водки и пятишницу въ виду нашего особливаго къ его высокоблагородію благоволенія!..

— Помилосердствуй, Васенька!— обижается майоръ.- Самому дороже стоитъ!.. Хотя и въ отставкѣ, а по моему чину за такую комедь никакъ меньше четвертной взять нельзя...

— Ну, чертъ съ нимъ! Дай ему четвертную!—приказываетъ Никитѣ Василій Марковичъ и тутъ-же милостиво обращаясь къ майору, замѣчаетъ.—Пей, майорище, пока я въ загулѣ состою... Пользуйся моими щедротами... Пройдетъ хмѣль, двугривеннаго напросишься!..

— Аксиньюшка! Аграфенушка!— слышится голосъ выходящей изъ подвала купеческой дочери Авдотьи Семеновны.—Гдѣ же мои ботинки, гдѣ же шляпка?

— Вы мнѣ, барышня, ихъ на сохраненіе не отдавали!—мелкой пташкой подлетаетъ къ Авдотьѣ Семеновнѣ Аграфенушка.—Видно, стибрили... Ужъ такая при Василіи Марковичѣ завсегда компанія состоитъ!

— Ну, такъ дай хоть, по крайней мѣрѣ, свой платокъ и какіе-нибудь башмаки... Какже я поѣду домой!..

— Извольте, матушка!—плаксиво говоритъ Аграфенушка.—Ужъ чай рубликовъ двадцать прожертвуете за мое безкорыстіе...

— Дунечка!—окликаетъ Авдотью Семеновну Василій Марковичъ. — Откушай, голубка, лиссабонскаго... Чай головка-то бобо!..

— Стаканъ коньяку и лимону!— командуетъ Авдотья Семеновна, садясь на кровать къ Василію Марковичу.

Никита стремглавъ бросается въ подвалъ и приноситъ бутылку съ коньякомъ.

— И мнѣ, братъ, налей баночку!—проситъ майоръ.

— Такой благородный напитокъ вашему высокоблагородію не по аппетиту!—отстраняетъ майора Никита.

— Дуракъ! Мужикъ!—злобно ругается майоръ къ великому удоволь-

ствію Василія Марковича и всей компаніи.

— Вотъ что, Никита,—говоритъ Авдотья Семеновна, залпомъ выпивая стаканъ коньяку,—прикажи-ка ты запречь закрытый экипажъ, да отвезти меня къ купчихѣ Долгополовой...

— Ну, куда-же, Дунечка!—уговариваетъ Василій Марковичъ.—Еще хлобыстнемъ, да и покатимъ въ Марьину рощу... Тамъ на лужкѣ, на муравкѣ природой развлечемся...

— Нельзя, Вася! — отказывается Авдотья Семеновна.—Завтра папенька съ маменькой изъ Москвы воротятся,—надо въ акуратѣ быть!..

— Люблю я тебя, дѣвка, за удаль! — говоритъ Василій Марковичъ, легонько охватывая Авдотью Семеновну за талью. — Богатаго отца дочь и емназію окончила, а гуляешь чище мужчинскаго...

— Я жить хочу, любить хочу!—патетически восклицаетъ Авдотья Семеновна, надѣвая на ноги принесенные Аграфенушкой худые стоптаные башмаки.—Не вамъ, мущинамъ, однимъ гулять, дай дорогу и женщинѣ!.. Сначала перебѣшусь, а тамъ и замужъ выйду... При моемъ приданомъ женихи найдутся!..

— Вѣрно!—подтверждаетъ майоръ.—А позвольте, прекрасная мадемуазель, вамъ предложить руку, сердце и честное имя...

— Твое-то честное имя за десять цѣлковыхъ купить можно!—смѣясь, отвѣчаетъ Авдотья Семеновна.—Куда почище тебя найдутся!..

— Пожалуйте, сударыня... Экипажъ готовъ-съ!—докладываетъ подошедшій Никита.—А все-жъ, къ слову сказать,—плутовато добавляетъ онъ,—я, барышня, менѣе двухъ четвертныхъ за такой променажъ взять не могу, потому какъ я иной разъ съ вашимъ папенькой ѣзжу... А они, папенька-то вашъ, меня, дурака—мужика, своимъ разговоромъ удостаиваютъ, ну а я, дуракъ мужикъ, на языкъ не акуратенъ... Неровенъ часъ, по глупости, что зря и сболтну...

— Вася!—обращается Авдотья Семеновна къ Василію Марковичу.—Выдай пожалуйста дураку-мужику и его Грушкѣ двадцать рублей и больше ни гроша!..

— Никитка, слышишь!

— Такъ точно, ваше степенство, а все-жъ обидно...

— Молчать!—грозно прикрикиваетъ на него Василій Марковичъ, ударяя кулакомъ о столъ.

— Слушаю-съ!—покорно, хотя и не безъ обиды въ голосѣ, говоритъ Никита.—Вино, Василій Марковичъ, все вышло!—вполголоса добавляетъ онъ.—Еще послать прикажите-съ?

— Пошли!..

Авдотья Семеновна, закутавшись въ грязный, дырявый Аграфенушкинъ платокъ, уѣзжаетъ, пожавши руку Василію Марковичу и пренебрежительно кивнувъ головой остальной честной компаніи.

Появляются новыя ведра и четверти... Скоро большинство раздѣляющихъ купеческую „хлѣбъ-соль" мужчинъ и женщинъ опять „полегли костьми" тутъ же, въ грязи и навозѣ извозчичьяго двора. Остались на ногахъ лишь „аккуратныя на вино" Аграфенушка и Аксиньюшка, да смышленый до „сваво интересу" Никита съ гармонистомъ Мишкой Кукишемъ. Впрочемъ, послѣдній славится необычайной „крѣпостью" въ выпивкѣ. Онъ можетъ пить по цѣлымъ суткамъ, оставаясь безъ сна и въ то же не теряя сознанія.

— У Мишки не башка, а чугунный котелъ!—говорятъ про Кукиша товарищи собутыльники.—Вотъ ужъ истинно прорва!.. Его, черта, сорокаведерной бочкой не сшибешь!..

— И въ пьянствѣ я великъ!—усмѣхаясь и не безъ гордости бахвалится Мишка Кукишъ, слушая эти товарищескія изліянія.

Былъ совершенно пьянъ и Василій Марковичъ. Онъ не прочь бы заснуть, но не могъ, а поэтому чувствовалъ приливъ какой-то безъотчетной злости, площадно ругался и билъ стоящую на столѣ посуду...

Никита, Аграфенушка и Аксиньюшка охотно подставляли подъ его размашистые кулаки тарелки, блюдечки, стаканы и чашки, конечно, въ надеждѣ получить потомъ въ десятеро болѣе ихъ стоимости...

Гулянье именитаго купца у легкового извозчика Никиты Бульварова являлось, понятно, событіемъ весьма крупнымъ въ жизни глухой окраины города, и вполнѣ естественно, что у калитки извозчичьяго двора собралась большая толпа уличныхъ зѣвакъ, привлеченныхъ необычайнымъ зрѣлищемъ.

Распродавши принесенные въ городъ продукты, Даша возвращалась домой. Увидя стоящую у воротъ и на что-то глазѣющую толпу, она то-же не удержалась отъ любопытства. Толпа росла, и дѣвушка скоро очутилась впереди, на самомъ дворѣ. Въ тѣ рѣдкіе моменты, когда его руки уставали подъ веселые мотивы гармоники Мишки Кукиша бить посуду, Василій Марковичъ безумно-пьяными глазами окидывалъ весь дворъ, останавливая ихъ иногда на толпившихся въ калиткѣ зѣвакахъ. И вотъ эти безумно-пьяные глаза вдругъ остановились на миловидномъ личикѣ дѣвушки.

— Никитка!—пробурчалъ Василій Марковичъ, не сводя глазъ съ Даши.—Это что тамъ?.. Дѣвка? Такъ что ли, или ужъ у меня въ глазахъ только мерещится?

— Такъ точно, Василій Марковичъ... Надо полагать, что дѣвка!..

— А вѣдь недурна, каналья! — обратился Василій Марковичъ къ Аграфенушкѣ и Аксиньюшкѣ.—Вѣрно?.. Ась?.. Какъ вы, шлюхи, полагаете?..

— Ужъ ежели вамъ, батюшка, по скусу, такъ вѣрно!—уклончиво отвѣчала Аграфенушка.

— А ты не финти! Не терплю, когда мнѣ перечатъ!—крикнулъ Василій Марковичъ. — Говори, краше она Пашки, али нѣтъ?

— Ваша воля! — робко проговорила Аграфенушка.

— Ваша воля!— передразнилъ ее Василій Марковичъ.—Знамо моя, а не твоя воля! На твою-то волю только плюнуть, да разстереть!.. Ну, говори, стерва, краше она Пашки? По мнѣ краше!.. А коли я говорю, краше, такъ какже ты смѣешь мнѣ дерзить?!..

— Ужъ гдѣ Прасковьѣ Игнатьевнѣ супротивъ нея!—вдругъ затараторила Аграфенушка, чтобы только угодить именитому купцу. — Прасковьѣ-то Игнатьевнѣ, чай, ужъ за тридцать, да и пить она до ужасти горазда, а эта совсѣмъ молоденькая... Да и не въ обиду вамъ, батюшка Василій Марковичъ, будь сказано, Прасковья-то Игнатьевна потерянная женщина, а эта, надо полагать, совсѣмъ еще несорванный цвѣточекъ.

— Гмъ! Это такъ!.. Это вѣрно!.. и молоденькая, и не сорванный... какъ бишь ты сказала?.. Да!.. Несорванный цвѣточекъ!.. Хорошо!.. Превосходно!.. Ну, и пусть будетъ по твоему!.. Теперь скажемъ, Пашкѣ колѣнкой по сидящему мѣсту,— порѣшилъ Василій Марковичъ, — а этой кралѣ квартера, можно лошадей пару, ну, и прочее тамъ обхожденіе... Никитка,—сказалъ Василій Марковичъ.—Ступай, позови... какъ ее!.. Ну, дѣвицу што-ли.. Понимаешь?.. Купецъ, молъ, Рыбниковъ требуетъ...

Никита побѣжалъ исполнять купеческій приказъ.

— Иди, красавица!.. Тебя купецъ къ себѣ требоваетъ!— обратился онъ къ Дашѣ и тутъ-же вполголоса прибавилъ.— Богатѣюшій купецъ! Милліонщикъ!.. Пароходы свои, баржи, дома, лабазы...

Даша испуганно отшатнулась отъ Никиты.

— Не пойду я!—тихо прошептала она.

— Ваше степенство, не хочетъ краля-то идтить!—закричалъ Никита.

— Какъ?.. Не хочетъ! — дико вытаращилъ свои осоловѣлые глаза Василій Марковичъ. —Это ко мнѣ-то!..

Съ моимъ-то капиталомъ!.. Не хочетъ!.. Ого! Пойди, тащи ее! Эй ты, Мишка!.. Подь, помоги Никиткѣ!..

Мишка Кукишъ сорвался съ своего мѣста и побѣжалъ къ Дашѣ. Отчаянно отбивалась Даша отъ схватившихъ ее подъ руки Никиты и Мишки Кукиша. Но могла-ли хотя и здоровая деревенская дѣвушка вырваться изъ желѣзныхъ рукъ двухъ сильныхъ мужиковъ? Черезъ минуту, при хохотѣ толпы, она была уже доставлена къ кровати, на которой возлежалъ именитый купецъ.

— Ну-ка, подь сюда, кралечка!— сказалъ Василій Марковичъ, обхватывая Дашу за талію.—Хоша мы рожей и не вышли, да вѣдь съ рожи-то не воду пить... Нашъ капиталъ какую хошь рожу украситъ...

— Не замай!.. Пусти, охальникъ!— кричала Даша, отбиваясь отъ Василія Марковича, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы сорвать съ нея платокъ и растегнуть воротъ рубашки...

— А ты полно, дура! Что кобенишься-то,—уговаривали Дашу Аграфенушка и Аксиньюшка. — Своего счастія не понимаешь! На кой тебѣ лядъ свое сокровище-то беречь, когда тебя господинъ купецъ на всю жисть озолотить можетъ!..

Но Даша не слушала этихъ бабьихъ уговоровъ.

— Чертъ! Дьяволъ!—кричала она.— Бѣлены што-ли, ты, пьяница подлая, объѣлся.. Пусти, тебѣ говорятъ!..

И вотъ въ то время, когда Василій Марковичъ, съ горящими отъ дикой страсти глазами и тяжело дыша, успѣлъ уже крѣпко сжать ее въ объятіяхъ и привлечь къ себѣ, Даша обѣими освободившимися руками вцѣпилась въ него. Она била и царапала его сизо-багровую физіономію, рвала его растрепанную бороду...

Именитый купецъ взвылъ отъ боли и бѣшенства.

— Подлая!.. Подлая!.. — кричалъ онъ задыхающимся голосомъ, нанося ей удары и разрывая въ клочки ея платье.

Дикимъ, раздирающимъ душу голосомъ завопила избиваемая дѣвушка. Вздрогнули Аграфенушка и Аксиньюшка, даже равнодушные вообще къ подобнаго рода сценамъ Никита и Мишка Кукишъ почувствовали нѣкоторое недоумѣніе и страхъ за послѣдствія такого наглого насилія. Изъ сарая появилась блѣдная, дрожащая отъ негодованія Пашка Сусалая. Она уже нѣсколько отрезвилась и успѣла одѣться въ принесенное ей Аксиньюшкой платье.

— Что дѣлаешь, пьяная свинья!— хрипя и взвизгивая, набросилась она на Василія Марковича.— Сколько ты на своемъ вѣку нашей сестры сгубилъ!.. Мало тебѣ этого, подлецу!.. Ты ужъ теперь средь бѣла дня, при всѣмъ честномъ нарядѣ, насильничать сталъ! На милліоны свои надѣешься!.. Нѣтъ, разбойникъ!.. И на тебя есть управа!..

Злобно уставился на Пашку Сусалую Василій Марковичъ. Держа одной рукой Дашу за распустившіеся волосы, онъ другой рукой схватилъ со стола квасную бутылку. Но Пашка Сусалая увернулась, и бутылка, свистнувъ въ воздухѣ, въ дребезги разбилась о кирпичную стѣну дома.

— А вы чего смотрите!.. На безобразіе любуетесь?.. Глядите, какъ дикій звѣрь несчастную дѣвушку терзаетъ? — обратилась Пашка Сусалая къ стоявшей въ калиткѣ толпѣ.—Эта вотъ сволочь,— указала она на Никиту, Мишку Кукиша и разбуженныхъ скандаломъ другихъ пьяницъ,—все это его прихлебатели, они его виномъ и деньгами подкуплены.... А вы? Что онъ вамъ? Нашему ведру двоюродный кувшинъ!.. Гдѣ-бы бѣднаго человѣка защитить, а вы только на разбойное дѣло любуетесь!.. Рады даровому кіятру!.. Эхъ вы!.. Креста на васъ нѣту!.. Бога не боитесь, а подлыхъ денегъ золотой свиньи боитесь!..

Толпа заволновалась. Послышались негодующіе голоса.

— Неладное, купецъ, дѣло затѣялъ!—кто-то изъ толпы громко крикнулъ Василію Марковичу.

— Никитка! — зарычалъ Василій Марковичъ. — Ты что-жъ, на своемъ дворѣ не хозяинъ? Гони всѣхъ по шеямъ!.. Калитку на запоръ!.. Пашку избить до полусмерти, а потомъ тоже въ шею!..

— Вонъ, вонъ всѣ!—заоралъ Никита, бросаясь къ калиткѣ.

Толпа попятилась было на улицу, но сзади вдругъ раздался сдержанный, хотя и нѣсколько взволнованный голосъ:

— Что здѣсь такое? Что случилось?

— Пьяный купецъ безобразничаетъ!—пояснили вопрошающему.— Его пьяницы дѣвицу проходящую ухватили и ему предоставили... Теперь онъ ее бьетъ, потому какъ она ему не потрафляетъ..,

— А, вотъ что... Такъ не „вонъ", а идемъ всѣ на дворъ, а кто-нибудь пусть идетъ за полиціей... Развѣ можно такія дѣла оставлять? Какъ вамъ не стыдно, господа!..

Захлопнутая было уже Никитой калитка подалась подъ напоромъ толпы, а самъ Никита былъ откинутъ въ сторону. Впередъ толпой былъ пропущенъ молодой человѣкъ въ крестьянскихъ сапогахъ бутылками, въ картузѣ, въ шитой малороссійской рубашкѣ и въ визиткѣ.

— Гришенька! Голубчикъ! — рыдающимъ голосомъ закричала Даша, увидя молодого человѣка.—Ослободи ты меня отъ лиходѣя лютаго... Избилъ онъ меня, охальникъ, невѣдомо за что!.. Царица Небесная!

Это былъ Григорій. Онъ тоже, какъ и Даша, былъ въ городѣ и теперь, возвращаясь домой въ деревню, случайно наткнулся на скандалъ.

— Даша! — съ ужасомъ воскликнулъ онъ и въ одинъ мигъ былъ возлѣ дѣвушки.

— Пусти, купецъ! — твердо и въ упоръ смотря въ лицо Василія Марковича, сказалъ Григорій.

— Ребята, бей его! — крикнулъ своимъ прихлебателямъ Василій Марковичъ. — Тысячи рублей не пожалѣю, а дѣвки не отдамъ!..

Двумя сильными ударами сшибъ съ ногъ Григорій налетѣвшихъ на него Мишку Кукиша и Никиту.

— Отпусти дѣвушку добромъ, а то плохо будетъ!—повторилъ свое требованіе Григорій.

— Не пущу!..

— Не пустишь?..

— Не пущу!...

И Василій Марковичъ со злобой рванулъ за находящіеся въ его рукѣ волосы Даши. Даша отчаянно вскрикнула и зарыдала. Но нѣсколько сильныхъ, звонкихъ пощечинъ по купеческому „обличью" сразу освободили несчастную дѣвушку изъ рукъ именитаго купца.

— Да я тебя за это со свѣта Божьяго сживу! — бѣшено кричалъ Василій Марковичъ.—Десяти, двадцати, ста тысячъ не пожалѣю, а ужъ я тебя доканаю!..

— Сживи и доканай, если сумѣешь!—спокойно отвѣчалъ Григорій.

— Такъ ты меня не боишься?

— Я боюсь лишь своей совѣсти!

— Ну, а какъ ты, молодецъ, полагаешь, у меня такъ-таки и совсѣмъ нѣтъ совѣсти?—совершенно неожиданно и какъ-то загадочно спросилъ Василій Марковичъ, перемѣняя лежачее положеніе на сидячее.

— У тебя, купецъ, вмѣсто совѣсти капиталъ!—сказалъ Григорій.

— Вѣрно! Вѣрно! — закричала Пашка Сусалая.—И здорово же ты, молодецъ, эту его купеческую совѣсть поучилъ! По своимъ капиталамъ ты, Васька, всѣхъ билъ, а вотъ нашла коса на камень... Самому рожу нахлестали... И слѣдуетъ!.. Не зазнавайся больно-то!..

— А вотъ что, молодецъ!—вдругъ сказалъ Василій Марковичъ, привставая съ постели. — Выпьемъ на мировую!

— Не пью, а съ тобой и подавно пить не стану! — сурово отвѣтилъ Григорій.

— Почему?

— Не компанія.

— Ну, а ты, красная дѣвица, простишь меня?

— Охальникъ! Разбойникъ! — рыдая, запричитала Даша.

— А ты полно! Говори, сколько за безчестье хочешь? — спросилъ Василій Марковичъ.

— Подавись ты, купецъ, своимъ капиталомъ! Плюемъ мы на него и на твою глупую спѣсь! — съ негодованіемъ воскликнулъ Григорій. — Мы работаемъ, живемъ на свой трудъ и тѣмъ довольны и счастливы, а ты при своихъ милліонахъ только жалкій и несчастный человѣкъ!

— Такъ! такъ! Несчастный, говоришь, человѣкъ... — смущенно проговорилъ Василій Марковичъ. — Ну, а какже мнѣ теперь мириться-то... Вѣдь ежели денегъ не беретъ...

— Да ужъ, видно, мировой примиритъ! — смѣясь, сказалъ кто-то изъ толпы.

— Ну, что мнѣ мировой!.. Сидѣть, такъ отсидимъ... Не въ томъ дѣло!..

И вдругъ произошло нѣчто небывалое, невѣроятное въ жизни и поступкахъ именитаго купца, милліонера и потомственнаго почетнаго гражданина.

Тихо поднялся съ Никитиной двуспальной кровати Василій Марковичъ и, слегка покачиваясь, направился къ Дашѣ.

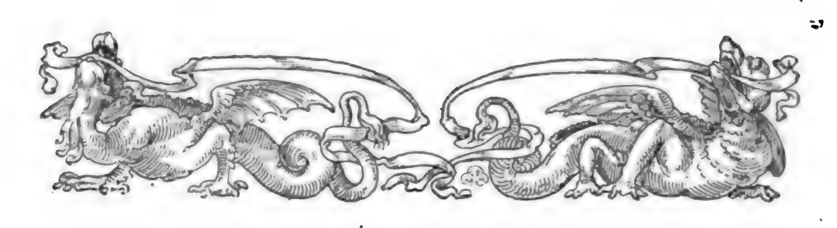
Дѣвушка съ ужасомъ отскочила въ сторону.

— Погоди!.. Не бойся! — сказалъ Василій Марковичъ и, опустившись на колѣни, поклонился дѣвушкѣ въ ноги.

— Прости, Христа ради, меня стараго пьяницу и скотину! — проговорилъ именитый купецъ. — А тебѣ, молодецъ, — обратился онъ къ Григорію, — спасибо за науку!..

Николай Ва... ьевъ.

(Окончаніе въ слѣд. №-рѣ).



Истина.

Я жаждалъ истины, не находя ея
    Ни въ громкихъ подвигахъ вождей своего вѣка,
Ни въ шумѣ будничномъ, ни въ строѣ бытія,
    Ни въ вожделѣніяхъ, ни въ вѣрѣ человѣка.

Я жаждалъ истины, — и въ часъ тоски она
    Явилась умственнымъ, ее ловившимъ взоромъ,
Чиста по ангельски, какъ солнышко ясна,
    Святая, чудная, не скрытая уборомъ.

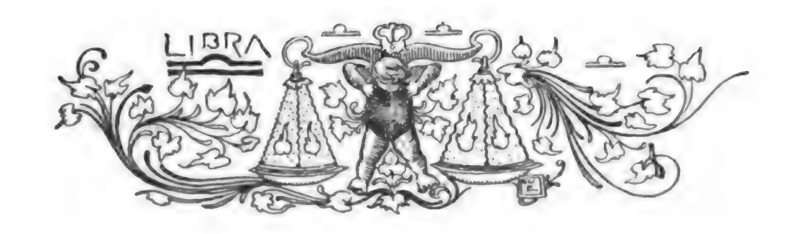
Въ борьбу безкровную я радостно вступилъ
Съ вездѣ царящею самодовольной ложью;
Всѣмъ существомъ своимъ я страстно возлюбилъ
Одну прекрасную, святую правду Божью.

И вотъ въ пылу борьбы, внезапно пораженъ,
Къ землѣ придавленъ я. Смѣяся надо мною,
Стоялъ какой то звѣрь. Суровъ и грозенъ онъ.
Я бился трепетно подъ тяжкою стопою.

Злорадно крикнулъ онъ:—„несмысленный червякъ!
Кому ты молишься? Все той же лжи презрѣнной.
Я—только истина и мой лишь только стягъ
Ведетъ міръ къ счастію и вѣетъ надъ вселенной".

Смѣшно мнѣ стало вдругъ.—Ты истина?! Ну, что-жъ!
Топчи, топчи меня, а я не перестану
Молиться призраку и звать, какъ правду, ложь,
А правду-чудище клянуть, какъ зло обмана...

И. Мордвиновъ.



Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ

Рудольфа Штраца.

(Продолженіе).

Глава IX.

Странно! Все осталось по-прежнему: солнце стояло на небѣ, вдали синѣли горы и долины, ослѣпительно сверкало по склонамъ горы бѣлое море цвѣтовъ, на деревьяхъ были почки, ласковое вѣянье весны носилось надъ городомъ музъ и волнами Неккара, по улицамъ ходили иностранцы съ краснымъ Бедекеромъ, въ рукахъ гуляли студенты въ пестрыхъ шапочкахъ.

Все было такъ, какъ и вчера, когда Эрна въ первый разъ увидѣла Гейдельбергъ, и въ то же время—какъ все измѣнилось! Глазамъ ея все представлялось иначе. На всемъ лежала сѣрая дымка. Праздникъ ея жизни окончился. Наступили будни съ ихъ трудомъ—не тѣмъ бодрящимъ, облагораживающимъ трудомъ, по которому она тосковала, котораго искала, какъ спутника жизни,—нѣтъ, съ нуждой и заботами, съ повседневнымъ, скучнымъ, какъ осенній дождикъ, и боязливымъ вопросомъ жалкихъ людей: Что-то принесетъ завтрашній день?

Бѣдность! Это слово не вызывало въ ней вполнѣ яснаго представленія. Единственный отчетливый образъ, который связывался у нея съ нимъ, былъ фабричный дворъ и за стеклами оконъ длинный рядъ блѣдныхъ лицъ, склоненныхъ молчаливо надъ работой... Это были бѣдныя женщины и дѣвушки. Подобныя ей!

Эрну охватило возмущеніе и отвращеніе. Неужели она принадлежитъ къ этому міру, гдѣ должны работать, чтобы не умереть съ голоду? *Должны* работать! Въ этомъ все. Свободный трудъ—счастье. Но тутъ лишь подневольная работа и равнодушіе. Это видно по выраженію лицъ.

Если бы отецъ сдѣлалъ хотя какой-нибудь намекъ на положеніе дѣлъ! Но нѣтъ—ее воспитали въ роскоши, пріучили ко множеству ненужныхъ вещей—для того, чтобы посадить на хлѣбъ и воду. Конечно, отецъ все дѣлалъ съ добрыми намѣреніями. Онъ зналъ, что въ будущемъ, какъ невѣста Джона Генри, она будетъ въ надежныхъ рукахъ! Опять Джонъ Генри!

Она надѣла шляпу, чтобы уйти изъ дому, какъ будто можно было такимъ образомъ скрыться отъ Джона Генри, и машинально заглянувъ въ зеркало,подумала: „Зачѣмъ нищей такія красивыя платья?“ Если они износятся или выйдутъ изъ моды, новыхъ уже не будетъ! И она принуждена будетъ одѣваться просто и безвкусно, совсѣмъ не такъ, какъ теперь! И со стыдомъ Эрна подумала, что сердце ея привязано къ этимъ ненужнымъ вещамъ. Она почувствовала себя совсѣмъ подавленной, разбитой, виноватой въ чемъ-то. Такое непріятное чувство—не имѣть денегъ! Люди, казалось, смотрѣли на нее съ укоризной: „Какъ! Вы потеряли состояніе? Но какъ это можно? Это неприлично“! Дѣйствительно, странно быть выброшенной изъ своей среды! Ей это не къ лицу! У Эрны сжалось сердце: она замѣтила, что все, что она думала, чего хотѣла, перепуталось въ ея сознаніи. Весь міръ получилъ вдругъ въ ея глазахъ другой видъ.

Мимо проѣхалъ экипажъ. Нѣсколько человѣкъ студентовъ направлялись къ Гиршгассе. Мелькнули пестрыя шапочки, кучеръ щелкнулъ бичемъ, сзади запрыгали съ лаемъ собаки, и экипажъ скрылся въ долинѣ Неккара, гдѣ цвѣла весна. Точь въ точь, какъ вчера.

Эрна посмотрѣла на студентовъ съ враждебнымъ чувствомъ. Почему эти молодые люди съ скучающими, гладко выбритыми лицами получаютъ изъ дому деньги, а она нѣтъ? Они мужчины, они могутъ работать, а она вѣдь молодая дѣвушка—по воззрѣніямъ ея среды—предметъ роскоши, который нужно охранять отъ вліянія жизни и которому надо сохранять, какъ цвѣтку,ароматъ и нѣжность.

У нея ничего нѣтъ своего; все принадлежитъ Джону Генри, который уже цѣлый годъ, послѣ смерти отца, выплачивалъ ей ренту изъ своего кармана. На эти деньги было куплено платье, которое она теперь носила, шляпа, башмаки и перчатки—все. Если бы продать нѣкоторыя изъ украшеній, чтобы на вырученныя деньги сдѣлать новыя скромныя платья, но вѣдь украшенія опять-таки были подаркомъ Джона Генри. Даже марки въ 10 пфенниговъ, которыя она наклеила на посланное ему письмо, были куплены на его деньги. Все принадлежало ему.

Она снова вошла въ комнату.

Теперь положеніе вполнѣ выяснилось: вся она была собственностью Джона Генри ванъ Леннепа! Онъ требовалъ ее, какъ нѣчто принадлежащее ему, и имѣлъ на то право! Дѣло шло не только о деньгахъ, которыя онъ на нее затратилъ, а о болѣе важномъ нравственномъ долгѣ: онъ спасъ ея отцу жизнь и честь. Эрна содрогнулась. Что, еслибъ онъ тогда не пріѣхалъ? Или равнодушно прошелъ бы мимо? Онъ избавилъ ее и близкихъ ей отъ нужды и несчастья и требовалъ вполнѣ понятной благодарности,—нѣтъ, даже не благодарности, а исполненія прежде даннаго обѣщанія. Собственно, онъ вполнѣ правъ!

И она съ упрямствомъ повторяла: „Значитъ, я его собственность“!

А она еще мечтала быть свобод-

нымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ!

И мало-по-малу она поняла, что вся ея жизнь зависитъ отъ сегодняшняго отвѣта Джону Генри. „Да" означало раскаяніе въ совершонномъ и возвращеніе къ прошлому, къ прежнему богатству и беззаботному существованію возлѣ Джона Генри. „Нѣтъ"—было бы стремленіемъ къ новому будущему, шагомъ къ неизвѣстности, мраку и нуждѣ и отказомъ отъ даннаго слова, въ то время какъ „да"—было бы тоже отказомъ отъ собственной личности.

Отворивъ дверь, чтобы на свѣжемъ весеннемъ воздухѣ набраться мужества, она увидѣла маленькаго посыльнаго съ письмомъ. Вскрывъ послѣднее, она прочла: „Милая Эрна! Я хочу дать тебѣ время подумать обо всемъ, что, къ сожалѣнію, тебѣ пришлось выслушать отъ меня. Я думаю, что такъ лучше. Буду у тебя въ пять часовъ пополудни. Твой Д. Г. ванъ Леннепъ".

Въ пять! Времени было еще много! Эрна вздохнула съ облегченіемъ и, къ великому своему удовольствію, услышала шорохъ въ сосѣдней комнатѣ и стукъ въ дверь: это была Мета Виггерсъ, которая, уходя на лекціи, зашла пожелать ей добраго утра.

Мета удивленно раскрыла глаза, когда Эрна тотчасъ же взяла у нея тетрадь изъ рукъ, подвела ее къ стулу и необычно кроткимъ и смиреннымъ тономъ попросила:

— Милая Мета, оставь сегодня свои лекціи,—я знаю, что это неслыханное требованіе, но сдѣлай это ради меня—сядь и выслушай меня!

И она разсказала о великомъ переворотѣ въ своей жизни и о томъ, что случилось вчера—все по порядку.—И вотъ,—сказала она въ заключеніе,—я бѣдна, какъ церковная крыса; все завертѣлось вокругъ меня, и я не знаю, что со мной будетъ? Какъ ты думаешь?

Лицо Меты сдѣлалось серьезнымъ, и она взяла обѣ руки Эрны въ свои. На глазахъ ея показались слезы участія.

— Ты хочешь знать мое искреннее мнѣніе?—спросила она.

Эрна утвердительно кивнула головой. Она спрятала въ платокъ свое поблѣднѣвшее хорошенькое личико и принялась плакать.

— Такъ вотъ мое мнѣніе: ты должна остаться тѣмъ, чѣмъ была еще третьяго дня: невѣстой Джона Генри и его будущей женой. Тогда, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, все останется попрежнему. И ты можешь думать, что твое путешествіе въ Гейдельбергъ и обратно—было только странный сонъ на яву!

— И это совѣтуешь *ты?*—Эрна съ недовѣрчивымъ видомъ всплеснула руками.

Мета грустно улыбнулась.

— Милая Эрна! Мнѣ кажется, я искренно стремилась къ свободѣ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ я ложилась спать голодной—такъ мало было у меня денегъ. Ты выросла въ роскоши и не знаешь, что значитъ стремиться къ свободѣ и быть бѣдной. Не сжигай за собой кораблей, Эрна! Вернись къ богатству! Тебѣ оно необходимо!

Молодая студентка взволнованно вскочила.

— Право... мы заслуживаемъ свою судьбу!—вырвалось у нея.—Замужество... только замужество... Это конецъ всего. Мы влюбляемся, выходимъ замужъ, и все отлично кончается. Кромѣ этого и *ты* ничего не знаешь! Да, впрочемъ, ты влюблена, холодная блондинка! Влюблена по уши! Мнѣ кажется, что если-бы докторъ Бониферъ теперь остепенился бы и съ раскаяніемъ просилъ твоей руки, ты сейчасъ же согласилась бы!

— Да!—сказала Мета такъ спокойно, что Эрна въ удивленіи отступила отъ нея.—Во первыхъ, я его люблю!—спокойно продолжала та.—И

скрывать этого не хочу. Кромѣ того, я не вижу, почему мнѣ не воспользоваться преимуществами, принадлежащими женѣ состоятельнаго человѣка. Я могла бы продолжать и довести до конца свои занятія, какъ и теперь, когда я половину времени трачу на то, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ. Ты думаешь, мнѣ доставляетъ удовольствіе изъ года въ годъ учить нѣмецкому языку всѣхъ этихъ иностранцевъ и поправлять ихъ тетради? Ты знаешь мой звѣринецъ! Сегодня въ два часа они опять всѣ соберутся у меня, и я уже заранѣе содрогаюсь! Еслибъ у меня были деньги, я бы давно избавилась отъ этого. То же самое и съ тобой. Ты сама вѣдь не станешь утверждать, что не любишь своего жениха!

Эрна покачала головой.

— Большая разница между нами. Можно предположить, что если ты выйдешь за Бонифера...

— Ахъ... онъ не вернется! Не безпокойся!—сказала Мета, печально улыбаясь. — Онъ сидитъ у Дины Шпильфогель!

— Кто знаетъ! Но еслибъ ты вышла за него, то могла бы вертѣть имъ, какъ угодно. Онъ такой нервный, подвижный, а ты такая холодная, рѣшительная... Ты осталась бы свободной! Но я и Джонъ Генри— это совсѣмъ другое! Онъ сильнѣе меня. Онъ можетъ сдѣлать со мной все, что захочетъ. Это я отлично знаю. Потому-то я и защищаюсь такъ. Я не хочу быть несвободной или опираться на мужчину! Хотя я его и люблю, но въ этомъ также не похожу на тебя: въ моей любви много гордости, гнѣва и печали, оттого что онъ не видитъ и не хочетъ видѣть того, что есть лучшаго во мнѣ. И оттого, что я его люблю, я не хочу, чтобы онъ привелъ меня домой, какъ непослушное дитя. Это недостойно и его, и меня.

— Но чѣмъ же ты будешь жить, Эрна?

— Не знаю!—Эрна задумчиво устремила глаза вдаль.—Надо посмотрѣть, не найдется ли гдѣ заработокъ! Спросить совѣта! Но не у васъ! Ни Паула, ни ты не можете помочь мнѣ. Вы слишкомъ предались борьбѣ за существованіе. Въ борьбѣ за завтрашній день вы потеряли способность сужденія. Я тоже могу потерять ее, и потому-то мнѣ нуженъ другъ и совѣтчикъ, который стоялъ бы выше всего этого. Я сдѣлаю то, что онъ мнѣ скажетъ.

— Но ты никого не знаешь здѣсь!

— О, у меня *есть* здѣсь другъ! Я отъ души рада, что еще третьяго дня сходила съ письмомъ къ профессору фонъ Аррасу и, благодаря этому, провела цѣлое воскресенье въ его обществѣ. Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Будемъ добрыми друзьями“! А это не пустыя слова у такого человѣка, какъ онъ. Для меня это поддержка въ жизни. Я сейчасъ пойду — посовѣтуюсь съ нимъ.

И Эрна вышла, но, уже пройдя нѣсколько улицъ, вдругъ сообразила, что для визита было еще слишкомъ рано: не было еще девяти часовъ. Въ такое время невозможно было являться въ домъ ея покровителя. Надо было подождать еще часъ. Но гдѣ? Возвращаться домой ей не хотѣлось. Она была немножко недовольна своей хладнокровной подругой и ея житейской философіей. Лучше всего пойти куда-нибудь.

Медленно идя по улицѣ, она вдругъ услышала изъ маленькаго домика, кокетливо выглядывавшаго изъ свѣжей зелени, мечтательные звуки фортепіано и на дощечкѣ прочла имя Дины Шпильфогель. Такъ здѣсь-то жила прерафаэлитка! Не зайти-ли къ ней, чтобы убить время? Она вѣдь получила отъ Дины приглашеніе и, навѣрное, будетъ принята. Эрна увидѣла въ окнѣ тѣнь хорошенькой хозяйки домика, которая, повидимому, лишь отъ скуки взяла на рояли нѣсколько аккордовъ, а теперь уже перестала играть, спрятавшись за оконными занавѣсками.

Дина Шпильфогель была все-таки въ своемъ родѣ новая женщина — свободная и независимая. Можетъ быть, у нея можно поучиться, какъ пробить себѣ дорогу въ жизни.

Эрна посмотрѣла на часы. Все еще не было девяти. Она позвонила, попросила доложить о себѣ и тотчасъ же была введена въ святое святыхъ хозяйки.

Будуаръ Дины Шпильфогель былъ не то, что всякая другая комната— извѣстное пространство, въ которомъ можетъ помѣститься извѣстное число людей;—нѣтъ, здѣсь все носило характеръ его единственной обитательницы, все было сдѣлано для нея одной и съ такимъ расчетомъ, чтобы представить ее въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Это было футляръ для драгоцѣнной вещи.

Всѣ занавѣси и обои были выдержаны въ тонѣ морской воды, углы скрывались въ полумракѣ. Наискось отъ окна, тамъ, гдѣ свѣтъ былъ искусственно ослабленъ, стояла оттоманка съ зелеными шелковыми валиками и черными подушками, и на этомъ, полномъ настроенія ложѣ покоилась съ полузакрытыми глазами, освѣщенная единственнымъ проникавшимъ сюда золотымъ солнечнымъ лучомъ, блѣдная невинная дѣтская головка, съ низкимъ бѣлымъ лбомъ, съ завитыми и тщательно начесанными на уши волосами, обрамлявшими розовое личико;—золотистый цвѣтъ этихъ волосъ возбудилъ въ Эрнѣ глубокое недовѣріе.

Сдѣлавъ видъ, что только теперь замѣтила вошедшую, Дина вскочила, смущенно улыбаясь; въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ скромной прической, окруженная падавшимъ изъ окна сіяніемъ, она казалась дѣвственно-чистой и невинной, какъ ангелъ Боттичелли. Эрна подумала: „какая утонченная комедіантка! И зачѣмъ прятать уши подъ эти глупые начесы"? Но ангелоподобная хозяйка уже шла ей навстрѣчу съ протянутой рукой.

— Ахъ... простите... я замечталась... Я люблю мечтать цѣлыми часами... Цѣлый день... Только къ вечеру я становлюсь человѣкомъ! Нервы, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ... Нервы... Самое лучше средство отъ нихъ — мечты...

Въ то же время она по разсѣянности не выпускала изъ рукъ сигаретку. Вся комната была наполнена тяжелымъ запахомъ папиросъ и духовъ, который мѣшалъ Эрнѣ дышать и вызывалъ въ ней раздраженіе.—„Да, да, прикидывайся, пучокъ нервовъ"!—чуть не сорвалось у нея, когда она садилась.—„Говоришь, что мечтала! Курила ты, да читала романъ Пьера Люиса! Вотъ онъ въ уголкѣ за портьерой, куда ты его поспѣшила бросить, когда я входила"!

Но этихъ мыслей Эрна, конечно, не выразила вслухъ; улыбнувшись, какъ слѣдовало благовоспитанной дѣвицѣ, она сѣла, окинула взглядомъ комнату и отказалась отъ папиросы, предложенной ей хозяйкой. Та привычнымъ жестомъ закурила новую.

— Возможно ли? Вы не курите? Но какъ же вы коротаете часы мертвящей скуки?

— Я ихъ не испытываю! — отвѣтила Эрна, которой стало не по себѣ.

— Такъ вы не знаете, въ чемъ единственное счастье на свѣтѣ!—продолжала Дина Шпильфогель. Она не имѣла привычки, какъ это скоро замѣтила Эрна, обращать вниманіе на слова собесѣдника.—Папироса— вѣдь это дымъ и благоуханіе—олицетвореніе жизни! Бониферъ сказалъ это вчера. Я не такъ остроумна — я бѣдное, неопытное дитя! Вы не курите, потому что боитесь мужчинъ? Я—нисколько! Но вы вѣдь принадлежите къ эмансипированнымъ?

Эрна слушала, покачивая головой и не отвѣчая на эту запутанную рѣчь.

— Боитесь мужчинъ?—мечтательно повторила мадонна въ бѣломъ одѣяніи невинности; она сидѣла на ку-

шеткѣ, скрестивъ руки и задумчиво смотря въ потолокъ, чтобы показать свои прекрасные глазки. — Вы тоже презираете мужчинъ? Я—до глубины души! Не могу вамъ сказать, какъ я презираю ихъ! И вообще людей! Но, конечно, истинное презрѣніе къ людямъ начинается съ себя, какъ говоритъ Бониферъ. Я ужасаюсь себя, когда не сожалѣю себя!

Она бросила на себя пытливый взглядъ въ зеркало и пригладила ладонью свои рыжеватые волосы.

— А какъ вы относитесь къ себѣ? Въ борьбѣ съ собою? И вы правы! Надо погибнуть въ борьбѣ съ собою! По крайней мѣрѣ, *я* такъ понимаю декадансъ! Будьте пока веселы! Потомъ придетъ другое! Вы еще не знаете жизни, милое дитя!

Милое дитя! Нервное неземное созданіе, сидѣвшее на диванѣ, едва ли было на много старше ея, Эрны.

Студентка невольно подвинулась къ ней ближе: Дина Шпильфогель начинала забавлять ее.

— Пройдите школу скандинавскихъ писателей!—прошептала она, какъ бы охваченная какимъ-то гнѣвнымъ воспоминаніемъ. — Читайте Стриндберга! Это послѣдній изъ мужчинъ! Онъ насъ презираетъ! Великое презрѣніе исцѣляетъ!.. Ибсена! Ибсенъ — ядъ. Ядъ оздоровляетъ! Это все мысли Бонифера. Онъ подарилъ ихъ мнѣ вчера на прощанье. „Пригоршня мелочи!—сказалъ онъ. Замѣчательно умный человѣкъ! Читайте же Ибсена, дитя мое! Ибсенъ намъ необходимъ!

Какъ бы утомившись, она откинула свою рыжую голову съ розовымъ личикомъ на зеленыя шелковыя подушки, полузакрыла глаза и походила въ эту минуту на сказочную „Женщину съ моря“; дымъ папиросы, освѣщенный солнцемъ, образовалъ около нея ореолъ, какъ вокругъ мученицы.

Эрна совсѣмъ забыла о цѣли своего посѣщенія. Въ ней пробудилось желаніе поспорить.

— Простите, фрейлейнъ Шпильфогель, — сказала она, выпрямившись,—но мнѣ хотѣлось бы...

Собесѣдница ея широко раскрыла глаза, приподняла свою гладко причесанную головку, и лицо ея выразило пріятное удивленіе.

— Вы думаете, что я еще не замужемъ? Еще въ состояніи личинки? О, нѣтъ,—тогда я не позволила бы себѣ называть васъ „дитя мое“, хотя это и сердитъ васъ, мое милое *дитя*...

Такъ она замѣтила это! Значитъ, не глупа! Но какъ все запутано у нея! Эрна содрогнулась, подумавъ, какой хаосъ царитъ подъ этими рыжевато-золотистыми начесами. Она извинилась.

— Я не знала, что вы замужемъ. Иначе...

—Я развелась!—лаконически сказала Дина Шпильфогель и, сжавъ губы, наморщивъ лобъ, съ серьезнымъ выраженіемъ представляющагося взрослымъ ребенка, стала пускать клубы дыма въ воздухъ.

Эрна отклонилась отъ нея съ непріятнымъ чувствомъ.

Это олицетворенная невинность въ разводѣ съ мужемъ, поразительно! И все таки это придавало Динѣ извѣстное значеніе! Преимущество женщины, которая любила и страдала.

Мадонна не переставала пускать кольца дыма.

— Фрейленъ! Всѣ меня такъ называютъ! Какъ скученъ свѣтъ. Всѣ говорятъ одно и тоже. Даже Бониферъ. Сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать два года.

— А мнѣ двадцать шесть,—сказала Дина, по-дѣтски расмѣявшись, и бросила сигаретку, чтобы взять новую. — Но не правда ли—никто не скажетъ этого? Меня можно принять за девятнадцатилѣтнюю! Поэтому всѣ считаютъ меня дѣвушкой. Но нѣтъ! Я уже не дѣвушка и не красива!—Она вздохнула. Эрна молчала съ минуту, потомъ перемѣнила разговоръ, который сдѣлался для нея тягостнымъ.

— Вы хотите учиться здѣсь?

Дина Шпильфогель засмѣялась съ горечью и раздраженіемъ.

— Учиться! Вы думаете, что меня допустятъ на лекціи? Всюду передъ моимъ носомъ захлопываютъ двери. Знаете, что сказала мнѣ даже фрау фонъ Аррасъ? Что ко мнѣ нельзя относиться серьезно, что не только у меня нѣтъ подготовки, но нѣтъ терпѣнія, логики, разсудка... и не знаю еще чего! Эта женщина безпощадна! Это скорѣй мужчина!

Она порывисто вскочила и ласковымъ, умоляющимъ жестомъ схватила Эрну за руки.

— Нѣтъ, пожалуйста! Не учиться, а бороться надо! Бороться противъ мужчинъ! Боротъся не на жизнь, а на смерть! Мы всѣ должны объединиться! Ни одна женщина не должна отказываться. Всѣ наши сестры должны быть въ рядахъ! И я поведу васъ...

— Куда?—спросила Эрна довольно холодно.

Боттичелліевскій ангелъ заволновался и снова упалъ на диванъ.

— Вѣчно этотъ вопросъ!—жалобно воскликнула Дина.— Почемъ я знаю— куда. Прежде всего всѣ должны сдѣлаться самостоятельными, какъ я! Освободиться отъ мужчины!

Слова Дины о „самостоятельности" понравились Эрнѣ.

Они приближали ее къ цѣли ея посѣщенія. Она оживилась.

— Итакъ, вы самостоятельно встали на ноги?

— Вполнѣ!

— А можно спросить— какъ?

— Ну, вы видите же!—Дина самодовольно оглядѣла свое шелковое гнѣздышко, какъ гнѣздышко экзотической хорошенькой птички.

— Но... я хотѣла спросить... вы сами зарабатываете средства къ жизни?

Мадонна съ кроткимъ выраженіемъ устремила глаза въ потолокъ.

— Это второстепенный вопросъ. Главное—мы должны организоваться! Должны выдѣлиться сильныя натуры!—И она съ мечтательнымъ видомъ посмотрѣла въ зеркало, какъ бы видя тамъ образъ женщины будущаго.—Никакихъ полумѣръ! Никакихъ безполезныхъ договоровъ. Нѣтъ, война, война! Война съ мужчинами!

Эрна встала. Несмотря на горе, ей было смѣшно, что она приняла эту бабочку за существо мыслящее.

Еслибъ Дина лишилась состоянія, то оказалась бы еще болѣе безпомощной, чѣмъ она, Эрна, подготовленная къ университетскимъ занятіямъ. А можетъ быть, и нѣтъ. Въ Динѣ была своеобразная сила—сила слабаго, дѣйствующая на нервныхъ людей. Для такихъ людей въ ней была невыразимая прелесть. Она умѣла играть на струнахъ сердца такихъ печальныхъ Гамлетовъ, и разстроенный инструментъ издавалъ подъ ея руками чудесные звуки. Именно потому, что сама она была пучкомъ нервовъ, она и могла сочувствовать инстинктивно и утѣшать тамъ, гдѣ другія женщины, съ простыми и здоровыми чувствами, отказывались что-либо понять. „Ядъ оздоровляетъ"! сказала она и, дѣйствительно, дѣйствовала на нервныя натуры, повидимому, оздоровляющимъ образомъ.

Только что хотѣла Эрна проститься съ хозяйкой, какъ дверь открылась, и вошелъ докторъ Бониферъ; его высокая узкая фигура была, какъ и всегда, нѣсколько наклонена впередъ, бѣлокурые волосы, изъ-подъ которыхъ глядѣли влажные голубые глаза, были въ безпорядкѣ; въ рукахъ онъ держалъ связку книгъ. Онъ былъ здѣсь обычнымъ посѣтителемъ и, посмотрѣвъ на Эрну неувѣреннымъ взглядомъ близорукаго и поклонившись ей съ меланхолической улыбкой, онъ тотчасъ же бросился въ кресло.

— Ну, въ чемъ дѣло?—разсѣянно спросилъ онъ.—О чемъ у васъ рѣчь?

Дина Шпильфогель вынула изъ вазы пучекъ темно-синихъ итальянскихъ фіалокъ, подержала его, какъ бы наблюдая эффектъ, около бѣло-

курой бороды Бонифера и воткнула цвѣты ему въ петлицу.

— За войну противъ мужчинъ!— сказала она вполголоса какимъ-то страннымъ тономъ.

Онъ поклонился, обращаясь больше къ Эрнѣ, чѣмъ къ ней.

— Это единственная война, которая имѣетъ еще себѣ оправданіе! Я, разумѣется, за всеобщее разоруженіе и вѣчный миръ. Но столкновеніе между мужчиной и женщиной должно, наконецъ, произойти. И оно близко! Наконецъ, должна же прекратиться несправедливость, съ какою въ теченіе многихъ тысячелѣтій мы относились къ вамъ!

Дина, съ видомъ молодой мученицы сидѣвшая рядомъ съ нимъ, печально покачала головой, и въ Эрнѣ опять зашевелилось непріятное чувство. Она не могла не согласиться съ тѣмъ, что говорилъ Бониферъ и, несмотря на это, слова его были ей не по душѣ. *Такъ* говорить мужчина могъ съ собою, но не вслухъ. Это было унизительно. Побѣда надъ такимъ мужчиной—не побѣда.

— Теперь начинается женское движеніе, къ которому вы обѣ примкнули, какъ мужественные бойцы! заговорилъ снова Бониферъ, по привычкѣ ероша пальцами свою и безъ того всклокоченную бороду.—Но мнѣ кажется очень важнымъ, чтобы и мы, мужчины, начали движеніе впередъ, навстрѣчу вамъ. Прежде всего долой современное варварство, войну и милитаризмъ! Война поддерживаетъ наше тиранство надъ вами! Вѣдь женщины добывались на войнѣ, какъ рабыни... Я вѣрю, что настанетъ золотой вѣкъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что ночь уступаетъ мѣсто солнцу и варварство—культурѣ. Мы—варвары! Цивилизація, нравственность, будущность человѣчества—въ васъ!

— Благодарю!—скромно сказала Эрна. Она чувствовала, что въ ней начинаетъ шевелиться насмѣшка, и изо всѣхъ силъ старалась подавить ее. Такова-то ея благодарность къ человѣку, съ жаромъ выступившему на защиту правъ женщины? Но она ничего не могла подѣлать съ собою: мужчина будущаго представлялся ей не такимъ. Невольно она воображала его себѣ въ видѣ Джона Генри ванъ-Ленепа.

Наступило молчаніе. Бониферъ, наморщивъ лобъ, съ мрачнымъ выраженіемъ безнадежно-влюбленнаго пожиралъ Дину глазами, а она съ невинной задумчивой улыбкой на розовомъ личикѣ, смотрѣла черезъ окно на голубое небо, подобно молодой мученицѣ, молящей Небо о помилованіи своихъ преслѣдователей. Эрна, наблюдавшая за обоими, подумала: „Какъ вы глупы, дѣти мои! Влюблены—и отлично! Но дѣлать изъ любви женскій вопросъ—да еще изъ любви къ этому дѣтскому личику и невинной гладкой прическѣ—безуміе! Кажется, что видишь каррикатуру на свои здоровыя желанія, на все свое существо!"

Эрна встала во второй разъ. Но хозяйка ничего не замѣчала.

— Бониферъ, что такое женщина? спросила она, закрывъ мечтательно глаза съ видомъ ребенка, просящаго конфектъ.

Бониферъ, откашлялся и, смотря на нее, какъ лунатикъ, сказалъ:— Женщина? Женщина это высшій *человѣкъ*...

Теперь уже Эрна не могла удержаться отъ смѣха и, подавая руку мадоннѣ, сказала:

— Прощайте! И не вѣрьте доктору! Мы не такія чудесныя созданія, да и не хотимъ быть какими-то крылатыми существами — ангелами или гусынями, или тѣмъ и другимъ въ одно время! Мы просто люди, такіе же люди, какъ мужчины, и даже съ большими недостатками, потому что въ нашемъ воспитаніи было больше погрѣшностей. Поэтому мы должны перевоспитать себя. Вотъ *мое* мнѣніе о женскомъ вопросѣ. Прощайте!

— Слава Богу!—сказалъ Бониферъ,

когда Эрна вышла, и бросилъ боязливый взглядъ на дверь. Потомъ онъ осторожно приблизился къ Динѣ Шпильфогель и съ серьезнымъ видомъ поцѣловалъ ее въ губы. Она молча позволила совершиться этому священнодѣйствію.

— Слава Богу! —подумала Эрна, идя по улицѣ.—Лучше враги, чѣмъ такіе друзья, какъ этотъ Бониферъ и его подруга! Есть, очевидно, мужчины, которыхъ инстинктъ самозащиты и стремленіе найти поддержку влекутъ къ женщинамъ, тогда какъ у мужчинъ они встрѣчаютъ не пониманіе своихъ болѣзненныхъ и тонкихъ, какъ паутина, нервовъ, а лишь равнодушіе и грубость.

И такіе мужчины еще гордятся своей чувствительностью, какъ у мимозы, называютъ это декадансомъ и на своей слабости основываютъ силу женщинъ. Какъ будто женщины могутъ быть освобождены своими рабами!

Кромѣ того, они совершенно сбиваютъ съ толку такія вѣтреныя головки, какъ у Дины Шпильфогель, и дѣлаютъ ихъ пугаломъ, мѣшающимъ нравственно-здоровымъ женщинамъ присоединиться къ женскому движенію.

— Почему большинство мужчинъ высшаго класса относится къ намъ презрительно?—Думала Эрна, идя дальше.—У крестьянъ и вообще рабочихъ этого нѣтъ. Они ничего не предпринимаютъ, не посовѣтовавшись съ женой. А у насъ? Насъ осторожно и ласково отстраняютъ мужчины отъ своихъ интересовъ. Почему? Потому, очевидно, что мы внушили окружающимъ насъ мужчинамъ убѣжденіе, будто мы не способны понять ихъ интересовъ— какъ та блѣдная, истощенная женщина—кухарка и горничная своего мужа — которую она видѣла вчера въ домъ Галлюса,—или можемъ понять ихъ невѣрно, какъ эта выбившаяся изъ колеи Дина Шпильфогель.

— Нѣтъ! Есть и другія женщины! — воскликнула она вдругъ съ такой рѣшительностью, что какой-то пожилой господинъ, вѣжливо снявшій передъ ней шляпу и подходившій къ ней, остановился въ смущеніи; но тотчасъ же ободрился.

— Извините!—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, — я здѣсь никого не знаю, а на улицѣ ни души... Не можете ли вы сказать, гдѣ живетъ г-жа Дина Шпильфогель?

Эрна, не останавливаясь, взглянула на него. Лѣтъ сорока, высокій и полный, съ краснымъ лицомъ, украшеннымъ бакенбардами въ видѣ котлетъ, онъ казался содержателемъ хорошаго отеля. Его саксонское произношеніе внушило почему-то Эрнѣ довѣріе.

— Тамъ... въ концѣ улицы... красный домъ! — сказала она, указавши рукой, и быстро пошла впередъ, слегка кивнувъ головой на выраженіе его благодарности.

— Что ему нужно, этому саксонцу, отъ Дины Шпильфогель? И гдѣ она видѣла это лицо? Такъ еще недавно?

Дорогой Эрна все думала объ этомъ. Конечно, видѣла сегодня! У этой прерафаэлитки! На каминѣ, въ кокетливой рамкѣ „рококо“, украшенной великолѣпной розой La-France, у нея стоитъ фотографическая карточка, и карточка эта очень походитъ на добродушно-улыбающагося сегодняшняго посѣтителя Дины съ его большими бакенбардами.

Дина, говоря небрежно „я развелась съ мужемъ“, покосилась въ направленіи камина, гдѣ стояла карточка добродушнаго господина, а Эрна подумала: „Если это бывшій супругъ, то онъ имѣетъ основанія быть такимъ довольнымъ. Я тоже имѣла бы такой видъ, еслибъ отдѣлалась отъ Дины“!

Но если тотъ господинъ въ рамкѣ, украшенной розой, и этотъ — одно и то же лицо, то все-же это не совсѣмъ понятно. Разведшіеся супруги не имѣютъ обыкновенія по-

сѣщать другъ друга. Впрочемъ, у Дины, этого ангела невинности, все возможно. Она обладаетъ необыкновенной властью надъ мужчинами и, можетъ быть...

Эрна остановилась и недовольно покачала головой. Какое ей дѣло до всего этого? Пора думать о себѣ, а не о какихъ-то пріѣзжихъ изъ Саксоніи...

И она быстро пошла къ дому профессора.

Глава X.

Эрна могла бы посѣтить профессора и въ болѣе ранній часъ, не помѣшавъ ему. У него была привычка вставать рано и тотчасъ приниматься за работу. Лучшимъ временемъ для занятій онъ считалъ тѣ тихіе часы послѣ восхода солнца, которые еще не нарушаются шумомъ проснувшагося дня.

Но сегодня мысли профессора были далеко отъ обычныхъ предметовъ ихъ,—онѣ все еще бродили въ долинѣ Неккара, гдѣ онъ провелъ весенній день съ Эрной.

Цвѣтущія вѣтки деревьевъ слегка колыхались отъ легкаго утренняго вѣтерка, а въ немъ подымалась тоска и боязнь. Казалось, что пробуждается умершее—юность и любовь.

На письменномъ столѣ стоялъ передъ нимъ фотографическій портретъ сына, въ заломленной на бокъ пестрой шапочкѣ, съ высокомѣрной улыбкой избалованнаго юноши. Профессоръ долго смотрѣлъ на него. Горькій упрекъ просился ему на уста: „*ты* виноватъ, ты обманулъ меня въ моихъ надеждахъ, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не оскорбилъ меня такъ, какъ ты со своей веселостью и молодостью! Я одинокъ, благодаря тебѣ“.

Чего онъ не дѣлалъ, чтобы подготовить сына къ ожидавшему его духовному наслѣдію, какъ старался, чтобы онъ былъ его достойнымъ преемникомъ! И что же вышло изъ него, несмотря на всѣ заботы?—Самый обыкновенный, веселый и красивый малый, для котораго высшая цѣль жизни—быть ассессоромъ при какомъ-нибудь аристократѣ—предсѣдателѣ!

До послѣдняго времени отецъ покорялся судьбѣ, никто вѣдь не можетъ измѣнить себя. Сегодня же ему пришло въ голову, что въ его ужасномъ одиночествѣ виноватъ Отто Гельмутъ. Это зародилось въ то время, когда онъ принужденъ былъ отказаться отъ надежды имѣть въ сынѣ—друга.

И снова встало передъ нимъ лицо Эрны—ея нѣжныя, одухотворенныя черты, молодые умные глаза, полуоткрытыя розовыя губы, какъ бы молящія: „освободите меня отъ незнанія и ничтожества! Удѣлите мнѣ что-нибудь отъ вашего богатства! Позвольте мнѣ, благодаря вамъ и черезъ васъ, подняться къ свѣту! Спасите во мнѣ человѣка! Сдѣлайте меня сильной и свободной и порадуйтесь на меня“!

И снова послышалось ему ея юношески-неопредѣленное желаніе: „Мнѣ хотѣлось бы всему учиться, всему“! и снова чувствовалъ онъ, что этимъ звонкимъ дѣвичьимъ голосомъ говоритъ въ ней серьезный, мужественный человѣкъ...

Въ это время въ дверь постучали. Не дожидаясь обычнаго „войдите!“ въ комнатѣ появился майоръ,—съ безпокойнымъ и взволнованнымъ видомъ, необычнымъ для его веселой физіономіи.

— Я къ тебѣ раненько! — началъ онъ, остановившись и не выпуская изъ рукъ шляпу и палку.—Но времени терять нельзя. Ты можешь выслушать непріятное извѣстіе?

Профессоръ медленно возвращался къ дѣйствительности.

— Говори!

— Я узналъ о всемъ вчера вечеромъ... Поздно, по возвращеніи изъ „Херускіи“. Фрейлейнъ Бауэрнфейндъ оскорбилъ на улицѣ какой-то иностранецъ. Твой сынъ счелъ

себя обязаннымъ вступиться за нее и далъ пощечину нахалу!

— Ну?

Лицо майора приняло еще болѣе серьезное выраженіе.

— Ну, и твой сынъ изъ-за нея,— или скорѣе изъ-за тебя, потому что она была твоей гостьей, — будетъ драться на дуэли. Это неизбѣжно! Тотъ молодчикъ, конечно, дастъ и потребуетъ удовлетвореніе. Онъ что-то вродѣ исключеннаго студента. Я зналъ его, когда онъ еще посѣщалъ наши кнейпы. И тогда еще онъ и Отто Гельмутъ были врагами!

— Дуэли не будетъ!—порывисто воскликнулъ профессоръ, тотчасъ-же сдерживаясь.—Помѣшать ей есть еще средство! Драться съ такимъ человѣкомъ, какъ ты говоришь!...

Майоръ положилъ ему руку на плечо и тихо сказалъ.

— Будь твердъ! Боюсь, что теперь уже поздно! Я думаю, что дуэль происходитъ теперь или уже окончилась!..

Профессоръ взялся за шляпу.

— Мы должны отыскать его!— сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Пойдемъ скорѣе!

Онъ сталъ спускаться къ городу такъ поспѣтно, что старый солдатъ едва поспѣвалъ за нимъ. Онъ задыхался.

— Другъ мой!.. бѣжать такъ не имѣетъ смысла! Мы можемъ найти его или на квартирѣ его или въ фехтовальномъ залѣ. Или же, наконецъ, на дорогѣ между этими мѣстами!

Но квартира Отто Гельмутъ была пуста. Въ ней все имѣло обычный видъ. Въ живописномъ безпорядкѣ лежали въ ней въ одномъ углу ботфорты, рядомъ на стулѣ куртка, на столѣ стояли пустые пивные стаканы, лежали карты и засохшіе остатки вчерашняго завтрака, рядомъ „Вадемекумъ нѣмецкаго студента“,— руководство для фуксовъ, по которому они старательно заучиваютъ знаки, цвѣта и девизы нѣмецкихъ студенческихъ корпорацій,—трубка, пачка табаку и тетрадь для записыванія лекцій, — служившая вмѣсто того для записи отданнаго въ стирку бѣлья; въ другомъ углу виднѣлись рапиры, шпоры, хлыстъ. „Елена“ Вильгельма Буша съ неоплаченнымъ счетомъ портного вмѣсто закладки,— все такъ, какъ было въ теченіе многихъ поколѣній у студентовъ и какъ оставилъ Отто. Въ сосѣдней комнатѣ, когда они вошли туда, съ измятой постели вскочилъ съ виноватымъ видомъ бѣлый пудель и спрятался. Судя по глубоко сдавленнымъ подушкамъ, онъ давно уже наслаждался запретнымъ мѣстомъ отдохновенія. Странно было, что именно сегодня его хозяинъ оставилъ дома своего неизмѣннаго спутника.

Профессоръ и его пріятель молча посмотрѣли другъ на друга и, выйдя на улицу, направились въ Гиршгассе.

Въ старинномъ фехтовальномъ залѣ „Херускіи“ шла серьезнѣйшая мензура, когда туда вошли два старѣйшихъ члена корпораціи. Препятствій ко входу не оказалось. Поставленный внизу, у Неккара, сторожевой, который долженъ былъ дать знать о приближеніи педелей—что бывало очень рѣдко, почтительно снялъ шляпу, и хорошо всѣмъ извѣстному майору никто не заградилъ пути. Теперь онъ оставилъ своего друга: въ одномъ изъ угловъ зала онъ замѣтилъ консула, которому послѣ его странствованій по бѣлу свѣту опять захотѣлось взглянуть на студенческую мензуру.

Незамѣченный никѣмъ изъ возбужденныхъ зрителей турнира, профессоръ стоялъ одинъ у двери, устремивъ глаза въ испещренный высохшими и почернѣвшими пятнами полъ, на который многія поколѣнія проливали свою кровь, какъ нѣчто связующее ихъ на всю жизнь съ ихъ alma mater. Несмотря на свою тоску и безпокойство о сынѣ, профессоръ не устоялъ передъ силой воспоминаній. Странный запахъ фехтовальнаго зала — это смѣшеніе

іодоформа и карболки, табачнаго дыма, запаха пыли, кожи и собакъ перенесъ его невольно къ тѣмъ днямъ, когда, четверть вѣка тому назадъ, онъ самъ, поднявъ правую руку и засунувъ лѣвую назадъ за поясъ, широко разставивъ ноги, скрещивалъ свой клинокъ съ клинкомъ противника и испытывалъ напряженное состояніе во время мензуры—такъ же, какъ тѣ двое бойцовъ, что теперь стояли другъ противъ друга. Это были два колосса, въ неуклюжихъ передникахъ, сапогахъ съ отворотами и темныхъ очкахъ; лицъ ихъ почти нельзя было узнать, благодаря струившейся по нимъ крови.

Это была не обычная мензура по назначенію или легкая мензура фуксовъ, не схватка „дикихъ", (которые обнаруживаютъ обыкновенно больше ярости, чѣмъ искусства), прекращающаяся черезъ тридцать минутъ къ великому удовольствію будущихъ корпорантовъ,—нѣтъ, это былъ бой между знаменитыми, всѣмъ извѣстными бойцами: — одинъ изъ нихъ пріѣхалъ изъ другого университета, чтобы единоборствомъ покончить распрю между своей корпораціей и „Херускіей".

Постоянно слышались сухіе быстрые удары клинковъ, глухой звукъ терцій, звонкій — квартъ, происходила остановка, слышался говоръ, снова текли струйки крови, которыя врачъ вытиралъ ватой, чтобы опредѣлить, какого рода рана, бойцу поддерживали правую руку, секундантъ подносилъ ему кружку воды къ губамъ, и вода отъ попадающихъ въ нее капель крови тотчасъ же становилась розовой, какъ малиновый лимонадъ.

И снова мѣрный гнѣвный стукъ ударовъ, игра клинковъ и долгая-долгая борьба при гробовомъ молчаніи затаившихъ дыханіе зрителей.

Когда оба обвязанные ватой предводителя корпорацій стояли другъ противъ друга, неподвижные съ головы до пятокъ, взмахивая клинками надъ окровавленной головой, съ лицами, на которыхъ ни разу не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, ихъ можно было бы принять за автоматовъ, съ приведенными въ движеніе руками и безжизненнымъ туловищемъ, покрытымъ кровью и изсѣченнымъ клинками.

Майоръ тихонько подошелъ къ фонъ-Аррасу и, взявъ его подъ руку, вывелъ изъ зала.

— Уйдемъ,—прошепталъ онъ,—до окончанія мензуры! Если тебя замѣтятъ, то произойдетъ лишь безполезная суматоха.

Они незамѣтно покинули залъ.

— Молодые люди ничего не знаютъ! —сказалъ майоръ, не дожидаясь вопроса.—Консулъ разспрашивалъ ихъ. Они говорятъ, что слухъ о столкновеніи уже распространился повсюду и что столкновеніе это должно и будетъ имѣть послѣдствія, но что дѣло сдѣлано съ величайшей поспѣшностью и въ тайнѣ. Очень подозрительно отсутствіе перваго уполномоченнаго. Второго тоже нѣтъ —господина фонъ-Вестрова. И это сегодня, въ день мензуры! На это должны быть важныя причины.

Они спустились по Гиршгассе и подошли къ Неккару.

Оба угнетенно молчали. Къ чему говорить о томъ, что уже недоступно ничьему вліянію и разсчетамъ?

Майоръ положилъ другу руку на плечо.

— Теперь намъ остается только ждать дальнѣйшихъ событій. Пойдемъ! Я провожу тебя до дому!

У дверей своей дачи профессоръ пожалъ ему руку.

— Мнѣ хотѣлось-бы побыть одному! — сказалъ онъ. Я думаю, ты понимаешь это, милый другъ!

— Да!—коротко отвѣтилъ тотъ и ушелъ.

Профессоръ снова былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, который онъ оставилъ часъ тому назадъ.

Вокругъ него была тишина, за окномъ цвѣли деревья, сіяло солнце. Онъ чувствовалъ странное спокой-

ствіе, какое-то оцѣпенѣніе, не допускавшее внѣшнихъ признаковъ волненія. Это была безвольная покорность неотвратимой судьбѣ, которая неудержимо и ни на что не обращая вниманія шла впередъ.

Вдругъ профессоръ быстро вскочилъ: въ стеклянной галлереѣ мелькнула пестрая шапочка — цвѣта „херускія“.

Это Отто Гельмутъ! Это вернулся его сынъ!

Но нѣтъ... Кто-то чужой говоритъ съ горничной. Выбѣжавъ изъ комнаты, онъ тотчасъ же узналъ второго уполномоченнаго корпораціи, фонъ-Вестрова—стройнаго молодого человѣка, смотрѣвшаго прапорщикомъ въ штатскомъ платьѣ; онъ происходилъ изъ старинной военной семьи и былъ намѣренъ по окончаніи семестра, осенью, поступить въ офицеры.

Профессоръ схватилъ его за руку и ввелъ въ комнату.

— Пожалуйста, скорѣе говорите, господинъ фонъ-Вестровъ!—сказалъ онъ рѣзко, почти повелительно.

Тотъ колебался.

— Была дуэль, господинъ профессоръ!

— Знаю, знаю! А конецъ?

— Отто Гельмутъ раненъ. Въ лѣвый бокъ.

— Въ какое мѣсто?

Молодой человѣкъ въ смущеніи отвернулся...

— Господинъ профессоръ... собственно... приблизительно... въ область сердца. Но когда я его оставилъ, онъ былъ въ полномъ сознаніи и говорилъ еще...

Наступило молчаніе.

— Нашъ первый уполномоченный послалъ меня, — снова заговорилъ фонъ-Вестровъ,—потому что я еще могъ попасть на поѣздъ и привезти вамъ извѣстіе... а потомъ нужно пойти поскорѣе въ университетскую клинику и приготовить тамъ комнату...

Онъ говорилъ неувѣренно, какъ-бы считая, что всѣ эти приготовленія не нужны.

— Остальные ѣдутъ въ экипажѣ... конечно, очень медленно... шагомъ... пройдетъ еще часа полтора, пока они доѣдутъ до моста, потому что... дорога длинная! Дуэль была въ Гессенѣ... у старыхъ замковъ. Отто Гельмутъ сказалъ мнѣ, что вчера вы были тамъ на прогулкѣ и на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣли въ фрейлейнъ Бауэрнфейндъ, изъ-за которой... ахъ да... господинъ профессоръ еще не знаетъ, по какому поводу произошла дуэль...

Профессоръ жестомъ остановилъ его. Вестровъ на цыпочкахъ, какъ въ комнатѣ больного, прошелъ къ двери.

— Я иду въ клинику, господинъ профессоръ! — тихо сказалъ онъ. Отвѣта не послѣдовало. Онъ хотѣлъ уже открыть дверь, но вспомнилъ, что еще не сообщилъ самаго важнаго, и снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу.

— Отто Гельмутъ безупречно велъ себя!—сказалъ онъ.—Поведеніе его превосходно!

Слова эти, какъ онъ замѣтилъ, не произвели никакого впечатлѣнія на профессора. Само собою было понятно, что нѣмецкій студентъ не отказался бы отъ дуэли на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. То, что фонъ-Вестровъ, вѣстникъ несчастья, сообщилъ еще отцу, было для него пустымъ звукомъ. Студентъ тихонько отворилъ дверь и осторожно вышелъ изъ комнаты. Очутившись на улицѣ, онъ глубоко вздохнулъ—молодой человѣкъ исполнилъ самое тяжелое дѣло въ своей жизни.

Въ окно онъ увидѣлъ, что профессоръ фонъ-Аррасъ неподвижно и молча сидѣлъ еще у письменнаго стола, устремивъ на него глаза, все въ томъ-же положеніи, какъ и прежде, и, вѣроятно, думалъ. Пораненіе въ области сердца! Это значитъ конецъ!

Впрочемъ, — не всегда! Профессоръ былъ самъ медикомъ, хотя и не практикующимъ. Было довольно много случаевъ — онъ хорошо пом-

нилъ и могъ анатомически обосновать ихъ—когда раненые выздоравливали вполнѣ.

Но теперь онъ не довѣрялъ и наукѣ. У него явилось твердая увѣренность, что Отто Гельмутъ умеръ!

Мысль о смерти вонзилась въ его сердце, какъ ядовитая стрѣла, и изъ боли сердца возникла въ немъ новая любовь—полная отчаянія, страстная любовь къ сыну.

Она проснулась въ немъ сразу послѣ того, какъ долгіе годы дремала подъ обломками разрушенныхъ надеждъ и разбитыхъ горделивыхъ мечтаній.

— Сынъ мой, сынъ!—сказалъ онъ вслухъ тихимъ, усталымъ голосомъ. И съ тоской закрывъ лицо руками, онъ услышалъ такой же стонъ и подавленное горькое рыданіе у двери. Онъ поднялъ голову. Тамъ стояла его жена, блѣдная, какъ и онъ, и какъ бы оцѣпенѣвшая отъ страха и страданій. Онъ хотѣлъ заговорить. Она покачала головой.

— Я слышала, что говорилъ тебѣ фонъ-Вестровъ. Я все время просидѣла окаменѣвши на стулѣ, не вѣря этому. Но теперь я пришла къ тебѣ!

И въ порывѣ отчаянія она охватила его руками и склонила голову къ нему на грудь. Онъ посмотрѣлъ на нее. Никогда не была она такою, какъ теперь. Никогда не видѣлъ онъ разсудительную спутницу своей жизни такой безпомощной и ласковой. Никогда не подозрѣвалъ онъ, что въ этомъ замкнутомъ сердцѣ такъ много таилось любви, которая теперь, въ минуту глубокаго горя, прорвалась наружу.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее. Молча сидѣли они рядомъ, полные ожиданія, страха и любви. И то, что не могли сдѣлать ни общность духовныхъ интересовъ, ни спокойная дружба, ни полное пониманіе другъ друга, то сдѣлала сердечная тревога этихъ молчаливыхъ, приближающимся къ осени жизни, людей. Теперь они составляли одно, неразрывное одно, потому что въ первый разъ сердцемъ поняли другъ друга и испытали одно и то же чувство—любовь къ сыну.

Теперь замѣтилъ профессоръ, что и дочери его были тоже въ сосѣдней комнатѣ. Онѣ не знали хорошо, въ чемъ дѣло—мать едва отвѣтила на ихъ вопросы — но видѣли, что фонъ-Вестровъ ушелъ отъ нихъ съ озабоченнымъ лицомъ, что родители, потрясенные чѣмъ-то, молча сидѣли рука объ руку, и предчувствіе несчастья зародилось въ нихъ. И онѣ сидѣли, надрываясь отъ рыданій при мысли о несчастьи, случившемся съ братомъ, нисколько не думавшемъ о нихъ и относившемся къ нимъ съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ 18-лѣтняго юноши. Отецъ слушалъ ихъ громкій, почти дѣтскій плачъ, видѣлъ рядомъ съ собою ихъ встревоженную мать. Какъ много любви въ этой, повидимому, холодной семьѣ! Любовь таилась среди этихъ сдержанныхъ, молчаливыхъ людей и ждала только повода, великаго горя или счастья, чтобы обнаружиться...

Онъ опять сѣлъ рядомъ съ женой и протянулъ ей руку—онъ замѣтилъ, что она ее искала. Все въ нихъ замерло. Наступило томительное ожиданіе.

Сейчасъ рѣшится судьба... сейчасъ...

Заскрипѣла калитка въ саду. Стройная дамская фигура постояла съ минуту въ нерѣшительности подъ цвѣтущими вѣтвями деревьевъ, колыхавшихся отъ легкаго весенняго вѣтерка на голубомъ фонѣ неба, и оглянулась, какъ бы боясь нападенія дога, потомъ рѣшительно направилась къ виллѣ и позвонила. Горничная побѣжала открыть дверь.

Профессоръ крикнулъ ей:

— Меня нѣтъ дома ни для кого, кромѣ друзей моего сына!

Въ передней послышался разговоръ вполголоса. Онъ узналъ звонкій голосъ Эрны, звучавшій теперь какъ-то необыкновенно подавленно и, поглощенный тревогой объ Отто,

почти не замѣтилъ, что голосъ этотъ нисколько не волнуетъ его.

Горничная вернулась съ визитной карточкой Эрны въ рукѣ.

— Фрейлейнъ Бауэрнфейндъ проситъ сказать, что это *она* пришла, нельзя-ли на пять минутъ...

— Скажите фрейлейнъ Бауэрнфейндъ,—прервалъ онъ ее,—что я очень сожалѣю... но теперь невозможно... я не въ состояніи... я напишу ей...

Горничная ушла. Она не подозрѣвала ничего о томъ, что произошло, и равнодушнымъ тономъ передала Эрнѣ слова профессора. Эрна ничего не отвѣтила, повидимому: голоса ея не слышно было. Можетъ быть, и никогда уже онъ не услышитъ его!

Профессоръ взглянулъ на жену. Она сидѣла около него, сжавши руки, съ страдальческимъ выраженіемъ и тяжело, прерывисто дышала. Она не прислушивалась къ происходившему около нея и не обращала ни на что вниманія. Отказъ въ пріемѣ при существовавшихъ обстоятельствахъ былъ вполнѣ понятенъ—относился ли онъ къ Эрнѣ Бауэрнфейндъ или кому другому.

Нѣтъ! Она не знала тайны мужа и никогда не узнаетъ ея. Ни она, ни кто либо другой. Съ этой тайной покончено. Она исчезла, разсѣялась, какъ весенній вѣтерокъ, который набѣгаетъ и проносится, какъ колокольный звонъ, замирающій вдали, какъ послѣднее благоуханіе снѣжнобѣлыхъ цвѣтовъ, которое говоритъ: „Все это было когда-то! Простись съ молодостью! Твое время прошло! Юность живетъ сама собою, ты же живешь въ другихъ! Живешь въ сынѣ! Простись же съ молодостью и сойди въ долину, гдѣ дни короче, а ночи длиннѣе, гдѣ царствуетъ осень съ ея яснымъ спокойствіемъ“...

Подъ окномъ заскрипѣлъ подъ шагами песокъ. Эрна медленно шла къ садовой калиткѣ, не оборачиваясь, опустивъ хорошенькую головку; въ ней не видно было ни разочарованія, ни раздраженія, а только глубокая печаль и усталость. На минуту Эрна остановилась у калитки и старательно заперла ее, и профессоръ еще разъ увидѣлъ ея нѣжный профиль съ сжатыми губами и серьезнымъ выраженіемъ. Она открыла зонтикъ и пошла по улицѣ своей легкой поступью, все дальше и дальше. Профессоръ спокойно смотрѣлъ ей вслѣдъ: юность уходила отъ него и скоро скрылась совсѣмъ...

Глава XI.

Профессоръ не могъ больше выносить неизвѣстности. Не пойти ли навстрѣчу экипажу? Можетъ быть, онъ встрѣтитъ его. Но можетъ быть также, что, пока онъ безполезно будетъ бродить въ поискахъ экипажа, здѣсь напрасно станутъ отыскивать его.

Онъ одѣлся, чтобы выйти изъ дома.

— Пойду!—сказалъ онъ женѣ.— Спущусь по дорогѣ. Онъ долженъ пріѣхать оттуда!—Онъ удивился самъ тому, что могъ еще сказать: „онъ долженъ пріѣхать“! Вѣдь ничего не извѣстно было. Но надежда слабо зашевелилась въ немъ, когда онъ вышелъ на свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ. Лишь бы не случилось самаго худшаго!

И профессоръ вышелъ съ тропинки, которая вилась между окруженными высокими заборами виноградниками, на большую дорогу. Здѣсь его глаза приковались къ черной точкѣ въ отдаленіи, которая медленно приближалась, какъ тихо ползущій черный жукъ.

Закрытый экипажъ. Пара лошадей. Наемный кучеръ правитъ осторожно, наклонившись съ козелъ впередъ. Теперь можно было уже различить нѣкоторыя подробности... Сердце у него замерло. Экипажъ приближался медленно, томительно медленно. Но вотъ онъ уже близко. Профессоръ заглянулъ въ экипажъ. Передъ нимъ мелькнули лица: сначала незнакомое лицо съ золотымъ пенсне, потомъ испещренная рубцами голова уполно-

моченаго и склоненное къ нему на плечо молодое блѣдное лицо съ безкровными губами и закрытыми глазами лицо Отто Гельмута. Онъ казался еще моложе, чѣмъ обыкновенно, почти мальчикомъ, погруженнымъ въ сонъ. Не сонъ ли это? Утомленіе? Или...?

Уполномоченный вѣжливо поклонился, снявъ шапку свободной правой рукой и взмахнувъ ею, насколько позволяло узкое пространство экипажа.

— Послушай, ты, фуксъ! — тихо и осторожно прошепталъ онъ.—Вотъ твой отецъ!

Отто Гельмутъ открылъ глаза, и на его блѣдномъ лицѣ появилась смущенная улыбка, какъ будто онъ сознавалъ, что сдѣлалъ глупость и радовался въ то же время своему поступку и тому, что все хорошо кончилось.

— Здравствуй, папа!—сказалъ онъ, усталымъ голосомъ пытаясь придать ему веселое и бодрое выраженіе. — Прости, что не могу подать тебѣ руки! Но какъ только я буду въ состояніи двигаться...

Господинъ, сидѣвшій позади, предупреждающимъ жестомъ поднялъ руку.

— Докторъ сказалъ, что ты не долженъ разговаривать!.— напомнилъ уполномоченный и обратился къ профессору съ дѣловымъ и многозначительнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно младшіе члены корпораціи дѣлаютъ донесеніе старѣйшимъ членамъ „Херускіи".—Мальчикъ велъ себя безукоризненно! Гораздо корректнѣе, чѣмъ его противникъ, который съ скорымъ поѣздомъ мчится теперь въ Базель, чтобы переѣхать границу изъ страха передъ заключеніемъ въ крѣпости на нѣсколько мѣсяцевъ. Да, мнѣ посчастливилось съ моимъ фуксомъ. Не правда ли, Отто Гельмутъ?

Молодой студентъ съ улыбкой кивнулъ головой. Повидимому, несмотря на боль, онъ чувствовалъ себя отлично.

— А могло кончиться чертовски скверно, господинъ профессоръ! —сказалъ уполномоченный тихо и серьезно.—Первые выстрѣлы—безъ результата! Во второй разъ стрѣляетъ мой фуксъ и не попадаетъ! Потомъ люксенбуржецъ—прищуривается, цѣлится долго— я вижу лукавое выраженіе его лица, носъ и посинѣвшій заплывшій отъ удара глазъ—щелкъ! Отто шатается и медленно падаетъ на бокъ... И подумайте, какой счастливый случай, господинъ профессоръ!

Старый боецъ воодушевился, какъ охотникъ, разсказывающій о необыкновенномъ приключеніи.

— Отто Гельмутъ стоялъ полуобернувшись къ противнику лѣвой стороной, пуля попадаетъ въ лѣвую половину груди и—не знаю, умѣетъ ли такъ стрѣлять тотъ господинъ или это была случайность—минуя область сердца, ударяется о ребро, подъ кожей обходитъ по тѣлу и вылетаетъ около спинного хребта... Счастье, что она не прошла на дюймъ дальше, иначе... теперь же все кончилось неопаснымъ пораненіемъ. Дней восемь-десять въ постели, сказалъ докторъ!

— У меня къ вамъ просьба!—прервалъ его профессоръ, теперь вполнѣ овладѣвшій собой.—Вы сейчасъ проѣзжаете недалеко отъ моей квартиры. Не будете ли вы добры войти къ намъ и сказать моей женѣ, какъ все произошло? А я пока самъ отвезу сына въ клинику.

Уполномоченный, приподнявъ свою шапочку, вышелъ изъ экипажа.

— До свиданія, мальчикъ! Я пойду поскорѣе и сдѣлаю веселое лицо, чтобы ваша супруга, господинъ профессоръ, уже издали видѣла, что все хорошо обошлось!

И дѣйствительно, когда онъ, опираясь на палку, всходилъ на гору, на его огрубѣвшемъ и суровомъ лицѣ появилась улыбка, правда, нѣсколько принужденная, вымученная.

Экипажъ между тѣмъ катился

дальше. Профессоръ сидѣлъ рядомъ съ сыномъ, поддерживая его. Голова юноши, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и закрытыми глазами, какъ бы во снѣ, склонилась къ нему на грудь. Профессоръ слышалъ его тяжелое дыханіе и чувствовалъ удушливый запахъ карболки и іодоформа, который шелъ изъ-подъ незастегнутой куртки Отто отъ его перевязанной груди. На душѣ у него было глубокое спокойствіе и торжественное чувство благодарности—къ кому, онъ самъ не зналъ. Зналъ онъ только одно: съ этого часа у него былъ сынъ, онъ не былъ уже одинокъ, сердцу было къ чему привязаться.

Врачъ, сидѣвшій напротивъ, скромно молчалъ и лишь изрѣдка бросалъ испытующіе взгляды на своего паціента. Тотъ уже начиналъ терять терпѣніе благодаря долгой ѣздѣ.

— Еще не пріѣхали? — спрашивалъ онъ, кусая губы, когда экипажъ наталкивался на камень, но тотчасъ же улыбался—усталой и слабой улыбкой—чтобы не напугать отца.

Наконецъ, показались обширныя зданія университетскихъ клиникъ —высокіе дома, зеленѣющіе сады, соединенные множествомъ крытыхъ переходовъ одноэтажные бараки, павильонъ для хирургическихъ операцій, гдѣ все уже было приготовлено уполномоченнымъ „Херускіи" къ пріему больного.

Отто Гельмутъ скоро былъ водворенъ здѣсь и лежалъ въ постели съ довольнымъ видомъ и неяснымъ чувствомъ удовлетворенія,—оттого что уже пережилъ и сдѣлалъ коечто и не былъ уже мальчикомъ, который лишь полгода тому назадъ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ и каждый день въ восемь часовъ ходилъ въ училище съ ранцемъ за плечами. Теперь онъ мужчина! По всѣмъ правиламъ принялъ крещеніе огнемъ, къ тому же поводъ былъ очень благородный—не какая-нибудь ссора на пирушкѣ—нѣтъ! Онъ выступилъ, какъ рыцарь дамы, какъ студентъ, кавалеръ и сотоварищъ, на защиту студентки.

Знаетъ ли объ этомъ фрейлейнъ Бауэрнфейндъ?

Если знаетъ, то должна думать о немъ иначе, чѣмъ прежде, при встрѣчѣ пожать ему руку съ серьезнымъ и многозначительнымъ видомъ и не обращаться больше къ нему съ такими проповѣдями, какъ вчера, въ лодкѣ къ молодому графу. Теперь она убѣдится, что женщины—слабыя созданія, нуждающіяся въ защитѣ. Отто очень гордился своимъ поступкомъ, но къ Эрнѣ, какъ и прежде, былъ совершенно равнодушенъ. Онъ чувствовалъ лишь наивное, платоническое восхищеніе ея гордой самоувѣренностью, красотой и изяществомъ, но мысли его долго не останавливались на ней. Больше всего думалъ онъ о томъ, что пройдетъ не меньше мѣсяца, прежде чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться буршемъ.

Непріятно потерять столько времени. Но всетаки его навѣрно примутъ. Дуэль на пистолетахъ возвышала его и давала ему преимущество надъ толпой другихъ фуксовъ и облегчала его вступленіе въ корпорацію въ качествѣ бурша. До окончанія семестра, конечно, онъ еще успѣетъ получить значекъ.

Слухъ о дуэли, разумѣется, распространится.

Предстоитъ заключеніе въ крѣпости мѣсяца три или даже на полгода. Половину срока сократятъ, останется, приблизительно, мѣсяца два, которые можно отбыть во время осеннихъ каникулъ, вмѣсто того, чтобы скучать въ родительскомъ домѣ. Въ крѣпости весело. Тамъ можно встрѣтить другихъ студентовъ, офицеровъ, людей одного направленія... комендантъ на молодыхъ джентльменовъ смотритъ большею частью сквозь пальцы, даетъ отпускъ въ городъ, отпускаетъ на честное слово изъ крѣпости на цѣлую недѣлю, чтобы

отдохнуть отъ заключенія... Отто Гельмутъ радовался, однимъ словомъ, предстоящему наказанію, радовался тому, что раненъ, что черезъ нѣсколько недѣль щеки его будутъ покрыты шрамами, что его посадятъ подъ замокъ, радовался всему, и спокойно и весело лежалъ, мечтая, въ постели.

Пока врачи занялись Отто, профессоръ вышелъ на воздухъ. Помочь онъ ничѣмъ не могъ, и оставаться безучастнымъ зрителемъ ему было непріятно.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по двору; вокругъ него была обычная суета больницы, ходили озабоченныя сидѣлки, нося кипы бѣлья, на скамейкахъ сидѣли больные въ бѣлыхъ халатахъ и грѣлись на солнцѣ, бѣдные люди ждали помощи — каменьщикъ съ завязанной рукой, хромой работникъ, мать съ ребенкомъ на рукахъ, много крестьянъ, стоявшихъ съ недовѣрчивымъ и угрюмымъ видомъ; они не рѣшались пошевельнуться, особенно когда на дворѣ появлялись пугала въ образѣ ассистентовъ въ длинныхъ фартукахъ, забрызганныхъ, какъ у мясниковъ, кровью; весело болтая между собою, они тотчасъ же исчезали.

Профессоръ вдругъ вспомнилъ объ Эрнѣ. Теперь, когда тяжкое безпокойство о сынѣ отлегло отъ сердца и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, мысль о ней снова медленно стала овладѣвать имъ — мысль заглушенная, но ищущая выхода, какъ пламя послѣ пожара, которое пробивается изъ-подъ обломковъ и даетъ знать, что подъ ними не все еще потухло.

Эрна снова представилась ему такою, какой онъ видѣлъ ее, когда она медленно шла по саду, такая серьезная и печальная, какъ будто ее постигло тяжелое горе. Онъ причинилъ ей огорченіе. Довѣрчиво и открыто шла она къ нему, а онъ ее оттолкнулъ! И она не знала, почему это случилось!

Лучше всего написать ей! Или объясниться съ ней самому. Пойти къ ней и разсказать ей о происшедшемъ недоразумѣніи. Теперь вѣдь нѣтъ никакой опасности!

А искушеніе? Онъ почувствовалъ, что оно снова овладѣваетъ имъ. Такъ скоро нельзя отдѣлаться отъ него!

Пока еще оно слабо и ничтожно, но мало-по-малу станетъ сильнѣе. Оно можетъ рости, рости...

Лицо его омрачилось. Боязнь новаго припадка дала ему силы для рѣшенія—потушить искру, пока она тлѣетъ еще слабо! Быть твердымъ по отношенію къ себѣ и къ Эрнѣ. Иначе нельзя!

Онъ вернулся къ сыну. Отто Гельмутъ весело улыбнулся ему и слегка кивнулъ головой въ знакъ того, что чувствуетъ себя въ высшей степени пріятно. Отецъ присѣлъ къ нему на кровать.

— Ну, теперь ты внѣ опасности, мой мальчикъ! —сказалъ онъ. — Черезъ недѣлю будешь опять ходить. Я думаю, что тогда лучше всего, чтобы поправиться окончательно, пожить тебѣ нѣсколько недѣль дома?

Отто отвѣтилъ утвердительно, подумавъ:

— Придется поскучать это время! Но оно пройдетъ скоро!

— И лучше всего, если я уѣду прежде васъ и приготовлю все къ вашему пріѣзду. Мать, конечно, не разстанется теперь съ тобою. А я... Я для тебя не могу много сдѣлать и знаю, что уходъ за тобой будетъ хорошій. Поэтому, какъ я уже сказалъ, мнѣ хотѣлось-бы поджидать тебя дома.

— Хорошо папа.

Профессоръ всталъ и подошелъ къ столу. Тамъ началъ онъ что-то писать на визитной карточкѣ.

Сынъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Ты еще пишешь мнѣ рецептъ, папа? У меня ихъ уже два!

— Нѣтъ! Нѣсколько прощальныхъ

строкъ!—спокойно сказалъ профессоръ, не оборачиваясь.—Я сейчасъ отошлю ихъ и сегодня же вечеромъ уѣду!

Онъ вышелъ, спросилъ конвертъ и написалъ адресъ: „Фрейлейнъ Эрнѣ Бауэрнфейндъ“. Потомъ приказалъ посыльному доставить записку немедленно и вернулся къ постели сына.

* * *

Эрна вернулась домой и сидѣла въ комнатѣ Меты Виггерсъ, усталая и угнетенная.

— Ты права была, предсказывая неудачу!—сказала она печально, но все-таки съ оттѣнкомъ прежняго задора въ голосѣ. — Ничего изъ меня не выйдетъ! Мы, женщины, не умѣемъ помочь ни себѣ, ни другимъ... Подумай только объ этой сумасшедшей Динѣ Шпильфогель съ твоимъ Бониферомъ!

Мужчины же не хотятъ помогать намъ! Они только обѣщаютъ и посмѣиваются надъ нами втихомолку, какъ надъ ребенкомъ, которому даютъ обѣщанія въ надеждѣ, что на утро онъ обо всемъ забудетъ!

Мета слушала ее разсѣянно. Она торопилась написать нѣсколько записочекъ.

— Да что ты дѣлаешь, Мета? — спросила она, подходя къ столу. — Только теперь замѣтила Эрна, что кандидатка была въ очень возбужденномъ состояніи—руки ея сильно дрожали, когда она писала записки, вкладывала ихъ въ конверты и надписывала адресъ.—Ты приглашаешь къ себѣ гостей?

Мета сдѣлала жестъ, показывающій, чтобы ей не мѣшали.

— Я отказываюсь отъ уроковъ со всѣми этими господами!

— Ты распускаешь свой звѣринецъ! Но вѣдь они должны сейчасъ собраться!

— Время еще есть! Я успѣю, если сейчасъ-же пошлю горничную къ нимъ. Всѣ они живутъ очень близко отсюда. Четверо даже въ одномъ и томъ же пансіонѣ, тутъ, на углу.

— Но что съ тобой? Что случилось?

Мета надѣла пальто и засунула письма въ карманы.

— Вотъ лежитъ его исповѣдь! — презрительно сказала она, стараясь подавить волненіе. — Ты вѣдь застала его у нея?

— Его у нея? — сказала, соображая, Эрна.—Ахъ, да! Если перевести языкъ влюбленныхъ на обыкновенный нѣмецкій, то это значитъ — Бонифера у Дины Шпильфогель!

— Онъ упоминаетъ объ этой встрѣчѣ въ письмѣ! — продолжала Мета Виггерсъ. — Дальше идетъ разный вздоръ! Относительно меня! Тебѣ это не зачѣмъ знать! Читай отсюда!

Она перевернула страницу и показала мѣсто посрединѣ ея, которое Эрна прочла: „Высокій полный господинъ съ толстымъ краснымъ лицомъ и бакенбардами въ видѣ котлетъ! Вообразите себѣ идеалъ филистера, дорогой другъ, и вы будете имѣть представленіе объ этомъ человѣкѣ, который неожиданно вошелъ въ комнату и сталъ передо мною и Диной Шпильфогель.

Дина поблѣднѣла и молчала. Но когда онъ спросилъ: „Ну, Дина, какъ поживаешь“? она вдругъ покраснѣла.

Онъ сказалъ „Дина“, и мнѣ стало какъ-то неловко, а Динѣ это показалось, повидимому, вполнѣ умѣстнымъ.

Она тихонько вышла изъ комнаты. Я взялся за шляпу, чувствуя себя лишнимъ. Но толстый господинъ съ бакенбардами удержалъ меня: „Вы вѣдь докторъ Бониферъ? Очень радъ! Я долженъ поблагодарить васъ за дружескія услуги, которыя вы оказывали моей женѣ“!

Онъ удобно усѣлся напротивъ меня и закурилъ сигару.

Съ самаго начала разговора онъ выяснилъ, что онъ чулочный фабрикантъ. Я ничего не имѣю противъ

этой почтенной профессіи! Но мы—люди декаданса, съ утонченной духовной жизнью и интимными чувствами, и этотъ человѣкъ показался мнѣ слишкомъ толстымъ, слишкомъ здоровымъ... однимъ словомъ, непріятно подѣйствовалъ на мои нервы!

— Вы не повѣрите,—снова заговорилъ онъ, стряхивая пепелъ съ съ сигары, — какъ я вамъ благодаренъ! Съ моей женой, видите-ли, не легко обходиться! Особенно послѣ того, какъ она стала получать цѣлыми кипами скандинавскія книги и изучать ихъ. Отъ нихъ и дѣлается съ ней весной этотъ припадокъ! И она стремится уѣхать! Зачѣмъ—сама не знаетъ.

Когда я ее объ этомъ спрашиваю, она говоритъ мнѣ что-то неопредѣленное о свободѣ женщинъ!

Такъ и въ этомъ году! Ну, хорошо: я позволяю ей путешествовать мѣсяца три, чтобы отдохнуть отъ меня и отъ семьи... Отпускаю безъ всякой боязни! Она много говоритъ, очень много, слишкомъ даже много! Но все остается при ней! Свобода ея никогда не переходитъ въ поступки! Она, знаете-ли, живетъ духовно! А противъ такихъ духовныхъ порывовъ у меня нѣтъ никакого другого средства! Въ первый разъ случилось это съ нею четыре года тому назадъ! На нее нашло благочестивое настроеніе. Не обыкновенное церковное благочестіе, а какое-то новое. Былъ какой-то норвежскій теологъ и мистикъ — знаете, оттуда, гдѣ кончается весь свѣтъ и начинается Ибсенъ...—онъ говорилъ, что надо быть альтруистомъ, благороднымъ человѣкомъ и помогать другимъ людямъ. Удалось это ему или нѣтъ, не знаю. Самому себѣ онъ не могъ помочь — я долженъ былъ ссудить ему денегъ для возвращенія на родину и никогда больше не видѣлъ ни денегъ, ни его!

Во второй разъ дѣло вышло еще лучше! Явились вы! Вы сочли своей обязанностью взять мою жену подъ свое покровительство! Я вамъ искренне благодаренъ, господинъ Бониферъ!

Толстый фабрикантъ говорилъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ, пуская мнѣ въ лицо облака дыма, такъ что мнѣ сдѣлалось дурно и я разсердился.

— Ну, что же дальше?—спросилъ я наконецъ.

— Ну, теперь двѣнадцать недѣль прошло,—добродушно сказалъ саксонецъ,—терпѣніе мое истощилось и наступило время увезти отсюда Дину. Я заставилъ дѣтей написать ей письмо. Старшій, который выводитъ каракули, написалъ: „Милая мама! вернись домой!", а другіе подписались. Двоимъ я водилъ руку, а за четвертаго поставилъ три креста. Письмо подѣйствуетъ, потому что она хорошая мать, когда около нея нѣтъ норвежцевъ, декадентовъ и тому подобныхъ людей изъ сумасшедшихъ домовъ. Я ее люблю и теперь уже привыкъ къ ея выходкамъ. Думаю, что сегодня вечеромъ уѣдемъ съ ней опять на Эльбу. Вы вѣдь придете на вокзалъ, чтобы проститься съ ней? Итакъ, до свиданія.

Онъ всталъ и пошелъ къ женѣ. А я... дорогой другъ, я въ письмѣ покаюсь во всемъ, что не могъ-бы высказать вамъ лично... Я не могъ встать отъ изумленія. Это былъ мой идеалъ! Женщина, которая бросаетъ дома четырехъ безпомощныхъ малютокъ и морочитъ всѣхъ, говоря, что разошлась съ тираномъ-мужемъ — къ слову сказать, добрѣйшимъ филистеромъ въ свѣтѣ! Четверо дѣтей! Я ничего не имѣю противъ этого числа! Оно очень часто встрѣчается въ нѣмецкихъ семействахъ. Но у этого прерафаэлитскаго ангела съ прической во вкусѣ Боттичелли! О дѣтяхъ она ничего не говорила мнѣ! Она обманывала меня. И другихъ тоже. Даже самое себя. Она лгала всякій разъ, какъ только открывала ротъ! О, это отрезвляетъ! И ее-то

считалъ я женщиной будущаго! Значитъ, я совсѣмъ не знаю людей!..

Несмотря на свое горе, Эрна не могла не засмѣяться и уронила письмо.

— Знаешь-ли, Мета, я думаю, что нашъ рыцарь Бониферъ навсегда останется рыцаремъ печальнаго образа! Онъ сдѣлалъ-бы лучше, еслибъ, вмѣсто того, чтобы отыскивать женщину будущаго, не попадалъ-бы подъ башмакъ женщинѣ настоящаго времени! Какъ ты думаешь?

— Читай дальше! — сурово сказала Мета, и Эрна прочла остальныя строчки.

— Я разсказалъ вамъ все такъ подробно потому, что мы уже никогда не встрѣтимся. Я недостоинъ васъ и никогда не буду достойнымъ! Человѣкъ, который позволилъ одурачить себя Динѣ Шпильфогель, не можетъ поднять на васъ глазъ. Теперь, въ своемъ позорѣ, я ясно вижу, что *новый* человѣкъ, котораго намъ хотѣлось сдѣлать изъ женщины — это вы! Вы работаете. Работѣ принадлежитъ міръ и будущее.

Прощайте! Я никогда не рѣшусь увидѣться съ вами — послѣ того, какъ сегодня еще говорилъ о Динѣ: „Женщина—это высшій человѣкъ"! Я отрекусь отъ этихъ словъ!

Вашъ раскаявшійся
Бониферъ.

— Ахъ ты, кривляка! — непочтительно подумала о немъ Эрна, возвращая письмо Метѣ Виггерсъ. — Ты ждешь новыхъ помочей, на которыхъ женщины ведутъ тебя отъ колыбели до могилы. Не уйдешь ты отъ своей судьбы!

— Но послушай! — сказала она вслухъ, широко раскрывая глаза. — Милая Мета! Ты собралась уйти. Не къ нему же, надѣюсь?

Мета бросила на нее укоризненный взглядъ.

— Противъ его дома есть кондитерская! Отчего мнѣ не зайти туда выпить чашку кофе? Что я тамъ, онъ узнаетъ въ ту же минуту. И я не могу помѣшать ему прійти туда же!

— Но тебѣ было бы это *очень* непріятно? — простодушно спросила Эрна.

Подруга ея заволновалась.

— Какое безуміе—уѣхать, чтобы снова попасться въ руки какой-нибудь Динѣ Шпильфогель! Нужно его удержать. Этотъ человѣкъ не можетъ быть самостоятельнымъ! — Она взволнованно ходила по комнатѣ.—Я должна поторопиться! Не знаю, солнце-ли такъ печетъ сегодня или только *мнѣ* такъ жарко...

— Но вѣдь на тебѣ зимняя кофточка!

— Прощай!—Мета поспѣшно поцѣловала Эрну, не обративъ вниманія на ея послѣднія слова.—Прощай, моя бѣдная малютка! Не будь такъ печальна! Мы еще увидимся и все будетъ хорошо. Только побольше мужества!

Она ушла. Эрна сидѣла съ печальной улыбкой на лицѣ.

Холодная блондинка влюблена. Влюбленные эгоистичны!

На нихъ нельзя сердиться за то, что они ни о чемъ, кромѣ своей любви не думаютъ, — не думаютъ, напр., что станется съ ихъ друзьями! Она Метѣ теперь лишь въ тягость! Всюду и всѣмъ въ тягость! И съ проснувшейся гордостью она спрашивала себя: „зачѣмъ я цѣлый день надоѣдаю людямъ своими дѣлами? Никто объ нихъ и знать не хочетъ. Всѣ болѣе или менѣе ясно даютъ мнѣ понять, что нисколько не интересуются ни мною, ни моей судьбой. Или интересуются мной, какъ кошка канарейкой. Такъ или иначе, я одинока на свѣтѣ. И Джонъ Генри ванъ-Леннепъ, какъ всегда, поступилъ умно, давъ терпѣливо выпить мнѣ чашу горькаго познанія до дна. Потому-то онъ и не показался мнѣ сегодня, что другой на его мѣстѣ, конечно, сдѣлалъ бы, а только черезъ три часа придетъ посмотрѣть, выбилась-ли я изъ силъ. Онъ умнѣе меня, все знаетъ, все пережилъ. Я

въ сравненіи съ нимъ дитя. Поэтому, не смотря на свою любовь, онъ презираетъ меня“.

Въ дверь постучали. Она испугалась, только теперь сообразивъ, что находится не у себя въ комнатѣ, а у Меты Виггерсъ.

— Войдите! — нерѣшительно сказала она и робко посмотрѣла на господина съ черной бородой и блѣдными слѣдами шрамовъ на лицѣ, который стоялъ въ дверяхъ. Гдѣ-то она видѣла его! Вдругъ она узнала его по свирѣпому бульдогу, который, какъ тѣнь, слѣдовалъ за своимъ хозяиномъ. Это былъ вѣчный кандидатъ съ его бульдогомъ Немо. Вошедшій нѣсколько смутился.

— Извините... Моя фамилія Виндмюллеръ... Мнѣ, собственно, нужно видѣть фрейлейнъ Паулу Фрей...

— Она помѣщается наверху, по коридору направо!

— Да. Но она ничего не отвѣчаетъ мнѣ!—сказалъ съ мрачнымъ видомъ старый студентъ.—А дома! Я хотѣлъ попросить флейлейнъ Виггерсъ замолвить за меня словечко... Я долженъ былъ чаще навѣщать фрейленъ Фрей... Теперь она, вѣроятно, больна!

Это обезпокоило Эрну. Она побѣжала въ переднюю.

— Фрейлейнъ Фрей! — крикнула она въ замочную скважину. — Не нужно-ли вамъ чего-нибудь?

— Ничего! — послышался рѣзкій голосъ.—И меньше всего—господина Виндмюллеръ!

Дверь полуоткрылась, и въ ней показалась растрепанная кудрявая головка дантистки.

— Ахъ, это вы, фрейленъ Бауэрнфейндъ! Извините... А онъ ушелъ?

— Нѣтъ. Онъ ждетъ въ комнатѣ у Меты!

— Ахъ, пожалуйста, пойдемте со мной! — сказала маленькая особа, которая была очень блѣдна, но, какъ всегда, энергична.—Только на пять минутъ! Одна я не могу говорить съ нимъ, а лучше всего покончить все лично!

Не дожидаясь отвѣта Эрны, она твердыми шагами прошла въ комнату Меты, сѣла противъ широкоплечаго стараго кандидата и посмотрѣла на него въ упоръ.

— Это правда?—коротко спросила она.—Вы знаете, что!

Тотъ медлилъ, поглаживая свою черную бороду. Его красное отъ пьянства лицо покраснѣло еще больше.

— Да!—пробормоталъ онъ наконецъ.—Дѣло идетъ о наслѣдствѣ, о рентѣ, которою я долженъ пользоваться все время, пока учусь...

— И изъ за которой вы не кончаете ученья?

— Да... но что же дѣлать? — Онъ нерѣшительно покачалъ головой. — Когда имѣешь маленькое подспорье...

Глаза маленькой дантистки гнѣвно засверкали... Ея блѣдное энергичное личико, казалось, окаменѣло.

— Былъ у васъ вчера нотаріусъ?— допытывалась она сдавленнымъ голосомъ. — Не предлагалъ-ли онъ вамъ отъ имени слѣдующихъ за вами наслѣдниковъ и благотворительныхъ учрежденій уплатить вамъ извѣстную сумму, если вы сдадите экзаменъ? Тогда все устроилось-бы хорошо для обѣихъ сторонъ.

Вы имѣли-бы наконецъ, какую-нибудь профессію и деньги, чтобы начать дѣло, а наслѣдство пошло-бы на пользу бѣдному больному человѣчеству, вмѣсто того, чтобы доставаться пивоварамъ и трактирщикамъ!

Вѣчный студентъ посмотрѣлъ въ сторону.

— Да, нотаріусъ былъ у меня!— уныло сказалъ онъ.—Но, видите ли... Время было выбрано для разговора неудачно. У меня ужасно болѣла голова... По воскресеньямъ я совсѣмъ не занимаюсь дѣлами... А тутъ еще собака, Немо, хватала все время нотаріуса за пятки... Это развлекало меня...

— Я хочу знать, что вы ему отвѣтили!

Кандидатъ Виндмюллеръ молчалъ.

Паула подошла къ нему поближе. Она дрожала отъ негодованія.

— Вы отвѣтили—нѣтъ! Я знаю это изъ вѣрнаго источника! Нѣтъ! Вы не думаете оканчивать ученье!

— Видите ли, фрейлейнъ Паула! —заговорилъ онъ униженнымъ и печальнымъ тономъ.—Я не знаю, могу ли работать! Экзаменъ сдать —пожалуй! Но для жизни я не гожусь—я вѣдь ея совсѣмъ не знаю и думаю, что устарѣлъ начинать вмѣстѣ съ молодыми. Я привыкъ, приросъ къ университету. Я побывалъ въ семи университетахъ и не могу представить себѣ существованія безъ выпивки утромъ и вечеромъ, безъ пестрыхъ шапочекъ, безъ того, другого. Люди, подобные мнѣ, которые пропустили нужный моментъ для прекращенія занятій въ университетѣ, мало-по-малу вязнутъ въ немъ, такъ что уже не могутъ изъ него выбраться. Внѣ его пустыня—вѣдь у меня близкихъ ни души на бѣломъ свѣтѣ. Здѣсь же я чувствую себя дома. Здѣсь я и останусь. Кромѣ того, какъ я и сказалъ нотаріусу, я протяну не долго. Сердцу моему, говоритъ врачъ, скоро придетъ конецъ—благодаря пиву!

Паула Фрей была теперь совершенно спокойна.

— Итакъ, все это вы понимаете и ничего не хотите измѣнить? хорошо же! Дайте же мнѣ еще разъ вашу руку. Вотъ такъ. Прощайте, Навсегда!

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее! пробормотавъ.

— Но, фрейлейнъ Фрей...

Маленькая дантистка, съ мрачнымъ и рѣшительнымъ видомъ, сжавъ губы, энергично покачала головой.

— Прощайте. Теперь я знаю васъ и знать васъ больше не хочу. Безполезно. Вамъ никто уже не поможетъ, я опоздала съ своей помощью. Идите своей дорогой!

Вѣчный кандитатъ тяжело вздохнулъ, склонилъ бородатое лицо на грудь и, какъ кающійся грѣшникъ, медленно вышелъ изъ комнаты. Паула Фрей не смотрѣла на него. Когда дверь захлопнулась, Эрна подумала, что теперь маленькая дантистка разразится слезами, но Паула была тверда, какъ дерево.

— Итакъ, все кончено,—отрывисто и зло сказала она, какъ бы желая испробовать, какую боль можетъ она причинить, не моргнувъ глазомъ, —Немо не получитъ ошейника. Я его выброшу. Жалко только работы. Новаго уже не начну. Не для кого! Повѣрьте мнѣ, Фрейлейнъ Бауэрнфейндъ!

Эрна не знала, что ей сказать. Она чувствовала себя непріятно въ присутствіи этой непреклонной маленькой особы, выросшей въ тяжелой школѣ борьбы за существованіе и безжалостно топтавшей теперь обломки своего счастья. Въ то же время она и завидовала Паулѣ, которая относилась такъ равнодушно къ бѣдѣ, завоевала себѣ мѣсто въ свѣтѣ и, какъ кошка, ожесточеніемъ защищала его отъ всякихъ покушеній. Какъ представляла себѣ жизнь эта маленькая кудрявая головка? Какъ огромное поле битвы, какъ борьбу всѣхъ противъ каждаго! Какъ вѣчное подкарауливанье другъ друга, обманъ, погоню за лучшимъ кускомъ и вѣчный голодъ! И дѣйствительно, такова жизнь! Такая жизнь предстоитъ ей, Эрнѣ Бауэрнфейндъ, если она не откажется отъ своихъ плановъ! Ей предстояло продѣлать то, съ чѣмъ уже покончила дантистка, рѣшившая вопросъ—быть или не быть... Эрна содрогнулась и закрыла глаза, какъ передъ отталкивающимъ видѣніемъ... И на Паулу Фрей нахлынулъ приливъ горя.

— Это уже второй!—сказала она, печально кивнувъ Эрнѣ головой!— —Это ужъ мнѣ свойственно: всегда мнѣ хочется помочь людямъ, потому именно, что мнѣ никто никогда не помогалъ. Это единственное мое удовольствіе, въ этомъ все мое честолюбіе. Но уже два раза наталкивалась я на такихъ, которымъ

нельзя помочь. Это все-таки огорчаетъ. Когда выдается свободное время между вѣчнымъ пломбированіемъ, о многомъ думаешь, мечтаешь... А потомъ приходится раздражаться. Но все это надо забыть. Можетъ быть, потомъ будетъ иначе... Будьте довольны, что вы такъ богаты! Я хотѣла бы тоже имѣть фабрику. Бѣдность—не порокъ, но несчастье... Ахъ,—чтобы не забыть —скажите, пожалуйста, Метѣ, что меня не будетъ дома до завтрашняго вечера. Хочется провести день одной, гдѣ-нибудь въ лѣсу. Потомъ все опять будетъ хорошо. До свиданія, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ!

Эрна вернулась въ свою комнату.

Въ окно она увидѣла посреди улицы вѣчнаго кандидата. Опустивъ голову, онъ стоялъ въ задумчивости и нерѣшительности: вернуться ли ему, чтобы еще разъ покаяться и дать обѣщаніе исправиться? Время еще было! Но Немо указалъ ему дорогу. Не задумываясь, четвероногій мизантропъ направился дальше, къ пивной. Его повелитель съ разстроенной миной медленно послѣдовалъ за нимъ и исчезъ изъ виду.

Глава XII.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался неясный говоръ. Эрна прислушалась. Звуки тихихъ, съ иностраннымъ акцентомъ, мужскихъ голосовъ прервали ея воспоминанія. Голоса эти она уже слышала... Здѣсь же, вчера или третьяго дня... Ну, конечно! Вѣдь это собрался звѣринецъ Меты Виггерсъ! Но Мета рѣшительно отказала вѣдь всѣмъ этимъ учащимся у нея нѣмецкому языку иностранцамъ! Почему же они пришли опять? Эрна ясно слышала, какъ приходили, все новыя лица, и какъ ихъ встрѣчали съ сдержанной веселостью, какъ началось между ними раздраженіе и завязался, наконецъ, споръ на необыкновенномъ французскомъ языкѣ. Повидимому, они не могли рѣшить, дожидаться ли имъ Меты или идти домой? Все это нехорошо для влюбленной филологички! Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ иностранцевъ обидчивые люди и не простятъ ей ея небрежности. Если они не придутъ больше, то она потеряетъ часть своихъ доходовъ. Во всякомъ случаѣ, будутъ извиненія, недовольство и непріятныя объясненія...

Эрнѣ вдругъ пришла какая-то мысль: она осторожно пробралась въ переднюю и осмотрѣла ее. Дѣйствительно! Здѣсь висѣла кофточка Меты, которую та сняла отъ жары передъ самымъ уходомъ, а въ карманѣ кофточки торчали всѣ семь писемъ съ отказомъ.—Эрна, улыбаясь, взвѣсила всю пачку на рукѣ. Холодная блондинка съ пылкимъ сердцемъ, торопясь утѣшить Бонифера, въ послѣднюю минуту совсѣмъ забыла о письмахъ.

Лучше всего отослать письма этимъ господамъ на домъ, какъ будто они не получили ихъ во-время благодаря случайности.

Раздумывая такимъ образомъ, Эрна вдругъ почувствовала за собой чье-то тяжелое дыханіе. Позади нея стоялъ сициліанецъ, разгоряченный отъ нетерпѣнія. Онъ вращалъ своими черными, какъ уголь, глазами съ такимъ видомъ, какъ будто готовъ былъ сейчасъ совершить убійство. Но онъ былъ очень вѣжливъ и улыбнулся, показавъ снѣжно-бѣлые зубы подъ черными, какъ смоль, усами.

— Извините,—сказалъ докторъ Бенедетто Капомаццо на довольно сомнительномъ французскомъ языкѣ. —Фрейлейнъ Виггерсъ не придетъ? Мы всѣ очень... очень...

Онъ не находилъ словъ и безпомощно смотрѣлъ на Эрну своими огненными глазами подъ густыми бровями. Студентка поспѣшила перейти къ итальянскому языку.

— Фрейлейнъ Виггерсъ занята!— сказала она на родномъ его языкѣ. —Она просила меня передать всѣмъ вамъ ея извиненіе.

Это была неправда. Но родные звуки изъ этихъ розовыхъ дѣвичьихъ устъ произвели на сициліанскаго врача сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ невольно приложилъ лѣвую руку къ сердцу, и его смуглое лицо прояснилось отъ умиленія.

—Вы говорите по-итальянски, синьора?—сказалъ онъ такъ благодарно, какъ будто Эрна училась этому языку въ угоду ему.

— Да!—Эрна хотѣла итти къ себѣ въ комнату.

— О! И вы учитесь въ университетѣ тоже?

— Да.

— И также изучаете философію, синьора?

— Да!

Наскучивъ вопросами, студентка взялась уже за ручку двери. Но тутъ, къ ужасу своему, она замѣтила что пылкій южанинъ не вполнѣ понялъ ея небезупречную итальянскую рѣчь.—Виконтъ!—закричалъ онъ глухимъ басомъ, кивая маленькому японцу, который вышелъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Виконтъ! Фрейлейнъ Виггерсъ сегодня занята!—стремительно и радостно заговорилъ итальянецъ по французски.—Она поручила синьорѣ, своей подругѣ, замѣнить ее сегодня на урокѣ!

Японецъ вѣжливо улыбнулся и прежде, чѣмъ изумленная Эрна могла что-нибудь возразить, онъ сказалъ гладкимъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Это для насъ высокая честь! Мы будемъ имѣть честь ожидать васъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Пойдемте, синьора!—Настаивалъ сицильянецъ. Но Эрна испуганно скрылась въ своей комнатѣ и поспѣшно закрыла за собой дверь.

Мужчины постояли немного за дверью, поджидая ее, и наконецъ вернулись въ свою комнату. Тамъ тотчасъ же послышался оживленный говоръ. Всѣ эти экзотическіе люди на самомъ дѣлѣ ожидали, что она придетъ къ нимъ...

Эрна, закусивъ губу, смяла въ рукахъ записки Меты. Хорошая исторія вышла! Что за мысль—явиться къ незнакомымъ мужчинамъ и учить ихъ немецкому языку.

Она тихонько подошла къ двери и прислушалась. Въ комнатѣ попрежнему стоялъ говоръ. Уходить никто не думалъ. Весь звѣринецъ остался и терпѣливо ждалъ ее, но Эрна не рѣшалась войти, чтобы разъяснить недоразумѣніе или начать урокъ.

Но почему же нѣтъ? Мета такъ же, какъ и она, дорожитъ своей доброй славой. Окна открыты настежъ. Въ уголкѣ сидитъ съ чулкомъ хозяйка. Бояться нечего! Но сидѣть передъ всѣма этими мужчинами и говорить съ ними! Она съ гнѣвомъ подосадовала на себя: опять боязнь мужчинъ. Чувство подчиненія имъ, стремленіе убѣжать отъ нихъ—въ монастырь, въ гаремъ — все равно куда-нибудь, какъ будто мужчины—злѣйшіе враги женщинъ. А между тѣмъ она и ея подруги одного съ нею направленія только и желали того, чтобы мужчины и женщины поняли другъ друга и стали бы друзьями въ лучшемъ смыслѣ слова.

Въ дверь постучали. Вошла хозяйка, фрау Швеммельманъ.

— Ну, какъ же быть?—флегматично спросила она, не выпуская чулка изъ рукъ.—Идти этимъ господамъ домой или нѣтъ?

— Фрау Швеммельманъ,—серьезно сказала Эрна,—вы дѣйствительно думаете, что я могу пойти къ „этому народу", какъ вы говорите и дать имъ урокъ?

— Не понимаю - почему же нѣтъ?—добрѣйшая Фрау Швеммельманъ покачала головой.— Вѣдь вы у меня. Я женщина старая и ничему не удивляюсь. Я думаю такъ: фрейленъ Виггерсъ каждый день даетъ уроки и еще ни разу не была отъ того больна, а вы тоже учитесь на доктора, какъ фрейленъ Виггерсъ... стало быть... оно и подходитъ вамъ...

— Учусь „на доктора"? Молодая дѣвушка грустно улыбнулась.—Это

не совсѣмъ вѣрно. Но вы правы все-таки, фрау Швеммельманъ! Именно *мнѣ* это и подходитъ...

Она нахмурилась, раздумывая. Почему же нѣтъ? Она окажетъ Метѣ большую услугу и, кромѣ того, соберетъ горящіе угли надъ бѣлокурой головкой подруги, которая сегодня, занятая своими сердечными дѣлами, не обратила вниманія на горе Эрны, проведетъ незамѣтно два смертельно-скучныхъ часа до прихода Джона Генри и, наконецъ попробуетъ свои силы! Она часто сравнивала своихъ тетушекъ, приведенныхъ въ ужасъ ея намѣреніемъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, съ насѣдками, взволнованными видомъ выведенныхъ ими утятъ, которые съ наслажденіемъ плещутся въ прудѣ. Ну, вотъ и пришло для нея время спуститься на воду и показать, что она умѣетъ плавать!

На Эрну снова нашло задорное чувство, отголосокъ ея ранней юности, когда она не думала о мужчинахъ, но всегда находила въ этихъ странныхъ существахъ смѣшныя стороны. Ее охватило воинственное настроеніе, какъ будто между нею и сильнымъ поломъ была брошена перчатка, и ей нужно было только нагнуться, чтобы принять вызовъ.

— Пойдемте, фрау Швеммельманъ! – сказала Эрна, поблѣднѣвъ и съ сильно бьющимся сердцемъ. Проходя въ переднюю, она подумала: „такъ, вѣроятно, чувствуетъ себя молодой фуксъ, въ первый разъ готовящійся къ мензурѣ! Настроеніе у него торжественное и неспокойное, и онъ предпочелъ бы отказаться, еслибъ не стыдно было передъ собою и другими“!

Эрна вошла въ комнату съ высокомѣрнымъ видомъ королевы, увидѣла передъ собой нѣсколько кланявшихся ей мужчина и отвѣтила на ихъ привѣтствіе сдержанно, слегка кивнувъ головой. Около нея очутился японецъ.

— Пожалуйста, познакомьте меня съ этими господами! — сказала она ему тихо и самымъ равнодушнымъ тономъ.

Вѣжливый маленькій человѣкъ прежде всего представился ей самъ, какъ виконтъ Ябуки-Юцуру, потомъ по порядку представилъ ей остальныхъ: еще разъ — доктора медицины Бенедетто Капомаццо, который при этомъ улыбнулся нѣжно и страстно, какъ предводитель каморры и обнаружилъ бѣлые зубы, склонивъ черную голову на бокъ, потомъ желтаго, какъ айва, и худого, какъ гончая собака, элегантнаго чилійца Анибала Санфуэнтесъ съ его кокетливо подстриженной черной бородкой, дѣтски-довѣрчиваго кроткаго маленькаго француза Левассера изъ Бордо, наконецъ, серьезнаго, мужественнаго негра, Танкреда Тирезіаса дю Норъ, изъ Гаити, который благодаря своему сорокалѣтнему возрасту, спокойствію, опытности, своему положенію, какъ министръ и родственникъ президента республики, придавалъ этому собранію молодежи достоинство и степенность. Кромѣ нихъ, сегодня въ первый разъ появился молодой ирландецъ изъ Сѣверной Америки, который желалъ изучать медицину. Оба поляка должны были назвать свои фамиліи сами—Пржикалла и Скржичнекъ — японскій магнатъ не могъ ихъ произнести.

— Пожалуйста, садитесь, какъ всегда! — сказала Эрна. — И прошу васъ отнестись ко мнѣ снисходительно, потому что я замѣняю свою подругу только сегодня.

Эту фразу она сказала сначала по-французски молодому человѣку изъ Бордо, чилійцу, негру и обоимъ славянамъ, потомъ по-итальянски— Бенедетто Капомаццо, по-англійски— новичку-ирландцу, веснушчатое лицо котораго, обрамленное рыжими волосами, выразило пріятное удивленіе; наконецъ, она обратилась по-нѣмецки къ японскому виконту, превосходно изучившему ея родной языкъ въ токійскомъ университетѣ.

Разговорнымъ языкомъ служилъ все-таки французскій, и обученіе велось по французско-нѣмецкой грамматикѣ.

Всѣ сѣли. Эрна съ удовольствіемъ замѣтила, что ея подруга распредѣлила мѣста своимъ питомцамъ очень умно. Самое далекое мѣсто, на концѣ стола, занималъ сицильянецъ, сидѣвшій между двумя южными славянами, по обѣимъ сторонамъ ихъ—чиліецъ и японецъ, около японца сидѣлъ уроженецъ Зеленаго острова — ирландецъ, дальше — молодой французъ и Отелло изъ Гаиты.

Эрна закусила губу, чтобы не разсмѣяться. Ей показалось очень комичнымъ это собраніе бѣлыхъ, коричневыхъ, желтыхъ и черныхъ людей, явившихся сюда изъ-за морей, изъ далекихъ странъ, и она—среди нихъ въ качествѣ строгой учительницы. Настоящая комедія! Но экзотическіе ученики приняли серьезное выраженіе, нѣкоторые казались даже смущенными появленіемъ элегантнаго молодого ментора, который долженъ былъ сегодня вести ихъ въ лабиринтъ нѣмецкаго языка. Эрна теперь вполнѣ овладѣла собой. Она бросила взглядъ въ сторону, сидитъ ли фрау Швеммельманъ на своемъ посту и открыто ли окно, черезъ которое прохожіе могли видѣть внутренность комнаты.

Урокъ начался!

Мало-по-малу волненіе Эрны улеглось, — и она, несмотря на свое странное положеніе, почувствовола въ себѣ такую увѣренность, которая удивила ее самое.

Это еще болѣе усилило ея самообладаніе, поддерживая въ то же время лихорадочное любопытство и напряженіе, которое является, когда сознаешь опасность и радуешься отъ сознанія, что побѣдишь ее. Такое чувство испытываетъ во время битвы солдатъ—молодой рекрутъ, который въ первый разъ слышитъ свистъ пуль, и ощущаетъ и гордость, и страхъ.

Тутъ тоже была борьба—старая, вѣчная борьба между мужчиной и женщиной. Но времена перемѣнились: женщина теперь оказалась сильнѣйшей, - учительницей семерыхъ мужчинъ, которые покорно склонялись передъ ея знаніемъ. Ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ объясняться на четырехъ языкахъ и учить имъ другихъ. Странно!

Когда она была царицей баловъ и мужчины густой толпой тѣснились вокругъ богатой наслѣдницы, Эрна испытывала минуты гордаго торжества, но никогда не чувствовала такого глубокаго внутренняго удовлетворенія и свободы отъ воли мужчины. Тамъ желали обладанія ею — тутъ хотѣли получить знаніе отъ нея. Тамъ она должна была позволить опутать себя, побѣдить, похитить; тутъ—просто и честно работать, какъ мужчины. И мужчины здѣсь казались ей другими. Здѣсь они были за дѣломъ, работали! Здѣсь были они сами собой! Людей нужно познавать за работой! Всѣ эти незнакомые бородатые мужчины, съ которыми она чувствовала себя еще неловко, трудились въ лабиринтѣ нѣмецкой грамматики, и вмѣстѣ съ ними вдвойнѣ трудилась съ покраснѣвшимъ отъ волненія и напряженія молодая учительница. При этомъ ее не покидало глухое безпокойство о томъ, что кто-нибудь изъ учениковъ перейдетъ границы дозволеннаго или что она сама не сможетъ найти средину между сдержаннымъ, но дружескимъ отношеніемъ и холодной суровостью гувернантки.

Когда урокъ былъ оконченъ, Эрна самодовольно сказала себѣ подъ наплывомъ прежняго веселаго и насмѣшливаго настроенія: „Я представляла себѣ звѣринецъ гораздо хуже! Когда сумѣешь найти къ мужчинамъ настоящія отношенія, какъ это сдѣлала Мета, то они оказываются гораздо благоразумнѣе, чѣмъ можно было думать“!

Вскорѣ послѣ этого начался второй урокъ.

Для него Мета обыкновенно давала тему наканунѣ. Каждый высказывалъ по поводу ея свое мнѣніе, разработавъ его дома, потомъ происходили дебаты на данную тему, по возможности — на нѣмецкомъ языкѣ.

Учительница при этомъ помогала, исправляя и сглаживая разговоръ. Все это было очень хорошо. Но, услышавъ сегодняшнюю тему, Эрна испугалась; тема эта гласила „Женщины моей страны". Можно было наслушаться милыхъ вещей и особенно намековъ!

Эрна припомнила выраженіе лица и. манеру кандидатки Виггерсъ, чтобы казаться какъ можно строже и сдержаннѣе.

Тутъ нужна была устрашающая, леденящая холодность!

Она разсердилась на Мету за то, что та выбрала такую глупую тему, но тотчасъ же призналась, что нелегко было найти предметъ разговора, одинаково интересный для всѣхъ представителей различныхъ расъ и народовъ... Что-же касается женщинъ, то этотъ предметъ былъ знакомъ и интересенъ каждому мужчинѣ—какова-бы ни была его кожа— черная, желтая или бѣлая,—и каждый могъ о немъ говорить цѣлыми часами съ видомъ пророка...

Эрну стало заинтересовывать, что каждый изъ этой пестрой толпы восхвалялъ женщину своего племени, какъ вѣнецъ созданія,—восхвалялъ на плохомъ, полномъ ошибокъ, нѣмецкомъ языкѣ, который Эрна исправляла серьезно, терпѣливо, неустанно, и вступалъ въ споръ съ другими иностранцами, утверждавшими, что идеальную женщину можно найти лишь въ ихъ странѣ.

Въ сущности, ни одинъ изъ нихъ не понималъ другого.

Черному уроженцу Гаити Ева представлялась иначе, чѣмъ веснушчатому янки, и чѣмъ больше они спорили и горячились, внезапно умолкая и взглядами прося помощи у учительницы, когда не могли подыскать слова или попадали въ какую-нибудь грамматическую западню, тѣмъ больше отдалялись одинъ отъ другого созданные ими женскіе образы. Образы эти въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ создавались въ религіи, искусствѣ и поэзіи мужчинами, и такъ-же, какъ и мужчины, были различны.

Въ безпрестанно мѣняющихся формахъ являлась передъ глазами Эрны наша праматерь Ева, которую молодая дѣвушка видѣла какъ бы сквозь дымку тумана, потому что чувства и мысли ея экзотическихъ учениковъ находили себѣ въ чуждомъ языкѣ лишь неполное выраженіе. Она больше догадывалась о нихъ, чѣмъ понимала. И всетаки передъ нею открылась безграничная область, которой она раньше не видѣла во всемъ ея объемѣ. Какъ будто въ утреннихъ сумеркахъ, подъ туманнымъ покровомъ, раскинулся предъ ней теряющійся въ неясной дали женскій міръ, гдѣ большинство женщинъ еще погружено въ глубокій сонъ и ждетъ пробужденія.

Эрна слушала, какъ чиліецъ говорилъ о прекрасныхъ женщинахъ своей родины, которыя любятъ домашній уютъ, набожность, посѣщенія церкви, бездѣлье, сласти и благовонія, и ей казалось, что она слышитъ утренній звонъ колоколовъ съ башенъ каменнаго собора и что колокола говорятъ: „Проснитесь, вы, одалиски! Бодрствуйте! Будьте не цвѣтами, а людьми! Живите"!

Когда Бенедетто Капомаццо, сверкая бѣлками и отчаянно жестикулируя, превозносилъ итальянокъ, Эрна видѣла передъ собой пылкихъ южанокъ, полныхъ страстности, наивной и дикой любви, вѣры и предразсудковъ, съ ничтожными познаніями, но большой силой воли, настоящихъ женщинъ, въ которыхъ очень мало отразился человѣкъ новаго вѣка.

Противоположностью имъ явились женщины островной имперіи даль-

няго Востока. Японскій виконтъ хорошо говорилъ по нѣмецки и отчетливо обрисовалъ хорошенькихъ куколокъ, сѣменящихъ въ шелковыхъ одеждахъ, съ высокой прической, присѣдающихъ, улыбающихся и снова съ поклономъ присѣдающихъ, похожихъ на красивыя игрушки своей красивой страны.

Какъ непохожи на нихъ славянскія женщины! Оба поляка обрисовали въ общихъ чертахъ польку съ ея раскачивающейся походкой, загадочнымъ взглядомъ, кошачьей граціей и лукавствомъ, — созданіе вполнѣ женственное, болѣе сильное, чѣмъ мужчина сарматскаго племени, — зависящую тѣмъ не менѣе отъ мужчины, играющую имъ, для него лишь живущую, его собственность и повелительницу, существо, совершенно непонятное для холодной, практической и рѣшительной леди, которую описалъ внезапно оживившійся янки на своемъ родномъ языкѣ. Для него женщина была тоже предметъ роскоши, только самый изящный и благородный. Мужчина въ его странѣ много работаетъ внѣ дома.

Образованіе его часто довольно скудно, жизненный путь суровъ. Онъ трудится изо дня въ день, но дома по вечерамъ онъ находитъ подругу съ утонченнымъ вкусомъ и высшимъ развитіемъ, которая предохраняетъ его отъ дикости и огрубѣнія, сохраняетъ и развиваетъ въ немъ чувства джентльмена, требуя отъ него всякаго уваженія и благодарности за то, что снисходительно позволяетъ ему кормить и одѣвать себя, а иногда даритъ ему ребенка. И все это прекрасно, думалъ ирландецъ. Но Эрна засмѣялась и стала съ нимъ спорить. Она сказала ему по-англійски, что если женщины и были прежде не больше, какъ предметъ роскоши, то не остались имъ навсегда, а почувствовали себя свободными людьми и стали самостоятельны.

И дѣйствительно, по ту сторону океана уже теперь есть тысячи женщинъ-врачей, сотни тысячъ секретарей и бухгалтеровъ.

Тирезіасъ дю-Норъ могъ сказать очень немного о женщинахъ своей страны.

— Чего вы хотите отъ насъ? — спросилъ онъ, и на толстыхъ губахъ негра-врача появилась горькая усмѣшка.—Мы всѣ, мужчины и женщины, происходимъ отъ рабовъ, и въ извѣстномъ смыслѣ и теперь еще рабы. Между вами я могу сидѣть, но въ Соединенныхъ Штатахъ меня сочли бы за существо нечистое. Меня и мою жену тамъ не пустилибы въ общество бѣлыхъ!

Молодой французикъ не обязанъ былъ высказывать своего мнѣнія на предложенную тему: ему дана была другая работа, переводъ басни Лафонтена. Но онъ не могъ удержаться и разсказалъ кое-что о парижанкахъ, которыя по его мнѣнію занимали самое высокое мѣсто среди женщинъ всего міра. Всѣ имъ завидуютъ, соперничаютъ съ ними, но не въ состояніи достигнуть такой граціи и вкуса... вообще...

Но Эрна укоризненно взглянула на него и строго спросила.

— Господинъ Левассеръ, что вы можете знать, въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, о парижанкахъ?

Онъ смутился и пролепеталъ что-то о своей старой теткѣ, которая жила съ двумя дочерьми близъ Сенъ-Клу...

Но парижанка уже стояла передъ глазами Эрны, какъ образчикъ женщины, которая нравится мужчинамъ.

Ей пришли на умъ слова автора „Заратустры": „Двѣ вещи нравятся мужчинѣ—опасность и игра. Поэтому онъ любитъ женщину, какъ опасную игрушку". И какія разнообразныя формы принимаетъ эта игрушка, начиная отъ парижской кокетки до черной рабыни Гаити, отъ полной сладкаго яда змѣи-польки до лѣнивой и набожной одалиски романскихъ земель, отъ сициліянской тиг-

рицы до присѣдающей японской куколки и холодной англійской леди! Недоставало тутъ лишь нѣмецкой „Гретхенъ“.

Но японецъ сказалъ:

— Мы говорили обо всѣхъ женщинахъ, кромѣ женщинъ вашей страны. Разскажите намъ что-нибудь о нѣмецкой женщинѣ!

Нѣмецкая женщина! Въ эту минуту Эрна сама, конечно, являлась ея представительницей. Разговоръ угрожалъ сдѣлаться неудобнымъ и рискованнымъ. Уже теперь она слышала съ противоположнаго конца стола громкое сопѣніе, которымъ сицильянецъ выражалъ свое волненіе и восхищеніе. Надо было принять мѣры къ возстановленію спокойствія.

— Я имѣю здѣсь только обязанности, но никакихъ мнѣній! — какъ можно естественнѣе постаралась сказать Эрна.—Нѣмецкія женщины, какъ большинство цвѣтовъ, распускаются пышнѣе всего тогда, когда ихъ оставляютъ въ покоѣ. Такъ мы и сдѣлаемъ и порадуемся, что женщины вашихъ странъ нашли себѣ у васъ такую милостивую оцѣнку. Можетъ быть, съ ихъ стороны вы нашли-бы другое.

— Что-же могутъ сказать противъ насъ женщины? — спросилъ одинъ изъ славянъ.

Эрна встала.

— Онѣ могли-бы сказать: „Вы любите и хвалите въ насъ наши недостатки! Вы ими восхищаетесь, потому что они дѣлаютъ насъ слабыми, а васъ сильными“! Но это предложеніе трудно понять вамъ, господа, — трудно въ грамматическомъ отношеніи. Поэтому мы займемся имъ послѣ! А теперь — извините... я съ ужасомъ вижу, что продержала васъ здѣсь лишнихъ пятнадцать минутъ!

Она слегка кивнула имъ головой на ихъ низкій поклонъ и вышла изъ комнаты. Она съ облегченіемъ вздохнула, словно камень скатился съ сердца, когда она шла черезъ переднюю къ себѣ. Вернувшись въ свою комнату, она провела рукой по глазамъ, какъ-бы желая прогнать сонъ.

Она дѣйствительно чувствовала себя такъ, словно заснула въ креслѣ и пробудилась среди звѣринца Меты. Но это былъ не сонъ, а дѣйствительность! По улицѣ шли ея экзотическіе ученики—французъ, поляки, чиліецъ, японецъ, негръ изъ Гаити, сициліанскій врачъ, который еще разъ снялъ передъ Эрной шляпу, бросивъ на нее жгучій взглядъ.

Сегодня она имѣла въ качествѣ учениковъ представителей цѣлаго полушарія. Въ первый разъ въ жизни она показала себя сегодня самостоятельной, въ первый разъ учила, а не училась только, въ первый разъ была въ обществѣ мужчинъ свободной, безъ всякой охраны и поддержки.

И все сошло очень хорошо. Японецъ увѣрялъ ее даже, что она можетъ поддерживать разговоръ лучше Меты.

Въ этомъ въ сущности не было ничего удивительнаго.

Тутъ сказывалось воспитаніе и салонная привычка весело болтать сразу съ нѣсколькими мужчинами.

Мета происходила изъ семьи незначительнаго чиновника. Она никогда не могла пріобрѣсти лоска свѣтской дамы. Все въ концѣ концовъ сводилось къ чувству такта.

Надо было понимать, какъ далеко зайти. Эрна презрительно пожала плечами. Она уже набралась храбрости и жалѣла теперь, что разсталась съ звѣринцемъ.

Но нельзя-же ей лишить уроковъ Мету, которая ими живетъ! Нельзя пріобрѣсти и новыхъ учениковъ и конкурировать съ подругой. Да это и нелегко было-бы. Надо имѣть деньги и время. А у нея не было ни того, ни другого. И все-таки на душѣ у нея было хорошо.

Эти два часа работы и скромнаго успѣха оживили въ ней юношескую энергію. Какъ-нибудь все устроится!

Она устроитъ свою жизнь, какъ и Мета...

Если профессоръ фонъ-Аррасъ рекомендуетъ ее преподавателямъ университета, знакомымъ семействамъ, то, благодаря обаянію его личности и его имени, ей окажутъ помощь всѣ тѣ, у кого она напрасно искала ея сегодня. Только первый шагъ труденъ! Но одно слово такого друга, какъ профессоръ фонъ-Аррасъ поможетъ больше, чѣмъ ея собственныя рѣчи.

Онъ долженъ помочь ей! Вѣдь онъ обѣщалъ ей это торжественно. Сегодняшній отказъ только несчастное недоразумѣніе. Она пришла не во-время.

Вдругъ она вскочила. На столикѣ, въ темномъ углу, лежало письмо. Его принесли, вѣроятно, когда она занималась съ „звѣринцемъ", — и горничная положила его, конечно, въ самомъ укромномъ уголкѣ. Она вскрыла его.

Въ большемъ конфертѣ оказалась лишь визитная карточка—„Профессоръ баронъ фонъ-Аррасъ". На оборотной сторонѣ было написано: „Уважаемая фрейлейнъ Бауэрнфейндъ! Къ сожалѣнію, я долженъ покинуть городъ сегодня-же вечеромъ. Поэтому мы больше не увидимся. Уѣзжая, желаемъ вамъ счастья, моя жена и вашъ"... Большая черта указывала, что продолженіе на лицевой сторонѣ.

Студентка, не вѣря себѣ, покачала головой и подошла къ окну, чтобы перечитать написанное още разъ при слабомъ свѣтѣ сумерекъ. Но невольно затуманившіеся отъ разочарованія и обиды глаза ея увидѣли тоже самое.

Кончено! Холодное прощальное письмо! А она такъ надѣялась найти въ профессорѣ друга! Такъ искренне вѣрила въ его помощь, которую вчера подъ вліяніемъ минутнаго настроенія онъ обѣщалъ ей. А сегодня утромъ отказъ, повторенный письменно въ дружескихъ, мягкихъ выраженіяхъ.

Эрна почувствовала, однако, что въ гнѣвѣ своемъ оказалась несправедливой къ профессору. Онъ вѣдь не зналъ, какое у нея неотложное дѣло. Третьяго дня она была у него съ письмомъ его друга, какъ богатая, элегантная свѣтская барышня, въ тотъ-же день онъ пригласилъ ее къ себѣ и ввелъ въ кругъ своей семьи, теперь-же, когда ему необходимо было ѣхать, онъ простился съ ней дружескими словами. Все это вышло очень корректно. На что она могла пожаловаться?

Но довольно безумствовать, питая увѣренность, что можно найти помощь у людей! Теперь Эрна видѣла, что нѣтъ дружбы, нѣтъ помощи ни отъ кого! Всѣ, даже лучшій изъ людей—спокойно предоставляли ее самой себѣ и шли своей дорогой.

Нѣсколько ничего незначущихъ фразъ и пустыхъ обѣщаній бросали ей, забавляясь тѣмъ, что по своей неопытности она принимала эти проявленія вѣжливости за чистую монету и строила на нихъ свою будущность. А она ходила къ чужимъ людямъ и выпрашивала у нихъ эту милостыню! Гордость ея была глубоко уязвлена. Послѣднее огорченіе превзошло всѣ прежнія! Никто не хотѣлъ знать ея! Прежде, не желая того, покоряла она сердца!

Теперь, когда денегъ не было, ея избѣгали тѣ, кто еще не зналъ о ея потерѣ. Можетъ быть, ей нужно было богатство и солнечный блескъ, чтобы плѣнять людей?

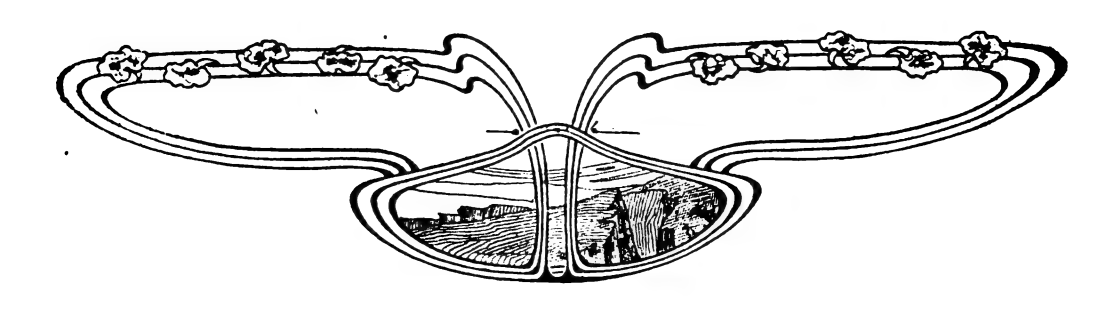
Бѣдность дѣлаетъ некрасивой, одинокой, печальной и прежде всего— Эрна при этой мысли сжала руки въ безсильномъ возмущеніи—бѣдность унижаетъ! Въ первый разъ въ жизни Эрна почувствовала, что ее оттолкнули, небрежно перешагнули черезъ нее. А это еще только начало новой жизни. Вѣроятно, такъ изо дня въ день потянется цѣпь все новыхъ и новыхъ униженій.

Плотно сжавъ губы, она смотрѣла на надвигающіяся сумерки. Подъ

окномъ кто-то прошелъ и вошелъ въ домъ. Она знала, что это Джонъ Генри ванъ-Леннепъ. Она сидѣла, усталая и разбитая, поджидая его, и машинально разрывала карточку, на которой стояло имя „профессора барона фонъ-Аррасъ".

Пер. съ нѣм. *В. М. Кондратьевой.*

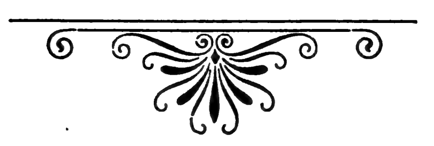
(Окончаніе въ слѣд. №-рѣ).

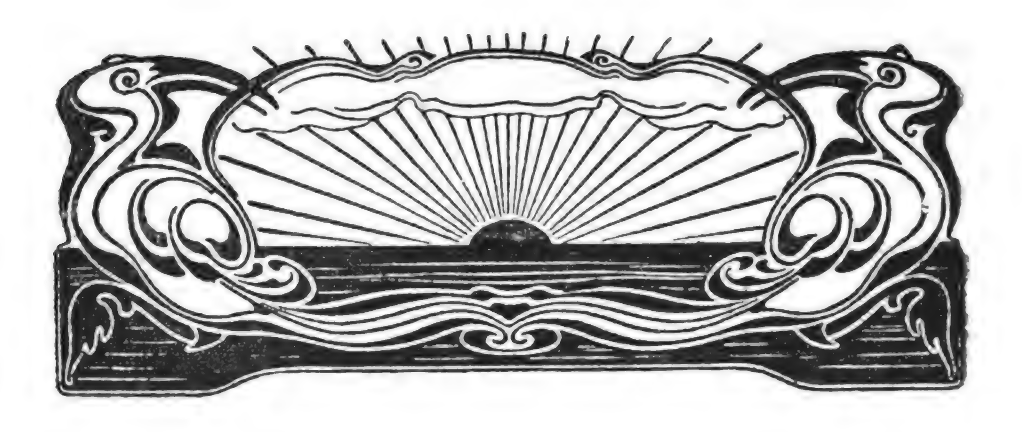


* * *

Не говорите мнѣ: удушливою мглою
На землю навсегда ненастье налегло,
Намъ той же жалкою и впредь идти тропою,
И все грядущее и пусто и мертво;
Святыня же любви ко всѣмъ земнымъ собратьямъ
Не озаритъ во всѣхъ холодныя сердца,
И люди, осквернивъ ихъ злобой и проклятьемъ,
Кровь также будутъ лить безъ мѣры и конца.
—Нѣтъ, не вотще въ душѣ живетъ святая вѣра,
И отвращенія порой прорвется крикъ,
Для сердца въ ней залогъ, что зла исчерпавъ мѣру,
Искупленъ будетъ міръ: предвѣчный Богъ великъ!

Борисъ Фуссъ.





Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Продолженіе).

Часть IV.

I. Нашествіе Поляковъ.—Баторій.—Столкновеніе.—Польская армія.—Войско Ивана. Взятіе Полоцка. — Поляки въ предѣлахъ Московскаго Государства. — Дипломатическая интермедія и осада Пскова.

Чистокровный венгерецъ по происхожденію, хорошаго дворянскаго рода, Стефанъ Баторій съ честью служилъ въ рядахъ императорской арміи, ловко работая въ то же время за дипломатическими кулисами. Поэтому на 38 году своей жизни онъ сталъ воеводой Трансильваніи, благодаря милостямъ султана и императора, которымъ онъ одинаково умѣлъ угодить. Въ Польшѣ почти не знали о немъ. Онъ слылъ за хорошаго администратора, но совершенно не зналъ польскаго языка и, послѣ избранія королемъ Польши, объяснялся со своими подданными не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ, или же молчалъ, что было еще лучше въ такой странѣ, гдѣ всѣ говорили черезчуръ много.

На Сеймѣ 1575 г. онъ являлся кандидатомъ султана противъ кандидата императора. Въ то время Польша стояла передъ дилеммой выбора между войной съ Турціей, при содѣйствіи Австріи, и войной съ Москвой, если не съ участіемъ, то во всякомъ случаѣ съ обезпеченной нейтральностью Порты. Но избиратели руководились совершенно иными мотивами: въ то время, какъ высшая аристократія страны держала сторону Максимиліана, мелкая шляхта, стоявшая сначала за Ивана, увидя, что послѣдній уклоняется отъ своей кандидатуры, стала стоять за Баторія, надѣясь увидѣть въ немъ *своего* короля, послушнаго слугу ихъ интересовъ, который будетъ управлять за одно съ ними,

или же они будутъ управлять помимо него, наперекоръ олигархіи магнатовъ. Но оказалось, что этотъ пришелецъ захотѣлъ быть королемъ надъ всѣми, и чего хотѣлъ, того умѣлъ достигнуть. Смерть императора оставила Баторія безъ конкуррентовъ; ему оставалось только выяснить отношенія съ королемъ Франціи Генрихомъ Валуа, что и удалось ему безъ труда. Бывшій Трансильваньскій воевода на первыхъ же порахъ выказалъ поразительную вѣрность взгляда и несравненное умѣнье управлять государствомъ.

Въ отношеніи наружности это былъ типичный мадьяръ, короткій и приземистый, скуластый, съ длиннымъ носомъ и низкимъ, широкимъ лбомъ; не любилъ наружнаго блеска и отличался полнымъ отсутствіемъ всякой элегантности и изящества, какъ въ обстановкѣ, такъ и въ манерахъ. Привыкшій жить просто, новый король не захотѣлъ измѣнить своихъ скромныхъ вкусовъ; онъ никогда не носилъ перчатокъ и никогда не соглашался надѣть чулки и башмаки, начинавшіе тогда входить въ моду.

Не отличаясь хорошимъ здоровьемъ, Баторій, прибывъ въ Польшу, никому не далъ замѣтить, что онъ давно страдаетъ тяжелой таинственной болѣзнью, которая привела его къ преждевременной кончинѣ. У Баторія была на лѣвой ногѣ никогда не закрывавшаяся язва и нѣсколько ранъ на тѣлѣ; но это не мѣшало ему проводить цѣлые дни на конѣ и доводить до изнеможенія своихъ секретарей, работая неустанно съ утра до глубокой ночи.

Нравственный обликъ его представляетъ собою самое странное сочетаніе властнаго, авторитетнаго духа и либерализма, грубаго насилія и нѣжности, мягкости и рѣзкости. Такъ, напр., онъ не задумался казнить непокорнаго магната, члена одной изъ первыхъ и вліятельныхъ фамилій страны, не смотря ни на просьбы, ни на угрозы окружающихъ; онъ отвѣчалъ имъ: „Canis mortuus non mordet„ (мертвый песъ не кусается). Съ непокорными казаками онъ поступалъ не лучше, чѣмъ самъ Грозный; самъ придумывалъ казни и пытки для нихъ, четвертуя и сажая на колъ. Но на ряду съ этимъ, Баторій очень мягко и деликатно, относился къ своему бывшему покровителю султану. Бывъ на половину протестантомъ въ Трансильваніи, онъ сталъ ярымъ католикомъ въ Польшѣ. Но въ своемъ королевствѣ онъ мечталъ быть полнымъ господиномъ и уже въ XVI вѣкѣ имѣлъ претензію ставить на одну доску старосту поляка и послѣдняго еврея, мечталъ о замѣнѣ кнута денежными штрафами и не разъ на полѣ сраженія дарилъ дворянство какому-нибудь солдату изъ крестьянъ.

Пренебрегая блескомъ и роскошью, которые онъ совершенно изгналъ отъ своего двора, новый король сразу всталъ въ ряды просвѣщеннѣйшихъ государей Европы: онъ былъ основателемъ Виленской Академіи, организаторомъ почты, создателемъ новой финансовой и судебной организаціи онъ сумѣлъ хоть на время вернуть Польшѣ, уже клонившейся къ упадку, прежній блескъ и славу. Онъ подготовилъ борьбу съ Москвой. Дальновидный король понималъ, что Польша, либеральная и цивилизованная, должна была или поглотить свою великую сосѣдку и навязать ей свою культуру и свой политическій режимъ, если не свою вѣру, или же быть поглощенною ею и покориться ея законамъ. Совмѣстное же существованіе этихъ двухъ крупныхъ славянскихъ государствъ было почти невозможно, по его мнѣнію.

Не будучи искуснымъ и талантливымъ полководцемъ, Баторій далъ польской арміи усовершенствованные образцы орудій, усовершенствованное вооруженіе кавалеріи, военную организацію казакамъ, создалъ въ 1576 г. королев-

скую гвардію, во всей Польшѣ постоянную армію, вооруженную, снаряженную и обученную по европейски. Наконецъ, три похода, которые привели его въ самое сердце Московскаго государства, съ точки зрѣнія спеціалистовъ, считаются прекрасно задуманными и блестяще выполненными.

Его главная и несомнѣнная заслуга заключается въ томъ, что онъ былъ вождемъ, одареннымъ способностями, вѣрнымъ чутьемъ и геніемъ главнокомандующаго, и сумѣлъ обезпечить себѣ и своему оружію всѣ возможныя выгоды и преимущества, какія только были мыслимы въ этой трудной борьбѣ съ его славянскимъ сосѣдомъ.

Оба соперника съ равнымъ рвеніемъ двинулись другъ на друга. Отославъ обратно двухъ пословъ, присланныхъ къ нему Баторіемъ послѣ его избранія, Иванъ, чтобы положить конецъ переговорамъ, которыми его соперникъ старался только оттянуть время,—предъявилъ ему невозможныя требованія; сначала потребовалъ себѣ Витебскъ, затѣмъ Кіевъ, вѣроятно, потребовалъ бы въ концѣ концовъ и Варшаву.

Въ мартѣ 1578 г. царь согласился подписать перемиріе на три года, но весной того же года поляки и русскіе уже дрались за обладаніе Венденомъ. Баторій, тотчасъ по восшествіи на престолъ, заручился расположеніемъ Швеціи и заключилъ съ ней наступательный и оборонительный союзъ противъ Московскаго царя. Хотя Иванъ послалъ въ Ливонію 18,000 войска, тѣмъ не менѣе поляки, подъ начальствомъ Сапѣги, и Шведы, подъ командою Боэ, разбили на голову войска Ивана. Уцѣлѣла только одна его татарская кавалерія и то потому только, что во время бѣжала съ поля сраженія. Когда въ Москву пришло это извѣстіе, конечно, нечего было уже и думать ни о перемиріи, ни о какихъ либо переговорахъ, а потому Иванъ отослалъ обратно къ Баторію его посла, наговоривъ ему, по своему обыкновенію, много дерзостей, чтобы отвести душу и упорно отказываясь титуловать Баторія „братомъ".

„Кто такой этотъ Баторій? Откуда онъ взялся? Кто слышалъ раньше о такомъ князѣ или государѣ?—иронически спрашивалъ Иванъ. — Что поляки избрали его своимъ королемъ, такъ это ихъ дѣло, но онъ, государь Божіею милостію, не можетъ признать его равнымъ себѣ и другимъ королямъ;—вѣдь хотѣли же поляки избрать Яна Костка, а кто онъ былъ этотъ Костка? Простой холопъ"! и т. д.

Одновременно съ посломъ Баторія, находившимся въ Москвѣ, послы Ивана находились въ Варшавѣ, и Баторій принялъ ихъ также, какъ принялъ Иванъ его пословъ. Послы Ивана возвратились въ Москву и доложили царю, что вся страна готовится къ войнѣ, что сеймъ утвердилъ громадные расходы на нужды войны и, хотя на самомъ дѣлѣ и половины нужной суммы не могли собрать съ народа, Баторій, не тратившій на себя и на свой дворъ ровно ничего, отчислилъ на военные расходы всѣ доходы своей королевской казны, кромѣ того, онъ сумѣлъ найти кредитъ за границей, а, найдя деньги, нашелъ и людей.

Польское родовитое дворянство давало своей родинѣ великолѣпную, лихую и блестящую кавалерію и, если вѣрить польскому историку Длюгозу (Dlugosz), то у Польши была уже съ начала XV вѣка и своя пѣхота, правда, вооруженная только копьями ипритомъ весьма малочисленная. Н Баторій перевооружилъ ее и увеличилъ втрое ея численность; всѣмъ крестьянамъ, добровольно поступавшимъ въ ряды арміи, онъ объявилъ полное освобожденіе отъ всякаго рода податей и налоговъ. Кромѣ того, у новаго польскаго кроля была еще венгерская пѣхотаи польская, обученная и вооруженная по венгерскому об-

разцу, затѣмъ пѣхота, набранная изъ польскихъ дворянъ; наконецъ, въ подкрѣпленіе ко всему этому, онъ имѣлъ еще наемныхъ нѣмцевъ и шотландцевъ, а также казаковъ и конныхъ стрѣлковъ, нѣмецкихъ и польскихъ.

Удивительно, что не смотря на нѣкоторыя сепаративныя тенденціи, Литва или, по крайней мѣрѣ, литовское дворянство, на половину еще русское и православное, было всей душой за Баторія въ этой войнѣ.

Только въ артиллеріи у Баторія чувствовался большой недостатокъ и, не смотря на всѣ его усилія, ему съ трудомъ удалось въ 1580 г. собрать 73 человѣка артиллеристовъ, изъ которыхъ уже въ послѣдующемъ году осталось всего 20.

Во всякомъ случаѣ Баторію надо было имѣть много рѣшимости, чтобы отважиться на то, что онъ рѣшился сдѣлать, т. е. перенести войну съ Иваномъ изъ Ливоніи, уже совершенно истощенной и разгромленной, въ предѣлы царства Московскаго. Еще Сигизмундъ-Августъ призналъ, что ключъ къ прибалтійской Ливоніи надо искать въ Москвѣ, а Баторій понялъ, что въ Ливоніи непріятельскія арміи, попеременно одерживая призрачныя побѣды, никогда не достигнутъ ничего серьезнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отлично сознавалъ и то, что въ этомъ дѣлѣ Польша не можетъ разсчитывать ни на чью помощь, что Шведскій союзъ ограничивался предѣлами Ливоніи; такъ и случилось. Данія также поспѣшила уклониться отъ своихъ обязательствъ по отноше- къ Польшѣ, и отношенія ея къ Москвѣ изъ враждебныхъ вдругъ стали миролюбивыми. Когда же Баторій сообщилъ о своемъ планѣ великому визирю, тотъ отвѣчалъ, что въ цѣломъ мірѣ тягаться съ царемъ Московскимъ можетъ только одинъ султанъ, а султанъ въ данномъ случаѣ рѣшилъ оставаться нейтральнымъ.

Однако, очевидно, Баторій и не разсчитывалъ на постороннюю помощь.

Прежде, чѣмъ дать заговорить пороху и ядрамъ, истрачено было не мало чернилъ и бумаги; еще до объявленія войны Баторіемъ было сдѣлано подробное изложеніе цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, долженствовавшихъ служить какъ бы оправданіемъ этой войны, самое объявленіе которой, по приказанію Баторія, было отпечатано на нѣсколькихъ языкахъ: польскомъ, русскомъ, венгерскомъ, нѣмецкомъ, и сопровождалось еще другимъ манифестомъ, чрезъ который король Стефанъ разсчитывалъ заручиться сочувствіемъ какъ внѣ, такъ и внутри своего государства. Справедливость требуетъ сказать, что никогда еще до того времени ни одинъ монархъ въ подобномъ манифестѣ не выказалъ такого великодушія и такихъ высоко-гуманныхъ чувствъ по отношенію къ мирному населенію вражеской страны.

Всякаго рода насиліе и грабежъ строго воспрещались и наказывались, буйства и распутства подвергались неуклонному взысканію. Всѣ факты и малѣйшія подробности войны были опубликованы. Ничего подобнаго еще не было видано въ другихъ войнахъ. Въ то же время по отношенію къ политическимъ статьямъ, періодически появлявшимся въ нѣмецкахъ газетахъ и съ жадностью читавшимся публикой, Баторій счелъ нужнымъ усилить строгость цензуры, доведя кары, согласно нравамъ того времени до смертной казни включительно, за злонамѣренныя и злорѣчивыя или умышленно искаженныя или ложныя вѣсти и памфлеты на военныя дѣйствія или распоряженія короля.

Во все время войны Баторій лично подавалъ своимъ войскамъ примѣръ скромности и воздержанія, зачастую ночуя на соломѣ или на сѣнѣ и обѣдая на простой деревянной скамьѣ безъ скатерти, питаясь общей сол-

датской пищей, раздѣляя со своимъ войскомъ всѣ трудности похода и поддерживая въ солдатахъ духъ богобоязненности и доблестное мужество. Однако, сдерживать хищническіе и дикіе порывы своего разнороднаго войска и ему было не легко; временами ихъ необузданныя натуры не подчинялись никакимъ требованіямъ и законамъ высокой гуманности ихъ вождя; но это были лишь исключительные единичные случаи, совершенно неизбѣжные при тогдашнихъ условіяхъ.

Что же касается войскъ московскаго царя, то эта армія представляла собою нѣчто совершенно отличное отъ арміи Баторія.

Узнавъ о намѣреніяхъ Баторія, Грозный съ своей стороны хотѣлъ вступить въ союзъ съ Императоромъ, затѣмъ съ ханомъ, но ему это не удалось, и оба противника остались только при своихъ силахъ. При первомъ извѣщеніи о наступленіи Поляковъ, Иванъ приказалъ сосредоточить свои главныя силы близъ Новгорода и Пскова.

Относительно цифры этихъ войскъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ данныя относительно этого крайне противорѣчивы, Но, повидимому, силы Ивана превосходили численностью армію Баторія. Однако, это еще вовсе не обѣщало перевѣса надъ врагомъ, такъ какъ совершенно истощенная, раззоренная страна не могла вынести продолжительной войны, и, не смотря на свое численное превосходство, армія Ивана противъ Европейской арміи Баторія, прекрасно вооруженной и обученной, не могла устоять, не смотря на беззавѣтную храбрость, отчаянное упорство и героическую самоотверженнось своихъ вождей. Это прекрасно сознавалъ и самъ Иванъ, хотя и не былъ вовсе солдатомъ, какъ это видно изъ всего предыдущаго; встать во главѣ своихъ войскъ и двинуть ихъ лично на Баторія ему и въ голову не приходило; да это и было противъ традицій царей Московскихъ съ самыхъ временъ легендарнаго героя Дмитрія Донского. Московскіе князья всегда считали себя болѣе администраторами, нежели военачальниками, и ввѣряли начальство надъ ратями воеводамъ, а сами запирались въ Кремлѣ или чаще всего бѣжали изъ столицы куда нибудь въ безопасное мѣсто, предоставляя своимъ воеводамъ отстаивать городъ, какъ тѣ умѣли.

Кромѣ того, въ данномъ случаѣ Иванъ ошибся въ намѣреніяхъ своего врага: онъ разсчитывалъ, что Баторій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, двинется на Ливонію, а когда ему стало извѣстно, что тотъ идетъ на Полоцкъ, было уже поздно, чтобы предпринять что-либо серьезное для защиты города.

Что же касается мысли преградить полякамъ путь, то Иванъ даже не думалъ объ этомъ. Сознавая всѣ слабыя стороны своего войска, Грозный сразу рѣшился держаться системы пассивнаго сопротивленія, перемежающагося разными дипломатическими переговорами и препирательствами, разсчитывая изнурить и ослабить поляковъ продолжительной осадной войной, въ которой превосходная артиллерія и знаменитая терпкость, выносливость и упорство русскихъ должны взять перевѣсъ. И, дѣйствительно, то была почти сплошь осадная война. Однако, несомнѣнный геній и счастливая звѣзда Баторія восторжествовали надъ всѣми мудрыми стратегическими разсчетами и тонкой дипломатіей Ивана.

При осадѣ Полоцка гарнизонъ держался по обыкновенію упорно и мужественно, но, по прошествіи трехъ недѣль, не видя ни откуда помощи, городъ принужденъ былъ сдаться. Отъ сдачи отказались только самые отчаянные храбрецы: епископъ Кипріанъ съ нѣсколькими десятками бояръ заперся въ храмѣ Св. Софіи, и поляки принуждены были взять ихъ силой.

Взятіе Полоцка было великимъ торжествомъ для Баторія, тѣмъ болѣе, что почти одновременно онъ взялъ Соколъ, а князь Константинъ Островскій занялъ мѣстность Новгорода Сѣверска вплоть до Стародуба; староста Орши, Кмита, захватилъ Смоленскъ. Иванъ не сопротивлялся и бѣжалъ изъ Новгорода въ Псковъ, а оттуда, какъ истый восточный падишахъ, сталъ заводить переговоры съ Радзивилломъ и Воловичемъ, предлагая имъ склонить Баторія къ миру. Баторій съ своей стороны, чувствуя потребность въ временномъ затишьи для того, чтобы собраться съ новыми силами для продолженія войны, довольно охотно позволилъ склонить себя къ подобнаго рода переговорамъ. На высказанное Иваномъ желаніе увидать у себя пословъ Баторія послѣдній объявилъ, что не ему теперь посылать пословъ въ Москву,—и царь увидѣлъ себя вынужденнымъ посбавить спѣси по отношенію къ Польшѣ. Теперь онъ готовъ былъ даже сдѣлать первый шагъ къ примиренію, лишь бы только избѣжать новаго похода Баторія на его земли, и не долго медля, отправилъ пословъ въ Варшаву. Но прежде, чѣмъ это посольство успѣло сдѣлать половину пути, ему стало извѣстно, что Баторій выступилъ изъ Вильны во главѣ своего войска и пошелъ на Москву.

Взятіе Полоцка еще не затрагивало, собственно говоря, территоріи Московскаго государства; это было, въ сущности, не болѣе, какъ возвращеніе Польшѣ того, что было еще не такъ давно отнято у нея, но теперь Баторій задумалъ проникнуть въ самое сердце непріятельской земли и двинулся прямо на Великія Луки, служившія Москвѣ базой почти всѣхъ ея военныхъ дѣйствій и складочнымъ мѣстомъ для военныхъ запасовъ.

Здѣсь короля ожидало московское посольство. Царь долгое время колебался, не зная, на что ему рѣшиться, но, получая все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти съ театра войны, увидѣлъ себя вынужденнымъ идти на уступки. Онъ предложилъ Баторію Курляндію, никогда не принадлежавшую Москвѣ, на которую самъ не имѣлъ никакихъ правъ, и еще 65 городовъ въ Ливоніи, весьма хитро выбранныхъ изъ общаго числа таковыхъ, а себѣ оставлялъ остальные 35 городовъ; взамѣнъ этихъ уступокъ, царь требовалъ немедленнаго снятія осады съ Великихъ-Лукъ и аудіенціи своему посольству на польской территоріи, такъ какъ царь не могъ согласиться вести переговоры на своей землѣ. Но Баторія не легко было обойти; онъ съ своей стороны тоже умѣлъ заявлять свои требованія. На этотъ разъ онъ требовалъ не только всю Ливонію, безъ всякихъ исключеній, но и Великія-Луки, и Смоленскъ. Переговоры затянулись, а тѣмъ временемъ Замойскій, одинъ изъ лучшихъ военачальникамъ Баторія, усиленно осаждалъ городъ. Наконецъ, гарнизонъ принужденъ былъ капитулировать; въ то время, какъ обсуждались условія капитуляціи, буйные и непокорные венгерцы не выдержали: въ надеждѣ на богатую добычу, они ворвались въ городъ и предали все живое огню и мечу, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни старцевъ, ни монаховъ.

Вслѣдъ за этимъ князь Хилковъ со своимъ отрядомъ былъ также на голову разбитъ польской и венгерской кавалеріей, Невель капитулировалъ, а за нимъ, въ непродолжительномъ времени, сдались одинъ за другимъ Озерище, Подсошъ и Заволочье. Такимъ образомъ цѣлый рядъ русскихъ городовъ очутился во власти поляковъ. Послѣдніе скоро поэтому вернулись на свои зимнія квартиры, Литовцы же продолжали вторгаться въ предѣлы Московскаго государства и въ свою очередь захватили Холмъ, сожгли старую Руссу и проникли даже въ Ливонію, гдѣ, при содѣйствіи Магнуса, завладѣли Дерптомъ.

Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, не зѣвали и шведы, и въ ноябрѣ 1580 г. Понтусъ-де-ла-Гарди взялъ Кексгольмъ, послѣ сраженія, въ которомъ погибло до 2,000 русскихъ; осадилъ Падисъ, въ шести миляхъ отъ Ревеля, и, наконецъ, взялъ городъ приступомъ. А въ Ливоніи, куда затѣмъ устремился Понтусъ-де-ла-Гарди, онъ заставилъ капитулировать Везенбергъ.

Тѣмъ временемъ Баторій готовился къ третьему походу на Москву. По его слѣдамъ шла армія іезуитовъ со своею пропагандой, покоряя населеніе подъ знамена католичества. Все это видѣлъ и сознавалъ Иванъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ свое безсиліе противъ врага, отлично сознавая, что не его плоховооруженнымъ и плохо обученнымъ дружинамъ тягаться съ образцовою, дисциплинированной арміей Баторія; единственное спасеніе онъ видѣлъ только въ дипломатическихъ переговорахъ. Ссылаясь на то, что „Батуръ"— Иванъ умышленно искажалъ имя Баторія и всегда избѣгалъ именовать его королемъ польскимъ,—союзникъ Султана, Царь просилъ вмѣшательства Папы, но, конечно, результатовъ этой просьбы нельзя было ожидать въ очень близкомъ времени, а потому, чтобы протянуть срокъ, Иванъ слалъ посольство за посольствомъ къ Баторію, соглашаясь на все большія уступки. Но Баторій категорически заявилъ, что пусть ему уступятъ всю Ливонію или же онъ будетъ продолжать войну. Царь видѣлъ, что придется уступить, и написалъ Баторію письмо, гдѣ, впервые назвавъ его „братомъ", извѣщалъ о новомъ посольствѣ. Посланнымъ же своимъ онъ наказалъ терпѣливо и покорно сносить всякое обращеніе, *даже побои*, и предложить Баторію всю Ливонію, за исключеніемъ всего только 4 городовъ. При этомъ Иванъ такъ торопилъ своихъ пословъ, что они прибыли въ Вильну, гдѣ ихъ обѣщалъ принять Баторій, за долго до назначеннаго срока. Когда тѣ были приняты королемъ, то послѣдній уже сталъ требовать не только всю Ливонію, но и Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ, да еще сверхъ того 400,000 червонцевъ контрибуціи за военныя издержки.

Но вотъ Папа согласился вмѣшаться въ это дѣло и послалъ іезуита Поссевино; одно присутствіе его стоило для Ивана цѣлой арміи: Если Римъ высказался бы противъ продолженія войны, то Польшѣ оставалось только покориться его волѣ подъ страхомъ громовъ Ватикана. А Папа мечталъ о подчиненіи Москвы католицизму, и потому въ его разсчетахъ было явиться впередъ нею въ качествѣ умиротворителя и спасителя.

Однако, и Иванъ былъ тонкій дипломатъ. Догадавшись о сочувствіи папы, онъ тотчасъ же измѣнилъ тонъ по отношенію къ Баторію. Теперь уже Иванъ не соглашался удовольствоваться 4 городами въ Ливоніи, а намѣренъ былъ удержать 36 городовъ, въ томъ числѣ Нарву и Дерптъ. Къ сожалѣнію, царь ошибся относительно важности полномочій Поссевино, роль котораго не выходила изъ предѣловъ примирителя. А у Баторія пропала охота къ переговорамъ, и, хотя онъ принималъ во вниманіе вмѣшательство Рима и въ виду этого отказался отъ контрибуціи и требованія уничтоженія всѣхъ пограничныхъ крѣпостей, но, видя, что посланные Ивана вдругъ измѣнили условія, ранѣе предложенныя царемъ, Баторій заявилъ, что идетъ войной на Москву уже не за Ливонію, а за все царство Московское, и на послѣднее посланіе Ивана отвѣчалъ ему крайне оскорбительнымъ письмомъ, упрекая его въ кровожадности, звѣрствахъ и безпутствѣ, и даже въ подлой трусости: „Курица и та защищаетъ своихъ цыплятъ отъ коршуна и ястреба,—писалъ Баторій,—а ты, двух-

головый орелъ, прячешься отъ насъ"! За этимъ слѣдовалъ вызовъ на единоборство, могущій показаться намъ теперь забавнымъ. Но въ то время бывали примѣры такихъ поединковъ.

Надо-ли говорить, что Иванъ не принялъ этого вызова и продолжалъ по-прежнему прятаться отъ врага и опасности? Обезсиленный, съ истощенной казною и деморализованными боярами, что могъ теперь сдѣлать онъ? Все же, предвидя, что Баторій обратитъ теперь главныя свои силы на Псковъ, Царь сумѣлъ сосредоточить въ немъ сильный гарнизонъ, сильную артиллерію и достаточное количество боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ и теперь могъ разсчитывать, что поляки на долго будутъ задержаны здѣсь; кромѣ того, на помощь защитникамъ Пскова вскорѣ явилась всегдашняя вѣрная союзница Москвы во всѣхъ ея оборонительныхъ войнахъ—зима.

У Баторія между тѣмъ начались препирательства съ сеймомъ. Все, что только король могъ урвать отъ себя, онъ до послѣдней копѣйки отдалъ на нужды войны. Но этого скоро стало мало. Сеймъ же сталъ отказывать въ новыхъ кредитахъ. Только послѣ долгихъ споровъ рѣшено было отчислить на войну въ теченіе еще одного года извѣстную часть государственныхъ доходовъ, но подъ условіемъ, что война должна быть непремѣнно окончена въ теченіе этого года, да и эти деньги поступали въ королевскую войну съ большимъ трудомъ, такъ что пришлось заложить коронныя драгоцѣнности. Вскорѣ на Диснѣ произошла новая задержка: оказался недостатокъ въ людяхъ; подлежащіе набору не явились къ назначенному сроку, а между тѣмъ до Баторія дошли слухи, что у Можайска концентрировался сильный отрядъ русскихъ, который проникъ въ Литву со стороны Смоленска и раззорилъ всю мѣстность между Оршей и Могилевомъ. Къ 15 Іюлю только прибылъ Баторій въ Полоцкъ и 29, послѣ смотра своихъ войскъ въ Заволочьѣ, собралъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено вслѣдствіе поздняго времени года двинуться не на Новгородъ, какъ предполагалось раньше, а прямо на Псковъ.

Изъ переписки Баторія видно, что онъ рѣшилъ примириться со всѣми случайностями зимняго похода и взять Псковъ или принудить Ивана подписать миръ. Понятно, для того, чтобы вернуть себѣ Псковъ, царь согласится уступить Польшѣ Ливонію, а, такъ какъ, благодаря вмѣшательству Рима, король былъ принужденъ удовольствоваться этимъ и не требовать ничего болѣе, то можно было разсчитывать, что Иванъ помирится съ этимъ.

Защита Пскова была поручена двумъ князьямъ Шуйскимъ, Василію Федоровичу и Ивану Петровичу. По словамъ современныхъ хроникеровъ, гарнизонъ держался смѣло и производилъ частыя и успѣшныя вылазки, пользуясь полнымъ сочувствіемъ и поддержкой населенія; по другимъ же источникамъ, только энергія и геройскій духъ Шуйскихъ мѣшали черни настаивать на капитуляціи города. Городъ былъ превосходно укрѣпленъ, и польская армія по численности своей, а, главное, по не значительной силѣ своей артиллеріи въ сущности была далеко не достаточно велика для правильной осады его, и потому Баторій рѣшилъ взять его изморомъ, т. е. голодомъ. Недостатокъ пороха и денегъ, а также позднее время года,—все это какъ будто соединилось вмѣстѣ, чтобы разрушить смѣлые планы и тонкіе разсчеты Баторія, только геніальный умъ и тотъ размахъ, который онъ успѣлъ уже пріобрѣсти, давали ему еще нѣкоторые шансы на успѣхъ.

Первый приступъ поляковъ былъ блистательно отраженъ гарнизономъ Пскова, при чемъ осаждающіе потерпѣли сильныя потери, а такъ какъ въ боевыхъ припасахъ у послѣднихъ оказался недостатокъ, то вторич-

наго штурма города долгое время нельзя было предпринять. Осажденные стали смѣяться надъ осаждающими и вышучивать. „Что же вы не стрѣляете?—кричали они.—Неужели вы думаете, взять городъ, если у васъ нечѣмъ зарядить пушекъ, или вы думаете, что стѣны наши рухнутъ оттого, что вы будете глаза пялить на нихъ"?

Въ концѣ октября польская армія замѣтно стала рѣдѣть отъ голода, холода и разныхъ заболѣваній. Баторій увидѣлъ себя вынужденнымъ лично отправиться въ Варшаву, чтобы добиться отъ сейма новой ассигновки на нужды войны, и предоставилъ главное начальство надъ войскомъ Замойскому. Третьяго ноября, когда изъ Риги прибылъ новый транспортъ боевыхъ припасовъ, поляки еще разъ штурмовали городъ, но опять-таки безуспѣшно. Многіе историки склонны превозносить боевые таланты Замойскаго въ ущербъ королю, но въ сущности Замойскій являлся только исполнителемъ плана, составленнаго Баторіемъ, который въ концѣ-концовъ долженъ былъ оправдать себя, какъ предвидѣлъ король. И дѣйствительно, планъ короля началъ было оправдываться: запасы, припасенные Иваномъ во Псковѣ, понемногу начинали истощаться. Поляки перехватили письмо Шуйскаго къ царю, въ которомъ доблестный воевода говорилъ, что городъ долго продержаться не можетъ, если не получитъ помощи и подкрѣпленія извнѣ. Правда, захваченные нѣсколько дней спустя два боярина изъ гарнизона Пскова дали полякамъ совершенно иныя показанія; они завѣряли, что хлѣба и всякихъ крупъ въ волю, но что мясо уже на исходѣ. Какія изъ этихъ свѣдѣній были вѣрнѣе, трудно рѣшить, такъ какъ въ это же время уполномоченные Баторія съ одной стороны и уполномоченные Ивана съ другой уже съѣзжались въ Ямъ-Запольскомъ для переговоровъ о мирѣ при посредничествѣ Іезуита Поссевино...

II.—Римъ и Москва.—Миссія Шеврыгина.—Папское вмѣшательство. —Ямъ-Запольское перемирье.—Поссевино въ Москвѣ. — Послѣ перемирія.

Отправленіе русскаго посла Шеврыгина въ Римъ было для того времени совершенно безпримѣрнымъ событіемъ. Раньше всѣ авансы всегда дѣлались Римомъ, а Польша всегда старалась стать поперекъ дороги всѣмъ этимъ попыткамъ папскаго двора. Посланники папы Пія IV-го Джиральдини и Бонифачіо были задержаны хитростью въ Польшѣ предшественникомъ Баторія; въ 1570 г. папскій нунцій въ Польшѣ также пытался стать посредникомъ между Иваномъ и Сигизмундомъ-Августомъ для образованія христіанской лиги противъ Турецкаго Султана. Но до его свѣдѣнія было доведено, что какъ разъ въ это время посланный Ивана въ Константинополѣ предлагалъ Султану дружбу своего господина. Въ 1576 г. была сдѣлана еще новая попытка сближенія Римскаго двора съ Москвой, но Польша и теперь не зѣвала и въ послѣдній моментъ, благодаря проискамъ послѣдней, Императоръ Максимиліанъ воспротивился отъѣзду избраннаго папой посредника въ Россію.

Теперь царю удалось обойти всѣхъ своихъ завѣстниковъ, и онъ неожиданно сдѣлалъ первый шагъ, и шагъ весьма удачный, такъ какъ поручилъ Шеврыгину предложить папѣ лигу противъ Турціи, т. е. именно то, чего такъ упорно добивался Римъ, но подъ условіемъ, что Римскій дворъ съ своей стороны будетъ способствовать и даже, въ случаѣ надобности, прямо потребуетъ мира отъ Баторія.

Отправляясь въ Римъ, Шеврыгинъ даже не зналъ о существованіи дожа въ Венеціи и считалъ самую Венецію частью папскихъ владѣній, но по пути къ нему присоединились двое товарищей, одинъ нѣмецъ, другой итальянецъ, и склонили его явиться къ

дожу съ письмомъ отъ царя, приготовленнымъ ими же самими, какъ полагаютъ одни, или составленнымъ ихъ сотоварищами въ Римѣ. Здѣсь посолъ туманно намекалъ на возможность торговыхъ сношеній съ Москвой, на водяной путь черезъ Каспій и Волгу, и, проболтавшись относительно тяжелаго безвыходнаго положенія Ивана въ данное время, поспѣшилъ уѣхать въ Римъ.

Здѣсь онъ удостоился такого почета, какого въ сущности, по своему званію простого „гонца", даже не заслуживалъ. Только когда онъ предъявилъ на этотъ разъ уже подлинное письмо Ивана, то при Римскомъ дворѣ къ нему нѣсколько охладѣли. Дѣло въ томъ, что Иванъ выражалъ желаніе, чтобы Папа принудилъ Баторія заключить съ нимъ миръ и воспротивился слишкомъ тяжелымъ условіямъ этого мира,—а самъ, съ своей стороны, не предлагалъ ничего. Но тѣмъ не менѣе случай завязать сношенія съ далекой Москвой казался все таки настолько заманчивымъ, что рѣшено было отправить въ Москву посредника, который бы окончательно выяснилъ условія данной задачи. Союзъ религіозный прежде всего, затѣмъ политическое соглашеніе, такова была задача Рима. Въ рукахъ ловкаго Поссевино, для котораго политическіе вопросы были несравненно важнѣе религіозныхъ, эта задача какъ то незамѣтно видоизмѣнилась, и вскорѣ всѣмъ стало ясно, что лига противъ Ислама была ничто иное, какъ простая химера, что у каждой изъ странъ были свои болѣе близкіе и болѣе насущные интересы. Римъ и Москва пользовались теперь этой фантастической лигой, какъ предлогомъ, за которымъ они болѣе или менѣе удачно скрывали свои настоящія цѣли и соображенія.

Въ результатѣ оказалось, что Шеврыгинъ, самъ того не сознавая, достигъ такихъ результатовъ, какихъ отъ него даже и не ожидали. Этотъ дикарь, котораго никакія чудеса Рима не поражали, который равнодушно, почти презрительно относился къ великолѣпнымъ религіознымъ торжествамъ и остался недовольнымъ драгоцѣнными дарами папы, этотъ неучъ не только осуществилъ то сближеніе, надъ которымъ столько трудилась Польша и ловкіе польскіе дипломаты, но еще повернулъ это сближеніе съ Римомъ противъ нихъ.

Напрасно Баторій одерживалъ побѣду за побѣдой, Римъ и Москва теперь могли стереть ихъ однимъ взмахомъ пера,—и для этого царскій посолъ, простой гонецъ, ничѣмъ не польстилъ надеждѣ папскаго престола, не обѣщалъ никакихъ религіозныхъ прерогативъ въ Россіи, словомъ, не сдѣлалъ рѣшительно никакихъ заманчивыхъ предложеній или обѣщаній. „По всему видно, что Иванъ обратился къ папѣ, побуждаемый не добрымъ къ нему расположеніемъ, а добрыми ударами, наносимыми ему Баторіемъ",—писалъ кардиналъ Калачири, тѣмъ не менѣе Шеврыгинъ уѣхалъ изъ Рима въ сопровожденіи папскаго уполномоченнаго Поссевино. На пути въ Россію они заѣхали вмѣстѣ въ Венецію, но тутъ имъ не удалось достигнуть особенно блестящихъ результатовъ, такъ какъ дожъ откровенно заявилъ, что не вѣритъ ни въ какія лиги. Въ Прагѣ результаты дипломатическихъ ухищреній Поссевино и Шеврыгина также не привели ни къ чему, и отсюда союзники разошлись: Шеврыгинъ поѣхалъ на Любекъ, а іезуитъ Поссевино направился въ Вильну, чтобы приступить къ исполненію своей роли посредника—примирителя.

Въ польскомъ лагерѣ Поссевино былъ встрѣченъ довольно холодно, такъ какъ Баторій за послѣднее время имѣлъ основаніе относиться съ недовѣріемъ къ Римской политикѣ. Но когда задержки въ деньгахъ и военныхъ припасахъ начали давать себѣ чувствовать, Баторій

оказался нѣсколько болѣе податливымъ, тѣмъ болѣе, что въ польскомъ лагерѣ уже громко начинали заговаривать о мирѣ. Когда, въ концѣ іюля 1581 г., Поссевино пустился въ путь, чтобы продолжать возложенное на него дѣло посредничества, въ переговорахъ съ Иваномъ симпатіи и сочувствіе большинства поляковъ были уже на сторонѣ іезуита.

Наконецъ, 20 августа посланный папы удостоился предстать предъ ясныя очи царевы въ Старицѣ, гдѣ тогда находился Иванъ. Чтобы заручиться расположеніемъ царя, римскій дворъ позаботился не только снабдить своего представителя папскимъ письмомъ къ самому царю, но еще и собственноручнымъ посланіемъ папы къ царицѣ Анастасіи, которую Святѣйшій Отецъ именовалъ „своею возлюбленной дочерью", не зная, что она давно уже умерла, и царь Иванъ послѣ того успѣлъ перемѣнить многихъ женъ. Дары, присланные папой Ивану, были по истинѣ великолѣпны,—и царь благоволилъ выразиться о нихъ что „они достойны того, кто ихъ посылаетъ".

Задача Поссевино была крайне трудная и сложная, даже и для такого искуснаго и опытнаго дипломата, какимъ былъ онъ. Сговориться съ царемъ было не такъ то легко; на его ясно изложенные вопросы и желанія Папы царь поручилъ отвѣтить 6 своимъ приближеннымъ, которымъ даны были строжайшія инструкціи самимъ царемъ, причемъ каждому изъ этихъ 6 лицъ было поручено касаться исключительно только одного указаннаго ему пункта задачи, не касаясь остальныхъ. Затѣмъ канцелярія Ивана обобщала всѣ эти пункты, редактировала ихъ, дополняла или сокращала и предоставляла на усмотрѣніе и одобреніе самого царя.

Въ результатѣ получилось такое смѣшеніе, въ которомъ совершенно невозможно было разобраться. Эта процедура длилась томительно долго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на общую туманность и запутанность отвѣтовъ, Поссевино стало ясно, что царь предъявлялъ теперь несравненно большія требованія, чѣмъ раньше, и замѣтно шелъ на попятный въ своихъ уступкахъ, почувствовавъ за собою силу, благодаря вмѣшательству Папы.

И вотъ, по прошествіи цѣлаго мѣсяца, Поссевино долженъ былъ убѣдиться, что онъ здѣсь только даромъ теряетъ время. Что касается требованій Папы, заключавшихся въ разрѣшеніи царя строить повсюду католическія церкви и основать постоянную резиденцію іезуитскому ордену въ самой Москвѣ, то Иванъ вѣжливо, но рѣшительно отказалъ, заявивъ, что согласенъ поддерживать постоянныя дружескія сношенія съ Римомъ и готовъ предоставить свободный проѣздъ черезъ свое государство всѣмъ папскимъ посланнымъ, отправляющимся въ Персію. При этомъ прозрачными намеками давалось понять, что, по заключеніи мира, можно будетъ надѣяться и на большее.

Видя, что ничего больше онъ здѣсь въ настоящее время не добьется, Поссевино въ срединѣ сентября рѣшилъ вернуться въ Польскій лагерь. Этого-то именно и желалъ Иванъ. Прощаясь съ Папскимъ легатомъ, царь сказалъ ему: „Ты поѣдешь теперь къ королю Стефану и свезешь ему поклонъ отъ меня, а послѣ, выговоривши намъ миръ, согласно повелѣнію Папы, вернешься къ намъ: твое присутствіе всегда будетъ пріятно намъ, какъ по расположенію нашему къ тому, кто тебя прислалъ, такъ и по той причинѣ, что ты выказалъ полное усердіе въ дѣлахъ нашихъ". Онъ приглашалъ іезуита на службу къ себѣ и съ охотой принялъ бы его на жалованіе, еслибы только тотъ согласился. Такъ какъ воля Папы была, чтобы миръ былъ заключенъ согласно желанію царя, то надо бы-

ло во что бы то ни стало угодить Ивану, а Иванъ ни на іоту не подавался въ своихъ требованіяхъ.

Прибывъ въ лагерь подъ Псковомъ, Поссевино добросовѣстно сообщилъ полякамъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его пребыванія при дворѣ Ивана, и также добросовѣстно сообщилъ Ивану о положеніи дѣлъ въ польскомъ лагерѣ, подъ Псковомъ, умышленно нѣсколько преувеличивая блестящее положеніе осаждающихъ и вѣроятную близость ихъ торжества, вѣроятно, съ цѣлью сдѣлать Ивана менѣе требовательнымъ. Но царю, конечно, и безъ Поссевино прекрасно было извѣстно положеніе польской арміи, а такъ какъ все, что онъ писалъ, подтверждалось и другими источниками, то царь началъ думать, что дѣйствительно нѣсколько преувеличилъ значеніе папскаго вмѣшательства, и сталъ податливѣе. Чуя, что сила все же на сторонѣ Баторія, онъ согласился теперь отказаться отъ Ливоніи при условіи, что вся долина рѣки Великой останется за нимъ и что никакихъ обязательствъ по отношенію къ Швеціине будетъ включено въ договоръ. Часть Ливоніи находилась въ настоящее время въ рукахъ Швеціи, но Иванъ разсчитывалъ въ будущемъ отнять ее у Шведовъ, а удержавъ за собою долину рѣки Великой, сохранить на своей сѣверо-западной границѣ цѣлый рядъ крѣпостей, составлявшихъ прекрасную оборонительную линію, подъ защитой которой онъ могъ подготовить въ недалекомъ будущемъ блестящій реваншъ.

Съ точки зрѣнія стратегической это была удивительно удачная комбинація, тѣмъ не менѣе все же это была уступка. Поссевино же воспользовался этимъ, чтобы доказать Баторію, что такъ какъ онъ велъ войну изъ-за Ливоніи, а царь соглашался теперь уступить ее ему, то, слѣдовательно, цѣль войны была достигнута, и потому король не могъ уже отказаться заключить мирный договоръ и также не могъ отказаться отъ посредничества Поссевино.

И вотъ въ половинѣ ноября въ Ямъ-Запольскомъ въ мѣстечкѣ, расположенномъ между Заволочьемъ и Порховомъ, состоялся съѣздъ уполномоченныхъ съ той и другой стороны, при посредничествѣ папскаго легата, роль котораго въ данномъ случаѣ была весьма незавидная, такъ какъ въ продолженіи всего времени переговоровъ Русскіе обвиняли его въ томъ, что онъ будто бы за одно съ поляками, а Замойскій, съ своей стороны, называлъ его „измѣнникомъ“ и даже „вѣроотступникомъ“, который жертвовалъ интересами своей религіи ради политическихъ комбинацій. Ни русскіе, ни поляки не довѣряли своему посреднику и скрывали отъ него свои тайныя цѣли и намѣренія; препирательствамъ не было конца. Тѣ и другія упорствовали, стоя на своемъ, не желая ни въ чемъ сдѣлать уступки и стараясь только обмануть и ввести въ заблужденіе іезуита. Наконецъ, когда дѣло, казалось, уже уладилось, стали спорить уже только о титулахъ, такъ какъ Иванъ настаивалъ на томъ, чтобы въ договорѣ его именовали царемъ и при этомъ желалъ оставаться номинальнымъ государемъ Ливоніи, на что поляки возражали, что давать и удерживать въ одно и то же время нельзя, и что они не понимаютъ, какой, собственно, смыслъ и значеніе имѣетъ этотъ новый титулъ царя. „Если это „царь“ въ родѣ прежнихъ татарскихъ царьковъ царей Казанскихъ и Астраханскихъ,— говорили они,—то это слишкомъ мало для владыки Московскаго; если же этотъ титулъ царя долженъ соотвѣтствовать титулу Цезаря,—то это слишкомъ много“. Единственнымъ, признаннымъ всею Европой цезаремъ былъ въ данное время нѣмецкій императоръ.

Это былъ старый споръ, кото-

рому Замойскій не придавалъ серьезнаго значенія, но Поссевино чуть было не сдѣлалъ по этому поводу изъ мухи слона, заговоривъ о томъ, что императоръ Аркадій и Гонорій не могли передать своего титула Великому Князю Владиміру, такъ какъ для признанія законныхъ его правъ на Императорскій титулъ, онъ долженъ былъ бы короноваться въ Римѣ, какъ это было съ Карломъ Великимъ. На это пререканіе опять ушло очень много времени. А когда, наконецъ, найденъ былъ желаемый компромисъ, на которомъ и помирились всѣ три спорящія стороны, т. е. на различной редакціи договора на русскомъ и на польскомъ языкѣ, честолюбивый іезуитъ вызвалъ новые дебаты, настаивая, чтобы договоръ былъ скрѣпленъ его подписью или же по крайней мѣрѣ въ немъ упоминалось о его посредничествѣ. Такъ какъ объ этомъ ничего не говорилось въ предписаніяхъ, полученныхъ русскими дипломатами, то они категорически воспротивились этому, что привело Поссевино въ такой неописуемый гнѣвъ, что, забывъ всякую мѣру приличія, онъ грозилъ, въ качествѣ посредника, нарушить уже состоявшійся, но еще не подписанный договоръ и, топая ногами, сталъ гнать вонъ изъ засѣданія русскихъ уполномоченныхъ. Но тѣ оставались невозмутимы, и гнѣвъ іезуита достигъ крайнихъ предѣловъ: онъ вырвалъ изъ рукъ Алферова черновую договора, разорвалъ ее и, схвативъ русскаго дипломата за полы его шубы, сталъ трясти его, затѣмъ вышвырнулъ его за дверь, вытолкавъ вслѣдъ за нимъ и остальныхъ его товарищей.

Пришлось уступить неукротимому легату, и 15-го января 1582 г. былъ, наконецъ, подписанъ Ямъ-Запольскій договоръ, по которому всѣ возможныя при данныхъ условіяхъ выгоды были на сторонѣ Москвы, такъ какъ Московскіе дипломаты по договору уступили Польшѣ только то, что царь уже три мѣсяца тому назадъ добровольно предлагалъ Баторію. Тѣмъ не менѣе это были страшныя потери для Ивана, такъ какъ послѣ 20 лѣтъ упорныхъ усилій, когда царь могъ считать себя близкимъ къ осуществленію завѣтной мечты обладанія Ливоніей, онъ теперь былъ снова совершенно отрѣзанъ и, быть можетъ, на долго отъ Балтійскаго моря и Финскаго залива и лучшаго пути для сближенія съ Европой. Это было, конечно, тяжелымъ ударомъ судьбы для честолюбиваго Ивана, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая судьба, видимо, благоволила къ нему, такъ какъ работала въ его пользу въ той же Ливоніи: съ уничтоженіемъ Тевтонскаго ордена исчезалъ и нѣмецкій гарнизонъ, являвшійся постоянно серезнымъ соперникомъ во всѣхъ Ливонскихъ войнахъ; кромѣ того, безмѣрныя завоеванія Шведовъ — за время войны Москвы съ Польшей лишившія послѣднюю почти всего, что ей удалось путемъ такихъ усилій вырвать у Ивана, возбудили вражду Польши противъ ея бывшихъ союзниковъ, Шведовъ, и въ результатѣ готовился конфликтъ, въ которомъ, ослабляя и истощая другъ друга, Швеція и Польша готовили Москвѣ возможность легкаго и двойного реванша.

Надо замѣтить, что даже кратковременное обладаніе Ливоніей не прошло безслѣдно для Москвы; напротивъ, оставило глубокій слѣдъ на ея культурѣ; оно ввело въ Московское государство иностранный элементъ; послѣдній былъ какъ бы предзнаменованіемъ и начаткомъ той нѣмецкой колоніи, которой впослѣдствіи суждено было всегда играть столь важную роль въ судьбахъ русскаго государства, и цивилизирующаго вліянія которой нельзя отрицать.

Въ результатѣ, послѣ столькихъ преній и пререканій, былъ подписанъ не миръ, а только перемиріе

на 10 лѣтъ, и надежда вернуть всѣ уступленныя Польшѣ города Ливоніи отнюдь не казалась неосуществимой. Поляки были поражены тѣмъ отпечаткомъ, какой Москва успѣла наложить на эти завоеванныя ею провинціи за тотъ короткій срокъ, какой она ими владѣла. Все говорило о военномъ могуществѣ и организаторскихъ способностяхъ Москвы; повсюду, даже въ самыхъ мелкихъ, маленькихъ крѣпостенкахъ и фортахъ было много орудій, вдоволь снарядовъ и пороху и масса огнестрѣльнаго оружія, оставленнаго здѣсь русскими. Все это попало теперь въ руки Поляковъ, хотя самая большая часть Ливоніи къ этому времени уже была во власти Шведовъ.

Изъ всѣхъ заинтересованныхъ въ Ямъ-Запольскомъ договорѣ наибольшую выгоду получилъ Папскій Престолъ, такъ какъ хитрый легатъ сумѣлъ придать договору такую форму, что, судя по ней, можно было подумать, что все сдѣлалось именемъ Папы и только въ силу его вмѣшательства и настоянія. Несмотря на свое столкновеніе съ русскими уполномоченными Поссевино тотчасъ же по подписаніи договора поспѣшилъ въ Кремль и сталъ ратовать передъ Иваномъ за соединеніе двухъ церквей, стараясь въ тоже время прибрать къ своимъ рукамъ и шведскія дѣла, хотя тутъ никто не просилъ его вмѣшательства, все для того лишь, чтобы выставить Папу въ качествѣ всесильнаго авторитета. Это было нѣсколько на руку Ивану, который, хотя и сильно разочаровался въ силѣ вліянія Папы, но все же это мнимое его вліяніе могло нѣсколько замаскировать униженіе пораженія, заставляя его казаться сторонникомъ Ивана,—и потому Поссевино былъ ласково принятъ въ Москвѣ.

Иванъ, конечно, отправилъ своего гонца въ Римъ политическій, а не въ Римъ церковный, и потому въ лицѣ Поссевино разсчитывалъ встрѣтить дипломата, а не апостола, и отнюдь не былъ расположенъ затрагивать религіозные вопросы.

Когда Поссевино прибылъ въ Москву, въ февралѣ 1582 г., то засталъ весь дворъ и самаго царя въ страшномъ горѣ: въ порывѣ безумнаго гнѣва Грозный своей рукой убилъ старшаго сына, и потому это время было крайне неудобно для политическихъ и особенно отвлеченныхъ темъ. Относительно анти-мусульманской лиги, Иванъ высказался такъ, что хотя вслѣдствіе необходимости сосредоточить свои силы противъ Баторія, онъ вынужденъ былъ подписать перемиріе съ Крымскимъ ханомъ, ближайшимъ другомъ Турецкаго Султана, но онъ во всякое время готовъ поднять оружіе на Турокъ, при условіи, однако, что Папа предварительно сговорится съ Священной Имперіей, съ Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и убѣдитъ эти державы прислать своихъ пословъ въ Москву для окончательнаго соглашенія. При этомъ царь съ своей стороны соглашался отправить въ Римъ уже не простого гонца, какъ въ первый разъ, а сановитаго посла.

Что касается примиренія со Швеціей, о которомъ также хлопоталъ Поссевино, то Иванъ заявилъ, что онъ согласился уступить Польшѣ Ливонію не для того, чтобы препираться съ Іоанномъ Шведскимъ, и предоставляетъ это отнынѣ Баторію. Также ловко, осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно и упорно уклонялся царь отъ вопросовъ религіозныхъ, а когда Іезуитъ не переставалъ настаивать, то сначала Иванъ далъ ему понять, что пренія по этому поводу могутъ принять непріятный для Папы оборотъ, затѣмъ заявилъ, что самъ онъ, Иванъ, отнюдь не компетентенъ въ вопросахъ разности религій. Однако, онъ не воспротивился настойчивому желанію Поссевино изложить письменно свои предложенія, при чемъ, быть можетъ, прису-

щая Ивану страсть къ полемикѣ взяла верхъ надъ его благоразуміемъ. И вотъ на собраніи, посвященномъ вначалѣ совершенно неприкосновеннымъ къ этому вопросу дѣламъ, и въ отсутствіи духовенства, присутствіе котораго было бы безусловно необходимо для серьезнаго пренія и обсужденія вопроса религіи, царь согласился, наконецъ, выслушать Іезуита, хотя при этомъ не преминулъ дать ему понять, что въ сущности это совершенно безполезно, и онъ дѣлаетъ это только въ угоду ему.

Поссевино началъ съ того, что о разрывѣ съ Византійскою церковью, конечно, не можетъ быть и рѣчи, что онъ предлагаетъ царю сліяніе двухъ церквей, Восточной и Западной, что будетъ первымъ шагомъ къ созданію новой Восточной Имперіи, главою которой явится царь, —этотъ новый Карлъ Великій, коронованный Папой въ Римѣ, послѣ чего его признаютъ императоромъ всѣ государи Европы. Но не таковъ былъ Иванъ, чтобы его можно было ослѣпить одними заманчивыми картинами; съ своимъ обычнымъ жаромъ и увлеченіемъ и съ присущимъ ему ѣдкимъ сарказмомъ и неподражаемой находчивостью, царь разбилъ нѣсколькими словами это пышное зданіе, воздвигнутое фантазіей Поссевино, и по обыкновенію не могъ удержаться отъ крупныхъ рѣзкостей и безпощадныхъ истинъ, которыя онъ впослѣдствіи, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые источники, старался стушевать и въ тотъ же день послалъ Поссевино блюда отъ своего стола и дары, тогда какъ по другимъ источникамъ царь будтобы замахнулся на Іезуита своимъ знаменитымъ посохомъ, а присутствовавшие при этомъ люди Московскіе грозили бросить Поссевино въ рѣку.

Какъ бы то ни было, только несомнѣнно, это преніе оставило по себѣ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, такъ какъ, будучи приглашенъ нѣсколько дней спустя къ царю, Поссевино уже не проявилъ ни малѣйшаго желанія возобновить этотъ разговоръ, а царь, какъ бы желая тѣмъ выразить нѣкоторое сожалѣніе по поводу своей излишней горячности, самъ предложилъ Іезуиту письменное изложеніе сущности розни между Восточной и Западной церквей. Поссевино, вѣроятно, убѣдившійся въ совершенной безполезности дальнѣйшаго увѣщанія и убѣжденія, удовольствовался тѣмъ, что представилъ царю книгу, посвященную Флорентинскому собору, и полагалъ, что на этомъ дѣло и кончится. Но ему, очевидно, еще не былъ вполнѣ знакомъ своевольный и капризный нравъ его оппонента, этого великаго московскаго деспота.

Въ результатѣ, оказавъ свое содѣйствіе Ивану, отстоявъ, насколько было возможно, его интересы, Римъ потерпѣлъ полное фіаско во всѣхъ своихъ разсчетахъ и надеждахъ, ради которыхъ онъ пожертвовалъ Польшей. Въ первыхъ числахъ мая 1582 г. Поссевино откланялся царю и возвратился въ Римъ въ сопровожденіи Московскаго посла, который привезъ Папѣ только добрыя пожеланія да соболей.

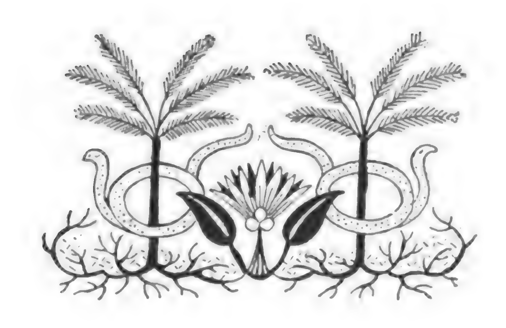
Между тѣмъ тѣ небольшія недоразумѣнія, какія возникали послѣ Ямъ-Запольскаго договора между русскими и поляками, обѣ стороны старались уладить полюбовно и, какъ бы по обоюдному соглашенію, избѣгали немедленнаго конфликта. Но намъ теперь достовѣрно извѣстно, что Иванъ, въ виду будущаго, всячески старался заручиться содѣйствіемъ Англіи, не переставая мечтать о реваншѣ, точно также и Баторій видѣлъ въ Ямъ-Запольскомъ договорѣ отнюдь не прочный долговременный миръ, а только небольшой перерывъ на пути его побѣдоноснаго шествія на Москву, для чего онъ съ своей стороны обезпечилъ себѣ на этотъ разъ сочувствіе того же Рима, Флоренціи и Венеціи. Баторій мечталъ доказать,

что если путь изъ Москвы на Константинополь лежитъ черезъ Варшаву, то путь изъ Варшавы и Кракова въ столицу Турецкаго султана проходитъ черезъ Москву. Но смерть пресѣкла его честолюбивые замыслы. Ивану также не долго оставалось уже жить, тѣмъ не менѣе страшный признакъ новаго польскаго нашествія, безъ сомнѣнія, пугалъ его, омрачая послѣдніе годы его жизни. Не достигнувъ ничего положительнаго въ смыслѣ серьезнаго союза съ Англіей, Иванъ снова сталъ искать поддержки у Германіи; но той было не до того, такъ какъ религіозныя войны и междоусобицы не давали ей придти въ себя. Тогда Иванъ снова ухватился за Англію, какъ утопающій хватается за соломинку, но тутъ смерть застигла его.

Судьба, которая вообще неблагосклонна къ старцамъ, теперь опять сослужила службу если не самому Ивану, то его царству, осиротѣвшему послѣ него. Баторій не долго пережилъ Ивана и не успѣлъ осуществить своихъ смѣлыхъ и пагубныхъ для Москвы замысловъ, а между тѣмъ на другомъ концѣ государства Московскаго, котораго едва коснулись польскія завоеванія, судьба готовила ей, въ возмѣщеніе Полоцка и Ливоніи, богатую, безпредѣльную, таинственную Сибирь, пріобрѣтенную Москвою не шайкой казаковъ, какъ обыкновенно принято считать, а путемъ долгихъ и упорныхъ усилій мирныхъ и трудолюбивыхъ колонизаторовъ.

Пер. *А. Энквистъ.*

(До слѣд. №-ра).



Своеобразныя общества въ Китаѣ.

Очеркъ Фр. Мюри.

Едва ли существуетъ другой народъ въ мірѣ, среди котораго была бы распространена до такой степени страсть къ основанію всевозможныхъ обществъ, какъ среди обитателей Небесной Имперіи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они насчитываются тысячами, даже сотнями тысячъ. Такое необыкновенное развитіе обществъ объясняется тѣмъ, что Китайская имперія, несмотря на абсолютно-монархическій режимъ, представляетъ, на самомъ дѣлѣ, обширное демократическое государство, проникнутое соціалистическими, даже, можно сказать, анархическими стремленіями. Вліяніе центральнаго правительства на жизнь націи незначительно. Въ Китаѣ не существуетъ ни привиллегированнаго дворянскаго сословія, ни фаворитизма,—всѣмъ заправляетъ продажная бюрократія, немилосердно эксплуатирующая народную массу и вынуждающая ее организовать союзы для защиты себя отъ взяточничества. Нѣтъ ни малѣйшей связи между правящими классами и народонаселеніемъ, а вслѣдствіе этого нѣтъ взаимнаго довѣрія, взаимной помощи и тѣмъ болѣе общественнаго мнѣнія. Только семья организована прочно и непоколебимо. Ея прочностью объясняется необыкновенная долговѣчность этой націи, являющейся какъ бы исключеніемъ изъ общаго закона эволюціи и пережившей множество другихъ націй, возникшихъ позже ея и тѣмъ не менѣе сошедшихъ съ міровой сцены уже многія столѣтія тому назадъ.

Въ этомъ государствѣ каждая семья, каждая отдѣльная личность принуждены соединяться въ союзы для огражденія и удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей своего существованія. Слѣдствіемъ этого является существованіе безчисленныхъ обществъ, изъ которыхъ многія, кажущіяся въ настоящее время странными и даже нелѣпыми, въ моментъ своего возникновенія несомнѣнно имѣли важное практическое значеніе. Но такъ какъ Небесной Имперіи принадлежитъ пальма первенства въ благословенномъ царствѣ рутины, то всѣ эти общества благоговѣйно поддерживаются и до сего

времени, исключительно въ силу того обстоятельства, что были нѣкогда основаны.

„Мой дѣдъ и мои предки,—говорилъ мнѣ одинъ китаецъ,—всегда считались членами этого общества. Какое мнѣ дѣло до его значенія въ настоящее время? Слѣдуя примѣру своихъ прародителей, я увѣренъ, что дѣлаю угодное небу,—и этого для меня вполнѣ достаточно“.

Среди этихъ обществъ нѣкоторыя, по своей полезной дѣятельности, заслуживаютъ благодарности со стороны народной массы; другія, основанныя нѣкогда съ благотворительной цѣлью, въ настоящее время выродились и всюду внушаютъ отвращеніе и страхъ; наконецъ, есть и такія, которыя прямо вредны и доставляютъ не мало хлопотъ правительству. Въ своемъ очеркѣ мы разсмотримъ самыя любопытныя изъ этихъ обществъ.

I.

За одиннадцать вѣковъ до Р. Хр. Китай управлялся монархомъ, отличавшимся чрезвычайнымъ благоговѣніемъ къ памяти усопшихъ. То былъ императоръ Венъ-Вангъ, основавшій Йьенъ-Кхо-Хэй, т. е. „Общества брошенныхъ останковъ мертвыхъ“.

Цѣль этого общества заключается въ отыскиваніи непогребенныхъ труповъ, предаваемыхъ на счетъ общества приличному погребенію. Оно снабжаетъ гробами бѣдняковъ и реставрируетъ никѣмъ не посѣщаемыя могилы. Членамъ Йьенъ-Кхо-Хэй вмѣняется въ обязанность доставлять своему представителю свѣдѣнія о заброшенныхъ кладбищахъ. Въ опредѣленное время года туда отправляются всѣ члены общества, вооруженные лопатами, заступами и граблями, и снова приводятъ кладбища въ прежнее состояніе. Они посвящаютъ этимъ работамъ два, а, если нужно, то и три мѣсяца. Въ теченіе всего этого времени ихъ содержатъ ближайшія деревни, охотно снабжающія членовъ общества съѣстными припасами, такъ какъ ихъ дѣятельность вызываетъ всеобщее сочувствіе.

Общество Йьенъ-Кхо-Хэй существуетъ взносами членовъ, но главнымъ образомъ пожертвованіями. Когда средства его истощаются, члены отправляются просить милостыню, и всѣ охотно даютъ: кузнецы снабжаютъ ихъ необходимыми орудіями, столяры—гробами, богатые—деньгами. Всюду ихъ встрѣчаютъ съ почетомъ.

Въ тринадцатый день послѣ каждаго седьмого мѣсяца общество празднуетъ на кладбищѣ именины императора Венъ-Ванга, и туда до восхода солнца собираются всѣ члены. Одни очищаютъ отъ травъ и кустарниковъ тропинки, исправляютъ испорченныя могилы, между тѣмъ какъ другіе выпрашиваютъ у людей для приготовленія пиршества въ честь усопшихъ необходимые съѣстные припасы, посѣщая окрестныя мѣстечки и селенія. Запасшись всѣмъ необходимымъ, они спѣшатъ къ своимъ товарищамъ, ожидающимъ ихъ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ тѣ не имѣютъ права бросить работу до начала пира. Тотчасъ накрывается столъ для усопшихъ, всѣ члены почтительно выстраиваются въ два ряда, чтобы пропустить своихъ почетныхъ гостей. Глубочайшее молчаніе царитъ въ собраніи при этомъ воображаемомъ пиршествѣ. Когда представитель общества полагаетъ, что мертвые насытились, онъ дѣлаетъ условный знакъ. Всѣ члены Йьенъ-Кхо-Хей поднимаются и благоговѣйно склоняются предъ гостями, возвращающимися въ свои могилы. Исполнивъ обязанность, члены съ вполнѣ понятнымъ аппетитомъ набрасываются на остатки пиршества.

II.

Фу-тше-Хэй, т. е. „Общество спасанія утопленниковъ“ основано по крайней мѣрѣ за семь или за восемь

вѣковъ до Р. Хр. Причиной его основанія послужило благоговѣніе къ памяти умершихъ.

Китайцы, что̀ бы ни говорили объ этомъ, относятся далеко не съ презрѣніемъ къ своему земному существованію, но выше всего ставятъ блаженство въ будущей жизни. Вотъ почему въ Китаѣ не признаютъ хирургіи. Они ни въ какомъ случаѣ не осмѣлились бы предстать предъ своими прародителями безъ ноги или безъ руки. Звѣрскія увѣчья, причиняемыя ими чужестранцамъ, обусловливаются исключительно желаніемъ пресѣчь послѣднимъ доступъ на небо, а также обречь души ихъ на вѣчное скитаніе.

Члены Фу-тше обязаны вытаскивать изъ воды тѣла утопленниковъ. Достаточно хотя немного быть знакомымъ съ вѣрованіями китайцевъ, чтобы понять популярность подобнаго общества. Гораздо сильнѣе увѣчья обитатели Небесной Имперіи боятся сгнить на днѣ рѣки или сдѣлаться добычей рыбъ. Бѣднякъ, на долю котораго выпадаетъ подобное несчастье, можетъ быть увѣренъ, что не попадетъ на небо, ибо никогда онъ не можетъ снова сдѣлаться владѣльцемъ своего тѣла. Въ случаѣ кораблекрушенія члены общества сперва вытаскиваютъ изъ воды утонувшихъ, вмѣсто того, чтобы немедленно спасать утопающихъ.

Въ настоящее время усердіе и самопожертвованіе членовъ Фу-тше значительно ослабѣли. Они уже не проводятъ, какъ нѣкогда, большей части дня на берегахъ рѣкъ, въ ожиданіи плывущихъ мимо труповъ, которые они извлекали изъ воды, часто рискуя потерять жизнь. Члены его набираются въ настоящее время, главнымъ образомъ, изъ лѣнтяевъ и бродягъ, подъ прикрытіемъ общества совершающихъ разныя мошеническія продѣлки. Напр., они распространяютъ слухъ, что у берега сосѣдней рѣки замѣченъ утопленникъ, и въ то время какъ одни изъ нихъ, такъ называемые „Братья крючка“, отправляются на поиски трупа, вооруженные длинными бамбуковыми шестами съ желѣзными крючьями на концѣ, другіе, такъ называемые „Просители свѣта“, ходятъ и просятъ у публики денегъ на гробъ и факелы. Утопленника, разумѣется, не находятъ, но и денегъ не возвращаютъ. По словамъ спасающихъ, деньги идутъ въ кассу общества, а на самомъ дѣлѣ даютъ возможность членамъ его продолжать праздный образъ жизни или удовлетворять страсть къ азартнымъ играмъ. Дающіе прекрасно понимаютъ эти продѣлки, однако, не осмѣливаются отказать въ милостынѣ,—во-первыхъ, потому, что предки ихъ всегда были щедры по отношенію къ обществу Фу-тше, во-вторыхъ, просто изъ боязни мщенія со стороны его членовъ.

III.

Подобнымъ же образомъ выродилось еще болѣе древнее общество Хуу-Хэй, т. е. „Общество пожарныхъ“, основанное императоромъ Хой-Лю за 27 столѣтій до Р. Хр.

Общество это, пополнявшееся нѣкогда людьми безукоризненно честными и самоотверженными, въ настоящее время сплошь состоитъ изъ лицъ съ очень сомнительными нравственными убѣжденіями. По уставу общества семьи членовъ, погибшихъ при исполненіи своихъ трудныхъ обязанностей, имѣютъ право находиться на иждивеніи общества въ теченіе 20 лѣтъ. Разсказываютъ чудеса о геройствѣ и подвигахъ самопожертвованія прежнихъ членовъ этого общества.

Теперь уже нѣтъ болѣе семей, пользующихся средствами общества, потому что современные „пожарные“ считаютъ нелѣпостью жертвовать жизнью ради своихъ согражданъ. Если въ какомъ-нибудь городѣ основывается общество пожарныхъ, это событіе является истиннымъ обще-

ственнымъ бѣдствіемъ, такъ какъ основатели, всѣ безъ исключенія, принадлежатъ къ подонкамъ общества. Они принимаютъ къ себѣ только такихъ членовъ, которые, подобно имъ, отличаются увѣсистымъ кулакомъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ совѣсти. Никто изъ честныхъ людей не осмѣливается оказать имъ сопротивленіе. Это навлекло бы гнѣвъ могущественнаго Хой-Лю, за свои заслуги прозваннаго народомъ „благодѣтелемъ человѣчества". Кромѣ того, что сказали бы предки?

Китайскіе пожарные не только открыто грабятъ горящіе дома, но даже пользуются въ народѣ репутаціей поджигателей, такъ какъ сами поджигаютъ, когда пожары слишкомъ рѣдки. Особенно славится преступленіями подобнаго рода общество пожарныхъ города Шанхая, и я припоминаю, какъ энергично отказывался послать за пожарными богатый купецъ этого города, когда у него загорѣлись магазины. „Если они придутъ, — говорилъ онъ, — то, можетъ быть, и спасутъ нѣкоторыя строенія, но зато разграбятъ всѣ мои товары. Лучше же я самъ постараюсь спасти товары и дамъ сгорѣть магазинамъ".

Однако онъ прогадалъ. На слѣдующій день, когда онъ подсчитывалъ понесенные убытки, къ нему явился представитель общества Хуу-Хэй, потребовавшій, чтобъ онъ внесъ въ кассу общества 200 таэлей (1000 франковъ), т. е. сумму, далеко превосходившую ту, что пришлось бы заплатить наканунѣ пожарнымъ. Разумѣется, купецъ вскрикнулъ отъ негодованія при такомъ требованіи. На это представитель Хуу-Хэй замѣтилъ ему, что общество крайне задѣто его недовѣріемъ, могущимъ бросить тѣнь на репутацію общества, и во всякомъ случаѣ не допуститъ попытокъ обходиться безъ помощи его членовъ.

Двѣсти таэлей были немедленно отсчитаны, и когда я подивился той легкости, съ которой досталась побѣда обществу Хуу-Хэй, то получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ: „Если бы я не далъ взятки, то безъ сомнѣнія сгорѣли бы мои вновь выстроенные магазины. Да къ тому же эти разбойники, проникнувъ въ склады, пограбили бы у меня товару болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи таэлей".

IV.

Менѣе заурядно Шемъ-Куангъ-Хэй или „общество назначенія мандариновъ", болѣе извѣстное въ Китаѣ подъ названіемъ „фабрики мандариновъ".

Въ этой странѣ, гдѣ все зависитъ отъ денегъ, можно нерѣдко встрѣтить ученыхъ, давно уже успѣшно сдавшихъ всѣ требуемые закономъ экзамены и тѣмъ не менѣе не занимающихъ никакого, хотя бы самаго незначительнаго административнаго поста. Они происходятъ изъ бѣдныхъ семействъ, отдававшихъ послѣднія средства, чтобъ сдѣлать своихъ сыновей баккалаврами и лицеистами, и не имѣютъ возможности сунуть достаточно большую взятку тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ назначеніе. Бѣдняки прозябаютъ въ нищетѣ, терпя постоянные упреки отъ родителей, разсчитывающихъ при помощи выгодной карьеры сыновей покрыть издержки, затраченныя на ихъ образованіе.

Наконецъ, измученные напраснымъ ожиданіемъ, несчастные кандидаты ходатайствують о принятіи ихъ въ общество Шемъ-Куангъ. Черезъ него они получаютъ по крайней мѣрѣ надежду добиться когда-нибудь удовлетворенія.

Если президентъ общества находитъ возможнымъ принять кандидатовъ, онъ созываетъ собраніе всѣхъ членовъ. Нѣтъ надобности прибѣгать къ ораторскому искусству, чтобы поддержать ихъ вниманіе. Собраніе выслушиваетъ предложеніе президента, и если большинство раз-

дѣляетъ его мнѣніе немедленно назначается опредѣленная сумма, которую каждый членъ обязанъ внести въ общую кассу, чтобы доставить мѣсто счастливому избраннику судьбы. Трудно себѣ представить, какимъ лишеніямъ подвергаются несчастные, чтобы собрать необходимое количество таэлей. Меня увѣряли, что встрѣчались люди, умиравшіе съ голоду, лишь бы не истратить лишней монеты на пищу. Обращаются за помощью къ родителямъ и друзьямъ; всѣмъ, открывающимъ свой кошелекъ, даются великолѣпныя обѣщанія. Если, несмотря на всѣ старанія, не хватаетъ еще нѣсколькихъ таэлей, ихъ берутъ въ долгъ и платятъ невѣроятные проценты. Въ іюнѣ 1894 года въ Тьянъ-Цзинѣ былъ обезглавленъ членъ „фабрики мандариновъ", убившій и ограбившій странствующаго торговца. Подъ пыткою онъ сознался, что ему необходимо было внести въ кассу общества 10 таэлей, которыхъ онъ не могъ нигдѣ раздобыть, и потому рѣшилъ убить торговца, лишь бы не пропустить лотереи счастья, по которой одинъ изъ кандидатовъ могъ получить доходное мѣсто.

Послѣ лотереи остается добиться назначенія. Общество старается изо всѣхъ силъ и предоставляетъ въ полное распоряженіе счастливаго избранника собранные для него 15 сотенъ или двѣ тысячи таэлей. Вотъ все, что необходимо для успѣха, и нужно быть крайне неловкимъ, чтобы потерпѣть неудачу при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Проситель посѣщаетъ по очереди префекта, губернатора и вице-короля и подноситъ имъ подарки, сообразуясь со значительностью занимаемаго каждымъ изъ нихъ поста.

Издержки покрываются съ полученіемъ мѣста. Лишь только его назначили, онъ уже богатъ, такъ какъ отовсюду сыплются деньги. Его будущіе подчиненные стараются подкупить его въ свою пользу взятками. Казалось бы, что онъ обязанъ щедро отблагодарить общество, оказавшее ему услугу. Ничуть не бывало: отнынѣ онъ прерываетъ съ нимъ всякое сношеніе. Что общаго между нимъ, могущественнымъ мандариномъ, и такими жалкими пролетаріями, какъ члены общества Шемъ-Куангъ-Хэй? Послѣдніе привыкли къ неблагодарности своихъ бывшихъ товарищей и не думаютъ претендовать, а когда судьба улыбается имъ, поступаютъ точно такимъ же образомъ.

V.

Въ Пекинѣ существуетъ особое общество, почти неизвѣстное европейцамъ, такъ какъ члены его рѣдко вступаютъ въ сношенія съ иностранцами. Это Лао-Кунъ-Хэй, „общество старыхъ пѣтуховъ". Старый пѣтухъ— прозвище, которое китайцы въ насмѣшку даютъ скопцамъ, число которыхъ въ Желтомъ городѣ очень значительно. „Всѣ служащіе въ императорскомъ дворцѣ—евнухи,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Матиньонъ. — Вечеромъ, послѣ захода солнца, когда закроются ворота императорскаго дворца, среди шести или семи тысячъ его обитателей, заключенныхъ за каменными стѣнами, есть только одинъ мужчина,—это Сынъ Неба.. Евнуховъ имѣетъ право держать исключительно одинъ императоръ и нѣкоторые изъ членовъ его фамиліи. Императору разрѣшается имѣть 3000 евнуховъ, принцамъ крови и принцессамъ императорской фамиліи—30, племянникамъ и младшимъ дѣтямъ императора—20, двоюроднымъ братьямъ—10. Потомки восьми принцевъ манчжуровъ, помогавшихъ Шумъ-тше основать нынѣ царствующую династію, пользуются привиллегіей держать 10 евнуховъ".

Хотя китайцы относятся къ евнухамъ съ крайнимъ презрѣніемъ, однако, профессія эта настолько прибыльна, что ряды ихъ пополняются очень охотно. Нѣкоторыя бѣдныя

семьи продѣлываютъ эту операцію надъ своими дѣтьми, въ надеждѣ продать ихъ въ качествѣ слугъ въ императорскій дворецъ. Молодые люди, привлекаемые перспективой легкой наживы, нерѣдко обращаются къ содѣйствію придворнаго оператора. Разсказывали даже объ отцахъ семействъ, соглашавшихся перенести это изувѣченіе, лишь бы добыть прибыльный кусокъ хлѣба. Вотъ почему и встрѣчаются женатые евнухи, имѣющіе вполнѣ законныхъ дѣтей.

Одинъ годъ, когда въ Небесной Имперіи свирѣпствовалъ голодъ желающіе попасть въ евнухи приходили записываться въ императорскій дворецъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что евнухи, находившіеся уже на службѣ, принуждены были принять мѣры къ прекращенію этого наплыва.

Ихъ профессія потеряла бы свою прибыльность, если бы всякому захотѣлось стать евнухомъ, и они образовали общество Лао-Кунъ, милостиво утвержденное самимъ императоромъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ скопецъ не имѣетъ права ходатайствовать о принятіи его во дворецъ, не выдержавъ предварительно испытанія у представителя общества. Если при этомъ является другой кандидатъ съ болѣе сильной протекціей, или если проситель недостаточно щедръ, его безъ всякаго милосердія исключаютъ. Трудно себѣ представить, какимъ насмѣшкамъ подвергается неудачникъ.

Всѣ европейцы, бывшіе въ Пекинѣ въ 1893 г., помнятъ исторію несчастнаго бѣдняка китайца, изувѣчившаго себя изъ-за крайней нищеты и съ отчаянія повѣсившагося, когда его не приняли въ общество вслѣдствіе того, что ему нечѣмъ было подкупить его представителя.

VI.

Китай опустошаютъ искусно организованныя шайки разбойниковъ, которые убиваютъ, жгутъ и грабятъ все на своемъ пути, причемъ высылаемыя противъ нихъ императорскія войска не осмѣливаются тронуть ихъ. Что касается жандармовъ, носящихъ названіе макуэ, что значитъ „воздушные всадники“ (вѣроятно, въ насмѣшку надъ ихъ медлительностью), то они почти всегда состоятъ въ сообществѣ съ грабителями, находящими въ этихъ представителяхъ общественной охраны незамѣнимыхъ совѣтниковъ. Наиболѣе извѣстны слѣдующія разбойничьи шайки: „Быстро летающая саранча“, „Рыжія бороды“ (хунгузы), „Пламенные“, „Братья острой сабли“ и др. Многочисленными шайками эти злодѣи нападаютъ на деревни, даже на небольшіе города и совершенно разоряютъ ихъ, если жители не въ состояніи заплатить требуемаго выкупа.

Не всѣ разбойничьи шайки одинаково опасны. Есть и такія, которыя довольствуются опустошеніемъ кармановъ и багажа купцовъ и путешественниковъ, не посягая на ихъ жизнь, каковы, напр., Сіао-лю-Хэй или „Общество воровъ по мелочамъ“. Это—воры, посѣщающіе преимущественно ярмарки и рынки. Бѣда тому, кто, хотя бы на мгновеніе, отвернется отъ своего дорожнаго мѣшка, — онъ навѣрное исчезнетъ. Чтобы найти пропажу, самое разумное обратиться къ представителю Сіао-лю въ городѣ. Общество имѣетъ повсюду агентовъ, являющихся посредниками въ его сношеніяхъ съ публикой. Если потерпѣвшій догадливъ, онъ получаетъ обратно свои вещи, внеся небольшой выкупъ, не превышающій третьей части стоимости украденнаго. Никогда китаецъ не обратится къ помощи городскихъ властей, чтобы вернуть свои вещи. Это было бы слишкомъ большой наивностью, ибо власти всегда оставляютъ у себя вещи, отнятыя у воровъ. Словомъ, воры Небесной имперіи довольно честные малые, и ихъ европейскимъ собратьямъ не мѣшало бы кое-чѣмъ позаимствоваться у нихъ.

Неограниченной популярностью пользуется въ Небесной имперіи шайка разбойниковъ Хинъ-лю-тсе-хэй, т. е. „Общество ословъ, торгующихъ солью“. Это ложные торговцы солью. Они внезапно являются въ мѣстечко, гдѣ имѣется складъ соли, и окружаютъ зданіе. Служащіе при складѣ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, разбѣгаются во всѣ стороны, предоставляя разбойникамъ предаваться грабежу. Ослы, уводимые разбойниками въ громадномъ количествѣ и, вслѣдствіе своего важнаго значенія для шайки, послужившіе поводомъ для ея названія, быстро нагружаются мѣшками съ солью. Когда для защиты склада является подпрефектъ мѣстечка со своей стражей, банда находится уже далеко. Жители, присутствовавшіе при грабежѣ, остерегаются, однако, указать направленіе въ которомъ скрылись разбойники, боясь мести этихъ оригинальныхъ откупщиковъ соли.

Когда члены Хинъ-лю-тсе вполнѣ увѣрены въ безопасности, они предлагаютъ свой товаръ въ мѣстечкахъ, черезъ которыя проѣзжаютъ. Всѣ хозяйки спѣшатъ воспользоваться выгодной покупкой. Ложные торговцы солью продаютъ ее въ 20, даже въ 30 разъ дешевле, нежели настоящіе купцы, и поэтому народъ считаетъ ихъ даже своими благодѣтелями. Когда мѣшки опустошены, шайка отыскиваетъ новый складъ для грабежа.

Своимъ покровителемъ Хинъ-лю-тсе считаетъ Коангъ-Тчунга, знаменитаго министра финансовъ, жившаго за пять или за шесть вѣковъ до Р. Хр. Государственная казна была пуста, и Коангъ-Тчунгъ придумалъ учредить монополію на соль, отданную имъ на откупъ одному обществу. Выборъ подобнаго патрона, который, безъ сомнѣнія, изумитъ читателей настоящаго очерка, въ Китаѣ кажется вполнѣ естественнымъ. „Мы чтимъ,—говорятъ ложные торговцы солью,—память Коангъ-Тчунга, такъ какъ безъ учрежденнаго имъ налога на соль намъ никогда не пришлось бы заниматься своимъ ремесломъ. Ему мы обязаны народной любовью, которой пользуется наше общество, и благосостояніемъ своихъ семействъ“.

„Европейца, только что прибывшаго въ Китай,—говоритъ врачъ Матиньонъ, — особенно поражаютъ двѣ вещи въ китайскомъ городѣ: во-первыхъ, ужасный запахъ, въ которомъ смѣшивается запахъ пригорѣвшаго чеснока, мочи, никогда не убираемаго человѣческаго кала, кунжутнаго и кастороваго масла, несущійся изъ кухонь,—запахъ, буквально захватывающій духъ, и во-вторыхъ, толпа нищихъ, выставляющихъ напоказъ невѣроятныя, не поддающіяся описанію раны, увѣчья, нищету, и слѣдующихъ за вами по пятамъ съ упорствомъ и неотвязчивостью, вызывающими раздраженіе“.

Нищіе видны повсюду: на улицахъ, подъ мостами, у стѣнъ города, при входѣ въ храмы, и всюду они походятъ другъ на друга. Толстый слой грязи покрываетъ все лицо, на которомъ выдѣляются своей бѣлизной уши. Грязныя лохмотья, подобранныя среди отбросовъ, едва прикрываютъ туловище, ноги босы даже зимой, въ самые трескучіе морозы.

Нигдѣ нѣтъ такой ужасающей нищеты, какъ здѣсь, въ этой невѣроятно плодородной странѣ, которая была бы истинной землей обѣтованной, если бы ея не истощало взяточничество и хищеніе мандариновъ. Если наводненіе или чрезвычайная засуха уничтожаютъ жатву, три четверти населенія подвергаются всѣмъ ужасамъ голода. Тогда образуется цѣлая армія нищихъ, соединяющихся для грабежа и опустошающихъ всю имперію.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, эта армія исчезаетъ, погибая частью отъ побоищъ, а главнымъ образомъ отъ голода. Оставшіеся въ живыхъ

пробираются въ близлежащіе города, гдѣ присоединяются къ Леу-мингъ-хэй, т. е. къ „Обществу нищихъ“.

Нищенство составляетъ въ Небесной имперіи особый промыселъ, которымъ занимаются подъ разными формами. Оно не пользуется покровительствомъ властей, вынужденныхъ постоянно считаться съ нимъ. Не занимая особаго положенія въ государствѣ, общества нищихъ тѣмъ не менѣе представляютъ значительную силу, благодаря своей многочисленности и въ особенности организаціи.

Въ Пекинѣ члены Леу-Мингъ составляютъ шестую часть всего населенія. Ихъ начальникъ, принцъ нищихъ, пользуется неограниченной властью. По уставу общества ему принадлежитъ право жизни и смерти надъ всѣми нищими столицы. Онъ самъ раздѣляетъ своихъ подчиненныхъ на товарищества и указываетъ каждому товариществу ту часть города, гдѣ оно имѣетъ право заниматься своимъ промысломъ. Подчиненные принцу начальники обязаны наблюдать за исполненіемъ его приказаній, и наказываютъ палками нищихъ, заходящихъ въ чужой округъ.

Все распредѣлено съ математической точностью: вставаніе утромъ, уходъ на промыселъ, время возвращенія, слова, которыя надо произносить чтобы разжалобить публику, позы, которыя надо принимать передъ лицами, не уступающими самымъ настойчивымъ просьбамъ, и т. д.

Весь дневной заработокъ нищіе обязаны отдавать принцу, берущему себѣ львиную часть и распредѣляющему остатки между своими подчиненными. Бѣда тому, кто утаитъ часть своего заработка. Если его поймаютъ, то первый разъ наказываютъ 50-ю ударами подошвы по лицу, при рецидивѣ—убиваютъ. Разъ его приговорили къ смерти, у него уже нѣтъ надежды на спасеніе, такъ какъ полиція никогда не вмѣшивается въ расправу принца нищихъ съ его подчиненными.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе неотвязчивое, чѣмъ китайскій нищій. Остановившись передъ домомъ, онъ не уйдетъ до тѣхъ поръ, пока ему не подадутъ нѣсколькихъ монетъ, принимаемыхъ имъ, какъ должное; онъ въ состояніи простоять такъ пять или шесть часовъ, не взирая на жару, холодъ или дождь. Какъ бы ни было непріятно видѣть такую фигуру передъ дверью, никогда не слѣдуетъ торопиться подачей милостыни, иначе онъ будетъ чаще приходить или приведетъ другихъ нищихъ.

Въ Пекинѣ каждый домъ обложенъ податью въ пользу общества Леу-мингъ, и домовладѣльцу волей-неволей приходится вносить извѣстную сумму, размѣры коей опредѣляются принцемъ нищихъ. Тотъ, кто откажется отъ такого рода десятины, долженъ ожидать несчастія: или сгоритъ его имущество, или, что еще гораздо хуже, какой-нибудь нищій покончитъ съ собой передъ дверью его дома. Самоубійство съ цѣлью мщенія очень обыкновенное явленіе въ Китаѣ. Оно всегда является злонамѣреннымъ поступкомъ въ отношеніи лица, противъ котораго направлено. Хорошо, если все дѣло ограничится покупкой приличнаго гроба для самоубійцы, щедрымъ вознагражденіемъ его семьи и достаточной для судей взяткой. Но нерѣдко дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ: въ Китаѣ встрѣчаются люди, попавшіе въ тюрьму, измученные и окончательно разоренные только вслѣдствіе того, что одинъ изъ ихъ враговъ сыгралъ съ ними злую шутку, повѣсившись или перерѣзавъ себѣ горло передъ ихъ домомъ.

Большинство китайскихъ купцовъ находитъ болѣе выгоднымъ выплачивать опредѣленную сумму денегъ принцу нищихъ. Послѣдній вручаетъ имъ объявленіе, украшенное его печатью, которое вывѣшивается на видномъ мѣстѣ, вблизи магазина и котораго вполнѣ достаточно для

огражденія себя отъ арміи нищихъ. По случаѣ свадебъ или похоронъ необходимо также платить извѣстнаго рода оброкъ; въ противномъ случаѣ толпа негодяевъ останавливаетъ свадебную или погребальную процессію, при чемъ не всегда удается избѣгнуть ихъ побоевъ и угрозъ.

Два раза въ году нищіе имѣютъ имѣтъ право въ теченіе 12 часовъ брать по горсти зерна изъ мѣшковъ, выставляемыхъ подлѣ магазина. Когда мѣшки пустѣютъ, что происходитъ чрезвычайно быстро, необходимо тотчасъ же наполнять ихъ вновь, во избѣжаніе всевозможныхъ непріятностей.

Во время народныхъ волненій и мятежей общество Леу-мингъ-Хэй доставляетъ не мало хлопотъ правительству, старающемуся при помощи золота привлечь его на свою сторону, что не всегда удается ему, ибо нищіе считаютъ грабежъ несомнѣннно болѣе выгоднымъ. Въ 1860 году они убили своего начальника, заключившаго съ правительствомъ сдѣлку, невыгодную для общества.

Въ послѣднюю войну Китая съ Японіей они, пользуясь національнымъ бѣдствіемъ, поджигали и грабили магазины. Все мирное населеніе страны ожидало съ нетерпѣніемъ прибытія непріятельской арміи, которая освободила бы ихъ отъ шаекъ нищихъ, производившихъ въ Пекинѣ настоящую рѣзню.

Въ 1901 году, когда столица Небесной Имперіи сдѣлалась жертвой анархіи, шайки Леу-мингъ производили повсюду безпорядки и смятеніе, чтобы удобнѣе было грабить. Въ боксерахъ они нашли себѣ превосходныхъ сподвижниковъ, и въ Пекинѣ разыгрывались сцены чрезвычайнаго распутства и не поддающихся описанію звѣрствъ.

Пер. О. Ивановой.

О музыкѣ стиха.

(ИЗЪ ЭТЮДОВЪ ПО ТЕОРІИ ПОЭЗІИ).

С. Поварнина.

I.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, настоящей теоріи поэзіи у насъ нѣтъ. Нельзя же назвать этимъ именемъ случайный подборъ практическихъ указаній, наблюденій и правилъ, какъ это дѣлалось раньше, или *исторію* поэтическихъ формъ, какъ дѣлаютъ нерѣдко теперь.

Теорія поэзіи (какъ и всякая теорія) должна дать научное изслѣдованіе и обоснованіе этого искусства и его техники.

Теперь ужъ и ремесленникъ не удовлетворяется тѣмъ, что знаетъ, *какъ* сдѣлать что нибудь; ему нужно знать, *почему* именно такъ дѣлается: безъ этого работа идетъ какъ-бы на ощупь, наугадъ. Такъ и въ поэзіи. Поэтъ почти всегда самоучка, самъ вырабатываетъ кое-какіе поэтическіе пріемы, кое-что черпаетъ у другихъ поэтовъ; все это безсистемно, случайно, безпорядочно. Если онъ обладаетъ сильнымъ талантомъ—его спасаетъ чутье; если способности его ординарны, - стихи часто грѣшатъ противъ азбуки искусства. Теорія поэзіи должна быть настоящимъ серьезнымъ руководствомъ для изучающихъ поэзію, гдѣ и поэтъ, и его читатель найдутъ все нужное для сознательнаго изученія *основъ* искусства и его техники. Теорія поэзіи для поэта должна быть тѣмъ же, чѣмъ теорія музыки для музыканта.

Прежде всего придется тщательно изучить матеріалъ, изъ котораго строитъ свои произведенія поэтъ; затѣмъ научно изслѣдовать его техническіе пріемы, средства, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для достиженія того или иного эффекта, оцѣнить ихъ значеніе, понять ихъ сущность, выяснить законы, на которыхъ они основываются. Вотъ предварительная задача теоріи поэзіи.

Не задаваясь широкими планами мы увѣрены, что даже самая скромная попытка въ этомъ направленіи можетъ быть полезна. Предлагаемые этюды являются одной изъ такихъ попытокъ.

II.

Мы будемъ говорить о музыкѣ стиха. Но сперва надо выяснить, что должно понимать подъ этимъ выраженіемъ.

Обыкновенно смѣшиваютъ музыку стиха съ его звучностью. Эти поня-

тія далеко не тожественны. Музыка стиха есть нѣчто болѣе широкое и болѣе утонченное. Гладкій, плавно льющійся стихъ, звонкія рифмы, удачная разстановка ударенiй дѣлаютъ стихъ звучнымъ. Но и только. Въ свою очередь слабость рифмъ, шероховатость отдѣльныхъ стиховъ можетъ иногда явиться слѣдствiемъ самаго тонкаго художественнаго разсчета и давать самую изысканную музыку стиха. Звучность доступна и ремесленнику,—музыка въ полномъ смыслѣ слова—только художнику.

Лучше всего это предварительно выяснить на примѣрѣ. Переведемъ на нѣмецкій или французскій языкъ стихотвореніе Пушкина:

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной.
О лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ быль!

Передадимъ точно всѣ мысли, всѣ образы и фигуры; пускай стихъ нашъ станетъ еще глаже, чѣмъ Пушкинскій,—и все таки чего то будетъ не доставать. Не будетъ этой чудной игры звуковъ, неподражаемаго журчанья плавныхъ, гармоническаго сочетанія гласныхъ. Цвѣтокъ передъ нами,—но безъ своего аромата. Иные звуки—иное настроеніе.

Вспомнимъ Гетевскую „Миньону"

Kenst du das Land, wo die Zitronen blühn.
Im dunkeln Laub die Goldorangen glühn

и сравнимъ хорошій русскій переводъ Тютчева:

Ты знаешь край, гдѣ смерть и лавръ ростетъ.
Глубокъ и чиститъ лазурный неба сводъ...

Прочтемъ и то и другое подрядъ, обращая вниманіе на звуки. Развѣ не почувствуется ясно, какъ различно настроеніе отъ тѣхъ и другихъ стиховъ? Характеръ звуковъ совершенно измѣнился--измѣнилось и настроеніе.

И музыка вообще, и музыка стиха—это ритмическая *игра звуковъ, возбуждающая въ насъ извѣстныя чувствованія*, *дающая извѣстное настроеніе*. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ изучать музыку стиха.

III.

Какъ и въ музыкѣ, въ стихахъ нужно отличать два элемента: ритмъ и сочетаніе звуковъ, какъ таковыхъ. Звуки и комбинаціи ихъ могутъ быть пріятны сами по себѣ; ритмическія сочетанія также. Но только изъ соединенія тѣхъ и другихъ возникаетъ музыка. Такъ и въ стихѣ. Ритмъ, если будетъ возможность, мы разсмотримъ въ отдѣльномъ этюдѣ; эта же статья будетъ посвящена исключительно звукамъ рѣчи, поскольку отъ нихъ зависитъ музыка стиха.

Сперва, конечно, надо поставить вопросъ—существуетъ ли эта музыка, какъ мы ее понимаемъ? Можетъ ли одно сочетаніе звуковъ рѣчи, безъ отношенія къ ихъ смыслу, создать въ насъ настроеніе или хотя бы повліять на него.—Могутъ ли существовать своеобразныя мелодіи гласныхъ и согласныхъ, веселыя или грустныя, радостныя или скорбныя?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить, прежде всего, такъ: „иди и слушай."—Иди къ Пушкину, иди къ Фету. Если ты у нихъ не услышишь ничего подобнаго,—не они въ этомъ виноваты.

Есть люди безъ музыкальнаго слуха, которые не могутъ различить звуковъ въ предѣлахъ терціи и больше. Понятна ли имъ музыка? Есть люди, которые совершенно не обладаютъ поэтическимъ слухомъ. Имъ никогда не понять музыки стиха и ея „божественныхъ тайнъ". Они будутъ смотрѣть и не видѣть, слушать—и не слышать; и если они не станутъ голословно отрицать факта, то выкажутъ этимъ рѣдкую дисциплину ума.

Нѣкоторымъ косвеннымъ доказательствомъ существованія музыки стиха можетъ служить для нихъ слѣдующее психологическое разъясненіе ёя основаній.

IV. Психологическія основанія музыки стиха.

Ощущенія сопровождаются такъ наз. чувственнымъ тономъ, специальными, свойственными имъ чувствованіями. Какъ извѣстно, различные цвѣта вызываютъ различное настроеніе; красный возбуждаетъ, зеленый — дѣйствуетъ успокаивающе; Если смотрѣть сквозь желтое стекло, насъ охватываетъ веселое, бодрое, живое настроеніе. Это факты общепризнанные. Также вліяютъ и звуки. Торжественно, таинственно звучатъ басы на хорошемъ роялѣ, легко и весело переливаются верхнія октавы; До—вызываетъ иное чувствованіе, чѣмъ ре; ля иное чувствованіе, чѣмъ си; въ этомъ коренятся основанія музыкальныхъ мелодій*).

Тоже и въ рѣчи.—Звуки бываютъ двухъ родовъ—тона и шумы; тѣ и другіе обладаютъ особыми чувствованіями**).—Рѣчь же состоитъ изъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Гласные это *тона*, отличающіеся другъ отъ друга не высотой и силой, *а только тэмбрами*. Тонъ до—съ однимъ тэмбромъ будетъ звучать, какъ а, съ другими— какъ е. Мы изъ обыденной жизни знаемъ, какъ вліяетъ различіе тэмбровъ на настроеніе.— Къ тонамъ въ гласныхъ примѣшиваются въ большей или меньшей степени характерные шумы. — Согласные—это особаго рода *шумы* свистящіе, шипящіе и др., съ большей или меньшей, но всегда незначительной примѣсью извѣстныхъ тоновъ.—И каждый особый шумъ, и каждый тонъ опредѣленнаго тэмбра, — *т. е. и гласные, и согласные вызываютъ особыя чувствованія*.

На дѣлѣ, однако, эти чувствованія не первичнаго характера. Каждое изъ нихъ окрашено безчисленными ассоціаціями изъ прошлаго опыта,— всѣмъ, что связалось съ даннымъ звукомъ по смежности или по сходству. Звукъ а въ междометіяхъ связанъ съ чувствами удивленія, скорби, съ многими другими оттѣнками. — Въ словѣ красный, онъ стоя подъ удареніемъ, связанъ съ представленіемъ краснаго цвѣта *). Онъ связанъ, можетъ быть, съ именемъ любимаго существа и т. д. Всѣ эти невидимыя связи окрашиваютъ его чувствованіе, причемъ, смотря по обстоятельствамъ, преобладаетъ то одинъ, то другой оттѣнки. Или возьмемъ звукъ *ш*. Онъ такъ похожъ на шорохъ, что послужилъ для образованія звукоподражательныхъ словъ-шумъ, шорохъ, шуршанье, и т. п.—Затѣмъ онъ связанъ по смежности и съ представленіемъ тишины: вѣдь когда мы хотимъ водворить тишину, у насъ вырывается долгое междометіе—ш-ш-ш.

И вотъ, смотря по обстоятельствамъ, чувствованіе этого звука окрашивается сильнѣе то однимъ, то другимъ представленіемъ. Только поэту — художнику удается выдѣлить эти ассоціаціи и пользоваться ими, какъ благодарнымъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.—Такимъ образомъ *чувствованіе, сопровождающее звукъ, является чувствованіемъ смѣшаннымъ, окрашеннымъ различными представленіями, измѣнчивымъ въ оттѣнкахъ, т. е. явленіемъ очень сложнымъ*.

Но, чтобы понять музыку рѣчи, мало и этого. Каждый гласный и согласный не стоятъ отдѣльно, а произносятся рядомъ другъ съ другомъ и тутъ выступаетъ на сцену всемогущій законъ относительности.

*) См. подробное изложеніе ученія о чувственномъ тонѣ въ любомъ большомъ руководствѣ о психологіи. Если не признавать гипотезы. Вундта и чувств. тонъ сводить лишь къ различіямъ удовольствія и неудовольствія, различная чувственная окраска звуковъ рѣчи легко объясняется окраской чувствованій, производимой ассоціированными познавательными элементами, и суть нашего разъясненія остается также.

**)Тона--это звуки, вызываемые правильными и непрерывными колебаніями воздуха; шумы—прерывистыми и неправильными.

*)См. въ концѣ статьи объ окрашенномъ слухѣ.

Все въ душѣ воспринимается относительно. „Одновременныя и *послѣдовательныя* ощущенія модифицируютъ другъ друга",—такъ формулируетъ этотъ законъ Джемсъ. Не все равно, скажу я „ар" или „ра": и ощущенія, и чувствованія тутъ будутъ отличны одинъ отъ другого. Далѣе, при сочетаніяхъ звуковъ, кромѣ измѣненныхъ чувствованій, свойственныхъ этимъ звукамъ, появляются новыя чувствованія, свойственныя даннымъ сочетаніямъ. Поэтому, хотя корни музыки стиха и находятся въ отдѣльныхъ звукахъ рѣчи, на практикѣ мы имѣемъ дѣло только съ сочетаніями звуковъ. *Матеріаломъ для музыки стиха являются сочетанія звуковъ и сопровождающія ихъ чувствованія*

При этомъ еще болѣе значительную роль, чѣмъ прежде, начинаютъ играть безчисленныя ассоціаціи по по сходству съ другими звуковыми группами, напр., словами, и ассоціаціи смежности. Часто нельзя выдѣлить, что должно отнести на долю первоначальныхъ чувствованій, что—на долю ассоціированныхъ. Возьмемъ напр. группы звуковъ „лир" и „рил". Первая звучитъ красиво и совершенно отлично отъ второй. Но въ общемъ чувствованіи легко можно замѣтить вліянія ассоціаціи словъ „лиро" и „рыло" или „лиръ".— Группы „здра", „здря" звучитъ въ концѣ двусложныхъ словъ отвратительно, напр. Мездра, Жиздра, Ноздря и т. д. Повидимому, значительную долю такой чувственной окраски ихъ надо бы отнести къ первичнымъ чувствованіямъ этихъ звуковыхъ группъ, хотя участіе ассоціацій очень замѣтно. Но въ началѣ словъ эти же звуки звучатъ съ другою чувственной окраской: напр., здравый, или областное здрячій (зрячій), хотя послѣднее здѣсь звучитъ непріятно.

Эта область совершенно не разработанная и не изслѣдованная. Но какъ бы то ни было, повторяю, эти то звуковыя группы, съ ихъ первичными, съ ихъ ассоціированными чувствованіями и составляютъ тотъ звуковой матеріалъ, изъ котораго, въ непонятной тайнѣ вдохновенія, часто безсознательно для самого себя, создаетъ мелодіи стиха художникъ поэтъ.

Въ обыкновенной рѣчи для насъ незамѣтна вся эта тонкая игра чувствованій, такъ какъ мы обращаемъ вниманіе только на смыслъ словъ, а смыслъ этотъ бываетъ таковъ, что исключаетъ или подавляетъ утонченно—поэтическіе оттѣнки настроеній. Только когда звуки языка намъ мало знакомы и смыслъ его непонятенъ, выдѣляется звуковая сторона рѣчи. Тогда мы говоримъ: такой то языкъ звученъ, красивъ, такой то слишкомъ грубъ, —у этого нѣжные, у того твердые звуки.— По той же причинѣ намъ нравятся отдѣльныя имена, напр., Стелла.

Но лишь въ царствѣ художественной лирики, гдѣ оттѣнки чувствъ такъ неуловимо—тонки, гдѣ и образы, и чувства, и звуки сливаются въ одну возвышенную симфонію, музыка звуковъ достигаетъ полнаго развитія. Тамъ она такъ же относится къ смыслу, какъ аккомпаниментъ къ пѣнію; иногда она еще важнѣе, такъ какъ передаетъ тѣ чувствованія, которыя не передаются словами.

Отсюда уже, естественно, мысль идетъ дальше. Нельзя ли музыку стиха поставить на первый планъ, не будетъ ли она тогда имѣть значеніе сама по себѣ, приближаясь къ значенію музыки инструментальной или пѣнія?

По нашему мнѣнію, отвѣтъ на это долженъ быть данъ безусловно отрицательный. Уже прежде всего композиторъ имѣетъ дѣло со всѣми свойствами звука—съ силою, съ высотою, долготою, съ тэмбрами: отсюда безконечное разнобразіе матеріала. Полная свобода въ связываніи звуковъ въ группы, въ сочетаніи звуковыхъ группъ по извѣстнымъ законамъ — нисколько не стѣсняетъ пользованія этимъ матеріаломъ.— Матеріалъ же поэта у насъ — только

тэмбры звуковъ—семь-восемь тэмбровъ для гласныхъ, да опредѣленное, тоже небольшое, количество шумовъ. Правда, число сочетаній и здѣсь очень велико. Но, вѣдь, во-первыхъ, поэтъ имѣетъ дѣло уже съ готовыми болѣе или менѣе значительными группами звуковъ—словами,—которыя, при всемъ желаніи нельзя измѣнить.

Онъ долженъ добиваться музыкальныхъ эффектовъ, сочетая слова, довольствуясь общимъ впечатлѣніемъ, примиряясь съ неизбѣжными диссонансами.—Но онъ и при этомъ въ высшей степени ограниченъ: ему приходится брать слова не по звуковому ихъ содержанію, а по смыслу, только по мѣрѣ возможности выдерживая музыку стиха. Часто, при отдѣлкѣ стихотворенія, ему приходится колебаться — чему отдать предпочтеніе, музыкѣ стиха или болѣе сильному оттѣнку въ его смыслѣ, и нуженъ очень большой поэтическій вкусъ, опытъ и тактъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ безошибочно.—При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о самостоятельной музыкѣ стиха, развѣ только въ хитроумныхъ поэтическихъ игрушкахъ и кунштюкахъ, при чтеніи которыхъ чувство превзойденной трудности, и чувство новизны и удивленія замѣняютъ или подавляютъ все остальное.—*Музыка поэзіи—это гармонія между музыкой стиха и музыкой смысла.*

Задача поэта даже при такомъ пониманіи очень трудна—можно сказать, еще труднѣе. Приходится, повидимому, сочетать въ гармонію то, что, можетъ быть, не сочетаемо.

Однако, трудъ этотъ въ высшей степени облегчается однимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ. Въ языкѣ ужъ произведена и существуетъ такая частичная гармонизація. Очень многія слова по своимъ звукамъ составляютъ акомпаниментъ смыслу. Напомню звукоподражанія, очень многочисленныя. Но важнѣе ихъ тѣ слова, въ которыхъ сами по себѣ звуки соотвѣтствуютъ смыслу. Такихъ тоже очень много. Напр., милый, нѣжный, угрюмый и т. д.: въ нихъ сочетанія гласныхъ и согласныхъ поддерживаютъ настроеніе, связанное съ ихъ мыслями.

Какъ произошла въ языкѣ гармонизація этихъ двухъ элементовъ? Такъ ли, что когда создавалось слово, сами собою звуки подбирались подъ настроеніе? Это было бы аналогично вдохновенію поэта и отчасти, можетъ быть, играетъ роль въ темной исторіи происхожденія языка. Но можно съ увѣренностью сказать, что часть такихъ случаевъ произошла обратнымъ путемъ. Группы звуковъ, находившіяся въ корняхъ словъ, сопровождаемыхъ характерными чувствованіями, могли пріобрѣсти отъ этихъ словъ извѣстную чувственную окраску, переносимую и въ другія слова. Напр. вліяніе группы „нѣж"—изъ нѣжный или нѣжить можно уловить въ чувственномъ тонѣ такихъ словъ, какъ бѣлоснѣжный, бульденежъ и т. д. Но объ этомъ переносѣ чувствованій придется говорить подробнѣе тогда, когда мы коснемся смысловаго значенія словъ въ поэзіи.

Такъ или иначе, но языкъ доставляетъ поэту не малый запасъ звуковыхъ группъ, чувствованія отъ которыхъ согласуются съ ихъ смысломъ. Безъ этого условія музыка стиха въ полномъ смыслѣ была бы невозможна, оставался бы только ритмъ.—Во время вдохновенія у поэта инстинктивно выливаются слова, и по звукамъ своимъ подходящія къ настроенію. Во время отдѣлки сознательный художникъ умѣетъ сгладить шероховатости и придать стихамъ окончательную музыкальную форму.

Вотъ предварительныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ. Многое здѣсь только намѣчено, такъ какъ подробная разработка не мыслима въ предѣлахъ журнальной статьи. Теперь перейдемъ къ анализу самой стихотворной рѣчи.

V. Основныя понятія о музыкѣ стиха.

Тонкая музыка гласныхъ и согласныхъ, чередованіе звуковыхъ группъ, къ сожалѣнію, не поддается какимъ нибудь опредѣленнымъ законамъ. Все тутъ зависитъ отъ смысла стиха, отъ предшествовавшихъ сочетаній звуковъ, отъ множества тонкихъ условій, и лишь очень тонкій художественный вкусъ поэта необъяснимымъ чутьемъ, какимъ-то наитіемъ слѣдуетъ здѣсь настоящимъ путемъ.

По крайней мѣрѣ *пока* наука со своимъ анализомъ ничего не сдѣлала въ этой области. Экспериментальная эстетика, можетъ быть, и введетъ этотъ вопросъ въ область научнаго анализа; пока же—приходится руководиться только „поэтическимъ слухомъ".

Можно указать примѣры, по которымъ можно почувствовать, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь. И опять на первый планъ приходится выдвинуть Пушкина.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда,
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины....

Или возьмемъ примѣръ изъ Батюшкова.

За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пѣвцовъ увеселялъ.

Или другое Пушкинское:

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Кто, прочтя эти примѣры, не пойметъ этихъ звуковъ, не почувствуетъ, сколько вносятъ они въ настроеніе, какъ прелестна ихъ игра,—для того закрыта эта сторона поэзіи. Для него лучшія произведенія лирики точно цвѣты безъ аромата, точно лѣсъ безъ своего торжественнаго шума.

Хотя общихъ законовъ этой музыки стиха указать нельзя, но есть въ ней нѣкоторыя явленія, болѣе легко замѣтныя, болѣе поддающіяся анализу и, съ которыми необходимо быть вполнѣ знакомыми и поэту, и читателю.—Когда звуковыя группы встрѣчаются только разъ, чувство, возбуждаемое ими, слабо и незамѣтно въ отдѣльности. Въ гулѣ отдаленной толпы не отличишь отдѣльныхъ звуковъ. Эти незамѣтныя чувствованія соединяются, сливаются и всѣ вмѣстѣ плетутъ невидимую ткань настроенія.

Но когда одинъ и тотъ же звукъ или сочетаніе звуковъ повторяется два или нѣсколько разъ, его чувствованіе, накопляясь, выдѣляется изъ другихъ и придаетъ свой характеръ всему настроенію. Это замѣчаніе очень важное. На немъ основывается и поэтическій пріемъ, и поэтическая ошибка.

Дѣло въ томъ, что накопившееся такимъ путемъ чувствованіе можетъ противорѣчить смыслу и настроенію стиха. Тогда оно будетъ дѣйствовать на читателя, какъ фальшивая нота на слушателя и, во всякомъ случаѣ, настроеніе стиха будетъ ослаблено. Или же чувствованія, вызываемыя этимъ подборомъ звуковъ, будутъ соотвѣтствовать общему тону стиха: тогда они могутъ придать ему неподражаемые оттѣнки и силу. Это мы сейчасъ подтвердимъ примѣрами, очень убѣдительно доказывающими значеніе музыки стиха.—Въ первомъ случаѣ—это будетъ, конечно, ошибка или естественный недостатокъ стиха; во второмъ—важный художественный пріемъ, который мы называемъ *аллитераціей*.

Примѣры перваго рода многочисленны. Ихъ можно нерѣдко встрѣтить даже у Пушкина.

Унылая пора, *очей очарованье*.
И старой мнѣ *печали жаль*.
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.

А вотъ примѣръ изъ Полонскаго.

Я за снѣжный несу перевалъ.
И Казбекъ миновалъ, и Крестовую
Миновалъ, недалеко Дарьялъ.

Или его же:

Людямъ роли раздала природа

Стихи поэтовъ XVIII вѣка въ этомъ отношеніи ужасны

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи.

Что касается поэтическаго пріема, *аллитераціи* — то о немъ слѣдуетъ поговорить болѣе подробно.

VI. Аллитерація.

Слово *аллитерація* для большинства звучитъ очень неопредѣленно. Такъ часто называютъ, напр., древне-германскую stabreim. Два, три, четыре слова (корня словъ) въ стихѣ, обыкновенно *совпадающія съ повышеніями*, начинались одной и той же согласной:

Met trinkt Mimir am Morgen tëglich...
Der gast begann mit gluten speien
Und brennender Hofe Brunstlohe hol sich...

Въ одномъ стихѣ могли чередоваться двѣ stabreim (какъ в и h въ третьемъ изъ приведенныхъ нами стиховъ). Всѣ гласные и двугласные считались звуками одного качества, давали одну и туже stabreim.

Oftwârts sass die Alte im Eisenwalde
Die Fahrt über see war
Die eilege zu Ende; austiegen schleunih
и т. д.

Такую stabreim надо отличать отъ аллитераціи въ нашемъ смыслѣ слова: и цѣль, и суть ихъ — совершенно различны.

Цѣль stabreim — отмѣтить и выдѣлить повышенія въ стихѣ; цѣль аллитераціи — вызвать извѣстное чувствованіе, настроеніе. Отсюда и различныя требованія. Для германцевъ качество звука не имѣло значенія, лишь бы какой нибудь звукъ повторялся. Имъ доставляло удовольствіе само повтореніе. Для насъ въ качествахъ звука, въ ихъ различіяхъ вся суть.—Для германцевъ важно было мѣсто звука въ словѣ: онъ долженъ былъ стоять въ началѣ корня; для насъ мѣсто отходитъ совсѣмъ на второй планъ,—однимъ словомъ, stabreim преслѣдуетъ цѣли по преимуществу ритмическія; аллитерація, такъ сказать, мелодическія. Первая—звучитъ, какъ барабанъ при маршѣ;—вторая становится музыкальнымъ аккомпанементомъ. Сходство между ними только въ одномъ: матеріалъ обѣихъ—повтореніе звуковъ; употребленіе же матеріала совершено различно.

Примѣровъ аллитераціи у нашихъ лучшихъ поэтовъ очень много. Вотъ стихи Пушкина и — отвѣтъ „Анониму".

. . . если онъ
Глубоко выразитъ тяжелый сердца стонъ
И выстраданный стихъ, пронзительно унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой.

Надо прочесть все стихотвореніе, чтобы почувствовать, какъ рѣзко и болѣзненно выдѣляется на фонѣ его подчеркнутый стихъ. Онъ дѣйствительно бьетъ по сердцу, похожъ на стонъ.—Въ немъ аллитерація семи звуковъ „и" „ы", изъ нихъ четыре подъ удареніями, т. е. выдѣляются очень сильно.

А вотъ у него же сложная аллитерація звуковъ „и", „е" съ плавными согласными.

„Навѣщать его не смѣли
Бога лиры и свирѣли
Бога свѣта и стиховъ.

Аллитерація н и м:

Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье.

У Лермонтова аллитерація „р":

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ.

У Лермонтова же встрѣчается великолѣпная аллитерація плавныхъ, придающая стиху удивительно мягкій, серьезный и нѣсколько мистическій колоритъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ...
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
Востока лучъ тебя ласкалъ.

Тоже и у Пушкина (съ аллитераціей е).

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,

Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы

„Kennst du das Land“—Гете, о которомъ мы говорили—превосходный образецъ аллитераціи звука плавныхъ.

Другіе примѣры: — изъ Баратынскаго.

И скоро снѣгомъ убѣленныхъ
Своихъ дубовъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

Прекрасная аллитерація „т“. Аллитерація гласныхъ „а“—„я“ у Жуковскаго:

Я взгляну на небеса:
Облака, летя, сіяютъ
И сіяя улетаютъ и т. д.

Этихъ примѣровъ слишкомъ довольно, чтобы доказать, какъ распространенъ этотъ пріемъ у нашихъ классиковъ. Изъ нихъ также вполнѣ можно почувствовать значеніе аллитераціи. Мы сплошь и рядомъ читаемъ хорошее стихотвореніе и чувствуемъ, какъ нѣкоторые стихи почему-то особенно дѣйствуютъ на насъ, захватываютъ, въ нихъ есть что-то особенное, чего мы не можемъ уяснить. Въ такихъ случаяхъ надо обратить вниманіе на музыку стиха,—и въ ней почти всегда найдется разгадка. Таковы, напр. первые стихи Пушкинскаго „Талисмана, первыя строфы „Вѣтки Палестины“ и т. д.

Аллитерирующіе звуки могутъ стоять гдѣ угодно,—въ началѣ, въ срединѣ, въ концѣ словъ: все зависитъ отъ подбора словъ и отъ цѣли поэта. Если надо сдѣлать аллитерацію менѣе замѣтной,— звуки должны больше встрѣчаться въ слогахъ *безударныхъ*, въ срединѣ или въ концѣ словъ; если же надо аллитерацію выдѣлить, ихъ надо размѣщать *подъ удареніями*, особенно въ концѣ стиха и въ срединѣ, передъ остановкой голоса.

Гдѣ росла, гдѣ ты цвѣла,
Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn.

Ярко выдѣляется и аллитерація начальныхъ звуковъ въ словахъ напр. у Эдгара По, въ знаменитомъ „Вороны“:

Deep into that dakness peering long
I stood there wondering.
feariig,

или Пушкинское.

И бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ возводить такой разстановки звуковъ въ принципъ аллитераціи, это значило бы съуживать ея область и пренебрегать удачнымъ опытомъ прежнихъ мастеровъ.—У насъ въ литературѣ встрѣчаются стихотворенія, сплошь построенныя на подборѣ начальныхъ звуковъ словъ. Вотъ примѣры изъ Бальмонта:

1) Ландыши, лютики, ласки любовныя.
Ласточки лепетъ. Лобзанье лучей..
Лѣсъ зеленѣющій, лугъ разцвѣтающій.
Свѣтлый, свободный, журчающей ручей

2) Вечеръ. Взморье. Вздохи вѣтра,
Величавый возгласъ волнъ.
Близко буря. Въ берегъ бьется
Чуждый чарамъ чорный челнъ.

Чуждымъ чистымъ чарамъ счастья
Челнъ томленья и тревогъ,
Бросилъ берегъ, бьется съ бурей,
Ищетъ свѣтлыхъ сновъ чертогъ.

Первое стихотвореніе совершенно не художественно. Прежде всего художественный пріемъ лишь тогда производитъ полное впечатлѣніе, когда не бросается въ глаза его намѣренность или техническая сторона.

Мало впечатлѣнія произведетъ на сценѣ картина бури, если я вижу, какъ сотрясаются желѣзные листы, производящіе громъ, и передвигаются декораціи. Поэтическіе пріемы, вродѣ даннаго, такъ бросаются въ глаза, что чувство удивленія передъ ловкостью автора, разсудочные элементы, вродѣ оцѣнки пріема, чувство новизны и т. д. получаютъ преобладаніе надъ вниманіемъ читателя; звуковая сторона окончательно завладѣваетъ имъ, и на долю смысла не остается почти ничего. Читатель прочитавъ, даже не помнитъ, что прочелъ. Художественная гар-

монія между смысломъ и звуками не достигнута.

Второе стихотвореніе—значительно лучше, такъ какъ въ немъ аллитераціи содѣйствуютъ элементы звукоподражанія, заключающіеся не только въ подборѣ звуковъ, но и въ ритмической игрѣ двухсложныхъ словъ стиха. Но и въ немъ таже дисгармонія между звуками и смысломъ, таже нехудожественно бьющая въ глаза искусственность. Стихъ „Ищетъ свѣтлыхъ сновъ чертогъ“ окончательно портитъ впечатлѣніе. - Прибавимъ, что здѣсь и аллитерація сама сдѣлана не вполнѣ удачно.

Предѣловъ сложности для аллитераціи не существуетъ. Она можетъ, какъ мы видѣли, состоять изъ повторенія цѣлыхъ слоговыхъ группъ въ разныхъ комбинаціяхъ.

Навѣщать его не смѣли
Бога лиры и свирѣли. (Пушкинъ)
Надежды вальсъ звучитъ, звучитъ
И замирая заныкаетъ (Полонскій)
Я уѣзжаю, замираетъ
Въ устахъ обычное прости (Фетъ).

У Полонскаго въ этомъ примѣрѣ аллитерація четырехъ начальныхъ „з“ и аллитерація двухъ сходныхъ четырехсложныхъ словъ.

Въ большинствѣ приведенныхъ нами примѣровъ аллитерація существуетъ сама по себѣ, безъ связи съ другими пріемами. Это *чистая* аллитерація. Еще чаще встрѣчается аллитерація *смѣшанная*, находящаяся въ связи съ другими поэтическими пріемами.

Самый обычный видъ смѣшанной аллитераціи сопровождаетъ *фигуру повторенія*, и его всегда при этой фигурѣ надо принимать во вниманіе.

И звуки пѣсни раздались,
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ.

Въ общемъ впечатлѣніи отъ этой фигуры всегда надо относить извѣстную долю на счетъ повторенія звуковъ, удачнаго или неудачнаго. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Второй видъ смѣшанной аллитераціи—довольно рѣдкій,—когда главной цѣлью аллитераціи является не накопленіе чувствованій отъ тѣхъ или иныхъ звуковъ, а механическое воздѣйствіе самого повторенія, придающее стиху характеръ настойчивости, или рисующее повторяемость описываемаго дѣйствія.

Не на одныхъ помочахъ
Съ дѣтства водила меня эта строгая мать:
Нѣтъ, она била, знобила, язвила, учила [страдать.

При этомъ необходимо, чтобы аллитерація была довольно рѣзка и повторялась нѣсколько разъ, такъ что не могла бы не броситься въ глаза, что лишь очень рѣдко бываетъ къ мѣсту.

Затѣмъ идетъ аллитерація, смѣшанная съ ритмическими пріемами. Таково повтореніе начальныхъ звуковъ въ рядомъ стоящихъ стихахъ. Вотъ стихотвореніе Влад. Соловьева.

Сѣрое небо и сѣрое море
Сквозь золотыхъ и пурпурныхъ листовъ.
Словно тяжелое старое горе
Смолкло въ послѣднемъ прощальномъ [уборѣ
Свѣтлыхъ,прозрачныхъ и радужныхъ сновъ

Формы такой аллитераціи многочисленны, и мы будемъ встрѣчаться съ ними не разъ. Теперь же упомянемъ объ одной, имѣющей очень большую важность: это рифмы, консонансы и ассонансы.

Ремесленники стиха и профаны думаютъ, что вся суть и прелесть рифмы въ ея звонкости. Люди съ болѣе чуткимъ вкусомъ понимаютъ, что есть стихи, гдѣ звонкая рифма къ мѣсту, но что въ другихъ стихахъ она оскорбляетъ поэтическое чувство, какъ слишкомъ яркій уборъ, или вредна для общаго впечатлѣнія, привлекая къ себѣ слишкомъ много вниманія. Поэтическое чутье укажетъ, что не только звонкость или слабость рифмъ имѣетъ значеніе, но и *самый составъ ихъ звуковъ*. Оно укажетъ, что лучшіе художники наши умѣли, при случаѣ, отлично пользоваться этимъ орудіемъ. Вспомнимъ свѣтлыя рифмы у Фета

Звонкимъ роемъ налетѣли,
Налетѣли и запѣли
Пѣсни съ вышины.

Или у несравненнаго Пушкина,

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Развѣ это только звонкія рифмы? Развѣ это не музыка звуковъ? Эти рифмы, то веселыя и легкія, то меланхоличныя, какъ звуки осенняго колокола, сами по себѣ даютъ настроеніе. Приведу для примѣра еще знаменитую „Chanson d'Automne" Верлэна.

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotonne.
Tout suffocant
Et blême quand
Sonne l'heure
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure.

Остается еще одинъ изъ болѣе важныхъ видовъ смѣшанной аллитераціи,—тотъ, въ который отчасти входятъ элементы звукоподражанія. Но вопросъ объ отношеніи аллитераціи къ звукоподражанію довольно сложенъ и требуетъ предварительной разработки. Надо точно выяснить, что такое звукоподражаніе.

VII. Звукоподражаніе.

Звукоподражаніе существенно отличается отъ аллитераціи. Въ послѣдней подборъ звуковъ самъ по себѣ, непосредственно, даетъ настроеніе; въ звукоподражаніи же онъ вызываетъ какое-нибудь представленіе, и уже слѣдствіемъ этого является чувствованіе.

Звонкимъ роемъ налетѣли,
Налетѣли и запѣли...

Здѣсь чистая игра звуковъ, и музыкальное настроеніе зависитъ только отъ нея; оно должно лишь соотвѣтствовать настроенію, вызываемому смысломъ стиха.

Шуми, шуми, послушное вѣтрило!

Это звукоподражаніе. Здѣсь явленіе сложнѣе. Въ стихѣ *говорится* о шумѣ парусовъ; подборъ согласныхъ при этомъ *подражаетъ* ему. Одно и тоже представленіе шума вызывается одновременно двумя путями: 1) его вызываетъ смыслъ стиха,—слова, какъ символы,—это *ассоціація по смежности*; 2) его же вызываютъ похожіе на него звуки стиха, — слова, какъ звуковыя группы, — это *ассоціація по сходству*.—Отсюда получается особая яркость представленія и сопровождающихъ его чувствованій. Звукъ словъ здѣсь служитъ иллюстраціей къ ихъ смыслу.

Чѣмъ опредѣленнѣе смыслъ стиха указываетъ на извѣстный звукъ, тѣмъ легче воспринимается подражаніе ему, тѣмъ ярче воскресающій слуховой образъ. Если же подобнаго указанія нѣтъ, то звукоподражаніе или непонятно и сходитъ за аллитерацію, или же безполезно и даже вредно, отвлекая вниманіе отъ смысла, какъ ошибочно поставленная иллюстрація не къ тому тексту.

Обширный матеріалъ для поэтическаго звукоподражанія даютъ уже одиночныя слова, напр., шуршать, гремѣть, хлопнуть, брякнуть, сами по себѣ возникшія изъ звукоподражаній. Напр., у Голенищева-Кутузова

Колокольчикъ какъ-то вяло
Звякнетъ разъ и замолчитъ...
Дождь барабанитъ по крышѣ (Ал. Толстой)
и т. д.

Но поэтъ часто не удовлетворяется этимъ, такъ сказать, естественнымъ звукоподражаніемъ. Онъ ищетъ широты пріемовъ,—онъ комбинируетъ нѣсколько подходящихъ словъ, чтобы подражать какому-нибудь звуку. Естественно, что всѣ поэты подражаютъ этому звуку почти одинаково, соединяя приблизительно почти одни и тѣ же согласные и гласные. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Звукоподражаніе вѣтру пользуется звуками в и ф.

Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье (Батюшковъ).
La fleur se fane, o fiancée! (J. Laforgue. Complainte du vent).
И вѣстникъ утра вѣтеръ вѣетъ (Пушкинъ).

Вотъ изображеніе шума ручьевъ или ключей:

О лейся, лейся, ключъ отрадный,
Журчи, журчи свою мнѣ быль (Пушкинъ)
Кругомъ стеклянный звонъ льющихся ключей (Майковъ).

Здѣсь въ игру входятъ главнымъ образомъ плавные. Шорохъ, шуршанье и т. п. изображаются шипящими.

Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ.
Меня привѣтствовалъ (Пушкинъ)
Шуми, шуми, послушное вѣтрило (Пушкинъ)

Острый звукъ тростника Верлэнъ рисуетъ такъ:

Cet oiseau, ce roseau sous cet oiseau ce blême
Oiseau sur ce pâle roseau fleuri jadis.

Стукъ копытъ, тяжелые повторные удары, и т. п. изображаются сочетаніями п, б или т, иногда примѣшивается к.

Тяжело - звонкое скаканье
По потрясенной мостовой (Пушкинъ)
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали вмѣстѣ сквозь огни (Пушкинъ)
Топоча хрупкій снѣгъ и по полю помчитъ (Вяземскій)
Будто кто-то постучится, постучится въ дверь ко мнѣ (Бальмонтъ).

Всѣмъ извѣстны звукоподражанін грому:

Какъ будто грома грохотанье (Пушкинъ)
Какъ громъ, гремящій по горамъ (Державинъ).

Любопытны подражанія колокольчикамъ и колоколамъ.

Leise zieht durch mein Gemüt
Liebliches Geläute
Klinge kleines Frühlingslied,
Kling hinaus ins Weite (Heine).

Сюда же знаменитые „колокола" Эдгара По, съ мѣднымъ звономъ звуковъ и ритмическмъ подражаніемъ

How it swells!
How it sweils!
Oh the Future! How it tells,
Of the rapture thatimpels
Jo the swinging and the ringing
Of the bells, bells, bells,
Of the bells, bells, bells, bells,
Bells, bells, bells.
Io the rhyming and the chiming of the bells и т. д.

Здѣсь поэтическій пріемъ обращается ужъ въ tour de force. Къ подобнымъ же звукоподражаніямъ относится Пушкинское

Колокольчикъ динь-динь-динь:
Bin-bam, bin-bam
Les cloches, les cloches
Chansons en l'air, pauvres reproches и т. д. (I. Laforpue)

гдѣ пускаются въ ходъ звукоподражательныя междометія, отъ звука ш очевидно окрашено чувствованіями отъ сходныхъ шумовъ:

Лишь иногда въ тиши глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ (Фетъ).

Но иногда можетъ выдѣляться и связанное съ нимъ по смежности чувство тишины, хотя гораздо слабѣе и смѣшаннѣе:

Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ (Пушкина)

Всѣ эти чувствованія входятъ, повторяемъ, въ общее чувствованіе звука, выдѣляясь то больше, то меньше. Поэтому *во всякой аллитераціи безсознательно ужъ участвуютъ элементы звукоподражанія*.

Въ пріемѣ звукоподражанія смыслъ рѣчи направляетъ на нихъ вниманіе читателя, выдѣляетъ и усиливаетъ тѣ или другіе изъ нихъ. Этимъ только данный пріемъ и отличается отъ аллитераціи.—Однимъ словомъ, одно и тоже сочетаніе звуковъ рѣчи можетъ быть аллитераціей и звукоподражаніемъ. Для послѣдняго необходимо только, чтобы смыслъ рѣчи прямо или косвенно вызывалъ представленіе соотвѣтствующаго звука.

Но, благодаря этому, иногда случается интересная ошибка. Смыслъ рѣчи вызываетъ одно слуховое представленіе, а звуки ея подражаютъ другому. Получается явный, непріятный диссонансъ. Напр. у Языкова.

И валъ великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ.

При словахъ „валъ великанъ, головою качая" для бывшихъ на морѣ слышится дикій ревъ и грохотъ прибоя, а подборъ мягкихъ плавныхъ р—изображаетъ мягкое журчаніе и ропотъ тихихъ волнъ. Или у Майкова

...Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя [журчаньемъ,
Пѣсни тревожить...

Въ смыслѣ стиха вызывается представленіе нѣмой тишины водъ, а звуки—подражаютъ ихъ журчанью.

Благодаря тому же свойству звукоподражанія часто встрѣчаются случаи, когда трудно опредѣлить, звукоподражаніе передъ нами или аллитерація. Это тогда, когда смыслъ иногда очень косвенно, неясно вызываетъ слуховыя представленія.

VIII. Объ „Окрашенномъ слухѣ".

(l'Audition colorée).

Теперь остается разобрать еще одно явленіе, составляющее источникъ особыхъ поэтическихъ эффектовъ, доступныхъ далеко не всѣмъ и не для всѣхъ одинаковымъ образомъ. Это не необходимое условіе пониманія лирики; но если оно есть, то привноситъ нѣкоторые своеобразные поэтическіе эффекты. Я говорю здѣсь объ явленіяхъ синестезіи и другихъ подобныхъ.

Въ то время, когда одинъ изъ органовъ чувствъ получаетъ извнѣ извѣстныя ощущенія, напр. зрительныя, у нѣкоторыхъ лицъ, наряду съ ними, возникаютъ ощущенія или представленія другого порядка, напр. обонятельныя или слуховыя. Напр. я слышу, звукъ „*и*", и у меня возникаетъ, кромѣ звукового представленія, еще представленіе синяго цвѣта или запаха свѣже-скошенной травы.

Вполнѣ установить объясненіе этого явленія до сихъ поръ не удалось. Очень вѣроятно, что оно можетъ вызываться не одною причиной, а нѣсколькими. Напр., у однихъ—ощущенія непосредственно могутъ вызывать другъ друга, происходитъ синэстезія—сочувствіе ощущеній, въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ, если ударишь одну струну, сочувственно вибрируютъ сосѣднія. Но большинство явленій этого рода объясняется легко ассоціаціями. Напр., разныя по существу ощущенія вызываютъ однѣ и тѣ же чувства и благодаря этому вступаютъ въ ассоціацію. Это сказывается и въ образномъ языкѣ, и даже народномъ. Ноги отъ усталости „идутъ". Звонъ колоколовъ названъ „малиновымъ", можетъ быть, благодаря этого рода ассоціаціямъ. У насъ говорятъ „свѣтлая"", „мрачная", „мелодія", „яркіе звуки". Эпитеты у поэтовъ часто основаны на этой ассоціаціи ощущеній по ихъ чувствованіямъ.

Пускай живая трель ярка у соловья (Фетъ) и голосъ яркій соловья (Пушкинъ).

У того и другого этотъ эпитетъ встрѣчается не разъ. Мелкихъ *серебряныхъ* звуковъ игрою плѣнилась (Фетъ).

У Тютчева лучъ утренней зари касается рѣсницъ „Румянымъ, звонкимъ восклицаньемъ" и т. д.—Гласные звуки мы дѣлимъ на свѣтлые напр. *е* и темные—*у*. Безусловно къ этимъ всѣмъ звуковымъ ощущеніямъ примѣшивается по ассоціаціи свѣтовая и цвѣтовая окраска.

Мы уже въ началѣ предыдущей статьи говорили, что чувственный тонъ гласныхъ и согласныхъ бываетъ окрашенъ многочисленными ассоціаціями. Въ число ихъ несомнѣнно входятъ эти зрительныя представленія того или иного свойства въ большей или меньшей степени. Какъ они ассоціируются? Тутъ могутъ быть ассоціаціи и по сходству, и по смежности. Ассоціаціи по сходству обусловливаются, какъ мы видѣли, *сходствомъ чувствованій* отъ различныхъ ощущеній, напр. отъ звука трубы и отъ ярко-краснаго цвѣта. Могутъ быть ассоціаціи и по смежности, напр., данный гласный звукъ находится въ корнѣ словъ, съ которымъ связано сильное цвѣтовое ощущеніе, напр., у меня лично связывается съ звукомъ *а* представленіе краснаго цвѣта, со звукомъ *и*—синяго; *е*—вызываетъ представленіе бѣлаго, *о*—желтаго, оранже-

ваго, *у*—чернаго, тьмы. Бросается въ глаза, что звукъ *а*—стоитъ въ корнѣ слова красный, *и*—синій и т. д. Могутъ быть и другія ассоціаціи по смежности, напр., между звукомъ *у*, междометіемъ *у—у*!—которыми пугали, указывая на что то страшное, на тьму, въ дѣтствѣ, и—представленіемъ темноты, чернаго цвѣта. Наконецъ, могутъ существовать и окрашивать чувственный тонъ звука зачатки дѣйствительныхъ синэстезій.

Однако, все это окрашиваетъ звукъ незамѣтно, все это входитъ въ общее цѣлое, какъ голосъ одной пчелы въ жужжанье роя. Оно способствуетъ музыкѣ стиха—и только.

Иное дѣло, если эти свѣтовые и цвѣтовые элементы начинаютъ ярко выдѣляться, преобладать у даннаго лица или въ данную минуту, если, напр., при звукахъ слова „линіи„ получаются явственныя ощущенія или представленія синяго цвѣта, а стихъ вызываетъ игру всѣхъ цвѣтовъ радуги. Конечно, это явленіе ненормальное. Но вѣдь одно время пытались писать вмѣсто стиховъ цвѣтовыя симфоніи. Надо изучить и оцѣнить такіе факты по отношенію къ поэзіи.

Поставимъ, во-первыхъ, вопросъ,—возможны ли подобныя цвѣтныя симфоніи?

Мы отвѣтимъ: да,. конечно, онѣ возможны. Но желательны ли онѣ для поэзіи? Попытаемся отвѣтить и на это.

Во-первыхъ, окрашеннымъ слухомъ (l'audition colorée) обладаютъ, сравнительно, немногіе. Во-вторыхъ, изъ этихъ немногихъ большинство слышитъ звуки въ самыхъ различныхъ окраскахъ. Rimbaut, въ своемъ сонетѣ на эту тему, такъ опредѣляетъ окраску французскихъ гласныхъ.

A—noir, E—blanc, I—rouge, U—vert, O bleu voyelles. Другіе французы испытываютъ совершенно иныя цвѣтныя ощущенія. Напр. a—желтый, красный, яркокрасный, e—зеленый, кремъ, i—черный, небесно-голубой; o—бѣлый, черный, красный, u—сѣрый, желтый, темнокрасный и т. д.

Итакъ, чтобы понять симфонію цвѣтовъ Rimbaut, надо не только обладать окрашеннымъ слухомъ, но и еще такимъ же точно, какъ и онъ, а ужъ это, конечно, бываетъ еще рѣже.—И такъ прежде всего, писать такія цвѣтовыя симфоніи — значитъ писать для нѣсколькихъ, немногихъ лицъ.

Но этого мало. Такія цвѣтовыя симфоніи — искаженіе поэзіи: яркая игра цвѣтовъ, привлекая къ себѣ все вниманіе, отвлекаетъ его и отъ звуковъ, и отъ смысла. Получается нѣчто очень не желательное—вродѣ цвѣтныхъ фонтановъ.—Человѣку съ слишкомъ *яркимъ* окрашеннымъ слухомъ недоступно пониманіе лучшихъ перловъ поэзіи, особенно лирики, гдѣ и музыка стиха, и смыслъ, и всѣ стороны поэзіи должны сливаться въ одну гармонію. Поэтъ, какъ хорошій регентъ хора, пользуется всѣми голосами, всѣ у него въ рукахъ, и звучатъ, и содѣйствуютъ общему впечатлѣнію, а онъ, согласно своей цѣли, то затѣняетъ одни, то выдвигаетъ другіе. И не суживать количество голосовъ, а расширять хоръ—вотъ къ чему долженъ стремиться поэтъ. Читатель, слушающій изъ всего этого хора только одинъ голосъ,—плохой читатель.

Теперь возникаетъ другой вопросъ—не мѣшаетъ ли вообще окрашенный слухъ пониманію поэзіи. Намъ кажется, что не мѣшаетъ, если онъ слабъ, если цвѣтовыя ощущенія не подавляютъ всѣ прочія и возникаютъ не всегда, а при особыхъ условіяхъ, т. е. если они составляютъ одинъ изъ добавочныхъ голосовъ хора. Но голосъ этотъ долженъ приспособляться къ другимъ голосамъ и къ общему замыслу поэта.

Скажу объ этомъ кое-что изъ своего опыта. У меня окрашенный слухъ слабъ и замѣтно проявляется лишь иногда, когда музыка стиха необычайно хороша и вызываетъ особое эстетическое возбужденіе, подъемъ духа. Напр., когда я читаю:

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины
[и т. д.

Я слабо вижу, словно сквозь сѣрую дымку густого тумана, игру серебристыхъ и красныхъ цвѣтовъ, кое гдѣ переливающихъ въ темный. Это вноситъ особую прелесть въ воспріятіе стиховъ. Но чуть яркость этихъ зрительныхъ, второстепенныхъ, сопровождающихъ, аккомпанирующихъ ощущеній начинаетъ повышаться,—я чувствую, что музыкальная и смысловая сторона стихотвореній начинаетъ отходить на второй планъ. Вмѣстѣ съ этимъ я читаю ужъ, значитъ, не стихотвореніе Пушкина а что-то совсѣмъ иное. Изъ всего хора слушаю только одинъ голосъ, и при этомъ такой, котораго авторъ даже не имѣлъ и въ виду.

И такъ, по всей видимости, чтобы окрашенный слухъ не только не вредилъ, а даже способствовалъ полному истинному пониманію поэзіи, необходимы два условія:

1) Чтобы чувственный тонъ цвѣтовыхъ представленій вполнѣ соотвѣтствовалъ чувственному тону слуховыхъ; чтобы оба эти элемента только поддерживали другъ друга, создавая настроеніе, а не мѣшали одно другому.—Конечно, это условіе, разъ мы имѣемъ дѣло съ ассоціаціей ихъ по чувственному тону, выполняется. Въ другихъ же случаяхъ, вѣроятно, происходитъ извѣстное взаимоприспособленіе обоихъ элементовъ.

2) Чтобъ цвѣтовыя ощущенія были достаточно слабы, чтобы они не получали преобладанія, а въ гармоніи со звуковыми составляли только аккомпаниментъ къ смыслу.

Если оба эти условія на лицо, то окрашенный слухъ—тоже, что новый, прекрасно звучащій, инструментъ въ хорѣ: онъ только поддерживаетъ, усиливаетъ общее настроеніе, которое было задачей поэта. Тутъ игра цвѣтовъ производитъ тоже, что игра звуковъ, тоже, что музыка стиха; игрой чувственныхъ тоновъ обѣ онѣ создаютъ настроенія.

Но любопытно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ параллель между музыкой стиха и цвѣтовыми эффектами его можно провести еще далѣе.—Мы говорили, что звуки стиха могутъ быть иллюстраціей для его смысла — въ звукоподражаніи. Въ стихѣ, напр., говорится о шумѣ лѣса, а подборъ согласныхъ—подражаетъ этому шуму, изображаетъ его.—Тоже можетъ случиться и при окрашенномъ слухѣ, именно, если онъ обусловленъ ассоціаціями цвѣтовыхъ ощущеній съ коренными гласными ихъ названій, если, напр., (какъ было сказано выше), звукъ *а* вызываетъ ощущеніе краснаго цвѣта (крас—), и—синяго (син—), *е*—бѣлаго (бѣл—) и т. д. Тогда получаются прелестные эффекты.

Лучъ зари сіяетъ алый,
Серебрится снѣжный прахъ (Пушкинъ).

Первый стихъ весь окрашенъ алымъ цвѣтомъ, достигающимъ яркой интенсивности съ послѣднимъ его словомъ, а вторымъ стихомъ его смѣняютъ серебристые оттѣнки, и въ концѣ опять ярко вспыхиваетъ алое сіяніе. Получается удивительная цвѣтовая иллюстрація къ смыслу.—Здѣсь сила представленія цвѣтовъ, какъ при звукоподражаніи, вызывается двумя путями сразу: 1)—смысловымъ значеніемъ слова и 2) цвѣтовой окраской его гласной.

Въ такой степени и при такихъ условіяхъ окрашенный слухъ, мнѣ кажется, можно считать не только не вреднымъ, но даже и желательнымъ для любителей и знатоковъ поэзіи. Конечно, безъ него можно также глубоко чувствовать и понимать поэзію, какъ и съ нимъ; но онъ вноситъ долю эстетическаго наслажденія, которою не должно пренебрегать.

С. Поварнинъ.

Изъ записной книжки провинціала.

III.

Интеллигентные кружки.

Смарагда Горностаева.

Съ давнихъ поръ, на всемъ необъятномъ пространствѣ русскаго государства, въ разныхъ его „градѣхъ и весяхъ“, лучшія умственныя силы страны постоянно стремились къ извѣстному сплоченію, къ извѣстной группировкѣ. Въ старину такіе кружки, не имѣя подъ собою твердой реальной почвы, настолько-же быстро рушились, насколько и быстро создавались. Это былъ порывъ, а не выработанное самою жизнью и строго обдуманное начинаніе. Даже въ столицахъ эти кружки не были особенно долговѣчны, хотя они возникали тамъ уже въ екатерининское время и особенно въ царствованіе Александра I. Многіе русскіе дѣятели на поприщахъ государственномъ, научномъ, литературномъ и артистическомъ получили въ этихъ кружкахъ свое, такъ сказать, умственно-нравственное и общественное крещеніе. Но общія условія русской жизни мало благопріятствовали ихъ развитію, хотя они, эти кружки, все же имѣютъ свою великую заслугу, какъ положившіе фундаментъ всей дальнѣйшей русской умственно-общественной дѣятельности. Жизнедѣятельность этихъ кружковъ неразрывно связана съ теченіями и направленіями жизни. Общественная жизнь пробуждается, пробуждаются или вновь возрождаются и интеллигентные кружки. Жизнь замираетъ,—и кружки или также замираютъ, или вовсе упраздняются. Особенно глухая пора какъ для общественной жизни, такъ и для интеллигентныхъ кружковъ была въ послѣдніе годы XVIII вѣка, когда даже призванное къ жизни Екатериной II и впослѣдствіи оказавшее громадныя культурныя услуги Россіи—вольное экономическое общество принуждено было прекратить свое существованіе. Но глухая пора миновала, въ жизнь ворвалась волна свѣжаго воздуха,—и совсѣмъ было исчезнувшіе интеллигентные кружки вновь возродились.

Такимъ образомъ, на развалинахъ екатерининскихъ кружковъ возникли александровскіе, а на приготовленной этими послѣдними почвѣ выросли кружки николаевскаго времени, особенно-же кружки соро-

ковыхъ годовъ, положившіе начало не призрачному, а настоящему нашему національному міросозерцанію, создавшіе разцвѣтъ русской науки, литературы и искусства.

До сороковыхъ годовъ была пора младенчества русской мысли, съ этихъ-же поръ началась ея юность.

Но если до сороковыхъ годовъ интеллигентные кружки даже въ столицахъ переживали постоянныя перемѣны и не могли утвердиться на болѣе твердой почвѣ, то положеніе ихъ въ провинціи было еще болѣе жалкое. Въ провинціальныхъ градѣхъ и весяхъ въ сущности даже не было никакихъ кружковъ, а были лишь одинокіе прекраснодушные Кулигины, собиравшіеся для пріятельскихъ бесѣдъ въ самомъ ограниченномъ числѣ для того, чтобы втихомолку возмущаться „дикими нравами“ окружающей ихъ жизни. Дѣйствительные кружки возникали лишь въ университетскихъ городахъ, въ родѣ Казани, Кіева и пр. Кружки эти предпринимали, по примѣру столичныхъ, разныя періодическія изданія, занимались „науками и искусствами“, при лучшихъ обстоятельствахъ, производили изслѣдованія мѣстнаго края, преимущественно въ археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ и отчасти статистическомъ отношеніяхъ. Но эта работа, носящая характеръ отчасти—и это въ лучшемъ смыслѣ—академическо-обывательскій, а отчасти празднаго безплоднаго любопытства, а еще хуже — празднаго развлеченія, гдѣ „наука и искусство“ служили лишь маленькой прелюдіей къ гомерическому пьянству, не могли удовлетворять ни горячаго чувства, ни пытливаго ума. И кружки, „не успѣвши разцвѣсть, отцвѣтали“...

Болѣе продуктивная и сознательная пора въ исторіи провинціальныхъ интеллигентныхъ кружковъ началась одновременно со столичными, и именно, какъ мы уже сказали выше, съ сороковыхъ годовъ. Въ это время мы уже имѣли не однѣ оды екатерининскаго времени, не однѣ прекраснодушныя эллегіи и повѣсти начала XIX вѣка. У насъ были уже Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и др., въ нашихъ университетахъ стали появляться выдающіеся ученые, образованное общество количественно выросло, среди него уже не рѣдкость было встрѣтить людей, знакомыхъ съ послѣднимъ словомъ европейской науки и проникнутыхъ не только внѣшне, но и внутренне европейскими идеями. Наконецъ, въ это-же время изъ среды московскаго кружка Станкевича выдвинулся незабвенный въ лѣтописяхъ нашей литературы и общественной жизни Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, этотъ „неистовый Виссаріонъ“, этотъ „учитель жизни“, это „великое сердце“... По словамъ современниковъ, каждая статья этого благороднѣйшаго изъ людей и величайшаго изъ русскихъ критиковъ читалась и много разъ перечитывалась съ захватывающимъ интересомъ не только въ столицахъ, но и въ захолустьяхъ суроваго сѣвера, оренбургскихъ степей, далекой сибирской тайги и центральной Россіи—тѣми культурными одиночками, тѣми прекраснодушными Кулигинами, которые хотя и задыхались въ смрадѣ господствующихъ въ жизни „дикихъ нравовъ“, но все-же умѣли сохранять въ своей душѣ искру Божію, умѣли понимать чуждую невѣжественному большинству благую проповѣдь и, хотя-бы втихомолку, улучшеніемъ своей личной жизни и улучшеніемъ отношеній своихъ къ ближнимъ отзываться на ея благородные порывы.

Въ сущности эта пламенная проповѣдь „неистоваго Виссаріона“ и была тѣмъ связующимъ элементомъ, который внесъ въ наши столичные и въ особенности провинціальные интеллигентные кружки жизнь, душу, основной принципъ и придалъ имъ такую нравственную силу, что даже наступившая съ конца 40-хъ годовъ мрачная реакція не могла

уже остановить движенія, окончившагося паденіемъ крѣпостного права и положившаго, если можно такъ выразиться, зародышъ знаменитой „эпохѣ великихъ реформъ". Въ это время въ провинціи не малую культурную роль сыграли также и „Губернскія Вѣдомости", появившіяся въ нашихъ губернскихъ городахъ съ конца тридцатыхъ годовъ. Вокругъ редакцій неофиціальной части нѣкоторыхъ изъ этихъ „Вѣдомостей" сгруппировалась тогда вся мѣстная интеллигенція, проникнутая идеями Бѣлинскаго и жаждавшая принести своему отечеству посильную пользу. Нерѣдко во главѣ „Губернскихъ Вѣдомостей" стояли люди, прославившіеся потомъ въ литературѣ. Напр., редакторомъ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" былъ въ то время П. И. Мельниковъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго,—авторъ весьма популярныхъ среди читающей публики романовъ: „Въ лѣсахъ" и „На горахъ". Впрочемъ, Мельниковъ „свихнулся" еще въ молодыхъ годахъ. Оставивъ педагогическое поприще, онъ сдѣлался губернаторскимъ чиновникомъ, и съ тѣхъ поръ начались его „военныя дѣйствія" противъ „древляго благочестія" и другихъ сектъ,—„военныя дѣйствія", которыя сильно омрачили его не только писательскую, но и личную репутацію... До сихъ поръ еще среди старообрядческаго и сектантскаго населенія Нижегородскаго Поволжья ходятъ мрачные разсказы о раззореніи керженскихъ скитовъ и другихъ, вольныхъ и невольныхъ, дѣяніяхъ этого даровитаго бытописателя раскольничьяго быта... Впрочемъ, условія русской жизни таковы, что удивляться подобнымъ, казалось-бы, съ перваго взгляда, страннымъ явленіямъ не приходится!..

Во всякомъ случаѣ, какъ бы отрицательно не относились мы къ служебной дѣятельности и нѣкоторымъ личнымъ качествамъ П. И. Мельникова, его труды, какъ редактора „Губернскихъ Вѣдомостей", да еще въ такое безпросвѣтное въ общественнымъ отношеніи время, какъ тридцатилѣтіе, предшествовавшее воцаренію Александра II, заслуживаютъ всяческаго одобренія,—да и вообще многія изъ „Губернскихъ Вѣдомостей" сороковыхъ, пятидесятыхъ и даже шестидесятыхъ годовъ, вплоть до развитія въ провинціи настоящей журналистики, дали громадный и цѣнный матеріалъ по изученію мѣстнаго края,—матеріалъ, которымъ съ успѣхомъ пользовались какъ дѣятели освободительной эпохи, такъ и выдающіеся ученые того-же времени. И этотъ матеріалъ былъ собранъ все тѣми-же прекраснодушными Кулигиными, группировавшимися въ тѣсные дружескіе кружки, видящими передъ собою, благодаря Бѣлинскому, уже извѣстныя общественныя задачи и смотрѣвшими на свои скромныя труды, не какъ на праздную, „въ часы досуга", забаву, а какъ на настоящее, хотя и маленькое, дѣло, которое въ будущемъ дастъ свои плоды.

Такихъ интеллигентныхъ кружковъ въ провинціи того времени было много. Вліяніе ихъ на мѣстную жизнь, несмотря на то, что они носили частный характеръ, было большое.

Къ числу наиболѣе крупныхъ изъ такихъ кружковъ относится „второвскій кружокъ" въ Воронежѣ—кружокъ, безъ котораго русская литература едва-ли могла-бы видѣть въ числѣ своихъ выдающихся представителей такого поэта, какъ И. С. Никитинъ. Только проникнутые глубокой любовью къ человѣчеству, далекіе отъ всякой офиціальной условности, вѣрные великимъ завѣтамъ „учителя жизни", люди могли такъ тепло, съ участіемъ, отнестись къ какому-то „дворнику" накропавшему „стишки" въ мѣстныхъ „Губерн. Вѣдомост.". Вотъ что пишетъ по этому поводу біографъ воронежскаго поэта М. Де-Пуле: „Ни-

китина, того „Никитина“, который честно прошелъ своей недолгій жизненный путь, могло-бы и не быть; дворнику Никитину нужно было перерожденіе къ жизни новой, могущее совершиться только подъ вліяніемъ человѣка, сердечно его любящаго и глубоко ему преданнаго. Не знаемъ, что подумалъ бы читатель, но когда мы (т. е. „второвскій кружокъ“) въ первый разъ прочитали письмо Никитина къ Средину (редактору неоф. части „Воронежскихъ Губ. Вѣд.“), намъ почему-то пришелъ на память Бѣлинскій... На его (Никитина) письмо-исповѣдь нельзя было отвѣчать любезнымъ, даже теплымъ письмомъ; если письмомъ отвѣчать, то надобно, чтобы строки его горѣли чувствомъ, надобно, чтобы не языкъ и голова, а душа въ немъ говорила! Но всякій-ли на это способенъ, да и въ правѣ-ли кто бы то ни былъ заявлять подобныя требованія отъ людей? Къ счастью Никитина, такой человѣкъ нашелся въ Воронежѣ—это былъ Николай Ивановичъ Второвъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчаются въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, чрезвычайно бѣдныхъ литературными и вообще умственными интересами. Въ столицахъ, и отчасти въ университетскихъ городахъ, люди, подобные Второву, мало замѣтны. Настоящее мѣсто ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ въ обществѣ не замѣчается никакихъ признаковъ умственной жизни: тамъ они прогоняютъ спячку, отыскиваютъ какіе-нибудь мѣстные интересы, возбуждаютъ къ нимъ сочувствіе и, во имя ихъ, собираютъ около себя кружки даровитыхъ и образованныхъ людей... Но ни одинъ изъ такихъ провинціальныхъ кружковъ не заявилъ такъ громко о своемъ существованіи и не оставилъ такихъ живыхъ и прочныхъ слѣдовъ, какъ кружокъ второвскій... Второвъ переѣхалъ изъ Петербурга въ 1849 г. и поступилъ на службу совѣтникомъ губернскаго правленія. Почти одновременно съ нимъ явился въ Воронежъ, также изъ Петербурга, и поступилъ товарищемъ гражданской палаты товарищъ его по университету, другъ и близкій родственникъ К. О. Александровъ-Дальникъ, молодой человѣкъ съ тѣми-же вкусами и направленіемъ. Второвъ и Дальникъ рѣзко отличались отъ образованной молодежи тогдашняго времени, не умѣвшей ни къ чему приложить знанія, выносимыя ею изъ университетовъ. Образованность ихъ была самобытна, съ научнымъ направленіемъ, и ничего диллентскаго не имѣла; они опирались не на одну только журналистику, но и на серьезное знакомство съ французской и нѣмецкой литературами. Поселившись въ Воронежѣ, Второвъ и Дальникъ все свободное отъ служебныхъ занятій время тотчасъ-же посвятили мѣстной археологіи, статистикѣ и этнографіи. Они отыскивали древніе акты, начали приводить ихъ въ порядокъ и готовить къ печати; они дѣлали поѣздки по губерніи съ этнографической цѣлью; они искали знакомства съ людьми, которые если не занимались, то были способны къ подобныхъ занятіямъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. умѣньи ихъ находить людей и возбуждать ихъ къ умственной дѣятельности, они обнаружили рѣдкія способности; только что кончившіе курсы университетскіе студенты, учителя кадетскаго корпуса, гимназіи, семинаріи, священники, даже учителя рисованія и фотографы,—все это, всѣ и каждый, несъ свою дань изученію мѣстности, чѣмъ кто могъ,—статьями, замѣтками, рисунками и т. п. „Воронежскія Губ. Вѣдомости“ сдѣлались органомъ этихъ мѣстныхъ тружениковъ, далеко, впрочемъ, не исчерпавшимъ всѣхъ ихъ работъ. Въ квартирѣ Второва всѣ эти люди сходились, собирались запросто, когда кто хотѣлъ, безъ особенныхъ назначеній вечеровъ. Здѣсь разсу-

ждали о мѣстныхъ интересахъ, составляли планы новыхъ работъ, читали новыя замѣчательныя вещи. Но второвскій кружокъ, однако, не имѣлъ въ себѣ ничего педантичнаго, онъ не состоялъ изъ людей только пишущихъ, собирающихъ матерьялы, рисующихъ поющихъ, играющихъ на томъ или иномъ музыкальномъ инструментѣ и т. п.,—въ него былъ свободный доступъ всѣмъ хорошимъ, образованнымъ и мыслящимъ, людямъ, изъ него были изгнаны карты. Словомъ, все, что было въ Воронежѣ мыслящаго, Второвъ сумѣлъ соединить вокругъ себя, сумѣлъ воодушевить и подвинуть на работу; своимъ братскимъ участіемъ онъ далъ ровную жизнь и поэту Никитину; онъ былъ непосредственнымъ виновникомъ того рѣдкаго у насъ явленія, что скромные труженики науки и искусства, нѣкоторые, напр., изъ воронежскихъ педагоговъ, становились потомъ извѣстными спеціалистами"...

И все это было послѣ 1848 года, въ глуши русской провинціи, далеко отъ университетовъ...

Я не берусь, конечно, писать исторіи всѣхъ провинціальныхъ кружковъ, функціонировавшихъ въ нашемъ отечествѣ въ теченіе XIX столѣтія. Въ отрывочныхъ замѣткахъ своей „записной книжки" я отмѣчаю лишь или свои личныя впечатлѣнія и наблюденія, или вообще все то, что по какимъ-либо обстоятельствамъ обратило на себя мое особливое вниманіе.

Благодаря исключительнымъ условіямъ и даже вопреки суровому режиму того времени, интеллигентные кружки сыграли весьма крупную роль въ общественной жизни Одессы и Тифлиса въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Въ смыслѣ изученія громаднаго камско-волжскаго края и даже Сибири важное значеніе имѣлъ въ первой четверти XIX столѣтія сгруппировавшійся при только что возникшемъ тогда казанскомъ университетѣ кружокъ Фукса. Да и вообще Казань вплоть до девятидесятыхъ годовъ играла видную культурную роль во всей восточной части Европейской Россіи. Казанскій университетъ далъ нашему отечеству цѣлый рядъ выдающихся общественныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ въ лицѣ какъ профессоровъ, такъ и питомцевъ. Кому не извѣстны громкія имена такихъ „казанцевъ", какъ великій русскій математикъ Н. И. Лобачевскій, профессора Щаповъ, Н. А. Виноградовъ, В. М. Бехтеревъ, Н. П. Загоскинъ и пр. Изъ питомцевъ казанской alma mater отмѣтимъ С. Т. Аксакова, П. Д. Боборыкина, композитора Балакирева, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и земца, „піонера провинціальной печати" А. С. Гацискаго и др. Въ той-же Казани въ началѣ 70-хъ годовъ организовался интеллигентный кружокъ вокругъ лучшаго въ свое время провинціальнаго органа печати „Камско-Волжской Газеты", къ сожалѣнію, по независящимъ обстоятельствамъ существовавшей весьма не долго. Душою этой симпатичной газеты былъ Н. Я. Агафоновъ, а однимъ изъ главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ—А. С. Гацискій, бывшій тогда секретаремъ нижегородскаго статистическаго комитета.

Слѣдуетъ замѣтить, что Нижній-Новгородъ почти до самаго послѣдняго времени былъ въ культурномъ отношеніи тѣсно связанъ съ Казанью. Связь эта обусловливалась съ одной стороны такимъ великимъ воднымъ путемъ сообщенія, какъ Волга, а съ другой—тѣмъ, что до половины 70-хъ годовъ Нижегородская губернія входила въ составъ казанскаго учебнаго округа. Отсюда понятно, что большинство питомцевъ нижегородскихъ средне-учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, дѣлались со временемъ питомцами казанскаго университета и казанской духовной академіи.

Съ середины 80-тыхъ годовъ въ Казани началъ издаваться „Волжскій Вѣстникъ", бывшій въ теченіе почти

цѣлаго десятилѣтія виднымъ органомъ провинціальной печати. Его редакторъ Николай Павловичъ Загоскинъ былъ не только талантливымъ профессоромъ, но оказался и еще болѣе талантливымъ публицистомъ и злободневнымъ фельетонистомъ. Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ", и Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ" печатались надѣлавшія большой шумъ статьи Ремезова о расхищеніи башкирскихъ земель, а затѣмъ тѣ-же газеты явились своего рода органами сгруппировавшагося въ серединѣ 80-тыхъ годовъ нижегородскаго интеллигентнаго кружка.

Впрочемъ, интеллигентные кружки функціонировали въ Нижнемъ-Новгородѣ уже въ сороковыхъ и даже тридцатыхъ годахъ, но развитіе ихъ съ болѣе или менѣе широкими задачами могло проявиться лишь въ періодъ „эпохи великихъ реформъ". Не перечисляя всѣхъ нижегородскихъ дѣятелей знаменательныхъ въ общественно-интеллектуальной жизни Россіи шестидесятыхъ годовъ, отмѣтимъ такую крупную и самобытную личность, какъ Викторъ Ивановичъ Рагозинъ, составитель (при посредствѣ, впрочемъ, цѣлой группы интеллигентныхъ людей Поволжья) недоконченнаго, къ сожалѣнію, капитальнаго труда „Волга", основатель многихъ промышленныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій въ „градѣ Минина", давшій сильный толчокъ широкому развитію судоходства на Волгѣ и ея притокахъ, наконецъ, какъ первый обратившій серьезное вниманіе на кавказскіе нефтяные источники и начавшій ихъ эксплоатацію, и такимъ образомъ, слѣдовательно, давшій Россіи дешевое освѣщеніе. Одновременно съ нимъ начинаетъ выдвигаться пользующійся всероссійской извѣстностью, какъ „делегатъ провинціи", піонеръ ея печати, убѣжденный земецъ, нынѣ покойный Александръ Серафимовичъ Гацискій, о которомъ мы упоминали уже выше. Въ теченіе многихъ лѣтъ Гацискій въ Нижнемъ былъ, можно сказать, лидеромъ мѣстной интеллигенціи, въ которой здѣсь, впрочемъ, никогда не было недостатка. Въ „градѣ Минина" всегда чтили не только патріотическія въ истинномъ смыслѣ слова, но и широкія общественныя, земскія традиціи, которыя вмѣстѣ съ своеобразной прелестью чисто-русскаго ландшафта, окружающаго этотъ древній городъ, воспитали не мало не только прекраснодушныхъ Кулигиныхъ, но и „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ и Платоновъ". Я могу перечислить цѣлые десятки выдающихся именъ, которыя дало Нижегородское Поволжье русской наукѣ, литературѣ, искусству, обществу, государству, церкви. Въ книжкѣ того-же Гацискаго „Люди Нижегородскаго Поволжья" приведены списки этихъ „людей", изъ которыхъ, къ слову сказать, можно выкинуть добрую половину. Покойный „піонеръ провинціальной печати", при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ какъ общественнаго дѣятеля, такъ и писателя, имѣлъ нѣкоторыя странности, свойственныя обыкновенно многимъ нашимъ провинціальнымъ работникамъ пера, черезчуръ уже долго засидѣвшимся на одномъ и томъ-же мѣстѣ... Онъ считалъ возможнымъ ввести въ мѣстный „пантеонъ" достопримѣчательныхъ людей такихъ лицъ, которые въ сущности ничего достопримѣчательнаго изъ себя не представляли и лишь по снисходительному провинціальному глазомѣру Гацискаго казались ему „подающими надежды", или-же такихъ „дѣятелей", которые, хотя и были характерными для даннаго времени и края и даже могли-бы быть интересными въ мемуарахъ и воспоминаніяхъ, но, по отрицательному характеру своей дѣятельности, не удобны въ „пантеонѣ", хотя-бы и мѣстномъ... Эта слабость нижегородскаго бытописателя,—слабость, которой позавидовалъ-бы даже гоголевскій Плюшкинъ—тщательно собирать и потомъ

хранить, какъ святыню, всякое мѣстное „добро“, не считаясь съ его цѣнностью,—и дала въ свое время небезъизвѣстному теперь сотруднику „Міра Божьяго“ А. И. Богдановичу сдѣлать Гацискому на страницахъ „Казанскаго Биржевого Листка“ нѣсколько, можетъ-быть, поспѣшныхъ, желчныхъ упрековъ. Впрочемъ, дальнѣйшая дѣятельность Гацискаго, въ томъ числѣ энергическія рѣчи его въ губернскомъ земскомъ собраніи относительно вводимаго тогда института земскихъ начальниковъ и противъ посягательства на публичность и гласность земскаго собранія со стороны нѣсколькихъ „не земскихъ“, а „дворянскихъ дворянъ“,—какъ именовалъ въ ту пору такихъ „столповъ отечества“ князь Мещерскій,—доказала, что общественная репутація Гацискаго такъ же безупречна и чиста, какъ и въ дни его молодости, въ шестидесятые годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, она убѣдила и г. Богдановича, какъ неудачны были его упреки. Та-же ревность къ своимъ обязанностямъ „хранителя печати“ и еще разъ поставила этого симпатичнаго дѣятеля въ комическое положеніе. Въ концѣ 80 или въ началѣ 90-тыхъ годовъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстной архивной коммиссіи Гацискій внесъ предложеніе (точной редакціи его не помню, но сущность его именно такова) о выработкѣ программы чествованія трехсотлѣтія памяти Минина, которое исполнится въ 1912—13 г.г.... Присутствовавшій на засѣданіи губернаторъ Н. М. Барановъ замѣтилъ, что не слишкомъ-ли рано докладчикъ задумалъ вырабатывать программу чествованія такого событія, взгляды на которое черезъ 20 слишкомъ лѣтъ могутъ радикально измѣниться, и при этомъ разсказалъ не то анекдотъ, не то дѣйствительный фактъ о существующемъ въ одномъ англійскомъ городѣ учебномъ заведеніи, учрежденномъ на средства, образовавшіяся изъ процентовъ на небольшой капиталъ, пожертвованный еще за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ однимъ чудакомъ. Намѣренія жертвователя сами по себѣ были прекрасны, но онъ обусловилъ свое пожертвованіе тѣмъ, чтобы въ основанномъ на образовавшійся капиталъ учебномъ заведеніи всѣ науки преподавались по программамъ и учебнымъ руководствамъ его времени... И вотъ построили громадное зданіе, обставили его шикарно, руководствуясь понятно, всѣми архивными данными о томъ, какъ обставлялись подобныя учебныя заведенія во времена жертвователя, за крупное вознагражденіе нашлись и преподаватели, а желающихъ учиться въ такомъ „архивномъ“ училищѣ оказалось всего лишь два лица...

— Опасаюсь,—не безъ ироніи замѣтилъ Барановъ,—что охотниковъ осуществлять нашу программу черезъ двадцать лѣтъ найдется и того менѣе...

Такой мѣстный патріотизмъ „хранителя печати“ привелъ къ тому, какъ мы уже видѣли выше, что онъ въ свои списки „людей Нижегородскаго Поволжья“ на половину помѣстилъ лицъ вовсе не достопримѣчательныхъ, да и изъ этой половины три четверти нужно отнести на долю лицъ, имѣющихъ значеніе лишь для мѣстнаго края. Но и остающаяся одна восьмая списковъ, въ которыхъ приводится сотни двѣ—три фамилій, можетъ наглядно демонстрировать богатство Нижегородскаго Поволжья выдающимися дарованіями.

Въ кружкѣ Гацискаго группировалась цѣлая плеяда мѣстной интеллигенціи: земцы, педагоги, врачи, представители судебнаго вѣдомства и адвокатуры. Здѣсь не лишнимъ считаемъ отмѣтить такого выдающагося мѣстнаго общественнаго дѣятеля, земца, юриста и писателя, какъ нынѣшній предсѣдатель нижегородской губернской земской управы А. А. Савельевъ. Въ этомъ кружкѣ и пишущій эти строки получилъ, если можно такъ выразиться, свое

общественное и литературное крещеніе.

Кромѣ „людей Нижегородскаго Поволжья“, Гацискимъ въ разное время были выпущены отдѣльными изданіями: „Нижегородка“ (приведенной въ ней легендой объ основаніи знаменитаго въ своемъ родѣ „развеселаго Кунавина—села“ воспользовался впослѣдствіи для своей драмы „Чародѣйка“ И. В. Шпажинскій), „Нижегородскій лѣтописецъ“. (Впрочемъ, по мѣстной исторіи, у Гацискаго былъ предшественникъ Н. И. Храмцовскій, издавшій въ концѣ 50-хъ годовъ исторію Нижняго Новгорода).

Въ семидесятыхъ годахъ между А. С. Гацискимъ и извѣстнымъ писателемъ Д. Л. Мордовцевымъ возникъ надѣлавшій въ свое время много шума въ печати споръ, способна-ли русская провинція къ самостоятельной интеллектуально-общественной жизни или-же она постоянно должна идти на привязи у столицъ. Въ отвѣтъ на отрицательное отношеніе къ провинціи со стороны г. Мордовцева, Гацискій выпустилъ особую брошюрку: „Смерть провинціи или нѣтъ?“ „Піонеръ провинціальной печати“ горячо стоялъ за великое будущее русской провинціи. Конечно, въ то время этотъ споръ носилъ преимущественно теоретическій характеръ, но теперь никто уже не сомнѣвается, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ. Сама жизнь доказала, что не столицы, живущія во всѣхъ отношеніяхъ за счетъ провинціи, а провинція—настоящая Россія, а слѣдовательно, руководящая роль столицъ можетъ имѣть благотворное значеніе для русской жизни лишь при сочувствіи и поддержкѣ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, провинція, какъ „вся земля“, какъ земщина, таящая въ себѣ всѣ великія національныя силы, только одна, безъ всякихъ опекуновъ, можетъ постоять за себя. Развѣ не изъ того города, гдѣ прошла вся труженическая жизнь Гацискаго, раздался въ моментъ шатанія „земли“ и боярской измѣны „землѣ“ голосъ „излюбленнаго всея земли человѣка“: „заложимъ женъ и дѣтей, но спасемъ отечество“.!. Развѣ не сама „земля“, иными словами, то-же земство, поднялось по призыву нижегородскаго „говядаря“, чтобы отстоять свою независимость?

Конечно, такая мощь земской силы можетъ проявляться лишь въ исключительные историческіе моменты. Но и при обычныхъ условіяхъ эта земская сила хотя временно и затихаетъ, иногда принижаясь до minimum'а, но все-же живетъ въ тайникахъ народной души. И вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, мы видимъ, какъ начинаетъ просыпаться и стремиться къ обновленной жизни „земля“ иными словами, та-же провинція, которую нѣкогда бюрократы даже отъ столичной журналистики приговорили было если не къ „смерти“, то къ вѣковѣчному прозябанію... Конечно, какъ таковой, Гацискій не былъ выдающимся писателемъ, но его пророческій голосъ въ защиту черноземной силы провинціи былъ первымъ,—и это такая историческая заслуга, которая не можетъ быть забыта. Это — красная строка въ исторіи русскаго земства и особливо русской провинціальной печати. А между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1903 года, когда исполнилось 10-лѣтіе со дня кончины этого знаменитаго борца за русскую провинцію, кто вспомнилъ объ этомъ знаменательномъ днѣ? Пишущій эти строки думалъ объ этихъ поминкахъ, но онъ въ это время былъ въ нашей журналистикѣ „не у дѣлъ“. Молчала не только всегда такая забывчивая столичная, но даже и провинціальная печать, для которой его имя и память должны-бы быть такъ же священны, какъ имя и память Бѣлинскаго для всей отечественной печати.... Впрочемъ, вспомнилъ о Гацискомъ только одинъ,—тотъ самый, который когда-то съ горячимъ молодымъ жаромъ,

хотя-бы и поспѣшно, но рѣшился бросить ему желчные упреки... Мы говоримъ о г. А. Б. изъ „Міра Божьяго“.

Наконецъ, самой крупной работой А. С. Гацискаго является „Нижегородскій Сборникъ“, въ которомъ помѣщались работы мѣстныхъ изслѣдователей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, причемъ послѣдній томъ былъ почти исключительно посвященъ статьямъ по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ въ Нижегородской губерніи.

Нѣкоторое время Гацискій былъ и редакторомъ неоффиціальной части „Нижегор. Губернскихъ Вѣдомостей.“

Впрочемъ, съ 1885 года это редактированіе перешло въ руки, нынѣ то-же покойнаго, инспектора народныхъ училищъ М. В. Овчинникова, замѣчательнаго педагога, человѣка незабвеннаго въ исторіи развитія народнаго образованія въ нижегородскомъ краѣ.

Это была свѣтлая личность во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя со времени его кончины (въ январѣ 1893 г.) прошло болѣе одиннадцати лѣтъ, но и до сихъ поръ память о немъ живетъ не только среди учащаго персонала въ народныхъ школахъ, не только среди мѣстной интеллигенціи, которой онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, былъ украшеніемъ, но и среди крестьянскаго населенія. Обаяніе „добраго барина Михайлы Васильевича“ было настолько велико, что самые сѣрые мужики въ самыхъ зазахолустнѣйшихъ, медвѣжьихъ углахъ губерніи прислушивались къ его голосу и спѣшили оказывать ему полное содѣйствіе по открытію, содержанію и обезпеченію школъ въ своихъ палестинахъ. И, дѣйствительно, дѣятельность его въ этомъ отношеніи была поразительною. Не смотря на то, что общественные взгляды, которыхъ Овчинниковъ, придерживался, никогда и нигдѣ не маскируя ихъ, въ ту глухую, реакціонную пору не были въ фаворѣ, тѣмъ не менѣе, какъ учебное начальство, такъ и мѣстная администрація всегда съ большимъ вниманіемъ относились къ его представленіямъ и ходатайствамъ. Для любимаго дѣла Овчинниковъ не щадилъ своихъ силъ и даже самолюбія. Для поддержки старыхъ и для открытія новыхъ школъ онъ не стѣснялся обращаться къ кулакамъ и даже явнымъ противникамъ народнаго просвѣщенія,—и въ большинствѣ случаевъ какъ-то такъ выходило, что люди, смотрѣвшіе на народныя массы, какъ на вьючный скотъ, обреченный лишь на черный трудъ и эксплоатацію, спѣшили принести свою лепту на святое дѣло образованія народа. Съ одной стороны, въ этомъ случаѣ, конечно, дѣйствовало тщеславіе или самолюбіе „жертвователей,“ но съ другой,—и это еще болѣе вѣроятно,—непосредственная прелесть благородной души самого „ходатая“. Среди земцевъ, не только уѣздныхъ, съ которыми у него, какъ инспектора народныхъ училищъ, были постоянныя и прямыя отношенія, но и среди губернскихъ, авторитетъ Овчинникова былъ очень высокъ. Даже земцы отрицательнаго характера не отказывали въ почтеніи тому, кто такъ безкорыстно и всецѣло несъ на алтарь великаго народнаго дѣла всѣ свои силы, способности и знанія. По служебному положенію онъ былъ не болѣе, какъ чиновникъ учебнаго вѣдомства, но по своимъ думамъ, задачамъ и дѣятельности это былъ истинный земскій человѣкъ, хотя съ даннымъ краемъ его связывали не пресловутый имущественный цензъ, не чувство даже привязанности къ родному мѣсту въ (Нижегородскомъ Поволжьѣ онъ былъ „чужакъ“, „наѣзжій человѣкъ“), а лишь одна идея интеллигентнаго человѣка,—та самая „идея“, которая, какъ извѣстно, всегда такъ яростно осмѣивается нашими реакціонными эле-

ментами... Отношенія Овчинникова къ учителямъ и учительницамъ были не только дружескими, но, можно прямо сказать, родственными. Не начальникъ это былъ („начальство“ съ личностью Овчинникова какъ-то не вязалось...), ни даже только руководитель, а старшій братъ, каждую минуту готовый придти на помощь, радующійся ихъ радостями и страдающій ихъ болями...

До 1885 года неоф. часть „Ниж. Губ. Вѣдомостей“ представляла изъ изъ себя полное запустѣніе. А. С. Гацискій давно уже оставилъ ея редактированіе, и она обратилась въ обычныя „частныя объявленія“ при губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ тѣ времена еще не было и мысли о расширеніи программы губернскихъ вѣдомостей, а тѣмъ болѣе объ обращеніи ихъ въ газеты съ нѣсколько утопической, а, можетъ быть, и заднею мыслью замѣнить ими въ провинціи частныя періодическія изданія. Мысль эта возникла лишь въ очень недавнее время. Тогда губернскія вѣдомости пользовались очень куцой программой, да и сами руководители и сотрудники ихъ, какъ, напр., А. С. Гацискій, находили, что онѣ и не должны быть газетою, а лишь сборникомъ самаго разнообразнаго матеріала по изученію мѣстнаго края, нѣчто въ родѣ спеціальнаго органа такихъ мѣстныхъ „ученыхъ“ учрежденій, какъ губернскій статистическій комитетъ или архивная комиссія. И не смотря на такую узкую программу,— тѣмъ болѣе, что существовавшая тогда въ Нижнемъ единственная газета „Нижегородскій Биржевой Листокъ“ впослѣдствіи обратившаяся въ „Волгарь“, далеко не удовлетворяла своему назначенію, —М. В. Овчинниковъ всетаки сумѣлъ въ теченіе своего редактированія (1885—1889г.) сдѣлать изъ неоф. части „Ниж. Губ. Вѣд.“ нѣчто въ родѣ общественнаго органа, въ которомъ первое мѣсто отводилось вопросамъ народнаго образованія и земскаго и городскаго самоуправленія; при случаѣ, въ ихъ появлялась даже и беллетристика. Впрочемъ, при Овчинниковѣ въ „Ниж. Губ. Вѣд.“ была помѣщена масса этнографическаго, историческаго и археологическаго матеріала, что въ сущности разрѣшалось тогдашней программой этого рода изданій.

Конечно, главнѣйшимъ сотрудникомъ „Нижегор. Вѣд.“ этого періода былъ А. С. Гацискій, помѣстившій въ нихъ значительную часть своихъ трудовъ, которые вышли потомъ отдѣльными изданіями. Кромѣ того, въ нихъ постоянно помѣщали свои статьи упоминаемый нами выше общественный дѣятель А. А. Савельевъ, И. И. Тихоміровъ(учитель городскаго училища, писавшій статьи по очень животрепещущимъ вопросамъ мѣстнаго городскаго самоуправленія), Н. Г. Вучетичъ (извѣстный дѣтскій писатель), П. А. Альбицкій (бросившій, впрочемъ, литературное поприще и нашедшій впослѣдсвіи тихую пристань въ священствѣ въ одной изъ самарскихъ церквей), А. И. Звѣздинъ (наслѣдовавшій послѣ Гацискаго мѣсто секретаря статистическаго комитета, теперь работающій въ нижегородскихъ газетахъ и принимающій участіе въ мѣстной общественной жизни), педагогъ К.В.Раткинъ (трагически почившій, бросившись въ Волгу съ парохода) и многіе безвѣстные, но весьма полезные сотрудники, въ лицѣ народныхъ учителей, сельскихъ священниковъ, грамотныхъ и мыслящихъ крестьянъ, разсѣянныхъ по всѣмъ весямъ Нижегородской губерніи. Наконецъ, давали Овчинникову, хотя и очень рѣдко, свои статейки только что тогда прибывшіе въ Нижній В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненскій. Пишущій эти строки былъ также ближайшимъ сотрудникомъ М. В. Овчинникова, и никакіе годы не изгладятъ изъ его благодарной памяти свѣтлаго образа этого благо-

роднаго общественнаго дѣятеля и человѣка. Многимъ, если не сказать всѣмъ, какъ въ умственномъ и нравственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ онъ обязанъ своему учителю и другу М. В. Овчинникову, какъ равно ранѣе А. С. Гацискому, а затѣмъ впослѣдствіи В. Г. Короленко и сгрупировавшемуся вокругъ него интеллигентному кружку.

Здѣсь позволю себѣ отмѣтить и еще нѣсколькихъ замѣчательныхъ нижегородцевъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ мало или вовсе не соприкасались съ нижегородскими интеллигентными кружками разныхъ періодовъ.

Отмѣтимъ прежде всего извѣстнаго нижегородскаго фотографа, художника А. О. Карелина, глубокопочтеннаго человѣка, имя котораго такъ хорошо извѣстно всѣмъ путешествующимъ и за послѣдніе годы особенно многочисленнымъ на Волгѣ, какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ туристамъ. Фотографъ императорской академіи художествъ, работы котораго удостоивались высшихъ наградъ какъ на русскихъ, такъ и на заграничныхъ выставкахъ, онъ потомъ какъ-то сошелъ на второй планъ,—впрочемъ, сошелъ лишь въ практическомъ отношеніи... Истинный художникъ, потратившій пріобрѣтенныя имъ трудомъ всей жизни средства на дорогія коллекціи старинныхъ костюмовъ, посуды, мебели и пр., онъ, понятно, не могъ конкуррировать съ фотографами - ремесленниками. Потомъ укажемъ на довольно извѣстнаго въ свое время, весьма даровитаго, но такъ печально прожогшаго свою жизнь поэта и не менѣе даровитаго адвоката Л. Г. Граве, между прочимъ переводчика Леопарди, сначала сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ и „Дѣла“, а потомъ сошедшаго до сотрудничества въ пресловутомъ „Московскомъ Листкѣ Н. И. Пастухова. Далѣе слѣдуетъ оригинальная личность нынѣ еще здравствующаго С. П. Неуструева, этого простого, но сильнаго наблюдательнымъ и критическимъ умомъ волгаря, прославившагося, какъ знатокъ Волги, прошедшаго всю волжскую судовую іерархію отъ самаго низа до самаго верха, не смотря на свое ученье на мѣдныя деньги, оказавшагося уже въ пожилыхъ лѣтахъ превосходнымъ педагогомъ, въ качествѣ преподавателя Нижегородскаго рѣчнаго училища, составившаго руководство къ рѣчной практикѣ и лоціи р. Волги и, наконецъ, такъ называемую практическую карту Волги, которая удостоилась почетныхъ наградъ на выставкахъ и была признана особой спеціальной коммисіей при географическомъ обществѣ по своимъ достоинствамъ лучшею сравнительно съ такою же картою путейскаго вѣдомства... Въ то время, какъ послѣдняя карта составлялась учеными инженерами и обошлась путейскому вѣдомству въ весьма крупную сумму, неуструевская карта составлена была малообразованнымъ волжскимъ практикомъ — капитаномъ при помощи самыхъ примитивныхъ инструментовъ и стоила всего нѣсколько сотъ рублей,—и то лишь по ея изданію. Редактируя изданія С. П. Неуструева и составляя съ нимъ оставшійся, къ сожалѣнію, недоконченнымъ „словарь волжскихъ терминовъ“, пишущій эти строки не столько помогалъ старому, мало владѣющему „перомъ“, волгарю, сколько учился у него. И дѣйствительно, у такого учителя, при доброй охотѣ, можно было научиться многому, что сколько-нибудь касалось не только волжскаго судоходства, но и вообще нашей великой рѣки. Если въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ удалось разбросать массу статей и замѣтокъ по провинціальнымъ и столичнымъ газетамъ по волжскимъ вопросамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не только цитировались, но обращали на себя вниманіе, но даже привели къ кое-какимъ практическимъ результатамъ

и, наконецъ, доставили своему автору несомнѣнно преувеличенную репутацію чуть не спеціалиста, то коренную основу всѣмъ этимъ „спеціальнымъ знаніямъ" далъ С. П. Неуструевъ. Это не только замѣчательный практикъ-волгарь,—такими и до сихъ поръ не оскудѣла еще наша великая рѣка,—это поэтъ матушки Волги, поэтъ ея тяжелаго судоходнаго труда, делегатъ ея потребностей, трибунъ всего рабочаго люда, несущаго на своихъ плечахъ нужды и тяготы громаднаго волжскаго судоходнаго промысла...

Въ моемъ представленіи Гацискій, Овчинниковъ и Неуструевъ, не смотря на разницу размѣровъ ихъ общественныхъ заслугъ, общественнаго положенія, сферъ дѣятельности, образованія и даже общественныхъ идеаловъ, имѣютъ между собою какую то связь, между ними есть какое то замѣчательное, характерное тождество. Думаю, что это тождество выражается въ томъ, что всѣ они беззавѣтно преданные своему дѣлу люди, непосредственно цѣльные и опредѣленные. Это, какъ однажды выразился В. Г. Короленко относительно Гацискаго, исполняющіе свой долгъ не за страхъ только, но и за совѣсть „часовые", которые способны стоять на своемъ посту, если бы ихъ даже забыли смѣнить,—стоять безсмѣнно цѣлые годы, десятки лѣтъ...

Возвратимся, однако, опять къ Гацискому и его выдающейся роли въ нижегородскомъ земствѣ. Несомнѣнно, что какъ и у всякаго общественнаго борца, у Гацискаго какъ въ земствѣ, такъ и въ городской думѣ было не мало враговъ. Одинъ такой врагъ, „интеллигентъ", цѣлитель тѣлесъ человѣческихъ, спѣвшись съ „черной сотней", повелъ было противъ него правильную атаку и даже сумѣлъ нанести ему небольшое пораженіе, но все же испытанный въ борьбѣ и твердый на своемъ посту „часовой" устоялъ... Атакующій, совмѣстно съ своими соратниками, достигъ въ концѣ-концовъ лишь того, что сдѣлался героемъ газетныхъ фельетоновъ... Тѣмъ не менѣе враги вообще были сильны, а сила ихъ возростала съ ростомъ все болѣе и болѣе усиливающейся реакціи. Бывали моменты, когда, по собственному сознанію Гацискаго, онъ чувствовалъ себя въ незавидномъ положеніи „одного въ полѣ воина". Но, однако, это были только моменты. Если не по всѣмъ вопросамъ, то по многимъ изъ нихъ находились друзья и соратники, которые не только поддерживали его, но и еще далѣе и шире развивали его основныя положенія. Къ числу истинныхъ „людей земли", которыми можетъ гордиться не только нижегородское, но и все русское земство, слѣдуетъ отнести бывшаго въ 80-тыхъ годахъ предсѣдателемъ нижегородской губернской земской управы А. В. Баженова, который, не смотря на то, что не являлось никакихъ препятствій къ его дальнѣйшему выбору и утвержденію въ той же должности, изъ принципа отказался отъ дальнѣйшей земской дѣятельности по введеніи въ Нижегородской губерніи земскаго положенія 1890 года.

Понятно, что при наличности такихъ силъ въ своемъ составѣ, какъ А. В. Баженовъ, А. С. Гацискій, А. А. Савельевъ и многіе другіе, для нижегородскаго земства было не такъ уже затруднительно, какъ это испытали земства другихъ губерній, провести въ жизнь цѣлый рядъ крупныхъ мѣропріятій, и въ томъ числѣ подготовить цѣнныя и строго-научныя данныя для цѣлесообразной оцѣнки земель. Предпринятая земствомъ грандіозная работа по изслѣдованію сначала почвъ губерніи, а затѣмъ экономическихъ условій привлекла въ Нижній-Новгородъ громадный контигентъ интеллигентныхъ силъ, которыя впослѣдствіи почти въ полномъ составѣ и вошли въ всероссійско-извѣстный кружокъ Короленко. Геологическія изслѣдованія производились подъ руковод-

ствомъ скончавшагося въ прошломъ году извѣстнаго ученаго В. В. Докучаева. По окончаніи этихъ работъ изъ докучаевскихъ сотрудниковъ, насколько мнѣ помнится, въ Нижнемъ „зажились" только Н. М. Сибирцевъ (то же покойный, впослѣдствіи профессоръ) и Н. А. Богословскій, завѣдывавшіе послѣдовательно одинъ послѣ другого земскимъ естественно - историческимъ музеемъ, явившимся однимъ изъ результатовъ докучаевскихъ работъ. Статистическія работы производились подъ руководствомъ Н. Ф. Анненскаго, изъ многочисленныхъ сотрудниковъ котораго отмѣтимъ талантливаго сотрудника „Русскаго Богатства" М. А. Плотникова, Н. М. Кислякова, П. И. Неволина, Е. П. Добровольскаго, Н. І. Дрягина, Селивановскаго, В. С. Арефьева, Н. В. Романова и пр.

Вся эта новая интеллигентная волна, такъ сказать, вливаясь въ составъ прежней нижегородской интеллигенціи, значительно оживила ее, ободрила, подкрѣпила своими силами, а рядомъ съ прежнимъ вождемъ Гацискимъ, стала все болѣе и болѣе выростать живая, энергичная фигура новаго вождя и, наконецъ, даже переросла ее...

Зимнею порою, въ началѣ 1885 года, Владиміръ Галактіоновичъ Короленко,—какъ онъ самъ впослѣдствіи фигурально выражался,—„причалилъ за нижегородское кольцо". Въ это время онъ былъ еще малоизвѣстный писатель, прибывшій на нижегородскія стогны откуда то издалека, изъ страшной и малоизвѣстной Сибири... И Нижній-Новгородъ, по крайней мѣрѣ, кружокъ наиболѣе интеллигентныхъ людей въ этомъ городѣ, привѣтливо оказалъ ему радушное гостепріимство. И, въ самомъ дѣлѣ, молодой, только что начинающій беллетристъ пріѣхалъ не на пустое мѣсто, не въ глухой медвѣжій уголъ, гдѣ только тишь, да гладь и очень мало Божьей благодати... Здѣсь онъ былъ не только радушно принятъ, но и понятъ—понятъ, какъ выдающійся человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ тогда еще немногочисленномъ кружкѣ, въ которомъ ему пришлось вращаться съ первыхъ же своихъ шаговъ на нижегородской почвѣ.

Съ прибытіемъ въ Нижній Короленко начинается самый интересный періодъ въ нижегородской общественной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—по его же признанію,—лучшіе годы жизни и самого Владиміра Галактіоновича.

Надо помнить, что въ это время въ Нижнемъ губернаторствовалъ извѣстный администраторъ Н. М. Барановъ. Умный, талантливый, энергичный, трудолюбивый, обладавшій весьма разносторонними, можетъ быть, и не глубокими знаніями, покойный, не смотря на весьма крупные и нерѣдко не симпатичные недочеты, былъ все же личность выдающаяся.

Какъ теперь оффиціально выяснилось, Барановъ, пользуясь такъ называемой канцелярской тайной и ловко затушевывая передъ заинтересованными лицами свое противодѣйствіе, часто ставилъ препоны самодѣятельности мѣстнаго общества. Онъ считалъ законъ во многихъ случаяхъ тормазомъ для широкой и самостоятельной дѣятельности рѣшительнаго администратора, онъ бралъ на себя функціи суда и рѣшалъ на Нижегородской ярмаркѣ, при посредствѣ своихъ чиновниковъ, даже гражданскія дѣла... Его административная рѣшительность была поразительна даже для „рѣшительныхъ администраторовъ". Впрочемъ, она то и привела его въ концѣ-концовъ въ „тихую пристань". Онъ не терпѣлъ „противодѣйствій", даже на законномъ основаніи, и всякій, имѣвшій неосторожность ему досадить или просто не понравиться, не смотря на всѣ расточаемыя ему любезности, могъ скоро убѣдиться, какъ опасно давать поводъ къ недовольству тому, кто въ сущности

никогда никому и нечего не прощалъ... Положимъ, онъ любилъ прощать преимущественно тѣхъ, которые согрѣшили не противъ его администраторскаго самолюбія, — прощать, понятно, при условіи раскаянія. И нерѣдко прощалъ такихъ грѣшниковъ, которыхъ прощать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но тяжело было положеніе тѣхъ, которые не имѣли ни малѣйшаго повода къ раскаянію...

И тѣмъ не менѣе Барановъ не былъ ретроградомъ; моментами онъ былъ склоненъ къ весьма откровенному либерализму и рѣшительно не одобрялъ реакціонныхъ крайностей.

— Къ сожалѣнію, я все же служитель факта!—сказалъ онъ однажды пишущему эти строки по поводу одного, сильно не понравившагося ему распоряженія.

Онъ любилъ коллективность и даже совершенно самостоятельно создавалъ такія временныя учрежденія, въ которыя приглашалъ не только соотвѣтствующихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и общественныхъ представителей, но иногда и лицъ, мало ему знакомыхъ, нерѣдко безъ всякаго приглашенія являвшихся „присутствовать"... Но любя коллективность, дѣлавшую ему возможность почти постоянно проявлять краснорѣчіе и остроуміе, онъ никогда не забывалъ своей руководящей, въ большинствѣ случаевъ, рѣшающей роли. Онъ способенъ былъ иногда каяться въ своихъ ошибкахъ и разъ публично принесъ покаяніе въ томъ, что, будучи вводимъ въ заблужденіе уѣздными властями и земскими начальниками, долго рѣшался отрицать существованіе въ 1891 г. голода—и тутъ-же не безъ остроумія разсказалъ, какъ онъ ни въ одной избѣ посѣщенныхъ имъ селеній не нашелъ тараканов.

— Если въ крестьянской избѣ нѣтъ ни одного таракана,—добавилъ онъ,—то это уже дѣйствительно, что тамъ нечего ѣсть!..

Онъ былъ поразительно честолюбивъ,—и этимъ въ значительной степени можно объяснить какъ его одесную, такъ—и это главнымъ образомъ,—его ошую.

— Зачѣмъ вы называете меня превосходительствомъ, когда знаете мое имя и отчество!—остановилъ онъ случайно заѣхавшаго къ нему и приглашеннаго имъ къ завтраку извѣстнаго писателя—врача В. О. Португалова и тутъ-же съ нѣсколько неестественной шутливостью замѣтилъ: для своихъ чиновниковъ и тому подобныхъ я—генералъ, для людей-же выдающихся я—просто Барановъ!..

Ясно, какъ день, на долю котораго изъ собесѣдниковъ перепадало больше лести...

Отсюда понятна та необычайная любезность Баранова къ людямъ, выдѣляющимся на всѣхъ поприщахъ, преимущественно же къ представителямъ литературы и печати. Впрочемъ, бывали случаи совершенно противоположнаго обращенія, но они вызывались какимъ-либо въ большей или меньшей степени „противодѣйствіемъ"...

Понятно, что о существующемъ, все болѣе растущемъ и даже начинающемъ играть большую общественную роль интеллигентномъ кружкѣ Баранову было хорошо извѣстно. Временами онъ дѣлалъ попытки сблизиться съ этимъ кружкомъ и, случалось, оказывалъ отдѣльнымъ его членамъ весьма серьезныя услуги, но такъ какъ никакой почвы къ серьезному сближенію не было, да и самъ кружокъ осмотрительно отъ этого сближенія уклонялся, то Барановъ почти всегда на него косился и даже, когда чувствовалось нѣкоторое „противодѣйствіе", принималъ противъ отдѣльныхъ лицъ свои „мѣры", всегда почти сокровенныя... Тѣмъ не менѣе этотъ человѣкъ, мечтая объ „исторіи", никогда не вступалъ въ рѣшительную, хотя бы даже и закрытую борьбу съ интеллигенціей,—и это обстоятель-

ство давало ей возможность работать сравнительно спокойно.

Какъ мы уже выше говорили, съ началомъ въ Нижегородской губерніи земскихъ статистическихъ работъ и пріѣздомъ В. Г. Короленко, начался въ Нижнемъ-Новгородѣ сильный ростъ интеллигенціи. Здѣсь поселились С. Я. Елпатьевскій, А. И. Богдановичъ, поэтъ А. М. Ѳедоровъ, А. А. Дробышъ - Дробышевскій, (А. Уманьскій), П. М. Шестаковъ (теперь сотрудникъ „Русск. Вѣдом.“), А. Н. Ульяновъ (авторъ дѣтскихъ и народныхъ книжекъ, составившій впослѣдствіи, въ бытность библіотекаремъ мѣстнаго соединеннаго клуба, прекрасный библіографическій каталогъ), врачъ-психіатръ П. П. Кащенко, А. А. Ольхинъ (извѣстный адвокатъ), А. Д. Мысовская, (поэтесса, переводчица Альфреда Мюссе, впрочемъ, давнишняя нижегородка), В. И. Снѣжневскій (какъ правитель дѣлъ мѣстной архивной коммиссіи, описавшій множество архивныхъ дѣлъ и, такимъ образомъ, подготовившій прекрасный матерьялъ для мѣстной исторіи, — преимущественно относящійся къ эпохѣ крѣпостнаго права), здѣсь временно жилъ Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ), сюда нерѣдко заѣзжали Г. И. Успенскій, И. И. Свѣденцовъ (Ивановичъ), наконецъ, здѣсь существовали нѣсколько лѣтъ филіальныя отдѣленія казанскихъ газетъ: „Волжскаго Вѣстника“ (завѣдывалъ А. И. Иванчинъ - Писаревъ, въ настоящее время сотрудникъ „Русскаго Богатства“) и „Казанскаго Биржеваго Листка“ (завѣдывалъ нынѣ покойный П. Г. Ширяевъ, талантливый и дѣятельный корреспондентъ). Къ тому-же времени возвратился „изъ дальнихъ странъ“ даровитый адвокатъ и писатель-экономистъ А. А. Карелинъ-Макаренко (сынъ художника А. О. Карелина). Во „время Короленко“ въ Нижнемъ-Новгородѣ начали свои первые литературные опыты А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій), молодой провинціальный журналистъ, теперь работающій въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ Н. А. Скворцевъ и Е. Н. Чириковъ. Впрочемъ, послѣдній началъ работать незадолго до того въ казанскихъ газетахъ, въ бытность студентомъ казанскаго университета.

Новая формація нижегородской интеллигенціи не богата была матеріальными средствами (Короленко пріѣхалъ полнымъ бѣднякомъ и первое время сильно нуждался, пріобрѣтая средства къ жизни исключительно корреспондированіемъ въ „Русскія Вѣдомости“ и казанскія газеты), но за то она отличалась необычайной энергіей и самостоятельност;ю, — этими вѣрными признаками бодраго духа и самобытной даровитости. Провинціальная затхлость не могла задавить этихъ людей, и они порѣшили бороться какъ съ нею, такъ и съ массою тѣхъ золъ, которыя такой непроницаемой корой покрыли нашу провинцію. Слѣдуя принципу, что всякій честный человѣкъ, по мѣрѣ силъ и возможности, долженъ служить тому краю, въ которомъ онъ живетъ, они отдали свои силы и дарованія на службу Нижегородскому Поволжью. Въ службѣ той и другой мѣстности есть два пути: дѣятельность общественная въ прямомъ смыслѣ этого слова, преимущественно земская или городская, и дѣятельность литературная. Оба рода дѣятельности требуютъ борьбы съ вредными для общества элементами и работы по просвѣщенію народныхъ массъ. Новая нижегородская интеллигенція и пошла по послѣднему пути, какъ наиболѣе для нея доступному. И въ Нижнемъ нашъ высокоталантливый писатель былъ не столько беллетристомъ, сколько корреспондентомъ.

Поддерживаемые интеллигенціей, исключительно работающей на общественной почвѣ, „корреспонденты“, столь нелюбимые и презираемые въ провинціи, сыграли благороднѣйшую и симпатичнѣйшую роль въ дѣлѣ разоблаченія всевозмож-

ныхъ хищеній въ уѣздномъ земствѣ, городскомъ управленіи, Александровскомъ дворянскомъ банкѣ, пароходномъ обществѣ „Дружина" и проч. Ихъ жгучія статьи попадали не въ бровь, а прямо въ глазъ и приводили рыцарей наживы въ бѣшенство. Борьба казалась непосильною, но вѣрность сообщаемыхъ фактовъ, твердость въ своей благодѣтельной дѣятельности, поддержка почти всего мѣстнаго образованнаго общества сдѣлали то, что „презрѣнные писаки" вышли побѣдителями и остались неуязвимыми, тогда какъ большинство дѣльцовъ было посажено въ тюрьмы, отдано подъ судъ или разъ навсегда посрамлено передъ общественнымъ мнѣніемъ. Громадна была роль корреспондентовъ также и во время неурожая 1891 г. и холеры 1892—94 гг. „Голодный годъ" В. Г. Короленко извѣстенъ всей русской читающей публикѣ, а „лукояновецъ" стало нарицательнымъ прозвищемъ... „Корреспонденты" мало по-малу расчистили затхлую общественную атмосферу и провѣтрили мѣстную общественную жизнь, которая съ теченіемъ времени начала принимать все болѣе и болѣе культурный характеръ.

Какъ на примѣръ интеллигентнаго воздѣйствія, укажемъ на существующій въ Нижнемъ всесословный клубъ, пользовавшійся нѣкогда незавидной славой. Въ настоящее время эта „слава" въ значительной степени „прогремѣла" и замолкла. Маскарады, и тѣмъ болѣе скандальные, почти совсѣмъ упразднились, въ залѣ клуба устроили театральную арену, стали давать спектакли, концерты, литературные вечера и проч. Вошедшая въ составъ членовъ клуба интеллигенція обратила вниманіе и на заброшенную клубскую библіотеку, состоявшую до того изъ произведеній Понсонъ-дю-Террайля и т. п. печатнаго хлама. Библіотека перешла въ вѣдѣніе интеллигентныхъ людей, и нѣсколько лѣтъ, при участіи, какъ постояннаго библіотекаря А. Н. Ульянова, ею завѣдывалъ В. Г. Короленко. Лишній печатный хламъ былъ убранъ, пріобрѣтены сочиненія всѣхъ корифеевъ отечественной литературы, выписаны лучшіе журналы, на полкахъ библіотеки появилась масса спеціальныхъ и популярныхъ научныхъ произведеній. Клубъ, какъ самый богатый по матеріальнымъ средствамъ на Волгѣ и имѣющій свыше 1000 членовъ, сталъ учреждать стипендіи и въ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и въ университетахъ, сталъ поддерживать и низшія народныя школы. Въ началѣ большинство членовъ клуба, состоявшее изъ чиновниковъ, конторщиковъ и приказчиковъ, нѣсколько враждебно относилось къ такого рода „новшествамъ", а потомъ постепенно эта вражда стала сглаживаться и переходить въ совершенно противоположныя чувства... Вся масса того малообразованнаго люда, изъ котораго состоитъ главный контингентъ клуба, воочію, на самомъ дѣлѣ, увидѣла и убѣдилась, что интеллигенція не только говоритъ „хорошія слова", но и способна дѣлать „благое дѣло".

Въ тоже знаменательное время въ Нижнемъ появилось множество просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ и учрежденій, въ которыхъ первенствующую роль играла все та же интеллигенція, во главѣ съ В. Г. Короленко. Въ результатѣ, къ тому, кого еще недавно величали „писакой", громадное большинство нижегородцевъ стало относиться восторженно и гордиться его пребываніемъ въ своей средѣ.

Видя такіе результаты своей дѣятельности, В. Г. Короленко рѣшилъ было окончательно остаться въ Нижнемъ и посвятить свои силы работѣ въ провинціальной печати. Вмѣстѣ съ гг. Протопоповымъ и Гориновымъ рѣшено было издавать газету „Волжское Слово", но попытка эта не удалась... Тогда В. Г. Короленко переѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Полтаву, гдѣ постоянно и жи-

ветъ, временами наѣзжая по дѣламъ въ сѣверную столицу.

Отъ Нижняго-Новгорода переходимъ къ Самарѣ.

Не смотря на то, что Самара—по преимуществу городъ хлѣбнаго кулачества, въ ней съ середины прошлаго столѣтія, т. е. съ преобразованія изъ уѣзднаго въ губернскій городъ, были постоянные проблески интеллигентной жизни. Если въ Нижнемъ долгое время лидеромъ мѣстной интеллигенціи былъ Гацискій, то такимъ-же лидеромъ въ Самарѣ въ свое время былъ В. О. Португаловъ, врачъ, писатель-популяризаторъ, сотрудникъ „толстыхъ" столичныхъ журналовъ. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный общественный дѣятель на закатѣ дней своихъ много утерялъ изъ своего прежняго значенія. Такая перемѣна въ отношеніи мѣстнаго общества къ старику Португалову объясняетея отчасти его неуживчивымъ характеромъ и излишней рѣзкостью лишенныхъ нерѣдко справедливости отзывовъ его о тѣхъ лицахъ, которыхъ онъ почему либо считалъ своими врагами. Однако, послѣ внезапной кончины В. О. Португалова эти „враги" сразу забыли свои счеты съ покойнымъ; мало того, мѣстные „антисемиты" забыли даже, что онъ „жидъ",—и не только все мѣстное общество, но и громадныя толпы простонародья, любившаго, его, какъ врача,—любившаго его за безкорыстіе и отзывчивость къ нуждамъ бѣдняковъ,—провожали его въ послѣднее мѣсто упокоенія на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ.

До начала девятидесятыхъ годовъ самарскія газеты представляли изъ себя, можно сказать, одну печатную бумагу, но вотъ въ 1894 году „Самарская Газета" переходитъ отъ прежняго ея владѣльца, антрепренера мѣстнаго театра, Новикова, къ купцу С. И. Костерину, а во главѣ редакціи становится Н. П. Ашешовъ (сотрудникъ въ настоящее время журнала „Образованіе"). Къ новой редакціи скоро присоединяется цѣлый кружокъ интеллигентныхъ лицъ, по независящимъ обстоятельствамъ попавшихъ на жительство въ Самару. Здѣсь поселяются: Е. Н. Чириковъ, извѣстный впослѣдствіи экономистъ марксистскаго лагеря, нынѣ покойный Р. Э. Циммерманъ (Р. Гвоздевъ), тоже марксистъ П. П. Масловъ, А. К. Клафтонъ, И. А. Керчикеръ и др. Вскорѣ къ этому кружку примкнули, за исключеніемъ лишь Португалова, и мѣстныя литературныя силы: извѣстный беллетристъ и инженеръ Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ), поэтесса Е. А. Буланина, П. П. Крыловъ (свѣтлая личность, весьма популярный въ городѣ врачъ, филантропъ, всероссійски—извѣстный устройствомъ столовыхъ и другими заботами о крестьянскихъ дѣтяхъ во время самарскихъ „недородовъ") и мн. др. Такимъ образомъ, изъ ничтожной газетки сразу выросъ солидный мѣстный органъ, обратившій на себя вниманіе всей русской печати, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ сотрудниковъ появились такіе крупныя имена, какъ В. Г. Короленко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ и пр. Къ сожалѣнію, въ концѣ того-же 1894 года между завѣдующимъ редакціей г. Ашешовымъ и сотрудниками, вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій, послѣдовалъ разрывъ. Вмѣсто ушедшихъ сотрудниковъ въ „Самарскую Газету" были приглашены: прежде провинціальный, а потомъ столичный журналистъ С. С. Гусевъ (Слово Глаголь) и А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій), начинавшій входить въ то время уже въ извѣстность. Впрочемъ, г. Гусевъ пробылъ въ Самарѣ недолго, а съ осени 1895 г., вмѣсто Н. П. Ашешова, перешедшаго въ „Нижегородскій Листокъ", завѣдующимъ редакціей сталъ А. А. Дробышъ-Дробышевскій (А. Уманьскій). Оставшіеся „не у дѣлъ" сотрудники „Самарской Газеты" съ весны 1895 года пристроились къ другой мѣстной газетѣ „Самарскій Вѣстникъ", изда-

ваемой бузулукскимъ предводителемъ дворянства Н. К. Реутовскимъ. Незамѣтный до тѣхъ поръ „Самарскій Вѣстникъ“ сталъ все болѣе и болѣе обращать на себя общественное вниманіе и постепенно принимать яркую марксистскую окраску, а въ концѣ концевъ, съ осени 1896 года, когда компаніономъ Реутовскаго сдѣлался Н. Г. Михайловскій (Гаринъ), обратился въ первую и единственную въ Россіи марксистскую газету, въ которой стали принимать участіе такіе столпы нашего марксизма, какъ П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій и др. Однако, весной слѣдующаго-же 1897 года „Самарскій Вѣстникъ“ былъ пріостановленъ и болѣе уже не возрождался. Понятно, что между обѣими газетами, какъ это и всегда бываетъ въ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ двѣ и болѣе газеты, возникала нерѣдко весьма острая полемика. Особенно сильно волновала мѣстное общественное мнѣніе полемика, которая въ разное время и въ продолженіе мѣсяца и даже двухъ велась между фельетонистомъ „Самарской Газеты“ Іегудіиломъ Хламидою (псевдонимъ теперь всемірно-извѣстнаго писателя) съ фельетонистами „Самарскаго Вѣстника“, сначала г. Сфинксомъ, а потомъ пишущимъ эти строки. Какъ въ свое время заинтересованное лицо, я не беру на себя смѣлость судить, которая изъ полемизирующихъ сторонъ была права, хотя и позволю замѣтить, что обѣ стороны иногда увлекались до того, что рѣшались съ принципіальной почвы переходить на личную почву... Впрочемъ, въ наиболѣе серьезные моменты обѣ газеты умѣли быть солидарными, напр., въ вопросѣ беззастѣнчивости пресловутаго „россійскаго телеграфнаго агентства“, при оскорбленіи представителей печати въ одномъ мѣстномъ клубѣ, при погребеніи Португалова и Е. А. Норкиной (корректорши „Самарской Газеты“, самоотверженной женщины-труженицы, снискавшей глубокое уваженіе не только всѣхъ мѣстныхъ литераторовъ, но и наборщиковъ всѣхъ самарскихъ типографій. Скромную корректоршу хоронили торжественно, съ массою вѣнковъ, при большомъ стеченіи провожающихъ, среди которыхъ было много представителей мѣстной интеллигенціи и значительная часть самарскаго типографскаго рабочаго люда. Всю дорогу гробъ несли наборщики и литераторы, въ томъ числѣ и Максимъ Горькій. Обѣ газеты посвятили почившей горячіе некрологи-фельетоны). Иниціативѣ наѣзжихъ литераторовъ въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ и самарское общество взаимопомощи книгопечатниковъ.

Теперь нѣсколько словъ объ Орлѣ.

Конечно, на родинѣ И. С. Тургенева, Н. А. Лѣскова, А. А. Шеншина (Фета), П. И. Якушкина, никогда не было недостатка въ интеллигентныхъ силахъ, тѣмъ не менѣе Орелъ, по крайней мѣрѣ, во время моего въ немъ проживанія (1901—1902), не отличался особенной интеллигентностью.

Самой крупной современной орловской знаменитостью является извѣстный губернскій предводитель М. А. Стаховичъ, прославившійся на всю Россію своими рѣчами и въ настоящее время состоящій главноуполномоченнымъ дворянскаго санитарнаго отряда на театрѣ военныхъ дѣйствій. Къ сожалѣнію, между этимъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ и мѣстной весьма симпатичной газетой, съ которой до тѣхъ поръ онъ сохранялъ самыя близкія отношенія, произошелъ въ концѣ 1902 г. печальный инцидентъ изъ за отчетовъ о засѣданіяхъ губернскаго земскаго собранія, — инцидентъ, приведшій къ нежелательнымъ административнымъ воздѣйствіямъ.... Не берусь судить, кто правъ, кто виноватъ въ этой печальной исторіи столкновенія земства съ мѣстной печатью, которыя

уже по самому существу своему не должны быть врагами, а скорѣе союзниками. Я въ то время оставилъ уже Орелъ, изъ циркулирующихъ-же въ московскихъ и петербургскихъ литературныхъ кружкахъ слуховъ можно было заключить, что обѣ стороны нѣсколько увлеклись...

Изъ наиболѣе выдающихся орловскихъ земцевъ отмѣтимъ елецкаго предводителя дворянства А. А. Стаховича (брата М. А.), писателя, стойкаго борца за народное просвѣщеніе, Ѳ. И. Татаринова (предсѣдателя орловской уѣздной земской управы), Полѣнова, Кологривова (предсѣдателя болховской уѣздной земской управы) и др. Въ мѣстныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ играетъ, какъ и вездѣ, гдѣ таковая существуетъ, — группа интеллигенціи, состоящая изъ земскихъ статистиковъ (князь Оболенскій, Каринскій, П. Д. Радковскій и др.), присяжныхъ повѣренныхъ (А. Н. Рейнгардтъ, Богословскій), педагоговъ (Прозоровскій, М. А. Аблецова), врачей (И. Н. Севастьяновъ) и др. лицъ (г-жа Полторацкая). Къ сожалѣнію, орловская интеллигенція, въ силу какъ чисто внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ условій, не отличается единеніемъ и разбита на мелкіе кружки, не склонные къ довѣрію другъ къ другу. Впрочемъ, по обстоятельствамъ нашей общественной жизни, такая изолированность является нерѣдко неизбѣжною....

Мѣстная газета „Орловскій Вѣстникъ", издающаяся теперь подъ редакціей кандидата математическихъ наукъ А. И. Аристова и въ началѣ текущаго года справлявшая свое тридцатилѣтіе, почти въ теченіе всего существованія и несмотря на частыя перемѣны редакцій,—была симпатичнымъ и прогрессивнымъ органомъ печати, принесшимъ не малую пользу мѣстному краю. Обиліе корреспонденцій изъ уѣздовъ не только Орловской, но и сосѣднихъ губерній, не имѣвшихъ своихъ частныхъ печатныхъ органовъ, давно снискали „Орловскому Вѣстнику" вниманіе всей русской печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часто давали поводъ къ возбужденію противъ редакціи многочисленныхъ процессовъ, кончавшихся, однако, въ большинствѣ случаевъ или оправданіемъ, или незначительнымъ штрафомъ. Случалось, что въ мѣстномъ окружномъ судѣ въ одинъ и тотъ-же день разсматривалась цѣлая серія „дѣлъ", возбужденныхъ противъ редакціи „Орловскаго Вѣстника". Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такова уже доля русской провинціальной газеты, поставленной условіями провинціальной жизни на почву даже не столько просвѣтительную, сколько обличительную. Въ прежніе періоды существованія „Орловскаго Вѣстника" въ немъ принимали участіе Бѣлоконскій, Л. Е. Оболенскій, А. Н. Рейнгардтъ, Цодиковъ, М. К. Лемке, А. А. Стаховичъ, М. А. Стаховичъ, а въ позднѣйшее—П. Д. Радковскій, остроумный фельетонистъ Э. І. Павчинскій, поэтъ-самоучка В. И. Селиховъ, В. П. Коньковъ, Шульга и мн. др.

Заканчивая свою статью, я считаю необходимымъ еще разъ напомнить читателю, что я не брался писать исторію всѣхъ существовавшихъ или существующихъ въ Россіи интеллигентныхъ кружковъ. Я не указалъ даже всѣхъ кружковъ, въ которыхъ въ той или другой степени мнѣ приходилось вращаться (напр., въ Саратовѣ, — одномъ изъ самыхъ интеллигентныхъ центровъ не только Поволжья, но и всей русской провинціи), наконецъ, въ своихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ я не исчерпалъ даже и четвертой доли того, о чемъ могъ-бы побесѣдовать съ читателями, хотя-бы о тѣхъ-же кружкахъ, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ. Повторяю, что все написанное здѣсь не носитъ въ себѣ ни малѣйшей

претензіи не только на „исторію", но даже на обзоръ,—это не болѣе, не менѣе, какъ простыя и отрывочныя замѣтки „изъ записной книжки провинціала", какъ и свидѣтельствуетъ о томъ заголовокъ самой статьи.

Тѣмъ не менѣе, пробѣгая эти бѣглыя замѣтки, несмотря даже на всю ихъ неполноту, читатель можетъ убѣдиться, что русская провинція, утопающая въ 86% безграмотности, все-же жила и живетъ не одними лишь „жратвенными" интересами, что „свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его необъяла", что въ ней были и есть люди, которые работали и работаютъ на пользу общественную, и если ихъ работа не всегда была широкопродуктивной, то не ихъ въ томъ вина, а въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, которыя тормозятъ общественную дѣятельность въ нашемъ отечествѣ и часто сводятъ къ нулю самыя благороднѣйшія начинанія. И все-же работа интеллигентныхъ кружковъ не осталась безъ результата. Лица, примыкавшія къ этимъ частнымъ кружкамъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго офиціальнаго значенія, собиравшіяся иной разъ не болѣе, какъ знакомые, въ частномъ домѣ, но руководимые одной общей идеей, проводили въ жизнь на всѣхъ поприщахъ все, что можно было только провести при данныхъ условіяхъ....".

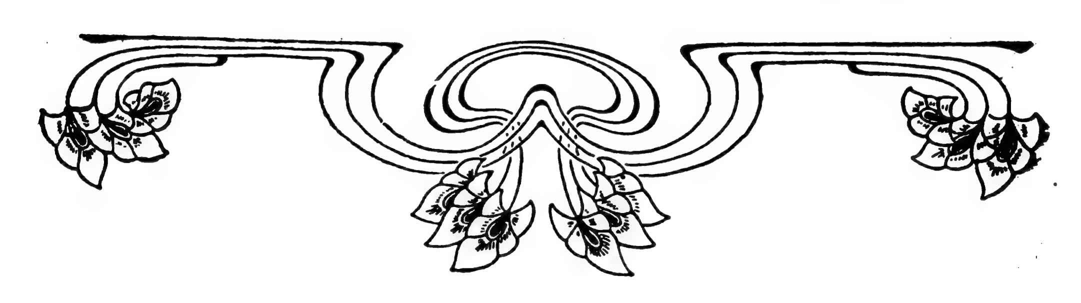
Въ лицѣ куцаго мѣстнаго самоуправленія, далекой отъ совершенства народной школы, мѣстной печати, популярной книжки и прочихъ тому подобныхъ общественныхъ и просвѣтительныхъ факторовъ, эти кружки, постепенно сокращая предѣлы „тьмы", расширяли предѣлы „свѣта". Благодаря ихъ благотворной дѣятельности росли кадры интеллигенціи за счетъ тѣхъ слоевъ населенія, которые еще сравнительно недавно были чужды интеллектуальнымъ запросамъ. Въ самыхъ захолустныхъ палестинахъ появились интеллигентные мѣщане, ремесленники, рабочіе, „служащіе", приказчики, крестьяне, которые, соприкасаясь, съ одной стороны съ интеллигенціей, а съ другой не разрывая связи съ низшими слоями населенія, являются надежнѣйшимъ и твердымъ мостомъ для единенія интеллигенціи съ народомъ. Русская интеллигенція теперь уже не одинока... А при такихъ условіяхъ, какъ ни великъ былъ бы еще мракъ невѣжества въ нашей провинціи, и тамъ можно уже жить, можно работать...

„Идеи, зарождающіяся въ столицахъ, проникаютъ въ провинцію, откладываются здѣсь, накопляются, растутъ и часто затѣмъ питаютъ самые центры этой живой, сохранившейся силой тогда, когда въ столицахъ источники порою уже изсякли,— говорилъ В. Г. Короленко 4 января 1896 г. на прощальномъ обѣдѣ, которымъ чествовало его нижегородское интеллигентное общество.—Есть извѣстная глубина, до которой не достигаютъ колебанія, происходящія на поверхности. Правда, первое ощущеніе человѣка, попадающаго въ водоемъ болѣе или менѣе внезапно,—есть ощущеніе холода и нѣкоторой жуткости. Но послѣдующія же минуты несутъ лишь ободряющую свѣжесть. Чувствуешь, что это жизнь и что источники этой жизни не изсякнутъ, какія бы порой изсушающія вѣянія не шли изъ „центровъ". Говорятъ, провинція затягиваетъ, говорятъ, здѣсь люди спиваются и не знаютъ другихъ интересовъ, кромѣ картъ и вина. Правда, и теперь я стою со стаканомъ вина, но все же думаю, что не подвергался съ этой стороны особенной опасности. Тѣмъ не менѣе скажу и я: „Да, провинція затягиваетъ! Не картами и виномъ, а проснувшимися въ ней живыми мѣстными интересами". Жизнь всюду! Есть жизнь и въ столицахъ, кипучая и интересная. Но тутъ есть одна черта существеннаго отличія: то, что въ столицѣ является по большей части борьбой идей, — здѣсь

принимаетъ форму реальной борьбы живыхъ лицъ и явленій. Да, это затягиваетъ, и именно потому, что это такъ живо, и въ особенности потому, что оно „особенно живо именно въ послѣдніе годы“.

Такъ бодро смотритъ талантливый писатель на провинцію и такъ вѣритъ не только въ ея живучесть, но и въ способность ея оживить чахнущіе теперь центры. Впрочемъ, глубокая вѣра въ жизненность русской провинціи стала такою очевидностью, что этотъ фактъ не отрицается теперь даже самыми ярыми поклонниками „центровъ“.... Несомнѣнно, что „въ глубинѣ Россіи“ проходитъ „вѣковая тишина“ и вмѣсто вѣчной ночи загорается заря новой русской жизни земскаго уклада....

Смарагдъ Горностаевъ.

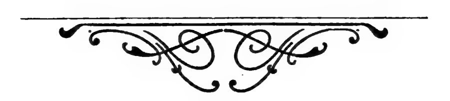


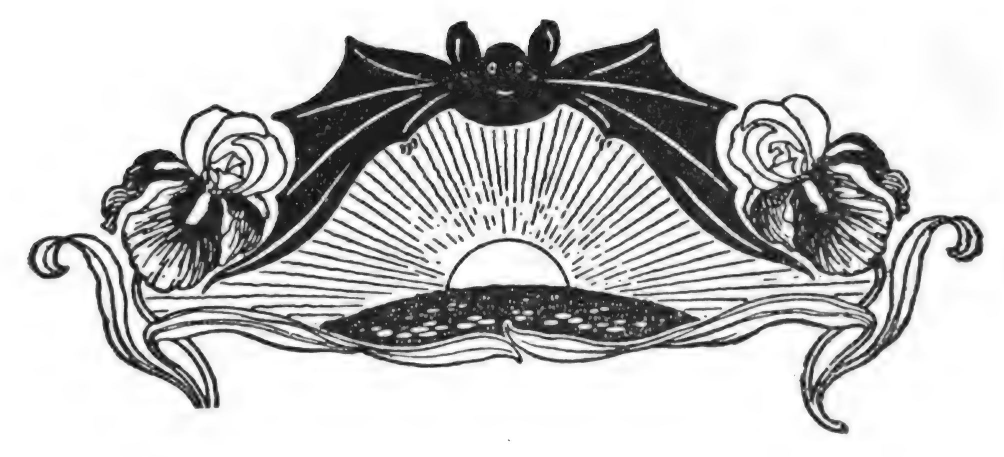
* * *

Не зови, не буди,
Ясныхъ сновъ не тревожь.
Жуткой правды я знать не хочу.
Вижу рай впереди,
Вѣрю въ чудную ложь,
Въ міръ иллюзій надеждой лечу...

Не буди, не зови,
Не гони моихъ сновъ:
Палачей береги для себя.
Вѣрю силѣ любви,
Призываю любовь
И умру для любви и любя...

И. Мордвиновъ.





Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

IV.

Сорокалѣтіе суда присяжныхъ.

I.

Судебная реформа 20 ноября 1864 года является однимъ изъ величественнѣйшихъ памятниковъ незабвеннаго царствованія Императора Александра II. Властно провозгласивъ принципъ „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“, царь-законодатель создалъ Судебные Уставы, долженствовавшіе обезпечить незыблемость этого принципа, долженствовавшіе дать Россіи „судъ правый, скорый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“, возвышающій судебную власть, дарующій ей надлежащую самостоятельность и вообще утверждающій въ народѣ „то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

Реформа была не только величественна, но и въ высокой степени рѣшительна. „Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ администраціи... Если бы въ прежнія времена, — писалъ въ своемъ дневникѣ А. В. Никитенко въ 1862 году,—вздумалъ бы кто только помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта его какъ нибудь вылетѣла бы изъ его устъ,— тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника“. Но 19 февраля 1861 года сдѣлало для Россіи возможнымъ то, о чемъ за нѣсколько лѣтъ до этого нельзя было и думать. И не только возможнымъ: съ паденіемъ крѣпостного права необходимость созданія прочнаго правового порядка и его охраны —независимаго суда—стала первой необходимостью. Новая жизнь уже не могла мириться съ старыми дряхлыми формами. Она не могла допустить, чтобы надъ освобожденной и признанной личностью тяготѣли древнія нормы, именно не признававшія въ русскомъ человѣкѣ личности, отрицавшія то, что было

за человѣкомъ утверждено великой освободительной хартіей. Изъ признанія правъ личности логически вытекала необходимость охраны этихъ правъ, а такая миссія не могла быть поручена дореформенному суду съ его тайнымъ, инквизиціоннымъ производствомъ, не обставленнымъ никакими гарантіями, наконецъ, съ его волокитой, взяточничествомъ и неправдой, ставшими синонимами для нашего стараго суда.

Императоръ Александръ II вполнѣ сознавалъ настоятельность судебной реформы. Уже при вступленіи на престолъ, въ манифестѣ 19 марта 1858 года, имъ были провозглашены знаменательныя слова: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ" и вслѣдъ за этимъ онъ сталъ принимать мѣры къ скорѣйшему осуществленію своихъ желаній. Эти стремленія Государя встрѣтили полное сочувствіе и со стороны исполнителей Высочайшихъ начертаній. Умственный и нравственный подъемъ, охватившій Россію въ этомъ періодѣ, важность и значеніе предстоявшей работы привлекъ въ ряды дѣятелей судебной реформы лучшихъ людей того славнаго времени, заставилъ ихъ отдаться дѣлу съ горячей любовью и неутомимой энергіей, а соотвѣтствіе выработанныхъ ими положеній съ идеалами общества обезпечило судебной реформѣ возможность созданія даже такого радикальнаго института, какимъ былъ судъ присяжныхъ.

Имѣя въ виду посвятить нашу статью всецѣло обзору судебъ этого послѣдняго творенія великой эпохи реформъ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали у составителей судебныхъ уставовъ мысль о желательности установленія суда присяжныхъ.

Исторія судебной реформы обнаруживаетъ, что на этотъ шагъ рѣшились не сразу. Какъ ни былъ настроенъ либерально и рѣшительно гр. Блудовъ, на долю котораго выпала счастливая честь положить начало новому суду, но и онъ, выдвигая невозможныя, по понятіямъ его времени, требованія къ судебной реформѣ, не рискнулъ, однако, предложить ввести въ Россіи судъ присяжныхъ. Если мы вспомнимъ, что гр. Блудовъ счелъ „непреложными началами" проектированной реформы отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны, введеніе адвокатуры, устности, гласности, начало двухъ инстанцій и пр., — то убѣдимся, какъ радикаленъ былъ шагъ, предпринятый комиссіей 1862 г., „зарудненскою могучею кучкою"—по выраженію Г. А. Джаншіева, результатомъ котораго было дарованіе Россіи присяжнаго суда.

Интересно прослѣдить возникновеніе и развитіе этого момента судебной реформы. Первопричину такого поворота во взглядахъ дѣятелей судебной реформы слѣдуетъ, по справедливости, видѣть въ приглашеніи къ участію въ работахъ комиссіи „юристовъ", представителей права; войдя въ комиссіи въ лицѣ такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Н. А. Буцковскій, Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ и др., имѣя во главѣ В. П. Буткова и С. И. Заруднаго, юристы не замедлили бросить на работы комиссіи новый свѣтъ, единственно приведшій къ тѣмъ результатамъ, которыхъ достигла судебная реформа. Этотъ свѣтъ былъ—наука права, ранѣе тщательно закрывавшійся, но, какъ понимаетъ всякій, только и способный дать реформѣ цѣлостность, прочность, а главное жизненность. Въ то же время этотъ свѣтъ выяснилъ, что реформа должна быть коренною, радикальной, что никакія частичныя улучшенія не способны создать твердаго правопорядка, обезпечить личности надлежащую охрану ея правъ, обезпечить „народное благосостояніе".

Юристы, разсмотрѣвъ проекты гр. Блудова, убѣдились, что какъ ни

были они хороши сами по себѣ, но переработка ихъ есть необходимость и потому, что эти проекты не были согласованы между собою и потому, что давая много — они не дѣлали всего. Былъ въ нихъ важный пробѣлъ, и безъ выполненія его реформа оказалась бы, такъ сказать, на полдорогѣ. Этимъ пробѣломъ являлось отсутствіе присяжнаго суда.

Соотвѣтственно такому рѣшенію, первымъ шагомъ замѣстившаго гр. Блудова — кн. П. П. Гагарина было исходатайствованіе оффиціальнаго разрѣшенія „юристамъ" на полную свободу дѣйствій и возможность пользованія указаніями науки и практики цивилизованныхъ народовъ (см. Джаншіевъ, Зн. вел. реф. 424). Получивъ въ 1862 г. это право, коммиссія уже не стала откладывать своего предположенія о судѣ присяжныхъ и въ составленномъ ею прошеніи „главныхъ началъ" — соображенія о судѣ присяжныхъ занимаютъ видное мѣсто.

Впослѣдствіи стало обычнымъ мѣстомъ упрекать составителей Судебныхъ Уставовъ въ томъ, что предлагая судъ присяжныхъ, они руководились исключительно политическими мотивами. Совершенно справедливо говоритъ Г. А. Джаншіевъ, что „мнѣніе это лишено всякаго основанія". Напротивъ, дѣятели судебной реформы, внося предложеніе дать Россіи судъ присяжныхъ, руководились исключительно юридическими мотивами, и въ запискахъ Буцковскаго и Заруднаго можно найти цѣлый рядъ соображеній, опровергающихъ мнѣніе враговъ суда присяжныхъ, повторяемое даже въ наши дни, будто судъ присяжныхъ есть учрежденіе „революціонно-демократическое, несовмѣстное съ самодержавіемъ".

Предложеніе комиссіи было одобрено Высочайшею Властью. Въ Государственномъ Совѣтѣ оно прошло единогласно, причемъ даже завзятый крѣпостникъ гр. Панинъ рѣшительно заявилъ, что „дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ". Съ восторгомъ привѣтствовало его русское общество и русская печать, причемъ горячими защитниками его являлись даже тѣ, кто спустя нѣсколько лѣтъ стали въ ряды его жгучихъ враговъ и ненавистниковъ. „Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, — писалъ М. Н. Катковъ по поводу открытія новаго суда въ Москвѣ, — будетъ живою общественною силою, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни"... „Да будетъ благословенъ Моисей", горячо восклицалъ „Голосъ", — „изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни".

Не радовалась новому суду только администрація. А. В. Никитенко (III, 156—157), передавая свои впечатлѣнія по поводу исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, сообщаетъ такой фактъ: предъ уходомъ изъ суда онъ бесѣдовалъ съ прокуроромъ. Послѣдній съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ, и если встрѣтится какая нибудь ошибка съ ихъ стороны, то сходитъ съума отъ радости. А Катковъ, въ тѣ поры убѣжденный сторонникъ новаго суда, давалъ ключъ къ пониманію этого отношенія администраціи къ суду: „Новые порядки, — писалъ онъ, — должны сталкиваться съ старыми, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ во всемъ. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое должно оказать дѣйствіе повсюду и видоизмѣняетъ весь строй нашего гражданскаго быта", — будутъ дѣлаемы разнего рода покушенія, попытки подорвать силу новаго порядка", — пессимистически прибавляетъ Кат-

ковъ, быть можетъ, еще не подозрѣвая, какъ скоро суждено оправдаться его горькому предсказанію.

А золотые дни новаго суда уже были на закатѣ. Не прошло и трехъ лѣтъ, началось обратное движеніе, продолжавшееся до послѣдняго времени и имѣвшее цѣлью съузить до уничтоженія области примѣненія выработанныхъ Зарудненской кучкой „непреложныхъ началъ". Началось съ гласности и независимости суда. „Революціонно-консервативн." „Вѣсть", по поводу оправданія одного чиновника, признаннаго судомъ душевно больнымъ, обвиняла новый судъ въ революціонныхъ стремленіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ и шефъ жандармовъ гр. П. А. Шуваловъ стремились взять суды подъ административную опеку. 13 мая 1866 года послѣдовалъ рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, а 22 іюля того же года было издано Положеніе комитета, гдѣ разъяснялось, что чины судебныхъ вѣдомствъ обязаны подчиняться законнымъ требованіямъ губернаторовъ и оказывать имъ должное уваженіе. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ распоряженій правительства, низводившихъ новый судъ съ той высоты, на которую воздвигъ его Манифестъ 20 ноября. Конецъ семидесятыхъ и восьмидесятые годы стали эпохой полной реакціи и въ отношеніи судебныхъ уставовъ. Одно за другимъ отмѣнялось или сокращалось дѣйствіе непреложныхъ началъ. По образному выраженію г. Обнинскаго „по отношенію къ благоденствію нашего судебнаго строя, время это напоминаетъ севастопольское сидѣніе, когда мѣсяцъ обороны зачислялся осажденнымъ за годъ и на дѣлѣ чувствовался не короче его.. Тяжелыя минуты приходилось переживать судебнымъ уставамъ, а искреннымъ друзьямъ ихъ, вѣрнымъ завѣтамъ 1864 года минуты эти должны были казаться вѣчностью. Переживаемые моменты подобны тому, когда слѣдишь, напр., за человѣкомъ находящимся въ той или иной опасности, съ замирающимъ сердцемъ наблюдая, какъ онъ переходитъ пропасть по зыбкимъ мосткамъ, борется съ волнами, переплывая рѣку, или идетъ по тонкому, хрупкому льду, сгибнетъ ли онъ на пути или достигнетъ желаннаго берега?.."

Г. Обнинскій такъ описываетъ это время: „сегодня на очереди вопросъ о переименованіи „судебныхъ уставовъ Императора Александра II, въ подлежащій томъ свода законовъ, завтра объ ограниченіи ограниченной уже компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей, послѣ завтра — о замѣнѣ кассаціоннаго порядка ревизіоннымъ и т. д."

Конечно, эти направленія не могли не отразиться на цѣлости судебныхъ уставовъ. Хотя большинству намѣреній и не удалось осуществиться, все же сдѣланнаго было достаточно для сильнаго отдаленія новаго суда отъ идеаловъ 1864 года. Пострадали рѣшительно всѣ „непреложныя начала" судебной реформы: несмѣняемость судей, гласность, судъ присяжныхъ. Рядомъ новеллъ и циркуляровъ всѣ принципы подверглись существеннымъ передѣлкамъ. Особенному гоненію подвергся судъ присяжныхъ. Подъ впечатлѣніемъ политическихъ событій 70-хъ и 80-хъ годовъ присяжные засѣдатели были взяты подъ подозрѣніе въ противоправительственныхъ стремленіяхъ, и были приняты рѣшительныя мѣры паролизовать эту, яко бы, тенденцію присяжнаго суда. У реакціонной печати развязались языки,—и градъ нареканій, глумленія посыпались на головѣ присяжныхъ, притомъ въ ряды противниковъ ихъ перешли даже недавніе защитники, какъ, напр., Катковъ, съ презрѣніемъ бросившій въ лицо присяжнаго суда позорное, по его мнѣнію, прозвище „суда улицы."

Г. А. Джаншіевъ такъ описываетъ эту эпоху существованія новаго суда: „началась безпощадная тра-

вля всѣхъ новыхъ судебныхъ установленій, независимость суда стала выдаваться за начало антигосударственное, законность—за анархическое начало, а судъ общественной совѣсти—за невѣжественный и произвольный судъ толпы, противный духу государственнаго строя России“.

И вотъ „заподозрѣнный, преслѣдуемый, едва терпимый и постоянно сокращаемый“ судъ присяжныхъ долженъ былъ влачить самое незавидное существованіе, и только 1895 годъ открылъ для него надежду на лучшее будущее, когда представители судебной власти, и прокуратуры почти въ одинъ голосъ удостовѣряли, что „судъ присяжныхъ лучшая форма суда, пользующаяся довѣріемъ не только въ образованномъ обществѣ, но и среди простого народа“.

II.

Мы переходимъ къ изложенію тѣхъ испытаній, которыя выпали на долю суда присяжныхъ за сорокъ лѣтъ его существованія. Къ сожалѣнію, размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ во всѣхъ подробностяхъ прослѣдить эволюцію названнаго института, основной тенденціей которой было послѣдовательное и неуклонное сокращеніе его компетенціи, а единственною цѣлью — полное его уничтоженіе. Намъ приходится останавливаться только на главнѣйшихъ моментахъ этой эволюціи, но мы увѣрены, что изложеніе ихъ будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель выяснилъ себѣ теперешнее положеніе суда присяжныхъ.

Испытанія для присяжнаго суда начались вскорѣ же по открытіи ими дѣйствій. Хотя въ Государственномъ Совѣтѣ судъ присяжныхъ не встрѣтилъ ни одного противника, и вопросъ о его введеніи прошелъ единогласно, причемъ даже такой завзятый консерваторъ и крѣпостникъ, какимъ былъ гр. Панинъ, и тотъ не нашелъ ни одного возраженія противъ присяжныхъ, все же въ средѣ администраціи низшихъ степеней введеніе присяжнаго суда породило неудовольствіе. Бюрократы не могли примириться съ мыслью, что рядомъ съ ними будетъ существовать такое самостоятельное и независимое учрежденіе, какимъ былъ новый судъ вообще, а судъ присяжныхъ въ особенности. Для нихъ, воспитанныхъ на произволѣ и самовластіи, горько было думать, что миновали прекрасные дни Арнхуэса, что они уже не въ состояніи такъ командовать судами, какъ командовали въ доброе старое время. Воспоминанія о тѣхъ годахъ, когда судьямъ можно было предписывать тотъ или иной приговоръ, когда можно было, по желанію, оправдывать гнуснѣйшаго преступника и осуждать на тяжелое наказаніе непонравившагося человѣка, слишкомъ были еще свѣжи, слишкомъ привлекательны, чтобы бюрократы могли разомъ и навсегда отрѣшиться отъ нихъ. И вотъ началась борьба съ новыми судебными установленіями, сначала глухая, подпольная, а потомъ, по мѣрѣ угасанія подъема освободительной эпохи, болѣе открытая, болѣе рѣшительная. Для суда создали особый счетъ, въ кредитъ ему ничего не писали, за то внимательно и усердно ставили въ дебетъ каждую его невольную ошибку, каждый случайный промахъ. И по поводу каждой такой записи враги судебной реформы поднимали невообразимый шумъ и крикъ, твердили о разрушеніи основъ государства, и въ этомъ своемъ „почтенномъ“ походѣ находили сочувствіе и поддержку въ реакціонной печати, негодовавшей на судъ за то, что благодаря ему уже не оставались скрытыми злоупотребленія и произволъ возлюбленной ею бюрократіи.

Первое столкновеніе послѣдней съ присяжнымъ судомъ произошло на почвѣ оправдательнаго вердикта, вынесеннаго присяжными въ

1867 году нѣкоемому чиновнику Протопопову, обвинявшемуся въ оскорбленіи начальника, но признанному на судѣ сумасшедшимъ. Этотъ приговоръ возмутилъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, въ вѣдомствѣ котораго служилъ Протопоповъ, и онъ съ настойчивостью сталъ добиваться отмѣны противозаконнаго, по его мнѣнію, приговора. Въ то же время, по его мысли, реакціонная „Вѣсть“ помѣстила обвинительную статью противъ суда присяжныхъ, гдѣ доходила до того, что приписывала присяжныхъ ни болѣе, ни менѣе, какъ революціонныя наклонности. Статья эта была замѣчена; „Вѣсти“ грозила непріятность, но П. А. Валуевъ не покинулъ въ бѣдѣ свою пріятельницу; онъ отстоялъ ее (см. дневникъ А. В. Никитенко), но еще болѣе вознегодовалъ на присяжныхъ. Возмущеніе достигло крайнихъ предѣловъ, когда для Валуева оказалось невозможнымъ измѣнить вердиктъ по дѣлу Протопопова. Какъ разъ въ это время долженъ былъ оставить свой постъ министръ юстиціи Замятнинъ, истинный другъ судебной реформы, его смѣнилъ гр. Паленъ, такой же консерваторъ, что и П. А. Валуевъ, и уже вдвоемъ они взялись за дѣло погребенія присяжнаго суда. Желая быть рѣшительнымъ, гр. Паленъ составилъ проектъ объ уничтоженіи присяжнаго суда, и счастье для послѣдняго, что проектъ этотъ появился немного рано. Еще живы были настроенія эпохи реформъ, Россія еще переживала медовый мѣсяцъ своего возрожденія, она еще глубоко преклонялась передъ идеаломъ свободы и законности,—и проектъ гр. Палена потерпѣлъ крушеніе.

Но это, конечно, не могло остановить сторонниковъ регресса. Они продолжали свое темное дѣло, продолжали настойчиво и упорно, словно чувствуя, что недалеко то время, когда ихъ голосъ пріобрѣтетъ силу, будетъ не только услышанъ, но и принятъ „къ свѣдѣнію и руководству“.

Несчастныя событія 70-хъ и 80-хъ годовъ дали реакціонерамъ желанное торжество. И въ обществѣ, и въ правительствѣ произошелъ переполохъ, на дѣятельность освободительной эпохи стали смотрѣть, какъ на роковую ошибку, и одно за другимъ пошли мѣропріятія, стирающія, что только было можно стереть изъ созданнаго 60-ми годами. Нависшія сумерки бросили свою тѣнь и на судъ присяжныхъ. Исторія этого времени — есть непрерывная цѣпь новеллъ, подрывавшихъ значеніе присяжнаго суда, отвлекавшихъ его на задній планъ, изъ центральнаго мѣста судебной реформы дѣлавшихъ его ненужнымъ, даже лишнимъ придаткомъ.

Въ 1881 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о наименованіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.—„Судебными Уставами Императора Александра II“, дабы они служили,—по выраженію Указа 17-го апрѣля 1884 года,—„законодательнымъ памятникомъ прошлаго царствованія“.

„При недобрыхъ ауспиціяхъ“,—говоритъ Г. А. Джаншіевъ въ своихъ „Основахъ судебныхъ реформъ“— произошло это наименованіе. Реакціонеры уже были въ чести и безъ опасеній, открыто вели борьбу съ ненавистнымъ имъ учрежденіемъ. Нападки на судъ присяжныхъ не ограничивались уже столбцами охранительной печати. Онѣ успѣли проникнуть въ область, „дотолѣ для нихъ недоступную — за порогъ кассаціоннаго суда“. 13 марта 1884 г.,— памятный день,—съ трибуны сенатскаго оберъ прокурора впервые раздалось слово противъ присяжнаго суда, „безпримѣрное по рѣзкости въ судебныхъ лѣтописяхъ“, какъ констатируетъ Джаншіевъ. На судъ присяжныхъ призывались громъ и молнія, оберъ-прокуроръ увѣрялъ сенаторовъ, что если они „внемлютъ его голосу и пойдутъ за нимъ, то,

перевернувъ мрачную страницу книги Бытія, услышать, подобно Ною, благовѣстъ новой, „лучшей жизни!“

А 23 апрѣля 1884 года, въ день освященія памятника Императору Александру II, воздвигнутаго чинами судебнаго вѣдомства, въ Екатерининскомъ залѣ Московскаго окружного суда еще болѣе тяжкое обвиненіе упало на голову присяжнаго суда. Усмотрѣвъ на бѣломъ мраморѣ памятника „кровавыя пятна“, М. Н. Катковъ, уже перешедшій въ лагерь крайнихъ враговъ великихъ реформъ и съ ослѣпленіемъ громившій то, чему еще такъ недавно онъ преклонялся, безъ всякаго упрека совѣсти приписывалъ эти пятна новому суду.

Все это дало важные и знаменательные симптомы. И дѣйствительность не замедлила обнаружить, что они были только предвѣстниками умирающаго дня. Прошло $1^1/_2$ мѣсяца со дня жестокой клеветы Каткова, и появилась первая новелла, направленная противъ суда присяжныхъ.

Этой новеллой былъ законъ 12 іюня 1884 г., касавшійся права отвода сторонами присяжныхъ засѣдателей. Хотя въ нашей литературѣ, даже благопріятной для присяжнаго суда, раздаются голоса, что законъ 12 іюня нисколько не сузилъ, а, напротивъ, упорядочилъ дѣятельность суда присяжныхъ, и въ самое послѣднее время это мнѣніе было повторено высокочтимымъ А. Ф. Кони въ его статьѣ о Д. Н. Набоковѣ (см. „Вѣст. Права“ май, 1904 года), но мы болѣе склоняемся въ сторону противоположнаго взгляда, видящаго въ этомъ законѣ существенное нарушеніе принциповъ присяжнаго суда, однимъ изъ которыхъ является тезисъ, чтобы приговоръ не только былъ, но и считался справедливымъ. Комиссія по составленію Судебныхъ Уставовъ именно потому и дала сторонамъ право широкаго отвода присяжныхъ. „Хотя присяжные,—говорила она въ объясненіяхъ къ 665 ст. у. у. с.,—и назначаются жребіемъ, но для полнаго довѣрія и правильности ихъ приговора этого еще не достаточно: необходимо, чтобы и обвиненіемъ, и защитою они признаны были за судей безпристрастныхъ“. А это признаніе всецѣло находится въ зависимости отъ права отвода.

Но законъ 12 іюня не ограничился однимъ этимъ нововведеніемъ. Большое значеніе имѣютъ его положенія о составленіи списка присяжныхъ, сначала явившіяся какъ бы временной игрой, а закономъ 28 апрѣля 1887 г. получившія характеръ постоянный. Пригласивъ въ составъ комиссіи по составленію списковъ администрацію, законъ этотъ безусловно подрывалъ значеніе присяжнаго суда, и одно только могло утѣшать друзей его, это то, что на законъ 12 іюня, по словамъ пр. Фойницкаго, слѣдовало смотрѣть, „какъ на временную уступку передъ обстоятельствами, ничего общаго съ интересами правосудія не имѣющими“.

Но, какъ бы ни смотрѣли на законъ 12 іюня, значеніе его для цѣлости присяжнаго суда было неоспоримо; онъ поколебалъ „непреложныя начала“, выдвинутыя эпохой судебной реформы, онъ сдвигалъ съ мѣста величественное зданіе новаго суда и открывалъ доступъ въ святилище тому элементу, котораго дѣятелями реформы считался наиболѣе опаснымъ для истиннаго правосудія. Еще большее значеніе закона 12 іюня заключалось въ томъ, что онъ пробивалъ первую брешь въ неприступную для администраціи твердыню законности. Удача перваго шага неминуемо должна была повлечь за собою другіе шаги въ этомъ направленіи,—и они не заставили себя долго ждать.

20 мая 1885 г. пошатнулся второй основной принципъ судебной реформы: ограничена была несмѣняемость судей, эта лучшая гаран-

тія правосудія, залогъ судейскаго безпристрастія; 12 февраля 1887 г. послѣдовала новелла объ ограниченіи гласности и, наконецъ, 7 іюля 1889 года, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей“, былъ нанесенъ „уличному суду, если не рѣшительный, то довольно чувствительный ударъ“. Этотъ послѣдній законъ существенно сузилъ классъ дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Цѣлая серія правонарушеній была изъята изъ его вѣдѣнія, и въ числѣ ихъ, наряду съ таками, съ которыми можно еще было отчасти мириться, были такія, гдѣ участіе народнаго элемента, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, было не только желательно, но и необходимо. Мы имѣемъ въ виду именно дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ властей и дѣла о двоеженствѣ. Едва ли можно отрицать, что, напр., первый классъ дѣлъ, подъ именемъ которыхъ у насъ чаще всего являются такъ называемые крестьянскіе безпорядки, въ основаніи своемъ имѣетъ или тяжелую, безысходную нужду, или непониманіе закона, или же, наконецъ, обманныя дѣйствія постороннихъ лицъ. Для того, чтобъ правильно разобраться въ этихъ дѣлахъ, постановить справедливый приговоръ, недостаточно знаніе уложенія о наказаніяхъ да кассаціонной практики. Одна судейская опытность не поможетъ понять совершившійся фактъ и рѣшить, есть ли въ немъ наличность преступленія, или же онъ простое недоразумѣніе. Присяжные засѣдатели въ такихъ-то дѣлахъ и наиболѣе желанный и нужный элементъ. Знаніе жизни, знаніе окружающихъ условій даетъ имъ возможность безошибочно отвѣтить на вышепоставленный вопросъ, и опытъ прошлаго служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ этого. Въ уголовной лѣтописи русскаго суда сохранилась память о такихъ процессахъ, разрѣшенныхъ судомъ присяжныхъ. И можно только удивляться, сколько правильности, жизненности и справедливости внесли присяжные своими приговорами въ такія дѣла.

Въ ряду остальныхъ дѣлъ, изъятыхъ закономъ 7 іюня изъ вѣдѣнія присяжныхъ, значатся, между прочимъ, такъ называемые банковскія дѣла. Опять таки представляется страннымъ, чѣмъ вызывалось это изъятіе. Единственными возможными мотивами была чрезмѣрная сложность и запутанность этихъ дѣлъ. Но опытъ, опять таки, говоритъ противное: памятенъ процессъ таганрогской таможни, длившійся 23 дня, и въ которомъ на разрѣшеніе присяжныхъ было поставлено 1315 вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, по окончаніи этого дѣла, оберъ-прокуроръ А. Ф. Кони констатировалъ, что свой долгъ они исполнили *свято*. Онъ же сообщаетъ и такой фактъ: въ совѣщаніи предсѣдателей и прокуроровъ при министерствѣ юстиціи было сообщено, какъ по одному, очень сложному банковскому дѣлу, въ то время, какъ присяжные удалились въ совѣщательную комнату, судьи отмѣтили на вопросномъ листѣ тѣ отвѣты, какіе слѣдовало бы дать по ихъ мнѣнію. И отвѣты присяжныхъ до малѣйшаго были тождественны съ судейскими предположеніями.

Но законъ 7 іюня передалъ и эти дѣла вѣдѣнію сословныхъ представителей. Каковы же результаты такой передачи? Стали ли банковскіе процессы рѣшаться лучше въ новой обстановкѣ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ слѣдующимъ.

Годъ тому назадъ въ Харьковѣ слушались дѣла о злоупотребленіяхъ въ Харьковскихъ земельномъ и торговомъ банкахъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Москвѣ вышелъ подробный стенографическій отчетъ объ этомъ дѣлѣ (книга въ 1000 съ лишнимъ страницъ), издатель котораго въ предисловіи сдѣлалъ такое замѣчаніе: „тяжелый приговоръ, вынесенный обвиняемымъ особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты,

объясняется теперь, какъ продуктъ натяжекъ и извращеній установленныхъ правилъ судопроизводства, какъ при самомъ возбужденіи этого процесса, такъ и во время хода судебнаго слѣдствія, включительно до неграмотности судьи г. Ярмака, разбиравшаго дѣло о злоупотребленіяхъ въ харьковскихъ банкахъ... Не правъ ли г. Анріо, авторъ пьесы „Слѣдствіе“, что „правосудіе—желобокъ, въ который можетъ попасть только то, что угодно власти и что ведетъ къ осужденію“... Защита во время хода процесса была связана по рукамъ и по ногамъ. При такихъ данныхъ провозглашенная приговоромъ палаты res judicata едва ли можетъ считаться—pro veritate habetur—непреложной истиной“...

Такихъ нареканій не вызывалъ судъ присяжныхъ. Напротивъ, въ недавно вышедшей книгѣ Н. П. Карабчевскаго „Около правосудія“, въ статьѣ „Итоги Струсбергскаго процесса“, мы читаемъ такую фразу о вердиктѣ присяжныхъ, разбиравшихъ это сложное и долгое дѣло: „Присяжные засѣдатели въ своемъ приговорѣ обнаружили наиболѣе глубокое и всестороннее пониманіе самой сущности вопроса. Отвѣтъ присяжныхъ глубоко справедливъ, съ какихъ бы точекъ зрѣнія ни взглянуть. Изъ цѣлой массы противорѣчивыхъ доводовъ обвинителей и защитниковъ присяжные съумѣли отбросить все, что шло въ разрѣзъ съ истиной, и потому ихъ вердиктъ логически вытекаетъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя по этому вопросу были обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ“.

III.

При такихъ условіяхъ „влачилъ свое существованіе“ судъ присяжныхъ до 1895 года. Съ этого момента для него, по выраженію г. А. Джаншіева, „открылась надежда на лучшее будущее“. Причиной такого поворота, пока еще, впрочемъ, только ожидаемаго, явился пересмотръ судебнаго заимодательства. На совѣщаніи высшихъ представителей судебнаго вѣдомства, организованномъ министерствомъ юстиціи, въ секціи, обсуждавшей вопросъ о судѣ присяжныхъ, изъ 20 голосовъ только 2 выразились противъ присяжныхъ, всѣ же остальные члены совѣщанія категорически высказались за и даже заявили, что судъ присяжныхъ *лучшая форма суда*, пользующаяся довѣріемъ не только образованнаго класса, но и народныхъ массъ. И это послѣ того гоненія, которому подвергался судъ присяжныхъ въ теченіе 20 лѣтъ!.. Поистинѣ, судъ присяжныхъ величественное учрежденіе, „непреложное начало“, если и въ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше, онъ сумѣлъ сохранить за собою авторитетъ и общественное довѣріе, если и изъ бездны испытаній онъ сумѣлъ вынести свое знамя по прежнему твердо и непоколебимо...

Для суда присяжныхъ это признаніе совѣщанія имѣло первостепенное значеніе: оно упрочило его существованіе, оно парализовало попытки уничтоженія его и открыло для него лучшее будущее... На самомъ дѣлѣ: если судъ присяжныхъ при неблагопріятныхъ условіяхъ могъ снискать себѣ титулъ „лучшей формы суда“, то насколько значительны будутъ его результаты, разъ только уничтожатся всѣ стѣсненія періода сумерекъ, и ему дана будетъ та полнота и свобода, которые составители судебныхъ уставовъ считали его непреложной принадлежностью...

Насколько выше встанетъ у насъ дѣло правосудія, если судъ присяжныхъ будетъ признанъ доминирующей формой суда, если будетъ уничтожены существованія для него въ настоящее время изъятія, отмѣнены ограниченія, наконецъ, если онъ будетъ распространенъ рѣшительно на всю Россію, а не только на привиллегированныя губерніи!

Необъятно и неизмѣримо значеніе суда присяжныхъ—и не только въ области правосудія... Еще большее значеніе имѣетъ онъ для жизни вообще, то значеніе, о которомъ такъ хорошо говоритъ В. К. Случевскій въ статьѣ „о судѣ присяжныхъ и его противникахъ“: „при оцѣнкѣ суда присяжныхъ,— читаемъ мы,—не слѣдуетъ также терять изъ виду, что судъ этотъ, рядомъ со своими судебными достоинствами, характеризуется также высокимъ его соціальнымъ, внѣ-судебнымъ значеніемъ, выражающимся въ подъемѣ того нравственнаго чувства, которое онъ въ обществѣ развиваетъ... По окончаніи своей обязанности присяжный возвращается, въ особенности въ свою деревню, какъ бы преображенный; онъ отправлялъ въ судѣ, въ качествѣ присяжнаго, такую важную функцію, которая подняла его въ собственныхъ глазахъ и даетъ основаніе, путемъ разсказовъ домашнимъ и сосѣдямъ о вынесенномъ изъ суда, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о томъ, что преступленіе, какъ не велика сила его дѣйствія, находитъ свое возмездіе въ правосудіи“.

Судъ присяжныхъ есть не просто судъ... Онъ, въ тоже время, и школа, великая школа, гдѣ личность познаетъ свои и чужія права, научается уважать ихъ, дорожить ими, выростаетъ духовно и нравственно. „Воспитательное значеніе суда присяжныхъ“,—говоритъ г. Тарновскій въ статьѣ „Репрессія суда присяжныхъ за 1875—1900 г.г.“. (Ж. М. Ю. январь 1904 г.),—его нравственное обаяніе въ глазахъ общества и даже самихъ подсудимыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ судъ самой жизни, судъ непосредственнаго чувства, не затемнѣннаго постояннымъ созерцаніемъ, хотя бы и съ высоты судейскаго стола, мрачнаго міра преступности, — судъ присяжныхъ является драгоцѣннымъ наслѣдіемъ германскаго, въ частности англо-саксонскаго міра, столь много давшаго для развитія общественной и индивидуальной свободы, сознанія своихъ правъ, достоинства, личности, какъ цѣли развитія личности.“

. . . .

Въ наше время, повидимому, нѣтъ уже больше основаній опасаться за существованіе присяжнаго суда. Ему, вошедшему въ плоть и кровь русскаго народа, ставшему драгоцѣннымъ достояніемъ и лелѣемымъ наслѣдіемъ эпохи реформъ, уже нечего бояться жалобныхъ ламентацій, бездѣльныхъ шутокъ нашихъ „охранителей“. Комиссія по пересмотру судебнаго заимодательства признала его необходимымъ для правильнаго отправленія правосудія и, напротивъ, отвергла судъ сословныхъ представителей, хотя и замѣнила послѣдній институтъ институтомъ присяжныхъ особаго состава... Такимъ образомъ будущность присяжнаго суда представляется въ настоящее время болѣе или менѣе обезпеченной.

Остается пожелать только одного.. По выраженію проф. Фойницкаго, присяжный судъ есть „наиболѣе близкая къ идеалу форма суда“. Нужно желать, чтобы онъ еще болѣе приблизился къ идеалу. Достичь же этого нельзя никакими усовершенствованіями самого суда, ибо причина—внѣ его... И, заканчивая нашу статью, мы не откажемся привести глубоко справедливыя слова В. Д. Набокова, (см. Сборн. статей по уголовному праву), которыя объясняютъ тѣ условія, при которыхъ для присяжнаго суда откроется еще большая возможность приблизиться къ идеалу:

„Улучшеніе предварительнаго слѣдствія и процедуры преданія суду, болѣе правильное составленіе и веденіе списковъ присяжныхъ, усовершенствованіе процессуальныхъ порядковъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ.—все это естественно и непремѣнно подниметъ качество присяжной юстиціи. Прогрессъ матеріальнаго уголовнаго законода-

тельства сыграетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе замѣтную роль, что давно уже указано и всѣми признано. Введеніе новаго уголовнаго уложенія благотворно отразится и на судѣ присяжныхъ, въ этомъ мы глубоко убѣждены. Но первенствующее, главнѣйшее условіе принадлежитъ здѣсь другому условію: укрѣпленію чувства законности въ средѣ того общества, изъ котораго вербуются судьи совѣсти, чувство, которое, какъ прекрасно и сильно высказано въ Высочайшемъ указѣ 22 марта объ утвержденіи уголовнаго уложенія, „должно быть постояннымъ руководителемъ каждаго, какъ отдѣльно, въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ сословій и обществъ“. Развитое чувство законности не можетъ „насиловать совѣсть“, разъ послѣдняя добровольно и убѣжденно ему подчиняется... „Чѣмъ болѣе законности въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокуратуры и администраціи“, говоритъ проф. Фойницкій, — тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей“. Всемѣрное развитіе этой законности, будучи панацею противъ неправды, пристрастія и произвола въ любой сферѣ государственной и общественной дѣятельности, создаетъ ту атмосферу, въ которой и отправленіе правосудія можетъ наиболѣе приблизиться къ идеалу...“

Сергѣй Плевако.

Н. Ив. Васильевъ.
(Съ фотографіи Ю. И. Никоновича въ С.-Петербургѣ).

Н. И. ВАСИЛЬЕВЪ.

(Къ 25-лѣтію его литературной дѣятельности).

Путь литературный не розами усѣянъ. Это старая истина, тѣмъ болѣе старая, когда рѣчь идетъ о дѣятелѣ печатнаго слова, о работникѣ литературы, избравшемъ себѣ особую арену, арену провинціальной печати. Если въ настоящее время положеніе послѣдней и ея работниковъ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія и стеченія такъ называемыхъ зависящихъ и независящихъ обстоятельствъ, то четверть вѣка тому назадъ это положеніе было еще тяжелѣе. Провинціальная печать, достигшая теперь, помимо всѣхъ тяжелыхъ условій ея существованія, значительной силы и вліянія, —четверть вѣка назадъ едва—едва зарождалась. Это были первые шаги того слабаго дитяти, въ силы котораго плохо вѣрили въ столицахъ,—дитяти, нуждавшагося въ заботливомъ уходѣ и нѣжномъ попеченіи.

Провинціальный читатель едва—едва только начиналъ чувствовать потребность въ своемъ мѣстномъ органѣ печати; послѣдніе должны были явиться для такого читателя аудиторіей, откуда должно было раздаваться честное слово, будя мысль и шевеля нервы. Но честное слово далеко не имѣло простора для своего выраженія.

Писать и печатать не есть еще синонимы. Между Сциллой читательской толпы и Харибдой независящихъ обстоятельствъ всегда

приходилось проводить свой челнъ работнику провинціальной печати, въ гораздо большей степени, чѣмъ его столичнымъ товарищамъ.

Красный карандашъ „предварительнаго разсмотрѣнія“ нерѣдко огненной чертой испепелялъ всю работу писателя, сводя на нѣтъ весь его трудъ. И тяжелѣе всего было то, что для огненной черты не существовало ничего строго опредѣленнаго, яснаго, никакихъ границъ. Сегодня пропускалось то, что завтра запрещалось. Въ одномъ городѣ запрещалось одно, въ другомъ это же дозволялось.

При такихъ условіяхъ работа нерѣдко сводилась къ своего рода Сизифову труду и, неоконченная сегодня, откладывалась съ болью въ писательскомъ сердцѣ до утра лучшихъ дней...

Но это не все.

Идейный работникъ пера часто не встрѣчалъ никакой идейной поддержки со стороны пекущихся о „розницѣ“ и объявленіяхъ издателей. Издатель не хотѣлъ ничѣмъ рисковать и, нерѣдко служа двумъ богамъ, приносилъ въ жертву и сотрудника съ его интересами, и читателя, ждущаго трезваго, честнаго слова отъ писателя.

Писателю приходилось отрясать прахъ и, подобно вѣчно гонимому страннику, искать новой арены, новыхъ лучшихъ условій, предпочитая полную матеріальную необезпеченность измѣнѣ своему идеалу. Только въ союзѣ съ нимъ, только вѣря въ него, какъ святыню своей жизни, можно нести безропотно свой крестъ, не изнемогая подъ этой ношей. Періоды изнеможенія, минуты тоски, мгновенья отчаянья и проклятія нерѣдко противъ воли вырывались у писателя...

Но это были только мгновенье. Проклинать можетъ только тотъ, кто сильно любитъ; только вѣрящему знакомо отчаянье, только натруженнымъ рукамъ знакомо изнеможеніе, отъ непосильнаго труда...

Все это на самомъ себѣ испыталъ и Николай Ивановичъ Васильевъ, литературной дѣятельности котораго 29 декабря истекаетъ двадцать пять лѣтъ.

Много пережито и выстрадано имъ за это время: и гнетъ писательской зависимости отъ усмотрѣнія, и тяжесть матеріальной необезпеченности, и странствованія изъ города въ городъ. Но выстрадано и то убѣжденіе, поддерживающее каждаго писателя, что за чечевичную похлебку сытости и обезпеченности никогда не было продаваемо его идейное „я“,—то лучшее, что составляетъ святое святыхъ каждаго человѣка и писателя тѣмъ болѣе. Это святое святыхъ— міросозерцаніе человѣка и писателя. Какому богу покланялся семнадцатилѣтній юноша литераторъ, едва вступившій на *свой* путь, такимъ онъ и остался до сихъ поръ.

Въ нашу скорбную годину, когда убѣжденія и идеи мѣняются съ легкостью перчатокъ, это обстоятельство не можетъ не быть дорого въ юбилярѣ.

Но мы пишемъ не юбилейную характеристику, слагаемъ не литературный дифирамбъ въ его честь. Всего менѣе хотѣли бы мы, чтобы слово неправды исказило черты истины...

Помните старое изреченіе: „люблю не потому, что друженъ съ тобою, а потому друженъ съ тобой, что смогъ полюбить тебя“?

Оглядываясь на 25-лѣтній путь, пройденный Н. Ив. Васильевымъ, мы столкнемся со всѣми тѣми характерными чертами, какія отмѣчены выше.

Волгарь родомъ, Николай Ивановичъ провелъ на берегахъ Волги все свое дѣтство и тамъ же встрѣтилъ юность. На Волгѣ же, работая въ Поволжскихъ газетахъ, прошла большая часть дѣятельности Н. И.

Писать онъ началъ еще на гимназической скамьѣ. Его крестнымъ отцомъ въ литературѣ былъ извѣстный піонеръ провинціальной печати, покойный Александръ Серафимовичъ Гацискій. Подъ вліяніемъ послѣдняго сложились первые взгляды Н. И. Большое вліяніе имѣлъ также на юношу-гимназиста не безызвѣстный педагогъ и общественный дѣятель Мих. Вас. Овчинниковъ.

За двадцать пять лѣтъ Н. Ив. приходилось работать много, приходилось нести на себѣ всю тяжесть черноваго, невиднаго редакціоннаго труда въ провинціальныхъ газетахъ, редактировать въ качествѣ „завѣдующаго редакціей“, писать начиная отъ „передовой“ въ каждомъ номерѣ и кончая „обязательнымъ“ фельетономъ, „обязательнымъ“ по неписанному договору съ издателями, получая за весь трудъ по чисто аптекарской таксѣ.

Впрочемъ, важно не то, что приходилось писать, а какъ было все это написано. Публикѣ, обществу нѣтъ дѣла до взаимоотношеній работниковъ пера къ ихъ антрепренерамъ.

Издательскія антрепризы еще ждутъ своего историка. Русскій литераторъ скроменъ и сора изъ избы не любитъ выносить... Но это къ слову...

Во всемъ, что выходило изъ-подъ пера Николая Ивановича, красной нитью проходитъ то, что называется міросозерцаніемъ писателя. Во что вѣрилъ онъ двадцать пять лѣтъ назадъ зеленымъ юношей, что считалъ правдой жизни на зарѣ своихъ дней, тому онъ остался вѣренъ и теперь. Судьба могла изломать его жизнь, но не самую вѣру въ жизнь, т. е. именно то, чѣмъ живъ человѣкъ и писатель.

Литературное поприще Н. Ив. началъ въ 1879 году въ „Новостяхъ" (корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода подъ иниціалами Н. И. В.) семнадцати лѣтнимъ юношей. Съ этого времени онъ принималъ участіе въ петербургской и московской печати („Новости", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Русскія Вѣдомости", „Сынъ Отечества", „Курьеръ", „Биржевыя Вѣдомости", Русская Жизнь", „Сѣверный Курьеръ", и мн. др.).

Впрочемъ, главнымъ образомъ его дѣятельность долго сосредоточилась въ органахъ Поволжья, Центральной и Южной Россіи, въ которыхъ, начиная съ 1885 года, онъ принималъ дѣятельное участіе.

Нижній, Казань, Самара, Саратовъ, Орелъ, Царицынъ, Астрахань, Керчь, Маріуполь— вотъ тѣ „пункты", гдѣ пришлось гастролировать на различныхъ литературныхъ амплуа Н. Ив. Васильеву.

А литературныя гастроли, нужно замѣтить, имѣютъ очень мало общаго съ гастролями артистическими. „Шумъ славы, громъ рукоплесканій и прочіе цвѣты удовольствія всего менѣе выпадаютъ на долю литературнаго работника, заѣзжаго въ провинцію и смотрящаго серьезно на печать и ея задачи.

Наша бѣдная полугласность и та не обрѣтается въ фаворѣ и у начальства, и у обывателей. Отсюда пререканія, и неудовольствія и поспѣшное, но часто подневольное, отрясеніе „праха отъ ногъ своихъ" и предоставленіе другимъ умѣющимъ и желающимъ права „лаять на луну", какъ на предметъ облаиванья дозволенный, въ то время когда до другихъ предметовъ высшаго порядка коснуться дерзновенно смѣть не приказано...

Помимо чисто газетной работы, въ минуты досуга Н. Ив. Васильевымъ написано не мало беллетристическихъ вещей.

Россійская безпечность и россійская же скромность до сихъ поръ помѣшали собрать ему воедино свои разсказы и повѣсти, затерянныя на страницахъ журналовъ и газетъ. А между прочимъ одни эти разсказы (въ особенности изъ жизни волгарей) должны были бы составить автору прочное имя въ литературѣ. Въ нихъ есть всѣ данныя, свидѣтельствующія о беллетристическомъ талантѣ: основательное знаніе условій быта и жизни, умѣніе отдѣлить существенныя черты отъ несущественныхъ, способность немногими штрихами оттѣнить характеръ, простой, выразительный языкъ образовъ и вдумчивое отношеніе автора къ изображаемымъ явленіямъ, которыя мало подмѣтить, а надо и умѣть освѣтить.

Наряду съ этимъ, въ числѣ работъ Н. Ив., дающихъ право на вниманіе къ нему публики, укажемъ на его совмѣстный трудъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ знатокомъ Волги С. П. Неустроевымъ — по редактированію лекцій о рѣчной практикѣ и лоціи рѣки Волги, а также словаря волжскихъ терминовъ.

Пришлось ему поработать и въ земской статистикѣ: въ Казани (1887 г.) и въ Н.-Новгородѣ (1888 г.), впрочемъ, въ качествѣ гастролера.

Въ послѣдніе годы Н. Ив. перебрался въ Петербургъ и, работая въ столичной печати, принимаетъ близкое участіе въ качествѣ постояннаго сотрудника нашего журнала.

Читателямъ „Науки и Жизни" по ряду статей автора хорошо знакомо его имя, какъ и его литературный псевдонимъ (Смарагдъ Горностаевъ), которымъ Н. Ив. подписывалъ большинство своихъ фельетоновъ въ провинціальной печати *)...

Четверть вѣка проработать, живя (во всѣхъ смыслахъ) исключительно литературнымъ трудомъ,—не легкая задача! Только жертвы во имя любви кажутся не тяжелыми...

Ник. Носковъ.

*) Въ день литературныхъ именинъ Н. Ив. (29 декабря тек. года) друзья, товарищи и почитатели юбиляра предполагаютъ собраться вмѣстѣ. Желающіе примкнуть къ чествованію Н. Ив. благоволятъ присылать свои заявленія на имя редактора -издателя журнала „Наука и Жизнь", Фавста Сергѣевича Груздева (Николаевская 33) или на имя сотрудника того же журнала, Николая Дмитріевича Носкова, Невскій 139) не позднѣе 29 декабря.

I. Хроника русской жизни.

Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ и связанныя съ нимъ надежды.—Первые шаги Кн. Святополкъ-Мирскаго на новомъ посту.—Пріостановка пересмотра положенія о крестьянахъ и новыя правила для пересмотра.—Высочайшій указъ 22 сентября и назначеніе товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ ген.-м. Рыдзевскаго.—Совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ.

Наиболѣе крупнымъ событіемъ въ нашей внутренней жизни за послѣднее время, какъ извѣстно, было назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго и связанныя съ этимъ назначеніемъ надежды на возстановленіе правового порядка въ Россіи, развитіе котораго было задержано много лѣтъ тому назадъ благодаря совершенно особымъ соображеніямъ власти, съ цѣлью искорененія возникшихъ въ нашемъ отечествѣ революціонныхъ теченій. Съ этою цѣлью создался цѣлый рядъ исключительныхъ, временныхъ законовъ и правилъ, ставшихъ однако постоянными,—законовъ, которые всею тяжестью своей ограничительности и каръ за ихъ нарушенія легли не на тѣхъ, для кого они предназначались, не на крамольниковъ, въ большинствѣ случаевъ ускользавшихъ изъ поля зрѣнія властей, а на всѣхъ русскихъ людей, на все русское общество, на всѣ общественныя учрежденія.

Къ такимъ законамъ и правиламъ слѣдуетъ отнести временныя правила 1882 г. для печати, творцомъ которыхъ былъ гр. Толстой. Настаивая на проведенія этихъ ограничительныхъ правилъ въ комитетѣ министровъ, гр. Толстой находилъ, что печать „систематически разноситъ ядъ разрушительныхъ и ложныхъ идей, въ особенности въ тѣ классы народа, среди которыхъ превратныя внушенія печати въ состояніи произвести наибольшій вредъ“. Далѣе, графъ находитъ, что „при безконечномъ и не всегда уловимомъ разнообразіи проявленія мыслей преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ авторовъ статей, безусловно вредныхъ, не всегда возможно и рѣдко достигаетъ цѣли, имѣющіяся же въ распоряженіи административной власти мѣры воздѣйствія на періодическую печать не представляются вполнѣ достаточными“. Комитетъ министровъ утвердилъ эти правила „въ виду заявленной министромъ внутреннихъ дѣлъ настоятельной спѣшности дѣла“, какъ говорится въ „Историческомъ обзорѣ дѣятельности комитета министровъ“. Такъ

создались временныя ограничительныя правила для печати и существуютъ по днесь.

При посредствѣ этихъ правилъ и разными другими мѣрами печать приведена была къ полному молчанію въ области самыхъ существенныхъ вопросовъ русской жизни, а о менѣе существенныхъ могла высказаться только съ большой осторожностью при помощи эзоповскаго и рабьяго языка.

Не смотря, однако, на такое состояніе печати кары на нее продолжали сыпаться, какъ изъ рога изобилія.

Такимъ образомъ, справедливо говорятъ „Русскія Вѣдомости“, передъ нами стоятъ рядомъ два положенія, взаимно исключающія другъ друга. Съ одной стороны, закоснѣлость печати въ ея преступленіяхъ, съ другой — невозмутимая тишина въ печати. Казалось бы, что на общемъ фонѣ безмолвія и безсодержательности всякое нарушеніе закона должно было бы особенно рѣзко выдѣлиться. Правильно или неправильно отграничивается у насъ закономъ запретная для печати область отъ той, гдѣ печать у себя дома, но перейти эту границу незамѣтно для читателя невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, по закону (ст. 4-я Уст. о ценз. и печ.), произведенія словесности, наукъ и искусствъ почитаются у насъ запретнымъ плодомъ тогда, „1) когда въ оныхъ содержится что-либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уваженія къ Императорскому Дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою“. Таковы четыре основныя цензурныя заповѣди, соблюденіе которыхъ вмѣняется въ обязанность печати подъ страхомъ взысканія. Не допуская нарушенія должнаго уваженія къ христіанской религіи, къ Верховной Власти, основнымъ законамъ государственнымъ, къ народной нравственности и чести частныхъ лицъ, законъ не препятствуетъ, однако, появленію разсужденій „о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій“, если они написаны „тономъ, приличнымъ предмету“; позволяетъ онъ разсуждать, хотя на странныхъ условіяхъ,—не называя именъ, также и о „недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администрація и судебныхъ мѣстъ“, а цензурѣ вмѣняетъ въ обязанность „отличать благонамѣренныя сужденія и усмотрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію“ (ст. 93, 94, 97, 98 Уст. ценз.). И тѣмъ не менѣе административныя мѣры и взысканія, дѣйствію которыхъ періодическія изданія подлежатъ „въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія“ (ст. 7-я Уст. ценз.), оказываются чрезвычайно многочисленными.

Съ 1865 года, т. е. со времени введенія дѣйствующаго цензурнаго устава, самыхъ разнообразныхъ каръ насчитываются болѣе 700. Это кромѣ тѣхъ случаевъ, когда изданія прекращались не прямымъ, а косвеннымъ путемъ, благодаря систематическому неутвержденію редакторовъ, — уничтожались такъ сказать, измором.

Такъ же, какъ и временныя правила для печати, прошло черезъ комитетъ министровъ и временное Положеніе 14-го Августа 1881 г., о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Утвержденное только на три года, оно каждое трехлѣтіе вновь продолжалось и благополучно дожило до нашихъ дней. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено „Положеніе 14 Августа 1881 г.“ пріостанавливается до нѣкоторой степени дѣйствіе законовъ, созданныхъ для обыкновеннаго мирнаго времени, и администрація соединяетъ въ своемъ лицѣ и судебную, и исполнительную власть. Нѣтъ надобности доказывать, что при нормальномъ ходѣ жизни такое совмѣстительство можетъ повести только къ цѣлому ряду непоправимыхъ ошибокъ и ничѣмъ не вознаградимыхъ утратъ и матеріальныхъ, и нравственныхъ для самихъ мирныхъ обывателей. Да и самъ законъ признаетъ мѣры, допускаемыя „Положеніемъ“, „исключительными“ и примѣнимыми только въ тѣхъ случаяхъ, „когда общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности будетъ нарушено преступ-

ными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ". А такъ какъ Положеніе объ усиленной охранѣ дѣйствуетъ на значительномъ пространствѣ Россіи до сихъ поръ, спустя 23 года послѣ его появленія на свѣтъ, и даже за послѣдніе два года, при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве, получило еще большее распространеніе, то, логически разсуждая, нужно, какъ будто, придти къ заключенію, что общественное спокойствіе непрестанно нарушается чуть ли не по всему лицу земли русской. Однако, такой выводъ былъ бы прямою нелѣпостью. Если въ странѣ въ теченіе четверти вѣка происходятъ постоянныя волненія, которыя приходится подавлять исключительными мѣрами, то какъ же можетъ такое государство оставаться цѣльнымъ и не распасться? Слѣдовательно, причину продолжительности дѣйствія временныхъ правилъ объ охранѣ порядка нужно искать въ другомъ мѣстѣ. „Русскія Вѣдомости" находятъ эту причину въ увлеченіи борьбой съ крамолой. Это увлеченіе, говоритъ почтенная газета, привело къ чрезмѣрному распространенію самаго понятія „крамолы", и потому эта послѣдняя въ глазахъ администраціи сдѣлалась явленіемъ перманентнымъ. Подъ понятіе „крамолы" стали подходить не только дѣянія, предусмотрѣнныя раздѣломъ III Уложенія о наказ., а и всякое выраженіе мнѣній о недостаткахъ современнаго государственнаго строя и способахъ ихъ устраненія, и неодобреніе дѣйствій высшей администраціи вообще или отдѣльныхъ вѣдомствъ, иногда — даже выраженіе сочувствія существующимъ въ имперіи на законномъ основаніи учрежденіямъ, если послѣднія навлекли на себя подозрѣніе въ неблагонадежности, наконецъ, — всякая выходящая изъ ряда вонъ по своей энергіи общественная дѣятельность. При такомъ взглядѣ на „крамолу" надобность въ борьбѣ съ нею никогда, конечно, не прекращалась. Это обстоятельство создало и крайне ненормальныя отношенія между представителями власти и населеніемъ: какъ бы воскресли явленія XVI вѣка, и вновь стали другъ противъ друга подозрительная и могучая „опричнина" и заподозрѣнная, беззащитная „земщина". Стоитъ прочесть хотя бы у Соловьева страницы, относящіяся до московской опричнины, чтобы найти значительное сходство. — на сколько, конечно, возможно сходство при различіи условій на разстояніи трехъ столѣтій, — между взаимными отношеніями властей и народа тогда и теперь".

Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Довѣріе къ обществу и уваженіе къ печати, заявленныя новымъ министромъ, не могли не возбудить надеждъ на лучшія времена, тѣмъ болѣе, что съ назначеніемъ князя Святополкъ-Мирскаго возвращены изъ ссылки и возстановлены въ своихъ правахъ многіе литературные, и общественные дѣятели. Изъ числа ихъ назовемъ Н. Ѳ. Анненскаго, гг. Чарнолусскаго, Фальборга, писателя Лавриновича, статистика Н. И. Воробьева, извѣстныхъ земскихъ дѣятелей Долгорукаго и Хижнякова. Кромѣ того, изъ Архангельской губерніи возвращено до 60 человѣкъ молодежи и болѣе 70 чел. людей зрѣлаго возраста, и ожидаются смягченія для оставшихся политическихъ ссыльныхъ. Что этимъ дѣло не ограничится, можно судить по слѣдующему сообщенію „Русскаго Слова": „Кн. Святополкъ-Мирскимъ былъ принятъ писатель П. И. Вейнбергъ, который изложилъ ходатайство за своихъ болѣе молодыхъ товарищей по перу. Г. министръ обѣщалъ пересмотрѣть списки лицъ, принужденныхъ оставить Петербургъ, и выразилъ надежду, что эти списки ему удастся значительно сократить. Такой же отвѣтъ получилъ и присяжный повѣренный г. Турчаниновъ, ходатайствовавшій у г. министра за своихъ товарищей по сословію". Дай то Богъ! Пересмотръ этихъ списковъ положительно необходимъ во имя справедливости.

Нельзя обойти молчаніемъ, что, какъ бы въ подтвержденіе словъ о довѣріи къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ, отмѣнено запрещеніе земствамъ присоединиться къ общеземской организаціи, состоявшей ранѣе изъ 14-ти земствъ, для оказанія помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. А также разрѣшенъ впервые въ Петербургѣ съѣздъ предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ для обсужденія общеземскихъ вопросовъ. Такое разрѣшеніе чрезвычайно знаме-

нательно и свидѣтельствуетъ о коренномъ измѣненіи во взглядахъ министерства внутреннихъ дѣлъ на потребности земскаго управленія. На протяженіи своей сорокалѣтней дѣятельности земства не разъ возбуждали ходатайства объ общеземскихъ и порайонныхъ съѣздахъ своихъ представителей, и каждый разъ эти ходатайства отклонялись правительствомъ. Отклонялись, несмотря даже на то, что нѣкоторыя земства, какъ, напримѣръ, Рязанское, Казанское и другія, ходатайствовали о созывѣ совѣщанія земскихъ представителей извѣстной группы губерній и по отдѣльнымъ вопросамъ, напр. о принятіи совмѣстныхъ мѣръ противъ эпидемій и эпизоотій.

Очевидную важность ежегодныхъ совѣщаній представителей всѣхъ земствъ передъ началомъ губернскихъ собраній и доказывать нечего. Такія совѣщанія принесутъ громадную пользу въ дѣлѣ выработки пріемовъ и средствъ для веденія сложнаго земскаго хозяйства и дадутъ большую возможность земствамъ дѣлиться между собою своимъ опытомъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что разъ правительствомъ разрѣшаются общеземскія совѣщанія, то будутъ разрѣшаться и порайонныя или групповыя въ разныхъ экстренныхъ случаяхъ для выработки какихъ либо мѣропріятій въ интересахъ населенія не одной, а нѣсколькихъ губерній, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ.

Еще въ концѣ сентября проникли въ печать слухи, что работы по пересмотру положенія о крестьянахъ рѣшено пріостановить, и проектъ законоположеній, переданный при покойномъ министрѣ В. К. фонъ-Плеве на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній, возвратить въ министерство. Губернскія совѣщанія работали подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ составѣ, главнымъ образомъ, представителей мѣстной администраціи, земскій же элементъ былъ отодвинутъ на задній планъ, и вообще приглашеніе лицъ, не принадлежащихъ къ какимъ либо „вѣдомствамъ“, зависѣло отъ губернаторовъ. Кромѣ того, совѣщанія эти были стѣснены программою вопросовъ, составленною министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, изъ рамокъ которой они не могли выходить, засѣданія же ихъ происходили при закрытыхъ дверяхъ, и свѣдѣнія о ихъ работахъ въ печати появлялись рѣдко. Очень естественно, что при такихъ условіяхъ надѣяться на плодотворность работъ было нельзя. И вотъ, дѣйствительно, слухи подтвердились: работы совѣщаній были пріостановлены, а затѣмъ выработаны въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ новыя правила по пересмотру крестьянскихъ законоположеній. Согласно этимъ правиламъ составъ губернскихъ совѣщаній опредѣляется по выбору земства, а крестьянскія общества будутъ посылать туда своихъ представителей по ихъ собственному выбору. Послѣднее обстоятельство особенно важно, потому что до сихъ поръ за крестьяниномъ не признавалось совершеннолѣтія, и если онъ призывался въ качествѣ свѣдущаго человѣка на какія либо совѣщанія, то съ такими ограниченіями и пропускался чрезъ такое горнило административной власти, что отъ его лица говорилъ или кулакъ и міроѣдъ или волостной старшина, безусловно подчиненный всѣмъ чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ. Можно ли было ожидать отъ такихъ представителей свободнаго безпристрастнаго мнѣнія? Новыя правила о пересмотрѣ крестьянскихъ законоположеній, само собою разумѣется, предполагаютъ и измѣненіе прежнихъ проектовъ. Организованныя согласно новымъ правиламъ совѣщанія неизбѣжно должны охватить въ своихъ сужденіяхъ весь бытъ народа во всей его совокупности, а основнымъ мотивомъ должно служить изысканіе способовъ для слiянія нашего крестьянства съ другими сословіями въ правовомъ отношеніи и въ уничтоженіи надъ нимъ опеки во всѣхъ ея видахъ, какъ пережитка крѣпостного права. Ни экономическая опека, хотя бы въ формѣ двухъ крупныхъ законодательныхъ актовъ 1886 и 1893 гг. объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ и стѣсненій въ срокахъ передѣловъ земли; ни административная опека въ формѣ института земскихъ начальниковъ—не привели къ желаемымъ результатамъ. Обнищаніе крестьянства засвидѣтельствовано самой администраціей и подкрѣплено фактами, собранными комиссіей о положеніи центра и Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Особенно обиленъ и ярокъ въ этомъ отношеніи матеріалъ, поступившій въ распоряженіе послѣдней комиссіи, несмотря на множество препятствій, которыя были поставлены на пути его соби-

ранія. Естественнымъ выводомъ изъ всѣхъ опекательныхъ экспериментовъ должно быть признаніе за крестьянами всѣхъ тѣхъ же правъ, какими пользуются и другія сословія государства, т. е. полное уничтоженіе ихъ юридической обособленности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что созванныя при новыхъ условіяхъ губернскія совѣщанія придутъ въ своихъ работахъ именно къ этому выводу.

По вступленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго произошли и въ самомъ министерствѣ нѣкоторыя перемѣны. На постъ товарища министра, завѣдующимъ полиціею и командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ назначенъ ген.-м. Константинъ Николаевичъ Рыдзевскій, управлявшій до этого назначенія Кабинетомъ Его Императорскаго Величества. Постъ, который занялъ ген.-м. Рыдзевскій, созданъ слѣдующимъ Высочайшимъ указомъ отъ 22-го сентября этого года.

Именной Высочайшій указъ

правительствующему сенату.

Указомъ Нашимъ, правительствующему сенату, 1-го февраля 1901 года даннымъ, одному изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ ввѣряется командованіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ со званіемъ командира сего корпуса. Нынѣ, признавъ необходимымъ возложить на означеннаго товарища министра общее завѣдываніе полиціей, повелѣваемъ: 1) Товарищу министра, внутреннихъ дѣлъ, состоящему командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, присвоить званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей. 2) Права и обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, опредѣлить особою инструкціей, Нами утвержденной.

Правительствующій сенатъ не оставитъ къ исполненію сего сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукой подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ, 22-го сентября 1904 года.

Инструкція товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующему полиціей.

Высочайше утверждена 22-го сентября 1904 года.

Статья 1. Общее завѣдываніе, подъ общимъ высшимъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, производящимися въ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства дѣлами по предупрежденію и пресѣченію преступленій, а равно по охраненію общественной безопасности и порядка возлагается на товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Статья 2. Товарищъ министра, завѣдующій полиціей, по предметамъ, въ статьѣ 1-й сей инструкціи указаннымъ, дѣлаетъ въ надлежащихъ случаяхъ указанія и разъясненія губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ. Статья 3. По дѣламъ, производящимся въ департаментѣ полиціи, товарищъ министра, завѣдующій полиціей, разрѣшаетъ всѣ вопросы, разрѣшаемые по учрежденіямъ министерствъ властью министра. Изъ сего изъемлются предметы, подлежащіе направленію въ законодательномъ порядкѣ, дѣла требующія разъясненія дѣйствующихъ законовъ или изданія общихъ инструкцій, правилъ и положеній, вопросы личнаго состава и всѣ другія дѣла, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному вѣдѣнію. Статья 4. Означенный товарищъ министра предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, образованномъ на основаніи статьи 34-й приложенія 1-го къ примѣчанію 2-му къ статьѣ 1-й Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, и разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію положенія о гласномъ полицейскомъ надзорѣ. Статья 5. Товарищъ министра, завѣдующій полиціей, есть распорядитель всѣхъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству внутреннихъ дѣлъ по управленію полиціей. Статья 6. Онъ даетъ заключенія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ право это дѣйствующими узаконеніями предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. Статья 7. Ему же принадлежитъ высшій над-

зоръ за всѣми состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражей лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Статья 8. По всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ рѣшенію товарища министра, завѣдующаго полиціей, онъ сносится со всѣми правительственными мѣстами и лицами непосредственно.

Въ сущности созданный Высочайшимъ указомъ постъ отличается отъ прежде существовавшаго главнымъ образомъ тѣмъ, что въ вѣдѣніи одного и того же товарища министра будетъ находиться и общая, и государственная полиція и соотвѣтственно этому измѣнена прежняя инструкція. Такимъ образомъ обширныя полномочія, которыми облеченъ былъ ранѣе товарищъ министра, вѣдающій такъ называемыя политическія дѣла, остаются тоже прежнія. Онъ, какъ и прежде, по статьѣ 4-й новой инструкціи предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, созданнымъ Положеніемъ объ охранѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и „разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію положенія о гласномъ полицейскомъ надзорѣ“, учреждаемомъ надъ лицами, вредными, по мнѣнію мѣстныхъ властей, для государственнаго и общественнаго спокойствія, съ примѣненіемъ къ этимъ лицамъ высылки на извѣстные сроки въ опредѣленныя мѣстности Россіи.

— Вопросъ о школьной реформѣ у насъ не сходитъ съ очереди уже много лѣтъ. Интересъ къ нему въ правительственныхъ сферахъ то повышается, то понижается, смотря по тому, кто стоитъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ обществѣ же онъ никогда не ослабѣваетъ. Русская школа, въ особенности средняя, оффиціально признана неудовлетворительной, а между тѣмъ до сихъ поръ она подвергалась измѣненіямъ только въ своей программѣ, и то частично, духъ же школы и ея основы не измѣнялись. Всякая мѣра правительства, клонящаяся къ выработкѣ новыхъ основъ для средней школы всегда возбуждала въ обществѣ сильнѣйшій интересъ, а потому не лишнимъ будетъ привести здѣсь вкратцѣ напечатанный въ октябрѣ мѣсяцѣ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отчетъ о происходившемъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Глазова совѣщаніи попечителей учебныхъ округовъ.

Прежде всего указано было на необходимость озаботиться подготовленіемъ хорошихъ преподавателей. Наиболѣе дѣйствительнымъ и желательнымъ средствомъ для этой цѣли признано учрежденіе педагогическихъ институтовъ, куда бы спеціально для педагогической подготовки поступали лица уже съ законченнымъ научнымъ образованіемъ. Затѣмъ признана необходимость во временныхъ мѣрахъ для подготовленія преподавательскаго персонала. Одною изъ такихъ мѣръ признано преподаваніе въ университетахъ педагогики, которую обязательно изучали бы намѣревающіеся быть преподавателями студенты, а также лица, окончившія университетъ, но не изучавшія еще педагогики. Кромѣ того, предложено учрежденіе при округахъ испытательныхъ комитетовъ, которые экзаменовали бы кандидатовъ на учительство по педагогикѣ и ея исторіи, педагогической психологіи, общей дидактикѣ и методикѣ избраннаго для преподаванія предмета. Въ частности совѣщаніемъ обращено вниманіе на подготовку преподавателей новыхъ языковъ въ виду того, что значеніе этихъ предметовъ съ изъятіемъ въ большинствѣ гимназій изъ числа обязательныхъ предметовъ греческаго языка увеличивается, между тѣмъ въ хорошихъ преподавателяхъ ихъ чувствуется большой недостатокъ. Для достиженія высокихъ воспитательныхъ задачъ въ средней школѣ совѣщаніемъ указаны слѣдующія средства: прежде всего самообученіе, которое слѣдуетъ вести въ такомъ направленіи, чтобы развивать въ учащихся преданность вѣрѣ, Престолу и отечеству, пользуясь при этомъ Закономъ Божіимъ для развитія чувствъ религіозныхъ, исторіей — патріотическихъ и т. д.; устройство пансіоновъ и интернатовъ при учебныхъ заведеніяхъ съ достаточнымъ и хорошимъ составомъ воспитательскаго персонала; организація собесѣдованій съ учащимися, если для этого имѣются хорошіе лекторы, и изданіе сочиненій здраваго направленія; установленіе болѣе тѣсной связи школы съ родителями учащихся; добрые примѣры со стороны начальниковъ и преподавателей и т. п. Обращено вниманіе на недостаточное развитіе у учащихся правосознанія и вмѣстѣ знанія русскаго государственнаго устройства, почему въ курсъ средней школы надлежало бы ввести законовѣдѣніе. Изъ вопросовъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній значительная доля вниманія удѣлена была вопросу объ улучшеніи постановки пре-

подаванія въ университетахъ. Указано на необходимость озаботиться подготовленіемъ профессоровъ, въ которыхъ, какъ и въ преподавателяхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время чувствуется недостатокъ. Съ этою цѣлью рекомендовано увеличить число профессорскихъ стипендій и повысить размѣръ ихъ. Обращено вниманіе на необходимость строго придерживаться опредѣленныхъ университетскимъ составомъ предѣловъ учебнаго времени года, такъ какъ запоздалое начало чтенія лекцій и преждевременное прекращеніе ихъ нарушаютъ правильное теченіе учебныхъ занятій и препятствуютъ равномѣрному изложенію и усвоенію всѣхъ частей курса. Во всемъ вообще необходимо слѣдить за выполненіемъ устава и утвержденныхъ правилъ (своевременное держаніе экзаменовъ безъ откладыванія ихъ на осень, своевременная явка въ университетъ и взносъ платы за слушаніе лекцій, ношеніе форменной одежды и т. д.), что имѣетъ не только учебное, но и воспитательное значеніе. Что касается подготовленія учителей народныхъ училищъ, то члены совѣщанія выразили пожеланія, чтобы было увеличено количество учительскихъ институтовъ, а также семинарій, въ особенности женскихъ, чтобы при семинаріяхъ по возможности вездѣ были интернаты, чтобы преподаватели ихъ уравнены были въ обезпеченіи съ гимназическими и чтобы ради большаго сближенія учительскихъ семинарій съ потребностями крестьянской жизни въ нихъ былъ введенъ курсъ сельскохозяйственныхъ знаній, ручного труда и т. д. Въ заключеніе министръ народняго просвѣщенія просилъ попечителей поработать надъ предложеннымъ по его иниціативѣ вопросомъ объ обезпеченіи участи неимѣющихъ своихъ средствъ, престарѣлыхъ и недужныхъ бывшихъ учителей и учительницъ устройствомъ для нихъ убѣжищъ и т. п.

Изъ выработанныхъ совѣщаніемъ положеній особенное вниманіе обращаютъ на себя: необходимость озаботиться подготовкой хорошихъ преподавателей и установленіе болѣе тѣсной связи между родителями учащихся и школой. Необходимость того и другого сознавалась уже очень давно, и немало потрачено чернилъ и типографской краски для доказательства этой необходимости. Но во времена такъ называемой классической, а въ сущности толстовской системы ни о томъ, ни о другомъ нечего было и думать. Тогда отъ учителей требовалось только одно: полное подчиненіе этой системѣ и отсутствіе всякой иниціативы въ преподаваніи. Многочисленные министерскіе циркуляры регламентировали, какъ въ дѣлѣ преподаванія, такъ и въ дѣлѣ воспитанія юношества каждый шагъ учителя.

Поэтому въ учителя шли въ большинствѣ случаевъ люди, не имѣющіе возможности по своимъ способностямъ, свойствамъ и свѣдѣніямъ пристроиться на другомъ поприщѣ. Такимъ людямъ было все равно: служить ли въ казенной палатѣ, или заниматься преподаваніемъ и воспитаніемъ согласно министерскимъ циркулярамъ. Короче сказать, въ тѣ времена, за очень рѣдкими исключеніями, въ нашей средней школѣ не было ни учителей, ни воспитателей, а были только чиновники министерства народнаго просвѣщенія. Высказанная на совѣщаніи мысль объ учрежденіи педагогическихъ институтовъ для подготовки учителей улыбается нашей многострадальной средней школѣ: такіе институты представятъ нѣкоторую гарантію въ томъ, что въ учителя пойдутъ люди призванные. Но чтобы создать полную въ этомъ гарантію, необходимо во главу угла реформы средней школы поставить принципъ: какъ можно меньше регламентаціи въ преподаваніи, которою и до сихъ поръ школа окутана, какъ ватнымъ одѣяломъ.

Что касается сближенія семьи со школой, то разрѣшеніе этого вопроса находится тоже въ тѣсной связи съ той же самой регламентаціей. Во времена толстовской системы школа къ тому именно и стремилась, чтобы семью отодвинуть на второй планъ, а воспитаніе дѣтей и юношей захватить въ свои руки. Воспитанники были подъ надзоромъ чиновниковъ министерства не только въ школѣ, а и въ семьѣ. Было время, когда надзиратели имѣли право входить въ семейныя квартиры и производить осмотръ всѣхъ вещей, принадлежащихъ воспитаннику, и родители должны были безпрекословно покоряться этому позорному обыску. Сближеніе школы съ семьей до нѣкоторой степени существуетъ у насъ только въ коммерческихъ училищахъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и именно потому, что тамъ меньше регламентаціи со стороны министерства. Значитъ, если и не вся сила въ ней, то все же сила большая.

А. У.

II. Тревоги дня.

I. Въ наше время, когда...—„Что случилось“? —II. „Надзирающіе“ родители.—Имѣетъ ли право швейцаръ, кромѣ подаванія калошъ, еще и думать о своемъ сынѣ?—III. Какъ образовался фондъ народнаго просвѣщенія.—„Письма простыхъ людей“.—„Крестьянинъ“—г. Эйзенбергъ. Неодобрительное одобреніе.—Враги союзники и враги-противники. — Новые фонды и „каменное равнодушіе“.—IV. „Спасатели отечества.“—„Обвиненіе“ Максима Горькаго.—Добровольческое „исправленіе“ престижа Россіи передъ Европой.—V. Забытая страна.— Открытыя и неоткрытыя русскія земли.—Возвращающіеся переселенцы.—Грустные показатели.—„Жены“ вмѣсто врачей.—Надежды и ожиданія.—VI. „Должны ли балерины брить волосы подъ мышками“?—VII. „Совѣтчики“ и „открыватели“.—„Наша сила въ некультурности мужика“.—Устрашающія предостереженія.—VIII. Какъ Л. Н. Толстой попалъ „въ передѣлку“.—IX. Наши прожектеры.

I.

Гулкому эхо уподобилъ нѣкогда Пушкинъ поэта... Дѣятельность печати, ея важная, необходимая роль, быть можетъ, еще болѣе подобна этому—одновременно гулкому и глухому, на все откликающемуся, но неслышащему отвѣта, замирающему въ отдаленіи эхо...

Было время, было оно въ свѣтлую, сверкающую эпоху шестидесятыхъ годовъ, эпоху великихъ реформъ, эпоху великаго подъема, было время, когда каждая статья, каждая замѣтка, благополучно прошедшая сквозь Сциллы и Харибды независящихъ обстоятельствъ и увидѣвшая свѣтъ на страницахъ журнала или газеты, начиналась знаменательными словами: „въ наше время, когда“...

Много гордаго, много сильнаго и большого чувствовалось въ этой, по внѣшнему безразличной фразѣ.

„Въ наше время, когда“... Эта была не случайная фраза. Слышался въ ней общій нервъ, чуялась руководящая нота, вѣяло большимъ и опредѣленнымъ синтезомъ большой и опредѣленной эпохи...

Шли годы, уплывали десятилѣтія... Зловѣщее чудовище—реакція шагъ за шагомъ неуклонно вступало въ свои права... Страшныя, казалось, безнадежныя событія творились на тускломъ фонѣ общественнаго индеферентизма и обывательскаго безразличія.

Изжита, казалось, была юность, отняты силы, подрѣзаны и перебиты крылья...

Тягостная полоса безвременья все болѣе закрывала собою померкшее отъ зловѣщихъ тучъ солнце... И безпощадно разбивались старые боги, и не находили люди новыхъ боговъ, и уставали, и не хотѣли они долѣе искать ихъ... Мрачная тоска, жалкое безсиліе, щемящее безвѣріе—тяжелой пеленой нависли надъ обществомъ.

Слова „въ наше время, когда“ совершенно утеряли свой смыслъ, перестали звучать однимъ, близкимъ и общепонятнымъ значеніемъ.

„Изъятымъ изъ употребленія“—оказалось это понятіе... Въ разбродъ пошли думы и силы нашего общества...

И вотъ уходитъ въ вѣчность нынѣ эта тяжелая, проклятая полоса безвременья. Andere Zeiten,—andere Vögel; andere Vögel—andere Lieder!

Все явственнѣе и очевиднѣе наступающій новый и свѣтлый переломъ въ жизни и настроенія нашего общества. Приближаются, наконецъ, новыя времена, прилетаютъ, наконецъ, новыя птицы...

Новыя весеннія пѣсни пусть робко, но все-же начинаютъ звучать у насъ на Руси.

Солнце увидѣли люди... Начинается снова хорошій и добрый трудовой день.

Слова „въ наше время, когда“ снова получаютъ присущій имъ большой и опредѣленный смыслъ...

Главную цѣнность и значеніе придаемъ мы, говоря о чуствующемся нынѣ обновленіи, именно внутреннему подъему нашего общества, тому духовному подъему настроенія общественнаго, который прекращаетъ собой стоны и нытье безсилія, внушаетъ силы и бодрость, развертываетъ широкіе радостные горизонты...

Этотъ внутренній и духовный подъемъ пока, какъ извѣстно, хоть отчасти совпадаетъ и съ внѣшними условіями нашей жизни.

Назначеніе князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго новымъ руководителемъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ и объявленные имъ новые необходимые и знаменательные девизы: „развитіе общественной самодѣятельности“ и „довѣріе къ общественнымъ силамъ“ — вызвали, какъ извѣстно, много надеждъ и ликованій.

Земства и города со всѣхъ концовъ Россіи посылаютъ свои привѣтственные адресы и телеграммы, громкія привѣтствія высказываются также въ обществѣ и печати.

„Что случилось?“ — спрашиваетъ между прочимъ съ обычною „откровенностью“ князь Мещерскій, на столбцахъ своего „Гражданина“.

„Что случилось?

Раздался-ли звукъ вѣчевого колокола? Нѣтъ!

Подступилъ-ли Стенька Разинъ къ Петербургу со своею вольницею?—Нѣтъ!

Прибыли-ли изъ Парижа командированные г. Комбомъ духи Робеспьера и Марата, съ предложеніемъ либеральныхъ услугъ?—Тоже нѣтъ!

„Что же случилось, что иные монополисты консерватизма бьютъ себя въ грудь, нюхаютъ ежеминутно англійскую соль, чтобы не упасть въ консервативный обморокъ, и, какъ іудеи на рѣкахъ вавилонскихъ, вопіютъ стѣнамъ града: давите насъ! А монополисты либерализма, наоборотъ, не только запрыгали отъ удовольствія, но на всѣхъ кимвалахъ и тимпанахъ доброгласія заиграли гимнъ „правовому порядку“!

„Что случилось“? — настаиваетъ князь Мещерскій.

„Случилось только одно“, отвѣчаетъ онъ себѣ на этотъ вопросъ.

„Пришелъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ человѣка съ сердцемъ, который хочетъ попытаться водворить порядокъ не столько полицейскими мѣрами, сколько общественнымъ ему содѣйствіемъ, основаннымъ на взаимномъ довѣріи.

Казалось-бы, что тутъ такого ужаснаго? спрашиваетъ „гражданинъ“

„Онъ—министръ ничего не ломаетъ, онъ ничего фантастическаго не сочиняетъ, онъ не поступается ни одною прерогативою, ни однимъ правомъ власти, и вдругъ, только потому, что онъ говоритъ о вѣротерпимости, о разумной свободѣ мысли, противъ притѣсненія народности, о расширеніи мѣстной общественной солидарности, — монополисты консерватизма плачутъ надъ гибнущею Россіею, а монополисты либерализма ликуютъ о правовомъ порядкѣ, спасающемъ Россію“!

Тотъ развязный тонъ, которымъ князь Мещерскій говоритъ о монополистахъ консерватизма, конечно, недостаточно опредѣленъ.

На самомъ дѣлѣ—положеніе этихъ „монополистовъ консерватизма“ въ настоящее время много сложнѣе.

Одни изъ нихъ растерянно жаловались на участь консерватизма и взывали къ участку, другіе оказались расторопнѣе; въ погонѣ за отвѣтомъ на вопросъ „чего изволите“ эти другіе „клевреты консерватизма“ „тотчасъ же ему измѣнили и продали шпагу свою“!

Въ это время растерявшіяся „Московскія Вѣдомости“, напр., рѣшили съ своей стороны, что „отечество въ опасности“.

„Внутренніе враги“, заявила, напр., эта газета, „эти главные виновники (?!) войны, подняли головы, какъ никогда, высоко: ихъ надо согнуть (sic), общество надо вернуть на свое мѣсто (?), пусть работаетъ, наживаетъ (?), пусть помогаетъ народу, но пусть не роетъ ему ямы“.

„Новое Время“, гдѣ Меньшиковъ еще такъ недавно взывалъ „побольше строгости“ напротивъ того, мигомъ перемѣнило тонъ. Тотъ-же М. О. Меньшиковъ немедленно заявилъ, что *„Россіи нужна по общему, великому сознанію нашего поколѣнія, по глубокому инстинкту самой природы, — ей нужна новая жизнь.* Понимаешь? Не притворяйся, ты вѣдь думаешь то же. *Россіи безусловно необходимо обновленіе, ей нужна свобода. Нужны не реформы, а реформа.* Нужно не нѣсколько мелкихъ движеній, а одно великое, всенародное, до послѣднихъ корней бытія нашего“,—вѣщалъ М. О. Меньшиковъ.

Князь Мещерскій, который свыше 30 лѣтъ своей литературной дѣятельности требовалъ только розогъ и усиленія административной власти, нападалъ на земство и видѣлъ въ немъ самый корень зла,— этотъ князь Мещерскій нынѣ совершенно неожиданно привѣтствуетъ довѣріе къ общественнымъ силамъ, говоритъ о пользѣ увеличенія правъ земства, о пользѣ самодѣятельности вообще и т. д. и т. п.

Въ послѣднее время князь Мещерскій дошелъ даже до слѣдующихъ размышленій:

„Да консерваторъ-ли я? — задаю я себѣ подчасъ вопросъ,—мнѣ все кажется, что я не столько консерваторъ, сколько искренній и свободный либералъ...

Мои стремленія либеральны даже тогда, когда я стою за розги“!—по меньшей мѣрѣ оригинально заявилъ „Гражданинъ“, эта фраза можетъ считаться въ высшей степени симптоматичной и даже символичной!

Въ очень и очень многихъ отношеніяхъ все наше время „либерально“, но... даже тогда, когда оно „стоитъ за розги“...

Тотъ неожиданный „съ Божьей помощью оборотъ“—какой переживаемъ мы „въ настоящее время, когда“... вызвалъ на свѣтъ Божій очень и очень много „хорошихъ словъ“.

„Весна“, „мягкая и ласкающая“ слышалось въ одномъ мѣстѣ.

„Выздоровленіе“ „долгожданное и, наконецъ, наступившее“ говорили въ другомъ.

Многообразны были тѣ необычныя рѣчи, которыя зазвучали вдругъ у насъ. Громче всѣхъ кричали именно лживыя уста. Каждый изъ человѣконенавистниковъ и тотъ старался „попрогрессивнѣе“ тянуть свою ноту. „Нука сыграй изъ травіаты, да „погугенотистѣе“ говорилъ въ трактирѣ загулявшій купецъ: „хорошія слова“ „заиграли во всю“

Разобраться во всей этой путаницѣ теперь, когда еще неизвѣстно, какъ слѣдуетъ, „по которому дѣлу шумъ“ трудно. На глазахъ у всѣхъ вдругъ „смѣшались шашки и полѣзли изъ щелей мошки и букашки“.

Время, — за исключеніемъ несомнѣннаго *духовнаго* подъема общественнаго, остается все еще неопредѣленнымъ.

Во всякомъ случаѣ толки о „веснѣ“ съ одной стороны, крики „караулъ“ съ другой—все это безусловно представляетъ собою знаменіе времени, переживаемаго нами, знаменіе путаницы понятій и шатанія умовъ, которыя остались намъ въ наслѣдство отъ уходящихъ нынѣ въ вѣчность долгихъ годовъ общественнаго и духовнаго застоя и спячки.

Какъ-бы ни кристаллизовалось въ будущемъ переживаемое нами нынѣ время — въ подобное время надо во всякомъ случаѣ особенно ясно сознавать, какому Богу мы молимся, надо особенно зорко глядѣть впередъ, особенно стойко стоять на своемъ посту, особенно сильно и сознательно вѣрить въ необходимое наступленіе лучшаго грядущаго, свѣтлаго, яснаго будущаго!..

И въ это время каждая изъ тревогъ дня имѣетъ не только свое отдѣльное значеніе и интересъ, она полна еще и иного, общаго и принципіальнаго значенія, симптоматической и показательной важности и интереса.

II.

„Кипитъ повсюду жизнь въ тревогѣ суетливой, великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ“—говоритъ поэтъ.

„Здѣсь поцѣлуй любви — а тамъ ударъ ножемъ“—эта обычно-трагическая альтернатива какъ нельзя рѣзче бросается въ глаза вдумчивому наблюдателю современной жизни.

„Здѣсь нагло прозвучалъ бубенчикъ арлекина, а тамъ идетъ пророкъ, согбенный подъ крестомъ“... Есть, конечно, и пророки на шумномъ торжищѣ житейской суеты нашей...

Но часто, до боли часто теряется голосъ ихъ среди громкихъ возгласовъ окружающей пошлости обывательщины!

Одною изъ главныхъ тревогъ дня является въ настоящее время наша школа.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ гулкимъ звономъ пронеслись надъ нашимъ обществомъ слова о „сердечномъ попеченіи“, объ учащихся и все это время общество и печать продолжаютъ думать одну и ту же думу.

Волна за волной наростаютъ все новые и новые вопросы въ этой сферѣ. „Злобой дня“ въ настоящемъ является вопросъ о сближеніи семьи и школы. Тотъ „порядокъ“, при которомъ между семьей съ одной стороны и школой съ другой существовалъ взаимный антагонизмъ, существовала глухая стѣна взаимнаго непониманія и даже нежеланія понять другъ друга,—этотъ давній порядокъ былъ, какъ извѣстно, только что министромъ народнаго просвѣщенія оффиціально объявленъ непригоднымъ и „подлежащимъ коренному и рѣшительному обновленію“.

Печать наша, естественно, усиленно занялась этимъ вопросомъ. Какъ сблизить семью со школой, какъ создать миръ и любовь между этими лагерями? — таковъ главный тезисъ положенія.

Любопытны слѣдующія точки зрѣнія, какія

выдвинула наша общественность по поводу этого важнаго вопроса.

Въ Петербургѣ нашлись родители, которые увидѣли корень вопроса въ поведеніи учащихся. „Главное—порядокъ чтобы"—таковъ оригинальный базисъ ихъ убѣжденій. Сторонники такой, по меньшей мѣрѣ „неожиданной", постановки вопроса образовали лигу.

„Лига родителей для надзора за поведеніемъ", такъ называется это феноменальное сообщество. Цѣли его, какъ оказывается, состоятъ въ надзорѣ за воспитанниками учебныхъ заведеній. Родители, входящіе въ составъ лиги, берутъ на себя отнынѣ доброхотное выслѣживаніе и наблюденіе за поведеніемъ учащихся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Надзоръ направленъ противъ всяческихъ предосудительныхъ поступковъ: куренія, пьянства, посѣщенія трактировъ и ресторановъ, сердечныхъ увлеченій, билліардной игры и т. п.

Многіе думаютъ, что вовсе не съ этого бы надо начать единеніе семьи со школой. Многіе утверждаютъ, что роль семьи сводится далеко не къ „выслѣживанію", которое отнюдь не равнозначуще сердечному и разумному воспитанію. Многіе находятъ, что подобное отношеніе къ дѣтямъ создастъ только враждебныя отношенія между отцами и дѣтьми, тогда какъ эти отношенія такъ болѣзненно ждутъ у насъ полной искренности и любви...

Но мало-ли чего надумаютъ эти придирчивые „многіе"?.. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, и наряду съ родительскимъ „выслѣживаніемъ" учениковъ, съ каждымъ днемъ ставятся на очередь все новыя и новыя неожиданности.

Кромѣ тѣхъ путей сближенія школы и семьи, которые, какъ, напр., совѣщанія педагогическихъ совѣтовъ съ родителями, являются нынѣ уже намѣченными оффиціально самимъ вѣдомствамъ народномъ просвѣщенія, печать обсуждала еще и многіе иные способы и пути.

Въ области этого обсужденія возникъ, между прочимъ, слѣдующій любопытный вопросъ: „Имѣетъ-ли право швейцаръ думать о своемъ сынѣ, или онъ обязанъ исключительно подавать галоши и на этомъ заканчивать всѣ проявленія своей натуры"?

Этотъ вопросъ возникъ слѣдующимъ путемъ. За послѣднее время—въ нашей печати, по образцу заграничной,—сильно развилась манера интервьюировать. Роль журналиста, которая низводится при этой манерѣ до уровня граммофона, состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, чтобы, выслушавъ рѣчи того или иного лица, почему либо признаваемаго компетентнымъ,—грамотно и точно передать всѣ его доводы и заключенія.

Въ виду злободневности темы о сближеніи школы и семьи, она вызвала не малое количество разнообразныхъ интервью. Интервьюируемые, повторяя недавнюю рѣчь министра народнаго просвѣщенія, говорили о необходимости сближенія и указывали различные пути къ этой цѣли. Интервьюирующіе тоже говорили о необходимости сближенія, но уже путей не указывали. Они только скромно записывали все сказанное и немедленно докладывали объ этомъ почтеннѣйшей публикѣ.

Одинъ изъ интервьюеровъ — сотрудникъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" — между прочимъ, отправился къ предсѣдателю ученаго комитета по народному просвѣщенію, академику Н. Я. Сонину.

Здѣсь, какъ оказалось, вмѣсто обсужденія деталей и путей только что оффиціально объявленнаго необходимымъ сближенія между семьей и школой, было выражено слѣдующее сомнѣніе въ желательности даже самой сущности этого сближенія: „чего собственно," дословно спрашивалъ у представителя печати академикъ Н. Я. Сонинъ,—„добивается общество? Руководительства школой? Но какое право, матеріальное и нравственное, имѣетъ она на такое руководительство? Гдѣ и въ чемъ у него нужная для этого компетенція? Развѣ сама семья умѣетъ воспитывать и когда-нибудь обдумывала серьезно вопросъ о воспитаніи"?

Какъ оказывается, семья такимъ образомъ „ничего не умѣетъ", и ей нечего поэтому „съ суконнымъ рыломъ", по народной поговоркѣ, „соваться" въ „калашный рядъ" воспитанія. На это есть, видите ли, спеціально командированные чиновники.

„Да вѣдь это мой сынъ!", можетъ быть, отвѣтитъ съ болью какой-либо отецъ. „Мало ли что твой! Не твое это дѣло. Да ты въ этомъ ничего и не смыслишь. Намъ это доподлинно извѣстно", получитъ онъ въ отвѣтъ, если принять выраженную въ вышеприведенной цитатѣ мысль.

„Тебѣ твой мужъ и не нуженъ вовсе"... говоритъ у Гоголя Сквозникъ-Дмухановскій

Пошлепкиной, безъ очереди забирая этого злосчастнаго мужа въ солдаты.

„Да я то сама лучше знаю—нуженъ онъ мнѣ или не нуженъ"!—отвѣчаетъ Пошлепкина.

До сихъ поръ считалось, что Пошлепкина имѣла хоть право думать, что она „лучше знаетъ".

Отнынѣ этотъ взглядъ отвергается, если конечно полностью признать все высказанное въ печати академикомъ Н. Я. Сонинымъ:

„Какое тамъ можетъ быть сближеніе"? — любезно сообщилъ онъ далѣе печати.

„Толкуютъ о какихъ-то совѣщаніяхъ, какъ о цѣлебномъ средствѣ противъ антагонизма между семьей и школой. Какъ организовать эти совѣщанія, и что они могутъ дать"? продолжалъ Н. Я. Сонинъ: „Наши школы безсословны, и въ гимназіи рядомъ съ сыномъ швейцара этой-же гимназіи учится сынъ члена государственнаго совѣта. Удобно-ли обоихъ этихъ лицъ пригласить одновременно на совѣщаніе? Да и какой совѣщательный голосъ можетъ подать швейцаръ, который обычно подаетъ только пальто и калоши"?!—закончилъ наконецъ предсѣдатель ученаго комитета.

Дѣло швейцара, слѣдовательно, только и исключительно подавать галоши, но ни въ какомъ случаѣ не „разсуждать", хотя-бы и о судьбѣ своего-же собственнаго сына.

Если кухаркинымъ дѣтямъ и оказываютъ честь считать ихъ за людей и учить, то изъ этого, такимъ образомъ, вовсе не слѣдуетъ, конечно, что они имѣютъ право настолько „возмечтать", чтобы еще и „смѣть свое сужденіе имѣть".

Надо надѣяться, что при осуществленіи намѣченныхъ нынѣ путей „сближенія семьи и школы" родители не забудутъ полностью проникнуться вышеуказанными, не очень новыми, но за то очень и очень „опредѣленными" взглядами, любезно преподанными въ печати предсѣдателемъ ученаго комитета, академикомъ Н. Я. Сонинымъ.

III.

Многоразличныя-ли событія послѣдняго времени, или просто повышенная пульсація общественной жизни и чувствительность общественной совѣсти — обусловили собою новое, надо надѣяться, устойчивое настроеніе, но, во всякомъ случаѣ, вопросы народнаго просвѣщенія— привлекли къ себѣ теперь особенное и напряженное вниманіе. „Просвѣщеніе полезно" — эту истину знали, конечно, всѣ и раньше, знали даже почти столь же твердо, можетъ быть, какъ и правила, вродѣ „сила солому ломитъ", „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись" и т. п. остающіяся необходимыми въ нашей обывательской жизни изреченія.

„Просвѣщеніе полезно" — эта истина, повторяемъ, была прекрасно извѣстна. Но много десятилѣтій оставалась доселѣ эта истина сама по себѣ, а жизнь шумная и многоголосая шла опять-таки сама по себѣ, совершенно отдѣльно и обособленно. Состояніе нашего народнаго образованія общеизвѣстно. Въ то время, какъ на образовательныя нужды въ Сѣверной Америкѣ еще въ 1873 году тратилось въ годъ на каждаго жителя 3 рубля 50 коп., у насъ эта сумма, по отчетамъ 1902 года, оффиціально исчисляется въ 8 копѣекъ.

Въ то время, какъ въ Германіи на сто жителей—98 грамотныхъ, причемъ весьма многіе изъ нихъ обладаютъ, кромѣ грамотности, еще и среднимъ или высшимъ образованіемъ,—у насъ въ настоящее время въ среднемъ 16 грамотныхъ на 100 человѣкъ, при чемъ на окраинахъ въ Сибири, на Кавказѣ и т. д.—а среди женщинъ такъ и повсюду эта цифра очень сильно понижается до двухъ и даже одного процента.

Нынѣ, какъ сказано, вопросы народнаго просвѣщенія привлекли къ себѣ особенное, напряженное и усиленное вниманіе. Всѣмъ вдругъ стало до несомнѣнности ясно, что дальше безъ школъ жить нельзя, что безъ серьезнаго просвѣщенія народнаго мы очутимся въ „тупикѣ", что дальше безъ этого „некуда идти", что „Россіи нужны, во-первыхъ, школы, во-вторыхъ школы и въ третьихъ—также школы"...

Будущее покажетъ, какіе плоды принесетъ съ собою новая полоса. Такъ или иначе, пока безпристрастному наблюдателю нельзя въ качествѣ совершившагося доселѣ событія не отмѣтить нарожденія новаго „Фонда народнаго просвѣщенія", основу которому положила газета „Русь".

Высказаться опредѣленно по поводу этого „Фонда" пока, какъ это и указывалось на

страницахъ нашего журнала, несомнѣнно затруднительно. Идея самодѣятельности общества и народа въ просвѣтительномъ дѣлѣ, конечно, очень хорошая идея. Надо помнить, однако, что доселѣ неизвѣстно, на какія именно просвѣтительныя нужды пойдетъ указанный Фондъ... Неизвѣстно далѣе, кому будутъ переданы собранныя деньги. Неизвѣстно еще, кто и съ какою программой станетъ во главѣ этого дѣла.

Неизвѣстна, наконецъ, и самая неприкосновенность фонда. У насъ требуется, какъ извѣстно, спеціальное разрѣшеніе для какихъ бы то ни было сборовъ. Такого разрѣшенія „Фондъ народнаго просвѣщенія", къ прискорбію, еще не имѣетъ, и собранныя деньги весьма свободно могутъ быть въ одинъ прекрасный день конфискованы, въ качествѣ „незаконно собранныхъ".

Цѣлесообразность теперешняго состоянія „Фонда" остается, такимъ образомъ, пока невѣдомой. Извѣстна доселѣ только исторія его образованія, которая въ виду своей характерности заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Началось дѣло съ того, что въ газетѣ „Русь" стали печататься за подписью А. Зенгера „Письма простыхъ людей". Всѣ эти письма были подписаны разными фамиліями съ обязательной прибавкой титула „крестьянинъ такой то". Письма эти обращали на себя вниманіе развѣ только тѣмъ, что были обращены почему то именно къ А. Зенгеру, котораго авторы писемъ предупредительно называли „Алексѣемъ Владиміровичемъ". Когда возникъ вопросъ, откуда узнаютъ „крестьяне" авторы писемъ имя и отчество г. Зенгера,—послѣдній любезно объяснилъ въ печати, что „простые люди" „предварительно наводили справку въ конторѣ газеты, чтобы узнать—какъ именно слѣдуетъ имъ „по батюшкѣ" именовать г. Зенгера", къ которому они вслѣдъ за этимъ со спокойной душой и обращаются со своими письмами.

Послѣ этого объясненія „письма простыхъ людей" — продолжали благополучно печататься въ „Руси". Обращало на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что подавляющее количество „простыхъ людей" писали именно о фельетонахъ г-на Меньшикова. Со стороны можно было подумать, что многомилліонная крестьянская Русь только и дѣлаетъ, что читаетъ Меньшиковскіе фельетоны, дѣлая это въ добавокъ исключительно для того, чтобы затѣмъ написать по поводу нихъ письмо г-ну Зенгеру, имя и отчество котораго они предварительно, конечно, неукоснительно и спеціально узнавали въ конторѣ газеты „Русь".

„Простые люди" писали письма, „газетные люди" печатали ихъ въ „Руси" вмѣстѣ со всѣми благодарностями по адресу редакціи, и все такимъ образомъ обстояло совершенно благополучно. „Никоторыхъ происшествій, равно какъ и атмосферы въ предѣлахъ вовсе не имѣется", какъ писалъ нѣкій исправникъ на листкѣ статистическихъ свѣдѣній о своемъ уѣздѣ. Такъ обстояло дѣло въ нашемъ мірѣ, лучшемъ изъ міровъ. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день въ газетѣ „Русь" было, за подписью „Крестьянинъ", напечатано письмо, полученное со вложеніемъ трехъ рублей и говорящее о желательности основанія „Фонда народнаго просвѣщенія".

Редакція газеты „Русь" немедленно же мобилизовалась. Статья за статьей, письмо за письмомъ посвящались здѣсь идеѣ Фонда. Письма были подписаны то словами „Юнкера съ высшимъ образованіемъ", то словомъ „чиновникъ", то „жулекъ" и наконецъ „проститутка"—всѣ эти письма взывали къ обывателю, благодарили редакцію и неумолчно возглашали: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное"! При семъ давались серьезныя увѣренія, что за это „спасибо сердечное" неминуемо скажетъ не кто иной, какъ всамдѣлишный „русскій народъ".

Починъ „Крестьянина" не остался, такимъ образомъ, безъ подражателей. Во множествѣ, сравнительномъ, конечно, потекли со всѣхъ сторонъ пожертвованія на дѣло „Фонда".

Мнѣнія печати по этому поводу значительно раздѣлились. Въ то время, какъ одни видѣли въ принятой „Русью" системѣ весьма отрадное начинаніе и плодотворную, жизненную идею, другіе находили, что это только безплодная шумиха, не имѣющая ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ.

Сторонники идеи видѣли въ ея осуществленіи „широкій и красивый общественный жестъ".

„Это—несомнѣнно яркій и симпатичный лепестокъ той самой общественной розы, что, окрѣпая сама, укрѣпляетъ и случайныя весны противъ возможныхъ рецидивовъ мороза и снѣга", писали сторонники идеи: не-

зависимо отъ того, насколько широкіе прямые результаты принесетъ съ собою самый сборъ, объявлялась важной сама по себѣ „ясная, отчетливая перекличка друзей просвѣщенія въ русскомъ обществѣ, всероссійскій плебисцитъ по вопросу о всеобщей грамотности".

Другіе изъ сторонниковъ наивно цѣнили не только принципъ, но и уповали, что соберутся огромныя деньги, которыя дадутъ матеріальную возможность удовлетворить просвѣтительнымъ нуждамъ народа „Мининъ, напримѣръ... Опять же и Пожарскій"! такъ приблизительно говорили раздѣляющіе эту наиболѣе наивную точку зрѣнія.

Третьи, наконецъ, видѣли въ идеѣ фонда какъ бы „экзаменъ нашему общественному самосознанію".

„Способно-ли русское общество произвести на свѣтъ безъ акушерской помощи предписаній и циркуляровъ свободное дитя общественной самодѣятельности, или нѣтъ?—вотъ въ чемъ вопросъ, заявлялось здѣсь. А если способно, то дитя, какъ въ сказкѣ, выраститъ въ богатыря, а воспитатели и руководители для него всегда найдутся изъ лучшихъ людей нашихъ выборныхъ учрежденій, которые и составятъ общественный комитетъ". Такъ заявляли различные сторонники „Фонда".

Очень опредѣленно высказывались и противники „его". Чуть-ли не наиболѣе корректно высказался „Міръ Божій".

„Для насъ,—читаемъ мы здѣсь,—фактъ этотъ (открытіе подписки на „фондъ") имѣетъ огромное симптоматическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, стоило газетѣ кликнуть кличъ, какъ сейчасъ же тысячи наивныхъ, не искушенныхъ въ общественной работѣ людей, довѣрчиво, безъ какой бы то ни было критики, понесли свои посильныя приношенія на дѣло, крайняя неотложность котораго особенно остро почувствовалась ими теперь, въ наши дни, когда предъ лицомъ всего міра мы обнаружили свою отсталость... Симптомъ въ высшей степени интересный и заслуживающій вниманія, потому что именно они, наивные люди, и только они, участвуютъ въ этой подпискѣ, которой газета „Русь" придала рекламно-эффектное названіе „Фонда народнаго просвѣщенія", говоритъ „Міръ Божій".

Другіе противники того осуществленія идеи „Крестьянина", какое приняла „Русь" заявили себя значительно рѣзче. Многіе указывали на „неразборчивую и грубую рекламу", на „запахъ спекуляціи на общественныя симпатіи къ народному просвѣщенію".

„Это характерно", говорили напр., „С.-Петер. Вѣд." не только для „Руси", но и для всѣхъ нововременцевъ, натянувшихъ на себя либеральные мундиры. Несомнѣнно, это—знаменіе вѣка. Либерализмъ—въ ходу. Изреченіе великаго русскаго философа Кузьмы Пруткова: „Если хочешь быть красавцемъ—поступи въ гусары"—они перефразировали такъ: „Если хочешь пріобрѣсти популярность и имѣть успѣхъ, сдѣлайся либераломъ".

Либералы, конечно, стояли за просвѣщеніе. И „Русь" поэтому стоитъ за просвѣщеніе и печатаетъ себѣ адреса, подписанные „студентъ", „Дарья Семеновна", „крестьянинъ", „лѣсникъ и его хозяйка", „поручикъ", „бывшая проститутка", „конторщикъ", показывая тѣмъ, что ея затѣя можетъ претендовать на что то въ родѣ всесословности. Пошли даже интервью и отзывы артистовъ, въ томъ числѣ Вяльцевой... Но къ чему вся эта пошлость"?—спрашиваютъ недоумѣвая „С.-Петерб. Вѣд.".

Особенно много противниковъ нашла манера „Руси" помѣщать въ газетѣ, написанныя по ея же адресу крикливыя „письма".

„Нельзя не радоваться",—заявлялось въ печати—за находчиваго издателя, отыскавшаго способъ наполнить просторные столбцы своей газеты даровымъ или почти даровымъ матеріаломъ. Отъ безкорыстнаго сотрудничества „Дарьи Семеновны" и „лѣсника съ его хозяйкой" изданіе, несомнѣнно, кое-что выгадаетъ, народное же просвѣщеніе тоже не будетъ, строго говоря, въ убыткѣ, такъ какъ публика, въ концѣ-концовъ, непремѣнно просвѣтится на счетъ нѣкоторыхъ видовъ черезчуръ ужъ неразборчивой и грубой рекламы.

Пусть на благотворительныхъ дѣлахъ строятъ свою карьеру „приличные" молодые люди, исполняющіе роль секретарей при дамахъ-патронесахъ; истинно передовому же органу печати едва-ли прилично шествовать по ихъ стопамъ: у него есть свои, болѣе серьезныя задачи.

Князь Мещерскій, этотъ „enfant terrible"

русской печати, заявилъ свое мнѣніе также чрезвычайно откровенно:

„Конецъ года",—заявилъ нашъ „Гражданинъ",—„Начало подписки на будущій годъ. Собрались „свѣточи" газеты „Русь" и придумали, какъ выразился одинъ изъ нихъ въ задушевной бесѣдѣ, „великолѣпную удочку": за нѣсколько дней до подписки на газету открыть подписку на всероссійскій фондъ просвѣщенія"!

Даже вполнѣ благожелательно отнесшееся къ „Руси" и ея почину—„Русское Слово" заявило, что нельзя задаваться неосуществимой задачей, нельзя думать, что копѣйки жертвователей составятъ такую огромную сумму, которая сможетъ сдѣлать нашу родину страной образованной. Этого не можетъ быть уже потому, что три четверти населенія Россіи не въ состояніи дать и гроша, если не оторвутъ его отъ своихъ податей. Пусть даже остальная одна четверть соберетъ 2—3 милліона, это будетъ только крупица. Темнота народная слишкомъ глубока и обширна, чтобы уничтожить ее частными случайными пожертвованіями. Не слѣдовало бы учитывать напередъ сумму пожертвованій, если бы движеніе на пользу народнаго просвѣщенія не вылилось сразу въ непонятную форму. Оно выступило подъ шумнымъ и громкимъ флагомъ „спасенія отечества". Избави Богъ насъ повторять ошибки прошлаго! Крикливость и шумиха—наши враги; они уложатъ въ могилу любую жизнь любое хорошее дѣло!—говорило „Русское Слово".

Такъ или иначе, но пожертвованія продолжали по-прежнему притекать въ редакцію „Руси", письма жертвователей, въ большинствѣ хвалебныя и восторженныя, исполненныя цитатъ и благодарностей—продолжали по-прежнему печататься на столбцахъ газеты, пестря ея текстъ.

Въ это-то время выплыла вдругъ наружу „Исторія о подмѣнѣ" перваго иниціатора „Фонда".

Пресловутымъ „крестьяниномъ", подавшимъ, по словамъ „Руси", первый починъ—оказался не кто иной, какъ С.-Петербургскій, купецъ, нѣкій г. Эйзенбергъ.

Открытіе это сдѣлали „Новости", спеціально интервьюировавшія г. Эйзенберга по этому поводу...

„Новости" съ самаго начала агитаціи въ пользу „Фонда" стоявшія въ оппозиціи къ этой идеѣ,—увидѣли здѣсь „еврейскій вопросъ" и объявили на основаніи своего интервью, что „Русь", изобрѣтя своего „Крестьянина", извратила и самую мысль иниціатора г. Эйзенберга. Послѣдній, по этому сообщенію, „по отношенію къ Фонду „преслѣдовалъ одну только практическую цѣль": „внести свѣтъ въ ту темную среду, въ которой происходятъ антиеврейскіе безпорядки, „такъ какъ", по его справедливому пониманію, враждебныя дѣйствія противъ евреевъ являются слѣдствіемъ непросвѣщенности массъ".

„Новости" съ своей стороны огласили кромѣ того еще и слѣдующее „бордеро". Въ виду характерности этого человѣческаго документа—приводимъ его во всей его обаятельной свѣжести и неприкосновенности:

СКЛАДЪ
оптовой продажи
галантерейныхъ
товаровъ
М. Г. ЭИЗЕНБЕРГЪ.

СПБургъ.
1) Невскій пр., 68, у Аничкина моста.
2) „Дешевый Базаръ", Гост. дв., № 51.

Спб., октября 4-го д., 1904 г

М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Обращаюсь къ Вамъ съ прозьбою осветить черезъ печати Вопросъ съ лишкомъ серьезный, живши летомъ въ деревнѣ въ своей имѣницѣ я тамъ получалъ Газету „Русь". Меня сильно заинтересовалъ поднятый газетою Крестьянскій вопросъ, и письма простыхъ людей, я послѣ долгаго раздумія, рѣшился написать письмо въ „Русь", въ надеждѣ что либо здѣлать полезнаго для кого бы то не было... Мое первое письмо было напечатано 9-го сентября подъ заглавіемъ: „Что Намъ Дѣлать". По прочтеніе мною его, я нашелъ, что его наверно нашли дѣльной, я рѣшился написать второе письмо, со вложеніемъ первыхъ 3-хъ р., О предлагаемомъ всѣй печати всѣй Россіи учреждать комитеты для собираніе Капиталовъ, на народное просвещеніе, которое было напечатано 23-го сентября. То что мысль моя, здравая и высокаго сознаніе, доказываетъ то какъ ее съ жаромъ подхватило все общество съ малого до великаго, я же лично пріѣхалъ сюда 27-го числа и сталъ слѣдить за развитіямъ и скопленіемъ денегъ въ Редакціи „Русь". Мнѣ это было въ вышше степени пріятно я же лично не находилъ нужнымъ заходить въ Редакцію; а ждалъ приглашеніе (если я

лично нуженъ буду), но мнѣ что то не понравилось что меня переработали въ Крестьянина. Я не находилъ нужнымъ протестовать противъ этого думаю на верно Редакторъ находитъ такъ нужнымъ... Пускай себѣ хвалятъ крестьянина, мудраго, вчера-же я прочелъ статейку за подписомъ „Змій“. Меня эта статейка крайнѣ возмущаетъ, я глубоко увѣренъ, что она придумана пощекотать за жабры мою природную трусость, такъ какъ оне отлично знаютъ что я происхожу изъ племени гонимаго народа. Но можетъ быть я ошибаюсь то я готовъ взять мои слова назадъ, на всякій случай я эту статейку нахожу фанатико мерзостію, я предусматриваю что вмѣсто нечто чистаго свѣтлаго, можетъ получиться нечто грязного вонючаго, и мнѣ больно сознавать чтобы моя идея попала въ руки фанатиковъ, я объявляю во всѣуслышаніе, что я не крестьянинъ и никогда такъ не подписывалъ, а я с.-петербургскій купецъ Максимъ Герасимовичъ Эйзенбергъ православный христіанинъ. Прошу другихъ газетъ перепечатать“.

„Другихъ газетъ“ исполнили просьбу и перепечатали съ оглашеніемъ этого письма; накопленіе характерныхъ курьезовъ, однако, не окончилось.

Отвѣчая на нападки различныхъ органовъ печати, „Русь“ стала между прочимъ у себя печатать списки нашихъ повременныхъ изданій, нѣчто вродѣ своеобразнаго синодика. „Ошую“ ставились органы печати, высказавшіеся „за Фондъ“, „одесную“—всѣ высказавшіеся „противъ Фонда“. „Кроткія овцы“, какъ и полагается, были такимъ образомъ рѣзко отдѣлены отъ „буйныхъ козлищъ“.

Въ спискѣ „Руси“ — въ числѣ изданій, стоящихъ „за Фондъ“ была, между прочимъ, и газета „Сѣверо-Западный Край“.

Почитали читатели и умилились. Хорошо ужъ больно выходитъ... Вонъ и „Сѣверо-Западный Край“ за фондъ высказался“...

„Сѣверо-Западный Край“, однако, обидѣлся за это.

„Хотя „Русь“, сообщаетъ эта газета, „на неизвѣстныхъ намъ основаніяхъ, и заявила, что въ числѣ газетъ, выразившихъ сочувствіе ея проекту, находится и наша, „Сѣверо-Западный Край“, въ дѣйствительности, однако. мы до сихъ поръ ничѣмъ не выразили своего мнѣнія о идеѣ фонда“.

Какъ произошла такая ошибка, намъ конечно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не рѣшено вѣдь философами, что собственно правильнѣе: всѣ ли, кто не съ нами, противъ насъ? Или, наоборотъ, всѣ, кто не противъ насъ,—съ нами?

Можно разсуждать такъ, но можно повернуть и этакъ. „Сѣверо-Западный Край“ не захотѣлъ примириться съ такой истинно философской свободой выбора. „Предпріятіе „Руси“, съ точки зрѣнія цѣлесообразности — ошибка“, говоритъ эта газета: „предпріятіе г-на Суворина младшаго, можно было бы просто отнести къ категоріи „малыхъ дѣлъ“ (впрочемъ, небезполезныхъ), если бы не одно обстоятельство.

„Это обстоятельство заключается въ томъ шумѣ, въ тѣхъ литаврахъ и бубнахъ, которыми такъ аляповато, нетактично сопровождаетъ свое дѣло „Русь“. Вѣдь предполагается, что она вѣритъ въ успѣхъ дѣла, вѣритъ, что сумѣетъ сдѣлать нѣчто великое, на всю Россію. А великія дѣла такъ никогда не дѣлались. Ни одно серьезное движеніе въ обществѣ не сопровождалось такими смѣхотворными письмами, какъ письма жертвователей, помѣщенныя въ „Руси“!— продолжаетъ „одобрившая“ фондъ газетъ.

„Оно конечно,—разсуждаетъ „Сѣверо-Западный Край“,—всякое даяніе благо и: „Чѣмъ шире разливается волна движенія, чѣмъ больше радѣтелей, хотя бы мелкихъ по суммѣ пожертвованія, оно привлекаетъ, словомъ—чѣмъ демократичнѣе оно,—тѣмъ лучше. Но когда „юнкера съ высшимъ образованіемъ“ шлютъ пятакъ и приводятъ при этомъ и прочувствованные стишки и цитаты, а органъ Суворина младшаго, какъ граммофонъ, воспроизводитъ всѣ эти странныя подчасъ писанія,—скверно дѣлается на душѣ“.

Послѣ путаницы съ „Крестьяниномъ“—Эйзенбергомъ и съ указаннымъ мнѣніемъ, стоящаго будто бы за „Фондъ“ „Сѣверо-Западнаго Края“, пошла дальнѣйшая путаница.

Петербургскія газеты, отнесшіяся отрицательно къ „Фонду“, конечно, не объявляли сбора пожертвованій на это дѣло. „Ничего, объявятъ“! говорила неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ, по этому поводу „Русь“.

И точно... Черезъ нѣсколько времени—всѣ газеты, какъ союзники, такъ и враги идеи одновременно, стали совершенно непонятно почему принимать пожертвованія, о чемъ всѣ вдругъ торжественно и объявили, но

не въ текстѣ, а въ отдѣлѣ объявленій; почему сіе—также неизвѣстно.

Очень характерная исторія разыгралась далѣе на почвѣ новыхъ объявленій: проф. Брандтъ доставилъ въ редакцію „Руси" свое пожертвованіе—сумму спеціально назначенную имъ на предметъ напечатанія объявленій о „Фондѣ" въ петербургскихъ газетахъ.

„Биржевыя Вѣдомости", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и др. приняли эти объявленія безплатно.

„Новости" съ своей стороны почему-то обѣщали поступить такъ, какъ поступитъ „Новое Время".

„Новое-же Время" категорически отказало въ напечатаніи объявленій, даже и за плату,—вѣщаетъ исторія дѣла.

И на этомъ, однако, не кончилась бытовая сторона возникновенія „Фонда".

„Новое Время" вглядѣвшись во всю исторію, надумало затѣять свой собственный, отдѣльный „Фондъ"—и даже (гулять — такъ гулять!) цѣлыхъ два „Фонда": одинъ для поддержки земскихъ отрядовъ на Дальнемъ Востокѣ, другой для увѣчныхъ въ Портъ-Артурѣ...

„Пусть страшно далеко,—заговорило высокимъ стилемъ „Новое Время", отъ насъ отстоитъ та пучина страданій, которой мы не видимъ, но страданія такъ велики, размѣры ихъ такъ потрясающи, что отзвукъ ихъ долженъ побѣдить и пространство, и время, и каменное равнодушіе нашихъ сердецъ".

„Каменное равнодушіе нашихъ сердецъ"—будутъ отнынѣ потрясать цѣлыхъ три фонда одновременно.

„Разъ три богини спорить стали на зарѣ въ вечерній часъ" поется въ опереткѣ. Какая богиня окажется „прекраснѣе", какой изъ нихъ суждено получить „яблоко" симпатіи отъ требовательнаго Париса — публики, про то вѣдаетъ, конечно, только Аллахъ.

Хочется надѣяться, что это яблоко — не окажется, хотя бы въ дальнѣйшемъ, „яблокомъ раздора" между „богинями".

„Гляди въ корень"—утверждалъ нѣкогда Прутковъ. Мы не станемъ останавливаться на томъ, что копошится у корня столь типичной и характерной исторіи кратковременнаго существованія „Фонда".

Корни и безъ того, надо думать, болѣе чѣмъ достаточно обнажены всѣми перечисленными, не только смѣшными, но еще и очень грустными фактами!

IV.

Есть, должно быть, своеобразное острое наслажденіе въ томъ самочувствіи, съ какимъ мирный обыватель, надумавъ спасать отечество, начинаетъ вдругъ кричать „караулъ", совѣтуетъ немедленно же „тащить" и „не пущать" или, изрѣдка, изобрѣтаетъ и свой новый, подобный же девизъ. На почвѣ этого наслажденія выростаетъ, очевидно, оригинальный типъ „спасателей отечества". Ихъ много поставляетъ у насъ текущая дѣйствительность. Изъ послѣднихъ представителей этого типа заслуживаютъ быть отмѣчены достославные и заслужившіе тріумфъ гг. Черепъ-Свиридовичъ и Н. Стечькинъ. Г. Н. Я. Стечькинъ, одинъ изъ столповъ газеты „Свѣтъ", вознамѣрился „спасать отечество" сравнительно безобидно—всего только на литературномъ поприщѣ.

„Спасти Россію" оказалось необходимымъ въ первую очередь отъ Максима Горькаго и отъ „босяцкаго антихриста".

Для этой почтенной и многотрудной задачи — кафедра газеты „Свѣтъ" оказалась, очевидно, недостаточной, и г. Стечькинъ издаетъ поэтому спеціальную книгу. „Максимъ Горькій, его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и жизни русскаго общества" такъ называется этотъ высокоученый фоліантъ.

Съ усердіемъ и отвагою, достойными лучшей участи,—трудъ этотъ подъ указаннымъ неуклюжимъ заглавіемъ доказываетъ, что Горькій—не безсознательно, не непосредственно творитъ свои произведенія, что онъ, видите ли, „заранѣе все обдумалъ и съ ехиднымъ лукавствомъ пріучалъ русскую публику къ появленію босяцкаго антихриста".

Сущность обвиненія Горькаго г. Стечькинымъ, какъ оказывается, формулируется имъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Я смѣло, какъ гражданинъ земли русской, какъ членъ русскаго общества, какъ вѣрноподданный русскаго Царя, какъ православный христіанинъ, обвиняю Алексѣя Максимовича Пѣшкова, печатающаго свои сочиненія подъ именемъ „Максима Горькаго", въ томъ, что, злоупотребляя талантомъ писателя, ему отъ Бога даннымъ, онъ въ рядѣ

сочиненій, по заранѣе обдуманному плану или по порученію и подговору другихъ лицъ, послѣдовательно развращалъ читателей".

На этомъ основаніи, г. Стечькинъ всей книгой своей взываетъ о необходимости „изъять" Максима Горькаго, дабы этимъ спасти Россію отъ невѣроятной опасности, предстоящей ей.

Бѣдный, бѣдный г. Н. Стечькинъ!.. Какъ сильно, оказывается, отзывается на умственныхъ способностяхъ человѣка его систематическая близость къ „Свѣту" и распространяемой имъ тьмѣ!..

Неужели же совершенно безнадежны для г. Н. Стенькина результаты этой близости, сказавшіеся въ указанной книгѣ?

Неужели же безсильна современная медицина?!

Если г. Стечькинъ дѣлаетъ, такъ сказать, „внутреннюю" попытку спасти отечество, то г. Черепъ-Свиридовичъ, заявившій себя ярымъ славянофиломъ, и извѣстный съ этой стороны—не менѣе, чѣмъ и по своей знаменитой исторіи съ сербскими орденами и съ „Волжскимъ бассейномъ"—пароходнымъ обществомъ безъ пароходовъ,—этотъ самый г. Черепъ-Свиридовичъ дѣлаетъ уже „внѣшнюю" и не литературную, а „политическую" (вотъ оно какъ: знай нашихъ...) вылазку на предметъ спасенія любезнаго отечества.

„За границею насъ не любятъ и даже ненавидятъ", сказалъ себѣ г. Черепъ-Свиридовичъ. Тамъ позволяютъ себѣ гнусно и нагло думать, что Россія отсталая, некультурная, темная страна. Это надо перемѣнить—рѣшилъ г. Черепъ-Свиридовичъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, принялся дѣйствовать.

Способъ дѣйствій, избранный г. Свиридовичемъ въ семъ затруднительномъ случаѣ—это ничто иное какъ учрежденіе лигъ, т. е. чего то, вродѣ древнихъ содружествъ, для защиты Россіи отъ общественнаго мнѣнія Европы.

Г. Свиридовичъ сталъ разсылать по Европѣ свои собственные „манифесты", въ которыхъ онъ говоритъ не болѣе и не менѣе, какъ отъ имени всего 140 милліоннаго русскаго народа.

Основанныя имъ лиги должны по словамъ его циркуляровъ „содѣйствовать возстановленію истиннаго представленія о положеніи Россіи".

Циркуляръ за циркуляромъ каждая лига должна противодѣйствовать нападкамъ на Россію заграничной прессы, которая позволяетъ себѣ „говорить о смутахъ, дѣлать нападки и распространять клевету, не зная дѣйствительныхъ условій".

Если заграницею до сихъ поръ и думали, что русскіе только и дѣлаютъ, что ѣдятъ сальныя свѣчи, и только по праздникамъ, „собравшись подъ развѣсистымъ деревомъ „klioukwa" (клюква—тожъ) угощаются національнымъ лакомствомъ, — сочными „ломтями самовара", то теперь г. Черепъ-Свиридовичъ отнынѣ и навсегда исправитъ все это.

„Наша лига",—заявляетъ — онъ;" будетъ имѣть цѣлью предотвращеніе новаго политическаго Седана для Франціи и новаго экономическаго Седана для Россіи".

Вотъ оно, какихъ „дѣловъ" собирается надѣлать г. Черепъ-Свиридовичъ.

И все это безъ малѣйшихъ полномочій, безъ малѣйшихъ правъ. Все отъ усердія, только безъ нѣкоторой корысти.

Г. Черепъ-Свиридовичъ, оказывается, спасаетъ такимъ образомъ отъ „Седана" не только Россію, но еще и Францію.

Честь и слава, конечно, г. Черепъ-Свиридовичу!. Но неужели нѣтъ возможности помѣшать ему самозванно хлестаковничать, говоря въ качествѣ какого-то представителя русскаго народа?...

Одною изъ серьезныхъ и неотложнѣйшихъ тревогъ дня представляется въ настоящее время положеніе Сибири.

Отъ Урала и до Тихаго Океана широкой полосой раскинулись колоссальныя земли этой покинутой и брошенной нынѣ страны, огромное значеніе которой, помимо ея громадныхъ естественныхъ богатствъ, такъ ярко и рѣзко подчеркнуто совершающимися нынѣ событіями Дальняго Востока.

Въ чемъ причины пустынности и заброшенности Сибири? Какъ извѣстно, страна эта доселѣ лишена земства, лишена самыхъ примитивныхъ началъ существующаго въ Россіи самоуправленія.

Нѣтъ здѣсь, такимъ образомъ, ни одного поприща для работы мѣстныхъ дѣятелей... И глохнетъ Сибирь, гибнутъ тѣ колоссальныя богатства, которыя заслужили странѣ названіе „золотого дна", „безглагольна, недвижима" по прежнему, какъ и много лѣтъ назадъ, „мертвая страна".

Нелегкій трудъ представляетъ собою попытка разобраться по отдѣльнымъ, текущимъ извѣстіямъ въ настоящемъ положеніи Сибири. Фактъ за фактомъ, одинъ поразительнѣе, одинъ невѣроятнѣе другого — встаютъ во весь ростъ передъ вдумчивымъ наблюдателемъ.

Въ этомъ году, напр., въ Сибири *открыта* новая, донынѣ совершенно неизвѣстная населенная мѣстность.

Открыта эта мѣстность,—по словамъ газеты „Дальній Востокъ“ — на берегу Охотскаго моря, противъ Камчатки, на 90 верстъ южнѣе Гижиги.

„Наяконъ“ — называется эта своеобразная во всѣхъ отношеніяхъ, всегда остававшаяся неизвѣстной всему міру и отрѣзанной отъ него мѣстность.

Можно ли, даже нарочно, придумать болѣе яркій фактъ для иллюстраціи положенія Сибири, ея заброшенности и одичалости?

Фактъ этотъ не единиченъ, оказывается. Есть много еще и донынѣ не открытыхъ странъ въ нашей Сибири. Только что печать сообщила, что весь югъ Иркутской губерніи — вовсе не извѣстенъ. Въ массѣ мѣстностей, существуютъ цѣлыя деревни, еще никѣмъ не зарегистрированныя и не имѣющія никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ“. Какъ онѣ живутъ здѣсь, какъ самоуправляются, кто разбираетъ ихъ семейныя дѣла, какъ совершаются у нихъ разные религіозные обряды и браки, каковы ихъ семейныя отношенія, и никто ничего этого не знаетъ.

Чуть ли не единственной заботой о Сибири является у насъ доселѣ — только сплавъ переселенцевъ на ея ожидающіе колонизаторовъ поля.

Разставаться съ родиной, со своими насиженными рядомъ поколѣній мѣстами, со своей землею, орошенной трудовымъ потомъ и горючими слезами, разставаться навсегда— это для русскаго крестьянина дѣло, конечно, невообразимо тяжелое.

Условія жизни въ деревнѣ оказываются все же достаточно тягостными, чтобы превозмочь это препятствіе. Эти всесильныя условія не даютъ крестьянину повиноваться влеченіямъ своего сердца. Строгая, холодная необходимость, на ряду съ сотнями тысячъ крестьянъ, отправляющихся въ чуждую и чужую атмосферу города за рублемъ „на подати“ гонитъ иныхъ на сотни тысячъ „на новыя мѣста“. И рвутъ, прутъ крестьяне по необходимости рвутъ приросшія ко всему тѣлу нити, и уходятъ въ далекую, невѣдомую, страшную Сибирь.

Что ожидаетъ ихъ впереди, что встрѣтятъ они на мѣстѣ, претерпѣвъ всѣ тягости и мытарства долгаго пути?

Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ большой и серьезный вопросъ даетъ лежащій предъ нами послѣдній переселенческій отчетъ по Челябинскому пункту.

Отчетъ указываетъ за послѣдній годъ „весьма благопріятные результаты“. Число переселенцевъ въ этомъ году значительно меньше обыкновеннаго. „Прослѣдовало въ этомъ году переселенцевъ чрезъ челябинскій пунктъ и зарегистрировано здѣсь—111, 797 душъ.

Необычайно мало и возвратилось въ этомъ году: возвратилось съ мѣста переселенія назадъ въ паническомъ страхѣ передъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они очутились— всего 37,889 душъ, цифра не превышающая такимъ образомъ обычной нормы возврата“.

„Норма возврата опредѣляется обычно въ размѣрѣ не меньше, чѣмъ въ одну треть общаго числа переселенцевъ“ — безстрастно говоритъ отчетъ.

37,889 человѣкъ, возвратившихся за одинъ только годъ! Надо вдуматься въ это число, надо представить себѣ положеніе этихъ тысячъ семей, порвавшихъ всѣ связи, распродавшихъ за безцѣнокъ все свое маленькое имущество, вырвавшихъ свои вѣковые корни и возвращающихся назадъ, не имѣя ни цѣли, ни мѣста, куда податься— чтобы понять и перечувствовать весь ужасъ этой цифры, этой обычной и ежегодной „нормы“.

Вглядимся, однако, еще въ другія стороны жизни Сибири. „Наши сибирскіе инородцы вымираютъ,“ грустно констатируетъ напримѣръ „Областное обозрѣніе“: „Изъ Олекминска то и дѣло приходятъ извѣстія, что въ такой-то долинѣ купцы наткнулись на нѣсколько инородческихъ семей, или умирающихъ съ голоду, или уже умершихъ. А сколько такихъ случаевъ не занесено въ лѣтописи сибирской жизни!“

„На рѣкѣ Омолони бывали случаи людоѣдства; мы знаемъ фактъ, пишетъ „Областное Обозрѣніе“, когда семья съѣла оленей, потомъ собакъ, потомъ стала ѣсть своихъ слабѣйшихъ сочленовъ“.

Изданное еще въ 1900 году по поводу войны съ Китаемъ запрещеніе носить оружіе и по сію пору не отмѣнено; конечнымъ результатомъ этого распоряженія явилось то, что туземцы, занимающіеся исключительно звѣропромышленностью, очутились, благодаря отсутствію ружей и пороха, на краю гибели.

Не лучше, чѣмъ у инородцевъ, внутреннія условія жизни и русскихъ переселенцевъ, тѣ условія, которыя заставляютъ ихъ во множествѣ бросать Сибирь и пополнять собою и семьями своими вышеуказанную норму возврата.

До сихъ поръ земли нарѣзались переселенцамъ не по результатамъ осмотра, а только по существующимъ весьма несовершеннымъ географическимъ картамъ.

„Какъ составлены эти карты, говоритъ „Восточное Обозрѣніе“, объ этомъ даютъ нѣкоторое представленіе раскрывшіеся нынѣ факты. Установить пропуски различныхъ мѣстностей представляется, правда, невозможнымъ безъ спеціальнаго изслѣдованія. Достаточно яркимъ является, впрочемъ, и само по себѣ слѣдующее обстоятельство.

На картѣ, изданной въ 1889 г., значатся въ юго-западномъ направленіи отъ г. Нижнеудинска шесть населенныхъ пунктовъ: села Рубахинское, Ерминское, Мало, Бирюсинское и деревни Мало-Шельминская-Больше-Шельминская и Нюрсинская.

На картѣ военно-топографическаго отдѣла, изданной въ 1891 г., не только обозначены всѣ эти селенія, но о каждомъ изъ нихъ указанъ еще и уровень высоты надъ моремъ, что показывало, какъ будто, на то, что данныя объ этой мѣстности были вновь и основательно провѣрены.

Тѣмъ не менѣе, по разоблаченію сибирской газеты „Вост. Обозр.“, этихъ селеній никогда не существовало и теперь не существуетъ, не только въ указанномъ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ уѣздахъ Иркутской и даже смежной съ ней Енисейской губерніи (!!). Здѣсь, по условіямъ каменистой и совершенно безплодной мѣстности, существованіе селеній является даже невозможнымъ и немыслимымъ“...

Промахъ этотъ не единиченъ. Немудрено, что свойства почвы оставались невѣдомыми, при переселеніи, и переселенцы зачастую попадали то на сплошной камень, то на болото, то на безлѣсную, безводную песчаную равнину.

Не трудно представить себѣ и культурный уровень Сибири. Школы здѣсь церковно-приходскаго типа. „Владивостокскія Епархіальныя Вѣдомости“ даютъ слѣдующій отчетъ о состояніи школъ по епархіи.

Въ здѣшнихъ церковно-приходскихъ школахъ,—говорятъ „Епархіальныя Вѣдомости“,—состояло всего 9 законоучителей изъ мѣстныхъ священниковъ. Изъ этихъ священниковъ лишь двое получили низшее законченное образованіе, остальные или не окончили низшей школы, или совсѣмъ ни въ какихъ школахъ не были, научившись грамотѣ дома.

Въ остальныхъ церковно-приходскихъ школахъ оффиціально учителями числятся тѣ же священники. Впрочемъ, оффиціально только числятся,—говорятъ „Епархіальныя Вѣдомости“. „На самомъ же дѣлѣ преподаютъ въ школахъ „приватные“ помощники изъ псаломщиковъ или свѣтскихъ лицъ. Эти педагоги получили свое образованіе въ этихъ же самыхъ школахъ. Можно по одному этому судить о степени подготовленности ихъ къ преподавательской дѣятельности“, грустно заявляетъ отчетъ.

Аналогичныя данныя доставляетъ и миссіонерское дѣло въ Сибири.

Отчетъ, помѣщенный въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, опредѣляетъ цифру расходовъ на миссіонерское дѣло въ 172,669 рублей въ годъ.

Число инородцевъ, обращенныхъ въ христіанскую религію, очень не велико и считается лишь отдѣльными единицами.

Если мѣстами и замѣтны цифровые результаты—въ Туруханской миссіи, напр., изъ 8000 инородцевъ удалось обратить въ христіанство 53 человѣка,—то и здѣсь, по словамъ „Церковныхъ Вѣдомостей“, „новообращенные, разсѣянные по разнымъ селеніямъ, лишенные постояннаго руководства и наставленія, естественно теряются среди мѣстнаго населенія и въ религіозной жизни совершенно предоставленные самимъ себѣ, подпадаютъ *неизбѣжно* вліянію своихъ прежнихъ единовѣрцевъ“.

Общіе выводы „Церковныхъ Вѣдомостей“ сводятся, къ тому, что „духовный ростъ инородцевъ весьма слабо и медленно подвигается впередъ; мало сознательно еще относятся они къ уставамъ православной церкви. О крещеніи дѣтей они не заботятся; поэтому младенцы остаются безъ крещенія часто лѣтъ

до трехъ; большею частію священники крестятъ ихъ во время своихъ объѣздовъ по улусамъ; много дѣтей умираетъ и совсѣмъ некрещенными. Христіанскій долгъ исповѣди и святого причастія исполняютъ весьма немногіе; больныхъ почти совсѣмъ не напутствуютъ. Умершихъ весьма немногіе погребаютъ по христіанскому обряду. Еще хуже обстоитъ дѣло съ христіанскими браками у инородцевъ. Браки инородцы заключаютъ степнымъ обычаемъ чрезъ похищеніе (умыканіе) невѣстъ, часто въ самомъ близкомъ родствѣ; при этомъ нерѣдко мальчика лѣтъ 12—14 женятъ на невѣстѣ лѣтъ 20—25 и болѣе. Сильны и остатки язычества вѣра въ шамановъ, общественныя жертвоприношенія на горахъ различнымъ духамъ и т. п.“

„Впрочемъ, *обрядовая сторона христіанства* ими воспринята и усвоена,“ успокаиваютъ „Церковныя Вѣдомости“.

Не менѣе грустно, далѣе, и медицинское дѣло въ Сибири. Мѣстами только существуетъ здѣсь медицинская помощь.

Остальныя мѣстности на тысячи верстъ— всегда остаются безъ врача, безъ фельдшера, безъ акушерки, безъ больницы...

Даже и тамъ, гдѣ медицина существуетъ, она въ невѣроятномъ положеніи.

„Якутскія Областныя Вѣдомости“ сообщаютъ нѣсколько случаевъ, когда за отсутствіемъ врачебнаго персонала на тѣ или иные медицинскіе пункты приходится назначать лицъ, имѣющихъ къ медицинѣ только то отношеніе, что они являются... женами врачей.

Въ № 10 „Якутск. Обл. Вѣд.“ напечатано:

„Жена врача Н. Образцова, вслѣдствіе ходатайства ея мужа, допускается къ временному исполненію обязанностей фельдшерицы участка мужа съ жалованіемъ въ 300 руб.

Въ № 15 той же газеты снова встрѣчаемъ подобное извѣстіе:

„Назначается, согласно ходатайству мужа (!), на должность фельдшерицы-акушер. въ участокъ мужа, по вольному найму, жена врача Марія Ковнацкая съ жалованьемъ въ 300 р.“.

„Быть можетъ, въ дѣлѣ лѣченія больныхъ,“ съ грустью иронизируетъ газета, „этотъ новый и усовершенствованный порядокъ замѣщенія сложныхъ и отвѣтственныхъ постовъ совершенно лишенными подготовки лицами— принесетъ вмѣсто пользы большой, серьезный, а можетъ быть и непоправимый вредъ,— но за то, какъ процвѣтетъ отъ этого нововведенія семейное счастіе супруговъ!..“

„За пятилѣтнее существованіе свое“,— заявляютъ „Сибирскія Врачебныя Вѣдомости“ врачебное дѣло въ Сибири не только не подвинулось ни на іоту впередъ, а сдѣлало еще замѣтный шагъ назадъ. И абсолютныя, и относительныя цифры больныхъ въ послѣдній годъ пятилѣтія оказались ниже, чѣмъ въ первый годъ. „Корень зла лежитъ въ самой организаціи дѣла“ говорятъ „Врачебныя Вѣдомости“, „бюрократическая организація сельской медицины въ Сибири—вотъ причина всѣхъ неустройствъ во врачебномъ дѣлѣ“, „только введеніе земскихъ учрежденій можетъ вздохнуть живую душу въ безжизненный строй сибирской сельской медицины“.

Еще болѣе грустны данныя о „народной медицинѣ“, почти единственной, которою пользуются Сибирь.

Свѣдѣнія объ этомъ приведены въ XXX книгѣ „Записокъ западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества“; среди перечня обычныхъ лѣкарствъ, помимо средствъ неудобныхъ въ печати, встрѣчаемъ для пріема внутрь: нюхательный табакъ, медвѣжью желчь, осиновую кору, окачиваніе больного, врасплохъ, холодной водой, проглатываніе наговора, красной мѣди (предпочтительно въ видѣ старыхъ монетъ) и пр.

Изъ наружныхъ средствъ практикуется: укладываніе больного на навозную кучу, обмазываніе его рвотой и другія еще менѣе удобопроизносимыя средства.

Все вышеизложенное относится къ русскому населенію края. Во много разъ хуже обстоитъ дѣло съ инородцами вообще и въ частности съ остяками которые считаются христіанами только въ отчетахъ духовной миссіи, пребывая на дѣлѣ въ первобытномъ язычествѣ.

Какъ же управляется Сибирь? Богъ знаетъ, какъ далеко завело бы насъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса.

Приведемъ только слѣдующее сообщеніе „Владивостокской Газеты“, касающееся сѣверныхъ, прилегающихъ къ Камчаткѣ мѣстностей.

Сѣверъ раздѣленъ на четыре обширнѣй-

шихъ округа. Каждый округъ, въ своей территоріи можетъ вмѣстить по нѣскольку второстепенныхъ государствъ Европы. Анадырскій округъ, напр., обнимаетъ пространство въ 458,000 кв. верстъ. Въ немъ находится окружной начальникъ и его помощникъ. Больше, — сообщаетъ Владивостокская газета,—никакого начальства.

„Каковы функціи окружнаго начальника въ Камчаткѣ? Онъ—администраторъ, военный и гражданскій. Онъ — полиція, высшая и низшая. Больше во всей странѣ нѣтъ ни одного представителя полицейской власти. Онъ—судья, сборщикъ „ясака“ и государственныхъ повинностей. Онъ же—судебный слѣдователь, таможенный надзиратель, почтмейстеръ, казначей, интендантъ, наблюдающій за рыбными промыслами, народнымъ здравіемъ, народной нравственностью и т. д. Наконецъ, онъ заботится о краѣ, о проведеніи русской культуры, о насажденіи земледѣлія, скотоводства, промысловъ и правильной торговли...“

Такое всемогущество привело недавно къ слѣдующему, установленному газетою „Дальній Востокъ“ характерному факту.

„Инородческое населеніе провозгласило исправника ни больше, ни меньше, какъ Юринъ-Тойономъ, т. е. самымъ главнымъ изъ своихъ боговъ. Были устроены необыкновенныя празднества. Собрались всѣ окрестные инородцы. Звонили торжественно въ колокола, и при звонѣ ихъ исправника носили по городу...“

Много множество аналогичныхъ частностей лежитъ предъ нашими глазами въ видѣ иныхъ столь же характерныхъ фактовъ.

Но достаточно и этихъ. Достаточно видно, какъ многаго ждетъ Сибирь, какъ важно пробудить къ новой жизни эту гигантски важную и огромную, оброшенную и покинутую страну.

VI.

Среди многоразличныхъ „тревогъ дня“ приходится въ числѣ всяческихъ, стоящихъ на очереди „назрѣвшихъ вопросовъ“ отмѣтить еще и слѣдующее: Слѣдуетъ ли балеринамъ выбривать себѣ волосы подъ мышками? таковъ вопросъ, вызвавшій серьезные и оживленные дебаты на столбцахъ нѣкоторой части нашей печати.

Да не подумаетъ благосклонный читатель, что, указывая на этотъ вопросъ, мы позволяемъ себѣ неумѣстную шутку, или имѣемъ въ виду карикатуру дѣйствительности. Нашей дѣйствительности „не перекарикатуришь“, и она зачастую идетъ далѣе самой богатой фантазіи сатирика и карикатуриста.

„Дѣло объ обязательствѣ для танцовщицъ пробривать волосы подъ мышками“ было дѣйствительно возбуждено. Въ роли иниціатора въ этой почтенной отрасли идейной борьбы съ рутиной выступило „Новое Время“. Здѣсь именно возникъ этотъ глубокомысленный вопросъ, здѣсь нашелъ онъ толкователей и выразителей своихъ. Было сообщено по этому поводу, что существуетъ проектъ и что вопросъ рѣшенъ утвердительнымъ образомъ. Изслѣдователи „Новаго Времени“ сочли долгомъ познакомить читающую публику со всѣми доводами pro и contra проекта. Вопросъ разбирался не разъ, разбирался не только съ эстетической точки зрѣнія. Производились даже историческія изслѣдованія, изъ которыхъ явствовало, что внимательное изученіе образцовъ красоты—древнихъ статуй—само по себѣ совершенно недостаточно для правильнаго рѣшенія вопроса.

„На статуяхъ женщины дѣствительно волосы имѣются только на головѣ“, обсуждалось на столбцахъ „Новаго Времени“. Но это, какъ оказывается, требуетъ объясненій: „Статуи древнихъ потому безъ волосъ, что древнія женщины, какъ теперь восточныя женщины, уничтожали волосы на тѣлѣ бритьемъ или сѣрнистымъ мышьякомъ. А скульпторъ изображалъ, что видѣлъ. Это считалось красотою и держалось до XVIII столѣтія не только для женщинъ, но даже для мужчинъ. Для новобрачныхъ, напримѣръ, бритье считалось прямо обязательнымъ“.

Помощью подобныхъ, строго научныхъ изслѣдованій, удалось подойти и къ самой сути вопроса. Съ одной стороны сообщалось, что „слишкомъ обильная растительность, показывающая энергическій мужской характеръ, не идетъ къ женщинамъ, особенно воздушнымъ“.

Съ другой стороны — не менѣе смѣло утверждалось, что „волосы подъ мышками, какъ и вообще гдѣ бы они ни росли на тѣлѣ, не могутъ считаться уродливыми, ибо ихъ ростъ натураленъ“.

Среднее мнѣніе въ редакціи Новаго Времени, чуждаясь какъ „лѣвой“, такъ и

„правой“ партіи,—выражалось въ той формулѣ, что „конечно, расположеніе волосъ, ихъ густота и особенно длина могутъ быть болѣе или менѣе красивы или некрасивы, какъ красивы или некрасивы въ бородѣ различныхъ мужчинъ“.

„Новое Время“ сообщило далѣе, что дирекціей балета сдѣлано оффиціальное распоряженіе о пробриваніи танцовщицами волосъ подъ мышками. Редакція, несмотря на такое постановленіе руководящихъ сферъ балета, на этотъ разъ имѣла гражданское мужество остаться при своемъ убѣжденіи.

„Не слѣдуетъ брить подмышекъ!“ смѣло продолжала она. Достаточно, если балерины (въ особенности брюнетки), пудрятъ свои волосы или носятъ легкія фуфайки, прикрывающія подмышки“. Что бы ни говорили, а это при хорошо скроенномъ лифѣ совершенно достаточно!—убѣжденно и горячо заявлялось въ печати.

Доказательствомъ указывалось то обстоятельство, что „итальянскія танцовщицы не дѣлаютъ и этого, и глазъ зрителей скоро привыкаетъ“.

Ссылка на то, какъ поставлено дѣло на западѣ—являлась безусловно убѣдительной. Самоотверженная защита изслѣдователями вопроса указанной своей собственной точки зрѣнія обратила на себя вниманіе. Въ виду непреклонности дирекціи балета, слѣдовало ожидать, что послѣ пробритія подмышекъ балерины преподнесутъ изслѣдователямъ, хотя бы по нѣсколько изящныхъ локоновъ изъ выбритыхъ въ подмышкахъ волосъ.

Хотя мы, вообще говоря, мало умѣемъ цѣнить своихъ великихъ людей, но на этотъ разъ трудно сомнѣваться, что умъ, знанія, талантъ и общественная полезность изслѣдованій вопроса не оставятъ авторовъ ихъ безъ заслуженной награды...

Цивилизованный міръ, съ захватывающимъ, неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдилъ, конечно, за судьбою этихъ авторовъ, равно какъ и за судьбою балеринъ и распоряженія дирекціи. Какъ вдругъ, черезъ нѣкоторое время, подобно удару грома въ ясную погоду, появилось въ томъ-же „Новомъ Времени“ дословно слѣдующее извѣстіе:

„Какъ мы узнали изъ достовѣрнаго источника, въ нашемъ балетѣ вовсе не дѣлалось никакого распоряженія о выбриваніи волосъ подъ мышками танцовщицамъ, *и даже вопроса объ этомъ не поднималось*“.

Такъ закончилось оживленное обсужденіе, такъ завершился инцидентъ. Въ такомъ же видѣ перейдетъ онъ въ распоряженіе будущаго историка русской культуры, будущаго лѣтописца, имѣющаго обрисовать,—какіе вопросы волновали русское общество въ началѣ XX столѣтія, на зарѣ наступленія новой эры общественной жизни.

„Заблужденія высокаго духа поучительнѣе чѣмъ непогрѣшимость посредственности“—говорилъ „заграничный“ Людвигъ Берне. „До чего нынче для многихъ это дѣло упростилось“—говаривалъ о печати нашъ „отечественный“ великій Щедринъ: „Стоитъ имъ на перо поплевать, и прелюбопытнѣйшая передовая статья получается“—грустно констатировалъ сатирикъ...

VII.

Въ отдѣлѣ „тревогъ дня“ нѣсколько выше указаны уже два экземпляра типа „спасателей отечества“.

Къ штату доброхотныхъ и самозванныхъ „спасателей отечества“ этихъ—весьма близко примыкаетъ фаланга „совѣтчиковъ“ и „открывателей“ нашихъ.

Есть здѣсь „душки—штатскіе“, есть и военные.

Бываетъ такъ, что шашки смѣшиваются, и „душка—штатскій“ выступаетъ кандидатомъ на военныя амплуа.

Такимъ именно кандидатомъ выступилъ Л. Л. Толстой — „маленькій сынъ великаго отца“. „Россія непобѣдима“ — такова формула, которую заявилъ предъ Европой Л. Л. Толстой на столбцахъ „Новаго Времени“

„Несравненная физически“,—туманно сообщилъ Европѣ юный графъ,—„умственная и духовная мощь русскаго народа, особенность всего уклада его жизни на громадныхъ пространствахъ, въ полуцивилизованныхъ, тяжелыхъ и бѣдныхъ формахъ и условіяхъ,—„страна рабовъ, страна господъ“, какъ еще сказалъ Лермонтовъ,—особенности историческія, климатическія, географическія, соціальныя—вотъ въ чемъ непобѣдимость Россіи“.

Вся эта рацея, дополненная увѣреніемъ, что „въ своей странѣ русскій мужикъ не только живетъ, но и радуется на жизнь“ показалась, однако, мало убѣдительной, и

Л. Л. Толстой, въ похвальномъ рвеніи доказать свою формулу, открылъ карты и сталъ говорить откровенно:

„*Сила русскаго народа въ некультурности мужика*“—чернымъ по бѣлу сообщилъ юный графъ, выразивъ этимъ присущее, къ прискорбію, далеко не одному ему убѣжденіе...

Малокультурность — вотъ оно наше спасеніе!

„Въ ней кроется главная сила, преодолѣть которую никто не можетъ“—увѣряетъ графъ.

Сказки слѣдовательно, будто бы „школьный учитель побѣждаетъ“. Сказки, что вообще полезно какъ будто просвѣщеніе. Некультурность вотъ она, оказывается, наша сила! Надо „сознать нашу силу и не падать духомъ“—убѣждаетъ Л. Л. Толстой.

Вотъ оно, слѣдовательно, въ чемъ дѣло! Надо сознать, что наша сила въ некультурности, и продолжать поэтому держать мужика въ той же безпросвѣтной темнотѣ, какъ и многіе, долгіе вѣка тому назадъ...

„Нечего его, мужика-прохвоста, учить!.. Будетъ безграмотенъ мужикъ—будетъ непобѣдима Россія! — вотъ она квинтъ-эссенція мудрости и благородства. Вотъ они „совѣтъ“ и „открытіе“ юнаго Л. Л. Толстого!..

Послѣ этого никто уже не удивился, когда юный графъ черезъ нѣкоторое время довелъ до свѣдѣнія міра нѣсколько новыхъ перловъ, вродѣ слѣдующаго, напр., заявленія.

„Европа завидуетъ Россіи. Россія не даетъ Европѣ спать своимъ равномѣрнымъ и твердымъ національнымъ и государственнымъ ростомъ“. Эта рацея уже никого, повторяемъ, не удивила послѣ прежняго открытія графа.

Да и чего же, собственно, удивляться? Бываетъ же, что у матери акушерки—выростаетъ, напр., сынъ и—вдругъ околоточный надзиратель!

Что же необычнаго, что у великаго Льва Николаевича сынъ оказался ни кѣмъ инымъ, какъ только настоящимъ маленькимъ, маленькимъ Львомъ Львовичемъ.

Близость къ великому источнику духа не служитъ, очевидно, порукой за, хотя бы нѣкоторую, культурность. Кассиръ въ банкирскомъ домѣ часто имѣетъ въ рукахъ крупныя суммы золота: но не ему принадлежатъ все же эти суммы...

Если некультурность такъ полезна на войнѣ, то самъ Л. Л. Толстой могъ бы оказаться незамѣнимымъ на бранномъ полѣ...

Впрочемъ, люди гораздо чаще распинаются за свои убѣжденія, чѣмъ слѣдуютъ предписаніямъ ихъ...

„Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, чѣмъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ“ сказали бы мы по этому поводу въ томъ случаѣ, однако, если бы это имѣло хоть какое либо отношеніе къ дѣлу...

VIII.

Есть странные примѣры житейской эволюціи. Гибнутъ и вырубаются „вишневые сады“, раззоряются „дворянскія гнѣзда“, мельчаютъ лучшія традиціи, забываются важнѣйшіе завѣты.

Было время — былъ у насъ писатель-*учитель*, и съ трепетомъ внималъ его словамъ читатель другъ. Измѣнилось время, и вмѣсто писателя-*учителя* „горѣ“, пришелъ къ намъ писатель-*братъ* „долу“. Онъ не приносилъ съ собою истины, которою обладали-бы только они, учители—тѣ всѣ „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“... Онъ не приносилъ съ собою этой истины... Вмѣстѣ съ читателемъ, писатель-братъ лишь пламенно и тревожно искалъ ее „упорствуя, волнуясь и спѣша“ въ исканіяхъ своихъ.

Снова измѣнилось время. Исчезъ у насъ типъ писателя-учителя, значительно уменьшилось число писателей-братьевъ. Ихъ мѣсто все чаще и чаще занимаютъ теперь просто не унывающіе россіяне, „вооружившіеся перомъ.“

Ничего не принесли они, ничего и не ищутъ... Они просто пишутъ...

Казалось-бы, далѣе некуда идти по этому грустному пути. Былъ у насъ типъ писателя, на смѣну ему пришелъ новый типъ литератора, да и тотъ все чаще смѣняется теперь иною разновидностью „пишущаго обывателя.“

Обновленіе общественное должно исправить эту грустную эволюцію, остановившуюся было на типѣ пишущаго обывателя.

Однако, и это—оказалось еще не послѣдней ступенью измельчанія.

Появился новый типъ — работникъ пера сталъ замѣняться работникомъ ножницъ и клейстера.

На два отдѣла раздѣляется этотъ типъ: на плагіаторовъ и передѣлывателей.

Дѣло плагіаторовъ сравнительно очень просто. Членъ этого „ордена“ — просто на просто беретъ первую попавшуюся книгу: „Капитанскую дочку“ Пушкина или „Кровавыя ночи“ Марлинскаго, это безразлично, переписываетъ ее старательно и относитъ за тѣмъ въ какую нибудь редакцію въ качествѣ „своего“ произведенія.

Роль передѣлывателя по внѣшнему значительно сложнѣе... Извольте-ка взять чужой романъ и накроить изъ него свою драму...

Кто изъ нихъ двухъ „полезнѣе“ — плагіаторъ или передѣлыватель—этотъ вопросъ пока еще не выясненъ окончательно. Намъ лично думается, что роль передѣлывателя антипатичнѣе. Плагіаторъ, если онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, трудится, переписываетъ,—еще и дрожитъ до тѣхъ поръ, пока напечатаетъ гдѣ либо свое произведеніе и получитъ за него мзду, дрожитъ и послѣ этого...

Хоть нѣкоторый рискъ испытываетъ онъ: вдругъ откроется, да и ославятъ на всю, на всю Россію...

Куда спокойнѣе положеніе передѣлывателя. „Малость“ поработавъ ножницами и въ достаточной мѣрѣ „исправивъ“ чье либо произведеніе, онъ можетъ совершенно спокойно, не боясь людского суда, поставить свое имя на получившемся трудѣ и опочить на лаврахъ, пользуясь славой и поспектальнымъ гонораромъ.

Ни законъ, ни общественное мнѣніе не преслѣдуетъ у насъ „передѣлывателей“. Стоитъ передѣлать произведеніе Толстого, Достоевскаго и т. п. автора,—тогда даже и успѣхъ обезпеченъ. Чего лучше, казалось бы...

Однако, и передѣлыватели иногда испытываютъ все же терніи своего пути.

На этотъ разъ „въ передѣлку“ попалъ— никто иной, какъ „великій писатель земли русской“ Л. Н. Толстой.

Къ постановкѣ была еще на этихъ дняхъ допущена передѣлка романа „Воскресеніе“, совершенная г. Арбенинымъ, пріобрѣвшимъ передѣлывательскую опытность на очень скверномъ преобразованіи въ сценическое произведеніе романа „Петербургскія Трущобы“.

Что могъ сдѣлать г. Арбенинъ изъ „Воскресенія“,—ясно и à priori. Какъ извѣстно, даже переводы, обыкновенно, не въ силахъ передать красоты подлинника. По Сафиру, всякій переводъ напоминаетъ женщину. Если онъ красивъ, то невѣренъ, если-же вѣренъ,—то навѣрное некрасивъ...

Переводы съ русскаго языка на русскій— еще болѣе страдающіе, конечно, отъ манипуляцій переводчика, казалось-бы, никому не предоставляютъ авторскихъ правъ.

Тѣмъ не менѣе, на этой почвѣ возникло крупное недоразумѣніе.

Обидѣлся г. Ге, тоже имѣющій небезызвѣстное передѣлывательское прошлое и въ свое время передѣлавшій „Трильби“.

На сцену выступилъ нѣкій, скрывшійся подъ псевдонимомъ Неизвѣстный, и разсказалъ въ печати слѣдующую исторію подъ заглавіемъ: „Какъ это называется“?

„Прочитавъ въ газетахъ сообщеніе о томъ, что въ скоромъ времени въ Маломъ театрѣ пойдетъ „Воскресеніе“—передѣлка г. Арбенина изъ ром. Л. Н. Толстого, я диву дался. Какъ Арбенина? Развѣ Гр. Гр. Ге умеръ и г. Арбенинъ сдѣлался его наслѣдникомъ? Вѣдь о пьесѣ г. Ге, о томъ, что онъ написалъ ее, ѣздилъ въ Ясную Поляну и получилъ (?) разрѣшеніе отъ Л. Н. Толстого, мы читаемъ въ газетахъ уже нѣсколько лѣтъ. Г. Ге хлопоталъ о разрѣшеніи у министровъ и ему говорили: подождите, подождите. Хлопотала о томъ же и М. Г. Савина, и ей говорили то же. Наконецъ, пришло время и пойдетъ на сценѣ пьеса... г. Арбенина. Какъ же это могло случиться? Простое совпаденіе? Надо разузнать. И я отправился къ г. Ге и учинилъ ему допросъ.

„И вотъ, что я узналъ: когда г. Ге написалъ пьесу на сюжетъ „Воскресеніе“, испросивъ на это разрѣшеніе автора, онъ довѣрчиво пригласилъ къ себѣ г. Арбенина вмѣстѣ съ г. Карповымъ и прочиталъ имъ пьесу. Г. Арбенинъ, какъ и другіе, принималъ участіе въ дружескомъ обсужденіи, давалъ совѣты и пр. Затѣмъ, часто встрѣчаясь (товарищи по сценѣ!) въ театрѣ, г. Арбенинъ мило шутилъ: „Ну, наживете вы, Григорій Григорьевичъ, золотые горы этой пьесой“! Когда-же прошелъ слухъ, что г. Арбенинъ пишетъ „Воскресеніе“ и г. Ге спросилъ его объ этомъ, тотъ замахалъ на него руками: „О, что вы, голубчикъ! Какъ можно“! А когда въ подлежащемъ вѣдомствѣ стало полегче, у г. Арбенина пьеса оказалась готовой, онъ надѣлъ фракъ и получилъ разрѣшеніе. Итакъ, идея, планъ, разрѣшеніе автора, хлопоты — принадлежатъ г. Ге, а

г. Арбенинъ воспользовался... товарищескимъ довѣріемъ. Какъ это называется?

„А то я знаю еще другой случай. Я пригласилъ товарища на чашку чаю. Мы очень мало провели время. А когда товарищъ ушелъ, на моемъ письменномъ столѣ не оказалось золотыхъ часовъ. Какъ это называется“?

Г. Арбенинъ, передѣлывательское самолюбіе котораго оказалось не ниже, чѣмъ у г. Ге, заявилъ, что и онъ *тоже* ѣздилъ въ Ясную Поляну, что ему *тоже* передѣлка разрѣшена Л. Н. Толстымъ. Эти увѣренія вполнѣ понятны. Л. Н. Толстой во-первыхъ, какъ и всякій авторъ у насъ, не можетъ не позволить передѣлки, во-вторыхъ Л. Н. Толстой ужъ навѣрное не станетъ выступать съ опроверженіями. Говори, слѣдовательно, о немъ кто во что гораздъ.

Тутъ именно выступилъ на сцену третій передѣлыватель „Воскресенія“ — нѣкій г. Евдокимовъ. Одинъ театръ предъ другимъ заторопился ставить свое „Воскресеніе“. Въ дѣло впуталась „Новая опера“ — театръ добывшій еще и музыкальную передѣлку „Воскресенія“. Къ авторскимъ самолюбіямъ прибавились актерскіе и антрепренерскіе разсчеты. Посыпались письма въ редакцію, опроверженія, судебные процессы, попреки, счеты и разсчеты; поднялась воистину дикая вакханалія и свистопляска вокругъ великаго имени Толстого, вокругъ безсмертнаго романа „Воскресеніе“.

„Прислушайся къ шелесту той ели, которая растетъ у твоего жилища“, говорятъ фламандцы.

Грустныя, нехорошія пѣсни таитъ въ себѣ зачастую этотъ будничный, обыденный шелестъ...

IX.

Каждый человѣкъ имѣетъ право быть глупымъ; не слѣдуетъ, однако, злоупотреблять этимъ правомъ—совѣтовалъ мудрецъ.

Есть цѣлый классъ людей, которые указанное „злоупотребленіе“ возводятъ въ своеобразный культъ. „Прожектеры“—такъ называется этотъ оригинальный классъ.

Чего-чего не проектируютъ наши обыватели на святой Руси! Въ данное время — наиболѣе богатую почву для фантазіи прожектеровъ представляетъ собою, конечно, война. Сюда съ болью и трепетомъ обращено общественное вниманіе, сюда же поэтому бѣтутъ суетливые и крикливые прожектеры.

Каждый изъ нихъ всегда можетъ вмигъ все передѣлать, и все какъ слѣдуетъ „по хорошему“ устроить и установить.

Не будемъ останавливаться на очень и очень многихъ появившихся за послѣднее время благодѣтельныхъ „прожектахъ“. Отмѣтимъ только нѣкоторые, наиболѣе характерные и типичные изъ нихъ.

Какъ извѣстно, провозоспособность Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути тормозитъ возможность быстраго сосредоточенія войскъ къ театру военныхъ дѣйствій.

„Что его дѣлать“?—задумался по этому поводу г. О. В. изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Мы не знаемъ, что было-бы, если-бы, чего Боже упаси, изобрѣтательность г. О. В. не нашла-бы исхода.

Трудно представить себѣ, что было-бы въ этомъ трагическомъ случаѣ.

Къ счастью, этого не случилось: „Нахмуривъ лобъ, наморщивши чело“—г. О. В. надумалъ-таки свой проектъ, и, напечатавъ оный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „не требуя наградъ за подвигъ благородный“—самоотверженно возложилъ его на алтарь отечества въ слѣдующемъ видѣ:

„Воевать, такъ воевать“! заявилъ г. О. В. Надо намъ не иначе, какъ „по старинному“ идти на войну „пѣшкомъ“.

Съ грустью предвидимъ, что читатель, недостаточно серьезно отнесясь къ проекту „Московскихъ Вѣдомостей“, увидитъ въ этой фразѣ только обмолвку.

О, далеко нѣтъ! г. О. В. серьезно и послѣдовательно обдумалъ всю государственную важность своего плана. Онъ вспомнилъ даже о томъ, напр., что значительно свыше десятка тысячъ верстъ отдѣляетъ насъ все-таки отъ театра войны, и что солдатамъ поэтому не такъ ужъ легко, по распоряженію г. О. В., пѣшкомъ добраться туда.

Но и изъ этого затрудненія „Московскія Вѣдомости“ сумѣли выйти съ геніальной, воистину, изобрѣтательностью.

„Можно еще такъ и быть солдатиковъ до Челябинска или до Тюмени тамъ подвезти, ну, а тамъ — всего только 7,000 верстъ останется—пѣхтурой двинемъ“. „Надо двинуться пѣшкомъ“, говоритъ дословно проектъ, „то-есть, тѣмъ способомъ, который для русскаго человѣка самый обыкновенный, можно

сказать, любимый и здоровый, которымъ онъ завоевалъ всю свою территорію".

Проектъ разработанъ до тонкости. Надо только малость до Челябинска добраться, а оттуда: „разъ плюнуть собственно"...

„Высадившись въ названныхъ пунктахъ, мы имѣемъ дальнѣйшаго пути 7,000 верстъ и пройдемъ ихъ въ среднемъ по 25—30 в. въ день. Если этимъ путемъ отправить полмилліона, то они будутъ на мѣстѣ къ будущей зимѣ", разсуждаетъ составитель проекта.

Солдатъ, оно конечно, пройдетъ этотъ путь. Ну, а вотъ офицеры? Но и здѣсь нашлись „Моск. Вѣд.".

„Господамъ офицерамъ,—сообщили они,—подобная прогулка тоже очень была-бы на пользу. Половина ихъ, кои страдаютъ ожиреніемъ сердца или анеміей, поздоровѣла-бы".

Кто послѣ этого станетъ спорить противъ приведеннаго, хотя-бы только для будущей зимы пригоднаго проекта? Мы „утверждаемъ", пишутъ далѣе „Моск. Вѣд.",—„что для русской арміи это была-бы хорошая прогулка".

Умолкните-же всѣ сомнѣвающіеся и не довѣряющіе!

„Для русской арміи это была-бы хорошая прогулка". Такъ „утверждаютъ" „Московскія Вѣдомости"!

Нѣтъ и не можетъ быть, слѣдовательно, сомнѣнія или недовѣрія. Такъ утверждаютъ вѣдь сами „Московскія Вѣдомости"!..

Нѣсколько ранѣе эта-же газета выступала съ инымъ проектомъ, тоже направленнымъ на посильное споспѣшествованіе нашимъ военнымъ интересамъ.

„Все горе въ томъ, что мы безбожны",—увѣряли „Моск. Вѣдомости". Больше религіозности, и мы скоро и окончательно побѣдимъ наглыхъ и гнусныхъ японцевъ.

Ставя это посылкой, газета въ качествѣ заключенія вывела необходимость наложить трехдневный постъ на всю Россію! Тогда мы, несомнѣнно, немедленно побѣдимъ врага! — проектировала газета.

Таковъ былъ ея первый проектъ. Одновременно съ нимъ высказалъ проектъ и М. О. Меньшиковъ. „Надо наложить налогъ на трусость",—заявилъ онъ въ это время. „Коли ты трусъ — платн". Такова суть его идеи. Тебѣ пріятно—потому на войну уплатившихъ не брать, и государству полезно—потому ты своей трусостью доходъ приносишь и общему благоденствію этимъ способствуешь".

Такъ говорилъ тогда М. О. Меньшиковъ. Прошло нѣсколько времени. Ни „трехъдневный постъ", придуманный „Московскими Вѣдомостями", ни „налогъ на трусость", проектированный Меньшиковымъ, конечно, „не вытанцовались" и не осуществились.

„Моск. Вѣд." выступили со своимъ новымъ (столь полезнымъ... отъ геморроя) проектомъ пѣшеходнаго странствія войскъ на Дальній Востокъ.

Неужели не придумаетъ новаго второго проекта и Меньшиковъ?—думала въ трепетѣ Россія...

Дай-то Господи!—слышалось отъ края до края.

И М. О. Меньшиковъ придумалъ. „Провозоспособность Сибирскаго пути", заявилъ онъ, „мала только потому, что поѣзда движутся какъ туда, такъ и обратно".

„Ожиданіе на разъѣздахъ очень тормозитъ движеніе, а солдаты намъ очень нужны на Дальнемъ Востокѣ. Надо поэтому пускать поѣзда только въ одну сторону" — рѣшилъ М. О. Меньшиковъ.

Пусть идутъ поѣзда, пусть идутъ они безпрерывно въ одну и ту же сторону, пусть везутъ они солдатъ на войну! — возгласилъ онъ.

Вы спросите, можетъ быть, что дѣлать съ вагонами и паровозами, которые въ огромномъ количествѣ скопившись на пути, станутъ мѣшать движенію? — резонно спрашиваетъ г. Меньшиковъ. Отвѣтъ одинъ—говоритъ онъ. Не надо ихъ жалѣть, этихъ вагоновъ и паровозовъ, надо уничтожать ихъ, надо сбрасывать ихъ съ верху въ какой нибудь отвѣсъ!..

Легко высчитать, сколько это будетъ стоить—жонглируетъ далѣе г. Меньшиковъ. Столько-то тысячъ вагоновъ, по столько-то тысячъ рублей—получаются милліоны убытку—это правда; но за то, какіе результаты!—восторгается прожектеръ.

Да свершится! — возглашаетъ г. Меньшиковъ.

Проектъ, конечно, удивительно хорошъ. Нельзя поэтому не пожалѣть, что г. Меньшиковъ самъ не обезцѣнилъ его, сообщивъ слѣдующее: не скрою, что мысль объ этомъ подалъ мнѣ одинъ изъ директоровъ акціонернаго паровозостроительнаго завода...

Вотъ оно, гдѣ „зарыта собака“, по извѣстному нѣмецкому выраженію...

„Чтобы приготовить соусъ изъ зайца, безусловно необходимо имѣть зайца“ утверждаетъ поговорка.

Есть-ли свой заяцъ у г. Меньшикова и О. В. изъ „Моск. Вѣд.“?

Есть или нѣтъ, но они старательно потрудились, вырабатывая свои проекты на благо любезнаго отечества...

Такая „любовь къ отечеству“, не можетъ не дать основаній для самой настоящей, всамдѣлишной „народной гордости“, это несомнѣнно. Но неужели-же не оцѣнятъ современники указанныхъ проектовъ, неужели задаромъ пропадутъ эти стройные, горделивые планы? Неужели не вознагражденными останутся авторы прожектовъ, неужели не научимся мы *по достоинству* воздавать „коемуждо по дѣломъ его“!..

Неужели-же, неужели?..

„Здѣсь поцѣлуй любви, — а тамъ ударъ ножомъ“ вспоминали мы, начиная обозрѣніе „тревогъ дня“.

„Здѣсь нагло прозвучалъ бубенчикъ арлекина,—а тамъ идетъ — пророкъ, согбенный подъ крестомъ“ грустно говорилъ поэтъ...

Есть, о конечно-же есть и пророки на шумномъ торжищѣ житейской суеты нашей... Но какъ-же часто, до боли часто теряется и пропадаетъ голосъ ихъ среди громкихъ, ликующихъ возгласовъ окружающей насъ пошлости и обывательщины!..

И. В.

III. На общественныя темы.

Азбучныя истины.—Интеллигентныя кражи и попытки борьбы съ ними.—Налогъ на журналы и газеты.—Курсы журналистовъ.—Сепаратизмъ городовъ.—Отцы и дѣти.—Объединеніе работниковъ повременной печати.

I.

Мысль, во-первыхъ, слово, во-вторыхъ, и дѣло, въ третьихъ, такова была и есть триединая и нераздѣльная формула прогресса и живой жизни. Если отсутствуетъ одна изъ этихъ равноправныхъ и одинаково существенныхъ частей, если назрѣвшая мысль, по необходимости лишь частью, неполно вылившись въ формы слова—по тѣмъ или инымъ причинамъ вовсе не преобразуется въ дѣло,—поступательное движеніе впередъ неминуемо превращается во вращательное. Получается заколдованный кругъ, заставляющій мысль и слово снова и снова возвращаться къ прежнимъ положеніямъ, снова и снова идти по прежнему пути.

Все большее и большее число наболѣвшихъ, но не разрѣшенныхъ жизнью вопросовъ попадаетъ въ разрядъ „старыхъ“ и надоѣвшихъ“. Все чаще и чаще притупляется поэтому общественное вниманіе, общественная совѣсть.

„Это старо... Помилуйте, кто же этого не знаетъ“? слышится по поводу многихъ истинно трагическихъ нуждъ нашего времени Всѣ „знаютъ“, но по-прежнему не удовлетворенными остаются требованія, не уничтоженными грозно стоятъ прежнія препятствія.

Мы „знаемъ“ это... Мы, вообще многое, ужасно многое „знаемъ“... Мы знаемъ, что „осень дождлива“, а „весна обаятельна“, что „юность безпечна и неосмотрительна“, а „старость умудрена опытомъ и осторожна“, знаемъ, что „просвѣщеніе полезно“, и что „современный капиталистическій строй характеризуется неравномѣрнымъ распредѣленіемъ жизненныхъ благъ и систематическимъ возростаніемъ пролетаріата“.

И многое, многое еще „знаемъ“ мы... Безспорно, по основѣ своей—отрадно, что все больше и больше количество истинъ попадаетъ въ разрядъ „азбучныхъ“... Стоитъ, однако, вглядѣться въ то, какъ относимся мы къ этимъ азбучнымъ, предполагающимся общеизвѣстнымъ истинамъ, чтобы тяжелое, горькое чувство овладѣло душой.

Зачѣмъ оно—это готовое и невыстраданное, доставшееся намъ „съ чужаго плеча“ половинчатое „знаніе“, эти холодные, не-

перечувствованные и невыношенные выводы? Зачѣмъ они смѣнили собою свѣжесть и непосредственность, чуткость и воспріимчивость въ нашей душѣ? Зачѣмъ мѣшаетъ это готовое, фабричнаго производства „знаніе"— мѣшаетъ намъ мыслить и чувствовать, дѣйствовать и стремиться, мѣшаетъ жить!..

Но существуетъ оно и сохраняется во всей своей возрастающей силѣ для каждаго новаго поколѣнія, и въ тискахъ этихъ азбучныхъ истинъ неминуемо превращается въ общія фразы всякая попытка многосторонней, многообъемлющей культурной общественной работы.

Приходится раздроблять общее цѣлое. Отдѣльные частные вопросы выдвигаетъ общественная жизнь... Отдѣльными частными вопросами приходится заниматься общественной мысли.

II.

Только что наступившее начало учебнаго года успѣло уже почти повсюду вызвать обычное грустное явленіе. Одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній за другимъ объявляетъ нынѣ грустные списки, списки студентовъ, увольняемыхъ за невзносъ правоученія.

„Уйди"! говорятъ учащимся на разныхъ факультетахъ различныхъ университетовъ... „Уйди"! слышится на женскихъ курсахъ. „Уйди"! грозно звучитъ въ институтахъ и политехникумахъ.

Уйди!.. Уйди безъ цѣли, безъ надежды, уйди изъ-за отсутствія нѣсколькихъ десятковъ рублей, необходимыхъ для взноса за правослушаніе, уйди...

Годъ за годомъ увеличивается и возростаетъ это грустное явленіе... Годъ за годомъ—все больше и больше является число жертвъ этого отсутствія средствъ, все меньше и меньше проявляется помощь, оказываемая студентамъ существующими для этой цѣли спеціальными обществами вспомоществованія.

Отчего же происходитъ это безсиліе, отчего не могутъ протянуть руку помощи въ этомъ важномъ случаѣ указанныя, обладающія по многимъ даннымъ, очень крупными средствами наши общества вспомоществованія?

Какъ оказывается, главная, болѣе того, единственная причина этого грустнаго явленія лежитъ внѣ дѣятельности обществъ взаимопомощи и вспомоществованія. Виноваты не они. Виноватъ особый родъ систематическихъ „интеллигентскихъ кражъ", которыя обычны повсюду у насъ...

Средства обществъ вспомоществованія дѣйствительно очень значительны, но только... на бумагѣ. Средства эти были въ свое время розданы ими въ видѣ временной ссуды нуждавшимся студентамъ. Уплати они своевременно свои долги, средствъ обществъ было бы болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить нуждающихся въ настоящее время, чтобы предупредить грустные случаи увольненій за невзносъ правослушанія...

Но вотъ тутъ-то и выступаетъ во всей своей уродливой наготѣ позорное явленіе кражъ, систематическимъ „неуплатъ" пристроившимися „интеллигентами" своихъ долговъ...

Трудно представить себѣ ту воистину вопіющую распространенность, какой пользуется у насъ это позорное явленіе. Только что вышедшіе послѣдніе отчеты обществъ вспомоществованія устанавливаютъ, напримѣръ, цифру неуплаченныхъ долговъ для одного только Петербургскаго университета въ *264.000*, для Московскаго ун—та въ *400.000* рублей!

Эти колоссальныя, прямо-таки невѣроятныя суммы составились изъ небольшихъ, годами и десятилѣтіями невозвращаемыхъ долговъ, невозвращаемыхъ почти никѣмъ, несмотря на вопіющую наличность самыхъ ужасающихъ нуждъ среди бѣдняковъ студентовъ...

Намъ приходилось уже останавливаться на этомъ фактѣ. Недоумѣніе и тягостное раздумье порождаетъ онъ. Грустенъ и прискорбенъ фактъ и самъ по себѣ. Но воистину ужасающъ и страшенъ онъ, если взять его, какъ показатель нашей общественной жизни вообще, нашей культурности и индефферентизма, если взглянуть на него, какъ на знаменатель той дроби, гдѣ числителемъ является высшее образованіе, полученное тысячами этихъ должниковъ...

„Наше общество раздѣляется на людей, читавшихъ Бѣлинскаго, и людей Бѣлинскаго, не читавшихъ"—говорилъ пламенный, увлекающійся Аксаковъ... Образно и красиво это выраженіе, но парадоксальна и глубоко неправильна основная идея его, если слова „чтеніе Бѣлинскаго" взять въ ихъ большомъ, переносномъ значеніи.

О, съ какимъ увлеченіемъ, быть можетъ, читали Бѣлинскаго многіе изъ тѣхъ тысячъ „людей съ высшимъ образованіемъ", въ чьихъ кошелькахъ и бумажникахъ и понынѣ находятся эти сотни и сотни тысячъ серебрениковъ, и съ какимъ негодованіемъ въ тоже время отнеслись бы къ нимъ--этимъ „интеллигентамъ" многіе и многіе изъ класса „Бѣлинскаго не читавшихъ", не знающихъ, не слыхавшихъ о Бѣлинскомъ...

Высшее образованіе... Наука, развивающая и обогащающая умъ, честная, идейная товарищеская среда, облагораживающая сердце... Какъ должно это обогащать духъ человѣческій, какіе огромные результаты должно принести все возростающее число людей съ высшимъ образованіемъ!..

„Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ"!.. говоритъ поэтъ. Но какъ холодно, Боже, какъ холодно, когда суровый вѣтеръ фактовъ уноситъ съ собою эту согрѣвающую вѣру сотни и сотни тысячъ; это ужъ не частные случаи отдѣльныхъ проступковъ... Это большой и серьезный общественный грѣхъ.

Сотни и сотни тысячъ „интеллигентскихъ кражъ"... Какой ужасъ эти кражи, относительно которыхъ наше общество не можетъ успокоиться на томъ, что „виноваты они". Виноваты мы, да, да, мы! Слишкомъ ужъ много этихъ неуплатившихъ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, чтобы мы могли говорить, что это только исключенія; повинны мы, ибо мы терпимъ въ средѣ своей и не называемъ *ворами* этихъ „милѣйшихъ Ивановъ Ивановичей", этихъ „добрѣйшихъ Петровъ Петровичей", которые „все, знаете, не соберутся" вернуть своего долга въ кассу, въ ту кассу, гдѣ нѣтъ ни копейки для ссуды измучившемуся, изголодавшемуся, исключаемому студенту. Повинны мы, называющіе „долгомъ чести" карточные долги, повинны мы, ибо мы создали тотъ общій порядокъ, одною изъ характернѣйшихъ частностей котораго является систематическое существованіе этихъ „интеллигентскихъ кражъ"...

Виноваты, страшно виноваты, конечно,—они, эти должники, эти безхарактерныя дѣти нашего больного вѣка, бывшія, какъ это ни ужасно, бывшія, быть можетъ, хорошими, идейными юношами во времена своего студенчества... Но виноваты и мы, если „обывательщина" наша сумѣла до такой ужасающей степени „засосать" ихъ по старинному выраженію...

Только-ли молодежи можно, на самомъ дѣлѣ, бросить въ лицо тяжелый упрекъ за столь частое явленіе, что со студенческимъ мундиромъ сбрасываются съ плечъ и студенческіе идеалы? Только-ли молодежь виновата въ этомъ?

Вѣдь, тамъ въ университетѣ, когда и кругомъ были хорошіе, честные, живые люди—товарищи—эти юноши, въ большинствѣ, не только казались, но и были хорошими идейными людьми...

Что же окружало ихъ впослѣдствіи, если общее явленіе измѣны юношескимъ идеаламъ дѣлаетъ возможнымъ столь яркій показатель, какъ эти позорныя сотни тысячъ?..

Сколько грязи и дрязгъ, сколько водки и картъ, сколько мелочности и сплетенъ, наряду съ еще болѣе глубокими изъянами общаго строя произвели и производятъ этотъ ужасающій переворотъ!..

Не сразу устраняются эти изъяны, не сразу уничтожаются эти причины. Но этотъ возмутительный, частный случай существованія многихъ сотенъ тысячъ „интеллигентскихъ кражъ" — долженъ быть, конечно, сразу же устраненъ!..

Вы „почившіе на лаврахъ и пристроившіеся", приходилось намъ писать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ одного изъ собраній петербургскаго общества вспомоществованія, посвященнаго мѣрамъ борьбы съ этимъ зломъ:

„Вы, почившіе на лаврахъ и „пристроившіеся", вы, угасившіе огонь священный въ сердцѣ своемъ, „картами и выпивкой" замѣнившіе юношескіе порывы и стремленія, завалившіе души свои хламомъ повседневныхъ заботъ! Вы „неисправные должники" обществъ вспомоществованія, на мелкую монету жизненныхъ удобствъ размѣнявшіе золото духа своего—остались-ли искры человѣческія въ душѣ вашей?..

Вы, изрѣдка прерывающіе мирное теченіе своей жизни по правилу: „цвѣтовъ не рвать, по травѣ не ходить, собакъ не водить", для того, чтобы—въ день, посвященный памяти almae matris пьяными, охрипшими голосами спѣть Gaudeamus igitur, что скажете вы, когда дѣти ваши, эти будущіе судьи—спросятъ васъ о 264 тысячахъ, чтó отвѣтите вы на ихъ вопросъ?..

Но нельзя дожидаться, пока опомнятся сами — эти „люди съ высшимъ образованіемъ"... Нужны самыя крайнія, самыя рѣзкія,

самыя рѣшительныя мѣры! Переполнена чаша терпѣнія, черезъ край льются горькія слезы нуждающихся...

Пусть для начала, хотя бы по жребію, изъ наиболѣе богатыхъ и обезпеченныхъ, привлекаютъ къ суду: пусть опубликовываютъ имена ихъ, этихъ „должниковъ"!

Эти 664 тысячи серебрениковъ, неуплаченныхъ московскому и с.-петербургскому и многія, многія сотни тысячъ неуплаченныхъ еще и инымъ обществамъ, эти унизившіе себя до систематической кражи культурные верхи нашего общества жгутъ общественную совѣсть.

На черную доску имена этихъ „интеллигентовъ", къ позорному столбу этихъ „культурныхъ", „образованныхъ" людей!..

Это требованіе огласки именъ было давнымъ давно общимъ требованіемъ. Казалось очевиднымъ и несомнѣннымъ, что стоитъ только, хотя бы отчасти, прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, чтобы всѣ виновники „интеллигентскихъ кражъ" изъ боязни позора поспѣшили немедленно вернуть свои долги.

И вотъ—только что эта мѣра была, наконецъ, испытана. Пермское земство выступило борцомъ противъ тѣхъ изъ своихъ стипендіатовъ, которые, не уплачивая своего долга, скрываютъ, въ добавокъ, отъ него свое мѣстожительство.

Мѣры были приняты весьма рѣшительныя. Въ газетахъ—какъ пермскихъ, такъ и петербургскихъ — были помѣщены объявленія пермс[illegible]кой управы. Имя за именемъ были опубликованы здѣсь всѣ лица, не желающія платить долга по взятымъ стипендіямъ, спасавшимъ ихъ въ свѣтлые, радостные годы молодости, холодные и голодные студенческіе годы. Имя за именемъ были перечислены лица, не желающіе платить этихъ долговъ и скрывающіе, вдобавокъ, свое мѣстожительство отъ земской управы...

Имя за именемъ были опубликованы только что эти лица... Какимъ несмываемымъ позоромъ, казалось, будутъ покрыты эти имена, какъ всколыхнутся при видѣ такой опасности остальные „неисправные должники", какимъ негодованіемъ по адресу обнародованныхъ лицъ проявитъ свое отношеніе къ нимъ наше общественное мнѣніе!

Но вотъ прошло уже довольно много времени—свыше мѣсяца—со времени опубликованія указанныхъ объявленій.

И, какъ теперь оказывается, никѣмъ не замѣченныя прошли эти имена, никакого вниманія не привлекла мѣра Пермскаго Земства, никакого негодованія противъ перечисленныхъ лицъ не вызвало въ нашемъ обществѣ это распубликованіе, никакихъ, ровно никакихъ результатовъ не принесла эта мѣра...

И въ тупикъ попадаетъ живая мысль, анализируя сущность этого явленія.

Снова и снова приходится останавливаться передъ указаннымъ фактомъ.

Отчего произошло это явленіе?

Неужели же не случайно оно, неужели причины его—именно въ томъ, что „камень, брошенный въ болото, не дѣлаетъ круговъ"...

Неужели спокойно и безъ измѣненія, безъ чувствъ стыда и негодованія — относится наше общество къ позорному явленію систематическихъ „интеллигентскихъ кражъ?"

Неужели же гадкими, пошлыми словами „дѣло житейское" только и выражается отношеніе нашего общества къ этому ужасающему явленію?

Неужели воистину не жжетъ и не мучаетъ общественную совѣсть это страшное и позорное „житейское дѣло?!.

. . . .

III.

По послѣднимъ извѣстіямъ, положеніе нашей печати осложняется въ настоящее время слѣдующими болѣе „интересными", чѣмъ воистину важными и существенными нововведеніями. Министерство финансовъ — въ заботахъ объ урегулированіи промысловаго налога, рѣшило впервые привлечь къ обложенію всякаго рода періодическія изданія. Послѣднія будутъ для этого раздѣлены по размѣрамъ тиража на четыре разряда, въ зависимости отъ которыхъ каждое изданіе имѣется обязать уплатой извѣстной ежегодной суммы размѣромъ около 1000 рублей. Кромѣ этого основного ежегоднаго налога, промысловый налогъ имѣется взымать съ періодическихъ изданій еще и „дополнительный", въ зависимости отъ чистой прибыли, доставляемой каждымъ изданіемъ.

Матеріальный плюсъ этого новаго „налога на печатное слово" будетъ очевидно меньше того общественнаго минуса, съ какимъ неразлучна самая идея какого бы то ни было налога на просвѣщеніе или искусство.

Въ печати указывалось, что періодическія изданія, если и можно было бы, по справедливости, облагать налогомъ, то развѣ только въ томъ случаѣ, если бы ихъ права были уравнены закономъ, хотя бы съ правами любой фабрики резиновыхъ калошъ или магазина фаянсовыхъ издѣлій.

Намъ думается, что даже и въ этомъ, высшей степени желательномъ случаѣ уравненія правъ—намѣреніе обложить налогомъ печатное слово было бы нежелательнымъ и недостигающимъ цѣлей, въ виду вреда, приносимаго имъ съ широкой точки зрѣнія экономіи общественныхъ и государственныхъ силъ.

Полное взаимоотношеніе между платежными силами и экономическимъ положеніемъ населенія съ одной стороны и его культурнымъ уровнемъ съ другой — теперь стоитъ внѣ какихъ бы то ни было сомнѣній.

Безнаказанно нельзя, поэтому, повышать стоимость печатныхъ произведеній и еще болѣе затруднять ихъ доступъ въ народную среду.

Теперь пока дѣло еще не окончательно рѣшено, пока тотъ видъ „налога на просвѣщеніе", который предположенъ нынѣ въ образѣ сбора съ нашихъ періодическихъ изданій—не получилъ еще законной силы, нельзя не надѣяться, что нецѣлесообразность и вредъ этой мѣры будутъ еще своевременно сознаны, и она, по заслугамъ дождавшись отмѣны, отцвѣтетъ, не успѣвъ расцвѣсти.

Междувѣдомственная комиссія, которая начнетъ въ ближайшемъ будущемъ засѣданія по пересмотру промысловаго налога, должна,— какъ это только что объявлено,—пересмотрѣть проектъ налога на періодическія изданія.

Именно на ея дальновидность приходится, поэтому, возлагать надежды на очевидно наиболѣе разумное рѣшеніе,—полную и окончательную отмѣну идеи о налогахъ на какой бы то ни было видъ просвѣщенія.

Слѣдующимъ нововведеніемъ въ области печати является основаніе въ Москвѣ „Научныхъ и практическихъ курсовъ для журналистовъ" подъ началомъ организатора курсовъ проф. Л. Владимірова. Цѣль курсовъ по утвержденной программѣ—„состоитъ въ томъ, чтобы лицамъ, не получившимъ образованія на юридическомъ факультетѣ, дать систематическое собраніе этико-юридическихъ знаній, необходимыхъ для изученія, пониманія и обсужденія вопросовъ общественной жизни, составляющихъ предметъ такъ называемой публицистики, играющей столь значительную роль въ формированіи и личнаго и общественнаго мнѣнія въ переживаемую нами эпоху". Читаться эти курсы будутъ, какъ сказано, въ Москвѣ и въ теченіе трехъ семестровъ, по 4 мѣсяца въ каждомъ. Занятія будутъ не только теоретическія, но и практическія. Послѣднія будутъ заключаться въ составленіи передовыхъ статей, отчетовъ о разныхъ публичныхъ засѣданіяхъ, отчетовъ судебныхъ, рецензій, библіографическихъ замѣтокъ, въ корректурѣ и т. п., а также въ счетоводствѣ, преимущественно въ примѣненіи къ книжному и газетному дѣлу. Программы семестровыхъ теоретическихъ занятій очень напоминаютъ, но въ сокращенномъ и сжатомъ видѣ, программы юридическаго факультета нашихъ университетовъ, съ добавленіемъ, однако, такихъ, предметовъ, какъ этика, исторія литературы русской и иностранной, стилистика, исторія печати, исторія искусствъ, стенографія, рисованіе, фотографированіе и друг.

Существуетъ не мало убѣжденныхъ противниковъ школъ журналистики вообще. Журналистами не *дѣлаются,* ими *рождаются*—говорятъ они. Журналисту раньше всего нуженъ талантъ, нужна искра Божія, нуженъ прирожденный даръ...

Нужно необходимо, конечно, и широкое, всестороннее образованіе журналисту. Но для полученія этого образованія существуютъ иные пути, и спеціальныя школы журналистики, во-первыхъ, излишни, во-вторыхъ, вредны. Вредны потому, что привлекутъ сюда много ненужныхъ, негодныхъ и случайныхъ „выучениковъ", вредны потому, что станутъ давать иллюзію превращенія „обывателя" въ писателя...

Не останавливаясь на этой точкѣ зрѣнія, отмѣтимъ лишь слѣдующія частности новыхъ у насъ „курсовъ журналистики".

Ранѣе всѣхъ остановилась на нихъ одна нѣмецкая газета.

„Достойно примѣчанія",—основательно заявила почтенная газета,—что „Курсы журналистовъ", представляющіе собою послѣдній шагъ науки, послѣдній крикъ научной моды— вводятся именно въ Россіи, гдѣ помимо „послѣднихъ шаговъ" мало и плохо учатся

и учатъ въ области шаговъ первыхъ и примитивныхъ. Достойно серьезнаго вниманія далѣе" — продолжаетъ нѣмецкая газета,— что „Курсы журналистики",—наука печатнаго слова вводится именно тамъ, гдѣ журналистика и печатное слово находятся въ полномъ подчиненіи цѣлой сѣти цензурно-ограничительныхъ правилъ, циркуляровъ, примѣчаній и воспрещеній, гдѣ журналистика и печатное слово не вышли еще доселѣ изъ положенія малаго, завернутаго въ пеленки, безсильнаго ребенка... И здѣсь-то, именно здѣсь открылся недостатокъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ модныхъ и усовершенствованныхъ „Курсахъ для журналистовъ", заявила берлинская газета.

Проф. Владиміровъ, организаторъ и директоръ курсовъ, счелъ необходимымъ печатно отвѣтить на заявленіе нѣмецкой газеты.

„У насъ вотъ-вотъ будетъ свобода печати"—вотъ и все, что нашелъ возможнымъ проф. Л. Е. Владиміровъ сообщить въ своемъ отвѣтѣ.

Нѣмецкая газета отвѣтила, съ своей стороны, что она приняла къ свѣдѣнію заявленія „оптимистическаго профессора" и что „если московская школа журналистовъ имѣетъ главною цѣлью—приготовленіе писателей въ виду ожидаемой свободы печати, то такое приготовленіе можетъ стать очень и очень основательнымъ и затянуться на весьма и весьма многіе семестры".

Проф. Л. Владиміровъ нашелъ почему-то много обиднаго въ этой, истинно-нѣмецкой фразѣ, и съ своей стороны отвѣтилъ грубостью.

„In Deutschen lugt man, wenn man höflich ist" — (нѣмцы лгутъ, когда говорятъ вѣжливо) неожиданно заявилъ взволнованный „оптимистическій профессоръ".

„Все же повторяю", торжественно объявилъ онъ, „что желанный день введенія въ Россіи свободы печати скоро наступитъ—фактически она и сейчасъ уже практикуется" возвѣстилъ міру директоръ нашихъ „Курсовъ журналистовъ", должно быть, надѣясь, что говоритъ правду.

Правъ ли проф. Владиміровъ, или совершенно неправъ,—но ставшее теперь фактомъ предстоящее открытіе „Курсовъ для журналистовъ" представляетъ собою, очевидно, немаловажный фактъ, заслуживающій помимо общей оцѣнки, какую дала уже Берлинская газета, еще и иного разсмотрѣнія.

Ученый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ, имѣющаго очень опредѣленныя убѣжденія академика Н. Я. Сонина*), сдѣлалъ цѣлый рядъ своихъ собственныхъ измѣненій въ проектѣ Курсовъ. Кромѣ общихъ „исправленій" проекта, лицамъ, успѣшно прошедшимъ курсы, имѣется выдавать свидѣтельства въ знаніи ихъ полностью или въ извѣстной части.

Курсъ назначенъ для прохожденія весьма спѣшно и скороспѣло — всего только въ теченіе 12 мѣсяцевъ. На экзамены будутъ командироваться спеціальные контролеры-наблюдатели.

Получается въ высшей степени своеобразная въ области печатнаго слова, типично бюрократическая „фабрика литераторовъ". Три курса по 4 мѣсяца въ каждомъ, практическія работы въ это же время, баллы, экзамены въ присутствіи наблюдателя и выдача свидѣтельства,—и вотъ готовъ „писатель", имѣющій вѣщать и поучать...

Это было бы очень смѣшно, если бы не было грустно, конечно... Все это чиновничество, всѣ эти фабрично-бюрократическіе пріемы не имѣютъ, не могутъ и не должны имѣть ничего общаго съ литературой.

Стоитъ вспомнить о дополняющемъ извѣстіе о курсахъ журналистовъ, недавно объявленномъ учрежденіи новаго ордена для оказавшихъ полезную дѣятельность на поприщѣ литературы, театра и искусства.

Критикъ съ дипломомъ журналиста I разряда, награжденный орденомъ Бѣлинскаго III степени, вмѣсто рецензіи—пишущій „отношеніе" объ игрѣ балерины, со знакомъ Терпсихоры II степени! неужели эта, только въ видѣ шутки появившаяся въ печати жанровая картинка приблизительно осуществится у насъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ?

Такъ или иначе, во всемъ этомъ нѣтъ и не будетъ ни малѣйшихъ точекъ соприкосновенія со святилищемъ литературы, съ ея священными, облитыми кровью павшихъ борцовъ—вѣщими и таинственными стогнами.

*) См. „Тревоги дня"—„Науки и Жизнь" № 11.

IV.

„Сепаратизмъ“—одно изъ тѣхъ „страшныхъ“ словъ, какими для персонажей Островскаго является „жупелъ“ и „металлъ“, то понятіе, которымъ „оптомъ и въ розницу“ многія десятилѣтія промышляютъ извѣстные органы печати—это самое слово сепаратизмъ въ иномъ, правда, смыслѣ зазвучало въ настоящее время въ градахъ и весяхъ нашихъ.

Сепаратизмъ этотъ сводится къ отдѣленію нашихъ городовъ отъ земствъ. Города, въ настоящее время, какъ извѣстно, входятъ въ составъ общей территоріи земствъ той губерніи и уѣздовъ, въ которыхъ эти города расположены.

Поэтому городъ, какъ и всякое юридическое лицо въ предѣлахъ этой территоріи, является обязаннымъ ко взносу земскихъ сборовъ. За послѣднее время подъ указаннымъ знаменемъ сепаратизма города наши обнаруживаютъ крайнее нежеланіе продолжать уплату этихъ сборовъ. На помощь выступила сущность сепаратизма — отдѣленіе города отъ земства, выдѣленіе перваго въ самостоятельную единицу.

За послѣднее время этотъ сепаратизмъ прославляется и проповѣдуется особенно успѣшно.

Иниціаторомъ явился на этотъ разъ Петербургъ, выработавшій подробный проектъ своего отдѣленія отъ земства.

„Слишкомъ ужъ много тратимъ мы на земство, на деревню, на это мужичье“ — такова сущность и основа этого проекта. „Зачѣмъ городу—отдавать земству деньги? Не лучше-ли ихъ городу „на себя“ истратить? Городъ платитъ земству такой, можно сказать, капиталъ, а самъ, между прочимъ, отъ земства ничего не получаетъ“... мотивировали свои планы сторонники проекта.

Значеніе всѣхъ этихъ — глубоко эгоистическихъ и анти- гражданственныхъ доводовъ ясно до очевидности. Начало гражданственности состоитъ раньше всего въ томъ, что налоговое бремя несутъ всѣ, и только поэтому, конечно, можетъ быть оказана та или иная поддержка и тѣмъ, кому она необходима.

Больничный налогъ, напр., платятъ городу всѣ жители его, и именно поэтому всѣ заболѣвшіе могутъ получить пріютъ и леченіе.

Что сказали-бы тѣ изъ представителей города, которые выступили теперь рьяными защитниками „сепаратизма“, что сказали-бы они, если-бы всѣ тѣ, кто въ теченіе года не болѣлъ потребовали-бы обратно внесенный ими годовой больничный налогъ? Больницъ, очевидно, не на что было-бы содержать, и требованіе получившихъ обратно свой налогъ—принесло-бы безконечно много вреда и остальнымъ, честно уплатившимъ слѣдуемыя съ нихъ деньги.

Болѣе того, пріюта и лѣченія лишились-бы на будущее время и всѣ они, которые получили обратно свой налогъ.

И они, и всѣ остальные больные, оставшись безъ убѣжища, заражали-бы всѣхъ своими болѣзнями. Не пострадали-бы при этомъ и кичившіеся тѣмъ, что они не нуждаются для себя въ больницахъ, получившіе обратно свои, необходимые для общаго дѣла, рубли?

„Моя хата съ краю — ничего не знаю“ этотъ уродливый принципъ исторически сложился у насъ на Руси. Въ данномъ случаѣ— онъ направленъ городомъ противъ земства...

Это у земства то пытается городъ оттягать необходимыя средства!...

Въ чемъ-же права города на это? Неужели воистину ничего не получаетъ городъ отъ земства, ничего, компенсирующаго взносимые имъ сборы?

Земство содержитъ школы, которыя, конечно, безусловно важны близъ лежащему городу. Оно строитъ дороги, по которымъ именно къ городу подвозятся различные продукты. Земство своей медицинской частью предохраняетъ города отъ наплыва деревенскихъ больныхъ, своей санитарной частью оно гарантируетъ городъ отъ эпидемій тифа, оспы и т. д. и т. д., своей ветеринарной частью страхуетъ его отъ сапа и т. п. эпизоотій... И медицинская, и дорожная, и просвѣтительная, и ветеринарная, и антипожарная, и всяческая иная дѣятельность земства важна, конечно, не только земству и деревнѣ, она крайне важна и необходима, конечно, и городу, въ данномъ случаѣ Петербургу.

Эта—чисто обывательская идея Петербургской думы, это стремленіе къ сепаратизму опасны по многимъ причинамъ. Создавая собою прецедентъ, оно повлечетъ за собою много послѣдователей, что окончательно обезсилитъ земства, и безъ того почти без-

сильныя помимо иныхъ, еще и въ экономическомъ отношеніи, благодаря недавнему закону о предѣльности земскаго обложенія. Эта обывательская идея ставитъ, кромѣ того, земства и города, эти два единственные пути нашего слабаго самоуправленія, въ положеніе враждующихъ антагонистовъ и этимъ, конечно, обезсиливаетъ и то и другое.

Сомкнутые ряды энергичныхъ и бодрыхъ общественныхъ дѣятелей такъ необходимы нашей эпохѣ и переживаемому исторически-важному моменту ея!

Городу не нужна деревня,—рѣшила Петербургская городская управа.

Городъ Петербургъ, казалось-бы, меньше, чѣмъ какой бы то ни было иной, можетъ сказать про себя „я не хочу ничего отдавать другимъ, ибо ничего не получаю отъ другихъ".

Петербургъ получаетъ „отъ другихъ" все. Жизненные соки, потребляемые въ такомъ огромномъ количествѣ этимъ гигантомъ, —это все чужіе соки.

И мясо, и хлѣбъ, и ученые, и таланты, и учащіе, и ученики—все это въ Петербургѣ чужое, взятое отъ другихъ. Все это онъ—жадный и злой — со стороны втянулъ въ свои нѣдра!

Попытка Петербургской городской управы къ выдѣленію города въ самостоятельную единицу—здѣсь, къ счастью, пока не удалась. Дума оказалась выше приведенныхъ обывательскихъ соображеній и только что отклонила проектъ, отказалась отъ своеобразнаго сепаратизма. Но свои результаты проектъ все-же принесъ.

Онъ нашелъ послѣдователей по градамъ неоглядной Руси, и это вліяніе его — безусловно вредное, нездоровое вліяніе.

По стопамъ Петербурга пошелъ, напримѣръ, только что городъ Аткарскъ.

„Конь съ копытомъ" увлекъ-таки за собою „рака съ клешней".

Аткарская дума только что обсуждала вопросъ о выдѣленіи города въ самостоятельную земскую единицу. Комиссія, работавшая надъ этимъ вопросомъ, находитъ, что такое выдѣленіе крайне желательно.

Вопросъ былъ доложенъ комиссіей на засѣданіи думы.

Курьезные мотивы за выдѣленіе высказалъ здѣсь гласный Крюковъ.

Онъ взялъ счеты и сказалъ:

— Одно дѣло—осетръ (гласный щелкнулъ счетами), другое,—скажемъ, судакъ... (гласный вторично щелкнулъ на счетахъ)... Я вотъ, примѣрно, 3 съ полтиной земству плачу, да 7 съ лишнимъ городу. И выходитъ на манеръ, быдто я — рыба крупная, вродѣ какъ судакъ.

— Вотъ пискарямъ нынѣ плохо живется!— слышится чей-то голосъ.

Г. Г. Лапицкій: Я плачу земству 206 р. и не вижу въ этомъ ничего плохого.

Гл. Крюковъ: Примѣрно, сижу я это, милые вы мои, — вдругъ отколь, хвать-похвать надзиратель съ бумажкой... Въ 24 ч., говоритъ, опишемъ, коль налогъ не заплатишь. Нѣтъ, ужъ лучше за единицу...

Когда пренія такого осмысленнаго характера близились къ концу, и большинство склонилось за самостоятельность города, гл. Г. Г. Лапицкій попросилъ огласить тѣ цифры, которыя прослужили основаніемъ для заключенія комиссіи. Цифръ не оказывается... Такъ какъ вторично передать этотъ вопросъ въ ту же комиссію было-бы „неудобно", то рѣшено просить управу доложить эти цифры на слѣдующемъ засѣданіи думы.

Городъ Аткарскъ, по всѣмъ даннымъ— добьется таки своего выдѣленія въ самостоятельную единицу.

Какъ много такихъ Аткарсковъ найдется на Руси, на горе нашей деревни, на несчастье нашего и безъ того убогаго самоуправленія!..

V.

Интересное и характерное разногласіе продолжаетъ и по сю пору вызывать вопросъ: полезна гласность или вредна.

Среди „власть имущихъ" гласность, какъ извѣстно, далеко не „обрѣтается въ авантажѣ". Рѣдкіе примѣры иного отношенія представляютъ собою у насъ крайнюю рѣдкость и заслуживаютъ быть какъ слѣдуетъ отмѣченными.

Сторонникомъ гласности выступаетъ за послѣднее время главный командиръ Черноморскаго флота, адмиралъ Чухнинъ. Встрѣчая въ предѣлахъ своего вѣдѣнія воистину возмутительные примѣры беззаконія и недобросовѣстности, адмиралъ оглашаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Недавно еще имъ оглашены были факты

примѣненія розги во флотѣ, спустя два мѣсяца послѣ Высочайшаго манифеста, похоронившаго розгу, факты вродѣ того, что военныя суда, годами числясь въ постройкѣ, остаются безъ малѣйшихъ шаговъ впередъ по 4 года подрядъ и т. д., и т. д.

Всѣ эти факты съ указаніемъ виновныхъ были оглашены адмираломъ Чухнинымъ и обошли всю нашу печать.

Реакціонная печать возмутилась. „Если-бы еще о матросахъ говорилось, ну, еще-бы такъ-сякъ... Но гласно обсуждать вину его благородія?! Неужели-же это терпимо... Куда-же мы, наконецъ, идемъ"!—на всѣ лады заявляла реакціонная печать.

Чтобы это сдѣлать, увѣряетъ, напримѣръ, „Гражданинъ", говоря объ упомянутой огласкѣ, „надо забыть, что есть Россія, что черноморскій флотъ — это дѣтище Лазарева и Нахимова, что у флота есть своя честь. Отецъ можетъ сильно выбранить своего сына, безъ страха его оскорбить въ стѣнахъ его дома, но если отецъ этотъ станетъ бранить сына публично, онъ его только оскорбляетъ, и польза, которая могла-бы быть отъ отцовскаго выговора, уничтожается впечатлѣніемъ отъ оскорбленія."

Всѣ наши отцы—мы ваши дѣти—эти старыя формы отношеній начальниковъ и подчиненныхъ слишкомъ уже устарѣли для нашего времени. Общественный вредъ этой семейственности достаточно ярко сказался на томъ, въ какой мѣрѣ подготовлены были мы къ наступившей войнѣ.

Нашему времени нужна не семейственность, а твердая и прочная законность, при настоящемъ и полномъ контролѣ общества и печати.

VI.

Мало и плохо замѣченнымъ прошло въ нашей печати недавно появившееся извѣстіе объ учрежденіи новаго общества журналистовъ.

Извѣстія эти, по цѣлому ряду причинамъ, полны серьезной и глубокой общественной важности и значенія.

Много, о какъ много этихъ причинъ! Много ихъ, если и оставить въ сторонѣ независящія обстоятельства, если не единымъ словомъ не касаться этой огромной отрасли дѣятельности, вѣрнѣе, бездѣятельности журналиста.

О нихъ — этихъ тяжелыхъ и грустныхъ причинахъ во всемъ ихъ объемѣ обычно не говорятъ въ нашей печати... Къ чести россійскихъ журналистовъ надо констатировать, что не умѣютъ, не могутъ они—на трибунѣ своей, у алтаря своего, на кафедрѣ своей — говорить о своихъ-же — хотя-бы и не личныхъ, а общихъ — болѣзняхъ, говорить о своихъ ранахъ, во всеуслышаніе анализировать и разглядывать ихъ.

Но бываютъ все-же моменты случайнаго пробужденія инициативы, когда преступленіемъ становится дальнѣйшее замалчиваніе нуждъ цѣлой корпораціи, когда важно и необходимо приступить къ немедленному исправленію болѣзненныхъ аномалій и дефектовъ.

Именно теперь, когда небольшая группа литераторовъ намѣтила свою работу въ этомъ отношеніи, долгъ каждаго, въ особенности-же принадлежащаго къ этой группѣ журналиста прекратить обычное молчаніе по этому поводу. Надо-же, надо наконецъ заговорить!

Не „матеріальныхъ средствъ", не вопросовъ о „вознагражденіи" журналиста касаемся мы теперь.

Если и тяжело положеніе работающаго журналиста—онъ за работой—и онъ справится со своею нуждой, съ угрожающими ему и семьѣ его опасностями.

Но если болѣзнь, переутомленіе или иная подобная причина оторветъ его отъ работы, существуетъ-ли у насъ хоть соломинка, за которую-бы могъ ухватиться тонущій въ такихъ случаяхъ, гибнущій на днѣ житейскаго моря журналистъ?

Далѣе, смерть литератора, смерть отдавшаго всѣ свои силы на служеніе обществу и его нуждамъ журналиста, что влечетъ она за собою?

Сколько ихъ, сколько этихъ тягостныхъ и одинокихъ смертей, съ безпріютностью осиротѣвшихъ семей совершается на нашихъ глазахъ...

Уходятъ отдѣльныя единицы изъ фронта, и быстро смыкаются порѣдѣвшіе ряды... Чужія и чуждыя другъ друга единицы по прежнему остаются одинокими, каждая въ отдѣльности на своемъ посту.

Нѣтъ корпораціи и общихъ корпоративныхъ интересовъ и русскихъ журналистовъ, нѣтъ семьи, нѣтъ взаимопомощи, нѣтъ кружка, нѣтъ даже „клуба" своего у русскихъ журналистовъ.

Горестное положеніе семьи каждаго изъ скончавшихся литераторовъ является, конечно, только однимъ изъ многихъ признаковъ, показывающимъ во очію весь вредъ разрозненности и разъединенности, которыя существують у насъ во всей своей силѣ.

Тысячи частныхъ вопросовъ могли-бы получить разрѣшеніе при существованіи единенія въ средѣ журналистовъ.

А безъ него, безъ этого единенія получается тягостное, обидное безсиліе.

Даже съ плагіатомъ—нѣтъ у насъ средствъ бороться при существующемъ положеніи. Гг. Гордики и Регишевскіе, Мацѣевскіе и Гейнце—равно какъ и другіе — пока невѣдомые „избранники", благополучно существуютъ и въ полной мѣрѣ, пользуясь званіемъ „литераторовъ", продолжаютъ свою дѣятельность.

Соображеніе „поговорятъ, поговорятъ, да и бросятъ, а потомъ и позабудутъ" достаточно гарантируетъ имъ безпечальное существованіе.

Но плагіаторы—это опять таки лишь одна нота въ общей гаммѣ, лишь одинъ изъ „уродовъ" въ несуществующей „семьѣ" журналистовъ.

А тѣ массы паразитирующихъ существъ, которые и помимо плагіаторовъ присосались къ русской, въ своемъ основномъ руслѣ— всегда чистой и идейной въ лучшемъ значеніи этихъ словъ журналистикѣ? Эти увеличивающіяся массы торгующихъ во храмѣ инсинуаторовъ и прелюбодѣевъ слова, клеветниковъ и шантажистовъ, — нужно-ли замалчивать прискорбное явленіе существованія ихъ — или лучше внимательно и серьезно подумать надъ изысканіемъ несуществующихъ нынѣ мѣръ общей борьбы съ этимъ зломъ?

Полемика? Но кому-же неизвѣстно, во что обратилось, во что выродилось нынѣ это понятіе?

Кому неизвѣстно, какъ старательно избѣгаютъ ея при малѣйшей возможности наши лучшіе органы печатнаго слова? Кому не извѣстно далѣе, что преимущество въ этой области лежитъ во всякомъ случаѣ не на сторонѣ остающагося въ предѣлахъ истины праваго...

У противоположной, не стѣсняющейся въ средствахъ стороны есть незамѣнимое средство — обливаніе противника грязью, достаточное количество которой всегда хранится про запасъ въ извѣстныхъ лагеряхъ.

Нѣтъ корпораціи, которая могла-бы охранять права заслуживающихъ этой защиты сочленовъ своихъ, нѣтъ съѣздовъ, гдѣ-бы вырабатывались нормы сословной этики, нѣтъ сословныхъ судовъ чести, которые могли-бы раскрыть глаза зачастую ослѣпленному обществу.

Далѣе, капиталистическія завоеванія, какъ извѣстно, не минули печатнаго дѣла. Лишь отдѣльными единицами высятся истинно-идейные органы. Все больше и больше захватываетъ остальную часть печати въ этой отрасли, больше чѣмъ въ какой бы то ни было,—грозный для общества капиталъ. Въ „лавочку" обращается тотъ или иной горделивый храмъ, въ ремесленное „исполненіе заказовъ" превращается идейная творческая работа журналиста!..

Надо уйти честному, уважающему себя и читателя журналисту, уйти и покинуть „фирму", торгующую вдобавокъ еще и гнилымъ товаромъ, надо уйти и не пачкать пера своего, не грязнить дарованія своего, не поддерживать своимъ именемъ „реноме" той или иной „фирмы"...

Но куда же, куда идти журналисту? Гдѣ найти ему, отравленному запахомъ типографской краски и въ огромномъ большинствѣ безумно любящему свое дѣло, гдѣ найти ему поприще для дальнѣйшей, какъ воздухъ, какъ жизнь, необходимой работы?

Отсутствіе корпораціи привело къ тому, что у русскаго журналиста нѣтъ своего „бюро труда", учрежденія, которое вѣдало бы взаимоотношеніе между спросомъ и предложеніемъ.

И получаются обычные результаты... Гдѣнибудь въ провинціальномъ органѣ неполонъ составъ редакціи необходимъ опытный журналистъ. Не къ кому обратиться провинціальной редакціи, и съ грѣхомъ пополамъ она довольствуется работой случайныхъ лицъ. А журналистъ, который всею душою радъ былъ бы этой работѣ или переживаетъ всѣ послѣдствія безработицы, или зачастую идетъ въ лапы кулаку, напрашиваясь „сверхштатнымъ" въ его „фирму".

Но... „не исчерпать моря ковшомъ", не разсмотрѣть его столь сложнаго вопроса, какъ вопросъ о положеніи нашихъ работниковъ печати.

Тяжелая, гнетущая атмосфера скопляется вокругъ большинства этихъ работниковъ...

Гдѣ ужъ тутъ стройный хоръ, гдѣ ярко и сильно выраженное общественное мнѣніе?

А между тѣмъ... между тѣмъ новыя вѣянія отрадно пахнули въ Россіи... Сколько истинно хорошаго и свѣтлаго могла бы сдѣлать наша печать при отсутствіи разброда и розни...

Какъ далеко бы шагнула мирнымъ путемъ Россія, если бы „въ ногу" шли герольды ея, какъ приблизились бы свѣтлые идеалы, мерцающіе вдали!

Въ единеніи—жизнь, въ единеніи—сила, въ единеніи—грядущее!..

Маленькое по размѣрамъ сообщество имѣетъ въ виду возникнуть въ ближайшемъ будущемъ.

Много задачъ предстоитъ этому кружку. Начинанія, вродѣ корпораціи журналистовъ, всероссійскаго съѣзда ихъ, сословнаго суда чести, бюро труда, „общества взаимопомощи", „клубы журналистовъ" и т. д.—въ высшей степени отрадно и желательно все это при существующихъ тяжелыхъ, не нормальныхъ условіяхъ... Грустно и непонятно! Журналисты, чья дѣятельность — большая, серьезная и святая дѣятельность, основана на любви и единеніи, сами живутъ въ постоянной систематической розни и враждѣ между собой!..

Журналисты, живущіе и горящіе интересами всего міра, каждаго маленькаго, заброшеннаго уголка — не проявляютъ интереса къ своимъ же собственнымъ сословнымъ интересамъ!

Журналисты, убѣжденно проповѣдующіе, что только въ союзахъ и коопераціяхъ, только въ артеляхъ и сообществахъ сила отдѣльныхъ индивидуумовъ, журналисты, долгіе годы посвящающіе изученію различныхъ общественныхъ отношеній, не сумѣли донынѣ создать для себя хотя бы примитивнаго союза!

И глохнутъ, въ значительной мѣрѣ именно благодаря этому одиночеству глохнутъ таланты, глохнутъ они, обезсиливаютъ печать, значеніе которой все разрастается и усиливается въ переживаемое нами исторически важное для Россіи время.

А чѣмъ меньше талантовъ, чѣмъ меньше честныхъ, идейныхъ и вдохновенныхъ дѣятелей, тѣмъ громче звучитъ крикъ наглости, бездарности и невѣжества.

И все болѣе и болѣе мелѣетъ наша, славная своимъ прошлымъ, славная своей плодотворной просвѣтительной работой — печать.

Все безлюднѣе и безлюднѣе дѣлается на нивѣ. И все тяжелѣе и тяжелѣе дышать и работать, все менѣе надеждъ на результаты общей и дружной работы.

И теперь, когда промелькнула робкая надежда на учрежденіе „союза журналистовъ", долгъ каждаго работника печати всѣми силами и отъ всего сердца поддержать эту радостную, манящую надежду!..

И. В.

IV. Судебная хроника.

Какъ и слѣдовало ожидать, повысившаяся за послѣднее время пульсація нашей общественной жизни не минула также и области судебныхъ процессовъ переживаемаго нами времени.

Все интереснѣе, въ глубокомъ значеніи этого слова, и характернѣе дѣлаются проникающія въ печать извѣстія о дѣятельности нашего суда, „скораго, праваго и милостиваго" по опредѣленію Реформатора, впервые произнесшаго великій завѣтъ: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ"!

Оживленіе тѣхъ столбцовъ печати, которые посвящены „судебной хроникѣ", зависитъ какъ отъ того, что быстрѣе и живѣе прежняго забившая жизнь чаще и больше открываетъ свою „изнанку" во время судебныхъ процессовъ, такъ и оттого, что нынѣшнія временныя и колеблющіяся условія жизни печати сдѣлали все же возможнымъ опубликованіе большаго, чѣмъ прежде, количества фактовъ.

Какая же картина раскрывается передъ наблюдателемъ функцій нашего правосудія?

Въ настоящее время вступило, какъ извѣстно, въ законную силу новое положеніе о судебномъ разбирательствѣ политическихъ преступленій.

Въ Ригѣ, по словамъ „Суд. Обоз.", осо-

бымъ присутствіемъ судебной палаты въ усиленномъ составѣ разсмотрѣнъ только что цѣлый рядъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Впервые здѣсь былъ примѣненъ новый законъ 7 іюня 1904 г. о судебномъ разсмотрѣніи подобнаго рода дѣлъ и притомъ по новому уголовному положенію. Всѣ дѣла слушались при закрытыхъ дверяхъ.

Первымъ разбиралось дѣло о студентѣ рижскаго политехникума Фридманѣ, за произнесеніе публично рѣчей, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Защищалъ прис. пов. П. Г. Мироновъ. Фридманъ оправданъ. Вторымъ и третьимъ слушались дѣла о фабричныхъ рабочихъ Завицкомъ и Зандовскомъ, обвинявшихся въ распространеніи прокламацій. Защищалъ прис. пов. Н. Д. Соколовъ. Завицкій приговоренъ къ 3 мѣсяцамъ крѣпости, Зандовскій къ 6 мѣсяцамъ—оба безъ лишенія правъ. 26 октября здѣсь же слушалось дѣло о студентѣ рижскаго политехническаго института Янѣ Мастерѣ и крестьянахъ Торманѣ, Крестманѣ и Лайценѣ, обвинявшихся: Мастеръ—за „участіе въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя или учиненіе тяжкихъ преступленій посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ", каковое участіе наказывается каторгою на срокъ не свыше 8 лѣтъ или ссылкою на поселеніе; причемъ если такое сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія, то наказаніе—срочная каторга; тотъ же Мастеръ, вмѣстѣ съ Крестманомъ, Торманомъ и Лайценомъ, за распространеніе прокламацій, возбуждающихъ къ ниспроверженію государственнаго строя. Студента Мастера защищалъ прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ. Янъ Мастеръ, равно какъ и остальные трое подсудимыхъ оправданы. Затѣмъ слушалось, наконецъ, дѣло фабричнаго рабочаго крестьянина Эдуарда Звирздина, обвиняемаго по 2 п. 120 ст. угол. уложенія. Звирздинъ оправданъ. Всѣ приговоры объявлены при открытыхъ дверяхъ.

== Болѣе подробныя свѣдѣнія проникли въ печать о дѣлѣ Милашевскаго, разбиравшемся въ это же время въ присутствіи уголовнаго кассац. д-та правит. сената, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Н. С. Таганцева.—По сообщенію „Судебнаго Обозрѣнія" дѣло по обвиненію бывшаго члена саратовской городской управы Алексѣя Милашевскаго въ государственномъ преступленіи защищалъ подсудимаго присяжн. повѣр. Н. П. Карабчевскій, имѣетъ слѣдующую опубликованную нынѣ исторію:

Еще 18—19 мая 1904 г. саратовская судебная палата по уголовному департаменту съ участіемъ сословныхъ представителей, въ закрытомъ судебномъ засѣданіи, слушала дѣло о тит. сов. Алексѣѣ Владиміровѣ Милашевскомъ, 39 лѣтъ, по обвиненію его: 1) въ томъ, что въ 1902 г. состоялъ членомъ присвоившаго себѣ наименованіе „партіи соціалистовъ-революціонеровъ" преступнаго сообщества, поставившаго своей задачей перемѣну въ Россійской Имперіи образа правленія и проявившаго умыселъ дѣйствовать для достиженія указанной цѣли насильственно, и 2) въ томъ, что въ г. Саратовѣ въ 1902 г., въ видахъ осуществленія цѣли названнаго сообщничества, составлялъ и распространялъ сочиненія, воззванія и изображенія, возбуждающія населеніе къ явному неповиновенію власти верховной и дерзостно порицающія установленный государственными законами образъ правленія, причемъ устроилъ въ своемъ домѣ тайное помѣщеніе для воспроизведенія сочиненій, воззваній и изображеній, пріобрѣлъ для сего мимеографъ и хранилъ означенныя изданія въ упомянутомъ помѣщеніи, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 ч. 250, 1 ч. 251 и 1 ч. 252 ст. улож. о наказаніяхъ.

Признавъ Милашевскаго виновнымъ въ означенныхъ преступленіяхъ, судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей опредѣлила лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на шесть лѣтъ. Однако, сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе саратовской судебной палаты, за нарушеніемъ ст. 797 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ ту же палату въ другомъ составѣ.

== Переходя къ инымъ областямъ, приходится признать однимъ изъ наиболѣе важныхъ судебныхъ процессовъ послѣдняго времени такъ наз. „Пожарный союзъ брандмейстера съ отставнымъ подполковникомъ". Телеграфъ передалъ, что союзъ этотъ житомірскаго брандмейстера Осипова съ подполковникомъ

Абрамовичемъ, для совершенія систематическихъ поджоговъ, увѣнчался по суду 3 для перваго и 2 для второго годами каторжныхъ работъ.

Дѣятельность бывшаго брандмейстера носила удивительно откровенный характеръ. Въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ въ „Волыни“, между прочимъ говорится:

Распоряженія Осипова на пожарахъ неоднократно обращали на себя вниманіе странностью и непослѣдовательностью, при чемъ иногда присутствовавшимъ на пожарахъ лицамъ казалось, что Осиповъ производилъ нѣкоторыя дѣйствія съ цѣлью сокрытія поджоговъ. Такъ, Осиповъ часто безъ всякихъ къ тому основаній приказывалъ разрушать во время тушенія пожара постройки, а иногда такія разрушенія производилъ уже по прекращеніи пожара; иногда во время тушенія пожара онъ прекращалъ поливку горѣвшаго зданія, какъ бы съ цѣлью дать ему болѣе разгорѣться, а иногда съ такою же, повидимому, цѣлью, оставляя въ покоѣ горѣвшее зданіе, приказывалъ поливать сосѣднія постройки и, когда онъ сильно разгорался, приступалъ къ его тушенію.

Для характеристики Осипова представляютъ интересъ и собранныя слѣдствіемъ свѣдѣнія объ его неоднократной судимости за мошенничество...

Какъ могъ человѣкъ съ такимъ яркимъ прошлымъ стать брандмейстеромъ, да еще въ большомъ городѣ, это загадка, какая не разрѣшена доселѣ не только въ одномъ Житомірѣ.

— Рѣдкимъ явленіемъ въ области изученія мѣръ судебныхъ наказаній является, далѣе, огласка порядковъ, существующихъ у насъ въ мѣстахъ заключенія.

Въ печати поднятъ серьезный, не въ мѣстномъ только отношеніи, конечно, вопросъ:

Какъ въ Петербургѣ вытрезвляютъ пьяныхъ и лечатъ алкоголиковъ? А. Л. Мендельсонъ прочелъ на эту тему докладъ въ засѣданіи членовъ комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, происходившемъ только что подъ предсѣдательствомъ профессора М. Н. Нижегородцева.

Больные, подбираемые на улицахъ Петербурга, доставляются полиціей для вытрезвленія и леченія или въ такъ называемое „безпокойное отдѣленіе“ при Обуховской больницѣ или въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ камеры при полицейскихъ частяхъ. За 1 годъ въ пяти центральныхъ частяхъ на вытрезвленіи перебывало свыше 6 проц. всѣхъ жителей города, или одинъ человѣкъ изъ каждыхъ 16 жителей въ теченіе года по крайней мѣрѣ хоть разъ „вытрезвлялся“ въ части.

Ужасными красками докладчикъ обрисовалъ обстановку и способы леченія и вытрезвленія пьяныхъ въ Обуховской больницѣ и въ частяхъ.

Мужское безпокойное отдѣленіе Обуховской больницы разсчитано на 22 кровати, но на самомъ дѣлѣ количество больныхъ здѣсь нерѣдко доходитъ до 70—80 человѣкъ и никогда не бываетъ менѣе 40—45 чел. „Больные“, т. е. пьяные, доставляются сюда полиціей. Слабые лежатъ въ кроватяхъ. На „безпокойныхъ“ и „буйныхъ“ одѣваютъ такъ называемыя смирительныя рубахи, на ноги — обшитые кожею кандалы; концы рукавовъ и кандалы привязываются къ перекладинамъ кровати, благодаря чему больной не въ силахъ сдѣлать малѣйшее движеніе. Количество поступающихъ сюда „больныхъ“ постоянно увеличивается.

Еще въ болѣе ужасныхъ условіяхъ содержатся вытрезвляемые въ полицейскихъ частяхъ.

Пьяныхъ водворяютъ здѣсь въ небольшія комнаты безъ всякой мебели, безъ наръ, постелей и пр.; полы въ нихъ асфальтовые, отчасти покатые, для стока. Пьяные по доставленіи въ часть раздѣваются городовыми и въ одномъ бѣльѣ, а часто и безъ онаго вталкиваются въ каталажку и запираются. Платье больныхъ свертывается въ комокъ, номеруется и запирается въ ящикъ, тотъ-же номеръ ставится краской или углемъ и на спинѣ пьянаго.

Женщины подвергаются той-же процедурѣ, раздѣваютъ ихъ тѣ-же городовые.

Больные напихиваются въ эти камеры буквально безъ счета, распредѣляются они здѣсь на асфальтовомъ полу въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ, пачкуются въ рвотныхъ изверженіяхъ другъ-друга. Зарегистрировано оффиціально не мало случаевъ, когда пьяные здѣсь умирали, задыхаясь въ собственныхъ экскрементахъ или задавленные тяжестью лежащихъ сверхъ ихъ другихъ „безчувственно-пьяныхъ“. Трудно описать воздухъ, которымъ здѣсь дышатъ больные: онъ насыщенъ всевоз-

можными запахами водочнаго перегара, мочи, экскрементовъ, пота и рвотныхъ изверженій. Если раздѣлить кубическое содержаніе воздуха на количество собранныхъ здѣсь пьяныхъ, то оказывается, что для дыханія на долю каждаго здѣсь часто приходится менѣе четверти кубической сажени воздуха. Среди пьяныхъ часто возникаютъ драки, разнимать ихъ обыкновенно являются нѣсколько наиболѣе физически сильныхъ городовыхъ и, разнимая, бьютъ, конечно, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Особенно буйные въ такихъ случаяхъ обыкновенно изолируются отъ остальныхъ и запираются въ отдѣльныя темныя камеры. Среди протрезвляемыхъ не рѣдки случаи самоубійства.

На такое поистинѣ вопіющее положеніе дѣла много разъ обращала вниманіе столичная врачебная инспекція, массу разъ доводилось объ этомъ до свѣдѣнія градоначальника; послѣдній, въ свою очередь, заявлялъ объ этомъ городской управѣ и даже жаловался на послѣднюю министру внутреннихъ дѣлъ, но все безрезультатно.

Какая въ сущности помощь оказывается острому алкоголику въ нашей столицѣ со стороны администраціи и общественнаго управленія?—спрашиваетъ докладчикъ и отвѣчаетъ:—Его отправляютъ въ участокъ.

Этотъ отвѣтъ напоминаетъ запись въ статистическомъ листкѣ о несчастномъ случаѣ, препровожденномъ въ городскую управу. Дѣло шло объ утопленникѣ въ одной изъ рѣкъ Петербурга. На вопросъ: „какая помощь была оказана пострадавшему“?—околоточный надзиратель тщательно выписалъ: „тѣло, по вскрытіи, было предано землѣ“...

Собраніе единогласно постановило довести о положеніи дѣла до свѣдѣнія: г. петербургскаго градоначальника, врачебнаго инспектора, всѣхъ гласныхъ петербургской думы и столичной печати.

== Какъ это выяснено за послѣднее время нѣсколькими дальнѣйшими судебными процессами, въ Петербургѣ, какъ это ни странно, все еще замѣчается, въ особенности въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія, большая склонность къ всевозможнымъ суевѣрнымъ бреднямъ. Этимъ пользуются разные „дошлые“ люди, и обманъ процвѣтаетъ на почвѣ суевѣрія въ самой грубой формѣ. Еще на этихъ дняхъ въ городѣ оперировали съ успѣхомъ среди зажиточныхъ семей ремесленниковъ и торговцевъ одна женщина, кощунственно выдававшая себя за „богородицу“, и соучастникъ ея, котораго она вводила въ домъ своихъ жертвъ въ качествѣ святого Николая Чудотворца. Мошенники теперь разыскиваются полиціей въ виду жалобъ и заявленій многихъ пострадавшихъ. Теперь установлено, что выдававшая себя за „богородицу“ особа неоднократно судилась раньше за разныя преступленія. Это нѣкая Строганова, ей 47 лѣтъ, она имѣетъ внѣшность простой крестьянки, съ грубыми чертами лица. Нѣкогда она была фельдшерицей, послѣдніе годы скиталась по тюрьмамъ и разнымъ мѣстамъ, куда ссылалась по суду. О личности ея соучастника ничего не извѣстно. О дѣятельности этихъ лицъ въ Петербургѣ сообщаютъ слѣдующія, кажущіяся невѣроятными, подробности.

Строганова, проживавшая въ столицѣ подъ разными чужими именами, проникала въ дома намѣченныхъ ею жертвъ слѣдующимъ способомъ. Узнавъ, что въ домѣ нужна прислуга, она ставила свою доброжелательницу, которая съ своей стороны вводила въ семью обманщицу подъ видомъ странницы и проч. Убѣдившись въ легковѣріи и простотѣ своихъ жертвъ, Строганова сообщала имъ по секрету, что она не кто иная, какъ сама „Пресвятая Богородица“, обѣщала свою молитвенную помощь, а послѣ того приводила съ собою и своего сообщника. Ей вѣрили, подчинялись ея требованіямъ, а она пользовалась этимъ для вымогательства и даже совершала кражи.

== Характерный процессъ разбирается, далѣе, въ настоящее время въ Баку.

На скамьѣ подсудимыхъ трое: Семенъ Шибаршинъ, 29 л., Петръ Курловъ, 28 л., и Семенъ Тюкилинъ, 31 г.: первые—городовые знаки №№ 163 и 164, послѣдній—дворникъ. Обвинительный актъ рисуетъ слѣдующую картину.

26 декабря прошлаго года, рано утромъ, въ управленіе 4-го полицейскаго участка г. Баку было сообщено по телефону, что близъ Телефонной улицы обнаруженъ трупъ мужчины съ признаками насильственной смерти. Личность убитаго была установлена; онъ оказался механикомъ завода Гуліева—Іоганномъ Марксомъ. При производствѣ судебно-медицинскаго вскрытія на головѣ найдено

9 ранъ, нѣсколько ранъ на лѣвой щекѣ; при изслѣдованіи черепа на немъ оказалась трещина вдоль лѣвой височной кости. По заключенію врача, смерть Маркса послѣдовала отъ сотрясенія мозга, въ виду многочисленныхъ ушибовъ головы; при этомъ было установлено, что раны нанесены кастетомъ съ зубцами. 29 декабря къ слѣдователю поступило заявленіе дочерей убитаго—Терезы Марксъ и Екатерины Шварцъ, съ указаніемъ, что убійство совершено городовыми, знаки №№ 163, 164. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія свидѣтели, Иванъ Борзаковскій и Степанъ Генераловъ, удостовѣрили, что 25 декабря, около 7--8 часовъ вечера, на улицѣ, они увидѣли близъ завода Ляпина городовыхъ Семена Шибаршина и Петра Курлова, послѣдняго въ штатскомъ платьѣ; оба были пьяны и били кулаками какого-то человѣка, въ которомъ Борзаковскій узналъ извѣстнаго ему и раньше механика Маркса; механикъ лежалъ на землѣ, барахтался и кричалъ; Борзаковскій попробовалъ вступиться за механика, но городовые Шибаршинъ и Курловъ набросились на него и стали его бить. Вырвавшись, онъ убѣжалъ и не зналъ, что было дальше; а на другой день, узнавъ, что механикъ убитъ, пошелъ и недалеко отъ мѣста драки увидѣлъ раздѣтый трупъ Маркса. Затѣмъ, очевидцами избіенія городовыми Маркса были свидѣтели Петръ Вавилинъ и Кузьма Филяковъ.

На основаніи изложеннаго Семенъ Шибаршинъ, Петръ Курловъ и Семенъ Тюкининъ обвиняются въ томъ, что 25 декабря вечеромъ, встрѣтивъ Маркса и, затѣявъ съ нимъ ссору, причинили ему съ умысломъ тяжкія раны и побои, послѣдствіемъ которыхъ была смерть Маркса.

Приговоръ пока не обнародованъ, но по многимъ причинамъ о немъ можно очень опредѣленно судить и заранѣе.

— Попрежнему не переводятся у насъ Хлестаковы. Сравнительно рѣдко попадаютъ они на судъ, но и среди разбираемыхъ процессовъ количество ихъ также очень значительно. Яркій образецъ этого типа представляетъ собою новый московскій Хлестаковъ, только что выступившій въ роли друга г. Грингмута.

Задержаный, по приказанію судебнаго слѣдователя, отставной канцелярскій служитель В. Г. Дудышкинъ,—по словамъ „Руси“—цѣлыхъ 15 лѣтъ на глазахъ всѣхъ разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ съ гербами и именовался „его превосходительствомъ“... Кто въ Москвѣ не зналъ г. Дудышкина? „Генералъ“, „его превосходительство“, цѣлыхъ полтора десятка лѣтъ собиралъ обильную, непрерывную жатву. Визиты „генерала“ ежедневно къ лицамъ знатнымъ, сильнымъ просто и высокопоставленнымъ ни для кого не были тайной, совсѣмъ наоборотъ. Иногда объ этихъ визитахъ мы читали въ отдѣлѣ „пріемовъ“ въ газетахъ. Ни одинъ знатный и высокопоставленный покойникъ не отпѣвался, не хоронился въ Москвѣ, чтобы не было при этомъ „генерала“ Дудышкина. Онъ рѣчи произносилъ, спичи говорилъ, вдову подъ ручку поддерживалъ, и „генеральская“ карета съ гербомъ, запряженная парой, стояла всегда съ каретами московской знати. *За послѣднія 6 лѣтъ „генералъ“ сдѣлался интимнымъ другомъ редакціи „Моск. Вѣд.“.* Въ газетѣ о щедрости „генерала“, объ его, незнающей устали, благотворительности писались цѣлыя статьи...

Дифирамбы г. Дудышкина исходили изъ *подъ пера самого г. Грингмута...*

„Генералъ“ Дудышкинъ, имѣя за спиной старѣйшую московскую газету, сдѣлался всесильнымъ... Ордена, ленты, почетное гражданство, государственный гербъ, все, что тѣшитъ умъ, ухо и глаза праздныхъ, богатыхъ людей,—а ихъ въ Москвѣ много,—было взято „подъ властную руку“ „генерала“... „Онъ все можетъ“ — шелъ общій голосъ молвы про г. Дудышкина.

Деньги лились рѣкой „его превосходительству“... Все, что ни собиралъ „генералъ“ съ лицъ, за нимъ ухаживавшихъ и въ немъ заискивавшихъ, —а ихъ много было,—онъ въ цѣломъ или въ части, правда, въ $1/4$ или въ $1/8$ не болѣе, жертвовалъ отъ своего имени и „Моск. Вѣд.“ рекламировался неустанно. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ фактѣ, стоитъ прочесть „Моск. Вѣд.“ за эти годы.

Правда, что-то не было слышно, что кто-либо изъ безчисленныхъ кліентовъ „генерала“ получилъ то, что ему было обѣщано, за что онъ вносилъ „лепту“ отъ 1,000 до 10,000 руб. каждый. Но и жалобъ не было... Поклоны чиновъ полиціи, отданіе чести, визиты „лицамъ“, замѣтки „Моск. Вѣд.“ свое дѣло дѣлали... Говорятъ годовой „бюджетъ“ г. Дудышкина перевалилъ было за

50,000 рублей... Москва, по слухамъ, всего внесла „генералу“ милліонъ...

И это только за 15 лѣтъ... Когда г. Дудышкина будутъ на этихъ дняхъ судить, это будетъ интереснѣйшій процессъ для обрисовки Москвы и характеристики ея...

— Изъ наиболѣе замѣтныхъ процессовъ обращаетъ вниманіе еще дѣло бывшаго полицейскаго, разсмотрѣнное въ Саратовѣ.

Вечеромъ въ январѣ нынѣшняго года, сообщаетъ „Сар. Дн.“, околоточный надзиратель Саратова Плаксинъ—пьяный, едва державшійся на ногахъ,—провѣрялъ посты.

Что это была за повѣрка, „Сарат. Дн.“ умалчиваетъ. Городовой, увидѣвъ шатающееся начальство, дерзнулъ „взять его за руку и повести домой“.

По дорогѣ, тѣмъ не менѣе, Плаксинъ, чтобы не пропадалъ его обходъ, арестовалъ проходившаго крестьянина Аксенова, котораго приказалъ вести въ часть, куда самъ отправился на извозчикѣ.

Двое полицейскиха подвели Аксенова.

— А, это ты!..

Языкъ околоточнаго заплетался. Онъ выхватилъ шашку и сталъ наносить арестованному крестьянину удары по головѣ.

Аксеновъ бросился бѣжать отъ пьянаго надзирателя, но послѣдній устроилъ на него настоящую травлю. Онъ отрядилъ взводъ городовыхъ, самъ сѣлъ на извозчика, и за израненнымъ, окровавленнымъ мужикомъ погнались.

На углу одной улицы бѣглеца догнали, и здѣсь пьяный Плаксинъ учинилъ надъ нимъ новую расправу—опять сталъ драться шашкой, нанесъ два удара по головѣ. Но это было послѣднее издѣвательство—околоточный усталъ и, чувствуя долгъ свой исполненнымъ, удалился.

По изслѣдованію ранъ у Аксенова, оказалось, что онѣ—тяжкія. Одна была отъ уха почти до рта, съ поврежденіемъ костей.

Плаксинъ судился—за „нанесеніе тяжкихъ ранъ при исполненіи служебныхъ обязанностей“.

У подсудимаго былъ защитникъ, который очень просилъ для своего кліента снисхожденія, увѣряя судъ, что—„Плаксинъ еще только начиналъ карьеру“. Подсудимый, съ примѣненіемъ манифеста, приговоренъ къ аресту на 20 дней.

Дешево онъ отдѣлался. Надо бы думать, что хоть на службу его по крайнѣй мѣрѣ вторично не возьмутъ.

— Весьма частая у насъ эксплуатація благочестія продолжаетъ и нынѣ благоденствуетъ. Несмотря на всѣ разъясненія и предупрежденія св. синода, Аѳонскіе монахи продолжаютъ эксплуатировать религіозное чувство русскаго народа въ пользу своихъ каргановъ. Сборщики „на Аѳонъ“ не стѣсняются вступать и въ полемику съ св. синодомъ, судя по слѣдующему разсказу „Орловск. Вѣстн.“.

Хозяйственнымъ управленіемъ св. синода было объявлено, что желающіе жертвовать на аѳонскіе монастыри могутъ пересылать деньги только черезъ мѣстную консисторію, при чемъ были приведены имена нѣкоторыхъ неблагонадежныхъ аѳонскихъ монаховъ, занимающихся сборомъ пожертвованій. Послѣднее, повидимому, сильно подорвало эксплуатацію населенія, вслѣдствіе чего къ письмамъ въ настоящее время начали прикладываться „квитанціи“. Такъ, напр., крестьянинъ дер. Баздревой, Карачевскаго уѣзда И. Т. посылалъ на Аѳонъ деньги и получилъ „благодарственное письмо“ и „квитанцію“.

На бланкѣ съ церковными печатями и изображеніемъ иконы напечатано удостовѣреніе въ полученіи денегъ (отъ такого то и столько-то), затѣмъ слѣдуютъ благія пожеланія, далѣе значится, что имена „родственниковъ вашихъ“ записаны въ „синодикъ“ и поминаются на литургіи; ниже слѣдуетъ подпись настоятеля обители іеромонаха Моисея съ братіею.

Затѣмъ слѣдуетъ безграмотное „разъясненіе“:

„Считаемъ нужнымъ сообщить вашему боголюбію, что при подачѣ на почту денежныхъ пакетовъ нѣкоторые почтовые чиновники, по недоразумѣнію, а быть можетъ и по недоброжелательству, отказываютъ въ пріемѣ корреспонденціи по рекомендуемому нами адресу, при чемъ бываютъ случаи самоуправства: передѣлываютъ нашъ печатный адресъ и засылаютъ таковую въ хозяйственное управленіе синода“. Чиновникамъ нельзя вѣрить—говоритъ далѣе Аѳонское письмо.

„Газетнымъ свѣдѣніямъ объ аѳонскихъ келіотахъ также не слѣдуетъ вѣрить и соблазняться; враги монашества всегда таковое порицаютъ и наносятъ нелѣпыя нареканія, въ нынѣшнее время это далеко не рѣдкость.“

Таковы новѣйшие пріемы полемики аѳонских монаховъ, и они оказываются далеко не безуспѣшными въ темной крестьянской массѣ.

— Наша печать, какъ извѣстно, не дождалась пока судебной оцѣнки своихъ проступковъ. „Процессами о печати“ у насъ продолжают по настоящее время называться исключительно тѣ случаи, когда „корреспондента бьютъ“ во-первыхъ, и тѣ случаи, когда „съ наличнымъ“ поймаютъ литературнаго вора, во-вторыхъ.

Вотъ и всѣ наши „литературные“ процессы.

Образчикомъ „литературнаго“ вопроса является намъ только что разобранная въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента Правит. Сената, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева жалоба. Слушалась кассаціонная жалоба Николая Аскарханова. Приговоромъ с.-петербургскаго окружнаго суда Аскархановъ призванъ виновнымъ въ томъ, что въ 1898 г. въ гор. С.-Петербургѣ, въ изданномъ имъ печатномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка сочиненія Карла Маркса „Капиталъ“ въ двухъ томахъ въ количествѣ 3,300 экземпляровъ каждаго тома, Аскархановъ помѣстилъ „заимствованія“ т. е. цѣликомъ переводъ той же книги „Капиталъ“ Маркса въ двухъ томахъ, изданный нѣсколько ранѣе въ томъ же 1898 г. Николаемъ Даніельсономъ. За это дѣяніе Аскархановъ былъ присужденъ къ денежному въ доходъ казны взысканію въ размѣрѣ 2,000 р., а въ случаѣ несостоятельности къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ. Въ удовлетвореніе же гражданскаго иска, предъявленнаго Даніельсономъ, къ взысканію въ пользу истца 15,531 р. 94 к.

Недовольный такимъ исходомъ дѣла Аскархановъ подалъ апелляціонную жалобу, которая и слушалась въ судебной палатѣ.

Вызванный въ качествѣ эксперта извѣстный переводчикъ ст. сов. Антоновичъ категорически высказался за то, что трудъ Аскарханова есть сплошная перепечатка перевода Н. Даніельсона. Перепечатка рабская до комизма: опечатки, вкравшіяся по недосмотру корректора въ изданіе Даніельсона, всецѣло перенесены въ изданіе Аскарханова. „Оригинальность“ этого произведенія ограничивается тѣмъ, что нѣкоторыя распространенныя предложенія сокращены, перемѣщены, а придаточныя да кое-гдѣ вмѣсто Даніельсоновскихъ „потому что“ поставлены Аскархановскія „такъ что“, или написанныя Даніельсономъ „ибо“ и „исходные пункты“ замѣнены Аскархановымъ „точками отправленія“ и т. под. Вызванные наборщики удостовѣрили, что изданіе Аскарханова набиралось по печатнымъ листамъ изданія Даніельсона, съ небольшими помарками и перестановками. Однако, несмотря на подавляющія улики, судебная палата, исходя изъ буквальнаго толкованія 16 ст. прим. 2 приложенія къ ст. 420 по которой самовольнымъ изданіемъ считается только такой переводъ, когда въ немъ двѣ трети *сряду* выписано *слово въ слово* изъ прежнихъ переводовъ, на которые вдобавокъ кто-либо еще имѣетъ право исключительной собственности, приговоръ окружнаго суда отмѣнила, оправдавъ Аскарханова.

Резолюціей Правительствующаго Сената опредѣлено: приговоръ судебной палаты отмѣнить и передать дѣло на новое разсмотрѣніе.

Такимъ образомъ Правительствующій Сенатъ усмотрѣлъ, наконецъ, „составъ наказуемаго дѣянія“ въ „манерѣ“ красть цѣликомъ содержаніе двухъ огромныхъ томовъ.

Да послужитъ это признаніе грознымъ предостереженіемъ для многихъ и многихъ доселѣ благоденствующихъ „Аскархановыхъ“.

— Второй типъ „литературныхъ дѣлъ“, построенный на формулѣ „корреспондента бьютъ“ проявляется у насъ съ прежнимъ обиліемъ.

Изъ множества примѣровъ, доставляемыхъ текущимъ днемъ, остановимся только на одномъ.

У самаркандскаго мирового судьи разбиралось дѣло Е. В. Голицинскаго, дѣлопроизводителя 6-го туркест. стрѣлк. батальона, по обвиненію въ оскорбленіи редакціи „Самарканда“ и угрозахъ. Мировой судья призналъ отводъ, предъявленный г. Голицинскимъ, неуважительнымъ, такъ какъ гражданскіе чины военнаго вѣдомства неподсудны общимъ судамъ лишь въ преступленіяхъ по службѣ.

Сущность обвиненія сводилась къ слѣдующему:

Редакціей получено было стихотвореніе за полной подписью „Е. В. Голицинскій“, которое въ силу своихъ литературныхъ недостатковъ не было напечатано.

Спустя нѣкоторое время тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами въ редакцію поступило анонимное письмо, въ которомъ содержался рядъ оскорбительныхъ выраженій по адресу редакціи, заканчивающихся недвусмысленной угрозой. „Мы, русскіе,—писалъ анонимный авторъ, —умѣемъ вызывать тѣни Сморгунера, но умѣемъ и прогнать ихъ сначала нагайками, а потомъ и чѣмъ-нибудь и посильнѣе“. Анонимный авторъ сѣтовалъ, главнымъ образомъ, на подборъ перепечатокъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, которыя, по словамъ анонимнаго автора, „разстраивали ему нервы, какъ русскому человѣку и воину,“ и которыя, по его мнѣнію, „подбирались въ угоду армяно-жидовскимъ симпатіямъ продажными русскими людьми“.

Нѣкоторыя обстоятельства, а также сличеніе почерковъ анонимнаго письма со стихотвореніемъ за подписью Е. В. Голицинскаго убѣдили редакцію, что Е. В. Голицинскій и есть авторъ анонимнаго посланія.

И дѣйствительно, вызванная судомъ экспертиза установила, что почерки тождественны.

Къ началу судоговоренія въ камеру мир. судьи явился г. Голицинскій, но, узнавъ, что судья дѣло призналъ себѣ подсуднымъ,—тотчасъ же удалился со словами: „Пусть ихъ разбираютъ. Мнѣ все равно“.

Мировой судья, признавъ Е. В. Голицинскаго виновнымъ въ оскорбленіи и угрозѣ, приговорилъ его въ общей сложности къ 10-ти днямъ ареста при гауптвахтѣ.

— Еще болѣе—даже въ одномъ только юридическомъ отношеніи—характерное явленіе представляетъ собою самодурская расправа въ родѣ слѣдующей.

Корреспонденція въ „Никольско-Уссурійскомъ Листкѣ“ по поводу аваріи съ пароходомъ „Уссури“ вызвала на сцену, кажется, еще небывалый способъ мщенія подозрѣваемымъ, якобы, корреспондентамъ, а именно: изувѣчены багромъ двѣ лошади начальника почтовой конторы и разломана ограда квартиры мѣстнаго священника. „Его высокоблагородіе приказалъ—пусть не пишутъ въ газетахъ“,—сказалъ пойманный на мѣстѣ преступленія посланный.

Кромѣ дѣлъ этого рода—другихъ „литературныхъ дѣлъ“ не знаетъ пока, повторяемъ, наша судебная хроника.

— Въ настоящее время ярко проявляется, къ счастью, руководящее стремленіе — въ ущербъ увеличенію правъ „административнаго усмотрѣнія“—расширить сферу компетенціи суда.

Въ область судебнаго разсмотрѣнія внесены нынѣ даже политическія дѣла.

Неотложной и необходимой является, далѣе, мѣра подчиненія суду и печати нашей, изстрадавшейся въ своемъ обособленномъ положеніи.

Пусть свершится эта мѣра — и будетъ меньше у насъ той дикости и глубокаго невѣжества, образцы которыхъ такъ ярко выступаютъ въ приведенныхъ выше процессахъ.

Печать ждетъ подчиненія только суду, „правому, скорому и милостивому“ суду, совершаемому при участіи общественныхъ силъ—присяжныхъ...

Несравненно уменьшится тогда зло и насилія...

Несравненно увеличится значеніе печати и приносимая ею польза.

„Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ говоритъ законъ.

„Правда и милость“ эти должны получить самое полное, самое широкое распространеніе безъ какихъ бы то ни было урѣзокъ и исключеній!..

„Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!..

И. В.

V. За рубежомъ.

Далеко, сквозь туманную мглу свѣтятъ „огоньки“... А вокругъ буря реветъ и воетъ, злая пурга грозитъ замести снѣгомъ, все унести вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра... Наблюдателю жизни культурнаго, какъ и некультурнаго человѣчества, приходится отмѣчать въ своихъ обозрѣніяхъ главные мотивы, основные моменты жизни, такъ какъ деталей онъ уловить не можетъ, не можетъ точно вырисовывать картину момента. Нѣсколькими

крупными штрихами онъ долженъ дать *контуры* момента, и на этомъ его роль должна кончиться.

Итакъ, что должно прежде всего отмѣтить, какъ основной моментъ текущей жизни?

Ненависть, жадность, глухую и глупую вражду народовъ между собою въ то время, какъ вдали ярко свѣтятъ „огоньки" международной солидарности. Злоба, насилїе, мрачныя, темныя силы зависти, любостяжанія яростно ревутъ кругомъ и грозятъ похоронить подъ снѣгомъ далекіе, теплые и яркіе „огоньки" будущаго человѣчества.

Извѣстный экономистъ, глава оппортунистской партіи, яркій выразитель тенденцій высшей французской буржуазіи, Мелинъ помѣщаетъ въ „Républipue Française" цѣлую статью, въ которой чуть не бьетъ тревогу, призывая Европу къ самозащитѣ противъ... Америки. Америка захватываетъ всѣ рынки, Америка строитъ козни противъ Европы и старается сохранить дружескія отношенія съ Японіей, чтобы черезъ нее овладѣть такимъ лакомымъ кускомъ, какъ Китай и — единолично продавать товары полумилліардному Китайскому населенію. Америка хотѣла открыть себѣ въ Европѣ рынокъ для своей колоссальной индустріи, но Европа оказалась слишкомъ хорошо защищенной, и вотъ Америка готовится захватить въ свои руки всю торговлю Азіи. И торгашески волнуется Мелинъ, увѣряя, что „желтая опасность" менѣе страшна, чѣмъ американская. Кончаетъ онъ почти „наускиваніемъ" Англіи на Америку, доказывая, что отъ этого захвата пострадаетъ прежде всего Англія, такъ какъ Японія предастся Америкѣ и измѣнитъ Англіи.

И въ отношеніяхъ всѣхъ народовъ другъ къ другу царствуетъ та же зависть, злоба, человѣконенавистничество...

Но это наблюдается не только въ международныхъ отношеніяхъ. Люди, живущіе въ одной странѣ, національности, представляющія собою все-же единое государство,—хотя-бы только потому и не разваливающееся, что его поддерживаютъ своими боками сосѣди,—національности Австріи,—всегда грызущіяся между собою, дошли въ минувшемъ мѣсяцѣ до рѣзни.

„По случаю открытія въ Инсбрукѣ итальянскаго юридическаго факультета, въ полночь были произведены уличныя демонстраціи. Дѣло дошло до кровопролитныхъ столкновеній. Итальянцы произвели болѣе 200 револьверныхъ выстрѣловъ: ранено 6 чел., одному пуля попала въ сердце".

„Ночью между нѣмцами и итальянцами произошли кровавыя столкновенія, при чемъ итальянцами въ гостиницу „Weisses Kreuz" было унесено нѣсколько раненыхъ и одинъ убитый. Гостиница была осаждена нѣсколькими тысячами нѣмцевъ, которые ее совершенно разрушили".

Но этимъ дѣло не ограничилось. Оно имѣло продолженіе въ казармахъ единой арміи австрійской въ Загребѣ:

„Въ Инсбрукѣ, въ казармахъ, произошли кровавыя столкновенія между стрѣлками нѣмецкой и итальянской національности послѣ сознанія одного солдата итальянца, что при подавленіи безпорядковъ онъ закололъ штыкомъ нѣмецкаго художника.

На улицахъ Инсбрука водворилось спокойствіе, но начался бойкотъ итальянцевъ: имъ не продаютъ съѣстныхъ припасовъ, не принимаютъ ихъ въ дома и въ гости".

Въ Загребѣ тоже произошло кровавое подавленіе демонстраціи, устроенной 400 студентами на площади съ цѣлью выраженія сочувствія итальянцамъ. Полицейскій отрядъ пытался разогнать собравшихся холоднымъ оружіемъ; потомъ перешли къ стрѣльбѣ, причемъ 3 человѣка ранены тяжело, 16 арестовано.

И это еще не все. Злоба, ненависть, самое крайнее насилїе въ международныхъ отношеніяхъ всегда были удѣломъ человѣчества, и убійство, грабежъ, презрѣніе къ самому крайнему минимуму моральныхъ требованій, которое въ отдѣльной личности карается полной отверженностью отъ общества,—все это превращается въ „доблесть", если это сдѣлано въ отношеніи „врага". Это старо. Глубоко, въ крови человѣчества лежитъ это, и та глупость людская, которая заставляетъ студентовъ въ Инсбрукѣ и Загребѣ убивать другъ друга, долго еще будетъ кровавымъ призракомъ для человѣчества, Минотавромъ, который будетъ пожирать его дѣтей, ибо правъ былъ американецъ, который сказалъ своему сыну: „Если хочешь знать, какъ легко управлять людьми, пользуясь ихъ глупостью и низменными инстинктами, — то поѣзжай въ Европу". — Но онъ былъ-бы не менѣе правъ, ко-

нечно, если-бы посовѣтовалъ приглядѣться къ тому, что дѣлается въ самой Америкѣ.

„Братство" народовъ—далекіе „огоньки", свѣтящіе человѣчеству; тѣмъ-болѣе далекіе, что борьба партій — естественное и желательное явленіе во всякомъ здоровомъ государствѣ, эта борьба партій, представляющая собою, въ сущности, совмѣстное исканіе истины, перерождается въ низкое интриганство, предательство и насиліе въ самыхъ грубыхъ формахъ. — Сплошь и рядомъ мы видимъ въ Европѣ, что въ борьбѣ партій нѣкоторыми не считаются обязательными правила простой, элементарной порядочности.

Отшумѣвшее и отошедшее въ исторію дѣло Дрейфуса достаточно ярко иллюстрируетъ это. Вся грязь и всѣ интриги, выплывшія при этомъ „дѣлѣ", такъ же, какъ и при краткомъ, „славномъ" шествіи „цезаря"— Буланже, доказываютъ, что партіи „порядка" во Франціи, мечтающіе о „цезарѣ" для народа для укрощенія „демократической гидры" и о іезуитѣ въ роли народнаго учителя для обученія народа правиламъ нравственности и для просвѣщенія его мысли,—эти партіи ни передъ чѣмъ не останавливаются, начиная съ доносовъ и подложныхъ „dossier", и кончая кровавымъ натравливаніемъ одной части населенія на другую, инсценированіемъ кровавыхъ расправъ.

Темныя силы Франціи продолжаютъ ковать козни противъ республиканскаго министерства Комба, съ такою честью продолжающаго дѣло укрѣпленія республики и борьбы съ ея врагами, начатое министерствомъ Вальдека Руссо.

Клерикалы, воспитывающіе юношество Франціи и армія, въ которую допущены, въ роли офицеровъ и начальниковъ, *враги* республики—вотъ кровоточащая язва французской республики. Вальдекъ Руссо, а теперь Комбъ взялись за очистку авгіевыхъ конюшенъ. Поистинѣ—трудъ Геркулеса.

Надняхъ еще былъ раскрытъ цѣлый заговоръ, который былъ направленъ противъ военнаго министра генерала Андрэ, ненавистнаго этой черной стаѣ только тѣмъ, что онъ искренній республиканецъ, и что простая мысль, что солдаты существуютъ для защиты свободнаго отечества, а не страна существуетъ для деспотизма милитаристовъ— для него не пустой звукъ, а дѣло, за которое онъ рѣшилъ храбро и доблестно сражаться. И палата принуждена посвящать цѣлыя засѣданія „запросамъ оппозиціи" и объясненіямъ министерства.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ 15 октября полковникъ Руссэ упрекаетъ министра въ томъ, что онъ допустилъ вліяніе политическихъ партій въ военныхъ училищахъ. Этотъ упрекъ особенно интересенъ въ устахъ людей, которые превратили при посредствѣ аббатовъ - іезуитовъ начальныя школы въ арену политической борьбы.

„Засѣданіе открылось въ присутствіи многочисленной публики, относившейся съ единодушнымъ интересомъ къ предстоявшимъ преніямъ. Интересъ усиленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „Figaro" помѣстилъ, въ видахъ усугубленія значенія предполагавшагося запроса относительно доносовъ противъ арміи, рядъ документовъ, подтверждающихъ заявленія, что, подъ предлогомъ защиты республиканскаго режима, создана въ арміи, въ видахъ содѣйствія или противодѣйствія движенію по службѣ офицеровъ, тайная организація для наблюденій и собиранія справокъ. Отвѣтъ военнаго министра на запросъ полковника Руссэ былъ прочитанъ имъ самимъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ характеръ заявленія, заранѣе рѣшеннаго въ совѣтѣ министровъ. На обычное министерское большинство форма заявленія генерала Андре произвела впечатлѣніе признака явной солидарности членовъ правительства. Указавъ на преувеличенность большинства заявленныхъ фактовъ, военный министръ резюмировалъ свой отвѣтъ въ слѣдующей политической формулѣ: „Я буду настаивать, чтобы армія повиновалась законамъ и республикѣ".

Это значитъ поставить точку надъ і, такъ какъ дѣло именно въ томъ, что армія не хочетъ знать другихъ законовъ, кромѣ своихъ и республику только терпитъ до поры, до времени. Палата объединилась вокругъ министерства. Противоположные элементы выступили на защиту его. Жоресъ произнесъ блестящую рѣчь, обращенную ко всѣмъ республиканцамъ, и палата единогласно простымъ поднятіемъ рукъ приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

А въ другомъ засѣданіи палата точно и ясно формулировала: „Полагая, что обязанность республиканскаго правительства заключается въ томъ, чтобы ограждать своихъ

вѣрныхъ слугъ противъ всякихъ кастовыхъ привиллегій и противъ всякихъ махинацій со стороны реакціи и притомъ обычными средствами,—палата разсчитываетъ на правительство въ интересахъ обезпеченія офицерамъ повышенія по службѣ на основаніи ихъ профессіональныхъ заслугъ и республиканской лойяльности".

Такъ вотировали народные представители республиканской Франціи, рѣшивъ по наивности своей, что не гоже лишать въ республиканской Франціи офицера повышенія только потому, что онъ республиканецъ, какъ это проектировалось въ арміи до министерства Андрэ.

Грандіозную борьбу предприняло министерство Комба.

Борьбу съ клерикалами, которые такъ сильны во Франціи, начало опять-таки министерство Вальдека-Руссо въ видѣ борьбы съ конгрегаціями, и только изъ ихъ дерзкаго и вызывающаго образа дѣйствій, прямого неповиновенія республиканскому правительству, Франція узнала, какая страшная язва разъѣдаетъ ея государственное тѣло и, несмотря на мелкую борьбу своихъ политическихъ партій, сумѣла вручить достаточную силу министерствамъ Руссо, а затѣмъ Комба и придать имъ необходимую устойчивость для борьбы на смерть съ этимъ чудовищемъ, тысячелѣтіе заслоняющимъ отъ человѣчества солнце знанія и свѣтъ правды — съ клерикализмомъ.

Наконецъ, церковный вопросъ во Франціи логически принужденъ былъ дойти до своего послѣдняго слова, — до отдѣленія церкви отъ государства. Эта идея проложила себѣ широкій путь въ сознаніи народномъ. Это видно хотя-бы изъ того, что такой тонкій и осторожный политикъ, какъ Дешанель, высказался въ пользу отдѣленія — съ условіемъ, чтобы оно обезпечило, при верховномъ правѣ государства, свободу всѣмъ исповѣданіямъ.

Уже послѣ рѣчи Дешанеля почти выяснилось отношеніе палаты, но совсѣмъ ясно опредѣлилось оно послѣ рѣчи Комба. Комбъ изложилъ историческій ходъ вещей, приведшій къ разрыву съ Ватиканомъ. Онъ сказалъ, что расколъ между гражданскимъ обществомъ и католическимъ духовенствомъ ясно выразился послѣ провозглашенія непогрѣшимости Папы. Онъ сказалъ, что никакой конкордатъ, никакое соглашеніе невозможно между „непогрѣшимымъ" папой и современнымъ, свободнымъ государствомъ, такъ какъ папство смотритъ на согласіе подчиниться конкордату, какъ на актъ милости съ своей стороны. „Съ такою властью не ведутъ переговоровъ".

Комбъ думаетъ, что всякіе переговоры съ папской куріей поведутъ только къ тому, что соглашающіеся на переговоры будутъ обмануты и сдѣлаются сообщниками папскаго престола. Думать иначе — значитъ не знать историческаго образа дѣйствія папской куріи. Комбъ твердо и рѣшительно заявилъ, что онъ — сторонникъ свободы церкви, поскольку она совмѣстима со свободой вообще. Въ Каноссу Комбъ надѣется не пойти, такъ какъ „для него это такое путешествіе, предпринять которое не позволяютъ ни его возрастъ, ни его убѣжденія". Дальше онъ заявилъ, что „отдѣленіе церкви отъ государства стало неизбѣжнымъ. Папа пожелалъ отдѣленія и хочетъ подчинить своей волѣ государство". Палата выразила довѣріе правительству большинствомъ 325 голосовъ противъ 237, и Франція этимъ сдѣлала серьезный и важный шагъ по пути укрѣпленія своихъ демократическихъ учрежденій и свободныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе ея общественнаго строя.

II.

Въ прошломъ обозрѣніи мы коснулись мелькомъ имперіализма и его міровового значенія. Намъ кажется, что нельзя достаточно сильно оттѣнить все вліяніе происходящаго на нашихъ глазахъ историческаго явленія на будущія судьбы человѣчества.

Чемберлэны, Сесили Родсы—это „великіе люди" историческаго момента. Они прокладываютъ пути для человѣчества на много столѣтій впередъ, завариваютъ кашу, которую человѣчество будетъ расхлебывать много и много сотенъ лѣтъ.

Интересно отмѣтить здѣсь, что англо-саксонскій имперіализмъ былъ впервые ясно формулированъ лордомъ Биконсфильдомъ,—демократомъ и вольтерьянцемъ по духу своему и правовѣрнымъ тори по наклонностямъ и политическимъ требованіямъ — талантливымъ Д'Израэли.

Холодный и честолюбивый мечтатель,—

этотъ демократъ, глубоко презирая напыщенное англійское лордство, влилъ сильную струю имперіализма въ разрушающуюся партію тори, оживилъ ее новыми стремленіями, связалъ ее съ интересами высшей буржуазіи, освѣжилъ ее поэзіей силы. Это былъ почти геніальный ходъ честолюбца-политика. Любопытно также, что и Чемберлэнъ началъ свою политическую карьеру, какъ демократъ.

Но не будемъ останавливаться на исторіи имперіализма. Перейдемъ къ текущему дню.

Чемберлэнъ, какъ извѣстно, давно ушелъ, но чемберлэнизмъ живъ и живъ, несомнѣнно, не только потому, что живъ самъ Чемберлэнъ. Идеи имперіализма проникли въ массу, которую одурманили гашишемъ легенды о „единой, великой Британской имперіи". Массу — этого большого барана, который остается пока бараномъ даже въ культурной, свободной Англіи, -загипнотизировали этой сказкой о Великой Британской Имперіи, увѣривъ его, что она ему необходима. И онъ наивно вѣритъ,—проливаетъ во имя этого кровь въ Южной Африкѣ, въ различныхъ мѣстахъ Азіи и платитъ, конечно, по всѣмъ счетамъ.

Это старая исторія. Этому барану всегда предъявляютъ безбожные счеты, и онъ съ истинно-бараньей добросовѣстностью платитъ по нимъ.

Надо отдать, впрочемъ, справедливость англійскому барану. Съ нимъ приходится торговаться,—долго и утомительно убѣждать его, что затраты были необходимы, что счетъ правиленъ и надо платить по немъ.

О, онъ заплатитъ по счету имперіализма изъ конторы „Чемберлэнъ, Родсъ и К°", но приходится долго и настойчиво увѣрять его, что протекціонистскіе тарифы предполагаются для его-же, дурня, пользы, что налогъ на хлѣбъ, на пиво, на сахаръ и на другіе предметы первой необходимости не убавятъ количества этихъ продуктовъ въ домѣ его, а—наоборотъ—увеличатъ, такъ какъ „заработная плата повысится", какъ увѣряютъ политико-экономы чемберлэнисты.

Онъ не вѣритъ пока и такъ ясно показываетъ свое недовѣріе, что состоящій при немъ въ данное время главный пастухъ—министръ Бальфуръ—не рѣшается явно и открыто выразить свое согласіе съ Чемберлэномъ. Онъ нерѣшительно колеблется, и въ Англіи все настойчивѣе наростаетъ убѣжденіе, что дни торійскаго министерства сочтены.

Это подтверждается еще тѣмъ, что извѣстный политическій дѣятель, лордъ Розберри,—вождь партіи виговъ, „министръ оппозиціи Его Величества"—началъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни, а корректный лордъ Розберри даромъ тратиться не будетъ.

Есть еще одинъ показатель. Это—ирландскій вопросъ.

Въ пылу шовинизма и расцвѣта имперіалистскихъ тенденцій,—во время англо-бурской войны дѣла партіи тори стояли очень „крѣпко", и она презрительно относилась къ ирландцамъ, третировала ихъ en canaille и слышать не хотѣла ни о какихъ измышленіяхъ „умалителей Англіи" — Гладстоновъ,—ни о какихъ home rule'яхъ.

Времена измѣнились. Голоса 80-ти ирландскихъ депутатовъ, какъ видно, очень нелишни торійскому министерству, если оно вноситъ законопроектъ — не гомруля, правда,—но кой-чего приближающагося къ нему. Проектъ этотъ, который называютъ Devolution", т. е. „передача", состоитъ въ планѣ передать расходованіе 150 милліоновъ ирландскаго бюджета въ вѣденіе особаго собранія, состоящаго изъ 12-ти лицъ, назначенныхъ правительствомъ и 12-ти выборныхъ членовъ.

Кромѣ того, дѣла ирландскія подлежатъ смѣшанному собранію изъ ирландскихъ пэровъ и народныхъ представителей.

Въ сравненіи съ гомрулемъ Гладстона этотъ проектъ жалокъ. Но важно и интересно то, что возрождается все же идея о гомрулѣ и, главное, что она идетъ изъ торійскаго лагеря.

Это, какъ извѣстно, особенность англійскаго консерватизма, выгодно отличающая его отъ доморощенныхъ „тори" европейскаго континента. Англійскій консерватизмъ есть истинный государственный консерватизмъ, придающій устойчивость государственному кораблю сохраненіемъ и обереганіемъ его традицій,—но только до тѣхъ поръ, пока сама жизнь настойчиво не заявила своихъ требованій перемѣнъ. Иначе говоря,—англійскій консерватизмъ признаетъ тотъ неоспоримый фактъ, что жизнь не стоитъ, но считаетъ возможнымъ вносить измѣненія въ устои жизни только тогда, когда требованія

жизни уже выкристаллизовались и приняли опредѣленную повелительную форму. И англійскій консерваторъ пугаетъ иногда европейскаго „либерала" своимъ демократизмомъ.

Въ общемъ, надо сказать, что въ Англіи существуютъ прочныя традиціи государственнаго строя, на которыхъ не отражается перемѣна министерствъ.

Дальнѣйшее движеніе въ Азіи есть уже давно установившійся принципъ англійской политики, и на нашихъ глазахъ произошло почти присоединеніе таинственной страны Далай-Ламы—Тибета, вмѣстѣ съ его священнымъ городомъ, недоступнымъ для иностранцевъ—Лхассой.

Да, моральное чувство глубоко возмущаетъ эта политика захватовъ, но возмутительно слышать и лицемѣрныя рѣчи Іудушки, которыя раздаются часто по адресу Англіи: она-де коварная грабительница, жаждущая все захватить въ свои руки—и пр.—„Не лучше-ли, чѣмъ кумушекъ считать"...

Всѣ государства руководятся въ политикѣ узко-эгоистическими инстинктами любостяжанія и пріобрѣтательства. Болѣе-того, это возводится въ принципъ и считается, что понятія справедливости и гуманности въ отношеніяхъ народовъ не могутъ пока имѣть мѣста. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, должно сказать, что Англія отличается отъ другихъ государствъ только тѣмъ, что ея политика прочнѣе, послѣдовательнѣе и настойчивѣе, что ея государственные люди умнѣе, дальновиднѣе и талантливѣе, что ея колоніальные захваты проводятся болѣе тонко, и болѣе умѣло и прочно водворяется тамъ власть и вліяніе метрополіи. Да, многія страницы изъ исторіи подавленія возстаній въ Индіи ложатся несмываемымъ пятномъ позора на нее; но, наряду съ этимъ, Англія въ своемъ колонизаціонномъ шествіи, доказала всю колонизаторскую мощь своей англо-саксонской расы, всю живучесть свободолюбивыхъ традицій своей страны. При первой возможности Англія даетъ автономію завоеванной странѣ, укрѣпляя свою власть и вліяніе не полицейскимъ насиліемъ, а строгой законностью и лойальнымъ сохраненіемъ свободы присоединенной территоріи. Европа несомнѣнно имѣетъ чему поучиться у Англіи.

Походъ въ Тибетъ съ моральной точки зрѣнія не блещетъ красотой, но вся современная политика, вдохновляемая интересами буржуазіи, не уступаетъ ему въ моральной красотѣ. Бравый полковникъ Юнгхесбандъ, сражающійся оружіемъ послѣдняго образца противъ наивныхъ тибетцевъ, вышедшихъ съ палками защищать отъ „рыжаго варвара" свою святыню—это любопытная строчка изъ огромнаго тома исторіи захвата, насилія, коварства, учиняемаго бѣлой расой по всему лицу земного шара во имя „цивилизаціи" и... всесильнаго „купона".

Но это старо. Осуществлено-же это было беззастѣнчиво ловко, умно и предусмотрительно доведено до конца.

Въ Лхассѣ 7-го сентября былъ торжественно подписанъ англо-тибетскій договоръ, въ которомъ Англія на протяженіи десяти параграфовъ старается замаскировать простой и ясный фактъ учрежденія ею своего протектората надъ Тибетомъ, и извѣстная часть европейской прессы глубоко „возмущена" англійской „коварной политикой" захвата, думая въ сердцѣ своемъ: „ахъ, если-бы и намъ перепалъ такой лакомый кусочекъ"!

Но не все-же однѣ розы,—есть и терніи на этомъ пути. Волнуются, напримѣръ, кафры въ Южной Африкѣ, и ихъ надо успокаивать. Оружіе по послѣднему слову науки умѣетъ дѣйствовать успокоительно, но... это стоитъ денегъ, это хлопотно и, вообще, непріятно. Отчего-же волнуются эти смирные черные бараны? Они недовольны тѣмъ, что владѣльцы копей, въ цѣляхъ пониженія заработной платы, выписываютъ изъ Китая для работы въ копяхъ смиренныхъ, съ крайнимъ минимумомъ потребностей, *желтыхъ* барановъ. Любопытно, что они недовольны владѣльцами копей. Было-бы естественно со стороны барановъ накинуться на желтыхъ братьевъ своихъ и вырѣзывать ихъ, какъ это сдѣлали нѣсколько лѣтъ тому назадъ американскіе рабочіе съ китайскими въ Санъ-Франциско.

III.

Въ тишинѣ творится исторія...

Въ прошломъ мѣсяцѣ порывъ вѣтра разорвалъ на мгновеніе снѣжный покровъ, и человѣчество отчетливо увидѣло „огоньки"... Мы говоримъ о Гулльскомъ инцидентѣ, который охватилъ ужасомъ все человѣчество и—притихшее—оно ждало втеченіе трехъ дней страшной грозы.

Англичане говорятъ объ „излишней нервности русскихъ моряковъ“,—русскіе указываютъ на недостаточную нейтральность гулльскихъ рыбаковъ, допустившихъ японскія миноноски укрыться за ихъ флотиліей. Въ результатѣ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ рыбаковъ и—страшная угроза европейскому миру.

Англійскій флотъ былъ готовъ къ выступленію, и цѣлое море крови должно было залить Европу.

Духъ Европы, какой она будетъ въ отдаленномъ будущемъ, все-же побѣдилъ и все дѣло передано на разслѣдованіе третейскому суду. Россія приняла условія особаго соглашенія, предложенныя Англіей по иниціативѣ Франціи. Условія эти слѣд.: 1) Комиссія состоитъ изъ пяти членовъ: одного англійскаго, одного русскаго, одного американскаго и одного французскаго офицеръ. Эти четверо членовъ выбираютъ пятаго. 2) Комиссія произведетъ слѣдствіе обо всѣхъ обстоятельствахъ происшествія и установитъ отвѣтственность. 3) Комиссія имѣетъ право на рѣшеніе всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ. 4) Обѣ стороны обязуются доставить комиссіи всѣ необходимыя свѣдѣнія, облегчить ея работу и т. д. 5) Комиссія соберется въ Парижѣ по возможности немедленно послѣ подписанія настоящаго соглашенія. 6) Докладъ комиссіи будетъ оффиціально сообщенъ обоимъ правительствамъ.

Что выяснитъ комиссія и къ какому рѣшенію придетъ—это дѣло будущаго. Намъ-же важно только установить, что двѣ колоніальныя державы, имѣя прекрасный поводъ для „доблестнаго“ рѣшенія спора „на полѣ брани“, — предпочли вмѣсто этого предложить споръ на разсмотрѣніе пяти джентльменовъ, разсчитывая безъ кровопролитія выяснить истину.

Историкъ отдаленной будущей эпохи съ удивленіемъ будетъ спрашивать себя: „неужели, дѣйствительно, могла быть война“? Но Европа знала, что война могла быть, и поэтому-то она съ такимъ облегченіемъ вздохнула, когда пронеслась гроза.

Упомянемъ еще въ нѣсколькихъ словахъ объ „огонькахъ“ мира и солидарности человѣческой. Президентъ Рузвельтъ посылаетъ циркуляръ о новой мирной конференціи въ Гаагѣ. За недостаткомъ мѣста мы не приводимъ текста циркуляра,—скажемъ только, что Америка ставитъ очень скромныя требованія, выдвигая на первый планъ „разработку и кодификацію всеобщихъ идей права и справедливости, называемыхъ международнымъ правомъ и долженствующихъ получить примѣненіе въ будущемъ“.

Отмѣтимъ кратко еще нѣсколько „огоньковъ“: 1) Ведутся переговоры о заключеніи соглашенія между Англіей и Соедин. Штатами, о представленіи всѣхъ имѣющихъ возникнуть недоразумѣній и споровъ третейскому суду. 2) Состоялось соглашеніе между Англіей и Франціей относительно Египта, Марокко, Сіама, Нью-Фаундленда и западной Африки. 3) Между Франціей и Соединенными Штатами подписанъ арбитражный договоръ, подобный тому, который былъ заключенъ съ Англіей. 4) Такое-же соглашеніе заключено между Россіею и Бельгіею. 5) Германія отказалась въ этомъ году отъ празднованія годовщины Седана.

Если къ этому прибавить еще такой актъ международной вѣжливости, о которомъ мы читаемъ въ телегр. изъ Вашингтона: „Государственнымъ департаментомъ получена отъ американскаго посла въ Петербургѣ телеграмма, въ которой говорится, что русское правительство вскорѣ изъявитъ свою готовность признавать паспорты, выданные пріѣзжающимъ въ Россію американскимъ евреямъ“, —то всѣ „международные огоньки“ этимъ будутъ исчерпаны.

Но—въ тишинѣ дѣлается исторія.—Кромѣ торжественныхъ дипломатическихъ соглашеній, происходящихъ между народами, существуютъ еще соглашенія, гдѣ народы сходятся для мирнаго, глубоко плодотворнаго труда: всевозможные конгрессы, которые все болѣе и болѣе распространяются среди культурнаго человѣчества.

Мы говорили уже о конгрессѣ печати, собравшемся въ Вѣнѣ. Осенью-же собирался международный конгрессъ крайнихъ демократовъ въ Амстердамѣ. Весь культурный міръ прислушивался къ работамъ его. О дебатахъ печатались отчеты во всѣхъ газетахъ міра. Конгрессъ долженъ былъ рѣшительно высказаться относительно „ревизіонизма“ нѣмецкихъ демократовъ—Бернштейна и др. и такой-же тактики французскихъ демократовъ, представителями которыхъ являются Жоресъ, Мильеранъ и др. Вся партія рѣшительно высказалась противъ совмѣстной политической

работы съ передовыми буржуазными элементами, строго настаивая на сохраненіи въ первоначальной ясности всѣхъ завѣтовъ учителей соціализма.

Почти въ то же время засѣдалъ конгрессъ свободомыслящихъ въ Римѣ. Онъ собрался въ этой твердынѣ папства, — въ самомъ гнѣздѣ коршуна, державшаго полторы тысячи лѣтъ свободу и разумъ человѣчества въ своихъ когтяхъ. Открылся онъ 20 сентября—въ день уничтоженія свѣтской власти папъ—въ присутствіи 5000 делегатовъ, изъ которыхъ около тысячи было изъ одной Франціи.

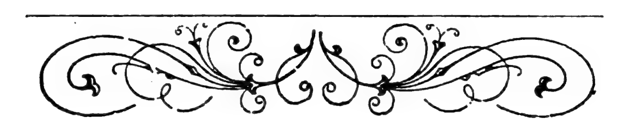
Католичество—мировая религія прошлаго, но свободомысліе—мировая религія будущаго, и здѣсь были представители всѣхъ странъ и народовъ.

Всемірно-извѣстный ученый Бертело, одинъ изъ основателей союза свободомыслящихъ, не могъ самъ пріѣхать и прислалъ письмо, которое было прочитано передъ началомъ засѣданія... „Мы собрались здѣсь, чтобы подтвердить эволюцію современнаго духа и торжество новаго соціальнаго порядка, власть котораго основывается на полной независимости мнѣній и на неоспоримыхъ доказательствахъ науки“...

Извѣстный ученый, профессоръ Геккель внесъ предложеніе послать телеграмму министру Комбу, ведущему геркулесовскую борьбу съ темными силами во Франціи. Это предложеніе было восторженно принято конгрессомъ.

Интересно отмѣтить, что большинство депутатовъ — изъ міра ученыхъ, писателей и пр. Люди знанія и науки — естественные враги всѣхъ темныхъ силъ, предразсудковъ и насилія. Наука и знаніе—вотъ истинное и великое оружіе, которое дастъ побѣду человѣчеству, усмиритъ пургу и приблизитъ далекіе, далекіе „огоньки“.

Л. М.



Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 23 Ноября 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

Естествознаніе и міровоззрѣніе.

Макса Ферворна.

Въ естествознаніи происходитъ броженіе. Вещи, которыя еще недавно всѣмъ казались ясными и прозрачными, вдругъ замутились. Давно испытанные символы и представленія, съ которыми еще недавно всякій не задумываясь оперировалъ совершенно свободно, теперь затуманились и возбуждаютъ всеобщее недовѣріе. Основныя понятія, какъ матерія, оказываются потрясенными, и твердая почва начинаетъ колебаться подъ шагами естествоиспытателя. Незыблемо, какъ скалы, стоятъ лишь вѣчныя проблемы, о которыя до сихъ поръ разбивались всѣ попытки и усилія естествознанія. Нѣкоторые, отчаявшись въ успѣхѣ, бросаются въ объятія мистики, которая всегда была послѣднимъ убѣжищемъ измученному человѣческому разуму, когда онъ не видѣлъ болѣе уже никакого другого исхода. Болѣе твердые духомъ видятъ только необходимость въ новыхъ символахъ и пытаются заложить новыя основы, на которыхъ можно было бы продолжать дальнѣйшую постройку научнаго зданія.

Вотъ почему въ настоящее время занятіе самыми общими, можно сказать даже, послѣдними вопросами бытія снова пріобрѣло для естествознанія особую прелесть. Еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ естествоиспытатель, который отрывался отъ своего тѣснаго рабочаго стола и останавливалъ взоръ на широкихъ всеобъемлющихъ проблемахъ, почти неизбѣжно подвергался сплошь полупрезрительной критикѣ со стороны спеціалистовъ. Теперь же можно отмѣтить, я хотѣлъ бы выразиться, перепроизводство естественнонаучныхъ изслѣдованій, которыя не только касаются общихъ вопросовъ естествознанія, но даже проникаютъ далеко за предѣлы ихъ вглубь отвлеченнѣйшихъ философскихъ проблемъ. Снова подымаются старыя попытки расширить и координировать естествознаніе въ цѣлое міровоззрѣніе,

„Въ сердце и духъ человѣка проникнуть
И міръ необъятный познать".

При такомъ положеніи вещей прежде всего является необходимымъ прибѣгнуть къ критикѣ и из-

слѣдовать, въ какой мѣрѣ старые и новые символы и представленія естествознанія вообще достаточны для наброска всеобъемлющей картины міра.

Если я чувствую почему либо смѣлость ближе подойти къ этой задачѣ, такъ это просто благодаря преимуществу своего положенія, какъ физіолога, такъ какъ область живого издавна была исходнымъ пунктомъ при созданіи общаго понятія о мірѣ.

Съ давняго времени именно здѣсь видѣли важнѣйшую часть проблемы, въ соединеніи двухъ родовъ явленій, между которыми еще въ воззрѣніяхъ доисторическаго человѣка залегла непроходимая пропасть.

Почти всегда, только путемъ изслѣдованія явленій жизни надѣялись объединить въ стройной картинѣ мірозданія рядъ вещественныхъ и духовныхъ явленій, которыя еще и теперь, при нашемъ обычномъ взглядѣ на вещи, оказываются рѣзко противоположными. Такимъ образомъ при изслѣдованіи природы всегда, особенно отъ физіологіи, ожидалось, что она когда нибудь дастъ намъ рѣшеніе великой міровой проблемы. Возможность же естественнонаучнаго объясненія обоихъ родовъ явленій и слѣдовательно возможность построенія монистическаго міровоззрѣнія на естественнонаучномъ базисѣ—предполагалась обыкновенно сама собою разумѣющейся.

Для развитія нашихъ критическихъ соображеній будетъ полезно примкнуть сначала къ извѣстнымъ и обычнымъ представленіямъ и пріемамъ мышленія. При этомъ мы не можемъ обойтись безъ точнаго установленія нѣкоторыхъ понятій, такъ какъ полная ясность здѣсь необходима прежде всего. Итакъ намъ нужно въ самомъ началѣ установить понятіе естественно научнаго объясненія явленій, въ томъ смыслѣ, какъ оно обычно теперь принимается.

Съ давняго времени понятіе „природа“ означаетъ совокупность всѣхъ чувственно, т. е. объективно воспринимаемыхъ вещей, короче—вещественный міръ, въ противоположность къ міру психическихъ явленій, которыя воспринимаются лишь субъективно.

Такимъ образомъ естественнонаучное объясненіе должно означать: сведеніе всѣхъ явленій на элементы и принципы вещественнаго міра.

Я умышленно беру здѣсь это понятіе естественнонаучнаго объясненія въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ Дю-Буа-Реймонъ въ извѣстной своей рѣчи „о границахъ познанія природы“, гдѣ оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

„Познаніе природы, точнѣе говоря, естественнонаучное познаніе, или познаніе вещественнаго міра въ смыслѣ теоретическаго естествознанія—есть сведеніе всѣхъ измѣненій вещественнаго міра на движеніе атомовъ, подвергающихся дѣйствію независимыхъ отъ времени центральныхъ силъ, другими словами – низведеніе сущности всѣхъ естественныхъ явленій къ механикѣ атомовъ“. Въ этомъ опредѣленіи уже напередъ считается принятымъ положеніе, что вещественный міръ представляетъ изъ себя совокупность атомовъ. Я же хотѣлъ бы въ своемъ опредѣленіи оставить открытой возможность считать вещественный міръ состоящимъ изъ чувственно воспринимаемыхъ факторовъ иного рода, чѣмъ атомы, какъ это стремятся теперь сдѣлать новыя теченія въ естествознаніи. Я, поэтому, буду говорить только вообще объ „элементахъ вещественнаго міра“. Тогда попытка построить міровоззрѣніе на естественно научной основѣ, коротко говоря, превратилась бы въ проблему сведенія не только объективныхъ, но и субъективныхъ явленій на элементы вещественнаго міра.

Возможно ли это? Выдающіеся естествоиспытатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Посмотримъ, однако, насколько удачны эти попытки разрѣшенія проблемы.

Одна изъ нихъ хорошо извѣстна. Еще до сихъ поръ далеко не ничтожная часть естествоиспытателей, болѣе или менѣе сознательно, стоитъ на ея почвѣ. Это—попытка матеріализма. Матеріализмъ коротко и ясно заявляетъ, что всѣ психическія явленія суть физіологическія функціи мозгового вещества. Мнѣ вспоминается пресловутое сравненіе, заимствованное изъ философской эпохи великаго Фридриха, которымъ впослѣдствіи Карлъ Фохтъ приводилъ въ ужасъ всѣ благонамѣренные умы, когда заявлялъ, что „мысли стоятъ приблизительно въ такомъ отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ".

Но я вспоминаю также и о блестящемъ успѣхѣ, съ какимъ Дю-Буа-Реймонъ на собраніи естествоиспытателей въ Лейпцигѣ съ замѣчательной наглядностью показалъ, что матеріалистическое пониманіе міра въ дѣйствительности вовсе не даетъ естественнонаучнаго объясненія психическихъ явленій, да и никогда не дастъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, даже если бы мы обладали самымъ совершеннымъ познаніемъ физіологическихъ процессовъ, протекающихъ въ клѣткахъ и волокнахъ мозговой коры, съ которыми связаны психическія явленія, даже если бы намъ удалось заглянуть въ механизмъ мозгового аппарата, какъ въ механизмъ часовъ, то мы все же никогда не увидѣли бы ничего иного, кромѣ движущихся атомовъ. Ни одному человѣку не удалось бы видѣть или какъ нибудь иначе чувственно воспринимать, какимъ образомъ при этомъ возникаютъ ощущенія и представленія. Результаты, какіе получило матеріалистическое пониманіе при своей попыткѣ сведенія психическихъ явленій на движенія атомовъ, лучше всего иллюстрируютъ его плодотворность: за все время своего существованія матеріалистическое пониманіе міра не объяснило и простѣйшаго ощущенія движеніемъ атомовъ. Такъ было до сихъ поръ, такъ и останется впредь. Да и какъ могло быть мыслимо, чтобы такія не поддающіяся чувственному воспріятію вещи, какъ психическія явленія, нашли себѣ объясненіе въ простомъ разложеніи большихъ тѣлъ на ихъ мельчайшія частички! Вѣдь и самый атомъ остается все же тѣломъ, и никакое движеніе атомовъ не будетъ никогда въ состояніи перебросить мостъ черезъ пропасть между вещественнымъ міромъ и психическими явленіями. Матеріалистическое пониманіе міра, какъ ни плодотворно оно, какъ естественнонаучная рабочая гипотеза, какъ ни плодотворно оно въ такомъ смыслѣ въ ограниченной области, какимъ безъ сомнѣнія оно останется и въ будущемъ (достаточно лишь указать на успѣхи структурной химіи) —оно настолько же безплодно въ качествѣ основы научнаго міровоззрѣнія. Для этого оно оказывается слишкомъ узкимъ. Философскій матеріализмъ сыгралъ свою историческую роль. Этотъ опытъ естественнонаучнаго воззрѣнія на міръ надо признать неудавшимся.

„Мы, бросивъ печально обломки, уходимъ
И плачемъ".

Или можетъ быть изъ обломковъ можно еще построить домъ, на новомъ, расчищенномъ мѣстѣ? Нѣкоторые такъ и думали, но при попыткахъ въ этомъ направленіи отчасти уже покидалась почва чисто естественнонаучнаго опыта.

Я имѣю здѣсь въ виду стремленіе построить монистическое міровоззрѣніе путемъ надѣленія психическими способностями уже мельчайшихъ частичекъ вещества—атомовъ.

Главнымъ образомъ неутомимой борьбѣ Геккеля за это воззрѣніе мы обязаны тѣмъ, что и понынѣ въ естествознаніи оно имѣетъ большинство приверженцевъ. Послѣдовательно проводя идею развитія и черезъ область психическихъ явленій Геккель представляетъ себѣ, что

каждый атомъ уже надѣленъ примитивной, еще не сознательной душой, совершенно также, какъ, согласно матеріалистическому воззрѣнію, каждый атомъ уже является надѣленнымъ силой. И далѣе, что путемъ комбинаціи атомовъ въ молекулы, затѣмъ молекулъ въ живое вещество, начиная отъ одноклѣточныхъ протистовъ черезъ всю лѣстницу живыхъ существъ вплоть до сложныхъ клѣточныхъ государствъ, высшихъ растеній и животныхъ—происходитъ все болѣе совершенное развитіе и усложненіе души, которая достигаетъ своей высшей ступени въ чрезвычайно тонкихъ ощущеніяхъ безконечно богатой мыслительной жизни поэта и философа. Все развитіе вплоть до высочайшихъ проявленій дѣятельности покоится лишь на комбинаціи атомныхъ душъ.

Слѣдуетъ признаться, что эти идеи, благодаря своей простотѣ и ясности заключаютъ въ себѣ нѣчто необыкновенно подкупающее, въ особенности, когда онѣ излагаются съ такимъ захватывающимъ воодушевленіемъ и наглядностью, какъ это дѣлаетъ великій іенскій зоологъ. Да и непосредственное происхожденіе этихъ идей изъ ученія объ эволюціи должно было обезпечить этому воззрѣнію повсемѣстныя симпатіи среди изслѣдователей природы, и подводные камни, на которыхъ потерпѣлъ полное крушеніе матеріализмъ, здѣсь какъ будто бы очень просто и счастливо обойдены. Но дѣйствительно ли здѣсь разрѣшенъ въ истинно монистическомъ смыслѣ старый дуализмъ между душой и тѣломъ?

Намъ слѣдуетъ прежде всего ясно поставить требованія, которыя мы должны предъявлять ко всякому строго монистическому методу объясненія явленій, если хотимъ, чтобы наша потребность познанія была имъ правильно удовлетворена.

Требованіе—свести сущность всѣхъ явленій къ одному однородному началу является послѣдовательнымъ выводомъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ природы самаго познавательнаго процесса.

Вѣдь самый процессъ познанія является сведеніемъ наблюдаемаго множества къ одному общему началу. Если мы будемъ все далѣе и далѣе продолжать этотъ процессъ сведенія множества къ единству, то въ концѣ концовъ онъ послѣдовательнымъ образомъ приведетъ къ одному, единственному началу. Но процессъ познанія заключается не просто въ сведеніи многаго къ единому, нѣтъ, онъ долженъ кромѣ того быть сведеніемъ неизвѣстнаго къ извѣстному. Только, когда нѣкоторое множество неизвѣстныхъ явленій сведено къ одному уже извѣстному принципу, мы говоримъ о дѣйствительномъ познаніи. Поэтому мы вправѣ желать, чтобы послѣдній, конечный принципъ монистическаго міровоззрѣнія являлся бы для насъ вещью непосредственно данной, которая не нуждалась бы сама ни въ какомъ дальнѣйшемъ объясненіи, потому что это былъ бы вѣдь единственный дѣйствительно существующій принципъ и было бы, поэтому, совершенно безразсуднымъ предпріятіемъ пытаться еще дальше опредѣлить единственно существующее начало. Въ концѣ концовъ это сведеніе множества къ единому началу только тогда можетъ насъ удовлетворить, если оно произведено безъ гипотезъ, логическимъ путемъ. Всякая гипотеза окажется здѣсь неудовлетворительной, такъ какъ она широко раскрываетъ двери сомнѣнію. Итакъ: монистическое объясненіе только въ томъ случаѣ дѣйствительно является на лицо, когда удается все разнообразіе явленій свести, не прибѣгая къ гипотезамъ, къ одному, единственному, *извѣстному* началу.

Это безусловное требованіе, какъ мнѣ кажется, не цѣликомъ выполнено ученіемъ объ одушевленныхъ атомахъ. Здѣсь я впадаю въ часто и много разъ разъяснявшееся нами

противорѣчіе съ моимъ высокочтимымъ учителемъ и другомъ Геккелемъ. Дѣло въ томъ, что гипотеза одушевленныхъ атомовъ собственно вовсе не уничтожаетъ двойственности между душой и тѣломъ. Оба, при точномъ разсмотрѣніи, остаются по прежнему другъ подлѣ друга все еще необъясненными однимъ общимъ принципомъ. Вѣдь, въ сущности здѣсь не сдѣлано ничего иного, какъ только взятъ простѣйшій элементъ вещественнаго міра, и ему приписано обладаніе простѣйшей формой души. Отношеніе между тѣломъ и душою остается здѣсь совершенно такимъ же и совершенно такимъ же непонятнымъ, какъ и отношеніе ихъ въ большомъ человѣческомъ организмѣ. Дуализмъ здѣсь не устраняется, такъ какъ мы не въ состояніи разсматривать два различныхъ элемента, какъ нѣчто единое.

Нѣкоторые естествоиспытатели все-таки пытаются установить здѣсь монизмъ. Фехнеръ, Гербертъ Спенсеръ, Геккель, Эббингаузъ и другіе, возвращаясь къ Спинозѣ и прибѣгая къ ученію объ идентичности, заявляютъ: въ конечномъ счетѣ и тѣло, и душа являются однимъ и тѣмъ же, а именно различными формами созерцанія одной и той же субстанціи. Самая субстанція можетъ быть познаваема лишь въ своихъ обоихъ аттрибутахъ или формахъ созерцанія, какъ тѣло и духъ, или, какъ говоритъ Спиноза, какъ протяженіе и мышленіе—смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ее (т. е. субстанцію) снаружи, объективно, или изнутри, субъективно. Различными аллегоріями пытаются пояснить эту мысль.

Извѣстенъ примѣръ Фехнера круговой линіи, которую можно разсматривать одинъ разъ съ наружной стороны, какъ выпуклую, другой разъ съ внутренней стороны, какъ вогнутую.

Въ какой мѣрѣ ученіе объ идентичности (тождественности) удовлетворяетъ нашимъ монистическимъ требованіямъ? Посмотримъ. Приведеніе обоихъ родовъ явленій къ одному началу, повидимому, дѣйствительно произведено. Однако, этотъ единый послѣдній принципъ есть неизвѣстная величина. Могутъ возразить: она извѣстна черезъ свои аттрибуты. Правильно! Но черезъ свои аттрибуты она извѣстна не какъ нѣчто единое. Мы не знаемъ самой субстанціи, а знаемъ лишь ея оба аттрибута, оба явленія, которыя какъ разъ мы и хотѣли объяснить монистически, т. е. свести къ единому *извѣстному*.

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, что даетъ ученіе объ идентичности? Или оно сводитъ оба ряда явленій къ одному принципу, субстанціи, тогда этотъ принципъ есть неизвѣстное и остается голой гипотезой, которая не можетъ насъ удовлетворить; или же оно твердо держится извѣстнаго, и тогда оба рода явленій стоятъ такъ же раздѣльно другъ около друга, какъ и прежде,—и дуализмъ, который только что казался совершенно выброшеннымъ вонъ, снова улыбается намъ черезъ раскрытыя двери.

Можно тутъ изворачиваться, какъ угодно, но ни гипотеза одушевленныхъ атомовъ, ни ученіе объ идентичности (тождественности) не устраняютъ дуализма.

Такимъ образомъ попытка спасти обломки матеріалистическаго воззрѣнія и изъ нихъ построить другое міровоззрѣніе, оказывается совершенно безнадежной. Очевидно, нужно поступить радикальнѣе и отказаться отъ всего матеріалистическаго воззрѣнія на вещи вплоть до самыхъ основъ его, если хотятъ достичь стройнаго монистическаго міросозерцанія.

Это стремленіе завоевать господство монистическому взгляду въ естествознаніи мы видимъ въ попыткѣ геніальнаго лейпцигскаго химика Оствальда. Оствальдъ прежде всего полагаетъ, что можно совершенно удалить понятіе матеріи изъ

естествознанія, когда пытается представить всѣ естественныя явленія какъ энергетическіе процессы, т. е. какъ извѣстную работу. И на этой естественно научной основѣ онъ пытается построить энергетическое міровоззрѣніе, которое включаетъ въ себѣ и психическіе процессы, какъ нѣкоторый видъ работы.

Попытка Оствальда чрезвычайно интересна какъ симптомъ, такъ какъ она означаетъ первую элементарную брешь въ естественной наукѣ, пробитую истиннымъ познаніемъ, которое не можетъ быть объединено вмѣстѣ съ матеріалистическими предпосылками естественныхъ наукъ въ одно единое міровоззрѣніе. Однако, нашей задачей является изслѣдовать, соотвѣтствуетъ ли этой разрушительной сторонѣ оствальдовской натурфилософіи такой же сильный созидательный успѣхъ въ смыслѣ построенія монистическаго мірозданія.

Во всякомъ случаѣ эта новѣйшая попытка построить міровоззрѣніе на естественнонаучномъ базисѣ заслуживаетъ самаго обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Спеціально естественнонаучная сторона оствальдовской точки зрѣнія, какъ извѣстно, уже неоднократно становилась предметомъ обсужденія. Не мало возникало споровъ около вопроса, возможно-ли вообще разсматривать естественныя явленія, какъ процессы превращенія энергіи. Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить безусловно положительно. Естественнонаучное понятіе энергіи, которую мы коротко можемъ опредѣлить какъ работу или работоспособность, поскольку эта энергія обнаруживается въ явленіяхъ природы, старше, чѣмъ энергетическое міровоззрѣніе. Мы уже давно примѣняемъ его въ новѣйшемъ естествознаніи при разнообразнѣйшихъ химическихъ, термическихъ, электрическихъ и другихъ процессахъ, и даже тѣ безчисленные естествоиспытатели, которые въ основу своего естественнонаучнаго мышленія кладутъ атомистическія понятія о строеніи матеріи,— постоянно исходятъ изъ того представленія, что съ каждымъ перемѣщеніемъ атомовъ нераздѣльно связано нѣкоторое превращеніе энергіи, нѣкоторая работа. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія всѣ естественныя явленія могутъ разсматриваться какъ процессы превращенія энергіи, все равно, будемъ ли мы заставлять эти процессы разыгрываться на матеріальной подкладкѣ, какъ это дѣлается обыкновенно, или же совершенно устранимъ понятіе о матеріи, какъ объ элементарномъ факторѣ, какъ это дѣлаетъ Оствальдъ. Это, въ концѣ концовъ, вопросы внѣшней цѣлесообразности для способа изложенія естественныхъ наукъ, и только. Возможность описывать естественныя явленія должна быть во всякомъ случаѣ одинаковой для чисто энергическаго, какъ и для атомистическаго метода, хотя при первомъ способѣ можетъ быть трудности окажутся нѣсколько болѣе значительными.

Но не здѣсь лежитъ ядро нашего вопроса. Для нашего разсужденія дѣло идетъ о томъ, возможно ли, какъ это полагаетъ Оствальдъ, разсматривать психическія явленія, какъ виды работы въ естественнонаучномъ смыслѣ и такимъ путемъ придти къ энергетическому монизму. На дѣлѣ Оствальдъ находитъ монистическое рѣшеніе старой проблемы въ томъ, что онъ разсматриваетъ психическіе процессы, какъ проявленіе особеннаго вида энергіи. Онъ такимъ образомъ подчиняетъ духовныя явленія общему единообразному принципу, который по его воззрѣнію лежитъ въ основѣ всѣхъ естественныхъ явленій.

Эта простая мысль сначала кажется необыкновенно смѣлой, такъ какъ съ давняго времени сильно привыкли считать область психическихъ явленій за міръ совершенно иного рода, чѣмъ міръ, поддающійся чувственному воспріятію. При бо-

лѣе точномъ разсмотрѣніи, однако, эта попытка разрѣшенія вопроса все болѣе и болѣе теряетъ въ своей странности, которая сначала кажется присущей ей, и можно подвергнуть ее спокойному изслѣдованію. Если въ дѣйствительности сущность психическихъ явленій состоитъ въ возникновеніи и превращеніи особаго вида энергіи, то естественно первымъ долгомъ здѣсь долженъ сохранить свою силу высшій законъ всякой энергетики, законъ сохраненія энергіи.

Нужно такимъ образомъ ожидать, что при всякомъ психическомъ процессѣ возникаетъ психическая энергія изъ какого либо другого вида энергіи, напр. вслѣдствіе превращенія химической энергіи, и при завершеніи психическаго процесса она переходитъ въ другой видъ энергіи, напр., въ теплоту. Оствальдъ, дѣйствительно, послѣдовательнѣйшимъ образомъ дѣлаетъ это допущеніе. Онъ, конечно, уже тутъ наталкивается на первую трудность, такъ какъ до сихъ поръ не удалось, методами естественныхъ наукъ, т. е. чувственно, уловить духовную работу, какъ это можно сдѣлать со всѣми извѣстными старыми видами энергіи.

Однако, Оствальдъ не считаетъ возможность такого объективнаго обнаруженія психической работы неосуществимой и въ будущемъ.

Если-бы удалось сдѣлать психическіе процессы доступными объективному воспріятію на подобіе тѣневыхъ изображеній костей на рентгеновскомъ экранѣ—это явилось-бы такимъ переворотомъ въ нашей жизни, какого еще не видало человѣчество. Мозговое зеркало, о которомъ грезитъ Курдъ Лассвицъ въ своихъ смѣлыхъ утопіяхъ, стало бы дѣйствительностью, и интимнѣйшія движенія человѣческой души были бы обнажены и стали бы предметомъ холоднаго наблюденія всѣхъ. Но пока что, еще никакой опасности нѣтъ, и, какъ мнѣ кажется, мы можемъ въ этомъ отношенія спокойно смотрѣть въ глаза будущему.

Если мы нѣсколько болѣе критически разсмотримъ „психическую энергію“ Оствальда, то увидимъ, что по отношенію ко всѣмъ извѣстныхъ видамъ энергіи она занимаетъ совершенно своеобразное мѣсто. Всѣ другіе виды энергіи воспринимаются нами только объективно, т. е. чувственно; субъективно, т. е. безъ посредства нашихъ органовъ чувствъ, они были бы намъ совершенно неизвѣстны. Съ психической же энергіей дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Объективно она никогда не обнаруживается, и мы познаемъ ее лишь путемъ внутренняго, субъективнаго опыта. Мы видимъ, что это такая форма энергіи, которая рѣзко отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ видовъ энергіи въ природѣ. Но это отличіе есть ничто иное, какъ та старая пропасть, черезъ которую именно энергетическое воззрѣніе хотѣло перебросить мостъ, пропасть, которая неизмѣнно существуетъ между рядомъ психическихъ и рядомъ физическихъ явленій.

Мнѣ кажется поэтому, что гипотеза, которая кладетъ въ основу психическихъ явленій особый видъ энергіи, ничего намъ не даетъ, потому что, если бы мы даже перенесли естественнонаучное понятіе энергіи въ область психическихъ процессовъ, то все же „психическая энергія“ всегда осталась бы особымъ видомъ энергіи, энергіей sui generis, которая съ остальными видами энергіи не имѣетъ ничего существенно общаго.

Старая проблема остается не разрѣшенной.

Для энергетическаго міровоззрѣнія, очевидно, существуетъ вообще лишь два пути: или свести психическія явленія на извѣстные намъ въ природѣ виды энергіи или допустить для психическихъ явленій существованіе особаго вида энергіи, подобнаго которому мы не знаемъ

въ природѣ. Всякая попытка въ первомъ направленіи оказалась бы совершенно такой же неудачной; какъ и попытка матеріализма объяснить психическіе процессы движеніями атомовъ, и сюда можно было бы съ незначительными лишь измѣненіями приложить классическое разсужденіе Дю-Буа-Реймона, заявившаго свое „ignorabimus“ *) матеріализму; нужно было бы только слово матерія“ и „атомъ“ замѣнить словомъ „энергія“. Мы получили бы тогда только энергетическій pendant матеріализму. Въ „гостинной“ естествознанія обѣ міровыя картины могли бы прекрасно висѣть другъ подлѣ друга надъ софой, ничуть не нарушая священной симметріи.

Если же, наоборотъ, пойти, какъ это дѣлаетъ Оствальдъ, другимъ путемъ, принимая психическіе процессы за проявленіе особаго вида энергіи, то окажется, что мы принуждены будемъ создатьспеціальную гипотезу—въ оствальдовскомъ смыслѣ—для даннаго случая ad hoc, гипотезу, недоступную какому бы то ни было изслѣдованію и поэтому неудовлетворяющую нашему стремленію къ познанію. Слѣдуетъ предположить, что психическая энергія не превратилась бы ни въ какую иную извѣстную намъ форму энергіи, но что она когда либо будетъ обнаружена естественнонаучно, т. е. объективно. Такимъ образомъ энергетическій монизмъ возможенъ лишь при помощи гипотезы, которая, судя по всему нашему предъидущему опыту, мало имѣетъ шансовъ на подтвержденіе.

Если мы бросимъ еще разъ взглядъ на различныя попытки построить монистическое міровоззрѣніе на естественнонаучномъ базисѣ, то должны будемъ съ нѣкоторымъ чувствомъ угнетенія констатировать отрицательный результатъ. Ни одна изъ этихъ попытокъ не выполняетъ дѣйствительно удовлетворительнымъ образомъ требованій, которыя мы должны предъявлять ко всякому цѣлостному міровоззрѣнію.

Ввиду этихъ фактовъ многіе не сумѣли оградить себя отъ разочарованія въ наукѣ и пришли къ предположенію, что эти вопросы вообще не могутъ быть разрѣшены при помощи естествознанія. Но что же тогда?

Въ такихъ случаяхъ критическому уму необходимо снова возвратиться къ основнымъ посылкамъ и изслѣдовать ихъ правильность.

Мы исходили изъ дуализма между вещественнымъ и духовнымъ міромъ, какъ это дѣлается при обычномъ методѣ разсмотрѣнія явленій, и пришли къ выводу, что попытки естествознанія устранить этотъ дуализмъ оказались безуспѣшными. А что, если самая идея дуализма основывается на заблужденіи? Что, если вся постановка вопроса, лежащая въ основѣ неразрѣшимой проблемы, на дѣлѣ окажется ложной?

Мнѣ кажется, что идея дуализма есть только наслѣдство отъ тѣхъ отдаленнѣйшихъ временъ, когда у нашихъ предковъ впервые стала зарождаться мысль о самихъ себѣ, наслѣдство, которое съ теченіемъ времени совершенно потеряло свою цѣнность. На вопросъ о томъ, когда въ человѣческое мышленіе проникла идея о различіи между тѣломъ и душой, едва ли можно будетъ отвѣтить когда либо съ достаточной точностью.

Можетъ быть, люди палеотической эпохи еще ничего не знали объ этомъ различіи. Съ нѣкоторымъ подобіемъ вѣроятія мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, что навело первобытнаго человѣка на идею этого различія, такъ глубоко раскалывающаго все развитіе человѣческаго мышленія. Всѣ этнологическія и культурно-историческія изысканія указываютъ, что такимъ фак-

*) Т. е. мы не будемъ знать (сущности отношеній психическихъ явленій къ физическому міру) (примѣч. перев.).

томъ было наблюденіе явленія, такъ сурово вторгающагося въ человѣческую жизнь, — наблюденіе смерти.

Безспорно, наблюденіе этого огромнаго противорѣчія, внезапно проявляющагося здѣсь, должно было сильно возбуждать размышленіе. Ближайшій родственникъ, который только что былъ еще тепелъ и дышалъ, двигался и говорилъ, теперь вдругъ затихъ и лежитъ неподвижно, безъ дыханія и біенія сердца, не отвѣчаетъ на зовъ и не двигается, когда его трогаютъ и трясутъ. Конечно, тутъ легко возникаетъ у дикаря мысль, что изъ этого человѣка что-то внезапно улетучилось, улетѣло въ воздухъ, что-то такое невидимое, парообразное, что передъ этимъ дышало, чувствовало и говорило въ человѣкѣ. Такъ возникла мысль о душѣ, которая, какъ невидимая пружина дѣйствій, живетъ въ видимомъ тѣлѣ, какъ въ домѣ, но которая можетъ покинуть домъ и,—это было только послѣдовательнымъ развитіемъ мысли — искать себѣ обиталища, въ другихъ тѣлахъ, животныхъ или искусственныхъ изображеніяхъ человѣческаго тѣла. Эта простая, естественно возникающая мысль сыграла огромную роль въ развитіи человѣческой жизни, такъ какъ, эта мысль стала ядромъ, изъ котораго возникли анимизмъ, вѣра въ духовъ, культъ героевъ, обоготвореніе животныхъ, идолопоклонство и, наконецъ, высшія религіозныя формы.

Мысль, что человѣческая душа какъ нѣчто невидимое живетъ въ видимомъ тѣлѣ, какъ въ домѣ, и можетъ его покинуть, эта мысль, которая нашла себѣ такое пластическое выраженіе въ ученіи о переселеніи человѣческихъ душъ египтянъ и индійцевъ, эта самая идея еще и понынѣ сидитъ съ величайшимъ упорствомъ во всемъ нашемъ мышленіи. Кажется даже, что эти первобытныя представленія успѣли пустить такіе глубокіе корни въ человѣческомъ духѣ, что ихъ едва ли когда либо удастся вырвать изъ него.

Но спросимъ себя, дѣйствительно ли выдерживаетъ прикосновеніе рѣзкой критики эта наивная мысль первобытнаго времени, возникшая изъ идеи противоположности между душой и тѣломъ съ ея представленіемъ о нахожденіи въ тѣлѣ опредѣленнаго мѣста, сѣдалища души. Мы увидимъ, что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать такъ. Дуализмъ тѣла и души, который такъ глубоко вкоренился во всю нашу духовную жизнь, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, только кажущимся, и всѣ наши усилія естественно-научно, т. е. элементами вещественнаго міра объяснить психическія явленія,—оказываются борьбой съ вѣтряными мельницами.

Въ самомъ дѣлѣ, проанализируемъ только, что намъ извѣстно о вещественномъ мірѣ! Результатъ для многихъ окажется поразительнымъ. Я беру въ руки камень. Что мнѣ извѣстно о немъ? Онъ тяжелъ —это ощущеніе,—онъ холоденъ — тоже ощущеніе,—онъ твердъ—опять ощущеніе,—онъ чернаго цвѣта — ощущеніе,—онъ обладаетъ формой —цѣлый комплексъ ощущеній,—онъ движется и падаетъ—снова цѣлый комплексъ ощущеній.

Чего либо другого, какъ не ощущеній, мнѣ о немъ неизвѣстно. Я могу изслѣдовать его, сколько угодно и буду открывать лишь новыя ощущенія. Короче говоря, то, что я называю „камнемъ", есть только опредѣленная комбинація ощущеній. То же относится ко всякому тѣлу, въ томъ числѣ и къ моему, а также къ тѣлу другихъ людей. Итакъ оказывается, что весь вещественный міръ строится человѣкомъ изъ такихъ элементовъ, которые мы обычно считаемъ за психическіе. Противоположности между тѣлеснымъ міромъ и душой, такимъ образомъ, въ дѣйствительно-

сти совершенно не существуетъ, такъ какъ весь тѣлесный, вещественный міръ есть лишь содержаніе души. Вообще существуетъ лишь единое и это единое есть содержаніе психеи (души).

Такимъ образомъ мы видимъ, что дуализмъ тѣла и души есть лишь миражъ. Никакого дуализма и нѣтъ вовсе. Вещественный міръ существуетъ не подлѣ души, а въ душѣ (психеѣ). Значитъ, никакой проблемы нѣтъ тамъ, гдѣ ее предполагали. У насъ былъ лишь страхъ привидѣній и кошмаръ, когда мы мучились надъ преодолѣніемъ дуализма. Для мышленія, свободнаго отъ предразсудковъ, въ дѣйствительности существуетъ прежде всего психомонизмъ.

Опытъ между тѣмъ показываетъ, что мы лишь съ величайшимъ трудомъ освобождаемся отъ обычнаго хода мыслей и укоренившихся воззрѣній, въ особенности, когда они настолько проникли въ плоть и кровь человѣческаго мышленія, какъ древнее представленіе о дуализмѣ тѣла и души. Все наше мышленіе концентрируется около этого воззрѣнія, и всѣ идеи, даже повседневной жизни, проникнуты насквозь этимъ дуализмомъ. Поэтому приходится въ каждомъ единичномъ вопросѣ заново преодолѣвать дуализмъ и можно лишь мало по малу выработать себѣ монистическое міровоззрѣніе, на каждомъ шагу дѣлая изъ него всѣ послѣдовательные выводы.

Это дѣлается лишь медленно, и при этомъ снова каждый разъ встрѣчаются новыя трудности, такъ какъ непроизвольно часто впадаютъ въ старый, дуалистическій способъ разсмотрѣнія явленій. Такъ невѣроятно прочно сидитъ въ нашихъ головахъ этотъ старый методъ мышленія человѣчества.

Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о роли естествознанія, какъ основы познанія міра, неоднократно будутъ впадать въ ошибки и трудности дуалистическаго способа мышленія, пока не сдѣлаютъ ясно для самой самой постановки вопроса всѣхъ послѣдовательныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ нашей новой точки зрѣнія на познаніе. Могутъ возразить: нельзя, вѣдь, все же отрицать, что между тѣломъ и ощущеніемъ человѣка фактически существуетъ фундаментальное различіе, которое не исчезаетъ отъ того, что я весь вещественный міръ буду считать комплексомъ ощущеній. Въ такомъ случаѣ постоянно существуетъ два рода ощущеній, одни предметные, воспринимаемые чувственно, другіе нѣтъ, и мы, оказывается, остались на томъ же самомъ мѣстѣ. Короче, мнѣ сдѣлаютъ тотъ упрекъ, который я передъ этимъ сдѣлалъ энергетическому міровоззрѣнію Оствальда, признающаго энергію двухъ порядковъ. Однако, тутъ опять продѣлывается типичный скачекъ отъ послѣдовательнаго развитія монистической мысли въ сторону дуализма. Здѣсь снова показывается призракъ стараго представленія о пространственномъ сѣдалищѣ души въ тѣлѣ. Но какъ абсурдна эта мысль, если самый тѣлесный міръ признали за комплексъ ощущеній! Комплексъ ощущеній, какъ мѣстопребываніе ощущенія! Всѣ эти трудности на самомъ дѣлѣ вовсе и не существуютъ. Слова конструируютъ проблему тамъ, гдѣ на дѣлѣ никакой проблемы и нѣтъ. Намъ нужно только послѣдовательно, до конечныхъ выводовъ, прослѣдить мысль, что весь міръ строится изъ психическихъ элементовъ. Тогда задача всякой науки можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы привести въ систему эти психическіе элементы и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія.

Я возьму для примѣра слѣдующій случай. Ощущеніе „синяго“ возникаетъ у человѣка, когда лучъ свѣта опредѣленной длины волны вызываетъ черезъ посредство его глаза опредѣленныя явленія обмѣна веществъ въ извѣстныхъ клѣт-

кахъ сѣраго вещества большого мозга. Если всѣ эти необходимыя условія выполнены, то у человѣка должно возникнуть ощущеніе „синяго“. Это ощущеніе тѣсно связано со своими условіями. Это научно установленная закономѣрность. Если глазъ и нервный аппаратъ принадлежатъ мнѣ, то данное ощущеніе связано съ комплексомъ ощущеній „я“. „Я“ имѣю ощущеніе. Если органы принадлежатъ другому человѣку, и всѣ остальныя условія выполнены, то „онъ“ имѣетъ ощущеніе „синяго“. А если я не могу видѣть или иначе воспринимать этого ощущенія „синяго“, то причина просто лежитъ въ томъ, что въ этомъ случаѣ данное ощущеніе „синяго“, связано съ комплексомъ ощущеній „онъ“, а не съ комплексомъ „я“. Онъ видитъ „синее“, не я. Я могу воспринимать лишь то, что связано съ комплексомъ ощущеній „я“. Я не могу видѣть какъ *онъ*, такъ какъ „я“ и „онъ“ стоятъ другъ противъ друга и одинъ другого исключаютъ.

Поэтому совершенно нелѣпое противорѣчіе заключается въ требованіи сдѣлать ощущенія другого объективно воспріемлемыми. Здѣсь въ дѣйствительности не существуетъ никакой проблемы, и вмѣстѣ съ этимъ падаютъ преграды между естествознаніемъ и психологіей, такъ какъ весь міръ такъ же доступенъ естественнонаучному изслѣдованію, какъ и изслѣдованію психологическому. Въ дѣйствительности въ обоихъ случаяхъ мы производимъ лишь психологическій анализъ міра. Въ этомъ состоитъ сущность всякаго изслѣдованія.

Мы отыскиваемъ такое міровоззрѣніе, которое могло бы все разнообразіе явленій міра свести къ одному началу. Это начало должно быть чѣмъ либо извѣстнымъ, такъ какъ это сведеніе всего къ одному принципу должно быть совершено безъ гипотезъ. Я думаю, что эти требованія въ полномъ объемѣ выполняются развитой здѣсь точкой зрѣнія, которая во многихъ отношеніяхъ родственна съ опубликованными въ новѣйшее время воззрѣніями Авенаріуса, Мака, Цигена и другихъ. Мы свели все существующее къ единому, и это единое есть психея; послѣдняя же намъ извѣстна, такъ какъ содержимое психеи есть для насъ непосредственно данное; и это низведеніе видимаго разнообразія вещей къ единому началу произведено безъ всякихъ гипотезъ.

Но спросятъ: что же въ такомъ случаѣ достигнуто? Я могу отвѣтить: и много, и мало. Мало, если имѣть въ виду работу въ отдѣльныхъ областяхъ научнаго изслѣдованія. Здѣсь все остается по старому. Методъ, символы, факты, —ничто не затронуто. Работа идетъ своимъ путемъ.

Много, если имѣть въ виду общія предпосылки всякаго изслѣдованія.

Здѣсь мы пріобрѣли то громадное преимущество, что намъ не нужно каждый разъ снова и снова тратить время и усилія надъ разрѣшеніемъ проблемы, которой въ дѣйствительности не существуетъ.

Въ заключеніе одно. Доисторическій человѣкъ создалъ идею отдѣленія души отъ тѣла при наблюденіи явленія смерти. Душа отдѣлялась отъ тѣла и продолжала вести самостоятельное существованіе. Она нигдѣ не находила себѣ покоя и въ видѣ призрака появлялась снова въ жилищѣ умершаго, если ее не изгоняли погребальными или фетишическими церемоніями. Остатки этихъ воззрѣній сохранились и до нашего времени. Страхъ и суевѣріе запугиваютъ человѣка. Страхъ передъ смертью, т. е. передъ тѣмъ, что наступитъ послѣ нея, и понынѣ еще широко распространенъ. Какъ все сразу преобразуется съ точки зрѣнія психомонизма!

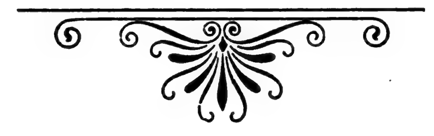
Психическія переживанія индивидуума только въ томъ случаѣ являются на лицо, если существуютъ

опредѣленныя, закономѣрныя соотношенія; и эти переживанія сейчасъ же пропадаютъ, какъ только необходимыя соотношенія какъ либо нарушены, какъ это непрерывно и происходитъ на каждомъ шагу. Съ тѣлесными измѣненіями при смерти. связанныя съ тѣломъ переживанія совершенно прекращаются.

Тогда больше ужъ нѣтъ ощущеній и представленій, мыслей и чувствъ индувидуума. Индивидуальная душа умерла. Однако, ощущенія, представленія и чувства продолжаютъ жить дальше. Они переживаютъ погибшій индивидуумъ и живутъ въ другихъ, повсюду, гдѣ существуютъ одинаковые комплексы и равныя условія. Они переселяются отъ индивидуума къ индивидууму, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу. Они живутъ и ткутся на вѣчномъ станкѣ души. Они работаютъ надъ исторіей человѣческаго духа.

Такъ мы всѣ живемъ послѣ смерти, какъ звенья огромной замкнутой цѣпи духовнаго развитія.

Максъ Ферворнъ.

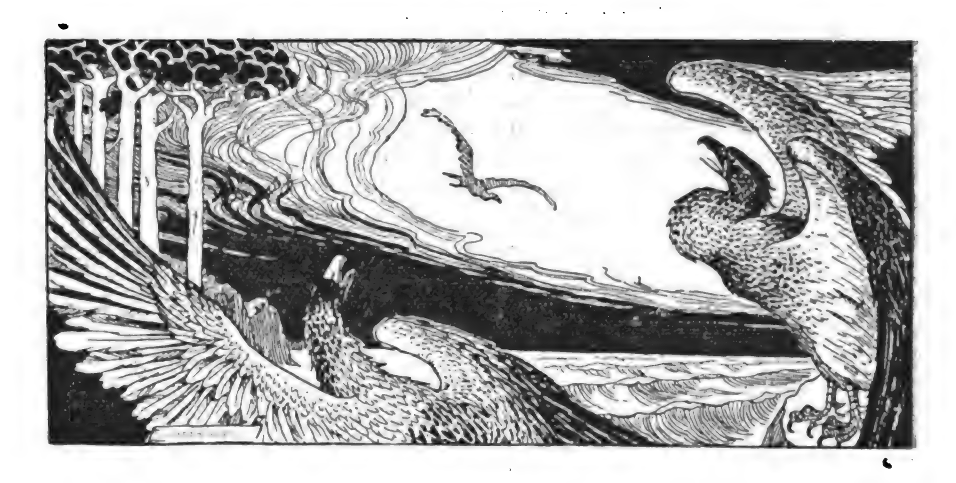


На средневѣковые мотивы.

(Съ испанскаго).

Приготовьте кресты. Разложите костры.
Умирать мы готовы.
Мы умремъ. До далекой—далекой поры
Не умретъ наше слово.
Надѣвайте бѣсовскіе намъ колпаки,
Злыя хартіи ада.
Пусть смѣется толпа. Для грядущей тоски
Насмѣяться ей надо.
Прокляните торжественно насъ. Пусть народъ
Задрожитъ отъ боязни.
Намъ анафема вѣчную славу куетъ.
Что проклятья и казни?
Зажигайте костры. Окровавьте кресты.
Что намъ смерти бояться?
Плоть и кровь наша сгинетъ, но наши мечты
Въ плоть и кровь претворятся...

И. Мордвиновъ.



Добровольцемъ.

(НАБРОСОКЪ).

И. Сынковскаго.

> Одинъ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
> Святыя искреннія слезы—
> То слезы бѣдныхъ матерей!
>
> *Некрасовъ.*

Надъ моей головой какимъ-то грязнымъ тусклымъ колпакомъ висѣло пасмурное осеннее небо. Мелкій дождь, начавшійся еще съ утра, заволакивалъ передо мною даль, окутывая ее молочно-сѣрымъ туманомъ. Возокъ едва тащился по грязной проселочной дорогѣ, перепрыгивая изъ рытвины въ рытвину, изъ колеи въ колею, съ очевидно-злодѣйскимъ намѣреніемъ какимъ-бы то ни-было образомъ освободиться отъ моей особы. На козлахъ сидѣлъ ямщикъ—идеальное воплощеніе равнодушнаго отношенія ко всѣмъ житейскимъ превратностямъ и невзгодамъ.

— Н-но, вы, залетные! — изрѣдка покрикивалъ онъ, лѣниво помахивая надъ лошадями своей ременной плетью. „Залетные" съ стоическимъ спокойствіемъ устало мотали головами и глубоко уходили мохнатыми ногами въ липкую сѣрую грязь. Холодный вѣтеръ знобилъ мнѣ грудь и плечи. Уже темнѣло. Недолги наши сѣверные осенніе дни!

На хмуромъ горизонтѣ вдругъ вырѣзалась церковь съ высокой бѣлой колокольней. На общемъ фонѣ осенней картины эта колокольня казалась какимъ-то выходцемъ изъ могилы, одѣтымъ въ саванъ, такъ кругомъ было все темно, мертво и печально.

— Далѣ ѣхать никакъ не можно, потому темь, а дорога и-и, упаси Богъ!—обратился ко мнѣ ямщикъ, повернувшись на своихъ козлахъ,—а въ этомъ селѣ, значитъ, кума моя есть—Парасковья!—продолжалъ онъ.

Я самъ прекрасно сознавалъ, что въ такую погоду да при томъ еще ночью ѣхать далѣе было-бы, если бы не безуміемъ, то, во всякомъ случаѣ, рискомъ поломать телѣгу, завязнуть гдѣ нибудь въ болотѣ или сбиться съ дороги, а потому охотно согласился со своимъ ямщикомъ. Лошади, завидѣвъ село, какъ будто пріободрились, мелкой рысцой пробѣжали мимо ряда сѣренькихъ домиковъ и остановились передъ

большимъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, у большого подъѣздного крыльца. Въ нижнемъ этажѣ робкою точкою мелькалъ тусклый огонекъ.

— Пріѣхали, — заявилъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ, и отряхивая съ себя струи холодной дождевой воды. Онъ подошелъ къ крыльцу и нѣсколько разъ стукнулъ въ дверь своимъ березовымъ кнутовищемъ. Огонекъ въ избѣ задвигался и, наконецъ, за дверями послышался женскій голосъ, спрашивавшій:

— Кто тамъ, кого Богъ несетъ?

— Это я, дядя Митяй, изъ Ребровки, отопри кума! — Заскрипѣлъ засовъ, отворились двери, и на порогѣ я увидѣлъ молодую бабу въ пестрядинномъ сарафанѣ со свѣчкою въ рукахъ.

— А вѣдь я думалъ, что кума, анъ это ты, Авдотья, можешь-ли? Вотъ ѣду, съ бариномъ, да передохнуть вздумали!

— Милости прошу, пожалуйте!

— Иди, господинъ, а я живымъ духомъ лошадей во дворъ поставлю, да корму имъ задамъ.

Я вошелъ вслѣдъ за Авдотьей въ избу. Авдотья поставила свѣчу на столъ и, отыскавъ на полицѣ лампу, начала ее оправлять, а я тѣмъ временемъ снималъ съ себя совершенно намокшее платье. Изба была раздѣлена перегородкой на двѣ половины. Въ задней половинѣ виднѣлась массивная русская печь и рядомъ съ нею необходимая принадлежность всякой крестьянской избы — палати. Воздухъ въ избѣ былъ тяжелый, спертый, пахло чѣмъ-то кислымъ и горѣлымъ. По стѣнамъ живописными группами расположились тараканы, которые благодаря-ли огню или благодаря шуму, произведенному нами, безпокойно задвигались и забѣгали въ разныхъ направленіяхъ. Вошелъ Митяй. Онъ истово помолился на образа и началъ „разболокаться“.

— Ну, и погодка! — заговорилъ онъ. — Еще августъ, а поди-жъ ты, совсѣмъ почитай, какъ поздняя осень. Съ хлѣбами-то какъ, управились?

— Третьяво дня яровое вывезли... Вамъ что-же, самоварчикъ поди надо?

— Оно, какъ водится! Холодному брюху горячее не помѣшаетъ! Э-эхъ воды-то, воды-то, потопія одно слово, со всего, какъ съ утопленника течетъ.

— За самоваромъ-то, вишь, надо бѣжать къ кому нибудь, ужъ вы потерпите, а я пойду, поспрошаю по селу, може кто и дастъ! — Авдотья, накинувъ шаль на голову, вышла изъ избы.

— Э-эхъ, горе горькое, — сказалъ Митяй, разглаживая утомленную спину и подсаживаясь къ столу. — Измаялась бабёнка. Жалость беретъ, на неё глядючи. А вѣдь первѣющее семейство на всю волость было. Чать самъ видишь, — домъ, что твои хоромы, двухъ-этажный, крыльцо поповское. Жили, значится, когда-то въ довольствѣ, а теперь вотъ и самовара нѣтъ и все гніетъ да валится. А изъ-за чего, другъ ты мой, какъ по своему разуму полагаешь? Все изъ-за сынковъ хорошихъ, все изъ-за молодыхъ, все изъ-за нихъ сыръ-боръ загорѣлся. Тятенька, видишь, наживалъ, горбомъ, кровью, можно сказать, копѣйку сколачивалъ, а сынокъ, какъ остался полнымъ хозяиномъ, такъ и пошелъ куралесить направо да налѣво. Оно, конешно, куда какъ весело, а только глядь чрезъ два года, — и зубы на полку. Вотъ они дѣла-то! Послѣ здѣшняго хозяина большакомъ Петръ остался; ну, онъ и протеръ глазки папенькинымъ капиталамъ. Гдѣ онъ теперь, Богъ его знаетъ, пропалъ безъ вѣсти. А второй сынъ Иванъ, только оженился, въ солдаты пошелъ. Нонича на осень должо́нъ придти; и остались въ домѣ старуха-мать, сноха-Авдотья да парнишка лѣтъ тринадцати — Васютка, меньшо́й сынъ. Маются они, шибко маются, а тутъ еще Авдотья дѣвчонку притащила. За дѣвчонкой, извѣстно, уходъ нуженъ, на улицу не выбросишь. А какой уходъ, коли работать надо?

Въ сѣняхъ послышались шаги. Въ избу вошла Авдотья съ самоваромъ въ рукахъ.

— Достала у Сафронихи, сейчасъ поставлю, мигомъ скипитъ!—заявила она и принялась щепать лучину.

— А что, Дуняха, — заговорилъ Митяй,—чай ждешь—не дождешься своего-то? Вѣдь, скоро поди придетъ? Сердечушко-то, надо полагать, такъ и забьется, какъ подумаешь о Ванюхѣ. Да не стыдись... Ужъ такое, значить, ваше положеніе, т. е. у всего женскаго сословія, чтобы насчетъ любови и, промежду прочимъ, всего остального, што полагается... Такъ-то... Ну, долго ждала, теперича, може, нѣсколько дней осталось. Измаялись вы безъ мужика-то!

— Какъ-же, придетъ онъ тебѣ, дожидайся своего любезнаго. Нехристь онъ, вотъ тебѣ и сказъ!—сердито проговорила Авдотья, поставляя трубу на самоваръ.

Митяй, повидимому, растерялся.

— Чтой-то не въ домекъ мнѣ, никакъ не могу я тебя понять!

— Неча и понимать. Туда-же женятся, дѣвичій вѣкъ губятъ. Кабы настоящій мужикъ былъ да жену свою берегъ, такъ не бросилъ-бы. А то, вишь, иду, говоритъ, добровольцемъ кровь свою въ страженіи пролить. А ты оставайся одна; какъ хочешь, такъ и живи. Дѣло тоже выдумалъ. Въ Яфонію, дескать, иду и чтобы до послѣдней капли крови!..

— Э-э... вотъ она штука-то! Ну, и Ванюха! Это... того... ловко!

— И ты туда-же, ловко... Неча сказать ловко, а ты спервоначалу посмотри на свою куму Парасковью да потомъ говори, ловко али нѣтъ.

— А гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, кума? Что съ ней попритчилось?

— А вотъ подожди, самъ увидишь. Случилось это на Успеньевъ день. Получили мы письмо отъ Ивана. И пишетъ онъ: дорогая маменька, благословите вы меня на геройство, хочу я, дорогая мамынька, по доброй моей волѣ за Царя и отечество въ войну идти и прошу вашего родительскаго благословленія на вѣки нерушимо... Какъ услыхали мы это, такъ и взвыли. Господи, да что, молъ, это такое съ нами будетъ? Маменька-же, не мѣшкая, пошла въ городъ, послѣднюю телушку продала тамъ, да ему, непутевому, телеграмму, какъ добрые люди научили, послала. Не ѣзди, дескать, Иванъ, на войну, нѣтъ тебѣ на то моего родительскаго благословенія! А онъ ужъ съ дороги письмо прислалъ, ужъ идетъ, *туда* съ нехристями воевать.

— Н-ну, дѣла!

— Какъ мы это письмо получили, такъ маменька и ума своего рехнулась. Пошла коровъ доить. Жду я ее, пожду, нѣтъ и нѣтъ! Чтой-то за оказія? думаю; вышла въ хлѣвъ, а она тамъ сидитъ и въ навозѣ копается, ямки все роетъ и плачетъ. Для упокойничковъ, говоритъ, для солдатиковъ. Теперь никого не узнаетъ и ничего не понимаетъ; ежели не дать ей поѣсть, такъ и не попроситъ; только, какъ про войну что услышитъ, такъ и зальется что ни на есть горючими слезами. Ходитъ все по дому и все чего-то ищетъ, словно что обронила.

Самоваръ вскипѣлъ. Авдотья поставила его на столъ и загремѣла чашками. За перегородкой послышался дѣтскій плачъ.

— Дѣвчонка моя, Афроська; четвертый годокъ пошелъ, а все еще не ходитъ, сидѣнь! О-охъ, наказаніе! Что мнѣ теперь съ ними дѣлать? На грѣхъ еще Васька захворалъ. Пріѣзжали къ намъ какіе-то господа, землю мѣряли. Ну, Васька и взялся поденно цѣпь за ними таскать. Цѣпь-то желѣзная, тяжелая, а какая сила у парнишки? Надорвался, знать, да простудился. Время было студеное, а ходили-то по болотамъ. Лежитъ весь въ жару и все что-то лепечетъ, а то вдугъ сорвется, да побѣжитъ, руками таково-то размашетъ, закричитъ, глаза страшные... Мочи моей нѣту съ ними. Кажись сама съ ума спячу, аль со собой что ни наесть сдѣлаю!—

какъ-то порывисто проговорила Авдотья, махнула рукой и пошла за перегородку къ Афроськѣ. Я молчалъ. Митяй тоже. Слышалось только его звучное прихлебываніе, да изъ-за перегородки неслись причитанія Авдотьи: „спи дитя мое, усни, угомонъ тебя возьми"!..

А за окномъ стояла ночь—черная, мрачная, такая-же черная и мрачна, какъ эта изба съ ея несчастными обывателями, съ ея разбитой жизнью,

— Волкъ... волкъ... ой, боюсь; мамка, мамка!—раздался рѣзкій испуганный дѣтскій голосъ, и изъ-за перегородки выбѣжалъ къ намъ мальчикъ-подростокъ. Это было тщедушное, слабое, почти полунагое существо. Впалые глаза мальчика лихорадочно блестѣли, а на щекахъ горѣлъ яркій разлитой болѣзненый румянецъ.

— Васютка, Вася, Христосъ съ тобой, опомнись!—началъ было Митяй, но Васютка какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ метался изъ угла въ уголъ и все кричалъ: „волкъ, волкъ"!

Скоро показалась Авдотья.

— Дядя Митяй, пособи!—сказала она,—надо взять, уложить мальченку, а то онъ еще на улицу выбѣжитъ, съ нимъ и это бываетъ.

Митяй взялъ мальчика, но тотъ, съ неестественной для ребенка силой, началъ сопротивляться. Большого труда стоило унести его за перегородку и уложить въ постель. Слышно было, какъ и тамъ велась еще печальная неравная борьба. Не успѣли уложить Васютку, какъ на полатяхъ что-то зашевелилось, слѣзая оттуда. Прошла минута,—и передъ нами появилось новое существо, старуха лѣтъ шестидесяти. Сѣдые нечесаные волосы безпорядочной копной торчали на ея головѣ, разлѣзаясь въ разныя стороны, безсмысленные глаза какъ-то тупо и безцѣльно смотрѣли въ пространство. По лицу старухи шли грязныя полосы. Очевидно, она дaвно уже не знала, что такое умываться. Грязное тряпье хлопьями висѣло на ея высохшемъ, сморщенномъ тѣлѣ. Она остановилась около дверей и установилась на насъ.

— Здравствуй кума, аль не узнаешь?—заговорилъ Митяй; но слово кума, очевидно, не вызвало въ ея больномъ мозгу никакихъ представленій о прошломъ. Она попрежнему молчала и смотрѣла на насъ.

— О, Господи! — перекрестился Митяй,—вотъ она жисть-то человѣческая, сегодня человѣкъ, а завтра животъ бесмысленный. — Чтой-то, кума, неужли-жъ никакъ не можешь узнать меня? Чай помнишь, я—кумъ Митяй изъ Ребровки?

Старуха по прежнему молчала.

— А Васю-то своего, солдатика, помнишь? спросилъ Митяй.

Былъ-ли это, съ его стороны, фактъ простого любопытства или желаніе вызвать старуху на разговоръ, не знаю, но только Митяй, до нѣкоторой степени не ошибся. Старуха, какъ-бы оживилась. Видно было, какъ по ея лицу, словно молнія, словно зарница въ лѣтнюю ночь, промелькнуло что-то осмысленное, что напомнило въ ней живую человѣческую душу, страдающую, болѣющую душу. Старуха зарыдала. Рыданія здороваго человѣка заставляютъ ваше сердце судорожно сокращаться, но если вы услышите рыданія человѣка, лишеннаго расудка, эти рыданія, вопреки всякому здравому смыслу, покажутся вамъ еще болѣе тяжелыми и ужасными... Вошла Авдотья.

— Будетъ тебѣ, мамка, выть-то! —сказала она и взяла старуху за руку, чтобы снова отвести ее на полати, но старуха вырвала руку и бросилась отъ Авдотьи. Неподалеку стояла корчага съ углями. Къ нейто и направилась несчастная солдатская мать. Я наблюдалъ за нею. Она усѣлась около углей и начала въ нихъ копаться съ самымъ сосредоточеннымъ видомъ. Ничто другое, очевидно, ее не занимало.

— Солдатикамъ ямки роетъ! — замѣтила Авдотья, обращаясь ко

мнѣ — ничего, вы не сумлѣвайтесь, она тихая, мухи не обидитъ. Только ужъ смотрѣть-то на нее горемычную очень жалостно. Просто сердечушко все изныло. А ты еще, дядя Митяй, говоришь, ловко! Не токмà што говорить, а и слушать-то такія рѣчи грѣхъ.

— Я что-же... рази я зналъ,— пробормоталъ Митяй и какъ-бы углубился въ чаепитіе.

— И кто эту войну выдумалъ?— продолжала Авдотья.—Сказываютъ намъ, что Царь запретилъ её совсѣмъ. Чтобы не было, дескать, кровопролитія и чтобы всѣ промежду себя жили въ мирѣ, а тутъ, будто, англичанка возьми да и не согласись. Ну, и пошло съ ея нелегкой руки горе по свѣту. Что вотъ я теперь, несчастная, буду дѣлать? Головушка кругомъ идетъ, какъ подумаешь! Свекровь ума рѣшилась, Васютка слегъ, Афроська не ходитъ. Работать нужно, а тутъ и хлѣба нѣтъ. Молотить некому. Вчера едва выпросила у цѣловальника пудъ муки, надолго-ли ее хватитъ? Выйдетъ хлѣбъ,—ложись да помирай. А онъ себѣ тамъ воюетъ. Да нужна намъ что-ли война эта самая? Кто ее проситъ? Говорятъ, отъ нея все дороже становится. О-охъ, житье мое горькое!—Баба тяжело вздохнула. Опять-же, что я теперь?—почитай-что солдатская вдова. Такъ на тебя и смотрятъ: солдатка и солдатка. Мужики да парни проходу не даютъ. А вѣдь дѣло молодое. Лукавый силенъ. Ну, какъ слюбишься,—и того пуще грѣхъ пойдетъ. Руки на себя, либо на дѣтище свое наложишь. Ловко что-ли, дядя Митяй?

Авдотья засмѣялась такимъ смѣхомъ, отъ котораго стало жутко. Всѣ какъ-то вдругъ замолчали, всѣмъ какъ-то сдѣлалось не по себѣ.

— Что-же, пора вѣдь вамъ, дорожнымъ людямъ, и на покой,— прервала тишину Авдотья,—мамка, пойдемъ на полати, время... Покойной ночи!—обратилась она къ намъ.

. . . .

Тихо въ душной избѣ. Только изъ-за перегородки доносятся чьи-то слабые стоны. То, должно быть, стонетъ бѣдный Васютка. Что-то ему грезится въ его больномъ снѣ? Можетъ быть, опять какой-нибудь волкъ или собака пугаютъ его воображеніе. Горе жизни, ея сложныя, глубокія комбинаціи, ея тяжесть съ разнообразными оттѣнками и формами далеки еще отъ его дѣтскаго пониманія, не испорченнаго грустными мелочами будничнаго дня. Около меня на полу храпитъ Митяй. Ночь по прежнему тусклыми черными глазами смотритъ въ избу. Тяжелыя дождевыя капли ударяютъ въ оконныя стекла, а тѣ звенятъ такъ тоскливо, такъ грустно. На дворѣ вѣтеръ поетъ свою заунывную похоронную пѣсню. И чудится мнѣ, что это не вѣтеръ воетъ, это плачутъ несчастныя матери, прощаясь навсегда съ тѣмъ, что для нихъ было дороже всего на свѣтѣ; и чудится мнѣ, что это не стекла звенятъ и стонутъ такъ жалостно, такъ грустно, что то раздаются слабые предсмертные стоны умирающихъ дѣтей, —дѣтей своей отчизны, которыя, можетъ быть, не сознаютъ всей великости своего подвига! . . . .

. . . .

Чуть только первый лучъ свѣта заглянулъ въ наши окна, Митяй, уже затянутый въ полный дорожный костюмъ, будилъ меня.

— Лошади готовы, ѣхать надо!

Въ домѣ всѣ уже проснулись: плакала Афроська, стоналъ Васютка, Авдотья копошилась около печи, а въ углу, роясь въ какой-то дырявой корзинѣ, сидѣла несчастная старуха и плакала. Она такъ была занята своимъ дѣломъ, что не обращала ни на насъ, ни на что окружающее вообще никакого вниманія.

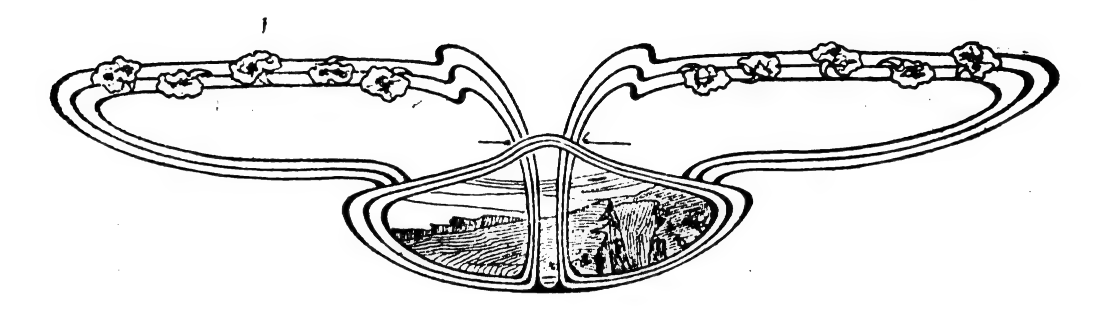
Лошади были поданы. Я сѣлъ въ телѣгу, плотнѣе укутываясь своимъ плащемъ.

— Трогай!—закричалъ Митяй и стегнулъ пристяжную. Лошади, отдохнувшія за ночь, быстро понесли

насъ впередъ,—и скоро печальный ночлегъ былъ уже далеко позади насъ. День былъ такой-же, какъ и вчера, пасмурный. Падалъ дождь своими грузными, тяжелыми каплями: но мнѣ казалось почему-то, что это—не дождь, а слезы, слезы несчастныхъ матерей и невольно приходили на умъ слова поэта:

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей!

И. Сынковскій.



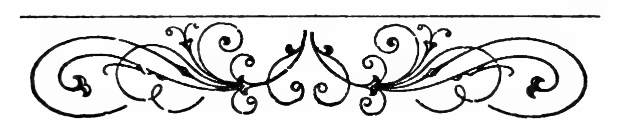
На средневѣковые мотивы.

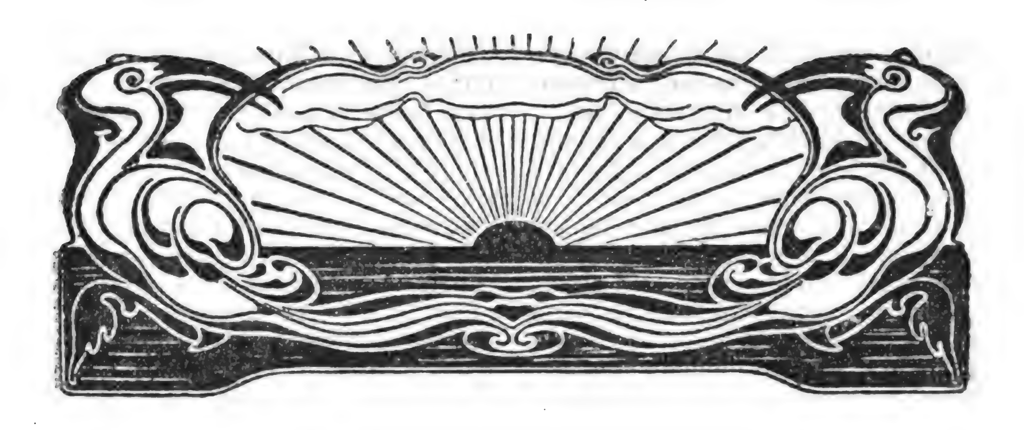
(Съ испанскаго).

За кладбищемъ, гдѣ широко
Степь песками залита,
Позабыта, одинока,
Есть могила безъ креста.
И надъ насыпью могильной,
Гдѣ невѣдомый лежитъ,
Не курился дымъ кадильный,
Не звучалъ тоской безсильной
Хоръ печальныхъ панихидъ.
Кто, покинувъ міръ страданій,
Легъ въ пески навѣки спать,
Какъ онъ умеръ,—изъ преданій
Развѣ можно разузнать...

Имя павшаго случайно
Сохранилъ угрюмый людъ.
Имя это, словно тайну,
Шопоткомъ передаютъ.
Погоди—зажжется пламя
Наступающаго дня,—
Холмъ покроется цвѣтами,
Разольются надъ полями
Гимны, полные огня.
Внуку дѣдъ надъ той могилой
Скажетъ все,—и пылкій внукъ
Самъ захочетъ юной силой
Страстной битвы, славныхъ мукъ...

И. Мордвиновъ.





Происхожденіе современной Россіи.

Иванъ Грозный.

Историческій очеркъ К. ВАЛИШЕВСКАГО.

(Окончаніе).

III. Завоеваніе Сибири.—Ермакъ.—Колонизація.—Строгановы.—Казаки.—Подвиги Ермака въ Сибири.

Слово „Сибирь" впервые встрѣчается въ русскихъ документахъ лишь во второй половинѣ XV-го вѣка въ примѣненіи къ извѣстной части нынѣшней Тобольской губерніи, находившейся вплоть до XVI-го вѣка во власти татарскихъ хановъ. Но еще задолго до этого времени русскіе люди бывали на высотахъ Уральскаго хребта и селились въ мѣстностяхъ бассейна рѣкъ Печоры и Оби. Уже въ XI вѣкѣ Новгородцы во время одной изъ своихъ смѣлыхъ экспедицій дошли до Уральскихъ горъ, а въ XII вѣкѣ они уже завязали регулярныя торговыя сношенія съ Югрой, подъ какимъ наименованіемъ разумѣли даже и въ XIV вѣкѣ всѣ земли, лежащія по ту сторону Уральскихъ горъ. Югричи даже платили новгородцамъ ежегодную дань мѣхами и серебромъ, добываемымъ изъ пріисковъ Уральскихъ горъ; эти пріиски были извѣстны тогда подъ названіемъ „Чудскія Копи".

Послѣ паденія Новгорода, Московскіе князья продолжали дѣло покоренія Сибири, но уже не мирнымъ, торговымъ путемъ, а путемъ завоеваній, начавъ въ 1472 г. съ завоеванія Перми; позднѣе, въ 1483 г., Московская рать проникла по одному изъ притоковъ Иртыша и затѣмъ по Иртышу въ бассейнъ рѣки Оби и принудила князей Югры и Вогуловъ покориться великому Князю Московскому и обязаться платить ему ежегодную дань. Но въ 1499 г. Москвѣ пришлось снова завоевывать силою оружія то, что они уже пріобрѣли раньше.

Впрочемъ, всѣ эти обязательства, вырванныя силой у татарскихъ хановъ и князей, владѣвшихъ тогда

Сибирью, не вели ни къ чему, такъ какъ не исполнялись ими подъ различными предлогами и отговорками.

Когда же Иванъ отвлекся войной съ Ливоніей, то положеніе дѣлъ въ Сибири совершенно испортилось и дошло до того, что даже посланнаго царя убили и совершенно перестали признавать авторитетъ Москвы. Серьезныхъ результатовъ на этой дальней окраинѣ можно было добиться только совершенно инымъ путемъ, путемъ упорной мирной колонизаціи, къ чему представлялось много случаевъ и поводовъ.

Согласно русской пословицѣ „рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше“, русскіе люди всегда склонны искать *„гдѣ лучше“*. Въ этихъ словахъ сказалась великая колонизаторская способность русскаго народа и его рѣшительная склонность къ перекочевкамъ съ мѣста своего рожденія на другія мѣста, въ поискахъ *„гдѣ лучше“*. Другая русская пословица говоритъ, что *„тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“!* Вотъ они и шли туда, *„гдѣ насъ нѣтъ“*. Но почему же тогда,—спросятъ,—не заселились земли бассейна Печоры русскими выходцами? Потому, что всѣ эти московскіе люди были по преимуществу хлѣбопашцы, а здѣсь для нихъ не представлялось тогда ничего заманчиваго; — только торговое и промышленное населеніе могло бы съ успѣхомъ основаться на этой землѣ; надо было, чтобы явились Строгановы, эти частные предприниматели, сумѣвшіе сгруппировать вокругъ себя эти кочующія толпы обездоленнаго русскаго населенія, которымъ не подъ силу было прокормиться въ предѣлахъ государства Московскаго и которые охотно шли къ Строгановымъ на берега Камы, гдѣ находили себѣ заработокъ и пропитаніе.

Эти Строгановы съ очень давнихъ временъ пользовались особаго рода привилегіями, предоставлявшими имъ право заселять пустыри и пустыя земли въ бассейнахъ Устюга и Вятки. Соціальное и юридическое положеніе Строгановыхъ и по сіе время еще остается не вполнѣ выясненными; согласно однимъ источникамъ родъ Строгановыхъ причисляется къ числу родовъ, родственныхъ знатному роду Добрыниныхъ; по историческимъ-же даннымъ Строгановы отнесены къ сословію торговому или крестьянскому, что по древне-московскимъ законамъ было одно и то-же. Во всякомъ случаѣ Строгановы не были ни боярами, ни служилыми людьми, хотя въ своихъ владѣніяхъ, т. е. на земляхъ, принадлежащихъ имъ, они пользовались совершенно исключительными правами, какъ то правомъ суда и расправы надъ всѣмъ населеніемъ ихъ обширныхъ земель, правомъ строить города и укрѣпленія, правда, съ согласія царя, правомъ содержать свое войска и лить пушки, самолично воевать съ сибирскими ханами и безпошлинно торговать съ азіатскими народами. Такимъ образомъ они принадлежали и къ земледѣльческому, и къ торговому сословію, но высшаго разряда, такъ что, хотя Строгановыхъ и причисляли къ „гостямъ“, но не смѣшивали съ ними, и, какъ это видно изъ документовъ того времени, семья Строгановыхъ одна представляла собой какъ-бы особую касту, особый соціальный классъ.

Громадныя владѣнія Строгановыхъ, раскинувшіяся по Камѣ и Уралу, нерѣдко подвергались нападеніямъ Черемисовъ, Башкиръ и другихъ полу-дикихъ племенъ, обитавшихъ по сосѣдству. Съ разрѣшенія царя Ивана и даже по его предложенію эти смѣлые колонизаторы призвали къ себѣ на службу и вооружили казаковъ и Остяковъ съ цѣлью отражать эти нападенія. Преслѣдуя непріятеля, казаки незамѣтно проникли по ту сторону Уральскаго хребта и такимъ образомъ положили первое начало той легендарной эпопеѣ, которую мы называемъ покореніемъ Сибири.

Поссорившись съ однимъ изъ царствовавшихъ тогда по ту сторону Урала хановъ, нѣкій татарскій ханъ Киргизъ Кайсацкаго происхожденія, по прозванію Кучумъ, основалъ новое ханство, покоривъ себѣ нѣкоторыя племена Остяковъ и Башкиръ; вскорѣ царство его стало сравнительно сильнымъ и могущественнымъ ханствомъ, столица котораго получила названіе Сибирь, или Искеръ.

Этотъ Кучумъ, встревоженный быстрыми успѣхами Строгановыхъ, своихъ ближайшихъ сосѣдей, и ревниво оберегая свою независимость, поручилъ сыну своему царевичу Махметкулу напасть на русскія поселенія и по возможности разгромить и уничтожить укрѣпленія и крѣпости, воздвигнутыя Строгановыми. Ввиду грозящей имъ столь серьезной опасности Строгановы рѣшились прибѣгнуть къ помощи казаковъ, населявшихъ станицы по низовьямъ Дона. Эти станицы, какъ извѣстно, служили убѣжищемъ для всякаго бродячаго и темнаго люда, и населеніе ихъ представляло собою нѣчто среднее между разбойничьей шайкой и воинскимъ отрядомъ. Большинство этихъ станичниковъ только чудомъ избѣгло висѣлицы или рукъ палача.

Польстясь на заманчивыя предложенія Строгановыхъ, цѣлыя толпы этихъ казаковъ охотно двинулись къ берегамъ Камы; въ числѣ этихъ смѣлыхъ и буйныхъ рыцарей былъ и столь прославленный впослѣдствіи Ермакъ Тимофеевичъ, считающійся и теперь еще покорителемъ Сибири, случайный удачникъ, ставшій легендарнымъ героемъ русскаго народа.

Слово „казакъ" татарскаго происхожденія и первоначально означало всякаго бродячаго человѣка, не прикрѣпленнаго къ землѣ. Этотъ недовольный своей судьбою и окружающими условіями жизни людъ, въ поискахъ новаго идеала, безпечальной и вольной жизни сначала уходилъ куда глаза глядятъ, въ лѣса и въ степи, и тамъ образовывалъ вооруженныя шайки и разбойничьи поселенія, промышляя главнымъ образомъ грабежамъ. Такіе люди назывались даже оффиціально „воровскими казаками".

При тогдашнихъ условіяхъ и отсутствіи опредѣленныхъ границъ государства, судьбѣ было угодно, чтобы это населеніе, номинально находившееся въ зависимости отъ государства и подчиненное всѣмъ его законамъ, но въ сущности совершенно независимое, сдѣлалось, такъ сказать, колоновожатыми русскаго колонизаціоннаго движенія. Въ царствованіе Василія Рязанскіе казаки проложили себѣ дорогу на Донъ, основались на немъ и затѣмъ двинулись дальше, ставъ грозой для Крымскихъ, Азовскихъ и Ногайскихъ татаръ. Вскорѣ на Донъ стали стекаться вольные и подневольные люди со всѣхъ концовъ государства; казачество не только тревожило татаръ, но временами отправлялось на Волгу и здѣсь на своихъ быстрыхъ „чайкахъ" (челнокахъ) грабило русскихъ купцовъ, вызывая со стороны правительства вооруженную расправу. Тѣмъ не менѣе Строгановы, съ согласія царя, призвали къ себѣ на службу этихъ удальцовъ-разбойниковъ съ ихъ знаменитыми атаманами Иваномъ Кольцо и Ермакомъ Тимофеевичемъ.

Относительно имени послѣдняго и по сіе время еще не выяснено, является-ли оно искаженіемъ православнаго имени Ермолай или прозвищемъ, присвоеннымъ низшаго разряда кашеварамъ въ станицахъ, такъ какъ на волжскомъ нарѣчіи слово „ермакъ" означаетъ котелъ для варки каши. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ новгородскихъ спискахъ населенія встрѣчается уменьшительное имя „Ермошка" и „Ермашка", которое, повидимому, тамъ было весьма обычно.

1-го сентября 1581 г. казаки подъ начальствомъ удалого Ермака, перешли по слѣдамъ прежнихъ походовъ Уралъ съ намѣреніемъ напасть на

Кучума въ его странѣ и отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ набѣгамъ на русскія поселенія и укрѣпленія. Одновременно съ этимъ походомъ Ермака татарскій ханъ Пелыма напалъ на Пермь, и воевода Пермскій обратился за содѣйствіемъ къ Строгановымъ. Но тѣ не могли оказать ему помощи, такъ какъ большая часть ихъ войска ушла съ Ермакомъ и его казаками. Воевода послалъ тогда жалобу Ивану, и царь, относившійся къ этому новому походу Ермака въ Сибирь съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ и ко всѣмъ предыдущимъ подобнымъ экспедиціямъ и не придававшій ему никакого серьезнаго значенія, обвинилъ Строгановыхъ въ измѣнѣ и отправилъ въ Пермь приказаніе немедленно воротить Ермака и его товарищей, но исполнить этотъ приказъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ Ермакъ былъ уже далеко.

Высланный Кучумомъ навстрѣчу казакамъ Махметкулъ былъ до того пораженъ видомъ огнестрѣльнаго оружія, котораго ни онъ, ни его татары и киргизы никогда не видали, что одинъ видъ ружей произвелъ среди нихъ страшную панику. На Иртышѣ Ермакъ разбилъ на голову Кучума, въ первыхъ числахъ октября овладѣлъ его столицей и остался въ ней зимовать. Весною казаки полонили Махметкула и стали покорять одинъ за другимъ мелкіе татарскіе улусы по берегамъ Иртыша и Оби. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ успѣховъ Ермакъ рѣшилъ дать знать о себѣ Строгановымъ и самому Царю, къ которому и отправилъ атамана Ивана Кольцо.

Хотя Иванъ Кольцо былъ завѣдомый разбойникъ, бѣжавшій отъ палача, тѣмъ не менѣе царь принялъ его ласково, не упоминая объ его винѣ, и отослалъ его обратно съ богатыми дарами: двумя золочеными кальчугами и бронями, серебрянным кубкомъ и шубой съ царскаго плеча; одновременно съ этимъ онъ приказалъ своимъ воеводамъ, Болховскому и Глухову, присоединить къ государству Московскому земли, отнятыя Ермакомъ у Кучума.

Такъ это было всегда: впередъ высылали казаковъ; если они терпѣли неудачу, и предпріятіе не приводило къ желаемымъ результатамъ, отъ нихъ отказывались, называя ихъ разбойниками и царскими ослушниками; если же ихъ предпріятіе увѣнчивалось успѣхомъ, то Москва спѣшила присвоить себѣ плоды ихъ побѣдъ.

Однако, Грозному не суждено было узнать, какая участь постигла его уполномоченныхъ, и какая трагическая развязка ожидала героя, стяжавшаго себѣ безсмертіе въ народной легендѣ. Въ августѣ 1584 г. будучи захваченъ врасплохъ ночною порой на берегахъ Иртыша, отважный вождь казаковъ искалъ спасенія отъ враговъ и переплывая Иртышъ, погибъ отъ тяжести своей кольчуги и доспѣховъ.

Преданіе гласитъ, что татары, узнавъ его тѣло по золоченымъ доспѣхамъ, выловили его, когда оно всплыло, и водрузили его на высокій помостъ. Здѣсь оно въ теченіе шести недѣль служило имъ мишенью для стрѣльбы. Надъ прахомъ героя носились стаи хищныхъ птицъ, но ни одна изъ нихъ не рѣшалась коснуться его, кромѣ того, страшныя видѣнія появлялись около смертныхъ остатковъ Ермака, такъ что охваченные ужасомъ татары, чтобы умилостивить тѣнь умершаго, рѣшили сдѣлать ему великолѣпныя похороны, во время которыхъ было заколото 30 тучныхъ быковъ и съѣдено на его поминкахъ. Но и послѣ того надъ его прахомъ творились чудеса: — огненный столбъ взвился надъ его могилой и колыхался въ воздухѣ, — грозные непонятные голоса завывали вокругъ. Татарскіе муллы рѣшили зарыть его въ землю и скрыть его могилу, чтобы никто никогда не могъ розыскать праха героя.

Замѣчательно, что изъ уполномоченныхъ Ивана—Болховской умеръ

въпути, а Глуховъ принужденъ былъ, не солоно-хлебавши, вернуться обратно, такъ что блестящіе успѣхи Ермака въ сущности не привели ни къ чему, и въ результатѣ эта экспедиція казаковъ ничѣмъ не отличалась отъ десятка другихъ подобныхъ экспедицій, бывшихъ раньше. Между тѣмъ легенда окружила яркимъ ореоломъ личность удалого казака Ермака Тимофеевича и его подвигъ, присвоила ему имя покорителя Сибири и поставила его имя наравнѣ съ именами Кортеса и Колумба.

Но легенда—великая сила; она породила послѣдователей Ермаку, она толкнула другихъ на этотъ путь покоренія Сибири, а за этими отважными казаками шли незамѣтно, слѣдомъ истинные завоеватели Сибири—Строгановы со своей арміей промышленнаго и рабочаго люда, шли скромные поселенцы, вносившіе въ эту дикую страну свою культуру и свой трудъ.

Когда вѣсть о катастрофѣ, пресѣкшей блестящіе успѣхи казаковъ по ту сторону Урала, достигла Москвы, Ивана уже не было въ живыхъ, но прежде, чѣмъ закончить этотъ очеркъ печальными подробностями не лишенной глубокаго трагизма кончины этого государя, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ и ужасахъ той среды, двора и семьи, въ которыхъ жилъ и вращался Иванъ.

IV. —Дворъ и интимная жизнь Грознаго.— Александровская слобода.— Домашній обиходъ Ивана.—Царская семья.

Первое впечатлѣніе Ченслора, когда онъ прибылъ въ Москву, было отчасти восхищеніе и удивленіе, отчасти удивленіе и разочарованіе. Городъ показался ему болѣе обширнымъ, чѣмъ Лондонъ его времени, но никакого великолѣпія и богатства въ немъ онъ не нашелъ, и даже самый Кремль, по его словамъ, поражалъ скорѣе отсутствіемъ всего того, что можно было ожидать отъ него даже Золотая Палата походила скорѣе на лачугу, чѣмъ на дворецъ. Въ то же время Кремль со своей знаменитой стѣной представлялъ собою нѣчто очень своеобразное. Большая тронная зала дворца съ низкими сводами, покоящимися на одномъ низкомъ массивномъ столбѣ или колонкѣ, мало соотвѣтствовала великолѣпію царскихъ пріемовъ, для которыхъ она предназначалась. Въ большинствѣ случаевъ царь принималъ пословъ и другихъ именитыхъ иностранцевъ въ другой, еще болѣе тѣсной и скромной залѣ, обставленной почти исключительно деревянными скамьями и поставцами; вся же роскошь убранства заключалась въ цѣнныхъ персидскихъ коврахъ и серебряной утвари на поставцахъ, да золотыхъ ризахъ иконъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

Если вѣрить запискамъ Маскѣвича, писаннымъ въ 1594 г., то въ главной залѣ дворца стояла маленькая чугунная переносная печь, нагрѣвавшая это дворцовое помѣщеніе. Въ XVI вѣкѣ Кремль, какъ и въ настоящее время, былъ главнымъ образомъ сборищемъ церквей и монастырей въ которыхъ терялся и исчезалъ дворецъ. Таково было первое впечатлѣніе Ченслора, но когда онъ очутился въ присутствіи Царя,—то впечатлѣніе получилось совершенно иное: онъ видѣлъ блескъ и роскошь Валуа и Тюдоровъ, и тѣмъ не менѣе былъ пораженъ тѣмъ, что онъ увидѣлъ здѣсь.

Самъ Государь, этотъ человѣкъ сидѣвшій на тронѣ, поддерживаемомъ 4 апокалипсическими животными, походилъ скорѣе на первосвященника, чѣмъ на свѣтскаго государя. Даже спустя 20 лѣтъ Поссевино, при видѣ Ивана въ длиннополой одеждѣ монашескаго покроя, въ тіарѣ и съ посохомъ въ рукѣ, вообразилъ, что находится въ присутствіи другого, православнаго

Папы, Царя—Патріарха, *rex sacrorum*. Икона Богоматери надъ трономъ, икона Спасителя по правую руку и кругомъ на стѣнахъ и на сводахъ потолка изображенія библейскихъ сюжетовъ,—все это еще болѣе усиливало это впечатлѣніе, придавая дворцовой палатѣ видъ храма. Юные оруженосцы съ блестящими топориками, или алебардами, правда, стояли по бокамъ трона, но они стояли неподвижно, какъ каменныя изваянія; къ тому-же вѣдь и римскій первосвященникъ также всегда имѣлъ своихъ аллебардійцевъ и тѣлохранителей. При этомъ кругомъ царила такая мертвая тишина, что если бы не видѣть передъ собою эти тѣсные ряды стражей въ длинныхъ бѣлыхъ кафтанахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, походившихъ скорѣе на Левитовъ, чѣмъ на солдатъ, этихъ осанистыхъ бояръ и сановниковъ, длиннобородыхъ и степенныхъ, можно-было-бы думать, что палата пуста, что въ ней нѣтъ ни души.

Если самый дворецъ казался слишкомъ скромнымъ для Московскаго Государя, то окружающій его дворъ превосходилъ своею роскошью и богатствомъ все, что когда либо видѣли иностранцы при дворѣ другихъ государей. Здѣсь были цѣлыя толпы придворныхъ, одѣтыхъ въ золотыя парчи и драгоцѣнные мѣха, съ цѣлымъ дождемъ драгоцѣнныхъ самоцвѣтныхъ камней. Сплошной стѣной заполняли эти люди палату, сѣни, переходы, лѣстницу и крыльцо. Государь занималъ верхъ дворца, остальныя части дворца, нижній этажъ и всѣ флигеля и постройки, отведены были подъ приказы. Ихъ насчитывалось до сорока, и каждый изъ нихъ дѣлился на палаты. Эти приказы были своего рода независимыя другъ отъ друга министерства. Кромѣ приказовъ, существовали еще различныя менѣе важныя учрежденія,—или дворы: житный дворъ, кормовой дворъ, хлѣбный дворъ и т. д.

Придворныхъ чиновъ было также очень много; были и стольники, и кравчіе, и окольничьи, и подьячіе, думные дьяки, дворецкіе, или дворники. При дворѣ же царицы всѣ должности распредѣлялись исключительно между женщинами; у нея такъ же, какъ и у царя, были свои постельныя боярыни, мастерицы и дѣвушки. На половинѣ царицы самая большая и свѣтлая комната, называвшаяся „свѣтлицей“, была, такъ сказать, рукодѣльной комнатой; здѣсь работали десятки вышивальщицъ, бѣлошвеекъ и золотошвеекъ; кромѣ того, на половинѣ царицы была еще и иконописная палата, мастерская иконной живописи и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто въ родѣ академіи искусствъ.

Иванъ, какъ уже было сказано раньше, былъ очень богатый Государь очень бѣднаго народа. Когда Флетчеръ осматривалъ сокровищницу Грознаго, то ему казалось, что все это сонъ или галлюцинація: жемчугъ, изумруды, рубины и сапфиры лежали цѣлыми грудами, наравнѣ съ грудами золотой и серебряной чеканной утвари, сотней золотыхъ кубковъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Накопляясь съ каждымъ годомъ, всѣ эти богатства постоянно лежали безъ всякаго употребленія въ подвалахъ и тайникахъ и служили главнымъ образомъ для того, чтобы поражать иностранцевъ. Ченслору случилось присутствовать при отправленіи посольства Королю Польскому, и вотъ онъ увидѣлъ 500 всадниковъ, одѣтыхъ съ такимъ великолѣпіемъ, что онъ едва могъ вѣрить своимъ глазамъ. Всѣ они были въ золотыхъ парчевыхъ кафтанахъ, чепраки подъ ними были бархатные, расшитые золотомъ, жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. И всѣ эти драгоцѣнности были взяты изъ велико-княжескихъ хранилищъ. Часто въ присутствіи чужестранныхъ пословъ—бояре, назначенные въ свиту, разоблачались, чтобы поразить иностранцевъ роскошью и богатствомъ своихъ нижнихъ

одеждъ. Но нижнія и верхнія одежды, и шубы, и шапки,—все это принадлежало царю и по окончаніи торжества должно было вернуться обратно въ царскія кладовыя и чуланы „безъ пятенъ и изъяновъ“, въ противномъ же случаѣ виновникъ, погрѣшившій противъ этого требованія, подвергался штрафу.

За то въ этой роскоши было много недохватокъ и пробѣловъ, такъ, напр. Дженкинсонъ, будучи приглашенъ къ царскому столу, кушалъ на золотой посудѣ; золотые кубки и чары онъ цѣнилъ не менѣе, какъ въ 400 фунтовъ стерлинговъ каждую, а ихъ было нѣсколько десятковъ. Въ этотъ день Дженкинсонъ насчиталъ 300 человѣкъ придворныхъ, одѣтыхъ въ золотую и серебряную парчу, прислуживавшихъ у стола. Царь отдѣльно кушалъ за особымъ столомъ изъ массивнаго золота. Одновременно приносилось по 100 золотыхъ или серебряныхъ блюдъ съ яствами, но у гостей за столомъ не было ни тарелокъ, ни приборовъ, а тѣмъ менѣе салфетокъ. Русскіе того времени обыкновенно носили при себѣ на поясѣ ложку и ножъ, а тарелки имъ замѣняли тонкія лепешки изъ тѣста.

Посланные нѣмецкаго Императора въ 1576 г. замѣчали, что даже гостямъ, приглашеннымъ къ царскому столу въ числѣ 200 человѣкъ, также наравнѣ съ служащими были розданы гостямъ изъ царской гардеробной парчевыя одежды и шубы собольи и бобровыя шапки, которые были замѣнены, какъ только гости заняли свои мѣста за столомъ, бѣлыми плащами, отороченными горностаемъ.

Эти подробности чрезвычайно важны для исторіи страны, для развитія ея мысли и понятій: этимъ путемъ прочнѣе внушалось народу сознаніе, что онъ самъ по себѣ ничто и ничего не имѣетъ, а все исходитъ отъ царя и его царской милости.

Самый церемоніалъ пира также способствовалъ этой цѣли: осѣнивъ себя широкимъ крестомъ, царь накладывалъ себѣ первый большую порцію мяса и затѣмъ, отдѣляя отъ нея куски, посылалъ наиболѣе почетнымъ гостямъ, наблюдая въ то же время, какъ слуги подносили остальнымъ, приговаривая каждому: „Царь посылаетъ тебѣ это“, при чемъ каждый вставалъ и благодарилъ за царскую милость. То же самое повторялось и съ напитками, которые, по словамъ всѣхъ иностранцевъ, были превосходнаго качества; что же касается яствъ, то обильно приправленныя шафраномъ, сметаной и масломъ блюда, къ которымъ неизмѣнно подавались кислые огурцы и кислая капуста, обыкновенно производили на иностранцевъ скверное впечатлѣніе, а обычай сидѣть по 5 и по 6 часовъ за столомъ и отпивать изъ каждой чары и братины являлся положительнымъ мученіемъ даже для самыхъ выносливыхъ. Кромѣ того, существовалъ еще обычай, чтобы послѣ пира царь отправлялъ своимъ почетнымъ гостямъ на домъ еще добавочную порцію всѣхъ яствъ и напитковъ, которую тѣ должны были тутъ же, въ присутствіи царскаго посланнаго, раздѣлить съ нимъ. И чѣмъ почетнѣе былъ гость, тѣмъ больше бывала и порція, присылаемая ему; такъ, напр., послу Императора послѣ того, какъ онъ вернулся къ себѣ отъ царскаго стола, было прислано: семь кубковъ романеи, столько-же рейнскаго вина, столько-же мускатнаго вина и бѣлаго французскаго, мальвазіи, аликанта, винъ Канарскихъ острововъ,—двѣнадцать жбановъ меду высшаго качества и семь-сотъ кружекъ меда второго качества, 8 жареныхъ лебедей и 8 журавлей съ пряностями; нѣсколько пѣтуховъ съ имбиремъ и нѣсколько фаршированныхъ пулярдокъ, нѣсколько глухарей съ шафранной приправой, блюдо рябчиковъ въ сметанѣ, блюдо утокъ съ огурцами, нѣсколько гусей съ рисомъ, нѣсколько фаршированныхъ зайцевъ съ лапшей и съ брюквой,

оленьи мозги, множество сладкихъ пироговъ и пироговъ съ мясомъ, ватрушекъ съ творогомъ и съ вареньемъ, затѣмъ цѣлыя стопы блинчиковъ и блиновъ съ масломъ и съ рыбой и съ яицами и сладкихъ жилэ, битыхъ сливокъ и цѣлыя горы засахаренныхъ плодовъ и орѣховъ. И все это тотчасъ же послѣ обѣда, продолжавшагося 5 или 6 часовъ! Намъ, современнымъ людямъ, такія порціи кажутся положительно невѣроятными.

Какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ, пиры и кормежки, неумѣренное употребленіе хмѣльныхъ напитковъ и настоящія попойки являлись неизбѣжными на каждомъ празднествѣ или торжествѣ, такъ какъ представляли собою главное развлеченіе и время препровожденіе зажиточнаго класса. Впрочемъ, не смотря на проклятія и осужденія со стороны церкви всѣхъ остальныхъ увеселеній, русскіе люди XII-го вѣка не отказывали себѣ и въ другихъ забавахъ: существовала даже особая *Потѣшная палата*; кромѣ того, процвѣтали при дворѣ царскомъ игры въ шашки, въ шахматы и въ карты, охоты съ борзыми и гончими, съ соколами и ястребами, охота на медвѣдей и на волковъ. Въ первой половинѣ своего царствованія Иванъ сильно увлекался этими забавами. Но затѣмъ, удрученный государственными заботами, совершенно забросилъ охоту, и когда Баторій выразилъ желаніе пріобрѣсти нѣсколько красныхъ соколовъ, какіе, какъ говорятъ, водились въ царской охотѣ, царь отвѣтилъ ему, что ихъ уже болѣе не осталось, такъ какъ удрученный горемъ онъ уже больше не охотится. На вопросъ же Баторія, что бы онъ могъ принесть царю, чтобы порадовать его, Иванъ отвѣчалъ: „добрыхъ коней, желѣзныхъ шлемовъ, мѣткихъ и легкихъ ружей по больше"!

Разбитый подъ Полоцкомъ, Грозный просилъ у своего побѣдителя только оружія, чтобы отплатить ему за свое униженіе.

Однако, хотя царь дѣйствительно былъ обремененъ горемъ и заботами, онъ продолжалъ держать при себѣ шутовъ и дураковъ, которые, до половины XVIII-го столѣтія, составляли непремѣнную принадлежность русскаго двора. Эти болѣе или менѣе остроумные и находчивые профессіональные забавники и увеселители, въ большинствѣ случаевъ забавляли царя и его приближенныхъ непристойными, циничными шутками и выходками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ шуты, пользуясь правомъ говорить все, что имъ вздумается, не стѣсняясь высказывали порой горькія истины и являлись какъ бы удовлетвореніемъ той потребности въ хлесткой сатирѣ и критическомъ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ, которыя присущи каждому обществу. Не стѣсняясь ни Домостроемъ, ни порядкомъ двора, шуты вносили въ эту затхлую, удушливую атмосферу московской жизни лучъ свѣта и струю свѣжаго воздуха. Почти въ каждомъ знатномъ боярскомъ домѣ былъ одинъ или нѣсколько шутовъ; у Ивана же ихъ были десятки, и нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось дорого расплачиваться за право быть за панибрата съ царемъ. Такъ, одному изъ нихъ царь за столомъ вылилъ миску горячихъ щей на голову, и когда несчастный сталъ кричать отъ боли, то царь, который былъ уже пьянъ, ударилъ его своимъ кинжаломъ, и тотъ упалъ за мертво. Призвали тотчасъ-же лейбъ-медика царя, и Иванъ приказалъ ему вылѣчить вѣрнаго слугу, съ которымъ онъ неосторожно пошутилъ,—но никакая помощь не могла помочь шуту; тотъ былъ уже мертвъ.

Однажды на пріемѣ польскаго посла, въ тотъ моментъ, когда посолъ склонялся передъ нимъ, царь сорвалъ съ него головной уборъ и надѣлъ его на голову шута, приказавъ ему при-

вѣтствовать себя по польскому обычаю, а когда шутъ, отговариваясь тѣмъ, что не знаетъ польскаго обычая, уклонился отъ предложенной ему роли, царь лично принялся передразнивать посла, сопровождая свою неприличную выходку громкимъ смѣхомъ и вынуждая всѣхъ присутствующихъ вторить ему и вмѣстѣ съ нимъ издѣваться надъ иностранцемъ.

Въ Александровской Слободѣ всѣ эти многообразные фазисы придворной жизни, приспособленной къ капризному, деспотическому нраву царя, выступали съ особенной яркостью, представляя собою одну изъ наиболѣе странныхъ картинъ, запечатлѣнныхъ на страницахъ исторіи и завѣщанныхъ ею на удивленіе недоумѣвающему потомству.

Послѣ большого пожара 1547, почти совершенно уничтожившаго Кремль, Иванъ на нѣкоторое время переселился въ деревню Воробьево, пока ему въ Москвѣ сооружали на скорую руку деревянный дворецъ и возобновляли пострадавшій отъ пожара каменный. Мало того, царь одно время задумалъ строить себѣ дворецъ на Воздвиженкѣ, близъ нынѣшнихъ Троицкихъ воротъ, но въ сущности пребываніе въ Москвѣ для Ивана было столь же ненавистно, какъ впослѣдствіи и для Петра. Царю несравненно больше нравилось Коломенское и даже Вологда, несмотря на свою суровую и дикую природу. Здѣсь Иванъ также построилъ себѣ большой деревянный дворецъ, но вскорѣ выборъ его остановился на Александровской Слободѣ—этомъ Плесси-ле-Туръ (Plessis-lés-Turs) Грознаго, гдѣ знаменитый Малюта Скуратовъ былъ его Тристаномъ—Отшельникомъ. Часть монастырскихъ зданій нынѣшняго Успенскаго монастыря въ Александровскѣ, по словамъ преданія, представляетъ собою остатки исчезнувшаго безслѣдно дворца Грознаго. Самый соборъ въ монастырской оградѣ, несомнѣнно, принадлежитъ времени Ивана Грознаго, и въ немъ находятся двери Новгородскаго Софійскаго собора, увезенныя оттуда послѣ Новгородскаго погрома. Самое же монастырское зданіе, часть котораго отличается совершенно своеобразной архитектурой, поражаетъ насъ своими безчисленными глубокими подземельями, подземными ходами, бездонными колодцами, навѣвающими страхъ и ужасъ на посѣтителей. Удивительно и странно, что эти стѣны и этотъ городъ, пережившіе столько ужасовъ, одинаково безмолвны, и даже преданіе здѣсь не сохранило намъ никакихъ подробностей, могущихъ помочь освѣтить то, что здѣсь происходило и что играло такую замѣтную роль въ жизни такого замѣчательнаго человѣка, какъ царь Иванъ.

Въ глазахъ современниковъ Александровская Слобода была ничто иное, какъ разбойничье гнѣздо, но, провѣряя ихъ разсказы посредвомъ болѣе достовѣрныхъ документовъ и нѣсколькихъ несомнѣнныхъ фактовъ, можно составить себѣ довольно вѣрное представленіе о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности было это обиталище.

Мы уже пытались разъяснить настоящій смыслъ и значеніе опричнины и отразить нѣкоторыя чудовищныя обвиненія, взводимыя на нее.

Это было революціонное дѣло, имѣвшее своимъ естественнымъ послѣдствіемъ извѣстный режимъ террора, впадавшаго въ неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ крайности. Эти сподвижники Ивана, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, взятые имъ частію изъ низшихъ словъ общества, не понимали великаго значенія того политическаго и соціальнаго переворота, которому они должны были способствовать, и часто не умѣли отличить грубаго и дикаго насилія отъ энергичныхъ мѣръ. Послушныя орудія воли Грознаго и раболѣпные царедворцы капризнаго царя, они льстили его грубымъ инстинктамъ и способство-

вали ихъ развитію, склоняя его къ безобразнымъ излишествамъ; а къ послѣднимъ онъ, несомнѣнно, былъ склоненъ по самой своей натурѣ и дикому темпераменту, котораго никто не позаботился обуздать въ немъ во время его ранней молодости.

Преданіе и современная лѣтопись сохранили многія имена этихъ сподвижниковъ, но ярче всѣхъ среди нихъ выступаютъ имена Алексѣя Басманова и сына его Өедора Басманова, князя Афанасія Вяземскаго, Василія Грязнова и, наконецъ, Григорія Лукіяновича Малюты-Скуратова Впослѣдствіи самое видное мѣсто въ числѣ приближенныхъ царя занимали Богданъ Бѣльскій и Басмановъ, особые любимцы и фавориты Грознаго, и, наконецъ, Борисъ Годуновъ, зять Скуратова и будущій царь, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Ивана.

Среди всѣхъ этихъ людей преданіе выдѣляетъ совершенно обособленною фигурой брата царицы Настасьи, Никиту Романовича Захарьина, которому оно, неизвѣстно на какомъ основаніи, приписываетъ всевозможныя добродѣтели — честность, великодушіе, удивительный умъ и строгость нравовъ, которыя, кажется, даже какъ будто совершенно несовмѣстимы съ той средой, гдѣ онъ вращался.

Въ принципѣ Александровская Слобода была, конечно, мѣстомъ дикаго разгула, но Царь всегда былъ склоненъ къ монашеской жизни, и извѣстныя аскетическія склонности отлично уживались у него съ нравственной распущенностью, не чуждой, впрочемъ, и монастырямъ въ его время. Мы видѣли, что онъ пытался ввести въ монастыряхъ радикальную реформу и улучшить монастырскіе нравы, и вотъ весьма вѣроятно, что желаніе дать монахамъ личный примѣръ строгаго соблюденія уставовъ внушило ему первую мысль того новаго режима своего двора, какой наблюдался въ Слободѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Опричнина сама по себѣ носила характеръ братства: всѣ опричники давали извѣстную клятву, походившую нѣсколько на монашескій обѣтъ; они покидали свѣтъ, отрекаясь отъ своей прежней жизни, прежнихъ связей и положенія и, наконецъ, самая слобода весьма походила на монастырь. Триста человѣкъ наиболѣе близкихъ къ царю опричниковъ должны были подчиняться строжайшему монастырскому уставу, представляя собою братію, игуменомъ которой былъ самъ царь. Присутствуя на всѣхъ службахъ, отбивая безчисленные земные поклоны, переряжаясь въ монашеское платье и клобуки, обѣдая за общею трапезой, соблюдая строго всѣ посты и раздавая весь остатокъ трапезы нищимъ, опричники, съ царемъ во главѣ, вели, повидимому, строго монашескій образъ жизни. Но, наряду съ этимъ, въ стѣнахъ этой обители устраивались пиры и дикія попойки, на которыхъ присутствовали и женщины. Въ глазахъ Ивана идеалъ монашеской жизни состоялъ, какъ и въ глазахъ большинства его современниковъ, въ строгомъ исполненіи наружныхъ обрядовъ и усердномъ отбиваніи поклоновъ, долженствующихъ искупить всю мерзость, распущенность, дикаго разгула, излишества и распутства. И потому въ глазахъ Ивана эта непристойная пародія монастырской жизни являлась серьезнымъ дѣломъ спасенія души. Доказательствомъ этого можетъ служить посланіе Ивана къ Архимандриту Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ ясно чувствуется, что человѣкъ, писавшій это посланіе, искренно считаетъ себя монахомъ, добросовѣстно исполняющимъ свой обѣтъ.

Посланіе это было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Одинъ изъ трехъ братьевъ Шереметьевыхъ, Никита Васильевичъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованій и гнѣва Ивана, обрушившагося на его семью, постригся въ монастырь принявъ имя

Іоны. Но въ то время на такого рода вынужденное обстоятельствами или насильственное постриженіе смотрѣли очень легко, и потому братъ Іона, живя по сосѣдству съ монастыремъ въ особомъ домѣ, жилъ въ немъ припѣваючи, благодаря своему громадному состоянію, часть котораго онъ записалъ на монастырь. Онъ держалъ роскошную кухню и большую дворню и отличался широкимъ гостепріимствомъ, пользуясь всеобщимъ расположеніемъ монастыря и окрестныхъ жителей.

Это было не единственное въ этомъ родѣ исключеніе; весьма многіе изъ родовитыхъ монаховъ, сосланныхъ Иваномъ въ монастыри, жили точно также. Но у этихъ счастливцевъ были, конечно и завистники, и послѣдніе донесли царю, какъ хорошо и привольно живется людямъ, заслужившимъ его немилость. И вотъ взбѣшенный этимъ Иванъ пишетъ свое знаменитое посланіе къ игумену Бѣлозерскаго монастыря. Именуя себя „псомъ смердящимъ, погрязшимъ въ пьянствѣ, развратѣ, захлебнувшемся въ крови и разбояхъ", царь все же жестоко упрекаетъ настоятеля и монастырь въ разныхъ попущеніяхъ и потворствахъ, которые они дозволяютъ нѣкоторымъ изъ братьевъ, и напоминаетъ монахамъ Бѣлозерскаго монастыря строгость ихъ устава и ихъ обязанность подчиняться ему.

Но при этомъ любопытно, что одновременно съ этимъ обличительнымъ посланіемъ царь прислалъ въ даръ монастырю золотую братину съ рельефнымъ изображеніемъ нагихъ женщинъ въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ.

Таковъ былъ странный, противорѣчивый духъ Александровской слободы. Царь самъ ходилъ звонить къ службѣ съ своими сыновьями; и въ полночь всѣ должны были собираться къ часамъ, за которыми присутствовалъ и самъ царь, какъ и за всѣми остальными службами въ теченіе дня. Въ 4 часа ночи всѣ снова собирались въ церкви къ утрени, продолжавшейся до 7-ми утра; въ 8 часовъ начиналась ранняя обѣдня, и царь самъ подавалъ примѣръ, усердно отбивая поклоны. Въ полдень всѣ садились за трапезу, и царь читалъ вслухъ священное писаніе, а затѣмъ, по окончаніи трапезы, начинался пиръ, часто переходившій въ дикую оргію, которую, однако, царь прерывалъ въ полномъ ея разгарѣ, какъ только раздавался благовѣстъ, сзывавшій къ вечернѣ. Послѣ вечерни Царь отправлялся въ свою опочивальню, гдѣ его ожидали трое слѣпцовъ, на обязанности которыхъ лежало усыплять царя своими сказками, и вѣроятно, тѣмъ умѣрять страхъ одиночества и ночной тишины, преслѣдовавшій Грознаго, какъ только онъ оставался одинъ.

Въ продолженіи дня царя отвлекали многостороннія заботы и развлеченія. Правда ли, что царь, выйдя изъ-за стола, отправлялся на допросы и въ продолженіе цѣлыхъ часовъ наслаждался муками и пытками истязуемыхъ тамъ людей, что самъ даже подъ часъ принималъ на себя роль палача,— что всегда сумрачный и угрюмый, онъ здѣсь вдругъ становился инымъ и упивался ужасами пытки до того, что его дикій, злорадный смѣхъ порою заглушалъ вопли и стоны страдальцевъ? Конечно, это, пожалуй, было возможно, хотя никакихъ положительныхъ доказательствъ чего либо подобнаго мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, если даже это и было, то лишь, какъ единичный исключительный случай, а отнюдь, не какъ постоянное развлеченіе, иначе этотъ до крайности нервный и впечатлительный человѣкъ, безъ сомнѣнія, пришелъ бы очень скоро къ умопомѣшательству. Царь забавлялся и развлекался, какъ намъ извѣстно, скоморохами, фокусниками, учеными медвѣдями, которые въ его время являлись излюбленнымъ развлеченіемъ всего русскаго народа.

Хорслей, которому, впрочемъ, нельзя вполнѣ довѣрять, разсказываетъ, что семь толстыхъ монаховъ. обвиненныхъ въ измѣнѣ, по приказанію Ивана должны были побороть семь громадныхъ медвѣдей, причемъ 6 изъ нихъ растерзали своихъ противниковъ на глазахъ царя собравшагося на зрѣлище народа, седьмой же монахъ оказался достаточно счастливымъ, чтобы одолѣть своего косматаго противника. Гуаньини передаетъ другой сходный фактъ: каждый годъ, когда зима вступитъ въ свои права и рѣка затянется льдомъ, все населеніе города или села спѣшило на рѣку, кататься съ горъ, повеселиться на снѣгу и накупить сластей и пряниковъ въ ларькахъ, которые, какъ грибы, выростали на льду въ эти первые зимніе морозы, на утѣху народу. Таковъ былъ обычай, и вотъ Гуаньини утверждаетъ, что царь имѣлъ обыкновеніе выпускать на этихъ мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ, забавы ради, своихъ цѣпныхъ медвѣдей. Допустимъ даже, что Ивану пришла когда нибудь такая дикая фантазія позабавиться испугомъ безпечно веселящейся толпы,—но чтобы это была привычка или заведенный обычай, этому трудно повѣрить. такъ какъ въ подобномъ случаѣ или бы народъ пересталъ ходить на рѣку, или-бы, привыкнувъ къ появленію медвѣдей среди нихъ, пересталъ пугаться, и царь лишился бы своей забавы.

Но внѣ всякой легенды Александровская Слобода оставила по себѣ достаточно дурную славу по отношенію къ морали и чувству самой обычной стыдливости.

Адюльтеръ царилъ здѣсь безпрепятственно. Царь игуменъ, будучи супругомъ трехъ или четырехъ отвергнутыхъ женъ, не стѣснялся брать себѣ наложницъ безъ счета и въ разгарѣ дикихъ оргій давалъ полную волю своему необузданному темпераменту. Со смерти царицы Анастасіи семейная жизнь Ивана перестала походить на то, что предписывалось церковью и закономъ. На ряду съ этимъ, самый фактъ, его упорнаго и настойчиваго желанія все снова и снова вступать въ бракъ, повидимому, опровергаетъ вѣроятіе преданія о томъ, что въ Александровскую слободу сгоняли женщинъ цѣлыми стадами; равно какъ и разсказы о многочисленномъ гаремѣ, сопровождавшемъ повсюду Грознаго, не подтверждаются ничѣмъ.

Вторая жена Ивана, черкешенка, Марія Темрюковна, какъ гласитъ преданіе, была женщина крайне развращенная и распущенная, притомъ жестокая, дикая и мстительная. Спустя два года послѣ ея смерти, выборъ царя палъ на дочь простого новгородскаго купца Марфу Собакину, но она прожила всего только двѣ недѣли послѣ своего брака. Царь утверждалъ, что она была отравлена и умерла, не успѣвъ стать его женою. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ оправдать свой четвертый бракъ, котораго не допускаетъ православная церковь, но о которомъ уже помышлялъ Иванъ. Царь утверждалъ, что всѣ три жены его были отравлены, а житъ безъ жены онъ не можетъ, не впадая во грѣхъ, что онъ думалъ уже уйти въ монастырь, но заботы о дѣтяхъ его и о государствѣ не позволяютъ ему сдѣлать этого, удерживая его въ міру. Церковь низошла къ его настояніямъ, и въ 1572 г. онъ женился на Аннѣ Колтовской, которую три года спустя постригъ подъ именемъ Дарьи, подъ предлогомъ, что она соучастница въ крамолѣ.

Послѣ того царь взялъ себѣ двухъ наложницъ, одну за другой, которыя, однако, считались его женами, хотя для сожительства съ ними онъ испросилъ только разрѣшеніе своего духовника, который, вѣроятно, разсудилъ, что такія исключительныя натуры, требуютъ исключительнаго снисхожденія.

Преданіе окружило имена обѣихъ этихъ фавориток Ивана ореоломъ романтизма, вѣроятно, потому, что участь той и другой была необычайна. Василиса Мелентьевна была первоначально служанкой прежней его фаворитки Васильчиковой, затѣмъ замѣстила ее. Любовь царя не удовлетворяла Васильчикову; онъ внушалъ ей только страхъ, она сознавала, что ему любо только ея тѣло, что въ душу онъ не желаетъ заглянуть, что она въ сущности совершенно чужда ему; что онъ желаетъ, требуетъ ея ласки, но самъ никогда не промолвитъ ей ласковаго слова. Когда царь началъ остывать къ ней, и она стала жаловаться ему на это и спрашивать его о причинѣ, царь отвѣчалъ: „Ты тощаешь; а тощихъ я не люблю"! Преданіе гласитъ, что замѣненная Василисой Мелентьевой, Васильчикова прожила еще три года, заброшенная и забытая, затѣмъ умерла насильственною смертью. Но и Василиса не долго пользовалась расположеніемъ царя. Когда она увидала, что Иванъ начинаетъ охладѣвать къ ней, то всячески старалась удержать его. Умная и проницательная, она постоянно говорила ему объ умершихъ, заигрывая и прося развлеченій. Кромѣ того, повидимому, она мечтала о большемъ и выражала желаніе, чтобы ее величали царицей.

Преданіе упоминаетъ еще о третьей фавориткѣ Ивана, Маріи Долгорукой, отвергнутой имъ послѣ первой же ночи, по словамъ однихъ вслѣдствіи подозрѣнія, что она любитъ одного изъ бояръ, по словамъ же другихъ, вслѣдствіе того, что она оказалась не дѣвственницей; по приказанію царя она была утоплена въ рѣкѣ въ золоченой колымагѣ, которую четверка бѣшеныхъ лошадей сбросила въ рѣку.

Карьера красавицы Василисы Мелентьевой была также весьма печальна: ее въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости постригли насильственно въ монастырь, такъ какъ Иванъ замѣтилъ, что она стала заглядываться на молодого князя Ивана Девтелева, который за такую вину покончилъ жизнь на пыткѣ.

Въ 1580 г. когда Баторій готовилъ свой второй побѣдоносный походъ на Москву, Иванъ вступилъ въ седьмой или восьмой, болѣе или менѣе легальный бракъ, съ Маріей Нагой, дочерью одного изъ своихъ любимыхъ бояръ, которая вскорѣ сдѣлалась матерью царевича Димитрія. Почти одновременно царь женилъ своего младшаго сына Өедора на сестрѣ Бориса Годунова Иринѣ, и на этой новой семьѣ въ послѣдніе годы его жизни сосредоточились всѣ его нѣжныя чувства, всѣ привязанности, что, впрочемъ, не мѣшало ему настойчиво искать руки Маріи Хастингсъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что семейная жизнь Грознаго не могла представлять собою ничего отраднаго, и семья его далеко не могла считаться образцовой семьей. Отъ своего перваго брака съ царицей Настасьей Иванъ имѣлъ двухъ сыновей. Младшій, Өедоръ, слабый и болѣзненный, почти не принимался въ разсчетъ, старшій же царевичъ Иванъ отличался большимъ сходствомъ съ отцомъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и дѣлилъ съ нимъ и его занятія, и развлеченія.

Не менѣе образованный и начитанный, царевичъ оставилъ прекрасно составленное и собственноручно имъ написанное житіе Св. Антонія; драгоцѣнная рукопись эта находится въ числѣ бумагъ графа Ф. А. Толстого. Къ тридцати годомъ царевичъ былъ уже женатъ на третьей женѣ.

Первой женою царевича была Евдокія Сабурова, а второю—Прасковья Солова; обѣ были отвергнуты и принуждены были идти въ монастырь: третья, Елена Шереметьева, была беременна въ тотъ

моментъ, когда Иванъ въ порывѣ безразсуднаго гнѣва убилъ ея мужа.

Причины, вызвавшія этотъ гнѣвъ царя, до настоящаго времени не вполнѣ выяснены. Существуютъ двѣ версіи, пожалуй, обѣ довольно правдоподобныя: по одной царевичъ, въ виду блестящихъ успѣховъ Баторія, будто-бы позволилъ себѣ упрекнуть отца въ трусости и малодушіи и требовалъ, чтобы отецъ далъ ему войско, съ которымъ онъ брался отразить врага. Это, конечно, возможно, но въ виду всѣми подтверждаемаго и многократно доказаннаго единомыслія между отцомъ и сыномъ кажется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ вторая версія, которую подтверждаетъ и Поссевино, прибывшій въ Москву чуть не недѣлю спустя послѣ страшой драмы, разыгравшейся въ царской семьѣ. Эта версія такова.

Царь, встрѣтивъ свою сноху въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца, замѣтивъ, что та не была пристойно одѣта: вѣроятно, будучи беременна, молодая женщина не препоясалась поверхъ сорочки, какъ того требовала женская стыдливость того времени, и царь-игуменъ, аскетически настроенный въ этотъ моментъ, былъ до того возмущенъ этимъ упущеніемъ, что тутъ же оттаскалъ за волосы и побилъ свою сноху, которая въ ту же ночь преждевременно разрѣшилась отъ бремени выкидышемъ. Тогда царевичъ, разстроенный и взволнованный случившемся, сталъ будто-бы упрекать отца въ рѣзкой, обидной формѣ, и выведенный изъ себя, взбѣшенный царь занесъ на сына свой ужасный посохъ. Страшное дѣло свершилось, желѣзное остріе пробило високъ царевича,—и тотъ упалъ обливаясь кровью..

Хотя это страшное преступленіе было безъ сомнѣнія невольнымъ, все же онъ превосходило мѣру злодѣйствъ, къ которымъ Иванъ пріучилъ и себя, и народъ, и своихъ окружающихъ. По словамъ Поссевино, отчаяніе Ивана было свыше всякой мѣры, царь плакалъ и рыдалъ цѣлыя ночи на пролетъ, стоналъ и вылъ отъ душевной муки, какъ раненый на смерть звѣрь, а по утру сзывалъ бояръ и объявлялъ имъ, что не считаетъ себя болѣе достойнымъ носить царскій вѣнецъ. Упомянувъ о слабоуміи царевича Өеодора, онъ молилъ ихъ избрать ему другого преемника. Бояре-же, опасаясь подвоха со стороны царя, умоляли его не отказываться отъ власти, не покидать своего царства, не оставлять своего народа въ сиротствѣ.

Изъ всѣхъ кровавыхъ картинъ и событій, которыми было столь богато царствованіе Ивана Грознаго, ни одно не запало такъ глубоко въ сердце и въ душу русскаго народа, какъ это невольное сыно-убійство. Десятки пѣсенъ и былинъ породила на эту тему народная фантазія.

Нѣкоторыя изъ этихъ народныхъ былинъ даже совершенно исказили историческіе факты; такъ, напр., въ одной изъ нихъ жертвою царскаго гнѣва является не царевичъ Иванъ, а царевичъ Өедоръ, оклеветанный Малютой—Скуратовымъ въ государственной измѣнѣ, причемъ заступницей за него является царица Наталья (давно уже умершая) и братъ ея Никита Романовичъ. Въ другой версіи подобной же былины царь требуетъ, чтобы Өедору отрубили голову и воткнули голову на колъ надъ его окномъ, чтобы у него вырвали сердце и печень и принесли ихъ показать ему, или же по крайней мѣрѣ принесли ему мечъ, обрызганный кровью его сына.

Все это сильно напоминаетъ и сказку про спящую царевну, и исторію Кира, спасеннаго посланными Остіага, и множество другихъ подобныхъ басней.

Не смотря на свое сходство съ отцомъ, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого сходства, царевичъ Иванъ былъ очень популяренъ, и

смерть его являлась для народа настоящимъ народнымъ горемъ, быть можетъ, еще потому, что она рушила надежды страны на ея будущее; въ немъ народъ видѣлъ достойнаго преемника отца; въ Өедорѣ же Іоанновичѣ, слабоумномъ и безвольномъ, или Дмитріи царевичѣ, малолѣтнемъ ребенкѣ, никто не могъ признать настоящаго наслѣдника царства.

Правда, отъ своихъ многочисленныхъ наложницъ царь имѣлъ не мало побочныхъ сыновей, въ томъ числѣ Өедора Басманова, красавца, смѣлаго и отважнаго, но жестокаго. Но всѣ вообще эти побочныя дѣти царя не были признаны таковыми ни царемъ, ни народомъ.

Послѣ смерти сына царь больше прежняго привязался къ своей пріемной семьѣ Годуновыхъ; говоря о Борисѣ и его сестрѣ, онъ выражался такъ: „они что два перста руки моей". И этотъ человѣкъ, никогда не знавшій жалости, повидимому, почувствовалъ на склонѣ своей жизни непреодолимую потребность нѣжности и любви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и болѣе, чѣмъ когда либо, искалъ забвенія въ безпримѣрныхъ пиршествахъ, въ дикихъ оргіяхъ, пьянствѣ и развратѣ, которые окончательно подрывали его нѣкогда желѣзное, но давно уже расшатанное здоровье.

V. Смерть Ивана.—Характеръ и темпераментъ.—Знаніе и умъ.—Взгляды и чувства.—Результаты царствованія Ивана.

Въ августѣ 1582 г. Поссевино, вернувшійся изъ Москвы, высказывалъ мнѣніе, что царь Иванъ долго не проживетъ. Въ началѣ 1584 г. тревожные симптомы страшной болѣзни царя взволновали его приближенныхъ. Его вспухшее тѣло издавало нестерпимое зловоніе; врачи признали разложеніе крови и, по словамъ Хорслея, астрологи, къ которымъ обратился тогда Богданъ Бѣльскій, предсказали день смерти Грознаго. Царскій любимецъ, конечно, не посмѣлъ сообщить объ этомъ царю, но объявилъ астрологамъ, что если ихъ предсказаніе не оправдается, то ихъ сожгутъ живьемъ. Это, конечно, могло вынудить убійство или насильственную смерть, хотя Бѣльскій, безъ сомнѣнія, не подумалъ объ этомъ, но впослѣдствіи это дало поводъ подозрѣвать отравленіе, въ которомъ, послѣ воцаренія, обвиняли Бориса Годунова и его мнимыхъ сообщниковъ.

Хорслей передаетъ намъ сцену, характеризующую Ивана, гдѣ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Умирающій царь въ послѣднее время своей жизни особенно любилъ пребывать среди своихъ сокровищъ, точно желая насладиться предъ смертью. Однажды онъ пригласилъ англичанина сопровождать его въ его сокровищницу и сталъ останавливать его вниманіе на многихъ, по истинѣ удивительныхъ драгоцѣнностяхъ, объясняя ему лично ихъ цѣнность, ихъ достоинства и происхожденіе. Вдругъ, положивъ себѣ на руку нѣсколько очень цѣнныхъ великолѣпныхъ бирюзъ, онъ нѣкоторое время внимательно присматривался къ нимъ, затѣмъ обратился къ Хорслею: „Смотри, видишь, какъ онѣ блѣднѣютъ, — это значитъ, что я отравленъ; онѣ предсказываютъ мнѣ близкую смерть". Вслѣдъ за этимъ онъ приказалъ принести себѣ его скипетръ изъ рога единорога, считавшагося въ средніе вѣка обладающимъ цѣлебными свойствами противъ всякихъ болѣзней и даже отравы. По приказанію царя его врачъ долженъ былъ тутъ же очертить этимъ скипетромъ кругъ на столѣ, а въ кругъ пустить нѣсколькихъ пауковъ. Эти пауки очень скоро подохли, тогда какъ другіе, оставшіеся внѣ круга, быстро забѣгали и скрылись.

„Поздно,—проговорилъ спокойно царь,—и рогъ единорога уже не можетъ спасти меня", и онъ снова сталъ любоваться своими драгоцѣн-

ными камнями, пересыпая ихъ между пальцами у себя на колѣняхъ и заставляя присутствовавшихъ любоваться ихъ блескомъ и цвѣтомъ.

„Вотъ взгляни на этотъ бриллiантъ, — снова обратился царь къ своему иностранному гостю, — это прекраснѣйшiй и драгоцѣннѣйшiй изъ камней востока, и я никогда не умѣлъ цѣнить его; этотъ камень укрощаетъ гнѣвъ и побоpяетъ похоть... Онъ вызываетъ воздержанiе и цѣломудрiе... при этомъ Иванъ взглянулъ въ глаза своему собесѣднику и вдругъ добавилъ:—мнѣ дурно, я чувствую себя плохо... унесите меня отсюда... мы возвратимся еще разъ когда нибудь"... на этотъ прервался разговоръ.

По словамъ Хорслея, въ день назначенный астрологами, какъ день кончины царя, т. е. 18-е марта 1584, Иванъ чувствовалъ себѣ лучше, и Бѣльскiй не преминулъ припомнить предсказателямъ, что ихъ ожидаетъ, если они ошиблись. Но тѣ возразили ему, что день кончается съ закатомъ. Взявъ ванну, царь почувствовалъ себя довольно бодрымъ и потребовавъ свою шахматную игру, пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ партiю. Преданiе говоритъ, что въ послѣднiе дни своей жизни царь относился съ необычайной кротостью и ласковостью ко всѣмъ и наставлялъ сына своего быть кроткимъ и ласковымъ, избѣгая войнъ съ христiанскими государями, просилъ его уменьшить подати въ своемъ государствѣ и возвратить свободу плѣннымъ и всѣмъ заключеннымъ, —Иванъ разставлялъ свои фигуры на шахматной доскѣ, какъ вдругъ почувствовалъ сильную слабость, а минуту спустя началъ отходить.

Астрологи не обманулись. По просьбѣ умирающаго, его, по обычаю предковъ, постригли, и смиренный братъ Iона оставилъ тронъ Московскiй Ѳеодору, а царскую власть Борису Годунову.

Теперь, когда мы выяснили безпристрастно, что такое былъ первый царь Всея-Руси, закончимъ этотъ очеркъ, подчеркнувъ еще нѣкоторыя характерныя черты этого столь трудно поддающаго вѣрному описанiю и настоящей оцѣнкѣ—образа, окутаннаго туманомъ пристрастiя и непониманiя.

Благодаря неблагопрiятнымъ условiямъ, мы въ сущности не можемъ претендовать на большее, какъ лишь на приблизительно вѣрное и точное представленiе не только о самой загадочной и въ высшей степени сложной личности Ивана, но даже и объ его наружности. По свидѣтельствамъ русскихъ источниковъ, Иванъ былъ худъ и сухощавъ, иностранцы же утверждаютъ, что онъ былъ тученъ и жиренъ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что у нихъ были разныя представленiя о томъ, что называется худобой и толщиной. Это тѣмъ болѣе возможно, что намъ достовѣрно извѣстно, что московскiе люди того времени отличались положительно невиданной въ другихъ Европейскихъ странахъ толщиной. Относительно роста всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что Иванъ былъ очень высокъ, превосходно и сильно сложенъ и вида очень величественнаго и внушительнаго, плечистъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Троице-Сергiевской лаврѣ хранится кафтанъ, яко бы принадлежавшiй Грозному; онъ по своимъ размѣрамъ могъ принадлежать лишь человѣку сухощавому.

Теперь перейдемъ къ лицу. Изъ нѣсколькихъ далеко недостовѣрныхъ портретовъ, которые мы имѣемъ, едва ли можно составить вѣрное представленiе объ этомъ въ высшей степени интересномъ лицѣ, которое по свидѣтельству какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, знавшихъ его, было всегда блѣдно,—съ довольно длиннымъ тонкимъ горбатымъ носомъ, съ нервными подвижными ноздрями, съ небольшими сѣро-голубыми глазами, часто измѣнявшими цвѣтъ, чрезвычайно живыми, умными и блестящими, съ проницатель-

нымъ то холоднымъ, то горячимъ, гнѣвнымъ взглядомъ, съ длинными тонкими усами и густой, не особенно длинной, раздвоенной въ концѣ русой бородой, впослѣдствіи съ просѣдью; волосы же на головѣ царь постоянно брилъ. Во второй половинѣ царствованія, о которой мы имѣемъ больше всего достовѣрныхъ данныхъ, обычное выраженіе его лица было мрачное и грозное, что, однако, не мѣшало царю иногда заливаться громкимъ хохотомъ. Впрочемъ, эта послѣдняя подробность можетъ скорѣе быть отнесена къ области нравственнаго облика Ивана, который, несмотря на всѣ старанія, по прежнему остается для насъ неразъяснимою загадкой.

Несомнѣнно, что Иванъ былъ энергиченъ, смѣлъ, рѣшителенъ, и въ то же время мы имѣемъ неоспоримое доказательство его робости, доходившей до трусости. Гордый до безумія, этотъ человѣкъ былъ способенъ смиряться. Чрезвычайно способный, одаренный отъ природы выдающимся умомъ, онъ говорилъ и дѣлалъ иногда непростительныя глупости и пошлости. Многіе историки, останавливаясь въ недоумѣніи передъ этой проблемой, съ радостью ухватились за мысль о психической болѣзни Ивана. Хотя отецъ и дѣдъ Ивана были люди вполнѣ нормальные и уравновѣшенные, можно было допустить извѣстную наслѣдственность со стороны прадѣда его, Василія Темнаго, и матери его, Елены Глинской, женщины въ высшей степени нервной и болѣзненной, и бабки Софіи Палеологъ, происходившей изъ развращеннаго и выродившагося рода Палеологовъ, у которыхъ сказывалось сильное предрасположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ; далѣе, братъ Ивана, Юрій Васильевичъ, былъ умалишеннымъ, да и у самого царя было втрое меньше дѣтей, чѣмъ женъ: старшій, Иванъ царевичъ, человѣкъ жестокій, съ бѣшенымъ нравомъ, второй Ѳедоръ, слабоумный и, наконецъ, Дмитрій, страдавшій припадками падучей. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и Иванъ былъ ничто, какъ продуктъ вырожденія, одинъ изъ тѣхъ „параноиковъ“, которыхъ съ такимъ увлеченіемъ изучалъ Ломброзо.

Но такое рѣшеніе задачи ровно ничего не рѣшаетъ и не разъясняетъ.

Намъ кажется, что всѣ попытки толкованія характера и темперамента Грознаго прежде всего страдаютъ положительнымъ анахронизмомъ. Всѣ смотрѣли на него, не какъ на человѣка его времени, а какъ на нашего современника, какъ на человѣка, который жилъ среди насъ и съ нами: всѣ его дѣйствія и поступки мы понимали и цѣнили съ этой точки зрѣнія, упуская изъ виду ту историческую среду, гдѣ онъ создался и жилъ. Иванъ естественно былъ человѣкомъ своего времени, своей эпохи, въ которой вездѣ и во всемъ проявлялось отсутствіе логичности, дисциплины чувствъ и стремленій, какая путемъ постепенной интеллектуальной культуры воспитывается теперь въ людяхъ. Иванъ IV и Людовикъ XI и др. ихъ современники, всѣ они были люди „импульса“, безконтрольныхъ порывовъ.

Съ высокимъ умомъ дѣда и его громадной энергіей, Иванъ соединялъ нервозность и пылкую страстность матери и ея горячій деспотическій нравъ. Хотя Иванъ нерѣдко дѣйствовалъ непослѣдовательно и порывисто, тѣмъ не менѣе человѣкъ, задумавшій и создавшій опричнину въ томъ смыслѣ и значеніи, какъ онъ хотѣлъ дать и далъ, человѣкъ, совершившій такой переломъ въ государственномъ строѣ страны, какой совершилъ онъ, не могъ заслужить упрека въ отсутствіи твердой воли и послѣдовательности мыслей.

Что Адашевъ и Сильвестръ, равно какъ и царь Симеонъ, никогда, ни одной минуты не были властителями судебъ Московскаго государства, это теперь уже доказано. Что Иванъ былъ горячъ до того,

что при малѣйшемъ возраженіи или противорѣчіи, „испускалъ пѣну" ,по выраженію Бушау, и что онъ иногда не могъ и не умѣлъ сдерживаться, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ быть при случаѣ и сдержанъ превыше всякой мѣры; какъ на примѣръ, укажемъ его поведеніе въ борьбѣ съ Баторіемъ, когда онъ то склонялся, то выпрямлялся, смотря по условіямъ, но упорно и настойчиво оспаривалъ каждую пядь, каждый малѣйшій пунктъ уступки.

Не видя въ дѣтствѣ ни любви, ни нѣжности, ни даже уваженія къ себѣ, окруженный постояннымъ страхомъ и ужасомъ, Иванъ пріобрѣлъ извѣстную робость, переходившую иногда недовѣріе къ себѣ, иногда въ нервный страхъ и трусость передъ опасностью. Но человѣкъ, умѣвшій въ теченіе 20 лѣтъ бороться со всѣми Курбскими своего государства, не могъ быть малодушнымъ трусомъ. Тѣ же воспитатели его, постоянно льстившіе всѣмъ его грубымъ инстинктамъ и потакавшіе его дурнымъ слабостямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оскорбляя и попирая всѣ его хорошія чувства и побужденія, являются виновниками того, что Иванъ научился презирать и порою, при случаѣ, даже ненавидѣть людей. Его презрѣніе къ людямъ сказывалось рѣшительно во всемъ. Правда, онъ былъ и золъ, и хитеръ, но эти свойства вызывали въ немъ желаніе отплатить за все то, что онъ вынесъ и выстрадалъ въ своей ранней молодости. Этотъ чуткій, впечатлительный, нервный и воспріимчивый юноша, имѣлъ непродолимое желаніе издѣваться надъ людьми, когда онъ иначе не могъ заставить ихъ страдать,—желаніе, убившее въ немъ всякое чувство состраданія и сожалѣнія къ людямъ. Тò самое чувство мы видимъ и у Петра, вызванное тѣми же причинами, что и въ данномъ случаѣ.

Не характерно-ли это отношеніе царя къ одному изъ его любимыхъ опричниковъ, Василію Грязному, захваченному въ плѣнъ Татарами? Иванъ не сожалѣетъ объ его участи, не сочувствуетъ ему, напротивъ, онъ издѣвается надъ нимъ: „Надо было, Васюшка, не соваться такъ близко къ татарскимъ ставкамъ, а ужъ если полѣзъ, такъ не спать, какъ сурокъ,—говоритъ онъ. —Ты вѣрно думалъ, что рыскаешь по заѣзжему полю со своими гончими, а вышло, что татары загнали тебя, какъ зайца, и привязали къ торокамъ!.. Эти Крымцы не храпятъ, какъ вашъ братъ, и умѣютъ обойти такихъ бабъ, какъ вы! Хотѣлъ-бы, чтобы они были на васъ похожи. Тогда я могъ бы быть увѣренъ, что они не посмѣютъ перейти за рѣку, а тѣмъ болѣе грозить Москвѣ." Впрочемъ, послѣ такого письма Иванъ все же послалъ выкупъ за Грязнаго.

Нѣкоторые историки хотѣли видѣть въ бѣшеныхъ взрывахъ гнѣва Грознаго нѣчто сходное съ характеромъ нормандскихъ „березарковъ", изливавшихъ свое бѣшенство на скалы и камни, если въ данный моментъ не находилось по близости болѣе достойнаго противника. Но Иванъ не нормандецъ, это скорѣе монголъ, дошедшій до степени мертваго раздраженія и столь-же коварный, какъ жестокій, хитрый и ловкій лицемѣръ и безумный гордецъ;—онъ всегда зналъ, чего хотѣлъ, и добивался всегда только того, что было умно и разумно, хотя шелъ къ своей цѣли иногда такими окольными путями, которые недальновидному и непроницательному взгляду могутъ показаться не разумными. Бывало, что онъ даже переступалъ намѣченную цѣль, но это только вслѣдствіе неумѣнья владѣть собою.

Кромѣ того, человѣкъ, отвѣдавшій крови, всегда ищетъ ея. А съ жаждой крови идутъ рука объ руку и плотскія страсти, такъ какъ видъ крови часто разжигаетъ въ

насъ страсти, и вслѣдъ за кровавыми сценами почти всегда слѣдуютъ дикія оргіи и постыдный развратъ.

Вотъ чѣмъ объясняется Александровская Слобода!

Далѣе, не слѣдуетъ забывать ту историческую среду, ту эпоху, когда народился и жилъ Иванъ Грозный, и Соловьевъ безусловно не правъ, приводя въ примѣръ свѣтлую личность митрополита Филиппа, бывшаго современникомъ Грознаго. Святые всегда представляли собою исключенія и во всѣ вѣка и во всѣ времена были святыми! Но былъ ли Иванъ обратнымъ исключеніемъ среди людей своего времени?

Былъ ли это исключительный извергъ, какъ Неронъ и Калигула? —Нѣтъ! Доказательствомъ этого является то, что онъ могъ такъ спокойно, такъ безпрепятственно совершать свои страшныя дѣла, не возмущая народнаго чувства. Онъ, конечно, усилилъ вокругъ себя ужасы звѣрскихъ инстинктовъ и привычекъ своего вѣка, онъ заронилъ въ почву русской жизни тѣ кровавыя сѣмена, которыя впослѣдствіи взошли во время убійства царевича Дмитрія, царствованія Лжедмитріевъ и въ страшное смутное время. Но, вѣдь, и Шуйскіе, и Курбскіе также пожинали только то, что сами посѣяли, преподавъ ему презрѣніе къ достоинству и къ жизни человѣка и пренебреженіе ко всякой справедливости и закону.

Впрочемъ, воспитаніе и обученіе Ивана IV весьма мало отличалось отъ воспитанія и обученія большинства европейскихъ принцевъ того времени. Возьмемъ хотя бы молодость Донъ Карлоса, этого знаменитаго мучителя и истязателя животныхъ и людей, заставлявшаго ради своей забавы жарить птицъ живыми, или находившаго наслажденіе въ изувѣчиваніи лошадей своей конюшни.

Многіе хотѣли усмотрѣть признаки безумія, близкаго къ умопомѣшательству, въ склонности Ивана каяться въ своихъ грѣхахъ и проступкахъ и даже преувеличиваніи ихъ, но въ сущности, эта черта встрѣчается не рѣдко у людей, одаренныхъ всѣми страстями, въ томъ числѣ и страстью лицедѣйствовать. Не то ли же самое дѣлаетъ и Лютеръ? Уже это одно говоритъ, что Иванъ былъ человѣкъ съ высшимъ развитіемъ, человѣкъ современный. Ни одинъ изъ русскихъ государей до него не имѣлъ этой потребности говоритъ во всеуслышаніе, вступать въ горячія пренія съ какимъ-нибудь бѣглымъ бояриномъ или чужеземнымъ посломъ, какъ Иванъ. У него хватало смѣлости не только похваляться, но и бичевать себя,—и онъ дѣлалъ это съ извѣстнымъ наслажденіемъ; сознаваясь и часто даже преувеличивая свой недостатокъ, онъ доказывалъ этимъ, что самъ питаетъ отвращеніе къ своимъ слабостямъ, а также и къ слабостямъ другихъ, и презираетъ тѣхъ, кто погрязъ въ своихъ порокахъ.

При всемъ томъ Иванъ отличался непомѣрною гордостью.

Его гордость и самомнѣніе имѣли, конечно, свои основанія: ни одинъ русскій государь до него не обладалъ такими обширными познаніями и не находился въ такихъ близкихъ сношеніяхъ со столькими западными государями, какъ онъ. Кромѣ того, при своемъ знаніи исторіи и географіи другихъ странъ, Иванъ могъ считать себя не только равнымъ другимъ государямъ, но и выше ихъ; вѣдь, даже самъ императоръ былъ государь избранный, а не прирожденный, а султанъ не могъ похвастать происхожденіемъ отъ Римскихъ цезарей.

Эта гордость и самомнѣніе отчасти мѣшали ему принимать болѣе близкое личное участіе въ битвахъ, не говоря уже о томъ, что въ этомъ отношеніи онъ только слѣдовалъ примѣру своихъ предковъ. Александры Македонскіе и Аннибалы, Кар-

лы XII и Наполеоны,—всѣ эти великія личности появляются и исчезаютъ на историческомъ горизонтѣ, какъ метеоры; для прочнаго же дѣла, для созданія новаго государственнаго строя на прочныхъ основаніяхъ люди типа Рюриковичей несравненно полезнѣе.

Не слѣдуетъ также забывать, что Иванъ все же по существу былъ полу-восточный государь, и эти черты восточной расы ярко сказывались въ той легкости, съ какою онъ переходилъ отъ надменной гордости къ униженному смиренію, когда того требовали измѣнившіеся обстоятельства. За то никакія несчастья и неудачи не могли окончательно пришибить его. Онъ склонялся лишь для того, чтобы, выждавъ благопріятный моментъ, воспрянуть еще выше.

Въ другихъ чертахъ Ивана одинаково ярко сказывается въ немъ европеецъ, человѣкъ западной культуры: ему противна грубая лесть, онъ, хотя и издѣвается на словахъ, но умѣетъ въ душѣ уважать врага, умѣетъ всегда отдавать должное уму и знанію, и образованности. Иванъ, несомнѣнно, былъ не только самымъ культурнымъ человѣкомъ своего времени среди своихъ соотечественниковъ, но даже и однимъ изъ нихъ наиболѣе культурныхъ людей среди просвѣщеннѣйшихъ современныхъ государей Европы, такъ какъ его любовь къ познаніямъ и наукамъ уже достаточно свидѣтельствуетъ о томъ.

Иванъ былъ чрезвычайно начитаннымъ и многосторонне-свѣдующимъ человѣкомъ; громадная доля всего имъ прочитаннаго удерживалась у него въ памяти. Всѣ свободные отъ бремени государственныхъ дѣлъ и заботъ часы Иванъ посвящалъ чтенію, онъ читалъ все, что только попадало ему въ руки. Изъ его переписки съ Кубскимъ можно судить о тѣхъ многосторонних познаніяхъ, какія умѣлъ себѣ усвоить царь, а также и о томъ, какъ ловко онъ умѣлъ при случаѣ пользоваться этими знаніями. Вся эта пеперписка въ общей своей сложности можетъ быть названа большимъ памфлетомъ на бояръ и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящимъ трактатомъ о верховной власти

Многіе упрекали Ивана въ томъ, что онъ любилъ хвастать своими знаніями и потому всегда загромождалъ свою рѣчь ненужными безчисленными ссылками и цитатами. Но если онъ дѣйствительно былъ ораторъ витіеватый, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что онъ обладалъ несомнѣннымъ даромъ угадывать слабое мѣсто своего противника и наносить ему всегда мѣткіе и разительные удары, забрасывая его безчисленными цитатами, въ полной увѣренности, что его оппонентъ не въ состояніи будетъ провѣрять ихъ. Онъ любитъ пафосъ, но не прочь отъ лиризма. Пусть Ключевскій правъ, что во всей этой риторикѣ больше искусства и фразы, чѣмъ искренности и сердечнаго жара, но вѣдь требовать полной искренности въ XVI вѣкъ, не успѣвшемъ еще забыть схоластики, заразившей собою рѣшительно все,—было бы анахронизмомъ.

Что касается мнѣнія, высказаннаго Михайловскимъ и подчерпнутаго имъ, очевидно изъ дряннаго романа Федорова подъ заглавіемъ „Князь-Курбскій", будто переписка Ивана представляла собою коллективное произведеніе, въ которомъ принимали участіе ближніе бояре царя,—то она не выдерживаетъ никакой критики, и даже самъ Михайловскій сознается, что во всѣхъ посланіяхъ Ивана чувствуется полнѣйшее единство мысли и настроенія, и на всемъ лежитъ рѣзкій отпечатокъ индивидуальности автора.

Если Иванъ и не игралъ первой роли въ интеллектуальномъ движеніи своей эпохи, если въ той борьбѣ, которая разгорѣлась между высокимъ нравственнымъ идеаломъ

сѣверныхъ отшельниковъ и грубой развращенностью большинства, онъ не стоялъ всецѣло на сторонѣ прекраснаго, т. е. чистаго идеализма, то все же онъ не былъ опорой и противоположной стороны. Западная культура была еще слишкомъ далека отъ Московскихъ понятій, и Россіи приходилось слишкомъ много нагонять своихъ ушедшихъ впередъ сосѣдей, но Иванъ не смутился этимъ и не остановился передъ трудностью. Не долго думая, онъ прямо схватился за результаты этой культуры и сталъ заимствовать у своихъ сосѣдей ихъ инженеровъ, печатниковъ, строителей, словомъ, прибѣгнулъ къ тому, къ чему прибѣгаютъ всѣ отсталые народы, которымъ приходится много нагонять.

Нѣкоторые біографы Ивана пробовали отрицать въ немъ всякую индивидуальность, т. е. самобытность, увѣряя, будто онъ шелъ по стопамъ отца и дѣда, слѣдуя ихъ предначертаніямъ. Но, вѣроятно, они забыли, что изъ ничего, ничего не создавалось, что и Наполеонъ не изъ облаковъ почерпнулъ великіе элементы своего знаменитаго Кодекса, и что великія реформы начала царствованія Ивана обязаны своимъ осуществленіемъ Сильвестру и Адашеву. Но мы уже видѣли, какіе люди были эти два любимца царя, видѣли, какую незначительную роль они играли подлѣ него и только по его волѣ; стоитъ внимательно прочитать „Стоглавъ", чтобы убѣдиться, что эта книга написана тѣмъ, кто впослѣдствіи велъ переписку съ Курбскимъ, что въ ней сказался тотъже человѣкъ, та же манера, тотъ же духъ и даже тотъ же своеобразный языкъ Царя.

Біографы не сумѣли понять смысла и значенія опричнины; они отказывали Ивану въ томъ, что охотно были готовы приписать его сотрудникамъ, но Петръ Великій понялъ значеніе Ивана и ту крупную роль, какую Грозный сыгралъ въ исторіи своего государства.

Иванъ IV былъ первымъ Московскимъ царемъ не потому только, что первый принялъ этотъ титулъ и сталъ требовать, чтобы всѣ признали его за нимъ, а главнымъ образомъ потому, что первый созналъ, что такое есть царь. Ни Василій, ни даже Иванъ III великій не додумались до конкретнаго смысла этого слова, до грандіозной идеи Государя, заимствующаго свою власть отъ Бога и отвѣтственнаго только передъ однимъ Богомъ, — Государя, одареннаго властью абсолютной, безраздѣльной и безконтрольной, являющейся представительницей высшей власти и высшей мудрости Божества.

Такъ понималъ свою власть Иванъ и такою онъ представлялъ ее своему народу. Мало того, онъ еще добавилъ къ этому мысль или вѣрнѣе представленіе, котораго не дерзнулъ даже Петръ присвоить себѣ, — Петръ признавалъ себѣ первымъ слугою Государства, Иванъ ставилъ себя выше государства. „Мы знаемъ, — пишетъ Иванъ Баторію, что подобаетъ царямъ, но величіе это есть величіе государства; превыше же это величія стоитъ Государь этого государства, потому что Государь еще выше государства". Польша побѣдила, и Москва вынуждена покориться ея волѣ, но царь стоитъ внѣ этой необходимости, такъ какъ онъ недосягаемъ въ своемъ величіи. Это уже не только понятіе или представленіе, а скорѣе даже чувство и сознаніе. Понятія и сознанія Ивана часто смѣшивали его критики, и вслѣдствіе этого нерѣдко получался странный хаосъ въ сужденіяхъ о немъ. Поэтому слѣдуетъ попытаться проанализировать нѣсколько то и другое.

Грозный въ своей жизни много и сильно страдалъ. Причина этихъ страданій, которыя онъ иногда любилъ преувеличивать, какъ преувеличивалъ рѣшительно все, — была у него чисто нравственная, скрываясь

въ немъ самомъ, въ его душѣ. То были съ одной стороны его болѣзненно ясное сознаніе всѣхъ недочетовъ, всего зла и всѣхъ дефектовъ политической и соціальной организацію той страны, которою онъ былъ призванъ править, и столь же болѣзненное и мучительное сознаніе своего безсилія искоренить это зло въ той мѣрѣ, какъ онъ того желалъ. Это тяжелое чувство повторялось еще кромѣ того и въ его внутренней личной жизни, въ болѣзненномъ сознаніи своихъ слабостей и пороковъ, всю мерзость которыхъ онъ понималъ и въ которыхъ горько клялся даже публично, не находя, однако, въ себѣ достаточно удержу, а главное не видя даже и настоящей надобности сдерживать себя, вѣроятно, придерживаясь пословицы: „Не согрѣшишь—не покаешься!— „Не покаешься,—не спасешься“!

Однако, тѣ изъ историковъ, которые изображали Ивана одинокимъ, никѣмъ не понятымъ человѣкомъ, который одинъ только видѣлъ въ нравахъ и обычаяхъ своего времени ужасающіе симптомы растлѣнія и научился ненавидѣть и презирать людей, дойдя въ своемъ одиночествѣ до той степени озлобленія, которая въ сильномъ бѣшенствѣ разитъ и сокрушаетъ все,—не правы. Иванъ вовсе не былъ такимъ единственнымъ стоящимъ выше уровня остальныхъ своихъ современниковъ, напр., Нила Сорскаго и его послѣдователей, проповѣдывавшихъ еще болѣе высокіе идеалы, и въ этихъ людяхъ онъ всегда могъ, если бы пожелалъ, найти себѣ поддержку и союзниковъ.

Напрасно Бестужевъ-Рюминъ силится представить Грознаго своего рода Гамлетомъ, склоннымъ по природѣ своей къ отвлеченнымъ идеямъ и каждый разъ терпѣвшимъ неудачу, когда изъ области отвлеченности переходилъ въ область дѣйствительности. Такого рода изображеніе Ивана есть прямое противорѣчіе смыслу историческому. Неужели опричнина была абстракціей? Неужели Гамлетъ могъ бы перехитрить и обойти хитрыхъ и лукавыхъ бояръ и состязаться съ лучшими дипломатами своего времени, неуклонно преслѣдуя свои цѣли и задачи? Нѣтъ, въ отсутствіи или слабости воли Ивана упрекнуть нельзя. Онъ умѣлъ хотѣть и умѣлъ приводить въ исполненіе то, что хотѣлъ. Нѣкоторые думали видѣть признакъ слабости воли въ томъ, что онъ поминутно избиралъ новыя орудія для осуществленія своихъ замысловъ и затѣмъ разбивалъ ихъ, какъ игрушки, оказавшіеся непригодными, чтобы замѣнить ихъ другими столь же непригодными. Они хотѣли видѣть въ немъ мечтателя, теоретика; художника, умѣвшаго понимать прекрасное и высокое, но не умѣвшаго переходить отъ концепціи къ практическому осуществленію.

Но, очевидно, эти люди требуютъ, чтобы государь дѣлалъ все своими руками и самолично, а это нѣчто не только невозможное, но даже и не желательное, такъ какъ тогда Государь слишкомъ раскидывался бы по мелочамъ и, уходя въ подробности, упускалъ бы изъ вида общій ходъ событій. А если Иванъ много говорилъ, то и это не признакъ того, чтобы онъ умѣлъ только говорить, а не умѣлъ дѣлать. Иванъ былъ сыномъ своего вѣка и говорилъ потому, что всѣ вокругъ него говорили. Послѣ того, какъ оформленная имъ теорія власти демократической и абсолютной восторжествовала бы въ его государствѣ, заставивъ замолчать всѣхъ Курбскихъ, смолкъ бы и Иванъ. Но въ XVI вѣкѣ онъ невольно долженъ былъ слѣдовать этому всеобщему импульсу, толкавшему всѣхъ мыслящихъ людей высказывать свои мысли.

Въ сущности Иванъ былъ столько же человѣкомъ дѣла, сколько и слова. Правда, чувство и впечатлительность играли громадную роль; порою Иванъ былъ даже сентименталенъ: такъ, напр., его idée fixe переселиться въ Англію и, вступивъ

въ бракъ съ Маріей Хастингсъ, заключить съ Англіей союзъ противъ Баторія. Сантиментальность и впечатлительность сказывались даже въ самой личности Ивана, въ его манерѣ держать себя, говорить и дѣйствовать. И этотъ неудержимый пылъ и гнѣвъ, эта порывистость его характера, проявлявшаяся во всемъ властная натура его, его поразительная мимика, красивые живописные жесты, и красивая то ласковая, то грозная рѣчь—создала изъ него въ народной фантазіи легендарнаго героя, въ родѣ второго Ильи Муромца. Когда его не стало, и его желѣзный скипетръ перешелъ въ слабыя руки, когда Грозный унесъ съ собой въ могилу тайну своего могущества и безграничной власти, народъ въ продолженіе цѣлаго вѣка и даже больше не переставалъ воспѣвать его, поэтизируя эту несомнѣнно крупную личность Царя, какихъ не было на Руси и какого ей не скоро суждено было дождаться.

Еще одной удивительной чертой Ивана было его чрезвычайно высокое мнѣніе о своихъ способностяхъ и дарованіяхъ, страннымъ образомъ уживавшееся въ немъ бокъ о бокъ съ постояннымъ недовѣріемъ какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Иванъ считалъ себя одареннымъ многими талантами, если не всѣми; являясь представителемъ рода завоевателей, онъ уже въ самомъ происхожденіи своемъ видѣлъ извѣстное превосходство свое надъ народомъ, которымъ онъ правилъ; во власти своей онъ видѣлъ высшую, божественную власть, данную ему отъ Бога, и себя самого искренно мнилъ избранникомъ и помазанникомъ Божіимъ. Кромѣ того, онъ считалъ себя внѣ своего народа и выше своего государства: по словамъ Костомарова, въ Вѣнскихъ Архивахъ будто бы хранится завѣщаніе Царя, въ силу котораго онъ завѣщалъ свое царство дому Габсбурговъ. Признаюсь, это кажется намъ весьма не вѣроятнымъ, точно также какъ то, что Фейтъ-Ценге увѣряетъ, будто онъ слышалъ изъ устъ самого Ивана объ его Баварскомъ происхожденіи. Это послѣднюю басню можно, пожалуй, отчасти объяснить желаніемъ Ивана искать корень слова бояринъ въ нѣмецкомъ словѣ „Baurn" (Баварія), но не болѣе того. Происхожденіе же царя Ивана Васильевича достовѣрно извѣстно и ни въ какихъ коментаріяхъ не нуждается.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о результатахъ этого бурнаго царствованія и постараемся дать ему настоящую оцѣнку.

Казни и избіенія, совершенныя по приказанію Ивана, были, несомнѣнно, очень преувеличены недоброжелателями царя и тѣми историками, которые въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ объ Иванѣ основывались на словахъ Курбскаго. Доказательствомъ является, что по словамъ Курбскаго роды Колычевыхъ, Заболотскихъ, Одоевскихъ, и Воротынскихъ были истреблены Иваномъ до послѣдняго человѣка, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ всѣ эти имена даже въ XVII вѣкѣ. Не столько знатныхъ родовъ погибло отъ руки Ивана, сколько ушло добровольно въ Литву и Польшу.

Общій упадокъ аристократическаго элемента въ Москвѣ скорѣе объясняется причинами экономическими и политическими мѣропріятіями. Въ началѣ XVI-го вѣка земельныя владѣнія бояръ стали дробиться вслѣдствіе какъ всеобщаго задолжанія ростовщикамъ, такъ и въ силу присущей тому вѣку хвастливости и чванства бояръ: всѣ они жили сверхъ средствъ и ради похвальбы отписывали на монастыри цѣлыя состоянія на поминъ души. Затѣмъ, общая повинность службы призывала всѣхъ къ царскому двору или подъ знамена или же въ приказы, и кормившіеся доходами отъ своихъ наслѣдственныхъ помѣстій знатные люди, принужденные покинуть эти помѣстья и жить въ Москвѣ, быстро разорялись, а тамъ явилась и оприч-

нина, нанесшая уже окончательный ударъ такъ сильно пошатнувшемуся благосостоянію привиллегированнаго класса.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ только Строгановыхъ, ни у кого болѣе изъ родовитыхъ людей не оставалось болѣе или менѣе крупнаго состоянія; всѣ они были раззорены въ конецъ, и если мы теперь еще видимъ кого-нибудь изъ потомковъ Рюрика или Гедимина, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Бутурлиныхъ и Салтыковыхъ, владѣющихъ крупными состояніями, то состоянія эти пріобрѣтены ими не ранѣе XVIII-го столѣтія—Итакъ, Иванъ довершилъ это великое дѣло демократической нивеллировки всѣхъ сословій, создалъ на мѣсто родовой іерархіи—служебную іерархію. Правда, въ результатѣ получилось для народа почти то же, что было раньше; вверху люди служилые, внизу—крѣпостные, рабы и холопы и тутъ, и тамъ. Но привиллегированной касты уже не было; любой псарь могъ стать думнымъ дьякомъ и бояриномъ; опричнина была въ сущности той же колонизаціей въ обратномъ смыслѣ; настоящая же колонизація и теперь, какъ прежде, оставалась въ рукахъ частной инициативы, только Иванъ далъ ей полный просторъ.

Что касается территоріальнаго расширенія владѣній Московскаго царства, то хотя на западѣ завоеванія Ивана потерпѣли неудачи, за то на востокѣ царства Казанское, Астраханское и Сибирь представляютъ собою достаточно цѣнныя пріобрѣтенія.

Все, что можно было сдѣлать для расширенія внѣшней торговли своей страны, было сдѣлано Иваномъ: при немъ мы видимъ русскихъ купцовъ не только въ Любекѣ, и Бременѣ, но и на берегахъ Темзы, не говоря уже объ обширныхъ торговыхъ оборотахъ на рыбныхъ и соляныхъ промыслахъ внутри страны на Волгѣ, въ Переяславлѣ, на Камѣ и вблизи Астрахани.

Финансовая политика Ивана можетъ быть названа хищнической; она состояла главнымъ образомъ въ полномъ произволѣ воеводъ, которые выжимали соки изъ народа, а правительство въ свою очередь выжимало все, что можно, изъ нихъ. Тотъ же почти пріемъ примѣнялся и къ монастырямъ; давъ имъ разбогатѣть, у нихъ отбирали земли и угодья подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Самыя подати были ничто иное, какъ особый родъ эксплуатаціи; каждая новая потребность въ деньгахъ порождала новые налоги и наборы, при чемъ требованіе отнюдь не соразмѣрялось съ возможностью удовлетворять имъ.

Покореніе Казани и Астрахани не столько обогатило государство въ торговомъ отношеніи, сколько въ смыслѣ распространенія православія, которому много способствовалъ Гурій, первый епископъ Казанскій. Съ точки зрѣнія развитія умственной жизни, въ царствованіе Ивана былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ и сдѣланъ онъ былъ прежде всего самимъ царемъ. Если проектируемыя Иваномъ школы въ силу различныхъ обстоятельствъ остались на степени проекта, то во всякомъ случаѣ были попытки книгопечатанія, и царь самъ широко раскрылъ двери для свободнаго полета мысли, которую онъ первый вывелъ изъ тѣсныхъ рамокъ исключительно религіозныхъ преній и области церковной письменности въ область свѣтскихъ и житейскихъ вопросовъ.

Несмотря, однако, на такой умственный прогрессъ, Иванъ даже въ своихъ сношеніяхъ съ другими народами почему то не хотѣлъ отказаться отъ многихъ, чисто варварскихъ и азіатскихъ пріемовъ и обычаевъ, напр., относился къ посламъ, какъ къ военно-плѣннымъ, а къ военно-плѣннымъ, какъ къ безправ-

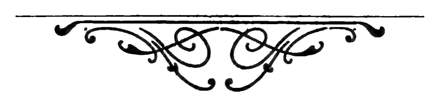
нымъ рабамъ, невольникамъ и даже хуже. Бывали случаи, когда ихъ сотнями топили въ рѣкѣ или же дѣлали ихъ настоящей ходячей монетой въ торговыхъ и иныхъ операціяхъ. Но такимъ, каковъ онъ былъ, царь Иванъ сумѣлъ стяжать себѣ въ своемъ народѣ такую популярность, какою могутъ похвастать очень немногіе государи. Со всѣми своими слабостями и пороками, со всѣми своими заблужденіями и злодѣяніями Грозный былъ милъ сердцу русскаго народа, и не взирая на несчастье и неудачи, сохранилъ самое видное мѣсто въ московскомъ циклѣ народныхъ пѣсенъ и былинъ, наравнѣ съ Владиміромъ Краснымъ Солнышкомъ, излюбленнымъ героемъ Кіевскихъ былинъ. Но всего замѣчательнѣе то, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ обликъ царя, Ивана Васильевича Грознаго рисуется отнюдь не отталкивающимъ или внушающимъ ужасъ; напротивъ, онъ представляется доступнымъ, гуманнымъ строгимъ и грознымъ, но справедливымъ, даже великодушнымъ. Правда, его священная особа стояла для народа внѣ всякой критики, но тѣмъ не менѣе ясно чувствуется, что всѣ симпатіи на его сторонѣ, даже когда онъ предавался дикимъ оргіямъ надъ тѣлами побѣжденныхъ татаръ, или отдавалъ въ руки палачей по одному подозрѣнію кого-нибудь изъ бояръ, — народъ всегда былъ на его сторонѣ, всегда за одно съ нимъ. Народъ не хотѣлъ признать, что Иванъ убилъ сына; нѣтъ, въ его пѣсняхъ и былинахъ, царь великолѣпно наградилъ Никиту Романовича за то, что тотъ почти цѣною своей жизни спасъ царевича, такъ какъ царь, едва отдавъ приказъ, казнить его, тотчасъ же одумался и раскаялся. Даже въ томъ случаѣ, когда царь приказываетъ выколоть глаза царю Симеону, не оказавшему своему Грозному побѣдителю должной почести и уваженія, народъ одобряетъ царя Ивана и признаетъ поступокъ его справедливымъ.

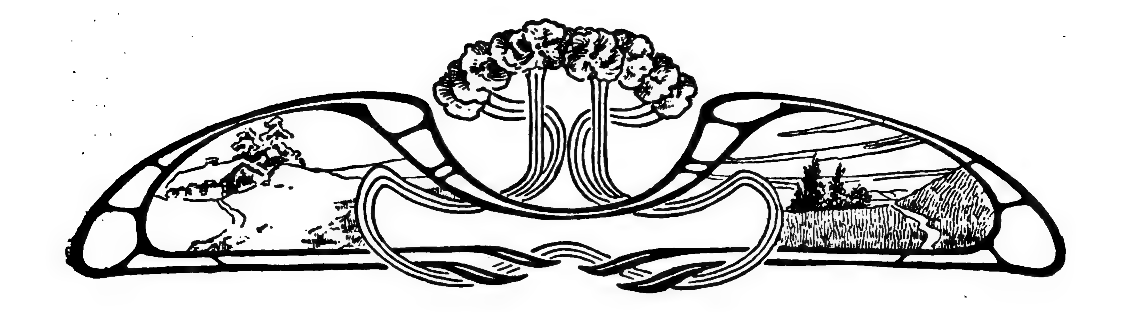
Изъ этого мы видимъ, что такова мораль его времени, съ ея идеаломъ матеріальнаго величія, власти и грубой силы. Иванъ главнымъ образомъ разрушалъ и не имѣлъ времени созидать; онъ умеръ, оставивъ свое великое дѣло въ зачаточномъ состояніи, не обезпечивъ даже продолженія начатому имъ дѣлу и тѣмъ усиліямъ, какія онъ употреблялъ чтобы осуществить задуманную имъ задачу. Вслѣдствіе своей несчастливой вражды съ Баторіемъ и убійства царевича Ивана, Грозный завѣщалъ своему государству только войну съ Польшей и анархію, а подъ покровомъ Лжедмитрія наступило новое нашествіе западныхъ славянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ аристократическая олигархія вновь подняла голову при благопріятствующихъ условіяхъ всеобщаго разгрома.

Такова исторія XVII вѣка. Но то былъ рокъ. Очевидно, не отъ нихъ зависѣло, а просто не суждено было этимъ великимъ людямъ, Ивану IV, какъ и Петру Великому, оставить свое наслѣдіе въ надежныхъ рукахъ, обезпечивъ его отъ случайностей будущаго. Въ этомъ было нѣчто фатальное, что, впрочемъ, наблюдается въ исторіи всѣхъ народовъ. Ни Александръ Македонскій, ни Карлъ V, ни Наполеонъ I не оставили послѣ себя достойныхъ преемниковъ, точно также не оставили ихъ и Иванъ Грозный, и Петръ Великій.

Переводъ *А. Энквистъ*.

КОНЕЦЪ.





Изъ дневника.

Запасайте силы... Близокъ день свободы,
И востокъ далекій пламенемъ объятъ,
Утихаютъ вьюги зимней непогоды,
Вешніе напѣвы въ воздухѣ звенятъ.

Запасайте силы... Пробудились нивы,
Выглянулъ подснѣжникъ изъ глубинъ земли...
Въ сердцѣ—страсть желаній, къ свѣтлому порывы,
Золотыя грезы—въ золотой дали...

Прочь былое горе... Хмурыя сомнѣнья
Унесло и смыло въ прошломъ навсегда...
Передъ нами—радость, радость обновленья,
Передъ нами годы жизни и труда.

Запѣвайте пѣсню... Подъ ея аккорды
Бодрые, живые, полные огня,
Дружно выйдемъ въ поле и поднимемъ гордо
Знамя новой жизни, вѣря и любя...

Спали цѣпи рабства... Мы опять на волѣ,
Наша мысль, что птица, рѣетъ въ вышинѣ,
Передъ нами море, передъ нами поле...
Начинайте-жъ пѣсню—солнцу и веснѣ!..

Сергѣй Ѳедоренко.

Старый Гейдельбергъ.

РОМАНЪ

Рудольфа Штраца.

(Окончаніе).

XIII.

Джонъ Генри ванъ-Леннепъ показался сегодня Эрнѣ измѣнившимся со вчерашняго дня. Это была та же гордо выпрямленная фигура, та же эластическая походка, то же энергичное лицо съ темными усами, которое на нѣкоторомъ разстояніи, да еще въ сумерки, казалось совсѣмъ молодымъ; но вблизи замѣтно было, что глаза его имѣютъ усталое, безпокойное выраженіе, а на лбу и вокругъ глазъ лежитъ сѣть глубокихъ морщинъ — слѣды думъ и напряженія воли. Только теперь Эрна разгадала ихъ смыслъ и поняла, почему онъ одновременно казался и старымъ, и молодымъ. Самъ онъ былъ молодъ, его силы, энергія, темпераментъ были еще нетронуты, но жизнь труда и борьбы наложила на него свой отпечатокъ, и его морщины говорили безмолвно о томъ, что этотъ человѣкъ работалъ втрое или вчетверо больше другихъ. Прежде Эрна не находила въ этомъ ничего удивительнаго, напротивъ, ее часто смѣшила лихорадочная дѣятельность Джона Генри. Иногда онъ казался ей смѣшнымъ съ своимъ упорнымъ стремленіемъ наживать деньги, деньги и деньги! Она не смѣялась надъ нимъ теперь, когда съ ужасомъ пробудилась отъ своего спокойствія патриціанки, которая никогда не задумывалась надъ тѣмъ, откуда идетъ окружающая

ее роскошь. Деньги есть — и хорошо!

Но если ихъ нѣтъ? Тогда нужно бороться, какъ Джонъ Генри ванъ-Леннепъ, который, благодаря своей желѣзной настойчивости, сдѣлался первоклассной величиной, совѣтникомъ и повѣреннымъ королей рейнской промышленности, богатымъ и все богатѣющимъ человѣкомъ. Жизнь сдѣлала его такимъ, какимъ онъ сталъ: суровымъ, безпощаднымъ, насмѣшливымъ, одностороннимъ и недовѣрчивымъ и въ то же время полнымъ добродушнаго юмора, трудолюбивымъ, какъ пчела и фаталистомъ въ душѣ, какъ всѣ, кто живетъ среди опасностей и приключеній. А сколько испыталъ онъ въ жизни приключеній, опасностей, разочарованій, побѣдъ и пораженій, о которыхъ она и не подозрѣвала! Какъ различно смотрѣли они на жизнь и борьбу за существованіе, надъ которой только сегодня для Эрны приподнялся краешекъ завѣсы! Онъ извѣдалъ жизнь во всей ея глубинѣ, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами и ей теперь стало понятно съ его точки зрѣнія то насмѣшливое состраданіе, съ которымъ онъ выслушивалъ ея пылкія рѣчи объ освобожденіи женщины и судьбѣ человѣчества вообще,—выслушивалъ, какъ болтовню избалованнаго ребенка.

Ему хорошо была знакома дѣйствительность. Эрнѣ Джонъ Генри показался теперь воплощеніемъ самой жизни: по виду былъ онъ спокоенъ и веселъ, но полонъ скрытыхъ неожиданностей и коварства и равнодушной жестокости; все въ немъ какъ будто говорило:—Очень жаль, милѣйшій, что я долженъ перейти черезъ васъ, но зачѣмъ же валяетесь вы на землѣ? Нельзя давать сбивать себя съ ногъ!

По отношенію къ Эрнѣ никогда не было онъ рѣзокъ. Она была слабымъ его пунктомъ. Она знала это и, несмотря на свое смущеніе теперь, не могла не улыбнуться при видѣ его старанія какъ нибудь выразить свою нѣжность: онъ вошелъ потихоньку, какъ въ комнату тяжелобольного, поздоровался съ Эрной вполголоса и неслышно подвинулъ къ себѣ стулъ.

— Ну, какъ поживаешь, Эрна?—спросилъ онъ, садясь. Въ голосѣ его послышалось искреннее участіе и любовь.

Она, не смотря на него, молча пожала плечами.

Что ему отвѣтить? Она отвѣтила бы, еслибъ не было этой карточки, которая валялась теперь, изорванная, на полу. Она жестоко оскорбила ея гордость. Получивъ ее, Эрна потеряла энергію, почувствовала себя униженной и слабой. Она боялась жизни послѣ того, какъ люди отнеслись къ ней такъ равнодушно, а ея довѣрчивость сочли за назойливость, скромную просьбу о помощи за навязчивость. Джонъ Генри все это испыталъ и въ концѣ концовъ помогъ себѣ самъ. Но онъ былъ мужчина, настоящій мужчина, кромѣ того, прошедшій съ ранней юности суровую школу. Ему не отъ чего было отвыкать, нечего забывать, какъ ей. Для него тысячи непріятностей въ началѣ его карьеры казались вполнѣ понятными, тогда какъ ей... она чувствовала, что къ горлу ея что-то подступаетъ и стискиваетъ его при мысли о бѣдности... Это былъ страхъ и отвращеніе къ ней, къ униженіямъ, къ тому высокомѣрію, съ какимъ относятся къ бѣдному человѣку, какъ будто онъ совершилъ какую-нибудь низость.

Гость Эрны не сталъ больше разспрашивать ее. Онъ началъ говорить о себѣ.

— Ну, а я провелъ день такъ!—сказалъ онъ весело.—Почти все время провелъ у телефона. Съ Парижемъ меня не могли соединить, а пока соединили съ Вѣной, прошло столько времени, что можно было бы посѣдѣть! Времени, повидимому, у васъ не придаютъ большой важности. Потомъ на моего секретаря началъ

жаловаться кто-то, что цѣлый день и полночи ему пришлось простучать на пишущей машинѣ. Я сказалъ ему: —Радуйтесь, что онъ такъ усерденъ. А когда вы изобрѣтете безшумную машину, приходите ко мнѣ. Мы сдѣлаемъ тогда отличное дѣло.

Эрна посмотрѣла на ванъ-Леннепа. Она знала хорошо, что онъ ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и никогда не говоритъ для того только, чтобы говорить. Этотъ разсказъ его имѣлъ какую нибудь цѣль.

— Мы говорили по англiйски!—продолжалъ ванъ-Леннепъ.—И я со всей вѣжливостью сказалъ ему—Чортъ возьми, сэръ, не будьте такимъ нервнымъ!—хотя и самъ я таковъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленiемъ и мы оба разсмѣялись: оказалось, что мы старые прiятели по клубу въ Шанхаѣ. Мы съ нимъ жили вмѣстѣ цѣлый годъ. Онъ торговалъ опiумомъ. Знаешь, Эрна, опiумъ приноситъ деньги! Китайцы летятъ на него, какъ мухи на сахаръ, послѣ того, какъ мы удачно навязали имъ эту опасную забаву во время похода 1841 года. Этотъ джентльменъ нажилъ большiя деньги благодаря опiуму и богатѣлъ все больше и больше. Когда ему стукнуло пятьдесятъ лѣтъ—это было прошлой осенью—онъ покончилъ съ дѣлами и рѣшилъ наслаждаться жизнью. Тутъ-то и начинается самое печальное: жизнь нашла его негоднымъ! Человѣкъ отсталъ отъ нея! Пришелъ слишкомъ поздно! Ничего для него не осталось!

Ванъ-Леннепъ вдругъ обернулся къ Эрнѣ.

— Ну, а какой смыслъ этого разсказа? Я думаю, Эрна, что ты должна пользоваться жизнью, пока молода, вмѣсто того, чтобы проводить ее въ безполезномъ трудѣ и горѣ.—Работа—не наслажденiе! Есть, правда, благочестивые люди —миссiонеры и другiе, которые, вмѣсто того, чтобы молиться, вѣчно тяготѣютъ къ работѣ, считая ее главнымъ въ жизни, но я знаю, что такое трудъ и говорю „Нѣтъ! Работа—тяжкая необходимость. За ней скрывается нужда, бѣдность! И... Онъ сдѣлалъ движенiе рукой, какъ бы желая отогнать что-то отвратительное.

— Слушай, Эрна, положимъ, что мнѣ предстоялъ бы выборъ: бѣдность или богатство? Я человѣкъ странный, и сказалъ бы: Ужъ если надо выбрать, то лучше я буду богатымъ! Тебѣ тоже предстоитъ такой выборъ. Отъ тебя зависитъ, будешь ли ты жить такъ, какъ привыкла, или добровольно уйдешь изъ общества веселыхъ и довольныхъ людей и возьмешь на себя всѣ огорченiя, униженiя и заботы сѣренькаго существованiя и борьбы за насущный хлѣбъ. Въ этой борьбѣ попадаетъ и въ затылокъ, и въ бока, милая Эрна! Ты удивишься, какъ могутъ быть невѣжливы люди по отношенiю къ молодой дамѣ.

Эрна ничего не отвѣтила и разрывала послѣднiе кусочки визитной карточки профессора. Она казалась ей злымъ талисманомъ, который отнимаетъ у нея силу и молча подтверждалъ все, что говорилъ ванъ-Леннепъ. Онъ наклонился къ ней ближе.

— Я никому, а меньше всего тебѣ, не сталъ-бы совѣтовать, чтобы избавиться отъ бѣдности. Но ты изъ множества своихъ жениховъ выбрала меня еще въ то время, когда считала себя очень богатой и когда соображенiя относительно денегъ не имѣли никакого значенiя. Ты выбрала меня потому, что я тебѣ понравился, потому, что ты меня полюбила, несмотря на всѣ мои недостатки, отъ которыхъ я не могу отказаться, такъ какъ тогда отъ меня ничего не останется. Ты огорчаешься вѣдь оттого, что я тебя не люблю, т. е. люблю не такъ, какъ тебѣ хотѣлось бы. Ты хочешь, чтобы я смотрѣлъ на тебя иначе, чѣмъ теперь, а этого я не могу.

— Да, это правда!—Не глядя на

него и грустно улыбаясь, проговорила Эрна.

— Я не могу помириться съ твоимъ рѣшеніемъ учиться! Женщинамъ это не подходитъ и дѣлаетъ ихъ смѣшной пародіей мужчинъ. Я довольно побродилъ по бѣлу свѣту, чтобы составить объ этомъ сужденіе. Всюду я видѣлъ, что миръ и согласіе возможны только тогда, когда женщины имѣютъ свой кругъ дѣятельности, а мужчины свой: мужчины въ общественной жизни, женшины—въ домѣ. Это ихъ царство. Прости, что я повторяю тебѣ избитыя истины. Но истины эти вѣчны. То, о чемъ я тебѣ говорю, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ появились люди на землѣ. Какъ же вы хотите все перевернуть? Женщина не можетъ бороться съ мужчиной—она слишкомъ слаба для этого. Она должна повиноваться ему! Повсюду на землѣ слабые повинуются сильнымъ. Это законъ природы.

— И *такъ* ты представляешь себѣ бракъ! — печально сказала Эрна.— Когда ты придешь домой вечеромъ, часовъ въ шесть-семь, усталый отъ работы, ты захочешь встрѣтить дома веселое лицо жены и вкусное кушанье на столѣ, послѣ я должна спѣть или сыграть тебѣ что-нибудь и развеселить тебя или, сѣвъ къ тебѣ на колѣни, болтать тебѣ на ухо разный вздоръ, чтобы ты забылъ о заботахъ и дѣлахъ... И ты будешь доволенъ, что у тебя такая милая жена. А я... что же я-то, милый Джонъ Генри? Неужели ты не понимаешь, что я тоже человѣкъ и имѣю право на личную жизнь... Можетъ быть, эта жизнь не такъ значительна, какъ твоя, но она *моя* собственная, и я не могу проводить ее, когда тебя нѣтъ дома, только въ хлопотахъ по кухнѣ и хозяйству. Я тогда поглупѣю такъ, что не удержусь на той умственной высотѣ, которая необходима, чтобы развлекать тебя по вечерамъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Ахъ, Эрна, ты выражаешься слишкомъ рѣзко, все это острыя словца изъ вашей новѣйшей женской литературы; а въ сущности все не такъ ужъ плохо... Что же касается домашней дѣятельности...

Онъ откашлялся и задумчиво устремивъ глаза въ полъ, какъ бы старался намекнуть, что въ семейной жизни могутъ явиться и высшія обязанности...

— Во-вторыхъ, свое дальнѣйшее умственное развитіе предоставь мнѣ. Я, право, высоко цѣню тебя. Ты замѣчательно умная дѣвушка, Эрна. Но и про меня даже злѣйшіе мои враги не скажутъ, что я глупъ. У меня есть даръ привлекать къ себѣ людей. Тоже будетъ и съ тобою! Мы сольемъ во едино наши интересы и мысли.

— Это значитъ, — спокойно сказала Эрна, — что я обращусь въ нуль! Стану твоимъ созданіемъ! О, я знаю, что ты умѣешь подчинять себѣ людей! Ты хочешь обезличить меня, придать мнѣ свои черты и этого-то я боюсь! Не знаю ужъ, чѣмъ я тогда буду!

— Моей женой!—Голосъ его зазвучалъ громче, а въ глазахъ забѣгали огоньки.—Во всякомъ случаѣ, я имѣю право требовать, чтобы моя жена жила со мною (и, видитъ Богъ, она жила бы возвышенной духовной жизнью)—а не своей обособленной жизнью... Я купецъ. По-гречески и по-латыни не знаю и считаю это вздоромъ. О чемъ мнѣ говорить съ женой, которая живетъ для мертвыхъ языковъ, все учится, а о моемъ духовномъ мірѣ не имѣетъ никакого представленія? Каждый изъ насъ будетъ равнодушенъ къ внутренней жизни другого, потому что не будетъ имѣть ключа отъ нея. И мы не будемъ понимать другъ друга, и не смотря на все нашу любовь, станемъ чужими. Съ одной стороны нѣмецкій купецъ, съ другой ученая латинистка! Это не подходитъ одно къ другому! Кто нибудь изъ насъ долженъ уступить! Я не могу! Не могу я на старости бросить дѣла и привычную жизнь и сѣсть на

школьную скамью, чтобы усвоить себѣ твое классическое образованіе!

— И я оказываюсь болѣе слабой!— усталымъ голосомъ сказала Эрна. Онъ схватилъ ее за руку.

— Слушай! Еслибъ изъ твоего ученья могло что нибудь выйти! Но ничего изъ него не будетъ! Ты слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ и своихъ силахъ, какъ всякій, кто не знаетъ еще жизни. Ты считаешь себя чѣмъ-то необыкновеннымъ по силѣ и мужеству и сердишься, что я считаю тебя лишь слабой дѣвушкой, которая можетъ проявить нервную энергію, но лишь на мгновенье, а не на долго. Черезъ недѣлю придетъ тебѣ мать, милая Эрна! А чѣмъ же ты будешь жить три долгихъ года? И при всѣхъ заботахъ и лишеніяхъ надо будетъ учиться и добиться докторскаго диплома. Еслибъ это удалось тебѣ, я первый извинился бы передъ тобой и сказалъ бы: я ошибался!—Но я знаю, что этого не будетъ!

— Тебѣ кажется это потому, что ты слишкомъ мало знаешь меня!— сказала Эрна, но въ голосѣ ея послышалась безнадежность.

— Ну да, это старая пѣсня—„Ты любишь, но не знаешь меня"!—Онъ нахмурился.—Но оставимъ все это и поговоримъ откровенно. Вчера я предлагалъ тебѣ учиться, когда ты сдѣлаешься моей женой. Ты не захотѣла. И дѣйствительно, изъ этого не много вышло бы. И вотъ передъ тобой выборъ—ты должна прійти къ рѣшенію теперь же: семейный очагъ—я предлагаю тебѣ его съ искренней любовью, — богатство, свобода, полная жизнь, достойная тебя—или одиночество, кусокъ черстваго хлѣба, жалкая бѣдность... и все это будетъ напрасно: ты не выдержишь этого пути, разочаруешься, озлобишься—вмѣсто того, чтобы наслаждаться жизнью вмѣстѣ со мной. И еслибъ ты имѣла расположеніе къ такой жизни! Но ты создана для счастья и свѣта!

Эрна тяжело дышала. Въ полутемной комнатѣ сидѣлъ передъ ней искуситель и показывалъ ей царства міра сего и ихъ богатства. А у нея не было словъ для возраженія. Она слушала ванъ-Леннепа со страхомъ, стиснувъ зубы, и не находила въ себѣ прежней энергіи. Это были минуты слабости, и онъ пользовался ими. Она замѣтила, что онъ изо всѣхъ силъ сдерживался, стараясь казаться хладнокровнымъ и завоевать своимъ спокойствіемъ ея довѣріе.

— У меня много недостатковъ!— заговорилъ онъ снова, и глаза его засверкали стальнымъ блескомъ.— Но одного нѣтъ во мнѣ—мелочности! Кто со мною, того я возношу на такую высоту, съ которой весь міръ видишь у ногъ своихъ. Во всемъ, что я дѣлаю, виденъ широкій размахъ! Жизнь, полная разнообразія, движенія и борьбы! Вездѣ у меня враги! Вездѣ я долженъ быть насторожѣ! Вездѣ я выхожу побѣдителемъ и стремлюсь дальше и дальше! Но всегда я борюсь одиноко, за себя одного! Это скучно. У меня глубокая тоска по женщинѣ, о которой я долженъ заботиться; я хочу работать для нея, чтобы ей жилось хорошо, охранять ее и въ этомъ находить радость. Тогда только, кажется мнѣ, жизнь моя получитъ смыслъ. Этой женщины я ждалъ долго! Всюду—на пароходѣ, на желѣзной дорогѣ, въ домахъ, гдѣ я бывалъ, въ Европѣ и въ Азіи, я думалъ: я долженъ встрѣтить ее. И когда я въ первый разъ увидѣлъ тебя, я подумалъ: это она!.. Не уходи же отъ меня! Я этого не заслужилъ! И сколько бы разъ ты ни говорила мнѣ—„ты любишь не то, что есть во мнѣ"!—я все-таки люблю тебя, Эрна! Клянусь тебѣ!

Онъ говорилъ ей на ухо тихо, страстно, настойчиво. Она безпомощно трепетала подъ его дыханіемъ. Въ ней шевелилось неясное ощущеніе—„сегодня онъ сдѣлаетъ съ тобой, что захочетъ! Онъ такъ часто говорилъ, что ты такая же слабая

дѣвушка, какъ и другія, что убѣдитъ наконецъ тебя въ этомъ и ты дѣйствительно окажешься слабой"!

И все громче говорила въ ней боязнь: „Да! Сегодня ты отречешься отъ самой себя—навсегда"! Ужасная потеря денегъ, горькое разочарованіе, причиненное письмомъ профессора, тоскливое и смиренное чувство, просыпавшееся въ сердцѣ, когда этотъ суровый человѣкъ говорилъ съ ней такъ ласково, такимъ добрымъ, молящимъ голосомъ, какъ онъ не говорилъ ни съ кѣмъ на свѣтѣ,—отъ всего этого, особенно отъ послѣдняго, таяли силы и стремленіе къ новой жизни и являлся страхъ передъ ней, глубокое отвращеніе къ бѣдности и уродливости жизни, жажда любви.

Еще разъ, собравъ всю силу своей воли, Эрна представила себѣ послѣдствія своего согласія: Вернувшись съ Джономъ Генри, сказала она себѣ, я утрачу свое „я", я стану его вещью. Безъ денегъ, вполнѣ отъ него зависимая, я и во внутренней жизни буду находиться подъ его опекой и поддамся чуждому направленію, если отступлю теперь назадъ.

Всю жизнь будетъ преслѣдовать меня воспоминаніе о томъ, что въ рѣшительную минуту, отъ которой зависѣла моя судьба, я не нашла въ себѣ достаточно силъ. Я стану жалкимъ, половинчатымъ существомъ, безъ энергіи и довѣрія къ себѣ! И если судьба сдѣлала меня трусихой—(но этого нѣтъ!)—то благодаря страху передъ бѣдностью, которую Мета Виггерсъ, маленькая дантистка, и безчисленное множество другихъ женщинъ переносятъ молча, безъ жалобъ, какъ что-то неизбѣжное.

Около Эрны вдругъ снова послышался голосъ ванъ-Леннепа, звучавшій уже побѣдой.

— Эрна! Поступи-же разумно и правильно! Перестань мечтать о безполезныхъ занятіяхъ мертвой наукой со всѣмъ ея отжившимъ хламомъ! Я покажу тебѣ настоящую, полную жизнь! Сожги свои книги и будь счастливой женщиной, вмѣсто того, чтобы быть жалкой ученой дѣвицей! Скажи... ты хочешь этого?

Гордость возмутилась въ ней съ послѣдней силой противъ нѣжнаго эгоизма любви. Она мрачно устремила передъ собою глаза и тихо, сквозь зубы, произнесла.

— Нѣтъ!

Такъ она сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ! Медленно поднялся ванъ-Леннепъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился на довольно значительномъ разстояніи отъ нея, такъ что долженъ былъ говорить громко и отчетливо.

— Ужасно! началъ онъ.—Я долженъ сказать тебѣ все! Какъ вчера! Ты принуждаешь меня сказать то, о чемъ я предпочелъ бы умолчать... Но теперь уже не могу! Ради тебя самой! Я долженъ употребить всѣ доводы, чтобы отклонить тебя отъ рѣшенія, которое по моему убѣжденію будетъ для тебя несчастьемъ. Это моя обязанность по отношенію къ тебѣ и къ себѣ. У меня нѣтъ никакого желанія потерять тебя! Я буду бороться за тебя, насколько хватитъ силъ!

Эрна печально посмотрѣла на него.

— Я думаю, ты все уже сказалъ мнѣ!

— Нѣтъ. Одного я не сказалъ тебѣ. Думалъ, что ты сама догадаешься. Но, кажется, я ошибся!

— Что же это такое?

— Странная это вещь!—холодно сказалъ Джонъ Генри.—Встрѣчается она на свѣтѣ все рѣже и рѣже и многимъ кажется смѣшной. Называютъ ее благодарностью. Въ нѣкоторыхъ людяхъ этотъ недостатокъ еще замѣчается—во мнѣ, напримѣръ! Я принадлежу къ числу тѣхъ, кто не прощаетъ оскорбленій, но и добра не забываетъ! У кого есть этотъ недостатокъ, тому отъ него трудно отдѣлаться! Другимъ людямъ эта

привычка кажется устарѣлой. Я нахожу, что это въ нихъ счастливая способность, но жалко, что я встрѣтилъ ее и въ тебѣ. Отецъ твой былъ не таковъ!

Эрна встала. Она начала дрожать.

— Онъ былъ полонъ благодарности ко мнѣ!—продолжалъ Джонъ Генри ванъ-Леннепъ. Ради тебя! Забота о тебѣ угнетала его больше всего, когда онъ видѣлъ, что приближается банкротство, отъ котораго я его спасъ!

Онъ безпокойно ходилъ по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы, опустивъ глаза, съ видомъ человѣка, которому неловко отъ того, что онъ говоритъ.

— Представь себѣ, что было бы безъ меня! Какая случилась бы катастрофа, еслибъ я не вмѣшался! Этого не забываютъ. Что было бы съ тобой, Эрна! Тебя ожидала не только бѣдность, но позоръ. Онъ омрачаетъ всю жизнь, нанося такіе удары, отъ которыхъ не оправишься никогда! Никогда не придешь въ себя, даже при полномъ отсутствіи вины!

Эрна молча, однимъ взглядомъ, попросила его замолчать. Онъ замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла, и сдержался.

— Ты совершенно права, продолжалъ онъ спокойнымъ дѣловымъ тономъ,—съ своей точки зрѣнія. Ты скажешь: я не просила твоей помощи и не обязана выражать тебѣ мою благодарность. Совершенно вѣрно. Я—честный купецъ и невѣрнаго счета тебѣ не представлю. На благодарности и тому подобномъ я не спекулирую. Я сдѣлалъ только слѣдующее: Я просилъ у твоего отца руки твоей и узналъ, что онъ близокъ къ банкротству. Многіе отступили бы. Но я нѣтъ! Другіе намекнули бы тебѣ о принесенной ими жертвѣ. А я нѣтъ! Ты насмѣхалась надъ моимъ удвоеннымъ стараніемъ заработать больше денегъ, хотя я дѣлалъ это ради васъ, чтобы спасти жизнь и честь твоему отцу! Я молчалъ объ этомъ. Отецъ твой умеръ и, когда мы, рука объ руку, стояли у его могилы, я не сказалъ тебѣ, что лишь благодаря *мнѣ* онъ мирно и спокойно разстался съ жизнью. Съ того времени я жилъ только для тебя. Я окружилъ тебя роскошью и изяществомъ, старался прочитать малѣйшее желаніе въ твоихъ глазахъ, позволялъ тебѣ высмѣивать и вышучивать меня, обращаться со мной, какъ гордой и богатой наслѣдницѣ, и ни словомъ не выдалъ того, что каждый пфеннигъ ты получала отъ меня. За это я хотѣлъ только, чтобы ты исполнила обѣщаніе, данное тобою добровольно. Ты легкомысленно нарушила его и уѣхала. Я еще разъ переломилъ свою гордость—какъ часто дѣлалъ это въ послѣднее время—и поѣхалъ за тобою, чтобы открыть тебѣ глаза. И я это сдѣлалъ. Если теперь ты оттолкнешь меня, то я не возвращусь уже такъ скоро. Ты оттолкнешь своего единственнаго друга!

Онъ подошелъ къ Эрнѣ, которая рыдала, опустившись на стулъ, и вложилъ ей въ руку письмо.

— Вотъ, на случай, если-бъ ты мнѣ не повѣрила—(я этому не очень удивился бы) — послѣднія строчки, которыя твой отецъ написалъ для меня за нѣсколько дней до смерти. Сказать тебѣ всего онъ не хотѣлъ— въ болѣзни онъ потерялъ силы и мужество—но хотѣлъ, чтобы я передалъ тебѣ это письмо. Я не сдержалъ обѣщанія — не хотѣлъ, чтобы ты знала объ этомъ письмѣ. Но теперь—читай!

Передъ глазами Эрны поплыли и замелькали блѣдныя, съ трудомъ написанныя слабой рукою, хорошо знакомымъ ей почеркомъ, строчки, показавшіяся ей загробнымъ привѣтствіемъ. Какъ сквозь туманъ разбирала она мелькавшія передъ ней отрывки и фразы:

„Я умираю спокойно, милая Эрна, зная, что твой будущій мужъ станетъ любить и охранять тебя. Не забывай никогда, что онъ для

насъ сдѣлалъ и сдѣлаетъ еще для тебя, когда меня не будетъ... Ты его любишь!.. Поэтому постарайся понять его! Тогда онъ сдѣлаетъ тебя счастливой... а твое счастье—послѣднее желаніе, послѣдняя надежда твоего стараго, измученнаго отца... Пора мнѣ на покой!.. Ты вступишь въ жизнь объ руку съ нимъ. Онъ поведетъ тебя вѣрною рукою, пока не придетъ ваше время, какъ мнѣ теперь... Прощай, моя Эрна"...

Эрна не могла больше сдерживаться и разразилась громкими рыданіями. Этотъ жалкій листочекъ бумаги черезъ годъ послѣ смерти отца еще разъ привелъ ее въ общеніе съ нимъ. Еще разъ говорилъ отецъ съ нею спокойно и серьезно, но другими словами, чѣмъ всегда... торжественнѣе, отъ глубины души... и голосъ его звучалъ, какъ предостереженіе издалека, оттуда, гдѣ не могли найти его протянутыя для объятія руки, гдѣ не видѣли его затуманенные глаза,—звучалъ изъ невѣдомой страны и пробуждалъ въ дѣвушкѣ неиспытанное чувство тоскливаго страха и легкую дрожь. Она услышала, что Джонъ Генри что то говорилъ около нея спокойно, какъ всегда, но не понимала ни слова. Все въ ней замерло. Безволіе, пустота, усталость такъ наполняли ее, что она почти не чувствовала, что живетъ. Все исчезло, улетѣло куда то, осталось лишь сознаніе необходимости повиноваться и быть подъ защитой. Это были минуты слабости, и Эрна, оказалась въ десять разъ слабѣе, чѣмъ боялась. Невольно протянула она руку Джону Генри; ей казалось, что онъ долженъ взять ее и ласково пожать, чтобы она видѣла, что есть у нея другъ на землѣ. Но Джонъ Генри не имѣлъ охоты терять время. Онъ принесъ шляпу Эрны, надѣлъ ее на нее, набросилъ на плечи ей накидку, и теперь только Эрна поняла, что онъ ей говорилъ.

— Оставь все здѣсь, Эрна!—сказалъ онъ спокойнымъ, но мягкимъ, полнымъ любви голосомъ.—Твоя подруга уложитъ и отошлетъ потомъ всѣ вещи. У насъ остается самое большее сорокъ минутъ до отхода поѣзда.

Онъ не спросилъ даже, хочетъ-ли она ѣхать съ нимъ. Онъ видѣлъ, что побѣда за нимъ. У Эрны больше не было своей воли. Это ее уже не страшило. Она съ благодарнымъ чувствомъ, но полусознательно, какъ во снѣ, замѣчала, что Джонъ Генри старается избавить ее отъ всѣхъ мелкихъ хлопотъ, неизбѣжныхъ при отъѣздѣ. Безъ удивленія, съ спокойнымъ сознаніемъ избавленія отъ всякихъ бѣдъ, сказала она себѣ: теперь ты принадлежишь ему!

Ея покорность показалась ей вдругъ вполнѣ понятной.

Она испытывала теперь отдыхъ послѣ тяжелой борьбы, смиренную радость, что оказалась слабѣйшей и должна теперь повиноваться Джону Генри безъ гордости, безъ сопротивленія, сливаясь съ нимъ въ одно и подчиняясь вполнѣ его силѣ. И на сердцѣ у нея стало легко и весело.

Жребій брошенъ. Все кончено Игра проиграна ею. Теперь отъ одного Джона Генри зависѣло воспользоваться побѣдой и устроить дальнѣйшую ея жизнь по своему разумѣнію. Имѣть на нее вліяніе Эрна уже не могла и не хотѣла.

Она была теперь въ чужихъ рукахъ и съ любопытствомъ ждала, что онѣ изъ сдѣлаютъ; — конечно, не того человѣка, какого она хотѣла воспитать въ себѣ; можетъ быть, многое заглохнетъ въ ней, многое будетъ подавлено, что при другихъ условіяхъ дало пышный цвѣтъ и плодъ и можетъ быть, отъ этого она будетъ счастливѣе въ своемъ домашнемъ уголкѣ? Кто знаетъ? Покажетъ время... И какое значеніе имѣетъ судьба одного человѣка? И вообще вся наша мимолетная жизнь? Какъ вихрь, промчится она одинаково быстро и въ сверкающихъ огнями покояхъ, тамъ на Рейнѣ, и въ освѣщенной малень-

кой лампочкой студенческой комнаткѣ, которую теперь равнодушно покидала Эрна. Она ни разу не оглянулась на уютный уголокъ, гдѣ при свѣтѣ лампы надъ раскрытыми книгами мечтала начать борьбу за свободу женщины. Прочь, прочь отсюда!..

Та, которая шла теперь по улицѣ молчаливо и робко, съ опущенными глазами, изъ печальной невѣсты станетъ, можетъ быть, счастливой супругой, но никогда не будетъ участницей великой борьбы за освобожденіе женщины.

Не представляли ли другія участницы ея исключеніе?

Не были ли это души мужчинъ, благодаря капризу судьбы воплотившіяся въ женщинахъ? Не вѣчно ли будутъ примѣняться къ настоящей женщинѣ слова: „Онъ будетъ господиномъ надъ тобою"? Къ ней, къ Эрнѣ, эти слова подходили вполнѣ. Тотъ, кто шелъ теперь съ нею рядомъ, — ея господинъ. Она сознавала, что онъ сдѣлаетъ ей зло, не желая и не подозрѣвая того, что онъ уничтожитъ лучшее, что въ ней было—стремленіе стать независимой духовно и самостоятельной личностью,—уничтожитъ, потому что увезетъ ее далеко отъ источника науки и знанія. Эрна знала, что ничего подобнаго онъ изъ нея не сдѣлаетъ, сдѣлаетъ только умную, элегантную даму, леди въ лучшемъ смыслѣ слова, какихъ онъ много видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. Все другое погибнетъ въ ней! Характеръ измельчаетъ, энергія разобьется. Черезъ нѣсколько лѣтъ она, можетъ быть, сама будетъ разсказывать со смѣхомъ, какъ сказку, на обѣдѣ для дѣловыхъ пріятелей мужа, что когда-то серьезно хотѣла сдѣлаться гейдельбергской студенткой.

Вотъ ея *судьба*. Она шла къ ней навстрѣчу, какъ лунатикъ. Почему она не остановилась? Почему Джонъ Генри ванъ Леннепъ, даже не прикасаясь къ ней, неудержимо влекъ ее за собой?

Отвѣтъ она знала: потому, что она любила его, любила именно теперь, за то, что онъ оказался сильнѣе ея, за то, что онъ былъ ея повелителемъ, а она—его созданіемъ.

Дорогой ванъ Леннепъ говорилъ немного и о такихъ безразличныхъ вещахъ, какъ будто ничего не произошло.

Дѣйствительно, ничто не могло вывести его изъ его непоколебимаго спокойствія. Два раза посматривалъ онъ на часы, ускоряя шаги. Времени до отхода поѣзда было еще много, но каждый шагъ приближалъ его къ желанному будущему. Эрна же съ смертельной тоской спрашивала себя: Какъ можетъ онъ любитъ меня такъ сильно и такъ мало понимать?..

Вокзалъ, пронизывавшій темноту разноноцвѣтными огнями своихъ фонарей, былъ полонъ движенія, обычнаго для времени, когда потокъ путешественниковъ ежедневно устремлялся въ долину Неккара, чтобы снова отхлынуть отъ нея. Тутъ было множество англичанъ и американцевъ, студентовъ въ разноцвѣтныхъ шапочкахъ, которые старались привлекать въ свою корпорацію вновь прибывшихъ молодыхъ людей, земледѣльцевъ, владѣльцевъ виноградниковъ и табачныхъ плантацій съ Рейна, работниковъ, возвращавшихся вечеромъ съ фабрикъ въ свою деревню, солдатъ въ отпуску, швейцаровъ и прислуги изъ гостиницъ... Вся эта разнообразная, безпрерывно мѣняющаяся толпа, очень шумливая, по пфальскому обычаю, бѣготня взадъ и впередъ, предупредительные возгласы рабочихъ, перекатывавшихъ телѣжки съ багажемъ, говоръ пробудили наконецъ Эрну изъ ея оцѣпенѣнія.

Поѣздъ еще не пришелъ. Взявъ билеты, Эрна и Джонъ Генри стали ходить по полутемной, крытой, но

доступной для вѣтра платформѣ. Наступала уже ночь и дымъ локомотивовъ застилалъ глаза тонкой желтоватой дымкой. Вся красота и поэзія Гейдельберга здѣсь исчезали, была лишь обыкновенная станція желѣзной дороги, какихъ существуютъ тысячи, да нетерпѣливые озябшіе люди, въ ожиданіи поѣзда прохаживавшіеся около своихъ вещей.

Ванъ Леннепъ и его невѣста имѣли такія же холодныя и равнодушныя лица, какъ и другіе пассажиры. Никто не замѣтилъ бы въ нихъ ничего особеннаго, хотя многіе оборачивались, чтобы посмотрѣть на Эрну, когда она проходила мимо. Изъ зала третьяго класса, переполненнаго носильщиками, слугами, желѣзнодорожными служащими тоже слѣдила за Эрной пара любопытныхъ глазъ въ большихъ золотыхъ очкахъ. Тамъ сидѣлъ Давидъ Галлюсъ, погрузивъ свое красное лицо до самой лысины въ кружку съ пивомъ и изъ-за краевъ ея поводя во всѣ стороны своими зелеными лягушачьими глазами. Около него сидѣлъ его неизмѣнный спутникъ воинственнаго вида, Ганкеле и маленькій извозчикъ Штумпе, оставившій свой экипажъ за вокзаломъ. Оба были въ дурномъ настроеніи: Ганкеле потому, что туристъ, котораго онъ полдня водилъ по городу, нося его чемоданъ, скрылся отъ него въ какомъ-то трактирѣ, на прощанье ничего не заплативъ, и катилъ теперь, вѣроятно, дальше; извозчикъ потому, что уже два часа сидѣлъ безъ дѣла, и въ груди его накопилась злоба и презрѣніе къ разнымъ новомоднымъ выдумкамъ, какъ конки и т. п.

Давидъ Галлюсъ тоже былъ угрюмъ сегодня: онъ находился въ переходномъ состояніи. Еще не настало то время. когда онъ, спустившись съ высотъ, куда возносила его наука днемъ, стремился въ вечерней тиши утолить свою жажду, у алкогольнаго потока. Сегодня его выгнала изъ дому раньше обыкновенная уборка и чистка квартиры, или нѣтъ!—это была не чистка и уборка, какъ онъ сообщилъ двумъ своимъ повѣреннымъ, а настоящая оргія воды и мыла, неистовое мытье, страсть все перевернуть вверхъ дномъ и среди противнаго пара пронзительные крики и бѣготня со щетками трехъ грацій, выгнавшихъ ученаго изъ квартиры.

— Varium semper et mutabile femina—печально сказалъ опьянѣвшій и огорченный маленькій философъ. —Женщины всегда придумаютъ что-нибудь новое, чтобы помучить насъ. Хотѣлось бы мнѣ хоть полдня пожить на свѣтѣ безъ женщинъ. Какая блаженная тишина наступила бы тогда! Какое величественное, божественное спокойствіе! При одной мысли объ этомъ на душѣ дѣлается легко. Но женщины лишь смѣются надъ нами.

Онѣ повсюду! Посмотрите, Ганкеле и вы, милѣйшій Штумпе, вотъ ходитъ взадъ и впередъ одна изъ нихъ.

Вотъ—молодая элегантная дама съ господиномъ. Знаете вы, какую шутку сыгралъ со мною этотъ злѣйшій мой врагъ! Рано утромъ — часовъ въ девять—десять, она ворвалась въ мою квартиру, гдѣ все было—хаосъ, стащила меня съ постели и коротко и рѣшительно потребовала ключъ отъ моей лабораторіи. Она желаетъ учиться! У нея фабрика! Она хочетъ быть докторомъ! Потомъ пошло о женщинахъ — о, что это за словоизверженіе было, что за вздоръ! Какая дикость! Можетъ быть эта молодая фурія опять придетъ ко мнѣ. Я человѣкъ старый! Я ея боюсь!

— Она сегодня уѣзжаетъ! — коротко и недовольнымъ тономъ сказалъ Ганкеле.

Давидъ Галлюсъ высоко поднялъ брови.

— Ганкеле, говорю вамъ — Она учится здѣсь!

— Такъ что жъ? Они взяли два

билета на скорый поѣздъ въ Кельнѣ. И господинъ, который съ нею, сказалъ еще, что будетъ очень радъ, если скорѣе вырвется изъ этой дыры и никогда больше не увидитъ Гейдельберга. Я стоялъ рядомъ!

— Она здѣсь учится!—настаивалъ Перко. Онъ также мало вѣрилъ въ отъѣздъ Эрны, какъ благочестивые люди въ то, что дьяволъ не существуетъ. Онъ составляетъ вѣдь необходимую часть цѣлаго!

Расположеніе Ганкеле все ухудшалось.

— Говорю же вамъ!— вспылилъ онъ.—Въ Кельнѣ! Въ первомъ классѣ! Ужъ я то знаю людей.“

Штумпе поддержалъ его сердитымъ голосомъ.

— Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы глазѣть на звѣзды— мы ничего не говоримъ! Это ужъ ваше дѣло. Но на вокзалѣ—тутъ голосъ принадлежитъ *намъ*!

Давидъ Галлюсъ снялъ очки, протеръ ихъ и съ изумленіемъ оглядѣлся.

— Боже мой! Гдѣ я!-- спросилъ онъ съ кроткой улыбкой разсѣяннаго стараго ученаго.—Извините, господа! Я ухожу. Заплатите сами за то, что вы выпили, неотесанныя дубины, беотійцы! Прощайте!

И онъ убѣжалъ, не обращая вниманія на попытки удержать его со стороны своихъ растерянныхъ пріятелей.

Проходя мимо Эрны, онъ, не кланяясь ей, посмотрѣлъ на нее вызывающимъ видомъ снизу вверхъ, но она не замѣтила его — мысли ея были далеко отсюда—дома!

Не прошло еще трехъ дней, какъ она покинула родной домъ, куда должна теперь возвратиться, какъ будто ничего не случилось. Что такое трое сутокъ въ долгой человѣческой жизни?

Однако, этотъ короткій промежутокъ времени былъ рѣшающимъ для нея. Она возвращаясь съ болью въ душѣ, разочарованная и полная горечи, а любопытнымъ теткамъ и глупо хихикающимъ кузенамъ должна будетъ показывать веселое лицо и увѣрять, что маленькая поѣздка въ Гейдельбергъ совершилась къ полному ея удовольствію, что на этотъ разъ ей только хотѣлось позондировать почву, что всюду встрѣтила она дружескій пріемъ и что если она когда-нибудь рѣшится поступить въ университетъ, то, конечно, поступитъ только въ Bnperta Carola на берегахъ Неккара. Тетки и кузины отнесутся, вѣроятно, недовѣрчиво къ ея словамъ, но не выскажутъ своихъ сомнѣній— Эрна была такъ осторожна, что кромѣ Джона Генри и стараго друга семьи, ландрата, давшаго ей рекомендательное письмо къ профессору, никому не довѣрила своихъ плановъ, и злые языки должны будутъ скоро успокоиться.

Она вернется домой, останется невѣстой ванъ Леннепа, и все снова будетъ по прежнему.

Завтра рано утромъ она проснется опять въ старомъ, пустомъ отцовскомъ домѣ. Ее разбудитъ хорошо знакомый съ дѣтства рѣзкій свистокъ—знакъ, что пора начинать работу на фабрикѣ. И когда она, усталая отъ плохо проведенной ночи, подойдетъ къ окну, то снова увидитъ ряды женщинъ и дѣвушекъ, склонившихъ блѣдныя лица надъ работой... Онѣ молча работаютъ... работаютъ... Но уже не для меня! Она теперь чужая въ пустомъ и мрачномъ домѣ. Среди этихъ стѣнъ и машинъ нѣтъ ничего, что принадлежало бы ей. Она будетъ получать хлѣбъ изъ милости отъ Джона Генри ванъ Леннепа, не только никому не жалуясь, но разыгрывая роль гордой богатой наслѣдницы,—пока не сольется въ одно съ Джономъ Генри. Онъ поведетъ ее за собою, куда ему вздумается.—Онъ--ея повелитель...

Эрна содрогнулась, вспомнивъ о завтрашнемъ днѣ.

Опять будетъ пасмурное утро,

сѣрый дымъ, окутывающій фабрику, отвратительный запахъ угля, вездѣ дымящіяся трубы, мрачные, погруженные въ вѣчную работу люди, стукъ нагруженныхъ телѣгъ на улицѣ, на дворѣ монотонное жужжанье и стукъ,—вѣчный припѣвъ: „Въ потѣ лица твоего долженъ ты ѣсть хлѣбъ свой"!

А она бѣжитъ отъ работы, отъ свободной жизни, которую такъ восхваляла сама! Отъ залитаго солнцемъ уголка, голубого Неба, зеленныхъ волнъ Неккара, великолѣпныхъ останковъ временъ Возрожденія, сверкающихъ багрянцемъ, отъ вѣчно юной весны въ ея снѣжно бѣломъ покровѣ цвѣтовъ, изъ этого пріюта поэзіи, науки и веселаго студенчества! И сюда, какъ и повсюду, пробралась угрюмая Забота, съ ворчаньемъ выгнала ее своимъ костылемъ, и смущенная и разбитая, покинула она Гейдельбергъ...

То, что дѣлала теперь Эрна, была лишь ея обязанность по отношенію къ Джону Генри, но она не рѣшалась отъ стыда поднять глазъ, полнаго горькаго упрека себѣ:

— Ты продалась! Вернись же въ золотую клѣтку!..

Спутникъ ея остановился.

— Я и не подумалъ...—быстро сказалъ онъ.—Въ этомъ поэтическомъ уголкѣ совсѣмъ сбиваешься съ толку. Заражаешься всеобщимъ головокруженіемъ...

— Слушай, Эрна! Мы не можемъ вернуться домой вмѣстѣ. Это возбудитъ лишь ненужные разговоры. Лучше всего будетъ, если я останусь въ Кельнѣ, ты поѣдешь дальше одна, а завтра, какъ бы случайно, и я пріѣду домой.

Она молча кивнула головой. Теперь ей все было безразлично.

— Кромѣ того, надо позаботиться, чтобы на станціи ты нашла свой экипажъ и чтобы дома приготовились къ твоему пріѣзду. Надо телеграфировать!

— Конечно... Надо телеграфировать!—машинально повторила Эрна, разсѣянно смотря на цвѣтные фонари, искры локомотивовъ, мракъ, разстилающійся за вокзаломъ.

Тамъ лежала ровная, плоская мѣстность, была сѣренькая будничная жизнь...

Ванъ Леннепъ вынулъ часы.

— Время еще есть. Телеграфная контора совсѣмъ близко. Подожди меня здѣсь!

Эрна утвердительно кивнула ему головой, остановилась и, слегка дрожа, плотнѣе запахнула свою накидку, прислушиваясь къ его быстрымъ твердымъ шагамъ.

Онъ ушелъ отъ нея! Оставилъ ее одну,—хотя лишь на пять минутъ! Первой ея мыслью было: „Это неосторожно съ его стороны! Положимъ, онъ поступилъ такъ, заботясь о ней же, но на его мѣстѣ она бы этого не сдѣлала. Показываетъ такъ открыто, что онъ вполнѣ увѣренъ въ своей побѣдѣ! Вѣдь это можетъ возбудить желаніе поступить наперекоръ ему"!

Такого желанія, правда, въ Эрнѣ не было, но внезапно, какъ только перестало тяготѣть надъ нею присутствіе Джона Генри, въ ней поднялся прежній вихрь мыслей, вопросовъ, явилось желаніе отдать себѣ отчетъ въ испытанныхъ впечатлѣніяхъ, рѣшеніяхъ и мнѣніяхъ, выведенныхъ изъ этихъ впечатлѣній. Въ послѣдніе часы все это дремало въ ней, какъ будто она была оглушена паденіемъ съ высоты. Но теперь силы ея оживали, еще подавленныя глубокой, безутѣшной тоской и уныніемъ, но уже нетерпѣливо старающіяся разбить оковы... Уже поднимался въ ней задорный вопросъ—почему?

Это „почему?"—исходный пунктъ всякаго человѣческаго знанія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ послужило началомъ ея стремленія къ свободѣ. Другія дѣвушки, ея подруги, не удивлялись ничему, спокойно относясь къ существующему порядку вещей. Но она задала себѣ

вопросъ: почему я, какъ женщина, существо низшее?

Вѣрно ли это или это только придумано мужчинами?

Итакъ, идя отъ вопроса къ вопросу и постепенно уясняя себѣ самое себя, пришла она къ рѣшенію сдѣлаться студенткой. Почему же теперь отказывается она отъ этого рѣшенія? Эрна задумалась. Мужчины утверждаютъ, пришла ей мысль, что женщины не могутъ мыслить логически. Но кто учился латинскому языку, у того голова сама собою начинаетъ работать логически. Невольно она перевела на латинскій языкъ вопросъ: — Почему ты уходишь отсюда?--Отъ нужды!

— У тебя нѣтъ денегъ! Она разсердилась, но, провѣривъ себя, успокоилась: да, немного она боялась лишеній.

Ее избаловали, изнѣжили, разслабили...

— Съ досады,—подсказалъ другой голосъ.—Тебя возмутило, что твои друзья или, лучше сказать, твой единственный другъ покинулъ тебя. Но развѣ нѣтъ у тебя преданнаго друга на всю жизнь, который дѣйствительно любитъ тебя и не оставитъ тебя, пока ты жива? Его зовутъ Эрна Бауэрнфейндъ и ты можешь быть увѣрена, гдѣ будешь ты, тамъ и она и будетъ помогать тебѣ, насколько можетъ!

И снова спросила Эрна себя:—Почему ты уходишь отсюда?

— Изъ чувства долга! — сказалъ третій льстивый голосъ.—Ты отдала свою руку Джону и не свободна уже! Ты не можешь нарушить свободно данное торжественное обѣщаніе! Это твоя обязанность!

А четвертый голосъ предупредительно добавилъ:— И изъ чувства благодарности! Ты сама признаешь, что многимъ обязана Джону Генри! Ты въ долгу у него, и этотъ долгъ можешь заплатить лишь тѣмъ, чѣмъ еще владѣешь и что одно и нужно ему—тобою! Эту жертву ты должна принести въ память отца!

Эрна гордо выпрямилась. Она почувствовала, какъ бурно заговорило въ ней чувство собственнаго достоинства. Нѣтъ и нѣтъ! Высшая обязанность человѣка—по отношенію къ самому себѣ! Если онъ самъ по себѣ ничто, то и для другихъ останется навсегда не болѣе, какъ блѣдной тѣнью. Если онъ въ разладѣ съ тобою, то не можетъ и съ другими быть въ согласіи. Если онъ не побѣдитъ себя, то другіе его побѣдятъ и уничтожатъ, какъ дитя уничтожаетъ изъ любопытства игрушки.

Я — это я! — сурово сказала она себѣ. „Никто не можетъ требовать, чтобы я была иною. Тогда я уже не буду собою! Это будетъ самоубійство! Можно ли принуждать къ самоубійству? Защищаться противъ него даетъ мнѣ право сама природа!

Да! Но почему же ты не защищаешься? Почему уходишь отсюда?

Неужели отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ? Неужели перечисленныхъ ею причинъ достаточно, чтобы похоронить всѣ свои желанія, надежды, свое „я"? Достаточны для такого человѣка, какъ она? молодого, сильнаго, гордаго, полнаго жизни, огня и честолюбія? Она смѣло заглянула въ свое сердце и отшатнулась со страхомъ: изъ глубины его раздался послѣдній, могучій, громкій голосъ: „Ты любишь Джона Генри! Любишь его, какъ и онъ тебя! Онъ, твой повелитель, смотрящій на тебя сверху внизъ, представляющій тебя ничтожной и слабой, чтобы можно было охранять и защищать тебя! Онъ не оставитъ тебѣ ничего своего, ты должна слиться съ нимъ всѣмъ своимъ существомъ, быть отраженіемъ его духа, его подобіемъ, созданіемъ его воли! Съ сладкимъ замираніемъ ты смотришь въ бездну и все, что есть въ тебѣ женственнаго, нѣжно шепчетъ тебѣ: какъ хорошо испытать уничтожающую силу этого человѣка и его возрождающую любовь! Какъ хорошо быть совсѣмъ другимъ созданіемъ, женщиной, имя которой—слабость! Къ

этой слабости и стремится его сила, ее онъ любитъ ожесточенною и страстною любовью! Этой слабости ты принесла въ жертву то, чѣмъ была и хотѣла быть! Все это умерло, исчезло! Ты считала себя довольно сильной для союза съ нимъ въ болѣе высокомъ смыслѣ! Ты хотѣла смѣло глядѣть ему въ глаза, какъ другъ и товарищъ, свободно и весело итти съ нимъ объ руку вмѣсто того, чтобы боязливо прижиматься къ нему. Такъ было бы лучше для тебя и для него. Но судьба взвѣсила тебя и нашла слишкомъ легкой. Ты думаешь, что любишь Джона Генри слишкомъ сильно, нѣтъ! Ты слишкомъ мало любишь его. Въ тебѣ нѣтъ той возвышенной любви, которая остается вѣрной себѣ и не уступаетъ даже любимому человѣку. Ты выдержала бы испытаніе, еслибъ изъ любви побѣдила бы любовь!

Эрна опустилась на скамью, съ унылымъ и усталымъ видомъ опершись головою на руку. Теперь все было ей ясно, и яснѣе всего было сознаніе, что всѣ ея размышленія не дали ей силы прійти къ какому-нибудь рѣшенію. Она чувствовала себя, какъ хромой, которому сказали бы: „Встань и ходи!“ Онъ отвѣтилъ бы: „сотвори чудо, и я пойду“!

Но можетъ ли случиться чудо? что-нибудь неожиданное? Вернется ли ея свобода? Эрна чувствовала, что, получи она малѣйшій толчекъ извнѣ, она встанетъ и снова пойдетъ къ намѣченной цѣли и не дастъ увезти себя въ далекую рейнскую равнину, а вернется на освѣщенныя луною высоты, господствующія надъ городомъ музъ.

Въ сумеркахъ почти не видно было города. Только возвышались надъ ними колокольни, и съ нихъ доносились издали звуки колоколовъ и шли къ блѣдному весеннему небу, да виднѣлись надъ долиной и горами развалины замка, еще разъ показавшіяся Эрнѣ на прощанье въ блѣдно-розовомъ, потухающемъ свѣтѣ.

Прохладный вѣтерокъ приносилъ лѣсной запахъ съ горныхъ вершинъ, которыя черными волнами вздымались одна надъ другой, а надъ ними сверкали звѣзды.

А тутъ, внизу, пыхтѣли, стучали и дымились локомотивы, кричали носильщики. Поѣздъ былъ поданъ. Пора было прійти Джону Генри, но Эрна знала, что онъ не опоздаетъ. Время было у него разсчитано по минутамъ при помощи хронометра. Пока пссажиры займутъ мѣста, пройдетъ еще, навѣрное, минутъ пять.

У вагона передъ Эрной происходила толкотня. Толпа студентовъ въ пестрыхъ шапочкахъ провожала товарища, который, какъ поняла Эрна изъ разговора, „былъ вызванъ старикомъ“, т. е. передъ началомъ семестра долженъ былъ съѣздить къ отцу въ имѣніе. О прежнихъ торжественныхъ, романтическихъ проводахъ бурша его сотоварищами не могло быть и рѣчи среди прозаической обстановки вокзала, и молодые люди, повидимому, не особенно были растроганы прощаніемъ съ товарищемъ, но по старинному обычаю они затянули, сначала неувѣренно и нестройно, а потомъ все съ большимъ воодушевленіемъ тоскливо-жалобную пѣсню: „васъ покидаетъ старый буршъ! Прощай!“

Голоса ихъ были необработаны, рабочіе съ телѣжками, на которыхъ они везли багажъ, прерывали ихъ пѣніе криками „берегись“, стоявшіе вокругъ англичане смотрѣли на студентовъ съ изумленіемъ и любопытствомъ, и тѣ наконецъ въ смущеніи умолкли.

Но уѣзжавшій не потерялъ самообладанія. Онъ стоялъ у открытой двери купе въ прежнемъ веселомъ настроеніи, съ покраснѣвшимъ отъ вина красивымъ молодымъ лицомъ и мягкимъ, звонкимъ юношескимъ голосомъ продолжалъ пѣть послѣднюю строфу прощальной пѣсни. Другіе подхватили ее.

Все вдаль, все вдаль мой путь ведетъ—
Прощай!

Отъ старыхъ городскихъ воротъ!
Прощай!
Мой путь, мой духъ не знаютъ узъ,
Прощай!
Благословенъ будь городъ музъ!
Прощай! Прощай! Прощай!

„Благословенъ будь, городъ музъ“ Эрна отошла въ сторону. Глаза ея наполнились слезами. Необъяснимой горечью и тоской наполнила ея душу прелесть Стараго Гейдельберга, который она должна была оставить навсегда. Эрна старалась внушить себѣ благоразуміе. Что собственно случилось? Молодой подвыпившій студентъ пропѣлъ давно знакомую пѣсню (кондукторъ уже предложилъ ему прекратить пѣніе),—вотъ и все! Но она затронула сердце Эрны, и именно словами „городъ музъ“. Городъ, люди, замокъ, ландшафтъ, университетъ — все это издавна въ мечтахъ и думахъ являлось ей идеаломъ. Это было обѣтованная земля, куда она стремилась и гдѣ уже была мысленно прежде, чѣмъ увидѣла ее въ дѣйствительности. Тутъ былъ новый для нея міръ науки, который неудержимо привлекалъ ее къ себѣ и долженъ былъ сдѣлать изъ нея разумнаго и зрѣлаго человѣка двадцатаго столѣтія. Эрна не обманывала себя. Для большинства ея подругъ не пришло еще время вступить въ этотъ міръ. Но она чувствовала въ себѣ силу проникнуть въ него. Для нея наука не ядъ, а чистый ключъ, образовавшійся среди темныхъ горъ изъ сотни источниковъ. Надо было только подойти къ нему, чтобы почерпнуть изъ него мудрости.

Знаніе—сила! Знаніе—свобода! Теперь Эрна подошла къ окончательной разгадкѣ, почему ей такъ жалко Гейдельберга: тутъ была для нея свобода, а свобода—высшее благо.

Кто хочетъ облагородить свою жизнь, — тотъ долженъ быть свободнымъ. Кто хочетъ себя и свою жизнь отдать другимъ, долженъ быть свободнымъ. Только то имѣетъ значеніе и силу, что дается и принимается свободно. Все другое лишь унижаетъ. Совмѣстная ея жизнь съ Джономъ Генри была бы принудительной и потому недостойной ихъ обоихъ. Эрнѣ показалось удивительнымъ, что она поняла это только теперь. Вѣдь Джонъ Генри принуждалъ ее — правда, она сама дала ему поводъ къ тому,—повиноваться ему изъ благодарности и любви.

Но есть другая, высшая форма повиновенія,—когда свободный человѣкъ повинуется другому—добровольно, приноситъ ему свое сильное, мужественное „я“ отъ всего сердца и тѣмъ доказываетъ величіе своей жертвы. Если когда-нибудь Джонъ Генри будетъ имѣть ее, Эрну, своей женой, то получитъ ее, какъ свободный даръ, какъ богатый королевскій подарокъ. И тогда лишь этотъ даръ будетъ достоинъ ея.

Гордость наполнила душу Эрны, возвысила ее въ собственныхъ глазахъ, сдѣлала ее сильной и бодрой. Тутъ, на этихъ горахъ, ожидали ее тяжелые дни, печальныя недѣли, можетъ быть, нужда и заботы. Но что все это значитъ для человѣка, сознаніе котораго втихомолку, но неуклонно подстрекало его познать себя, хотя бы въ послѣднюю минуту рѣшительнаго испытанія?

Теперь она уже не собьется съ вѣрнаго пути!

Эрна встала, и ноги ея сами собой направились къ выходу, и она не удивилась этому. Такъ и должно быть!

Эрна шла быстро — ей оставалось до прихода Джона одна-двѣ минуты. Въ концѣ зала она повернула въ сторону. Тамъ мелькали шапочки „херусковъ“. Она узнала молодого графа и другого студента, которымъ вчера проповѣдывала въ лодкѣ и которые поджидали здѣсь будущаго товарища по университету, чтобы завладѣть имъ прежде другихъ корпорацій. Эрна не хотѣла, чтобы ее здѣсь видѣли. Она свернула направо и пошла по уединенной дорожкѣ подъ деревьями. Тутъ только вздохнула она свободно. Возврата уже не было!

Оставалось только идти впередъ, на борьбу за существованіе. И предъ ней вставалъ грозный вопросъ: побѣдитъ она или погибнетъ? „Можетъ быть, умру съ голода"! думала она. „Такъ что же! Тогда онъ будетъ уважать меня все-таки больше, чѣмъ еслибъ я стала теперь его женой, такой женой, какъ онъ хочетъ! Онъ высоко цѣнитъ себя и правъ! Поэтому онъ долженъ научиться цѣнить и меня. Когда я буду такимъ же сильнымъ и цѣльнымъ человѣкомъ, какъ онъ, тогда можетъ онъ снова просить моей руки. Тогда получитъ онъ меня, какъ свободный даръ, какъ богатый царскій подарокъ"!

XIV.

Эрна шла все дальше и дальше. Опредѣленной цѣли у нея не было. Ей хотѣлось только уйти отъ того мѣста, гдѣ поддалась она слабости, которая рѣшила бы всю ея судьбу. Она прошла мимо неосвѣщенныхъ оконъ своей квартиры. Ей не хотѣлось сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Она чувствовала потребность подышать свѣжимъ воздухомъ; ее подкрѣпляла и давала ей силы, желаніе жизни и свободы бодрящая прохлада, которая, какъ въ Италіи, слѣдуетъ здѣсь за закатомъ солнца. Кромѣ того, если Джонъ Генри остался въ Гейдельбергѣ, то прежде всего станетъ искать ее дома.

Но, конечно, онъ не остался. Эрна покачала головой. Она хорошо знала Джона Генри: уже то, что онъ пріѣхалъ за ней, было для него тяжелой жертвой. Онъ считалъ своей обязанностью объяснить ей ея положеніе и предупредить ее, что и сдѣлалъ безпощадно—и вотъ ея отвѣтъ: она идетъ одна по окутаннымъ сумерками улицамъ, съ гордо закинутой головой, навстрѣчу мраку и неизвѣстности. Она не нуждается въ его помощи и не хочетъ его власти! Онъ долженъ это понять, когда, вернувшись на вокзалъ, не найдетъ ея тамъ. Въ первыя минуты онъ подумаетъ, что произошло недоразумѣніе, будетъ разыскивать ее въ въ вагонахъ, бѣгать туда и сюда по платформѣ, пока не убѣдится, наконецъ, что она ушла отъ него. Тогда онъ уѣдетъ, если не съ этимъ же поѣздомъ, то съ слѣдующимъ. Во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлаетъ новаго шага къ сближенію.

Время подумать у нея еще есть. Если она употребитъ его съ пользой, если ей посчастливится завоевать почву, твердо стать на ноги безъ посторонней помощи, то она все объяснитъ Джону Генри письменно. А пока пусть онъ ѣдетъ отсюда, оставаясь по виду такимъ же спокойнымъ, какъ всегда, и выдавая свое раздраженіе и досаду лишь безпокойными взглядами да нервнымъ пожевываньемъ сигары между зубами. Помочь ему она не можетъ.

Такъ должно быть, какъ бы это ни было тяжело и для нея, и для него! Не смотря ни на что, она полна теперь увѣренности въ себѣ и радостныхъ надеждъ, на сердцѣ у нея легко, походка бодра, глаза блестятъ.

Она покончила съ своимъ разладомъ. Остальное все устроится само собою. Пробиваются же другіе къ цѣли! И наконецъ — эта мысль постоянно приходила ей въ голову, хотя казалась ей не вполнѣ вѣроятной—самое большое—она умретъ съ голоду!..

Надъ ней зашумѣли высокія деревья. Погрузившись въ свои мысли, Эрна незамѣтно для себя взобралась по дорожкѣ къ замку и дошла до входа въ него. Вокругъ не было ни души, только изъ сверкающаго огнями города доносился сюда неясный гулъ, въ который сливались безчисленные звуки да тяжелый бой башенныхъ часовъ, пробившихъ семь. Въ паркѣ была глубокая тишина. На небѣ стояла полная луна. Ея яркій серебристый свѣтъ озарялъ деревья-великаны и дворецъ, плющъ, мрачнымъ покровомъ скрывавшій

стѣны, струи воды; онъ сглаживалъ и смягчалъ все заброшенное, отжившее и разрушенное временемъ. Подъ его лучами не замѣтно было слѣдовъ разрушенія, произведенныхъ человѣческой рукой или молніей, дождемъ и морозомъ. Увитые зеленымъ плющемъ, озаренные голубоватымъ свѣтомъ, эти сложенные изъ песчанника дворцы, башни и стѣны въ свое время должны были быть такими, какими предстали теперь передъ взорами Эрны, медленно проходившей подъ деревьями — молчаливыми и торжественными въ своемъ молчаніи. Глазомъ художника смотрѣла Эрна на величавыя меланхолическія развалины.

Распавшіеся камни говорили о недолговѣчности созданій человѣческихъ, а надъ ними вѣяло дыханіе вѣчной красоты, которую нельзя истребить, изгнать изъ міра, которая возрождается сама собою. Когда при ликованіи разрушительныхъ французскихъ ордъ одно изъ чудесъ искусства Возрожденія на сѣверѣ отъ Альповъ, пфальцскій замокъ на Неккарѣ, былъ объятъ пламенемъ, изъ него, какъ фениксъ, снова возстала Красота. Когда разсѣялось послѣднее облако дыма отъ взорванныхъ минъ и отъ великолѣпнаго зданія остался лишь почернѣвшій скелетъ, Красота снова проскользнула сюда незамѣтно, неслышно, подъ видомъ отростающаго плюща, зеленѣющей травы, покрытыхъ молодыми почками деревьевъ и сострадательно накинула на голые камни посланный имъ природою покровъ, и они стали еще великолѣпнѣе, чѣмъ прежде, и мрачное въ своемъ великолѣпіи, грозное укрѣпленіе превратилось въ сказочный замокъ, какой можетъ создать только фантазія, который своимъ привлекательнымъ, веселымъ и величавымъ видомъ придавалъ благородство горамъ, долинѣ и рѣкѣ у подножія его развалинъ.

Эрна вошла на залитый луннымъ свѣтомъ пустынный дворъ замка. Въ этой тишинѣ, гдѣ звукъ ея шаговъ повторялся безчисленными каменными плитами, Эрна испытывала немного жуткое, но въ то же время торжественное, глубокое чувство. Передъ ней вздымался величаво фасадъ жилища Отто-Генриха. Сквозь отверстія оконныхъ сводовъ мертваго дворца виднѣлись звѣзды, а въ стѣнѣ недавно возобновленнаго дворца Фридриха неподвижно, какъ стражи, стояли каменныя фигуры повелителей Пфальца въ своихъ высокихъ нишахъ; бородатые мужчины въ своихъ роскошныхъ изваянныхъ изъ камня одеждахъ, казалось, привѣтливо кивали головой, чувственно улыбались женскія лица, арки и колонны поднимались вверхъ легко и граціозно, несмотря на скрытую въ нихъ мощь, а горный вѣтерокъ, проникавшій сквозь крыши и отверстія разграбленнаго замка, насмѣшливо шепталъ ему: что ты такое? Четыре стѣны, которыя даже нищаго не могутъ укрыть отъ дождя и росы! А люди останавливаются передъ тобою въ изумленіи. То, что воздвигло тебя здѣсь, само давно уже разбилось въ прахъ, какъ безполезное для нашего времени. А фантазія сплетаетъ тебѣ новый покровъ и оживляетъ то, что давно умерло, старыми, таинственными словами нѣмецкихъ сказокъ: „Былъ когда-то"...

Эта торжественная картина, эти озаренныя луной, покрытыя богатыми арабесками стѣны, съ охраняющими ихъ молчаливыми блѣдными рыцарями, скрывающія въ себѣ лишь мусоръ и деревья, дающія пріютъ лишь ночному вѣтерку; возлѣ нихъ, у фонтана, какъ чужестранцы въ этомъ царствѣ краснаго, кажущагося теплымъ, какъ живое тѣло, песчанника, четыре сіенитовыя колонны изъ дворца Карла Великаго на Рейнѣ; дальше, какъ уголокъ погруженнаго въ волшебный сонъ замка, аркады итальянскихъ ложъ въ пышно разросшемся плющѣ, —все это былъ особый міръ, про-

тивоположный нашей дѣйствительности. Эрна, у которой въ ушахъ стояли еще свистки, стукъ колесъ и шумъ вокзала, недовѣрчиво оглядѣлась вокругъ себя. Тамъ, внизу, былъ двадцатый вѣкъ съ своей безпощадной культурой, дымомъ и стономъ машинъ, безумной суетой возбужденныхъ людей, а здѣсь — средніе вѣка... Нѣтъ, даже не то — французы, къ счастью, уничтожили все средневѣковое! Здѣсь было нѣчто внѣ времени, живущее печальной, но возвышенной и красивой жизнью, кусочекъ сказочнаго острова, удаленный отъ всего свѣта, тихій и мирный.

Здѣсь чувствовалось, какъ въ храмѣ, и все мелочное и злободневное само собою спадало съ души. Эрна испытывала въ то же время легкій таинственный страхъ, сознавая себя такой одинокой среди камней и шумящаго лѣса, такой одинокой! Привидѣній здѣсь, конечно, не было! Пфальцграфы и графини, ихъ рыцари, всадники, придворные шуты и карлики умерли и не могли ожить. Французы пустили по вѣтру ихъ прахъ. Но въ такомъ мѣстѣ могли быть видѣнія. При мѣсяцѣ можно увидѣть несуществующее — бѣлыхъ женщинъ, и испугаться. Лучше вернуться домой.

Вдругъ Эрна услышала, что подъ сводами воротъ кто-то идетъ. Шаги были быстрые и мелкіе, какъ у ребенка, но сопровождались они сердитымъ ворчаньемъ старика. Отступленіе для Эрны были невозможна... Она принуждена была остаться и ждать... на душѣ у нея было очень непріятно... И вотъ на освѣщенномъ мѣсяцемъ пространствѣ вынырнула фигурка карлика, который быстро направился къ молодой дѣвушкѣ. Эрна въ первую минуту подумала: Великій Боже! Да это самъ Перкео! Онъ направляется теперь къ своей громадной бочкѣ посмотрѣть, есть ли тамъ еще хоть нѣсколько капель вина. Потомъ она съ облегченіемъ вздохнула, готовая почти разсмѣяться. Конечно, это былъ Перкео! Третьяго дня вечеромъ она сама такъ окрестила его, потому что у этого карапузика была такая большая голова съ огромной лысиной, потому что онъ любилъ вино, ненавидѣлъ женщинъ и такъ сердито сверкалъ глазами, когда рѣчь заходила о дочеряхъ Евы!

Давидъ Галлюсъ остановился, непріятно пораженный, вытеръ старомоднымъ краснымъ платкомъ лобъ, на которомъ отъ истребленнаго въ неумѣренномъ количествѣ алкоголя блестѣли капли пота, и жалобнымъ голосомъ пробормоталъ.

— О, Боже мой!

Онъ былъ въ томъ переходномъ состояніи между днемъ и ночью, когда два жившія въ немъ противоположныя существа боролись между собою.

— И здѣсь видѣнія! Прежде этого на было. Полиція не должна этого допускать. Днемъ англичане, ночью — духи! Когда же, наконецъ, можно отдохнуть?

— Я хотѣла бы быть духомъ, господинъ Галлюсъ! — печально сказала Эрна. — Тогда мнѣ не нужно было бы ни ѣсть, ни пить, ни платить за квартиру, а это было бы мнѣ очень пріятно!

Карликъ на цыпочкахъ подошелъ къ ней и осторожно тронулъ ее за руку.

— Вѣдь вы же уѣхали со скорымъ поѣздомъ! — сказалъ онъ. — Это доказано двумя свидѣтелями — Ганкеле и Штумпе. Первый научно доказанный примѣръ раздвоенія личности! Очень интересно! Какъ это вы сдѣлали, моя милая?

Эрна засмѣялась надъ важностью пьянаго карлика.

— Я не уѣхала! А еслибъ я была духъ, развѣ вы не испугались бы?

— Духа? нѣтъ! Я часто вижу духовъ въ полночь, когда весь міръ начинаетъ вертѣться у меня передъ глазами. Эта большая карусель меня забавляетъ даже. Но къ живымъ женщинамъ у меня глубокое отвра-

щеніе!—Онъ вдругъ испуганно отскочилъ отъ Эрны.

— Я знаю васъ! Но въ свою лабораторію васъ не пущу, хотя бы вы приставали ко мнѣ десять разъ! Вы не должны быть тамъ. Я запру дверь. Дѣлайте съ своей фабрикой, что хотите. Сожгите ее, продайте, но меня...

— У меня уже нѣтъ фабрики!—сказала Эрна. — Это было видѣніе, подобное тѣмъ, которыя являются вамъ въ полночь за бутылкой вина. Теперь я, какъ улитка безъ своей раковины, жалка и безпріютна! Что вы на это скажете, г. Галлюсъ?

— Все это мнѣ безразлично!—сердито проворчалъ карликъ и двинулся дальше невѣрными шагами.—Я пришелъ сюда, чтобы бесѣдовать съ Міровымъ Духомъ, и о земныхъ вещахъ ничего знать не хочу. Пойдемте со мною! Я покажу вамъ этого духа. Тогда вы увидите, какъ мало значенія имѣете вы и ваша раковина!

Хорошенькая студентка смущенно и робко пошла рядомъ съ пошатывающимся маленькимъ Перкео, который достигалъ ей только до плеча. Онъ довѣрчиво взялъ ее за руку, уставившись своими зелеными глазами въ пространство.

— Гинкеле! — разсѣянно сказалъ онъ,—вы и полицейскій слишкомъ много занимаетесь Спинозой. Прочитайте сначала Аристотеля и Лейбница, потомъ... ахъ!..—Онъ пришелъ въ себя и посмотрѣлъ на Эрну.—Видите ли, моя милая, я бываю въ очень дурномъ обществѣ—въ обществѣ самого себя—а этого ни одинъ человѣкъ не можетъ вынести долго. Знаю я молодца—пьяница и человѣконенавистникъ! Вотъ я, убѣгая отъ самого себя, я и вызываю разныхъ дрянныхъ духовъ! Въ полночь! Дворники и торговцы собаками — моя свита! И начинается бѣганье изъ трактира въ трактиръ! Нѣтъ ли гдѣ-нибудь еще хоть капли вина въ полночь? — Онъ сказалъ это нараспѣвъ, тихимъ и печальнымъ голосомъ. — Я бывалъ собутыльникомъ нашего Іосифа Виктора Шеффеля, Онъ совсѣмъ не такъ много пилъ, какъ говорятъ. Это клевета, клевета! Но, конечно, не воду! Вода—ядъ. Въ ней безчисленные кокки, микробы и бациллы кишмя-кишатъ! Подобные китамъ, если разсматривать ихъ въ микроскопъ! Каждый день крываемъ мы, ученые, новыя существ и благодаря своимъ микробамъ поселяемъ въ людяхъ отвращеніе ко всему на свѣтѣ. Вы пили когда-нибудь воду, милѣйшій? Кто вы такой? Почему я не вижу васъ въ моей лабораторіи?

— Вы хотѣли показать мнѣ Мірового Духа!—сказала Эрна, выведенная изъ терпѣнія этой безсвязной болтовней.—Карликъ вздрогнулъ и кивнулъ головой.

— Отсюда!—прошепталъ онъ таинственно.—Съ террасы!

Терраса замка сверкала подъ луннымъ свѣтомъ почти бѣлымъ ослѣпительнымъ блескомъ. Болѣе темная стѣна дворца Фридриха замыкала это пустынное тихое пространство. Внизу, глубоко въ долинѣ свѣтился огоньками городъ, и сверкала волнами рѣка. Широкимъ полукругомъ подымались вдали черныя горныя вершины. Но Давиду Галлюсу ни до чего не было дѣла. Онъ слегка прикоснулся пальцами къ своей спутницѣ и молча, съ торжествующей улыбкой указалъ ей на небо. Тамъ, какъ безчисленныя искры, свѣтились въ бездонной глубинѣ звѣзды. Свѣтлые кружки планетъ, яркія лучистыя звѣзды большихъ созвѣздій, слабый блескъ затерянныхъ въ непознаваемомъ пространствѣ небесныхъ тѣлъ, подобный блеску свѣтящихся червячковъ, наконецъ, прозрачная бѣловатая дымка млечнаго пути,—все, какъ будто нарочно созданное для земли, походило на усѣянный драгоцѣнными переливающимися камнями сводъ, хранящій подъ собою какое-то сокровище.

— Ну?—съ любопытствомъ спросилъ Перкео, улыбаясь. Эрна, не понимая, вопросительно посмотрѣла на него. Онъ съ недовольнымъ видомъ

покачалъ своей огромной лысой головой, которую съ трудомъ поддерживало хилое туловище. — Вамъ не знакомы звѣзды?

— Конечно знакомы!—сказала поспѣшно Эрна. — Вотъ Полярная звѣзда, тамъ Большая Медвѣдица, а это...

— Слова, слова, слова! — кротко прервалъ ее Давидъ Галлюсъ. — Милыя дѣти, вы повторяете заученныя слова! Не нужно словъ! У кого есть горе, тотъ пусть только посмотритъ на звѣзды. А у васъ горе! Иначе вы не были бы такъ блѣдны и не бродили бы тутъ при лунѣ, разыскивая свою потерянную раковину. Зачѣмъ? Я спрашиваю васъ еще разъ, кто вы? Человѣкъ! Хорошо! На землѣ нѣсколько тысячъ милліоновъ людей. Земля же неизмѣримо маленькій комочекъ глины, самъ по себѣ совершенно темный и издали невидимый, который съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ шариковъ и еще болѣе легкихъ тѣлъ, съ лунами, метеорами, сатурновыми кольцами и тому подобными дѣтскими игрушками кружится около солнца, какъ комаръ вечеромъ вокругъ носа какого-нибудь философа. А солнце воображаетъ, что оно что-то необыкновенное. Ахъ, милая моя, все, что тамъ сверкаетъ—каждый этотъ свѣтящійся червячокъ—тоже солнце съ цѣлой свитой такихъ спутниковъ, какъ земля, луна, комары и люди. Еслибъ мы посмотрѣли въ телескопъ, то изъ мрака выступили бы еще новыя солнца, которыхъ мы теперь не видимъ, а вокругъ каждаго солнца кишатъ такія песчинки, какъ наша земля, о которыхъ никто не безпокоится, потому что онѣ лишь летучая темная пыль, отбросы и соръ, а на каждой пылинкѣ сидятъ милліарды людей, воображающихъ, что они что-то очень значительны. Если же мы разсмотримъ съ какой-нибудь обсерваторіи въ телескопъ млечный путь, то окажется, что онъ состоитъ тоже изъ солнцъ, не отдѣльныхъ, а насыпанныхъ сотнями тысячъ и милліонами, безчисленныхъ какъ песокъ морской или блохи; и вокругъ каждой такой огненной блохи вертится карусель изъ шариковъ, подобныхъ землѣ, маленькихъ и темныхъ, на которыхъ разыгрывается міровая исторія и такіе, какъ я, безполезные старики, пьютъ съ проводниками красное вино, а безполезныя молодыя дамы стремятся въ лабораторіи. И мы начинаемъ, наконецъ догадываться, что все это не имѣетъ ни начала, ни конца. Въ самые лучшіе телескопы мы видимъ не дальше своего носа. Нѣсколько милліоновъ звѣздъ и планетъ, которыя мы видимъ и о которыхъ думаемъ, что знаемъ ихъ, всѣ вмѣстѣ лишь летучая пылинка въ безконечности. И повсюду человѣкъ сидитъ, какъ земляная блоха на песчинкѣ, кружится вмѣстѣ съ нею и улыбается высокомѣрно и самодовольно, какъ будто все это выдумалъ онъ, а самъ не знаетъ, куда онъ мчится, отчего происходитъ движеніе и когда оно прекратится. Всю эту исторію можно представить и въ противоположной формѣ. Я смотрю въ микроскопъ и вижу въ каплѣ воды весь ходъ всемірной исторіи. Тогда я играю роль Міроваго Духа, а инфузоріи ломаютъ себѣ голову надъ вопросомъ, какой смыслъ имѣетъ вся эта исторія! И ужасно смѣшно смотрѣть, милая барышня, какъ вы въ этой каплѣ воды разсуждаете, среди милліарда другихъ инфузорій, о женскомъ вопросѣ и отыскиваете пропавшую фабрику. Сиѣшонъ и я съ полицейскимъ Бадіоромъ, трактирнымъ слугой и извозчикомъ, котораго зовутъ Штумпе. Мы и въ каплѣ воды и на милліардахъ солнцъ,—это одно и то же,— ничто. Большое это утѣшеніе и успокоеніе для такой старой инфузоріи, какъ я, особенно въ сумерки, на границѣ между дневнымъ свѣтомъ и ночнымъ опьяненіемъ, когда стоишь на террасѣ гейдельбергскаго замка и смотришь внизъ на трактиръ подъ названіемъ „Виноградная лоза“. Я,

какъ ракету, пускаю все свое горе вверхъ, къ звѣздамъ, и оно разлетается въ прахъ. Поступите и вы такъ, моя милая!

Эрна не знала, что ему отвѣтить.

— У васъ тоже есть горе?—несмѣло спросила она.

Маленькій Перкео печально посмотрѣлъ на нее. Его большіе зеленые глаза блестѣли, какъ стекло. Вліяніе алкоголя, отъ котораго онъ освободился на нѣсколько минутъ, снова сказалось теперь, и Давидъ Галлюсъ заговорилъ опять озлобленно и безсвязно.

— Горе?—повторилъ онъ тихо и удивленно.—Да! Развѣ женщины не существуютъ? Развѣ я не уродливый карликъ? Проклятый буквоѣдъ? Я остался такимъ же маленькимъ, какъ былъ въ дѣтствѣ. Развѣ вы, женщины, не смѣялись надо мною? Не презирали меня?

Не проходили мимо, не обращая вниманія? Развѣ вы не враги мои? Развѣ не горе имѣть враговъ?.. Гинкеле... говорю вамъ...—Онъ инстинктивно искалъ опоры въ своемъ спутникѣ.—Я ненавижу женщинъ! И вотъ мнѣ пришло въ голову. Ну хорошо! Надо и мнѣ получить свою долю удовольствій. Долой заботы! Жена моя уже три дня занята уборкой дома! Впередъ, Гинкеле! Давайте вина!

Онъ, уже не обращая больше никакого вниманія на Эрну, бѣжалъ впередъ, думая догнать своего ментора, и все ускорялъ шаги. Эрна смотрѣла ему вслѣдъ. Только теперь она замѣтила, что онъ былъ совсѣмъ пьянъ, и радовалась, что осталась одна. Слова маленкаго чудака странно звучали у нея въ ушахъ. Еще вчера думала она о томъ, почему онъ сталъ такимъ злымъ врагомъ женщинъ и, какъ только заходила о нихъ рѣчь, закипалъ отъ ярости. Вѣдь онѣ ничего не сдѣлали ему! Теперь она знала: оттого-то онъ и озлобленъ былъ, что онѣ не сдѣлали ему *ничего*—ни дурного, ни хорошаго. Какъ и всякій другой, онъ тяготѣлъ къ нимъ, а онѣ не обращали вниманія на бѣднаго ученаго карлика. Другіе жили и страдали, любили и ссорились, а онъ стоялъ отъ всего вдали, какъ пугало. И это озлобило его, и его зависть приняла форму ненависти. Но разъ въ жизни, какъ можно было заключить по его послѣднимъ словамъ, онъ услышалъ отъ женщины „Да"! и вообразилъ, что и ему выпало на долю счастье. Но скоро наступило горькое разочарованіе. Съ одной стороны—замкнутое въ себѣ, одинокое, жаждующее любви сердце,—съ другой... О, Эрна живо представила себѣ его раздраженную и истощенную жену съ ничего не выражающимъ блѣднымъ лицомъ, погрузившуюся въ тысячу мелочей повседневной жизни. Она, вѣроятно, и не подозрѣвала, что такое спутникъ ея жизни. И что она могла сдѣлать, ограниченная такимъ узкимъ горизонтомъ? Бѣдная мѣщаночка вышла замужъ за состоятельнаго, немолодого уже чудака, чтобы пристроиться, и именно по этой причинѣ съ особеннымъ усердіемъ исполняла то, что считала своей обязанностью, какъ хозяйка и жена, изнуряла работой себя и другихъ, бранилась, вѣчно гремѣла кухонной посудой—все изъ-за заботливости о мужѣ, выгоняла его изъ дому, допустила его опуститься и одичать духовно и физически и не только не понимала, что вина въ этомъ лежитъ на ней, но еще жаловалась, что Давидъ, который холостякомъ велъ себя такъ солидно, женившись, привыкъ къ трактирной жизни. И для Давида Галлюса женщина представлялась только въ двухъ видахъ—ожесточенной хозяйкой или синимъ чулкомъ. Найти средину между тѣмъ и другимъ—вотъ въ чемъ дѣло! Эрна вспомнила, что ея женихъ, когда они съ нимъ говорили о женской эмансипаціи, привелъ ей арабскую поговорку: „Я господинъ, ты господинъ, кто же будетъ чистить лошадь"? или, если перевести эту поговорку

на современный языкъ: „Я мужчина, ты хочешь походить на мужчину, кто же будетъ заботиться о кухнѣ и о дѣтяхъ“? Это обычный упрекъ всѣхъ филистеровъ. Въ этотъ часъ, когда она добровольно отказалась на долгое время, можетъ быть, навсегда, отъ всего, что для женщины ея лѣтъ кажется счастьемъ: отъ дружбы и поддержки мужа, семейной жизни, домашняго очага, закрытаго отъ взоровъ свѣта и полнаго любви и заботливости, Эрна ясно поняла: — „никогда не можемъ мы походить на мужчинъ! Никогда не поймемъ мы, что можно привыкнуть къ одиночеству. Намъ нужно, чтобъ около насъ были люди, которыхъ мы любимъ. Поэтому, даже достигнувъ высшей степени умственнаго развитія, мы должны остаться женщинами, если хотимъ быть счастливыми, и создать такую систему образованія, такія формы знанія и науки, которыя не были бы рабскимъ подражаніемъ мужчинамъ, а вытекали бы изъ сущности нашего характера, были бы въ согласіи съ свойствами нашей души и тѣла. Тогда для женщины высокаго развитія не будетъ ничего слишкомъ ничтожнаго, она спокойно станетъ переносить мелочи повседневной жизни, потому что будетъ стоять выше ихъ“.

Для такого человѣка, какъ Джонъ Генри, это непонятно. Онъ считаетъ женщину чѣмъ-то въ родѣ тѣни, которая падаетъ отъ мужчины, которая неотдѣлима отъ него и составляетъ съ нимъ одно, съ той лишь разницей, что онъ существо самостоятельное, а она—лишь заимствующее свою жизнь отъ мужчины. Поэтому Эрна и должна уйти отъ жениха. Только тогда дружно и неразрывно пойдутъ они объ руку, когда Джонъ Генри согласится съ ея словами: „Смотри,—я такой же человѣкъ, какъ и ты, также самостоятельна, независима и сильна“! Но кто знаетъ, не падетъ ли она въ изнеможеніи на полпути, какъ одна изъ тѣхъ, которымъ суждено лишь издали взглянуть на обѣтованную страну? Она взглянула на небо и на сердцѣ у нея стало легко. Маленькій Перкео далъ ей утѣшеніе, показавъ ей искрящуюся звѣздами безконечность. И если что можетъ обезоружить судьбу, такъ это простой вопросъ: какое значеніе имѣетъ моя жизнь? Милліарды людей живутъ, любятъ, голодаютъ и умираютъ, и на смѣну имъ являются новые милліарды; милліоны и милліарды звѣздъ носятся въ пространствѣ, за ними лежатъ невѣдомые, неизмѣримые міры, въ которыхъ теряется взглядъ и пространство, и время, и жизнь сливаются въ непостижимое Единство...

Эрна закрыла глаза. Думать больше объ этомъ она не могла. Отказывались и чувства, и разумъ. Спускаясь къ городу, она сказала себѣ: лучше я буду разсматривать міръ, по совѣту Давида Галлюса, какъ каплю воды въ микроскопъ. Все въ немъ волнуется и кипитъ. А въ уголкѣ прижался одинъ изъ самыхъ жалкихъ червячковъ—это я! Какой смыслъ въ его существованіи? И какое значеніе имѣетъ капля воды? Она исчезаетъ, какъ только смахнетъ ее съ стеклянной пластинки чья-нибудь рука...

Эрна была искренне благодарна Перкео. Правда, жизнь слишкомъ тяжела, когда считаешь себя чѣмъ-то важнымъ. Больше веселой смѣлости! Впередъ, впередъ! Кто упадетъ, пусть остается на пути! Въ такомъ настроеніи—половина побѣды. Кто смѣется надъ счастьемъ, за тѣмъ оно бѣжитъ само. Не нужно лишь молить его о милости. Тогда оно отворачивается, польщенное, со смѣхомъ. Кто такъ думаетъ, тому все ни почемъ. Если не предъявлять никакихъ требованій къ жизни и сказать себѣ: „Я отъ нея ничего не жду“! то каждая удача покажется неожиданнымъ и вдвойнѣ пріятнымъ подаркомъ судьбы.

Но тотчасъ же Эрна разсмѣя-

лась:—Мнѣ ждать нечего отъ жизни, не надѣяться на счастье? Въ двадцать два года! Проповѣдуй это другимъ, а не самой себѣ,—сказала она себѣ.—Я твердо вѣрю въ счастье и добьюсь его, надо только имѣть мужество и не отказываться отъ своего „я“! Мужественнымъ принадлежитъ міръ!—Эрна остановилась, посмотрѣла на освѣщенный городъ, на огоньки на далекой равнинѣ, на сверкающія въ небѣ звѣзды и, стиснувъ руки, рѣшительно повторила:—Мужественнымъ принадлежитъ міръ! И я буду мужественна!

Она поспѣшно направилась къ своей квартирѣ.

Ни въ одномъ окнѣ еще не видно было свѣта. Маленькая дантистка уѣхала, а Мета еще не вернулась. Но въ передней Эрна нашла незнакомаго пожилого господина и немолодую даму, которые съ нерѣшительнымъ видомъ кого-то поджидали здѣсь. Маленькій старичокъ имѣлъ видъ француза. У него была снѣжно-бѣлая бородка Henri IV и загорѣлое лицо, но говорилъ онъ понѣмецки не только бѣгло, но даже съ яснымъ пфальцскимъ акцентомъ, такъ что Эрна безъ труда признала въ немъ баварскаго сосѣда съ Рейна.

— Не сочтите за нескромность,—сказалъ онъ, увидѣвъ, что Эрна вынула ключъ отъ своей комнаты и догадавшись, что она живетъ въ этомъ домѣ,—но мы вотъ стоимъ тутъ и не знаемъ, что дѣлать. Не можете-ли вы сказать мнѣ, гдѣ мой сынъ?

— Какъ же это могу я знать?—холодно сказала Эрна, отпирая дверь.

Старичекъ ударилъ себѣ по лбу.

— Ахъ, Боже мой! Дуракъ я!.. Меня зовутъ Бониферъ! Наполеонъ Бониферъ! Отецъ, знаете-ли того...

— Да, я знаю вашего сына!—ласковѣе отвѣтила Эрна, съ любопытствомъ посмотрѣвъ на старую чету: толстый старичекъ былъ еще тѣхъ временъ, когда многимъ предстоялъ тяжелый выборъ между французами и пруссаками; его нѣмецкая рѣчь представляла странную противоположность съ наружностью французскаго дворянина и его именемъ; рядомъ со старичкомъ стояла почтенная матрона съ дѣтскимъ улыбающимся лицомъ, обрамленнымъ сѣдыми локонами.

— Я на вашемъ мѣстѣ еще разъ зашла бы къ доктору Бониферу!—сказала Эрна.

Но старичекъ не далъ ей продолжать.

— О, милая барышня! Я уже былъ тамъ! Въ третьемъ этажѣ! Это мнѣ не подъ силу! И кромѣ этого, мнѣ тамъ сказали, что онъ ушелъ съ фрейлейнъ Виггерсъ.

Эрна молчала. Ей не хотѣлось выдавать сердечную тайну своей подруги.

— И мы пришли сюда!—Продолжалъ старикъ.—Хотѣли узнать, можетъ быть, они здѣсь. Онъ прислалъ мнѣ телеграмму, которая меня очень напугала... всѣ его идеалы погибли, пишетъ онъ... онъ хочетъ уѣхать, чтобы искупить свою вину раскаяніемъ... и Богъ знаетъ, что еще...

— Но въ настоящее время онъ еще здѣсь! сказала Эрна, стоя въ открытой двери. Вотъ онъ идетъ... вмѣстѣ съ Метой Виггерсъ... Прощайте г. Бониферъ!

Съ легкимъ поклономъ она скрылась въ своей комнатѣ, заперла дверь и остановилась въ раздумьи. Защитникъ женскихъ правъ и филологичка, на которыхъ она смотрѣла изъ окна, не представляли сегодня ничего особеннаго по внѣшности. Но проницательный взглядъ Эрны открылъ, что они шли, сцѣпившись мизинцами! Когда дѣло шло о Метѣ, то это означало очень, очень много!..

Въ сосѣдней комнатѣ происходило тоже что-то необыкновенно: тамъ слышался разговоръ, но это былъ не громкій и энергичный разговоръ подвижнаго старика, не нервная порывистая рѣчь его сына, а тихій таинственный шопотъ удивленія, за которымъ ясно раздались рыданія,

Плакали двое—старушка и Мета, голось которой звучалъ теперь неузнаваемо. Вслѣдъ за этимъ раздался смѣхъ сквозь слезы, обѣ женщины начали цѣловаться, а мужчины заговорили взволнованнымъ шопотомъ. Если Мета сняла свое пенсне, чтобы безпрепятственно проливать слезы и даже, — (вѣроятно, съ трогательной неловкостью),—отвѣчала на поцѣлуи, то, значитъ, дѣло зашло далеко! До крайняго предѣла —замужества! Какъ бы то ни было—энергичная она женщина! Студентка сѣла на окно своей темной комнатки, подперла рукой свою хорошенькую головку и печально улыбнулась. „О, Мета, Кто бы могъ подумать!..

Въ сущности, мы всѣ одинаковы. Любовь играетъ и тобой, и мной“! подумала она“.

Голоса въ сосѣдней комнатѣ зазвучали теперь громче и веселѣе. Повидимому, все окончательно уладилось, и родители радовались, что ихъ сынъ отказался отъ своей безумной погони за женщиной двадцать перваго столѣтія, освободился отъ сѣтей Дины Шпильфогель и попалъ подъ опеку хорошей и здравомыслящей женщины нашего вѣка. Теперь онъ очутился въ хорошихъ рукахъ. Мета не позволитъ шутить съ собою. Уже теперь она снова заговорила съ своей обычной, спокойной, самоувѣренной манерой, какъ будто ничего особеннаго не случилось, какъ будто ея обрученіе съ Бониферомъ было самымъ обыкновеннымъ происшествіемъ, котораго она ожидала именно сегодня, въ 7 часовъ 45 минутъ.

— Странно!—подумала Эрна, прижимаясь лицомъ къ стеклу и смотря въ темноту.—Странно, какъ играетъ нами судьба! Три дня тому назадъ, когда я укладывала свой чемоданъ, я была богатой невѣстой. У Меты не было ни жениха, ни богатства. Теперь вышло наоборотъ! Мета нашла своего избранника, я отказалась отъ своего жениха. У нея теперь есть деньги, даже много денегъ—вѣдь ея будущій свекоръ владѣлецъ богатѣйшихъ виноградниковъ Пфальца:—всякій, кто выросъ на Рейнѣ, знаетъ, что это значитъ! У меня же совсѣмъ нѣтъ денегъ. Она скоро будетъ счастливой женой, сидитъ теперь въ кругу своей новой семьи, веселая и довольная, а я, жалкое, одинокое созданіе, должна притаиться тутъ, въ темномъ уголкѣ и смотрѣть только на счастье другихъ! Но я сама захотѣла этого! Мнѣ нужно было только протянуть руку, не отдергивая ее упрямо, какъ я это сдѣлала, чтобы получить все, что есть теперь у Меты, и даже больше!

Зачѣмъ я такъ не поступила? Зачѣмъ была такъ жестока къ самой себѣ?

Она встала и тяжело вздохнула.

„Помоги мнѣ, Боже! Иначе поступить не могу! Я хочу сдѣлать то, что должна, и остаться вѣрной себѣ. Я хочу прямо смотрѣть счастью въ глаза“...

Мета—дѣло другое. Подобное рѣшеніе не было для нея необходимостью. Она хорошій во всѣхъ отношеніяхъ, честный, полезный для обыденной жизни человѣкъ. Ей, кромѣ того, не угрожаетъ опасность потерять въ бракѣ свою индивидуальность. Такой человѣкъ, какъ Бониферъ“...

Зажигая лампу, Эрна опять печально улыбнулась. Она безъ зависти радовалась счастью подруги, радовалась за мужественно боровшуюся съ жизнью дѣвушку, нашедшую тихую пристань въ бракѣ, благосостояніе и счастье. Но помѣняться съ ней—никогда! Выйти замужъ за какого-нибудь Бонифера! Она покачала головой и подумала съ гордостью: тотъ, кого я люблю— не таковъ, онъ настоящій мужчина, и къ моей любви примѣшивается нѣкоторый страхъ передъ нимъ! И я должна избѣгать его, пока не избавлюсь отъ этого страха!

Дверь отворилась. Мета вошла въ комнату и приблизилась къ Эрнѣ.

Вѣки ея покраснѣли, а глаза свѣтились кроткимъ влажнымъ блескомъ.

— Эрна,—заговорила она торопливо, неувѣренно, почти стыдливо,—Эрна... вообрази себѣ...

Эрна поцѣловала ее.

—Я уже знаю все, Мета. И отъ всего сердца поздравляю тебя. Пусть съ этого дня начнется для тебя новая счастливая жизнь!

Мета снова заплакала. Она бросилась на шею Эрнѣ и стала покрывать ее поцѣлуями, пока та, наконецъ, не отстранила ее отъ себя осторожно. „Какъ скоро она этому выучилась“! подумала Эрна, сказавши вслухъ:

— Какъ это все вышло необыкновеннно скоро, Мета!

Мета улыбнулась смущенной и счастливой улыбкой. Теперь она казалась гораздо моложе, красивѣе и привлекательнѣе.

— Да... я сама не знаю, какъ это случилось. Я сначала побранила его, потомъ мы поссорились, разсердились другъ на друга, потомъ посмотрѣли одинъ на другого и начали смѣяться надъ Диной Шпильфогель и какъ-то оказалось, что мы уже женихъ и невѣста. Все вышло само собою, во время прогулки. На обратномъ пути въ городъ мы уже разговаривали, какъ слѣдуетъ благоразумнымъ людямъ, и обсуждали, что мы станемъ дѣлать!

— Какіе же у тебя планы, Мета?—спросила студентка. Въ ней медленно зарождалась надежда...

— Знаешь ли, сначала мы хотѣли поѣхать въ Гаардъ, чтобы поразить его родителей. Я вѣдь ихъ знаю уже давно, и они всегда были очень добры ко мнѣ, но мы встрѣтили ихъ здѣсь. Теперь я поѣду съ ними къ нимъ домой — онъ, разумѣется, тоже.—Мнѣ надо познакомиться съ ними поближе. Уѣзжаемъ сегодня же вечеромъ. Я уже уложила въ свой чемоданчикъ все самое необходимое на нѣсколько дней. Видишь ли, ходить теперь въ университетъ, слушать лекціи, давать уроки не могу,—я не въ такомъ настроеніи.

— А дальше что?

— Мы хотимъ, чтобы свадьба была какъ можно скорѣе; тогда мы переселимся въ Мюнхенъ. Тамъ я, конечно, буду продолжать свои занятія и сдамъ экзаменъ—только все это я могу сдѣлать съ большимъ удобствомъ. Онъ хочетъ отдаться изученію женскаго вопроса, но только теоретически! Знаешь ли, оставаться здѣсь невозможно—изъ за Дины Шпильфогель. Исторія эта уже распространилась по городу, хотя ничего дурного не было! А въ Мюнхенѣ объ этомъ никто ничего не знаетъ! Ты должна побывать у меня въ Мюнхенѣ, Эрна! Или пріѣхать туда учиться!

— Чтобы два раза въ недѣлю имѣть у тебя безплатный обѣдъ!—сказала смѣясь Эрна.—Нѣтъ я останусь здѣсь. Должна остаться! Но поговоримъ о другомъ...

— Пожалуйста, не посматривай такъ на дверь, останься здѣсь еще на минуту... Скажи, что станется теперь съ твоимъ звѣринцемъ?

Мета сдѣлала презрительную мину.

— Всѣ эти иностранцы могутъ учиться нѣмецкому языку у кого-нибудь другого. Учителей достаточно! Новый курсъ начался всего нѣсколько дней тому назадъ и, къ счастью, никто еще заплатилъ мнѣ за этотъ семестръ. Плакать о звѣринцѣ я, конечно, не буду. Увѣряю тебя, Эрна, что счастье мое еще увеличится отъ того, что теперь я могу избавиться отъ уроковъ. Утомляетъ не однообразіе работы а вѣчная борьба съ мужчинами! Вѣчно надо быть въ оборонительномъ положеніи, вѣчно насторожѣ, какъ на войнѣ! Право, какъ на войнѣ!.. Ты даже не можешь себѣ этого представить, Эрна!

— Конечно, могу! — сказала Эрна.—Но развѣ тебѣ не жалко, что звѣринецъ разбредется на всѣ четыре стороны? Ты употребила

столько труда и времени на эту экзотическую коллекцію; въ ней есть дѣйствительно великолѣпные экземпляры, укрощеніе твоихъ питомцевъ шло такъ хорошо. Неужели все это было напрасно?

Мета пожала плечами.

— Что же мнѣ дѣлать? Взять ихъ съ собою въ Мюнхенъ я не могу. Ничего не остается, какъ только проститься съ ними письменно—я вѣдь сегодня отказалась уже отъ занятій съ ними.

— Сегодня?—спросила Эрна.—Ты въ этомъ увѣрена, милая Мета?

— Конечно! Я сама вложила записки въ конверты и надписала адресы...

— И оставила письма въ карманѣ!—Эрна взяла со стола пачку конвертовъ и укоризненно посмотрѣла на подругу.—О, безмѣрно влюбленная холодная блондинка! Видишь теперь, что ты надѣлала!

Мета, уже взявшаяся за ручку двери и нетерпѣливо ждавшая, когда ей можно будетъ вернуться къ себѣ, испугалась.

— Боже мой... они были здѣсь?

— Конечно!

— И должны были уйти обратно?

— О, нѣтъ! Они занимались аккуратно два часа!—Эрна постаралась придать своему лицу самое непринужденное выраженіе.—Знаешь, кто съ ними занимался? Я! Не смотри на меня такъ испуганно и недовѣрчиво.

Я была свободна и...

— Ты сказала Мета тономъ величайшаго изумленія.—Но какъ же ты справилась?

— О, все сошло хорошо! Видишь ли, я вѣдь не совсѣмъ глупа!

— Ты?—повторила Мета, смотря на свою хорошенькую собесѣдницу и покачивая головой. Она не могла освоиться съ новой выдумкой Эрны. А та уже освоилась съ нею вполнѣ. Она подошла къ подругѣ, положила ей руки на плечи и умоляюще посмотрѣла въ лицо.

— Милая, добрая Мета! Будь добра и подари мнѣ свой звѣринецъ. Вѣдь, онъ тебѣ больше не нуженъ. Тогда у меня будетъ, чѣмъ жить. И я могу остаться здѣсь! Я буду спасена! Ты сдѣлаешь истинно доброе дѣло, назначивъ меня своей наслѣдницей!

Мета Виггерсъ была совершенно озадачена.

— Да... но... это совсѣмъ не подходящее для тебя дѣло, Эрна!— медленно проговорила она, наконецъ.

— Почему же?

— Ты... у тебя совсѣмъ нѣтъ опытности!

— Но я пріобрѣту ее! Эти господа будутъ снисходительны ко мнѣ!

— Да, этому я охотно повѣрю! Ты даже слишкомъ красива!

Эрна засмѣялась.

— Но вѣдь и ты не пугало какое-нибудь, милая Мета! Своей красотой я, конечно, не буду жертвовать наукѣ, какъ наши сотоварищи — мужчины дѣлаютъ это, уродуя себя въ Гиршгассе! Но своихъ взрослыхъ питомцевъ я буду держать на почтительномъ разстояніи! Положись въ этомъ на меня!

При этомъ она придала своему взгляду и лицу холодное, сдержанное выраженіе, которое своей леденящей вѣжливостью говорило—„Подальше отъ любви“! Лишь слѣпой не увидѣлъ бы этого.

— Самое главное—индивидуализація! — съ жаромъ продолжала она...—Съ каждымъ изъ взрослыхъ учениковъ надо обращаться сообразно его характеру. Съ уроженцемъ Гаити нужно обходиться вѣжливо, довѣрчиво, но съ осторожностью; къ этому сицилійскому разбойнику относиться съ ледяной холодностью, къ обоимъ славянамъ—просто и дружески—эти люди совершенно не понимаютъ нашей сѣверо-германской сдержанности; чилійцу, какъ лѣнивому, легкомысленному школьнику, нужна строгость; съ японцемъ можно дѣйствовать, какъ съ серьезнымъ, благоразумнымъ человѣкомъ, не переступая, конечно, извѣстныхъ

границъ; молодой французъ требуетъ къ себѣ материнскаго отношенія. Это еще полуребенокъ! Однимъ словомъ, я научусь искусству обходиться съ людьми!

— Если кто-нибудь найдетъ неприличнымъ, что я, при открытыхъ окнахъ и въ присутствіи нашей почтенной хозяйки, даю уроки мужчинамъ, скажи этому сытому человѣку, что я имѣю странность предпочесть честный заработокъ—голоду и попрошайничеству. Пусть презираетъ меня, если угодно! Мнѣ это безразлично! Лишь бы заработать денегъ! Скажи, сколько платилъ тебѣ звѣринецъ?

— Каждый изъ этихъ господъ платилъ мнѣ по двадцати марокъ въ мѣсяцъ, — впередъ, по возможности,—сказала Мета Виггерсъ.—На это можно жить и учиться. Но не будь легкомысленнымъ мотылькомъ, откладывай нѣсколько марокъ каждый мѣсяцъ и помни, что на каникулахъ, почти въ теченіе четверти года, ты не заработаешь ничего, можешь, наконецъ, заболѣть...

— Ну,—сказала Эрна, тряхнувъ головой,—когда есть дѣло, не болѣютъ!

— Потомъ,—продолжала ея подруга, оживившись,—ты должна постоянно заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти новыхъ учениковъ. Лучше всего, если ты отъ времени до времени будешь спрашивать иностранцевъ, не собирается ли пріѣхать сюда кто-нибудь изъ ихъ соотечественниковъ, и позаботиться, чтобъ ему написали и рекомендовали бы ему гейдельбергскій университетъ, а тебя, какъ учительницу языковъ. Это очень важно, особенно, когда дѣло идетъ о японцахъ или жителяхъ Новаго Свѣта. Такимъ образомъ звѣринецъ пополняется. Иначе онъ совсѣмъ вымираетъ.

Въ эту минуту хозяйка доложила о приходѣ какого-то молодого человѣка и впустила его въ комнату. Эрна бросила подругѣ торжествующій взглядъ.

— Благодаря мнѣ звѣринецъ сегодня увеличился. Этотъ ирландско-американскій джентльменъ съ рыжими волосами—(не безпокойся, онъ ни слова не понимаетъ по-нѣмецки!) послужитъ для приманки другихъ!

Она съ холодной любезностью обратилась къ посѣтителю и спросила, что ему угодно. Сынъ Зеленаго Острова пришелъ, дѣйствительно, такъ поздно лишь затѣмъ, чтобы сообщить о своемъ окончательномъ рѣшеніи записаться на курсы нѣмецкаго языка. Хорошенькая студентка кивнула ему головой.

— Я должна только обратить ваше вниманіе, милостивый государь, на то,—сказала она по-англійски,— что фрейлейнъ Виггерсъ не будетъ уже давать уроки. Поэтому вы должны удовольствоваться моимъ преподаваніемъ.

При этихъ словахъ угловатыя черты безбородаго лица ирландца просвѣтлѣли, и онъ улыбнулся, показавъ два ряда широкихъ бѣлыхъ зубовъ. Онъ, повидимому, хотѣлъ сказать еще что-то.

— Собственно,—заговорилъ онъ наконецъ,—еще трое изъ моихъ товарищей имѣютъ намѣреніе учиться нѣмецкому языку и, можетъ быть...

— О, конечно! Джентльмены эти могутъ прійти!—сказала Эрна съ радостнымъ изумленіемъ и испугалась, увидѣвъ, что ирландецъ вынулъ портмоне. Онъ съ дѣловымъ видомъ, какъ настоящій янки, освѣдомился о платѣ за уроки, вертя въ рукахъ билетъ въ сто марокъ.

Что-то подступило къ горлу Эрны. Наступилъ рѣшительный моментъ въ ея внѣшней жизни. Въ ту минуту, когда она брала деньги, она вышла изъ своей касты. Отъ работодателей она перешла къ работникамъ. Кто бы могъ предсказать это три дня тому назадъ, когда она слушала на принадлежавшей ей фабрикѣ жужжанье ремней и колесъ? Она разсмѣялась бы тогда при одной мысли, что сдѣлается работницей, какъ сотни женщинъ и дѣвушекъ на ея фабрикѣ...

Она быстро овладѣла собою.

— Двадцать пять марокъ въ мѣсяцъ, сэръ!—сухо, какъ какой-нибудь кассиръ, сказала она и съ бьющимся сердцемъ хотѣла дать ему сдачу. Но янки отстранилъ деньги. Сдачи не нужно было. Онъ и трое другихъ должны какъ разъ сто марокъ. Завтра всѣ они придутъ на урокъ. Въ два часа, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, отъ двухъ до четырехъ!—подтвердила Эрна, провожая его до двери.—До свиданія, сэръ!

Когда онъ ушелъ, она задумчиво посмотрѣла на чекъ, который держала въ правой рукѣ.

— Знаешь,—Мета, сказала она,—сколько такихъ голубыхъ бумажекъ употребила я въ своей жизни на разные пустяки, ничего при этомъ не думая. Я спрашивала ихъ у папы, потомъ у жениха и получала, сколько хотѣла, какъ избалованное дитя—игрушки... Это мои первыя заработанныя деньги! какъ разъ столько, чтобы заплатить за имматрикуляцію и лекціи. Это хорошее предзнаменованіе!

— Правду сказать, ты еще должна заработать эти деньги!—сказала Мета Виггерсъ.—Вѣдь ты получила ихъ впередъ!

Эрна весело кивнула головой, и глаза ея заблестѣли ярче, чѣмъ когда-либо. Ея блѣдное лицо слегка порозовѣло.

— Ты права: это вексель на будущее. Я его выкуплю! Я знаю, что смогу сдѣлать это, потому что хочу! Я могу твердо хотѣть! Слава Богу, я это доказала! А теперь иди! Ты тутъ какъ на горячихъ угольяхъ и стремишься душой къ г. Бониферу! Кланяйся ему отъ меня!

— Пойдемъ со мной!—предложила ей Мета.

Но Эрна отказалась. Она снова стала серьезной.

— Я къ вамъ не подхожу,—сказала она. — Вы такъ всѣ веселы, а я нѣтъ! У меня много безпокойствъ, а ими не слѣдуетъ надоѣдать другимъ. Поэтому оставь лучше меня въ моей комнаткѣ. Спасибо тебѣ за звѣринецъ!

Мета поцѣловала ее.

— Прощай, моя бѣдная Эрна! Когда я возвращусь, то помогу тебѣ, можетъ быть, еще въ занятіяхъ, чтобы все пришло въ порядокъ. Когда ты привыкнешь, дѣло будетъ идти само собою, утромъ у тебя будетъ достаточно времени для лекцій, а вечеромъ, до полночи, для самостоятельныхъ занятій.—Она взялась уже за ручку двери, но обернулась еще разъ.—Ахъ, да! Я хотѣла еще сказать тебѣ, что мы съ Бониферомъ сейчасъ встрѣтили профессора фонъ-Арраса. Онъ направлялся на вокзалъ, онъ уѣзжаетъ. Я разсказала ему про тебя, какое несчастье постигло тебя, бѣдняжку, и онъ задумался.

— Что же онъ сказалъ?—равнодушнымъ тономъ спросила Эрна.

— Ничего. Пошелъ дальше. Очень медленно!

Эрна слегка вздохнула и махнула рукой.

— Все это уже прошло, милая Мета! Мнѣ очень посчастливилось въ моемъ несчастьи, что я попала къ тебѣ. Теперь я позабочусь сама о себѣ и мнѣ не нужно ничьей помощи—по крайней мѣрѣ, отъ профессора фонъ-Арраса! Прощай!

Мета Виггерсъ ушла. Эрна нѣсколько разъ глубоко вздохнула и съ гордымъ сознаніемъ силы вытянула руки. Она теперь въ гавани, защищена отъ непостоянной дружбы и отъ тиранической любви! Она свободна, совершенно свободна! Передъ нею новая трудовая жизнь!

Свободна и одинока! Одно неразрывно съ другимъ! Другъ, на котораго она такъ надѣялась, равнодушно отнялъ у нея свою руку, сама она оттолкнула будущаго спутника жизни, и горькое чувство къ одному, жалость къ другому не позволяли ей вполнѣ порадоваться неожиданной удачѣ. Осталось еще такъ много неяснаго, невысказаннаго между нею

и тѣми двумя людьми, которые являлись для нея, одинъ—какъ другъ, другой — какъ влюбленный, олицетвореніе мужчины вообще. Съ ними у нея ни миръ, ни война, а какое-то переходное состояніе, которое ее мучило и омрачало ея взоры.

XV.

Въ комнату снова вошла хозяйка,—по своему обыкновенію, въ толстыхъ войлочныхъ туфляхъ, которыя совершенно заглушали стукъ шаговъ, такъ что Эрна замѣтила ее лишь тогда, когда она вплотную подошла къ ней. Эрна испугалась и нѣсколько раздраженно сказала.

— Милая фрау Швеммельманъ! оставьте меня сегодня въ покоѣ. Мнѣ нуженъ отдыхъ. И я просила бы васъ каждый разъ стучать въ дверь...

Толстая хозяйка извинилась.

— Я думала, что васъ нѣтъ, фрейлейнъ! Всѣ ушли съ фрейлейнъ Виггерсъ, и я думала, вы пошли тоже съ ними. А тутъ пришелъ господинъ... спросилъ о васъ и сказалъ, что еще разъ придти не можетъ, потому что уѣзжаетъ... Онъ хотѣлъ что-то написать вамъ на вашемъ письменномъ столѣ.

— Какой господинъ?—спросила Эрна, медленно и испуганно поднимаясь.

— Господинъ профессоръ... о,какъ его... забыла его фамилію... онъ стоитъ тутъ у дверей!..

Студентка обернулась и увидѣла на порогѣ фигуру фонъ-Арраса. Въ эту минуту она испытывала лишь чувство оскорбленнаго самолюбія. Ей было досадно, что ее застали врасплохъ, и что профессору нельзя отказать въ пріемѣ, какъ сдѣлалъ это онъ.

— Пожалуйте, г. профессоръ! —сказала она съ холодной любезностью, жестомъ приглашая его войти. — Простите, что я такъ была удивлена. Я думала, что васъ давно уже нѣтъ въ Гейдельбергѣ.

Онъ взялъ ее за устало опущенную руку и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Я уѣзжаю со слѣдующимъ поѣздомъ. Но передъ отъѣздомъ мнѣ разъ хотѣлось увидѣть васъ. Я слышалъ о тяжкомъ несчастьи, которое васъ постигло...

Эрна прервала его.

— Садитесь, пожалуйста! Очень благодарна вамъ за сочувствіе. Это правда: я теперь принадлежу къ пролетаріямъ. Но не будемъ говорить объ этомъ! Къ чему?

Его глаза снова остановились на ней.

— Вы такъ огорчены, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ?

— Огорчена?—Эрна съ легкомысленнымъ видомъ пожала плечами. —Нѣтъ! Скорѣе я испытываю гордость. Никто не захотѣлъ помочь мнѣ, тогда я помогла себѣ сама! Или вѣрнѣе, помогла мнѣ Мета Виггерсъ, уступивъ мнѣ то, что ей не нужно — курсы языковъ, которыми я и буду жить. Она все-таки не отвернулась отъ меня, тогда какъ другіе... Можно узнать, куда вы ѣдете, г. профессоръ? Возвратитесь вы къ своей аудиторіи или...

Онъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ этотъ тонъ, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ? Я пришелъ къ вамъ, какъ другъ...

— О, эти слова я слышала за послѣдніе дни много разъ,—сказала молодая студентка порывисто, дрожащимъ голосомъ.—Простите только, если я имъ не повѣрю. Виновата я сама. Я была слишкомъ навязчива. Теперь я буду полагаться только на себя и ни къ кому уже не пойду съ рекомендательными письмами... какъ я сдѣлала это третьяго дня...

Она замолчала. Профессоръ не спускалъ глазъ съ ея нѣжнаго, слегка порозовѣвшаго отъ досады и гнѣва, лица. Такой видѣлъ онъ ее два дня тому назадъ, когда она, съ солнечнымъ сіяніемъ вокругъ хорошенькой головки, сидѣла подъ цвѣтущими бѣлыми вѣтвями, пока онъ читалъ письмо ландрата Майфарта. Но

выраженіе лица стало нѣсколько другимъ — не старше, но серьезнѣе. Послѣдніе остатки цвѣтущаго веселаго дѣтства, дѣвическая беззаботность исчезли совершенно. Она созрѣла, горе облагородило ея красоту, и дѣвушка казалась благодаря своей серьезности еще прекраснѣе.

— Видите ли,—печально сказала она,— вы сказали, что хотите быть моимъ другомъ, и я гордилась этимъ. Но когда на слѣдующій же день я захотѣла убѣдиться въ этомъ, вы заперли передо мною дверь. Это оскорбило меня, а нѣсколько второпяхъ написанныхъ вами строчекъ— еще больше. Мнѣ казалось, что я этого не заслужила. Вотъ и все!

— Но я и не подозрѣвалъ, что привело васъ ко мнѣ... къ тому же... мой сынъ дрался на дуэлѣ. Онъ лежитъ раненый въ больницѣ.

— О, Боже мой!—Эрна вскочила.— Изъ-за чего же?

— Ахъ, оставимъ это! Когда вы узнаете—все уже пройдетъ. Рана его неопасна.

И теперь-то вы хотите уѣхать?

— Уходъ за нимъ хорошій: врачи, мать, сестры, дюжины двѣ товарищей. Что же мнѣ-то тутъ дѣлать?

Она посмотрѣла на него съ недовѣріемъ.

— Все-таки я не совсѣмъ понимаю васъ... Вы уѣзжаете сегодня вечеромъ?

— Сейчасъ!

— Значитъ, у васъ есть какое-нибудь неотложное дѣло?

Онъ молча наклонилъ голову. Она ничего не нашлась возразить. Наступило томительное молчаніе.

Чтобы скрыть свое смущеніе, Эрна наклонилась поднять упавшую на полъ тетрадку одного изъ своихъ учениковъ, которую она захватила съ собою, и испугалась, увидѣвъ въ зеркалѣ лицо профессора: его глаза покоились на ней съ такимъ же выраженіемъ, какъ вчера, во время прогулки по Неккару, когда она, выпрямившись во весь ростъ, окруженная солнечнымъ сіяніемъ, стояла въ лодкѣ и торжествующе пѣла: „О Гейдельбергъ прекрасный“... Вчера у нея явилось только смутное предчувствіе, что означалъ этотъ взглядъ, и предчувствіе это скоро исчезло; сегодня же наступила страшная увѣренность... И вдругъ ей стало понятно, когда она увидѣла это выраженіе, почему профессоръ уѣзжаетъ...

Она сильно покраснѣла и, перелистывая тетрадку, насколько возможно долго оставалась въ наклоненномъ положеніи, дѣлая видъ, что отъ этого кровь прилила ей къ головѣ. Поднявъ, наконецъ, голову, она замѣтила что профессоръ догадался о происшедшей въ ней перемѣнѣ. Было ясно,—онъ зналъ, что она выдала себя... Между ними лежала тайна, о которой они не хотѣли говорить и которая навсегда осталась не высказанной...

Въ Эрнѣ поднялся леденящій ужасъ—передъ той таинственной силой, которая скрывалась въ ней, какъ въ женщинѣ и, какъ слѣпая стихія, чуждая всему существу ея, рвалась изъ нея; сила эта, подобно сказочному царю, въ рукахъ котораго все обращалось въ золото, вызывала любовь всюду, гдѣ дѣвушка искала дружбы, непринужденнаго довѣрія и возможности быть человѣкомъ, а не женщиной только. Могучая власть эта была не она! Тутъ дѣйствовала лишь ея наружность, можетъ быть, также веселый характеръ и нѣкоторыя духовныя качества, но настоящаго ея „я“ не знали, тѣ, кто любилъ ее. Любили они *женщину*, и всемогущая сила ея унижала Эрну и вызывала въ ней содроганіе и боязнь самой себя. Чувство это испытывала она и прежде, но никогда не было оно такъ сильно и горько, какъ теперь. Теперь выросло въ ней сознаніе, что никогда въ жизни не найдетъ она дружбы, не соединенной съ любовью мужчины, а безъ нея вѣчно будетъ чувствовать себя одинокой; любовь же она побѣдила въ себѣ, изгнала ее.

И въ этомъ-то настоящая, самая горькая бѣдность.

Такъ думала Эрна, говоря совсѣмъ о другомъ. Вѣдь, въ сущности не случилось ничего—они только поняли другъ друга, и разговоръ, какъ обыкновенно при прощальныхъ визитахъ, продолжался спокойно, становясь все болѣе и болѣе вялымъ и грозя, наконецъ, изсякнуть совершенно. Говорили о планахъ Эрны на будущее. Безъ сомнѣнія, при помощи курсовъ можно жить и учиться, отказавшись, конечно, отъ многаго, что придаетъ жизни цѣну и дѣлаетъ ее болѣе веселой. Когда онъ высказалъ это мнѣніе, Эрна презрительно пожала плечами, сказавши:

— Ничего другого я не хочу и не добиваюсь!— И лицо ея приняло еще болѣе серьезное выраженіе. Изъ розоваго, гладкаго личика выступалъ образъ страдающаго, надѣющагося и потому живущаго полной жизнью человѣка. И снова дѣвушка показалась профессору прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ понялъ, что не одно только несчастье внѣшней жизни придало ей такую серьезность и самоувѣренность. Гордость, съ какой она молча и какъ нѣчто неизбѣжное, переносила несчастье, шла изъ сердца. Надъ Эрной тоже, повидимому, пронеслась буря, послѣ которой наступило тяжелое, давящее затишье, желаніе забыться и заснуть. Забыться же можно только за работой, и потому Эрна дѣловито и сдержанно говорила о своихъ будущихъ занятіяхъ, вернувшись къ тому, что было при ихъ первой встрѣчѣ. Студентка и профессоръ, сидѣвшій противъ нея, сознавали, однако, что все осталось по прежнему лишь по внѣшности... Старая, но вѣчно новая пѣсня...

Профессоръ чувствовалъ, что среди нихъ невидимо стоитъ кто-то третій, о комъ Эрна никогда съ нимъ не говорила. И теперь, когда она обсуждала распредѣленіе своихъ занятій, свои планы и предпріятія, пріобрѣтеніе книгъ, работу на каникулахъ, о немъ тоже не было рѣчи. Эрна все прежнее оставила за собой, отбросила и побѣдила, какъ и онъ, профессоръ, побѣдилъ искушеніе, нарушившее, подобно весенней грозѣ спокойствіе его замирающей жизни. Оба въ послѣдніе два дня пережили много тяжелаго, со многимъ покончили. И когда они—пожилой профессоръ, лишенный судьбою единственнаго счастья, о которомъ онъ мечталъ, и молодая дѣвушка, которой жизнь тоже испортила ея молодое счастье—пожали на прощанье другъ другу руки, то могли уже спокойно, безъ страха и раскаянія, посмотрѣть одинъ на другого, печально улыбнувшись, какъ старые хорошіе знакомые, разстающіеся навсегда. Жизнь, играющая всѣми, свела и разлучила ихъ.

— Благодарю васъ, г. профессоръ, за то, что вы пришли ко мнѣ!—просто сказала Эрна.—Мнѣ было бы тяжело, еслибъ я не простилась съ вами. Вѣдь мы, вѣроятно, никогда уже больше не увидимся...

— Я думаю такъ же,—сказалъ онъ, не выпуская ея руки изъ своей.— Итакъ, желаю вамъ всего хорошаго, фрейлейнъ Бауэрнфейндъ! Будьте бодры!

— Буду! Благодарю васъ!

— Если вамъ понадобится совѣтъ или рекомендація...

Она осторожно вынула свою руку изъ его и, смѣясь, покачала головой.

— Очень благодарна, но думаю, что мы будемъ слишкомъ далеко другъ отъ друга, чтобы я могла писать вамъ. Между нами будетъ лежать половина Германіи. Удовольствуемся тѣмъ, что провели вмѣстѣ нѣсколько дней на берегахъ Неккара. Тамъ, въ вашемъ университетѣ, куда вы возвратитесь послѣ долгаго отсутствія, ожидаетъ васъ столько работы, почестей и обязанностей, что... вы скоро забудете бѣдную гейдельбергскую студентку...

— Не думаю!—спокойно сказалъ онъ и, еще разъ пожавъ ей руку, ушелъ.

Все кончено! Вокругъ лишь мракъ, пустыя улицы, сіянье звѣздъ въ вышинѣ. Дальше, дальше отсюда!.. Дорогой ученый все думалъ о жалкой жизни бѣдной дѣвушки; жизнь эта будетъ, со всѣми ея радостями и горемъ, протекать въ только-что оставленной имъ полутемной комнаткѣ, вдали отъ него, и онъ не только будетъ не въ состояніи вмѣшаться въ нее, но даже и прослѣдить за ея развитіемъ. И вдругъ проснулась въ немъ спасительная жалость, въ которой совершенно исчезло его страстное чувство къ Эрнѣ. Ему хотѣлось теперь только помочь ей, когда будетъ нужно, помочь, какъ другу, изъ дали, такъ, чтобы она и не догадывалась о помощи. Онъ найдетъ средства и возможность узнавать о ея дальнѣйшей судьбѣ, можетъ быть, черезъ майора, можетъ быть, еще черезъ кого-нибудь! Онъ позаботится о томъ, чтобы съ ней не случилось ничего дурного, чтобы не раздавила ее слѣпо жизнь, но чтобы дѣвушка расцвѣла, какъ цвѣтокъ подъ лучами солнца.

Сама того не зная и не подозрѣвая, Эрна, искавшая и ни въ комъ не находившая друга, нашла теперь его и на всю жизнь—въ человѣкѣ, который шелъ по сумрачнымъ улицамъ въ меланхолическомъ настроеніи и съ горькой улыбкой говорилъ себѣ: „Я чувствую жалость къ женщинѣ—значитъ, я уже старъ"! И онъ поторопился уѣхать.

Въ больницѣ, у комнаты сына, онъ нашелъ толпу товарищей Отто въ переговорахъ съ ассистентомъ, который не хотѣлъ впускать ихъ къ больному. „Вывихъ руки", какъ была опредѣлена его болѣзнь, требовалъ полнаго покоя для паціента. Посѣтители согласились, наконецъ, съ этимъ доводомъ, но мрачнаго уполномоченнаго корпораціи невозможно было убѣдить. Онъ считалъ себя въ подобныхъ дѣлахъ болѣе опытнымъ, чѣмъ самъ докторъ, въ доказательство чего разсказалъ, какъ однажды, при отсутствіи врачебной помощи, онъ вложилъ разсѣченную руку товарища между крышками сигарныхъ ящиковъ, перевязалъ веревочками и вложилъ въ петлю, сдѣланную изъ салфетки, и какъ хвалили его въ госпиталѣ сами доктора. Ассистентъ, однако, и послѣ такого довода не впустилъ главу корпораціи къ больному, сказавши, что вполнѣ вѣритъ его разсказу. Когда, наконецъ, самъ профессоръ попросилъ его прійти завтра, первый уполномоченный не могъ противиться больше желанію стараго члена „Херускіи" и ушелъ. А профессоръ подумалъ: „Сейчасъ я въ послѣдній разъ видѣлъ „Херускію", давно знакомыя пестрыя шапочки и юношество Buperta Carola! Никогда уже не возвращусь я въ Гейдельбергъ"!..

Въ комнатѣ Отто Гельмута, который крѣпко спалъ, профессоръ нашелъ только свою жену. Она сидѣла у стола и такъ же, какъ и утромъ, читала отчетъ о положеніи работницъ на ткацкихъ фабрикахъ. Она, благодаря своей способности замыкаться въ себѣ, ничѣмъ не обнаруживала пережитыхъ волненій этого дня. Въ ней было прежнее спокойное самодовольство. Только сегодня читала она не за письменнымъ столомъ у себя, а у постели больного сына, куда призвала ее ея обязанность. И не было никого, кто исполнялъ бы свои обязанности такъ неумолимо, съ такой безстрастной, желѣзной непоколебимостью; положиться на нее можно было безъ колебаній, но сердце содрогалось отъ ея леденящей холодности.

— Гдѣ ты былъ такъ долго?—спросила она тихо, и мужъ такъ же отвѣтилъ ей.

— Я уже говорилъ тебѣ—я ходилъ проститься съ фрейлейнъ Бауэрнфейндъ.

Она только молча наклонила голову. Фрейлейнъ Бауэрнфейндъ теперь, когда Отто былъ внѣ опасности, не

имѣла для нея никакого значенія. Она сказала только себѣ, что передъ отъѣздомъ надо будетъ послать ей визитную карточку.

Профессоръ фонъ Аррасъ остановился у постели Отто Гельмута, смотря на его блѣдное молодое лицо, выдѣлявшееся на подушкахъ при свѣтѣ лампы.

— Хорошо онъ себя чувствовалъ? —шепотомъ спросилъ онъ.

— Лучшаго и желать нельзя. Ему хотѣлось встать и пойти къ товарищамъ, но мы ему не позволили. Не буди его теперь—разстаетесь не на долго: ты увидишь его дома самое большее черезъ недѣлю. Или ты рѣшилъ остаться здѣсь?

Профессоръ быстро обернулся.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому что едва-ли успѣешь на поѣздъ! Твои вещи уже на вокзалѣ.

— Да, правда, пора идти!

Не вставая, чтобы не стукнуть стуломъ и не разбудить спящаго, жена протянула ему руку. Четверть часа тому назадъ онъ держалъ въ своей рукѣ другую руку. Но то была теплая юношеская рука, въ которой била кипучая жизнь, а эти пальцы такъ холодны, безжизненны, костлявы, пожатіе ихъ такъ слабо, какъ будто та, которой они принадлежали, хотѣла сказать: „Можно обойтись и безъ этого. Сократимъ по возможности внѣшнія проявленія чувствъ! Мы вѣдь люди благоразумные! Давно уже мы въ дружескихъ отношеніяхъ“!

— О да!—подумалъ профессоръ,—мы такъ благоразумны, что иногда хочется сдѣлать что-нибудь безумное!

— Мы такъ дружны между собою, что не знаемъ уже, что сказать другъ другу! Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на ея освѣщенное лампой безстрастное лицо съ рѣзкими, мужественными чертами, кивнулъ ей головой, на цыпочкахъ подошелъ къ двери и осторожно закрылъ ее за собою.

На улицѣ поджидали его старые товарищи—майоръ и консулъ, которые пришли проводить его на вокзалъ. Нѣкоторое время всѣ шли молча. Стукъ экипажей на улицахъ предмѣстья мѣшалъ разговору.

— Какое печальное шествіе!—сказалъ, наконецъ, майоръ, которому хотѣлось оживить настроеніе. Не достаетъ только, чтобы мы затянули— „Куда вы исчезли, студенчества милые годы“?.

Профессоръ поднялъ голову.

— На этотъ вопросъ есть только *одинъ* отвѣтъ: Никогда не вернется опять золотое то время свободы! Мнѣ кажется, всѣмъ намъ это стало ясно, когда мы снова встрѣтились въ Гейдельбергѣ. То время прошло! Ни твоя веселость, майоръ, ни твоя опытность, консулъ, ни моя наука не вернутъ намъ его и того, что дѣлало нашу жизнь прекрасной! Жизнь не повторяется! Поэтому не слѣдуетъ желать получить что-нибудь отъ нея во второй разъ, не нужно во второй разъ посѣщать тѣ мѣста, гдѣ судьба подарила вамъ счастье! Нельзя добиться его вновь черезъ четверть вѣка,— это будетъ лишь отраженіе, отблескъ чужого счастья, самообманъ... въ концѣ концовъ останешься съ пустыми руками. Вспомните, какъ третьяго дня сидѣли мы послѣ обѣда у меня, тамъ, на горѣ и въ сумеркахъ смотрѣли на долину. Мнѣ кажется, всѣмъ намъ пришла одна и та же мысль.

— Для насъ настала осень, все вянетъ и замираетъ, хотя вокругъ насъ—весна и цвѣтущія вѣтки деревьевъ. Они цвѣтутъ не для насъ... Всѣ мы такъ подумали и замолкли...

— Тогда пришла фрейлейнъ Бауэрнфейндъ! — сказалъ майоръ...— Развѣ это было третьяго дня?

Профессоръ спокойно сказалъ.

— Совершенно вѣрно. Тогда пришла фрейлейнъ Бауэрнфейндъ... потомъ она ушла. Ты еще увидишься съ ней, майоръ?

— Можетъ быть! — Старикъ откашлялся. — Теперь мнѣ нужно серьезно приняться за работу. Ма-

вернулся къ ней, все было-бы напрасно—борьба окончена. Она можетъ только еще разъ сказать: „нѣтъ“! И тогда наступитъ окончательный разрывъ.

Сердце у Эрны забилось, какъ будто тотъ, кто тамъ въ темнотѣ шелъ такими медленными, нерѣшительными шагами, былъ Джонъ Генри. Шедшій, наконецъ, остановился у дома, — по крайней мѣрѣ, шаговъ уже не слышно было. Потомъ тяжелой, усталой походкой, какъ больной, онъ опять приблизился къ дому... вошелъ въ домъ.. въ переднюю... въ ея комнату... Безумный испугъ охватилъ Эрну, когда она увидѣла Джона Генри. Онъ пришелъ не для того, чтобы грозить ей, съ своей хитрой улыбкой, или повелительно приказывать—противъ этого она была вооружена,—нѣтъ, онъ пришелъ умолять ее! И въ своей слабости онъ пріобрѣлъ надъ ней такую силу, какъ никогда! Мольба *этого* человѣка дѣлала Эрну безпомощной, какъ дитя. Сильнѣе, ощутительнѣе доказать свою любовь онъ не могъ. Онъ принесъ Эрнѣ самую большую жертву, побѣдивъ свою гордость, переломивъ свой сильный характеръ. Эрна думала, что прошла уже всѣ испытанія, но теперь почувствовала, что самое сильное и тяжелое искушеніе только впереди. Она поняла это, взглянувъ на лицо Джона Генри. Онъ смотрѣлъ на нее безпокойнымъ, боязливымъ взглядомъ, съ страдальческимъ и жалкимъ выраженіемъ. И когда Эрна испуганно отшатнулась отъ него, онъ бросился на стулъ рядомъ съ ней, взялъ ее за руки и, судорожно сжимая ихъ, съ отчаяніемъ покрылъ ихъ горячими поцѣлуями. Онъ заговорилъ задыхаясь, безсвязно, съ трудомъ подыскивая выраженія.

— Я пришелъ!.. Вотъ что ты сдѣлала со мною!.. Я не могу уѣхать... Останься со мной... прошу тебя, Эрна... я тебя прошу... не могу я безъ тебя... цѣлый часъ бродилъ я около твоего дома и вотъ пришелъ... и прошу тебя... Все это печально... позорно... я самъ знаю это... Никогда въ жизни не говорилъ я такъ ни съ кѣмъ... никогда никого не просилъ... я смѣялся надо всѣми и шелъ своей дорогой... но теперь ты... съ тобой... не знаю. что это такое... я такъ люблю тебя“...

Она молчала, не отрывая у него руки. Онъ мрачно посмотрѣлъ на нее и сказалъ немного спокойнѣе:

— Иначе я не могъ поступить! Вотъ и все! Не знаю, какъ я очутился здѣсь. Знаю только отлично, что жить безъ тебя я не могу! Ты должна быть со мною, иначе... вѣдь я человѣкъ грубый... съ дѣтства прошелъ суровую школу... я совсѣмъ огрубѣю, если ты меня не поддержишь. Сдѣлать это можешь только ты, женщина!

Женщинъ я знаю мало... у меня всегда было много другихъ дѣлъ, тамъ, за океаномъ. Я не зналъ, что такое женщина, пока не познакомился съ тобою. Ты—что то необыкновенное! Съ тобой я становлюсь совсѣмъ другимъ человѣкомъ! Ты видишь это. Вотъ я сижу около тебя, смотрю на тебя, и говорю и веду себя такъ, какъ никогда не считалъ возможнымъ для себя. Я стыдился при одной мысли, что такой человѣкъ, какъ я... но теперь я не стыжусь передъ тобой! Ты вѣдь знаешь, отчего это! Я тебя люблю слишкомъ сильно...

Онъ выпустилъ ея руку изъ свои встал. Мало-по-малу онъ приходилъ въ себя.

— Такъ вотъ, Эрна... вотъ что я скажу тебѣ—дѣлай со мной и съ собой, что хочешь. У меня нѣтъ больше своей воли. Хочу только, чтобы ты была моей! Дѣлай, что тебѣ нравится! Учись, чему и гдѣ угодно! Смотри на меня сверху внизъ, съ высоты своей науки... давай мнѣ это понять... мнѣ все равно... Я пойду всюду за тобою... ни слова не скажу тебѣ... Ты будешь совершенно свободна, самостоятель-

на, какъ ты хочешь... только останься со мною. Дай мнѣ право заботиться о тебѣ, лелѣять тебя.., чтобы безъ нужды и труда ты развилась въ то, чѣмъ мечтаешь быть... Дай мнѣ право помогать тебѣ, Эрна, чѣмъ могу и любить тебя, какъ могу!

Онъ стоялъ близко отъ нея, умоляющимъ жестомъ сложивъ руки. Глаза его были влажны. *Онъ* готовъ былъ заплакать! Онъ! Эрна испугалась за него, и за себя.

Опять заговорилъ въ ней таинственный ужасъ:—Какую силу имѣетъ женщина! Сильный мужчина съ мольбой приходитъ ко мнѣ и будетъ молить до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ мною! До тѣхъ поръ не перестанетъ!

Его блѣдность, волненіе, слезы на глазахъ были не поддѣльны.

Но на секунду его проницательный взглядъ инстинктивно загорѣлся, какъ у хищной птицы: — Я покорю тебя! Ты будешь моей!

Послѣднее и самое сильное искушеніе! Эрна тяжело боролась съ собой. Голосъ Джона Генри все звучалъ въ ушахъ. У ногъ ея было царство любви и роскоши и онъ хотѣлъ увлечь ее съ собою туда, въ бездну, гдѣ въ эту минуту былъ самъ. Теперь онъ былъ также слабъ, какъ и она нѣсколько времени тому назадъ, ошеломленъ, внѣ себя— часъ тому назадъ то же было и съ нею. Но скоро онъ придетъ въ себя и будетъ торжествовать, что достигъ цѣли въ припадкѣ слабости и самозабвенія, добился того, чего не могъ получить силой.

— Отвѣть же мнѣ, Эрна!— тихо и робко сказалъ онъ.

Она тяжело вздохнула. Послѣднее, послѣднее испытаніе! Нужны всѣ ея силы, чтобы устоять противъ чего.

И она почувствовала, что силы ея пробуждаются.

Она крѣпко сжала губы и думала... И въ мысляхъ ея было больше жестокости къ себѣ, чѣмъ къ нему.

— Отвѣть же что-нибудь! — повторилъ онъ.

—Нѣтъ!

Голосъ ея прозвучалъ отчетливо и спокойно.

– Нѣтъ!—еще разъ сказала она. —Не *такъ* и не *теперь*! Нѣтъ!

Онъ опустилъ глаза.

— Почему же нѣтъ?

— Теперь у тебя нѣтъ своей воли,—сказала она.— Ты почти рабъ мой. Но завтра, когда пройдетъ это опьяненіе, ты снова станешь моимъ господиномъ. Твои обѣщанія свободы идутъ изъ сердца, а не изъ головы. то Эта же любовь, только въ другой формѣ, которая не подходитъ къ твоему характеру и завтра же разлетиться въ прахъ. Что ты меня любишь, я знаю. Но я еще не вижу, что ты меня понимаешь!

— Большаго я не могу сдѣлать! —сказалъ онъ, избѣгая смотрѣть на нее, и отошелъ къ окну. — Что еще нужно—я не знаю!

Эрна слѣдила за нимъ глазами. —А я знаю! Послушай меня! Видишь ли, есть старинная, избитая поговорка, которую теперь я нахожу справедливой, что дружба между мужчиной и женщиной переходитъ всегда въ любовь.

Но любовь можетъ быть возвышенной дружбой.

Какъ мой мужъ, ты долженъ быть моимъ другомъ, а не повелителемъ, какъ вчера, не рабомъ, какъ сегодня.

Помнишь слова, которыя я писала тебѣ въ началѣ моего письма? „И мужчина, и женщина смотрѣли въ глаза другъ другу и не боялись другъ друга“.. Мы съ тобой еще далеки отъ этого. Въ моей любви еще слишкомъ много страха, въ твоей—презрѣнія! Повѣрь мнѣ — я люблю тебя! Но люблю также и себя!

Поэтому я не хочу погибать изъ-за тебя, а хочу стоять рядомъ съ тобою свободно, быть совершенно равной тебѣ, быть человѣкомъ! Поэтому ты долженъ смотрѣть на ме-

ня другими глазами. Горе научило меня понимать тебя. Научись и ты понимать меня—благодаря страданіямъ! *Моимъ* страданіямъ! Отъ этого испытанія я не могу избавить ни тебя, ни себя.

Я знаю, что тебѣ можетъ импонировать только одно—сила! Стремленіе впередъ! Воля! Кто можетъ *хотѣть* и *побѣждать*, тотъ твой товарищъ!

И ты видишь—я *хочу!* Отъ всей души и отъ всего сердца! Я хочу работать. И буду. Работать, какъ ты, своими силами, подобно тебѣ, пробить себѣ путь въ жизни и сдѣлаться личностью, какъ ты! Работу я нашла—курсы языковъ, которые мнѣ передала подруга. Этимъ я буду жить. Въ свободное время я буду учиться, пока не закончу своего образованія и не достигну цѣли, пока не стану сильнымъ, зрѣлымъ человѣкомъ. И никто за это время не долженъ помогать мнѣ! Я помогу себѣ сама! Даже ты не долженъ оказывать мнѣ помощи. Пиши, навѣщай меня, когда тебѣ вздумается, смотри, какъ я живу... Я всегда буду рада тебѣ. Ты будешь для меня дорогимъ гостемъ, но только гостемъ, до того дня, когда я, оглянувшись на прожитые три года, скажу себѣ: „Судьба отняла у меня многое, но и я многое завоевала у нея. Я ничего не просила у нея, я только работала. Въ работѣ я познала себя и смѣло могу глядѣть тебѣ въ глаза, а ты можешь гордиться мною. То, чѣмъ я стала за это тяжелое время, возьми теперь! Я отдаю тебѣ себя отъ всего сердца! Я свободно покорюсь тебѣ, потому, что въ этомъ нѣтъ для меня необходимости, и ты не требуешь покорности силой. Я покорюсь тебѣ не изъ благодарности, не изъ страха или нужды, а изъ любви къ тебѣ. Истинная любовь у насъ, женщинъ—покорность“.

Ты будешь моимъ повелителемъ, но не такимъ, какъ теперь! Будешь повелителемъ и товарищемъ, любящимъ потому, что находишь жену достойной себя! И ты будешь достойнымъ меня, потому что добровольно предоставишь мнѣ свободу и терпѣливо будешь ждать, когда окончится время испытанія. Черезъ три года мы еще будемъ въ расцвѣтѣ силъ, предъ нами еще долгая жизнь.

Мы пройдемъ ее до конца рука объ руку. Ты можешь тогда окружить меня всѣмъ твоимъ богатствомъ, когда я научусь жить въ бѣдности! Если же тебѣ это время покажется слишкомъ длиннымъ, если думаешь, что не стоитъ ждать того, что я хочу сдѣлать—для тебя столько же, сколько и для себя—то дай мнѣ еще разъ твои руки и иди! Мы больше не можемъ встрѣтиться! Я слишкомъ сильно люблю тебя, чтобы стать твоей женою *теперь*!

На мгновенье наступило молчаніе. Потомъ онъ снова взялъ ее за руку.

— Я тебя не покину никогда!— сказалъ онъ спокойно. — Не знаю, что со мной сдѣлалось, но я твердо увѣренъ, что не женюсь ни на комъ, кромѣ тебя,—лучше я навсегда останусь одинокимъ. Я буду ждать и дѣлать все, что ты скажешь. Можетъ быть, я раньше не совсѣмъ понималъ тебя—теперь я вижу въ тебѣ что-то новое для меня. Прежде я этого не замѣчалъ! Это-то, можетъ быть, и есть твое настоящее „я“!

— Я тоже такъ думаю!— сказала Эрна, и въ голосѣ ея послышался отголосокъ прежней веселости, а на губахъ заиграла сдержанная улыбка, какъ будто она скрывала великую тайну, которую откроетъ Джону Генри, когда онъ совсѣмъ прозрѣетъ. Разъединеніе окончилось. Они начали понимать другъ друга, какъ два добрыхъ товарища, которые искренно любятъ другъ друга.

— Но вѣдь три года, Эрна?— все еще колеблясь, сказалъ онъ. Три долгихъ года!..

— Они пройдутъ!—сказала Эрна. —Ты думаешь, мнѣ пріятно будетъ

мучиться, вмѣсто того, чтобы заставлять тебя носить меня на рукахъ!? Я дѣлаю это для тебя и для тебя! А ты пока побольше собирай дивидендовъ и банковыхъ чековъ! Чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Тѣмъ скорѣе ты дашь мнѣ отдыхъ, когда мы будемъ вмѣстѣ. Тогда я возьму и поведу тебя за руку и покажу съ другой стороны. Ты, бѣдный, не знающій покоя, человѣкъ, найдешь жизнь прекраснѣе и богаче, чѣмъ думалъ... А теперь, Джонъ Генри, уже очень поздно... А мнѣ нужно работать.

Теперь онъ уже не усмѣхнулся серьезному выраженію, съ какимъ она это сказала. Онъ догадывался, что за нимъ скрывается — мужественный, искренній человѣкъ, ищущій освобожденія въ словахъ, которыя онъ самъ безсознательно проводилъ въ жизнь.

— И слово стало дѣломъ...

Этотъ человѣкъ дополнитъ его, дастъ того, чего въ немъ нѣтъ.

— Черезъ три года я стану полнымъ человѣкомъ!—думалъ онъ, затворяя выходную дверь. И Эрна думала тоже, дѣлая ему прощальный знакъ въ окно.—Теперь я буду готовиться къ жизни. Черезъ три года начну жить—съ нимъ...

И вотъ она одна. Вокругъ мертвая тишина. Въ пустыхъ комнатахъ ея подругъ темно. Зданіе „Херускіи“ напротивъ погружено въ ночное спокойствіе. На улицѣ ни души. Въ домѣ ни звука.

Она подсѣла къ своей рабочей лампочкѣ и съ серьезнымъ видомъ принялась за новую свою обязанность—исправленіе тетрадей своихъ учениковъ, а думы неслышной толпою обступили ее.

Третьяго дня тайкомъ, какъ плѣнница, бѣжала она изъ опустѣвшаго родительскаго дома, отъ сумрачной фабрики и весело, какъ жаворонокъ навстрѣчу утренней зарѣ, полетѣла навстрѣчу жизни. Въ ушахъ у нея еще стоялъ тяжелый глухой стукъ захлопнувшейся за ней старой рѣзной дубовой двери родного дома, за которой остался весь ея прежній мірокъ съ ничтожными радостями и страданіями, съ воспоминаніями и впечатлѣніями дѣтства и юности. Неужели съ тѣхъ поръ солнце всходило на небо лишь дважды? Ей не вѣрилось этому. За это время она пережила больше волненій и бурь, чѣмъ за всю свою прежнюю жизнь. Теперь опять наступятъ тихіе часы серьезной и однообразной работы, утомленія и, можетъ быть, унынія, когда она спроситъ себя:—„Зачѣмъ я возложила это тяжкое бремя на свои молодыя плечи“?—Такъ что же? Она знала, что часы эти пройдутъ, и бодрость проснется въ ней со всей энергіей молодости. И пока она сидѣла за работой, съ серьезнымъ выраженіемъ и нахмуреннымъ лбомъ, въ головѣ ея звучали торжествующе, великія и облагораживающія слова:
—Я хочу!

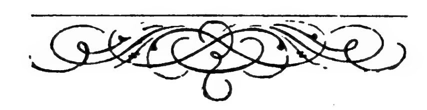
А сердце говорило:—Люблю!

Кто сильно хочетъ и искренно любитъ, тотъ веселъ и бодръ, какъ герой. И Эрна улыбаясь думала:

— Я работаю для себя и для тебя. Ты познаешь меня въ трудѣ и будешь достоинъ своей жены... А жена будетъ твоимъ другомъ!

Пер. *М. Кондратьевой.*

(КОНЕЦЪ).



IV.

Въ первыхъ числахъ сентября, въ ясный и теплый день, дѣдъ и внучка шли по Нижнему Базару, по направленію къ плашкоутному мосту, соединяющему городъ съ ярмаркою.

Наконецъ, мечты дѣдушки Федулыча осуществились. Судьба Даши обезпечена, и старику нечего было безпокоиться. „Хорошій человѣкъ" нашелся, въ лицѣ Григорія. И теперь дѣдушка, и внучка шли на ярмарку для свадебныхъ закупокъ.

Тихи и скромны въ большинствѣ чистенькія улицы части города, расположенной на верху горы и извѣстной подъ названіемъ „Верхняго Базара". Оживленіе здѣсь замѣтно лишь на Покровкѣ, да на примыкающихъ къ ней улицахъ. Полную противоположность Верхнему Базару представляетъ изъ себя Нижній Базаръ, эта узкая, но длинная, густонаселенная и застроенная большими каменными домами, полоса земли, простирающаяся отъ подошвы горы до береговъ Волги и впадающей въ нее Оки. Нижній Базаръ въ сущности представляетъ изъ себя набережную, да параллельную ей большую улицу съ массою соединяющихъ ихъ узкихъ и короткихъ переулковъ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ древнія стѣны Кремля, полуразрушенныя или вовсе разрушенныя, зигзагами спускаются къ Волгѣ, существуетъ цѣлый лабиринтъ узкихъ, грязныхъ, вонючихъ переулковъ, извѣстныхъ подъ однимъ общимъ названіемъ „Милліонки". За исключеніемъ лавокъ и торговыхъ лабазовъ, находящіеся здѣсь большіе каменные дома, грязные и обмызганные, переполнены разными притонами, кабаками, мелкими трактирами и ночлежками. Это знаменитое по всему Поволжью царство золоторотцевъ и проститутокъ самаго низшаго сорта,— то самое царство босячества, гдѣ

пѣвецъ „бывшихъ людей“, надо полагать, впервые познакомился съ своими героями.

Оживленіе на Нижнемъ Базарѣ, этомъ сосредоточіи крупной торговли города, являющагося въ свою очередь крупнѣйшимъ торговымъ центромъ Поволжья, даже въ зимнее время не уступитъ оживленію на любой московской улицѣ. Во время-же навигаціи и особенно ярмарки это оживленіе достигаетъ такихъ размѣровъ, какое бываетъ на самомъ лишь „всероссійскомъ торжищѣ“, въ наиболѣе его бойкихъ и шумныхъ районахъ.

— Эко, грохотъ какой, прости Господи! — проговорилъ дѣдушка Федулычъ.—Давно въ городу не бывалъ, а въ этихъ мѣстахъ чай болѣе десяти лѣтъ. Совсѣмъ отвыкъ отъ такой кутерьмы! И куда, подумаешь, люди бѣгутъ, куда торопятся, а этимъ извощикамъ, да ломовикамъ и конца нѣту... ѣдутъ, ѣдутъ... Грѣхъ одинъ! То-ли у насъ на деревнѣ... Тишь Божья, а ужъ о воздухѣ и не говори! Тамъ еще на верху-то нечего, а ужъ здѣсь, на низу,—не смотри, что Волга подъ бокомъ,—такой духъ, что опослѣ нашей свѣжести тошнота беретъ...

— У насъ тихо! — согласилась и Даша.—Мы съ Гришей ни за что въ городъ не переѣдемъ, хоть озолоти!.. Скверно здѣсь!

— Это ужъ Григорьево дѣло! Какъ ему Господь на душу положитъ, пусть такъ и будетъ!—сказалъ старикъ.—Да оно, что и говорить, и самъ-бы я не пошелъ сюда, да вишь какое дѣло! — продолжалъ онъ, улыбаясь,—тебѣ, дѣвицѣ красной, къ свадьбѣ того-другого, всякаго приданаго купить приходится. Мнѣ тоже безприданицей-то тебя, Дашутка, не хочется за мужъ отдавать... Копилъ, копилъ, всякій лишній грошикъ откладывалъ, ну, и далъ Богъ,—теперича у насъ за пазухой-то сто съ хвостикомъ. Ни какой тамъ мухрой, а настоящей невѣстой подъ вѣнецъ пойдешь. Пускай теперь наши-то деревенскія стрекотухи на тебя глаза пялятъ: вишь, молъ, дѣдъ-то нашъ и старъ, и бѣденъ, а внучку-то свою снарядилъ, какъ и слѣдоваетъ, совсѣмъ по закону!

— А вонъ Гришенька-то говоритъ, — задумчиво сказала Даша, — все это пустое. Пусть ихъ говорятъ, что хотятъ, мы бы только были другъ для друга хороши. „Обвѣнчаться-бы,— говоритъ, — намъ тихо, скромно, подальше отъ народу, безъ всякаго этого обжорства, пьянства, глупыхъ словъ, да обычаевъ“...

— А вотъ что я тебѣ, дѣвка, скажу!—вдругъ строго заговорилъ дѣдушка Федулычъ, останавливаясь на серединѣ улицы, черезъ которую они переходили.—Вотъ ты когда съ Григоріемъ въ законъ вступишь, тогда Григорія и слушайся, потому оно и въ писаніи сказано: „да боится жена мужа“, а покуда ты при дѣдѣ, такъ не моги ему перечить! По Григорію и то не такъ, и это не этакъ, ну а ужъ я-то хочу, чтобы вотъ такъ, какъ изстари повелось! Когда поженитесь, тогда по своему и живите, а теперича ужъ того... пусть моя будетъ воля!

— Гей! Берегись!—со всѣхъ сторонъ кричали старику возницы всевозможныхъ экипажей.

Разсердившійся дѣдушка совсѣмъ не замѣчалъ, что онъ стоитъ по срединѣ улицы, гдѣ его и его внучку каждую минуту могутъ сшибить, задавить, искалѣчить...

— Что пасть-то разинулъ, старый дуракъ!—грубо, замахнувшись кнутомъ, крикнулъ на него толстый, бородатый купеческій кучеръ, правящій парою сытыхъ рысаковъ. — Эко обломъ, деревня безпросвѣтная! Такъ вѣдь и норовитъ, чортъ, подъ лошадей попасть!—еще озлобленнѣе заоралъ съ своихъ козелъ купеческій Юпитеръ, когда дѣдушка Федулычъ оглянулся и, все-же не трогаясь съ мѣста, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на громовержца...

— Дѣдушка, родимый! Пойдемъ! Еще задавятъ! Не въ деревнѣ мы

чай... Отвыкъ ты отъ городской-то кутерьмы! — испуганно вскрикнула Даша и подхватила дѣда за руку.

— Что-же пойдемъ! Веди, дѣвка, стараго дурака!—обидчиво забормоталъ старикъ и покорно пошелъ за внучкой. — Пустое? Такъ что-ли говоришь?—вдругъ глухимъ голосомъ заговорилъ онъ, останавливаясь на панели, около большаго каменнаго дома.—Хочешь, значитъ, подъ вѣнецъ простоволосой дѣвкой идти! Приданаго тебѣ, значитъ, не надо! Что-жъ, ладно! Поворачивай назадъ, идемъ домой...

— Дѣдушка! Что ты, родимый!— чуть не заплакала Даша. — Шли, шли такую даль, да назадъ!..

— А! Что?—засмѣялся Федулычъ. —Гришенька такъ сказалъ, да Гришенька этакъ сказалъ, а какъ что,— ладно, молъ, изволь, пусть будетъ по Гришенькиному, не будетъ тебѣ ни ленточекъ, ни косыночекъ, ни какой другой женской упряжи,—такъ и того... Гришенькины-то рѣчи хороши, а тряпочки-то и ленточки еще лучше!.. Вотъ она, бабья душа!.. Да оно и точно, такъ и въ старину говорили, что, молъ, у бабы-то не душа, а паръ!..

— Да вѣдь Гришенька не точно бы на счетъ тамъ всякой одежи и прочаго,—оправдывалась Даша, — а вотъ чтобы свадьбу-то безъ всякихъ глупостевъ и пьянства справить... „Переводъ, — говоритъ,—только денегъ, а толку мало, безобразіе одно"!..

— Зачѣмъ безобразіе! Старъ я, чтобы у меня да въ дому безобразіе было! Ну, а свадьбу справимъ,— такъ на нее полста и отложимъ, а на остальные полста покупай, чего хочешь.

— Ахъ, дѣдушка! — сконфуженно проговорила Даша. — Мнѣ-бы еще вотъ курсетъ...

— Курсетъ!

— Да, курсетъ!—живо заговорила дѣвушка.—У насъ теперь въ деревнѣ всѣ дѣвки курсеты носятъ... для красивости! — робко добавила она.

— Для красивости? Ишь ты! — усмѣхнулся дѣдъ.—Знать не знаю, что за курсетъ такой, а видывалъ я щегольство нашихъ молодухъ и дѣвокъ... До добра оно только ихъ не доводитъ, щегольство-то это городское! Изъ за него, поганаго, дѣвки у насъ родить частенько стали, да и молодухи-то изъ за этихъ курсетовъ плохо себя сохраняютъ.

— Да что ты, дѣдушка!—вспыхнула Даша.—Да развѣ я когда...

— Да, не о тебѣ, дурочка, и говорятъ! — строго перебилъ ее дѣдушка Федулычъ.—Что и говорить, ты—дѣвка исправная, а только то я говорю, что нынче курсетъ, завтра побрякушка какая серебряная или золотая, а потомъ на глупую-то башку, глядишь, задумаешь и господскую шляпку напялить, а достатковъ-то нѣтъ, ну, и пропала мужняя жена, а стала-то одна потаскуха по разнымъ писарямъ да купеческимъ сынкамъ. Онъ, грѣхъ-отъ, только подпусти къ себѣ,—онъ тебя мало по малому и совсѣмъ заграбастаетъ! Вотъ что я тебѣ говорю, глупая твоя головушка!

Даша заплакала.

— Вотъ ты, дѣдушка, завсегда такъ!—тихо сквозь слезы, сказала она.—Что тебѣ не скажи, ты и почнешь и почнешь, въ слезы только вгонишь...

— Правду я говорю!—замѣтилъ старикъ.—Да и Григорій, — я такъ думаю,—къ этимъ самымъ курсетамъ не въ большомъ расположеніи... Выбрось-ка ты, Дашутка, всѣ эти глупости изъ головы!

— Ахъ, Гришенька, Гришенька!— вздохнула Даша и вдругъ, вся вспыхнувъ, радостно воскликнула: — И впрямь, дѣдушка, зачѣмъ мнѣ курсетъ?!

— Вотъ что ладно, то ладно, внучка! Богъ съ ними, съ курсетами-то этими! Купимъ что по надобности, да и домой скорѣй!—ласково проговорилъ дѣдушка Федулычъ. — Только вотъ что, Даша,—продолжалъ онъ, останавливаясь передъ грязнымъ

входомъ мелкаго трактира,—усталъ я больно, да и поѣсть хочется... Вѣдь рано утромъ-то вышли, съ тѣхъ поръ не ѣли.,. И ты чай устала и ѣсть хочешь. Зайдемъ въ „заведеніе“, чайку попьемъ, да и перекусимъ, чѣмъ Богъ дастъ.

И дѣдушка съ внучкой вошли въ трактиръ.

Въ „заведеніи“ было людно и, не смотря на открытыя окна, выходящія прямо на набережную и Волгу, душно и затхло. Пахло всякими явствами, потомъ еще чѣмъ-то далеко неблаговоннымъ. Говоръ многочисленныхъ „гостей“ сливался съ пѣснями подкутившихъ и съ визгливыми звуками гармоники.

Едва успѣли старикъ и дѣвушка пробраться въ уголъ къ пустому столику, покрытому весьма нечистоплотной красной скатертью, какъ ихъ кто-то окликнулъ. Они обернулись и увидали пившихъ чай двухъ мужиковъ, ихъ однодеревенцевъ. Они, впрочемъ, пили даже не чай, а горячую, слегка окрашенную въ желтоватый цвѣтъ, воду и исправно закусывали ее, при каждомъ глоткѣ, большими ломтями бѣлаго хлѣба.

— Глядь-ко, Федулычъ! — закричалъ одинъ изъ нихъ.– Да куда это ты, Божій человѣкъ, на старости лѣтъ пробираешься?..

— Онъ, братъ, передъ кончиною молодость вспомнить захотѣлъ!—со смѣхомъ сказалъ другой.—Вонъ и внучку, кралю писанную, за компанію въ заведеніе захватилъ!..

— Полно вамъ врать-то! — то-же смѣясь, сказалъ Федулычъ, здороваясь съ земляками и пригласилъ ихъ пить чай вмѣстѣ за однимъ столомъ.

Начался пріятельскій разговоръ, въ которомъ Даша не принимала участія. Она давно не была на Нижнемъ Базарѣ и потому давно не видала вблизи Волги. А вотъ теперь въ открытое окно, около котораго стоялъ занятый ими столикъ, великая русская рѣка предстала передъ ней во всей своей красѣ, со всѣмъ тѣмъ шумнымъ и бойкимъ оживленіемъ, бьющимъ ключемъ по водной равнинѣ, которая образуется между городомъ и ярмаркой сливающимися здѣсь Окой и Волгою. Не любила Даша городской сутолоки,—она пугала ее своей неизвѣстностью и какой-то холодностью,—но красавица-рѣка, даже возлѣ города, считающагося центромъ всего судоходства великаго волжскаго бассейна, влекла ее къ себѣ, манила какой-то загадочной и заманчивой прелестью. Этотъ рѣчной шумъ, эта судовая суетливость, эти громадные, красивые пароходы нравились дѣвушкѣ. Ей иногда хотѣлось сѣсть на одинъ изъ такихъ красивыхъ пароходовъ и поплыть и поплыть, потомъ все ѣхать и ѣхать... Зачѣмъ и куда— она не знала и не могла-бы дать на это никакого опредѣленнаго отвѣта...

И, дѣйствительно, открывавшаяся изъ окна картина была интересная. Желтоватыя песчаныя отмели противоположнаго берега только едва-едва и кое-гдѣ проглядывали изъ-за заслонившихъ ихъ многочисленныхъ судовъ всѣхъ типовъ и размѣровъ. Но за этой стѣной съ небольшими промежутками изъ отмелей, какъ-бы подымаясь надъ ними, ширилась гладкая, ровная зеленая равнина Заволжья, сливающаяся гдѣ-то тамъ, далеко, далеко, съ небесной синевой. Тамъ миръ, спокойствіе, тишина. Но здѣсь, по эту сторону стѣны изъ судовъ, жизнь, движеніе, суета. Вонъ тамъ, вдоль Мочальнаго острова, длинныя вереницы громадныхъ баржъ, туда правѣе правильныя линіи стоящихъ рядомъ, на якоряхъ, десятки, сотни буксирныхъ пароходовъ, а вонъ лѣвѣе, и по серединѣ рѣки, и ближе къ Сибирской пристани, среди деревянныхъ лабазовъ которой вздымается къ небесамъ колоссальная громада новаго ярмарочнаго собора, стоятъ уродливыя землечерпалки. А вездѣ и повсюду, по всей этой, постоянно взволнованной и мятущейся водной

равнинѣ, среди шмыгающихъ по всѣмъ направленіямъ маленькихъ пароходиковъ, катеровъ, яликовъ и лодокъ медленно двигаются буксирные пароходы съ вереницами слѣдующихъ за ними громадныхъ неповоротливыхъ баржъ, ползутъ длинные—предлинные плоты, несутся порожніе буксиры и красавцы двухъэтажные пассажирскіе пароходы, блистающіе своей чистотой и изяществомъ. А тутъ, около самой набережной, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, стоятъ пароходные дебаркадеры; у рѣдкаго изъ нихъ не находится одного—двухъ пассажирскихъ пароходовъ. Возлѣ каждаго дебаркадера, на косогорѣ обмѣлѣвшаго берега, груды ящиковъ и тюковъ съ товарами, и прикрытыхъ, и неприкрытыхъ брезентомъ. На длинныхъ деревянныхъ лѣстницахъ и мосткахъ, соединяющихъ дебаркадеры съ берегомъ, страшная суета. Взадъ и впередъ снуютъ пассажиры съ узлами и безъ узловъ, пароходскіе служащіе, газетчики съ кипами газетъ, крючники съ тюками и ящиками на спинахъ, монахини съ кружками, сборщики на храмъ, нищіе и масса неопредѣленныхъ личностей съ неопредѣленными, но въ сущности съ весьма опредѣленными цѣлями.

А звуки? Волжскіе пристанскіе звуки? Крикъ, брань, самая отборная, истинно-русская брань, „еще разикъ, еще разъ, да подернемъ"! грохотъ падающихъ на палубы и въ трюмы пароходовъ тюковъ и ящиковъ, рѣжущій ухо лязгъ желѣза, звонъ якорныхъ цѣпей, шумъ ѣзды на набережной, неумолчный плескъ волнъ, безнадежно бьющихъ о берегъ и борты судовъ, гулъ форсунокъ, шипѣніе выпускаемаго пара, глухое пыхтѣніе буксировъ, шлепанье по водѣ пароходныхъ колесъ и свистки разнообразныхъ до безконечности тоновъ отъ тонкаго и пронзительнаго до густого, басистаго, оглушительнаго и раскатистаго...

Дѣдушка Федулычъ, давно не видавшій Волги, тоже засмотрѣлся на эту шумную рѣчную суетливость.

— И откуда, подумаешь, —сказалъ онъ,—такая теперь уйма пароходовъ? О прежде ихъ куда меньше было. А я вотъ, ребятушки, помню, когда по Волгѣ-то еще гребныя расшивы, да коноводки ходили. Самъ даже въ Самару на расшивѣ бѣгалъ. Въ Жигуляхъ тогда мы чуть къ разбойникамъ въ лапы не попались. По счастію воинская бранвахта подоспѣла.

— Ну, братъ Федулычъ, теперь чтобы на Волгѣ разбойники грабили,—сказалъ одинъ изъ земляковъ,— время тому прошло, да и быльемъ поросло!.. Поди-ка, напади на такую махину, какъ энтотъ пароходъ!— показалъ онъ на громадный меркурьевскій пароходъ, тихо подходившій къ дебаркадеру.

— Для ча на пароходы нападать?—смѣясь, замѣтилъ другой землякъ.—Теперича разбойники-то на пароходахъ, да на машинѣ ѣздятъ. Намедни вонъ Ларіонычъ,—знаешь чай Ларіоныча-то, изъ нашей онъ тоже деревни, въ концѣ Ковалихи постоялый держитъ...

— Какъ не знать Ларіоныча! — отвѣтилъ дѣдушка Федулычъ.—Хорошо знаю! Даже пріятели мы съ ними.

— Ну, такъ Ларіонычъ въ вѣдомостяхъ читалъ, какъ одну барыню на пароходѣ, въ первомъ классѣ, задавили и ограбили...

— Охъ, грѣхи тяжкіе!—вздохнулъ старикъ. — До пароходовъ, до машины люди додумались, а вотъ чтобы всякое злодѣйство—на это у нихъ разуму нѣтъ!

— Это ужъ, дѣдушка Федулычъ, дѣло Божье, а не разума человѣческаго!—отвѣтилъ одинъ изъ земляковъ.—А что выдумокъ теперича диковинныхъ, то это прямо сказать, ума помраченье!—добавилъ онъ.— Ну, что тамъ пароходъ, машина или теперь телеграфъ!.. Все это давно ужъ пошло! Теперь лектричество...

Видалъ чай? Гоже горитъ! Теперь телефнонъ... Сидитъ человѣкъ дома и говоритъ съ кѣмъ хошь, хоть тотъ за версту отъ него будь! Извощики больно на этотъ телефнонъ, да вотъ еще на трамвай жалются... „Совсѣмъ,—говорятъ,—намъ раззоренье отъ этихъ чертовыхъ выдумокъ"! Теперь на одномъ стальномъ колесѣ стали ѣздить... Летитъ иной такой стрекулистъ, какъ птица, его на конѣ не догонишь... А теперь еще появились такія коляски, которыя сами безъ лошади ѣздятъ... Ну, да все это цвѣтики, а вотъ онѣ, ягодки-то... Намедни мы съ Филипычемъ на ярманкѣ въ трактирѣ были... Ну, братъ, диву дались!.. Машина,—ящикъ самый нелядящій съ трубой,—человѣчьимъ голосомъ говоритъ и поетъ!

— Ну?—подивился Федулычъ.

— Право слово! Вотъ онъ, Филипычъ-то... то-же своими ушами слышалъ!

— Ну, и хитеръ теперь человѣкъ сталъ! — сказалъ дѣдушка Федулычъ.—Господа Бога искушаетъ. И все чай нѣмецъ, али англичанка...

— Зачѣмъ нѣмецъ или англичанинъ?—вступилъ въ разговоръ сидѣвшій въ комнатѣ за сосѣднимъ столомъ какой-то молодой человѣкъ.—Что-же по твоему, старецъ Божій, покрытъ кожей, у нашего русскаго человѣка разума не хватитъ! Это ты по старости своей говоришь, потому какъ у тебя никакихъ настоящихъ понятіевъ нѣтъ! А теперь еще: Бога искушаетъ! Ахъ, старина, старина! Могила по тебѣ соскучилась! Зажился ты больно долго! Теперь какъ человѣкъ въ разумъ вошелъ,—продолжалъ все тотъ-же молодой человѣкъ уже поучительнымъ тономъ,—то онъ природу испытуетъ и изъ природы по всякимъ наукамъ примѣненіе дѣлаетъ... И называется это, старче, цивилизація! А ты: Бога искушаютъ!..

Произнесшій эту поучительную тираду былъ одѣтъ въ дешевенькую пиджачную пару, брюки на выпускъ и въ шитую малороссійскую рубашку. Остальные его компаньоны были люди или то-же молодые, или среднихъ лѣтъ; одѣты они были также прилично, нѣкоторые даже въ крахмальныхъ сорочкахъ и при часахъ. Съ перваго взгляда ихъ можно было принять или за мелкихъ приказчиковъ и артельщиковъ, или мастеровыхъ и фабричныхъ въ праздничныхъ костюмахъ, но въ сущности они были ни тѣ, ни другіе. Это были тѣ неопредѣленныя личности съ такъ называемыми неопредѣленными занятіями,—занятіями, нерѣдко предусмотрѣнными уложеніемъ о наказаніяхъ,—которыми въ послѣднее время полны наши какъ обѣ столицы, такъ и всѣ наиболѣе крупные торговые и промышленные города.

— Ну, и ляпнулъ-же ты, сударь, мудреное словечко, что мнѣ не въ жисть не понять!—сказалъ нѣсколько обиженный дѣдушка Федулычъ.—А нельзя-ли тебѣ это слово-то какъ-нибудь по проще, по русски сказать...

— Ну, гдѣ тебѣ понять!—небрежно произнесъ субъектъ, важно вытянувши ноги и затягиваясь папироской.—На такія понятія у тебя твоихъ старыхъ мовговъ не хватитъ!

— А вотъ вмѣсто того, чтобы старика понапрасну обижать, — вдругъ вступилась за своего дѣдушку вся раскраснѣвшаяся Даша,—вамъ-бы и въ самомъ дѣлѣ лучше попроще объяснить. Вѣдь, не много ума надо, чтобы обижать людей и невѣсть какія слова говорить!..

— Для васъ, мамзель, готовъ съ!.. Съ нашимъ величайшимъ удовольствіемъ!—вскочилъ съ своего стула субъектъ и направился было уже къ Дашѣ.—А позвольте прежде всего познакомиться, потому какъ я завсегда радъ съ прекрасными мамзелями знакомство имѣть...

— А ты, господинъ, постой!—отстраняя его отъ Даши, рѣзко оборвалъ субъекта дѣдушка Федулычъ. —Моя внучка тебѣ не мамзель, а простая деревенская дѣвушка. По глупости она съ тобой заговорила

потому ей за меня, старика, стало обидно... И при томъ, я такъ полагаю, что никакихъ мнѣ отъ тебя объясненій не надо!.. И сиди ты за своимъ столомъ, а мы за своимъ!..

— Ну, это, старче, мы еще посмотримъ!—нагло отвѣтилъ субъектъ.—Внучка она тебѣ или нѣтъ— это намъ неизвѣстно, а что она сама просила, и я ей обѣщалъ, то объяснить я долженъ... Такъ вотъ слушайте, мамзель,— началъ онъ свои объясненія, очевидно, умышленно подчеркивая слово „мамзель",—цивилизація это есть результатъ напряженнаго ума всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ... А, впрочемъ, прежде чѣмъ объяснять, надо познакомиться...

И онъ опять было попытался подойти къ Дашѣ съ протянутой рукой.

— Убирайся къ шайтану, охальникъ!—сверкнувъ глазами, крикнула дѣвушка.—Коли дѣдушка не хочетъ, такъ плевать мнѣ на твои объясненія!..

— Лихо! Лихо! — загоготала вся компанія субъекта.—Ну, братъ Сема, одно тебѣ только и осталось, что отступить на прежнюю позицію.

— Ну, дѣвка! За себя постоять можетъ! — заговорили смущенные земляки.

Даже дѣдушка Федулычъ, не ожидавшій отъ своей скромной внучки такой смѣлости, нѣсколько опѣшилъ.

Однако, субъектъ не дѣлалъ уже болѣе попытокъ вступать въ разговоръ и о чемъ-то шептался съ своими товарищами.

— Козырь—дѣвка! Надо прослѣдить!.. Можетъ быть, очень подходящая!—изрѣдка слышались отдѣльныя фразы изъ этого сокровеннаго разговора.

Но ни дѣдушка, ни внучка, ни ихъ земляки не обращали болѣе ни малѣйшаго вниманія на своихъ сосѣдей.

— Такъ значитъ, Якимъ Федулычъ на ярманку?— спрашивали земляки.

— Да вотъ, ребятушки!— объяснялъ дѣдъ.—Думаю внучку за Григорія Иваныча замужъ выдавать...

— Доброе дѣло! Доброе дѣло!— похвалили земляки.—Хоть и бѣденъ, охъ какъ бѣденъ, а добрый парень, и голова съ мозгами!..

— Бѣдность не порокъ, да къ тому-жъ и я малость помогу!—возразилъ дѣдушка Федулычъ.—Вотъ теперь и на ярманку-то пошли, чтобы всякія закупки сдѣлать. Тоже дѣвицу безъ приданаго въ замужество отдать совѣстно. Въ семьѣ нашей по этой части всегда, можно сказать, честь-честью.

— Ишь ты какія дѣла!—не безъ сомнѣнія замѣтили земляки. — Что правда, то правда! Точно что дѣвицѣ безъ приданаго, какъ лошади безъ упражи... Да только вѣдь на приданое-то, дѣдушка, деньги тоже нужны!

Старикъ наивно— лукаво улыбнулся.

— Что-жъ? Деньги? И деньги найдутся! Вотъ онѣ, деньги-то! — сказалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи туго набитый, старый, вытертый, кошелекъ.—Ровно сто двѣнадцать цѣлковыхъ!..

При словѣ „деньги" на сосѣднемъ столѣ всѣ насторожились.

— Фартъ!—тихо сказалъ Сема.— Твоя работа, Мишка!..

— Плевый фартъ!— пренебрежительно отвѣтилъ тотъ. — Особливо по ярмарочному времени...

— Курочка по зернышку клюетъ и сыта бываетъ!— замѣтилъ кто-то изъ „товарищей". — Ярмаркѣ конецъ, богатые купцы давно разъѣхались, одна мелкота изъ приказчиковъ гуляетъ... И такой фартъ на мостовой не валяется...

—Вѣрно! — подтвердилъ Сема. — Такъ, значитъ, Михайла Иванычъ, за работу? Такъ что-ли?

— Да ладно ужъ!—неохотно согласился Мишка.

— Такъ ступай сейчасъ за Шмуль-

кой, вмѣстѣ съ нимъ и обмозгуете, да помните, что сегодня въ ночь, въ три часа, дуванить будемъ въ Кунавинѣ у Лушки Безпятой.

И вдругъ вся компанія заговорила на какомъ-то странномъ нарѣчіи.

А въ это время дѣдушка Федулычъ успѣлъ уже распорядиться на счетъ водочки. Ему почему-то захотѣлось угостить своихъ земляковъ.

— Бѣденъ я—точно, а внучка у меня не безприданица! — говорилъ онъ, разливая водку по громаднымъ рюмкамъ, спеціально подаваемымъ въ трактирахъ „гостямъ изъ простенькихъ".—Для кого какъ, а по нашимъ крестьянскимъ достаткамъ, сотня—деньги! Не разбоемъ, не обманомъ какимъ, а трудомъ, да терпѣніемъ нажилъ... Сколько лѣтъ по грошамъ копилъ, сколько лѣтъ сколачивалъ!.. Ну, а чтобъ теперича да внучку, да чтобъ безъ всего... то есть чтобъ, какъ нищую, замужъ выдать!.. Это то есть никогда! Вѣдь она, внучка-то, одна только у меня... И вся родня моя тутъ! Даша! Вѣдь одна ты у меня, голубушка? А? Одна вѣдь? Мнѣ что!.. Мнѣ только внучку за хорошаго человѣка пристроить, а тамъ я хоть и на погостъ!..

И на щекахъ дѣдушки Федулыча показались двѣ—три слезинки. Онъ, давно уже не пившій, позволилъ себѣ на радостяхъ выпить стаканчикъ—другой и теперь, немного захмѣлѣвъ, радъ былъ случаю похвастать, передъ своими деревенскими, что его внучка не безприданица.

— Хорошій ты человѣкъ, Федулычъ!—говорили уже порядочно захмѣлѣвшіе земляки, выходя съ старикомъ и его внучкой изъ трактира.—Не бросилъ ты сироту безъ призору... Господь зачтетъ тебѣ такое доброе дѣло!.. Молись, Дарья, за дѣда Богу!—обращались они и къ Дашѣ.—Молись, голубушка! Завсегда, молись! Не оставитъ тебя Царь Небесный!.. Дай тебѣ, Дашенька, Господь любовь да согласіе!.. Жить тебѣ вѣкъ въ радости!..

Распрощавшись съ земляками, дѣдъ и внучка пошли по направленію къ ярмаркѣ, а за ними незамѣтно по слѣдовали двое изъ „товарищей"...

V.

„Всероссійское торжище „представляетъ изъ себя оригинальное, своеобразное явленіе въ русской жизни. Живя менѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, оно болѣе чѣмъ на двѣ трети года погружается какъ-бы въ летаргическій сонъ, за исключеніемъ лишь Сибирской пристани, живущей тоже своеобразной, временной, но все-же болѣе продолжительной жизнью. Этотъ колоссальный внутренній портъ Россіи, въ которомъ сосредоточиваются товары Европы и Азіи, чтобы тотчасъ-же расплыться при посредствѣ пароходовъ, баржъ и желѣзнодорожныхъ вагоновъ въ разныя стороны, работаетъ почти въ теченіе всей волжской навигаціи, т. е. со спада весеннихъ водъ (въ маѣ—мѣсяцѣ) вплоть до осенняго ледохода (въ концѣ октября или въ началѣ ноября).

На обширномъ низменномъ мысу, образуемомъ сліяніемъ Волги и Оки, раскинулась знаменитая ярмарка, единственная въ мірѣ по громаднымъ размѣрамъ своихъ торговыхъ оборотовъ. Это въ сущности цѣлый городъ, по пространству и населенію равный любому крупному губернскому городу. Но этотъ городъ совершенно своеобразный. Это—городъ—базаръ. Всѣ зданія въ этомъ городѣ, за исключеніемъ Главнаго Дома, двухъ православныхъ соборовъ, армянской церкви и магометанской мечети сунитскаго толка, замѣчательно однообразны и не архитектурны. Это даже не громадные петербургскіе дома-ящики, а сляпанные на живую руку, хотя и очень большіе и построенные изъ кирпича, или лабазы или казармы. Даже ярмарочный театръ по своему

внѣшнему виду нисколько не напоминаетъ храма Мельпомены, а скорѣе похожъ на какой-то громадный уродливый кирпичный сарай. Верхніе этажи ярмарочныхъ зданій заняты банками, конторами, гостинницами, нумерами и другими жилыми помѣщеніями, нижніе-же почти исключительно лавками и магазинами, при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ на столько велики, что имѣютъ по нѣскольку входовъ и выходовъ не только на одну, но и на двѣ, параллельныя другъ другу, улицы. Товары по обыкновенію не помѣщаются цѣликомъ въ лавкахъ и магазинахъ, а занимаютъ иногда значительную часть улицы. Въ горячіе часы дня въ большинствѣ лавокъ и магазиновъ бываетъ иногда одновременно по нѣсколько сотъ покупателей.

Тихая и даже пустынная въ началѣ и концѣ, ярмарка въ первыя двѣ-три недѣли августа—мѣсяца представляетъ изъ себя какой-то бурный человѣческій водоворотъ.

На улицахъ оживленіе и движеніе, какое бываетъ только въ приморскихъ портовыхъ городахъ. Грохотъ ѣзды, трескъ отъ провозимаго желѣза, громадные обозы съ товарами, растянувшіеся до безконечности; въ открытыя настежъ лавки то и дѣло входятъ и выходятъ покупатели, артельщики, приказчики и работники—татары, по тротуарамъ взадъ и впередъ мечутся, какъ ошалѣлые, куда-то торопящіеся, чѣмъ-то озабоченные люди. Въ сбродномъ и разношерстномъ ярмарочномъ населеніи, конечно, преобладаетъ, русскій человѣкъ центральныхъ губерній, Поволжья и отчасти Сибири,— и все-же это населеніе необычайно разноплеменно. На ярмарочныхъ улицахъ можно услышать говоръ чуть-ли не на всѣхъ языкахъ Европы и Азіи. Татары, армяне, персы, турки, греки, евреи, сарты, узбеки, афганцы, китайцы и даже индусы здѣсь встрѣчаются съ нѣмцами, французами, англичанами, итальянцами и другими представителями культурной Европы. Но вся эта разношерстная масса людей, различная по культурѣ, религіи, національности, живетъ однѣми думами, поклоняется одному богу вѣка сего —рублю-цѣлковому! Все здѣсь размѣнено на деньги, все продажно —отъ тухлой печенки въ обжорномъ ряду до человѣческой чести включительно...

Жизнь на ярмаркѣ преимущественно уличная и трактирная. „Именитое всероссійское купечество“ рѣдко въ своемъ нумерѣ или своей лавкѣ пьетъ даже чай, еще рѣже обѣдаетъ. День ярмарочнаго купца начинается и кончается въ трактирѣ. Утромъ онъ пьетъ чай въ биржевой гостинницѣ, помѣщающейся около плашкоутнаго моста, передъ громаднымъ зданіемъ которой находящійся рядомъ съ ней миніатюрный желѣзный павильонъ, занимаемый ярмарочною, такъ называемой „всероссійскою“, биржею, кажется жалкимъ пигмеемъ. Въ утренніе часы это самое шумное и оживленное мѣсто на ярмаркѣ. Какъ внутри самой биржи, такъ и на широкой каменной лѣстницѣ, ведущей на нее, а также на панели и у входа въ биржевую гостинницу, тогда толпится о чемъ-то серьезно толкующій народъ. Тутъ смѣсь всѣхъ одеждъ, лицъ, племенъ и состояній. Модный цилиндръ и изящный дипломатъ, потертое пальто и шляпа котелкомъ, высокая остроконечная персидская шапка, чалма и шелковый халатъ сарта или бухарца, картузъ и длиннополый сюртукъ, русская поддевка и простой крестьянскій чапанъ—перемѣшиваются въ одномъ общемъ гигантскомъ винигретѣ.

Интересно, что самыя крупныя сдѣлки заключаются не на самой биржѣ, а въ находящейся рядомъ съ нею биржевой гостинницѣ. Громадныя залы этой гостинницы, во всѣхъ ея этажахъ, сплошь заставлены столиками, за которыми „всероссійское купечество“, начиная съ крупныхъ тузовъ отечественной тор-

говли и промышленности и кончая мелкими торгашами, занимается чаепитіемъ. Пьютъ преимущественно по московскому купеческому обычаю—не изъ стакановъ, а изъ чашекъ. Цѣлая армія половыхъ въ бѣлыхъ рубахахъ и такихъ же панталонахъ стоятъ шпалерами вдоль этихъ обширныхъ комнатъ и ожидаетъ „заказовъ“ отъ „гостей“, другіе-же половые, уже получившіе „заказъ“, какъ угорѣлые, носятся изъ залы въ буфетъ и обратно съ подносами и чайниками. Всюду мелькающія бѣлыя рубахи, звонъ чашекъ и чайниковъ и неугомонная многоголосая людская молвь. Слышатся разговоры о цѣнахъ, сдѣлкахъ, доставкахъ, нагрузкахъ, паузкахъ, тарифахъ, векселяхъ, кредитѣ, протестахъ, о надеждахъ на исходъ ярмарки, о политическихъ событіяхъ, о положеніи міровыхъ рынковъ, главнымъ образомъ, лондонскаго берлинскаго и нью-іоркскаго.

Русскій купецъ не любитъ оффиціальности въ дѣлѣ. Онъ посѣщаетъ биржевой залъ только для видимости, „для проформы“, а всѣ дѣла свои ведетъ въ трактирѣ за чаемъ. Интересно то, что водка, пиво, вино и вообще какіе-бы то ни было спиртные напитки почти никогда не играютъ роли во время дѣловыхъ бесѣдъ. Купецъ въ это время, какъ огня, боится „малодушества“, такъ-какъ ему теперь нужна свѣжая и трезвая голова, для развертыванія-же широкой русской натуры достаточно будетъ времени послѣ закрытія вечерней биржи, когда запрутся лавки, когда ярмарка отъ своей усиленной дѣятельности перейдетъ къ увеселеніямъ. Однимъ словомъ, если ярмарочный торговый людъ много и сильно пьетъ, „гуляетъ“ и веселится по вечерамъ и по ночамъ, то онъ въ теченіе дня работаетъ, не покладая рукъ, работаетъ лихорадочно, за десятерыхъ. Даже самыя „разудалыя“ ярмарочныя гостинницы при дневномъ свѣтѣ, пока на улицахъ не зажгутъ фонарей, а въ зданіяхъ не засіяетъ электричество, отличаются весьма приличнымъ и степеннымъ характеромъ.

Совершенно другую картину представляетъ ярмарка вечеромъ и тѣмъ болѣе ночью, когда ярмарочный людъ „отдыхаетъ“.

Въ семь часовъ только-что было опустѣвшія послѣ обѣденнаго времени гостинницы снова начинаютъ наполняться публикою. На трактирныхъ эстрадахъ появляются разсказчики, разные „человѣкъ рыба“, „человѣкъ-птица“, „человѣкъ-паровозъ“, гремитъ музыка, поютъ хоры теперь мужскіе, а сравнительно еще въ недавнее время, почти исключительно женскіе. Въ десять часовъ ярмарочныя гостинницы уже въ полномъ разгарѣ своей увеселительной дѣятельности. Въ ихъ громадныхъ залахъ всѣ столы буквально заняты пьющими и ядущими. Воздухъ, несмотря на открытыя окна, спертый, отъ множества собравшагося народа душно и жарко, какъ въ банѣ, пахнетъ всевозможными спиртуозностями и явствами, отъ людского говора стоитъ такой, болѣзненно - раздражающій нервы, гамъ, что у непривычнаго человѣка разболится голова.

Лавки и магазины къ 10-ти часамъ вечера, за малымъ исключеніемъ, почти всѣ закрываются, по улицамъ уже не встрѣчаются озабоченно суетящіеся люди, а бродитъ одна только „гулящая“ публика, слоняющаяся по трактирамъ и увеселительнымъ заведеніямъ. Театры и циркъ къ этому времени уже успѣли открыть свои гостепріимныя двери и приступили къ представленіямъ. Увеселительные сады и знаменитые ярмарочные „самокаты“ сіяютъ электрическимъ освѣщеніемъ и разноцвѣтными огнями, шумятъ и гремятъ музыкой, часто очень нестройной и даже дикой, но весьма нравящейся „восточнымъ человѣкамъ“.

Всѣхъ національностей и съѣхавшіяся чуть не со всей Европы и Азіи „ночныя бабочки“, полдня спавшія и полдня опохмѣлявшіяся, ходившія

въ теченіе дня растрепанными и простоволосыми, принаряжаются часто въ очень фантастическія одѣянія, подкрашиваются и цѣлыми роями вылетаютъ на ярмарочные бульвары и Самокатскую площадь.

Многочисленные рабочіе, къ тому-же времени кончающіе работу на пристаняхъ и судахъ, разсыпаются по мелкимъ ярмарочнымъ харчевушкамъ, по „самокатамъ", и въ большинствѣ случаевъ пропиваютъ тамъ послѣдніе свои гроши, доставшіеся имъ потомъ и кровью, 16—часовой изнурительной, въ полномъ смыслѣ каторжной, работой.

Трудовой день прошелъ, „жаръ свалилъ, повѣяла прохлада", и все и вся „гуляетъ"!.. Гуляетъ до полицейскаго протокола, а въ сравнительно недавнее время и „до лозы" степенный купецъ, гуляетъ до одурѣнія и рвоты его приказчикъ, уже и такъ одурѣвшій отъ бѣготни и толкотни въ лавкѣ, гуляетъ до полнаго омерзѣнія и потери женскаго стыда „вольная дѣвица", гуляетъ до казенной квартиры въ части и мученникъ—рабочій, однимъ словомъ, вся ярмарка „гуляетъ"!.. Бодрствуетъ и не „гуляетъ" одинъ только „темный человѣкъ", алчущій и жаждующій поживиться за счетъ „гуляющихъ"...

А „темныхъ личностей" съ темными цѣлями, хотя и подъ благовидными предлогами, всегда сюда съѣзжается многое-множество не только изъ обѣихъ столицъ и другихъ городовъ, но даже изъ заграницы. Наѣзжаютъ карманники всѣхъ ранговъ, „жоржи" всѣхъ отраслей мошенническаго промысла, шуллера, которые оставляютъ на это время свои пріятныя „турнэ" на пассажирскихъ волжскихъ пароходахъ и открываютъ въ ярмарочныхъ номерахъ настоящіе игорные дома, разныя прелестныя, но таинственныя незнакомки въ сопровожденіи своихъ иногда весьма галантныхъ „кузеновъ", разные загадочные странники и странницы, ворожеи, прорицательницы, какіе-то „восточные врачи", гипнотизеры, „монахи" изъ шіитовъ-персовъ, собирающіе „всякое даяніе благо" на гробъ Господень, на афонскіе монастыри и продающіе за хорошую цѣну воду изъ рѣки Іордана, „слезки Богородицы", гнилушки отъ дуба Мамврійскаго и безплодной смоковницы, разные „священные" корешки, камешки, косточки, масло отъ какой-то „мироточивой главы"... Здѣсь практикуютъ какіе-то „агенты" какихъ-то фантастическихъ фирмъ чуть не съ Сандвичевыхъ острововъ, здѣсь скрываются, подъ различными профессіями, даже бѣглые каторжники...

Молохъ и Ваалъ на „всероссійскомъ торжищѣ" идутъ рука-объ-руку. Грубый и откровенный развратъ Востока въ современномъ „Содомъ и Гоморрѣ" мирно уживается съ утонченнымъ развратомъ Запада и даже какъ бы дополняютъ другъ-друга. Любители и любительницы сильныхъ ощущеній здѣсь могутъ погружаться въ физическую и нравственную грязь по самое горло и даже съ головою. Разныя поставщицы живого товара привозятъ сюда, подъ видомъ дочекъ, племянницъ и воспитанницъ, малолѣтнихъ дѣвочекъ. Впрочемъ, такой „торговлей" иногда занимаются и сами родители, соблазненные пріятнымъ шелестомъ радужныхъ бумажекъ. Изъ сосѣднихъ уѣздовъ, крестьянское населеніе которыхъ славится своей физической красотой, на ярмарку ежегодно приходятъ цѣлыя партіи молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя, подъ видомъ кухарокъ, номерныхъ горничныхъ, судомоекъ и пр. занимаются тайной проституціей. И что ужасно—такъ это то, что такое занятіе ихъ односельчанами не считается позоромъ, и парни охотно женятся на дѣвицахъ, сколотившихъ себѣ приданое подобнымъ путемъ...

Такимъ образомъ пьянство, разгулъ и развратъ есть какъ бы неизбѣжное условіе ярмарочной жизни.

Это существо всего ярмарочнаго веселья! И такъ веселится ярмарка съ 7—8 часовъ вечера и до третьяго часа ночи. А, бывало, прежде Макарьевская блудница гуляла напролетъ всю ночь, бывало, она устраивала такія оригинальныя увеселенія, которыя граничили не только съ возмутительными безобразіями, но и прямо-таки съ уголовными преступленіями... На днѣ, напр., соприкасающагося съ нею Мещерскаго озера „много тайнъ погребено".... Но теперь фантастическимъ макарьевскимъ „шалостямъ" въ той или другой степени положенъ предѣлъ, и „шалунамъ", любящимъ проявлять черезъ мѣру широту своей натуры, подрѣзаны крылышки. Поневолѣ успокоиваясь *всего только въ третьемъ часу ночи* (впрочемъ, въ разныхъ „секретныхъ" и „заповѣдныхъ" мѣстахъ различія между ночью и днемъ не существуетъ...), всероссійское торжище съ первымъ же выскользнувшимъ изъ-за горизонта лучемъ солнца начинаетъ пробуждаться, а въ семь часовъ утра его улицы снова людны и шумны, снова на нихъ кипитъ горячая торговая дѣятельность. Ночное гулянье забыто,—и ярмарка снова работаетъ всѣми своими фибрами...

Затихая послѣ оффиціальнаго закрытія и спуска ярмарочныхъ флаговъ 25 августа, въ послѣдніе дни свои, въ началѣ сентября, въ такъ называемое „бабье лѣто", ярмарка вдругъ начинаетъ вновь оживляться. Но оживленіе это далеко уже не такое разноплеменное, какъ въ горячее ярмарочное время, а чисто россійскаго характера. На ярмарочныхъ улицахъ, въ лавкахъ и магазинахъ, въ мелкихъ трактирахъ и харчевушкахъ появляются крестьяне, во множествѣ съѣхавшіеся изъ ближайшихъ губерній, преимущественно изъ поволжскихъ. Полевыя работы къ этому времени бываютъ почти закончены, а съ осени начинается періодъ крестьянскихъ свадебъ. Мужики, бабы и дѣвки стремятся въ это время „къ Макарью" для всевозможныхъ закупокъ. Пріобрѣтаются ситцы, дешевыя шерстяныя и даже шелковыя матеріи, платки, косынки, ленты, картузы, шапки, „спиджаки" и жилетки „съ новымъ брюкамъ и съ калошамъ сапоги", женскіе „дипломаты" къ которымъ теперь такъ неравнодушны деревенскія щеголихи, мужскія „пальты", разныя желѣзныя подѣлки, керосиновыя лампы, самовары, сундуки, закупаются необходимые для свадебъ и другихъ семейныхъ и даже общественныхъ событій, въ родѣ предстоящихъ осенью храмовыхъ праздниковъ, всевозможные продукты: чай, сахаръ, дешевое кавказское вино, преимущественно, „красненькое", разныя сласти и лакомства, такъ называемые „гостинцы", персидскіе фрукты и орѣхи; молодухи же и дѣвки, прежде падкія только на ленточки, бантики и „перстенки", набрасываются теперь на „курсеты", гребенки для прически волосъ, желтыя туфли, цвѣтныя чулки со „стрѣлочками", серебряныя брошки съ поддѣльными камнями, „бруслетки" и медальоны, пахучія мыла и даже на одеколонъ и духи, которые чѣмъ пахучѣе и крѣпче, тѣмъ болѣе считаются „сладостнѣе для носу"... Положительные крестьяне, однако, далеки отъ такихъ „глупостевъ" и дѣлаютъ болѣе положительныя закупки; ихъ особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ „книжки", къ сожалѣнію, болѣе произведенія Никольскаго рынка, дешевые часы, стѣнные и карманные,—послѣдніе преимущественно серебряные съ эмалью и съ такими-же серебряными съ эмалью длинными „шейными" цѣпочками,—самовары и керосиновыя лампы, главнымъ образомъ, висячія съ широкими жестяными абажурами. Говорятъ, что по числу проданныхъ на ярмаркѣ самоваровъ и мелкихъ желѣзныхъ издѣлій (ведеръ, ободьевъ для колесъ и пр.) можно судить о размѣрахъ урожая даннаго года, а

также и о томъ, повысилось-ли или понизилось благосостояніе крестьянскаго населенія ближайшихъ къ ярмаркѣ губерній. Послѣдніе дни ярмарки заманчивы для бѣднаго крестьянина еще и тѣмъ, что въ это время на ярмаркѣ устанавливается необычайная дешевка. Крупныя оптовыя фирмы уже „закрылись" и уѣхали, остались лишь средніе и мелкіе торговцы, которымъ выгоднѣе по дешевымъ цѣнамъ распродать все, чѣмъ везти обратно „залежалый товаръ". Впрочемъ, не распроданный „у Макарія" товаръ рѣдко возвращается въ Москву и другіе города; онъ сдается на коммиссію или въ кредитъ такимъ торговцамъ, которые торгуютъ, исключительно разъѣзжая по безчисленнымъ на Руси ярмаркамъ, преимущественно мелкимъ, которыя, продолжаясь отъ одного-двухъ дней до двухъ недѣль включительно, существуютъ не только во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ большихъ торговыхъ селеніяхъ.

VI.

Разставшись съ земляками, дѣдушка Федулычъ и Даша повернули къ плашкоутному мосту и черезъ полчаса уже были у Главнаго дома. Понятно, Семиныны „товарищи" слѣдовали за ними неуклонно. Потолкавшись въ народѣ подъ Главнымъ домомъ и послушавъ музыку, дѣдъ и внучка пошли розыскивать лавку, „гдѣ-бы подешевле, да получше". Проходя по рядамъ, Даша вдругъ замѣтила на панели что-то блестящее.

— Дѣдушка, глядь-то! — сказала она.—Не равно что-то блеститъ...

— Плохи глаза-то у меня стали!— отвѣчалъ дѣдушка, наклоняясь.— Ишь ты!.. И въ самъ дѣлѣ, какая-то вещица!..

Но не успѣлъ старикъ поднять блестящій предметъ, какъ кто-то ударилъ его по плечу и громко крикнулъ:

— Чуръ вмѣстѣ!..

Поднявъ вещицу, которая оказалась золотымъ кольцомъ съ яркоблестящимъ камешкомъ, дѣдушка Федулычъ обернулся и тотчасъ-же въ крикнувшемъ и ударившемъ его по плечу человѣкѣ призналъ одного изъ товарищей своего недавняго трактирнаго собесѣдника.

— Э, братъ! — сказалъ онъ.—Никакъ вмѣстѣ въ трактирѣ были!

— Какже, вмѣстѣ были, вино пили, по усамъ текло, въ ротъ не попало!—развязно заговорилъ Мишка.— А важнѣюще ты, дѣвица красная, товарища-то моего отдѣлала!..—обратился онъ къ Дашѣ.—Не смотри, что деревенская...

— Ну его!—недовольно отвѣтила дѣвушка.

— Ну, такъ какже, старичокъ Божій? — спросилъ Мишка дѣдушку Федулыча. — Вмѣстѣ нашли, такъ и дѣлить поровну слѣдуетъ!..

— Что-же, вмѣстѣ такъ вмѣстѣ!— добродушно согласился старикъ.— Только будетъ-ли намъ тутъ дѣлить-то что? Смекаю, почтенный, что кольцо то это и пятачка не стоитъ! Не хошь-ли я тебѣ свою половину безъ дѣлежа уступлю!...

— Мнѣ твоего не надо, ты мнѣ мое отдай! — тревожно заговорилъ Мишка. — Ну, дѣдъ! — продолжалъ онъ съ сожалѣніемъ въ голосѣ.— Вотъ сейчасъ и видно нашу матушку— деревню! Уступлю! Ишь какой богачъ уступать-то нашелся!.. Тебѣ, старому, не нужно, такъ у тебѣ внучка— взрослая дѣвица... Ей и того, и другого нужно! По себѣ-то не суди!.. Можетъ кольцо-то это дорогое, можетъ ему цѣны нѣтъ!... Вотъ спросимъ сначала, кто поболѣ насъ знаетъ!.. Ежели ничего оно не стоитъ, такъ и бросимъ его на то мѣсто, съ котораго подняли. Такъ-ли, дѣвица красная? Ась? — спросилъ онъ Дашу. — Тебѣ вѣдь, красавица и сережки въ ушки надо и дипломатъ по модѣ... Деревенская, деревенская, а все-жъ такой дѣвицѣ, какъ ты, никакъ безъ дипломата невозможно...

И слегка дотронувшись рукой до Дашина плеча, Мишка вполголоса и игриво запѣлъ:

Я на улицѣ была,
Видѣла портного,
Заказала дипломатъ
Цвѣта голубого!..

— Такъ-то, старче!..

— Да и, въ самомъ дѣлѣ, дѣдушка!— плаксиво заговорила дѣвушка.—Какже это такъ?.. Нашли вещь, да такъ, ее никого не поспрошавъ, и бросить!..

— Да кого спросить-то, милая?..

— Ишь ты!—даже присвистнулъ Мишка.—На ярмаркѣ-то? Да здѣсь братъ, знающаго человѣка хоть отбавляй! Да вонъ спросимъ хоть того господина!—указалъ онъ на какого то франта, черноволосаго, съ длинными усами, съ бритыми щеками и подбородкомъ, одѣтаго по послѣдней модѣ, что называется, „съ иголочки".—А позвольте, господинъ, васъ обезпокоить!—обратился Мишка къ франту, не дожидаясь согласія старика.—Вотъ мы со старичкомъ этимъ перстенекъ нашли, такъ не можете-ли оцѣнить его: стоитъ-ли онъ чего, или ровно ничего?

Франтъ важно остановился, молча взялъ кольцо и сталъ его осматривать.

— И гдѣ-же вы его украли!—растягивая слова, произнесъ онъ послѣ двухъ-трехъ минутъ осмотра кольца.

— Это то есть въ какихъ же смыслахъ? — отчасти обидчиво, но скорѣе испугавшись, спросилъ дѣдушка Федулычъ.—Какже это мы его украли, ежели мы его сейчасъ только нашли... Вотъ оно тутотко и лежало!

— Это же кольцо дорогое! — серьезно продолжалъ франтъ, какъбы не обращая вниманія на слова старика. — Въ него-же вставленъ бриллiантъ чистой воды!.. Кольцо-же эту стоить триста, даже четыреста рублей!.. Ге!..Хорошово кольцо!.. Какже вы его нашли, вы-же его украли!.. Я никакъ такому не повѣрю Сознавайтесь, канальи!.. Я-же сейчасъ позову полицію!..

Дѣдушка Федулычъ отъ страха чуть не лишился языка. Даша стояла блѣдная, какъ полотно, и дрожала. Мишка, то-же казалось, какъ-будто-бы струсилъ и готовился удирать.

— Ге!.. Струсили!.. И вотъ, значитъ, украли!.. Это не хорошо! Это очень не хорошо!.. И вамъ можетъ быть очень даже худо! — продолжалъ франтъ, но, замѣтивъ охватившій старика страхъ, онъ вдругъ сразу смягчилъ тонъ.—Ну, и полно-же пугаться, старичекъ!.. И съ кѣмъ грѣхъ, да бѣда не бываетъ, — сказываетъ русскаво пословица!—снисходительно заговорилъ онъ, обращаясь къ дѣдушкѣ Федулычу.—Я-же не буду звать полицію!.. Мнѣ-же каково дѣло, украденъ или не украденъ этотъ перстень! У меня-же свой магазинъ золотово и серебряново вещи!.. Я самъ-же мастеръ!.. Ой-же, какой я мастеръ!.. Я такъ передѣлаю этотъ перстень, такъ передѣлаю, что никто и не узнаетъ каковъ онъ былъ прежде!.. О, я хорошій мастеръ!..

— Господинъ, напрасно людей обижаете! — проговорилъ дѣдушка Федулычъ.—Вотъ видитъ Богъ, вотъ онъ, этотъ перстенекъ, тутотко и лежалъ!—продолжавъ онъ, указывая мѣсто на панели.—Вотъ она первая и примѣтила! — указалъ дѣдъ на Дашу.—А вы такой поклепъ!.. Украли!.. Да я семь десятковъ прожилъ, да чтобы, Боже избави, воровать...

— О, Богъ все видитъ! Человѣка обмануть можно, Бога обмануть не можно!—перебилъ франтъ старика.— Зачѣмъ же ты старичекъ безпокоишься? Я-же полицію звать не буду!.. Я-же покупаю у васъ перстенекъ!.. Я даю вамъ двѣсти рублей!... Нашли-ли вы—не нашли-ли, но эта цѣна для васъ хорошая цѣна!..

Подозрѣніе, что онъ могъ украсть кольцо, до того взволновало Федулыча, что старикъ хотѣлъ было тотчасъ-же отказаться отъ своей половины, но взглянувъ на Дашу и сообразивъ, что, если къ его сотнѣ прибавиться еще сотня, то внучка его по ихъ деревни и совсѣмъ бу-

детъ богатой невѣстой, онъ превозмогъ въ себѣ всю горечь оскорбленія и согласился.

-- Вотъ и хорошово дѣло! — воскликнулъ франтъ.—Каждый изъ васъ не за понюхъ табачку, говорятъ русскіе люди, получитъ по сту рублей!.. О, это очень хорошо для бѣднаго человѣка!.. Но, братцы, у меня же съ собою денегъ нѣтъ!.. Я богатый человѣкъ, но съ собой денегъ не ношу! На ярмаркѣ такъ много мазуриковъ, чтобы носить съ собой деньги!.. Вы должны дойдти до моего магазина, и я заплачу вамъ деньги!..

— Вотъ ужъ это мнѣ не сподручно, господинъ! — заявилъ Мишка.—Потому какъ я при дѣлѣ, и при томъ меня хозяинъ отпустилъ до четырехъ часовъ, а теперь смотри ужъ пятый!.. Ужъ вы, господинъ, какъ-никакъ сейчасъ разсчитайтесь!

— Я-же вамъ сказалъ русскимъ языкомъ, что денегъ со мной нѣтъ!— вскипятился франтъ.—Ты ужъ какъ хочешь такъ и дѣлайся со старикомъ... Каково-же мнѣ дѣло до твоего хозяина!.. Я-же вамъ сказалъ!..

— А вотъ что, дѣдушка!—вдругъ вмѣшалась въ разговоръ до того все молчавшая Даша.—У насъ вѣдь есть сто рублей, ну, ты ему и отдай... Что зря человѣка-то держать!.. А мы пойдемъ съ бариномъ, онъ намъ сразу двѣсти рублей и отдастъ!..

— Умная дѣвушка! Ой, какая умная дѣвушка!—воскликнулъ франтъ.— Разумно разсудила!..

— Что и говорить, дѣвица-разумница!—похвалилъ Дашу и Мишка.— Намедни моего товарища такъ отчитала, что его инда въ жаръ бросило, а теперь однимъ словомъ все наше дѣло разрѣшила... Ну что-жъ давай что-ли, старче,сто-то цѣлкачей! Лучше, какъ твоя внучка разсудила, намъ не разсчесться!..

Какое-то тяжелое предчувствіе сжало сердце дѣдушки Федулыча, но онъ тѣмъ не менѣе отдалъ Мишкѣ сто рублей, а затѣмъ пошелъ вмѣстѣ съ внучкой за франтомъ, крѣпко сжавъ въ рукѣ найденный перстень.

— Вамъ-же здѣсь нужно подождать,—строго произнесъ франтъ, не доходя до входной двери одного очень извѣстнаго ювелирнаго магазина.— Вамъ-же безпокоиться нечего, у васъ-же перстень!.. Я-же сейчасъ выйду, вынесу деньги и возьму перстень!.. Мой магазинъ! О, какой мой магазинъ! Первый магазинъ въ Москвѣ!..—хвастливо добавилъ онъ.—Это-же не какая-нибудь бакалейная лавка или лабазъ, и я-же не могу васъ взять съ собой!.. Хотя ты и очень почтенный старецъ и внучка твоя такая, ой, какая разумная дѣвица, — но не могу же я пустить васъ въ мой магазинъ!.. Вы такъ одѣты, у меня-же бываютъ очень важные господа... Скоро-же пріѣдетъ въ мой магазинъ одинъ князь... И вамъ-же самимъ не ловко будетъ быть вмѣстѣ съ такой высокой особой!..

Съ этими словами франтъ важно вошелъ въ магазинъ.

Прошло, однако, полчаса прошелъ часъ, два, начало смеркаться, наконецъ и совсѣмъ потемнѣло, вспыхнуло электричество, а ушедшій франтъ все еще не выходилъ...

— Видно, баринъ-то объ насъ забылъ!—сказала Даша. — Ты-бы, дѣдушка, взошелъ, поспрошалъ его...

— Нельзя внучка... Приказалъ здѣсь ждать!.. Чего-бы еще не вышло... Неровенъ часъ! Глядь, какіе бары-то туда ходятъ...

И, дѣйствительно, множество блестящихъ и сверкающихъ брилліантовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, выставленныхъ въ витринахъ, масса входящихъ въ магазинъ и выходящихъ изъ него богато-одѣтыхъ мужчинъ и дамъ—все это смущало и даже пугало въ сущности добраго и застѣнчиваго дѣдушку Федулыча. Но, однако, не смотря на это, и у него терпѣніе стало лопаться.

Нѣтъ-нѣтъ, да и не утерпитъ старикъ, подойдетъ къ дверямъ, да и заглянетъ въ блестящую внутренность магазина. Это частое заглядываніе въ двери какого-то старичка, наконецъ, обратило на себя внима-

ніе приказчиковъ. Къ нему вышли и спросили, что ему нужно.

— Да вотъ мнѣ-бы хозяина вашего повидать надоть!—застѣнчиво пояснилъ дѣдушка Федулычъ.

— А зачѣмъ тебѣ, старичекъ, нашего хозяина?

— Да какже! Онъ вотъ у насъ перстенекъ купить хотѣлъ... Довелъ до магазина-то, „постойте,—говоритъ,—тутъ у дверей, я деньги вамъ вынесу и перстень возьму“. Вотъ никакъ третій часъ идетъ, а онъ все не выходитъ... Забылъ, чай, о насъ за дѣлами-то...

— Что за чепуха такая! Да вѣдь хозяина нашего и на ярмаркѣ-то вовсе нѣтъ!

— То есть это какже?—удивился озадаченный Федулычъ и разсказалъ приказчикамъ всю исторію о перстнѣ.

У него попросили показать кольцо.

— Ну, жаль тебя, дѣдушка!—сказалъ Федулычу приказчикъ, разсматривающій перстень. — Тебя надули жулики. Это кольцо мѣдное, и въ него вставлено простое, хотя и граненое, стеклышко, оно даже семишника не стоитъ...

Несчастный старикъ весь поблѣднѣлъ, задрожалъ и схватился за голову.

— Батюшки! Отцы родные!.. Да вѣдь это мои послѣднія деньги, кровныя! Приданое внучкино!.. Сколько годовъ я ихъ копилъ!..

Приказчики сжалились надъ бѣднымъ Федулычемъ, усадили его, упрашивали успокоиться, позвали Дашу въ магазинъ и пригласили полицію. Даша навзрыдъ плакала, а не могшій успокоиться дѣдушка безсвязно отвѣчалъ на распросы полицейскаго чиновника.

Вдругъ двери быстро растворились, и въ нихъ влетѣла шикарно-разодѣтая, сильно подкрашенная дама въ громадной шляпкѣ. Она остановилась, изумленно посмотрѣла на полицейскаго, безсвязно говорящаго старика и плачущую дѣвушку.

— Что здѣсь случилось? — спросила она.

Приказчикъ почтительно разсказалъ ей исторію о перстнѣ.

Она подошла къ Дашѣ и вдругъ всплеснула руками.

— Милая!—воскликнула она.—Да вѣдь я тебя знаю! Ты та самая несчастная деревенская дѣвушка, которую такъ больно обидѣлъ мой скверный Васька...

Даша подняла заплаканныя глаза и узнала въ подошедшей къ ней дамѣ Дуньку Сусалую.

— Да, я та самая! — тихо проговорила она.

— Голубушка! Дорогая! — бросилась цѣловать Дашу Дунька Сусалая.—Перестань-же плакать. Не велика бѣда! Я куплю твое мѣдное колечко себѣ на память! Заплачу не двѣсти, а триста, пятьсотъ рублей... У меня эти бѣшеныя рыбниковскія деньги все равно какъ сквозь пальцы льются...

Даша приподнялась и выпрямилась.

— Мнѣ не надо рыбниковскихъ денегъ!—твердо сказала она, и въ ея заплаканныхъ глазахъ сверкнулъ огонекъ.

— Что? Что? Какія рыбниковскія деньги?—опомнился и дѣдушка Федулычъ.

— А вотъ эта барыня хочетъ купить наше мѣдное колечко за триста и даже пятьсотъ рублей...—отвѣтила Даша и тутъ-же добавила, обращаясь къ Дунькѣ Сусалой,—я вамъ подарю его даромъ, если вамъ нужна обо мнѣ память... Я вамъ очень благодарна, вы до прихода Гриши меня тогда однѣ только и защищали...

— Ахъ, какой этотъ Гриша рыцарь!—восклицала Дунька Сусалая.— А всего вѣдь простой деревенскій парень! Онъ, милая, вѣроятно, твой возлюбленный?—спросила она Дашу.

— Это кто-же такая?—тихо спросилъ дѣдушка Федулычъ Дашу.

— Рыбниковская...—шепотомъ отвѣтила Даша.

— Жена что-ли?

— Ну, вотъ еще!--смутилась Даша. —Такъ себѣ... при немъ состоитъ...

— А!—догадался старикъ.

— Милая, скажи-же, гдѣ вы живете, я къ вамъ, въ деревню, непремѣнно пріѣду... Ты меня тогда обязательно познакомь съ твоимъ Гришей... О, не ревнуй, пожалуйста не ревнуй! Не отобью! Ты вѣдь такая хорошенькая! — тараторила Дунька Сусалая.

— Вы ужъ меня, сударыня, простите, стараго дурака,—сурово сказалъ дѣдушка Федулычъ, — только я такъ полагаю, что вамъ къ намъ пріѣзжать не зачѣмъ!... Не компанія! Мы люди простыя и живемъ своимъ трудомъ. Идемъ-ка, Даша!

И дѣдушка, а вслѣдъ за нимъ и Даша, быстро вышли изъ магазина. Старикъ былъ до того разстроенъ, что рѣшилъ даже не заходить на ночевку къ своему старому пріятелю Ларіонычу.

— Пойдутъ распросы, охи, да ахи только! — съ раздраженіемъ подумалъ онъ.—Ну ихъ!...

Безмолвно прошли они ярмарку, плашкоутный мостъ, городъ и поле и только остановились отдохнуть въ перелѣскѣ невдалекѣ отъ своей деревни. Сѣли дѣдушка и внучка на бугорокъ, печальные и убитые, ни слова не сказавъ между собою. Ночь была темная и сырая. Влажный вѣтерокъ, обдавая ихъ сыростью, какъ-то тревожно и какъ-бы чего-то пугаясь, шумѣлъ въ желтѣющихъ листьяхъ окружныхъ деревьевъ и кустарниковъ, а тамъ, въ далекой вышинѣ, распростерлось надъ горемычными странниками темное небо съ безчисленными миріадами сверкающихъ звѣздъ. Долго молчавшая Даша вдругъ разразилась рыданіями и припала головой къ плечу своего стараго дѣда.

— Дѣдушка, родимый! — сквозь рыданія запричитала она.—И чтой-то съ нами стряслось! А все я!.. Все я, глупая дѣвка!.. Вѣдь это я тебя, дѣдушка, надоумила деньги-то жулику отдать!..

— На все воля Божья!—отвѣтилъ старикъ и, посмотрѣвъ на безграничную небесную даль, осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменемъ.

Онъ мало по малу успокоился, на душѣ его стало легче, онъ уже примирялся съ совершившимся несчастіемъ.

— Пойдемъ-ка, дурочка этакая, домой скорѣе. Что зря убиваться-то. Горю слезами не поможешь!—почти весело сказалъ онъ, поднимаясь съ бугорка и берясь за свою палку.— Лихимъ людямъ, что обидѣли насъ, бѣдныхъ, Богъ Судія! Не много они наживутъ на наши сиротскія денежки... Чужое добро въ прокъ не пойдетъ! Намъ-же, внучка,—продолжалъ дѣдушка Федулычъ, — убиваться совсѣмъ не гоже, потому на испытаніе Божіе жаловаться великій грѣхъ! Да и что мы съ тобой потеряли? Сто рублей! Эка невидаль!.. Полно-ка, Даша, что плакать-то. Нѣтъ, милая моя, ничего мы съ тобой не потеряли. И умъ, какой въ головѣ есть, при насъ, и совѣстью мы не покривили, и руки наши къ работѣ по прежнему привычныя! Вотъ это, Даша, точно приданое очень дорогое, оно отъ самого Господа Бога дается! Его потерять— все потерять, а коли оно не потеряно, такъ всякое горе съ полгоря.

— Какъ же мы теперь Гришѣ-то скажемъ?—вдругъ съ грустью въ голосѣ спросила Даша.

— Да такъ и скажемъ, какъ это все было! — смѣясь, отвѣтилъ дѣдушка.—Польстились, молъ, на незаработанныя деньги, а вмѣсто того свои заработанныя потеряли. Разскажемъ, какъ насъ, двухъ дураковъ, стараго да малаго, мошенники провели: мѣдный перстенекъ съ простымъ стеклышкомъ за сто цѣлковыхъ продали! Пусть посмѣется надъ нами... И по дѣломъ намъ! На чужой каравай ротъ не разѣвай!.. Эхъ, да и то сказать!—съ чувствомъ воскликнулъ дѣдушка Федулычъ.—На ярманкѣ, въ суетѣ содомской, пошли перстни искать, а свой-то родной дома забыли!..

— Какой свой перстень?—удивилась Даша.

— Ну-ка, смекни, какой? —съ усмѣшкой сказалъ старикъ.—А Григорій-то? Что же это не перстень? Это самый настоящій, драгоцѣнный, самый дорогой для насъ перстень!..

— Ахъ, дѣдушка! — радостно воскликнула дѣвушка.

— Да это перстень, и не только для насъ съ тобой, а можетъ, и для всего крестьянства нашего!..

— Да, да, да, дѣдушка!—восторженно твердила Даша. — Я вѣрю, вѣрю, вѣрю въ это, и чтобъ мнѣ не говорили противъ, всегда буду вѣрить!..

— А я вотъ и вѣрилъ ему, и не вѣрилъ!—со вздохомъ проговорилъ дѣдушка Федулычъ. — Что-то все больно чудно, что-то незнаемое и не слыханное!.. Видишь ты, надо старую жизнь забыть и старые пути оставить, а пойти по новому пути къ новой, будто-бы, лучшей жизни. А потомъ еще, будто-бы эта новая, лучшая-то жизнь не за горами, а пора ея ужъ наступила, и что крестьянинъ не токмо будетъ, но и долженъ быть ученый и равный во всемъ и съ знатными, и съ богатыми...

— Долженъ и будетъ! — съ воодушевленіемъ громко крикнула Даша.—И мы съ Григоріемъ пойдемъ по новому пути и по нему поведемъ и дѣтей нашихъ, и коли нужно умремъ, а съ пути этого въ сторону не свернемъ!..

— Эге!—не безъ удивленія сказалъ старикъ.—Какая была скромница, а теперь какъ покрикивать научилась!.. А что-же, можетъ, и правда, что такое уже время наступило! — въ раздумьи продолжалъ онъ.—Я вотъ и старикъ, время мое прошло, а послушалъ Григорія, сталъ тоже подумывать, что вѣдь и, въ самомъ дѣлѣ, въ нашей старой жизни счастья для человѣка, особливо для крестьянина, ни на эстолько не было!.. А какже это на свѣтѣ безъ счастія-то жить! А мы вотъ жили и терпѣли и все говорили, что, молъ, такая ужъ наша планида, да на то Божья воля! Оно, конечно, на все Божья воля, но почему-же для насъ она одна, а для другихъ совсѣмъ иная? Неужели мы, сѣрые люди, грѣшнѣе другихъ? Господь справедливъ и многомилостивъ! И не Божья воля въ нашей крестьянской судьбинушкѣ, а человѣческое измышленіе!.. А потому я теперь такъ полагаю, что вамъ, молодымъ, надо пойдти по новому пути и добиться лучшей жизни!.. Ну, а ужъ намъ, старикамъ, чего-же... Намъ въ могилу пора!

— Дѣдушка! Дорогой!

И Даша бросилась на шею старому дѣду и стала покрывать поцѣлуями его лицо и руки.

— А ты полно, стрекоза! — отстраняя отъ себя внучку, сказалъ Федулычъ.—Ты ужъ такъ съ Гришуткой цѣлуйся, когда время придетъ! Слышь, идетъ никакъ кто-то!—прислушиваясь и всматриваясь въ темноту, проговорилъ онъ. — Чай, кто-нибудь изъ нашихъ деревенскихъ... Эй, добрый человѣкъ!—крикнулъ громко старикъ.—Кто таковъ? Куда путь держишь?

— Якимъ Федулычъ! — послышался издалека знакомый голосъ.

— Гришенька! — громко вскрикнула Даша и бросилась на встрѣчу Григорію.

— А я къ учителю ходилъ,—поздоровавшись съ дѣдушкой Федулычемъ, сказалъ Григорій,—только о васъ думалъ, а вы тутъ какъ тутъ... Ну, какъ на ярмаркѣ побывали?

— Да ужъ такъ побывали, другъ, что ой-люли малина!

— Что такое?—тревожно спросилъ Григорій.

— А ужъ пусть тебѣ это невѣста разскажетъ, какихъ мы тамъ олуховъ сломали! Мнѣ, старику, даже стыдно и разсказывать-то!—отвѣтилъ дѣдушка.—А вотъ что ребятки!—сказалъ онъ.—Бѣгите-ка впередъ, побесѣдуйте...Что вамъ съ мной, старикомъ!.

Григорій и Даша обнявшись, быстро пошли впередъ по дорогѣ. Но вотъ

вдругъ раздался громкій раскатистый хохотъ Григорія, къ которому скоро присоединился и смѣхъ Даши.

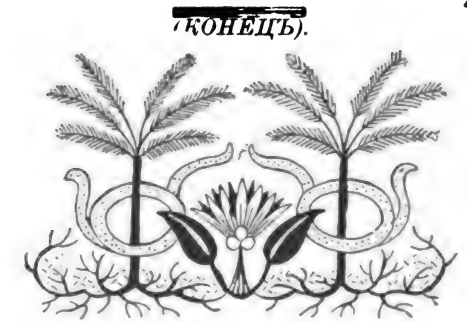
— Вотъ это счастіе!—тихо сказалъ дѣдушка Федулычъ.—Умѣютъ надъ горемъ смѣяться! Развѣ не горе по нашей бѣдности сто рублей потерять!.. А я, старый грѣховодникъ, все о деньгахъ помышлялъ, когда мнѣ о душѣ думать слѣдоваетъ!.. Но они пусть идутъ по новому пути... Господи Боже!—началъ горячо молиться про себя старикъ. — Да хорошъ-ли этотъ новый путь, приведетъ-ли онъ къ счастію и лучшей жизни?..

И онъ невольно поднялъ глаза на засыпанное звѣздами небо. И ласково замигали ему эти безчисленныя звѣзды, всегда такія холодныя и далекія, какъ-бы говоря: „да, хорошъ“! „Да, хорошъ“!—напѣвалъ ему тихій, влажный вѣтерокъ, нѣжно обдувая его старое лицо.

И опустившись на колѣни, онъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, а потомъ припавъ, поцѣловалъ родную землю... Поднявшись дѣдушка Федулычъ бодро зашагалъ по дорогѣ, пролегающей по выжатой уже нивѣ его деревни. Ночь становилась все свѣтлѣе. Очевидно, скоро должна была взойдти луна. Съ нѣжной любовью смотрѣлъ старикъ на широко-раскинувшіяся передъ нимъ дорогія его сердцу поля, политыя и пропитанныя потомъ и его самого, и его отца, и его дѣдовъ, и его прадѣдовъ. И вдругъ ему захотѣлось скорѣе, скорѣе уйдти вонъ туда, на виднѣющійся вдалекѣ погостъ, гдѣ мирно почиваютъ и его отецъ, и всѣ его предки. Но не горе, не тяжесть жизни пробудили въ его сердцѣ это желаніе, а радостное, благоговѣйное чувство. Ему хочется принести этимъ почивающимъ благую вѣсть и сказать имъ: „моя и ваша жизнь была тяжела, полна горя, обиды и бѣдности, но нашихъ внуковъ и правнуковъ Господь хочетъ благословить на новый путь къ новой, лучшей жизни... Благословите-же и вы ихъ“!

Николай Васильевъ.

(КОНЕЦЪ).



Лѣтопись современной литературы и жизни.

(Этюды о текущей литературѣ).

Л. З. Мовичъ.

Борьба современниковъ.

Тетеревъ... „Вся жизнь—твой домъ, твое строеніе.
И оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ!“
(„Мѣщане“ М. Горькаго)

I.

Желая дать картину современности и разсказать о борьбѣ современниковъ, поскольку она отражается въ текущей литературѣ, мы приведены были къ выводу, что люди бѣгутъ изъ деревень въ города, и высказали наше убѣжденіе, что тамъ—въ городахъ—люди „столкуются“ *). Въ слѣдующей статьѣ мы обѣщали показать, какъ „столковываются“ въ большихъ городахъ,—попробовать приподнять завѣсу той лабораторіи, гдѣ варится въ котлѣ будущее человѣчество.

Тема безконечно обширна, и текущая литература каждой строкой своей, каждой буквой говоритъ только объ этомъ, отражаетъ только это, такъ какъ вся текущая жизнь-его, мѣщанина, домъ, его строеніе, ему принадлежитъ, и нѣтъ ничего свободнаго, независящаго отъ него. Чрезвычайно обширна и текущая литература, отражающая мѣщанство; все чаще появляются. Тетеревы, все больше злобы начинаетъ прибавляться къ силѣ ихъ. „Скоты, такой величины, какъ я,—говоритъ Тетеревъ,—не бываютъ злыми,—ты не знаешь зоологіи. Природа хитра. Ибо если къ силѣ моей прибавить злобу—куда бѣжишь ты отъ меня“?

Въ виду обширности литературы о Тетеревыхъ, о томъ, какъ къ силѣ ихъ постепенно и неотразимо прибавляется, прежде всего, знаніе, а потомъ и „злоба“,-читатель долженъ простить намъ нѣкоторую кажущуюся случайность въ выборѣ этой литературы и то, что *современность*

*) Къ прошлой ст. нашей въ X кн. журнала фраза: „Города нужны человѣчеству, чтобы столковаться“,—благодаря неправильно размѣщеннымъ, по корректурному недосмотру, звѣздочкамъ,—указана въ выноскѣ, какъ принадлежащая г. Бунину. Она принадлежитъ извѣстному экономисту—Зиберу.

литературнаго матеріала мы будемъ понимать часто не въ хронологическомъ, а въ психологическомъ значеніи этого слова.

II.

На первый взглядъ кажется ошибочнымъ мнѣніе, будто города играютъ теперь какую-либо новую роль въ исторіи человѣчества. Вѣдь Афины, Римъ, Іерусалимъ, Александрія и др.—всѣ они представляли собою центръ умственной жизни страны, были свѣточами культуры-національной, или общечеловѣческой. Что-же новаго представляютъ собою наши города,—почему мы теперь утверждаемъ, что человѣчество, проходя черезъ *современные* города, идетъ къ тому, чтобы „столковаться"?

Дѣло въ томъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ необычайный физико-химическій процессъ въ самыхъ глубокихъ слояхъ народныхъ, въ самыхъ таинственныхъ нѣдрахъ его. Увеличеніе населенія въ древнихъ центрахъ, въ прежнихъ городахъ не обусловливало собою дезорганизаціи чего-то оставленнаго позади, не создавало ничего новаго, не поглощало всю жизнь страны.

Мы перейдемъ потомъ къ обрисовкѣ значенія города. Теперь-же мы возьмемъ чисто-внѣшнее, количественное различіе. Выселеніе изъ деревень принимаетъ невиданный въ исторіи человѣчества массовый характеръ, такъ какъ „великое переселеніе народовъ" по количеству массъ—ничто въ сравненіи съ современнымъ переселеніемъ изъ деревень въ города—на постоянное жительство, или временное на рабочій періодъ.. „Я кажется, имѣю права утверждать,—говоритъ Карлъ Бюхеръ, что число жителей Европы, которые живутъ не на мѣстѣ своего рожденія,а тамъ, куда, они переселились, много превосходитъ сто милліоновъ"*). Эта колоссальная цифра ярко говоритъ сама за себя. Это значитъ, что четверть населенія Европы перекочевала, оторвалась отъ „могилъ предковъ", вольно или невольно отказалась отъ преданій стараго „добраго" времени, не обростаетъ мохомъ лежачаго камня, приняла активное участіе въ колоссальномъ физико-химическомъ процессѣ, гдѣ старые органическіе остатки пластовъ народныхъ подвергаются гніенію, и изъ этого перегноя ростетъ что-то молодое, яркое, мощное...

Не вдаваясь глубоко въ изслѣдованіе причинъ выселенія изъ деревень, мы должны все-же въ общихъ чертахъ намѣтить ихъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ, конечно, сложные экономическіе факторы современнаго капиталистическаго строя, настойчиво ведущаго крестьянина-собственника къ обезземеливанію, мелкаго мастера ремесленника къ потерѣ своей собственной мастерской и ихъ обоихъ къ тому, чтобы увеличить собою ряды пролетаріата..

Неуклонно-жестоко дѣйствуютъ эти желѣзные законы, и мы видимъ, какъ они—еще лѣнивые, идутъ въ города, гдѣ они будутъ интенсивно работать, — еще невѣжественные, идутъ въ города, гдѣ они волей-неволей должны будутъ подвергнуться выучкѣ,—еще добродушные они тамъ въ городахъ получатъ ту злобу, которой недостаетъ силѣ ихъ...

Землевладѣльческій классъ и крестьянство всегда представляли собою самый консервативный элементъ страны. Этому много причинъ, коренящихся въ соціальныхъ и экономическихъ факторахъ, но мы не будемъ на этомъ останавливаться; намъ важно только то, что землевладѣлецъ принужденъ продать съ аукціона „вишневый садъ" и переѣхать въ городъ, а крестьянинъ, силою вещей, принужденъ идти туда-же за заработкомъ,—и все идетъ въ тотъ самый городъ, который во всѣ времена былъ синонимомъ нов-

*) Э. Вандервельде.

шествъ и прогресса, вольной жизни и свободныхъ идей.

Притягательная сила города, какъ чего то яркаго, свободнаго, безспорно играетъ нѣкоторую роль въ этомъ великомъ переселеніи. Молодое, оригинальное всегда рвалось изъ деревни, всегда стремилось въ поискахъ лучшаго въ городъ, надѣялось найти тамъ отвѣты на свои духовные запросы и меньше путъ для своей личной жизни. Это было всегда и это не ново; но что сама жизнь толкаетъ, гонитъ теперь въ городъ,—гонитъ не только молодежь, но и стариковъ, гонитъ не только часть деревенскаго населенія, стремящуюся къ свободѣ, но и вѣрную завѣтамъ старины, консервативную часть—это несомнѣнно характерно только для нашего времени.

„Волей неволей, но будешь ты мой,“ говоритъ городъ, и они идутъ.. Колоссальной массой, сѣрые, почти безличные, неся съ собою горсточку земли въ одеждахъ своихъ, полныхъ мѣстной поэзіи и профессіональной цѣлесообразности, загорѣлые отъ солнца, съ мозолистыми руками и широкими плечами, съ добродушными кулаками, съ простыми, безхитростными лицами и наивными глазами, съ глубокой вѣрой и съ запахомъ полей въ складкахъ одежды... Шумный развратный городъ встрѣчаетъ ихъ безконечно однообразнымъ, машинно-монотоннымъ трудомъ въ зараженныхъ казармахъ-фабрикахъ, безумной, не знающей удержу въ похоти своей роскошью на улицахъ -наглымъ въ излишествѣ своемъ освѣщеніемъ улицъ, всѣми крайностями роскоши и грязи, великодушія и позора, величавыми храмами наукъ и позорными торжищами разврата... Простой наивно-добродушный, стоитъ онъ оглушенный среди улицы... Онъ ничего еще не понимаетъ, и нѣтъ еще злобы у него... „Ибо если къ силѣ моей прибавить злобу,—куда бѣжишь ты отъ меня“?

III.

„Бродяга является вмѣстѣ съ локомотивомъ, а богадѣльни и тюрьмы такіе же вѣрные признаки матеріальнаго прогресса, какъ роскошные дома, богатые магазины и великолѣпные храмы. На улицахъ, освѣщенныхъ газомъ и охраняемыхъ полицейскими въ мундирахъ, нищіе поджидаютъ прохожихъ, а на тротуарахъ университетовъ, библіотекъ и музеевъ собираются болѣе отвратительные гунны и болѣе дикіе вандалы, чѣмъ тѣ, о которыхъ пророчилъ Маколей“. Такъ характеризуетъ нашъ „прогрессъ“ и наше время Генри Джоржъ,-*) самъ бывшій типографскій рабочій.

—Да, все это—потерпѣвшіе пораженіе въ трагической борьбѣ современности и нашедшіе послѣднее пристанище, если не на днѣ рѣки. или въ петлѣ, то въ богадѣльняхъ, или въ тюрьмахъ. О нихъ мы не будемъ говорить. Vae victis!—страшная борьба кипитъ кругомъ, безконечно число павшихъ, — но идутъ на приступъ рядъ за рядомъ — другіе, безчисленные, безконечные новые полки изъ деревень.

Населеніе общинъ въ Бельгіи, имѣющихъ менѣе 5000 жителей, съ 1846 года возросло только на 272.863 человѣка, т. е. на 9,33%, общины-же, имѣющія болѣе 5000 ч., увеличились на 2.083,751 ч., т. е. на 147,17%—приводитъ намъ яркія цифры Вандервельде... „Всѣ эти мельницы теперь пусты, ихъ бросили за недостаткомъ рабочихъ рукъ... Дѣвушекъ вашъ Парижъ притягиваетъ такъ, какъ блескъ зеркала—жаворонковъ... Парни и дѣвушки уходятъ въ большіе центры... Городъ поглощаетъ ихъ и ужъ больше не выпускаетъ“ **)... Болѣе ста тысячъ поселянъ во Франціи каждый годъ уходятъ и поселяются въ бѣдныхъ городскихъ кварталахъ; ту же

---

*) Генри Джоржъ „Прогрессъ и бѣдность“.
**) Э. Вандервельде.

самую картину мы видимъ и въ другихъ странахъ. Но эмиграція существуетъ не только „окончательная“, какъ называетъ ее Вандервельде,—т. е. выселеніе въ большіе промышленные центры на постоянное жительство, или, даже, въ чужія страны, — а еще, кромѣ того, „ежедневная эмиграція“, которая имѣетъ мѣсто въ промышленныхъ странахъ, какъ Бельгія, Германія, Англія, Швейцарія и др., гдѣ часть рабочаго населенія, благодаря трамваямъ, желѣзнымъ дорогамъ, дешевизнѣ рабочихъ билетовъ и дешевизнѣ велосипедовъ — получаетъ возможность, работая въ городѣ, жить въ то же время въ близлежащихъ деревенскихъ селеніяхъ.

Число такихъ „ежедневныхъ“ эмигрантовъ очень велико, но „переселеніе“ ими еще не ограничивается,—есть еще огромное количество „временныхъ“ эмигрантовъ (отхожіе промыслы). „Это — легкая пѣхота капитала, говоритъ Марксъ, посылаемая, смотря по требованіямъ даннаго момента, то въ одинъ пунктъ страны, то въ другой. Ею пользуются при постройкахъ, работахъ по дренажу, приготовленію кирпича, обжиганію извести, для постройки желѣзныхъ дорогъ“ и т. п...

Капитализмъ неумолимо лишаетъ деревню ея дѣтей, не даетъ имъ тамъ работы. Генри Джоржъ приходитъ къ выводу, что „всякое сберегающее трудъ изобрѣтеніе, — будь то паровой плугъ, телеграфъ, новый способъ выплавки рудъ, усовершенствованный печатный станокъ, или швейная машина, — стремится къ „повышенію ренты“ на землю, т. е. дѣлаетъ еше шагъ къ обезземеленію крестьянина, — толкаетъ его въ ряды пролетаріата. Онъ думаетъ, что если-бы сокращающія трудъ изобрѣтенія давали возможность производить богатства безъ рабочаго труда, то всѣ существовали-бы только благодаря прихоти капиталистовъ - землевладѣльцевъ, владѣющихъ всѣми, купленными ими вишневыми садами, и такъ какъ онъ считаетъ, что хозяинъ жизни — тотъ, кто владѣетъ землей, то онъ съ ужасомъ указываетъ на извѣстные всѣмъ факты, какъ погибаютъ маленькія фермы, какъ вся земля переходитъ въ руки капиталистовъ, какъ въ Калифорніи и Дакотѣ—можно часами ѣхать по безконечнымъ полямъ, среди пшеничныхъ волнъ и не видѣть ни одного человѣческаго лица.

Количество ручного труда сведено къ минимуму,—все дѣлаютъ паровой плугъ и жатвенная машина, и человѣкъ со здоровыми мускулами и несомнѣннымъ правомъ на жизнь ищетъ работу и не находитъ ея у себя въ деревнѣ; и онъ идетъ въ городъ, выноситъ свои мускулы на рынокъ труда, становится въ ряды пролетаріата, который ѣстъ каждый день только то, что заработалъ въ этотъ день, который представляетъ собою валы и колеса изъ мускуловъ и крови, который есть не болѣе, какъ придатокъ къ безчисленнымъ машинамъ--рабъ поденнаго, машиннаго труда...

Но волны эмиграціи всѣхъ формъ —„окончательной“, „ежедневной“ и „временной“ — подымаются все выше и выше... Человѣчество идетъ въ большіе города, чтобы „столковаться“.

IV.

И невѣроятно, чудовищно растутъ города, стягивая къ себѣ все живое, талантливое, яркое и сильное, что есть въ странѣ. Послѣдній изгибъ мысли, утонченнаго чувства и великодушныхъ стремленій—наряду съ позоромъ нищенства, грязи и озвѣрѣнія человѣка, всѣ послѣднія крайности похотливой роскоши—наряду съ гордымъ аскетизмомъ, весь блескъ и глубину современной науки наряду съ дикимъ, слѣпымъ невѣжествомъ—всѣ крайности вмѣщаетъ въ себѣ современный городъ. Но именно благодаря этимъ край-

ностямъ, благодаря безконечной скалѣ противорѣчій, заключающихся въ немъ, — современный городъ представляетъ собою огромный чанъ бродильныхъ микробовъ, брошенный волей какого-то гиганта въ первобытную, черноземную толщу.

Все полно противорѣчій, все ужасаетъ диссонансомъ. На принципѣ равенства построена жизнь современнаго города и, наряду съ роскошью, невиданной городами древняго міра, въ современномъ христіанскомъ городѣ „матери убиваютъ своихъ дѣтей изъ-за денегъ, выдаваемыхъ на похороны“ *); болѣе ста тысячъ человѣкъ въ современномъ Лондонѣ не имѣютъ крова и ночуютъ на улицахъ и въ паркахъ, преслѣдуемые полисменами, — и въ то же время „у насъ есть простые граждане, которые владѣютъ тысячами миль желѣзныхъ дорогъ, милліонами акровъ земли, средствами существованія огромной массы людей“ **)...

Широкой волной въ современномъ городѣ разлито образованіе, — нашъ судъ, наша пресса, формы обычаевъ и нравовъ нашихъ говорятъ о правѣ для всѣхъ, о равномъ участіи въ жизни, о справедливости... И въ то же время ни для кого не тайна, что все и вся продается въ современномъ городѣ — вплоть до права представительства, до голосовъ „свободныхъ“ гражданъ съ пустымъ желудкомъ... Мы говоримъ, конечно, о городахъ Европы и Америки, и тамъ мы видимъ во всей яркости, что весь современный городъ основанъ на лжи, — ложью живетъ, ложь проповѣдуетъ, ложью питается.

Не пуританство, а самое поверхностное пониманіе исторіи подсказываетъ каждому, что недолговѣчно общество, живущее ложью, что къ гніенію и разрушенію идетъ то, что основано на лжи, и что городъ, гдѣ „его величество — самодержавный народъ“ ввергнутъ въ бездну нищеты и отчаянія на окраинахъ въ то время, какъ центръ живетъ всѣми излишествами, — городъ, гдѣ всѣ равны, и въ то же время огромное большинство работаетъ не свою работу, создаетъ кровавымъ потомъ богатства не для себя, — городъ, гдѣ „изнемогаютъ женщины и стонутъ дѣти“, и въ то же время нищенство такъ строго преслѣдуется и ложь заходитъ такъ далеко, что на роскошныхъ улицахъ центра нѣтъ ни одного нищаго, ни одного темнаго пятна — этотъ городъ весь гніетъ, весь разлагается; и эти микробы разложенія будятъ сознаніе въ простодушной душѣ, вливаютъ злобу въ наивные, добрые мускулы...

„Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что самыя основы общества рушатся на нашихъ глазахъ, въ то время, какъ мы спрашиваемъ, *какъ* можетъ погибнуть такая цивилизація какъ наша, съ ея желѣзными дорогами, ежедневными газетами и электрическими телеграфами“. Къ такому выводу приходитъ Генри Джоржъ, показавъ весь ужасъ бѣдности, всю продажность и лживость современнаго общества...

На конечныхъ выводахъ его, мы останавливаться не будемъ, — они красивы и наивны, какъ мечта вѣрующей и ищущей души.

Мы хотѣли только указать, что страшные диссонансы современнаго общества—и города, какъ наиболѣе яркаго и полнаго выразителя его — невольно наводятъ мысль на идею о разрушеніи, о неминуемой гибели нашей цивилизаціи.

Но отъ страстной, религіозной души Генри Джоржа ускользнуло значеніе микроба современнаго города, какъ бродильнаго начала. Онъ не подумалъ о томъ, что крестьянинъ—собственникъ, владѣлецъ маленькой фермы, послѣ того, какъ его клочокъ земли былъ бла-

*) Генри Джоржъ. „Прогрессъ и бѣдность“.

**) Тамъ-же.

тополучно проглоченъ страшнымъ „спрутомъ" современности,—какимъ нибудь трестомъ, синдикатомъ, или просто купцомъ,—и онъ, придя въ современный городъ,—еще наивный, сильный и добрый, какъ „большой скотъ", поселится гдѣ нибудь на окраинѣ, въ рабочемъ предмѣстьи, вступивъ этимъ самымъ въ колоссальный физико-химическій процессъ современности, — онъ волей неволей пойдетъ на выучку къ современному городу; медленно, но неуклонно начнетъ пробуждаться сознаніе въ его головѣ,—пониманіе его классовыхъ интересовъ внѣдряться въ его душу; а все вокругъ, вся жизнь позаботится о томъ, чтобы напоить ядомъ и желчью его наивную, фермерскую душу и злобой зажечь его стальные мускулы... „Ибо, если къ силѣ моей прибавить злобу, — куда бѣжишь ты отъ меня"...

Но микробъ современнаго города не ограничивается этой основной ролью своей... Этотъ микробъ начинаетъ съ того, что убиваетъ у него—у сына полей и лѣсовъ, жившаго почти библейской жизнью — всю наивность старыхъ традицій, всю безконечную поэзію преданій старины, всю вѣру въ непреложность, въ вѣчность кастовыхъ перегородокъ, всего порядка жизни, впитаннаго имъ въ нескончаемомъ рядѣ поколѣній съ молокомъ матери.

Нѣтъ сомнѣнія, внутреннее содержаніе создаетъ форму, обуславливаетъ ее, — но и форма вліяетъ на содержаніе, властно требуя именно такого, а не другого содержанія... Право, равное для всѣхъ, справедливость, гуманность современнаго общества — все это одни слова, форма безъ содержанія, мѣдь звенящая, кимвалъ бряцающій... Но эта „форма" воспитываетъ, пріучаетъ къ извѣстному порядку мысли, повелительно требуетъ соотвѣтственнаго содержанія...

Все въ современномъ городѣ дѣйствуетъ, какъ бродильный микробъ на пришедшаго туда поселянина въ своемъ широкомъ платьѣ, со своими наивными традиціями и доброй вѣрой. Онъ пользуется „экипажемъ для всѣхъ"—конкой, омнибусомъ— и сидитъ въ немъ рядомъ съ „бариномъ"; онъ читаетъ ту же газету, полную большей частью бульварной грязи и яда улицы, онъ слушаетъ ту же пьесу въ театрѣ, пользуется тѣми-же торцовыми мостовыми, когда приходитъ въ „центръ" изъ своего предмѣстья, живетъ часто въ томъ-же домѣ, дышетъ тѣмъ-же растлѣвающимъ воздухомъ улицы большого города...

И все яснѣе начинаетъ онъ сознавать, что часть человѣчества живетъ въ бель-этажѣ, слушаетъ пьесу изъ ложи, или партера, а другая—живетъ въ подвальномъ этажѣ, или не имѣетъ ночлега — и если слушаетъ пьесу, то изъ „райка"... И все чаще приходятъ ему въ голову мысли Поли *): „Вѣдь, видите, какое дѣло,—не всѣ еще люди живутъ! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству ихъ жить-то и некогда совсѣмъ... они только работаютъ, куска хлѣба ради... а вотъ, когда и они..." тогда — куда бѣжитъ мѣщанинъ отъ него?!

. . . „Я не состою въ родствѣ ни съ обвиняемыми... ни съ потерпѣвшими. Я—самъ по себѣ. Я—вещественное доказательство преступленія! Жизнь испорчена! Она—скверно сшита... Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, говорю я. Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... и вотъ, я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить".. Такъ разсуждаетъ захмелѣвшій россійскій философъ, „потомственный алкоголикъ" Терентій Богословскій, Тетеревъ.

Его мысли афористично-сильны, выпуклы и неоспоримо-ярки. Онъ— весь протестъ противъ мѣщанства, и

*) „Мѣщане" М. Горькаго. 4-й актъ.

хотя въ смыслѣ соціальной генеалогіи онъ неправъ, говоря, что онъ ни съ кѣмъ не состоитъ въ родствѣ, ибо онъ есть захудалый, отвергнутый родственникъ „потерпѣвшихъ“ людей четвертаго класса.—изъ большой семьи Lumpenproletariat'a,—но въ основныхъ воззрѣніяхъ своихъ онъ несомнѣнно правъ и, прежде всего, онъ правъ въ своей ненависти къ мѣщанству, въ томъ, что мѣщане сузили, укоротили, сдѣлали тѣсной жизнь... настолько, что человѣкъ долженъ или выступить на борьбу съ мѣщанствомъ, или-же ему „негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить“.

Въ длинномъ рядѣ картинъ это доказываетъ намъ въ серіи своихъ романовъ со свойственной ему методической правильностью и почти научной точностью великій мастеръ слова—Золя. Золя рисовалъ жизнь, какъ есть, иногда съ утомительной фотографической точностью, и непроизвольно она оказалась сплошь мѣщанской, такъ какъ вся современная жизнь—его домъ, его строеніе, выкроена по фигурѣ его, — мѣщанина.

И читая „Вишневый садъ“ Чехова, видя, какъ трогательно красиво плачетъ Любовь Андреевна, когда этотъ самый вишневый садъ былъ проданъ съ аукціона и купленъ внукомъ ея крѣпостного крестьянина Лопахинымъ,—надо удивляться, какой малосознательной жизнью она жила въ Парижѣ, какъ она умѣла только отдавать доходы со своего вишневаго сада какому-то парижскому „милостивому государю“, какъ она смотрѣла и ничего не видѣла, какъ ничему не научилась. И намъ захотѣлось „отряхнуть пыль“ съ одной изъ хартій современности,—съ книги Золя — „Парижъ“, такъ какъ горитъ она пламенемъ страстей сегодняшняго дня, не смотря на то, что написана десятилѣтіе тому назадъ. Она содержитъ въ себѣ всю накипь улицы большого города, весь растлѣвающій воздухъ его, залитыхъ электрическимъ свѣтомъ площадей, гніеніе, порокъ и ложь бель-этажей, грязь, позоръ, нищенство подвальныхъ этажей предмѣстій, великіе замыслы и вѣчные химеры мансардъ...

Громадный, бродильный чанъ передъ нами, и никому не можетъ удаться такъ нарисовать его, какъ это сдѣлалъ Золя. Нѣкоторая сухость манеры его письма, угловатость контуровъ, соединенная съ точностью, доходящей до утомительности, намѣренный символизмъ, переходящій въ противо художественную тенденціозность—все это были-бы ничѣмъ невозмѣстимые недостатки, если-бы мы оцѣнивали романъ съ точки зрѣнія художественной красоты. Но мы не можемъ иначе смотрѣть на такое произведеніе, какъ на *историческій* романъ, такъ какъ чѣмъ ярче возсоздана словомъ современность, тѣмъ книга цѣннѣе для слѣдующаго поколѣнія, а тѣмъ болѣе для отдаленныхъ потомковъ; тѣмъ болѣе это цѣнный и важный историческій романъ.

Маколей рисуетъ картину новозеландца, задумавшагося предъ развалившейся аркой Лондонскаго моста.. Но мы знаемъ, что новозеландецъ вошелъ въ кругъ нашей исторіи, вовлеченъ въ общій физико-химическій процессъ, и поэтому, не отрицая, что когда-нибудь Лондонскій мостъ будетъ лежать въ развалинахъ, мы относимъ все-же это событіе къ неизмѣримо-отдаленной эпохѣ и съ фаталистическимъ оптимизмомъ вѣрилъ въ большую устойчивость нашей цивилизаціи въ сравненіи съ древними.

Читая „Парижъ“ Золя, мы не могли отдѣлаться отъ картины—видѣнія, какъ будетъ читать эту книгу человѣкъ—хотя-бы, двадцать пятаго вѣка. Красивая картина, панорама прошлаго развернется передъ нимъ,— картина, которую никакой современный историкъ — двадцать пятаго вѣка—не сумѣетъ дать такъ,

какъ даетъ Золя. Съ самаго начала романъ открывается непонятной для человѣка двадцать пятаго вѣка драматической сценой. Добродушному толстяку аббату Розу запрещаетъ его епархіальное начальство оказывать милосердіе бѣднякамъ, такъ какъ онъ это дѣлаетъ недостаточно тактично: вынужденной дѣлать это тайкомъ, онъ проситъ аббата Пьера Фромана отнести три франка столяру Лавеву, выкинутому на улицу современной мѣщанской жизнью послѣ долголѣтней работы по причинѣ его старости. Затѣмъ слѣдуетъ сцена еще болѣе драматическая и—пожалуй—еще еще менѣе понятная человѣку двадцать пятаго вѣка. Человѣкъ того времени не сумѣетъ понять душевнаго разрыва, царящаго въ душѣ Пьера, не сумѣетъ осмыслить драматической сцены священнодѣйствія человѣка передъ алтаремъ, который уже больше не святыня для него,—не пойметъ молитву и религіозное служеніе безъ вѣры. Непостижимымъ ему покажется это насиліе надъ своей душой, изумительной безцѣльная и ненужная борьба. А потомъ онъ, не отрываясь, послѣдуетъ за Пьеромъ этимъ гордымъ мечтателемъ съ кроткой, любящей душой и страстной, безпокойно ищущей мыслью.., Будущій читатель ни минуты не остановится на художественномъ пріемѣ автора—на развитіи всего романа въ присутствіи Пьера, черезъ Пьера и для него. Это — прямолинейный символъ, и его пойметъ человѣкъ будущаго, который тоже прочтетъ загадку сфинкса, задаваемую намъ „проклятыми“ вопросами современности.

— Пьеръ будетъ близокъ и дорогъ душѣ его. Онъ захочетъ понять эту страдающую душу, искавшую отвѣтовъ на вопросы въ Лурдѣ, а затѣмъ въ Римѣ и, наконецъ, теперь, придавленную всѣмъ ужасомъ современности, почти теряющую почву подъ ногами.

Человѣкъ двадцать пятаго вѣка повѣритъ, что „Пьеръ слышалъ вопль народа, этого вѣчнаго нѣмого, требующаго справедливости, ропчущаго и грозящаго отнять свою долю, которую у него задерживали силою и хитростью. Ничто не могло отсрочить неизбѣжной катастрофы, братоубійственной войны, которая уничтожитъ старый міръ, осужденный исчезнуть подъ тяжестью своихъ преступленій. Ежечасно, охваченный страшной грустью, онъ ждалъ, что все рухнетъ, и Парижъ потонетъ въ крови, объятый пламенемъ“...

И онъ пойдетъ за Пьеромъ, онъ будетъ съ нимъ на Ивовой улицѣ, гдѣ столько нищеты и страданія, гдѣ грязный, какъ помойная яма, дворъ, зловонныя лѣстницы, убогія квартиры и гдѣ, выбившіеся изъ силъ старики лежатъ въ темныхъ углахъ и умираютъ тамъ, въ грязи, „словно рабочій скотъ, пришедшій въ негодность“. А потомъ въ теченіе цѣлаго дня будетъ сопровождать Пьера въ его хлопотахъ о помѣщеніи въ богадѣльню жалкаго старика Лавева, умирающаго на соломѣ послѣ полувѣковой работы. Онъ будетъ вмѣстѣ съ Пьеромъ на завтракѣ у барона Дювильяра, гдѣ онъ познакомится съ этимъ воплощеніемъ алчной, жадной, всепожирающей и всерастлѣвающей буржуазіи...

Изъ стали выковано описаніе Дювильяра, и этотъ символъ доживетъ, конечно, до двадцать пятаго вѣка... „Дювильяръ былъ искусителемъ, покупщикомъ всякой продажной совѣсти, потому что проникъ въ суть новыхъ временъ, стоящихъ лицомъ къ демократіи, алчной и нетерпѣливой“... Много глубины и пониманія историческаго момента обнаруживаетъ Золя, говоря о Дювильярѣ, что это былъ „грозный человѣкъ, разжирѣвшій тріумфаторъ, дѣйствующій навѣрняка, загребающій милліоны каждымъ взмахомъ лопаточки, фамильярный съ правительствами, смѣщающій мини-

стерства"—неограниченный хозяинъ Франціи...

Позже мы видимъ семью этого человѣка—его развратную жену, соперничающую съ родной дочерью изъ-за любовника, его рахитическаго, вырождающагося недоноска сына, погрязшаго въ противоестественныхъ порокахъ...

Пьеръ идетъ въ парламентъ страны, преслѣдуя свою идею—помѣщеніе старика Лавева въ богадѣльню, — онъ долженъ хлопотать о немъ передъ однимъ изъ депутатовъ—и попадаетъ туда въ разгаръ горячки парламентскаго кризиса. Интрига, продажность царятъ безпредѣльно, готовится „маленькая Панама", подстроенная искусной рукой...—парламентъ представлялъ собою кучу развороченныхъ червей послѣ дождя, и „только позади этихъ вожделѣній трепетала жалкая жертва— цѣлый народъ".. Пьеръ присутствуетъ при дебатахъ народныхъ представителей и убѣждается, что все дѣло идетъ о томъ, кому будетъ принадлежать „завидная честь пожирать Францію".. „Мерзостная окровавленная, разъѣдающая язва зіяла съ безстыдствомъ злокачественнаго рака, который медленно, но вѣрно прокладываетъ себѣ путь къ самому сердцу"...

По тому же дѣлу Пьеръ оказывается въ салонѣ старой графини, гдѣ мы видимъ умершую дворянскую Францію; затѣмъ у современной гетеры—актрисы Сильвіани,—любовницы Дювильяра, о которой можно сказать, что онъ безгранично и нагло владѣетъ Франціей, а она владѣетъ имъ. Мечтателю Пьеру казалось, что онъ „слышитъ страшный трескъ и хрустѣнье обвала разрушающейся семьи".. Пьеръ идетъ въ церковь Магдалины, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ аббатомъ Розомъ и узнаетъ отъ него, что старикъ Лавевъ, смущенный тѣмъ, что изъ-за него Пьеръ безпокоитъ столько высокопоставленныхъ особъ, поспѣшилъ умереть,—на соломенной подстилкѣ, въ холодной чердачной конурѣ...

И Пьеру все болѣе и болѣе начинаетъ выясняться основная мелодія современной жизни, повелительное требованіе *справедливости*. Милосердіе, которое обѣщалъ католицизмъ, никого не удовлетворяло, обнаружило полную несостоятельность. Недаромъ Золя тонкимъ чутьемъ романиста-соціолога отмѣтилъ, что въ фигурѣ самого Дювильяра, — этомъ символѣ буржуазіи — „за одинъ вѣкъ исторіи, за три поколѣнія воплотилось царственное владычество, которому уже грозило близкое крушеніе". Баронъ Дювильяръ еще въ 89 году XVIII-го вѣка сталъ хозяиномъ „вишневаго сада", онъ забралъ его весь, ничего не оставивъ четвертому классу; обманутый французскій народъ началъ отказываться оть милосердія католической церкви, и глухо и злобно рычать, требуя своей доли, требуя *справедливости*... „Пьеръ ждалъ грозы отмщенія... Зловѣщія тучи стекались отовсюду, чтобъ разразиться жестокимъ громовымъ ударомъ надъ этимъ безстыднымъ, сладострастнымъ и вызывающимъ Парижемъ".

VI.

Человѣкъ будущаго вычитаетъ изъ этого удивительнаго историческаго романа всю глубину позора, весь ужасъ паденія современнаго французскаго общества, все безстыдство хозяина исторической арены, всю безконечную алчную наглость правящей буржуазіи. Надо прочесть сцены торжества правящихъ классовъ,—картины благотворительнаго базара у Дювильяра, надо вчитаться въ картину семейныхъ отношеній, раскрывающуюся тамъ во всемъ своемъ безстыдствѣ, надо видѣть эту гніющую буржуазію въ „кабинетѣ ужасовъ"—на гнусномъ зрѣлищѣ, куда стекается „весь" Парижъ, и эту-же буржуазію на другомъ зрѣлищѣ, — присутствую-

щей при казни бунтаря нищеты—анархиста Сальва... Далѣе, этотъ апоѳеозъ буржуазіи—картина свадьбы: когда баронъ Дювильяръ выдаетъ свою дочь за потомка умирающей аристократіи — любовника своей жены... Этотъ праздникъ, гдѣ послѣ ожесточенной войны въ парламентѣ, которую вдохновлялъ Дювильяръ,—онъ является истиннымъ тріумфаторомъ, воплощая въ своемъ лицѣ всю буржуазію, которая, захвативъ себѣ все, не соглашается ни на какой дѣлежъ и „съ сожалѣніемъ оставляетъ кое-какія крохи обездоленнымъ бѣднякамъ рабочимъ, которыхъ такъ ловко надула въ свое время великая французская революція“.. Надо прочесть все это, чтобы убѣдиться, что нашъ далекій потомокъ, человѣкъ двадцать пятаго вѣка, не будетъ имѣть права сказать, что наши современные романисты не видѣли всего ужаса окружающей ихъ жизни...

Но они видѣли еще и собирающіяся грозовыя тучи. Въ цѣломъ рядѣ лицъ намъ показываетъ Золя мстителей,—грозныя тучи на горизонтѣ... Башъ, Янценъ, Барресъ, Гильомъ — ученый химикъ, братъ Пьера,—всевозможные оттѣнки мечтателей,— „друзей человѣчества“, мечтающихъ о всеобщемъ счастіи и продолжающихъ вѣрить въ него, искать его, стремиться къ нему... Онъ показываетъ намъ, какъ въ моментъ общественной опасности *отецъ-рабочій* скептически относится ко всему строю, индифферентно держится въ сторонѣ и не хочетъ поддерживать его, а *сынъ-рабочій*, глубоко возмущенный всей несправедливостью общественнаго строя, готовъ ринуться въ борьбу, чтобы получить посредствомъ насилія то, что у него отняла буржуазія и чего онъ не получилъ посредствомъ свободы... Онъ показываетъ намъ и другихъ людей современности—каждаго со своей вѣрой, со своими надеждами на будущее спасеніе человѣчества.

Въ то время, какъ Гильомъ долгимъ изученіемъ природы и ея законовъ пришелъ къ выводу, въ которомъ нашелъ примиреніе,—возможность требованія безстрастной научной мысли съ мистическими мечтами о соціальномъ благѣ,—къ выводу, что не только эволюція нормальна и естественна, но и катаклизмы также, что вулканическія изверженія не требуютъ этическаго оправданія,—въ то же время великій ученый, химикъ Бертеруа, вѣритъ, что единственно рѣшительный факторъ, который долженъ измѣнить въ самомъ корнѣ всю жизнь, принести человѣчеству „нѣсколько большее количество счастья“, истинный воинъ за новую жизнь,—это наука и только наука... и совѣтуетъ Гильому; „оставайтесь въ своей лабораторіи и работайте тамъ поусерднѣе: общее счастье и благоденствіе могутъ родиться единственно отъ упорнаго научнаго труда“...

А Франсуа,—одинъ изъ сыновей Гильома, еще „инако вѣруетъ“... Онъ находитъ, что вся реакція послѣдняго времени, всѣ безумныя уклоненія отъ здраваго смысла,—что все это не болѣе, какъ послѣднія естественныя судороги умирающаго стараго міра. Онъ полагаетъ, что „рѣка человѣческихъ свѣдѣній, уровень которой все повышается“, снесетъ все это, и что идетъ новый міръ, который принесетъ съ собою трудящаяся молодежь... И авторъ приводитъ аббата Пьера къ религіи будущаго человѣчества... Онъ заставляетъ его убѣдиться, что единственно истинны — посланія всѣхъ творцовъ новыхъ соціальныхъ идей, что—каковы-бы нибыли *оттѣнки* ихъ вѣрованій,—все-же всѣ они вѣрятъ прежде всего въ то, что „необходимо оградить обездоленныхъ, введя иное и болѣе справедливое распредѣленіе благъ земныхъ, соотвѣтственное количеству и цѣнности труда“.

Пьеръ вѣритъ, что „эти истины нынѣшнее девятнадцатое столѣтіе

передастъ двадцатому, для того, чтобы, исходя изъ нихъ, оно создало истинно человѣческую вѣру мира, взаимной солидарности и любви". Пьеру кажется, что онъ присутствуетъ при послѣднемъ рѣшающемъ опытѣ, который дѣлаетъ исторія, и Парижъ рисуется ему громаднымъ котломъ, въ которомъ варится все современное человѣчество.

Ему казалось, что въ этомъ котлѣ по какому-то сатанинскому рецепту, смѣшивая драгоцѣннѣйшія вещества съ самыми грязными,—высочайшія проявленія духа человѣческаго съ самыми позорными инстинктами его,—какое-то высшее существо стремится „изъ этой адской смѣси съ самыми ѣдкими бродильными началами выработать могучія волны благороднаго вина будущности".

VII.

„Пьеръ понималъ теперь истинное значеніе грандіозной работы, производившейся въ глубинѣ котла подъ нечистою пѣною мерзостныхъ отбросовъ". Онъ понималъ теперь, что одряхлѣвшая аристократія, развращенная и изгнившая буржуазія, продажная пресса и весь теперешній міръ, которому грозитъ захлебнуться въ беззаконіи его,—что все это не должно вливать отчаянія въ душу, ибо позади всего этого „непрерывно надвигается неистощимый запасъ людей изъ среды городского и сельскаго простонародія",—пролетаріата, скажемъ мы.

Да, этотъ запасъ неистощимъ... Сѣрые, почти безличные, загорѣлые отъ солнца полей своихъ,—съ наивной вѣрой и крѣпкими, стальными мускулами,—подчиняясь желѣзному закону необходимости, они проходятъ черезъ города, непрерывно движутся, представляя длинныя колонки статистическихъ таблицъ всевозможной эмиграціи, и выбрасываются на какой-нибудь берегъ, оказавшись среди какого-нибудь бродильнаго чана, на улицахъ—безразлично какого—большого города,—ибо всюду „по сатанинскому рецепту готовится благородное вино будущаго". На улицахъ какого-нибудь Парижа, или Нью-Іорка... все равно,—всюду они вначалѣ окажутся „безъ языка", и задача этого сатанинскаго варева въ томъ и состоитъ, чтобы научить какъ можно большую часть человѣчества „языку"...

... „Стали наши, въ бѣлыхъ свитахъ, въ большихъ сапогахъ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и съ большими палками въ рукахъ,—съ палками, вырѣзанными изъ родной лозы, надъ родною рѣчкою — и стоятъ, какъ потерянные, и дѣвушка со своимъ узелкомъ жмется межъ ними" *). Это „наши" лозищане, вырванные невѣдомой стихійной силой изъ родныхъ Лозищей, числящіеся маленькой цифрой въ статистической таблицѣ „окончательной" эмиграціи,—попали въ водоворотъ физико-химическаго процесса и стоятъ на Нью-Іоркской пристани...

Велика, завидна сила и власть поэта. Ему все дано, онъ все можетъ... Въ Волыни есть селеніе, тамъ течетъ рѣка, на берегахъ ея извѣка растетъ лоза, и названа рѣчка „Лозовая"; селеніе названо „Лозищами", а жители всѣ сплошь „Лозинскіе". Лозинскіе — цыфры, статистическій матеріалъ, великій нѣмой, голосъ котораго только изрѣдка слышенъ, какъ ревъ; Лозинскіе — это нѣчто безличное, мощное и жалкое, страшное въ силѣ своей, доброе и покорное, какъ всѣ „большіе скоты"...

Все это и много еще другого вложилъ поэтъ въ этотъ маленькій символъ „Лозинскіе"... Великой властью поэта онъ далъ безличнымъ Лозинскимъ лицо, статистической цифрѣ далъ плоть и кровь, выдѣлилъ одинъ атомъ изъ физико-химическаго процесса, одну каплю изъ сатанинскаго варева и на этомъ по-

*) Вл. Короленко—„Безъ языка". Изд. ред. „Р.Бог.", СПБ. 1903.

кажетъ намъ цѣлую историческую эпоху. Онъ это сдѣлалъ уже нѣсколькими штрихами пока они ѣхали черезъ океанъ. Мы знаемъ суетливаго, добродушнаго задиру Дыму Лозинскаго, дѣвушку Анну, у которой умеръ отецъ на кораблѣ и которая нашла покровителей въ землякахъ своихъ, Дымѣ и Матвѣѣ Лозинскихъ. Именно на этой „каплѣ" варева, — на Матвѣѣ Лозинскомъ, поэтъ хочетъ намъ показать всю творческую власть свою, — именно онъ будетъ „безъ языка" ходить и ѣздить по чуждой странѣ. Символами, образами поэтъ создаетъ новую жизнь, онъ творитъ ее по волѣ своей, беря изъ безчисленнаго множества возможностей то, что ему, творцу, нужно.

Въ бѣлыхъ свитахъ своихъ съ палками изъ родной лозы стоятъ Лозищане на Нью-Іоркской пристани, а изъ города несется рокотъ и шумъ человѣческаго моря, страшное кипѣніе котла современнаго чудовища.

„Жидъ! А ей же Богу, пусть меня разобьетъ яснымъ громомъ, если это не жидъ"! Такъ экспансивно выражаетъ свой восторгъ отъ этой радостной встрѣчи многорѣчивый, суетливый Дыма, узнавъ въ какомъ-то господинѣ, одѣтомъ въ кургузый потертый пиджакъ и съ круглой шляпой на головѣ, родного, *своего* „жида".

Лозинскіе всѣхъ народовъ и почти всѣхъ временъ привыкли имѣть своихъ „жидовъ", и всегда любовно относились къ нимъ. Кто-то сказалъ, что „въ Алжирѣ французъ бьетъ араба, арабъ феллаха, феллахъ жида, а жидъ собаку", и мы думаемъ, что миръ и благоденствіе царятъ въ Алжирѣ, ибо французъ, конечно, любитъ араба, котораго онъ можетъ бить, какъ феллахъ любитъ жида, а жидъ собаку. Но все-таки въ Лозищахъ Дыма, быть можетъ, не обрадовался бы такъ „жиду". Это и оказался подлинный, свой „жидъ",—изъ-подъ Могилева, или Житоміра, Минска, или Смоленска, — вотъ „будто сейчасъ съ базара, — только переодѣлся въ нѣмецкое платье",—который, вдобавокъ, узналъ родныхъ феллаховъ... и обрадовался имъ.

Поэтъ все понимаетъ, даже „благородныя" рабьи чувства „жида" и добродушную похвалу феллаха — Дымы: „Вотъ вѣдь какой это народъ хорошій. Гдѣ нужно его, тутъ онъ и есть". Да, онъ всюду принималъ участіе, во всѣхъ физико-химическихъ процессахъ исторіи — разумѣется, и въ этомъ „рѣшающемъ опытѣ" исторіи онъ принимаетъ дѣятельное участіе, кипитъ и варится больше всѣхъ въ котлѣ; и красивый символъ даетъ намъ поэтъ, взявъ изъ безчисленнаго множества возможностей именно „жида", для первой встрѣчи Лозинскихъ въ Новомъ Свѣтѣ, вложивъ именно въ *его* уста привѣтъ и поздравленіе „съ пріѣздомъ". Онъ, гражданинъ всего міра, онъ, общечеловѣкъ, встрѣчаетъ Лозинскихъ на новомъ берегу и говоритъ „добро пожаловать".

Но онъ уже варится въ котлѣ и отвѣчаетъ на вопросъ, что его звали прежде Борухъ, „а теперь зовутъ Боркъ, мистеръ Боркъ,—къ вашимъ услугамъ,—сказалъ еврей и какъ-то гордо погладилъ бородку". — „А! Чтобъ тебя! Ну, слушай же ты, Берко"... обращается къ нему феллахъ—Дыма. „Мистеръ Боркъ" — поправилъ атомъ физико-химическаго процесса, — „еврей съ еще большей гордостью".—„Ну, пускай такъ, мистеръ, такъ и мистеръ, чтобъ тебя взяло за бока"...

Первый урокъ обученія новому „языку" взятъ, „феллахъ" обращается къ „жиду" со словомъ „мистеръ", — и Лозищане неотвратимо, безповоротно попали въ котелъ.

Ихъ поглотилъ исполинскій городъ съ его безконечнымъ шумомъ, лязгомъ и ревомъ машинъ, безчисленными желѣзнымя дорогами, перерѣзающими улицы, нависающими надъ домами — „и показалось нашимъ, привыкшимъ только къ шуму родного бора, да къ шопоту трост-

никовъ надъ тихою рѣчкой Лозовою, да къ скрипу колесъ въ степи,— что они теперь попали въ самое пекло". Такъ начинается обученіе „нагляднымъ" методомъ людей, пришедшихъ изъ дебрей лѣсовъ своихъ, обученіе всѣхъ „Лозинскихъ".

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, остановиться, какъ хотѣли бы, на этомъ разсказѣ истиннаго, большого поэта; онъ полонъ созерцательной грусти, нѣжной и мягкой задумчивости, чисто-малорусскаго, теплаго юмора и глубины мысли человѣка, много думавшаго о жизни, о людяхъ. много болѣвшаго о нихъ. Но мы позволимъ себѣ напомнить его читателю, поскольку это будетъ необходимо для нашей темы.

Они шли пѣшкомъ и ѣхали по воздушной желѣзной дорогѣ, вселявшей ужасъ въ ихъ сердца, пока, наконецъ, благополучно попали въ „заѣзжій домъ" „мистера" Борко. Онъ ввелъ ихъ въ комнату, гдѣ стояло нѣсколько кроватей,—на одной изъ нихъ лежалъ господинъ, котораго наши Лозищане—„феллахи" приняли за „араба", за „француза",— проще говоря, за „барина"; и когда мистеръ Боркъ объявилъ, что эти кровати для нихъ, то Дыма выразилъ свое робкое недоумѣніе: „А только вотъ этому господину не покажется-ли непріятно? Все-таки мы люди простого званія". И мистеръ Боркъ первый объяснилъ имъ, что „здѣсь свобода: всѣ равные, кто за себя платитъ деньги"; ихъ лично онъ уважаетъ, такъ какъ видитъ. что они — Лозищане — люди солидные, а этого шарлатана онъ и „держать не сталъ-бы, если-бы за него не платили отъ Тамани-холла". Дыма догадывается, что это изъ тѣхъ прилично одѣтыхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ на ярмаркѣ, и что съ этакимъ надо беречь карманы, чтобы не оказаться безъ кошелька,—но мистеръ Боркъ поясняетъ, что здѣсь дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а что онъ не можетъ считать за солиднаго человѣка того, „кто продаетъ свой голосъ Тамани-холлу за деньги".

Эта вторая лекція изъ области соціальныхъ отношеній не совсѣмъ понятна Лозищанамъ, но они поймутъ это потомъ, а пока, непривычные къ обращенію съ такой маленькой вещью, какъ перо,—они работаютъ до седьмого пота за письмомъ къ Осипу Лозинскому — ихъ земляку, давно живущему въ штатѣ Миннезота. Но письмо не можетъ быть отправлено, такъ какъ всѣ буквы, написанныя карандашомъ на клочкѣ бумаги, отъ долгаго тренія въ кисетѣ съ табакомъ у Матвѣя, совсѣмъ истерлись, и изъ затрудненія ихъ выводитъ ирландецъ—„баринъ", лежавшій на кровати. Онъ смѣло надписываетъ: „Миннезота, фермерскому работнику изъ Россіи, Іосифу Лозинскому". Дыма становится пріятелемъ ирландца, и они уходятъ отправить письмо, а серьезный, задумчивый Матвѣй Лозинскій отдается своимъ думамъ, а потомъ долго бесѣдуетъ съ мистеромъ Боркомъ.

Старый еврей жалуется молодому Лозищанину на Америку, на непреодолимую силу ея, на то, что она „ломаетъ человѣка": „она не трогаетъ ничьей вѣры, Боже сохрани!— она беретъ себѣ всего человѣка"; жалуется на то, что тутъ вѣнчаютъ евреекъ съ христіанами и евреевъ съ христіанками, что молодые люди теряютъ свою вѣру, что Америка измѣняетъ людей... „Я вамъ говорю,—Америка такая сторона... Вотъ увидите сами"...

Да, Америка быстро варитъ въ котлѣ. Уже въ тотъ же вечеръ Дыма возвращается бритый, съ американской острой бородкой и въ „кургузомъ" пиджакѣ, вмѣсто его бѣлой, широкой свиты —къ полному ужасу суроваго и серьезнаго Матвѣя.

Всѣ одинаково варятся въ котлѣ, но не все, что тамъ варится, равноцѣнно. Легкомысленный Дыма похожъ на лозу, растущую на берегахъ его родной рѣки, а Матвѣй—на молодой дубъ изъ лѣсовъ его родины.

Матвѣя и Америка не скоро „сломитъ“, но глубже будетъ воздѣйствіе ея на серьезнаго, молчаливаго Матвѣя, безповоротнѣй перерожденіе его въ новой странѣ, въ новыхъ соціальныхъ условіяхъ. Онъ глубоко страдаетъ отъ всего, что видитъ и слышитъ, и ему кажется, что онъ попалъ въ Содомъ и Гоморру. Онъ видитъ, что Дыма сдружился съ ирландцемъ Падди, продаетъ за деньги свой голосъ и портится въ новой обстановкѣ. Онъ боится за судьбу „малютки“ — дѣвушки Анны, къ которой онъ успѣлъ привязаться дорогой, и рѣшаетъ, что для блага ея онъ долженъ помѣстить ее у „нашей барыни“—у дамы, которая проклинаетъ Америку и ея свободные нравы, американское равенство и американскую прислугу и придерживается старыхъ добрыхъ традицій— какъ можно меньше платить и какъ можно больше требовать работы. Для этого она посѣщаетъ время отъ времени заѣзжій домъ „мистера“ Борка и тамъ находитъ всегда какую-нибудь овечку, только что пріѣхавшую изъ-за океана, съ сильными, рабочими руками, съ наивными глазами и мягкой, доброй неиспорченной шерсткой. Мистеръ Боркъ, его сынъ Джонъ и дочь Роза не совѣтуютъ Аннѣ наниматься къ этой „барынѣ“, но Матвѣй находитъ, что ей всего лучше будетъ у „нашей барыни“, и настаиваетъ на этомъ. Матвѣй съ Анной отправляются къ ней, и Джонъ ихъ провожаетъ.

Съ поразительной силой и колоритностью выписана сцена найма прислуги старой барыней, воспитанной на „добрыхъ“ началахъ страны, гдѣ „все стоитъ себѣ спокойно... люди знаютъ свое мѣсто... жидъ такъ жидъ, мужикъ такъ мужикъ, а баринъ такъ баринъ. Всякій смиренно принимаетъ, кому что назначено отъ Господа“...—„Ну, эту исторію надо когда-нибудь кончить“,— сказалъ Джонъ, поднимаясь, — Матвѣй и Анна почтительно стояли у дверей, а давно уже вываривающійся въ котлѣ Джонъ сидѣлъ въ присутствіи барыни. Эта фраза его, не относилась, впрочемъ, ни къ чему другому, какъ только къ тому, что ему надоѣло слушать соціальную философію старой барыни, и онъ объявилъ условія найма: „пятнадцать долларовъ, отдѣльная комната и свободный день въ недѣлю. Но Анна, по приказанію Матвѣя, остается безъ всякихъ условій, такъ какъ онъ увѣренъ, что барыня ее не обидитъ“... Разсерженный Джонъ уходитъ, а Матвѣй замѣшкался немного, чтобы попросить мѣстечка у барыни „по двору, въ огородѣ, или около лошади“, — и пока барыня успѣваетъ ему отвѣтить: „Нѣтъ, милый! Какіе огороды! Какія лошади! Здѣсь сенаторы садятся за пять центовъ въ общественный вагонъ рядомъ съ послѣднимъ оборванцемъ“, — уже и слѣдъ Джона простылъ.

Совѣсть начинаетъ мучить Джона, что онъ бросилъ Матвѣя одного, и онъ сейчасъ-же возвращается, но Матвѣй успѣлъ уже сдѣлать нѣсколько ложныхъ шаговъ и безповоротно потерялъ домъ № 1235, изъ котораго вышелъ,—потерялъ и „потонулъ въ огромномъ городѣ, точно иголка на пыльномъ проѣзжемъ шляху“.

Дальше слѣдуютъ страницы, рисующія трагическій ужасъ одинокой души среди милліона себѣ подобныхъ, безъ возможности понять другого, безъ выхода, безъ конца этой трагедіи одиночества. На фонѣ яркой, кипучей и многогранной жизни Нью-Іорка, освѣщенная тихой, лучистой улыбкой юмора поэта, эта трагедія потрясаетъ душу.

Матвѣй ходитъ и ходитъ по Нью-Іорку, и многіе „обратили вниманіе на страннаго человѣка, который, стоя въ серединѣ этого людского потока, кричалъ:—Кто въ Бога вѣруетъ, спасите“!—Но никто изъ этого людского потока не спасъ его,—не потому, что никто не вѣрилъ въ Бога, а потому, прежде всего, что его не

понимали,—и потому еще, что всѣ спѣшили, всѣмъ было некогда, всякій былъ занятъ собою...

Матвѣй рѣшилъ идти впередъ, пока окончится городъ и начнутся поля, и тогда—„подойду къ первому, возьму косу изъ рукъ, взмахну разъ-другой, такъ тутъ уже и безъ языка поймутъ, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло"... Но когда онъ добрался до поля и увидѣлъ, какъ „ползетъ желѣзная машина и грызетъ, и роетъ, и отваливаетъ широкую борозду чернозема", то онъ пришелъ въ ужасъ, не зная, на что-же онъ можетъ пригодиться въ этой сторонѣ. Онъ возвращается назадъ, ѣдетъ всякими дорогами и, наконецъ, попадаетъ въ Cential Park, гдѣ въ изнеможеніи отъ долгой ходьбы, засыпаетъ подъ кустами. Вдругъ изъ кустовъ выходитъ человѣкъ и что-то ему говоритъ на непонятномъ языкѣ. Напуганный, замученный Матвѣй далъ рѣзкій окрикъ, и незнакомецъ исчезъ въ кустахъ. Оба одинокіе, оба выброшенные изъ огромного людского потока, быть можетъ, оба „безъ языка", — они, естественные друзья, встрѣтились, какъ враги и разошлись, а „можетъ быть... мало-ли что можетъ быть! Можетъ быть, эти два человѣка нашли бы другъ въ другѣ братьевъ до конца своей жизни, если-бы они обмѣнялись нѣсколькими братскими словами въ эту теплую, сумрачную, тихую и печальную ночь на чужбинѣ"...

Да, все можетъ быть, но чаще бываетъ, что люди съ даромъ рѣчи касаются другъ друга только локтями, стоятъ „безъ языка" другъ около друга, и утро застаетъ одного изъ нихъ, висящимъ на одномъ изъ шептавшихъ деревьевъ, „съ страшнымъ, посинѣвшимъ лицомъ и застывшимъ стекляннымъ взглядомъ"...

На это утро былъ назначенъ митингъ безработныхъ и, репортеръ газеты „Sun" сфотографировалъ „перваго человѣка", явившагося на митингъ—Лозинскаго Матвѣя—и висящее тѣло самоубійцы, подписавъ подъ этимъ: „человѣкъ, который явился еще раньше"... Потомъ начался митингъ, говорилъ „извѣстный ораторъ рабочаго союза мистеръ Чарльзъ Гомперсъ". „Прежде всего отдадимъ почетъ одному изъ нашихъ товарищей, который еще этой ночью изнемогъ въ трудной борьбѣ"...началъ ораторъ.—„Въ груди у Матвѣя что-то дрогнуло. Онъ понялъ, что этотъ человѣкъ говоритъ о *немъ*, о томъ, кто ходилъ этой ночью, по парку, несчастный и безпріютный, какъ и онъ, Лозинскій, какъ и всѣ эти люди съ истомленными лицами"...

„Въ груди Лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное... ему казалось, что сейчасъ будетъ что-то, отъ чего станетъ лучше всѣмъ, и ему, лозищанину, затерявшемуся точно иголка, на чужой сторонѣ"... Онъ стремится впередъ, чтобы излить свое переполнившееся сердце мистеру Гомперсу, но наталкивается на полисмэна Гопкинса, которому онъ хочетъ разсказать о томъ, какъ онъ несчастенъ и—по обычаю своей родины, глубоко заложившей въ него „привычки робкой тишины"—нагибается, чтобы *поцѣловать* руку у полисмэна.

Тогда происходитъ маленькое недоразумѣніе. Мистеръ Гопкинсъ рѣшилъ, что дикарь хочетъ укусить его и пустилъ въ дѣло „клобъ"-палку свою. „Лозищанинъ поднялся, какъ разъяренный медвѣдь". Въ слѣдующее мгновеніе мистеръ Гопкинсъ лежалъ на землѣ, „а черезъ нѣсколько секундъ огромный человѣкъ, въ невиданной одеждѣ, лохматый и дикій, одинъ опрокинулъ ближайшую цѣпь полицейскихъ города Нью-Іорка"...—„Ибо если къ силѣ моей прибавить злобу,-куда бѣжишь ты отъ меня"?

VIII.

Послѣ всей трагедіи одиночества въ милліонномъ городѣ и блужданія по немъ „безъ языка", Матвѣй очутился въ Дэбльтоунѣ, приписался

къ штату, подавалъ свой голосъ „и понемногу даже лицо его измѣнялось, мѣнялся взглядъ, выраженіе лица, вся фигура. А въ душѣ всплывали новыя мысли—о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни".—Старый Матвѣй Лозинскій въ бѣлой широкой свитѣ и съ узенькимъ клочкомъ Лозищанскаго неба въ душѣ умеръ и не воскреснетъ больше. У новаго Матвѣя Лозинскаго, который уже два года варился въ котлѣ, появились новые взгляды, новое небо. Онъ измѣнилъ бѣлой свитѣ и старымъ традиціямъ, бараньей шапкѣ и „привычкамъ робкой тишины". Онъ сдѣлалъ значительные шаги въ изученіи языка и сумѣетъ теперь понять мистера Чарльза Гомперса, сумѣетъ теперь объясниться съ почтеннымъ полисменомъ города Нью-Іорка—мистеромъ Гопкинсомъ, сумѣетъ понять теперь и то, что „безъ языка" говорило тогда въ его широкой душѣ, когда онъ былъ маленькимъ атомомъ какого-то огромнаго цѣлаго, маленькой каплей того моря, которое захлестнуло его на митингѣ въ Central Park'ѣ.

Велика власть поэта. Онъ повелѣлъ—и изъ безчисленнаго множества возможностей, грозящихъ гибелью при такомъ изученіи „языка", Матвѣй Лозинскій выходитъ невредимымъ, и черезъ два года мы видимъ его такимъ-же задумчивымъ, серьезнымъ, съ тѣми же глубокими синими глазами, такъ-же смотрящими въ глубь своей души, видимъ его подходящимъ къ № 1235-му. Отводя Анну къ „нашей барынѣ" онъ говорилъ ей: „Такъ вотъ что я скажу тебѣ, сирота. Отведу я тебя къ той барынѣ... къ нашей... А самъ посмотрю, на что здѣсь могутъ пригодиться здоровыя руки... И если..если я здѣсь не пропаду, то жди меня... Я никогда еще не лгалъ въ своей жизни и.. если не пропаду, то приду за тобою"... И онъ—новый Матвѣй, Лозинскій,—но съ прежними синими глазами, исполнилъ свое обѣщаніе, пришелъ за нею, ибо не лжетъ никогда Матвѣй Лозинскій, и ему недоставало только одного—*языка*, чтобы не погибнуть и вернуться въ № 1235-й за прекрасной „спящей царевной" своей...

Дульцинея Толозская была коровница, но казалась рыцарю Донъ Кихоту прекрасной дамой. Жизнь полна символовъ. Анна—только прислуга у „нашей барыни", но эта Сандрильона—прекрасная „спящая царевна", и Матвѣй Лозинскій, обучившись „языку", придетъ за нею, ибо Матвѣй Лозинскій никогда не лгалъ. Ворча и проклиная американскіе порядки, наша барыня не могла все же не усадить этого серьезнаго человѣка въ черномъ сюртукѣ и не осмѣлилась не отпустить „спящей царевны"... Вѣдь Матвѣй Лозинскій обучился языку и *пришелъ* за нею, и наша барыня не рѣшилась „прибавить злобы къ силѣ его"...

Не правъ Генри Джоржъ въ томъ, что допускаетъ возможность разрушенія нашей цивилизаціи и возстаетъ противъ вѣры современнаго человѣчества, которую онъ называетъ „оптимистическимъ фатализмомъ"—вѣры въ то, что естественное развитіе современнаго общества, повелительное требованіе соціальныхъ законовъ приведетъ человѣчество къ спасенію. Онъ забываетъ о томъ, что Лозинскіе непрерывно и безконечно идутъ черезъ города, обучаются тамъ „языку" и возвращаются къ номеру 1235-му, чтобы взять свою „спящую царевну"... Это фатально.

Жизнь полна символовъ. Всѣ истинные поэты, не будучи „символистами", знаютъ это.

Наше время—время справедливости; милосердіе перестало удовлетворять. Недаромъ Тетеревъ горячо протестуетъ противъ того, что зло слѣдуетъ оплачивать добромъ. Онъ требуетъ, чтобы добро цѣнили и строго-честно платили за него. „Но за зло—всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его вамъ. Если

онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, опрокиньте гору на голову его"...

Жизнь полна символовъ. Раскрыть ихъ, углубиться въ ихъ смыслъ, освѣтить эту глубину—чрезвычайно интересно и полезно. Драма Горькаго „Мѣщане", какъ произведеніе истинно поэтическое, полна символовъ, и мы намѣрены когда-нибудь вернуться къ ней. Мы попробуемъ вычитать изъ этихъ символовъ распадъ мѣщанской семьи Безсѣменова, разсмотримъ, какъ и насколько научился „языку" *воспитанникъ* мѣщанской семьи—*машинистъ* Нилъ, уходящій изъ этой мѣщанской семьи съ совсѣмъ плохо обучившейся „языку" Полей, чтобы съ нею создать новую семью. По символамъ поэта мы попробуемъ представить себѣ будущую семью Нила, его домъ. Не будетъ-ли и его домъ—мѣщанскій?— По символамъ мы опредѣлимъ, уяснимъ себѣ молодыхъ мѣщанъ: Петра, уходящаго изъ дома отца, но о которомъ Тетеревъ убѣжденно говоритъ: „Не безпокойся, старикъ.. твой сынъ воротится.. онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ.. переставитъ мебель и будетъ жить, какъ ты"...—и Татьяну, принужденную остаться у отца и жалѣющую людей, которые вѣрятъ... „Вѣдь жизнь всегда была такая, какъ теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая"...

Мы попробуемъ, сопоставляя символы,—сравнить между собою бывшаго аббата Пьера Фромана, разорвавшаго съ „милосердіемъ" мѣщанства и ушедшаго къ требующимъ справедливости; машиниста Нила,—здороваго желудкомъ и душой, воспитанника Безсѣменова, вѣрящаго въ то, что „наша возьметъ" и любящаго ковать „злую, жгучую, безформенную массу", по которой „бить молотомъ—наслажденіе"; бродягу Тетерева— „вещественное доказательство" преступленія мѣщанскаго общества,-ходячій бродильный микробъ— и... хотя-бы стараго мечтателя стараго общества, иного міра—Исаію—...„И будутъ строить дома и жить въ нихъ; и насаждать виноградники и ѣсть плоды ихъ. Не будутъ строить, чтобы другой жилъ, не будутъ насаждать, чтобы другой ѣлъ".

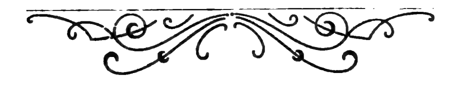
Левъ Мовичъ.

На берегу.

Посв. Л. Н. Андрееву.

Я надъ моремъ стою... Предо мною гряды
Мшистыхъ скалъ, расщепленныхъ волнами,
А за ними просторъ, голубая вода,
Съ отраженными въ ней небесами...
Изъ прозрачныхъ глубинъ выбѣгаютъ струи
И стремятся къ землѣ изнуренной...
Ей несутъ онѣ пѣсни и ласки свои,
Манятъ къ жизни иной, обновленной.
Но тяжелые камни усѣяли путь
Милымъ вѣстникамъ вешней отрады...
Бьются волны въ бездушную, жесткую грудь,
Силясь сдвинуть утесовъ громады...
Бьются волны... Порою отхлынутъ назадъ,
Пропадая въ лазури безслѣдной,
И опять набѣгаютъ, и снова звенятъ
Пѣснью бодрою, пѣснью побѣдной.
Но безъ страха слѣжу я за этой борьбой
И тверда моя юная вѣра:
Близокъ часъ: и размоетъ немолчный прибой
Расщепленныя, дряхлыя шхеры...

Сергѣй Ѳедоренко.



Обзоръ журналовъ.

На очередныя томы.—Весну ли встрѣчаемъ теперь?—Мысли о прошломъ.—Объ общественныхъ силахъ: Мечты о будущемъ.—Назадъ нѣтъ возврата.—Ликованіе россійскаго обывателя.—Трезвое отношеніе.—Новый путь, свободное слово и независящія обстоятельства.—Добрые сѣятели и злыя сѣмена.—Законный бракъ и незаконная отставка.—Декольтированное неприличіе.—Вицъ-мундиръ изъ коленкора.—Борцы за оловянныя пуговицы и казенный покрой.—Независимость личности.—Сборища безъ водки и картъ.—Противозаконіе.—Цензура подъ цензурой.—Счастье и правда.—Званные и избранные.—Около литературы.—Прощаніе Герцена съ Россіей.—Сахалинъ, какъ колонія.—Годная культура; Г. Энгельгардтъ на отвѣтственномъ посту.—Богъ и мамона.—Писательская честность и критическій доносъ.—Изъ прошлаго.—Бюрократическія записки.—1-я военная гимназія и ея директоръ.—Особые педагогическіе пріемы.—Печальный конецъ.

„Вѣстникъ Европы“ Ноябрь.—„Правда“ Октябрь.—„Русское Богатство“ Октябрь.—„Образованіе“ Октябрь.—„Русскій Вѣстникъ“ Октябрь.—„Міръ Божій“ Ноябрь.—„Русская Мысль“ Октябрь.—„Новый путь“ Октябрь.—„Русская Старина“ Ноябрь.

Послѣ долгихъ лѣтъ зимней стужи и непогоды повѣяло какъ будто живительнымъ тепломъ. Весна ли это или первые признаки выздоровленія послѣ долгой томительной болѣзни, но несомнѣнно одно: русское общество и выразительница его мнѣній, чаяній, надеждъ и грезъ, повременная печать заговорила, пробудилась къ жизни и въ узкихъ предѣлахъ, отведенныхъ ей, поставила рядъ вопросовъ.

Оживленіе мысли сказалось ясно. Прошлое отходитъ въ область преданія, на смѣну ему идетъ будущее и, гоня мракъ долгой полярной ночи, загарается день. Заря занимается, и предразсвѣтныя сумерки окрашены уже ея розовымъ сіяніемъ; тѣни ночи еще борются со свѣтомъ, полчища ихъ въ послѣдней схваткѣ стремятся одолѣть его, но „свѣтъ свѣтитъ, и тьма его не объятъ“. Не остановить того, что должно быть неизбѣжнымъ. За зимой идетъ весна. Но весну ли встрѣчаемъ мы теперь?!

Характеризуя недавнее прошлое, *„Вѣстникъ Европы“* даетъ такую картину:

„Мучительный разладъ, слишкомъ долго отравлявшій нашу жизнь“—„подавленіе началъ мѣстнаго самоуправленія и самодѣятельности, необходимыхъ для благоустройства и благополучія страны“,—„непонятный антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ“.

Мучительный разладъ, отравлявшій нашу жизнь и проистекавшій отъ недовѣрія къ къ обществу, выражавшійся въ тысячахъ мелочахъ, смѣняется теперь обратнымъ теченіемъ. Старый путь пройдетъ до конца. Результаты его у всѣхъ на лицо. Конечно, замѣчаетъ тотъ же „Вѣстникъ Европы“, „въ средѣ, сродившейся съ тьмою, благоденствовавшей подъ ея покровомъ, вѣрившей въ ея безконечность, возникаетъ явное или худо скрываемое смятеніе. Формы, которыя оно принимаетъ, бываютъ различны. Параллельно съ упорнымъ отстаиваньемъ старины, съ нежеланіемъ признавать самое существованіе перемѣны, идутъ усилія приспособиться къ новому теченію—приспособиться къ нему, конечно, чисто-внѣшнимъ образомъ, обезпечивая за собою возможность отступленія на прежнюю позицію“.

И невозможное бываетъ возможнымъ...

Русское общество давно ждало призыва на самостоятельную работу, какъ ждетъ теперь простора для своихъ духовныхъ силъ

и творческаго духа. Безъ нихъ всякая созидательная работа невозможна. Закрѣпощеніе дало только одни отрицательные результаты. Всѣ лучшія силы общественнаго организма, обреченныя на небытіе, должны естественно хирѣть и замирать; вмѣстѣ съ удаленіемъ лучшихъ общественныхъ элементовъ отъ активной работы выдвинулись ряды дѣятелей новой формаціи.

Эти „плоды до времени созрѣлые“ хорошо знали одно лишь, что на „безлюдьи и Ѳома дворянинъ“.

„Дворянствующіе на безлюдьи Ѳомы“ во очію, ясно доказали и свою неспособность, и любовь къ общественному пирогу, и благоговѣніе предъ шкурными вопросами, и умѣніе священнодѣйствовать во храмѣ бога „держи носъ по вѣтру“.

Но какъ подъ снѣжной пеленой невредимо прозябаютъ и готовы къ новой жизни всходы, такъ обстоитъ дѣло и съ лучшими русскими силами.

„*Правда*“ отмѣчаетъ, что послѣднія „захирѣли и пропали лишь для самого правительства, для данной полосы, государственной жизни. Дѣйствительно, что стало съ печатью, общественнымъ мнѣніемъ, школой, самоуправленіемъ, союзной свободой, публичными правами общества? Ограничительныя мѣры, примѣнявшіяся главнымъ образомъ въ административномъ порядкѣ, задержали развитіе всей нашей періодической прессы и привели ее къ такому забитому состоянію, что печать — мы говоримъ о такъ-называемой легальной печати — совсѣмъ перестала быть выразителемъ общественнаго мнѣнія. Все, что могло имѣть жгучій общественный интересъ,—именно обо всемъ этомъ и нельзя было писать. Общественное мнѣніе могло бы выражаться и въ другихъ формахъ, помимо печати, но и этихъ, и безъ того ограниченныхъ правъ постепенно лишилось русское общество“.

Таково прошлое. Оно сознается всѣми и, по вѣрному замѣчанію „*Русскаго Богатства*“, теперь „даже въ лагерь крайнихъ реакціонеровъ проникло сознаніе той истины, что несеніе равныхъ обязанностей предполагаетъ пользованіе равными правами. Надо ли говорить, что практическое примѣненіе этой истины въ жизни государства не допускаетъ никакихъ ограниченій и оговорокъ? Свобода совѣсти, сопровождаемая ограниченіями, не будетъ уже свободою совѣсти. Неполное равноправіе національностей будетъ равносильно полному отсутствію равноправія между ними. Въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ въ сущности мѣста ни для какого средняго положенія, и одно только признаніе за каждымъ гражданиномъ всѣхъ государственныхъ правъ, внѣ всякой зависимости отъ его религіи и національности, явится со стороны государства дѣйствительнымъ осуществленіемъ принципа довѣрія къ населенію“.

Старое изжито. Молодое, доброе, здоровое теченіе должно побѣдно выйти впередъ. Русская интеллигенція переживаетъ теперь переходное время.

Возвращаться назадъ нельзя. Прошлое опредѣлилось вполнѣ и рисуется ясно, да, наконецъ, „все въ Божьемъ мірѣ идетъ впередъ, совершенствуется“. Въ этомъ залогъ прогресса. Страна, отказавшаяся отъ послѣдняго, обрекаетъ себя на плѣсень коснѣнія и застой, гибельный для всякаго живаго организма. Впередъ! Только здѣсь жизнь и побѣда.

„Назадъ возврата не должно быть: ждетъ кипучая работа, накопившаяся за все время застоя, когда русская жизнь была похожа, по выраженію князя Трубецкого, на „дортуаръ въ участкѣ“, говоритъ *Міръ Божій*.

„Какъ въ спертой атмосферѣ долго непровѣтриваемой комнаты, куда давно не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, въ нашей застоявшейся общественной жизни накопившіяся кучи всякаго сора и затхлый удушливый воздухъ мѣшаютъ всякому движенію, не позволяютъ вздохнуть полной грудью, энергично и честно, не токмо за страхъ, а за совѣсть—взяться за трудъ, за устройство нашего общественнаго быта“...

„И чтобы теперь взяться за трудъ общественнаго устроенія, необходимо прежде всего дать людямъ вздохнуть свободно, распутать тѣ безчисленныя путы, которыя вотъ уже двадцать пять лѣтъ неустанно накладывались на наши ноги и руки. Снять эти путы— вотъ что необходимо прежде всего. Иначе всѣ слова о „довѣріи“ такъ и останутся словами“.

Если въ концѣ пятидесятыхъ годовъ русское мыслящее общество жило одной горячей вѣрой, одной мечтой объ освобожденіи милліоновъ рабовъ, привѣтствуя священный актъ 19 февраля, если въ эпоху великихъ

реформъ общество какъ одинъ человѣкъ съ напряженіемъ слѣдило за созидательной работой правительства, то теперь мы переживаемъ такой же канунъ великой реформы— раскрѣпощенія общества. Оно нетерпѣливо ждетъ, чтобы слова о довѣріи превратились въ дѣло, и оно сама смѣло и свободно смогло приняться за созидательную работу, свободное отъ всякихъ путъ и окрыленное собственной иниціативой и энергіей; тогда дѣйствительно наступитъ весна въ русской жизни. А весною солнце свѣтитъ, весною птицы поютъ, не ради отдыха рабочаго человѣка. Для него весна и работа—синонимы. Этой работы для нашихъ общественныхъ работниковъ накопилось такъ много...

Въ пору ликованій и надеждъ россійскаго обывателя „*Образованіе*“ задало строгій, но справедливый вопросъ—„Что предпринимается обывателемъ для его собственнаго избавленія отъ грозящихъ ему ранъ и скорпіоновъ? Высказался ли онъ за необходимость созданія учрежденій, гарантирующихъ его отъ подобныхъ перспективъ? Нѣтъ, онъ все только ликуетъ по поводу начальственнаго къ нему благожелательства и благорасположенія, не задумываясь даже о томъ, что самое его ликованіе, можетъ быть, будетъ очень скоро внесено въ его формулярный списокъ въ качествѣ „поступка“, указывающаго на несомнѣнно вредный его, обывателя, образъ мыслей и потому вынуждающаго начальство принять по отношенію къ обывателю либо мѣры карательныя, либо предупреждающія и пресѣкающія“...

Но... „тьмы низкихъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“. Обманъ мечты и грезъ, которыя такъ рѣдко дѣйствительно сбывались подъ россійскимъ небомъ.

Надѣяться черезъ-чуръ и обольщаться надеждами, не шевеля ни однимъ изъ десяти пальцевъ, дѣло скверное. Преувеличивать значеніе факта еще того хуже. Петербургская оттепель не есть еще весна... Это всегда слѣдуетъ помнить...

Во всякомъ случаѣ, событія всколыхнули спящее общество. Оно повѣрило въ лучшіе дни и хочетъ, чтобы ему повѣрили хотя въ „горчичное зернышко“.

И еще ясно одно:

— Назадъ дороги нѣтъ.

Почти тоже самое отмѣчаетъ „*Русская Мысль*“. Признавая серьезное значеніе фактовъ новой полосы, журналъ полагаетъ, что „въ общественномъ дѣлѣ и къ хорошему, и къ худому надо прежде всего относиться трезво, не приходя въ восторгъ и не впадая въ отчаяніе, а стараясь уяснить себѣ дѣйствительный размѣръ и значеніе происходящихъ явленій, чтобы правильно опредѣлить наше собственное къ нимъ отношеніе, имѣя въ виду, что при этомъ на первомъ планѣ для насъ долженъ стоять вопросъ не о платоническомъ сочувствіи, а объ активномъ содѣйствіи проведенію тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи общественнаго и государственнаго благоустройства, и въ выполненіи связанныхъ съ этими началами насущныхъ задачъ, дѣлающихся ближе и возможнѣе при возникновеніи новыхъ условій. Въ данномъ случаѣ, опредѣляя размѣръ и значеніе перемѣны, создаваемой тѣмъ направленіемъ, въ духѣ котораго предполагаетъ дѣйствовать новый министръ, мы видимъ, что и самъ онъ предостерегаетъ отъ слишкомъ большихъ ожиданій. Большихъ перемѣнъ не будетъ, говоритъ онъ, и мы совершенно понимаемъ это. Вѣдь что такое въ самомъ дѣлѣ русскій министръ, хотя бы и министръ внутреннихъ дѣлъ? Какъ и всякій другой правительственный дѣятель, онъ есть не болѣе какъ исполнитель предначертаній верховной власти и можетъ дѣйствовать, какіе бы ни были его личные взгляды, только въ предѣлахъ ея указаній. Поэтому и замѣна одного министра другимъ вовсе не выражаетъ собою радикальной перемѣны въ направленіи внутренней политики“.

Въ реформированномъ „*Новомъ Пути*“, напечатана интересная замѣтка Д. С. Мережковскаго „О свободѣ слова“ и рядомъ напечатано выразительное извѣщеніе:

„Внутренняя хроника“ не могла быть напечатана въ этой книгѣ „Новаго Пути“ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Итакъ, по независящимъ отъ „свободнаго слова“ обстоятельствамъ внутренняя хроника не появилась. Обращаемся къ статьѣ г. Мережковскаго. Сравнивая положеніе борца за свободу слова Ивана Аксакова съ послѣдующимъ и настоящимъ положеніемъ русской повременной печати, авторъ приходитъ къ выводу, что, о чемъ въ 1880 году можно было думать и говорить даже съ „высоко-

поставленными лицами“ безъ малѣйшей, впрочемъ, надежды, быть понятымъ, о томъ въ 1862 году можно было не только говорить, но и писать въ подцензурныхъ изданіяхъ“.

Выпуская первый нумеръ своего изданія безъ предварительной цензуры, Аксаковъ писалъ: „мало было правды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что самое слово искривилось... слово изъ цензорскихъ рукъ выходило искалѣченное“.

„Что бы почувствовалъ Аксаковъ, задается вопросъ въ „Новомъ Пути“, если бы узналъ, что черезъ сорокъ лѣтъ (сорокъ лѣтъ—да вѣдь это во всемірной исторіи срокъ, достаточный для рожденія и умиранія цѣлыхъ культуръ, цѣлыхъ народовъ!) самыя эти слова о цензурѣ сдѣлаются почти не цензурными, что не только свобода печати не станетъ дѣйствительною правдой, а не подобіемъ, но и самого подобія мы почти „лишимся и что русской печати придется говорить не фистулою, а какими то нечленораздѣльными звуками, похожими не то на смѣшной голосъ Петрушки, не то на ужасный хрипъ человѣка, котораго душатъ. Бѣдный Аксаковъ! Бѣдные всѣ мы! И какъ еще только мы можемъ надѣяться“!

Въ ходѣ назадъ авторъ видитъ роковую ошибку отцовъ, всего русскаго образованнаго общества. Она заключалась въ томъ, что послѣднее въ великомъ дѣлѣ освобожденія всенароднаго недостаточно почувствовало себя народомъ.

„Мы должны сознавать, заканчиваетъ авторъ, что начиная освобожденіе русскаго слова и совѣсти, мы приступаемъ къ задачѣ, не менѣе, а можетъ быть болѣе рѣшительной и всеобъемлющей, чѣмъ освобожденіе крестьянъ. Это не продолженіе и конецъ стараго, а начало новаго, начало всего“...

Ликующимъ и праздноболтающимъ о веснѣ не мѣшало-бы призадуматься надъ этимъ, чтобы не попасть въ просакъ и ноябрьскую оттепель не принять за весну настоящую.

Въ ноябрѣ не убираютъ шубъ, не раскупориваютъ оконъ, ибо за ноябремъ идетъ декабрь. Такъ по крайней мѣрѣ по календарю. Хотя и врутъ всѣ календари, но предсказатели погоды врутъ еще болѣе. „Иллюзіи гибнутъ—факты остаются“.

Будемъ же ждать этихъ самыхъ фактовъ, но не уподобимся пловцамъ, сидящимъ у моря и ждущимъ погоды.

Море бурно, непогодна ночь, но заря брезжитъ, надеженъ руль, и свѣтъ маяка свѣтитъ.

Путь ясенъ: „назадъ возврата нѣтъ“.

Естественно, что за главнымъ забывается второстепенное. Вопросы нашей общественности, выдвинутые на очередь, заслонили въ журналахъ всѣ другія темы. Съ нихъ мы и начали свой обзоръ. Нарисовавъ общую картину настроенія русскаго мыслящаго общества, насколько оно могло выразиться въ печати, переходимъ къ не очереднымъ темамъ.

Очень содержательна и интересна октябрьская книга „*Русскаго Богатства*“.

Продолженіе полубеллетристическихъ очерковъ г. С. Подъячева „Среди рабочихъ“ отмѣчено тою же талантливостью автора. На этотъ разъ дается недурное описаніе работъ въ монастырѣ.

Монастырская гостинница, или „страння“, переполнена народомъ. Привычные къ темнотѣ рабочіе стояли, не зная куда примоститься. Сомнѣнія разрѣшилъ вошедшій монахъ.

„Онъ исподлобья окинулъ всѣхъ маленькими глазами и, обернувшись къ намъ, спросилъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вы, рабы Божьи, что?.. Ночевать?.. Аткеда... Дальніе?..

— Да, отецъ, ночевать бы, — отвѣтилъ дядя Юфимъ,—да, вишь, тѣсненько словно.

— Идите за мной, — сказалъ монахъ и пошелъ черезъ всю „странню“ къ небольшому чуланчику съ маленькимъ оконцемъ-глядѣлкой на передней стѣнкѣ.

Подойдя, онъ досталъ изъ кармана ключъ и, отперевъ имъ небольшой висячій замокъ, открылъ дверь и сказалъ:

— Проходите, рабы Божьи!

Онъ пропустилъ насъ и, захлопнувъ за тонкую тесовую дверку, заперъ ее на крючокъ.

— Здѣсь, рабы Божьи, у меня и переночуете,—сказалъ онъ,—дорого я съ васъ не возьму... всего по три копѣйки съ человѣка.—И, какъ бы извиняясь, съ улыбкой пояснилъ:—Грѣшенъ, табачишко потребляю... то, се... А гдѣ взять?..

— Что говорить,—согласился Юфимъ,— всѣ мы грѣшны... всѣ во плоти... „Духъ

бодръ, плоть немощна"—сказано въ святомъ писаніи.

— Вотъ, вотъ,—обрадовался монахъ,—самое это! Кладите сумки въ уголокъ... Не бойтесь, цѣлы будутъ. А спать ужо на полу ляжете... Тѣсновато оно, да за то спокойно. Опять и вшей здѣсь поменѣ, чѣмъ на страннѣ.., Присядьте!..

Въ каморкѣ было тѣсно, неуютно, мрачно. Маленькое оконце за желѣзной рѣшеткой, точно въ тюрьмѣ выходило куда то въ заборъ и давало сквозь грязныя стекла мало свѣта. Въ переднемъ углу висѣли иконы и картинки духовнаго содержанія. Подъ иконами стоялъ столикъ, и на немъ лежала необыкновенно толстая въ кожаномъ переплетѣ книга. Около печки, входившей одной своей стороной въ каморку, стояла узенькая на козлахъ кровать, на которой валялась грязная, сальная подушка и, вмѣсто одѣяла, старый подрясникъ.

Уголокъ былъ не изъ уютныхъ".

Далѣе ярко описывается сценка монастырской кормежки голодной толпы, или по выраженію монаха, злой роты. Слѣдующая колоритная сцена бесѣды рабочихъ съ монахомъ, кончается печально. Монахъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ казался. Послѣ возліянія душа распахнулась. Распахнулась и не удержалась отъ соблазна дальнѣйшаго. Послѣ выспреннихъ рѣчей послѣдовало такое „интервью".

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча, тяжело дыша и сопя носомъ.

— Рабъ Божій!—зашепталъ онъ опять и ощупалъ меня руками: -- а, рабъ Божій!.. Что я тебѣ скажу?

— Что?

— Дай мнѣ на шкаликъ, а? Христомъ Богомъ прошу, а? Я заслужу...

— Запьянѣешь!—сказалъ я.

— Ничего... дай, а?.. Дашь?

— Да гдѣ-жъ ты добудешь теперь?

— У Владиміра... ужъ я добуду... рабъ Божій... родной! — Онъ вдругъ всталъ на колѣнки и, наклонившись, поцѣловалъ меня.— Дай!.. Дай, Христа ради!—Онъ захлюпалъ.— За-а-а-служу я тебѣ... пожалѣй... ты добудешь... Богъ те за это впятеро невидимо пошлетъ... дай!..

Онъ ползалъ на колѣнкахъ, хватая меня руками и хлюпая.

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ!— залепеталъ онъ, получивъ отъ меня 15 к.— Спаси Христосъ! Родной ты мой... не пожалѣлъ, далъ... Деньги—тлѣнъ... душу спасай... душу... душу...

— Душу! — повторилъ онъ еще разъ уже за дверью, и мнѣ слышно было, какъ онъ, топая большими сапогами, шелъ по „страннѣ" къ выходной двери...

Отецъ Зосима былъ настоящимъ хозяиномъ: поторговался и сладился по тридцать копѣекъ поденно каждому рабочему. Работа оказалась, вопреки увѣренію о. Зосимы, трудной. Рабочіе изъ силъ выбились, за то Зосима оказался на высотѣ: монастырскую копѣечку сохранялъ и пріумножалъ, эконома вездѣ...

Разсказъ прерывается и неизвѣстно, какую честь великую воздали рабочіе монастырскимъ людямъ за ихъ хлѣбосольный пріемъ... Хотя рабочіе и обѣдали за отдѣльнымъ столомъ въ трапезной, хоть къ нимъ и посадили монаха, съ которымъ „мускоротно было имъ сидѣть за однимъ столомъ", но рабочимъ понравились „каша добрая и щи съ монастырской капустой. А собственно монашеская ѣда, которую они только видѣли, какъ монахи ѣдятъ, понравилась еще больше.

И добрыя щи, и капуста съ огородовъ была для нихъ принесена, а все таки, глядя на пищу монаховъ, многіе изъ рабочихъ только облизывались.

О, зависть людская,—грѣхъ ихъ смертный! Впрочемъ, есть и другіе не менѣе важные грѣхи.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, живо и бойко скомпанованное, производятъ „Замѣтки учителя" А. Петрищева. Авторъ передаетъ только факты изъ горемычной учительской жизни. Нѣкоторые изъ нихъ давно извѣстны, потому что давно успѣли облетѣть страницы петербургскихъ и провинціальныхъ газетъ; другіе представляютъ плодъ собственныхъ горестныхъ „Замѣтокъ" автора, но въ общемъ предъ читателемъ развертывается яркая, зачерченная съ огонькомъ и дарованіемъ художника-беллетриста, картина. Невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ ждать сѣятелей добрыхъ съ кошницами, полными всхожихъ сѣмянъ на нивѣ народной, когда сама обстановка, въ которой воспитываются и живутъ эти дѣятели, похожа скорѣе на прозябаніе, на кошмаръ, на что угодно, —

только не на разумную дѣйствительность?!

Подлинная дѣйствительность такова, что свѣжему человѣку въ ней невозможно не задохнуться, не свихнуться и не пойти по проторенной дорожкѣ петличекъ, отличій въ лямкѣ чиновничьяго хомута и мелкихъ вожделѣній о благѣ присныхъ.

Учитель формалистъ, бюрократъ въ вицмундирномъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы,—таковъ типъ педагогическій для преуспѣвающихъ. Онъ пѣстунъ и хранитель основъ школьнаго строя, печальникъ и заботникъ о подрастающемъ поколѣніи. Все остальное, какъ во всей русской жизни, не ко двору. Наша школа, какъ и ея педагоги, консервативна и инертна; все свѣжее, живое считается здѣсь грѣхомъ и непозволительнымъ либерализмомъ.

Наши городскія и уѣздныя училища съ ихъ программою 1870 г. давно являются какими то пережитками старины.

О послѣднихъ и ихъ педагогическомъ составѣ такого же архаическаго типа и ведетъ главнымъ образомъ рѣчь г. А. Петрищевъ.

Учитель называетъ учениковъ на „вы". Это, на взглядъ „штатнаго смотрителя", либерализмъ, требующій для своего искорененія „содѣйствія директора народныхъ училищъ".

Учитель связанъ путами и въ школѣ, и въ частной жизни, своего рода рабъ своей профессіи.

Учительница появилась на балу въ бальномъ платьѣ, принявъ тѣмъ самымъ „легкомысленный, свѣтскій видъ", и ей даютъ „почувствовать все неприличіе такого поступка". И кто даетъ? Тотъ самый инспекторъ-папаша, дочь котораго въ „декольтированномъ видѣ" пляшетъ на томъ же балу.

Что находитъ приличнымъ папаша для дочери, то инспекторъ-папаша „ставитъ на видъ" своей подчиненной.

Учительница выходитъ замужъ, и опять таки это ей ставится на видъ. Законный бракъ влечетъ за собою незаконную отставку, ибо пѣстуны дѣтской нравственности въ заботахъ о дѣтяхъ высказываютъ открыто слѣдующіе принципы: напр., какъ одинъ изъ инспекторовъ М—въ.

— Ну, конечно! — сталъ доказывать М—въ. — Дѣти народъ догадливый. Фантазія у нихъ живая... И вдругъ — какая-нибудь Марья Ивановна — извините за выраженіе, брюхатая ходитъ! Судите сами,— что могутъ подумать ученики?.. Эге, молъ, Марья-то Ивановна наша того... Разумѣется, каждый этакій мальчишка сейчасъ же представитъ со всѣми онерами, какъ это дѣлается... Богъ знаетъ что! Послѣ этого что жъ остается: развратныя картинки развѣ въ классѣ развѣшивать?..

М—ву напомнили, что „Марьѣ Ивановнѣ" всетаки не запрещено выйти замужъ за учителя и стать матерью.

— Да, конечно, — согласился М—въ,— такіе браки уже уступка съ нашей стороны... Но, во-первыхъ, они большая рѣдкость. А во-вторыхъ, тутъ другая психологія. Вы понимаете: учитель – тотъ же отецъ; учительница—та же мать. Въ такихъ случаяхъ святыня семейныхъ отношеній отъ соблазнительныхъ мыслей охраняетъ. Семейственное начало много значитъ...

Присутствовавшій при разговорѣ учитель П. скромно предложилъ мысль:

— Не слѣдуетъ-ли, — сказалъ онъ, — ходатайствовать объ установленіи закона, чтобъ беременныя женщины на улицу не выходили и вообще ученикамъ показываться не смѣли?.. Дабы юношество не развращалось...

Всѣ засмѣялись, кромѣ М—ва, который вполнѣ серьезно, какъ бы не допуская мысли, что въ словахъ подчиненнаго смѣетъ заключаться иронія, отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, такое ходатайство не будетъ уважено. Это было бы слишкомъ большимъ стѣсненіемъ для обывателей. Знаете ли, въ бѣдной семьѣ... Вотъ потому-то закрытыя учебныя заведенія и предпочтительнѣе открытыхъ.

И все это высказывается съ апломбомъ, въ серьезъ, и далеко не одиножды.

Школа, долженствующая стремиться къ развитію индивидуальности въ учащихся долгое время сознательно и безсознательно дѣлала большое, но злое дѣло:

Она усиленно подгоняла все и всѣхъ подъ одинъ шаблонъ.

Въ заботахъ объ однообразіи, инспектора и директора училищъ сугубое вниманіе обращали „на личность" учителя.

Личность должна быть вполнѣ безлична. Даже воротникъ и галстухъ не должны были выдѣляться изъ общаго уровня. Всѣ какъ одинъ. Преслѣдовалась франтоватость, преслѣдовалось и неряшество.

Мѣстныя власти пытались было установить нѣчто въ видѣ формы даже среди народныхъ учителей.

До какой ретивости доходили борцы за оловянныя пуговицы и казенный покрой сюртуковъ, говоритъ слѣдующій, приводимый г. Петрищевымъ, фактъ:

„Такой опытъ, между прочимъ, въ началѣ 90-хъ годовъ былъ сдѣланъ однимъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Донской области. Здѣсь, по станицамъ распространены приходскія училища, которыя даютъ учителю права государственной службы.

Этимъ и воспользовалась инспекція и предписала учителямъ „являться на службу“ въ вицмундирахъ или фракахъ, установленнаго для чиновъ министерства народнаго просвѣщенія образца.

Опытъ, однако, не удался, по винѣ нѣкоего Ивана Андреевича, учителя весьма находчиваго и остроумнаго.

— Получилъ я эту бумажку,—разсказывалъ Иванъ Андреевичъ, — зло меня взяло. Ну, думаю, погоди жъ, два цѣлковыхъ не пожалѣю, а штуку выкину... Купилъ я коленкору синяго. Старыхъ пуговицъ, спасибо, окружные учителя дали... Давай, говорю, женка, фракъ шить. Смѣется.—„Что жъ,— говоритъ,—давай“. Вечеровъ пять мы надъ этимъ дѣломъ сидѣли. Однако, сшили. Сталъ я примѣрять. Жена въ хохотъ.—„Молчи,— говорю, — теперь намъ какъ бы только начальство не прозѣвать“. – „Небось, говоритъ, не прозѣваемъ“. И точно, не прозѣвали... Инспекторъ на тройкѣ къ школѣ, я фракъ на плечи и выбѣгаю встрѣчать. Онъ ажъ попятился. — „Что это, говоритъ, на васъ“?—„Фракъ-съ, говорю, ваше высокородіе! Матеріалъ, говорю, дорогой—по пятнадцати копѣекъ аршинъ. Есть еще лучше, по семнадцати, да денегъ у меня, ваше высокородіе, не хватило“... Молчитъ его высокородіе... Ладно. Пошли мы на урокъ. Увидѣвши меня, ребятишки мои подняли хохотъ...—„Извините, говорю, ваше высокородіе,—съ ними это каждый разъ бываетъ, когда я фракъ одѣваю... Они сейчасъ успокоятся“... Посмотрѣлъ онъ, знаете-ли, на меня и отвернулся. — „Идите,—говоритъ,— что-нибудь другое одѣньте“...

Послѣ этого случая „его высокородіе“ на распоряженіи своемъ о фракахъ не настаивало.

Отъ великаго до смѣшного одинъ лишь шагъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Что же удивительнаго, если лучшія силы уходятъ прочь отъ тернистаго поприща или преждевременно рано становятся инвалидами, неспособными къ борьбѣ, и только единичные рыцари духа и долга остаются вѣрными себѣ, тогда какъ остальные тянутъ съ проклятьемъ лямку? Труденъ ихъ путь, а всяческія терніи и чертополохи затрудняютъ каждый шагъ. Но герои рѣдки, рыцари своего долга и призванія считаются единицами, а не тысячами.

Прибавьте къ этому полную матеріальную необезпеченность учителей низшихъ школъ въ особенности, и предъ вами вырисуется картина безотрадно тяжелаго положенія интеллигента, за чечевичную похлебку промѣнявшаго свое первородство, свою независимость, отдавшаго молодость, энергію и растратившаго весь пылъ душевный не на борьбу не съ главнымъ врагомъ—невѣжествомъ, а съ вѣтренными мельницами въ видѣ подозрѣнія, недовѣрія, опеки и оплеванія независимости человѣческой личности.

Нужда—постоянная спутница жизни учителя. Газета, книга, театръ, общество, дѣти— все это роскошь непозволительная, недоступная для семьи, у которой подчасъ въ домѣ хлѣба не бываетъ...

Нельзя безъ боли душевной читать слѣдующія строки изъ дневника учителя, приводимыя авторомъ въ его „Замѣткахъ“:

„Два года назадъ, пишетъ этотъ учитель въ своемъ дневникѣ, я еще жилъ высшимъ кругомъ идей и понятій. Каждое явленіе интересовало меня не столько само по себѣ, сколько по отраженію въ немъ вопросовъ общаго характера. И эти общіе вопросы волновали меня, я улавливалъ въ нихъ малѣйшіе оттѣнки, болѣлъ и страдалъ ими; болѣлъ тою особенною болью, которая повышаетъ человѣка и даетъ ему полноту человѣческаго, а не животнаго существованія. Теперь иначе. Крылья крѣпко завязли въ сѣти соображеній, ужъ слишкомъ конкретныхъ, слишкомъ конечныхъ и узкихъ. То высшее, чѣмъ недавно такъ славно дышалось, уходитъ куда-то прочь. Да и жизнь вся, съ ея вихремъ разнообразныхъ запросовъ, съ ея красками, блескомъ, сочностью, уплываетъ также прочь. И что ни часъ, то дальше. И я чувствую себя, какъ пассажиръ,

выкинутый за бортъ на пустынный берегъ. По всей вѣроятности, то же чувствуетъ и Надя.

Въ послѣднее время я часто ловлю себя на мысляхъ, совершенно не позволительныхъ. Это случается, обыкновенно, въ классѣ и преимущественно на урокахъ литературы, наиболѣе любимыхъ учениками. Ученикъ читаетъ какой-либо отрывокъ, а я начинаю соображать, насколько хватитъ тѣхъ дровъ, которыя вчера куплены, или какъ нужно распредѣлить жалованье, чтобъ осталось на башмаки женѣ. Ести такія мысли упорно лѣзутъ въ голову, я становлюсь золъ. На завтра ученики говорятъ мнѣ:

— Вы, Василій Николаичъ, вчера не въ духѣ были.

Я краснѣю и отвѣчаю:

— Съ вами развѣ можно всегда въ духѣ быть...

И отъ этой лжи еще болѣе краснѣю.

Пока межъ мною и учениками отношенія добрыя и сердечныя. Ребята откровенны со мною, не стѣсняясь разсказываютъ про столкновенія съ другими учителями, вѣрятъ моей порядочности, убѣждены, что не донесу, не передамъ начальству, не обижу. Но я ужъ началъ лгать, и, стало быть, черезъ 2—3 года будетъ совсѣмъ не то.

Порою я чувствую себя, какъ человѣкъ, который тонетъ и уже послѣдними, слабѣющими усиліями держится на водѣ. И хочется крикнуть:

— Братцы, тону вѣдь я—спасите"!

Но кто отзовется на отчаянный крикъ?- Никто.

За то по части всякаго рода учительскаго общенія дѣло обстоитъ очень строго. Тутъ отзывается всякій и званный, и избранный и доноситъ по начальству о недозволенныхъ сборищахъ безъ картъ и водки. Безъ картъ и водки, какъ извѣстно кому слѣдуетъ, собираются на Руси только злоумышленники. При общемъ недовѣріи „злоумышленниками" еще недавно было полно наше общество и крикъ „тащи и не пущай"! раздавался куда громчѣе, чѣмъ отчаянный вопль дѣйствительно утопающихъ, погружающихся „въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, жалкихъ страстей".

Опека надъ личностью дошла, наконецъ, до того, что усердными опричниками серьезно рѣшался кое гдѣ вопросъ о правѣ учителей бывать „безъ вѣдома начальства въ гостяхъ". Съѣзды учителей долгое время казались жупеломъ, и за сіи незаконныя сборища смѣльчаки платились насиженными мѣстами. Все это факты, какъ равно зарегистрированный, долгое время оставшійся спорнымъ и вздорный, въ сущности, вопросъ: въ правѣ-ли учитель читать книги, не допущенныя ученымъ комитетомъ.

Въ самомъ возникновеніи подобнаго вопроса, въ долгихъ спорахъ о немъ уже ясно намѣчается то несоотвѣтственно ложное положеніе, въ которое поставлена у насъ педагогическая корпорація, — особенно корпорація учителей низшихъ школъ, болѣе терпимыхъ, чѣмъ любимыхъ, болѣе дозволяемыхъ, чѣмъ поощряемыхъ...

Учитель, подвергающійся выговору за выписку на собственныя деньги разрѣшенныхъ общей цензурой, но „неодобренныхъ журналовъ",—это уже такой фактъ недавняго времени, дальше чего идти некуда.

Да, положеніе народнаго учителя въ Россіи еще такъ недавно было положеніемъ своего рода отверженнаго парія. И что же удивительнаго въ жалобахъ и сѣтованіяхъ о томъ, что общій уровень учителей понизился, что учителя бѣгутъ въ сидѣльцы винныхъ лавокъ, въ акцизъ, куда угодно, только смыть съ чела печать отверженности своей неблагодарной профессіи? Неудивительно также, если „пульсъ умственной жизни, какою полна страна, перестаетъ биться для учителя. Съ человѣкомъ сдѣлано тоже, что съ пальцемъ, который туго на туго стянутъ бичевкой: къ нему прекращенъ доступъ живительныхъ и освѣжающихъ соковъ".

Оздоровленіе нашей школы должно начаться съ главнаго: съ раскрѣпощенія всего школьнаго строя.

Бюрократизмъ и опека дали свои плоды. Они у всѣхъ передъ глазами. Итоги урожая извѣстны.

Новая, реформированная школа ждетъ иныхъ новыхъ дѣятелей, новыхъ людей и новаго къ нимъ отношенія. Въ старые мѣхи не льютъ молодого вина...

Живо и бойко написаны (въ томъ же журналѣ) очерки г. В. Владыченко: „За счастьемъ и правдой". Русскій путешественникъ — гонимый родиною странникъ, подобно пилигримму къ святымъ мѣстамъ, при-

нужденъ былъ искать за далекимъ океаномъ идеала счастья и правды. По нимъ стосковался онъ дома.

Въ цѣломъ рядѣ образныхъ картинъ проходятъ предъ читателемъ типы и силуэты гражданъ великой республики и, подобныхъ автору, сыновъ чужой земли—эмигрантовъ.

Колоритно описаны собственныя мытарства русскаго путешественника, познавшаго, что счастье не приходитъ сразу, не валится съ неба, и правду приходится вездѣ отвоевывать и отстаивать грудью...

Ни счастья, ни правды не нашелъ русскій закинутый въ Америку человѣкъ, со скуднымъ кошелькомъ, съ малой приложимостью своего труда къ работѣ.

И родина была мачехой, и чужбина оказалась не любвеобильной. Только потребность счастья и правды, неудовлетворенная, сдавленная, осталась и мучитъ, и жжетъ. Счастье и правда, гдѣ вы?!

Впрочемъ, г. Владыченко не разочаровываетъ окончательно читателя. Давъ рядъ мрачныхъ картинъ своей борьбы за право жить, за кусокъ насущнаго хлѣба со стороны русскаго интеллигента, даже голоднаго, не знающаго иного бога, кромѣ правды и совѣсти, авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе обѣщаніемъ разсказать въ другой разъ о томъ, что онъ нашелъ въ своихъ дальнѣйшихъ странствованіяхъ.

Очерки Н. И. Тимковскаго „Около Литературы" („*Русская Мысль*"), не претендуя на особую оригинальность и глубину, бойко зачерчиваютъ нѣкоторые штрихи нашей литературной жизни. Фигура редактора „Истины добра и красоты", вѣчно суетящагося, вѣчно занятаго, схвачена жизненно. Чуть замѣтенъ шаржъ. Скука и томленье редакціонной жизни, редакціонный департаментъ зачерчены живо. Жизнь писательская уходитъ, лучшія силы тратятся „на дѣло", но результатовъ не видно. Результаты печальные. Сошелъ со сцены одинъ, „исписался" другой, выдохся третій, обратился въ отщепенца четвертый, и общее впечатлѣніе таково:

„Все кажется, что упущено что то важное, ушло безвозвратно самое дорогое, и не знаешь, что это „самое дорогое". А вѣдь это оно очень просто: ушло самое главное— „жизнь"—говоритъ одинъ изъ симпатичныхъ героевъ очерка Тимковскаго, писатель Гортанскій.

„Нестерпимо грустно" резюмируетъ онъ свои наблюденія. Дѣйствительно грустно, больно до слезъ, и рвутся проклятія.

Проклятія, но не примиреніе съ той „разумной дѣйствительностью", которая обратила людей въ пишущія машины и, подобно машинамъ, поставила ихъ въ загородки... Что ужъ тутъ говорить о высокихъ предметахъ, когда писатель самъ признаетъ себя отравленнымъ литературой...

Литература—ядъ. Дальше этого сознанія идти некуда...

Отмѣтимъ въ томъ же журналѣ статью г-жи Некрасовой „Герценъ и его хлопоты о заграничномъ паспортѣ", составленную по новымъ даннымъ и матеріаламъ еще не бывшимъ въ печати.

Душно было въ Россіи. Поѣздки заграницу считались своего рода вольнодумствомъ, и разрѣшеніе давалось медленно. Герцену пришлось на себѣ испытать тяжесть подобныхъ мытарствъ. Наконецъ, желанный паспортъ выданъ.

21 января (по Герцену 19-го) 1846 г. готовы были два возка. Предполагалось, что Герценъ съ семьей пробудетъ заграницей не болѣе года. Вышло, однако, иначе. Это было послѣднее прощаніе съ Россіей.

Тройки съ друзьями провожали Герценовъ вплоть до первой станціи, которая лежитъ отъ Москвы въ 30 верстахъ. Тамъ, „на бѣломъ снѣгу, въ Черной грязи" простились друзья:

...„мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и, рыдая, разстались", разсказывалъ черезъ нѣсколько лѣтъ Герценъ.

Кто же рыдалъ?

И онъ, и они... всѣ плакали.

„Помню, какъ я ревѣла, провожая Герценовъ за границу,—писала Т. А. Астракова много лѣтъ спустя, въ письмѣ къ Н. А. Огаревой, — такъ что Наташа (жена Герцена) чуть не разсердилась. „Странно, Таня,—говорила она,—точно ты насъ хоронишь. Да, вѣдь, не на всегда мы уѣзжаемъ,— будь увѣрена, мы скоро вернемся".

„Плакали не однѣ дамы, плакали и мужчины, плакалъ даже суровый на видъ, холодный острякъ, Е. Ѳ. Коршъ, который, по словамъ Грановскаго, умѣлъ шутить и острить

въ то время, когда его „дѣти болѣютъ",— а тутъ и онъ... плакалъ, разставаясь съ Герценомъ.

„Былъ уже вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу... Мы смотрѣли печально вслѣдъ, но не догадывались, что то были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были на лицо, одного только не доставало, ближайшаго изъ ближайшихъ, онъ одинъ былъ боленъ и какъ будто своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ".

Сахалинъ — мрачное убѣжище бывшихъ людей — далекъ отъ какого бы то ни было благоустройства. Земель для культуры, пишетъ въ томъ же журналѣ г. А. Ѳеничъ, никто не измѣрилъ, никто не приступалъ къ культурѣ земли. Ничего не сдѣлано, чтобы эти земли при помощи меліоративныхъ работъ, каковы „осушка болотъ, пережиганіе и глубокое перепахиваніе торфяниковъ, улучшеніе физическихъ свойствъ почвъ изъ-подъ хвойныхъ лѣсовъ внесеніемъ въ нихъ обильнаго удобренія" и пр., могли бы сдѣлаться культурными.

„Почему же ихъ не принимать въ разсчетъ при сужденіи о сельско-хозяйственной емкости Сахалина? Правда, такія работы не подъ силу отдѣльнымъ хозяевамъ; но у сахалинской администраціи есть много средствъ для того, чтобы не наваливать на нихъ еще и этой тяготы. Половина каторжныхъ, какъ мы видѣли раньше, ровно ничего не дѣлаетъ, еще процентовъ двадцать заняты такими работами, которыя съ успѣхомъ могли бы быть выполняемы гораздо меньшимъ числомъ слабосильныхъ, непригодныхъ къ тяжелымъ работамъ. Почему эта армія тунеядцевъ не могла бы быть употреблена на устройство дорогъ, на корчевку лѣса, на осушеніе болотъ и т. д. На Сахалинѣ говорятъ, что трудъ ссыльно-каторжныхъ мало продуктивенъ, что эти испорченные люди неспособны ни къ какому систематическому труду и что, наконецъ, работы въ большихъ размѣрахъ потребовали бы усиленія конвойной команды, которая, однако, всетаки не гарантировала бы островъ отъ побѣговъ. Все это предразсудки, такъ же мало основательные, какъ и многіе другіе. Предразсудки, которые поддерживаются тѣмъ настойчивѣе, что они, повторяю, во многихъ отношеніяхъ очень удобны: ими маскируется недостатокъ иниціативы, отсутствіе вдумчивости, интереса къ дѣлу и живого отношенія къ нему".

Сахалинъ какъ колонія представляетъ всѣ черты русской колонизаціи. Странно слышать, что до сихъ поръ на островѣ общее протяженіе дорогъ не превышаетъ 30 верстъ. Пути сообщенія между Корсаковскимъ постомъ и Крильонскимъ маякомъ, гдѣ живутъ люди, которымъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ необходимо побывать въ посту Корсаковскомъ, чтобы запастись провизіей: „на разстояніи 127 верстъ здѣсь имѣется 16 бродовъ; изъ нихъ 13 вовсе непроходимы даже въ небольшіе паводки, которые въ горахъ случаются весьма часто и совершенно неожиданно: чуть прошелъ гдѣ-нибудь вверху дождь, и ничтожный ручей вздулся свирѣпымъ потокомъ, который рветъ съ корнемъ деревья и ничего не щадитъ на своемъ пути".

Въ такихъ мѣстахъ приходится пережидать, пока не спадетъ вода.

Есть тамъ такія благодатныя мѣстечки, гдѣ на протяженіи 15 верстъ тропа 52 раза перебрасывается съ берега на берегъ одной и той же рѣчки, которую или приходится переходить по перекинутому бревну, или бродить по скользкому каменистому руслу. „И такъ ходятъ,—говоритъ, описывая сахалинское бездорожье, бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ,—не для какихъ-нибудь изслѣдованій, а для того, чтобы доставить въ населеніе, еще не соединенное дорогой, муку, солонину, соль, топоры, мотыги и т. п. Иногда случается добираться такимъ образомъ до своей паствы и священнику со Св. Дарами".

Да, чѣмъ другимъ, а культурой мы вообще похвастаться не смѣемъ.

„Другъ Владиміра Соловьева и Василія Величко", г. Николай Энгельгардтъ всегда отличался двумя добродѣтелями: скромностью и талантливостью. Истинные таланты всегда скромны, и г. Энгельгардтъ былъ всегда таковъ и въ то время, когда онъ сочинялъ свои стихи и сказочки, и когда оттачивалъ перо для „Новаго Времени" и даже тогда, когда, создавъ съ помощью ножницъ и клея по Пыпину, Скабичевскому и другимъ источникамъ свою знаменитую „Исторію русской литературы", подготовлялъ къ печати не менѣе достославный „Очеркъ Цензуры".

Скромность и талантъ не заемныя добродѣтели. Скроменъ и талантливъ г. Энгельгардтъ и теперь, садясь въ кресло вершителя внутренней политики *„Русскаго Вѣстника“*.

Попъ—всегда по приходу.

Если бывшій московскій органъ Каткова приводилъ къ присягѣ и заставлялъ исповѣдываться другихъ „како вѣруеши“? то г. Энгельгардтъ въ другомъ бывшемъ дѣтищѣ Каткова, перевезенномъ изъ Москвы для воспитанія въ храмину Виссаріона Комарова, теперь исповѣдывается самъ. Исповѣдь исповѣди рознь, но г. Энгельгардтъ по исповѣдальной части мастеръ настоящій, заправскій художникъ.

Онъ начинаетъ просто, но съ достоинствомъ, въ манерѣ нарочито архаической, соблюдая стиль Страстного бульвара настоящихъ временъ.

„Приступая къ постоянному веденію въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ отдѣла, посвященнаго обсужденію внутреннихъ вопросовъ, т. е. текущей русской дѣйствительности, мы т. е. г. Энгельгардтъ, не полагаемъ необходимымъ выясненія съ нарочитой подробностью (?!) тѣхъ основныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы будемъ обсуждать событія, для читателей журнала. Если даже обязательная для каждаго писателя скромность и заставляетъ насъ предположить, что наша работа въ другихъ изданіяхъ читателямъ „Русскаго Вѣстника“ не достаточно извѣстна, то все-таки (sic!) и на страницахъ этого журнала мы имѣли уже случай съ достаточной обстоятельностью выяснить наше міросозерцаніе. (Статья „Земля и государство“. Р. В. 1902).

Съ самой первой строки, напечатанной нами съ самаго перваго дня нашей десятилѣтней пока (?!) дѣятельности въ печати, во всѣхъ изданіяхъ, въ которыхъ мы только помѣщали и помѣщаемъ статьи наши, въ публичныхъ рѣчахъ и чтеніяхъ съ каѳедры ученыхъ обществъ (т. е. Русскаго собранія вѣроятно?!), мы неуклонно исповѣдывали, разрабатывали и защищали міросозерцаніе народное, покоящееся на исконныхъ творческихъ русскихъ началахъ, на тысячелѣтнемъ церковно-религіозномъ, государственно-правовомъ и экономическо-общественномъ опытѣ Россіи, на тріединомъ основаніи Православія, Самодержавія и Народности.

Это міросозерцаніе для себя мы и выстрадали, и выработали.

„Не будучи послѣдователями такъ называемаго „экономическаго матеріализма“, который совершенно подчиняетъ экономикѣ проявленія духовной дѣятельности народа и смотритъ на послѣднія, только какъ на „идеологію“, мы всецѣло принимаемъ однако идею взаимоотношенія права, хозяйства и вѣрованій народныхъ.

Скромность г. Энгельгардта поразительная—онъ снисходитъ до своего читателя и. преподнося ему собственную автобіографію, требуетъ только одного: признанія его Энгельгардтовскихъ „заслугъ“.

Заслугъ у г. Энгельгардта, дѣйствительно, много. Тріумвиратъ клея, ножницъ и „собственно Энгельгардтовской“ спайки создалъ ему почетную извѣстность, хотя съ другой стороны онъ совершенно третируетъ любопытство читателя и „съ нарочитой осторожностью“ обходитъ эти проклятые вопросы, представляясь только въ видѣ Николая Энгельгардта, сногшибательнаго публициста изъ „Новаго Времени“ и претендующаго на ученость болтуна Русскаго Собранія, и въ качествѣ „пользовавшагося лестнымъ дружескимъ расположеніемъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ писателей-публицистовъ и въ общеніи съ ними почерпавшаго бодрость для трудной работы сторонника русскаго направленія“. То были—покойные—геніальный русскій мыслитель Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ и прекрасный поэтъ и мученикъ русской идеи (?!) Василій Львовичъ Величко.

„Пусть живая память о нихъ согрѣваетъ наше перо и поддерживаетъ насъ высокимъ примѣромъ духовнаго подвижничества въ предстоящемъ отвѣтственномъ трудѣ“!

Какое прекраснодушіе, какая глубокая любовь къ другу ошую—Владиміру Соловьеву и другу одесную—Василію Величко.

Эхъ, гг. Энгельгардты, ищущіе духовнаго подвижничества въ предстоящемъ „отвѣтственномъ трудѣ“ и тревожащіе тѣни друзей-мертвецовъ для саморекламы, не о васъ, конечно, рѣчь. Но въ своемъ „прекраснодушіи“ не выдали ли вы себѣ сами достойнаго аттестата?

Соловьевъ и Величко не ставятся на одну доску. „Мученикъ русской идеи“ и яркій противникъ узкаго націонализма были друзьями

г. Энгельгардта. Тамъ, гдѣ стоялъ богъ одного друга, тамъ не было бога для другого. Свѣтлый храмъ и капище, свѣтлый богъ любви широкой, всеобъемлющей и ненависть расовая, узкая—таковы были боги, которымъ поклонялись друзья публициста изъ „Русскаго Вѣстника". А онъ самъ—вѣрный дружбѣ—„почерпалъ въ общеніи съ этими двумя несравнимыми людьми" бодрость „для трудной работы сторонника русскаго направленія".

Врядъ ли когда нибудь рука „друга" Соловьева поднялась бы для благословенія г. Энгельгардта на такой путь. Мертвые срама не имутъ, но лгать на нихъ живымъ стыдно, хотя бы и съ „нарочитою цѣлью" собственнаго искупленія.

Впрочемъ, „искатели живоносныхъ началъ правды" изъ „Русскаго Вѣстника" ни съ правдой, ни съ читателями не церемонятся.

Подъ критическимъ соусомъ г. Стародумъ преподноситъ обвинительный актъ въ два печатныхъ листа о „Мірѣ Божьемъ" и его „космополитическомъ либерализмѣ". До сихъ поръ эта отрасль критики въ кавычкахъ не составляла обычной принадлежности, ищущихъ и жаждущихъ правды, публицистовъ. Она находилась въ вѣдѣніи иного департамента.

Критическое донесеніе, именуемое „журнальнымъ обозрѣніемъ" подробно, шагъ за шагомъ, прослѣживаетъ годичную дѣятельность „Міра Божія" со всѣми пріемами настоящаго сыска.

Блистательно доказавъ вредоностность подцензурнаго журнала, г. Стародумъ патетически восклицаетъ:

„Если прислушаться къ словамъ „Міра Божьяго", то во всемъ Божьемъ мірѣ нѣтъ ничего хорошаго. Небосклонъ—сѣраго цвѣта солдатской шинели, жизнь сосредоточилась въ мелкихъ грязныхъ углахъ человѣческаго униженія. Вездѣ недохваты, недостатки, ошибки, злоупотребленія. Жизнь государства никого не интересуетъ. Мрачно, трудно, обидно, скверно.

„Вотъ, и самообразовывайтесь при посредствѣ этой разводки въ желатинѣ либерализма патогенныхъ микроорганизмовъ, которая называется кощунственно „Міромъ Божіемъ", и учитесь ненавидѣть родину и при возможности ниспровергнуть ея основы.

„Это дѣло самообразованія сводится къ дѣлу растлѣнія читателей ко всяческому соблазну.

„Руководители „Міра Божьяго" забыли все на свѣтѣ, кромѣ своей ненависти къ Россіи, они ищутъ улова въ полуразвитыхъ людяхъ и, стараясь, какъ сказано, все забыть, забыли и слова Спасителя о томъ, что лучше повѣсить себѣ на шею жерновъ мельничный и броситься въ пучину морскую, нежели соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ".

Останавливаться на этой статьѣ мы не будемъ.

„Критическая разводка на желатинѣ реакціи патогеннаго микроорганизма въ видѣ г. Стародума (выражаясь его колоритнымъ стилемъ) можетъ съ достоинствомъ продолжать свое „богоугодное дѣло".

То, что возбраняется писателямъ, гг. Стародумамъ вполнѣ разрѣшено.

Доклады не критика, а между докладчикомъ и критикомъ есть разница, но гг. Стародумы во что бы то ни стало хотятъ соединить несоединимое: и капиталы нажить, и невинность соблюсти...

Безпринципность не брезгуетъ никакими средствами: въ этомъ ея сила. Но и подобная сила въ рукахъ бездарности обращается въ слабость, не вызывая ничего, кромѣ улыбки презрѣнія и гадливости...

Крайне бѣдны историческимъ матеріаломъ послѣднія книжки нашихъ историческихъ журналовъ.

„*Русская Старина*", осиротѣвшая вмѣстѣ съ кончиной своего редактора Н. Ѳ. Дубровина, имѣетъ дѣйствительно видъ бѣдной сироты.

Безконечныя записки чиновника до мозга костей В. А. Инсарскаго занимаютъ чуть ли не треть ноябрьской книги, очень мало радуя взглядъ. Скучно читать безконечную канитель quasi историческаго повѣствованія довольнаго собой бюрократа и его горести, волненія и радости, не выходящія изъ узкаго круга канцелярскихъ впечатлѣній, свѣтскихъ сплетней и начальственныхъ благоволеній.

Тягучій, чисто канцелярскій языкъ, потуги на остроуміе, возведеніе мелочей „входящихъ и исходящихъ" чуть ли не въ „перлъ созданія"—таковъ основной тонъ этихъ записокъ.

Для характеристики, для обрисовки, того, какъ бумага управляетъ людьми чиновничьяго средостѣнія, онѣ могутъ быть и характерны, но и только. Любопытенъ пожалуй еще и

ихъ тонъ — олимпійски важный, сосредоточенно серьезный, какъ приличествуетъ тону „особы".

Врядъ ли русская исторія вообще и исторія правленія князя Барятинскаго на Кавказѣ потеряла бы много отъ того, если бы потомкамъ осталось неизвѣстнымъ, что „въ назначенный часъ у князя собирались всѣ", что „пользующееся этою честью раздѣлялись на два разряда: одинъ почетнѣйшіе и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ (Инсарскій занималъ должность правителя канцеляріи намѣстника), имѣли постоянное приглашеніе обѣдать у князя, другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе, приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ".

Еще менѣе знаменательно, что князь любилъ покушать: окрошка и холоднякъ составляли его любимыя блюда, а самъ Инсарскій занимался въ Тифлисѣ между прочимъ выдѣлкой кваса, который онъ считалъ „могущественнымъ лекарствомъ противъ (своей) желчной болѣзни", и поэтому его „камердинеры, превыше всѣхъ другихъ обязанностей должны были владѣть искусствомъ дѣлать квасъ".

Кому это, скажите на милость, интересно? Развѣ что бумага все терпитъ, но редакціи почтенной „Старины" зачѣмъ понапрасно изводить бумагу, предавая тисненію всякую квасную поэзію литераторствующихъ бюрократовъ, услаждая симъ quasi историческимъ чтеніемъ своихъ читателей?

Продолженіе длинныхъ *„Воспоминаній педагога"* фонъ-Бооля дало рядъ недурныхъ штриховъ для обрисовки педагоговъ переходнаго времени конца 50 годовъ.

Корпуса упразднены. Мѣсто ихъ заняли военныя гимназіи. Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ послѣднихъ, но онъ безпристрастно отмѣчаетъ одинъ рѣзко бросающійся фактъ: созданіе новаго зданія на старомъ подгнившемъ фундаментѣ. 1-ая военная гимназія преобразована въ корпусъ. Директоръ Н. П. Гартонгъ признанъ неспособнымъ и убранъ съ своего поста; но кукушку промѣняли на ястреба.

Замѣститель Гартонга Е. П. Баумгартенъ оказался человѣкомъ такихъ же малыхъ способностей. Человѣкъ „до крайности ограниченный", генералъ считалъ себя, какъ всѣ люди его складки, необыкновенно умнымъ.

Отъ природы онъ былъ надѣленъ двумя талантами: многорѣчіемъ и противорѣчіемъ. Эти таланты замѣняли генералу принципы. По части послѣднихъ онъ былъ невиненъ, какъ ребенокъ въ день рожденія. Отсюда брали начало сценки, хотя и мало назидательныя въ педагогическомъ смыслѣ, но любопытныя.

„Является Баумгартенъ въ старшій возрастъ во время приготовленія уроковъ. Воспитанники встали, Баумгартенъ велѣлъ имъ садиться и обходитъ ихъ, выискивая случай, что нибудь замѣтить, чтобы пуститься въ разсужденія. Дежурный воспитатель—Лейхтъ, молча идетъ за нимъ. Воспитанники молча уставили глаза свои въ книги, кажется, въ порядкѣ; но Баумгартенъ не можетъ обойтись безъ разговора, онъ останавливается между столами и начинаетъ: „Вы, господа, занимаетесь? (молчаніе). Но что это за замѣчаніе? Каждый изъ васъ сидитъ и читаетъ про себя. Это не занятія, надо, чтобы одинъ читалъ другому и объяснялъ ему, тогда только каждый пойметъ то, что ему не понятно". На эту тему Баумгартенъ продолжалъ говорить, наконецъ, пошелъ въ спальню.

„Здѣсь онъ видитъ, что двое воспитанниковъ занимаются у столика около кровати, онъ подходитъ къ нимъ. „Вы что здѣсь дѣлаете"? — Занимаемся. „Какъ же вы занимаетесь"?—Я, говоритъ одинъ изъ нихъ, объясняю ему по математикѣ.

„Да, это значитъ, что одинъ читаетъ, а другой ничего не дѣлаетъ. Такъ нельзя заниматься. Надо, чтобы каждый изъ васъ занимался отдѣльно и самостоятельно приготовлялъ урокъ. Разойдитесь въ разныя мѣста и занимайтесь отдѣльно".

И все это въ присутствіи одного и того же воспитателя, на протяженіи десяти минутъ два діаметрально противоположныхъ взгляда на занятія. Тѣмъ не менѣе этому принципіально убѣжденному педагогу было поручено явиться преобразователемъ заведенія!

О старыхъ корпусахъ г. фонъ-Бооль не высокаго мнѣнія. Военная дисциплина была плохой воспитательницей. Она сдерживала страхомъ наказанія дурныя наклонности дѣтей, но не искореняла ихъ. Воспитаніе, основанное на одномъ страхѣ наказанія, должно бы скоро оказаться никуда негоднымъ. Зданіе грозило разрушеніемъ, и нужно было подумать объ его капитальномъ ремонтѣ.

Но ремонтъ былъ произведенъ слишкомъ поспѣшно.

Ломка взяла больше времени, чѣмъ созданіе новаго строя. Формализмъ вмѣстѣ съ буквоѣдствомъ вторгся и въ новыя рамки, и то, что существовало на бумагѣ, далеко не было проведено послѣдовательно и разумно въ жизнь.

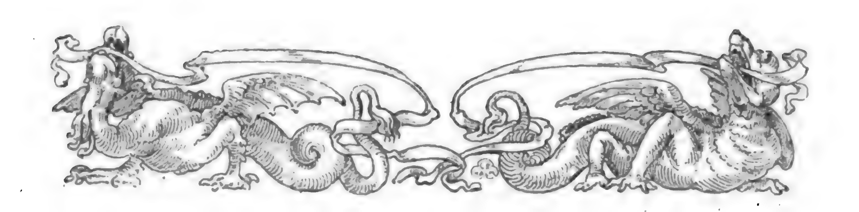
Показная сторона и суетное самолюбіе „преобразователей" въ родѣ Баумгартена должны были дать плоды. Сочинялись не существующіе протоколы не существовавшихъ засѣданій и предавались тисненію, а дѣло не двигалось ни на шагъ.

Фигура главнаго распорядителя Баумгартена зачерчена г. фонъ-Боолемъ во весь ростъ. Недурны также и отдѣльныя характеристики педагоговъ, въ томъ же числѣ извѣстнаго географа Бѣлоха и учителя русскаго языка Н. Л. Ломана, остроумнаго сотрудника „Искры" Курочкина, перу котораго г. фонъ-Бооль ошибочно приписываетъ извѣстное стихотвореніе: „Я былъ титулярный совѣтникъ, она генеральская дочь *)"...

Конецъ этого талантливаго безспорно человѣка былъ печальный: онъ сошелъ со сцены, хотя и съ титуломъ превосходительства, но спившись въ конецъ.

Ник. Н—въ.

*) Настоящее обозрѣніе было уже въ наборѣ, когда появилось по этому поводу въ одной изъ петербургскихъ газетъ опроверженіе со стороны маститаго П. И. Вейнберга: стихотвореніе, приписываемое фонъ-Боолемъ перу Ломана, принадлежитъ Гейне изъ Тамбова (псевдонимъ П. И. Вейнберга). Въ двухъ появившихся книжкахъ „Русской Старины" редакція не обмолвилась ни однимъ словомъ о своей промашкѣ. Тако пишется исторія въ „Старинѣ"... *Н. Н.*



На общественныя темы.

I. Отечественная „канцелярщина“. — Медлительность и волокита.—Совмѣстительство,—Наши Маѳусаилы и формализмъ.—Новыя пѣсни. — Дѣло о погруженіи разночинца въ воду и невыхожденія онаго изъ нея. — *II. Наши консерваторы.*—Ищутъ редактора. — Слѣды оппозиціи.— Яростныя обвиненія и растерянность. —*III. Монастырскія тюрьмы.*—Книга А. С. Пругавина —Критическія примѣчанія іеромонаха Александра.—Причины ссылокъ.—Будущее. — *IV. Обыватель и провинція.*—Порядокъ и правила.—Кіевская весна.—Человѣческій голосъ и „холодная“. — Суздальскій Мининъ. — Коньякъ и конвой. — Надежды и ожиданія.

I.

Не такъ давно всѣ наши газеты обошелъ слѣдующій воистину „курьезный“ случай, очень характерный для нашей бюрократической медлительности и спячки. Нѣкій американецъ пытался взять въ Россіи патентъ на свое изобрѣтеніе. Пытался это онъ, пытался и, наконецъ, получилъ свою привиллегію, а получивъ удовлетворительный отвѣтъ, благодарилъ вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ выражалъ удивленіе по поводу хорошей памяти министерства: „что касается меня, — писалъ онъ —то я давно забылъ про свое изобрѣтеніе“.

Нужно замѣтить, что между его заявленіемъ и полученіемъ отвѣта прошли три долгихъ года. Срокъ, надо отдать справедливость, достаточный, чтобы внушить уваженіе американцу, успѣвшему за это время сдѣлать десятокъ другихъ изобрѣтеній, стать миллiонеромъ, обанкротиться и снова нажить состояніе.

Но для нашего обывателя срокъ въ три года не можетъ представить ничего удивительнаго. „Дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не убѣжитъ“ и „тише ѣдешь, дальше будешь“— эти истины нашей дѣйствительности ой-ой какъ извѣстны!

Всякій, внимательно изучающій теченіе нашей провинціальной жизни, знаетъ, что трехлѣтній срокъ ожиданія отвѣта изъ центральнаго вѣдомства — сравнительно еще очень и очень „Божескій“ и даже прямо-таки короткій срокъ. Примѣровъ настоящаго, многолѣтняго томленія провинціальная жизнь даетъ необыкновенно много. Остановимся хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ:

26 сентября 1887 г. херсонская губернская управа обратилась въ николаевскую мѣщанскую управу съ просьбой о присылкѣ изъ общественныхъ суммъ на попол-

неніе больничной недоимки за пользованіе николаевскаго мѣщанина Соколова въ губернской психіатрической больницѣ 82 руб. При этомъ управа указала, что въ случаѣ деньги не будутъ высланы, она вынуждена будетъ обратить взысканіе на общество понудительнымъ порядкомъ. Отвѣтъ на это отношеніе отъ николаевской мѣщанской управы, какъ сообщаетъ „Южн. Р.", послѣдовалъ только 19 ноября 1904 года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ 27 лѣтъ. Мѣщанская управа увѣдомляетъ, что Соколовъ вошелъ въ составъ общества безъ пріемнаго приговора и потому призрѣнію со стороны общества не подлежитъ.

Такой изнурительной волокиты требуетъ у насъ почти безъ изъятія всякое общественное дѣло. Уѣздное Духовщинское собраніе слушало, напр., только что слѣдующую „сказку про бѣлаго бычка", которая названа была „дѣломъ объ открытіи новаго училища. Исторія представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ городѣ Духовщинѣ имѣется зданіе упраздненнаго казеннаго виннаго склада. Земство ходатайствовало объ открытіи въ немъ сельско-хозяйственной учебной мастерской, на что послѣдовало принципіальное согласіе министерства финансовъ, и мастерская должна была открыться съ 1901 — 2 учебнаго года. Но въ 1901 году министерство народнаго просвѣщенія просило объ открытіи въ немъ ремесленнаго училища типа министерства народнаго просвѣщенія. Отдѣлъ промышленныхъ училищъ отнесся сочувственно къ ходатайству и ассигновалъ для приспособленія зданія и на оборудованіе мастерскихъ 16.000 р.

Засимъ дѣло поступило въ мѣстныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ тянется уже болѣе двухъ лѣтъ безконечная переписка и пореканія съ архитекторомъ по поводу технической смѣты, а пока въ зданіи бывшаго склада прогнила крыша. Ко времени окончанія переписки по смѣтѣ зданіе навѣрно потребуетъ капитальнаго ремонта, что вызоветъ новую переписку о расходахъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтой и т. д.

Опасаясь дальнѣйшей затяжки и усматривая изъ доклада гласнаго К. И. Ровинскаго, что переписка по дѣлу о преобразованіи ливенскаго реальнаго училища въ техническое училище уже тянется 10 лѣтъ, о преобразованіи жиздринскаго городского училища въ училище садоводства — 5 лѣтъ, а переписка по вопросу объ открытіи ремесленнаго училища въ с. Павловѣ тянулась 20 лѣтъ, духовщинское земское собраніе, постановило: просить телеграмой министра народнаго просвѣщенія ускорить разрѣшеніе вопроса объ открытіи ремесленнаго училища въ г. Духовщинѣ.

Не будемъ увеличивать числа подобныхъ примѣровъ, иллюстрацій нашего обычнаго „потихонечку, да по полегонечку съ развальцемъ да съ прохладцою".

Каждому по личному опыту прекрасно, слишкомъ хорошо даже извѣстно, какъ часто „дѣло не медвѣдь", которому не полагается убѣгать въ лѣсъ—скрывается вмѣсто этого подъ сукно.

Какія причины вызываютъ это явленіе, приносящее безусловно много вреда въ общей жизни нашей страны?

Еще недавно въ нашей печати промелькнуло мнѣніе, будто бы медлительность эта цѣликомъ обязана распространенности у насъ той болѣзни, какая называется „совмѣстительствомъ". Совмѣстительство — это несомнѣнно серьезная язва нашего чиновническаго строя. Но видѣть въ ней корень зла, да еще весь цѣликомъ, было бы, по меньшей мѣрѣ, близоруко.

Свою роль играетъ и оно, это правда. Правда тѣмъ болѣе несомнѣнная, что совмѣстительство это достигаетъ у насъ прямо таки неправдоподобныхъ размѣровъ. Человѣкъ „числится" на десяткахъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, и времени у него хватаетъ только развѣ на исправное полученіе жалованія по всѣмъ его должностямъ, для *дѣла* же времени совершенно не остается. Изъ множества примѣровъ совмѣстительства, оглашенныхъ за послѣднее время, остановился только на одномъ.

Можно ли совмѣстить несовмѣстимое или, иначе говоря, „объять необъятное"? Симбирскій городской голова М. А. Волковъ своимъ примѣромъ показываетъ, что можно. Этотъ общественный дѣятель, въ одно и то же время представляетъ собою:

„городского голову, купеческаго старосту, предсѣдателя городского комитета попечительства о народной трезвости, попечительнаго совѣта комерческаго училища, городской санитарно-исполнительной комиссіи, учи-

лищной комисiи, правленiя дома трудолюбiя, комиссiи по управленiю городскимъ дѣтскимъ прiютомъ, сиротскаго суда, завѣдующаго городской богадѣльней, завѣдующаго Николаевскимъ домомъ призрѣнiя, директора губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, товарища предсѣдателя городского Александровскаго попечительнаго совѣта о бѣдныхъ, непремѣннаго члена губернскаго статистическаго комитета, непремѣннаго члена попечительнаго совѣта ремесленнаго училища графа Орлова-Давыдова, члена губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствiя, губернскаго распорядительнаго комитета, губернскаго по промысловому налогу присутствiя, губернскаго комитета попечительства о народной трезвости, губернской оцѣночной комисiи. окружного правленiя Императорскаго Россiйскаго общества спасенiя на водахъ, комитета Карамзинской общественной библiотеки, уѣзднаго училищнаго совѣта, биржевого комитета, непремѣннаго члена попечительнаго совѣта женской гимназiи, гласнаго уѣзднаго земскаго собранiя, гласнаго губернскаго земскаго собранiя.

Итого, ровно 27 должностей.

Какъ прiятно, должно быть, живется г. М. А. Волкову, если только три дня въ теченiе мѣсяца онъ избавленъ отъ полученiя жалованiя. Понатужиться бы ему еще 3 мѣста взять — вотъ бы каждый день но получкѣ то и пришлось. Какъ отражается подобная „въ 120 лошадинныхъ силъ служба" совмѣстителей на пользѣ дѣла и на интересахъ обывателей — ясно, конечно, само собой.

Эта, одна изъ причинъ нашей бюрократической волокиты, указывается особенно часто.

Наряду съ этимъ выдвигается и еще одна причина, еще менѣе исчерпывающая сущность вопроса.

Все дѣло, видите ли, въ томъ, что у насъ чиновники изъ пользующихся властью и значенiемъ—почти безъ исключенiя люди пожилые и даже совсѣмъ таки старики.

Не имъ бороться съ рутиной, не имъ сообщить новыя силы бюрократической, едва-едва движущейся машинѣ.

Указанiе на чрезмѣрную норму возраста нашихъ канцелярскихъ зевесовъ по существу своему бесусловно правильно.

Вотъ, напримѣръ, послѣднiй, только что въ Ярославлѣ произведенный подсчетъ „Маѳусаиловъ" тамошняго губернскаго правленiя. Одинъ изъ старшихъ совѣтниковъ, П. В. Ивакинскiй, 64 лѣтъ, на службѣ состоитъ 44 года. Счетный чиновникъ по экзекуторской части В. П. Папоновъ, 64 лѣтъ, служитъ 43 года. Регистраторъ 2-го отдѣленiя П. Р. Голосовъ, 62 лѣтъ, служитъ 42 года. Начальникъ газетнаго стола А. Ф. Ничикъ, 63 лѣтъ, состоитъ на службѣ 43 года. Дѣлопроизводитель строительнаго отдѣленiя Н. Н. Тошаковъ, 65 лѣтъ, служитъ уже 43 года. Губернскiй архитекторъ И. И. Окербломъ на службѣ въ правленiи состоитъ не особенно давно, но общая сумма лѣтъ, проведенныхъ имъ на службѣ, довольно почтенна — 42. Но она, конечно, тускнѣетъ передъ 54 годами, которые провелъ на службѣ архиварiусъ В. М. Доброхотовъ, 73 лѣтъ. А безспорный рекордъ чиновничьяго долголѣтiя въ Ярославлѣ побилъ секретарь правленiя Д. Ѳ. Преображенскiй, 78 лѣтъ, который служитъ ни много, ни мало, какъ 58 лѣтъ! Большая часть изъ указанныхъ чиновниковъ не имѣетъ даже средняго образованiя а только аттестаты въ хорошемъ преуспѣянiи въ „наукахъ", преподававшихся во время оно въ уѣздныхъ училищахъ... Невольно задумаешься надъ неисповѣдимой мудростью фортуны: 50 лѣтъ назадъ былъ человѣкъ ученикомъ школы допотопнаго образца, а теперь, глядишь, ворочаетъ колеса губернской бюрократической машины... Не изумительно-ли, сколь способствуетъ житейскiй опытъ усовершенствованiю въ знанiяхъ?

Какъ ни ярки приведенные нами примѣры, но отдѣльныя деревья не могутъ, конечно, заслонить отъ насъ цѣлаго лѣса.

Совмѣстительство, Маѳусаиловы годы – все это отдѣльныя развѣтвленiя дѣйствительно глубоко лежащихъ корявыхъ корней нашей канцелярщины.

Ужъ на что болѣе общая и серьезная причина нашей волокиты—отсутствiе свѣта, гласности и общественнаго контроля, но и она, эта причина не раскрываетъ намъ всей сущности этого важнаго, „искони" присущаго нашимъ учрежденiямъ недостатка.

За послѣднее время обнаруживается много проявленiй борьбы съ этимъ зломъ.

Борьба, какъ и быть слѣдуетъ, проявляется въ образѣ и подобіи все новыхъ и новыхъ просьбъ и ходатайствъ.

Аккерманцы напр., жалуются, что они 14 лѣтъ (!) не могутъ дождаться разрѣшенія на открытіе библіотеки.

Недовольны и балашовскіе земцы. А вѣдь еще и двухъ то лѣтъ не минуло, какъ они съ своимъ дѣломъ возятся — и вдругъ недовольны.

Оказывается, что балашовское земство не могло получить въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ отвѣта на свое ходатайство объ одной меліоративной ссудѣ. Сперва ходатайство будто бы затерялось, но и потомъ, когда оно было снова представлено, не могло получить отвѣта въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ.

Оказалось, затѣмъ, что отдѣлъ сельской экономіи министерства З. и Г. Им-ствъ проявляетъ „упорное молчаніе" по земскому дѣлу объ одной сельскохозяйственной школѣ; оказалось также, что балашовскій училищный совѣтъ, несмотря на неоднократныя письменныя и телеграфныя просьбы, также не могъ добиться отвѣта на нѣкоторые свои запросы отъ министерства земледѣлія.

Наконецъ, балашовскіе земцы заявили, что можно было бы привести еще много примѣровъ такой удивительной медлительности.

Терпѣніе балашовскаго земскаго собранія истощилось, и оно постановило жаловаться министру земледѣлія на порядки, установившіеся въ его вѣдомствѣ,

И что всего горше, начальство то, вмѣсто того, чтобы жалобщиковъ-то взять, да и простить—оныя ихъ дерзновенныя и неосновательныя жалобы слушать изволятъ. Вотъ, напримѣръ, характерный и доселѣ необыкновенный фактъ, который разсказываетъ „Гражданинъ" о „необыкновенномъ въ бюрократической атмосферѣ „катаклизмѣ". „Въ нѣкое министерство,—разсказываетъ „Гражданинъ",—приходитъ бумага отъ предсѣдателя одной изъ земскихъ управъ. Бумага необыкновенная: канцелярскій языкъ предсѣдатель рѣшилъ замѣнить литературнымъ, русскимъ. Изъ-за такого отступленія отъ формы произошло слѣдующее: директоръ департамента омраченъ и гнѣвенъ. Призывается одинъ изъ Иванъ Ивановичей, — человѣкъ въ канцелярскихъ блудодѣйствіяхъ зѣло искушенный.

Иванъ Ивановичъ быстро наклоняется къ бумагѣ, чтобы ее прочесть...

— Читайте!—задушеннымъ голосомъ говоритъ директоръ.

Иванъ Ивановичъ начинаетъ читать: слѣва: „Предсѣдатель N губернской земской управы", справа: „г. министру такому-то".

Затѣмъ Иванъ Ивановичъ приступаетъ къ тексту и начинаетъ читать:

„Просто терпѣнія нѣтъ"...

Иванъ Ивановичъ останавливается, вдругъ блѣднѣя, точно кто-то ударилъ его.

— Дальше, дальше...—истерически говоритъ директоръ,—читайте громко...

Иванъ Ивановичъ читаетъ вслухъ, но съ замираніемъ въ голосѣ: „пишешь вамъ или не пишешь—все одно, толку никакого"...

Иванъ Ивановичъ замеръ.

— А? Каково?—заговорилъ директоръ.

— Это, знаете, нѣчто небывалое, невѣроятное, меня просто въ лихорадку бросило... Министру смѣть такъ писать... Себѣ я не позволилъ бы такъ писать, а тутъ министру... Это нельзя такъ оставить!

— Я сейчасъ пойду къ министру!—сказалъ директоръ.

— И я съ вами пойду: коллективнѣе будетъ; это чортъ знаетъ, что такое; ну, просто въ ознобъ бросило...

Пошли къ министру.

— Что? Экстренное что-нибудь?— спросилъ министръ.

— Не то, что экстренно... небывалая, ваше высокопревосходительство, по дерзости бумага,—докладываетъ директоръ,—извольте полюбоваться!

Директоръ читаетъ.

— Это мнѣ пишутъ? — прерываетъ министръ.

— Вамъ, ваше высокопр—ство, N—ская губернская земская управа.

— Это чортъ знаетъ что такое!

— Мы вотъ съ Иваномъ Ивановичемъ прямо-таки такъ заболѣли.

— Да въ чемъ же дѣло? спросилъ министръ.—Долго не отвѣчали, что-ли?

— Какое долго, всего 18 мѣсяцевъ, ваше высокопр—ство!

— Полтора года, однако!

— Ваше высокопр—ство, съ 90-го года бумаги лежатъ и терпѣливо ждутъ очереди, а тутъ какихъ-нибудь полтора года, и такъ писать...

— По какому же дѣлу? — спросилъ министръ.

Министръ беретъ бумагу и читаетъ.

— И губернаторъ два раза писалъ, а дѣло-то не пустяшное... Нѣтъ, это вы виноваты; такъ нельзя затягивать дѣла; сейчасъ же составьте мнѣ докладъ!

— Ваше высокопр—ство, не потребовать-ли прежде бумаги съ другимъ изложеніемъ, да мѣсяцевъ шесть заставить пообождать въ наказаніе?

— Нѣтъ, надо скорѣе отвѣтить!

Когда директоръ вернулся къ себѣ, сѣлъ за свой столъ и взглянулъ на Ивана Ивановича, его лицо выражало небывалую удрученность и растерянность.

Иванъ Ивановичъ только сочувственно хлопалъ глазами.

— Ничего не подѣлаешь! — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Знаете, что все это значитъ? Мы переживаемъ историческую минуту. Это—ударъ, нанесенный въ самую душу бюрократіи. Если бы бумага была написана обычнымъ языкомъ, она была бы прочитана мною, вами и доложена министру обычнымъ путемъ, и принята была бы къ свѣдѣнію. Ни одинъ винтъ механизма, ни одинъ нервъ организма не пострадалъ бы... А представленію губернской земской управы на имя министра, написанному самымъ явно непочтительнымъ языкомъ, дать экстренное и немедленное дѣлопроизводственное исполненіе, это прямо революція!—заключилъ директоръ.

— Это ужасъ, ваше пр-ство,—подтвердилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что мы съ вами пережили, благодаря этой бумагѣ! Черезъ часъ о ней будетъ знать все министерство. Теперь подумайте только о томъ, что произойдетъ въ душѣ каждаго чиновника, когда онъ узнаетъ, что по бумагѣ на имя министра, которая начинается словами: „никакого нѣтъ терпѣнія" принимается немедленное и экстренное исполненіе!

— Это ужасъ, ваше пр—ство!

Фактъ этотъ не только чиновникамъ показался необыкновеннымъ. Какъ это ни грустно, но у насъ онъ, дѣйствительно не только не обыченъ, но еще и стоитъ въ коренномъ противорѣчіи съ историческими сложившимися отношеніями. Издавна повелось у насъ, и, къ прискорбію, считается неопровержимымъ убѣжденіе, что не чиновникъ для обывателя, а обыватель для чиновника существуетъ. Отсюда и вѣковѣчная трусость, обывательская трусость Щедринскаго „зайца", который жилъ — дрожалъ, помиралъ—дрожалъ, отсюда полное отсутствіе самаго чувства законности и уваженія какъ къ правамъ своимъ, такъ и къ обязанностямъ,—отсюда и многіе иные специфическіе признаки нашего обывательскаго житья-бытья.

„Ѣшь глазами начальство" — таковъ одинъ изъ хотя и неписанныхъ, но основныхъ законовъ нашей провинціальной дѣйствительности.

И какіе бы Хлестаковы ни являлись передъ обывателемъ, пользуясь званіемъ начальства, какіе бы противузаконныя требованія обывателю не предъявлялись—онъ безмолствуя исполняетъ ихъ и по прежнему ѣстъ глазами стоящее передъ нимъ начальство.

Много реформъ примѣнялись было къ нашимъ канцелярскимъ порядкамъ, къ взаимоотношеніямъ между обывателемъ и начальствомъ.

Но робкія и половинчатыя были до сего времени эти реформы. „Поелику"—и „дондеже" въ оффиціальныхъ бумагахъ замѣнились современными. „Принимая во вниманіе" и „исходя изъ соображенія", но пользы реальной и ощутимой—пока что — доселѣ, не наблюдалось.

Фактъ за фактомъ приноситъ съ собою каждый день. На одной изъ Юго-Восточныхъ дорогъ нашихъ надумали было низшихъ служащихъ, побывавшихъ на отдыхѣ, клеймить штемпелемъ на рукѣ, въ отличіе ихъ отъ остальныхъ. Мѣра эта безусловно случайна, конечно. Достойно однако серьезнаго вниманія, что не нашлось ни одного человѣка, который осмѣлился бы воспротивиться этому противузаконному клейменію.

Еще фактъ изъ другой области, изъ области нашего формализма, насытившаго собою всю нашу атмосферу.

Петербургская дума на одномъ изъ засѣданій своихъ постановила пожертвовать 10,000 рублей въ пользу защитниковъ Портъ-Артура и, кромѣ того, открыть сборъ пожертвованій съ этой же цѣлью.

Пришелъ въ городскую думу на одинъ

изъ слѣдующихъ дней со своимъ пожертвованіемъ нѣкій севастопольскій ветеранъ, полковникъ Богдановъ. Примите говоритъ.— Вотъ для Портъ-Артурцевъ лепту свою принесъ. Невозможно принять,—отвѣчаютъ. Вотъ разрѣшеніе спеціальное получимъ — тогда съ охотой. А пока не можемъ. Долго просилъ полковникъ Богдановъ и добился, наконецъ, своего. Совершенно иной оказалась судьба дальнѣйшихъ жертвователей.

— Извините! — Не можемъ принять!.. Разрѣшеніе еще не получено. Зайдите, пожалуйста, недѣльки черезъ двѣ-три. Тогда, должно быть, получится разрѣшеніе, и мы возьмемъ ваше пожертвованіе.

— Да, вѣдь, вы же приняли взносъ полковника Богданова?..

— Взять-то взяли. Ужъ очень неловко было отказать... Человѣкъ заслуженный... самъ севастопольской герой и, просто, умолялъ Христомъ Богомъ—возьмите да возьмите! Но это — не въ примѣръ прочимъ. Будьте любезны, не задерживайте другую публику. Пожалуйте черезъ недѣльки двѣ... До свиданія-съ!..

Этотъ формализмъ — явленіе у насъ ничуть не менѣе распространенное и не менѣе болѣзненное, чѣмъ и волокита канцелярская. Ужъ на что, кажется, дозволительнее дѣло —на Портъ-Артурцевъ пожертвованія, а и тутъ все же — „играй назадъ" слышится...

Не приказано еще, дескать... отваливай!

„Какъ бы чего не вышло", эта Чеховская формула страха обывательскаго—жива и понынѣ во всей своей силѣ. „Ѣшь глазами начальство", „какъ бы чего не вышло" канцелярская волокита", бездушный формализмъ — все это отдѣльныя части только одного общаго вопроса.

Есть разсказъ о томъ, какъ въ одномъ волостномъ правленіи обсуждали, какъ назвать дѣло, содержащее актъ вскрытія утопленника—Ивана Иванова. Слышались различныя предложенія. Дѣло объ утопленіи— не точно. Человѣка не утопили, онъ самъ утонулъ.

Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ обсужденій принята была слѣдующая окончательная формула: „Дѣло о самовольномъ погруженіи разночинца Ивана Иванова въ воду и невыхожденіи онаго изъ нея".

Когда вмѣсто того, чтобы возбудить общій вопросъ, включающій въ себѣ и страхъ, „какъ бы чего не вышло", и „волокиту канцелярскую", и формализмъ бездушный и „обывателей, существующихъ для чиновника", и многое, многое еще—когда вмѣсто одного общаго вопроса этого, серьезно и многодумно, важно и глубокомысленно, обсуждаются отдѣльные частные вопросы, какъ уничтожить напр. канцелярскую медлительность и бюрократическую волокиту, въ голову приходитъ это „дѣло о самовольномъ погруженіи разночинца въ воду и невыхожденіи онаго изъ нея", приходятъ въ голову споры по поводу этой формулы „утонутія" „утопленія" или погруженія въ воду"..

„Дѣло о самовольномъ погруженіи и невыхожденіи изъ нея" все еще тянется и тянется.

Идутъ годы, долгіе и многіе годы. А разночинецъ Иванъ Ивановъ — все лежитъ „самовольно погруженный въ воду" и думаетъ горькую думу о своемъ „невыхожденіи онаго изъ нея"...

II.

Консерваторовъ не существуетъ—говоритъ въ одномъ изъ своихъ Парадоксовъ" Максъ Нордау, по мнѣнію котораго самое слово „консерваторъ" должно исчезнуть, какъ не имѣющее правъ на существованіе. Доводы Макса Нордау въ пользу подобнаго утвержденія сводятся къ тому, что консерваторъ, какъ это видно изъ самой конструкціи слова,—это человѣкъ, желающій сохранить существующее положеніе.

Такихъ же, вообще говоря, не существуетъ. Оборонительное положеніе не можетъ служить системой борьбы, и неизбѣжна наступательная тактика.

Въ наше время наступательная тактика обнаруживается особенно ярко. Лицомъ къ встрѣтились реакція и реформа. Современность, оказывается, чуть ли не одинаково ненавистна и либераламъ, и консерваторамъ. Нѣтъ примирительныхъ, вялыхъ нотъ застоя. Есть могучіе порывы—здоровые порывы впередъ и уродливые порывы назадъ, но гнилого, засасывающаго застоя не существуетъ.

Въ наше время особенно важна поэтому общественная оцѣнка указанныхъ порывовъ.

Трудно говорить о порывахъ впередъ, трудно проанализировать тѣ богатыя данныя, какія приноситъ въ этой области жизнь.

Есть только обходная дорога: приходится остановиться на движеніи въ лагерѣ безусловно благонадежныхъ консерваторовъ нашихъ. Изученіе ихъ лагеря и само по себѣ даетъ все же яркіе симптомы, сильныя проявленія окружающей насъ, волнующейся и бурной жизни эпохи.

Консервативныя изданія у насъ, какъ извѣстно, въ высшей степени малочисленны и слабы симпатіями публики. На всю провинцію приходятся лишь 2—3 „консервативныя" газеты.

Какова судьба ихъ въ нашъ, въ нѣкоторомъ родѣ, „весенній" періодъ? Собственникъ „Приднѣпровскаго края"—купецъ Копыловъ окончательно повѣрилъ въ весну, и, благословясь да Богу помолясь, рѣшилъ, что „надо теперича курсъ мѣнять".

Не въ первый разъ мѣняетъ курсъ „Приднѣпровскій край". Было время и еще весьма недавно, когда газета эта подъ редакціей В. В. Святловскаго, а потомъ Мих. Лемке являлась очень приличнымъ, чистымъ и прогрессивнымъ, органомъ печати. „Свирѣпое недовѣріе"—далеко не благопріятствовало тогда подобному направленію. Терпѣли изнемогая всѣ, терпѣлъ бы, конечно, и „Приднѣпровскій Край". Но иначе рѣшила судьба, во образѣ издателя—купца Копылова.

„Не съ съ руки"—сказалъ себѣ купецъ Копыловъ. „Не выгорѣло либеральное то направленіе. Квартальное направленіе куда лучше будетъ. Какъ бы его только перемѣниться, какъ быть слѣдуетъ"?

И купецъ Копыловъ обратился тогда въ „Московскія Вѣдомости". Пришлите, дескать, г. Грингмутъ, подходящаго человѣка! И присланъ былъ „княжить и володѣть" газетой—правовѣрный ученикъ г. Грингмута г. Духовецкій.

Изъ прежняго прогрессивнаго органа „Придн. Кр." обратился во второе изданіе „Московскихъ Вѣд.": тѣ же нелѣпыя псевдопатріотическія завыванія, тѣ же поиски крамолы.

Два года безчинствовалъ г. Духовецкій въ Екатеринославѣ: ругалъ „жидовъ", поносилъ „либераловъ", искалъ „измѣнниковъ", кричалъ „ура"...

Но... всему бываетъ конецъ. Повѣяло „весной". Въ воздухѣ роями закружились либеральныя идеи, въ обществѣ явился спросъ на нихъ. А главное, начальство не препятствуетъ. Видитъ купецъ Копыловъ, что не въ цѣнѣ теперь консерватизмъ, не разживешься на немъ, приглашаетъ г. Духовецкаго.

— На всѣ четыре стороны пожалуйте! Не надобны больше...

— То есть, какъ это не „надобенъ?"

— Очень просто: не надобны-съ... Не такое нынче время, чтобы „жида" ругать и все прочее такое. Теперича главное — прогрессъ.

— Такъ чего же вы раньше молчали? Такъ бы и говорили... Могу и о прогрессѣ...

— Точно-съ. Дюже подмочили репутацію свою-съ... Другихъ найду, посвѣжѣе...

Нѣсколько иначе повелъ себя иной представитель консерватизма и знаменоносецъ охранительныхъ началъ—достославный, извѣстный на югѣ харьковскій „Южный Край".

Эта газета со своимъ редакторомъ издателемъ, многократно прославленнымъ, пресловутымъ А. А. Іозефовичемъ во главѣ—рѣшила, что для новаго вина не обязательны вовсе какія бы то ни было внутреннія измѣненія. И старые мѣха за милую душу сойдетъ. „Такъ по весеннему запоемъ, что любо дорого!".

И газета карьеромъ пошла отъ „жида" къ „вѣротерпимости", отъ прославленія земскихъ начальниковъ къ правопорядку, отъ исконно русскихъ и самобытныхъ особенностямъ къ западно-европейскимъ образцамъ.

Но избаловался что-ли читатель или по инымъ причинамъ, но отношеніе (и пренепріятное отношеніе) публики къ газетѣ г. Іозефовича не измѣнилось.

Давнымъ давно завелся въ Харьковѣ „странный" обычай демонстративно выражать свою оцѣнку публицистическо-общественныхъ заслугъ „Южнаго Края" вообще и г. А. А. Іозефовича въ частности и особенности.

Номера „Южнаго Края" публично сжигались, ими, очевидно, отъ моли обертывались хвосты извозчичьихъ лошадей и т. д.

Самое помѣщеніе редакціи страдало отъ направленія убѣжденій г. Іозефовича: выбивались стекла (а стекла вѣдь дорогія, зеркальныя—не какъ нибудь!) стѣны обливались чернилами, и, что особенно непріятно, жидкостями, распространяющими удушливый запахъ.

Аналогичными способами чествовали и самого г. Іозефовича. Соленые огурцы, гамбургскія селедки и моченыя яблоки, будучи бросаемы въ огромномъ количествѣ, принуждали его скрываться изъ театра, ѣздить въ закрытой каретѣ и т. д. и т. д.

Теперь, когда газета заговорила „по весеннему", отношеніе публики, оказывается, не измѣнилось.

„По сообщенію „Сына отечества" обычай бить г. Іозефовичу стекла до такой степени вошелъ въ нравы, что теперь харьковскіе шутники придумали даже спеціальную задачу для дѣтей младшаго возраста: мимо г. Харькова проѣхалъ графъ Л. Н. Толстой — спрашивается, сколько заплатилъ стекольщикамъ г. Іозефовичъ?

Если наши провинціальные консерваторы болѣе или менѣе растерялись, сознавъ, что они ошибку давали: вмѣсто „караулъ" на свою голову „ура" кричали", то консерваторы столичные сознавать своей ошибки „не жалаютъ".

„Московскія Вѣдомости" знать не хотятъ „весны" и по прежнему требуютъ „Кузькину мать".

„Такъ дальше жить нельзя" заявляютъ публицисты Страстного бульвара. „Не прошло и девяти недѣль съ тѣхъ поръ, какъ эти господа удостоились министерскаго довѣрія, какъ они уже вызвали *во всей Россіи* искусственное революціонное броженіе. Всѣ газеты ихъ ринулись въ походъ на ослабленіе правительственной власти. Къ нимъ присоединились и сообщники, вернувшіеся изъ ссылки. Была составлена крамольная программа, наводнившая всѣ грады и веси Россіи, созывались сходки и съѣзды различныхъ наименованій и подъ самыми разнообразными предлогами, всюду подстрекали „вотировать" одну и ту же революціонную программу, дабы произвести иллюзію, будто „вся Россія" съ ними солидарна. Такой инсценировкой своихъ требованій „либералы" надѣялись обмануть какъ правительство, такъ и русскій народъ".

По поводу происходившихъ во всѣхъ городахъ нашихъ банкетовъ, пріуроченныхъ къ празднованію сорокалѣтія судебныхъ учрежденій „Московскія Вѣдомости" требуютъ немедленнаго примѣненія чуть ли не пушечныхъ выстрѣловъ.

Слѣдующимъ образомъ, напр. описываютъ „Моск. Вѣд." одинъ изъ самыхъ сравнительно скромныхъ банкетовъ въ Тамбовѣ.

„Конституціонный"—по выраженію газеты банкетъ этотъ вызываетъ у нея самыя ужасающіе вопли.

„Произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей"—взываютъ „Моск. Вѣд.". „Получены изъ разныхъ уѣздовъ телеграммы со многими подписями – присоединяющихся къ участникамъ банкета". Всѣ участники именуются, конечно, газетой „внутренними врагами", „политическими ворами", „поносителями своей страны", „клеветниками народа, національности, религіи", „холодными убійцами", „врагами порядка и закона". И вообще во всѣхъ смыслахъ—„мерзавцами своей жизни".

На банкетѣ, доноситъ далѣе газета, присутствовали предсѣдатель и четыре члена губернской земской управы, нѣсколько предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, много гласныхъ земства, адвокатовъ, врачей, инженеровъ, коммерсантовъ, чиновниковъ окружного суда и акциза и многіе другіе.

Особенно смущаютъ газету именно послѣдніе участники банкета—„чиновники" окружнаго суда, и акциза и многіе другіе".

Не дождемся-ли мы, — спрашиваетъ г. Грингмутъ, — чтобы губернаторы или вицегубернаторы произносили публично рѣчи, громящія „бюрократическое самовластіе" и требующія „конституціонныхъ гарантій"? Не увидимъ-ли мы директоровъ департаментовъ и совѣтниковъ губернскаго правленія, идущими съ краснымъ знаменемъ во главѣ уличной толпы?

Смоленскій кореспондентъ „Моск. Вѣд.", съ своей стороны, доноситъ г. Грингмуту, что на мѣстномъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ „злоумышленники — анафемы" раздаютъ солдатамъ прокламаціи.

„Изъ разговоровъ съ нашими бравыми молодцами мы узнали, что во время стоянокъ молодежью и стрижеными бабенками бросаются въ ихъ вагоны пачками печатные листки въ конвертахъ.

— Мы сперва думали, что въ конвертахъ намъ преподносятся денежки на дальній путь, но когда распечатали да прочитали, то пришли въ ужасъ! — говорилъ, сверкая глазами, герой-солдатъ.

— Что же тамъ было напечатано?—полюбопытствовали мы.

— Не знаю и говорить-ли вамъ, право,

страшно сказывать. А, впрочемъ, скажу! Отговариваютъ идти на войну".

Мудрено-ли что „Моск. Вѣд." рѣшили „что дальше такъ жить нельзя"?

Желая жить иначе, маленькіе наслѣдники Каткова стали изощрять свою изобрѣтательность.

Изобрѣтена была, напр., новая манера писать и печатать поддѣльныя „письма". Вотъ, напр., одно изъ этихъ, якобы крестьянами написанныхъ писемъ, трактующихъ о студентахъ.

„Намъ, крестьянамъ, жителямъ деревни, студентъ представляется самымъ пропащимъ человѣкомъ. Студентъ—безбожникъ, студентъ — заговорщикъ противъ Царя, студентъ — бунтовщикъ: вотъ отзывы, которые всегда вы услышите отъ крестьянъ.

И не мудрено. Кто входитъ въ Казанскій соборъ въ Петербургѣ въ шапкѣ, съ папироской въ зубахъ? — Студенты. Кто Великимъ постомъ, съ пѣснями, буйною толпой идетъ по улицамъ Москвы, ломая деревья на бульварахъ, разбивая стекла?—Студенты. И въ результатѣ такого ихъ поведенія слово „студентъ" стало употребляться у крестьянъ какъ слово бранное.

Отецъ, разсерженный поведеніемъ сына, ругая его, крикнетъ: такой-сякой, а теперь: „ты чисто студентъ окаянный"! Такъ вотъ какой славой пользуется у крестьянъ имя студента".

Издающаяся при Московскомъ университетѣ газета не только безъ возраженія, но съ полнымъ сочувствіемъ помѣстила у себя эти слова.

Во всей силѣ своей осталась далѣе въ „Моск. Вѣд." манера доноса. Не хотятъ люди „весны" сообразить, да и все тутъ: весна весной, а ты мнѣ урядника позови! Вынь да положь твердую власть—и никакихъ.

Манера доноса остается все та же—старая и добродѣтельная манера.

„Оказывается, заявляютъ, напр., „Моск. Вѣд.", что „Право"—газета выходящая въ Петербургѣ; очень поучительно"! Оказывается, что „Петрункевичъ — еще не на каторгѣ" и даже „пользуется гражданскими правами своего отечества. Очень поучительно"! Надо, впрочемъ, сказать, что газета г. Грингмута вопрошать, по обыкновенію, вопрошаетъ, но не скрываетъ и своего удивленія. „Какъ, „Право" еще выходитъ? Какъ, на г. Петрункевичѣ еще не гремятъ кандалы"?! Въ виду такихъ исключительныхъ обстоятельствъ газета не ограничивается обращеніемъ къ полицейскому участку, но разражается воистину истерическими воплями уже воистину не печатно, обличая „шайку враговъ Россіи", „горсть гнусныхъ измѣнниковъ", „живыхъ отщепенцевъ", „уличное общество, желающее оплести народъ" и т. д. и т. д.

„Моск. Вѣд." смѣло разоблачаютъ „самую подоплеку гнусныхъ мечтаній"; эта ужасная подоплека, по свидѣтельству газеты, есть,—o tempora, o mores!—ни что иное, какъ „равноправность, общественное довѣріе, свобода слова, свобода совѣсти и общественное представительство въ законодательствѣ и управленіи".

Газета призываетъ „крестьянство, дворянство и купечество встать стѣной и отогнать зарвавшееся безсословное, безземельное и разнородное общество и его наглыхъ вожаковъ и въ печати, и въ земствѣ".

Въ пылу азарта въ число „гнусныхъ измѣнниковъ" включенъ и самъ г. Меньшиковъ, какъ извѣстно, имѣющій весьма мало права на эту честь.

„Неужели,—восклицаетъ газета,—Петрункевичи, Меньшиковы, Шиповы со своими послѣдователями воображаютъ, что въ такомъ царствѣ, какъ Россія, можно провести безумныя бредни о конституціи, о парламентѣ о республикѣ и все, о чемъ они толкуютъ"?!

Одной усиленной охраны, которая установлена у насъ уже свыше 30 лѣтъ, мало,—проповѣдуетъ газета.

„Наши „либералы" стремятся не къ соблюденію существующихъ законовъ, а къ ихъ нарушенію. Они и слышать не хотятъ о томъ, чтобы прекратить свои военныя дѣйствія, направленныя противъ законнаго правительства. Но въ такомъ случаѣ они и не имѣютъ права жаловаться на то, что и правительство принимаетъ противъ нихъ исключительныя мѣры для огражденія мира и благосостоянія Россіи.

Идетъ, смута; улица или бунтуетъ, или брюнчитъ (?!) и все безъ разбора ругаетъ.

Имени нѣтъ тому, что у насъ пишутъ и кто (это рядомъ съ Грингмутомъ-то?) пишетъ и говоритъ?! Безудержная наглость, грязь и

сквернословіе въ литературѣ, кабаки, клубы и общества (?!)—притоны всѣхъ общественныхъ отбросовъ.

Историческій незабвенный примѣръ рѣшительности у насъ есть; это пощечина Рощаковскаго, — пощечина, данная долгомъ безправію и беззаконію.

Такъ ведутъ себя „Моск. Вѣд.". Нѣтъ весны, но за то есть доносъ, нѣтъ обновленія, но есть участки, нѣтъ довѣрія, но существуетъ пощечина...

И на этихъ тезисахъ „Моск. Вѣд." стоятъ столь твердо и непоколебимо, какъ безсовѣстно и невѣжественно.

Совершенно иначе ведетъ себя „Гражданинъ".

Никакъ не умѣя основательно „принюхаться" къ тому, „откуда дуетъ вѣтеръ" (старческое обоняніе ли измѣняетъ, или паки и вѣтры по нынѣшнимъ временамъ больно ужъ неопредѣленные стали), „Гражданинъ" пытается все время сѣсть на два стула сразу, но попадаетъ какъ разъ между ними—дѣло-то вѣдь тоже не легкое!

„Съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой должно признаться" вотъ формула, на которой выѣзжаетъ сіятельный публицистъ. Получается, и грустная и смѣшная картина.

Князь Мещерскій ведетъ себя „въ высокой степени двояко". То онъ пускается въ историческія воспоминанія и разсуждаетъ какъ будто-бы даже здраво.

„Какъ извѣстно, сообщилъ напр. князь, нынѣшній департаментъ полиціи есть съ 1880 г. видоизмѣненное III отдѣленіе.

III отдѣленіе здѣсь, несмотря на свой открытый характеръ и на прекрасныя цѣли, побудившія графа Бенкендорфа при Николаѣ I ходатайствовать объ его учрежденіи, почему-то, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе легенды, пущенной когда-то въ ходъ графинею Ростопчиною о креслѣ, которое проваливалось съ сидящимъ на немъ въ преисподнюю, гдѣ это лицо получало таинственныя розги, — считалось крайне непопулярнымъ учрежденіемъ, такъ что, когда графъ Лорисъ-Меликовъ, съ цѣлью добиться популярности, уговорилъ Императора Александра II упразднить III отдѣленіе, онъ званіе шефа жандармовъ взялъ на себя, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а полицію, называвшуюся тогда тайною, вмѣстѣ съ полиціею общею, соединилъ въ департаментѣ полиціи. Отъ того времени сохранился интересный документъ, какъ историческая справка: это секретный циркуляръ графа Лорисъ-Меликова на имя всѣхъ жандармскихъ управленій въ Россіи, въ которомъ они предупреждались, что хотя третье отдѣленіе на словахъ упразднено, но всѣ его функціи и отношенія къ жандармскому управленію по губерніямъ остаются неизмѣнными. Очевидно, это секретное извѣщеніе означало, что, для плезира публики, ей подарена конфетка: уничтожено названіе III отдѣленія, но самое дѣло этого третьяго отдѣленія осталось неизмѣннымъ. И оно такъ и было.

Главная функція III отдѣленія, какъ извѣстно, была, съ одной стороны, очень оригинальна, а съ другой стороны, не особенно производительна. Функція эта заключалась въ наблюденіи за образомъ мыслей россіянъ. Этому наблюденію покорны были всѣ возрасты и всѣ положенія въ Россіи, до министровъ включительно Занятіе это было безконечно растяжимое и не имѣло предѣловъ; средства были тоже широки: подслушиванье, а главное перлюстрація писемъ.

Я,—говоритъ кн. Мещерскій,—никогда не принадлежалъ къ неблагонадежно-мыслящимъ, но, тѣмъ не менѣе, я имѣлъ случай убѣждаться, что моя прислуга подкупалась III отдѣленіемъ, и моя корреспонденція безпощадно перлюстрировалась! По этому факту я имѣлъ право догадываться, что если времени и средствъ хватаетъ у тайной полиціи для надзора за образомъ мыслей такихъ же неблагонадежныхъ, какъ я, то что же оставалось на долю политическихъ преступниковъ чистокровныхъ"?

Немедленно за подобными разсужденіями „Гражданинъ" мѣняетъ фронтъ и усердствуетъ, утверждая напр., что „народное просвѣщеніе есть средство поселять въ умахъ только недовольство всѣмъ и вся".

Министерство народнаго просвѣщенія есть, такимъ образомъ, по мнѣнію „Гражданина", что-то вродѣ „министерства народнаго недовольства".

Доколѣ-же, Господи?! восклицаетъ неожиданно князь Мещерскій. Доколѣ земство, въ лицѣ его передовыхъ дѣятелей, будетъ, въ силу объявленнаго ему довѣрія, требовать отъ правительства шампанскаго (?), а пра-

вительство, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, будетъ предлагать ему квасъ?

Князь меланхолично задаетъ себѣ вопросъ:

„Отчего у насъ такъ складывается общественная жизнь уродливо, что, рядомъ съ мыслью объ учрежденія оппозиціоннаго земскаго бюро, нельзя устроить для пользы народа бюро содѣйствія къ объединенію въ земскомъ дѣлѣ правительства съ земствомъ? Какое чудное по благородству было-бы призваніе такого бюро: сегодня земство неправо, завтра правительство неправо! Отчего не учредить бюро изъ самыхъ почтенныхъ земскихъ лицъ, которыя имѣли-бы задачею постоянно и въ каждомъ вопросѣ устраивать соглашеніе земства съ правительствомъ для пользы народонаселенія"?

Князь не можетъ, конечно, не знать, что бюро это на западѣ, по крайней мѣрѣ — (тамъ вѣдь, говорятъ, апельсины даже зрѣютъ) называется парламентомъ, и все таки продолжаетъ свои мечты.

„Сколько благословеній, — утверждаетъ „Гражданинъ",—снизошло-бы отъ народа на такое бюро, и какое необъятное количество пользы для земскаго дѣла могло-бы такое учрежденіе принести земству и народу"!

„Что вамъ нужно, други сердечные"?.. пишетъ наряду съ этимъ „Гражданинъ", обращаясь къ либераламъ, позволяющимъ себѣ „мечтать о формахъ правленія":

„Что вамъ нужно, „други сердечные"? Народной смуты, захвата власти въ нечистыя руки враговъ Россіи и ея народа?!. Хотите быть слугами иноземнымъ врагамъ всеобщаго мира и единенія народовъ и коварнымъ иноземнымъ торгашамъ, мнящимъ поработить весь міръ въ рабство своимъ золотомъ и хитростью?! Да! Вы, враги русской народности, вѣры и Самодержавія, многаго, злого хотите! Но такъ-ли это?.. Нѣтъ! Вы, реформаторы зла и корысти, заблуждались"!..

Въ самомъ „Гражданинѣ" мы нашли только два указанія на причины этой истинно хамелеонской вертлявости перемѣнчивости.

„Не все ли равно, — мрачно замѣчаетъ онъ, — русскому народу, будетъ или не будетъ болтать земскій съѣздъ въ залахъ министерства внутреннихъ дѣлъ"...

Такова первая причина. Вторая, однако, еще „похлеще".

По убѣжденію „Гражданина", въ обществѣ уже начался поворотъ въ сторону благоразумнаго консерватизма. Въ подтвержденіе этого обстоятельства онъ приводитъ слѣдующую сценку, якобы списанную съ натуры:

Молоденькая жена бросается въ объятія мужа (семья коммерсанта) и визжитъ: „милокъ мой, новость: будетъ конституція и будетъ свобода печати... Какое счастье"!.. А мамаша изъ угла говоритъ: „рано радоваться: погоди, вотъ какъ по міру тебя пуститъ конституція, забравши всѣ твои деньги, тогда будешь радоваться".

Не напоминаетъ-ли эта „мамаша", купно съ самимъ княземъ Мещерскимъ, другую „мамашу" (изъ пьесы Островскаго), которая страшно „боялась гимназіи" и все говорила: „вотъ какъ сталъ племянникъ въ гимназію ходить, такъ глазъ-то и выкололъ"?

Думается, однако, что виноваты не эти причины. Дѣло значительно проще: стара стала, слаба стала, это вѣдь такъ естественно и обычно. Какъ тутъ при этомъ случаѣ не растеряться?

Но шутки въ сторону!

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ на западѣ партія консерваторовъ пользуется тѣмъ же уваженіемъ, какъ и всяческая иная—наши консерваторы-охранители—не знаютъ ничего иного, кромѣ лжи, лицемѣрія, участка, невѣжества, глупости и доноса? Отчего у насъ слово „консерваторъ" получило присущій ему до такой степени обидный и ругательный смыслъ, отчего ничего чистаго, ничего человѣческаго не осталось въ этомъ лагерѣ? Отчего?

Отчего свѣча, ежели на нее подуешь, тухнетъ"?—спрашивалъ ученикъ у учителя.

„Не дуй, дуракъ, не потухнетъ"! — резонно отвѣчаетъ учитель.

III.

Монастырскія тюрьмы давнымъ давно привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе. Вопреки распространенному убѣжденію, что монастырское заточеніе примѣнялось только въ старину, оно во всей силѣ своей существуетъ въ настоящее время. Только что съ разрѣшенія двухъ цензуръ — общей и духовной — вышла посвященная этому вопросу новая книга А. С. Пругавина.

Поразительная это книга!.. Книга ужа-

совъ, ужасовъ современности, ужасовъ радостно отпѣваемой нынѣ мучительно-долгой полосы нашей „усиленно-охранной" жизни. Одна за другой встаютъ предъ глазами читателя яркія картины безмолвныхъ, ужасающихъ трагедій, ареной которыхъ—въ теченіе ряда столѣтій и по настоящее время—постоянно и систематически являются наши „обители древляго благочестія"—монастыри. Административная система, требующая тайны во что бы то ни стало—глубокой и непроницаемой завѣсой, закрыла было эти углы.

Но тайное дѣлается явнымъ. До деталей раскрыты теперь порядки „обителей мира, любви и всепрощенія", служащихъ у насъ, помимо роли „очаговъ благочестія",—еще и казематами для „инако", чѣмъ это „полагается", мыслящихъ по вопросамъ вѣры.

Было бы, однако, грубой ошибкою считать монастыри стоящими въ одномъ ряду съ тюрьмами. О, они гораздо хуже, ужаснѣе всякой тюрьмы, гораздо хуже, ужаснѣе каторги!..

Въ книгѣ А. С. Пругавина, вышедшей, конечно, съ разрѣшенія предварительной цензуры, собрано болѣе чѣмъ достаточно данныхъ для подобнаго вывода. Въ монастыри, какъ вѣка назадъ—такъ и теперь, многими сотнями систематически ссылаютъ у насъ *безъ суда* и *безъ слѣдствія*; ссылаютъ *безъ срока* и *безъ объясненія причинъ*...

Книга А. С. Пругавина состоитъ изъ отдѣльныхъ серій очерковъ, появлявшихся разновременно въ „Правѣ" за послѣдніе годы. Книга вышла въ свѣтъ „съ критическими примѣчаніями духовнаго цензора".

У насъ,—заявляеть, напр., цензоръ въ примѣчаніяхъ самой же книги,—наблюдается чрезмѣрная „слабость административныхъ мѣропріятій". Благодаря этой слабости,—говоритъ далѣе іеромонахъ Александръ,—„сектанты позволяютъ себѣ вопіющія насилія и безчинства надъ православными" (?). Духовныя лица, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ примѣчаній цензора, болѣе умѣстны въ дѣлѣ анализа преступленій, чѣмъ „патентованные юристы изъ свѣтской интеллигенціи". Полное ужасовъ и муки заточеніе въ монастырь іеромонахъ Александръ склоненъ „мягко" называть „перемѣщеніемъ изъ мѣста жительства", и изъ всего Евангелія—главнымъ мѣстомъ объявляется то, гдѣ сказано объ изгнаніи торгующихъ изъ храма. „Подобно тому, какъ теплота весеннихъ лучей вызываетъ расцвѣтъ смоковницы, и обратно, по цвѣтущей смоковницѣ—можно судить о наступленіи лѣта, подобно тому, какъ на гніющій трупъ стекаются орлы—такъ наказаніе является поступкомъ нравственнаго растлѣнія" вотъ то доказательство полезности муки и пытки монастырскихъ тюрьмъ, какое насильно предлагаетъ читателямъ книги Пругавина іеромонахъ Александръ.

Но довольно о цензорѣ. Какъ ни неумѣстны его „критическія" примѣчанія, тюремный укладъ нашихъ монастырей заставляетъ все же забыть объ этихъ надоѣдливыхъ—„усердныхъ" и досадныхъ пятнахъ грязи.

Мы указали уже, что безъ суда и слѣдствія, безъ объясненія причинъ и безъ срока, заточаютъ у насъ религіозныхъ искателей въ мракъ одиночнаго заключенія въ монастыряхъ.

Кто же обладаетъ у насъ этой невѣроятною властью? О, очень и очень многіе. Ссылки въ монастыри въ нашемъ законодательствѣ вовсе не имѣется. Но законъ остается, конечно, „на полкѣ", и вѣками существующіе монастыри-тюрьмы, монахи-тюремщики и настоятели-коменданты—это только одинъ изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени взлетовъ административной фантазіи, только одно изъ проявленій административнаго усмотрѣнія.

Правомъ наложенія всѣхъ ужасовъ монастырской ссылки пользуются очень многіе—говорили мы. Среди жертвъ этого заточенія мы находимъ присланныхъ по распоряженію духовныхъ властей, по предписаніямъ Сената, Комитета Министровъ, Главнаго Штаба и даже скромнаго и незначительнаго губернскаго правленія..

Для ссылки въ монастыри, какъ это видно изъ книги Пругавина, достаточно одного доноса мѣстнаго духовенства. Ссылаются, далѣе, не только безъ приговора суда, но иногда и прямо *вопреки* оправдательному судебному вердикту. Ссылаются сумасшедшіе, ссылаются дѣти, едва достигшіе десятилѣтняго возраста, ссылаются, кромѣ того, по одному только „ходатайству *родственниковъ*".

Среди длиннаго списка подлинныхъ документовъ въ книгѣ Пругавина находимъ слѣ-

дующія образцовыя мотивировки налагаемой ссылки: „За несогласіе крестить дѣтей“, за совершеніе панихидъ по убитомъ во время безпорядковъ“, „за превратность идей“, „за участіе въ демонстраціи“, „за законопротивные поступки“, „за взгляды“, „за благоволеніе къ штундѣ“, „за старообрядчество“, „за упорство во вредныхъ мнѣніяхъ“ и т. д. и т. д.—таковы обычные поводы къ ужасающей ссылкѣ, къ погребенію въ монастырѣ живого человѣка...

Встрѣчаются еще болѣе поражающія причины ссылки: ссылаются „за сумашествіе“, ссылаются просто „по подозрѣнію“, ссылаются, наконецъ, по причинамъ вродѣ „лицемѣрно (?) праведнаго житья“...

Всѣ эти факты, ярко обнажая собою то, что вездѣ и всюду, во всѣхъ сферахъ и областяхъ творится вокругъ насъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе въ очень „спокойно“ написанной книгѣ Пругавина.

Присылаемые въ заточеніе въ монастыри — имѣютъ, вмѣсто указанія срока ссылки— только помѣтку: „для смиренія“, „до исправленія“, „до конца живота“ и т. д., и т. д. Ужасы одиночнаго заключенія, при которомъ въ монастыряхъ запрещаются какія бы то ни было свиданія и разговоры, запрещается переписка и чтеніе книгъ, эти невѣроятные ужасы длятся зачастую 30, 40—иной разъ—страшно сказать 50 и 60 лѣтъ!..

Административно похороненные за горячее отношеніе къ вопросамъ вѣры забываютъ языкъ человѣческій, забываютъ— когда и кѣмъ сосланы, теряютъ человѣческій образъ и подобіе, и, массами сходя съума, новыя и новыя десятилѣтія остаются все же въ одиночномъ заключеніи среди ужасовъ „обителей любви и всепрощенія“.

Передать содержанія книги А. С. Пругавина--нельзя. Каждая страница ея, каждый отдѣльный фактъ со всей мучительной поражающей невѣроятностью своей болѣзненно врѣзывается въ сознаніе. И за этими отдѣльными фактами изъ-за отдѣльныхъ документовъ все ярче выдвигается, вырисовывается *общая* и всеобъемлющая картина, одной изъ деталей которой только и являются современные инквизиціонные ужасы нашихъ монастырскихъ тюремъ.

Полная амнистія всѣхъ безъ суда и слѣдствія заключенныхъ въ эти тюрьмы—вотъ предѣлъ намѣчаемыхъ А. С. Пругавинымъ пожеланій. Авторъ не мечтаетъ даже объ уничтоженіи хотя бы дальнѣйшихъ подобныхъ же ссылокъ.

— Все больше и больше распространяется, все рѣзче и ярче вырисовывается въ наши дни та простая, по внѣшнему азбучная истина, что Россія это не только канцелярія и даже не только Петербургъ. Не это Россія, есть иная Россія,—таковъ „невѣроятный“ тезисъ, какой „съ пылу и съ жару“ преподноситъ намъ наше время... Есть иная, настоящая Россія, страна милліоновъ обывателей, страна, жаждущая свѣта и дѣла, заброшенная и запустѣлая страна...

Какъ живетъ обыватель этой страны? Самъ онъ, конечно, „молчитъ, бо благоденствуе“. Что рисуютъ по крайней мѣрѣ о немъ текущіе факты? Долженъ же хоть какъ нибудь жить этотъ обыватель... И подлинно, живетъ, что называется—во всю ширь.

Какъ извѣстно, дѣйствовать обывателю не полагается. За поступки, оно, братъ, вонъ какъ влетаетъ! Держись только... Разсуждать, очевидно, тоже не полагается. Критику еще можетъ пущать захочешь? Нишкни и все тутъ.

И обыватель помалкиваетъ и старается вызвать благоволеніе старшаго дворника и городового. Изуродованная, сжатая и стиснутая жизнь обывательская устремляется по линіи наименьшаго сопротивленія.

Карты, выпивка, сплетни,—вотъ три кита, на которыхъ искусственно обосновывается жизнь обывательская.

Надо серьезно и глубоко вдуматься въ общее значеніе того самочувствія, какое испытываетъ лишенный иниціативы и поставленный подъ недремлющее око человѣкъ, чтобы понять, какъ сложилось обычное значеніе слова „обыватель“.

Нѣсколько фактовъ изъ текущей жизни:

Въ Кіевѣ произошелъ, напр., на этихъ дняхъ слѣдующій случай. Господинъ А. Г--нъ въ 12 час. ночи, возвращался домой. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ городовой погнался за нимъ. „Вы, стойте, гдѣ такъ поздно шляетесь“?. На отказъ отвѣчать, городовой, какъ разсказываетъ „Сѣверо-Западный Край“, вызвалъ другого городового и двухъ ночныхъ сторожей и при ихъ помощи отвелъ господина А. Г—на въ участокъ. Околоточный Винокуръ составилъ протоколъ на городовыхъ от-

казался, и въ оправданіе городового изрекъ: „Порядочные люди не должны поздно ходить“.

Этотъ случай не исключителенъ. Мы какъ, нарочно, не беремъ рѣзкихъ случаевъ избіеній, изнасилованій и т. п., чтобы получить именно *средній* и *общій* тонъ обывательской жизни.

Такой же общей нотой вѣетъ отъ корреспондентскихъ извѣстій о слѣдующемъ „наставленіи“.

Старшій дворникъ внушалъ, повидимому, только что поступившему младшему дворнику одного большого дома.

„Коли ты увидишь подозрительнаго человѣка, такъ долженъ забрать его и доставить въ участокъ“. Какого это подозрительнаго? — съ недоумѣніемъ спрашивалъ новый администраторъ, видимо, изъ деревенскихъ.

— А всякаго... А *тамъ* разберутъ.

Инструкція отличается своею краткостью, но вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

Тащи *всякаго*, а тамъ разберутъ,

Но не подумайте, что старшій дворникъ выдумалъ „инструкцію“ изъ своей головы. Нѣтъ, она является логическимъ выводомъ изъ всей системы надзора за обывателемъ. Признано не одними дворниками, что именно всякій можетъ быть подозрительнымъ, а поэтому и подлежитъ препровожденію въ участокъ.

И обыватель гипнотизируется. Онъ раньше всего и первѣе всего отравленъ еще съ молокомъ матери этою боязнью оказаться подозрительнымъ.

Только что Журналъ засѣданій саратовской городской думы обогатился слѣдующимъ заявленіемъ городского головы:

„Объясненіе гласнаго Карнаухова не можетъ быть доложено думѣ, такъ какъ въ немъ содержится критика дѣятельности головы“.

Это „критика воспрещеній“—характерная дальнѣйшая черточка общаго тона жизни провинціи.

Иногда также безаппеляціонно запрещаются самыя невинныя развлеченія.

„Самар. Газ.“ описываетъ такой случай.

Учительница мѣстной школы, госпожа Ф., пріобрѣтя граммофонъ, въ праздничные дни демонстрировала его въ присутствіи своихъ учениковъ и ихъ родителей. Вѣсть объ удивительной машинкѣ облетѣла окрестныя деревни, и граммофонъ пріобрѣлъ значительный контингентъ слушателей. Въ одно воскресенье граммофонъ давалъ обычное „представленіе“. Заглянулъ на представленіе и мѣстный урядникъ. Сначала все обстояло благополучно, но „надо же бѣдѣ такой случиться“, что граммофонъ запѣлъ некрасовскую: „Укажи мнѣ такую обитель,... гдѣ бы сѣятель твой и хранитель, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“...

„Не дремлющее око“ встревожилось.

— Барыня, прошу прекратить.

— Почему?—удивляется учительница.

— Зловредные слухи-съ.

— Что вы, какіе жъ тутъ зловредные слухи?

— А такіе, что по какой причинѣ стоналъ? Мы, барышня, сами за это отвѣчаемъ.

— Послушайте: во-первыхъ эта „пѣсня“ дозволена цензурой, а во-вторыхъ граммофонъ мой, и я могу его показывать кому мнѣ угодно.

— Ну, тамъ начальство разберетъ, а пока что, барышня, я у васъ машинку-то заберу. Урядникъ приближается къ столу и забираетъ машинку.

Учительница смущена, публика въ недоумѣніи. Взявъ машинку, урядникъ задумывается надъ вопросомъ, куда ее дѣвать, но вотъ взоръ его проясняется.

— Староста!- вызываетъ онъ.

Изъ толпы слушателей выдѣляется староста.

— Давай ключи отъ холодной, пусть до начальства тамъ постоитъ.

— Дементьичъ—спрашиваетъ кто-то у старосты— неужто взаправду ее въ холодную?

— Чтожъ, что машинка,—резонируетъ староста,—главная причина, что въ ей голосъ человѣчій.

— Не робѣй, машинка, нынче пороть не приказано!—замѣчаетъ какой-то деревенскій зубоскалъ.

„Голосъ человѣчій“ торжественно водворяется въ холодную.

„Голосу человѣчьему“ иного мѣста, какъ въ „холодной“, не находится. Зловредные слухи о томъ, что будто бы „русскій мужикъ стоналъ“, прекращаются и пресѣкаются.

Какъ-то на дняхъ новая варшавская газета „Западный Голосъ“ заявила „обвинительный актъ противъ нашего общества“.

„Копаться въ грязи и не стараться выбраться изъ нея могутъ только существа, довольныя своимъ положеніемъ“, заявила газета.

„Пришелъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, сказалъ намъ ласковое слово, и мы заговорили:

— „Весна идетъ“...

Придетъ слѣдующій новый министръ внутреннихъ дѣлъ, скажетъ намъ рѣзкое слово, и мы заговоримъ:

— Зима идетъ!

Какой послушный и тонкій въ метеорологическихъ наблюденіяхъ народъ!

И весну, и зиму ему можетъ дать одинъ человѣкъ.

Что же этотъ народъ самъ-то дѣлаетъ? Прозябаетъ“?.

Многіе и многіе томы нужны для отвѣта на этотъ вопросъ. Но знающій условія нашей дѣйствительности, условія провинціальной жизни, знающій тотъ вѣчный гипнозъ, подъ которымъ живетъ россійскій обыватель, —сказавъ „да—виновенъ“ не забудетъ прибавить слова „но заслуживаетъ снисхожденія“.

Далеко не такъ ужъ безразличенъ обыватель нашъ, чтобы успокоиться на сознаніи формулъ „сила солому ломитъ“, „Лбомъ стѣны не прошибешь“ и „противъ рожна не попрешь“ и т. д., и т. п.

Спокойствіе это кажущееся, и огромное, все возростающее у насъ число самоубійцъ, число запойныхъ и т. п. свидѣтельствуетъ, что не только инертностью боленъ русскій обыватель. Какія только стороны жизни не подвергаются гоненію въ нашей богоспасаемой провинціи!

Лукояновскіе охранители постановили ходатайствовать о прекращеніи высылки имъ газеты „Право“ въ виду ея вреднаго направленія. Охранители Каменецъ-Подольскіе также ходатайствуютъ: „Отнимите изъ библіотекъ нашихъ Горькаго, Толстого, Св. Петрова и т. д., и т. д.“ слезно молятъ они. „Такой развратъ пошелъ,—пишутъ,—что ужасти подобно: Горькаго и свящ. Петрова читаютъ!.. Вотъ до чего дошло—Отнимите, ради Бога, чтобъ сумлѣнія не было...

Подобные факты приходятъ съ каждымъ днемъ.

Владимірскій корреспондентъ „Русск. Слова“ разсказываетъ о довольно странномъ гоненіи въ Суздальскомъ уѣздѣ... на обложки.

Въ Суздальскомъ уѣздѣ живетъ г. Мининъ. Великій защитникъ земли русской отъ враговъ внутреннихъ. Къ сожалѣнію, въ Суздалѣ такихъ враговъ нѣтъ. Нужно было ихъ выдумать.

Пріѣхалъ г. Мининъ однажды въ одну школу и увидалъ на обложкахъ ученическихъ тетрадей портреты Кольцова, Гоголя, Никитина, Некрасова, Плещеева, Надсона, Толстого и др.

— Это что такое? Сѣять вольнодумство?

И обложки были немедленно сорваны.

Но дѣло съ обложками не кончилось этимъ. Суздальскій училищный совѣтъ недавно разослалъ по школамъ предписаніе—„не допускать къ употребленію учениками тетрадей для письма, на оберткѣ которыхъ изображены Л. Толстой и другіе писатели“.

Значитъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь попали въ непріятную компанію и по заслугамъ наказаны училищнымъ совѣтомъ.

Но и этимъ дѣло не кончилось. „Просвѣтители“ задали вопросъ:

— Кто же распространяетъ зловредныя обложки?

Справились. Оказалось—складъ губернскаго земства, который увѣряетъ, что имѣетъ право помѣщать на обложкѣ портреты Пушкина, Толстого и др. писателей, съ сочиненіями которыхъ дѣти знакомятся въ школѣ.

Нужно было скорѣе пресѣчь зло въ корнѣ. Губернія встревожилась.

Весь запасъ тетрадей съ Толстымъ былъ взятъ изъ склада, и обложки оторваны.

Обыватель глупъ и грубъ.—Такова весьма и весьма частая, почти единственная точка зрѣнія. Въ Норвегіи, вонъ, Ибсену и Бьернсону-Бьернсторне при жизни ихъ граждане памятники поставили. Въ Парижѣ только что на памятникъ Л. Н. Толстому вонъ какую подписку соорудили. А у насъ... Свинство и больше ничего...

„Свинство и больше ничего“ это формула безусловно близкая къ правдѣ. Память великихъ людей почитается у насъ весьма и весьма слабо. Вотъ, напримѣръ, послѣднія извѣстія о судьбѣ знаменитаго сада, описаннаго Тургеневымъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Этотъ дивный садъ, полный поэзіи уже по одному своему мѣстоположенію,—расположенъ на горѣ; внизу вьется изгибами рѣка Орликъ. Прелесть самаго вида чарующа.

Усадьба Калитиныхъ, такъ же какъ и родителей Тургенева, постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки; многіе изъ владѣльцевъ, весьма можетъ быть, имѣли только очень туманное представленіе не только о дѣйствующихъ лицахъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, но, очень можетъ быть, и самомъ-то Иванѣ Сергѣевичѣ. Настоящіе владѣльцы его, гг. Германъ, какъ и большинство людей, смотрятъ на свой домъ, какъ на хорошую доходную статью только, и вотъ отдали въ аренду и Калитинскій садъ. Арендаторы, чтобы придать ему большее значеніе для коммерческихъ цѣлей, дали ему названіе „Дворянское гнѣздо“.

Этого показалось мало, и въ нынѣшнемъ году подвизаться въ помѣщеніяхъ сада приглашены, „для привлеченія публики“, трансформаторы-акробаты. Удивительнѣе всего, что арендаторомъ сада, проявляющимъ такое безцеремонное отношеніе къ памяти знаменитаго писателя, является мѣстное „общество любителей изящныхъ искусствъ“.

Еще грустнѣе, напр., положеніе находящихся въ Воронежѣ памятниковъ Никитина и Кольцова. Истинно народные поэты—оба забыты народомъ, и имъ не суждена „народная тропа“.

Унылые, одинокіе, запущенные и загрязненные стоятъ эти памятники. Нѣтъ даже надписи, свидѣтельствующей о томъ, чей прахъ лежитъ подъ покосившимися памятниками. За то много здѣсь надписей обывательскихъ...

== Среди жизни по ранжиру, среди возгласовъ „не полагается“, средь водки, сплетенъ, картъ, замыкаемаго въ холодную „человѣческаго голоса“, и воспрещеній среди всяческихъ гоненій, циркуляровъ и донесеній у личности, получавшей доселѣ въ морду, пробудилась вдругъ свѣтлая надежда оздоровленія и обновленія.

„Новая жизнь“—все еще, какъ извѣстно, находится „подъ сумлѣніемъ“ „Либо будетъ, либо нѣтъ“ гадаютъ титулярныя совѣтницы. Любопытные факты изъ области подобныхъ гаданій приводитъ провинціальная печать.

Каждый пріѣзжій изъ Петербурга является героемъ дня, и его засыпаютъ вопросами на тему „что случилось“, и „что дѣлается въ Петербургѣ“.

Въ одномъ изъ городовъ появился въ обществѣ господинъ, о которомъ съ быстротою молніи пронеслась молва: „Онъ только что изъ Петербурга“!

Всѣ, какъ голодные волки, набросились на пріѣзжаго,—сообщаетъ „Сам. газета“.

Къ несчастью, петербуржецъ оказался заикою.

— Какъ и что въ Петербургѣ?..

Его осыпали вопросами, точно Портъ-Артуръ бризантными бомбами.

— Раз... раз...—началъ, волнуясь, петербургскій заика.

— Разгулъ!

— Развратъ!

— Разбойники...

Всѣ спѣшили помочь бѣдняжкѣ.

Только послѣ долгаго получаса оказалось, что петербуржецъ хотѣлъ сказать:

— Разговоры!..

Но вотъ первая загадка была рѣшена, и петербуржецъ вновь былъ осажденъ.

— Разговоры?... О комъ?.. О чемъ?..

— Кон... кон...—началъ петербуржецъ.

Десятки голосовъ выступили къ нему на помощь:

— Конвой?

— Кондуитъ?

— Контузія?

— Коньякъ?

Словомъ, перепробовали десятка два слов, каждый по своей спеціальности. А петербуржецъ, сбитый буквально съ толку, боязливо озираясь по сторонамъ, продолжалъ:

— Кон... кон...

Въ концѣ-концовъ онъ плюнулъ и, не прощаясь ни съ кѣмъ, убѣжалъ. Что онъ хотѣлъ сказать — такъ-таки и осталось неизвѣстно. Гласный думы увѣряетъ, что онъ имѣлъ въ виду „кондуктора“. Педагогъ настаивалъ на „кондуитѣ“. Студентъ вопилъ: „конвой“. А молодой адвокатъ мрачно и безапелляціонно рѣшилъ:

— Коньякъ!

„Коньякъ“ и „конвой“ въ значительной части заполняютъ еще современную провинцію. Но не одинокими остаются уже носители и совсѣмъ иныхъ началъ: зрѣетъ новое племя, зрѣетъ новая идея, зрѣетъ и растетъ новая провинція, новая Россія...

Странны и отрывочны послѣднія данныя изъ жизни провинціи. Страна волнуется, ждетъ откликовъ изъ столицы, ждетъ событій... Народился новый и несомнѣнно общій инте-

ресъ къ жизни... День за днемъ проходитъ, провожаемый съ нервнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ.

Свидѣтели жизни почувствовали вдругъ себя *участниками* ея... Получилось новое, мучительное - сильное желаніе осмыслить, облагородить, углубить и расширить жизнь.

Когда же придетъ настоящій день?—вотъ общій и главный, важный и неотложный вопросъ.

И. В.

Земское и городское самоуправленія.

Мѣры городовъ противъ предполагаемыхъ безпорядковъ призывныхъ.—Стѣсненія обывателей.—Бездѣятельность Екатеринодарской думы.—Отказъ отъ должности орловскаго городского головы. — Инцидентъ въ бендерской думѣ. — Думское оскудѣніе въ Херсонѣ. — Препирательство между Елисаветградскою думой и администраціей.—Одно ли и тоже дума и полицейское управленіе.—Бюрократизмъ и г. Рихтеръ, как предсѣдатель земской управы.— Самоупраздняющееся земство.—Неумѣренныя толкованія закона.

Тревоги, порожденныя безпорядками во время призыва запасныхъ, а потомъ и новобранцевъ, естественно должны были вызвать какія либо мѣры со стороны нашихъ городскихъ общественныхъ учрежденій, чтобы хоть сколько нибудь обезопасить на будущее время спокойствіе жителей, такъ какъ жизнь послѣднихъ дней показала полную несостоятельность въ этомъ отношеніи административной власти, когда она полагается только на свои силы. Поэтому въ разныхъ городахъ назначались экстренныя засѣданія городскихъ собраній для обсужденія этого вопроса. Вотъ что пишутъ въ „С.-Пет. Вѣд." изъ Нижняго Новгорода.

7 ноября состоялось экстренное засѣданіе городской думы, для обсужденія вопроса о предотвращеніи мобилизаціонныхъ безпорядковъ. Дума, послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей, постановила: 1) просить губернатора о томъ, чтобы для охраны города была прислана сотня казаковъ, при чемъ всѣ расходы будутъ приняты городомъ; 2) запасныхъ размѣстить по загороднымъ казармамъ, а войска расквартировать частью по наемнымъ помѣщеніямъ, а частью по обывательскимъ квартирамъ и 3) устроить за счетъ города сердечный пріемъ и угощеніе.

Въ этомъ же родѣ состоялись постановленія въ Вильнѣ, Новочеркасскѣ и другихъ городахъ. Постановленія разумныя, что и говорить. Конечно, дисциплинированный солдатъ принесетъ меньше огорченій обывателямъ, чѣмъ не дисциплинированный. Но вотъ вѣдь въ чемъ дѣло, какъ вы будете размѣщать войска по обывательскимъ квартирамъ? По закону эту натуральную повинность обязанъ нести домовладѣлецъ, а вовсе не квартирантъ, и квартирантъ имѣетъ законнѣйшее право не пустить къ себѣ никого на постой. Любопытно, какъ будетъ приводиться второй пунктъ постановленій городской думы. Впрочемъ, по сообщенію изъ Нижняго-Новгорода, ни сама управа, ни большинство изъ гласныхъ совершенно не освѣдомлены съ закономъ о расквартированіи войскъ. Какъ это ни странно, а это такъ. Управѣ казалось, что можно въ квартиру любого обывателя опредѣлить на постой нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, и въ этомъ смыслѣ былъ составленъ докладъ. А распредѣлить нужно было 15000 человѣкъ. Это не шутка для города, въ которомъ населеніе достигаетъ едва 100000 человѣкъ. Когда обсуждался этотъ вопросъ въ думѣ, то, по словамъ „С.-Пет.-Вѣд.", оказалось, что росписаніе квартирной повинности было сдѣлано еще въ 1899 году; съ того времени, разумѣется, многое въ домовладѣніяхъ измѣнилось — возникли цѣлые новые кварталы на такъ-называемыхъ „новыхъ стройкахъ" на окраинахъ города, цѣлый же кварталъ на той же „стройкѣ" сгорѣлъ, вмѣсто маленькихъ деревянныхъ домовъ возникли цѣлые дворцы, и т. под. Громадный дворецъ, напр., одного изъ купцовъ „по росписанію" являлся менѣе убогой хижины на окраинѣ города... Теперь избрали комиссію,—ею сдѣлано уже другое роспи-

саніе, и домовладѣльцы готовятся къ пріему гостей. Бѣда только въ томъ, что потерпѣвшею стороной оказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ все-же квартиранты, притомъ бѣднѣйшаго класса: домовладѣльцы выселяютъ ихъ, — одни „честью“, другіе чрезъ „мирового“; время теперь такое, что найти квартиру въ Нижнемъ трудно, и „козелъ отпущенія“ бродитъ по улицамъ въ поискахъ за спасительнымъ „билетикомъ“ на окнахъ.

Выходитъ такъ, что эта натуральная повинность всею своею тяжестью навалится на бѣдняковъ квартирантовъ и на бѣдняковъ домовладѣльцевъ, потому что въ Нижнемъ есть множество такихъ домовладѣльцевъ на окраинахъ города, которыхъ домовладѣльцами можно назвать только „съ позволенія“, по выраженію корреспондента. У нихъ такія жалкія лачуги, что едва одному съ семьей помѣститься, а тутъ постой! Повинность они обязаны нести на равнѣ съ нижегородскими крезами, а отъ города ничего не видятъ: ни мостовыхъ, ни освѣщенія, ни воды, хотя бы для тушенія пожаровъ. Это все политика центра. Въ центрѣ чистота, лѣпота и все, что хочешь. Для устроенія и украшенія центра тратятся всѣ городскія средства, а на окраинахъ мерзость запустѣнія, съ окраинъ только выколачиваютъ „подати“.

Конечно, забота объ облегченіи обывательской жизни должна быть положена въ главу угла городскаго самоуправленія, но это можетъ быть только тогда, когда обыватель, во всемъ разнообразіи своихъ интересовъ, будетъ имѣть въ думѣ своихъ представителей, когда въ основу избирательнаго права въ общественныя учрежденія будетъ положено не имущественное, а трудовое начало. До этого момента все будетъ идти такъ, какъ оно идетъ, и городскіе муниципалитеты въ большинствѣ будутъ хлопотать только о томъ, чтобы побольше собирать и очень мало давать тому большинству, съ котораго собрано, т. е. небогатому населенію городовъ. Вотъ „Южн. Тел.“ пишетъ, что Екатеринодарская дума является въ этомъ отношеніи одной изъ типичнѣйшихъ. Она стремится увеличивать налоги для того, чтобы увеличить жалованье городскимъ заправиламъ, а вопросы объ удешевленіи жизни бѣдныхъ обывателей ее совсѣмъ не безпокоятъ, и въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано. Напримѣръ, вопросъ о топливѣ въ Екатеринодарѣ имѣетъ большое значеніе для бѣднаго населенія, потому что дрова доходятъ зимою до 30 р. сажень, а по мелочамъ и дороже.

„Да, нерѣдко приходится сидѣть и въ нетопленныхъ жилищахъ въ виду невозможности доставить топливо по немощеннымъ улицамъ въ зимнее время, когда онѣ превращаются въ сплошныя болота.

Оставлять большинство населенія города въ такомъ положеніи нельзя, и городское самоуправленіе, если оно желаетъ идти на встрѣчу нарождающимся потребностямъ, должно расширить свою дѣятельность учрежденіемъ собственныхъ складовъ для снабженія населенія топливомъ по такимъ цѣнамъ, которыя могли бы сдерживать алчные аппетиты нашихъ промышленниковъ, имѣющихъ склады дровъ.

Устройствомъ дешевыхъ квартиръ на городскихъ участкахъ въ разныхъ частяхъ города можно бы улучшить также условія жизни населенія.

Съ этою цѣлью, а равно для другихъ городскихъ нуждъ, городъ долженъ не только беречь имѣющіеся свободные участки, но и скупать таковые изъ первыхъ рукъ“.

Все это благія пожеланія, а тѣмъ, кто засѣдаетъ въ думѣ, и безъ того тепло и ниоткуда не дуетъ.

Мы уже говорили о тяготахъ, которыя приходится нести бѣднѣйшему населенію городовъ, не получая за это выгодъ, выпадающихъ на долю болѣе состоятельныхъ жителей. Не мѣшаетъ здѣсь привести одинъ любопытный случай имѣвшій мѣсто въ бендерской думѣ. По словамъ „С.-Пет. Вѣд.“ и. д. бендерскаго городского головы Вольшевскій сообщилъ особымъ донесеніемъ начальнику губерніи о слѣдующемъ инцидентѣ, разъигравшемся предъ самымъ открытіемъ засѣданія думы 27-го октября. Къ зданію думы собралось около 80 мѣщанъ, которые предъявили требованіе уменьшить непомѣрно тяжелую для нихъ арендную плату за городскую землю, грозя въ противномъ случаѣ, „разнести“ думу. Въ думѣ собралось 20 гласныхъ, и городской голова собирался уже открыть засѣданіе, но, услышавъ крики и угрозы мѣщанъ, гласные поспѣшили обратиться въ бѣгство, незамѣтно ускользая

по одиночкѣ изъ зала засѣданій. Когда гласныхъ осталось всего 10 человѣкъ, и. д. городского головы поспѣшилъ „уйти отъ зла", но не для того, чтобы „сотворить благо", а исключительно, повидимому, для скорѣйшей отправки настоящаго донесенія.

На это донесеніе администрація отвѣтила, что для возстановленія порядка существуетъ полиція, да другого отвѣта она и дать не могла. Очевидно, городской голова г. Вольшевскій, не смотря на то, что онъ носитъ присвоенный его званію знакъ, совершенно не знакомъ съ самыми необходимыми въ его положеніи законами. А затѣмъ еще вотъ что. Отчего бы не выслушать этихъ мѣщанъ толкомъ, прежде чѣмъ писать донесеніе или жалобу, право, не знаю, какъ назвать бумагу, написанную бендерскимъ головой. „Вѣдь не съ жиру же въ самомъ дѣлѣ они бѣсновались", справедливо замѣчаетъ корреспондентъ, „а вѣрнѣе всего, подъ дѣйствительнымъ давленіемъ тяжелыхъ условій текущаго кризиса. Мѣщане хлѣборобы переживаютъ теперь, какъ и крестьяне, тяжелые дни послѣ недорода, и то тягло, какое было для нихъ посильно въ нормальные годы, могло сдѣлаться непосильнымъ теперь, когда иные не имѣютъ насущнаго хлѣба. Если бы городское управленіе вникло въ сущность событія и приняло отвѣчающія положенію мѣры, въ цѣляхъ облегченія положенія „строптивыхъ" мѣщанъ, то оно исполнило бы свой долгъ, возложенный на него закономъ, обязывающимъ его печься о мѣрахъ, пользахъ и нуждахъ. Тогда, всеконечно, не было бы надобности ни въ донесеніяхъ, ни въ репрессаліяхъ".

Все это совершенно вѣрно: законъ обязываетъ печься о пользахъ и нуждахъ населенія, но дѣло-то въ томъ, что господа Вольшевскіе населеніемъ считаютъ себя, потому что они только въ думахъ и засѣдаютъ, а представителей отъ тѣхъ, о комъ нужно печься, тамъ нѣтъ.

Расширеніе представительства въ городскихъ самоуправляющихся общинахъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ избранные на общественное служеніе совершенно равнодушно относятся къ своему дѣлу, оно не затрагиваетъ ихъ интересы и представляетъ для нихъ одну обузу.

Какъ ржавчина разрушаетъ самый твердый металлъ, такъ и ядъ бюрократическаго начала, коснувшись хотя бы и чуждыхъ ему по духу учрежденій, какими являются земскія и городскія самоуправленія проникаетъ внутрь и пропитываетъ даже лучшихъ общественныхъ работниковъ. Въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ разыгралась очень печальная исторія. Все собраніе, всѣ члены управы стали на одну сторону, а по другую сталъ предсѣдатель управы г. Рихтеръ. Г. Рихтеръ долго служитъ въ земствѣ и сдѣлалъ очень много хорошаго. Школьное дѣло въ Московскомъ уѣздѣ при немъ расцвѣло, и учителя и учительницы какъ разъ въ то время, когда разыгрался въ послѣднемъ собраніи помянутый инцидентъ, поднесли г. Рихтеру тепло написанный адресъ. Все, что было написано въ адресѣ—истинная правда. Г. Рихтеръ заботился и объ учащихся, и объ учащихъ, работалъ, не покладая рукъ, и работалъ не ради корысти. Но вотъ подите же!—такой превосходный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, и никто съ нимъ служить не хочетъ. Избранные раньше члены управы отказались, вновь намѣченные кандидаты тоже отказались баллотироваться, если не откажется Г. Рихтеръ. Чѣмъ это объяснить? Объясняется это тѣмъ, что чѣмъ дольше служитъ г. Рихтеръ, тѣ больше онъ пропитывается бюрократическимъ ядомъ единоначалія. Въ концѣ концовъ злой духъ единоначалія до такой степени имъ овладѣлъ, что онъ совершенно пересталъ признавать коллегію земской управы.

Всѣ дѣла онъ вершилъ самъ и никому не давалъ ходу. „Я! я! я!.." звенѣло у него въ ушахъ, вездѣ „я!" и больше никого; очень естественно, что у его товарищей по работѣ руки, что называется, отвалились, и они ушли, представивъ собранію мотивированное заявленіе. Исторія эта длинная и во всѣхъ подробностяхъ передавать ее не стоитъ. Суть дальнѣйшаго ея теченія заключается въ томъ, что на очередномъ собраніи, по выходѣ въ отставку членовъ управы г. Рихтеру дано было понять, что слѣдовало бы и ему выйти въ отставку, чтобы очистить воздухъ. Онъ категорически отказался и заявилъ твердое намѣреніе оставаться до конца срока избранія на своемъ посту. Собраніе закрылось, ничего не добившись, ничего не рѣшивъ, а управа осталась безъ членовъ.

Назначено было экстренное собраніе, созванное для избранія недостающаго числа членовъ уѣздной земской управы. Большинство гласныхъ въ своихъ рѣчахъ опять весьма ясно намекали предсѣдателю уѣздной земской управы Н. П. Рихтеру на необходимость выйти ему въ отставку. Ораторы говорили объ отсутствіи довѣрія къ нему среди членовъ управы, на что послѣдніе указывали, въ своей докладной запискѣ, на невозможность поправить дѣло безъ полнаго обновленія всего состава управы, но Н. Ф. Рихтеръ подать въ отставку не пожелалъ, заявивъ, что, несмотря на всѣ нападки, онъ непреклонно намѣренъ оставаться на своемъ посту до конца срока своего избранія. Послѣ такого заявленія, сообщаютъ „Р. Вѣд.", всѣ предложенные къ избранію въ члены управы лица отказались отъ баллотировки.

Да, хорошій работникъ г. Рихтеръ, но онъ не общественный дѣятель. Нѣтъ! Онъ совсѣмъ не понимаетъ, что бороться съ собраніемъ, которое его избрало формальнымъ своимъ представителемъ, нельзя. Разъ общественная группа, призвавшая дѣятеля, находитъ его дѣятельность почему либо неудобной, истинный общественный дѣятель, уважающій себя, долженъ удалиться.

Онъ можетъ аппелировать къ общественному мнѣнію въ собраніи и въ печати, если съ нимъ поступили несправедливо, но уйти онъ *долженъ*, если не желаетъ въ корнѣ подрывать основы общественныхъ началъ. Поведеніе г. Рихтера привело къ тому, что у московскаго уѣзднаго земства будетъ назначенная изъ чиновниковъ управа.

Все это очень печально. Печальное поведеніе.

„Самоупраздняющееся земство"?! что за нелѣпость такая? А вотъ, оказывается, есть у насъ и такія земства.

Земства, которыя стремятся къ идеалу, начертанному въ проектѣ (благодаря Бога остался въ портфелѣ) одного изъ покойныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ даже и не одного... Ну, да дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что сообщаютъ „Кіевск. Откл." о полтавскомъ губернскомъ земствѣ. Вотъ что говоритъ газета:

„Печальнымъ примѣромъ самоупраздняющагося губернскаго земства является Полтавское. Самая быстрота, съ которой происходитъ это самоуничтоженіе, поучительна и наводитъ на грустныя размышленія. Такъ, за послѣдніе три года цѣлыхъ три области земскаго дѣла оказались упраздненными и признаны дѣломъ уѣздныхъ земствъ или правительства: начальное народное образованіе, таковое же среднее, затѣмъ все дорожное дѣло и, наконецъ, ветеринарія. Очень печалитъ и досадуетъ губернскихъ гласныхъ, что нельзя никакъ прикончить еще и больницъ губернскаго земства, которыхъ, какъ на грѣхъ, двѣ—въ Полтавѣ и Кременчугѣ.

Очевидно, этому земству чего-то не хватаетъ, и, вѣрнѣе всего, не хватаетъ прилива свѣжихъ силъ, совсѣмъ изъ другой среды, а не изъ той, откуда оно ихъ черпаетъ.

По закону губернаторамъ предоставлено право въ теченіе двухнедѣльнаго срока изъявлять свое согласіе или несогласіе на приглашеніе земскихъ служащихъ. Это правило такъ широко толкуется губернаторами, что они требуютъ въ большинствѣ случаевъ представленія списковъ лицъ даже временно приглашенныхъ управами, даже занимающихся сдѣльными работами, при этомъ двухнедѣльный срокъ растягивается въ двухмѣсячный и еще болѣе долгій. Вотъ что сообщаютъ въ „Хоз." изъ Уфимской губ. Тамъ установился такой порядокъ, что губернаторъ въ двухнедѣльный срокъ хотя и увѣдомляетъ управу, но лишь о томъ, что представленное лицо не можетъ быть допущено на службу впредь до особаго распоряженія, причемъ подобные отвѣты присылаются на печатныхъ бланкахъ. Дѣйствительное же утвержденіе лицъ затягивается на очень продолжительное время. Такъ, изъ 149 лицъ, представленныхъ уфимской губернской земской управой за послѣднее время на утвержденіе губернатора, окончательный отвѣтъ въ законный двухнедѣльный срокъ былъ полученъ только о 40 лицахъ, и очень многія земскія должности подолгу остаются незамѣщенными: напримѣръ, должность завѣдывающаго оцѣнкой промышленныхъ заведеній свободна съ октября прошлаго года, несмотря на представленіе управой двухъ кандидатовъ. Свободно мѣсто уфимскаго уѣзднаго агронома, — кандидатъ

былъ представленъ въ іюлѣ. Нерѣдко, представляемыя лица, не получая долгое время отвѣта объ утвержденіи ихъ, устраиваются въ другихъ губерніяхъ, а земству приходится искать новыхъ кандидатовъ. Въ нынѣшнемъ году утвержденіе потребовалось даже для всѣхъ лицъ, временно работавшихъ весной на борьбѣ съ сусликами. Въ числѣ ихъ было, между прочимъ, нѣсколько воспитанниковъ земской белебеевской сельско-хозяйственной школы, нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ и даже бывшій белебеевскій исправникъ г. Ляминъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ исполнительный органъ земства, земская управа, не въ состояніи быстро осуществлять постановленія собраній.

А. У—въ.

Тревоги дня.

I. „Податя“ и вывозъ.—„Каторжные дьяволы“ и хлѣбныя залежи. — 3 версты въ часъ и комиссія.—*II. Ученыя тревоги.* — Необходимо-ли образованіе? — 1/33 человѣка. — Методы обученія.—Исправленный Лермонтовъ.—Двухрублевые учителя и пустующія школы. — Сынъ въ гостяхъ у родителей съ разрѣшенія начальства. — *III Идея пріобрѣтенія богатствъ.* — Два пути.—Инженеръ Ѳ. Ѳ. Баталинъ и газетная бумага вмѣсто обуви. — И. И. Щербина съ объѣдками.— Дворянскія вотчины. — *IV. Провинціальная весна.* — Одесскій ребусъ. — Справка о взяткахъ и благосклонное вниманіе къ печати.—Облавы на людей.—Лакейскій сборъ. — Полицейская литература и коммерція.—Обывательское ликованіе.

Еще въ 1891 году—тогдашній министръ финансовъ Вышнеградскій торжественно провозгласилъ слѣдующій безъ преувеличенія великій принципъ относительно русскаго хлѣба. „Сами не будемъ ѣсть, а вывозить будемъ“. Гнилой западъ, какъ извѣстно, тогда же отмѣтилъ эти слова и немедленно же сильно повысилъ ввозныя пошлины на русскій хлѣбъ, понизивъ въ тоже время курсъ русскаго рубля съ 75 до 66 копѣекъ.

Русскій мужичекъ, конечно не протестовалъ. „Сами не будемъ ѣсть, а вывозить будемъ“, государственная мудрость этой формулы была глубоко воспринята и усвоена нашими пейзанами. Вывозъ хлѣба у насъ, какъ извѣстно, очень великъ. Этому не препятствуетъ и та оффиціально провѣренная выкладка, изъ которой явствуетъ, что, въ то время, какъ въ Норвегіи, напр. каждый крестьянинъ въ годъ съѣдаетъ 33 пуда хлѣба —нашъ мужичекъ удовлетворяется въ годъ лишь семнадцатью пудами.

Въ этомъ году—урожай былъ, къ счастью, выше средней нормы, и вотъ потянулся хлѣбъ со всѣхъ сторонъ неоглядной Руси, заскрипѣли обозы, горы зерна волокомъ волокли повсюду на станціи. Но тутъ прозвучало обычное у насъ слово—залежи. Хлѣбъ, привезенный на станцію „съ мѣста въ карьеръ“, оставляется долгими мѣсяцами лежать на мѣстѣ. Пропускная провозоспособность нашихъ дорогъ—(не понимаетъ этого мужичье) не можетъ перевезти накопляющихся грузовъ.

По оффиціальнымъ сообщеніямъ,—залежи эти еще въ настоящее время (а сколько мѣсяцевъ прошло со сбора урожая!) достигли колоссальной цифры свыше 100 тысячъ вагоновъ, т. е. свыше 84 милліоновъ пудовъ.

Въ Петербургѣ созвали комиссію. Комиссія—это средство, если его принимать умѣренными порціями, дѣйствуетъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ болѣзней.

Собралась комиссія. Пригласили сюда желѣзнодорожниковъ и представителей финансоваго вѣдомства. Въ качествѣ необыкновенной уступки вѣяніямъ времени пригласили даже представителей печати, да еще съ правомъ голоса (вотъ какой либерализмъ проявили—гляди, Европа!). Жаль только, не пригласили сюда не только представителей наиболѣе близко стоящаго къ населенію и его нуждамъ земства, не пригласили даже членовъ биржевыхъ комитетовъ—купцовъ торгующихъ съ хлѣбомъ, не только что самихъ „чертей свинячихъ“, которые наиболѣе пострадали отъ залежей, не пустили.

„Убытки отъ хлѣбныхъ залежей для нашей страны исчисляются во много десятковъ

милліоновъ рублей въ годъ"—такое положеніе было раньше всего заявлено и даже не встрѣтило возраженій въ совѣщаніи комиссіи.

Желѣзнодорожники думали не о томъ, какъ бороться съ залежами, а о томъ, какъ бы оправдать себя отъ обвиненій общества и печати. Вагоновъ нѣтъ, главная причина заявляли они. Ихъ, собственно, и не было, а теперь еще и на войну на Сибирскую дорогу взяли.

„Мы не можемъ сами по себѣ избѣжать залежей"—говорили желѣзнодорожники на указанномъ совѣщаніи.— Разъ товарное движеніе по той или другой дорогѣ разсчитано на нужды, существующія во весь годъ, то мы не можемъ себѣ въ убытокъ установить такой подвижной составъ, который нуженъ только для одного мѣсяца въ году, во время сбора хлѣба. Что будемъ мы дѣлать весь остальной годъ, истративъ средства на организацію максимальнаго, чуть не удесятереннаго подвижного состава?—объясняли желѣзнодорожники.

Однако это, на первый взглядъ, правильное заявленіе было опровергнуто. Представитель Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ г. Ренкуль любезно сообщилъ очень любопытную деталь: ростовскій биржевой комитетъ просилъ правленіе дороги искусственно задерживать приливъ грузовъ въ портъ (!).

Это, однако, далеко не все: На XXVI съѣздѣ горнопромышленниковъ было съ несомнѣнностью доказано, что только *одна шестая* часть имѣющагося въ наличности количества вагоновъ находится въ движеніи въ каждую данную минуту. Остальныя пять шестыхъ (!) этого количества „по неустройству въ отправкахъ" стоятъ въ это время на станціяхъ. На этомъ же съѣздѣ—выяснилось что за постоянными простоями истинная „скорость" нашего товарнаго движенія представляетъ собою всего лишь *три* (!!) версты въ часъ.

Докладчики стыдливо умалчивали объ этихъ и подобныхъ же недостаткахъ и строили одинъ проектъ борьбы съ залежами за другимъ. Недурную мысль и не безъ пафоса провелъ инженеръ—путеецъ С. М. Катковъ: кто ходитъ въ сапогахъ—тому часто кажется, что весь міръ обшитъ кожей.

Для устраненія залежей, по мнѣнію докладчика, необходимо воспретить вывозъ хлѣба изъ Россіи.

За проведеніе этой мѣры говоритъ война, отнимающая рабочія силы и поэтому предсказывавшая неурожай въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что война продлится не менѣе двухъ лѣтъ. Надвигающаяся холера только подтверждаетъ этотъ выводъ, ибо теперь необходимо поднять питаніе народа, такъ какъ истощенный организмъ легче поддается болѣзни. Неурожай хлѣба на сѣверѣ и югѣ Россіи прямо требуетъ этой мѣры, какъ уже сдѣлали у себя Австрія, Румынія и Сербія.

Къ сожалѣнію, чѣмъ крестьяне уплатили бы при этомъ подати, которыхъ съ нихъ не сложатъ,—авторъ доклада не пояснилъ.

Такъ таки и закончился съѣздъ, постановивъ только, что хлѣбныя залежи неизбѣжны. Сколько лѣтъ уже указываетъ наша печать на единственный путь борьбы съ этимъ зломъ—на постановленіе отвѣтственности за залежи самихъ желѣзныхъ дорогъ.

Будетъ введена эта справедливая отвѣтственность, будутъ установлены штрафы за каждый день существованія залежей, и никто не будетъ „просить о задержаніи хлѣба", быстро двинутся, „отдыхающіе" 5/6 всего количества вагоновъ, и значительно больше трехъ верстъ будетъ тогда проходить въ часъ наши товарные поѣзда.

Не будетъ гибнуть и идти прахомъ милліоны—мужицкое достояніе наше—говоритъ съ цифрами въ рукахъ печать.

Гибнутъ и гніютъ горы зерна въ нашей убогой странѣ. На вѣтеръ идетъ народное богатство.

== Давнымъ давно извѣстно, что истинная культура и настоящее просвѣщеніе—распространяются въ Россіи только однимъ путемъ—путемъ самыхъ различныхъ воспрещеній и циркуляровъ.

„Воспрещается курить", „цвѣтовъ не рвать, собакъ не водить, по травѣ не ходить",—эти и многія иныя подобныя же требованія являются въ сопровожденіи серьезныхъ доказательствъ главными и исконными распространителями нашей культуры.

Пути эти явились бы, конечно, безусловно, полезными, въ томъ случаѣ, однако, если бы нашъ обыватель умѣлъ проникнуться должнымъ благоговѣніемъ къ подобному циркулярно-воспретительному просвѣщенію.

Но обыватель не только не умѣетъ, но еще и не хочетъ этого. Въ своей гордынѣ и своеволіи—обыватель позволяетъ себѣ ме-

чтать о какой то самостоятельности. Правда, эти мечты рѣдко идутъ дальше „своеволія" извѣстнаго мѣщанина у Гл. Успенскаго, который, своевольно снимая и вновь одѣвая свои собственные сапоги, самостоятельно заявляетъ: „захочу сниму,—захочу одѣну". Но и въ такомъ, хотя бы и скромномъ видѣ —эти мечты являются основою очень многихъ недоразумѣній въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Различныхъ осложненій въ этой области не оберешься.

Какъ оказывается, раньше всего многіе вопросы у насъ просто еще не разрѣшены. Надумало, напр., бѣжецкое земство возбудить ходатайство объ открытіи гимназіи. Полученъ уже и отвѣтъ на это ходатайство: просителямъ было дословно указано, что *„въ министерствѣ еще недостаточно выясненъ вопросъ о необходимости средняго образованія"* (?). Какое, однако, образованіе „уже" выяснило у насъ свою необходимость?

Только что опубликованныя свѣдѣнія всеобщей переписи не даютъ, къ прискорбію, отвѣта на этотъ вопросъ, но зато много и краснорѣчиво говорятъ о необходимости подобнаго выясненія. Данныя переписи требуютъ серьезнаго вниманія.

Дѣло обстоитъ такъ:

Съ учебно-воспитательными цѣлями затрачивается въ настоящее время въ столицѣ трудъ девяти человѣкъ изъ каждой тысячи населенія, а внѣ городовъ—въ десять разъ меньше (9 человѣкъ на 10,000); врачебно-санитарное дѣло въ столицѣ привлекаетъ восемь человѣкъ изъ тысячи, въ сельскихъ же мѣстностяхъ—въ 20 разъ меньше (4 чел. на 10,000); наука, литература и искусство представлены въ столицѣ пятью человѣками на тысячу жителей, въ деревнѣ—въ 165 разъ меньше.

Въ деревнѣ, оказывается, на тысячу на принадлежащихъ къ „наукѣ, литературѣ и искусству" приходится 1/33 „научно-литературно-художественной" личности. Дробь скорбно-юмористическая.

Эта 1/33 „научно-художественно-литературнаго" человѣка выяснена *уже*.

Если же вопросъ о необходимости средняго образованія еще и не выясненъ, то это, конечно, не важно. Ничего, будетъ выясненъ! главное—это статистика 1/33 человѣка и больше никакихъ.

Отъ этихъ *общихъ* вопросовъ народнаго просвѣщенія—прямой путь къ вопросамъ *частнымъ*, подобно тому, какъ отъ *общаго* уголовнаго уложенія приходится въ практической жизни обращаться къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ *частнаго* пристава.

Частные вопросы—касаются только различныхъ системъ преподаванія. Изъ Харьковской губерніи сообщаютъ, напр., что въ тамошнихъ приходскихъ училищахъ среди методовъ обученія ребятишекъ пользуется всѣми правами гражданства и методъ „вбиванія грамоты", причемъ у каждаго педагога въ этомъ отношеніи существуетъ своя опредѣленная система: одни придерживаются системы подниманія учениковъ за уши, другіе бьютъ по лицу, по головѣ и просто по чемъ попало, третьи особой палочкой, спеціально на этотъ случай припасенной.

Даже вновь назначенныя учительницы церковно-приходской школы, не желая отставать отъ своихъ коллегъ по профессіи, начинаютъ частенько прибѣгать къ затрещинамъ, хотя еще и не успѣли избрать опредѣленной системы.

Бѣдныя, бѣдныя не избравшія еще системы, учительницы! Не знаютъ онѣ, что „система" въ воспитаніи все.

Вотъ, напр., „система" нравственности, принятая одною изобрѣтательною начальницею женской гимназіи въ Ригѣ.

Надо было „исправить" безнравственность Лермонтова и исправили!

Первый фиговой листочекъ былъ наложенъ хранительницей добрыхъ нравовъ на слово „евнухъ".

Несчастный евнухъ былъ изгнанъ, и на его мѣсто поставленъ—„духъ", такимъ образомъ вмѣсто:

—„Встрѣчалъ его мрачный евнухъ",

у начальницы значится:

—„Встрѣчалъ его сумрачный духъ".

У Лермонтова „мрачный" евнухъ приводитъ путника въ комнату, гдѣ

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Педагогическую дѣятельницу, какъ видно, сильно смутила эта пуховая постель, такъ какъ ея сумрачный духъ приводитъ путника совсѣмъ не туда, куда слѣдовало:

Въ легкой, изящной „качалкѣ“,
Въ парчу и жемчугъ убрана
Царица сидѣла у „прялки“,
Предъ нею два кубка вина.

Конечно, разъ качалка, то для соблюденія рифмы является необходимость и въ прялкѣ.

Дальше, если помните, у Лермонтова сказано:

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ.

Какъ вамъ угодно, но подобная картина прямо таки способна столкнуть остзейскую дѣвицу со стези добродѣтели. Но, къ счастью, начальница сама поэтесса, а посему грѣховодникъ Лермонтовъ откладывается ею совершенно въ сторону, и изъ подъ собственнаго цѣломудреннаго пера ея выливается скромный, но драгоцѣнный перлъ. Посудите сами:

Они пѣли, шутили, играли,
Дѣлили любовь пополамъ,
И чудные звуки рояли
Всю ночь раздавалися тамъ.

Такъ хочетъ начальница. Да и какъ же иначе? Иначе, кажется, никакъ невозможно.

Учительница настолько талантливая, вообще говоря рѣдкость. Только немногіе города могутъ, конечно, обладать „исправляющими Лермонтова“ учительницами. Если Остзейскій край и обладаетъ такимъ раритетомъ, то въ кіевской, напр., губерніи—ни въ коемъ случаѣ ничего подобнаго не обрѣсти.

Церковно-приходскія школы Кіевской губерніи вотъ уже сколько времени-безрезультатно ищутъ учителей.

Въ газетахъ усиленно печатаются объявленія отъ имени пустующихъ школъ. Здѣсь же указаны и условія, предлагаемыя учителямъ:

Оказывается, что каждое такое вакантное мѣсто оплачивается *жалованьемъ отъ 30 до 100 руб. въ годъ.*

Народный учитель, тотъ самый, кто „дѣлаетъ исторію“, кто „куетъ будущее страны“ —и 30 рублей жалованія въ годъ—можно ли въ самомъ дѣлѣ прибавить что либо къ этому поразительному факту?

„Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ,— говоритъ отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1900 г.,—когда вводился институтъ полицейскихъ урядниковъ, многія училища должны были временно пріостановить свою дѣятельность за поступленіемъ учителей въ составъ новаго учрежденія. Нынѣ тоже явленіе повторяется въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится казенная продажа питей, такъ какъ учителя массами переходятъ въ акцизное вѣдомство.

Трудно обозрѣть всѣ тревоги дня въ области нашей школы.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ и эффектныхъ вопросовъ, оказывается здѣсь за послѣднее время слѣдующіе: имѣетъ ли право учащійся, ежели, къ примѣру, его отецъ у себя въ домѣ—вечеръ устроитъ и гостей позоветъ—имѣетъ ли право учащійся на онномъ вечерѣ присутствовать?

„Мѣсяцъ тому назадъ министерство народнаго просвѣщенія сообщило какъ столичнымъ, такъ и провинціальнымъ начальникамъ учебныхъ заведеній, что воспитанникамъ всякихъ учебныхъ заведеній воспрещается присутствовать на танцовальныхъ вечерахъ и балахъ, устраиваемыхъ въ домахъ ихъ родителей, опекуновъ и лицъ, у которыхъ проживаютъ учащіеся“.

Распоряженіе это произвело, конечно, крупное впечатлѣніе.

Юноши, сидя дома,—все время съ опаскою глядѣли на заходящихъ и съ тоскою думали, ужъ не „вечеръ“ ли происходитъ у нихъ, и не пора ли поэтому удирать.

Если въ гости приходила тетя или бабушка—учащіеся еще рисковали оставаться дома. Но если, паче чаянія, среди гостей оказывалась кузина или, чего, Боже сохрани, вдругъ цѣлыхъ двѣ кузины,—приходилось немедленно улепетывать.

Въ настоящее время, однако, „министерство увѣдомило начальствующій учебный персоналъ, что таковое постановленіе не должно имѣть силы и отмѣняется, такъ какъ въ него вкралась редакціонная ошибка, исказившая смыслъ циркуляра, благодаря чему предписаніе было понято, какъ запрещеніе (?). Между тѣмъ министерство вовсе не намѣревалось вмѣшиваться въ домашнюю жизнь учащихся и не предполагало стѣснять ихъ въ ней какимъ бы то ни было образомъ“.

Свободно и легко, вонъ оно какъ легко оказывается жить по нынѣшнимъ временамъ.

„Живи дома какъ дома"—вонъ оно какія блага стали „учащимся предоставлять и куда только мы при такихъ вольныхъ порядкахъ придемъ?

„Нѣтъ двухъ путей добра и зла: есть два пути добра", говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Бальмонтъ. Есть также „два пути" пріобрѣтенія богатствъ:

Можно, съ одной стороны, уменьшать расходы, можно съ другой стороны приналечь и увеличить доходъ.

Пріятно, конечно, и то, и другое. Но способности человѣческія ограничены, и нашимъ изобрѣтателямъ приходится обычно пользоваться хоть и на выборъ, но только однимъ изъ этихъ путей.

Примѣровъ примѣненія этихъ путей сколько угодно даетъ текущая жизнь. Среди извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій остановила на себя всеобщее вниманіе только что сообщенная по телеграфу-просьба, обращенная къ корреспонденту сестрами милосердія.

—„Ради Бога, телеграфируйте, просили сестры,—телеграфируйте туда, въ Россію, чтобы намъ прислали теплой обуви и одежды... Страданія больныхъ и раненыхъ неимовѣрны... На нихъ нельзя смотрѣть безъ слезъ... Ради Бога"!

Какъ это видно изъ провѣренныхъ военной цензурой корреспондентскихъ извѣщеній —нужда на Дальнемъ Востокѣ дѣйствительно очень велика.

„Недостатокъ въ теплой одеждѣ, въ теплой обуви, босыя ноги въ двадцатиградусный морозъ, неимовѣрныя страданія больныхъ и раненыхъ, изъ-за недостатка въ полушубкахъ, при долгихъ перевозкахъ въ нетопленыхъ товарныхъ вагонахъ", вотъ оффиціально признанныя нужды нашей арміи.

— Сдавайтесь, оборвыши!—кричатъ сплошь и рядомъ японцы нашимъ солдатамъ.

Принимаемыя до сихъ поръ мѣры не приходятъ къ цѣли. Колупаевы и Разуваевы умудряются сплавлять на Дальній Востокъ и валенки, которыя неминуемо разваливаются на третій день, и полушубки, которые разлетаются отъ одного прикосновенія и многое, многое еще. У каждаго, конечно свой способъ пріобрѣтенія богатствъ.

Во всякомъ случаѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій установлена нужда, серьезная и острая нужда. Инженеръ Ѳ. Ѳ. Баталинъ предложилъ остроумное средство помочь въ этой нуждѣ солдатамъ. „Пусть соберутся всѣ благотворительныя общества наши и всѣ истинно добрые люди, и пусть отправятъ они всѣ въ дѣйствующую армію ненужныя имъ газеты. (!) Пусть закутаютъ солдатики свои ноги въ газетные листы. „Одна и та же газетная бумага можетъ въ теченіе 3—4 дней защитить ноги отъ холода".

Лаврамъ г. Ѳ. Ѳ. Баталина позавидовалъ —нѣкій И. И. Щербина, послѣдній еще давно говорилъ, что наши солдаты нуждаются не только въ обуви; имъ нужна еще и пища.

На деревнѣ у мужиковъ (г. И. И. Щербина—самъ это видѣлъ) остается много объѣдковъ. Если бы эти куски собрать (у однихъ батюшекъ—сколько соберется) получились бы, очевидно, великолѣпные сухарики для солдатиковъ!—говорилъ И. И. Щербина.

Богъ съ ними, однако, съ Ѳ. Ѳ. Баталинымъ и И. И. Щербиной. Прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ они, что творятъ, и еще менѣе вѣдаютъ, что говорятъ и пишутъ.

Богъ съ ними, и съ самыми способами „сокращать расходъ". Вглядимся въ новые планы, новые пути накопленія богатствъ, не тѣ пути, гдѣ не только лишь сокращеніе расходовъ блеститъ туманной звѣздочкой на горизонтѣ, а тѣ, гдѣ яркимъ заревомъ горитъ впереди болѣе широкая задача: яркое солнце радикальнаго увеличенія доходовъ.

И здѣсь, въ этой области, нельзя, какъ оказывается, не наткнуться на „Московскія Вѣдомости.—„Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ"—говоритъ народная поговорка.

Намъ приходилось уже на столбцахъ „Науки и Жизни" говорить о положеніи оброшенной и запущенной Сибири. Теперь „Московскія Вѣдомости" съ своей точки зрѣнія взялись за эту тему. Конечно, не самодѣятельность, и не зловредное земство-нужны, по ихъ мнѣнію, Сибири. Нужны Сибири— раньше всего гг. дворяне.

„Въ настоящее время—армія не можетъ быть продовольствована мѣстными средствами начинаютъ „отъ Адама"—„Моск. Вѣд.", пытаясь замаскировать свои планы и побужденія. „Цѣль эта можетъ быть достигнута только путемъ созданія (?) въ Сибири крупныхъ и среднихъ частновладѣльческихъ хо-

зяйствъ, которыя, обладая большею приспособляемостью къ требованіямъ минуты, большими спеціальными знаніями и большимъ оборотнымъ капиталомъ, явятся поставщиками для арміи всѣхъ необходимыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и не только въ сыромъ, но и въ обработанномъ видѣ.

„А въ мирное время эти же хозяйства будутъ служить проводниками въ крестьянскую среду сельскохозяйственныхъ знаній и, что еще важнѣе, трезвыхъ нравственныхъ и политическихъ понятій въ краѣ, развращаемомъ и развращавшимся цѣлыми поколѣніми уголовныхъ и политическихъ ссыльныхъ“.

Вотъ оно, какая штука! Стоитъ только дворянамъ раздать вотчины, раздѣлить между ними Сибирь, и страна будетъ благоденствовать, и г-да дворяне немедленно станутъ, на благо отечества, „проводниками трезвыхъ, нравственныхъ и политическихъ понятій!!

Старая, на башкирскихъ земляхъ еще недавно испытанная штука. Не слѣдовало ли бы, однако, вмѣстѣ съ земельными вотчинами, надѣлить гг. дворянъ—будущихъ „проводниковъ“, еще и крѣпостными? Пусть бы всерьезъ проводили, по крайности, эти „трезвыя, нравственныя и политическія понятія“!

Нѣкоторые добродѣтельные люди,—говоритъ Ницше,—считаютъ добродѣтелью говорить, что добродѣтель необходима, а въ глубинѣ думы вѣрятъ лишь въ то, что необходима полиція.

== Какъ извѣстно, оффиціально объявлена „весна“. Первые метеорологическія бюллетени были приблизительны таковы:

Рѣки вскрылись. Кой-гдѣ по утрамъ легкіе заморозки. Воронье карканье все стихаетъ. Наблюдался кратковременный слетъ соловьевъ. Прилетѣли, посвистали и разлетѣлись въ разныя стороны, спугнутые, видно, еще господствующими по утрамъ заморозками.

Первая соловьиная трель звучала зычной фіоритурой, звучно, увѣренно и свободно.

Это была отходная зимѣ и страстный, пламенный порывъ къ новой жизни, свободной и счастливой...

Притихли чижики, канарейки, воробьи, присмирѣли сороки и прилегли мирно пасущіяся стада, устремляя взоры въ чарующую даль, гдѣ занималась заря.

А неугомонныя вороны запрыгали, захлопали крыльями и закричали въ одинъ голосъ.

— Кар... кар... карраулъ..!

При ономъ благорастворенія воздуховъ общее самочувствіе было до послѣдней степени необычно: не то подъ ложечкой сосетъ, не то сердце замираетъ.

Чувства обывательскія—газета „Юристъ“ попыталась, напр., выразить въ слѣдующемъ видѣ:

„Такое, понимаете-ли, настало время, что ничего сообразить невозможно: раскроешь газету и потомъ весь день ходишь оселъ-осломъ. Вѣдь вы только подумайте: въ первой передовицѣ—свобода слова, во второй—свобода личности, и въ третьей—свобода совѣсти. А въ корреспонденціяхъ все по старому: изъ Нижне-Замухрянска „намъ пишутъ“, что городовые затащили въ участокъ дѣвушку-еврейку и за безписьменность обезчестили ее; изъ Средне-Замухрянска „намъ пишутъ“, что полицейскіе задержали пьянаго и притомъ задержали такимъ образомъ, что у него врачами установленъ переломъ семи реберъ, пробоина въ черепѣ и совершенно вытекъ лѣвый глазъ; наконецъ, изъ Верхне-Замухрянска тоже „намъ пишутъ“, что городовые задержали трезваго, причемъ въ кордегардіи у него самъ собой вытекъ глазъ, поломались ребра и раскроился черепъ, съ изліяніемъ мозга, „послѣдствіемъ чего была смерть отъ порока сердца“.

Ежели въ передовой статьѣ „свобода личности“, а въ корреспонденціи „вытекъ глазъ“,—то какъ я теперь насчетъ себя соображать долженъ?—вопрошалъ обыватель, и, не находя отвѣта, частью возликовалъ, частью зѣло смутился и растерялся.

Достойны, конечно, сугубаго привѣтствія и всяческой похвалы тѣ проявленія, какія создала наша „весна“ въ области, напр., полицейскихъ мѣропріятій.

Слишкомъ далеко завело бы насъ намѣреніе говорить о полиціи вообще.

Скромно и благоприлично, какъ это и подобаетъ воспитаннымъ людямъ, мы коснемся тѣхъ безмѣрно отрадныхъ новшествъ, какія принесла въ этой области наша славная и въ прошломъ, и въ настоящемъ—„погруженная въ глубокій сонъ“ провинція.

Первой выступила на благой путь реформъ полиція города Одессы. Какъ это видно изъ исторіи дѣла, реформы были начаты послѣдующимъ образомъ:

„Одесскія Новости" приводатъ слѣдующую оригинальную загадку, заданную чинамъ полиціи одесскимъ градоначальникомъ Д. Б. Нейдгартомъ:

Одесскій градоначальникъ Д. Б. Нейдгартъ предложилъ полиціймейстеру Н. С. Головину объявить въ своемъ приказѣ по полиціи, что 50 рублей награды будетъ выдано тому чину полиціи, который немедленно же, по прочтеніи приказа, укажетъ самую короткую статью изъ всѣхъ 16 томовъ Свода законовъ Россійской Имперіи. Въ этой статьѣ всего лишь три слова, и ихъ необходимо знать каждому полицейскому чину. Розыскавъ томы законовъ, многіе чины полиціи усерднѣйшимъ образомъ принялись розыскивать рѣшеніе заданнаго „ребуса". Секретарь канцеляріи полиціймейстера Д. С. Чебаненко, прочитавъ „ребусъ", явился лично къ г. градоначальнику и сообщилъ, что статья въ три слова обрѣтается въ 14 томѣ свода законовъ и гласитъ: „Кулачные бои воспрещаются" (137 ст.). Г. градоначальникъ пригласилъ къ себѣ г. Чебаненко и вручилъ ему деньги.

„Кулачные бои воспрещаются"—это сенсаціонное открытіе одесской полиціи—было немедленно же опубликовано во всеобщее свѣдѣніе.

Непосредственно за этимъ первымъ шагомъ г. одесскій градоначальникъ совершилъ и слѣдующій: Цѣлый рядъ чиновъ одесской полиціи получилъ дисциплинарныя, оглашенныя во всѣхъ газетахъ наказанія „за неумѣніе обращаться съ публикой".

Послѣ этого произведенъ былъ, наконецъ, третій и послѣдній рѣшительный шагъ: особымъ циркуляромъ было предписано полицейскимъ чинамъ города Одессы, обращаясь къ публикѣ, говорить ей „вы"—и отнюдь не позволять себѣ грубаго „ты".

Непосредственно за эпохой реформы въ Одессѣ, оная эпоха перекочевала въ Екатеринославъ.

Здѣсь... страшно сказать, надумали прислушиваться къ печатному слову.

Еще года два тому, назадъ мода была совсѣмъ иная. Какъ разъ въ настоящее время.

Въ „Рус. Вѣд." г. Діонео разсказываетъ о бывшемъ одесскомъ градоначальникѣ, ген. Зеленомъ и объ его отношеніяхъ къ мѣстной печати. Однажды З., по поводу одного самаго невиннаго фельетона нѣкоего Д., вызвалъ къ себѣ редактора и фельетониста. Произошла дикая, невѣроятная сцена. З. топалъ ногами, грозилъ кулаками, „тыкалъ", ругался и приказалъ „выслать въ 24 часа" Д. изъ Одессы. На другой день Д. дѣйствительно, уѣхалъ изъ города и возвратился только черезъ годъ. Я получилъ,—пишетъ г. Діоне,—наглядное представленіе о положеніи провинціальной печати.

Однажды г. Діонео сидѣлъ ночью въ типографіи.

Вдругъ раздается звонокъ у телефона.

— Кто зоветъ?—спросилъ управляющій типографіей.

Вмѣсто фамиліи изъ трубки телефона вылетѣло не печатное ругательство.

Слушаю, ваше превосходительство,—подобострастно сказалъ управляющій, который понялъ, что неприлично ругаться по телефону можетъ только З. Дѣло шло о репортерской замѣткѣ, которую З. велѣлъ вычеркнуть.

Свѣжо преданіе—и все-таки ему вѣрится безъ труда! Съ трудомъ вѣрится какъ разъ тому, что творится теперь.

„Недавно въ одной изъ екатеринославскихъ газетъ былъ напечатанъ фельетонъ о полиціи, вообще, и о взяткахъ, въ частности.

Фельетонъ имѣлъ большой успѣхъ: къ обѣду газета продавалась по рублю, а къ вечеру уже почти всѣ екатеринославцы догадались, что полицейскіе чины берутъ иногда взятки.

Догадался объ этомъ и полиціймейстеръ. И такъ какъ время нынче „весеннее", то сейчасъ-же пригласилъ участковыхъ приставовъ, чтобы провѣрить газетный слухъ и путемъ личнаго опроса убѣдиться, дѣйствительно-ли въ практикѣ ввѣренныхъ ему полисменовъ „имѣли мѣсто" взятки.

Въ назначенный день и часъ къ участкамъ потянулись предполагаемые „взяткодавцы"—купцы, промышленники, подрядчики,—и на лицахъ ихъ было написано и недоумѣніе, и безпокойство, и конфузъ.

Такой-же конфузъ былъ и на лицѣ пристава, когда онъ выстроилъ „взяткодавцевъ"

въ одну шеренгу и обратился къ нимъ съ вступительнымъ словомъ:

— Я, господа, побезпокоилъ васъ, чтобы спросить насчетъ такъ называемыхъ взятокъ...

Взяткодавцы только крякнули.

— Не припомните-ли, господа, не давать-ли кто либо изъ васъ чинамъ полиціи противозаконныхъ вознагражденій?

Взяткодавцы опять крикнули и затѣмъ въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Ничего мы, ваше благородіе, не помнимъ!

— Гм... Не припомните?.. Ну, если не теперь, то, можетъ быть, прежде, можетъ быть, въ давнія времена?

Взяткодавцы переглянулись.

— *Въ прежнія времена оно точно.*

— Случалось стало быть? Ну, а при нынѣшнемъ составѣ полиціи?

— Ни Бож-же мой!..

— Не случалось значитъ?

— Ни-ни-ни.

Такимъ образомъ, съ помощью самой настоящей анкеты было установлено, что если во времена „Plusquamperfectum'a" полиція и брала взятки, то въ настоящее время, конечно, ни-ни-ни.

Реформы коснулись даже сельской полиціи.

Извѣстно, что въ десятскіе и сотскіе уважающіе себя крестьяне не идутъ потому, что эти „сельскія власти" не только находятся на побѣгушкахъ у гг. исправниковъ, становыхъ приставовъ и даже урядниковъ, но зачастую выполняютъ у перечисленныхъ полицейскихъ чиновъ роль домашней прислуги, на манеръ денщиковъ. Нашлись, однако, пристава, которые „натурой" не удовольствовались и обложили подвѣдомственныхъ обывателей особымъ сборомъ на прислугу. Не гдѣ-нибудь въ глуши, а подъ столицей, въ Гдовскомъ уѣздѣ, какъ сообщаетъ „Свѣтъ" одному приставу шесть волостей платили по 3—4 к. „лакейскаго сбора".

Такъ было „до реформы" Нынѣ же, волею судебъ и вмѣшательствомъ земскихъ начальниковъ, лакейскій сборъ былъ отмѣненъ; но зато вновь стали усиленно требоваться для дежурства при становой квартирѣ сотскіе и десятскіе. Въ настоящее время при становой квартирѣ десятскіе обязаны дежурить по недѣлѣ, въ условіяхъ крайне обременительныхъ даже для невзыскательныхъ крестьянъ, такъ какъ особаго помѣщенія при квартирѣ нѣтъ, и они должны ютиться на дворѣ подъ навѣсами, или торчать на кухнѣ, пока ихъ не выгонятъ. Зимой положеніе ихъ въ особенности тяжело. Къ тому же при квартирѣ станового всегда дежурятъ ихъ нѣсколько человѣкъ, пять и шесть.

Такъ или иначе, но реформа произведена, а это, конечно, главное. Мало ли что,— что не помогло. И на солнцѣ, небось, есть пятна. Что же изъ этого! Солнце остается, конечно, солнцемъ.

Произведена реформа и въ Кіевѣ. Много лѣтъ, какъ здѣсь примѣняется способъ „облавъ" противъ евреевъ, которые какъ извѣстно, не имѣютъ права жить въ Кіевѣ, какъ и въ очень многихъ иныхъ мѣстахъ.

Этотъ способъ охоты за людьми теперь положительно и окончательно отмѣненъ, и теперь кіевскія газеты переполнены свѣдѣніями объ этихъ систематически, совершавшихся ночью облавахъ; какъ теперь оказывается, „нельзя себѣ представить болѣе позорнаго зрѣлища". „Рылись въ спальняхъ, съ женщинъ срывали одѣяла, чтобы убѣдиться, не скрываются ли тамъ „безправные" субъекты и т. д., и т. д. Со многими, конечно, приключались обмороки, и истерики, и заболѣванія. Послѣ того, какъ убѣждались, что „контрабандныхъ" не оказывается, полицейскіе уходили, чтобы повторить тоже самое въ другой квартирѣ, подозрѣваемыхъ же волокли „въ участокъ", сообщаютъ кіевскія газеты. Нельзя не пожалѣть, конечно, что только теперь, послѣ отмѣны облавъ въ Кіевѣ, мѣстная печать смогла заговорить объ этомъ уродливомъ порядкѣ. Впрочемъ, и теперь эти рѣчи—если только рѣчи вообще помогаютъ—могутъ принести пользу въ очень многихъ мѣстахъ, гдѣ указанныя облавы еще сохранились.

Въ томъ же Кіевѣ, кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ изданъ циркуляръ, воспрещающій полиціи принимать „активное участіе въ предпріятіяхъ нашей оффиціальной благотворительности". Къ сожалѣнію, циркуляръ этотъ предусмотрѣлъ, какъ оказывается, только одну изъ постороннихъ функцій полицейскихъ органовъ.

Такъ, изъ г. Каменецъ-Подольска пишутъ въ „Кіев. Откл.", что наряду съ содѣй-

ствiемъ благотворительности, въ которомъ, безъ сомнѣнiя, преобладалъ элементъ принудительный, здѣшняя полицiя занимается еще операцiями чисто коммерческаго характера, принимая на комиссiю и затѣмъ распространяя въ населенiи разнаго рода изданiя, какъ, напр., печатаемые губернскимъ правленiемъ стѣнные календари, издаваемыя губернскимъ статистическимъ комитетомъ адресныя книжки и т. д. Въ послѣднее время здѣшнiе пристава и городовые заняты ликвидацiею совершенно частнаго изданiя Виктора Гульдмана: „Помѣстное землевладѣнiе Подольской губернiи“. Г. Гульдманъ, бывшiй полицейскiй чиновникъ, а затѣмъ секретарь мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, недавно уволенъ губернаторомъ отъ службы и поэтому спѣшитъ распродать свой „трудъ“. Городовые разносятъ его книгу лавочникамъ, продавцамъ яблокъ, трактирщикамъ и тому подобному люду, очень часто неграмотному и, во всякомъ случаѣ, совершенно не интересующемуся спискомъ подольскихъ помѣщиковъ и ихъ имѣнiй, предлагая покупать эту макулатуру за 1 руб., „вмѣсто 2 руб. 50 к.“.

На этомъ бы можно и покончить, нашъ обзоръ реформъ въ почтенной области вѣдѣнiя нашей полицiи,—тѣхъ реформъ, которыя въ общемъ имѣютъ равно столько-же правъ на званiе полицейской весны, сколько и на званiе весенней полицiи.

Тѣмъ не менѣе мы, предполагая, что читатель любитъ литературу почти столько же, сколько и полицiю, упомянемъ еще о нѣсколькихъ случаяхъ кромѣ факта съ г. Гульдманомъ, гдѣ обѣ эти области—полицiя и литература—пришли въ нѣкоторое соприкосновенiе:

Лодзинскiй полицiймейстеръ, напр., вообразилъ себя литературнымъ цензоромъ. По сему случаю онъ вздумалъ привлечь, на основанiи 34 ст. ул. о нак., къ отвѣтственности редактора газеты „Bozwoj“ за помѣщенiе въ № 192 этой газеты некролога въ стихахъ безъ его цензуры. Редакторъ, г. Чаевскiй, представилъ мировому судьѣ разрѣшенiе цензора г. Лодзи на напечатанiе этого стихотворенiя. Судья, конечно, вынесъ обвиняемому оправдательный приговоръ.

Газетѣ, какъ видитъ, читатель „подвезло“! Не имѣющiй права на цензурованiе г. Полицiймейстеръ (Horribile dictu!) и не получилъ этого права. Но еще болѣе повезло крестьянской „Вятской газетѣ“.

Полицiи было предписано отобрать подцензурную „Вятскую Газету“ у *всѣхъ крестьянъ*, на томъ основанiи, что она не допущена въ народныя библiотеки. И закипѣла „плодотворная“ работа по всей губернiи! 43 становыхъ пристава, 306 урядниковъ, 1,196 полицейскихъ стражниковъ цѣлый мѣсяцъ разъѣзжали по деревнямъ, отбирая у крестьянъ „Вятскую Газету“ за нынѣшнiй и за прошлые годы. Волостнымъ правленiямъ предписано было газету не выдавать подписчикамъ и по полученiи съ почты запирать ее въ шкафы. Когда узнала объ этомъ губернская управа, то написала губернатору, что лучше совсѣмъ прекратить газету, чѣмъ лежать ей безъ всякой пользы въ волостныхъ правленiяхъ. Послѣ этого сказалась „весна“: г. Хомутовъ отмѣнилъ свое распоряженiе и предписалъ полицiи возвратить газету подписчикамъ, а управѣ объяснилъ, что газета отбиралась полицiей „неподлежательно“, вслѣдствiе неправильныхъ толкованiй циркулярныхъ его распоряженiй.

„Весна“—пока что—сказывается только мѣстами и, въ нѣкоторомъ родѣ, „спорадически“. Отсюда, однако, недалеко и до „эпидемiи благожелательныхъ поступковъ“. Кому неизвѣстно, что, если бы каждый мелъ улицу только передъ своимъ домомъ, то всѣ улицы были бы на рѣдкость чисты. Къ истинному прискорбiю, наши домовладѣльцы чуждаются роли метельщиковъ. Для этой цѣли командируются дворники. Ну, а это, какъ извѣстно, совсѣмъ другой коленкоръ.

Слѣдовательно, и идти дальше съ разсужденiями „не полагается“. Сказано вѣдь, что только въ зубоврачебныхъ кабинетахъ и можно въ настоящее время услышать сильный и страстный голосъ, въ которомъ не будетъ ни единой фальшивой ноты.

Сказано, ну, и ладно! А ежели насчетъ весны-то, оно, конечно, и возликовать съ съ разрѣшенiя начальства можно. Не все жъ только Исайѣ одному ликовать, не грѣхъ въ самомъ дѣлѣ и обывателю порѣзвиться.

Провинціальные очерки.

Нѣкоторыя волненія, печальныя недоразумѣнія и наша россійская непредусмотрительность.— Тяжелые отклики войны.—Кому смерть, а кому и барышъ. — На ту же тему. — Кое что объ избіеніяхъ.—Избіенія и новыя вѣянія.—Герои узкихъ идеаловъ.

Внимая ужасамъ войны на Дальнемъ Востокѣ, нельзя равнодушно относиться и къ тѣмъ ужасамъ, которые происходятъ здѣсь, на нашихъ глазахъ, тѣмъ болѣе, что многое является отзвукомъ войны.

Весь октябрь и начало ноября газеты были переполнены извѣстіями о разгромахъ и погромахъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, производимыхъ сначала призванными на службу запасными, а потомъ уже и новобранцами. Ужасно думать, что люди, несущіе въ своемъ сердцѣ горе, разставшись, быть можетъ навсегда, съ своими семьями, причиняютъ несчастія своимъ ни въ чемъ неповиннымъ соотечественникамъ. Безпорядки прокатились волной по Витебской, Минской, Могилевской губерніямъ, задѣли Виленскій округъ, задѣли Москву. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь были скрытыя пока, но общія причины. О сговорѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что что же общаго имѣютъ запасные, громившіе всѣхъ и все 13 октября въ Мстиславлѣ, Могилевской губ., съ вологжанами изъ Кадниковскаго уѣзда, натворившими такихъ ужасовъ въ Москвѣ? Причины выяснятся, но прошлаго не воротишь. Несомнѣнно, что многое нужно отнести здѣсь на счетъ нашей русской непредусмотрительности и растерянности въ критическую минуту. Что значитъ въ такихъ случаяхъ находчивость, достаточно привести одинъ фактъ, относящійся къ событіямъ тойже категоріи. По словамъ „Ков. Т.“, въ началѣ ноября на станцію „Радзивилишки“ Либаво-Роменской желѣзной дороги прибылъ воинскій поѣздъ съ 199 новобранцами изъ латышей, отправлявшихся по назначенію. Поѣздъ прибылъ въ 7 час. утра, когда всѣ торговыя заведенія въ мѣст. Радзивилишкахъ, а въ томъ числѣ и казенная винная лавка, еще были закрыты. Во время стоянки поѣзда, продолжавшейся до 9 час. 28 мин. утра, часть новобранцевъ со станціи отправилась въ мѣстечко, къ казенной винной лавкѣ, и найдя послѣднюю запертою, стали требовать,—по словамъ „Ков. Т.“,—чтобы сидѣлецъ открылъ ее и отпустилъ имъ водки. Сидѣлецъ же, Стрижакъ, увидѣвъ полупьяную возбужденную толпу изъ боязни проявленія со стороны новобранцевъ безпорядковъ въ лавкѣ, замедлилъ исполненіемъ ихъ желанія. Тогда новобранцы стали ломать желѣзный засовъ дверей лавки, но послѣдній ихъ усиліямъ не поддался, а только согнулся. Увидя, что дѣло принимаетъ нешуточный оборотъ, сидѣлецъ Стрижакъ черезъ заднія двери лавки незамѣтно вышелъ на улицу и, не обнаруживая своей должности, подошелъ къ толпѣ и спросилъ, чего она желаетъ. Услышавъ въ отвѣтъ заявленіе, что имъ, новобранцамъ, нужна водка, и, если сидѣлецъ не откроетъ винной лавки, то они его побьютъ, Стрижакъ сказалъ, что, насколько ему извѣстно, сидѣльца въ данное время дома нѣтъ, но онъ знаетъ, гдѣ сидѣлецъ находится, а затѣмъ, увѣривъ толпу, что онъ сейчасъ розыщетъ сидѣльца, увлекъ ее за собою. Такимъ образомъ, Стрижакъ водилъ новобранцевъ по мѣстечку до приближенія времени отхода поѣзда и, наконецъ, приведя ихъ на станцію въ буфетъ 3-го класса, купилъ имъ бутылку водки, чѣмъ этотъ инцидентъ благополучно и завершился.

Находчивость Стрижака спасла отъ разгрома винную лавку, а быть можетъ, и его самого отъ кулачной расправы озвѣрѣвшей толпы.

Правда, что находчивость находчивости рознь. Вотъ что сообщаетъ „Виленскій Вѣстникъ“ о находчивости совсѣмъ иного рода. 2 ноября, во время призыва новобранцевъ, въ мѣстечкѣ Рыкишки возникли безпорядки. Съ утра толпа около 200 человѣкъ бросилась на мелкія лавки съ съѣстными припасами и разграбила ихъ.

„Затѣмъ толпа съ криками „ура“ начала разбивать окна въ жилыхъ домахъ евреевъ почти во всѣхъ частяхъ мѣстечка и въ молитвенной школѣ на Комайской улицѣ. При возникновеніи безпорядковъ, всѣ еврейскія

лавки были тотчасъ же закрыты. Евреи прятались куда только могли, а тѣ немногіе, которые не успѣли скрыться, были безпощадно избиты буянами. Къ полудню всѣ бывшіе здѣсь волостные старшины и сельскіе старосты были приглашены въ мѣстное воинское присутствіе. Предсѣдательствующій и члены присутствія приказали имъ принять мѣры къ немедленному прекращенію безпорядковъ съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ старшины и старосты будутъ строго отвѣчать за всякія дѣйствія и насилія членовъ ихъ сельскихъ обществъ. Съ пріѣздомъ 3 числа уѣзднаго исправника г. Афросимовъ порядокъ былъ окончательно возстановленъ. Исправникъ заявилъ, что вся сумма убытковъ, понесенныхъ населеніемъ отъ безпорядковъ, будетъ возложена на волостныхъ старшинъ".

Разумѣется, находчивость Стрижака совсѣмъ не то, что находчивость исправника Афросимова. Послѣдній возстановилъ порядокъ, возложивъ всѣ убытки отъ погрома на старшинъ и старостъ. Однако, врядъ ли такая находчивость законна. Старшины и старосты обязаны были по мѣрѣ своихъ силъ стараться о поддержаніи порядка въ средѣ доставленныхъ ими новобранцевъ, но отвѣчать имущественно за происшедшее даже и по суду заставить ихъ нельзя, а не только по приказу исправника. Здѣсь г. Афросимовъ, очевидно, переборщилъ. Съ господами исправниками это бываетъ.

Въ приведенномъ нами сообщеніи особенно ярко бросается въ глаза то обстоятельство, что разгромъ начался съ мелкихъ лавокъ со съѣстными припасами. Сопоставляя описанія другихъ погромовъ съ только что описаннымъ, во многихъ изъ нихъ находишь сходство и невольно задаешься вопросомъ: не игралъ ли тутъ особеннаго значенія голодъ? Вотъ въ Минскѣ, напримѣръ, по словамъ „Зап. Вѣст.", въ виду многихъ случаевъ нарушенія порядка въ Западномъ краѣ призываемыми на военную службу, начальникъ губерніи графъ Мусинъ-Пушкинъ пригласилъ для совѣщанія о предупредительныхъ мѣрахъ видныхъ представителей мѣстнаго еврейства. На этомъ совѣщаніи рѣшено было устраивать для призываемыхъ обѣды и собрано для этой цѣли до 20000 р. Слѣдовательно вышеприведенное мнѣніе о голодѣ, какъ причинѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ безпорядковъ, имѣетъ за собою основаніе. Непонятно только, почему были призваны на совѣщаніе одни евреи и почему только они должны снабжать пищею призываемыхъ на военную службу.

Тяжкое состояніе переживаетъ, благодаря войнѣ, громадный промышленный районъ въ Царствѣ польскомъ. Масса рабочихъ осталась безъ работы, а слѣдовательно и безъ хлѣба. Кто имѣетъ возможность—разбредаются въ разныя стороны, много нѣмецкихъ рабочихъ и часть поляковъ перекочевали заграницу. Но большинство, громадное большинство не только не имѣетъ средствъ къ передвиженію а даже буквально лишено насущнаго хлѣба и голодаетъ. Варшава богатый городъ, и тамъ помощь голодающимъ организована еще сносно; въ Лодзи, по словамъ „С.-Пет. Вѣд.", дѣло это поставлено тоже довольно широко, особенно со стороны евревъ; что же касается мелкихъ уѣздныхъ и даже губернскихъ городовъ, то разсчитывать на крупную помощь ихъ населенія, благодаря его малочисленности и бѣдности, нельзя. Организованы комитеты помощи въ Плоцкѣ, Ломжѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Ченстоховѣ, Влоцлаевскѣ, Сосновицахъ, Кѣльцахъ, Люблинѣ, открываютъ кухни, пріюты, ясли, но за исключеніемъ крупныхъ промышленныхъ городовъ, всѣ эти учрежденія не въ состояніи будутъ, по недостатку средствъ, хотя бы сколько нибудь смягчить остроту нужды. Тутъ нужна широкая, не только общественная, а и государственная помощь, и не только прокормленіемъ, а и работой. И главнымъ образомъ работой, потому что конца кризиса въ скоромъ времени предвидѣть нельзя, а число безработныхъ все возрастаетъ.

Безработные въ этомъ районѣ являются не только изъ числа рабочихъ. Осталось безъ дѣла множество приказчиковъ, конторщиковъ, писцовъ. „Варш. Дневн." сообщаетъ, напр., что благодаря застою въ промышленности у варшавскихъ нотаріусовъ сильно сократилось число авторъ, а такое сокращеніе отозвалось уменьшеніемъ заработка на переписчикахъ, работающихъ съ листа, а нѣкоторые и совсѣмъ лишились работы. Уменьшились заработки и нотаріальныхъ свидѣтелей, которые удостовѣряютъ своею подписью акты.

На варшавскомъ денежномъ рынкѣ господствуетъ полное затишье, потому что за-

казовъ на товары для внутреннихъ губерній получается мало. Агенты, выписывающіе изъ изъ-заграницы товары для варшавскихъ мелкихъ торговцевъ, переживаютъ небывалый застой въ дѣлахъ и зарабатываютъ едва одну четвертую часть того, что зарабатывали прежде. Въ то же время ломбарды завалены закладами, которыхъ негдѣ хранить, а между тѣмъ содержатели ломбардовъ жалуются на сокращеніе прибылей, объясняя это тѣмъ, что приходится принимать главнымъ образомъ малоцѣнныя и громоздскія вещи. Прежде самыми выгодными кліентами были мелкіе купцы, закладывали для оборота на короткій срокъ драгоцѣнныя вещи, теперь вслѣдствіе застоя въ торговлѣ этихъ кліентовъ почти нѣтъ.

Такимъ образомъ кризисъ даетъ себя чувствовать не только рабочимъ, а и буржуазіи, въ особенности мелкой, съ тою только разницею, что здѣсь врядъ ли дѣло дойдетъ до полнаго и поголовнаго голоданія.

—

„Кому смерть, а кому и барышъ", говоритъ остроумная еврейская пословица. Въ „Вост. Обозр." и „Сиб. Вѣстн.", изображена цѣлая трагедія, героями которой являются съ одной стороны нашъ многострадальный солдатъ, а съ другой стороны Омскій фабрикантъ консервовъ, д-ръ Шидловскій. Съ русскимъ солдатомъ знакомитъ читателя нечего: онъ весь, какъ на ладошкѣ, и самъ говоритъ за себя. Что же касается доктора Шидловскаго, то это особъ статья. Въ краткихъ чертахъ біографія его такова. Окончивъ курсъ наукъ въ соотвѣтствующемъ заведеніи, сдѣлался онъ морскимъ врачемъ и сталъ лѣчить моряковъ. Надоѣло ли ему лѣчить отъ морской болѣзни или самъ онъ не могъ привыкнуть къ морской качкѣ, но только дѣло это онъ впослѣдствіи оставилъ. Надо думать, что ему вообще надоѣла медицина, потому что въ предпослѣдній актъ трагедіи мы его застаемъ не врачевателемъ человѣческихъ недуговъ, а мариновальщикомъ желѣзнодорожныхъ шпалъ, завѣдующимъ шпалопропиточными заводами на Сибирской жел. дор. Такое превращеніе на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ. Но въ сущности ничего тутъ особеннаго нѣтъ. Замѣтилъ человѣкъ, что пошелъ не по своей дорогѣ, и, благо ему, свернулъ во время. Гораздо лучше хорошо пропитывать шпалы, чѣмъ плохо лѣчить людей. Да если даже и плохо пропитывать шпалы, такъ все же это лучше, чѣмъ плохо лѣчить людей. Вѣдь люди не шпалы! Казалось бы, послѣднее положеніе есть неопровержимѣйшая истина. Но вотъ въ томъ то и бѣда, что д-ръ Шидловскій этой истины не признаетъ; для него, что человѣкъ, что шпала—все одно. Правда, что во всемъ виновата война. Не будь ея, онъ бы и до сихъ поръ пропитывалъ одни шпалы. Но вотъ загремѣли пушки, покатили по пропитаннымъ д-ромъ Шидловскимъ шпаламъ на Дальній Востокъ солдатики, и у д-ра Шидловскаго родилась идея. „Ба"!—подумалъ онъ: „вѣдь для солдатиковъ то тоже нужно пропитаніе, не воздухомъ же они будутъ питаться. Не взять ли мнѣ на себя эту задачу?

„Вѣдь пропитываю же я шпалы, и шпалы мои не гніютъ, отчего же не пропитывать и солдатъ, конечно, не шпалами, а консервами, пропитанными шпалопропитывательнымъ составомъ. Шпалы не гніютъ, слѣдовательно, и консервы не будутъ гнить, а не будутъ гнить консервы—солдаты будутъ имѣть свѣжую пищу на всякомъ мѣстѣ и во всякое время". Сказано—сдѣлано. Скоро сказка сказывается, а въ военное время дѣло дѣлается еще скорѣе: тяпъ-ляпъ и вышелъ корабль, и докторъ Шидловскій оказался пропитывателемъ арміи мясными консервами, пропитанными шпалопропитывательнымъ составомъ. Но оказалось, что тяпъ да ляпъ только въ сказкѣ всегда хорошо выходитъ, а въ жизни съ такими пріемами не далеко уѣдешь. Не смотря на полное содѣйствіе, оказанное г. Шидловскому, не смотря на выданные ему крупные авансы, на которые онъ построилъ большую бойню, не смотря даже на высокую цѣну за мясо (6 р. 26 к. пудъ), которую онъ бралъ,—дѣло не пошло. Консервы оказались такого качества, что въ Иркутскѣ принуждены были громадное количество ихъ уничтожить, а въ Петербургѣ при изслѣдованіи въ особой коммиссіи присланныхъ пробъ, хранившихся меньше двухъ мѣсяцевъ, найдены они издающими трупный запахъ. Есть слухи, что заводъ д-ра Шидловскаго пріостановленъ. И благо—не берись за пропитаніе людей: вѣдь, люди не шпалы.

Но вотъ любопытный вопросъ: въ какомъ количествѣ дошли консервы д-ра Ш. до дѣйствующей арміи, кушали ли ихъ солда-

тики, а если кушали, то хвалили-ли и что изъ сего произошло?

Хищники всегда существуютъ, а во время войны они плодятся. Явленіе это неизбѣжное, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что съ ними не стоитъ бороться, а сидѣть сложа ручки и ждать, когда они тебя слопаютъ. На дороговизну жизненныхъ припасовъ несутся жалобы со всей линіи сибирской дороги, и дороговизна эта вызвана отчасти естественными послѣдствіями войны. Но только отчасти, а въ большей же—жаждой наживы, стремленіемъ воспользоваться обстоятельствами и всѣми правдами и неправдами выжать сокъ изъ потребителя. Какія же мѣры принимаются противъ этой безсовѣстной эксплоатаціи? Почти никакихъ, или очень слабыя. Организованныхъ общественныхъ силъ въ Сибири нѣтъ, за исключеніемъ городскихъ управъ, а администрація... у администраціи свои дѣла. Самой яркой иллюстраціей къ только что сказанному является слѣдующая является слѣдующая корреспонденція изъ Владивостока въ „Русск. Вѣд.“.

„Послѣ закрытія навигаціи по Амуру товаровъ нашъ край не получилъ. Правда, всѣмъ извѣстно, что иныя крупныя фирмы имѣютъ значительное количество сахару, табаку, спичекъ, керосина, свѣчей, но заявляютъ покупателю: „нѣтъ въ продажѣ“; между тѣмъ тотъ же товаръ имѣется у китайцевъ въ три-дорога, а берутъ его оптомъ китайцы у крупныхъ фирмъ по высокой цѣнѣ, таскаютъ „каштаны изъ огня для оптовиковъ“ подъ рискомъ попасть подъ кару. Впрочемъ, для успокоенія публики и мѣстной прессы иногда продѣлываются такіе кунстштюки: получитъ „фирма“ два вагона сахару и изъ нихъ пудовъ 80 продаетъ въ розницу въ теченіе трехъ дней отъ 8-ми до 9-ти часовъ утра по 32 коп. за фунтъ, выдавая по 2—4 фунта въ однѣ руки; а затѣмъ сотни пудовъ беретъ населеніе по 45—50 коп... И ни одинъ городъ, ни одно селеніе, ни одно потребительное общество (кромѣ желѣзнодорожнаго, въ маломъ масштабѣ) не съумѣли добиться разрѣшенія выписать товары изъ столицъ: предоставлено все брать отъ мѣстныхъ купцовъ. Продовольственныя комиссіи существуютъ на бумагѣ: имъ не не дано ни гроша для оборота, онѣ не могутъ даже хлѣбъ закупать, чтобы помочь весной нуждающимся, а снабжены онѣ полномочіемъ возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ повышенія цѣнъ. Естественно, что такая мѣра—не жизненна, не уменьшаетъ алчности и простора дѣйствій шакаловъ-хищниковъ. Напримѣръ, капусту всю успѣли скупить на корню и за двѣ недѣли съ 7-ми руб. сотню подняли до 23-хъ. Вообще организація общественной помощи—ни слѣда“.

Къ сказанному прибавлять нечего.

А вотъ еще маленькая, но очень миленькая картинка на тему безпардонной наживы со всѣхъ сторонъ: и съ солдата, проливающаго кровь, и съ его брата рабочаго, проливающаго потъ (та же вѣдь кровь!).

Дѣло происходитъ не на театрѣ военныхъ дѣйствій, не во Владивостокѣ, а здѣсь у насъ подъ бокомъ, во Владимірской губерніи. Заболѣлъ въ с. Б. Всегодичахъ, Ковровскаго уѣзда кустарь—портной сибирской язвой въ очень тяжкой болѣзни въ очень тяжкой формѣ. При разспросахъ больного врачемъ, говоритъ „Р. Сл.“, оказалось, что онъ только что возвратился съ заработковъ изъ деревни Лѣтневой, Васильевской вол., Шуйскаго у. Тамъ онъ работалъ „калиберъ“ у нѣкоего Ивана Макарова.

„Калиберомъ“ мѣстные кустари портные называютъ полушубки, изготовляемые для нуждъ арміи.

Больной и возвратившіеся вмѣстѣ съ нимъ товарищи-портные, между прочимъ, повѣдали:

— Въ послѣднее время овчины, изъ которыхъ шился „калиберъ“, были ужъ очень вонючи.

По словамъ мѣстнаго священника, было нѣсколько смертныхъ случаевъ отъ „сибирской язвы“ среди портныхъ Всегодической волости, работавшихъ въ Шуйскомъ уѣздѣ.

Въ настоящее время кустари Шуйскаго и Ковровскаго уѣздовъ заняты спѣшнымъ изготовленіемъ „калибера“ на трехъ-четырехъ крупныхъ подрядчиковъ-монополистовъ, живущихъ въ г. Шуѣ. Одинъ портной въ день шьетъ 6—8 „калиберовъ“.

— Работа легкая,—говоритъ кустари,— не велятъ даже нитки закрѣплять.

Объясняется это, по мнѣнію кустарей, тѣмъ, что при пріемѣ „калибера“ отъ подрядчиковъ обращается вниманіе исключи-

тельно на размѣры „калибера“ и одноцвѣтность его снаружи.

Подрядчики, получая за каждый полушубокъ 5—6 руб. при стоимости матеріала, потребнаго на него, въ 3 р.—3 руб. 50 к., платятъ кустарю только около 25 к. за полушубокъ“.

Работа легкая, что и говорить! Даже нитки не велятъ закрѣплять, чего ужъ еще? Гдѣ же тамъ въ складѣ, при массовомъ пріемѣ, разсматривать каждую нитку?

Распорется этотъ „калиберъ“ на солдатѣ— туда ему и дорога, авось другой „калиберъ“ дадутъ. Но вотъ, если вмѣстѣ съ такимъ „калиберомъ“ придетъ въ армію сибирская язва, такъ это ужъ не шутки! А вѣдь, если вѣрить корреспонденціи, пожалуй и придетъ...

Жестокій бой идетъ на Дальнемъ Востокѣ и не предвидится ему конца. Но не менѣе жестокій и непрерывный бой наблюдается и въ самой Россіи. Каждый день приноситъ извѣстія о всевозможныхъ насиліяхъ, совершаемыхъ надъ беззащитнымъ человѣкомъ, до полнаго искалѣченія включительно. Бьютъ направо, бьютъ налѣво, бьютъ праваго и виноватаго. Битье у насъ въ крови и какъ только человѣку дадутъ хоть маленькую власть, какъ только облекутъ въ присвоенный его должности мундиръ,—у него тотчасъ же начинаютъ чесаться руки, и рѣдкій удержится на этой скользкой стезѣ, не запятнавъ себя прикосновеніемъ къ чужому тѣлу.

Вотъ передъ нами во всей красѣ своей силы и власти урядникъ 4 уч., 1 стана Елисаветградскаго у., Петръ Боголюкъ. Сидитъ этотъ великолѣпный мужчина на скамьѣ подсудимыхъ въ сознаніи правоты совершеннаго и ждетъ полнаго обѣленія. А совершилъ онъ вотъ что. Разскажемъ про эти ужасы со словъ „Одесск. Нов.“. Явился Боголюкъ въ м. Большая-Выська на постоялый дворъ Губенко, гдѣ остановились еврей Ш. Каменецкій и діаконъ В. Вахницкій, и потребовалъ отъ нихъ предъявленія паспортовъ. Каменецкій паспорта не имѣлъ при себѣ, такъ какъ жилъ въ 15 верстахъ отъ мѣстечка, гдѣ его всѣ знали. Паспортъ же дьякона Вахницкаго оказался просроченнымъ. Урядникъ Боголюкъ сталъ вразумлять Каменецкаго и Вахницкаго за отсутствіе паспортовъ. Схвативъ за бороду дьякона, урядникъ нанесъ ему пощечину, а затѣмъ сталъ колотить, куда попало, приговаривая: „вотъ я тебѣ покажу, — ты вѣнчаешь 3 раза, а я тебя 7 разъ повѣнчаю“. Покончивъ съ дьякономъ, урядникъ взялся за еврея. Раздѣвъ его, онъ сталъ издѣваться и наносить удары шашкой, куда попало. Послѣ этихъ операцій, блюститель закона распорядился отправить избитыхъ въ кордегардію. По дорогѣ урядникъ продолжалъ свои истязанія и до тѣхъ поръ билъ еврея кулаками, пока тотъ не упалъ безъ чувствъ. Тогда разъяренный полицейскій сталъ топтать его ногами. Въ кордегардіи начался 3-й актъ дѣйствій Боголюка. Здѣсь онъ схватилъ разъ за бороду діакона и такъ сильно его толкнулъ, что тотъ ударился объ стѣнку, а затѣмъ, отдохнувши, продолжалъ глумленіе надъ Каменецкимъ. Нанося удары, онъ каждый разъ требовалъ кружку воды, выпивалъ ее и снова приступалъ къ дѣлу. На слѣдующее утро, отрезвившись отъ винныхъ паровъ, Боголюкъ отпустилъ ни въ чемъ неповинныхъ Каменецкаго и Вахницкаго. За эти свои дѣйствія Боголюкъ былъ преданъ суду сословныхъ представителей, былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія — по лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, къ тюремному заключенію на 1 годъ и 4 мѣс. На этотъ приговоръ Боголюкъ подалъ кассаціонную жалобу въ Правительствующій Сенатъ.

Боголюкъ остался недоволенъ приговоромъ, и это вполнѣ понятно. Его поставили „тащить“ и „непущать“; въ силу этой-то данной свыше власти онъ и дѣйствовалъ совершенно безнаказанно много лѣтъ. Быть можетъ, не одного, а цѣлый десятокъ на своемъ вѣку побилъ дьяконовъ и разнаго другого люда, а тѣмъ болѣе евревъ, и вдругъ такой пассажъ — скамья подсудимыхъ! Чѣмъ же Боголюкъ виноватъ, когда его для того и поставили, чтобы бить? Будь я на мѣстѣ суда, я бы его оправдалъ—(Боголюкъ, что? онъ винтикъ механизма)—и посадилъ бы на эту скамью того, кто посадилъ Боголюка въ урядники.

Это такъ.

Еще одинъ штрихъ былъ безъ всякихъ коментаріевъ. „Прибалтійскій Край“ свидѣтельствуетъ слѣдующее:

„6 октября, на ст. Кокенгузенъ съ одного безплатнаго пассажира потребовали дополнительной платы. Лишь только этотъ пассажиръ заикнулся о томъ, что съ него тре-

буютъ больше денегъ, чѣмъ слѣдуетъ, жандармъ Янсонъ—набросился на него, сталъ душить его и сильно толкнулъ его головой о стѣну. Придя въ себя, пассажиръ просилъ у жандарма объясненія, почему онъ такъ безчеловѣчно обращается съ нимъ. Вмѣсто отвѣта, жандармъ снова принялся истязать пассажира. Присутствовавшіе при этой расправѣ оставались безмолвными свидѣтелями. Къ счастью, вмѣшательство начальника станціи подѣйствовало на жандарма. Оставивъ свою жертву, жандармъ обратился къ начальнику станціи со слѣдующими словами: „Вы защищаете пассажировъ? я нигдѣ еще не встрѣчалъ подобнаго начальника станціи"!..

...Хороша здѣсь и публика, остающаяся безмолвной и бездѣятельной при истязаніи человѣка. „Человѣка", господа, созданнаго по образу и подобію Божію! Все здѣсь хорошо. Но все имѣетъ одно единственное объясненіе, единственное начало—въ царящемъ среди насъ безправіи.

Довольно веселыхъ картинокъ. Позвольте представить „бывшаго человѣка". Бывшаго—потому, что его уже нѣтъ. Но будемъ, однако, говорить не отъ себя. Вотъ какъ передаютъ о немъ знавшіе его.

Бывшій казачій офицеръ, М. В. Лебедевъ, въ молодости своей переѣхалъ въ Симбирскъ и безвыѣздно прожилъ здѣсь до самой смерти. Служа переписчикомъ въ консисторіи и получая мизерное жалованіе, совершенно одинокій, порвавшій разъ навсегда всякія отношенія съ родными, онъ весь сосредоточился на одной мысли: накопить возможно больше денегъ.

И все для того, чтобы потомъ, въ 1895 году, придя въ городскую думу, пожертвовать 70 слишкомъ тысячъ въ ея распоряженіе съ тѣмъ, чтобы на эти деньги она открыла ремесленное училище для дѣтей-сиротъ.

Но, отдавъ все, что имѣлъ, старикъ не успокоился. „По случаю одиночества моего,—писалъ онъ потомъ въ думу,—и пожертвованія всего безъ остатка для себя капитала, прошу назначить мнѣ помѣщеніе по 42 р. въ мѣсяцъ".

Просьба его, конечно, была удовлетворена и даже пенсія потомъ увеличена до 100 р. Но и ее всю цѣликомъ М. В. отдавалъ на содержаніе училища.

И померъ этотъ странный человѣкъ такъ же странно, какъ и жилъ. Сторожъ училища, придя къ нему утромъ для обычныхъ услугъ, нашелъ страннаго человѣка мертвымъ, лежащимъ на полу и притомъ совершенно голымъ.

Кто разгадаетъ, пойметъ психологію такого страннаго человѣка?..

А вотъ и еще. Прибылъ на родину человѣкъ изъ далекой Сибири, куда онъ былъ сосланъ не справедливо. Родина его Харьковская губернія, а фамилія Софіенко. Въ сибири онъ торговалъ мѣхами и разжился, а на родную землю тянуло. Пріѣхалъ и все говорилъ: „вотъ еслибъ у насъ были знающіе люди, кто бы могъ защитить, и я бы не былъ въ Сибири". Говорилъ, говорилъ, такъ и умеръ. А послѣ него осталось завѣщаніе, а въ немъ сказано: 10000 руб. на подготовку изъ процентовъ мальца въ гимназіи, а потомъ и на юридическомъ факультетѣ съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе 12 лѣтъ былъ адвокатомъ для родного округа, а 20000 р. на то, чтобы приготовить изъ процентовъ другого на смѣну.

Умственно. Наболѣло на душѣ у человѣка искренняго, онъ и идетъ прямо къ цѣли.

И Лебедевъ, и Софіенко—это люди праведной жизни, и никто, даже капитанъ исправникъ, не можетъ противъ нихъ ничего имѣть—все по закону" и „Богу угодно". А жаль, когда такіе сильные духомъ люди умираютъ, не понявъ общаго, всю энергію тратятъ на уничтоженіе того корешка, который помѣшалъ ихъ личной жизни.

А. У.

Судебная хроника.

Обращаясь къ текущей дѣятельности нашего суда, раньше всего придется отмѣтить разборъ, происходившій по словамъ „Бирж. Вѣд." въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты. Съ участіемъ сословныхъ представителей здѣсь слушалось дѣло по

обвиненію двухъ лицъ, участвовавшихъ, по предварительному уговору, въ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве.

Обвиняемыхъ двое: купеческій сынъ Егоръ Сазоновъ и мѣщанинъ Шимель Сикорскій.

Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ засѣданія.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя петербургской судебной палаты, сенатора И. К. Максимовича. Обвинителемъ выступалъ товарищъ прокурора той же палаты г. Кукурановъ.

Защитниками подсудимыхъ выступили: извѣстные юристы: со стороны Е. Сазонова—присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій, со стороны Ш. Сикорскаго—присяжный повѣренный М. Г. Казариновъ, который только что до нѣкоторой степени оправился отъ изнурительной болѣзни.

Засѣданіе особаго присутствія палаты происходило въ залѣ перваго отдѣленія окружнаго суда, какъ самомъ просторномъ во всемъ зданіи судебныхъ постановленій.

Залъ, гдѣ слушалось дѣло Сазонова и Сикорскаго, парадная лѣстница зданія, ворота и проходъ съ улицы во дворъ-садикъ, а также входъ со Шпалерной улицы были совершенно закрыты не только для посторонней публики, а также и для судебныхъ чиновъ, не присутствовавшихъ въ засѣданіи.

Приговоръ былъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ, но, такъ какъ публики не было, то для соблюденія формы призвали нѣсколько полицейскихъ чиновъ, въ присутствіи которыхъ и объявили приговоръ.

Приговоромъ особаго присутствія оба подсудимыхъ признаны виновными и присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы: Сазоновъ—безъ срока, Сикорскій на двадцать лѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ особое присутствіе объявило, что къ обоимъ осужденнымъ будетъ примѣненъ Всемилостивѣйшій манифестъ 11-го августа нынѣшняго года (что должно сократить срокъ опредѣленныхъ для нихъ каторжныхъ работъ на одну треть).

— Не мало было за текущую сессію и обыкновенной „уголовщины“.

Рѣдкій въ судебной практикѣ случай былъ по сообщ. „Южн. Кр.“ въ Ямполѣ, гдѣ окружнымъ судомъ разбиралось дѣло по обвиненію нѣкоего П. въ грабежѣ. Судебное слѣдствіе никакихъ данныхъ къ уличенію подсудимаго не дало; однако, присяжные засѣдатели вынесли П. обвинительный вердиктъ. Судъ, принявъ во вниманіе, что невиновность подсудимаго П. достаточно выяснилась, что данныя судебнаго слѣдствія не могутъ служить основаніемъ для обвинительнаго приговора, постановилъ: вердиктъ присяжныхъ оставить безъ послѣдствій и дѣло назначить къ разбору вновь, при другомъ составѣ присяжныхъ засѣдателей.

— Изъ Торжка въ „Новое Время“ пишутъ, что въ засѣданіи окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло, привлекшее въ залъ засѣданія много такой публики, какая рѣдко находитъ время для слушанія судебныхъ процессовъ. Судился инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи Н. В. Лиліевъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ побоевъ въ трактирѣ студенту московскаго университета В. Штанковскому. Судъ призналъ Лиліева виновнымъ и приговорилъ его къ тюремному заключенію на три недѣли, а за силою Высочайшаго манифеста уменьшилъ наказаніе на одну треть.

Дѣло представляетъ крупный интересъ самою личностью осужденнаго. Г. Лиліевъ—это тотъ инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губ., чье донесеніе послужило непосредственнымъ поводомъ репрессій по отношенію въ Тверскому земству.

— Опубликованъ результатъ новаго разсмотрѣнія дѣла по обвиненію бывшимъ смотрителемъ сахалинской тюрьмы А. Фельдманомъ извѣстнаго фельетониста В. М. Дорошевича.

Новое разсмотрѣніе этого дѣла въ одесской судебной палатѣ имѣло мѣсто потому, что прежній оправдательный приговоръ былъ кассированъ сенатомъ.

На судѣ г. Фельдманъ, пытаясь, какъ и прежде, опровергнуть факты, сообщенные въ печати о его дѣятельности В. Дорошевичемъ, заявилъ, что за свою службу на Сахалинѣ онъ даже былъ награжденъ орденомъ, а тутъ вдругъ явился „какой-то фельетонистъ“, который создалъ разныя „небылицы“.

Защитникъ Дорошевича, прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, какъ видно изъ отчета „Од. Нов.“, мрачными красками нарисовалъ непригядную картину жизни ссыльныхъ въ дореформенномъ Сахалинѣ, когда онъ находился въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а не юстиціи. Ссылаясь на тов. прок. Ку-

рочкина, генерала Кононовича, защитникъ указывалъ, что ссыльныхъ кормили сырымъ хлѣбомъ, вонючей рыбой, на которой ползали черви, пороли безъ разбора хорошихъ и дурныхъ, лѣнивыхъ и прилежныхъ... Дриль не злободневный фельетонистъ, а ревизоръ по порученію министерства, и что же онъ говоритъ въ своей книгѣ о дѣятельности Фельдмана? Воеводская, дуйская и александровская тюрьмы были самыми страшными... Туда посылались всѣ государственные преступники и каторжники. Почему это все дѣлалось? Не изъ кротости же Фельдмана. Судебная палата не могла допросить ни одного свидѣтеля, по ссылкѣ Дорошевича, такъ какъ противъ допроса каждаго изъ нихъ Фельдманъ спорилъ.

Палата еще разъ оправдала автора „Сахалинскихъ Очерковъ".

Въ № 201 „Вост. Об." была сдѣлана перепечатка изъ саратовскихъ газетъ части одного письма, трактующаго о громадныхъ жертвахъ тогда уже прошедшей холеры на Дальнемъ Востокѣ. Мѣстная администрація усмотрѣла въ этомъ нарушеніе обязательнаго постановленія, воспрещающаго распространеніе тревожныхъ слуховъ, и оштрафовала редактора-издателя И. И. Попова въ 100 р. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ по по жалобѣ И. И. Попова это дѣло, не входя въ существо вопроса, нашелъ, что по дѣйствующимъ закона, слѣдить за соблюденіемъ обязательнаго постановленія подцензурной газетой входитъ въ обязанности цензоровъ, и потому рѣшилъ постановленіе губернатора о наложеніи штрафа отмѣнить.

— Въ Тифлисѣ слушалось громкое дѣло, взволновавшее въ свое время не только медицинскую семью, но и все русское общество,—объ истязаніи бывшимъ начальникомъ Закаспійской казачьей бригады генераломъ Ковалевымъ старшаго врача средneазіатской желѣзной дороги Забусова. Ковалевъ былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Дѣло разсматривалось по Высочайшему повелѣнію въ особомъ присутствіи кавказскаго военно-окружнаго суда. Предсѣдательствовалъ членъ главнаго военнаго суда, генералъ-отъ-инфантеріи Гродековъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что 14-го марта сего года генералъ Ковалевъ поручилъ своей казенной прислугѣ нарѣзать розогъ, вызвать четырехъ писарей казачьей бригадной канцеляріи и затѣмъ пригласить пріѣхать немедленно доктора Забусова къ нему, какъ къ больному, для оказанія медицинской помощи. Когда врачъ явился, Ковалевъ предложилъ ему угощеніе, а затѣмъ, по данному знаку, вошли 7 казаковъ, которые по приказанію подсудимаго, раздѣли Забусова и подвергли его жестокому истязанію розгами. Медицинскимъ осмотромъ черезъ 4 дня установлены слѣды, числомъ 42, ударовъ розгами на задней и передней частяхъ тѣла. Потерпѣвшій на судъ не былъ почему то приглашенъ, равно и его повѣренный. Прочитаны телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина и генерала Субботича, хорошо аттестующіе служебное прошлое Ковалева, а также письмо начальника Закаспійской области генерала Уссаковскаго, который свидѣтельствуетъ о служебныхъ заслугахъ и проситъ принять участіе и облегчить судьбу подсудимаго. Послѣ четырехчасоваго совѣщанія судъ, признавъ генерала Ковалева виновнымъ въ превышеніи власти и истязаніи, постановилъ, примѣнивъ къ подсудимому Высочайшій манифестъ, исключить гегенерала Ковалева изъ службы безъ лишенія чиновъ.

— Недавно въ камерѣ столичнаго мирового судьи 26-го участка разбиралось интересное студенческое дѣло. Бывшій студентъ горнаго института г. Галѣевъ публично назвалъ другого студента г. Громова „свобододѣйствующей сволочью". Но такъ какъ на судѣ выяснилось (показаніе бывшаго профессора Долбни), что „свобододѣйствующіе", по составу своему, принадлежатъ къ отбросамъ студенчества и не брезгуютъ никакими средствами вплоть до политическаго доноса включительно, то мировой судья оправдалъ г. Галѣева.

Теперь о такомъ же процессѣ сообщаетъ „Днѣпровскій Вѣстникъ":

8-го мая сего года на Балашовскомъ вокзалѣ компанія студентовъ-ставропольцевъ провожала своего земляка, ѣхавшаго на театръ войны; тутъ-же находилась почти въ полномъ составѣ группа „русскихъ" студентовъ, провожавшая своего предводителя, бывшаго студента Павловскаго. Послѣдніе стояли у буфета, въ 30 шагахъ отъ первой компаніи.

Вдругъ одинъ изъ „русскихъ" Петровъ отдѣлился и сталъ вплотную къ кучкѣ став-

ропольцевъ. Кто-то изъ кучки замѣтилъ его вызывающій видъ и сказалъ: „Уйдемте отсюда, насъ слушаютъ“. Въ это время Петровъ съ крикомъ: „Коллега! я понимаю, на кого вы намекаете!“ ударилъ стоявшаго къ нему ближе всѣхъ студента Клычева, а самъ бросился бѣжать. За нимъ пустился вдогонку товарищъ Клычева, Золотаревъ. Петровъ обернулся и выстрѣлилъ изъ револьвера въ Золотарева (дѣло это будетъ служить предметомъ особаго разбирательства въ окружномъ судѣ). Группа „русскихъ“, услышавъ выстрѣлъ, бросилась съ криками: „жиды-революціонеры!“ на студентовъ, защищавшихъ Золотарева. Надо добавить, что среди послѣднихъ не было ни одного еврея. Далѣе вмѣшалась вокзальная полиція, и былъ составленъ протоколъ.

До начала разбора представитель истца, пом. прис. пов. В. А. Расторгуевъ, заявилъ отводъ противъ мирового судьи г. Мельникова на томъ основаніи, что г. Мельниковъ—членъ русскаго собранія, неразрывно связаннаго съ группой „русскихъ“ студентовъ.

Судья остановилъ его, не позволяя касаться своей личности.

Подсудимый Петровъ не призналъ себя виновнымъ въ оскорбленіи и заявилъ, что онъ желалъ лишь „реабилитировать“ честь своей корпораціи...

Мировой судья приговорилъ Петрова къ аресту на 3 недѣли, съ сокращеніемъ по Высочайшему манифесту до 2 недѣль.

Приведенные процессы достаточно ясно говорятъ о томъ нравственномъ разложеніи, которое вносятъ въ академическую жизнь всѣ эти гг. „русскіе“, „свобододѣйствующіе“, корпоранты „Денницы“ и пр.: драки, стрѣльба изъ револьверовъ, позорные процессы, доносы, ябеда и наушничество—таковы моральные устои этихъ новыхъ студентовъ „околоточнаго“ типа.

= Въ текущую ноябрьскую выѣздную сессію окружнаго суда въ Мелитополѣ разсмотрѣна, по словамъ „Крымск. Вѣстн.“, цѣлая серія дѣлъ по обвиненію городовыхъ и урядниковъ, творившихъ допросы, судъ и расправу съ рукоприкладствомъ.

— Сколько разъ васъ ударилъ урядникъ? спрашиваютъ на судѣ пострадавшаго.

— Сосчитать нельзя было. Билъ урядникъ, билъ и городовой сначала въ ухо, а потомъ, когда кровь пошла, больше подъ бока толками, повѣтствуетъ потерпѣвшій.

— Можетъ, вы сопротивлялись, когда васъ сажали въ кордегардію?

— Какъ можно, развѣ я не знаю, что сопротивляться нельзя, — отвѣчаетъ онъ. — Меня били для того, чтобы я сознался...

Розга отмѣнена. Но кулакъ, кулакъ искросыпительный, кулакъ зубодробительный—все еще въ полномъ обиходѣ русской жизни. Въ XX вѣкѣ тутъ замѣчается даже „прогрессъ“.

— Особое присутствіе харьковской судебной палаты въ усиленомъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсматривало 18-го октября въ Лубнахъ при закрытыхъ дверяхъ два дѣла: 1) о мѣщанахъ Ольховскомъ, Будницкомъ, Коцовичъ, Бубель и Бройтъ, обвиняемыхъ по 1 п. 130 ст. новаго уголовнаго уложенія, предусматривающему распространеніе среди сельскаго населенія или рабочихъ ученій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго или измѣническаго дѣянія, и 2) по обвиненію крестьянина Куринаго въ томъ же преступленіи. Защищалъ обвиняемыхъ по обоимъ дѣламъ кіевскій присяжный повѣренный С. И. Дрелингъ. Приговоромъ палаты, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, Ольховскій присужденъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, остальные подсудимые оправданы.

Въ Асхабадѣ маленькая замѣтка въ хроникѣ мѣстной газеты вызвала сложное дѣло. Дѣло было такъ. Въ числѣ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, отправившихся изъ Асхабада на войну, находились двое сотрудниковъ газеты „Асхабадъ“. Газета проводила своихъ сотрудниковъ небольшой замѣткой подъ заглавіемъ „Счастливый путь!“, въ которой между прочимъ, было сказано, что „оба офицера — симпатичные и развитые люди, которые, *вопреки установившемуся въ военной средѣ обычаю*, досуги свои посвящали интеллигентнымъ занятіямъ“. Редакція выразила при этомъ надежду,

„что и находясь на Дальнемъ Востокѣ, они не порвутъ связи ни съ газетой, ни съ ея читателями. Пожелаемъ—прибавила она—отъѣзжающимъ счастливаго пути и успѣховъ на полѣ брани. Будемъ надѣяться, что Богъ сохранитъ ихъ жизнь на пользу родинѣ, какъ сохранилъ въ нихъ до сихъ поръ „душу живу“ несмотря на всю несвойственную тому обстановку.

Замѣтка эта вызвала слѣдующій характерный приказъ по Закаспійской области отъ 23-го октября за № 326, напечатанный въ оффиціальномъ „Закаспійскомъ Обозрѣніи":

23 октября 1904 г. Г. Асхабадъ.

Въ № 228 газеты „Асхабадъ", въ редакціонной замѣткѣ подъ заглавіемъ „Счастливый путь" заключается, между прочимъ, злобная выходка противъ военной среды, члены которой въ настоящее время кровью отстаиваютъ честь и достоинство Россіи на Дальнемъ Востокѣ и изумляютъ міръ геройскими подвигами.

Каждому здравомыслящему человѣку должно быть ясно, что сотрудничество въ такой газетѣ, какъ „Асхабадъ", отнюдь не можетъ служить признакомъ особаго умственнаго развитія или наличія „души живой" у сотрудниковъ-офицеровъ и, что, по меньшей мѣрѣ, странно ставить имъ въ заслугу частныя занятія въ газетѣ. Во всякомъ случаѣ, можно было разсчитывать, что руководитель газеты, хоть сколько-нибудь понимающій высокое значеніе печати, не станетъ пользоваться даннымъ случаемъ для того, чтобы порочить среду, къ которой принадлежатъ его сотрудники, отправляющіеся на тяжкое и опасное служеніе родинѣ. Но такъ какъ газета „Асхабадъ" есть изданіе подцензурное и потому редакторъ является лицомъ невмѣняемымъ (?!), то отвѣтственность падаетъ на цензора, который не долженъ былъ допускать незаслуженныхъ злобныхъ выходокъ противъ военной среды, давшей такъ много людей высокаго таланта и способностей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія Царю и родинѣ.

Объявляю временно завѣдывающему цензурою газеты „Асхабадъ" выговоръ и предлагаю ему впредь внимательнѣе относиться къ возложеннымъ на него обязанностямъ".

Подписанъ приказъ ген. Уссаковскимъ.

= Судебнымъ слѣдователемъ московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ приступлено, согласно предложенію прокурора московской судебной палаты, къ производству слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ бывшихъ предсѣдательницы и товарища предсѣдательницы комитета „Христіанская помощь" А. П. и А. Н. Вишневскихъ. Администраціей, назначенною въ мартѣ текущаго года, для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ комитета „Христіанская помощь" былъ обнаруженъ цѣлый рядъ злоупотребленій А. П. и А. Н. Вишневскихъ, заключающихъ въ себѣ признаки уголовныхъ преступленій.

= Въ г. Баку произошла ошибка. Одна изъ тѣхъ возмутительныхъ полицейскихъ „ошибокъ", которыя, несмотря на вызываемое ими въ обществѣ глубокое негодованіе, все, нѣтъ-нѣтъ, и продолжаютъ повторяться. Въ г. Баку она на-дняхъ служила предметомъ и судебнаго разсмотрѣнія.

20-го сентября 1903 года, читаемъ мы въ появившемся о ней краткомъ судебномъ отчетѣ,—во 2-й полицейскій участокъ гор. Баку была вызвана помощникомъ пристава Рустамбековымъ дочь бакинскаго жителя Марія Лебедева; въ участкѣ ее встрѣтилъ надзиратель Эсадзе, который, вручивъ ей препроводительный бланкъ, отправилъ ее къ городовому врачу г. Рааку для освидѣтельствованія на предметъ установленія, что она, Лебедева, занимается проституціей. Городовой врачъ, однако, произведя освидѣтельствованіе, установилъ, что Лебедева дѣвственница и, вручивъ ей въ этомъ смыслѣ написанное свидѣтельство, отправилъ обратно въ участокъ, откуда ее немедленно выпустили. Отецъ Лебедевой подалъ жалобу по начальству за несправедливое оскорбленіе дочери, и началось разслѣдованіе дѣла. Приставъ Прокоповичъ, производившій дознаніе, установилъ слѣдующее. Письмоводитель 2-го участка сообщилъ въ участкѣ, что Лебедева, живущая неподалеку, часто задѣвала его, когда онъ проходилъ по улицѣ, и оскорбляла своими насмѣшками.

Въ виду этого, чины участка Рустамбековъ и Эсадзе отправили Лебедеву къ врачу. Въ участкѣ Лебедеву оскорбляли всяческими словами Эсадзе и Меркуловъ, причемъ Эсадзе даже не позволилъ ей сбѣгать домой за платкомъ и отправилъ ее къ врачу съ непокрытой головой. Кромѣ того, выяснилось, что на препроводительномъ бланкѣ, подписанномъ надзирателемъ Эсадзе, было написано сначала, что къ врачу посылается проститутка, а за тѣмъ, когда бланкъ получили обратно, то Эсадзе подчистилъ слово „проститутка" и поставилъ слово „подозрѣваемая".

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ за превышеніе власти, помощникъ пристава Рустамбековъ и надзиратель Эсадзе винов-

ными себя не признали: Рустамбековъ заявилъ, что онъ Лебедеву не вызывалъ и къ врачу ее не отправлялъ, а сдѣлалъ это Эсадзе своей властью, а Эсадзе, въ свою очередь, свалилъ вину на Рустамбекова и заявилъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію помощника пристава.

Окружный судъ призналъ обоихъ подсудимыхъ виновнымъ въ превышеніи власти и присудилъ ихъ къ отрѣшенію отъ должности.

Но дѣло, конечно, не столько въ Рустамбековыхъ и Эсадзе, сколько въ тѣхъ порядкахъ, при которыхъ возможны такія „ошибки". Захотѣлось полицейскому чину отомстить, заклеймить, опозорить женщину или дѣвушку—и нѣтъ ей спасенія. Ее призовутъ, приведутъ, и несмотря ни на какіе ея протесты, пожалуютъ въ проститутки, отправятъ къ врачу, подвергнутъ оскорбительнѣйшему освидѣтельствованію...

= Только что закончилось вызвавшее много толковъ слѣдующее недоразумѣніе:

На 21-е ноября въ 1 ч. дня, присяжные повѣренные округа с.-петерб. суд. палаты и помощники ихъ были приглашены предсѣдателемъ совѣта въ зданіе судебныхъ установленій, въ общее собраніе, для ознаменованія сорокалѣтней годовщины судебныхъ уставовъ.

Когда присяжные повѣренные и помощники, въ числѣ около 400 человѣкъ, собрались въ указанный часъ къ зданію судебныхъ установленій, то оно оказалось наглухо закрытымъ, по распоряженію прокурора палаты, которое, конечно, не могло послѣдовать безъ вѣдома министра юстиціи, и потому общее собраніе не могло состояться.

Таковъ фактъ. Онъ совершенно невѣроятенъ, хотя бы потому, что за сорокъ лѣтъ дѣйствія судебныхъ уставовъ, даже и въ самые тяжелые для нихъ моменты, ничего подобнаго не случалось. А теперь, въ періодъ „весны", такой фактъ имѣлъ мѣсто.

Дѣло пошло на разсмотрѣніе высшаго начальства,—и отъ имени Министра Юстиціи Совѣту прис. пов. было сообщено, что онъ можетъ по прежнему пользоваться помѣщеніемъ въ зданіи судебныхъ установленій для общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ ихъ, равно какъ и для конференцій. При этомъ программа предстоящихъ вопросовъ не представляется на цензуру прокурора палаты.

= Журналистъ Майковъ привлекъ къ судебной отвѣтственности редактора „Новаго Времени" за систематическую клевету:

„Процессъ этотъ,—говоритъ корреспондентъ,—маленькая Панама; здѣсь передъ нами пройдетъ весь закулисный міръ „Новаго Времени", десятокъ лицъ петербургскаго журнальнаго міра, такъ или иначе прикосновенныхъ къ темнымъ дѣлишкамъ, продѣлываемыхъ въ „кулуарахъ" Эртелева переулка. Милая компанія, наконецъ, увидитъ чистую воду: „ничто-же не можетъ быть тайно, что-бы не было явно". Мы услышимъ самыя удивительныя подробности полугласнаго мздоимства и подкупности; на судѣ, говорятъ, будутъ фигурировать и документы по этой части вплоть до бухгалтерскихъ книгъ. Собираются даже, какъ будто-бы вспомнить знаменитую исторію распредѣленія „Нов. Вр." пожертвованій на помощь петербургской бѣднотѣ послѣ наводненія въ 1892 г. и многое другое.

= Извѣстное дѣло ст. сов. Тарнавскаго и Розенбаха можно, наконецъ, считать законченнымъ.

Въ январѣ 1903 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" ст. с. Тарнавскій помѣстилъ подъ громкимъ заглавіемъ „Horribile dictu" статью на тему: объ огражденіи человѣка отъ посягательства на его личность со стороны психіатровъ. Авторъ статьи не щадилъ красокъ для выраженія своего негодованія по поводу того, что психіатръ д-ръ медицины Розенбахъ чуть не силой, въ сопровожденіи опекуновъ, ворвался въ квартиру богатой домовладѣлицы г-жи Ананьиной и произвелъ надъ нею „безчеловѣчное изслѣдованіе", чтобы ложно доказать ея слабоуміе. Это было необходимо одному изъ ея родственниковъ для признанія недѣйствительнымъ составленнаго Ананьиной духовнаго завѣщанія. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого „изслѣдованія" старушка Ананьина умерла, переживъ ужасное потрясеніе; связь между этимъ изслѣдованіемъ и смертью Ананьиной устанавливалась довольно прозрачно. Эту статью въ свое время обсуждала столичная и провинціальная пресса, причемъ по большей части становилась на сторонѣ г. Тарнавскаго.

Д-ръ мед. Розенбахъ привлекъ г. Тарнавскаго къ отвѣтственности за клевету. Въ окружномъ судѣ дѣло это слушалось къ

мартѣ текущаго года, при чемъ на судебномъ слѣдствіи выяснилось слѣдующее. Д-ръ Розенбахъ дѣйствовалъ по приглашенію опеки, учрежденной надъ личностью и имуществомъ Ананьиной. Его роль выразилась въ томъ, что онъ выдалъ свидѣтельство о слабоуміи ея. Это свидѣльство нужно было для родственника Ананьиной г. Косткевича, которому она ничего не оставила въ своемъ завѣщаніи. Съ другой стороны, г. Тарнавскій также былъ заинтересованное лицо, такъ какъ состоялъ повѣреннымъ г-жи Троицкой, воспитанницы Ананьиной: по духовному завѣщанію Ананьина назначила ей почти все свое состояніе.

Не имѣя твердой увѣренности въ полученіи наслѣдства, г-жа Троицкая устроила съ Ананьиной довольно выгодную операцію: на основаніи полученной Ананьиной довѣренности, она заложила домъ и полученныя деньги на свое имя отдала подъ проценты своему знакомому г. Степанову.

Статья ст. с. Тарновскаго появилась въ печати черезъ десять мѣсяцевъ послѣ произведеннаго д-ромъ Розенбахомъ изслѣдованія, при чемъ тогда уже начался споръ о силѣ завѣщанія Ананьиной. По допросѣ свидѣтелей окружный судъ призналъ ст. с. Тарнавскаго виновнымъ и приговорилъ къ 2-хъ мѣсячному тюремному заключенію. Дѣло было перенесено въ судебную палату, гдѣ со стороны д-ра Розенбаха выступилъ 22 ноября прис. пов. Мироновъ, а со стороны г. Тарнавскаго извѣстный литераторъ Л. Е. Оболенскій. Палата за силой Высочайшаго манифеста уменьшила наказаніе г. Тарнавскому до 1 мѣс. 10 дней.

═ Въ бакинскомъ окружномъ судѣ разсмотрѣно характерное дѣло по обвиненію Петроса Гамазова, рабочаго фабрики Мирзабекянцъ, въ убійствѣ управляющаго фабрикой Тархана Пирвердіева. По обвинительному акту дѣло это, по словамъ бакинскихъ газетъ, заключается въ слѣдующемъ:

25 мая, въ 8 ч. утра, на Красноводской улицѣ, около Багирова сквера, Гамазовъ, встрѣтивъ Пирвердіева, шедшаго на фабрику, ударилъ его кинжаломъ въ животъ. Явившись въ 3-й участокъ, Гамазовъ разсказалъ околоточному надзирателю Герасимчику и помощнику пристава Султанову, что онъ убилъ Пирвердіева, будучи оскорбленъ предложеніемъ Пирвердіева привести ночью къ нему, Пирвердіеву, одну фабричную дѣвушку, которую онъ, Гамазовъ, считалъ своей невѣстой. Однако, полицейскимъ дознаніемъ и опросомъ свидѣтелей полиціймейстера Деминскаго, его помощника Полонскаго, помощника пристава Султанова, а также и самого Пирвердіева, котораго слѣдователь успѣлъ допросить, прежде чѣмъ онъ умеръ, установлена была иная причина, побудившая Гамазова убить Пирвердіева. Пирвердіевъ показалъ, что его убили изъ мести за то, что онъ выдавалъ главарей рабочихъ полиціи, и вообще его не любили рабочіе за сношенія съ полиціей. Это показаніе было подтверждено вышеуказанными свидѣтелями. Кромѣ того, было установлено, что рабочіе фабрики никогда не носили оружія, такъ какъ передъ входомъ на фабрику ихъ обыскивали. Въ виду всего этого, Гамазовъ былъ обвиненъ въ убійствѣ Пирвердіева изъ мести, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, при чемъ онъ для выполненія своей цѣли запасся кинжаломъ.

Окружный судъ призналъ Гамазова виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ и приговорилъ къ каторгѣ на 10 лѣтъ.

═ Въ выѣздной сессіи симферопольскаго окружнаго суда въ Ялтѣ разбиралось грустное бытовое дѣло. Обвинялся бывшій оффиціантъ одной изъ мѣстныхъ гостиницъ, Андрей Воробьевъ, въ томъ, что въ началѣ настоящаго года выбросилъ за бортъ парохода своего ребенка съ цѣлью избавленія отъ послѣдняго, какъ отъ обузы, мѣшающей полученія мѣста женою подсудимаго. Присяжные засѣдатели вынесли подсудимому обвинительный вердиктъ, но дали снисхожденіе. Резолюціей окружнаго суда Воробьевъ, по словамъ „Крымск. Кур.“, приговоренъ, съ примѣненіемъ манифеста, къ отдачѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

═ Очень характерный для современной деревни процессъ слушался въ Аткарскѣ, въ мѣстномъ уѣздномъ съѣздѣ, „дѣло о доеніи земскимъ начальникомъ несуществующихъ коровъ“... Такъ можно было бы назвать это дѣло по иску, возбужденному земскимъ начальникомъ Аткарскаго уѣзда К. П. Лецiусомъ къ крестьянину слободы Елани В. Т. Кудинову въ 214 руб. 75 коп. „за лишеніе выгоды отъ пользованія постройками и коровой“.

Обстоятельства этого „курьезнаго“ дѣла

таковы: К. Лецiусъ, живя въ с. Елани, квартировалъ у Кудинова и денегъ ему за квартиру не заплатилъ, почему Кудиновъ предъявилъ къ нему искъ въ 300 рублей. Г. Лецiусъ, не отрицая справедливости искового требованiя, предъявилъ къ Кудинову встрѣчный искъ, указавъ на то, что хотя онъ послѣднiй годъ жилъ у Кудинова безъ письменнаго договора, но по прежнему договору онъ, Лецiусъ, имѣлъ право пользоваться частью нѣкоторыхъ службъ, но которыми не пользовался; а между тѣмъ въ этихъ службахъ онъ могъ бы держать корову, которая давала бы ему 15 руб. въ мѣсяцъ, и т. д. Убытокъ свой отъ всѣхъ этихъ „если бы“ г. Лецiусъ оцѣниваетъ въ 214 руб. 75 коп. При разборѣ дѣла повѣренный Кудинова г. Терновскiй указывалъ, что никто изъ свидѣтелей не подтвердилъ того обстоятельства, что кто-нибудь препятствовалъ г. Лецiусу пользоваться постройками и что основанiя для иска (возможность пользоваться несуществующей коровой) слишкомъ шатки. „Г. Лецiусъ съ одинаковымъ правомъ можетъ сказать, что онъ желалъ бы имѣть слона, бегемота или носорога, отъ которыхъ имѣлъ бы еще больше выгоды“. Съѣздъ земскихъ начальниковъ постановилъ: присудить съ Кудинова въ пользу земскаго начальника Лецiуса 116 р. 25 к. Мотивы рѣшенiя съѣзда не оглашены.

Печально оглашать подобные факты, свидѣтельствующiе, что мы вернулись чуть ли не къ дореформеннымъ судамъ, тогда какъ мы еще такъ недавно имѣли „судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ“, установленный судебными уставами, сорокалѣтiе коихъ только что исполнилось.

═ На ряду съ этимъ заслуживаетъ вниманiя слѣдующее дѣло такого типа. Изъ Дмитрова, Орловской губ.,—пишутъ „Русск. Пр.“: - недавно, по телеграммѣ изъ Петербурга, освобожденъ изъ тюрьмы (послѣ $2^1/_2$ мѣс. заключенiя) мѣстный крест. Панфиловъ. Дѣло его, представляющее типичный примѣръ нашего произвола, заключалось въ слѣдующемъ. Здѣшнiй помѣщикъ г. Муравьевъ запретилъ крестьянамъ ходить, по дорогѣ мимо его дома въ церковь, находящуюся на его же усадьбѣ. Крест. Панфиловъ, ослушавшiйся этого запрещенiя, былъ подвергнутъ наказанiю мѣстнымъ земскимъ начальникомъ П. Н. Шамшевымъ. Такъ какъ уѣздный съѣздъ утвердилъ приговоръ, то Панфиловъ подалъ кассацiонную жалобу въ губернское присутствiе, а послѣ ея подачи, по приказанiю председателя онаго присутствiя, орловскаго губернатора г. Балясныго, былъ внезапно арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Адвокатъ Панфилова посовѣтовалъ его родственникамъ обратиться съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ. Родственники дважды ѣздили въ Петербургъ (первый разъ при покойномъ В. К. фонъ-Плеве, отказавшемъ имъ въ ихъ жалобѣ на губернатора, и вторично—при его замѣстителѣ). Результатомъ второй поѣздки и явилось вышеупомянутое телеграфное приказанiе изъ Петербурга объ освобожденiи Панфилова. Мѣстныхъ обывателей интересуетъ вопросъ, будутъ-ли подвергнуты отвѣтственности виновники неправильнаго ареста Панфилова, просидѣвшаго въ тюрьмѣ ни за что, ни про что два съ половиной мѣсяца.

═ Въ Москвѣ недавно разбиралось громкое дѣло по обвиненiю г. Стаховичемъ ред.-изд. „Гражданина“, кн. Мещерскаго въ клеветѣ.

Со стороны Стаховича выступалъ извѣстный прис. пов. Ѳ. Плевако.

Въ виду недостатка мѣста приведемъ только самое характерное мѣсто процесса. рѣчь Ѳ. Н. Плевако:

Михаилъ Стаховичъ написалъ статью, продиктованную ему скорбью, которая выпала на его долю: присутствовать въ качествѣ члена суда съ сословными представителями при разбирательствѣ дѣла о нанесенiи смертельнаго увѣчья сарту, проходившему по г. Орлу на пути въ священную для магометанина Мекку. Сартъ былъ виноватъ въ двухъ вещахъ: онъ думалъ, что пять лѣтъ тому назадъ можно было, не рискуя жизнью, пройти по русскому губернскому городу; онъ думалъ, что въ случаѣ обиды отъ злыхъ людей, подонковъ общества, его спасетъ бдительность полицейской стражи. Стаховичу пришлось убѣдиться, какъ судьѣ, что вѣра сарта была неправая: босяки его пощадили, а жизнь его принесена въ жертву какому то невѣдомому культу. Стаховичъ говоритъ, какъ бывшiй судья по дѣлу, что его поразило не самое событiе въ рамкахъ процесса,—преступленiе нижнихъ чиновъ полицiи понесло заслуженную кару. Ужасъ охватилъ его отъ картины правового убожества, царящаго въ

воздухѣ: повсюду напрасная смерть человѣка никого не тронула, отдаленныя причины оставлены въ покоѣ, безъ послѣдствій, какъ будто все такъ и быть должно...

Онъ не захотѣлъ остаться въ рядахъ равнодушныхъ и перенесъ свое мнѣніе на листъ бумаги и послалъ его въ ближайшій мѣстный печатный органъ, чтобы найти сочувствіе къ одушевляющему его идеалу: борьбѣ за право, истовое, дѣйствительное, живое, бодрящее, лишенное духа.

Отклика на мѣстѣ онъ не нашелъ. Правда въ свой безпощадной наготѣ жгла, ослѣпляла, пугала. Приниженнымъ умамъ казалось, что лучше замолчать ее, чѣмъ обнажить язвы.

Стаховичъ понялъ, что то равнодушіе, которое его возмущало, осложнено запасомъ провинціальнаго разсчета, трусости... И онъ направилъ статью въ Петербургъ, гдѣ, мечталъ онъ, иныя точки зрѣнія.

Статья, однако, и тамъ не нашла пріюта. Слѣдствіе установило, что редакторъ газеты „Право" счелъ возможнымъ напечатать ее, но по разномыслію съ надлежащими цензурными властями ее пришлось не выпускать, хотя десятки письменныхъ, а можетъ быть корректурныхъ оттисковъ успѣли проникнуть въ публику.

(Статья, безъ вѣдома автора, появилась въ заграничномъ органѣ — „Освобожденіе", за что Мещерскій обвинялъ Стаховича въ измѣнѣ отечеству).

Содержаніе статьи Стаховича, адресованной въ „Право"—вотъ побудительная причина негодованій князя. Выйди она въ этомъ журналѣ, князь ополчился бы на нее. Только тогда, быть можетъ, онъ былъ бы недоволенъ недостаткомъ средствъ для уничтоженія политическаго врага и, быть можетъ, его умъ работалъ бы надъ иными взрывчатыми средствами, чѣмъ то, которое пущено имъ въ ходъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Я понимаю его. Какъ означеніе креста корчило фигуру Мефистофеля, такъ искажало черты княжескаго лица свободное слово Стаховича. Служеніе отечеству истиной — непонятно ему. Но Стаховичъ не одинъ—не одинокъ и князь Мещерскій. Въ столкновеніи ихъ — обнаруженіе борьбы двухъ теченій... не тѣхъ, на которыя обычно дѣлится культурное міросозерцаніе, либераловъ и консерваторовъ... нѣтъ — это борьба иныхъ группъ. Здѣсь встрѣтились два нашихъ русскихъ теченія, два лагеря выстроили борцовъ".

Изъ нихъ одно г. Плевако сравниваетъ съ общественнымъ строемъ московскаго уклада, съ земщиной; другое — съ поклонниками дьячества, выродившагося подъячества, видящаго спасеніе въ тихомъ и безмолвномъ житіи... „Спряженіе всѣхъ глаголовъ, въ которыхъ воплощается представленіе о дѣйствіяхъ ума и сердца, въ однѣхъ только страдательныхъ формахъ. Крайніе изъ нихъ чуть-ли не превозносятъ опричнину временъ Ивана Грознаго и готовы канонизировать Малюту Скуратова, списавъ со счета святыхъ замученнаго Филиппа".

Первые „ненавидятъ, что любятъ тѣ... я сказалъ бы: и любятъ то, что ненавидятъ тѣ, но я сомнѣваюсь въ ихъ способности къ любви. Будь она у нихъ, они поняли бы, что взаимное недовѣріе, опорачиваніе и опозориваніе, литературный доносъ и искаженіе фактовъ не могутъ исходить изъ чистыхъ источниковъ".

„И апостолъ попятнаго движенія, — продолжалъ г. Плевако,—не вынесъ свободнаго слова. Онъ сказалъ свое въ намѣреніи смыть врага. Ему нужно кличъ кликнуть по всей землѣ о Стаховичѣ, какъ о человѣкѣ, достойномъ порицанія и нравственнаго осужденія, какъ о человѣкѣ, способномъ, стоя на одной изъ высшихъ ступеней государственной лѣстницы, въ первыхъ рядахъ своего сословія, правой рукой изображать крестъ во свидѣтельство честнаго и вѣрноподданическаго служенія державному Вождю, а лѣвой рукой стучаться въ клубъ революціонно настроенныхъ людей и шептать имъ: я вашъ, я тамъ лгу, я тамъ въ роли передового развѣдчика вашего полка.

А для того, чтобы это опозориваніе честной личности было вѣско, князь дѣлаетъ такой пріемъ: онъ не сообщаетъ читателю, что-же въ самомъ дѣлѣ сказалъ Стаховичъ.—Вѣдь, появись въ „Освобожденіи" чья-либо статья, въ которой русскій человѣкъ, не скрывая своего имени, упрашивалъ бы пишущихъ тамъ авторовъ и корреспондентовъ бросить ихъ затѣю, идти домой и, вмѣсто волнующихъ и выводящихъ изъ колеи спокойной работы статей, отдаться той дѣятельности, которая, безъ скачковъ и подражаній, своими путями приведетъ насъ

къ постепеннымъ культурнымъ успѣхамъ, если бы авторъ взывалъ не только къ русскимъ идеаламъ, но вплеталъ бы въ нихъ долю изъ міросозерцанія князя...—вѣдь такая статья не знаменовала бы измѣны и ренегатства.

Князь М. знаетъ это и поэтому проситъ вѣрить читателя, что Стаховичъ—сотрудникъ этой газеты и, сотрудничая, порицаетъ русскую власть; сотрудничаетъ такъ, что изъ его поступка видно, что въ авторѣ не осталось ни одного чувства, ни одного принципа, къ которымъ можно было-бы обратиться, чтобы вызвать къ свѣту его совѣсть.

Князь увѣряетъ читателя, что это сотрудничество таково, что знаменуетъ собой отсутствіе патріотизма, забвеніе долга, презрѣніе къ сословію и врученнымъ ему сословіемъ полномочіямъ.

Стаховичъ по словамъ Мещерскаго, измѣнилъ завѣтамъ предковъ и является даже клятвопреступникомъ, такъ какъ измѣнилъ присягѣ. Стаховичъ совершилъ вѣдомыя кн. Мещерскому дѣянія, которыя обязываютъ его снять съ себя и полномочія, и внѣшніе знаки оказаннаго ему довѣрія Дворомъ и сословіемъ. Князь заканчиваетъ обращеніемъ къ дворянству, подсказывая ему, что ихъ предводитель совершилъ дѣянія, несовмѣстимыя съ довѣріемъ ихъ къ нему.

Но этимъ не кончилась игра. Пріемы князя, сверхъ того, завѣдомо недоброжелательны. Вы помните, въ какое время появилось мнимое разоблаченіе князя. Я оцѣню значеніе момента этого въ данномъ дѣлѣ.

Когда въ странѣ не все благополучно, — носители власти озабочены умиротвореніемъ волнующихъ настроеній и нестроеній. Они, подобно докторамъ у постели труднобольного, пробуютъ рядъ лекарствъ и рядъ медицинскихъ методовъ въ надеждѣ хорошаго результата. Я не повѣрю, чтобы между ними стояли желающіе смерти общественнаго организма. Но между ихъ методами есть такіе, которыя вмѣсто оздоровленія ведутъ къ ухудшенію недуга. Общество же, что организмъ: оно бываетъ въ горячкахъ и лихорадкахъ, въ параличѣ и съ увѣчьями, возбужденное или подавленное. И его лечатъ на разные лады, ведущіе къ цѣли и ошибочные, удачные и неудающіеся, своевременные и запоздалые, примѣнимые къ данному организму и непримѣнимые. Между средствами есть и діэта, и предписанный послѣ утомленія покой, есть рекомендація путешествій на берега морей, есть общій массажъ и ампутированіе больныхъ членовъ организма. Который методъ правъ—не намъ и не въ настоящемъ собраніи судить. Для этого существуетъ судъ исторіи и науки и спокойнаго общественнаго мнѣнія. Но вотъ что важно. Въ пережитые нами года практиковался или пробовался на организмѣ хирургическій методъ. Все кажущееся зараженнымъ или заражающимъ устранялось изъ организма: въ собственныя оздоровляющія силы его потеряна была вѣра, а вмѣсто гигіены и обыденной терапіи въ ходу были операціи. Повторяю: не намъ судить объ удачѣ или неудачѣ принятаго метода. Но вотъ что несомнѣнно. Во времена, когда объявляютъ существованіе заразной болѣзни, а организмъ и отдѣльные молекулы его неспособными къ борьбѣ за существованіе, крикъ: „вотъ зараженный, вотъ зачумленный, вотъ человѣкъ идетъ въ одеждѣ, которую я вчера видѣлъ на заразно-больномъ"—страшенъ и опасенъ. Врачи, озабоченные оздоровленіемъ цѣлаго, легко справляются съ частичными случаями сомнительнаго состоянія: они удаляютъ изъ жилищъ съ заразными и сомнительныхъ; они сжигаютъ въ дезинфекціонныхъ очагахъ и то, что заражено, и то, что кажется такимъ.

Въ такое время со словомъ публичнымъ надо обращаться трепетно и честно.

Я забылъ сказать, что, приписывая Стаховичу измѣну долгу и присягѣ, кн. Мещерскій сравнивалъ его мнимый поступокъ съ сочувственной телеграммой русскаго подданнаго японскому микадо. За это ядовитое сравненіе, за это отрицаніе въ Стаховичѣ права быть русскимъ и любить болѣе всего на свѣтѣ свое, князю Мещерскому отомстила судьба. И какъ отомстила. Тяжелый годъ переживаемъ мы, сыны отечества. Наше лучшая молодая кровь льется за дѣло страны. Орошена русская земля потоками слезъ и благословеній, съ которыми провожали мы близкихъ сердцу на великое служеніе. Но между нами не всѣ только плакали и рыдали. Къ гордости и славѣ русской земли, не исключительными единицами, а тысячами поднялись добровольные труженики, заявившіе, что сердца ихъ не тутъ, а тамъ, съ вѣдомыми и невѣдомыми страстотерпцами-воинами. Они полетѣли къ нимъ, они окружили своими заботами умирающихъ отъ ранъ. Не зная

усталн и утомленія, они вырываютъ у смерти ея побѣды, борются за эти чудныя жизни и не думаютъ только о своей. Мы гордимся ими и для нашего права на уваженіе потомства сохраняемъ списки этихъ великихъ людей. И что же: имени патріота князя Владиміра Петровича Мещерскаго мы не находимъ тамъ... Но среди святыхъ гражданъ и гражданокъ страны внесено имя Михаила Стаховича. И развѣ одинъ Искаріотъ рѣшится своимъ змѣинымъ языкомъ изречь хулу на ихъ подвижничество! И это—измѣнникъ, и это—худшій сынъ сословія, это—врагъ земли родной? Нѣтъ, сколько бы ни исписалъ князь бумаги, некраснѣющей и безстрастной, онъ не докажетъ честно-мыслящимъ русскимъ людямъ, что не желательны Стаховичи и нужны только Мещерскіе. Довольно съ насъ и одного Мещерскаго, и дай Богъ побольше такихъ людей, какъ Стаховичъ. Тогда мы встрѣтимъ ихъ и на ратномъ полѣ,—умирающими за родину, и въ лазаретѣ—утоляющими раны и боли мучениковъ, и въ мужахъ совѣта—говорящими смѣлую правду.

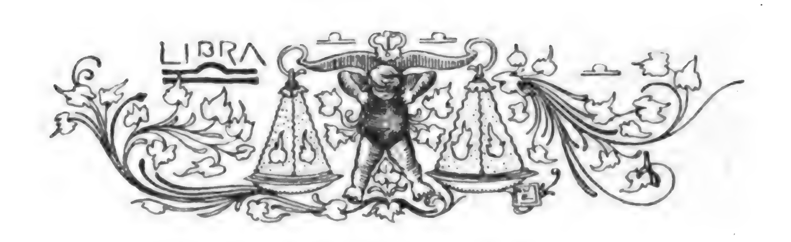
Отсутствіе князя Мещерскаго налагаетъ на насъ только одну обязанность—предоставить суду опредѣлить мѣру заслуженной имъ кары, не внося въ этомъ смыслѣ ни одной прощальной фразы. Осужденіе князя Мещерскаго нужно намъ, какъ символъ, какъ оправданіе нашей вѣры въ правосудіе, чтобы дышалось свободно честнымъ сердцамъ, и задыхались отъ собственнаго яда клевета и недобросовѣстно-лживое слово на какой бы бумагѣ они ни были написаны—на сѣрой ли, изъ обихода мужика, или на глянцевой, съ княжескимъ гербомъ, какъ это сдѣлалъ князь Мещерскій.

Оцѣните же поступокъ князя,—и къ его древнему имени пусть добавятъ и имя клеветника, и никто никогда не смоетъ этого указанія на его подвигъ".

Судъ удалился для совѣщанія и вынесъ резолюцію, которою князь В. П. Мещерскій признанъ виновнымъ въ оклеветаніи орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича и приговоренъ, съ примѣненіемъ Высочайшаго манифеста отъ 11-го августа 1904 г., къ двухнедѣльному аресту на военной гауптвахтѣ.

При выходѣ изъ залы суда гг. Плевако и Маклакова (повѣренныхъ истца), многочисленная публика привѣтствовала ихъ долгими аплодисментами.

W.



Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. В. II. I. В. Гессенъ. Судебныя реформы. СПБ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.—Къ сорокалѣтію судебной реформы книгоиздательство П. П. Гершунина и К° выпустило второй выпускъ задуманнаго имъ изданія „Великія реформы", посвященный судебной реформѣ. Чрезвычайно кстати появилась эта обстоятельная, съ большимъ знаніемъ темы и искренней любовью къ ней написанная книга. Вызывая въ памяти читателя идеалы „золотого вѣка русской общественной жизни, раскрывая тѣ наслоенія, какія, подъ вліяніемъ „сумерекъ жизни" образовались на этихъ идеалахъ за сорокъ лѣтъ существованія, книга г. Гессена невольно будитъ въ сердцѣ горячія симпатіи къ надеждамъ дѣятелей освободительной эпохи, будитъ желанія увидѣть снова эти надежды въ ихъ былой чистотѣ и обаятельности, желанія очистить великій памятникъ царствованія Императора Александра II отъ наносовъ и налетовъ, явившихся результатомъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ, отличающаго періодъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Гессена имѣетъ не только историческое значеніе. Она становится не только памятникомъ прошлому, она—общественный фактъ, могущій имѣть значеніе для настоящаго и для будущаго.

Въ интересномъ, подчасъ увлекательномъ изложеніи г. Гессенѣ рисуетъ намъ періоды—предшествовавшій реформы, сопутствовавшій ей и позднѣйшіе, когда на смѣну увлеченію идеалами освободительной эпохи явилась реакція и созданія первой подвергались коренной ломкѣ и разрушенію. Обильно пользуясь жизненными фактами и воспоминаніями современниковъ, г. Гессенъ богато иллюстрируетъ ими свои теоретическія положенія, отчего изложеніе пріобрѣтаетъ еще большую живость и яркость, захватываетъ не только умъ читателя, но и сердце. Многія данныя, приводимыя г. Гессеномъ, чрезвычайно интересны и новы, придавая содержанію оригинальный, самостоятельный характеръ. Благодаря тому, что г. Гессенъ — одинъ изъ редакторовъ журнала „Право"—въ его распоряженіи при составленіи „Судебной реформы" былъ большой фактическій матеріалъ, являющійся результатомъ судебной практики послѣдняго времени, и онъ умѣло пользуется имъ для характеристики современнаго состоянія правосудія, такъ что нѣкоторыя страницы этой главы книги производятъ сильное впечатлѣніе. Укажу, для примѣра, на страницы 188 и 189, гдѣ г. Гессенъ обрисовываетъ трудъ чиновъ нашего судебнаго вѣдомства, которымъ приходится „всю жизнь сидѣть, не разгибая спины" надъ исполненіемъ своихъ обязанностей, отчего и случалось, что не только ихъ здоровье подрывалось въ конецъ, но бывали и болѣе тяжелыя послѣдствія.

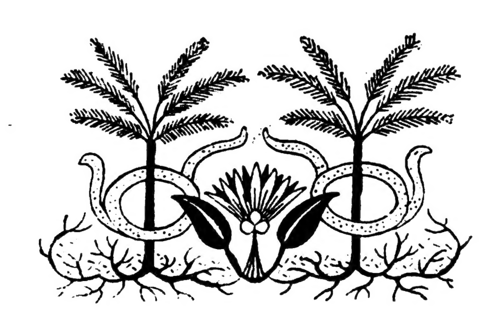
Для читателя, мало знакомаго съ движеніемъ работъ по пересмотру судебныхъ уставовъ (комиссія 1894 г.), большой интересъ представитъ чтеніе заключительной главы „Судебной реформы", озаглавленной — „Проектъ согласованія судебныхъ уставовъ съ условіями государственнаго строя". Г. Гессенъ подвергаетъ обстоятельному научному анализу предположенія комиссіи и устанавливаетъ очень вѣрную точку зрѣнія на нихъ. Подробно останавливаясь на выясненія характера каждаго изъ проектированныхъ комиссіей институтовъ — г. Гессенъ сопоставляетъ положенныя въ основаніе ихъ начала

съ „непреложными началами“ составителей судебныхъ уставовъ и приходитъ къ заключенію объ отрицательной цѣнности нововведеній. И нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора. Возьмемъ хотя бы предположенный комиссіей принципъ объединенія судебной власти, приведшій ее къ созданію 22 судебныхъ инстанцій для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и 11 для гражданскихъ, причемъ изъ 22 органовъ первой категоріи 9 являются новыми взамѣнъ уничтоженныхъ двухъ старыхъ. Однимъ словомъ,—говоритъ г. Гессенъ въ резюме своего анализа,—комиссія, выполнила успѣшно свою задачу *); она ввела улучшенія, но устранила основныя начала, обнаружившія разладъ съ условіями государственнаго быта, и для этого не остановилась даже, выражаясь словами м—ра юстиціи, предъ подрывомъ такихъ краеугольныхъ камней, какъ отдаленность и независимость судебной власти, гласность, принципъ кассаціи (стр. 260).

*) А задача, предложенная комиссіи, заключалась въ томъ, чтобы сохранить „немаловажныя практическія улучшенія“, внесенныя судебными уставами, отбросивъ ихъ основныя начала, оказавшіеся въ разладѣ съ государственнымъ строемъ. (Суд. реф. стр. 224).

Всѣ эти данныя заставляютъ признать книгу г. Гессена обладающей безспорнымъ интересомъ, общественнымъ значеніемъ. Широкое распространеніе ея только желательно въ наши дни, когда, по словамъ одного автора фельетона въ „Нашей жизни“, обществу слѣдуетъ поступить на юридическій факультетъ, т. е. энергично и обстоятельно изучать правовыя науки. „Судебная реформа“ способна навести на такія мысли, вызвать работу ума и въ тоже время дать устои, единственно способные обезпечить въ будущемъ русскому обществу твердое правосознаніе, прочный правопорядокъ... Иными словами—книга г. Гессена способна показать, какими путями намъ должно идти, создавая правовую жизнь, и какими идти не слѣдуетъ. Въ этомъ—большая заслуга книги, обезпечивающая ей полный успѣхъ. Скромная же стоимостя ея—1 р. 50 к.—только посодѣйствуетъ этому успѣху, дастъ ей читателя не только въ средѣ интеллигентнаго общества, но и въ той средѣ, гдѣ право и произволъ до сихъ поръ синонимы, гдѣ правовое невѣжество доходитъ до полнаго отрицанія права на землѣ...

Сергѣй Плевако.



На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Отв. О. Рутковскому.—Особенно рекомендуемъ пріобрѣсти астрономическую трубу работы мюнхенской мастерской *Рейнфельдера и Гертеля*, единственнымъ представителемъ которой въ Россіи является оптикъ и механикъ Ѳ. Швабе (Москва Кузнецкій мостъ, домъ кн. Голицыной). Но за 100 рублей, считая въ этой суммѣ стоимость штатива и пересылки инструмента, нельзя имѣть трубы, болѣе или менѣе годной для производства даже любительскихъ наблюденій. Указываемъ четыре наиболѣе дешевыя трубы означенной мастерской, годныя для этой цѣли (стоимость безъ штатива и безъ пересылки:

Діаметръ объектива въ миллим.	Число и увеличеніе окуляровъ.	Цѣна въ рубляхъ.
54	1 земной = 32; 3 небесныхъ = 24, 48 и 92	68
61	1 „ = 36; 3 „ = 27, 54 и 108	76
68	1 „ = 47; 3 „ = 36, 72 и 144	93
75	1 „ = 52; 4 „ = 56, 84, 126 и 210	117

Послѣдняя труба, для начинающаго любителя, можетъ считаться вполнѣ достаточной.

Къ указанной здѣсь стоимости трубы необходимо еще прибавить около 48 рублей на разные дополнительные расходы (пошлина, таможенное объявленіе, артельныя въ таможнѣ, экспедиціонной комиссіи. за упаковку и провозъ).

Штативъ можно сдѣлать домашними средствами. Въ практическомъ руководствѣ Н. П. Двигубскаго „Что и какъ наблюдать на небѣ“, которое мы даемъ въ числѣ другихъ безплатныхъ приложеній къ нашему журналу въ 1905 году, помѣщено между прочимъ подробное описаніе (съ чертежами) устройства собственными средствами такъ называемаго *параллактическагоштатива* (наиболѣе удобнаго). *Ред.*

Отвѣтъ г. Бурлакову.—Правит. Сенатъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 67 г. № 29) постановилъ, что „приговоры сельскихъ сходовъ не могутъ касаться земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами внѣ надѣла въ частную собственность, а, слѣдовательно, не могутъ быть признаваемы обязательными для тѣхъ лицъ, которыхъ права они противозаконно ограничиваютъ, и всѣ споры, возникающіе у сихъ земляхъ, а равно и иски объ убыткахъ, причиненные незаконнымъ стѣсненіемъ правъ на ихъ земли, подлежатъ разбирательству не волостныхъ судовъ, а *общихъ судебныхъ мѣстъ,* на точномъ основаніи законовъ“.

Рѣшеніями же за № 2062—81 г. и 3501—84—86 г. установлено правило, что общество не въ правѣ отбирать у собствен

никовъ принадлежащіе имъ участки при передѣлахъ.

Такимъ образомъ, если основываться исключительно на тѣхъ данныхъ, которыя сообщаете Вы, слѣдуетъ признать, что общество поступило съ Вами неправильно, и Вы можете искать возстановленія Вашего права судомъ, при томъ не мѣстнымъ, а Окружнымъ.

Во всякомъ же случаѣ, обстоятельный отвѣтъ на интересующій Васъ вопросъ можетъ быть данъ только послѣ ближайшаго ознакомленія съ находящимися у Васъ документами, главнымъ образомъ, съ документомъ 9 февраля 1892 года.

С. Пл.

Отв. г. Лозинскому.—Литература по с.-хоз. чрезвычайно обширна, а вы не указываете даже, по какой именно отрасли его вамъ нужны книги. Въ общемъ, не зная вашихъ средствъ, можемъ вамъ посовѣтовать обратиться съ просьбою о высылкѣ каталоговъ къ фирмѣ А. Девріенъ (Спб., Вас. о-въ, 1 л.) и фирмѣ П. П. Сойкинъ (Стремянная 12, Спб.). У перваго имѣются болѣе дорогія книги, почти всѣ стоющія вниманія, у второго—болѣе дешевыя, изданныя большею частью подъ нашею редакціею (такъ какъ мы редактируемъ издаваемый г. Сойкинымъ жур. „Сельскій Хозяинъ"). выберите сами по средствамъ: изданія одинаково заслуживающія вниманія, повторяемъ. *Ред.*

Отв. о. Жураковскому.—Зонофонъ, какъ старый типъ „поющихъ" машинъ, всѣми признанъ хуже граммофона,—и эта компанія не прогрессируетъ (даже представителя ея здѣсь теперь уже нѣтъ, кажется). Между тѣмъ граммофоны постоянно совершенствуются; поютъ мягче, но тише граммофоны Ребикова, съ вертикальнымъ рупоромъ. Ваши первые вопросы трудно разрѣшить: и уголъ, и тяжесть опредѣляются практически на фабрикахъ, такъ что и мембрана вставляется съ иголкой подъ извѣстнымъ угломъ, чтобы не чертили пластинки, что бываетъ при слишкомъ вертикальномъ положеніи ея.

Отв. подп. № 1073.—Спеціально трактующихъ объ этой болѣзни книгъ намъ не извѣстно. Попросите указаній у книготорговца П. Киммеля въ Ригѣ; онъ вышлетъ вамъ свой каталогъ русскихъ и иностран. книгъ. Во всякомъ случаѣ *не выписывайте* дешевыхъ, рекламныхъ книжонокъ, разсчитанныхъ на болѣзненное раздраженіе воображенія читателя: онѣ прямо вредны.

Отв. В. Гр—ву.—Верхне-Гессенская Академія, по отзывамъ, очень приличное учрежденіе. Реалисту 6 кл. у насъ до посл. времени можно было поступить при небольшомъ экзаменѣ по латыни, въ Ветерин. Институты (Харьковъ, Казань и Дерптъ). Попросите программы. Затѣмъ, можно поступить, по экзамену, правда, въ Желѣзнодорожныя и Технич. училища.

Отв. г. Любителю птицъ.—О ловлѣ и содерж. пѣвчихъ птицъ выпишите изданіе П. Сойкина (Спб., Стремянная 12). „Ловля и сод. пѣв. пт." Ив. Святскаго, ц. 50 коп. По переплетному дѣлу лучшее руководство *Д-ра Симонѣва*. Стоитъ, кажется, 2 рубля. Выписать оттуда же.

Отв. Б. Шмелеву.—За пожеланія и сочувствіе благодаримъ. Объ изобрѣтеніи Голланда по воздухоплаванію пока ничего не слышно. Когда появится серьезное извѣстіе, отвѣтимъ въ журналѣ. Учебникъ „Эсперанто" стоитъ 1 р. 40 коп.; выписать можете изъ каждаго книжнаго магазина, лучше изъ Варшавы.

Отв. г. Петрову.—Не вѣрьте рекламамъ. Память заочно не укрѣпишь. Лучше заучивайте наизусть стихотворенія и рѣшайте матем. задачи, начиная съ легкихъ и переходя постепенно къ болѣе труднымъ.

Отв. подписч. чрезъ Басукъ.—Обратитесь въ Канцелярію Дерптскаго Университета, приславъ марку на отвѣтъ.

Отв. г. Чабуракинову.—Очень трудно указать, какъ строить Румкорфову катушку. Нѣтъ ли по близости у Васъ Реальнаго Училища или обратитесь къ какому нибудь электротехнику. Иначе Вамъ придется выписывать дорого стоющія руководства.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 18 Декабря 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатерин. кан., 71-6

Digitized by Google